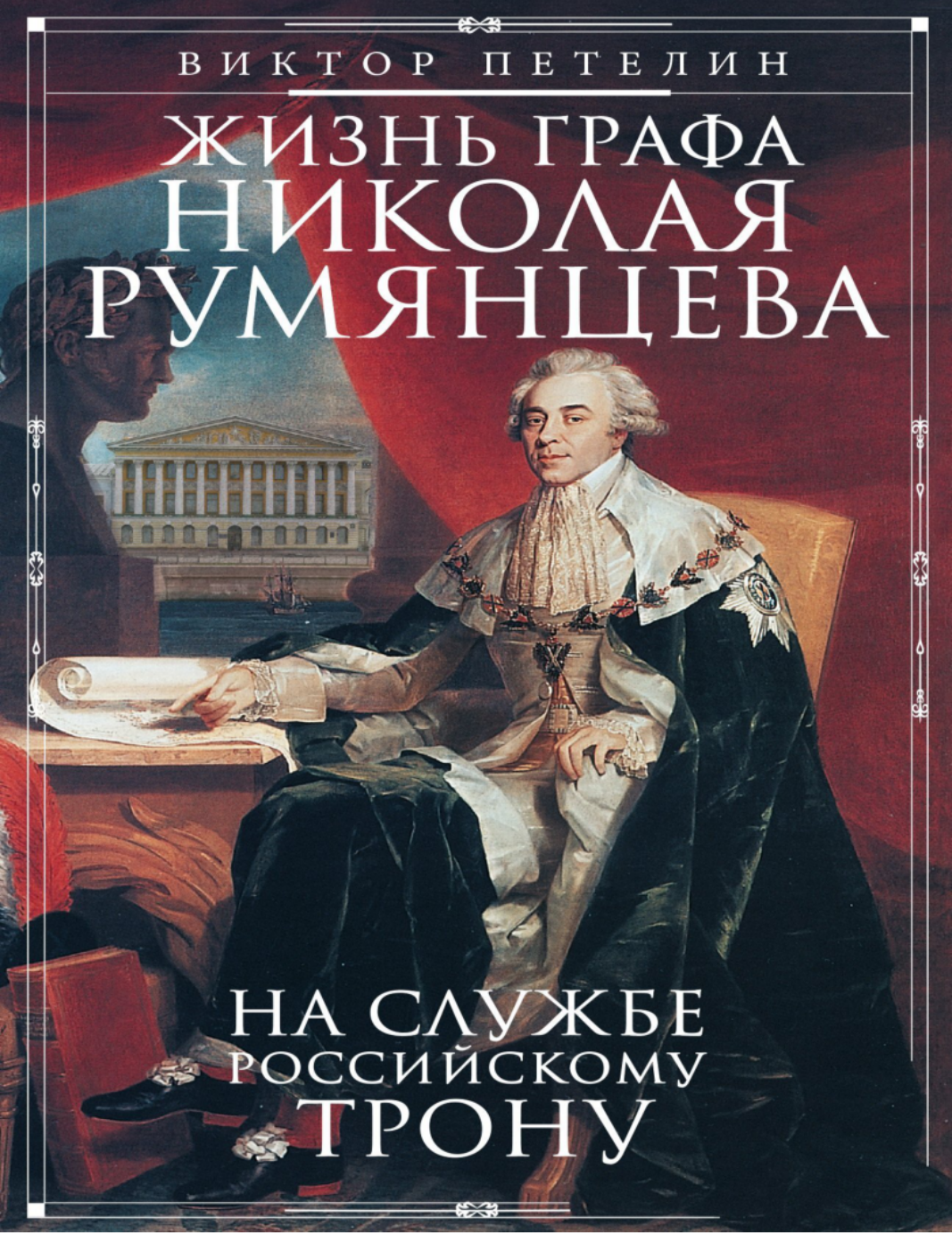
ВИКТОР ПЕТЕЛИН

ЖИЗНЬ ГРАФА НИКОЛАЯ РУМЯНЦЕВА



НА СЛУЖБЕ РОССИЙСКОМУ ТРОНУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Граф Николай Петрович Румянцев (1754—1826) – один из трех сыновей великого полководца П.А. Румянцева – верой и правдой служил России при трех императорах: Екатерине II, Павле I и Александре I. Выдающийся дипломат и мудрый государственный деятель, пожизненный канцлер, книжник и просветитель, меценат и коллекционер, основатель Румянцевского музея (собрания книг и рукописей), открытого в Санкт-Петербурге, а позже переехавшего в Москву, в Пашков дом. Александр I, Наполеон, Талейран, писатели, ученые и общественные деятели высоко ценили заслуги Н.П. Румянцева в деле государственного, а также политического устройства и культурного развития России и Европы. Однако личность и судьба графа Николая Румянцева во многом еще не разгаданы, его домашний архив уничтожен повелением Николая I. Книга включает подлинные исторические документы, в том числе переписку монарших особ, фрагменты древних грамот, найденных и опубликованных Н.П. Румянцевым. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

- Виктор Васильевич Петелин
  - ○
  - ○ От автора
  - ○ Книга первая
    - ■ Часть первая
      - ■ 1. Санкт-Петербург. Семейные раздумья
      - ■ 2. На государственной службе. Первый брак Павла Петровича
      - ■ 3. Екатерина II за работой и во время любовных утех
    - ■ Часть вторая
      - ■ 1. Интриги императорского двора
      - ■ 2. По европейским странам
      - ■ 3. Великая княгиня Наталья возмечтала стать императрицей
    - ■ Часть третья
      - ■ 1. Еще одна невеста – принцесса Вюртембергская
      - ■ 2. Извивы политики. Противоречия в императорском дворце
      - ■ 3. Тайное становится явным
      - ■ 4. Размышления великой княгини Марии

Федоровны
- Часть четвертая
  - 1. Начало дипломатической службы
  - 2. Монбельяр
  - 3. Европейские противоречия
  - 4. Крым – русская земля
  - 5. Екатерина II путешествует по югу России
  - 6. Вторая Русско-турецкая война
- Часть пятая
  - 1. Маркиз де Лафайет
  - 2. Французская королева Мария-Антуанетта
  - 3. Екатерина II и князь Потемкин в ходе второй войны с Турцией
- Часть шестая
  - 1. Великий князь Павел Петрович
  - 2. Граф Николай Румянцев
  - 3. Елизавета Алексеевна – великая княгиня России
  - 4. Новые заботы в Петербурге

○ Книга вторая
- Часть первая
- Часть вторая
- Часть третья

○ Книга третья
- Часть первая
- Часть вторая
- Часть третья
- Часть четвертая
- Часть пятая
- Часть шестая
- Часть седьмая
  - 1. Фридрихсгамский мир
  - 2. Война Австрии против Франции
  - 3. Турецкая разноголосица
  - 4. Взаимные претензии
- Часть восьмая
- Часть девятая
- Часть десятая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

        - Часть одиннадцатая
    - Библиография
- notes
    - 1

Виктор Васильевич Петелин
Жизнь графа Николая Румянцева. На службе Российскому трону

© Петелин В.В., 2022
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022
© «Центрполиграф», 2022

От автора

Эту книгу я задумал сразу после завершения документального повествования «Фельдмаршал Румянцев»[1], но наплывали другие дела и заботы, замысел откладывался.

А за это время появилось столько интересных биографий, десятки книг и о Екатерине II, и о цесаревиче Павле Петровиче, и о братьях Орловых, и о княгине Дашковой, и о Потемкине, и, наконец одна за другой вышли три книги о выдающемся деятеле эпохи императоров XVIII – XIX веков – о дипломате, министре коммерции, министре иностранных дел, государственном канцлере России Николае Петровиче Румянцеве: *Молчанов В.Ф.* Государственный канцлер России Н.П. Румянцев. М.: Пашков дом, 2004; *Рассолов М.М.* Канцлер Румянцев-Гомельский: Исторический роман. М.: Терра – Книжный клуб, 2006; *Лопатников В.А.* Канцлер Румянцев. Время и служение. М.: Молодая гвардия, 2010. Я уж не говорю о многочисленных статьях и докладах, которые печатаются в сборниках и произносятся на конференциях, в частности, на конференции «Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII – XXI вв.» (СПб., 2007); отмечу хотя бы интереснейшие статьи исследователей В.А. Лопатникова «Политическая судьба канцлера Н.П. Румянцева», «Забытые страницы выдающейся судьбы» и Т.А. Соловьевой «Классический «треугольник» (страницы личной жизни Н.П. Румянцева).

Так что материалов о XVIII веке – горы, в том числе и о семействе фельдмаршала Румянцева и о нем самом, но кое-что существенное еще нужно добавить.

Среди множества выдающихся деятелей XVIII века резко выделяется судьба Павла I.

Еще Пушкин успел сказать о нем как о «романтическом императоре», «враге коварства и невежд» и думал написать о нем книгу.

А Лев Толстой с радостью сообщал историку Бартеневу, что он «нашел своего исторического героя», и надеялся написать историю восхождения и царствования Павла I, отмечал в Павле I «благородный, рыцарский характер». В конце XIX века биографы, тщательно исследуя найденные документальные материалы, пришли к выводу, что характер Павла полон «контрастов света и тени, в нем пробивались какие-то чисто гамлетовские черты, а такие характеры везде и всегда возбуждали и возбуждают к себе невольное сочувствие».

Появляются интересные книги «Цесаревич Павел Петрович»

Д. Кобеко, «Император Павел Первый» Н. Шильдера, «Император Павел Первый» и «Императрица Мария Федоровна» Е. Шумигорского, многочисленные записки близких приближенных императорской семьи А. Башилова, А. Болотова, Александра Тургенева, княгини Е. Дашковой, адмирала Шишкова, Якова Де Санглена, Марии Мухановой, графини Головиной, графа Александра Рибопьера и многих других, оставивших живой след о своем пребывании в свите Павла I и Марии Федоровны в XVIII веке.

Николай Петрович Румянцев стал камер-юнкером при малом дворе цесаревича Павла, дипломатическая карьера его началась и продолжалась при Екатерине II, а заканчивалась при Александре I. Больше полувека П. Румянцев служил Российской империи.

Накопилась огромная документальная литература. А историки, писатели и биографы продолжают искать новые факты и свидетельства о жизни Н.П. Румянцева, еще много неясного в его судьбе.

И тут возникает насущный вопрос: в современном МИДе хранятся архивы Министерства иностранных дел XVIII века, вобравшие письма Н.П. Румянцева Екатерине II и вице-канцлеру Остерману на французском и немецком языках, письма подробнейшие и блестяще написанные, эти письма могли бы раскрыть некие белые пятна в истории России XVIII века и в биографии самого Николая Румянцева. Эти материалы пока не изучены.

И тут во весь рост встает одна из главных проблем, постоянно тревожащих исторического писателя, – о подлинности характера, о правде документов, о правде истории России XVIII века.

Несколько лет тому назад неожиданно ко мне пришло письмо Николая Николаевича Каменского, инвалида Великой Отечественной войны и прямого потомка генерал-фельдмаршала Михаила Федотовича Каменского (1738–1809). Я приведу его полностью: «Милостивый Государь Виктор Васильевич.

Недавно мне довелось приобрести (у букинистов) Вашу книгу «Фельдмаршал Румянцев».

Удивительно, но изданная столько лет назад книга не потеряла своей актуальности и сегодня. Оглядываясь на прошлое, удивляешься и тому, как уже тогда Вы взяли на себя смелость отойти от пропагандистских стереотипов. Не то что Вы поставили Потемкина и, в особенности, Суворова «на место» (это еще предстоит сделать). Но Вы позволили себе взглянуть на них непредвзято; дали другую, научную оценку их деятельности. Впервые на их портретах появились неизбежные, неизбежные при объективном освещении, свет и тени.

Вспоминается Суворов с его тактикой. Говорят, что он сочетал решительность не с расчетом, а с вдохновением. Последнее слово мне кажется сильно преувеличенным. В боевых операциях полагался на волю случая, то есть на русский авось. В донесениях об этих операциях завышал потери противника и занижал – свои. Потемкин и Суворов военные полководцы без военного образования, показавшие, как тогда говорили, «в случай», и добывали себе победы любой ценой, заваливая врагов трупами (русских солдат). «…Мы за ценой не постоим…» Как это напоминает мне, ветерану Отечественной, наших малообразованных командармов – Жукова, Буденного.

Вот в чем я вижу актуальность Вашей книги, а значит – необходимость ее переиздания.

Ну а если переиздавать, то уж заодно не только переработать, но и дополнить.

Например, дать вторую русско-турецкую войну, которую Вы почему-то обошли молчанием. А ведь там и Суворов и Потемкин выглядят как интриганы: оттирали от руководства войсками Румянцева и его верного соратника – Каменского. (У меня есть небольшое количество записей о нем, может быть, они Вас заинтересуют…)

С пожеланием успехов – граф Каменский Николай Николаевич, потомок фельдмаршала М.Ф. Каменского, ветеран Великой Отечественной войны».

Н. Каменский в этом письме затронул главную тему для исторических писателей – необходимость изучать десятки, сотни документов, писем, донесений, приказов и указов, воспоминаний и записок о былом, чтобы не упускать многогранную правду жизни, сложную и противоречивую правду личности, неуловимую правду характера, правду событий. И каким бы симпатичным ни казался ваш герой, не избегайте сказать и о нем правду фактов, как бы горька она ни оказалась. Ветеран Великой Отечественной войны Н. Каменский, потомок фельдмаршала, вспоминает эпизод, когда генерал Суворов и генерал Каменский, штурмуя одну крепость, разошлись во мнениях, Суворов, как младший по званию, тут же подал рапорт о болезни и удалился в Бухарест.

Возможно, это не противоречило уставу, но нанесло вред выполнению операции. Вот такое объективное рассмотрение фактов совершенно необходимо при описании любого исторического лица.

В последние годы, особенно после возвращения Крыма в Россию, явно преувеличивают в этом случае роль личности Григория Потемкина. По правде сказать, это фельдмаршал Румянцев и добился победы с турками, и заключил мир, и

подготовил почву для освоения полуострова.

Здесь возникает вопрос, который долго не могли решить русские историки и биографы. После заключения Кючук-Кайнарджийского мира русские войска по указанию фельдмаршала Румянцева продолжали занимать Крым и его крепости.

Первую попытку высказать правду о присоединении Крымского полуострова к Российской империи высказал известный историк Пётр Матвеевич Сакович в статье «Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников: князя Прозоровского, Суворова и Бринка»:

«Быстрое образование Новороссийского края, его счастливое приморское положение, богатства, которых едва только теперь промышленность и изыскания ученых начинают касаться, наконец, стратегическое значение провинций, облегающих Черное море, и его портов, относительно восточных наших соседей – вот данные, вследствие которых за именем Потемкина время утвердило право на исключительную признательность к нему России.

И действительно, мысль о Новороссийском крае сливается у нас с личностью князя Таврического: мы признаем его виновником бескровного приношения государству обширных берегов Черного моря: преклоняемся пред его проницательностью ума, его необыкновенным счастьем и легким успехом в предприятии, которое доставило России естественныя и, для полного развития ея сил, необходимыя на Юге границы: и, наконец, ослепленные блеском заслуги Потемкина в этом славном деле, до того увлекаемся, что совершенно исключаем из круга действователей другое лицо, если и менее занимавшее его современников, то едва ли не более его трудящееся, во всяком случае, предшествовавшее на той же самой стезе.

Быть может, убеждение, перешедшее к нам от дедов и отцов наших, насчет величия и славы князя Таврического, так сильно еще, что не дозволяет усомниться в неувядаемости пальмы, сорванной им на той же самой почве, на которой пожал уже славные лавры, за десять лет до него, Румянцев?..

Может статься, что на личность его мы смотрим еще глазами его современников, как на личность могущественного временщика, пред которым личность скрывалась под личиною, язык безмолствовал, а факты не смели высказываться наявь из архивов, более нежели на государственного сановника, на заслуги которого должны указывать дела и следы его прохождения в истории? Не судим ли мы о Потемкине по преданию, подражая

льстивому языку его современников, а не на основании того, как отражается образ его в зеркале истории?

Подобная мысль, конечно, смела, имеет против себя общее мнение и отчасти даже историю, и может возбудить негодование в почитателях блестящей звезды князя Таврического. Но делать нечего; мысль эта, раз высказанная, должна быть подкреплена фактами…

Представляя на суд любителей отечественной истории доводы насчет справедливости вышеизложенного сомнения, считаю долгом объяснить, что оно, поколебавшее веру в исключительность услуги князя Таврического России, по предмету присоединения Крыма, образовалось вследствие рассмотрения дел, по ратификации Кючук-Кайнарджийского трактата и Крымской экспедиции 1776–1779 гг., найденных в бывшем архиве графа Румянцева-Задунайского; и цель отбора нашего состоит в посильном доказательстве, что в деле присоединения Крыма Потемкину досталось на долю, может, менее труда, нежели другим лицам и что исключительность этой заслуги не должна быть приписана ему одному. В судьбе Крыма и татар он является не более как счастливым пожинателем тех плодов военного искусства, дипломатической изворотливости и твердости характера, которыми отличался предшествовавший ему на том же поприще граф Румянцев. *За Потемкиным осталась слава присоединения Крыма к России, и единственно потому, что он окончил дело, начатое и почти до конца доведенное героем Задунайским*» (Русская беседа. М., 1858. 11. Третий год. Кн. 10. М., 1858. С. 1–3).

В книге, которую читатель держит в руках, описаны и вторая русско-турецкая война, и война с Наполеоном, и торжество мирных переговоров, с его трагическими противоречиями, а главное – наступление мира в России.

Используется и переписка Екатерины II и князя Потемкина, и переписка А. Суворова и Г. Потемкина, в этих письмах раскрываются подлинные характеры действующих лиц, искренние их желания, противоречия, результаты их поступков.

Сыновья графа П.А. Румянцева-Задунайского продолжили славную традицию служения Отечеству, и отдельного рассказа заслужил средний сын, Николай Петрович Румянцев.

В судьбе Николая Петровича большую роль играла не только императрица Екатерина II и император Павел I, но и император Александр I, который возвел его в звание государственного канцлера за успешное ведение переговоров со шведами и заключение выгодного для России Фридрихсгамского мира.

Скудость доступных материалов не предоставила

возможность раскрыть характер Николая Петровича Румянцева во всей его полноте и многообразии.

Автор позволил себе вольность привлечь доступные материалы, используя объективный диалог между знакомыми и родственниками для раскрытия широкой картины государственной и императорской действительности, где постоянно находился избранный автором герой.

Жизненный путь и служение отечеству Николая Петровича Румянцева начинается и продолжается при правлении трех императоров России: Екатерины II, Павла I и Александра I.

В.В. Петелин,

доктор филологических наук

Книга первая
При дворе императрицы Екатерины II

Часть первая
В императорском дворце

1. Санкт-Петербург. Семейные раздумья

Екатерина II, укрепившись на императорском троне после переворота в июне 1762 года, стала одной из влиятельных фигур в европейских конфликтных делах: посадила на польский престол графа Понятовского, бывшего своего любовника, против которого поднялись конфедераты при поддержке Франции, вела бои с турками, которые в сентябре 1768 года заточили русского посланника Алексея Обрезкова в замок Семи башен и объявили России войну… Теперь же, после успешных действий русских войск против восставших поляков, подумывала и о разделе Польского королевства под неусыпным давлением Пруссии и Австрии.

Шел 1770 год, полный великих побед и испытаний. В Петербурге вспыхивали пожары, до Москвы дошла моровая чума, заволновались казаки, продолжалась битва в Польше. В императорском дворце в Петербурге Екатерина II невозмутимо принимала послов и других визитеров.

Неожиданно вошедший камергер принес ей радостное известие от принца Брауншвейгского – в битве при Кагуле главнокомандующий граф Румянцев наголову разбил огромное турецкое войско во главе с верховным визирем Халил-беем.

Прочитав донесение, Екатерина Алексеевна обратилась к собравшимся в ее кабинете:

– Принц Брауншвейгский был рядом с Румянцевым перед боем. Турки рвались на холм, где находилось командование, когда Румянцев, повернувшись к принцу, сказал генералам: «Теперь настало наше дело!» – и указующим жестом выкинул вперед руку. С криком, вы уж извините, «Виват Екатерина!» рванулись на врага, повсюду раздавались крики, генералы Племянников, Озеров, Олиц во главе своих отрядов бросились в самую гущу наступающих турок. Потом Румянцев послал в бой свою тяжелую кавалерию, генерал-поручик граф Салтыков, генерал-майор князь Долгоруков великую часть янычар положили на месте. Ни на минуту Румянцев не оставлял поле битвы, корпус Репнина, батальон Семена Воронцова шли в рукопашную и перебили множество янычар, и великий визирь дрогнул, турки побежали с поля боя… Просто замечательное письмо о крупной победе русских войск в этой войне. Ты, Григорий Григорьевич,

готовься, поедешь на мирные переговоры, если таковые состоятся.

И Екатерина II, радостная и взволнованная, победоносно оглядела Григория Орлова, Прасковью Александровну Брюс и Марию Андреевну Румянцеву, графа Никиту Панина… И все слушавшие донесения очевидцы подумали о том, что победа при Кагуле приближает конец войне. «Надо написать Румянцеву, что пора подумать о мирных переговорах», – мелькнуло у российской императрицы. А графиня Мария Андреевна Румянцева про себя подумала, что пора поговорить с императрицей о младших сыновьях графа Румянцева, пока он в фаворе. Михаил уже взрослый, в 1764 году он был представлен императрице, когда она пребывала в Москве, потом служил в Петербурге, был произведен в подпоручики, заболел, получил год отсрочки от службы, возвратился в Москву, под материнское крыло, а в 1769 году – он снова в Петербурге, много времени проводит у великого князя, очень часто обедал и ужинал у него, был, как многие говорили, в милости. Да, у Михаила жизнь наладилась, пора женить его, пора подбирать ему хорошую партию. А у младших внуков все еще впереди, хотя и они уже повзрослели, пора им познать настоящую жизнь…

В семье графа Петра Александровича и графини Екатерины Михайловны Румянцевых 3 апреля 1754 года родился сын Николай Румянцев, которому судьба сулила большую будущность. Через одиннадцать месяцев, 17 марта 1755 года, родился третий сын Сергей. Старшему сыну Михаилу было уже четыре года, а дочь Татьяна, первый ребенок супругов, прожила недолго, заболела и скончалась. Но только на первых порах брак молодых Румянцевых складывался удачно, потом началась обычная походная, да и разгульная жизнь Петра Александровича.

Он был «красив собою, умен, любим женщинами», вспоминают современники о Петре Румянцеве, как полковник успешно продвигался в военной карьере. Петр Александрович принял участие в Семилетней войне с Пруссией, получил звание генерала, участвовал во многих сражениях, потом осадил и взял крепость Кольберг, за успехи в войне сразу стал генерал-аншефом, после войны долго не возвращался в Петербург, увлекшись одной дамой из Данцига, и молодой княгине пришлось довольствоваться тем, что полностью поглотили семейные дела, воспитание и образоваие троих сыновей.

Дети получали домашнее образование: то у них был артиллерийский подполковник, то майор прусской армии, родом из Швейцарии, то немец Цвилер, то Лайонс, но, кажется, только француз Моно оказал существенное влияние на детей графа Румянцева. По словам биографа, Николай Румянцев показал

хорошие способности в математике, но главное – детей учили европейским языкам и латинскому. С детских лет Николай и Сергей брали уроки верховой езды, танцев, фехтования. Они получили все, что полагалось. Сохранилось письмо француза Моно графу Петру Румянцеву, в котором он высоко отзывается о своих учениках, обещая им большую и высокую судьбу.

Графиня Екатерина Михайловна Румянцева, семейная жизнь которой не заладилась, была вынуждена уехать с детьми в Москву. Нужна была настоящая любовь и преданность графу и детям, чтобы семья не развалилась окончательно. В письмах Петру Александровичу она докладывала о своих хозяйственных заботах, о посещении ее общими знакомыми, о детях, жаловалась на нехватку денег…

Николай, записанный в лейб-гвардии Конный полк, был переведен по предложению графа Брюса, женатого на Прасковье, сестре Петра Румянцева, в лейб-гвардии Семеновский полк, где вскоре получил чин прапорщика, затем адъютанта полка.

Екатерина Михайловна поддерживала тесную связь с графиней Марией Андреевной Румянцевой, которая, несмотря на свои годы, была такой же обаятельной, как и пятьдесят лет тому назад, когда Петр I выдал ее замуж за своего любимого помощника Александра Ивановича Румянцева. По уверениям всех биографов, очаровательная Мария, дочь графа Андрея Матвеева и внучка знаменитого боярина Артамона Матвеева, образованная, великолепная танцовщица, сразу обратила на себя внимание Петра I, стала его любовницей… Мария Андреевна была очень близка к императрице Елизавете Петровне и императрице Екатерине II. Елизавета Петровна возвела род Румянцевых в графское достоинство за заключение мирного договора в Або, Петра Румянцева, едва достигшего 18 лет, в полковники.

И вот пришла благоприятная весть от графини Марии Андреевны, которая написала Екатерине Михайловне о ее сыновьях – их ждут в Петербурге.

Собирая Михаила и Николая в императорский дворец и поглядывая на высоких красивых сыновей, Екатерина Михайловна вспоминала день за днем свои заботы, чуть не плача размышляла о своей драматической судьбе. Счастливое время пережила она, когда один за другим появились ее три сына, Михаил сразу определил свою судьбу, он будет военным, как и все его предки, отец, дед, прадед… Николай будет служить императрице, станет царедворцем, а Сергей увлекся гуманитарными науками, пишет стихи, спорит с литераторами и философами. А что из этого получится? Никто не знает… Счастливое время ее длилось недолго, может, лет пять-шесть, а потом воинская служба мужа,

следом война с Пруссией, его стремительная карьера, взятие Кольберга, смена власти.

Петр III возлюбил Петра Румянцева и открывал перед ним широкое поле деятельности. А потом неожиданно – опять смена власти… И сколько унижений было от Петра Румянцева! Как страстно она любила своего Петра Александровича, прощая ему все, тягу к деньгам, всех любовниц, длительные отлучки. А ведь она не дочь плотника или кузнеца, у нее есть свои деревни, отказанные ей семьей фельдмаршала Михаила Голицына.

Екатерина Михайловна горько размышляла: а где лошадей, да прочего снаряжения, да слуг и кучеров отобрать? Какие нужно деньги собрать, а деревни плохо платят… Румянцев издали воображает своих сыновей сущими младенцами, а они уже созрели для будущей деятельности, Михаил страсть великую к службе имеет и часто упрекает ее, что она не согласилась отпустить его волонтером к отцу…

Бабушка Мария Андреевна, взяв на себя хлопоты о внуках, в удобный момент рассказала о юношах императрице, которая задумалась об их судьбе. Из разговора она поняла, что Михаил мечтает о военной карьере, так пусть едет к отцу ординарцем, назначит его генералс-адъютантом при главнокомандующем Румянцеве, раз рвется к воинской службе, пусть подберут ему какую-либо должность для участия в Русско-турецкой войне, а Николая решила оставить при императорском дворце, назначит его камер-юнкером при малом дворе, с Павлом они ровесники, пусть полюбезничают. Об этом Екатерина Михайловна узнала из письма статс-дамы императрицы Марии Андреевны Румянцевой. Какая гора свалилась с плеч Екатерины Михайловны, когда она узнала, что жизнь старших сыновей устраивается так, как она мечтала. Николай Петрович – камер-юнкер в 18 лет, это соответствовало V классу Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, это выше полковника, это почти генеральский чин, бригадир, а главнокомандующий Румянцев не бросит своего сына в самое пекло, выживет, к тому же продвинется и в чине.

Братья Михаил и Николай Румянцевы прибыли в Петербург в самом начале 1771 года. Остановились у бабушки Марии Андреевны в одном из домов на западной стороне Марсова поля, что стоят вдоль Красного канала. Михаил особенно не стремился к опеке, он уже был пристроен к службе, а Николай еще нуждался в наставлениях: императорский двор – явление суетное.

Он знал, что его дед, Александр Иванович Румянцев, генерал-аншеф, дипломат и боевой генерал, немало поездивший по миру и ведший переговоры с крупными деятелями своего времени,

скончался в 1749 году, а бабушка продолжала служить русскому трону, переходя от Анны Иоанновны к Елизавете Петровне, от Елизаветы Петровны к Петру III, а от Петра III к Екатерине Алексеевне, почти десять лет с успехом правившей Российской империей.

Мария Андреевна и вся ее дворня сердечно приняла московских гостей, вещи и слуги обрели свои места, а Николай Петрович вскоре остался наедине со своей бабушкой. Та расспрашивала его о московских делах, о Екатерине Михайловне, о Сергее, о своем драгоценном сыне, фельдмаршале Румянцеве, который так успешно воюет с турками.

Вскоре после его приезда Мария Андреевна, вернувшаяся после дежурства во дворце, сообщила ему, что императрица готова с ним познакомиться и определить его судьбу.

– Коленька, Николай Петрович, я уже говорила тебе об этой службе, которая была намечена для тебя и в будущем для Сергея. Вы будете служить при малом дворе великого князя Павла Петровича, гофмейстером малого двора еще императрица Елизавета назначила графа Никиту Ивановича Панина, он же и воспитатель цесаревича, он же ведает и иностранными делами. Словом, один из крупнейших царедворцев, к нему стекаются все известия, сплетни и слухи, он очень опытный и обаятельный человек. Но сразу хочу тебе, Николай, внушить, что императорский дворец – это удивительно сложное произведение, здесь управляет не только императрица, здесь господствуют слухи, сплетни, интриги, группы и группочки, конфликты и конфликтующие. Ты можешь и не заметить, когда брошенное тобой слово будет подхвачено, криво истолкуется и пойдет гулять по дворцу, обрастая дополнительными кривотолками. Ты – юноша чистый, прямой, ты можешь отвести от себя все кривотолки, но осадок останется. Такова природа императорского дворца, да и всех подобных дворцов. Ты должен знать одно: да, император Петр I увлекся мною, когда я вместе с отцом Андреем Артамоновичем вернулась после его длительной дипломатической службы, граф Матвеев был принят при дворе. От императора, что греха таить, я сразу забеременела, он понял мое положение и сосватал за твоего деда, Александра Ивановича Румянцева, преданного императору офицера. Отец мой, как человек боярского происхождения, чуточку сопротивлялся выбору императора, выдавать такую дочь за простого офицера он не хотел, но император настоял, обещая возвеличить твоего деда. В ноябре 1721 года я родила дочь Екатерину, потом появились еще две дочери. При дворе ты узнаешь, Николенька, что все мои дети от императора Петра, в том числе и твой отец, фельдмаршал Петр

Румянцев, но это не так. Возможно, отцовство императора принадлежит и второй дочери, а отцовство третьей дочери и Петра нужно оставить за Александром Ивановичем Румянцевым.

Перед Николаем открывалась внутренняя жизнь императорского дворца, императрицы, одна за другой, Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, царедворцы… Они управляли всей империей, вели переговоры, заключали союзы, объявляли войны, подписывали мирные трактаты. Екатерина Михайловна, его родная матушка, тоже много рассказывала о Елизавете Петровне и о Екатерине II и их окружении, но то, что говорила Мария Андреевна, поразило его искренностью и прямотой. И ей пришлось нелегко, когда обласканный правителями генерал Александр Румянцев столкнулся с вступившей на императорский престол 25 января 1730 года Анной Иоанновной. Окруженная немцами, Анна Иоанновна благосклонно приняла Александра Ивановича и предложила ему стать президентом Камер-коллегии. Но генерал-поручик решительно отказался от предложенной чести – он генерал, дипломат, он ничего не понимает в финансовых делах, одновременно, как человек чести, он высказал ряд критических замечаний о том, что в начале своего царствования она, императрица, допустила до того, что повсюду господствуют немцы, ввели свои порядки, свои обязательства, нарушив русские традиции. Анна Иоанновна впала в безудержный гнев, приказала арестовать и предать Румянцева суду Сената, который 19 мая 1731 года приговорил его к смертной казни. Императрица смертную казнь не утвердила, но заменила ее ссылкой в Казанскую губернию, в село Чеборчино, лишив чинов, орденов, отобрав ранее пожалованные 20 тысяч. Больше трех лет генерал Румянцев со всем семейством пробыл в ссылке под строгим надзором капитана Шипова. Только в конце июля 1735 года генерал Румянцев был освобожден из ссылки и назначен казанским губернатором с возвращением ему чина генерал-поручика и всех его орденов и отличий. Все это время Мария Андреевна поддерживала крепкую связь с родственниками, очень много писем посылала дочери Петра I Елизавете. Потом отношения с императорской властью наладились, Бирон не возражал против присвоения генерал-поручику Румянцеву полного генеральского звания, Александр Румянцев был назначен в 1738 году правителем Малороссии (до 1740 года), и вскоре стал одним из командующих при Минихе в действующей армии, когда началась Русско-турецкая война. 17 августа 1739 года состоялась битва при Ставучанах, когда русские полки разгромили турецкую армию в 70 тысяч солдат и офицеров.

Непрерывные и продолжительные походы Миниха чрезвычайно отрывали Румянцева от непосредственного управления Малороссией, о котором, однако, доходили весьма благоприятные отзывы. Так, по словам Бантыша-Каменского, поведением своим он «приобрел от всех полную доверенность и доброхотство. При нем восприяло начало и далеко распространилось вежливое, свободное и благонравное поведение между малороссиянами…» «Командование Румянцева, по личным его качествам, было кроткое, справедливое для малороссиян и утешительное», как заявляет Георгий Конисский. При Румянцеве имел большое значение в делах Малороссии его любимец, генеральный писарь Андрей Безбородко (отец будущего великого дельца Екатерины II), отличавшийся своими способностями: он забрал в свои руки местную администрацию и много содействовал окончательной деморализации низшей старшины, получавшей места исключительно из его рук. В 1740 году подписан указ, коим Румянцев назначен был штатгальтером, а вскоре затем Румянцев был пожалован каменным домом в Москве. Затем последовал очередной указ императрицы, в котором генерал-аншеф Румянцев был возведен в звание чрезвычайного и полномочного посла и направлен в Константинополь с большим посольством («В свите Румянцева, – говорится в «Русском биографическом словаре», были секретари и маршал посольства, священник с причтом, лекари с подмастерьями и переводчики, до 200 гренадер, 12 дворян посольства, 36 лакеев, 12 гайдуков, несколько трубачей, егарей, музыкантов, много повозок с багажом, не мало лошадей всякого рода и т. д., словом – целый караван, останавливавшийся ежедневно лагерем для ночлега и отдыха».

После прощальной аудиенции у императрицы 19 мая 1739 года генерал Румянцев выехал с посольством из Петербурга и 22 июня того же года вступил в переписку о времени размена на границе с турецким послом Мегмет-Эминем. Но посольство Румянцева в Константинополь оказалось неудачным. После многочисленных процедур с турецкой стороной размен послов был назначен на 17 октября 1740 года. Но в это время скончалась императрица Анна Иоанновна, о чем прибыло известие из Петербурга, а затем и новые верительные грамоты. Движение русского посольства продолжалось. В начале декабря 1741 года императорский престол заняла Елизавета Петровна. Шесть месяцев Александр Румянцев провел в Константинополе, устраивал балы, приемы, визиты к турецким вельможам, сам принимал, в мае 1742 года, прибыв в Москву, принял участие в короновании императрицы Елизаветы Петровны, был награжден

орденом Святого Андрея Первозванного, а вскоре был отправлен в Финляндию для разбора ссоры между гвардейскими офицерами. 2 июня 1742 года Румянцев был благосклонно принят императрицей, которая вручила ему указ о возведении его в чин полковника гвардии Преображенского полка, где начиналась его воинская служба, дорогую табакерку с алмазами, 35 тысяч рублей. Разобравшись с офицерской ссорой, генерал-аншеф Румянцев 16 августа 1742 года получил указ о назначении его уполномоченным на конгресс в Або для мирных переговоров со Швецией. 7 августа 1743 года мирный договор был подписан.

Императрица Елизавета Петровна, учитывая заслуги генерала Александра Румянцева перед Отечеством в заключении мира со Швецией 15 июля 1744 года, возвела его с потомством в графское достоинство, причем ему была дана грамота с означением заслуг, оказанных как им самим, так и предками его, и дан еще герб с известною надписью nov solum armis, что означает «не токмо оружием». При этом императрицею было выражено желание, чтобы означенный герб оставался бы *ненарушимо* во все времена (Гос. архив. XI. К. № 2).

– Бабушка, Мария Андреевна, так хочется повеличать вас, сударыня, многое я и не слышал об императорском дворе, но вы столько лет во дворце, столько знаете… Меня постоянно волнует один и тот же вопрос – почему Павел Петрович, цесаревич, наследник престола, родился на десятый год после свадьбы Петра и Екатерины? Не отсюда ли идут все слухи, сплетни, интриги, о которых вы здесь упомянули?

Мария Андреевна с удивлением посмотрела на внука, поражаясь глубине и точности его вопроса, и поняла, что ей придется рассказать правду о том, что она видела, слышала, испытала.

– Николай Петрович, ты задал серьезный вопрос, посторонние люди немало голову ломают, а ответа так и не найдут. Я действительно была и во время венчания, и сопровождала Екатерину и Петра на брачное ложе после церемонии свадьбы, императрица Елизавета доверила мне и матери Екатерины, цербстской принцессе Иоанне-Елизавете, эту торжественную миссию. До этого у нас не было подобной церемонии. И к этому серьезно готовились, написали во Францию, в Саксонию, где проходили эти церемонии, оттуда приходили точные описания, даже рисунки с подробностями описания торжества. Церковный обряд занял около шести часов, потом десять дней длились бесконечные балы, маскарады, обеды, итальянская опера, иллюминации, фейерверки, французская комедия – словом, было все, что нам рекомендовали французы и

саксонцы… После первого бала, который продолжался около двух часов, ее императорское величество направилась в брачные покои, впереди нее шествовали церемониймейстеры, обер-гофмейстер императрицы, обер-гофмейстер и обер-камергер великого князя, за ними шли новобрачные, за которыми следовали родственники Петра, я, как гофмейстерина, статс-дамы, камер-фрейлины, фрейлины. Ты слушай, Николай, и запоминай, может, придется воспользоваться, Павел-то не женат…

– Думаю, и на этот случай найдутся знающие люди, но, бабушка, вы не ответили на мой вопрос…

– Вопрос-то не простой, я хочу, чтобы ты со всеми подробностями узнал правду… Так вот, императрица сняла корону с Екатерины, помогли ей переодеться, а Петр переоделся в своей комнате, как и положено; переоделись и взошли на брачную постель, мы, естественно, все удалились. И только спустя какое-то время мы узнали, что брачная ночь молодоженов оказалась пустышкой. Прошло девять месяцев – ничего. Бестужев, уж не говоря про императрицу, забеспокоились, все рухнуло, Российская империя – без наследника… Так продолжалось почти девять лет, сначала думали – по неопытности на первых порах, а потом обнаружили у Петра существенный недостаток, затруднявший его отношения с женщинами. Надеюсь, Екатерина Михайловна, пользуясь деревенской обстановкой, познакомила вас с особенностями женщины, тайнами интимной жизни с ней? – с улыбкой спросила Мария Андреевна.

Николай Петрович молча кивнул ей. Да, женщина была, но любви между ними не было.

– Так вот, у великого князя Петра был недостаток, который лишал его возможности иметь детей. Великий князь думал, что он неизлечим, Екатерина принимала его ласки с отвращением, а вскоре последовал полный разрыв между ними. Так продолжалось довольно долго, затем в наставницы великой княгине выбрали замужнюю красивую даму, мать двоих детей, но наставница оказалась тоже неопытной. Один из поклонников великой княжны Сергей Салтыков уговорил великого князя Петра сделать операцию, после которой он станет нормальным мужчиной и сможет иметь детей. Не только уговорил великого князя, но и посулил сексуальные наслаждения. Тут же явился хирург, и операция прошла очень удачно. В это время все поклонники Екатерины были устранены, великий князь поправился, только после этого началась настоящая брачная жизнь великого князя и великой княгини. А 20 сентября 1754 года родился Павел, цесаревич, наследник императорского

престола, который вскоре достигнет совершеннолетия, вокруг имени которого столько всяческих разговоров… Ты в это не вникай, знай одно – Павел воспитан как будущий император, вы почти ровесники, ты тоже происхождения высокого, но не забывай, что ты будешь служить императорскому дому. Но это я сказала тебе на первый раз, у меня в памяти осталось еще много воспоминаний об этой службе, я ведь, Николаша, почти пятьдесят лет при дворе, и статс-дамой была, и гофмейстериной. Если возникнут сложности, обращайся ко мне.

Через несколько дней Мария Андреевна представила молодых графов Румянцевых императрице, которая после делового разговора вызвала президента Военной коллегии Захара Чернышева и распорядилась дать Николаю чин прапорщика, а Михаилу – чин подпоручика. И предложила им почаще бывать во дворце.

Вскоре Михаил Румянцев, получив чин поручика, по поручению императрицы был назначен генеральс-адъютантом при фельдмаршале Румянцеве и в августе 1771 года, командуя батальоном, принял участие в военных действиях. Вскоре и Николай приступил к своим обязанностям. У Павла Петровича в малом дворе собиралась молодая аристократическая компания ровесников великого князя.

Великий князь неожиданно серьезно заболел.

Из писем за лето 1771 года можно узнать о состоянии Павла Петровича. «Болезнь великого князя оказалась более серьезной, чем думали вначале. Она даже заставила императрицу вернуться в город, чтобы навестить его, – писал граф Сольмс Фридриху Великому. – В настоящий момент никто уже не волнуется за его жизнь, хотя его императорское высочество еще очень слаб, легкая лихорадка повторяется каждый день, и в Петергоф он еще не переезжает. Из-за этого я не виделся с графом Паниным в течение всей последней недели, так как он весьма прилежен и внимателен к своему августейшему ученику и полностью занят его здоровьем… Слухи о выздоровлении великого князя не подтвердились, вопреки всеобщим надеждам. Вчера при дворе я узнал, что предыдущей ночью у него была дикая диарея, которую приняли за желаемый кризис, так как его слабость при этом не усилилась. Но после нескольких атак лихорадки вчера вечером он стал слабее, чем ранее, и никто не может утверждать, что ему хуже, чем было (так как лихорадка полностью его еще не оставила), ни подтвердить, что он полностью вне опасности. Сегодня двенадцатый день его болезни. Нужно ждать до завтра, чтобы посмотреть, вернутся ли к нему силы, потому что слабость

– самое худшее в его состоянии» (Сборник императорского русского исторического общества (Далее: СИРИО). № 37. С. 488, 490–491).

Беспокойно было при императорских, большом и малом, дворах. Камер-юнкера не оставляли своих дежурств, иностранные посланники приходили и, ознакомившись со здоровьем Павла, уходили, так и не повидав графа Панина, который постоянно был при Павле, изредка выходил из его апартаментов и быстро шел в покои императрицы. Кое-кому удавалось перехватить графа Панина по дороге, но он очень быстро покидал просителя. А ведь шла война, накапливались вопросы, а все это оказывалось как бы в стороне.

В письмах Екатерины II – то же самое беспокойство о болезни сына. «Получила ваше письмо от девятого (двадцатого) июня за несколько дней до ужасной болезни, которая атаковала моего сына и от которой, слава Богу, он теперь поправляется, – писала она 27 июля 1771 года барону Ассебургу. – Можете себе представить, в каком нервном напряжении я была, пытаясь выбрать время написать вам» (СИРИО. № 13. С. 138). А 30 июля Екатерина II писала госпоже Бьельке уже вполне успокоительное письмо: «Мы волновались по поводу болезни сына – катаральной лихорадки, которая длилась почти пять недель. Слава Богу, теперь ему лучше, осталась только некоторая слабость. Говорят, лихорадка была ему необходима, чтобы начала расти борода. Надо сказать, мне никогда не нравились бороды – но если дело в этом, то отныне я буду ненавидеть их от всего сердца» (Там же. С. 142). Только в конце августа великий князь стал появляться при своем дворе, повзрослевший, с еле заметной порослью на подбородке и редкими усиками.

Здесь же изредка показывался Никита Панин и малое время спустя убегал в свою Коллегию по иностранным делам. Вскоре Николай Румянцев познакомился и с секретарями Коллегии Денисом Фонвизиным, Петром Бакуниным и Петром Обри.

Денис Фонвизин, за короткий срок десятки раз прочитавший свою комедию «Бригадир», прослывший талантливым драматургом, неожиданно написал свою первую политическую статью, в которой на разные лады давал общую характеристику повзрослевшего наследника. В июле 1771 года, когда больной мучительно страдал от лихорадки, в Петербурге возникло народное волнение, беспокойство перекинулось в казармы, солдаты, не зная, что происходит, хватались за оружие. До офицеров доходили слухи, что вместо Екатерины Алексеевны на трон взойдет Павел, который через несколько месяцев, 20 сентября 1772 года, достигнет совершеннолетия и по прямой

линии, как внук Петра Великого, как и Петр II, сын великого императора Алексея, может претендовать на императорский трон. Эти мысли давно зрели у Никиты Ивановича Панина. Денис Фонвизин полностью разделял эти замыслы и выразил их в статье «Слово на выздоровление его императорского высочества государя цесаревича и великого князя Павла Петровича в 1771 году», которая появилась в печати все в том же 1771 году. Фонвизин не скрывает своих симпатий к Павлу Петровичу и называет народные слезы о его болезни «слезами радости», а узнав о выздоровлении великого князя, сообщает: «Какая грозная туча отвлечена от нас десницею всевышнего! Единое о ней воображение вселяет в сердца ужас, ни с чем не сравненный, разве с радостию, коею ныне объемлется дух наш!» Фонвизин не забывает сообщить и о горечи императрицы: «Ты купно страдала с Павлом и Россиею и вкушаешь с ними днесь общее веселие… Спешит она оставить то приятное уединение, куда некогда Петр, созидая град свой и Россию, приходил от трудов принимать успокоение. Сражаясь со скорбию своею, Павел узрел идущую к себе государыню и матерь, и некую новую крепость ощутила душа его… Возможно ли без трепета вспомянуть те лютые часы, в кои едва не пресеклась жизнь толико драгоценная, жизнь толь многим народам нужная?.. В толь лютые часы для истинных россиян какое нежное и великое зрелище представляется очам нашим! Терзаемая скорбным чувствием сердца своего, пронзенная нежнейшею любовью к сыну, достойному таковыя матери, Екатерина вступает в те чертоги, где Павел начинал уже упадать под бременем болезни своея…» Фонвизин представил себе, какое действие оказала Екатерина на сына своего, он стал крепнуть, болезнь отпустила его, болезненное чувство было преодолено «величеством души». Мужество, твердость, благочестие обитало в его сердце. «Мне то мучительно, что народ беспокоится моею болезнию», – не раз говорил он Никите Ивановичу Панину, который тут же повторял всем близким малого двора эти слова Павла. И тут же Фонвизин своим чутким пером набросал превосходный портрет воспитателя великого князя. И в заключение статьи Фонвизин описывает то, что народ ждет от своего государя, а Фонвизин в этом не сомневается: «Позволь, о государь! Вещать тебе гласом всех моих сограждан. Сей глас произнесет тебе некие истины, достойные твоего внимания. Будь правосуден, милосерд, чувствителем к бедствиям людей, и вечно в их сердцах ты будешь обитати. Не ищи, великий князь другия себе славы. Любовь народа есть истинная слава государей. Буди властелином над страстями своими и помни, что тот не может владеть другими с славою, кто собой владеть не

может. Внимай единой истине и чти лесть изменою. Тут нет верности государю, где нет ее к истине. Почитай достоинства прямые и награждай заслуги. Словом, имей сердца отверсто для всех добродетелей – будешь славен на земле и угоден небесам…» (Изб. Т. 2. С. 187–193).

Денис Фонвизин несколько лет тому назад стал известен тем, что, как только появился при дворе, прославился как талантливый рассказчик, а лучше сказать, как сатирик для тех, кто оказывался в неприглядном виде, он тут же попадал ему на язычок.

Первое время Денис Фонвизин служил в канцелярии И.П. Елагина, в скором времени занявшего почетный пост директора театральных представлений, но потом Фонвизин отошел от стихов и задумал написать какую-нибудь пьесу: в 1758 году, когда он впервые приехал в Петербург для встречи с куратором Московского университета И.И. Шуваловым и впервые побывал в театре, он видел русскую комедию «Генрих и Пернила», видел Шумского, который своими шутками так его рассмешил, что он, «потеряв благопристойность, хохотал из всей силы».

И тут же надо сказать, что написанная им пьеса «Бригадир» имела успех необыкновенный: «Надобно приметить, что я «Бригадира» читал мастерски. Чтение мое заслужило внимание А.И. Бибикова и графа Г.Г. Орлова, который не преминул донести о том государыне. В самый Петров день граф прислал ко мне спросить: еду ли я в Петергоф, и если еду, то взял бы я с собою мою комедию «Бригадир». Я отвечал, что исполню его повеление. В Петергофе, на бале, граф, подошед ко мне, сказал: «Ее величество приказала после бала вам быть к себе, а вы с комедиею извольте идти в Эрмитаж». И действительно, я нашел ее величество готовою слушать мое чтение. Никогда не быв столь близко государя, признаюсь, что я начал было несколько робеть, но взор российской благотворительницы и глас ее, идущий к сердцу, ободрил меня; несколько слов, произнесенных монаршими устами, привели меня в состояние читать мою комедию пред нею с обыкновенным моим искусством. Во время же чтения, похвалы ее давали мне новую смелость, так что после чтения был я завлечен к некоторым шуткам и потом, облобызав ее десницу, вышел, имея от нее всемилостивейшее приветствие за мое чтение» (Там же. С. 568). В. Бильбасов тут же перечисляет всех тех, кто заинтересовался чтением комедии: оба Панины, Никита и Петр, оба графа Чернышевы, Захар и Иван, граф А.С. Строганов, граф А.П. Шувалов, графини М.А. Румянцева, Е.Б. Бутурлина, А.К. Воронцова, даже граф А.М. Ефимовский, все восхищались и смеялись над образами комедии. «Весь Петербург

наполнен был моею комедиею, из которой многие острые слова употребляются уже в беседах» (Там же. С. 547). «Влияние, произведенное комедией «Бригадир», – писал князь Вяземский, – определяется одним указанием: от нее звание бригадира обратилось в смешное нарицание, хотя сам бригадирский чин не смешнее другого. Нарицание пережило даже и самое звание: ныне бригадиров уже нет по табели о рангах, но есть еще ряд светских староверов, к которым имя сие применяется. Петербургские злоязычники называют Москву старою бригадиршею» (Полн. собр. соч. кн. Вяземского. Т. 5. С. 132).

Всего лишь десять лет тому назад Екатерина, свергнув законного императора Петра III, взошла на престол. Никита Панин за ее плечами готовил проект закона, ограничивающий ее полномочия, но не получилось, проект был отвергнут, а когда Павел подрос, обрел необходимые знания, то Никита Иванович и вся русская партия готовы были предложить Павлу занять императорский трон, все разговоры велись только вокруг этой перемены.

Екатерина Алексеевна начала очень хорошо, полная реформаторских планов и преобразований в империи. Еще в то время, когда она была великой княгиней, читая книги французских писателей и философов, она прониклась духом Просвещения, мечтала о реформах, которые бы сделали Россию богатой, независимой и милосердной ко всем сословиям русского народа. А став императрицей, Екатерина Алексеевна вновь вспомнила о своих замыслах. Вместо деспотических прихотливых распоряжений она будет пользоваться только государственным законом. Книга Ш. Монтескьё «О духе законов» стала ее настольным нравоучением, а свобода и человеколюбие – главным нравственным помышлением. Она вникала во все мелочи по управлению государством.

Занимаясь делами Сената, Екатерина Алексеевна убедилась, что Сенат пренебрегает делами государства, сановники не имеют даже ландкарты на столе, и получалось, что не знают сами, что им обсуждать. Печатную карту императрица, оказавшись в Сенате, велела купить в академии. Создано было много комиссий, которым надлежало разработать законы по управлению государством; возникали мысли о большом собрании по утверждению новой системы правил и законодательства.

В 1767 году императрица поручила Большой комиссии разработать Уложение и созвать выборную Конференцию делегатов от различных правительственных учреждений и делегатов «изо всех уездов и городов». Сама много времени уделила составлению «Наказа» и Уложения, полемизировала с

теми, кто присылал свои размышления, писала французским писателям, советовалась, но разразилась Русско-турецкая война, и многие любопытные выступления делегатов ушли в песок. Некоторые делегаты не успокоились, возлагая надежды на великого князя Павла, который под руководством Никиты Панина много времени занимался разработкой планов по благоустройству Российской империи.

Николай Румянцев, как камер-юнкер, хорошо знал и о том, что при высочайшем дворе был создан Совет, который занимался вопросами ведения войны. В Совет входили генерал-фельдмаршал Кирилл Григорьевич Разумовский, князь Александр Михайлович Голицын, граф Никита Иванович Панин, князь Михаил Никитич Волконский, граф Захар Григорьевич Чернышев, граф Петр Иванович Панин, граф Григорий Григорьевич Орлов, князь Александр Алексеевич Вяземский, вице-канцлер, действительный тайный советник князь Александр Михайлович Голицын.

Генерал-лейтенант Еропкин, которому было поручено следить за положением в Москве, в начале августа 1771 года неожиданно сообщил императрице, что здесь буйствует чума, трупы на дорогах, фабрики и мастерские закрылись, дворяне сбежали в свои загородные дома, в городе сначало умирало до четырехсот человек разных сословий, а вскоре – до восьмисот в день.

Эпидемия чумы все шире захватывала территорию Москвы. Начались волнения горожан. Фельдмаршал Петр Салтыков, главнокомандующий Москвы, оказался беспомощным, ничего не мог сделать, просил императрицу уволить его с этой должности и, не дожидаясь указа, уехал в свое подмосковное село Марфино.

В сентябре 1771 года Екатерина Михайловна Румянцева уехала в одну из тверских деревень, где провела карантинное время, оберегаясь от чумы, потом вместе с Сергеем отправилась в Петербург. Но и здесь было беспокойно: то и дело возникали ужасные пожары, местные начальники ничего не могли с ними поделать.

Григорий Орлов попросил императрицу разрешить ему вмешаться в тушение пожаров в Петербурге и получил на это разрешение. Он повсюду бывал, повсюду распоряжался, красивая и мощная фигура графа Орлова сразу привлекала внимание, а его указания быстро исполнялись. Все знали, что его указания – это приказы императрицы, он быстро навел порядок, назначил новых начальников пожарных команд. Все чувствовали его мощь, ведь Григорий Орлов не только давний любовник императрицы, он, в

сущности, ее муж, отец графа Алексея Григорьевича Бобринского, родившегося от Екатерины Алексеевны в марте 1762 года, он и офицер, деловой человек, приведший со своими братьями великую княгиню к трону.

А кто будет бороться с чумой в Москве? Салтыков в панике, это не армией командовать, Еропкин вряд ли справится с отвратительной заразой…

Екатерина II созвала свой Совет. На поездку в Москву снова вызвался Григорий Орлов, сказав тут же на Совете, что нужны чиновники, врачи, охрана и многое другое, потребное для борьбы с бедой.

21 сентября 1771 года Григорий Орлов и его свита выехали в Москву. «Утром граф Орлов сообщил мне, что убежден: величайшее несчастье Москвы – это паника, которая охватила и знать, и самые низшие слои населения, – писал английский посланник лорд Кэткарт графу Суффолкскому 20 сентября. – Отсюда и плохой порядок, и недостаточное желание урегулировать ситуацию. Он намерен завтра утром отправиться туда, чтобы попытаться принести максимально возможную пользу.

Он сказал, что чума или не чума – он все равно выедет завтра утром, поскольку давно изнывает, ожидая возможности сослужить какую-нибудь особенную службу императрице и стране, а такая возможность редко выпадает на долю отдельного человека и никогда не обходится без риска. Он надеется справиться с этой ситуацией, и никакая опасность не удержит его от попытки принести пользу» (СИРИО. № 19. С. 232–233). А через день после этого лорд Кэткарт заметил, что императрица неважно себя чувствует после отъезда графа Орлова: «Говорят, она постоянно мучается из-за несчастья с ее подданными в Москве и трусливого поведения дворян и людей, облеченных властью, которые оставили город и бросили народ в бедственном положении. Эти обстоятельства и опасность, которой подвергает себя граф Орлов, как считают, служат немалым пополнением ее тревог» (Там же. С. 234–235).

Граф Орлов, проезжая по улицам Москвы, видел неприбранные трупы, пораженные моровой язвой, видел грабителей, которые бросались на трупы, чтобы хоть чем-то поживиться, но, зараженные, чуть ли не тотчас же падали мертвыми. Врачи в растерянности разводили руками и утверждали, что только крепкий мороз может победить язву в Москве и в округе. Медицинские и воинские подразделения были слишком незначительны, чтобы успешно препятствовать распространению болезни. Граф Салтыков, хоть и подал

прошение об отставке, встретил вельможного графа в Кремле.

– Вы, конечно, знаете, граф, – по-деловому начал разговор Петр Салтыков, – что тут совсем недавно произошло, что-то похожее на бунт… Народ целыми сутками молился у Варварских ворот пред иконой Богоматери, просил о милости, о милосердии, но архиепископ Амвросий, зная, что такое скопление народа грозит большими бедствиями, приказал икону перенести в другое место. Народ это понял по-своему. Тут же бросились к Донскому монастырю, походя убили архиепископа с криками «Грабят Боголюбскую Богородицу». Генерал-поручик Еропкин с сотней солдат и пушками выступил против этого бунта черни, несколькими залпами пушек положил чуть ли не тысячу мятежников, а остальные тут же разбежались. А язва не утихает…

Генерал-фельдцейхмейстер Орлов, слушая Салтыкова, лихорадочно перебирал в памяти возможные способы борьбы с моровой язвой. Он имел полную власть для того, чтобы сделать все нужное для избавления Москвы от этой губительной заразы, получил в Петербурге от императрицы и от врачей точные инструкции. Промедление недопустимо… Москва опустела. Хорошо, что он взял опытного хирурга Тодте, безотказных гвардейских офицеров и многочисленную свиту. С такими помощниками можно действовать в любых московских трущобах, где скопились главные рассадники заразы.

Орлов немедленно приступил к исполнению возложенного на него поручения, – писал А. Барсуков в очерке «Жизнеописание князя Гр. Гр. Орлова (1734–1783)». – Вслед за объявлением манифеста о своей полной мочи во всех делах, касающихся до учреждения надлежащего порядка, он собрал две комиссии: противочумную и следственную об умерщвлении архиепископа Амвросия. Первой было предложено обратить особенное внимание на устранение главнейшей причины распространения заразы, т. е. народного отвращения к больницам и карантинам. Отвращение это проистекало от крайней недобросовестности и должностных лиц, и врачей… Орлов ободрял москвичей деятельною неустрашимостью: он сам обходил больницы, строго наблюдал за пищей и лекарствами и заставлял при себе сожигать платье, белье и постели умерших от чумы. Он смело являлся среди зачумленных, бодрым видом и ласкою утешая несчастных… Орлов имел великое нравственное влияние и на все остальное население родного ему города, пощаженное заразой. Оно ежедневно видело его среди себя, всегда веселого, приветливого, щедро рассыпающего пособия. В короткое время обнаружились последствия «беспрестанных попечений» Орлова. Народ охотно шел в больницы и доверчиво подчинялся мерам

предосторожности. Довольно сказать, что через месяц по прибытии Орлова в Москву умирало там средним числом только 353 человека, так что в заседании Совета 31 октября императрица нашла уже возможным объявить, что так как Орлов «уже сделал все, что должно было истинному сыну Отечества», то она признает нужным вызвать его назад.

В середине ноября Орлов выехал из Москвы, в Твери, пробыв там несколько дней, он получил архипастырское благословение Платона, будущего митрополита Московского, который в письме ректору Тверской семинарии Арсению писал, чтобы встретили графа Орлова достойно, передали ему его поклон, позвали бы его в Тресвятское «и в своих келиях попотчивайте, сколько возможно лучше». В Торжке Орлову и его свите нужно было пройти установленный шестинедельный карантин, но императрица освободила его от карантина письмом от 3 декабря 1771 года: «Граф Григорий Григорьевич! Заблагорассудила я, видя необходимую нужду с вами изъясниться по теперешним обстоятельствам и не находя никакой опасности в том, чтобы вы возвратились сюда, ибо с вами нет ничего того, что с вами было на Москве, а вы сами и вся свита ваша, слава Богу, в совершенном здравии, и для того посылаю я к вам с сим письмом г. Ребиндера с моими экипажами, дабы вы ехали сюда, не мешкав долее, из вашего карантина. Впрочем, остаюсь к вам доброжелательна. Екатерина» (Русский архив. (Далее – РА.) Год пятый. 1867. № 1—12. С. 73).

В Петербурге граф Орлов был встречен как успешный полководец, разбивший неприятельское войско и заключивший мирный договор с непобедимым противником. А императрица вызвала художника Ринальди и попросила его сделать памятник этому событию, предположим, триумфальные ворота из разноцветных мраморов, и поставить его в парке Царского Села с надписью: «Когда в 1771 году на Москве был мор на людей и народное неустройство, генерал-фельдцейхмейстер Григорий Орлов туда поехал, по его просьбе, получил повеление, установил порядок и послушание, сирым и неимущим доставил пропитание и исцеление и свирепство язвы пресек добрыми своими учреждениями», так и сделали. Но на этом не закончились торжества в честь графа Орлова, ему преподнесли золотую медаль с двумя портретами: на одной стороне медали его портрет, на другой – Курций, бросающийся в пропасть. Сравнение с легендарным римским героем и надпись на медали «Таковаго сына Россия имеет» расстроила Григория Орлова, он упал на колени перед императрицей, как свидетельствуют историки, и сказал:

– Я не противлюсь, но прикажи переменить надпись, обидную для других сынов Отечества.

Медаль была вновь отчеканена с надписью: «И Россия таковых сынов имеет».

5 декабря 1771 года граф Орлов представил в Совет отчет, в котором описал бедственное положение населения Москвы, свои распоряжения и результаты деятельности всей комиссии. Смерть унесла 50 тысяч человек, большая часть больных выздоравливает, работа в больницах налажена, а пропитание для Москвы будет бесперебойным (Архив Гос. совета. Т. 1. Ч. 1. С. 425).

Но эти торжественные события промелькнули, как сон, как мгновение, весь императорский двор, большой и малый, был встревожен продолжавшейся войной. Русские войска держались стойко, занимая огромный фронт и отражая попытки турецких войск прорвать эти пределы. Пруссия и Англия предлагали свои посреднические услуги, Австрия искала путей для выгодной сделки с Турцией, но и не теряла связи с Россией, а потому и отношения с Россией были непредсказуемыми. Румянцев предполагал, что пора начинать переговоры о мире.

Вскоре 18-летний Николай Румянцев, получив чин камер-юнкера и тысячу рублей ежегодного жалованья, был приглашен к участию на собрания императрицы, которые она проводила в Эрмитаже, а через несколько месяцев этого приглашения удостоился и Сергей Румянцев, прибывший в Петербург. И каждое заседание в Эрмитаже обогащало братьев Румянцевых существенной информацией о происходящем в стране или в области внешних сношений, а Николай неустанно вслушивался в разговоры маститых царедворцев, которых волновали внутренние вести императорского двора, а то и юмористические упоминания о любовных и иных приключениях камер-юнкеров и камергеров.

Перелистывая постановления Совета начала 1772 года, находим множество известий о внешнем положении России. Князь Долгоруков доносил, что горские народы отказываются повиноваться крымскому хану, строго велено следить там за проведением коммерческих предприятий, но и за поведением частных командиров. Зачитаны были рескрипты фельдмаршала Румянцева о различных назначениях, сообщения о Вене и ее намерениях занять остров на Дунае, который якобы принадлежал туркам. Панин доложил Совету о переписке прусского короля с императрицей о том, что в переговорах с турками о мире императрица готова отдать туркам Молдавию и Валахию, а венский князь Кауниц сомневается, что Турция пойдет на заключение мира на русских условиях, турецкий султан раздираем противоречиями, в протоколе Совета от 21 января

1972 года записано: «Сей государь окружен всегда четырьмя министрами, и что двое из них, кои имеют знание в делах, преданы совсем венскому двору и распоряжают дела свои по его внушениям».

24 января 1772 года Григорий Орлов и Екатерина Алексеевна всерьез заговорили на Совете о нападении на Константинополь, захват которого обеспечит России заключение выгодного мира. Генерал граф Чернышев, зная о замыслах императрицы, сообщил, что послать в Константинополь корпус он может только в июне, за эти месяцы успеет подготовиться, от Дуная до Константинополя около 350 верст, переправа через Балканы не составит трудности, неустройство турок не помешает движению корпуса. Императрица спросила, будет ли этот захват Константинополя способствовать продвижению к успешному миру. «Граф Орлов рассуждал, что для доставления посылаемому корпусу безопасности и облегчения его от тягостей лучше отправить его на Варну, и часть онаго посадить на Дунае; что для сего, в прибавок к имеющимся там транспортным судам, потребно построить оных еще сколько можно и также употребить и часть азовской флотилии; что приготовляемые на Дону два фрегата служить могут к прикрытию онаго транспорта и очищению Чернаго моря от неприятельских судов, и что нужно притом сделать еще оказательства сильных морских вооружений…» Приняли решение руководить и этим корпусом фельдмаршалу Румянцеву, а если австрийцы вступят в Валахию и Молдавию, то необходимо разорить всю эту землю, а население забрать с собой.

Придворная и государственная жизнь шла своим чередом. Сборы Григория Орлова, как полномочного представителя Российской державы, спешно начались. Хотели начать переговоры сначала в Бухаресте, потом назвали Измаил, но оказалось, что в Измаиле все мечети были переоборудованы ради хозяйственных нужд, а турецкие послы решительно отказались проводить переговоры в таком городе, так что графу Орлову нужно было отбыть в небольшой городишко Фокшаны.

По свидетельству биографов и историков, «сборы к отъезду графа Орлова изумили всех великолепием: ему было пожаловано множество драгоценных платьев, из которых одно, осыпанное бриллиантами, стоило миллион рублей. Назначенная к нему свита составляла целый двор: тут были и маршалы, и камергеры, и пажи; одних придворных лакеев, разодетых в парадные ливреи, насчитывали до 24 человек». Обоз посла должен был состоять из роскошно сформированной кухни, погребов, великолепных придворных экипажей и пр. Одним словом, по замечанию

Гельбига, сборы к путешествию могущественнейшего государя не могли бы обойтись дороже этой командировки временщика.

Блеск торжественных проводов ослепил Орлова и помешал ему увидеть расставленные для него сети. Он быстро шел на беду.

25 апреля пышное посольство выехало из Царского Села, а 15 мая граф П.А. Румянцев уже доносил императрице из Ясс, что 14 мая он имел удовольствие принимать графа Г.Г. Орлова и «видел его в добром здоровьи, после понесенных трудностей и невзгод в далеком пути» (Архив Военно-Походной канцелярии гр. П.А. Румянцева. Ч. 11. С. 170) (*Барсуков А*. Князь Г.Г. Орлов // РА. 1867. № 1—12. С. 80–81).

Провожая графа Орлова на переговоры с турецкими послами, а Алексея Обрескова его помощником, Екатерина с грустью сказала:

– Ты, Гри Гри, не тушуйся, ты прекрасно показал себя при тушении пожаров в Петербурге, ты был просто великолепен в Москве, ведь после тебя чума ушла из города, а что касается Константинополя, то не нужно спешить, придет время, мы его возьмем, вот кончится война с ними, мы этот вопрос решим. Время твое еще придет.

А возвратившись в свои покои и оставшись одна, вспомнила, как долго длилась ее связь с графом Орловым, кажется с 1758 года, не связь, а истинная и неповторимая любовь двух сердец. «И вот эта любовь кончилась, охладел мой дорогой Гришенька к любимой женщине, которой перевалило за сорок лет, поглядывает на молоденьких, изменяет, пропадает на несколько дней, а потом отшучивается, придумывает всяческую дребедень и надеется, что я поверю. Улетел мой ангел мира к дрянным турецким бородачам, поразит их своей красотой, мужеством, непреклонностью. В моей жизни не было подобного ему красавца, природа вообще была необыкновенно щедра к нему, наделив его умом, сердцем и душой. Добродушная простота, уживчивый характер, обходительность, веселый нрав, доброжелательность, общедоступность, он был нежен как барашек. А сколько мудрых иностранных послов говорили о графе, отмечая, что граф Орлов – порядочный человек, чистосердечный, правдивый, исполненный высоких чувств, без малейшей охоты показывает свой природный ум. Правда, он отъявленный лентяй, без всякой охоты берется за дело, а если возьмется, то природный ум поможет ему довести его до конца. Неужели пришел день, когда мы расстанемся? Да, любовь рухнула, он не дает мне того, что просит моя душа и мое тело, пусть женится на какой-нибудь молоденькой. Увы, такова моя судьба…»

Погода была холодная, задержались с поездкой в любимое

Царское Село, там она спокойно выходила гулять, занималась садоводством, разводила любимые цветы, а чаще закрывалась в своих апартаментах, чтобы в одиночестве подумать о неминуемом разрыве с Орловым. Никита Панин не раз ей говорил о том, что Григорий Орлов слишком самоуверенно выступает на Совете, ему позволено говорить все, что ему вздумается, порой он приводит опрометчивые аргументы, а члены Совета с осторожностью опровергают эти скоропалительные доказательства. Легко понять ей нападки Панина и группы его сторонников на ее фаворита – он постоянно стоит на их пути. Приближается совершеннолетие великого князя, наследника императорского престола, он родная кровь Петра Великого, и Никита Иванович воспитал Павла так, что он ждет этого совершеннолетия, чтобы претендовать на участие в управлении государством. Но может ли она уступить хоть часть этого управления? Ведь он задумал провести реформы в военном деле, пишет трактаты, советуется с генералами, уж не говоря о братьях Паниных. Григорий Орлов и его братья грозно стоят на том, чтобы Екатерина была императрицей и распоряжалась своей империей как ей будет угодно. Она – самодержица, только смерть отстранит ее от управления государством. Но в сентябре 1772 года – совершеннолетие великого князя. Это дата, которую так ждут ее недруги. На несколько дней ей пришлось покинуть Царское Село и поехать в «отвратительный, ненавистный, невыносимый Петергоф и отпраздновать там свое восшествие на престол и День святого Павла». И как в эти дни не вспоминать Григория и братьев Орловых, которые своим умом и мощью возвели ее на престол великой России, о чем она и мечтать не могла даже в своих самых удивительных снах?

Погода наладилась, тревога об устранении любимого фаворита, который остыл к ней, угомонилась после тяжких раздумий, к тому же Панин привез сына, с которым два безмятежных месяца провели в Царском Селе.

«Мы никогда не радовались Царскому Селу больше, чем в эти девять недель, которые я провела вместе с сыном. Он становится красивым мальчиком. Утром мы завтракали в милом салоне, расположенном у озера; затем, насмеявшись, расходились. Каждый занимался собственными делами, потом мы вместе обедали; в шесть часов совершали прогулку или посещали спектакль, а вечером устраивали трам-тарарам – к радости всей буйной братии, которая окружала меня и которой было довольно много» (СИРИО. № 13. С. 259–260 и др.).

Николай Румянцев постоянно находился при великом князе, постоянно разговаривал с ним, учитывал его советы, много читал

по его указке, ведь великий князь прошел систематический курс образования, ведь его учили лучшие преподаватели в России.

Великий князь Павел однажды напоминал Николаю Петровичу, что совсем недавно группа молодых офицеров Преображенского гвардейского полка и солдат задумала захватить Павла, привезти его в Петербург и объявить его императором, как следовало по наследственному праву. Один из офицеров доверился камергеру Федору Барятинскому, а Федор Барятинский был одним из тех гвардейских офицеров, которые возвели на трон Екатерину, а доверился по простоте своей, раз можно было возвести Екатерину, то почему сейчас нельзя возвести на трон истинного императора по праву? «А если Павел откажется стать императором?» – бесхитростно спросил Федор Барятинский. «В таком случае я стану императором», – сказал офицер, глава этого заговора, в котором участвовали несколько младших офицеров и тридцать солдат. Барятинский усмехнулся и сообщил об этом разговоре майору Преображенского полка, заговорщиков тут же арестовали, подвергли телесным наказаниям и сослали в Сибирь.

Это событие произошло совсем недавно, Павел был серьезно озабочен, камер-юнкера обсуждали все подробности и мелочи, о которых много говорили в императорских дворцах.

Граф Сольмс писал Фридриху Великому об этом нелепом и экстравагантном заговоре, в ходе которого заговорщики должны были арестовать императрицу, передать ее Павлу, а тот пусть с ней поступит, как совесть ему повелит.

Мелкий, удручающий факт этого заговора напугал Екатерину, заставил ее подумать о непрочности своего положения, возможно, в связи с этим она была так внимательна к Павлу в эти два месяца.

А внимательные зарубежные послы в Петербурге, бывавшие и в Царском Селе, заметили, что в Петергофе и Царском Селе «нет ни уголочка, в котором не стояли бы часовые».

Во время летних прогулок по Царскому Селу Екатерина Алексеевна много говорила о внешнем положении России, о войне с турками, говорила о том, о чем Павел и близкие ему дворяне меньше всего ведали.

– Вы знаете, господа, что мы не только воюем с турками, но и вошли в конфликт с поляками, причем эти конфликты возникли при участии Пруссии и Австрии, в эти конфликты вмешиваются то Пруссия, то Австрия. Я веду, Павел, активную переписку и с Фридрихом, и с австрийскими вельможными правительницами, с императрицей Марией-Терезией, с Иосифом II, с Кауницем. Особенно активно переписываемся с Фридрихом…

– Это мой самый любимый король, превосходный генерал, прекрасный знаток военного дела, – торопливо вставил фразу Павел.

– Да, согласна, но Семилетнюю войну он проиграл, и только твой отец Петр III спас его от полного разгрома, спас его от проигрыша. Но это дело давнее, а вот сейчас он постоянно дает указания и относительно раздела Польши, и о заключении нашего мира с турками.

Наша переписка с Фридрихом началась только тогда, когда я только что вступила в брак с великим князем Петром и выразила ему, его величеству прусскому королю, свою признательность и преданность как смиренная и покорная кузина и слуга Екатерина, потом, через много лет, вступив на трон как законная жена императора Петра, назвала его братом, а подписала письмо «вашего величества добрая сестра Екатерина». С тех пор и продолжается эта переписка, которая касается почти всего самого значительного в делах России. Одним из первых моих дел с восшествия на престол было конфирмовать мир и упрочить единомыслие, установившееся между нашими государствами. Так родилась добрая потребность советоваться друг с другом по внешнеполитическим делам нашим. А сейчас война с турками, недоброжелательства со стороны Польши, куда нам пришлось ввести свои войска против конфедератов. Ох, столько забот, что и не остается времени поговорить с вами, с сыном и его друзьями, а ведь завтра вам придется вершить делами России, да и не только…

Вот два письма – Екатерины II Фридриху Великому и Фридриха Великого Екатерине II:

«С.-Петербург, сего 15 марта 1772 г.

Государь, брат мой, ничто не могло быть мне более лестным, как слышать из уст союзника, подобнаго вашему величеству, мнения о моих делах, выраженныя вами столь обязательным образом в вашем письме, от 2-го числа этого месяца. Я не могла бы позволить уехать отсюда курьеру графа Сольмса, вашего министра, которому поручены последовавшия ратификации нашего договора, не объявив о том благодарности вашему величеству и не засвидетельствовать вам, как я рада сама, видя оконченным дело, которым водворяется новый интерес, столь существенный для постоянного продолжения союза наших монархий. Наши обоюдные подданные будут вечно иметь к нам о том существенныя одолжения. Мне приятно видеть, что двор венский образумился, и я держусь моего мнения, что ваше величество существенно способствовали тому. Я желаю блага этому двору, вследствие той перемены, и вполне убеждена, что

движимые теми же чувствами человеколюбия и любви к спокойствию Европы ваше величество почтет себя расположенным приложить со своей стороны все надлежащия облегчения успеху переговоров, которые откроются между нами троими. Имею честь быть с чувствами высокого уважения, государь, брат мой, вашего величества добрая сестра, верная союзница и друг *Екатерина*».

Король Фридрих II императрице Екатерине II:

«Сего 17 мая 1772 г.

Государыня, сестра моя, ряд великих событий, ознаменовавших царствование вашего величества, возбудил какой-то восторг к величанию вашей славы, который почувствовали в себе как художники, так равно и писатели; неудивительно, что в этой стране, где столько истинных почитателей вашего императорского величества, даже фабриканты фарфоровых изделий пожелали изъявить свое усердие; они сообщили мне свое намерение, какие я не делал им свои увещания, я не мог им отсоветовать то, я сильно уверял, что мрамор и бронза не довольно прочны, чтобы передать потомству великия дела, которыми поражено воображение и которыя считаются обыкновенными с тех пор, как ваше величество управляет Россиею; я сказал этим художникам, что столь хрупкое вещество, каков фарфор, не достойно представить дела, которыя составят изумление всех веков; они отвечали мне, что великия дела говорят сами за себя, что мраморныя и бронзовыя статуи Цезаря погибли, как будто они были из фарфора, но что виликое имя Цезаря будет жить даже конца веков, что таким образом я не должен им предаться их восторгу, их желанию, которое они не могли подавить; что все века не представляли таких великих событий, как наш век, и что в подобных случаях им должно предоставить свободу воспользоваться тем ради чести прославления их искусства и для того, чтобы не было сказано, что в то время, когда люди таланта величались, прославляя героиню Севера, они были одни, не посвятившией ей талантов; словом, государыня, по убеждению ли то, или по слабости, но я не мог противиться долее их усердию, и хотя я не думаю, чтобы их работа была достойна вашего императорского величества, но осмеливаюсь предложить вам ее такою, какова она есть; ваша снисходительность, государыня, извинить их смелость в пользу их усердия, и ваше императорское величество не посетует на меня, что я пользуюсь этим случаем, чтобы заставить вас вспомнить о самом верном из ваших союзников, пребываю с высоким уважением, государыня, сестра моя, добрый брат и верный союзник *Фридрих*».

4 августа 1772 года из Петергофа Екатерина II поблагодарила

Фридриха II за столь любезное письмо и подтвердила свои союзнические обязательства.

Приближалось совершеннолетие великого князя, с которым были связаны некоторые надежды и самого Павла Петровича, и всей его группы во главе с графом Паниным. Но 20 сентября 1772 года прошло совершенно незаметно, никаких празднеств по этому случаю не было, императрица не пригласила великого князя к управлению государством, не пригласила его даже в Совет, где решались текущие дела.

Граф Орлов сорвал переговоры с Турцией, сначала из-за своей несдержанности и прямолинейности, а вскоре, узнав о камер-юнкере Васильчикове, который стал фаворитом императрицы, безоглядно помчался в Петербург, чтоб загладить свою вину перед императрицей. А что в разрыве виноват был он, Орлов не сомневался. Всегда его личные интересы были на первом плане, сколько раз он изменял Екатерине… Как бы не потерять свое высокое положение в России, а то, что Россия вновь должна сражаться, терять своих воинов, – это у него на втором плане. Но он не дипломат, ему не до дипломатических тонкостей. А вот Екатерина, озабоченная столькими неотложными личными вопросами, внимательно всматривается в решение польских вопросов. Она давно задумала забрать у Польши часть Белоруссии, исконные земли Российской империи. Он десять лет рядом с ней, а задумался ли он хоть на минутку о ее тягостном бремени? Нет! Но то, что он встретил, подъезжая к Петербургу, крайне поразило Григория Орлова: он получил полную отставку, привычное место близ Екатерины II было занято.

2. На государственной службе. Первый брак Павла Петровича

Екатерина II, как только минуло 14 лет великому князю и как только доложили ей, с какой жадностью поглядывает он на молоденьких фрейлин, начала размышлять о его женитьбе. Все мелкие разговоры о плохих отношениях сына и матери были отброшены прочь, она желала сыну лишь добра. Перебрав своих доверенных людей за границей, Екатерина Алексеевна поручила дипломату барону Ассебургу незаметно побывать в германских дворцах и описать подходящих по возрасту принцесс, а она сама сделает выбор. Ахац Фердинанд Ассебург был опытным дипломатом, по молодости он поступил на службу к малоизвестному ландграфу Фридриху Гессен-Кассельскому, но быстро понял, что это место мало что дает ему для карьеры, отправился к датскому королю, но не сошлись, как говорится, характерами, только после этого он пошел на службу к русской императрице, которая тут же оценила его как умного, тонкого, исполнительного дипломата, хорошо знающего языки и родовитую знать Европы.

В кругу близких Павла Петровича был граф Андрей Разумовский, друг детства цесаревича.

«Как мне было тяжело, дорогой друг, быть лишенным вас в течение всего этого времени, – писал Павел Петрович 27 мая 1773 года из Царского Села графу Андрею Разумовскому, служившему на флоте. – Впрочем, клянусь вам, еще большое счастье, что все идет у нас хорошо и что решительно не произошло ничего неприятного как в нравственном, так и в физическом отношениях. Я проводил свое время в величайшем согласии со всем окружавшим меня, – доказательство, что я держал себя сдержанно и ровно. Я все время прекрасно чувствовал себя, много читал и гулял, настоятельно помня то, что вы так рекомендовали мне; я раздумывал лишь о самом себе, и благодаря этому (*по крайней мере, я так думал*) мне удалось отделаться от беспокойств и подозрений, сделавших мне жизнь крайне тяжелой. Конечно, я говорю это не хвастаясь, и, несомненно, в этом отношении вы найдете меня лучшим. В подтверждение я приведу вам маленький пример. Вы помните, с какого рода страхом или замешательством я поджидал прибытия принцесс. И вот теперь я поджидаю их с величайшим нетерпением. Я даже считаю часы… Я составил себе план поведения на будущее время, который изложил вчера графу Панину и который он одобрил, – это как можно чаще искать возможности сближаться с матерью,

приобретая ее доверие, как для того, чтобы по возможности предохранить ее от инсинуаций и интриг, которые могли бы затеять против нее, так и для того, чтобы иметь своего рода защиту и поддержку в случае, если бы захотели противодействовать моим намерениям. Таковы мои планы; вы, конечно, одобрите их… Я ожидаю вас с большим нетерпением и точно мессию» (*Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т. 3. Ч. 1. С. 16).

Но это признание показалось ему недостаточным, и в следующем письме Андрею Разумовскому Павел Петрович продолжал развивать мысли о своем положении в обществе: «Раз уже было принято за принцип стараться по возможности жить со всеми в самых сердечных отношениях, все прошло благополучно и спокойно как внутри, так и извне. Я поступал так и заметил, что очень часто наши собственные ошибки являются первоначальными причинами обратных явлений, что вызывается беспокойством, которое мы допускаем проявляться внутри самих себя и которое заставляет считать черным если не белое, то серое. Отсутствие иллюзий, отсутствие беспокойства, поведение ровное и отвечающее лишь обстоятельствам, которые могли бы встретиться, – вот мой план; счастлив буду, если мне удастся мой или, вернее, наш общий проект. Я обуздываю свою горячность, насколько могу; ежедневно нахожу поводы, чтобы заставлять работать мой ум и применять к делу мои мысли… Не переходя в сплетничание, я сообщаю графу Панину обо всем, что представляется мне двусмысленным или сомнительным. Вот в нескольких словах все то, что происходит во мне, и все то, что я делаю в духовном отношении; что же касается физической стороны, то порядок жизни приблизительно почти тот же, который вы составили при отъезде, то есть совершенно однообразный» (*Шильдер*. С. 66–67).

Великий князь Павел Петрович накануне своего совершеннолетия стремится быть в самых добрых отношениях со всеми, кто его окружает, и с матерью, и с графом Паниным, и с братьями Румянцевыми, и с прислугой. Горячий характер заставлял его порой взрываться, заметив неправду и несправедливость. Стремление обуздывать свою горячность претворить в жизнь не удавалось, сплетни так и плелись вокруг императорского двора, он жаловался Панину на двусмысленность происходящего. Панин успокаивал, но горечь оттого, что у наследника не было выдержки, он срывался, обедняла духовную жизнь Павла. Иллюзии рассыпались. Екатерина II, внимательно наблюдая за поступками своего сына, не раз говорила ему, что жизнь – это не мгновение, жизнь долга, выдержка нужна

постоянно, а у великого князя горячность порой побеждала здравый смысл, неразумная вспышка гнева перекрывала размышления. У правителя империи это могло бы привести к необдуманным поступкам во внутренней и внешней политике государства.

Когда в близком кругу императрицы заговорили о женитьбе великого князя, посланники европейских дворов давали ему характеристики. «Великому князю есть чем заставить полюбить себя молодой особою другого пола, – писал посол Пруссии Сольмс. – Не будучи большого роста, он красив лицом, безукоризненно хорошо сложен, приятен в разговоре и в обхождении, мягок, в высшей степени вежлив, предупредителен и веселого нрава. В этом красивом теле обитает душа прекраснейшая, честнейшая, великодушная и в то же время чистейшая и невиннейшая, знающая зло лишь с дурной стороны, знающая его лишь настолько, чтобы преисполниться решимости избегать его для себя самой и чтобы порицать его в других; одним словом, нельзя в достаточной степени нахвалиться великим князем, и да сохранит в нем Бог те же чувства, которые он питает теперь. Если бы я сказал больше, я заподозрел бы самого себя в лести» (Там же. С. 83).

В письмах других зарубежных корреспондентов находим иные описания великого князя.

Фридрих Великий, получая донесения от своих дипломатов, внимательно следил за предсвадебным процессом и давал поучительные советы избранницам императрицы. «Государыня, сестра моя, – писал он Екатерине II 23 мая 1773 года, – мне было невозможно видеть отъезжающею отсюда в Петербург мою старинную и добрую подругу, ландграфиню Дармштадтскую, чтобы не напомнить вашему императорскому величеству о самом верном из ваших союзников и не поручить вашему покровительству ландграфиню, которая, конечно, может обойтись без всякой посторонней рекомендации и которая приносит с собою свою рекомендацию. Чувства почитания, какие она имеет к вашему императорскому величеству, ее желание повергнуться к вашим стопам заставили бы меня уважать ее по этому одному качеству. Она ожидает только прибытия корабля, который должен перевести ее для наслаждения зрелищем, достойным всех тех, кто умеет ценить великие таланты и качества высшего достоинства; многие другие предприняли бы, как и она, подобное путешествие, если бы странное сцепление обстоятельств, в котором они находятся, не препятствовало им в том: то будет отныне на отдаленном Севере, где стараниями вашего императорского величества должно будет искать отныне познаний и истинного

образования, вещь тем более удивительная, что в начале этого столетия эта пространная часть материка пребывала еще в невежестве; она обязана своей образованностью только нескольким высшим гениям, управлявшим этою монархиею. Без сомнения, правление оказывает во всем свое влияние на подчиненный ему народ. Есть народы в Европе, которые пользовались недавно наивеличайшим уважением, но слава которых меркнет и, кажется, готова угаснуть, а те, которые были неизвестными в XIV столетии, как, напр., Россия, поспешными шагами догоняют цивилизованную Европу, от которой так долго отставали. Даже иноземцам дозволено, государыня, рукоплескать и благословлять тех, кто благодетельствует роду человеческому и делает столько добра своим подданным, как воспитанием их, так и мудрыми законами и учреждениями, которыми они увековечат себя. Вот, государыня, размышления, составленные вместе мною и ландграфинею по поводу ее путешествия, более нечего прибавлять вашему императорскому величеству, как только искрения мольбы о вашем для нас сохранении, ибо, что касается славы, то трудно было бы прибавить ее к тем обильным жатвам, какия вы уже собрали…»

18 июня 1773 года Екатерина II, получив это письмо Фридриха Великого из рук ландграфини Дармштадтской, писала в ответ, что она и ее дети предназначены к тому, чтобы скрепить узы, уже соединяющие их государства: «Мой сын решился предложить свою руку принцессе Вильгельмине».

3 августа того же года Фридрих Великий вновь написал письмо Екатерине II, уверяя ее в полной преданности и надежде, что брак будет «столько же выгодным, сколько счастливым для вас, для великого князя и для России».

А до этого четыре года барон Ассебург, русский дипломат, посещает княжеские и герцогские дома с поручениями императрицы и одновременно приглядывается к семьям того или иного герцога или князя. И о каждом посещении барон подробно сообщал императрице. И не только ей, но и прусскому королю Фридриху II, и графу Никите Панину, воспитателю великого князя. Это привычная дипломатия вообще, того времени – в особенности. За эти четыре года барон посетил множество германских владений, написал множество отчетов заинтересованным лицам, которые в свою очередь высказывали свои сомнения, пожелания, предложения. По совету Фридриха II барон Ассебург остановился на двух семействах – на принцессах гессен-дармштадтского двора и принцессах вюртембергского двора и дал подробнейший отчет своим повелителям. Фридрих II указал обратить внимание на ландграфиню Каролину Гессен-

Дармштадтскую с ее тремя принцессами, у него были свои мотивы: Каролина – его родственница, а главное – он любил порядок в германских владениях, мечтал об их объединении в великую империю и намерен был возглавить ее со временем лично или передать наследникам. К тому же у Каролины три дочери, одна лучше другой. И барон не раз бывал в Дармштадте, тонкий и деликатный наблюдатель и психолог дал объективную характеристику принцесс. И четыре года тому назад, и сейчас, когда пришло совершеннолетие великого князя и выбор невесты стал неотложен.

А принцесс Вюртембергских отвергли сразу потому, что отец их, как младший, не имел звания герцога, но имел большое семейство, жившее на скудное содержание. Это сразу остановило Екатерину, такое семейство не могло породниться с императорским домом России, хотя барон Ассебург среди принцесс выделял обаятельную принцессу Софью-Доротею, но ей было чуть больше девяти. Так что и прусский король, и граф Панин, и русская императрица остановили свой выбор на Вильгельмине. Но, чтобы не сковывать выбор великого князя, императрица решила пригласить и ландграфиню Каролину с тремя принцессами в Петербург на смотрины и принятие решения о невесте. Получив все документальные данные о Вильгельмине, императрица оказалась в сложном положении, с одной стороны, была довольна и, одновременно, весьма недовольна ее характеристиками. «Принцессу Дармштадтскую мне описывают, – писала она Ассебургу, – особенно со стороны доброты ее сердца, как совершенство природы, но помимо того, что совершенства, как мне известно, в мире не существует, вы говорите, что у нее опрометчивый ум, склонный к раздору. Это в соединении с умом ее сударя-батюшки и с большим количеством сестер и братьев, частью уже пристроенных, а частью еще дожидающих, чтобы их пристроили, побуждает меня в этом отношении к осторожности…»

Для встречи гостей Екатерина II поручила барону Александру Ивановичу Черкасову, «человеку большого ума, с обширными сведениями, но нравом странным, вспыльчивым, даже грубым… он был добр, праводушен, преисполнен честности и усердия» (*Вейдемейер*) отправиться 16 мая 1773 года в Ревель.

Много беспокойства и неясности было у барона Александра Черкасова, который встречал ландграфиню Гессен-Дармштадтскую с ее тремя дочерями-принцессами и свитой, прибывших из Любека в Ревель на судах российской флотилии под командой кавалера Краузе (ранее в Любек отправился для сопровождения ландграфини и принцесс генерал-майор

Ребиндер, а одним из судов командовал обаятельный капитан-лейтенант Андрей Разумовский).

А перед бароном Черкасовым неожиданно встало множество проблем. Конечно, он встретит гостей на пристани со всеми почестями, отправит в замок Екатеринендаль, генерал-губернатор принц Гольштейн-Бекский сделал все необходимые приготовления. Понятно и то, что барон будет прислушиваться к тому, что будет ему советовать генерал Ребиндер, он уже познакомился с ландграфиней, с ее дочерьми и свитой, ее величество сообщила ему, что генерал – умный человек, ему не надо дважды повторять поручение, его права кончились в Ревеле, но он будет сопровождать гостей до Царского Села. Отдых гостям в Ревеле они сами определят, только согласуясь с ними, можно точно определить маршрут и доложить об этом императрице, которая еще не знает, где встретить гостей, в Красном Селе или в Гатчине. Барон помнит совет ее величества, чтобы он не поддерживал ландграфиню, когда она начинала обсуждать тонкие политические вопросы, сейчас дела домашние, тут не до политики. Но какова церемония встречи ландграфини и ее дочерей? Речь идет о делах первостепенной важности: нужно ли стрелять из пушек? Сколько выстрелов? Нужно ли поставить гарнизон в ружье? Какой выставить почетный караул? Целовать ли барону руку у ландграфини и принцесс? Барон был очень встревожен, не зная многих вещей, которые были приняты при европейских дворах. А ведь дело касалось императорского двора Российской империи.

Но все обошлось так, как надо: Екатерина II вспомнила, что при ее прибытии в Ригу стреляли из пушек, гарнизона не было в строю, никто не целовал рук германским принцессам, они не принадлежат к императорской фамилии. Так предупредительно и ласково встретил барон Черкасов германских принцесс и проводил их до Гатчины.

Уже в этот период разгорелись страсти вокруг влияния на ландграфиню, и об этом подробно написала Екатерина II, получив множество депеш от Ассебурга, барону Черкасову:

«Я посылаю вам, для личного вашего установления, извлечение из депеш, которые я видела, но есть одна, и ее-то граф Панин не счел мне нужным показать. Между прочим Ассебург уверяет в частном письме, что ландграфиня, стараниями его, Ассебурга, так хорошо вымуштрована, что будет следовать советам одного Панина и что она его будет слушать и во всем будет с ним заодно. С другой стороны, я получила в тот же день прилагаемый экстракт из послания короля прусского графу Сольмсу. Из подчеркнутых мною строк вы увидите, что и он

предлагает графу наставлять ландграфиню.

Весь свет хочет вести эту женщину, и если дела пойдут таким образом, то они пойдут дурно. Ради Бога, предупредите ее очень серьезно, что если она хочет иметь ко мне доверенность и чтобы я верила ей, то ей следует удалить всех конкурентов, которые хотят заставить ее действовать по влиянию их собственных страстей. Признаюсь, что страсти и всякое страстное поведение мне в высшей степени не нравятся, а пристрастие повредит ландграфине, как в моем так и в общем мнении. И потому я желаю, чтобы она соединила, а не разделяла умы; вот ваша обязанность; сделайте возможно лучшее для успеха» (*Лебедев П.* Графы Никита и Петр Панины. СПб., 1863. С. 371–375).

Но барон Ассебург, зная о противостоянии и противоречиях графа Никиты Панина и императрицы, написал графу Панину, продолжавшему опекать великого князя, в апреле 1773 года тайное от императрицы подробнейшее письмо о принцессах Гессен-Дармштадтских, даже не подозревая, что письмо было скопировано.

Никита Иванович, прочитав письмо, тут же завел с Павлом Петровичем разговор о женитьбе. Он надеялся, что выполняет волю Фридриха II, вовсе не подозревая, что секреты Ассебурга давно раскрыты, Екатерина II уже была информирована – она тоже склонялась к этому выбору, других невест просто не было.

– Ваше высочество, поиски принцессы для вас почти закончились, объездили чуть ли не все германские владения, в одних принцессы слишком малы, в жены не годятся, а в других многие помолвлены и ждут не дождутся свадьбы. Только Каролина Гессен-Дармштадтская с ее тремя принцессами… они приглашены в Петербург на смотрины, приедут вроде бы в гости, чтобы скрыть от света наши истинные намерения, а на самом деле на смотрины. Так что, дорогой мой воспитанник и великий князь, наследник императорского престола, готовься к выбору.

Глядя на Павла, граф Панин поразился виду возбужденного князя, вскочившего с кресла и суетливо замахавшего руками. «А ведь великий князь, – подумал Никита Иванович, – мог бы с любой фрейлиной переспать, но ишь как переполнен чувствами и ожиданиями».

– Те, кто видел принцесс, характеризуют их обстоятельно, все они прекрасны, хорошо воспитаны, с благородными и благопристойными манерами. Одна из них, принцесса Вильгельмина, очень умна, много читала, барон Ассебург много лет наблюдает за принцессами и делает…

– Граф, дайте мне это письмо барона, я сам прочитаю, что он пишет…

– Но, Павел, это письмо тайное, о нем ничего не знает ваша матушка государыня. Если я дам вам его, то извольте сохранить тайну…

Никита Иванович передал письмо Ассебурга Павлу, в кабинете надолго воцарилось молчание, сам же он неожиданно для себя подумал: «Сколько раз я перлюстрировал вроде бы тайные письма и докладывал Екатерине суть их, а она требовала эти письма и сама читала, чтобы принять решение. Неужто она, мудрая правительница, пропустила это письмо, адресованное мне от барона, и не перлюстрировала его? Что-то не верится…» Граф Никита Панин серьезно помог Екатерине во время дворцового переворота 1762 года, готовил основные документы, мечтал о конституционной монархии и написал трактат об этом, мечтал стать во главе правительства при императрице, но Екатерина II, как и императрица Анна в 1730 году, отвергла саму мысль о конституции. Трактат Панина без подписи долго лежал без движения, а затем Панину поручили воспитание сына и ведение иностранных дел. И все! Это не могло удовлетворить графа Панина, мечтавшего стать во главе великих преобразований в империи.

– Никита Иванович, – прервал Павел размышления своего бывшего воспитателя, – здесь сказано, что ландграфиня Каролина испытывает противоречивые чувства, радость от поездки смешивается у нее с опасением, что императрица заметит недостатки ее дочерей, она переживает, что мы, разочаровавшись, отвергнем этих принцесс.

– Дело в том, ваше высочество, что принцессы воспитаны в тщеславном сознании своего высокого происхождения, они привыкли к лести, они действительно были, без сомнения, первыми по красоте и достоинству. Но они хорошо знают императрицу и уверены, что им предстоит трудная роль, чтобы удовлетворить высокие притязания…

– И заметим, граф, что чем ближе срок их появления в Петербурге, тем больше робости у них, каждая случайность может повредить им. Мне это тоже очень нравится…

– Для них это очень высокая ставка. Они очень гордятся тем, что их сестра вышла за наследника прусского престола, Фридрих II – великий государь, они это хорошо знают и ценят его выбор. После этого они стали более уверенными, но опасения остаются…

– Барон дает точную характеристику принцессам, они думают, что достаточно таких качеств, как грация, вежливость, умение держать себя, знание светских обычаев, чтобы с честью фигурировать во всех положениях, но ведь, граф, этими достоинствами отличаются и наши светские барышни? Разве они

блещут острым умом, глубиной философских размышлений, умением разбираться в театральных постановках, умением сравнивать литературу русскую и французскую…

– Эк вас, ваше высочество, куда занесло… Эти качества присущи передовым образованным мужчинам, подобного от принцесс не дождетесь, соискательница Амалия явно не подходит в вашу категорию, а вот принцесса Вильгельмина, в детстве прелестное дитя, сейчас решительно изменилась и отличается от сестер.

– Но барон сообщает, что Вильгельмина произвела на него неблагоприятное впечатление, ее черты огрубели, глаза и рот утратили свои первоначальные формы, цвет лица потемнел и испортился, руки не похорошели, лицо утратило блеск первой молодости, талия, походка и даже голос совершенно изменились, веселость ее характера сменилась скрытностью, сухостью в разговорах, иногда даже мрачностью, тяжеловатостью и невнимательностью… Такая принцесса вряд ли нужна мне…

– Ваше высочество, – Никита Иванович взял из рук Павла письмо, – вы обратили внимание только на эти слова барона, а между тем далее он дает более глубокую характеристику принцессы. Вот послушайте… «Принцесса Вильгельмина затрудняет каждого, кто захотел бы изучать истинные изгибы ее души, тем заученным выражением лица, которое редко ее покидает. Я приписываю это однообразию впечатлений необыкновенно скучающего сердца и еще до сих пор остаюсь при убеждении, что принцесса будет впоследствии иметь другой характер, хотя не берусь отвечать, что дармштадтская скука была единственною или, вернее, главною причиною, определившею ее нрав, столь мало обыкновенный у молодых девиц. Удовольствия, танцы, наряды, общество подруг, игры, наконец все-все, что будит у других живость страстей, ей не прививается. Принцесса остается чуждою всему, посреди всех удовольствий, и отдается им так, как будто желая сделать более угодное другим, чем себе. Что это? Нечувствительность или боязнь показаться ребенком для тех, кто ею руководит? Не знаю, что отвечать на это, и прямо сознаюсь, что основные черты характера Вильгельмины для меня закрыты завесою…» Вот, великий князь, черты, которые вам надо разгадать и повести ее в нужном вам направлении, а уж о направлениях мы с вами подолгу говорили. Вы знаете, что делать со своей супругой.

– Да, граф, я отметил и другие фразы из письма… Никто на нее не жалуется, обращаются к ней с доверием, ландграфиня отличает ее, хвалит ее ум и послушание, она холодна, но ровна со всеми, но она честолюбива, граф, это тоже важное качество для

великой княгини.

Павел взял из рук графа Панина письмо и прочитал дальнейшую характеристику принцессы Вильгельмины: «У нее сердце гордое, нервическое, холодное, может быть, более резкое в своих решениях, но зато открытое и доступное верному суждению и привлекательности ясно сознанного честолюбия. Ее нрав и манеры приобрели оттенок какой-то небрежности, но принцесса сделается милее, приятнее и ласковее, когда будет жить с людьми, которые сумеют действовать в особенности на ее сердце. То же самое думаю я и об ее уме: теперь он в недеятельности, останавливается на небольшом числе местных понятий, невнимателен скорее по привычке, чем не по любви к дельному или предубеждению. Этот ум, при других условиях и в другом месте, при других обязанностях, развернется и сделается приятнее, справедливее и основательнее…»

– Узнав все это, граф, останавливаешься в каком-то противоречивом состоянии. Сколько нужно сил, чтобы показать ей…

– Вам, ваше высочество, и предстоит сделать все необходимое, чтобы повлиять на ее холодное и гордое сердце.

Павел и граф Панин были очень довольны разговором, чувствовалось, что выбор был сделан. Особенно доволен был граф Панин, что убедил великого князя, что у принцессы Вильгельмины особый характер, но с этой принцессой можно жить и добиваться семейных успехов.

Весь в ожидании встречи с принцессой Вильгельминой, Павел продолжал писать свою давнишнюю работу…

Граф Панин после тяжких раздумий решил показать Екатерине II тайное письмо барона Ассебурга. Императрица сделала вид, что письмо не читала, прочла и с улыбкой сказала Панину в присутствии барона Черкасова:

– Выбор не затрудняет меня, и я сей же час готова верить, что вторая принцесса, то есть Вильгельмина, восторжествует. Хорошо бы и Павел сделал тот же выбор. Черкасов, хотите пари? Понятно, вы считаете, что я, как императрица, одержу в этом пари верх? А я думаю, что и Павел согласится со мной. Я не спрашиваю, Черкасов, о мнении Павла. Я уверена, что она честолюбивее всех других. Кто ни к чему не имеет влечения и ничем не забавляется, тот снедаем честолюбием. Фридрих II расточает комплименты старшей сестре этих принцесс. Но я знаю и как он выбирает, и какие ему нужны. И та, которая ему нравится, вряд ли понравилась бы нам. По его мнению, которые глупее, те и лучше. Я видала и знавала выбранных им.

– Не стоит, ваше величество, держать пари, мы долго

разговаривали с Павлом, и он сделал свой выбор.

– Не говорите мне какой, я уже почти точно знаю, что он выбрал Вильгельмину.

На следующий день Павел вошел в кабинет матери, где она вела переговоры о Пугачевском бунте (императрица была готова сослать виновников в Сибирь), и выразил удивление, заявив, что такой бунт требует более строгого наказания. Мать одобрила его жестокость. Между Павлом и императрицей установились самые теплые отношения. Былых ссор как не бывало. Вскоре они отправились в Ревель.

По дороге Павел вспоминал своего закадычного друга графа Андрея Разумовского, с которым провели и детство, и первые юношеские годы. Андрей был на два года старше Павла, красавец, богач, побывал за границей, приобрел опыт любовных утех, совсем отдалился от Павла, а так он сейчас, в минуты предсвадебной суеты, был ему нужен.

Павел написал ему письмо: «Дружба ваша произвела во мне чудо: я начинаю отрешаться от моей прежней подозрительности. Но вы ведете борьбу против десятилетней привычки и побораете то, что боязливость и обычное стеснение вкоренили во мне. Теперь я поставил себе за правило жить как можно согласнее со всеми. Прочь химеры, прочь тревожные заботы! Поведение ровное и согласованное с обстоятельствами – вот мой план. Я сдерживаю, насколько могу, свою живость; ежедневно выбираю предметы, дабы заставить работать свой ум и развивать мои мысли, и черпаю немного из книг».

По дороге в Ревель мысли Павла не раз обращались к матери, российской императрице, он видел, как умные люди, считающие совсем по-другому, беспрекословно подчинялись любому ее слову, что было неприятно, противоречило духу свободы.

«Это несчастие часто постигает монархов в их личной жизни, – пришел к выводу Павел, прочитавший Вольтера, Монтескьё, Дидро. – Возвышенные над той сферой, где нужно считаться с другими людьми, они воображают, что имеют право постоянно думать о своих удовольствиях и делать все, что угодно, причем не сдерживают своих желаний и прихотей и заставляют подчиняться им. Но эти другие, имеющие со своей стороны глаза, чтобы видеть, имеющие к тому же собственную волю, никогда не могут из чувства послушания сделаться настолько слепыми, чтобы утратить способность различать, что воля есть воля, а прихоть есть прихоть…» Но неожиданно мысли его переключились на приезд ландграфини с принцессами. Все это время он вовсе не подозревал, что они вольно (граф Панин) или невольно (Екатерина II) подчинялись выбору Фридриха II,

коварного и проницательного прусского короля, который прежде всего заботился о будущем Германской империи.

Пока Екатерина II, ехавшая со свитой впереди, а Павел со своими приближенными ехал вслед за ней, размышляли о встрече с принцессами, произошел конфуз. За несколько дней до этого на корабле, следующем в Ревель, капитан-лейтенант Андрей Разумовский, увидев красавицу Вильгельмину, тут же начал за ней ухаживать. Опытный и обаятельный кавалер понял, что и он ей понравился, потому перешел к активным действиям и совершил то, что предстояло вскоре сделать великому князю. Принцесса была свободной, Андрей Разумовский тоже, и ничто не мешало удовлетворить им свою вспыхнувшую страсть.

Чуть позже Екатерина II, повидав гостей, возвращалась со свитой в Петербург, а навстречу ехал опоздавший Павел со своей свитой. О встрече с гостями из Дармштадта Павел записал в дневнике: «Через некоторое время пыль снова поднялась, и мы более не сомневались, что это едет императрица с остальными. Когда кареты приблизились, мы велели остановить свою и вышли. Я сделал несколько шагов по направлению к их остановившейся карете. Из нее начали выходить. Первой вышла императрица, второй – ландграфиня. Императрица представила меня ландграфине следующими словами: «Вот ландграфиня Гессен-Дармштадтская, и вот принцессы – ее дочери». При этом она назвала каждую по имени. Я отрекомендовался милости ландграфини и не нашел слов для принцесс…» От волнения и восторга Павел Петрович перепутал все имена, но потом за ужином во дворце все имена восстановились. Затем в дневнике Павел записал мнение графа Панина о его поведении: «Он сказал, что доволен мною, я был в восторге. Несмотря на усталость, я все ходил по моей комнате, насвистывая и вспоминая виденное и слышанное. В этот момент мой выбор почти уже остановился на принцессе Вильгельмине, которая мне больше всех нравилась, и всю ночь я ее видел во сне…»

Павел Петрович тут же признался матери, что он влюбился в принцессу Вильгельмину, вопрос со сватовством быстро был решен. «Мой сын, – писала императрица, – с первой же встречи полюбил принцессу Вильгельмину; я дала ему три дня сроку, чтобы посмотреть, не колеблется ли он; и так как эта принцесса превосходит своих сестер, то на четвертый день я обратилась к ландграфине, которая, точно так же, как и принцесса, без особых околичностей дала свое согласие… По-видимому, ни ей, ни ее дочерям у нас не скучно. Старшая очень кроткая; младшая, кажется, очень умная; в средней все нами желаемые качества: личико у нее прелестное, черты правильные, она ласкова, умна;

я ею очень довольна, и сын мой очень влюблен…» (*Гамлет*. С. 30).

Отставка Никиты Панина с поста обер-гофмейстера малого двора не освободила Екатерину от забот о сыне, она долго выбирала из тех, кого хотела поставить на его место. Наконец 5 ноября 1773 года Екатерина II назначила генерала Николая Ивановича Салтыкова главным смотрителем малого двора, дав ему серьезную инструкцию поведения при великокняжеской семье. Тут же написала и сыну письмо по случаю этого назначения:

«Я назначила к вам генерала Салтыкова. Таким образом, при вас будет выдающееся лицо, и не только для того, чтобы придать важности вашим выходам, но и для того, чтобы он держал в полном порядке лиц, назначенных при вас соответственно вашему званию. Он будет представлять вам иностранцев и других лиц, он будет заведовать вашим столом и прислугой, смотреть за порядком и внешностью, требующеюся при дворе. Это человек, преисполненный честности и кротости, которым были довольны везде, где он был употребляем, поэтому я не сомневаюсь, что вы поладите и что он поведением своим постарается заслужить ваше благорасположение, которое прошу ему оказывать.

Ваши поступки очень невинны, я это знаю и убеждена в том; но вы очень молоды, общество смотрит на вас во все глаза, а оно – судья строгий: чернь во всех странах не делает различия между молодым человеком и принцем: поведение первого, к несчастью, слишком часто служит к помрачению доброй славы второго. С женитьбой кончилось ваше воспитание; отныне невозможно оставлять вас долее в положении ребенка и в двадцать лет держать вас под опекой; общество увидит вас одного и с жадностью будет следить за вашим поведением. В свете все подвергается критике; не думайте, чтобы пощадили вас, либо меня. Обо мне скажут: она предоставила этого неопытного молодого человека самому себе, на его страх; она оставляет его окруженным молодыми людьми и льстивыми царедворцами, которые развратят его и испортят его ум и сердце; о вас же будут судить, смотря по благоразумию или неосмотрительности ваших поступков; но подождите немного. Это уже мое дело вывести вас из затруднения и унять это общество и льстивых и болтающих царедворцев, которые желают, чтобы вы были Катоном в двадцать лет, и которые стали бы негодовать, коль скоро вы бы им сделались. Вот что я должна сделать: я определяю к вам генерала Салтыкова, который, не имея звания гофмаршала вашего двора, будет исполнять его обязанности. Сверх того приходите ко мне за советом так часто, как вы признаете в том необходимость: я скажу

вам правду с всею искренностью, к какой только способна, а вы никогда не оставайтесь недовольны, выслушав ее. Понимаете! Вдобавок, чтобы основательнее занять вас, к удовольствию общества, я назначу час или два в неделю, по утрам, в которые вы будете приходить ко мне один для выслушания бумаг, чтобы ознакомиться с положением дел, с законами страны и моими правительственными началами. Устраивает это вас?» (*Шильдер*. С. 76).

Павла Петровича вполне устраивало мнение императрицы, ее советы и предложения. Но об этом письме вскоре узнали и начались разные толки. Граф Дмитрий Михайлович Матюшкин, камергер малого двора, в откровенном разговоре с великой княгиней намекнул, что генерала Салтыкова прислали для досмотра и доклада императрице о том, что делается при малом дворе. Наталья Алексеевна, так стала зваться Вильгельмина, приняв православие, передала это Павлу Петровичу, который пришел просто в ярость от подобного контроля. Честно рассказал о своих подозрениях императрице, назвал имя льстивого царедворца. Екатерина написала грозную записку обер-гофмаршалу Николаю Михайловичу Голицыну, который тут же распорядился удалить камергера Матюшкина от малого двора.

Потом разумные действия генерала Салтыкова покорили великого князя, он стал с ним часто беседовать, особенно интересовали его военные походы Салтыкова и его размышления о военной жизни, о снаряжении армии и ее предназначении. Уже тогда великий князь думал о проекте управления государством.

Но через несколько месяцев до императрицы стали доходить слухи, а потом проверенные вести о том, что великая княгиня Наталья Алексеевна резко изменилась, стала более внимательно приглядываться к внутренней и внешней политике, следила за боевыми действиями русской армии против турок, стала чаще разговаривать с графиней Румянцевой, расспрашивать о графе Румянцеве, о ее детях. С некоторым удивлением она видела, как быстро возвышается Григорий Потемкин, только появившийся во дворце, уже генерал-адъютант, стал вхож в спальню императрицы; разговоры с Павлом, графом Паниным приоткрыли весь цинизм и разврат фаворитизма, с ее точки зрения, императрицы; она стала более откровенной в своей связи с графом Разумовским, который не скрывал своих чувств и почти всегда бывал третьим с великим князем и великой княгиней. Великий князь словно не замечал их триединство, он с детства дружил с Андреем, а потому дружба Андрея с великой княгиней вовсе его не беспокоила. Но не так доверчива была императрица, увидев, что юная великая княгиня пошла по ее стопам, а это не сулило великому князю ничего

хорошего. Она, императрица, свободная женщина, муж ее скончался, она имеет право выбора, а великая княгиня вступила на путь разрушительницы законного брака, а это непростительно, постыдно, пора вмешаться в жизнь этой якобы счастливой семьи. Но у нее нет никаких доказательств неверности великой княгини, а фаворитизм – это неотъемлемая суть придворной жизни во всей Европе. Вмешиваться не стоит, пока надо наблюдать, необходимо еще присмотреться…

На одном из императорских заседаний в Эрмитаже братья Румянцевы были представлены барону Мельхиору Гримму и Дени Дидро, прибывшим в Петербург по приглашению Екатерины II. Екатерина II состояла в переписке с бароном Гриммом уже несколько лет (как известно, и с Вольтером, Д'Аламбером, Дидро, другими энциклопедистами), но только сейчас с ним познакомилась лично и быстро подружилась, настолько барон был учтив, образован, а из его переписки было ясно, что он вел знакомство чуть ли не со всеми европейскими правителями, большими и малыми, знал чуть ли не все интриги и сплетни державных дворцов, разбираясь и во внешней европейской политике, не оставаясь в стороне и от сложностей и противоречий внутреннего устройства этих держав.

Великая ландграфиня Дармштадтская, хорошо его знавшая, поручила барону Гримму вместе с ее сыном, братом принцессы Вильгельмины, невесты великого князя Павла, поехать в Петербург в сентябре 1773 года на свадьбу сестры. 15 августа принцесса Дармштадтская приняла православие, а 29 сентября стала великой княгиней Натальей Алексеевной. Павел был в восторге от своей обаятельной жены, красивой, умной, волевой, властной.

Барон Гримм присутствовал при всех этих торжествах, разделяя радость и надежды императорского двора – нужен наследник, продолжение рода Петра Великого.

После знакомства барона с императрицей многие пытались расспросить, как прошла его первая встреча с Екатериной Алексеевной.

– Я был позван к ней, – отвечал барон Гримм в присутствии, как всегда, любопытствующих, среди которых был и Николай Румянцев, – как только она ушла в свой кабинет после вечернего собрания. Она меня встретила с тем величавым выражением достоинства, которое было в ней так естественно, правда, ничего не было строгого, властного, хотя я невольно почувствовал смущение.

Барон Гримм таким образом пересказал их беседу.

– Ну что же вы мне скажете, если так добивались встречи со

мной? – начала императрица.

– Государыня, если ваше величество сохранит этот взгляд, то мне придется уйти, потому что голова моя не будет свободна, и, следовательно, не нужно злоупотреблять минутами, отпущенными вами для беседы со мной, скромным журналистом.

– Садитесь, поговорим о нашем деле, – с улыбкой сказала Екатерина II. – Наша переписка с вами убедила меня в том, что вы достаточно сведущи в положении европейских дворов, ведете знакомства со многими известными людьми в Европе, переписываетесь с ними, о вас очень много доброго говорила великая ландграфиня Каролина Дармштадтская…

– Простите, государыня, что перебью вас… Каролина поручила мне быть воспитателем ее сына, настолько мы хорошо с ней знакомы…

– Да и мы с вами не первый год в переписке, столько моих поручений вы исполнили. – Минутку помолчала, а про себя подумала, что немало тысяч рублей ушло на барона Гримма за его услуги. И разве только она? Каролина Дармштадтская, которая переписывалась чуть ли не со всей Европой, рассказывала ей, как Гримм, сын пастора, стал бароном. Ландграфиня обратилась к Гримму с просьбой сопровождать ее сына Людвига, 18-летнего наследника престола, в путешествии по Европе. Гримм понял, что он не сможет представляться достойным образом, слишком уж несолидно быть всего лишь журналистом, философом, литератором, ведь у него нет ни ордена, ни титула. Он высказал свое огорчение в связи с этим странным обстоятельством. Гримм попросил дать ему шведский орден Северной звезды, но получил отказ – орден выдают только дворянам. Тогда Гримм попросил ландграфиню добыть ему какой-нибудь титул. Герцог Тосканский, канцлер Кауниц, другие высокие лица, подписчики его газеты, расположены к нему, стоит только попросить их об этой услуге. Так Каролина и сделала, написала в Вену, попросила канцлера, и год назад Гримм получил диплом на титул барона Священной империи с правом писать «де Гримм», а Каролина уплатила канцелярские расходы в 4 тысячи гульденов. Так сын пастора стал бароном де Гриммом. Он и раньше выдавал себя за аристократа, но подписывал свои бумаги по-прежнему – Мельхиор Гримм.

– Господин Гримм, граф Григорий Орлов, тоже читатель вашей газеты, тщательно изучил вашу биографию и предложил вам работать в России, я полностью с ним согласна. Я не обременю вас своими заботами. Год у нас очень сложный. Война с турками, мои союзники мечтают о разделе Польши и настаивают на этом, в августе нынешнего года яицкие казаки протестуют

против императорской власти. Мне нужны умные помощники…

– Увы, ваше величество, у меня столько незаконченных дел в Европе! Я надеюсь на переписку с вами, в письмах многое можно сказать, это и будет моя помощь вам, если вы соблаговолите продолжить эту переписку. Вместе со мной приехал Дени Дидро, крупный философ, писатель, энциклопедист, попросите его оказать вам содействие, хотя вы так умны и авторитетны в Европе, что такие помощники вряд ли вам нужны.

– Ладно, так уж и быть. Но у меня есть еще одна просьба. Возможно, вы уже познакомились с графом Николаем Румянцевым, – и барон легким кивком поклонился Николаю Румянцеву, – он мечтает поехать в Европу, побывать на лекциях в университете, побывать в европейских столицах. Вы хорошо поработали с принцем Людвигом, возьмите и графа Румянцева на свое попечение. К тому же только что появился при нашем дворе и брат его Сергей, тоже камер-юнкер.

Барон закончил рассказ обнадеживающей вестью:

– Так что, граф Николай Петрович, готовьтесь к поездке за границу, я согласился сопровождать вас, а маршрут мы разработаем.

И барон де Гримм откланялся.

Николай Румянцев не раз говорил, что домашнего образования недостаточно для того, чтобы с пользой служить своему отечеству, твердил матери, внушал и Сергею. Но отец, занятый военными операциями с турками, не мог включиться в разработку этих планов, а материнских денег не хватало на европейские расходы. И бабушка, Мария Андреевна, статс-дама императрицы, и мать, Екатерина Михайловна, не раз просили Екатерину Алексеевну о поездке своих сыновей за границу на учебу, императрица соглашалась, но дело так и не двигалось. Не раз мать писала отцу, фельдмаршалу Румянцеву, с просьбой похлопотать об учебе сыновей. Разговор императрицы с бароном существенно подвинул дело к реальному результату.

И почти сразу, очень кстати после невольного интервью с бароном де Гриммом, Николай Петрович увидел идущего ему навстречу двоюродного брата Александра Куракина, одного из ближайших друзей великого князя Павла Петровича.

– Я только что услышал от барона Гримма, что императрица просила его сопровождать нас с Сергеем за границу, – кинулся Николай к Борису, – а куда – не знаю, ведь мы же на государевой службе.

– Секрета нет, поезжайте в Лейден, это портовый город в дельте Рейна, там есть музей древности, ты ведь увлекаешься

древней историей, посмотришь, там открыт дом-музей Рембрандта, полюбуешься картинами великого художника, имеется позднеготическая церковь Синт-Питерскерк, да еще и мрачная тюрьма Гравенстен, созданная в это же время. А главное – там хороший университет, основанный еще в XVI веке, лекции читают и ведут занятия лучшие профессора Европы, я там слушал лекции около полутора лет. Лейден – это что-то вроде колонии русских аристократов. Вместе со мной там были князь Гагарин, граф Шереметев, сейчас туда поехали два князя Волконских, князь Голицын, собираются туда поехать мой брат Алексей Куракин, князь Юсупов, граф Сиверс, граф Нарышкин… Раньше учились в Лейпциге, а последние десять лет все потянулись в Лейден. Кто-то из наблюдателей подсчитал, что за эти годы в Лейдене перебывало свыше двадцати молодых аристократов.

– А почему отвергли Лейпциг?

– В Лейпциге господствовал грубый и бестактный майор Бокум, а в Лейдене – тактичный и благоразумный Карл Салдерн, брат известного дипломата, которого мы хорошо знаем в Петербурге.

– Тогда, кстати уж, скажи и о предметах, которые там преподают.

– Ты знаешь, Николай, я увлекся юридическими вопросами, подобных тем возникает с десяток чуть ли не каждый денъ, а когда мы займем какое-то место в отечественной иерархии, все закрутится. В Лейдене – каждый день латинский и математика, четыре раза в неделю философия, физика, естественная история, естественное право, история, кроме того, языки французский, немецкий и итальянский, наконец, музыка и фехтование. А преподаватели – настоящие ученые, ты познакомишься с ними, профессор Пестель, профессор Жак Николай Алламан… Я и до сих пор поддерживаю с ними отношения.

Николай в знак согласия кивнул на прощание и задумался о непростой биографии своего двоюродного брата. Александр Куракин всего на два года старше его, а уже столько любопытного и неожиданного в его судьбе. Принадлежит к древнейшему княжескому роду, в его роду были и стольники, и бояре, и храбрые воины, честно служившие своим царям.

Отец Александра, Борис Александрович, женился на княгине Елене Степановне, дочери фельдмаршала Апраксина, в детстве записали его в лейб-гвардии Семеновский полк сержантом, в 11 лет он – подпоручик, потом из Москвы мальчика отправили в Петербург под опеку дяди-министра и воспитателя великого князя Павла Петровича Никиты Ивановича Панина, естественно, Александр стал товарищем по совместным играм с великим

князем, а затем и другом. И в ходе игры и встреч познакомился с ближайшими друзьями великого князя. Его учителями были лучшие знатоки французского, латинского, немецкого, а для познания русского языка читал Псалтырь, «достаточный к научению российского штиля», выписывал слова, а непонятное ему тут же растолковывали. А в 14 лет его отправили в Альбертинскую коллегию, в Киль, где он слушал лекции и одновременно служил в русском посольстве в Копенгагене, за что получил датский орден, потом два года путешествовал по Германии, а в 1769 году вернулся в Петербург, влез в долги, совершил что-то непутевое и отправлен был в Лейден доучиваться. В письмах, как говорили в светских кулуарах, ему постоянно приходилось в чем-то раскаиваться, просить разрешения вернуться в Петербург, но Никите Ивановичу Панину в ответных посланиях приходилось уговаривать его, чтобы он оставался в Лейдене и хорошо учился. Более трех лет провел Александр в Лейдене. Потом вместе с Н.П. Шереметевым проехали по Голландии, побывали в Англии, Париже, Лионе, в городах Южной Франции. Только недавно вернулся он в Петербург. «Сколько познаний имел я случай приобрести в Лейдене, – не раз слышали от него в императорских дворцах, – до этого времени я жил лишь для себя, забывая цель моего Создателя, забывая цели доброго гражданина, наконец даже обязанности признательного сына…» А теперь он непременно станет просвещенным гражданином, полезным для своего отечества. Во время учебы и путешествия по европейским странам Александр Куракин писал письма великому князю, рассказывая об увиденных достопримечательностях. Вернувшись из-за границы, Александр Куракин вместе с графом А.К. Разумовским и Н.И. Салтыковым составили при великом князе Павле Петровиче дружеский кружок. Ставили французские пьесы, вели с великим князем Павлом бесконечные разговоры. Граф Николай Румянцев, также находясь в свите великого князя, видел, как был статен, ловок и остроумен красавец князь Александр Куракин, о котором все говорили, что у него большое будущее.

Но больше всего Николая Румянцева занимали дружеские отношения Мельхиора Гримма и Екатерины II. Как она влиятельна в мире! Дидро и Гримм – не простые люди, своим умом и искусством они завоевали пол-Европы, но почему ей удается быть полновластной с ними? Деньги? В это трудно поверить…

В оставшееся до отъезда за границу время Николай Румянцев попробовал разобраться в этих сложных отношениях. Прежде всего – философ и энциклопедист Дени Дидро. Он приехал по

приглашению императрицы, которая хорошо знала книги Вольтера, французских энциклопедистов, в том числе и книги Дидро.

Николай Румянцев пытался распутать тяжелый узел противоречий, который он чуть ли не каждый день наблюдал во время своей придворной жизни. Императрица, которая не сомневается в том, что все ее приказания будут подобострастно выполнены, справедливы они или не очень, всегда ссылается на Вольтера, энциклопедистов, Дидро, которые были противниками абсолютной монархии. Императрица недавно пригласила Жана Лерона Д'Аламбера, почетного члена Петербургской академии наук, быть воспитателем великого князя, купила его библиотеку, писала ему ласковые письма, а он решительно отказался: он – математик, философ-просветитель, а не наставник великого князя, цесаревича, будущего самодержца. Точно так же отказались и другие французские энциклопедисты. Согласился приехать Дени Дидро, писатель, философ-просветитель, основатель и редактор «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел», которая начала выходить больше двадцати лет тому назад. Сюда он привез жизнелюбивый роман «Жак-фаталист», он – против абсолютной монархии, он – за просвещенную монархию. Пять месяцев он прожил в Петербурге, участвовал во всех эрмитажных встречах, подолгу спорил с императрицей, только что стал почетным членом Петербургской академии наук. Спорил-спорил с императрицей, но ее не переспоришь, каждый остался при своих убеждениях.

От раздумий Николая Петровича отвлекла встреча с матушкой, Екатериной Михайловной, которую он очень любил. Грело душу ее постоянное беспокойство за судьбу своих сыновей, особенно его и Сергея. Брат очень рано начал писать стихи, очень много читал, как и он, много говорил о французской поэзии, называл имена даже тех, кого Николай не знал. Николай уже мечтал о дипломатической карьере, как у дяди, Дмитрия Михайловича Голицына, посла России в Вене.

– Французский писатель Дени Дидро скоро возвращается в Париж, – наставляла Екатерина Михайловна, – ты бы, Николай, расспросил его о Париже, о Людовике XV, о наследнике его, о книгах, об «Энциклопедии», вдруг вам понадобятся эти знания, вдруг вам придется бывать в королевских дворцах, а там молчаливых не любят.

– Я не раз, матушка, говорил с ним, расспрашивал его и о творческих замыслах, о том, что издано, о его публицистических статьях, в которых он непримиримо относится к абсолютизму, об извращениях в религиозной жизни, о власти церкви…

– Видишь, куда тебя занесло… – Екатерина Михайловна не раз уже, прислушиваясь к разговорам сыновей, замечала глубокую тягу ко всему новому, непривычному для придворной жизни Петербурга.

– Маменька, ведь ты же знаешь, что наши первые учителя были иностранцами, французами, им хорошо были известны такие имена, как Мишель де Монтень, его «Опыты» не раз цитировали на наших уроках. А потом явился Шарль Луи Монтескьё, почти двадцать лет тому назад скончавшийся, тоже писатель-гуманист, правовед, сатирик, автор «Персидских писем», а главное – автор знаменитой книги «О духе законов», в которой он указал на главное в государстве – разделение властей, как в Английском королевстве. Наша императрица тоже хвалила эту книгу, но никогда не откажется от абсолютизма. А ты слышала, матушка, что она говорит о вернувшемся с позиций Григории Потемкине?

Екатерина Михайловна, конечно, слышала, но не хотела перебивать страстную речь своего сына.

– Императрица говорит, что участие Григория Потемкина в Русско-турецкой кампании определило ее победоносный характер. Не Петр Румянцев, фельдмаршал, первый георгиевский кавалер, увешанный орденами за победоносные битвы, а генерал-майор, командир бригады или дивизии, неудачно выполнивший поручение фельдмаршала, оказывается решающим участником победы над турками. Каково?

Николай зашел слишком далеко в своем критическом пафосе, и Екатерина Михайловна решительно остановила его:

– Даже мне, Николаша, не говори такого, Потемкин только входит в свою роль, многое будет зависеть от него в государственных делах, ты запомни, что императорский двор просто пронизан доносчиками, иной раз придворный и не захочет доносить, но все равно проговорится, особенно о любимцах императрицы. Михаил бывал в его подчинении, хорошо о нем отзывается. А о Вольтере и о Дидро я много слышала от императрицы, она их ставит очень высоко. Вольтер уже несколько лет тому назад уговаривал в письмах матушку-императрицу, чтобы она начала поход против турок, как врагов цивилизации, а сегодняшние победы над турками порождают надежды, что турки будут изгнаны из Европы русскими.

– Да, лучшие земли мира страдают под турецким игом, – сказал Николай.

– О Дидро Екатерина Алексеевна говорила, что она и хвалит его за «Энциклопедию» и ругает за простоту, мол, он ничего не видит, кроме своих теорий. В своих преобразовательных планах

он упускает разницу между положением императрицы, управляющей конкретными делами целой империи и им самим: он работает на бумаге, которая все терпит, его фантазия и его перо не встречает препятствий, а бедная императрица, по ее словам, трудится над человеческой шкурой, которая весьма чувствительна и щекотлива.

– Я понял, матушка, Дидро – идеалист, а наша императрица – реалистка, они чаще всего не понимают друг друга.

– Ты уже многое понимаешь, но столько еще сложнейших вопросов тебе надо изучить. Может, учеба в европейских университетах поможет тебе успешно во всех сложных делах разбираться.

Главной фигурой малого двора был граф Никита Иванович Панин, обер-гофмейстер, воспитатель великого князя; одновременно с этим он возглавлял и Коллегию иностранных дел.

Николай Румянцев не раз обращался с вопросами о Панине к бабушке Марии Андреевне.

– С первых минут посещения императорского дворца я заметил, что повсюду говорят только о братьях Паниных. Ну ладно, Никита Иванович то и дело появляется во дворце, но почему постоянно упоминается и Петр Панин, который живет в Москве?

– А ты посмотри на недавние дела, на Семилетнюю войну, на конфликты между Елизаветой Петровной и великой княгиней Екатериной Алексеевной. Управлял империей тогда опытный государственный деятель Алексей Бестужев, его лучшим учеником и помощником был Никита Панин, молодой, красивый, знающий чуть ли не все европейские языки, Бестужев заметил, что Елизавета не раз посматривала на Панина с боUльшим интересом, чем на остальных царедворцев, канцлер Бестужев решил подтолкнуть их друг к другу. Никита Панин не возражал против такой связи, сел, дожидаясь вызова, в дверях ванной и сделал крупную ошибку – заснул, когда нужно было войти в ванную, где его ждала Елизавета («Записки» Понятовского). Этот нелепый случай испортил все дело – вмиг не стало ни Бестужева, ни Панина. А фаворитами Елизаветы становились по очереди то Александр Шувалов, то Петр Шувалов, а потом очередь докатилась до их двоюродного брата Ивана Шувалова. Как это случилось, никто не мог объяснить, но все знали, что Шуваловы были против Бестужева и Панина, их поддерживали Воронцовы. А после этой крупной неловкости судьба Панина была решена – его послали сначала в Копенгаген, потом в Швецию, там он набрался европейских идей: парламенты, ограниченная королевская

власть, шведы тогда пытались противостоять французскому двору, а в России произошли перемены во внешней политике, Россия и Франция установили союз против общих врагов, Панина пришлось в 1760 году отозвать. Елизавета решила назначить его на пост воспитателя великого князя Павла, остававшийся свободным после отставки Бехтеева. Панину было 42 года, а Ивану Шувалову было только 30 лет, для ответственного поста при дворе Панин уже устарел. Но во время переворота в июне 1762 года холодный ум Панина очень пригодился Екатерине, обычно Панина называют беспечным и ленивым, но в это время он противостоял сильным, но восторженным и пылким людям типа братьев Орловых и их друзей-гвардейцев, восторженной княгине Дашковой, мечтавшей присоединиться к какому-нибудь очень важному делу в России, а что может быть важнее, чем государственный переворот. Панин не разделял прусских симпатий Петра III, его симпатии были на стороне Австрии. Да и многие странности царствующего императора вызывали у опытного дипломата недоумение. А когда стал воспитателем великого князя Павла, постоянные разговоры с Екатериной и участие в интригах двора полностью его вооружили: Воронцовы мечтали развести Петра III с Екатериной, Павла объявить незаконнорожденным, женить императора на его любовнице Елизавете Воронцовой и ждать от нее наследника; Шуваловы думали по-другому – выслать Петра III в Германию, наследника Павла сделать императором, а регентшей – Екатерину Алексеевну. Панин был за Екатерину Алексеевну, а как пойдут дела – он не знал, но, как только все началось, он всемерно помогал Екатерине II. Вот и думай, Николаша, над судьбами людскими. Он воспитал великого князя, Елизавета объявила того наследником, Панин мечтает сделать Павла императором, а регентшей пусть будет Екатерина II. И как только Павел займет совершеннолетним трон, женится, Панин надеется быть властителем империи. Отсюда и все конфликты, нынешние и будущие.

Никита Иванович Панин был при Екатерине II одним из центральных персонажей. Чуть ли не все иностранные посланники оставили о нем противоречивые воспоминания. Очень многие писали о его лени, изнеженности, привычке к барскому образу жизни; делам он уделял минимальное внимание. Он был нужен императрице только на первых порах…

Григорий Орлов не раз говорил императрице, что Панин слишком много времени отводит своим любовным увлечениям, забывая об иностранных депешах, то ухаживает за графиней Строгановой, то за графиней Шереметевой. «Что же мне

делать?» – резко возражала она ему и тем, кто поддерживал Григория Григорьевича. Графиню Шереметеву Екатерина II намечала в жены одному из братьев Орловых, но граф Шереметев согласился выдать дочь за Никиту Ивановича, который просто не отходил от невесты, и графиня тоже увлеклась умным и талантливым соискателем ее руки и сердца. «Императрице я нужнее, чем она мне», – говорил один из организаторов государственного переворота. Несколько дней отделяло графиню Шереметеву от церемонии, когда она стала бы графиней Паниной, но злой рок разрушил эту счастливую свадьбу: графиня заболела оспой и вскоре скончалась. Горе Панина было безмерно.

Вот несколько отзывов дипломатов о Никите Панине. «Г. Панин, без сомнения, человек умный; манеры у него благородные, непринужденные. В нем есть задатки добросовестности, которые, к его чести, всегда проявляются и показывают действительную чувствительность. Он способен и сообразителен; он приятный собеседник, несмотря на то что ему чрезвычайно трудно говорить последовательно, что он увлекается и при этом бывает часто нескромен. Но, несмотря на все эти преимущества, он далек от того, чтобы быть великим министром. Его лень и нерадивость невозможно выразить. Он проводит жизнь с женщинами и второстепенными придворными. С делами, даже первой важности, он не спешит. В нем все вкусы и причуды изнеженного молодого человека; мало образования; весьма несовершенное знание европейских государств; упрямство во многом, непостоянство в склонностях и отвращение к некоторым личностям; соединение мелкого ума, не идущего далее мельчайших подробностей, с желанием все видеть в широких размерах, в то время как он забывает самые главные вещи… Он весь в руках канцелярских служащих, злоупотребляющих его слабостью и в то же время громко попирающих его нерадение; одним словом, твердый и правдивый в одном – в своем подчинении Его Прусскому Величеству…» – такую оценку Панину в 1772 году дал Сабатье де Кабр в своем письме из Петербурга к герцогу Эгильонскому. Сабатье де Кабр беспристрастно признает неподкупность первого министра: «И, может быть, это единственный русский в этом отношении».

Через год французский посланник Дюран дает свою характеристику министру иностранных дел России: «Этот Панин человек добрый, но беспечный, ленивый и развратный, бессильный физически, безвольный и вялый умственно. Я знаю Паниных с малолетства. Министр был рядовым в военной гвардии… Он понадобился императрице Елизавете для другого… и оказался для этого негодным. Его отправили в Швецию. Он

прожил там двенадцать лет. Сон, брюхо, девки были его государственными делами». И этот дипломат дал неверную, одностороннюю оценку. Шевалье де Каброн и шведский посланник Нолькен тоже отметили только некоторые любопытные бытовые черты Никиты Панина, говоря о чувственном темпераменте, лени, небрежности. Маркиз де Верак и Лаво тоже дали приблизительную оценку деятельности Панина: «Он очень любил еду, женщин и игру; от постоянной еды и сна его тело представляло одну массу жира. Он вставал в полдень; его приближенные рассказывали ему смешные вещи до часу; тогда он пил шоколад и принимался за туалет, продолжавшийся до трех часов. Около половины четвертого подавался обед, затягивавшийся до пяти часов. В шесть министр ложился отдохнуть и спал до восьми. Его лакеям стоило большого труда разбудить его, поднять и заставить держаться на ногах. По окончании второго туалета начиналась игра, оканчивавшаяся около одиннадцати. За игрой следовал ужин, а после ужина опять начиналась игра. Около трех часов ночи министр уходил к себе и работал с Бакуниным, главным чиновником его департамента. Спать он ложился обыкновенно в пять часов».

Высокую оценку деятельности Н.И. Панина дал Д. Фонвизин, много лет сотрудничавший в Комитете иностранных дел, близко знавший своего «благодетеля»: «По внутренним делам гнушался он в душе своей поведением тех, кто по своим видам, невежеству и рабству составляют секрет из того, что в нации благоустроенной должно быть известно всем и каждому, как то: количество доходов, причины налогов и пр. Не мог он терпеть, чтобы по делам гражданским и уголовным учреждались самовластием частные комиссии мимо судебных мест, установленных защищать невинность и наказывать преступления. С содроганием слушал он о всем том, что могло нарушить порядок государственный: пойдет ли кто с докладом прямо к государю о таком деле, которое должно быть прежде рассмотрено во всех частях сенатом; приметит ли противоречие в сегодняшнем постановлении против вчерашнего; услышит ли о безмолвном временщикам повиновении тех, которые, по званию своему, обязаны защищать истину животом своим; словом, всякий подвиг презрительной корысти и пристрастия, всякий обман, обольщающий очи государя или публики, всякое низкое действие душ, заматеревший в робости старинного рабства и возведенных слепым счастием на знаменитые степени, приводили в трепет добродетельную его душу» (Там же. С. 220).

3. Екатерина II за работой и во время любовных утех

Екатерина Алексеевна встала, как обычно, рано утром, совершила обычный утренний обряд, в начале седьмого подали ей чашечку кофе, затем села за рабочий стол и погрузилась в размышления о делах, которые нуждались в ее неотложных решениях. Маленькими глотками она допивала кофе, а кипы бумаг лежали в бездействии. Она охотно отложила бы дела, написала бы письмо Вольтеру, взялась бы за дневник, а может быть, за начатую пьесу… Много времени отнимала Русско-турецкая война, но там фельдмаршал Румянцев не только активно действует своими дивизиями, но и начал мирные переговоры с турками. Михаил Румянцев ей подробно рассказал об операциях, которые победоносно произошли за последние дни, упомянул своего начальника Григория Потемкина, который доблестно сражался против турок. Сейчас он осаждал со своим отрядом Силистрию. «Но почему какой-нибудь другой генерал-поручик не может возглавить его отряд и осаждать эту несчастную Силистрию!» – подумала, отвлекшись, императрица. Фельдмаршал сообщает, что султан Мустафа III скончался, на смену ему пришел султан Абдул-Гамид, по словам знавших его человек робкий, малодушный, но верховный визирь Муссун-заде остался и при этом султане, так что требования Турции при заключении мира останутся те же, как и у Российской империи.

Вошел в кабинет тучный секретарь Елагин:

– Ваше величество! Генерал-прокурор князь Вяземский просить принять его по срочному делу.

– Жду с нетерпением, – сказала императрица, а сама подумала: как не вовремя он пришел, хотя знала, что наступило время приемов государственных служащих, а генерал-прокурор Вяземский никогда зря не придет. Тем более что он соединял в своем лице и министра юстиции, и министра внутренних дел, и министра финансов, и начальника тайной полиции.

Князь Александр Алексеевич Вяземский торопливо вошел в кабинет с папкой бумаг, низко поклонился с традиционным приветствием, сел по ее приглашению в кресло напротив и заговорил:

– Ваше величество! Как вы помните, яицкие казаки уже несколько лет жалуются то на Военную коллегию, то на графа Чернышева, то на собственных губернаторов, а в конце прошлого года появился донской казак, который объявил, что он бежавший из-под стражи император Петр III, скрывавшийся несколько лет среди друзей, вокруг него – яицкие казаки и прочие недовольные бунтовщики.

– Ведь я слышала, какого-то донского казака-бунтовщика арестовали, посадили в острог.

– Бежал Емелька Пугачев, чувствуется, он смелый и отважный, ведь он воевал и в Семилетнюю, и два года воевал в Русско-турецкую войну. А получилось очень просто. В июле прошлого года он попросил у своего тюремного начальства возможность собирать милостыню, ему разрешили в сопровождении двух вооруженных солдат, и, когда они вышли, увидели на одной из главных улиц Казани тройку лошадей с телегой. Как только они подошли к тройке, донской казак ударил одного из солдат, вместе с другим стражником запрыгнули в телегу и на тройке умчались. Оказалось, к яицким казакам.

– С яицкими казаками давняя история. Мне докладывали, что взбунтовались они, туда послали для усмирения солдат.

– Послать-то послали, но вокруг казанского колодника собралось много казаков и беглых людей, отряды, которые посылал губернатор, не выдерживали стычки с казаками, а многие переходили на сторону самозванца, который присвоил себе имя покойного императора Петра III. Башкирцы, татары, калмыки, чуваши, мордва, черемисы, господские крестьяне отказывались подчиняться губернскому начальству и перебегали на сторону казанского колодника, а побежденных офицеров и губернских чиновников беспощадно вешали.

– Оренбургская и Казанская губернии оскудели своими войсками, ведь сколько мы отобрали у них преданных империи солдат и послали их в Турецкую кампанию, в Польшу и когда зашевелились шведы. Надо послать помощь… – задумчиво произнесла императрица.

– Военная коллегия давно следит за этими бунтовщиками, но то, что они посылают, – недостаточно, мятежники обложили Оренбург; отряды Кара, полковника Чернышева, генерала Фреймана разбиты, а полковник Чернышев повешен. Губернатор ведет нелепую пропаганду, дескать, Емельян Пугачев наказан кнутом, а на его лбу знак разбойника. Мятежники хохочут, не видя на лбу Пугачева никакого воровского знака. Но все это как бы прелюдия к нынешним событиям, в городе голод, недавно, 13 января сего года, губернатор Рейнсдорп собрал свои части под командой Корфа, Наумова и Валленттерна и ранним утром бросил на полчища самозванца, но тут же был окружен многочисленным врагом, в завязавшейся схватке эти части были разбиты, около четырехсот были убиты, к тому же потеряли и пятнадцать орудий. А мятеж захватил чуть ли не весь Заволжский край, повсюду идут казни офицеров, дворян, помещиков.

– Я так и знала, что ты пришел неспроста, события 13 января и голод в Оренбурге – это серьезное бедствие. Военная коллегия предложила, а я утвердила широкие полномочия генерал-аншефа

Александра Ильича Бибикова с крупным отрядом. Возможно, он уже выехал из Петербурга.

– Да, государыня, он уже прибыл в Казань, произнес страстную речь среди чиновников и дворянства, началось формирование рекрутских отрядов.

Князь Вяземский понял, что дело устрашения самозванца поставлено на широкую ногу, откланялся и удалился.

А Екатерина Алексеевна снова вернулась к своим текущим делам. Как бы ей хотелось поскорее начать мирные переговоры с Турцией, не может она воевать с турками и одновременно посылать войска против казанского колодника, возомнившего себя императором Петром III. Неделю тому назад она направила фельдмаршалу Румянцеву письмо, в котором утвердила план кампании на 1774 год, разработанный фельдмаршалом, согласна, действительно надобно переправить достаточный корпус за Дунай и ударить вдруг или порознь на Силистрию и Варну. Кроме того, ссылаясь на смерть султана, дала указания к быстрейшему заключению мира на достойных основах. Фельдмаршал готов к переговорам, но турки не торопятся. Тем более что ужасное наводнение потопило и дороги, и поля, и целые селения, так что курьеры генералов с донесениями вместо одного дня задерживаются непреодолимыми препятствиями больше недели, порой донесения генералов устаревают. А весть о том, что турки настаивают на возвращении Молдавии и Валахии при заключении мирного договора, плохая новость, и если возвращать туркам эти княжества, то только при условии прежней автономии, которая существовала в начале нашего века. Прав фельдмаршал, что, услышав такие вести, местное население перестанет так благожелательно относиться к русским войскам.

Вновь постучали в дверь, вошел кабинет-секретарь Олсуфьев с графом Захаром Чернышевым, который с низким поклоном подал решение Военной коллегии для Петра Александровича Румянцева о расписании войск на кампанию 1774 года.

– Наконец-то составили, а ведь реляция фельдмаршала была прислана уже давно. Как любят мои кабинетные генералы тянуть с бумагами, – недовольно перелистывая листки решения, говорила Екатерина II. – Ну да ладно… Пора ему выводить свои войска с зимних квартир, шестой год идет война, нужно добиваться мирных переговоров. Два генерал-поручика и четыре генерал-майора в отпуске, надеюсь, к ним уже отправлены мои указы, чтобы в мае месяце они уже были у генерал-фельдмаршала, не сомневаюсь, что выполняются и остальные мои указания о возвращении в армию и надобных предметах для ведения войны… Вы, Захар Григорьевич, опытный в военном деле

человек, больше десяти лет вице-президент Военной коллегии, предупредили генерал-аншефа Александра Глебова, генералов фон Бауэра и Николая Дурново о неукоснительном выполнении всех императорских указов? Переходим в наступление, фельдмаршалу нужно все необходимое для войны…

– Все предупреждены, государыня, также приказано генералу и кавалеру Григорию Григорьевичу Орлову позаботиться об артиллерии и о посылке снарядов. Все будет выполнено без наималейшего упущения времени.

– А положенное число донских казаков?

– В войско Донское послана грамота. Получен ответ, что донские казаки готовы к отправке в войска генерала-фельдмаршала.

– Ладно, с этим делом покончено, будем ждать от фельдмаршала новых известий. Особенно о мирных переговорах.

Как только ушли Олсуфьев и Чернышев, Екатерина Алексеевна второпях дописала письмо Григорию Потемкину, попросила его отправить с курьером, надеялась прогуляться и отдохнуть, но стоило подумать о фельдмаршале, как мысли закрутились вокруг братьев Румянцевых, которых надо отправлять за границу для учебы. Как удивительна судьба близких ей людей… Кто бы мог подумать, что судьба Николая Румянцева, недавно ставшего камер-юнкером и введенного в заседания Эрмитажного клуба, так тесно будет сплетена с бароном де Гриммом, с ландграфиней Каролиной Гессен-Дармштадтской, с Фридрихом II… Каролина прославилась своим умом, блестящим образованием и обаянием, она написала сотни писем знаменитым людям Европы, переписывалась с Вольтером, с французскими энциклопедистами, со всеми герцогскими дворами. Говорят, что переписка у нее осталась громадная, есть ее письма и у Екатерины II, российской самодержицы. Ведь она – мать великой княгини Натальи Алексеевны, Павел Петрович, наследник, по-прежнему, как в первые дни после свадьбы, теряет голову от ее обаяния и ума.

Она вернулась к размышлениям о насущных проблемах сегодняшнего дня.

В середине октября прошлого года Каролина вместе со своей свитой покинула Петербург, получила 100 тысяч рублей в подарок, две дочери – по 50 тысяч, 20 тысяч – на дорогу, писала ласковые письма, передающие ее восхищение нашим императорским двором, нашими беседами, играми в вист, каламбурами, а потом уж Екатерина стала более внимательна к донесениям, идущим от соглядатаев за великокняжеской семьей. Всем стала очевидна связь Андрея Разумовского с великой

княгиней, а великий князь, конечно, ничего не замечает, по-прежнему держит красавчика князя в своих первых дружках. Екатерина II скорее почувствовала, чем осознала, что великая княжна не так проста; да, на первых порах ей казалось, что в императорской семье все идет очень хорошо, она попросила великую княгиню учить русский язык, и та согласилась, они танцевали, веселились, но великая княгиня почувствовала тошноту, прекратились танцы, веселья, великий князь начал оберегать свою жену от излишних движений. Но еще барон Ассебург писал, что принцесса не любит танцев, не любит играть и не любит общества… а Екатерина тогда уже поняла, что принцесса всех честолюбивее. «Кто ни в чем не принимает участия и ничем не забавляется, тот снедаем честолюбием. Это неопровержимая истина», – думала в то время Екатерина, и последовавшие несколько месяцев замужества лишь подтвердили ее предчувствия. Хорошо, что государыня-сестрица Каролина столь лестно отзывается о бароне Гримме, который восхищен императрицей. Действительно, он приходил иногда поболтать к ней по вечерам от восьми часов до десяти.

Многое Екатерина узнала от Гримма о его непростой судьбе. После окончания Лейпцигского университета он много писал, работал воспитателем и секретарем в богатых домах в Париже, познакомился с философами Дидро, Руссо, Клодом Гельвецием.

Париж в то время был центром культурной жизни Европы. Начиная с Людовика XIV Франция породила множество поэтов, философов, артистов. Здесь появлялись труды Вольтера и Руссо, книги Монтескьё, фолианты «Энциклопедии» и тысячи мелких брошюр по различным вопросам, выходили научные книги и десятки стихов, анекдотов, устных критических статей. Гримм, читая эти сочинения, которые рассылались знатным любителям литературы, почувствовал, что именно к такому делу лежит его душа, его заработок тут.

С 1753 года Гримм начал выпускать свои Correspondance Litteraire («Литературные корреспонденции»), насыщенные культурной и литературной информацией, которые широко распространялись по различным европейским дворам, «от берегов Арно до берегов Невы».

Барон де Гримм во время бесед с императрицей не мог упустить случая, чтобы не рассказать о том, что происходило в Париже два десятка лет тому назад. Гримм выпустил брошюры о немецкой литературе и о французской опере. Завязалась полемика, имя Гримма стало известным в Париже. А когда на гастроли приехала итальянская труппа, то Париж раскололся на две группы: большая часть французов поддерживала французскую

оперу, а другая, меньшая по числу, выступала за итальянскую.

– Представляете, государыня, в полемику ввязался Руссо, французы не предвидели, что их придумка дать совместные спектакли французов и итальянцев приведет к тому, что итальянцы одержат верх над французами… Бог очень возвысил Францию. Я очень люблю французский народ, его светлый и быстрый ум, его мягкие нравы, никого нет более любезного, чем французский народ, я мечтаю стать похожим на француза! Случайно подвернулась эта тема о французской и итальянской опере… В брошюре было много критики и много упований на улучшение, брошюра имела необыкновенный успех, за месяц вышло три издания. В то время музыка, государыня, отодвинула на задний план раздоры парламента с двором, изгнание парижского парламента, об этом почти забыли, увлеченные итальянской оперой. Один умный человек сказал, что появление тенора Манелли и примадонны Тонелли спасло Францию от междоусобной войны: без итальянской музыки парижская публика занялась бы раздором парламента с духовенством, и фанатизм легко мог бы повести к междоусобице.

– Не сгущаете ли вы, сударь, краски? – с легкой иронией спросила внимательно слушавшая Екатерина II. – Неужто все зависело от этой вроде бы невинной стычки?

– Увы, ваше величество, госпожа Помпадур узрела, что французская музыка в опасности, и возмутилась. Она тут же приказала поставить знаменитую оперу Мондонвилля, потребовала полного успеха в театре и в публике. Все придворные чины принимали участие в этом успехе, пригласили военных, бурные аплодисменты опере были гарантированы, послали курьера в Шуази, где находился король, но парижские слушатели остались равнодушными, успеха не получилось. А после этого из Парижа выслали итальянскую оперную труппу. Вот так свободная Франция решила этот конфликт, по-королевски. Надеюсь, я не оскорбил ваше величество.

– Нет, не оскорбил. Возможно, это был единственный способ решить проблему в духе влиятельной любовницы Людовика XV маркизы Жанны Помпадур.

– Но на публику это не повлияло, государыня.

«Я очень люблю листки, которые Гримм присылает мне: пусть по-прежнему продолжает и дает полную свободу перу своему. Я очень довольна, что характер его соответствует вашему описанию: это придает не мало значения его суждениям о книгах и делах, и я буду читать его с большим удовольствием», – писала Екатерина II 17 мая 1765 года в письме госпоже Жоффрен (Сборник. 1. 271; XXXIII. 1).

Листки «Литературных корреспонденций» Гримм писал с 1753 по 1773 год. Уезжая из Парижа в Россию, владелец издания передал свои полномочия господину Мейстеру, а издание – в полную собственность, с этого времени он не участвует в издании «листков». За двадцать лет он измотался, два издания за месяц – тяжкий труд. Сначала ландграфиня Каролина предложила быть наставником юного наследного принца Гессенского, затем русская императрица предложила ему быть наставником братьев Румянцевых, путешествовать с ними по Европе, узнавать людей, читать интересные книги, а потом обсуждать их в кругу молодых людей, которые тянутся к познаниям. И он согласился. Это его увлекло.

Екатерине II было интересно послушать настойчивого немца, увлеченного французами и желавшего стать французом, который так и остался немцем.

«По отзыву всех современников, Гримм был красив, хорошо сложен, ловок, остроумен. Он пользовался успехом в дамском обществе, от театральных кулис до великосветских будуаров; он был желанным гостем в литературных салонах, где знакомство с немецкою литературою выгодно выделяло его суждение о текущих явлениях литературы французской; его любили и в холостой компании, как остроумного собеседника, нередко мешавшего еще «французский с регенсбургским» (Регенсбург – город, где родился М. Гримм. – *В. П.*) языком. Он любил музыку и сам недурно играл «на клавесинах», как тогда говорили. Любовь именно к музыке выдвинула его из толпы, сделала «известностью» в Париже – своими писаниями о музыке немец Гримм получил право гражданства во французской литературе» (Екатерина и Гримм // Русская старина. 1893. С. 100).

За несколько месяцев пребывания в Петербурге барон де Гримм успел подружиться чуть ли не со всем императорским двором, все знали его как обходительного, любезного и умного человека. А то, что чуть ли не у всех придворных, с которыми заводила речь Екатерина Алексеевна о бароне, возникало чувство, что он порой преувеличивал те или иные заслуги России и ее придворного круга, говорил откровенную неправду, никого не удивляло, как и то, что он на ходу придумывал подробности не случившегося с ним и его коллегами. Грех, конечно, но все ему прощали немного вранья, уж очень он был любезен и обходителен.

Екатерина II беспокойно жила в этом кругу мелких бытовых интересов, а душа требовала совсем другого. Васильчиков, с которым познакомил ее граф Панин, скучный и занудный человек, нужный ей только в постели, ей безумно надоел. Она

тосковала. Сына женила, свадьбу сыграли, молодые живут в довольстве и мире, а почему она должна терзаться и мучиться в одиночестве? Разве можно считать за личную жизнь постоянные указы, приказы, советы, разговоры с послами и своими советниками? Столько мыслей возникает о Турции, о Европе…

Екатерина II не торопясь взяла несколько писем, просмотрела, а потом углубилась в их смысл, это несколько писем Григория Потемкина, полных выражения «подданнической обязанности», стремления «быть добрым гражданином». Он не остался в праздности, как только началась война с турками, он готов кровь пролить на поле сражения, пишет, что «ревностная служба к своему Государю и пренебрежение жизни бывают лутчими способами к получению успехов»… «Нет для меня драгоценней жизни – и та Вашему Величеству нелицемерно посвящена. Конец токмо оной окончит мою службу». Вспомнила его мощную фигуру рядом с ней во время трагических событий в июне 1762 года, его готовность служить ей, его преданность интересам отечества. «Долг подданнической обязанности требовал от каждого соответствования намерениям Вашим. И с сей стороны должность моя исполнена точно так, как Вашему Величеству угодно». А как влюбленно он смотрел на нее! Она после того случая много раз видела Потемкина во время приемов во дворце, но сердце ее было занято.

Она помнила преданного ей поклонника еще с переворота в июне 1762 года. Екатерина быстро набросала письмо Григорию Потемкину:

«Господин Генерал-Поручик и Кавалер. Вы, я чаю, столь упражнены глазеньем на Силистрию, что Вам некогда письмы читать. И хотя я по сю пору не знаю, предуспела ли Ваша бомбардирада, но тем не меньше я уверена, что все то, чего Вы сами предприемлете, ничему иному приписать не должно, как горячему Вашему усердию ко мне персонально и вообще к любезному Отечеству, которого службу Вы любите.

Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то Вас прошу попустому не даваться в опасности. Вы, читав сие письмо, может статься зделаете вопрос, к чему оно писано? На сие Вам имею ответствовать: к тому, чтоб Вы имели подтверждение моего образа мысли об Вас, ибо я всегда к Вам весьма доброжелательна.

Дек. 4 ч. 1773 г. *Екатерина*».

Получив это письмо, Григорий Потемкин возликовал, так долго ждал он этого момента, а тут почти открытым текстом получил приглашение в императорский дворец, а что будет потом он почти не сомневался, он попал в «случай», который надо

максимально использовать.

Но по дороге в Петербург он решил заехать на несколько дней в Москву, непременно побывать у графа Петра Панина, всего лишь четыре года назад взявшего Бендеры и тут же подавшего в отставку, не удовлетворившись императорским вознаграждением. Может быть, сейчас, когда граф Никита Панин чрезмерно награжден Екатериной как гофмейстер великого князя, настроение его изменилось? А главное – хотелось узнать подробности жизни императорского двора… Действительно, граф Петр Панин принял генерала Потемкина как собрата по партии, еще не догадываясь о том, что Потемкин попал в «случай» и что он едет доказать преданность Екатерине, а не противостоять ей. Со всеми известными ему подробностями рассказал о Екатерине и Павле, о его жене Наталье Алексеевне, не упустил случая упомянуть, что ходят слухи о близости графа Андрея Разумовского и великой княгини. По словам Петра Панина, главных партий при дворе было две, во главе одной из них императрица, другая партия возглавляется фельдмаршалом Петром Румянцевым и Никитой Паниным и состоит из графа С. Воронцова, графа И. Остермана, князя Куракина, князя Репнина, адмирала Плещеева, в эту же группу, естественно, входят юные сыновья фельдмаршала – камер-юнкеры Николай и Сергей.

Потемкин молчал, но, про себя ни минуты не раздумывая, примкнул к партии императрицы, о чем потом при встрече с ней преданно заявил.

Приехав в Петербург, он долго размышлял, как ему поступить. Да, приглашение от императрицы он получил, но это, в сущности, можно было толковать по-разному, можно было поехать во дворец, доложить о своем прибытии и заверить ее в преданности ей и императорскому престолу, она охотно выслушает его, порадуется его успехам на турецком фронте, даже может поговорить о провале начавшихся мирных переговоров и на этом закончить свой прием. А далее… в свою спальню вовсе и не пригласить.

И Григорий Потемкин начал свою игру. Вспомнив молодость, решил записаться в монахи, отыскал знакомых монахов, заперся в келье и начал читать полезные книги.

Этот слух быстро долетел до императрицы. Она вызвала близкую свою помощницу Прасковью Александровну Брюс, родную сестру фельдмаршала Румянцева, попросила ее поехать к Потемкину, разузнать о его намерениях и пригласить во дворец.

– По-моему, чудит наш Потемкин, как-то не верится, чтобы он всерьез принял это решение. Я его пригласила в Петербург, во дворец, вовсе не для того, чтобы он отчитывался о Русско-

турецкой кампании, а совсем для другого. Так и скажи ему. Пусть завтра же приедет во дворец, я жду его.

4 февраля 1774 года, по словам историка, дежурный генерал-адъютант князь Г.Г. Орлов, вернувшийся после отставки к исполнению своих обязанностей и ничего не подозревавший о переписке Екатерины II и Потемкина, ввел вернувшегося с Турецкого фронта генерала в покои императрицы, с этого дня, можно предположить, между ними начался любовный роман.

В Зимнем дворце сразу стало известно о новом фаворите императрицы.

И с первых же дней пребывания Потемкина во дворце и свидания с Екатериной на него посыпались звание за званием; генерал-адъютант, вице-президент Военной коллегии, подполковник Преображенского полка. А вскоре были открыты двери в спальный кабинет императрицы. Она не обманулась в своих ожиданиях. Григорий Потемкин был как раз таким человеком, которого она так давно ждала, он был не только любовником, но и прекрасным деловым партнером, мысли, проекты, замыслы так и блистали в его золотой голове. Он знал об отношениях России с Польшей, Австрией, Пруссией, знал о разделе Польши в 1772 году, когда России отошли области Белоруссии, исконные земли России. И то, что говорила Екатерина о внутренней и внешней политике, всегда находило отзвук в его душе. Обсуждали восстание казаков во главе с Пугачевым – Потемкин тут же предложил императрице послать на усмирение восставших генерала Суворова, он мужественный и опытный полководец, он сразу сделает правильные выводы, долго бунтовщик не протянет. Екатерина II тут же отдала распоряжение о Суворове.

– Ты, Григорий, и не представляешь, вот уже целых два месяца Оренбург осажден толпою разбойников, производящих страшные жестокости и опустошения. Два года назад у меня в сердце империи была чума. Теперь на границах Казанского царства политическая чума, с которою справиться нелегко… Генерал Бибиков хорошо начал, но не выдержало его сердце, умер, теперь, чтобы побороть этот ужас XVIII столетия, который не принесет России ни славы, ни чести, ни прибыли, необходимо новое напряжение. Все же с Божиею помощию надеюсь, мы возьмем верх, ибо на стороне этих каналий нет ни порядка, ни искусства. Это сброд голытьбы, имеющий во главе обманщика, столь же бесстыдного, как и невежественного. Какая перспектива для меня, дорогой мой Григорий, не любящей виселиц! Европа подумает, что мы вернемся ко временам Ивана Васильевича Грозного (РА. 1870. Стб. 1431–1432).

– Ты, матушка императрица, не тужи, вспомни и посмотри на тех, которые тебя окружают, Румянцев вот-вот заключит мирный договор, силы у него превосходные, а с пугачевщиной справимся, дай самый малый срок.

Переписка Потемкина и Екатерины Алексеевны в это время удачно передает их взаимоотношения. Не раз Екатерина признается Потемкину в самых нежных чувствах, в любви, взаимопонимании. А вот по многим вопросам внешней и внутренней политики возникали яростные споры, затем любовники мирились, но потом следовали новые взрывы разногласий. С 7 по 21 февраля Екатерина в письмах-записочках Потемкину сообщает о различных мелочах и подробностях быта того времени. Они стали так близки, что после любовных утех касались любых тем, политических, бытовых, положения в стране.

Однажды Потемкин сгоряча напомнил Екатерине о ее непреходящей страсти к мужчинам, о ее бесконечных любовных похождениях. Она оторопела и с удивлением посмотрела на него:

– Что ты говоришь? Ты просто ничего не знаешь об этих так называемых похождениях. Я одиннадцать лет страстно любила Григория Орлова, прощала ему измены, и он любил меня, но вседозволенность ему кружила голову, и он частенько ходил к фрейлинам, любовался ими, а потом… Почти пять лет я любила графа Понятовского, он умница, красавец, а потом предоставила ему возможность стать королем Польским. Но ты совсем ничего не знаешь о наших отношениях с моим мужем Петром III? Чтобы отбить у тебя охоту попрекать меня любовниками, ты послушай мою печальную историю. Императрица Елизавета устроила все пышно, вокруг нас крутились самые известные имена, накануне свадьбы я собрала своих юных фрейлин и спросила о том, что мне делать с князем в постели, поговорили мы о разнице полов, но практически никаких советов не услышала. Мама, принцесса Иоганна Цербстская, тоже что-то невразумительное говорила о разнице полов, велела быть послушной мужу, что он скажет, то и делать.

И вот торжественно нас переодели, уложили в постель. Императрица, графиня Румянцева, камер-фрау и фрейлины, сделав свое дело, разошлись.

Два часа я лежала в роскошно убранной спальне на двуспальной кровати. Все покинули меня. Я не знала, чего от меня ждут. Думала, может, мне надобно встать или, может, оставаться в постели? Петр исчез в своей комнате. Наконец мадам Краузе, моя новая фрейлина, вошла и очень весело сообщила, что великий князь ждет ужина, который скоро будет подан. Потом пришел великий князь после ужина и начал рассказывать, как

порадуется слуга, обнаружив нас в постели вместе. Других намерений у него просто не было. Ни поцелуев, ничего другого, я повернулась на бок и уснула. Он иногда ложился в нашу постель, но тоже ничего не происходило. Оказалось, что доктора, которые его осматривали, говорили императрице, что Петр еще не готов жениться, ему еще надо подрасти, но императрица была непреклонна, ведь ему уже было восемнадцать лет, а мне шестнадцать, вполне подходящий для женитьбы возраст. На первых порах за нами не следили, но потом, когда императрица узнала, что я не беременна, за нами установили жесточайший контроль, убрали у великого князя и у меня наших любимых друзей, с которыми играли в различные игры, потом прислали ко мне в качестве обер-гофмейстерины мадам Чоглокову, вышедшую замуж по любви, родившую детей – словом, примерную женщину, которая бы следила за нами и удерживала от излишних забот, направляя наши мысли только на рождение наследника. Порой императрица Елизавета набрасывалась на меня, упрекая за холодность к мужу, а ей нашептывали, что великий князь ухаживает то за гофмейстериной императрицы мадемуазель Карр, то признается в любви к мадемуазель Татищевой, потом бежит ко мне и подробно рассказывает всю эту любовную процедуру, а ни той ни другой даже не касается, кстати, и меня тоже. У Петра были в услужении настоящие красавцы, братья Чернышевы, особенно выделялся любимец великого князя старший, Андрей, которого словно нарочно то и дело отправлял ко мне с различными поручениями. Этих братьев тут же уволили, уж слишком внятно они посматривали на меня, а ребята были рослые, красивые, их отправили в полк офицерами. Петр избегал меня, днем он приносил игрушки, что-то вроде кукольного театра, прятал под нашу постель, а потом, когда нас закрывали, он тут же слетал с постели и устраивал какую-то удивительную игру, а то меня вытаскивал из постели и заставлял с ним играть. Напрасно императрица Елизавета ждала от нас наследника. А потом, не выдержав, потребовала от священников допросить нас, но мы признались, что мы невинны. А ты, золотой фазан, упрекаешь меня…

– Да как же не упрекать-то? – миролюбиво сказал Потемкин, досадуя на себя за сорвавшееся слово: рассказ императрицы и увлек его, и разжалобил, столько мучений она выдержала.

– По указанию императрицы осматривали меня акушеры, а Петра доктора, но и усилия докторов результата не дали. К нам назначили новую гофмейстерину, правила нашей жизни все ужесточались, мы были многого привычного лишены, а мне уже 18 лет, я похорошела, у меня появились парикмахеры, прически

меняла дважды в день… Чувствовала, что вокруг нас плетутся какие-то интриги, послы Англии, Франции, Пруссии, Австрии, Швеции шепчутся с канцлером Бестужевым, братьями Воронцовыми, братьями Разумовскими, снова появились братья Чернышевы, но самое удивительное – я увидела канцлера великого князя, Сергея Салтыкова, поразительного красавца, он только что женился, он запал мне в душу… – На какое-то мгновение императрица замолчала, но тут же, очнувшись, продолжала: – Марья Чоглокова, видя, что через девять лет обстоятельства остались те же, каковы были до свадьбы, и быв от покойной государыни часто бранена, что не старается их переменить, не нашла иного к тому способа, как обеим сторонам сделать предложение, чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на мысли имела. С одной стороны выбрали вдову Грот, которая ныне за артиллерии генерал-поручиком Миллером, а с другой – Сергея Салтыкова, и сего более по видимой его склонности…

– А братья Чернышевы ходили за тобой табуном, – в раздражении бросил Потемкин.

– Ты и тут наслушался всяких слухов, сплетен, которые густо роятся при дворе, а не понимаешь главного. Я была свободной от ласк своего мужа, а нужда в этих ласках была надобна. Да, были и братья Чернышевы, но все ограничилось записочками, которые с трудом пересылали друг другу. Но главное – канцлер великого князя… Сергей Салтыков, ты знаешь, из знатной дворянской семьи, человек умный и образованный, умел вести интригу словно бес. Раз были мы на охоте, он объяснился мне в любви, жену, мол, разлюбил, только я единственная для него, я влюбилась в него, он был красив, как утренняя заря, в этом никто не мог сравниться с ним, ни при императорском дворе, ни при нашем. Мадам Чоглокова отыскала прехорошенькую вдову художника Грота, который успел создать наш портрет как молодоженов, познакомила с великим князем, они провели вместе несколько ночей, вдовушка приучила великого князя к супружеским обязанностям. Одновременно императрица заявила, что ей безразлично, кто будет отцом наследника. Тут мадам Чоглокова вздохнула с облегчением и рассказала мне об этом разговоре. Камергер Чоглоков уехал в деревню, вдова художника сделала свое дело, мадам Чоглокова доложила императрице, что все идет согласно ее воле. А меня однажды отвела в сторону, призналась в любви к своему мужу, долго говорила о благоразумии и о престолонаследии, о любви к своему отечеству, но потом объяснила, что для исполнения супружеских уз необязательна взаимная любовь, иногда бывают положения, в

которых интересы высшей важности обязывают к исключениям из правил. Я была несколько удивлена ее речью и не знала, искренно ли она говорит или ставит мне ловушку. Между тем, заметив, что я колеблюсь, она сказала мне: «Вы видите, как я чистосердечна и люблю мое отечество. Не может быть, чтобы кое-кто вам не нравился, предоставляю вам на выбор Сергея Салтыкова или Льва Нарышкина, если не ошибаюсь, вы отдадите преимущество последнему. «Нет, вовсе нет!» – закричала я. «Ну, если не он, – сказала она, – так наверно Сергей Салтыков». На это я не возразила ни слова, и она продолжала говорить: «Вы увидите, что от меня вам не будет помехи…

Екатерина Алексеевна долго молчала, перебирая в памяти свои переживания. «Как мучительны эти страдания и как чудовищны эти волнения, но так и хочется вновь вернуться в это время и снова так же мучиться и страдать, ведь мне уже скоро будет сорок пять, а моему генерал-адъютанту всего лишь тридцать семь», – думала Екатерина II. Мысли ее вскоре переместились к тому, что она так долго собиралась, но не сделала, – надо было срочно написать письмо Фридриху Великому, известившему ее о том, что один из величайших врагов Российской империи султан Турции Мустафа скончался и неизвестно, будет ли его преемник Абдул-Гамид способствовать ко благу мира или продолжит затянувшуюся войну. Турецкий султан получит то, что заслуживает, будь то Мустафа или Абдул-Гамид. Надо надеяться, что Фридрих Великий соблаговолит продолжить свои добрые услуги, чтобы споспешествовать примирению, необходимо лишь отдать послание в Константинополь своему послу…

– Ты, сударыня императрица, не заснула после утомительных утех?

Екатерина вздрогнула от неожиданности и продолжила:

– Ты по-прежнему интересуешься…

– Конечно, твой рассказ просто поразителен по своей откровенности.

– После охоты, – вспоминала Екатерина II, – поднялась чудовищная буря, нам пришлось ночевать, вот тут все и произошло, явился Сергей со своими страстными признаниями, ну, я и не устояла, я тоже любила его, и мне уже далеко за двадцать, а в то время рожали в шестнадцать. А потом все пошло по правилам, по дороге в Москву я почувствовала, что беременна, но скинула с диким кровотечением. Через несколько месяцев опять скинула… А дело было так… Императрица подарила нам загородное поместье, Петр после необходимой ему операции бывал в моей постели, я была терпеливой и сдержанной. А после

того как вновь скинула, мадам Чоглокова привела акушерку, которая кое-что существенное объяснила мне. Сергея Салтыкова отправили посланником, вел он себя нескромно, даже вызывающе, Разумовского сменил Иван Шувалов в качестве фаворита императрицы, началась придворная возня, возвышалась то одна фамилия, то другая, канцлер Бестужев и вице-канцлер Воронцов враждовали между собой, а нас поселили в доме Чоглоковых, установив за нами строгий контроль. Петр чаще стал бывать со мной, и если раньше доктора говорили, что он не может иметь детей, то теперь заявили о полном его выздоровлении. В начале 1754 года мы несколько недель жили в одиночестве, вскоре я забеременела, а 20 сентября родила Павла. Вот и все мои сексуальные приключения…

– А потом? Сергей Салтыков долго был твоим любовником, ведь он был красавец писаный, что-то не верится в его верность тебе, матушка императрица.

– Ты, Гриша, прав, добился своего и… Царедворцы слишком ветреные. И в Швеции он не умерял своей любовной страсти, чуть ли не на всех красавиц смотрел как на своих любовниц. Я сначала не верила этим слухам, но пришлось, даже его друзья не опровергали эти дурные вести. Когда Сергей возвратился, вроде бы не возражал против возобновления наших отношений, я назначила ему свидание, но он не пришел, а я часа три его ждала, уж очень он был хорош.

– В постели?

– Да, и в постели, он был страстный и неутомимый…

– А потом граф Понятовский и Григорий Орлов?

Процитируем слова из воспоминаний графа Понятовского: «Сперва строгое воспитание отдалило меня от всяких беспутных сношений; затем честолюбивое желание проникнуть и удержаться в так называемом высшем обществе, в особенности в Париже, охраняло меня в моих путешествиях, и целая сеть странных мелких обстоятельств в моих попытках вступить в любовные связи в других странах, на моей родине и даже в России как будто нарочно сохранила меня цельным для той, которая с той поры властвовала над моей судьбой». Он увидел Екатерину и влюбился в нее. Потомок польских дворян, сын графа Понятовского, который участвовал в походе шведского короля Карла XII против России, племянник могущественных князей Чарторижских, секретарь английского посла сэра Хэнбери-Уильямса, Понятовский был замечен канцлером Бестужевым, увидевшим в нем как раз того, кто ему был нужен для укрепления отношений России с европейскими государствами. Он был молод, искал успеха у русских женщин. Канцлер подсказал ему верный путь –

увлекайся перспективными женщинами. Лев Нарышкин, его верный помощник, ввел обаятельного поляка в круг Екатерины. Понятовский недолго колебался – красота и ум Екатерины сразу его покорили. Вот портрет Екатерины словами Понятовского: «Ей было двадцать пять лет; она недавно лишь оправилась после первых родов и находилась в том фазисе красоты, который является наивысшей точкой ее для женщин, вообще наделенных ею. Брюнетка, она была ослепительной белизны; брови у нее были черные и очень длинные; нос греческий, рот как бы зовущий поцелуи, удивительной красоты руки и ноги, тонкая талия, рост скорей высокий, походка чрезвычайно легкая и в то же время благородная, приятный тембр голоса и смех такой же веселый, как и характер, позволявший ей с одинаковой легкостью переходить от самых шаловливых игр к таблице цифр, не пугавших ее ни своим содержанием, ни требуемым ими физическим трудом…» С первых минут Понятовский забыл, что существует Сибирь, которая обычно ждала незадачливых любовников императриц и великих княгинь. И вскоре он стал ее любовником.

– Да, Гриша, а потом граф Понятовский, от которого я родила свою дочку, Анну Петровну, которая недолго прожила, а графа я не могу и сегодня забыть… В апреле 1762 года я родила от Орлова графа Бобринского, такой же красавец, как граф Орлов, и такой же требовательный, он становится просто невозможным в своих притязаниях…

– Нет, сударыня императрица, тут ты поподробнее расскажи, столько оставила вопросов…

– По прошествии года и великой скорби снова приехал нынешний король Польский. Сей был любезен и любим шесть лет (с 1755 по 1761 год. – *В. П.*). Но тригоднешная отлучка и старательства князя Григория Григорьевича переменили образ моих мыслей.

Сей бы век остался, есть ли б сам не скучал. Я сие узнала в самый день его отъезда на конгресс из Села Царского и просто сделала заключение, что, о том узнав, уже доверия иметь не могу, мысль, которая жестоко меня мучила. Сначала я думала, что привыкну, но что далее, то хуже. Эти отношения с графом Понятовским как раз совпали с подготовкой к Семилетней войне, обострились наши отношения с Пруссией, которая напала на Саксонию, Австрия заступилась, а с Австрией у нас были договорные отношения, мы стали переписываться с английским послом, у которого были свои выгоды, в переписке использовали принятый шифр. Я писала Бестужеву и сэру Чарльзу с одной просьбой, чтобы Варшава вернула графа Понятовского в качестве

официального польского посланника, Бестужев ко мне испытывал те же чувства, что и Понятовский, знаю, что ревновал, английский посол уверял меня в личной преданности, то и дело писал: «Я ваш, только ваш, и весь ваш», но английские интересы в России не соблюдались… Положение Понятовского было крайне тяжелым, вернувшийся в Россию, он был необыкновенно хорош, мы по-прежнему любили друг друга, я в этом ни минуты не сомневаюсь, но война ставила нас в безвыходное положение. Дело дошло до того, что часовые великого князя арестовали графа, который, по обыкновению, тайно пробирался в мои покои: однажды в скромной колясочке граф случайно встретился с полупьяным великим князем и его офицерами, князь спросил, кто едет в коляске, ему ответили, что везут портного, оказалось, что Елизавета Воронцова потом объяснила великому князю, что это за портной. Через несколько часов пребывания у меня граф вышел, его тут же схватили офицеры великого князя, который стал его допрашивать, граф говорил явную неправду, тогда великий князь послал за мной, полуголую привели к великому князю, и он простодушно спросил графа, не к великой ли княгине вы тайно пробирались, о вашей связи нам давно известно. Но Понятовский промолчал. И только дня через два Понятовский, танцуя с Елизаветой Воронцовой, сказал, что она может сделать несколько человек счастливыми. Она уже все продумала, пригласив Понятовского на свидание к великому князю, который, докурив трубку и попрощавшись с друзьями, сразу заявил: «Как глупо не быть откровенным со мной. Если бы признались, тогда бы ничего не было». Понятовский тут же сделал какой-то комплимент великому князю, тот очень обрадовался и сказал: «Теперь, когда мы стали такими друзьями, я считаю, что тут кого-то не хватает». Вошел ко мне, вытащил меня из постели, я успела только натянуть чулки, накинула платье и предстала перед его компанией: «Вот граф Понятовский! Надеюсь, что удовлетворил всех!» Думаю, Гриша, ты доволен такими подробностями. Раза четыре так мы собирались и толковали о делах текущих. А о Григории Орлове ты все уже знаешь, все происходило на твоих глазах. И только потом приехал некто богатырь. Сей богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласке прелестен был так, что, услышав о его приезде, уже говорить стали, что ему тут поселиться, а того не знали, что мы письмецом сюда призвали неприметно его, однако же с таким внутренним намерением, чтоб не вовсе слепо по приезде его поступать, но разбирать, есть ли в нем склонность, о которой мне Брюсша сказывала, что давно многие подозревали, то есть та, которую я желаю, чтоб он имел.

Ну, господин богатырь, после сей исповеди могу ли я

надеяться получить отпущение грехов своих? Изволишь видеть, что не пятнадцать, но третья доля из сих: первого по неволе да четвертого из дешперации я думала насчет легкомыслия поставить никак не можно; о трех прочих, есть ли точно разберешь, Бог видит, что не от распутства, к которому никакой склонности не имею, и есть ли б я получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась. Беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час без любви. Сказывают, такие пороки людские покрыть стараются, будто сие произходит от добросердечия, но статься может, что подобная диспозиция сердца более есть порок, нежели добродетель. Но напрасно я сие тебе говорю, ибо после того взлюбишь и не пожелаешь в армию ехать, боясь, чтоб я тебя позабыла… Если захочешь на век меня к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, как и любви, а наипаче люби и говори правду…

Потемкин не проронил ни слова, перебирая в памяти свои любовные истории, которых было не перечесть, ведь ему никто не мешал, не стоял у его постели, когда он увлекался женщинами, то одной, то другой. И неожиданно спросил:

– Всемилостивейшая императрица, я только что вспомнил, что полгода тому назад ты простила графа Григория Орлова, вернула ему все полномочия и все должности, определила ему на житье-бытье сто пятьдесят тысяч в год, он принимал участие в Совете, как и прежде, ну, это ладно, можно понять, ты без опоры на Орловых не можешь управлять…

– Не сомневайся, Орловы возвели меня на трон, но после отставки он никому не мстит, ни Панину, в нем он уважает безукоризненную честность и патриотизм, ни другим. И я наградила князя Вяземского, генерал-прокурора, голубой лентой, а при дворе хорошо знают, что Вяземский – креатура графа Орлова, по его рекомендациям я назначила двух девиц фрейлинами. Ведь тебе известно, Григорий, что голубой ленты уж сколько лет ждали граф Иван Чернышев, вице-канцлер Голицын, граф Миних, ты ведь наверняка слышал об этом при императорском дворе…

– Ты, государыня, как всегда права, но я слышал другое, во дворце действительно столько слухов, интриг, что запутаться можно, а я пришел к тебе надолго, хочу разобраться. Так вот я слышал, что граф Орлов вздумал жениться на принцессе Дармштадтской, ухаживал за Каролиной, матерью принцесс, да и Луиза, младшая дочь, была склонна положительно ответить на эти ухаживания. Как было бы мило – граф Орлов женат на принцессе Дармштадтской! Уж не ты ли, драгоценная императрица, руководила этим процессом?

– Да, граф Орлов такой красавец и такой ловкий кавалер, что женщины чаще всего уступают ему, эти слухи справедливы, Григорий Потемкин, и он вполне мог бы добиться успеха, если бы Каролина Дармштадтская позволила ему эту дерзость, да и я знала об его происках, за этими ухаживаниями следили и граф Панин, и другие царедворцы. Но заранее говорю тебе, мой друг, графа Орлова лучше не задевайте, он навсегда в моем сердце, тем более у нас общий сын – граф Бобринский.

Вот два письма Екатерины II Г.А. Потемкину:

«Я, ласкаясь к тебе по сю пору много, – писала она в феврале 1774 года, – тем ни на единую черту не предуспела ни в чем. Принуждать к ласке никого неможно, вынуждать непристойно, притворяться – подлых душ свойство. Изволь вести себя таким образом, чтоб я была тобою довольна. Ты знаешь мой нрав и мое сердце, ты ведаешь хорошие и дурные свойства, ты умен, тебе самому предоставляю избрать приличное по тому поведение. Напрасно мучишься, напрасно терзаешься. Един здравый рассудок тебя выведет из безпокойного сего положения; без ни крайности здоровье свое надседаешь понапрасну». И вот еще. «Благодарствую за посещение, – писала она чуть позднее. – Я не понимаю, что Вас удержало. Неужели что мои слова подавали к тому повод? Я жаловалась, что спать хочу, единственно для того, чтоб ранее все утихло и я б Вас и ранее увидеть могла. А Вы, тому испужавшись и дабы меня не найти на постели, и не пришли. Но не изволь бояться. Мы сами догадливы. Лишь только что легла и люди вышли, то паки встала, оделась и пошла в вивлиофику к дверям…»

Прибывший из Италии в Петербург граф Алексей Орлов, как и сам граф Григорий Орлов, все еще пытавшийся вновь проложить проторенную дорогу, заметили что-то недоброе, хотя все придворные уже хорошо знали о новом фаворите, и в минуты откровенной беседы Алексей Григорьевич прямо спросил императрицу:

– Да или нет?

– Вы об чем, граф, спросить изволите?

– По материи любви? – ухмыльнулся граф.

– Я солгать не умею.

– Да или нет?

– Да.

– А видитеся в мыленке?

– Почему вы сие думаете?

– Потому, что дни с четыре в окошке огонь виден попозже обыкновенного. Видно было и вчера, что условленность есть не казать в людях согласия меж вами, и оно весьма хорошо.

Так старые друзья откровенно беседовали о новом любовном романе императрицы. Что уж говорить о царедворцах, лишь великая княжна Наталья Алексеевна с удовольствием подумала о превратностях фаворитизма и своем удачном выборе Андрея Разумовского, который частенько заменяет ей великого князя на брачном ложе.

Как-то в феврале 1774 года Потемкин уже как полновластный хозяин пришел к Екатерине, но она не приняла его, у нее был великий князь Павел. Екатерина тут же написала записку Потемкину, что пусть он придет тогда, когда великий князь уйдет от нее. Трудно складывались отношения Григория Потемкина с Павлом Петровичем.

Все это время после свадьбы Павел Петрович не только увлекался любовными приключениями, милыми разговорами с Натальей Алексеевной, Андреем Разумовским, с братьями Румянцевыми и другими камер-юнкерами, но и серьезно работал над своим проектом по управлению государством. С малых лет граф Никита Панин и его канцелярия по иностранным делам внушала, что как только наступит его совершеннолетие, так он будет иметь полное право на участие в управлении государством. Вот у него и возникали планы, чуть ли не прямо противоположные существующим, изложенные в трактате «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребнаго для защиты онаго, и касательно обороны всех пределов». В кругу приближенных он не раз высказывал свои теоретические соображения по управлению государством и войсками, следил за ходом войны, за распоряжениями главнокомандующего войсками фельдмаршала Румянцева, читал его письма, поступавшие в Военную коллегию. Николай Румянцев, ровесник великого князя, тоже внимательно следил за успехами русских войск. Однажды, когда обменивались фронтовыми новостями, Павел Петрович с сердечной болью сказал Николаю:

– Не могу понять, почему мы должны воевать с Турцией. У нас такая огромная страна, нам нужно осваивать эти богатства. Государство наше в таком положении, что ей надобен покой. Пять лет длится война с турками, одиннадцать лет наши войска находятся в Польше, да к тому же оренбургские замешательства с яицкими казаками сколько уж лет длятся. А выбора нет…

– Но войну нам навязали турки, мы лишь отвечаем ударом на удар, причем уничтожающим. К тому же турки против того, чтобы мы пользовались Черным морем, строили свои корабли, – нерешительно возразил Николай Румянцев.

– Ты пойми, граф, война изнуряет людей, которые занимаются войной, а не хлебопашеством. Да, мы ведем успешную войну, а сколько было недородов, других болезней и неудобств, которые стали следствием войны. Рекрутские наборы вызывают беспокойство среди населения. Нам нужен мир, длительный покой, дабы возобновить тишину, привести вещи в порядок. А для этого нужно снять военные налоги, пресечь наряды с земли, тогда никто не будет иметь причин для неудовольствия и негодования, тогда установится тишина в нашем государстве, затихнут казаки и крестьяне, уймутся всяческие неудовольствия.

– Турки тоже просят мира. Жаль, что граф Орлов и посол Обресков в Фокшанах не подписали мирный договор…

– А все потому, что до него дошел слух о переменах в поведении императрицы. Стоило уехать в Фокшаны Григорию Орлову, как на его место пришел Васильчиков. Какой уж тут мирный договор с турками. – Великий князь не скрывал своей язвительности, вспоминая, сколько раз Григорий Орлов беспокоил его своими притязаниями на первое место подле императрицы. Ныне пришел его черед для иронии и насмешки над бывшим фаворитом. Теперь взошла новая звезда – Григорий Потемкин, выказавший желание сотрудничать с великим князем, предложив ему перевести княжеские пушки на казенных лошадях. – Наш народ таков, – вновь заговорил великий князь, очнувшись от своих раздумий, – что малейшее удовольствие заставит его забыть годы неудовольствий и самое бедствие. По сие время мы, пользуясь послушанием народа и естественным его счастливым сложением, физическим и моральным, все из целого кроили, не сберегая ничего; но пора помышлять о сохранении сего его драгоценного и редкого расположения, для крайнего случая…

Николай Румянцев хотел вставить хоть словечко о фельдмаршале, своем отце, о его попытках всеми средствами заключить мирный договор с Турцией, установить тишину, о которой так мечтал великий князь, но его попытки оказались неудачными, великий князь с пылом и жаром был рад обнародовать хоть часть своих размышлений. Поразили Николая Румянцева и мысли великого князя о военной силе…

– Сбережение государства, – пылко продолжал свою речь Павел Петрович, – есть сбережение людей, сбережение людей – сбережение государства… Государство доUлжно почитать как тело, государя – главою, законы – душою, нравы – сердцем, богатство и изобилие – здоровьем, военные силы – руками и всеми теми членами, кои к защищению служат, а религию –

законом, под которым все состоит. Благоразумный человек будет почитать сохранение здоровья и сил тела своею первой вещью со стороны физической. Применим же сие к государству, и так выйдет, что в оном стараться надо первее всего о сбережении богатства и изобилия (что есть хлебопашество и рукоделие и сил военных)… Полагая военные силы руками и всеми членами, служащими к обороне, должны их, следуя сему сравнению, иметь и содержать точно в том состоянии, в каком бывают оные члены у здорового и полного тела, то есть сильными и крепкими без излишества, ибо если бы было излишество, тогда бы, конечно, оное вредило остальным членам, отнимая у них, для той излишней крепости, соки, необходимые к равному удовольствию всех членов и потому к сохранению равновесия во всех частях тела, без которого здорову быть нельзя.

На минутку великий князь перевел дух…

– Павел Петрович, ваше императорское высочество, скольких дельных мыслей вы коснулись, как превосходно, образно, человечно вы сказали о государственных делах, – торопливо заговорил Николай Петрович.

– Много мыслей приходят в борьбе со злом, но для этой борьбы со злом надобно любить общее дело выше личных убеждений. В большей же части случаев, граф, принимают неудачу за недостаток доброй воли в исполнителях и делаются настойчивыми там, где необходима уступчивость. Эти мысли возникали у меня после того, как Никита Иванович Панин внушал мне мысли, что я, как совершеннолетний цесаревич, имею право участвовать в управлении государством. В ближайшее время доработаю свой проект и представлю его матушке императрице на утверждение.

– Превосходный проект, ваше высочество…

– Как я рад получить от вас, граф, поддержку. Недавно я был в императорском кабинете, императрица была занята, но тут же сказала мне, чтобы я пока прочитал переписку о бунтовщиках. Ее секретарь Степан Федорович Стрекалов передал мне эти документы, я прочитал и увидел, что императрица намерена простить бунтовщиков, яицких и донских казаков, а я подумал, что слишком рано принимать решение, все мои мысли клонились к большей строгости наказания. Ведь бунтовщики разрушали основы государства… Потому-то я и работаю над проектом, боюсь только, понравятся ли мои предложения, а так хочется поработать для пользы государству!

Появилась с приближенными великая княгиня Наталья Алексеевна и увела Павла Петровича, прервав доверительный разговор о государственных замыслах.

В переписке между Григорием Потемкиным и Екатериной II за февраль 1774 года ясно отражена их интимная близость, их бытовые пересуды, и как в бане они готовили себе закуски, и как опасались, чтобы их не застали там посторонние люди. Екатерина II признавалась, что Потемкин слишком уж ухаживает за женщинами, а женщины без ума хотят свидания с ним. Вполне возможно, что в этот момент Потемкин и не ухаживал за женщинами, но ей кажется, что так оно и есть на самом деле, потому что не каждый день или ночь обнимает свою ненаглядную императрицу, а ей необходима еженочная любовь. Уже недели через две Григорий Потемкин порой пренебрегал близостью с ней, уж слишком она была опрометчива в своей ненасытности, и ей часто приходили на ум горькие слова: «Прощай, мой золотой фазан, я люблю вас всем сердцем, несмотря на удовольствие, которое нам доставили «духи Калиостро», я встревожена мыслью, что злоупотребила вашим терпением и причинила вам неудобство долговременностью визита. Мои часы остановились, а время пролетело так быстро, что в час ночи казалось, что еще нет полуночи. У меня еще одно сожаление: это то, что полтора года назад вместо этого «замороженного супа» у нас не было под рукой химического снадобья Калиостро, столь нежного и приятного и удобного, что оно благоухает и придает гибкость и уму, и чувствам. Но баста, баста, милый друг, не следует слишком надоедать вам. Мы полны благодарности и разного рода чувствами признательности и уважения к вам… Я, ласкаясь к тебе по сю пору много, тем ни на единую черту не предуспела ни в чем. Принуждать к ласке никого неможно, вынуждать непристойно, притворяться – подлых душ свойство. Изволь вести себя таким образом, чтоб я была тобою довольна. Ты знаешь мой нрав и мое сердце, ты ведаешь хорошие и дурные свойства, ты умен, тебе самому предоставляю избрать приличное по тому поведение. Напрасно мучишься, напрасно терзаешься. Един здравый рассудок тебя выведет из безпокойного сего положения; без ни крайности здоровье свое надседаешь понапрасно».

Порой Екатерина выходила из себя, упрекала Григория Потемкина за то, что он не являлся в назначенный час. Сердилась на него, но постоянно возникала нужда его видеть, прогоняла прочь обиду, думала, что хочет его видеть и нужду в том имеет. Некоторые доброжелатели хотели ей доказать неистовство ее с ним поступков, твердили нравоучения, кои она выслушивала, но чувствовала, что внутренне он ей не противен, он мил и хорош больше других. Она же ни в чем не призналась, но и не отговорилась, так чтоб могли пенять, что она будто бы солгала.

Господи, как хочется ей видеть его, столько накопилось у нее мыслей! Одним словом, многое множество желала бы ему сказать, а более всего похожего на то, что говорила между двенадцатого и второго часа вчера. Но он так изменчив, может, вчерашнее-то уже не соответствует его словам. «Ибо все твердил, что придет, а не пришел. Вот подумала, что пеняю, узнает, рассердится. Всякий час об нем думаю».

«Гришенька, – писала Екатерина Вторая Григорию Потемкину 28 февраля 1774 года, – не милой, потому что милой. Я спала хорошо, но очень не могу, грудь болит и голова, и, право, не знаю, выйду ли сегодни или нет. А естьли выйду, то это будет для того, что я тебя более люблю, нежели ты меня любишь, чего я доказать могу, как два и два – четыре. Выйду, чтоб тебя видеть. Не всякий вить над собою столько власти имеет, как Вы. Да и не всякий так умен, так хорош, так приятен. Не удивляюсь, что весь город безсчетное число женщин на твой щет ставил. Никто на свете столь не горазд с ними возиться, я чаю, как Вы. Мне кажется, во всем ты не рядовой, но весьма отличаешься от прочих. Только одно прошу не делать: не вредить и не стараться вредить графу Орлову в моих мыслях, ибо я сие почту за неблагодарность с твоей стороны. Нет человека, которого он более мне хвалил и, по видимому мне, более любил и в прежнее время и ныне до самого приезда твоего, как тебя. А естьли он свои пороки имеет, то ни тебе, ни мне непригоже их расценить и разславить. Он тебя любит, а мне оне друзья, и я с ними не расстанусь. Вот те нравоученье: умен будешь – приимешь; не умно будет противуречить сему для того, что сущая правда.

Чтоб мне смысла иметь, когда ты со мною, надобно, чтоб я глаза закрыла, а то заподлинно сказать могу того, чему век смеялась: «что взор мой тобою пленен». Экспрессия, которую я почитала за глупую, несбыточную и ненатуральную, а теперь вижу, что это быть может. Глупые мои глаза уставятся на тебя смотреть: разсужденье ни на копейку в ум не лезет, а одурею Бог весть как. Мне нужно и надобно дни с три, естьли возможность будет, с тобою не видаться, чтоб ум мой установился и я б память нашла, а то мною скоро скучать станешь, и нельзя инако быть. Я на себя сегодни очень, очень сердита и бранилась сама с собою и всячески старалась быть умнее. Авось – либо силы и твердости как-нибудь да достану, перейму у Вас – самый лучий пример перед собою имею. Вы умны, Вы тверды и непоколебимы в своих принятых намерениях, чему доказательством служит и то, сколько лет, говорите, что старались около нас, но я сие не приметила, а мне сказывали другие.

Прощай, миленький, всего дни с три осталось для нашего

свидания, а там первая неделя поста – дни покаяния и молитвы, в которых Вас видеть никак нельзя будет, ибо всячески дурно. Мне же говеть должно. Уф! я вздумать не могу и чуть что не плачу от мыслей сих однех. Adieu, Monsieur, напиши пожалуй, каков ты сегодни: изволил ли опочивать, хорошо или нет, и лихорадка продолжается ли и сильна ли? Панин тебе скажет: «Изволь, сударь, отведать хину, хину, хину!» Куда как бы нам с тобою бы весело было вместе сидеть и разговаривать. Естьли б друг друга меньше любили, умнее бы были, веселее. Вить и я весельчак, когда ум, а наипаче сердце свободно. Вить не поверишь, радость, как нужно для разговора, чтоб менее действовала любовь.

Пожалуй, напиши, смеялся ли ты, читав сие письмо, ибо я так и покатилась со смеху, как по написании прочла. Какой вздор намарала, самая горячка с бредом, да пусть поедет: авось-либо и ты позабавишься».

И тут же 1 марта 1774 года Екатерина Алексеевна писала: «Голубчик мой, Гришенька мой дорогой, хотя ты вышел рано, но я хуже всех ночей спала и даже до того я чувствовала волнение крови, что хотела послать по утру до лекаря пустить кровь, но к утру заснула и спокойнее. Не спроси, кто в мыслях: знай одиножды, что ты навсегда. Я говорю навсегда, но со временем захочешь ли, чтоб всегда осталось и не вычернишь ли сам? Великая моя к тебе ласка меня же стращает. Ну, добро, найду средство, буду для тебя огненная, как ты изволишь говорить, но от тебя же стараться буду закрыть. А чувствовать запретить не можешь. Сего утра по Вашему желанию подпишу заготовленное исполнение-обещанье вчерашнее. Попроси Стрекалова, чтоб ты мог меня благодарить без людей, и тогда тебя пущу в Алмазный, а без того, где скрыть обоюдное в сем случае чувство от любопытных зрителей… Прощай, голубчик».

Но как ни скрывались влюбленные, все детали дворцового быта становились явью.

«Миленький, – писала Екатерина очередную записку Григорию Потемкину, – какой ты вздор говорил вчерась. Я и сегодня еще смеюсь твоим речам. Какие счастливые часы я с тобою провожу. Часа с четыре вместе проводим, а скуки на уме нет, и всегда расстаюсь чрез силы и нехотя. Голубчик мой дорогой, я Вас чрезвычайно люблю, и хорош, и умен, и весел, и забавен; и до всего света нужды нету, когда с тобою сижу. Я отроду так счастлива не была, как с тобою. Хочется часто скрыть от тебя внутреннее чувство, но сердце мое обыкновенно пробалтывает страсть. Знатно, что полно налито и оттого проливается. Я к тебе не писала давича для того, что поздно встала, да и сам будешь на дневанье.

Прощай, брат, веди себя при людях умненько и так, чтоб прямо никто сказать не мог, чего у нас на уме, чего нету. Это мне ужасно как весело немножко пофинтарничать».

И таких записок Григорий Потемкин получал множество, деловых и любовных.

Часть вторая
Тяжкая доля

1. Интриги императорского двора

После отставки с поста гофмейстера двора великого князя граф Никита Панин изредка приезжал на Коллегию по иностранным делам. Здесь работали его секретари-переводчики Денис Фонвизин, Петр Бакунин, Владимир Лукин, которые докладывали ему о заграничных событиях. А жизнь его потускнела, увела от дворцовых интриг и слухов.

В одном из своих писем «матушке сестрице» Феодосии Ивановне накануне сентября 1773 года Денис Фонвизин подробно описал состояние графа Панина и дворцовых интриг:

«Теперь скажу тебе о наших чудесах. Мы очень в плачевном состоянии. Все интриги и все струны настроены, чтоб графа отдалить от великого князя, даже до того, что, под претекстом перестроить покои во дворце, велено ему опорожнить те, где он жил. Я, грешный, получил повеление перебраться в канцелярский дом, а дела все отвезть в коллегию. Бог знает, где граф будет жить и на какой ноге. Только все плохо, а последняя драка будет в сентябре, то есть брак его высочества, где мы судьбу нашу совершенно узнаем.

Князь Орлов с Чернышевым злодействуют ужасно гр-у Н.И., который открыл мне свое намерение, то есть, буде его отлучат от великого князя, то он ту ж минуту пойдет в отставку. В таком случае, бог знает, что мне делать, или, лучше сказать, я на Бога положился во всей моей жизни, а наблюдаю того только, чтоб жить и умереть честным человеком.

Злодей Сальдерн перекинулся к Орловым, но и те подлость души его узнали, так что он дня через два отправляется в Голстинию.

Великий князь смертно влюблен в свою невесту, и она в него. Тужит он очень, видя худое положение своего воспитателя и слыша, что его отдаляют и дают на его место: иные говорят Елагина, иные Черкасова, иные гр. Федора Орлова.

Развращенность здешнюю описывать излишне. – Ни в каком скаредном приказе нет таких стряпческих интриг, какие у нашего двора всеминутно происходят, и все вертится над бедным моим графом, которого терпению, кажется, конца не будет. Брата своего он привезти сюда боится, чтоб скорее ему шеи не сломили, а здесь ни одной души не имеет, кто б ему был истинный друг.

Ужасное состояние. Я ничего у Бога не прошу, как чтоб вынес меня с честию из этого ада…» (*Фонвизин Д.И.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1959. С. 355).

Но и через полгода после свадьбы великого князя интриги при большом и малом дворах со всей остротой и безысходностью продолжались. Наталья Алексеевна вскоре после свадьбы обрела силу и уверенность, учла непримиримость братьев Паниных и почувствовала желание повелевать своими приближенными. На императрицу наконец-то она посмотрела как на захватчицу императорского трона, который по праву принадлежит великому князю и ей, супруге великого князя, наследника Петра III. Властная, волевая, холодная и расчетливая, осознавая, что она утратила, Наталья Алексеевна резко меняет свое отношение к императрице, соблюдая формально ласковость и приятие императорского двора. Павел Петрович по-прежнему чувствовал благодарность к матери, которая устроила ему свадьбу, даже появление Потемкина не разрушило эти чувства, к Григорию Орлову он относился неприязненно, как к «дуралею», а Потемкин, по свидетельству историков, сблизился с Никитой Паниным, «успел очаровать его, потому что Панину было приятно «все неприятное» от Орловых».

Наблюдательный английский посол Гюннинг писал своему двору о новом любовнике императрицы: «Кажется, что он отличается необыкновенным знанием людей и верною их оценкою, чем не славятся вообще русские. Несмотря на разгульную жизнь, он тесно связан с духовенством. С его достоинствами и при неспособности тех, которые бы могли с ним бороться, этот человек может вполне надеяться достигнуть той высоты, на которую влечет его неизмеримое честолюбие» (*Лебедев*. С. 177). А в ноябре 1774 года английский посол просто удивился спокойствию при царских дворах: «Со дня моего сюда приезда, я еще не видел такой тишины при дворе и такого отсутствия интриг, как в последний месяц. Даже беспокойный и бурный ум княгини Дашковой не в состоянии возмутить этого спокойствия» (Там же). Но дело было не только в «беспокойном и бурном уме княгини Дашковой», отсутствовал при дворе и прославленный в Семилетнюю войну президент Военной коллегии генерал Захар Чернышев, от которого исходило много дурных слухов, непроверенных фактов, непродуманных намеков, порой взрывавших придворную жизнь. Но все это лишь на малое время. Вскоре пришли и интриги, подсиживания, и злодейский разворот событий.

7 марта 1774 года Екатерина Михайловна из Петербурга писала Петру Александровичу Румянцеву:

«Батюшка мой Петр Александрычь.

Я писала к тебе через офицера, который к Алексею Михайлычу Обрескову поехал, и книги послала, Шереметева вояжи; а теперь тебе скажу, что Григорий Александрычь Потемкин пожалован генерал-адъютантом и нонешнюю неделю дежурит и в армию не поедет, сказывал мне, что на будущей неделе посылает нарочнаго курьера в армию и к тебе хотел писать: я очень довольна, что он Мишу очень ласкает и сам к нему часто ходит, а я теперь в нетерпеливом ожидании детей, что они по сю пору не едут, господин Гримм теперь живет для них почти, а то принц Дармштадтский поехал отсюдава четвертый день, а сегодня Голштинский едет; и так у тебя много будет гостей; еще два брата будут принцов Вальдекских. Прости, батюшка, мысленно тебя целую и до конца покорная и верная жена К. Г. Р.

(Приписка графа Михаила Петровича Румянцева):

Я за тем к вам, милостивый государь батюшка, особливо к вам не пишу, что матушка обо всем писала, а я дожидаюсь братьев: за тем не еду, что я совсем с ними не видался; кой час приедут, я очень скоро поеду, мне непременно надо ехать, да и здешняя жизнь мне не очень приятна; писать мне нечего. Препоруча себя в непременную милость вашу, с глубочайшим почтением остаюсь всепокорный и всенижайший слуга и сын *М. Румянцев*.

Позабыл вам, милостивый государь батюшка, отписать, что в прошедшее воскресение обедал у государыни и она со мной долго говорила» (Письма графини Е.М. Румянцевой к ея мужу фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву-Задунайскому. 1762–1779 гг. СПб., 1888. С. 178).

Михаил Румянцев «позабыл» сообщить отцу об обеде у Екатерины II, но мудрая графиня, матушка, тут же напомнила сыну об этом обеде и о длительном разговоре с императрицей, которой Михаилу было что сказать, ведь он не так давно был у отца, потом в корпусе Потемкина, командовал батальоном, вместе с Потемкиным вели бои с турками, пережил опасные эпизоды.

То, что происходило у фельдмаршала Румянцева, давно было в центре жизни императорского двора, а теперь, когда фельдмаршал Румянцев диктовал свои условия на переговорах с турками, тем более. Прибывший ко двору Григорий Потемкин, получивший высокое звание генерал-адъютанта, четко определившее его ближайшее будущее, был в центре придворной жизни, а его рассказы о бесконечных военных приключениях давали живое представление о невзгодах войны и о бесстрашии

русских генералов.

Как раз в это время широко стало известно, что верховная власть в Турции изменилась, старый султан скончался, а новый, младший брат прежнего, не вошел еще во все тонкости правления, может допустить какие-то оплошности и неустройства, так что Екатерина II приказала Румянцеву переправить усиленный корпус за Дунай и ударить по направлению на Силистрию и Варну. У Румянцева войска были готовы совершить это наступление так, что новое турецкое правление должно испытать ужас от этого натиска, но это произойдет, когда нестерпимая зимняя стужа сменится выгодной для наступления погодой, транспорт обеспечит корпус всем необходимым, а рекруты успеют овладеть воинским искусством.

«Самое время собираться к отцу, – размышлял Михаил Румянцев, – да и Николай и Сергей скоро вернутся из полка, побывают на зимовке отца в Яссах, у которого они попросят благословения на поездку на учебу в Лейденском университете и на знакомство с Парижем и Италией».

Получив указ Военной коллегии, Румянцев готов был приступить к переправке отрядов на правый берез Дуная, но «зимняя стужа нестерпимая в поле» и задержка военных припасов отсрочили исполнение этих решений. Да и верховный визирь Турции закрылся в крепости и не подает признаков жизни. Как он мог немедленно выступить против турок, если весна задержалась со своим приходом? Приходилось ждать улучшения погоды.

Прибытие Николая и Сергея Румянцевых в город Яссы, где расположилась зимняя квартира главнокомандующего русскими войсками, застало графа Румянцева в тяжких раздумьях. Екатерина II требует: русским войскам перейти Дунай и начать наступательные операции, но она не знает, что в начале апреля здесь только сходит снег, только оголяются поля, нет еще корма для лошадей, сохраняются перебои с доставкой провианта, она не знает, что великий визирь молчит, не отвечает на его письма, в которых есть предложения о заключении мира на прежних условиях…

Появление младших сыновей отвлекло графа от сиюминутных раздумий. Он знал, почему они явились к нему.

После обычных приветствий граф согласился дать благословение сыновьям на поездку, а во время обеда Сергей, как самый самоуверенный из братьев, задал отцу вопросы, над которыми он только что размышлял, пытаясь ответить императрице и Военной коллегии.

– Ладно, об этом поговорим потом, меня вот один только вопрос интересует, как обустраивается там, в Петербурге, мой

генерал Григорий Потемкин, слухи разные сюда долетают, не хочется им верить…

– Императрица дала ему чин генерал-адъютанта, своего прежнего фаворита Васильчикова уволила в отставку, наградив его состоянием, Петербург в ожидании замер. Все говорят, что генерал-адъютант Потемкин вскоре станет фаворитом императрицы, – сказал Николай.

– Ох, как ждал этого мига в своей жизни мой генерал, жадный до успеха, но так мало сделавший как командир воинской части. Не было бы мне худа от него, – жестко заявил граф Румянцев.

– Нет, батюшка, худа не будет, он покровительствует Михаилу, хорошо отзывается о вас как о победителе турок, – успокоил отца Сергей.

Граф Румянцев подвел своих сыновей к карте военных действий и начал объяснять действия своих войск в надежде, что сообразительные юноши расскажут в Петербурге подробнейшие действия русских войск на Дунае.

– Пора выводить войска с зимних квартир, но нет еще подножного корма, трава, может быть, появится через неделю, а кормить лошадей надо уже сейчас. Только что прибыли из отпуска генерал-поручик Каменский и генерал-майор Суворов, Михаилу Федоровичу я приказал принять команду над 3-й дивизией и ехать для того в город Измаил. Гренадерские роты, кавалерийские полки уже направились к устью Дуная, чтобы воспрепятствовать неприятельским войскам иметь связь с морем. Оградивши себя от покушения с моря, я приказал Каменскому переправить свой корпус за Дунай, там, на сопротивном берегу, как донесли, трава для полевого корму произрастает и можно этим воспользоваться. Первым делом повелел я остановиться в Бабаде, если не окажется неприятельских войск, то дойти до местечка Карасу и установить взаимную связь с войсками Александра Суворова, который будет держать Гирсовский пост против покушения неприятеля от Силистрии, а потом ударить по Силистрии, овладеть ею и предложить свои условия мира. В Силистрии, как доносят разведчики, нет весьма большого войска, но нужна осторожность с турками, сейчас нет, а завтра уже прихлынут паши с отрядами. А Суворову я приказал принять резервный корпус, которым командовал Григорий Потемкин, и двинуть его к Гирсовскому замку и начать свои действия против Силистрии. Неприятельские войска собираются воздвигнуть понтонный мост через Дунай, разведчики донесли, что понтоны уже спущены с берега. И Суворову я приказал установить связь с Каменским, по возможности действовать сообща.

Кроме того, я дал указания и генерал-поручику Ивану Петровичу Салтыкову перейти с войсками Дунай и привести в страх рущукского неприятеля, а потом овладеть Рущуком и другими неприятельскими постами. А вот тогда, когда осуществим наши воинские притязания, можно снова говорить о заключении мира, Алексей Михайлович Обресков давно мечтает об этих мирных переговорах. Мы желаем обладать крымскими крепостями и Крымом, приобрести неограниченное мореплавание, а остальное уже мелочи. Вот, дорогие мои дети, то, чем занимается ваш отец. А теперь прогуляемся по городу Яссы, там тоже увидите кое-что любопытное.

Граф Румянцев никогда столько внимания не уделял своим детям, тем более никогда не раскрывал военные секреты, не говорил столько о положении на войне, но сейчас сыновья перед выбором своей судьбы. Ясно, что станут придворными, может, дипломатами, их дед Александр Румянцев соблазнял его самого стать дипломатом, но душа военного возобладала в нем.

Действительно, Николай и Сергей вскоре вернулись в Петербург, императрица 14 апреля 1774 года подписала указ об увольнении Николая Петровича Румянцева с должности камер-юнкера и о его поездке за границу, «без вычета жалованья во всю его бытность» (Русский биографический словарь. Пг. 1918. С. 494).

Перед отправкой Николая и Сергея Румянцевых Екатерина II решила поговорить с ними о заграничной поездке. По ее приглашению они сели недалеко от рабочего стола императрицы, которая внимательно изучала их смущенные лица. Николай и Сергей хорошо знали о том, что и граф Румянцев просил рекомендации у графа Панина, и матушка немало сделала для их успешного движения на Запад, а Мария Андреевна и Прасковья Александровна тоже не раз говорили об их поездке на учебу и о том, чтобы своими глазами посмотреть на европейский мир. А сколько бесед было проведено дома, не счесть. И вот сама императрица…

– Вам предстоит побывать во Франции и во многих европейских странах, учиться в Лейдене, проехать по Италии, познакомиться с десятками известных людей, изучить национальные обычаи, характеры людские. Ваша задача как можно больше узнать, вы едете за знаниями. Французский король Людовик XV не любит Россию, не любит российскую императрицу, называет нашу страну варварской, дикой, вряд ли вам стоит искать с ним знакомства и близости, хотя победы графа и фельдмаршала Румянцева известны и ему. Единственная цель его политики – как можно дальше удалить Россию из европейской

политики, погрузить русский народ в хаос и прежнюю тьму, о развитии отношений с Россией он никогда не думал, а вот наших исторических противников, Швецию, Турцию и Польшу, всегда поддерживал. Но вам стоит познакомиться и, может, сблизиться с наследником французского трона Луи-Августом, герцогом Беррийским, и его женой, герцогиней Марией-Антуанеттой, младшей дочерью австрийской императрицы Марии-Терезии, брак состоялся всего лишь четыре года тому назад, в мае 1770 года, но близости между ними так и не было, как писал мне и графу Панину наш посол во Франции князь Иван Сергеевич Барятинский. Кстати, генерал-поручик Барятинский всего лишь на четырнадцать лет старше вас, а уже сделал блестящую карьеру, при Цорндорфе как поручик он попал в плен, вернувшись из плена, он стал флигель-адъютантом Петра III. Как-то император приказал ему арестовать меня, но князь не послушался, видно, испугался, сказал об этом дяде императора, принцу Голштинскому, а тот уговорил Петра отменить приказание, потом, в 1763 году, я назначила Барятинского быть при наследнике, а потом уж он, генерал-поручик, был отправлен в Париж. Это я для того вам рассказала, чтобы при встрече с ним вы бы знали некоторые подробности его биографии… Так вот, из писем Барятинского мы узнали много подробностей о французском дворе. А главное – Людовик XVI, обнаруживший недееспособность как мужчина из-за незначительного врожденного дефекта, кстати временного, стал предметом циничных шуток при дворе, а королева Мария-Антуанетта, как свободная женщина, стала объектом любовных ухаживаний с различных сторон. Вы, граф Николай и граф Сергей, люди взрослые, Людовик XVI, ваш ровесник, он родился 23 августа 1754 года, должны понять его положение. И так продолжается вот уже несколько лет. Так что при случае, если вам доведется с ним разговаривать, не касайтесь этой темы. Ведите себя как дипломаты, умные, тонкие, рассудительные. Если что не поймете, смело спрашивайте барона Гримма, это умный и осведомленный человек. Он в курсе всех событий, побольше расспрашивайте его, он связан со всеми герцогами, со всеми государями Европы.

Румянцевы поняли, что беседа окончилась, низко поклонились императрице и вышли.

2. По европейским странам

19 апреля 1774 года братья Румянцевы и барон Гримм отправились в Европу, с ними были слуги и свои экипажи.

25 апреля Екатерина Алексеевна, получив письмо от Гримма,

писала в ответ:

«Господин Гримм! Я получила вчера ваше письмо из Риги от 19 апреля. Не вы один плакали с г. Ридезелем (один из придворных чиновников, приезжавших на свадьбу Натальи Алексеевны. – *В. П.*), он и меня заставил расплакаться. Ландграфиня Каролина была беспримерная женщина. Как она умела умереть! Когда придет мой черед, я постараюсь взять с нее пример и также прогоню всех плакс. Я хочу, чтоб в эти минуты вокруг меня были люди закаленного сердца, либо завзятые смехотворы.

Вы у меня спрашиваете: «к а к в ы б р а т ь с я и з м о и х в л а д е н и й?» Могу отвечать на это лишь словами Мольера: «Жорж Данден, ты сам захотел того». Впрочем, от вас зависит вернуться. Вы с великою радостью праздновали в Курляндии сорок шестую годовщину моего рождения. Поздравляю вас; сама я ненавижу этот день: прекрасный подарок он мне приносит! Каждый раз лишний год, без которого я могла бы отлично обойтись. Скажите по правде, ведь было бы прекрасно, если бы императрица всю жизнь оставалася в пятнадцатилетнем возрасте?

Но прощайте, господин Гримм; письмо мое начинает походить на болтовню после восьми вечера в Царском Селе. Глупцы, которые прочтут его прежде вас, могут счесть непристойным, что такие важные особы, как вы и я, пишем подобные письма… Оренбург освобожден, и, как я предсказывала, комедия кончится кнутом и виселицею, к которым я не чувствую склонности больше прежнего; но я понесла чувствительную утрату; генерал Бибиков, в 13 дней, умер от горячки, в двух стах верстах перед Оренбургом» (РА. Кн. 3. 1878. С. 7–8).

Можно предположить, что барон Гримм тут же прочитал (или дал прочесть) письмо братьям Румянцевым, потом в свободную минуту написал ответное письмо, истратив целую тетрадь, 12 страниц, осыпая императрицу своими восхищенными фразами по поводу и без повода, сообщив, между прочим, что он по-прежнему страдает засорением кишок, в Дрездене он побывал у докторов. 19 июня императрица с усмешкой ответила «господину философу», что она очень любит получать длинные письма, но, вспоминая Вецлар, где проходили препирательства между многочисленными князьями Германской империи, напомнила барону, что даже там сокращается письмоводство, говоря откровенно, будет отвечать коротко, ее обуяла постоянная лень, такая же лень приходила к ней, как только она собиралась сходить к докторам. Вот Людовик XV имел десять докторов, но в мае этого года скончался от оспы, императрица Российская посылала Людовику XV через французского посланника

разумный, человеколюбивый и дружеский совет, чтобы он, не медля ни секунды, приказал своим докторам привить ему оспу, а он не послушал ее – и вот конец… Это стыдно и попахивает каким-то варварством, хотя в варварстве он упрекал Россию.

Екатерина II часто вспоминала ландграфиню Каролину, вспоминала ее глубокий и разносторонний ум, стремление участвовать во всех европейских делах, а значит, писать десятки, сотни писем европейским властителям, чуть-чуть, хоть слабым намеком выразить свое участие в том или ином решении.

Затем братья Румянцевы и барон Гримм побывали в Варшаве, в Карлсбаде, Лейпциге. Здесь братья Румянцевы узнали, что 15 июля 1774 года фельдмаршал Румянцев, вместе со своими генералами и помощниками, среди которых выделялся своими познаниями Алексей Обресков, заключили в Кючук-Кайнарджи мирный договор. Потом Сергей Румянцев вспоминал: «В Лейпциге мы узнали о славном мире, который мой отец заключил концом своей шпаги» (НИОР РГБ. Ф. 255. К. 18. Ед. хр. 43. Л. 8).

Кючук-Кайнарджийский мирный договор, который подписали граф Петр Румянцев, генерал-фельдмаршал, предводящий армией, малороссийский генерал-губернатор, коллегии Малороссийской президент и орденов Святого апостола Андрея Первозванного, Святого Георгия, Святого Благоверного князя Александра Невского и Святой Анны кавалер, и его султаново величество – верховный Блистательной Порты визирь Муссун-заде Мегмет-паша гласил:

1. Отныне и завсегда да пресекаются и уничтожаются всякие неприятельские действа и вражда между обеими странами происшедшие, и предаются вечному забвению всякие неприятельские действа и противности.

2. Совершившие преступления обеих империй, как христиане, так и магометане, должны быть выданы и возвращены в империю обитания.

3. Крымские татарские народы должны быть вольными и независимыми, должны свободно выбирать своего правителя, в духовных же обрядах, как единоверные с мусульманами, сообразуются с верховным Калифом магометанского закона…

Кроме того, Россия возвращает Блистательной Порте Бессарабию, а Блистательная Порта возвращает России свободное плавание по Черному морю со всеми вытекающими отсюда последствиями. Все 28 артикулов мирного договора должны быть ратифицированы в самое ближайшее время и утверждены правителями двух империй.

Естественно, сыновья графа Петра Румянцева гордились не только блестящими победами над турками, но и мирным

договором с Турцией, правами, приобретенными Россией в ходе этой ожесточенной войны, свободным, независимым от Турции, Крымом и свободным Черным морем, давней мечтой России.

В октябре 1774 года братья Румянцевы прибыли в Лейден, поселились в гостинице «Голландский двор», как советовал им Александр Куракин, потом пошли к ректору университета, заплатили 6 дукатов и были зарегистрированы как студенты. По воспоминаниям Сергея Румянцева, в Лейдене учились Юсупов, Алексей Куракин и Михаил Нарышкин.

С 7 часов утра до 9 вечера Николай и Сергей, по сведениям биографов, работали в университете, слушали лекции, совершенствовали свои знания латинского и французского языков, изучали итальянский язык и музыку, математику, историю и естественное право. Преподавали одни из лучших профессоров в Европе, среди них заметно выделялся профессор Пестель.

«Несомненно, гуманные взгляды Пестеля, – подчеркивал С.О. Долгов, – проводимые им на лекциях, запали в душу Николая Румянцева. Пестель в своих лекциях задавался такими широкими вопросами, самая постановка которых уже рисовала его гуманную натуру и объясняла его влияние на слушателей. Вот, например, несколько таких вопросов: I. Каким образом люди могут прожить счастливо, несмотря на зависимость свою от разных причин, не подчиняющихся их воле, будут ли они при этом жить в уединении или же среди всемирного общества, которое природа образовала, чтобы дать каждому возможность наслаждаться высшим счастьем, помогая друг другу в их взаимной нужде? II. Каковы права и обязанности относительно других у разных народов? III. Какие следует предписывать законы, чтобы делать народ счастливым и регулировать отношения граждан не только друг к другу, но и к иностранцам…» Несомненно, мудрый профессор глубоко и плодотворно повлиял на восприимчивую и мягкую натуру Николая Петровича Румянцева (*Долгов С.О.* Памяти графа Н.П. Румянцева. М., 1897. С. 15).

В ходе университетских лекций совершенствовались знания, полученные от чтения книг Дидро, Вольтера, Монтескьё, от общения с великим князем Павлом, Екатериной II и приближенными императорского двора.

«В конце сентября 1775 года, по свидетельству биографа П. Майкова, граф Николай Румянцев с братом заехали на короткое время в Париж, чтобы вместе с Гриммом, оставившим их в Лейдене одних, совершить совместное путешествие по Италии» (РБС. Т. 15. СПб., 1910. С. 494).

Барон Гримм, хорошо знакомый с дворцовой жизнью Парижа,

с герцогом Орлеанским и другими знатными людьми, ввел братьев Румянцевых в круг своих знакомых.

Братья Румянцевы были приняты известным политиком Жаком Неккером, который в присутствии своих коллег спросил Николая Румянцева о «греческом проекте» Екатерины II. Николай Петрович поразил собравшихся умным и дипломатичным ответом:

– Нет, господин Неккер, мои слабые познания в этом сложном дипломатическом мире не дадут вам полноценного ответа, но Россия и без того так огромна, что о приобретении новых земель наша всемилостивейшая императрица и не помышляет, об этом нет и речи. Это просто перемена политических интересов, вы хорошо знаете, что Петр Великий занимался благоустройством «северных земель», воевал со Швецией, а сейчас интересы императорской власти переместились на юг, отсюда и название – греческий проект, но речь идет не о завоевании Константинополя и других земель, только горячие царедворцы иногда заговаривают об этом, но это их личное мнение, которое императрица не одобряет и не поддерживает.

Собравшиеся были поражены проницательностью Николая Румянцева.

При этом присутствовала воспитательница короля Франции Людовика XVI Стефания Жанлис, которая в последующем, став писательницей, в романе «Рыцари Лебедя» описала братьев Румянцевых в образах прославленных рыцарей Оливьера и Изамбарда: «…Среди храбрых рыцарей, цветом юношества, украшением и славою Двора Карла Великого, особенно отличались два молодые рыцаря, прославившие себя подвигами, оба прелестные и соединенные вечным союзом дружества. Они делили между собою удовольствия и неприятности, имели все общее, а девиз – с словами: *слава и дружба*. На серебряных щитах их изображен был белый плывущий по морю лебедь с подписью: *верность и искренность*. Почему дамы и придворные называли их рыцарями Лебедя. Изам-бард и Оливьер (так назывались два верные друга сии) были особенно уважаемы и любимы императором…» (*Жанлис С.* Рыцари Лебедя, или Двор Карла Великого. М., 1821. С. 6—10). Похоже, Стефания де Жанлис влюбилась в Николая Румянцева.

Но визит братьев Румянцевых в Париж был кратковременным. Позже, работая над романом, Стефания де Жанлис, узнав об увлечении Николая Румянцева великой княгиней Марией Федоровной, описала и эту неожиданную и внезапную любовь Оливьера к принцессе: «Весь двор с нетерпением дожидался

дочери Вишикинда… Громкая слава о красоте ее, подвиги отца, дикие нравы жителей ее родины, – все это усиливало любопытство, и каждый желал видеть ее. Но какие со мною происходили странности, этого нельзя объяснить тебе!.. Я не мог слышать ее имени без содрогания, ибо когда, бывало, заговорят о ней, то в душе моей возбуждалось какое-то непостижимое, мрачное чувствование, но я считал его следствием разговора с императором: ибо оный подействовал так сильно на мое воображение и сердце, что я никогда не забуду его… Я спешу к ней, вхожу в залу и вижу там много вместе стоящих прекрасных женщин. Вишикинд выходит из среды их, берет меня за руку и подводит к ним. Вдруг заметил я одну в иностранном платье… и все сердце мое затрепетало при сем зрелище… я не мог видеть лица ее, ибо она стояла ко мне спиною, а видел только прелестный стан и два длинных локона черных волос. Каждый шаг увеличивал мое смущение – но, друг мой! Что со мною было, когда она оборотилась?.. Ах, друг мой! Ах, друг мой, поздно уже было скрывать от тебя, что я любил со всем жаром чувствительного юноши, и мог быть любимым… Ее лицо, гораздо более прелестное по выразительности, нежели по красоте, это лицо объяснило мне все, судьба моя решилась навеки. Но ее участь?.. Ах, как дерзал я питать в груди своей преступное желание ей нравиться и пленить ее сердце, когда рука ее была уже обещана!.. Смел ли я нарушить спокойствие жизни ее и как мог дерзнуть огорчить невинность, простосердечие, чувствительность и сделать виновником всех ее несчастий!.. Нет, нет! Сказал я сам себе, хотя и могу быть безрассудным, но обольстителем никогда… Ах! Пусть судьба играет мною, как хочет, лишь бы она была счастлива!» (Там же. С. 144–149).

Но это только первые надрывы в душе великого рыцаря Оливьера, пытавшегося помочь прославленному герою древности Роланду, погибшему в бою. И сколько было их потом, после этого мучительного признания в любви к принцессе, дочери Вишикинда. Карл Великий по-своему решил проблему. Его дочь Эмма любит Оливьера, и потому ее руку он предлагает Оливьеру, но Оливьер любит дочь Вишикинда, которая тоже призналась ему в любви, но она уже обещана Альбиону.

Т.А. Соловьева, впервые рассказавшая эту историю, сообщила, что Стефания де Жанлис в разные годы их жизни написала Николаю Румянцеву пятнадцать писем, дважды бывала в России, но ее любовь осталась неразделенной (*Соловьева Т.А.* Классический «треугольник» (Страницы личной жизни Н.П. Румянцева) // Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII – XXI вв. СПб., 2007. С. 34–36).

Вскоре барон Гримм получил письмо от Вольтера, узнавшего, что Сергей Румянцев пишет стихи, и пожелавшего повидать сыновей великого фельдмаршала.

Из Парижа в Женеву путь оказался недалеким. Больной Вольтер принял их в постели, послушал стихи Сергея Румянцева, предсказал Сергею Румянцеву как поэту творческий успех, высказал комплименты императрице и фельдмаршалу Румянцеву и распрощался.

Мимолетная встреча с Вольтером удивила братьев, но барон Гримм объяснил, что дни Вольтера сочтены, он плохо себя чувствует и принял их как победителей турок, как сыновей великого полководца и как подданных великой императрицы.

После посещения Вольтера барона Гримма и братьев Румянцевых уже ничто не могло остановить от путешествия по Италии. Каждый поселок, каждый город Италии поражал юное воображение молодых туристов, а сколько впечатлений подарили им сокровища музеев и картинных галерей!

В письмах отцу и матери открывались их взгляды на увиденное и на проблемы, возникавшие из-за постоянного безденежья.

«Милостивый Государь Батюшка! – писал С.П. Румянцев. – Если я еще доселе не отвечал на пожелания Ваши, касающиеся до определения наших будущих расходов, тому причиною медленность решений господина Гримма… Пребывание наше в Италии по счету такого человека, который сам несколько раз бывал <в Италии>, может нам около четырех тысяч рублей обойтись. Желание наше было там пробыть большую половину года, но такого тому определения еще теперь сделать не можем. Что же касается до Англии и Франции, то Вам известно, что сии места опричь излишних расходов, которые делаются в них необходимыми, имеют еще и то, что по причине дороговизны всего, расходы гораздо умножаются» (ОР РНБ. Ф. 655. Карт. 2. Ед. 4. Письмо С.П. Румянцева к П.А. Румянцеву от 26 мая 1775 г.).

За учебой и путешествием по западным государствам братьев Румянцевых непрестанно следила Екатерина II, по письмам барона Гримма она знала об их передвижениях. Но неожиданно все изменилось, принц Прусский Генрих решил приехать в Петербург, а для этой встречи Екатерине II нужен был барон Гримм. Получив письмо от барона Гримма из Женевы 29 ноября 1775 года, Екатерина II тут же написала ему: «Вы имеете полное право ворчать: неприятно, когда планы разрушаются. Вы так умно и хорошо продумали приехать сюда с принцем Генрихом, а сначала ехать в Италию. Конечно, с моей стороны было большою неловкостью изменять свои намерения и возвратиться в

Петербург не весной, а зимой; но позвольте вам заметить, что вина падает не на одну меня, но также и на моего доброго друга, принца Генриха, который непременно захотел приехать в мое любимое время года, а не осенью. Но вы знаете, что всякий любит товар лицом показать и во время: вообразите четыре эскадры, которых я не видела шесть лет, только что вернулись из Средиземного моря, а у вас уже бились об заклад, что я от них и щепки не увижу. Но я их увижу и принцу Генриху покажу, а он такой свидетель, что ему стоит их показать, не правда ли?.. В добавок я раньше кончила, чем предполагала, все, что мне следовало сделать. Если вы у меня спрашиваете, как же теперь исправить беспорядок, происшедший от изменения в моих планах, то я могу указать только одно: путешествуйте спокойно по Италии, и потом, не торопясь, вернитесь сюда с графами Румянцевыми, буде господин ваш и повелитель изъявит на то согласие» (РА. 1878. Кн. 3. С. 25).

А пока обсуждались планы путешествия и возвращения, братья Румянцевы наслаждались красотами Италии, о которых Сергей Румянцев писал своему отцу: «Великолепие архитектуры, богатство убранств и многочислие, красота картин беспрестанно останавливают взоры любопытных путешествующих, и конечно с сей стороны никак почти изобилия сего города измерить не можно. Сверх же того положение сего места на берегу моря и окружение высокими горами, хребты которых снегами покрыты, а низы все лимонами и померанцами усаженные, делают сие место конечно тем единственным в свете» (ОР РНБ. Ф. 655. Карт. 2. Ед. 4. Письмо С. Румянцева к П. Румянцеву от 3 декабря 1775 года).

Наряду с массой других сюжетов в письме отмечался факт доброжелательного приема Румянцевых итальянцами: «Что же касается здешних жителей, мы довольны их ласкою и приемом нахвалиться не можем». Они гордились своей фамилией и славой отца, сообщали ему о пути следования: «Вам не мудрено должно казаться, Милостивый Государь Батюшка, что нас везде не простыми приезжими принимают. Имя Ваше нам служит препоручительным письмом, и мы с оным лишь учтивости и отмены везде собираем. Отселе мы отправляемся в Милан, где, пробыв несколько дней, поедем во Флоренцию, в Рим и так далее». Побывав в Неаполе четыре недели и осмотрев достопримечательности города и его окрестностей, 1 марта 1776 года они вновь вернулись в Рим, оставаясь в Вечном городе до конца апреля 1776 года (письма от 3 декабря 1775, 1 марта 1776, 21 апреля 1776 года).

Уже находясь в Венеции, они узнали две важные новости из Санкт-Петербурга о том, что 15 апреля 1776 года умерла великая

княгиня Наталья Алексеевна и что в июне 1776 года их отец выехал с великим князем Павлом Петровичем в Берлин для свидания с новой невестой, принцессой Вюртембергской.

Екатерина II завела строгий порядок – важные дела никогда не откладывать на последний час. Не покладая рук работали секретари в коллегиях, в иностранном отделе, в Государственном совете, в Военном министерстве. Императрица читала письма и донесения, внимательно следила за сражениями своих войск, огорчалась ранней смерти прекрасного генерала Бибикова, радовалась золотой голове Григория Потемкина. Но виду и не подавала, что перегружена работой, делами, встречами, разговорами, ответственными и серьезными. Она часто шутила, особенно при дипломатах, которые тут же записывали ее слова, принимая шутливые фразы за государственный стиль работы. Порой посланники европейских государств, наблюдательные и тонкие, принимали внешнюю сторону за внутренний смысл преобразований, отсылали неточные донесения своим королям и премьер-министрам о деятельности русской императрицы, мол, «в мирное время она охотно сваливала всю работу на подчиненных, а сама отдыхала или тратила свою энергию на каком-нибудь другом поприще. Любимым житейским правилом императрицы было то, что труд надо всегда соединять с наслаждением, или, как она образно выражалась, «дело с неделанием». Но если она и не занималась лично делами, то умела зато так слепо и беспрекословно подчинять все своей верховной воле, что издали казалось, что это она руководит всем сама». Человек проницательный, но недоброжелательный, по словам историков, французский поверенный в делах Дюран набросал в одной из своих депеш такую картину ее царствования: «Кто бы не подумал, прислушиваясь к шуму, который происходит теперь в Петербурге (в ноябре 1774 года. – *В. П.*), что все министерство находится в напряженной непрерывной работе, что здесь заседают долгие и частые советы, что Екатерина II обсуждает в них лично текущие дела, взвешивает противоположные мнения и принимает их только после внимательного разбора? Но ничего подобного нет. Румянцев ведет переговоры о мире и управляет движениями войск так, как находит это удобным. При помощи нескольких подчиненных Панин изыскивает средства, чтобы уклониться от домогательств прусского короля, выиграть время и вообще тратить его как можно меньше на работу. Потемкин благодушествует на своем посту; он довольствуется тем, что подписывает некоторые бумаги, и возбуждает страшные толки пристрастием к роскоши, высокомерием и смелыми решениями своих канцелярий… Флот находится всецело в руках графа

Алексея Орлова. Великий князь, генерал-адмирал, проводит время в том, что участвует в спектаклях, и императрица, которая уже закончила его образование, поощряет его в этом направлении, говоря, что если она скучает в обыкновенном театре, то зато очень забавляется, когда играют знакомые ей лица. Сама Екатерина Вторая, окруженная планами зданий, с отвращением относится к политике и интересуется только своими постройками, в которых может смело ничего не понимать, потому что все равно знает, что заставит искусство подчиниться во всем своему капризу. Ее приближенные говорят при этом… что если она ни в чем не отказывает лично Потемкину, то в то же время ему стоит большого труда добиться у нее пустяка для третьих лиц. Таким образом, милость ее не безгранична. Страсть Екатерины к господству сильнее ее любви, и, отстранив от трона прилежание и труд, она тем не менее хочет сохранить за собою его власть».

Страсть к господству и ревнивая любовь к своей власти действительно составляли основную черту характера Екатерины – таков вывод европейских информаторов.

Историки и биографы опровергают эти односторонние выводы. В частности, перечитаем ее письма Мельхиору Гримму, в которых в свободной, а чаще всего шутливой форме императрица рассказывает о том, чем она занимается чуть ли не ежедневно. Кое о чем здесь уже рассказано из этой переписки. А вот еще: подробнейшим образом императрица описывает, как она прошла три с половиной версты за крестным ходом из Казанского собора в Александровскую лавру, вечером прочитала двенадцать страниц письма барона Гримма, в котором он восхищается, что мир с Турцией подписан на выгодных для России условиях, а далее подробнейшим образом описывает, как господин Тома храпит у нее за спиной, а дочка Тома возится в передней. А затем в сентябре, октябре, декабре 1774 года Екатерина Алексеевна извещает барона Гримма о множестве событий, в которых она принимала участие: нет, она вовсе не сеет смуту, точно «маркиз Пугачев», как уверяет барон Гримм, «маркиза» поймали, заковали и заточили, ему прямая дорога на виселицу… Негодяй Пугачев не отличается большим смыслом, надеется на помилование, кажется, человек не может существовать, не предаваясь обманчивым надеждам. Но в это же время она получила экземпляр издания Petit Prophete de Bohmischbroda, сочинение Гримма, но Потемкин в ту же минуту подхватил брошюру и унес в свои апартаменты, это у него старая привычка, приобретенная на войне, лишил ее приятного чтения, но с этим ничего не поделаешь. А получив письмо Гримма из Парижа, она надеялась,

что оно будет пронизано необычайным остроумием, но текст оказался пронизанным Севером, и пусть господин философ не обижается, но она почувствовала, что в этом письме он мелет какой-то вздор, она могла бы в два счета объяснить ему, в чем он заблуждается, но она сейчас очень занята, посадила себя на диету, ест только хлеб, пьет только воду… (Попутно заметим, что в это время Екатерина II забеременела, в связи с этим договорилась с Потемкиным о тайном браке, тайное бракосочетание в присутствии самых близких царедворцев состоялось в церкви Самсония на Выборгской стороне, а летом 1775 года родилась дочь Елизавета (РА. 1906. № 12. С. 614). Размышляя о минувшем, Екатерина Алексеевна перебирает в памяти и лучшее, что было в жизни, и мелкое, вроде бы незначительное. Признается, как резко изменилось ее мнение о невестке, которую она приняла с распростертыми объятиями. А тут… Может, все образуется, слишком она еще молода, неопытна… Но уж слишком много неблагоразумного величия…

В июле 1775 года было решено провести праздничные гулянья в Москве и Петербурге по случаю окончания Русско-турецкой войны и заключения Кючук-Кайнарджийского мира. Но представленные проекты показались Екатерине II штампованными, хотя газетчики уже успели откликнуться о них с похвалой в своих изданиях. Она тут же приказала позвать придворного архитектора Баженова и, когда он явился, сказала, обращая его внимание на проекты:

– Любезный Баженов, посмотрите, что за проекты мне предложили для проведения победоносного праздника в честь мира с Турцией. Те же храм Януса, храм Бахуса, храм еще невесть какого дьявола, все дурацкие, несносные аллегории, и притом в громадных размерах! А за 3 версты от Москвы есть луг, представьте себе, что этот луг – Черное море и что из города две дороги, одна из них будет Танаис, а другая – Борисфен. На устье первого вы построите столовую и назовете Азовом, на устье второй – театр и назовете Кинбурном. Из песку сделаете Крымский полуостров, поместите туда Керчь и Еникале, которые будут служить бальными залами. Налево от Танаиса поставим буфет с винами и угощением для народа. Против Крыма устроится иллюминация, которая будет изображать радость обоих государств о заключении мира. По ту сторону Дуная пустим фейерверк, а на месте, имеющем изображать Черное море, будут разбросаны лодки и корабли, которые вы иллюминуете. По берегам рек, которые в то же время и дороги, будут расположены виды, иллюминованные дома, мельницы, и таким образом у вас

выйдет праздник без вычур, но, может статься, гораздо лучше многих других, и в нем будет больше простоты. Кстати, позабыла вам сказать, что вправо от Танаиса – Таганрог, где будет ярмарка. Вы привыкли все разбирать, но скажите, разве все это дурно придумано? Правда, что море на твердой земле – бессмыслица, но не обращайте внимания на этот изъян, а все остальное окажется очень сносно. Так как место очень просторное и будет это вечером, то все сойдет, по крайней мере нисколько не будет хуже, чем языческие храмы, которые мне страшно надоели.

Екатерина II видела недавний проект реконструкции Кремля, созданный Василием Ивановичем Баженовым, другие его проекты и постройки, высоко ценила его архитектурный дар и надеялась, что он еще многое сделает для украшения Москвы и Петербурга.

Встречу с Баженовым и свой проект празднования мира с Турцией Екатерина II тут же описала в письме барону Гримму.

В письме от 12 апреля 1775 года Екатерина II в ответ на письмо Мельхиора Гримма с иронией извещает его, что если он умрет от чувства благодарности, которое скрылось внутрь, то она в свою очередь может сообщить, что рано или поздно умрет «от много-писания»: «Никогда в жизнь не приходилось мне так много писать, как здесь. Теперь царапаю прекрасные, красноречивые указы, которые прескверно будут переведены, так как в них мыслей больше, чем слов, а у переводчиков обыкновенно бывает больше слов, нежели мыслей. Если вам попадется такой перевод, плюньте на него и не читайте; но коли увидите в конце 47 пунктов, тогда скажите: «Она не колдунья, а между тем, тотчас после войны, которая длилась шесть лет и которую в Париже все считали очень разорительною, прощает около двух миллионов податей, и у нее расплата со всеми полная»…»

В Москве, в селе Коломенском, Екатерина II приняла решение предоставить губернским властям больше полномочий в управлении губернией и в 1775 году написала «Учреждение для управления губерний», документ, который давал широкие полномочия и губернатору, и всем членам губернского управления; губернатору и губернскому управлению теперь подчинялись уездное правление и земские суды. Появились капитаны-исправники, городничие, губернские и уездные казначейства, казенные палаты, губернские и уездные казначейства, Сиротский суд, Приказ общественного призрения, Верхний земский суд, Губернский магистрат, Верхняя земская расправа, палаты Уголовного и Гражданского суда… Таким образом императрица передала часть своих полномочий на места, оставаясь постоянно в центре всех событий решающим звеном любых споров, жалоб и обид. Екатерина II вроде бы все продумала

о губернской и судебной реформах, все четко и ясно расставила по местам, предоставила соотечественникам равные права перед законом, но она не забыла свой «Наказ», написанный в 1767 году, когда в Москве собралась комиссия по составлению кодекса вместо Соборного уложения царя Алексея Михайловича 1649 года. Тогда дело кончилось разочарованием в сегодняшних реформах. В то время, в 1767 году, выслушав сведения о 1465 наказах с мест, прения от депутатов о положении крестьян и дворян на местах, Екатерина подвергла серьезной критике положение с крепостным правом в России, осаживала невежественных дворян, которые протестовали против отмены крепостного права, даже граф Александр Сергеевич Строганов, человек самый мягкий и, в сущности, самый гуманный, с негодованием и страстью защищал дело рабства (Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 12. С. 169). Ее «Наказ», переведенный на немецкий и французский языки, стал широко известен в Европе, Вольтер одобрял его, Дидро жестко критиковал, при этом находя в нем множество заимствований из европейских источников.

Но тогда было другое время, сейчас невозможно говорить об отмене крепостного права – столько сумятицы развелось в придворных кругах и в обществе.

22 июля 1775 года Екатерина II писала барону Гримму: «По случаю празднования мира, архиепископ Московский Платон нас всех заставил плакать. В проповеди он обратился к фельдмаршалу Румянцеву и говорил так хорошо, так красноречиво, так справедливо и так кстати, что сам фельдмаршал заплакал, а с ним вся церковь, которая была битком набита, и я тоже…» Пересказав о наградах фельдмаршала Румянцева, Екатерина II с восторгом описала праздник мира в Москве:

«Вчера праздники снова начались; но что это за праздники! Посылаю вам рисунок, изображающий место, где гулянье. Что за вид!! Сколько народу! Красивы эти холмы, где построены здания! Описать всего нет возможности. Одним словом, никогда еще не было такого пиршества, и ничто не нарушало всеобщего удовольствия. Все говорят, что праздник был прелестный.

Завтра все кончится маскарадом и фейерверком в той же местности; но такого места другого нет! Представьте, тут сто тысяч человек, и ни малейшей толкотни, ни тесноты; всякий находит свой экипаж на месте, без малейшего затруднения, всякий приходит и уходит, как и когда ему угодно; не приходится терпеть ни от жары, ни от холода, и всем предоставлены всевозможные удовольствия. Чтоб понять рисунок, вы должны

знать, что Кинбурн – это театр, Керчь и Еникале – большие залы, Азов – столовая, а мачты, фонтаны и народные зрелища находятся там, где ногайские татары расположены станом…» (РА. 1878. Кн. 3. 21–22).

Братья Румянцевы, путешествуя по Европе, из этого письма незамедлительно узнали о праздновании победы над турками, не только о праздновании, но и о наградах отца, фельдмаршала Румянцева, и каждая награда имела свое значение, и сыновья графа Румянцева оценили эти подарки императрицы.

27 августа 1775 года императрица снова пишет Гримму из Царицына, в котором шесть недель жила, сообщает об именинах великой княгини, в честь которой исполняли комическую оперу, рассказывает, как дивились этому пению окрестные мужики.

Через две недели, увидев на столе чернильницу, отличное перо и белую бумагу, Екатерина не может устоять против беса-бумагомарателя и начинает писать барону Гримму, так, ни о чем, от праздности. В Коломенском, Царицыне она ужасно много исписала бумаги, 250 печатных страниц в четверную долю листа, это лучшее, что вышло из-под ее пера. «Наказ» теперь представляется ей не более чем пустой болтовней.

Екатерина II тут же вспомнила слова Дидро об этом «Наказе», а память у нее была превосходная:

«Русская императрица, несомненно, является деспотом. Входит ли в намерение ее сохранение деспотизма и на будущее, для ее наследников, или же она намерена отказаться от него? Если она сохранит деспотизм для себя и для своих наследников, пусть составит свой кодекс так, как ей заблагорассудится, народ явится лишь свидетелем сего. Если же она желает отказаться от деспотизма, пусть отказ этот будет сделан формально, и, если он явится искренним, пусть совместно со своей нацией она изыщет наиболее надежные средства к тому, чтобы воспрепятствовать возрождению деспотизма. Пусть тогда в первой же главе народ прочтет непреклонную гибель тому, кто станет стремиться к деспотизму в будущем. Отказаться властвовать по произволу – вот что должен сделать хороший монарх, предлагая наказ своей нации. Если, читая только что написанные мною строки, она обратится к своей совести, если сердце ее затрепещет от радости, значит, она не пожелает править рабами. Если же она содрогнется, и кровь отхлынет от лица ее, и она побледнеет, признаем же, что она почитает себя лучшей, чем она есть на самом деле… Если предположить, что самые размеры России требуют деспота, то Россия обречена быть управляемой дурно. Если – по особому благоволению природы – в России будут царствовать подряд три хороших деспота, то и это будет для нее

великим несчастьем, как, впрочем, и для всякой другой нации, для коей подчинение тирании не является привычным состоянием. Ибо эти три превосходных деспота внушат народу привычку к слепому повиновению; во время их царствования народы забудут свои неотчуждаемые права; они впадут в пагубное состояние апатии и беспечности и не будут испытывать той беспрерывной тревоги, которая является надежным стражем свободы…

Я говорил императрице, что если бы Англия имела последовательно трех таких государей, как Елизавета Английская, то она была бы порабощена навеки… Поэтому во всякой стране верховная власть должна быть ограниченной, и притом ограниченной наипрочнейше. Труднее, нежели создать законы, и даже хорошие законы, обезопасить эти законы от всяких посягательств со стороны властителя» (*Дидро Д.* Замечания на «Наказ» Екатерины Второй для депутатов комиссии по составлению законов // История России от дворцовых переворотов до Великих реформ. М., 1997. С. 119).

Но разве она деспот, тиран? Разве она не предложила обществу высказать свои соображения по переустройству государства Российского в 1767 году, разве она не собрала делегатов на этом совещании, имеющем законодательный уровень, разве она не хотела отменить крепостное право и предоставить крестьянству равные права с другими слоями общества? Но грянула война… Но как только началась война, разве она не учредила Государственный совет при высочайшем дворе для обсуждения наиважнейших событий в государстве, военных действий, дипломатических переговоров с иностранными государствами? Сначала это были обсуждения в форме чрезвычайного совещания, а потом заседания Совета перешли в режим государственного учреждения. Она порой председательствовала на Совете, но чаще он проходил без нее. В Совет входили опытные царедворцы, прошедшие чуть ли не все ступени государственной службы, такие как генерал-фельдмаршал, граф Кирилл Григорьевич Разумовский, князь Александр Михайлович Голицын, граф Никита Иванович Панин, князь Михаил Никитич Волконский, граф Захар Григорьевич Чернышев, граф Григорий Григорьевич Орлов, князь Александр Алексеевич Вяземский, граф Иван Григорьевич Чернышев, вице-канцлер, граф Иван Андреевич Остерман, генерал-адъютант Григорий Потемкин, граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский, правителем канцелярии Совета был назначен тайный советник Степан Федорович Стрекалов. Принятые на Совете решения утверждались или отвергались императрицей

Екатериной II, иные решения возвращались на дополнительное обсуждение, и готовилось новое решение с учетом ее мнения.

В 1774 году Дидро жил в Петербурге, был гостем императрицы, почти каждый день она уделяла ему час для беседы, он не скрывал своих взглядов и напрямую говорил обо всем, что волновало и тревожило его. Чаще императрица молчала, не вступая с французским философом в диалог, мало что извлекая из его наставлений. Если она послушается его, то ей нужно преобразовать всю империю, уничтожить законодательство, правительство, политику, финансы и заменить их несбыточными мечтами. Он совершенно был уверен, что она согласится с ним и начнет преобразования. Но ничего этого не происходило. И наконец он спросил, почему она откладывает преобразования, намеченные в его устных трактатах. «Господин Дидро, – отвечала Екатерина II, – я с большим удовольствием выслушала все, что вам внушал ваш блестящий ум. Но вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, действовать же по ним плохо. Составляя планы разных преобразований, вы забываете различие наших положений. Вы трудитесь на бумаге, которая все терпит: она гладка, мягка и не представляет затруднений ни воображению, ни перу вашему, между тем как я, несчастная императрица, тружусь для простых смертных, которые чрезвычайно чувствительны и щекотливы». Он был поражен ее словами. Сколько энергии и ума вложил он в свои беседы, а императрица оказалась не способна была его понять, да и куда ей, с ее узким и обыкновенным умом. После этих слов императрицы он больше не говорил о политике, говорили только о литературе и театре (*Сегюр Л. де*. Пять лет при дворе Екатерины II. С. 220).

Не ушла еще память о недавнем праздновании мира, как на Екатерину II обрушились письма из Лондона, Парижа, Берлина и Вены, снова заговорили о войне: весной 1775 года восстали американские колонии Великобритании с требованием полной независимости, вожди восстания начали работать над Декларацией о независимости. Английский король Георг III обратился к Екатерине II за помощью, у нее сильный флот и мощная армия, только что разгромившая армию и флот Турции, ей не трудно победить восставших в колонии. Но Екатерина II напомнила Георгу III, что шестилетняя война с Турцией измотала Россию, армии и флоту пора отдохнуть, конечно, Екатерина II ни слова не сказала о том, что Россия, ввергнутая во внезапную войну, просила поддержки у Великобритании, но так и не получила ее. Тем более Екатерина II знала, что Франция поддерживает повстанцев и готова оказать им помощь. Кто тянул

за язык Григория Потемкина, почуявшего возможность оказывать влияние и на внешнюю политику, сказать сгоряча: «Если Англии потребуется 20 тысяч солдат, Россия могла бы без проблем ей их дать»? Эти слова дошли до английского посла, который тут же передал их в Лондон. Сразу возникла проблема: Лондон или Париж? Париж отозвал французского посла Дюрана де Дистоффа по указанию нового министра иностранных дел графа Вержена, новый посол маркиз Жюинье вручил верительную грамоту и письмо, в котором говорилось, что Франция считает, что российское влияние в Польше не противоречит миру и равновесию в Европе и является одним из наиболее надежных средств ослабления амбиций других соседей Польши, кроме того, Франция не будет материально помогать польским конфедератам, выступавшим против России, хотелось бы также уменьшить и влияние Пруссии на международной арене. И что делать России, получив сей рескрипт от недружественной Франции, которой управлял ненавидевший Россию Людовик XV? Екатерина II хорошо знала о противоречиях между Потемкиным и Паниным, следила за перепиской иностранных послов со своими руководителями, знала и о том, что «северная система», которой так долго придерживалась Россия, дышит на ладан. Потемкин – англофил, у него свои притязания, граф Никита Панин – давний сторонник Пруссии. Дельного совета от них не жди. Екатерина II принимает решение – самостоятельность Соединенных Штатов скорее выгодна России, Версаль был прав, одобрив их Декларацию о независимости, способствующую ослаблению Лондона.

Нужно думать не только о сегодняшнем дне, но и заглядывать в будущее. Сейчас татарскому Крыму предоставлена независимость от Турции по мирному договору, но разве честолюбивые ханы могут поделить эту независимость, чуть ли не все они происходят от рода великого Чингисхана, все они претендуют на власть и непременно сцепятся между собой. Кто будет усмирителем этой схватки? Турция? Нет, Крым – исконная русская земля, и России решать эту проблему, поэтому дальновидный фельдмаршал Румянцев делает все для того, чтобы умеренно расположить наши войска в Крыму и проследить, чтобы турецкие отряды навсегда покинули Крым.

3. Великая княгиня Наталья возмечтала стать императрицей

Но неожиданно для императрицы и для всей России внешние события отошли на второй план, Екатерину II полностью

поглотили внутренние проблемы.

Первые месяцы после женитьбы на обаятельной и красивой принцессе Наталье Алексеевне великий князь Павел Петрович пребывал в восторге, великая княгиня была внимательна и обворожительна по отношению ко всем придворным, Екатерина радовалась происшедшим переменам и не уставала повторять, что наконец-то сын ее установил с ней нормальные отношения:

– Я обязана великой княгине возвращением мне сына и отныне всю жизнь употреблю на то, чтобы отплатить ей за услугу эту.

Наградив Никиту Ивановича Панина по случаю совершеннолетия великого князя и отстранив его от должности обер-гофмейстера, Екатерина II своим указом вручила графу звание первого класса в ранге фельдмаршала с жалованьем и столовыми деньгами по чину канцлера, много других наград, но оставила за ним лишь ведение иностранных дел империи. Потому граф Панин затаил недовольство против Екатерины II. Пришла пора предоставить законному наследнику вступить в свои права, и Екатерина II попыталась предложить великому князю участие в управлении государством, но тут же разочаровалась: у великого князя сформировались совсем иные принципы управления и войском, и чиновниками, и хозяйством. Великий князь с помощью Никиты Ивановича выработал свой стиль управления, резко осуждал нравственный уровень императорского двора, постоянную смену любовников императрицы, а потом даруемое им безмерное вознаграждение при отставке. Из Москвы осенью 1773 года то и дело доносились клеветнические слухи и «персональные оскорбления» императрицы от графа Петра Панина, который тоже серьезно повлиял на формирование общественно-политических взглядов великого князя. Взбешенная императрица, узнав о том, что говорит о ней Петр Панин, написала 25 сентября 1773 года московскому главнокомандующему князю Михаилу Никитичу Волконскому: «Что же касается до дерзкого известного вам болтуна, то я здесь кое-кому внушила, чтоб до него дошло, что естьли он не уймется, то я принуждена буду его унимать наконец. Но как богатством я брата его осыпала выше его заслуг на сих днях, то чаю, что и он его уймет же, а дом мой очистится от каверзы. Чего всего вам к крайней конфиденции сообщаю для вашего сведения, дабы наружностию иногда вы б не были обмануты» (Осмнадцатый век. Кн. 1. С. 96).

По сведениям князя Волконского, граф Петр Панин «чуточку унялся» в своих критических высказываниях, казалось бы, он должен быть доволен, что заслуги Никиты Панина так высоко

оценены.

И Екатерина II, казалось бы, решила свою задачу, отдалив графа Панина от своего сына. «Дом мой очищен или почти что очищен, – писала она госпоже Бьельке, – все кривлянья произошли, как я и предвидела, но, однако ж, воля Господня совершилась, как я также предсказывала» (Сборник И.Р. И.О. Т. 13. С. 361).

Но на этот раз она горько просчиталась. С великим князем и великой княгиней все время был граф Андрей Разумовский. Простодушный Павел не замечал, что великая княгиня и граф постоянно уединялись, а толки об этом уже шли во дворце. Дошли и до Екатерины II. Она сама была не без греха, но она вдова, незамужняя, ей было больше позволено, чем другим.

На какое-то время установилась тишина между императорским двором и двором великого князя. Даже появление в покоях императрицы бурного по темпераменту Григория Потемкина не всколыхнуло эту тишину.

Но шла, как оказалось, медленная подспудная игра против Екатерины II.

Весной 1774 года Павел Петрович и Наталья Алексеевна были вовлечены в заговор против самодержицы российской с целью захвата власти, особенно активна была в своих захватнических устремлениях Наталья Алексеевна. Великий князь давно был к этому подготовлен, он подробнейшим образом познакомился с судьбой своего отца, он знал о его первых реформах, о вольности дворянству, о грубых выходках против Екатерины Алексеевны, о попытках жениться на графине Воронцовой, о запойных вечерах, где он позволял наскоки на отсталую Россию, на ее историю, но это был его отец, племянник Петра Великого, в нем было много и плохого и хорошего, он высоко ценил многих русских полководцев и чиновников… Слухи о восстании казачества во главе с Пугачевым, который объявил себя императором Петром III, только обострили отношения с императрицей. А Наталья Алексеевна с нетерпением готовилась стать российской самодержицей, она действительно была честолюбива.

В буйной голове графа Андрея возник план своего рода заговора против Екатерины II, заявившей на всю Европу: «Я хочу сама управлять, и пусть это знает Европа!» А как же великий князь Павел Петрович, прямой после Петра III наследник императорского трона, достигший совершеннолетия и мечтавший о троне со дня гибели отца, с 1762 года? Ведь написан уже Павлом труд «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов»; правда, предложения Павла кардинально

расходятся с политикой императрицы, он опирается в своих рассуждениях на братьев Паниных, двух ее принципиальных противников. Как будто императрица не знает, что в ее управлении много бюрократов, много формальных решений, которые, не проникая в глубь вещей и дел, вскоре отменяются, что ее империю губит централизация, она сама мечтает разбить огромную Россию на управляемые губернии, но считает различные предложения Павла – от излишнего умничанья. Конечно, Павел прав в своем заключении: «…писав сие от усердия и любви к отечеству, а не по пристрастию или корысти, а такое время, где, может быть, многие, забыв первые два подвига, заставившие меня писать, следуют двум последним, а что больше еще, и жертвуя всем тем, чего святее быть не может. А сему я был сам очевидцем и узнал сам собою вещи, и, как верный сын отечества, молчать не мог» (*Шильдер*. С. 78–79).

Прочитав это сочинение Павла и постоянно встречаясь с ним и толкуя о внутренней и внешней политике, Екатерина II твердо решила отказать юному сыну в участии в управлении государством, даже в Совет не рискнула его вводить. Пусть думает об одном – нужен наследник императорского престола, вот главная его задача, и внутренняя и внешняя.

Павлу казалось, что все делается не так, как ему хотелось. Да, Пугачев казнен 10 января 1775 года, Русско-турецкая война закончилась победоносным Кючук-Кайнарджийским миром, Россия почти добилась всех своих требований, Крым стал независим от Турции, только религиозные обряды в Крыму контролируются из Турции. Но Павел и в этих существенных победах России искал недостатки.

На улицах Москвы, куда Павел и Наталья Алексеевна, приехавшие вслед за императрицей и ее двором, толпа восторженно принимала великого князя. Андрей Разумовский, наклонившись к супругам, сказал:

– Видишь, Павел, как тебя встречает Москва, стоит тебе захотеть, как императорский жезл перейдет в твои руки.

Наталья Алексеевна радостно улыбнулась этим неосторожным словам, а в доме, где великокняжеская семья остановилась, деспотически заговорила об императорском троне, который, казалось, совсем недалеко от мужа. Первые признаки беременности Натальи Алексеевны обнаружились еще в Москве. 7 декабря 1775 года великокняжеская семья отправилась в Петербург. 24 декабря того же года императрица, побывав в Туле и Калуге, вернулась в Петербург и установила за великой княжной непрерывную слежку.

В апреле 1776 года начались предродовые схватки. «Великий

князь, – писала Екатерина II князю М.Н. Волконскому, – в Фоминое воскресенье поутру, в четвертом часу, пришел ко мне и объявил мне, что великая княгиня мучится с полуночи; но как муки были не сильные, то мешкали меня будить. Я встала и пошла к ней, и нашла ее в порядочном состоянии, и пробыла у ней до десяти часов утра, и, видя, что она еще имеет не прямые муки, пошла одеваться, и к ней возвратилась в 12 часов. К вечеру мука была так сильна, что всякую минуту ожидала ее разрешения. И тут при ней, кроме самой лучшей в городе бабки, графини Катерины Михайловны Румянцевой, ее камер-фрау, великого князя и меня, никого не было; лекарь же и доктор ее были в передней. Ночь вся прошла, и боли были переменные со сном: иногда вставали, иногда ложились, как ей угодно было.

Другой день проводили мы таким же образом, но уже призван был Круз и Тоде, коих совету следовала бабка, но без успеха оставалась наша благая надежда. Во вторник доктора требовали Рожерсона и Линдемана, ибо бабка отказалась от возможности. В середу Тоде допущен был, но ничто не мог преуспеть. Дитя уже был мертв, но кости оставались в одинаковом положении. В четверг великая княгиня была исповедана, приобщена и маслом соборована, а в пятницу предала Богу душу. Я и великий князь все пятеро суток и день, и ночь безвыходно у нее были. По кончине, при открытии тела, оказалось, что великая княгиня с детства была повреждена, что спинная кость не токмо была такова как S, но часть та, коя должна быть вогнута, – лежала дитяти на затылке; что кости имели четыре дюйма в окружности и не могли раздвинуться, а дитя в плечах имел до девяти дюймов. К сему еще соединялись другие обстоятельства, коих, чаю, примера нету. Одним словом, стечение таковое не позволяло ни матери, ни дитяти оставаться в живых. Скорбь моя была велика, но, предавшись в волю Божью, теперь надо помышлять о награде потери» (*Шильдер*. С. 81–82).

Великая княгиня Наталья Алексеевна скончалась 15 (26 апреля) 1776 года, а через двадцать минут после ее смерти Екатерина II и великий князь Павел Петрович уехали в Царское Село. Павел был в ужасном состоянии, всю дорогу мрачно молчал, а Екатерина Алексеевна трогательно обнимала его, стараясь вдохнуть в него силы. «Господи, пять дней и пять ночей мы видели гибель молодой женщины, – терзала себя императрица, – мы страдали вместе с ней, рожать трудно, сама испытала, но то, что видела, ни с чем не сопоставимо, бедная княгиня, что она выстрадала, душа моя растерзана, ни минуты покоя за все эти пять дней и ночей. «Какая вы прекрасная сиделка», – говорила принцесса, но разве я была только сиделкой

в это время, то один камергер прибегал, то другой, и все важно, и все срочно, изнемогая душой, то одного нужно утешать, то решать и соображать все, что не должно быть забыто. А в таком положении, трудном, тягостном, ужасном, я была впервые, ни поесть, ни попить просто некогда».

Увидев, что великий князь пришел в себя, Екатерина сказала в утешение:

– Мы едва живы, Павел Петрович. После таких испытаний нам ничего не страшно, наша нервная система просто несокрушима. Были мгновения, когда мне казалось, что внутренности мои раздираются при виде стольких страданий, и при каждом ее крике я чувствовала свою боль. И, помнишь, я не плакала…

– Если бы вы, матушка-государыня, заплакали, то все бы зарыдали. А если бы зарыдали, то все присутствовавшие упали бы в обморок, – мрачно заметил великий князь.

– Ты помнишь, что говорили великие доктора, которых я собрала у ее ложа? Никакая помощь не могла спасти принцессу. Ее несчастное сложение не позволило ей родить ребенка, это единственный случай в своем роде.

– Года два назад Наталья рассказывала, что в детстве она упала и расшиблась, опасались, что она будет кривой, позвали какого-то доктора, и он своими способами исправил ушиб, но, видно, недостаточно профессионально он это сделал, вот и печальный результат.

– Ты, Павел, терпи, я плохо выбирала тебе невесту, а родители и она сама скрыли от нас свои недостатки. И подумай сам, Наталья Алексеевна то и дело сказывалась больна, удивительный раскрылся ее характер. Она во всем любила крайности. Коли танцевать, то десятка два контредансов, столько же менуэтов, а немецкие танцы уже без счету… Предлагала вовсе не топить печки, если в комнатах жарко. Середины ни в чем нет: некоторые модницы натирают лицо льдом, а великая княгиня будет натирать льдом все тело, не слушает никаких советов, ни дурных, ни хороших, ни ума, ни благоразумия, прошло уже полтора года, а она слова не умела сказать по-русски, все хотела, чтобы ее учили, а сама не желала заняться этим делом, все у нее вертелось кубарем, и того не терпим, и этого не любим, долгов больше, нежели имения, хотя получала от меня достаточно много… А что нам делать, дорогой сын? Отчаиваться? Нет, надо искать новую невесту…

На следующий день в Царское Село прибыл принц Генрих и передал императрице бумаги, которые хранились в кабинете великой княгини.

Изучив архив великой княгини, Екатерина II пришла в ужас от копившейся за эти годы измены: там было много любовных писем и записок Андрея Разумовского, черновики писем великой княгини, в которых она признавалась в любви к своему избраннику. И кто знает, чей отпрыск родился бы у княгини, если бы все обошлось благополучно?

«Да, корабль оказался опрокинутым, – думала Екатерина II, – наследника нет и не могло быть. Сколько потеряно времени, а надо ковать железо, пока горячо, чтобы выполнить потерю. Стало легче дышать, ушла глубокая скорбь, которая угнетала нас. Пусть и великий князь узнает полную истину о своих отношениях с близким другом Андреем Разумовским и своей любимой женой Натальей Алексеевной. Пора подумать о второй жене Павла Петровича».

Биографы немало уделяли своего внимания этому факту в биографии великого князя. Некоторые подробно описывали бумаги великой княгини, другие гораздо скупее, но сам факт фаворитизма юной великой княгини никто не отрицал.

Н.К. Шильдер писал: «Императрица немедленно приступила к рассмотрению бумаг почившей великой княгини; чтение их подало средство к исцелению безутешной печали цесаревича.

Средство было, без сомнения, жестокое, но верное, соответствовавшее обстоятельствам. Оказалось, что граф А.К. Разумовский недостойным образом злоупотребил доверием Павла Петровича» (*Шильдер*. С. 84).

Павел Петрович, испытавая горечь от смерти великой княгини, о которой сочувственно говорили некоторые царедворцы, дескать, великая княгиня «была одарена редкими достоинствами ума и сердца, со временем она могла бы сделаться достойной помощницей августейшего супруга», прочитав письма Андрея Разумовского к Наталье Алексеевне, долго не мог успокоиться, потрясенный чудовищным преступлением ближайшего друга. «Моя обожаемая и дорогая Наталия! – читал Павел Петрович записку Андрея Разумовского. – Я посылаю тебе записку, потому что мне кажется, что прошла целая вечность с тех пор, как мы расстались, хотя я знаю, что прошло всего три часа, как я покинул твои объятья… Я люблю тебя все больше и больше, и даже слишком сильно. Так нельзя мужчине любить женщину. В нашем любовном гнездышке я почувствовал себя живым в первый раз. Здесь, в Царском Селе, ты мне показала, что Божий рай существует на земле…» Дальше читать Павел Петрович был бессилен, слезы заслонили последующие признания бессовестного друга, предавшего и растоптавшего его первую любовь, первый брак. Потому он быстро утешился, услышав от

матери о ее предложении о повторном браке. Нужен наследник, говорила она, и Павел это прекрасно знал.

17 и 18 апреля 1776 года из Царского Села Екатерина II подробнейшим образом известила барона Гримма о событиях последних дней, а в заключение писала: «Думаю, что если эти события не произведут расстройства в моей нервной системе, то, стало быть, ее ничем нельзя расстроить. Спустя двадцать четыре часа после смерти великой княгини я, ради своего спокойствия, послала к великому князю принца Генриха; он пришел и не покидал его. Он довольно твердо переносит свое тяжкое горе, но сегодня у него лихорадка. Тотчас после смерти его супруги, я его увезла и привезла сюда. Sic transit gloria mundi! (Так минует слава света!)».

Часть третья
Участие братьев Румянцевых в судьбе великого князя

1. Еще одна невеста – принцесса Вюртембергская

После неудачного брака великого князя и трагической кончины великой княгини Натальи Алексеевны Екатерина II снова вспомнила о бароне Ассебурге, перебирала в памяти его подробные письма о немецких принцессах. Еще тогда она отметила принцессу Вюртембергскую, которой было всего лишь 9 лет, срок ее еще не пришел, но сейчас-то она подросла, ей уже должно быть около семнадцати…

Прибывший в Петербург прусский принц Генрих вручил Екатерине II письмо прусского короля Фридриха от 18 марта 1776 года, в котором было сказано, что он принужден «изумляться издали вашему славному царствованию и предоставить моему брату изумляться вам вблизи», что он восхищается новыми законами, которые прочитал в переводе, ставит императрицу в один ряд с Ликургом, Солоном и Локком, от древних законодателей до современного английского философа, «с тою разницей, что эти мудрецы трудились для небольших обществ, а благодеяния вашего императорского величества становятся безмерными по обширному пространству провинций, над которыми простирается ваше правление». 10 мая 1776 года из Царского Села Екатерина II сообщила Фридриху о «печальнейшем событии»; «неожиданная смерть великой княгини моей невестки не переменила вдруг моего удовольствия на сильнейшую скорбь». Екатерина II благодарит Фридриха за то, что он освободил принца Дармштадтского от обещания жениться на принцессе, намеченной в невесты великого князя, избранная принцесса составит счастье великого князя. Тем более этот союз укрепит дружбу между Пруссией и Россией: «Союз с вами дорог мне, ваша дружба драгоценна мне». 2 июня Фридрих в письме Екатерине II «доверено» говорит о принцессе Вюртембергской и обещает, что она не причинит «вам малейшую печаль»: «Она молода и воспитана в величайшей простоте; ей не знакомы ни интриги большого света, ни лживые увертки, которые употребляются придворными, чтобы обманывать молодых, неопытных особ. Отдавая ее совершенно под покровительство вашего императорского величества, мы полагаем, что самым верным средством избежать ошибок, происходящих в молодости и

недостатка опытности, в которые могла бы впасть эта молодая особа, было бы то, чтобы ваше императорское величество были так добры приставить к ней доверенную особу, которая бдительно следила бы за ее поведением до того времени, когда зрелый рассудок позволит предоставить ей действовать самой. Прошу извинения у вашего императорского величества, что вхожу в эти подробности, но я думаю, что лучше отвратить неприятности, чем предоставить эти происшествия случаю…» (Переписка Екатерины II с Фридрихом II // Сборник ИРИО. Год двадцатый. СПб., 1877. С. 354).

Курьеры мчатся из Берлина в Царское Село, а из Царского Села в Берлин, то Фридрих II преклоняется перед могущественным величием русской императрицы, то русская императрица выражает своему брату и союзнику огромную благодарность за участие в сватовстве своего сына и дает великолепную характеристику принцессы Вюртембергской, которая должна составить счастье великого князя. 23 июля 1776 года Фридрих сообщает, что прибывший в Берлин великий князь, сопровождаемый фельдмаршалом П.А. Румянцевым, совершенно здоров; «Могу вас заверить, что он восхищает сердца всех, что он пожинает должныя ему одобрения, а что касается меня лично, то я причисляю к величайщим одолжениям, каким обязан вашему императорскому величеству, то, что вы доставили мне знакомство с принцем, полным совершенств; что касается соизволения, которое ваше императорское величество благоволили испросить на брак моей племянницы принцессы Вюртембергской, то вы можете быть уверены, что не последует отказа с моей стороны, тем более в деле, которого я должен был всегда желать, если бы даже оно не состоялось, ни во всех предметах, в которых я мог бы угодить вам. Эта молодая особа обещала мне приложить все старания, чтобы угождать вашему императорскому величеству и своему будущему, августейшему супругу. Все мои мольбы возносятся о преуспеянии этого супружества, и о всем, что может способствовать довольству вашего императорского величества…» (Там же. С. 358). Провожая принцессу в Россию, Фридрих II вручил ей письмо для Екатерины II, в котором еще раз подчеркнул достоинства великого князя и принцессы, которая «исполнена лучших желаний в свете», «ее одушевляет лишь одно желание: в точности исполнять свои обязанности». 2 сентября Екатерина II сообщает Фридриху II, что три дня тому назад принцесса Вюртембергская привезла его письмо, она здорова, она настолько хороша, что все ею очарованы, она «принесла с собою радость и довольство».

Процитируем еще два письма Фридриха II и Екатерины II о

заключительной стадии высокого сватовства: «Государыня, сестра моя, – писал Фридрих II Екатерине II 26 сентября 1776 года, – ничто не могло быть более приятным мне, как узнать от вашего императорского величества, что вы остались довольны молодою особою, которую мы имели честь препоручить вашему покровительству. Надеюсь, государыня, что своим поведением эта молодая особа окажется достойною выбора, который ваше императорское величество удостоили ее, и что своею признательностью и преданностью к особе своей августейшей свекрови, она заслужит продолжение милостей вашего императорского величества. Я хотел, государыня, еще более блестящими доказательствами явить радость, причиненную мне пребыванием здесь великого князя; но краткость времени и тайна, которую нужно было хранить, поставили мне слишком скромные границы, чтобы иметь возможность предаться свободному течению излияния моего сердца. Ваше императорское величество можете непременно рассчитывать на мою преданность, готовую оказать вам услуги во всех, имеющих представиться случаях; я ничего так не желаю, государыня, как найти оные, чтобы доказать вашему императорскому величеству признательность, какою проникнуто мое сердце…»; «Государь, брат мой, – писала Екатерина II Фридриху II 27 сентября 1776 года, – бракосочетание его императорского высочества великого князя с ее императорским высочеством государыней великой княгиней, урожденной принцессой Вюртемберг-Штутгартской, было отпраздновано 26 числа этого месяца; я хотела сообщить вашему величеству об этом событии нарочным чрезвычайным посольством. Столь тесный и верный союз, какой существует между мною и вашим величеством, внушил мне этот поступок, и именно, на основании этого, как я надеюсь, вы примете участие в радости. Господин Домашнев, мой камер-юнкер, которого я выбрала для этого поручения, имеет приказание выразить вам, до какой степени я рассчитываю на ваши чувства в этом отношении. Прошу ваше величество допустить его в свое присутствие и верить удостоверениям высокаго уважения и совершенной дружбы…» (СИРИО. Год двадцатый. С. 365–366).

Во время берлинского сватовства Николай и Сергей Румянцевы остановились в одной из деревень в надежде повидать отца и все происходившее в Берлине, но приехавший к ним двоюродный брат князь Александр Куракин сообщил безрадостную весть, что свидания с отцом не будет: отец запретил им в это время появляться в Берлине. Возможно, фельдмаршал Румянцев подумал, что появление двух рослых красавцев Румянцевых при сватовстве великого князя окажется невыгодным

для жениха. Но кто может проникнуть в тайны души великого фельдмаршала и отца и понять его помыслы?

После отъезда посольства Петра Румянцева с великим князем братья Николай и Сергей мимолетно побывали в Берлине, но уже 6 сентября 1776 года Николай и Сергей вернулись в Петербург, повидались с Екатериной Михайловной, Марией Андреевной, были приняты императрицей, и снова началась придворная жизнь. Вся торжественная церемония свадьбы великого князя прошла на их глазах, по указанию императрицы и самодержицы они снова вошли в круг великого князя, присутствовали на всех торжественных церемониях, обедах, раутах, приемах.

Мария Федоровна, как стали именовать великую княгиню после крещения, поразила Николая своей неотразимой симпатией и добросердечностью, в краткие минуты общения с ней Николай был очарован ею, правда, он больше говорил с великим князем, рассказывая о своем путешествии по европейским городам, особенно о Париже. Обращался он вроде бы к великому князю, а глазами пожирал юную красавицу, великую княгиню, потом в смущении отводил от нее глаза, помня историю великого князя с Натальей Алексеевной и Андреем Разумовским, которая разворачивалась на его глазах.

После бракосочетания наследника престола в церкви Зимнего дворца, после торжественного обеда, танцев и бесед со знакомыми и друзьями, императрица пригласила Николая Румянцева в свой кабинет и дала поручение отправиться в Вену, чтобы известить императорскую власть, Марию-Терезию и Иосифа II, о женитьбе великого князя на принцессе Вюртембергской.

– Вы, конечно, знаете, граф, что русское посольство в Вене возглавляет ваш родной дядя, князь Дмитрий Михайлович Голицын, явитесь к нему, а там уж он подскажет ваши дальнейшие шаги. Думаю, что с первым дипломатическим поручением вы справитесь, тем более что вы знаете европейские языки, и немецкий в том числе.

30 сентября Николай Румянцев отправился в Вену. Исполнил поручение, а через несколько дней, вручив императрице письма Марии-Терезии и Иосифа II, вновь вернулся к исполнению своих обязанностей камер-юнкера. Дежурств было немного, кроме него, было еще одиннадцать камер-юнкеров, но Румянцеву чаще всего приходилось бывать в свите великого князя и великой княгини, исполнять их поручения. Правда, ситуация для него изменилась. Мария Федоровна… С удовольствием будет служить ей, как и великому князю, полному государственных замыслов, но… Николай Румянцев знал, что накануне сватовства великий князь вручил принцессе Вюртембергской уведомление о ее поведении

как великой княгини. Еще в Германии принцесса прочитала этот документ, а теперь, прожив в России всего лишь несколько недель, убедилась в справедливости сказанного там.

Приехав в Россию, неизвестную ей и удаленную от европейской жизни, писал Павел Петрович, великая княгиня должна ради собственной пользы сблизиться с российской императрицей, снискать ее доверие, должна быть предупредительной и кроткой, не выказывать досады и не жаловаться на нее кому бы то ни было. Во дворце много интриг и происков, она не может иметь никаких личных целей, она не должна что-либо скрывать от ее величества, должна быть откровенна, ничего не таить в своей душе, не принимать участия в интригах, которые просто опутывают императорский дворец. На первых порах великая княгиня вновь и вновь вчитывалась в строки наставления: «Я не буду говорить ни о любви, ни о привязанности, ибо это вполне зависит от счастливой случайности; но что касается дружбы и доверия, приобрести которые зависит от нас самих, то я не сомневаюсь, что принцесса пожелает снискать их своим поведением, своей сердечной добротой и иными своими достоинствами, которыми она уже известна. Ей придется, прежде всего, вооружиться терпением и кротостью, чтобы сносить мою горячность и изменчивое расположение духа, а равно мою нетерпеливость. Я желал бы, чтобы она принимала снисходительно все то, что я могу выразить иногда даже, быть может, довольно сухо, хотя и с добрым намерением, относительно образа мыслей, уменья одеваться и т. п. Я прошу ее принимать благосклонно советы, которые мне случится ей давать, потому что из десяти советов все же может быть и один хороший, допустив даже, что остальные будут непригодны. Притом, так как я несколько знаю здешнюю форму, то я могу иной раз дать ей такой совет или высказать такое мнение, которое не послужит ей во вред. Я желаю, чтобы она была со мной совершенно на дружеской ноге, не нарушая, однако, приличия и благопристойности в обществе. Более того, я хочу даже, чтобы она высказывала мне прямо и откровенно все, что ей не понравится во мне; чтобы она никогда не ставила между мной и ею третьего лица и никогда не допускала, чтобы меня порицали в разговоре с нею, потому что это не отвечает тому расстоянию, которое должно существовать между особой ее сана и моего и подданным». Павел Петрович не мог забыть о недавней своей трагедии, связанной с переживаниями о смерти великой княгини Натальи Алексеевны, а посему предупреждал принцессу, чтобы она своим поведением снискала любовь нового для нее общества, избегала неприятностей, не вмешивалась в любые спорные дела,

держалась ровно, без малейшей фамильярности.

Великая княгиня Мария Федоровна вела себя безупречно. А внешность! Екатерине II не раз рисовали портрет принцессы, так она хороша, как божий день: высокий для женщины рост, правильные черты лица, благородный и величественный вид, словно модель для портрета красивейшей женщины. И то, что она увидела, лишь подтвердили рассказы очевидцев. «Сразу видно благородство происхождения, – думала императрица, разглядывая принцессу, – Господи, дай мне силы, как бы не пристраститься к этой очаровательной принцессе, она именно такая, какую можно было желать: стройна, как нимфа, цвет лица – смесь лилии и розы, прелестнейшая кожа… а как ходит… кротость, доброта сердца и искренность на лице… Прости меня, Господи, как только место около князя очистилось, я сразу подумала о ней, но оказалось, что она уже невеста, при этом за нее уже сватались пять благороднейших семейств, и все расстроились, а последний жених, наследный принц Гессен-Дармштадтский, брат покойной великой княгини Натальи Алексеевны… И ведь удалось!» Вмешательство принца Генриха и прусского короля Фридриха II быстро решило это осложнение, возникшее у русской императрицы, – принц Гессен-Дармштадтский получил от императрицы отступное вознаграждение.

Мария Федоровна пришлась по душе императорскому дому, на первых порах она дала себе зарок в политику не вмешиваться, в отношения великого князя и императрицы не вникать, пусть сами разбираются в возникающих то и дело противоречиях, великий князь умный, разносторонне образованный, к тому же у него столько советников!

Павел Петрович на первых порах соглашался с таким поведением великой княгини, пусть занимается цветами, садоводством, пусть музицирует и наслаждается музыкой, но вспоминал и активную Наталью Алексеевну. Павел оказался в противоречивом положении, ведь он привык, что жена вмешивалась, советовала. Он не мог оставаться в одиночестве со своими мыслями, ему нужен был слушатель и советник, близкий, любимый, кому он сумеет довериться, рассказать о сокровенном. Только жена, Мария Федоровна, могла стать человеком, перед которым он облегчит душу. Нет, он не может быть в одиночестве, одиночество хуже всего.

Летом 1777 года в Петербург прибыл шведский король Густав II. После официальных приемов у императрицы король выразил желание встретиться с наследником престола. Встреча началась с дружеского разговора, вспомнили недавнюю поездку Павла

Петровича в Берлин, пышные приемы в его честь, Фридриха II, его умение тонко вести дипломатическую игру, и тут шведский король допустил явную грубость по отношению к прусскому королю, которого обвинил в том, что тот стремится всех перессорить, а он, шведский король, помнит родство и никогда мирные отношения не нарушит. Потом шведский король высказал по поводу Фридрига II обвинение, что он, мол, мечтает захватить Шведскую Померанию.

При встрече с великой княгиней Павел Петрович тут же изложил ход этой встречи, хотя прекрасно знал, что Мария не хочет заниматься политическими вопросами.

– Ваше императорское высочество, Мария, мне трудно удержаться, чтобы не сказать тебе о том, что больше всего волнует меня. Представляешь, шведский король заявил при встрече со мной, что прусский король якобы намерен захватить Шведскую Померанию, объявляет его агрессором, мечтающим всех перессорить, дескать, он знает хитрые намерения прусского короля, он ненавидит его…

– Не может быть! Фридрих такой милый родственник…

– Шведский король твердо заявил, что если начнется война, то он непременно захватит Померанию…

– Милый мой князь, а если бы у нас началась война со Швецией, то мы бы, если б удалось, непременно отняли у нее Финляндию, всю, что есть, а не делили на кусочки.

– А говоришь, что тебе неинтересна политика! Ты хорошо в этом разбираешься, милая моя княгиня, лучше, чем наш знаменитый министр иностранных дел Никита Иванович Панин. Шведский король проговорился, что он близко связан с Францией, все его интересы профранцузские, а у нас союз с Пруссией, с Фридрихом II, которого уже сейчас называют Великим.

– Да, Павел Петрович, Пруссия – это наше все, моя семья почти вся работает на Пруссию, наш союз должен быть незыблем.

– Братья Панины всю мою жизнь внушали мне, что без этого союза мы пропадем, последнее время наша императрица полностью согласна с этим союзом, но Никита Иванович болен, скрылся в своем имении Дугино, лечится от водянки… Вполне возможны другие варианты нашей внешней политики. Четыре года тому назад, в сентябре 1772 года, я и мои близкие были уверены, что моя мать, императрица и самодержица, дозволит мне принимать участие в управлении государством, как это обычно бывает с наследниками престола, у меня были свои планы в области внешней и внутренней политики. Но стоило мне высказаться в присутствии императрицы и ее близких

сподвижников, как наступило мрачное время – меня перестали приглашать на такие совещания, мать предложила мне бывать у нее по утрам на консультациях по разным вопросам. Но она говорила мне то, что я отвергал…

Часто при этих беседах Павла Петровича и Марии Федоровны присутствовали камер-юнкера, такие как Александр Куракин, Николай и Сергей Румянцевы, естественно, они не вмешивались в разговор великокняжеской четы, не полагалось по этикету, но и Павел Петрович, и Мария Федоровна доверяли своему близкому кругу, как они полагали, свои секреты. Они бывали и в Зимнем дворце, и во дворце Царского Села, в саду, в парке.

Весной 1777 года Мария Федоровна узнала, что забеременела, это был счастливый миг семейной жизни. Тут же она написала великому князю, советуясь, стоит ли сейчас известить императрицу о беременности или еще немного погодить, есть какие-то сомнения у акушерок. «Мой милейший муж, – писала великая княгиня Павлу Петровичу в апреле 1777 года, – матушка бранит меня за то, что я ничего не говорю ей о своем здоровье, и настойчиво желает, чтобы я что-нибудь сказала ей по этому поводу. Позволяете ли вы мне сообщить ей об имеющихся подозрениях, оговорив при этом, что это еще не наверно? Я боюсь, что если отложить сказать ей об этом, она узнает это от других. Прощай, дорогой и обожаемый муж, я страстно люблю тебя».

Но предположение о беременности вскоре подтвердилось, что подвигло Екатерину II подарить великокняжеской чете землю недалеко от Царского Села, поселение вскоре назвали Павловск и начали возводить первые здания дворцового комплекса, а Павел Петрович с радостью писал архиепископу Платону: «Сообщу вам хорошую весть, услышал Господь в день печали, послал помощь от Святого и от Сиона заступил: я имею большую надежду от беременности жены моей. Зная ваши сентименты ко мне и патриотические ваши расположения, сообщаю вам сие, дабы вы вместе со мною порадовались» (*Шильдер*. С. 109).

О разговоре со шведским королем Павел Петрович известил и Фридриха II, и Никиту Панина, который 5 июля написал ответное письмо. Получив послание Никиты Панина, Павел Петрович сообщает 29 июля 1777 года из Царского Села:

«С несказанным удовольствием получил ваше письмо от 5 июля. Повторение приятного нам никогда скучным не бывает; и так письмо ваше, содержащее знаки дружбы вашей ко мне, которой доказательства столь часто я имел, мне было весьма приятно, тем больше, что продолжение оной ко мне есть и будет всегда мне первым аттестатом у самого себя: такового существа

привязанность моя к вам и притом вера к поступкам вашим.

Весьма приятно мне было видеть, что наслаждаетесь вы как хорошим здоровьем, так и присутствием родни вашей; сожалею только, что не могу я быть на месте князя Николая Васильевича, который к вам едет.

Выше я упомянул, что дружба ваша ко мне самый лучший для меня аттестат; сие самое приложу я к поведению моему с королем Шведским. Признаюсь, что мне не неприятно было видеть, что поступок мой в рассуждение его вам полюбился. Он от нас уехал в половине текущего месяца и уже прибыл к себе; но не думаю, чтоб он в нас и политике нашей сделал что-либо, а увидел, что тон французской человека не делает и задобрить не всегда может, а особенно где дело прямое, а не одни красивые слова и изящные фразы. Наша братья балуемся от того самого, что некому правды нам говорить; но при случае такого визита, какой он нам сделал, будучи ровный с ровным, правду скорее услышишь, а особливо как невпопад что сделаешь, а исправления надобно ожидать после; ибо всегда все лучшее толковать должно». Затем Павел Павлович высказал привычные фразы о правлении Екатерины II, которое непременно резко осуждал как неприемлемое: «Здесь у нас ничего нового нет, все чего-нибудь ждем, не имея ничего перед глазами. Опасаемся, не имея; смеемся не смешному и пр. Так судите, как могут дела делаться, когда они зависят от людей, проводящих всю жизнь свою в таковом положении, расстраивающем все».

Но уже в это время неудержимый в своих планах Григорий Потемкин резко раскритиковал Северный проект с Фридрихом II во главе и раскрыл преимущества проекта Южного, в который могут входить Австрия и Франция, доказывая, что именно с правителями этих государств надо наладить отношения. Екатерина II долго размышляла над предложениями своего фаворита, который ежедневно у нее бывал, принимал участие в правительственных советах, все больше его сторонников высказывались за эти перемены во внешней политике. И наконец пришла к тому же выводу: прусский король никуда не денется, родовые связи укрепили его союз с Россией, Австрия же в минувшую войну все время колебалась, то к России прильнет, то к Турции, в поисках выгоды для себя. А ведь в замыслах Петра Великого было покорить не только Север, но и Юг, ведь именно он отобрал у турок Азов, построил в Воронеже корабли, заложил Троицкую крепость на Таганроге. Поражения Петра Великого во время Прутской кампании 1711 года задержали его предприятия на Юге, но замыслы-то у него были великие, и сейчас, после победоносной войны с турками, пора осуществлять эти

исторические планы, продолжая дело Петра Великого.

Об этом не раз говорили Григорий Потемкин и Екатерина II, и во время постоянных встреч в период фаворитства, и в последующие годы. Время господства Григория Потемкина в Зимнем дворце продолжалось недолго. Державин в своих «Записках» писал: «В половине 1776 г. случилось, что кн. Потемкин, бывший любимец, впал при дворе в немилость и должен был проживать несколько месяцев в Новгороде». Его сменил красавец П.В. Завадовский. Но за два года фаворитства Григорий Потемкин получил множество наград: после первого раздела Польши – Кричевское воеводство в Белоруссии и 14 тысяч крестьянских душ, Аничковский дворец, 100 тысяч на ведение хозяйства, княжеский титул от римского императора, орден Серафимов от шведского короля, орден Слона от датского короля, орден Черного орла от прусского короля, огромную Новороссийскую губернию, в скором времени заселенную христианами различных территорий, из Крыма, из Молдавии, из Греции, из Армении. «Но завистники, – писал граф А.Н. Самойлов, очевидец происходящих событий, – коими дворы царские всегда наполнены и коих князь Григорий Александрович не мог не иметь, видели в нем случайного, которого могущество сделалось им нетерпимо, подвели крамолы и пружины скрытные и заставили князя Григория Александровича почувствовать некоторую холодность в приеме монархини и, так сказать, самую без него обходимость. Сила его у двора начала уменьшаться; противная партия, при содействии бывшего тогда при дворе чиновника, причиняла ему большие неприятности; но однако ж неизменяющаяся твердость духа и ум помогли ему удержаться еще на той стезе, по коей он толь быстро достиг возвышения. Он должен был удалиться от двора, но при удалении сохранил комнаты, для него отведенные во всех дворцах, в коих высочайший двор по временам года имеет пребывание, и услугу придворную, даже в то время, когда все почитали его навсегда от двора удаленным…» (*Самойлов А.Н.* Деяния князя Г.А. Потемкина-Таврического // РА. Год пятый. 1867. № 1—12. С. 1208).

Но противная партия и враги торжествовали недолго, Потемкин ушел из постели Екатерины II, по разным причинам, но остался ведущим сотрудником российского правительства, проводником Восточного, Греческого проекта, он оставался властелином южных границ России, сохранив прежнюю степень могущества у трона и прежнюю политическую доверенность императрицы.

Пока происходили в императорском кабинете поиски новых

направлений внешней политики, далекая от политических противоречий Мария Федоровна с наслаждением занималась благоустройством Царскосельского сада. Конечно, ей запретили поднимать тяжести, но привычка заниматься цветами осталась неизменной с Монбельяра, расположенного на северо-востоке Франции, в долине между хребтами Вогезов, где до сих пор жила ее семья, родители, братья и сестры. Отец, получив от старшего брата, герцога Вюртембергского, право наместника небольшого графства Монбельяр, оставил генеральскую службу у прусского короля и по-прежнему страдает от своей раны, полученной в Кунерсдорфской битве почти двадцать лет тому назад, а содержание семьи бедственное, денег не хватает, Фридрих II обещал, что императрица даст ему пенсию, но, по слухам, императрица может дать пенсию отцу только после того, как великая княгиня родит наследника. Как жаль, что она не в Монбельяре, там так хорошо! Она знает, что нужно делать с цветами, и здешние садоводы, конечно, ей подсказывают, но она так привыкла делать все сама. Увлекшись раздумьями, великая княгиня и не заметила, как в поисках ее шел по парку граф Николай Румянцев.

Хорошо узнав за летние месяцы Царское Село, свободный от дежурства в Екатерининском зале, Николай Петрович решил прогуляться по Царскосельскому парку – а вдруг найдет ту, которая тревожит его сердце… Спустился по парадной лестнице, свернул налево и по аллее двинулся в сторону двух павильонов – Верхняя и Нижняя Ванны, потом от Эрмитажа к павильону «Грот», полюбовался Большим прудом и несколькими декоративными сооружениями. Вдали открылся великолепный вид на зеленые луга, он засмотрелся, а потом начал тихо бродить по аллеям. Камер-юнкерская служба надоела ему, сначала было интересно, нравилось, что то и дело возникают новые лица, с которыми знакомился, порой приходилось разговаривать о разных предметах, касались истории, географии, экономики, но потом он почувствовал, что у многих этот интерес – случайная прихоть, придворные были заинтересованы лишь в званиях, премиях, подарках. И эти обязательные дежурства – пойди туда-то, отнеси бумагу генерал-прокурору, пригласи такого-то, то к великому князю, то к великой княгине… Дежурства вызывали скуку своим единообразием. А Николай Петрович увлекался историей, древними актами, историческими воспоминаниями, письмами старых людей о прошедших временах, ему хотелось изучить, какой была Россия в давние времена, каковы были ее люди, нравы, обычаи.

Проходя мимо мраморной Чесменской колонны с фигурой

бронзового орла, разрывающего когтями турецкий полумесяц, Николай Петрович подошел к юго-западной части дворца, где стояла Камеронова галерея, находились Холодные бани с Агатовыми комнатами, Висячий сад и пандус. Екатерина II как-то говорила, постройки эти будут продолжаться, с архитектором Растрелли уже говорили о том, что в архитектурном ансамбле дворца и парка не хватает легкости сооружений. Неожиданно Николай Петрович увидел великую княжну Марию Федоровну, стоявшую в задумчивости у клумбы с цветами.

Николай Петрович тут же подошел к великой княгине:

– Ваше императорское высочество, я рад приветствовать вас сегодня. Увы, сезон подходит к концу, уже первый месяц осени, сентябрь, цветы не так радуют взор, как весной, когда они только-только начинают свою недолгую жизнь.

Мария Федоровна оглянулась на подошедшего к ней графа и обрадованно улыбнулась. Она давно обратила внимание на этого высокого красавца, умного и тактичного, верного исполнителя ее поручений.

– К сожалению, граф, и наше пребывание здесь заканчивается. Какая здесь свобода, какая красота аллей в парке, эти цветы… Нет-нет, они еще радуют взор, одни ушли, а эти еще будут жить и радовать… Как подумаю, что надо возвращаться в Зимний дворец, так сразу наступает тоска, словно обрекаю себя на тюремное заключение. Воздух свободы благотворно отразился на нашем физическом и нравственном состоянии, а в Зимнем дворце мы оказываемся запертыми в городе, живем как в тюрьме. Вы знаете, ваше сиятельство, как мы там стеснены…

– А в вашем родном доме, в вашем герцогстве, где вы родились и выросли, ваше императорское высочество, вы так же были стеснены или у вас были более комфортные условия? – внимательно разглядывая великую княгиню, спросил граф Румянцев.

– Я до сих пор вспоминаю свои родные места, может быть, условия там даже более стесненные, но я была одной из многочисленных принцесс, а в Германии не счесть этих княжеств и герцогств, и в каждой семье много детей. Но здесь, в этой могучей империи, такие условия кажутся ненормальными. Только с этой точки зрения я вам предоставляю судить о том, что я только что сказала. Я чрезвычайно люблю прекрасный город Петербург, а наш Этюп, близ Монбельяра – небольшое провинциальное местечко. Но там прошла вся моя юность, если бы вы знали, как там прекрасно…

– Могу себе представить, ведь мое детство тоже было провинциальным, мы росли в имении, в деревне…

– Мы, дети, много лет жили в скучном Трептове, а родители по делам службы меняли свое жительство, но вот наконец-то отец оставил службу. Владетельный герцог Карл-Евгений, не имеющий детей, назначил отца наместником герцогства, родители переехали в Монбельяр, а вместе с ними и мы. Семь лет моей жизни я провела в саду, рядом с живописными цветниками, клумбами. Отец построил летний дворец, но радовало не только двухэтажное изящное здание, но и роскошные сады – все очарование этого загородного дворца заключалось в огромных и роскошных садах, его окружавших. Великолепный трельяж, представляющий собой Храм Флоры, со статуей богини в глубине, в другом месте Хижина угольщика, она была внутри богато убрана и украшена, потом Молочная, или Швейцарский дом, где под покровом сельской простоты также скрывались драгоценные предметы, среди которых находились фаянсовые вазы, рисованные Рафаэлем и его учениками, Хижина пустынника, возле нее был грот, далее с вершины скал каскадом низвергался ручей, два больших птичника, обширная оранжерея, которая иногда превращалась в театральные подмостки для постановки спектаклей, а матушка, очаровательная и сентиментальная душа, выстроила себе близ Этюпа небольшой сельский домик, назвав его «Грезы», который очень любила. И рядом роща… Господи! Как я любила этот милый Этюп, сколько мыслей возникало у меня, когда я проводила там свои свободные часы…

Мария Федоровна все еще любовалась цветником, то и дело оглядываясь на графа, но потом повернулась к нему и вежливым жестом указала, что он может сопровождать ее. Николаю Петровичу не хотелось уходить от нее, выпал миг, когда она беспрепятственно может открыть свою душу, нет ни Павла Петровича, ни камер-юнкеров, ни фрейлин, которые обычно бывают при ней. Удачные минуты! Это почувствовала и великая княгиня.

– Мама много рассказывала о наших предках, давала нам книги и выписки о прошлом нашего рода начиная с X века. Как вы знаете, граф, Людовик XIV и его время настолько подчинило своему влиянию все, их окружающее, что чуть ли не все европейские государства стали говорить на французском языке, читать французскую литературу и смотреть в театрах французские пьесы. Понятно, что и жизнь герцогов Вюртембергских изменилась по французскому образцу. На роскошь и празднества тратились все доходы. Таким был мой родственник Эбергард-Людвиг, нравственные принципы мало волновали его, он предавался роскошной и развратной жизни, при живой жене, не считая метресс, заключил брак со своей

любовницей госпожой фон Гревениц, не только женился, но и передал ей бразды правления всем герцогством, а министрами она назначила всякий сброд. На роскошь средств не хватало, как настоящая хищница она продавала министерские должности отвратительным личностям. У Эбергарда-Людовика не было наследников, наследовал ему двоюродный брат Карл-Александр, сын бывшего опекуна Фридриха-Карла, мой родной дед, но жизнь моих предков осталась такой же, роскошной и развратной. В молодости дед был военным, служил под командой австрийского принца Евгения Савойского, принял католичество, хотя подданные – протестанты, и, как мама рассказывала, продолжались все та же роскошь и празднество. Деньги закончились. И мой дед передал управление Вюртембергом еврею Иосифу Леви-Зюссу-Опенгеймеру, который поставлял деду деньги… Род Опенгеймеров утвердился в Австрии и был очень влиятельным в экономическом отношении…

– Ваше императорское высочество, увы, нас ненадолго оставили наедине, видите, торопится к нам озабоченный великий князь, а с ним и ваши царедворцы, я пойду им навстречу, предупрежу, что вы хорошо себя чувствуете…

– Вы не можете представить, граф, как волнуюсь, смогу ли выдержать после такого приволья в Царском Селе тюремную жизнь в городе! Здесь четыре месяца мы дышали свободой, мы делали то, что нам хочется, а в Петербурге придет декабрь, время, когда меня ждет тяжкое испытание, вы меня спросите, боюсь ли я умереть… Нет, так как я хорошо сложена, я здорова как нельзя более, я крепка. Нет, не предстоящие роды пугают меня, а панический страх возникает у меня, как подумаю, что долгие месяцы предстоит мне заключение в городе, в Зимнем дворце.

– А вы, ваше императорское высочество, говорили с кем-нибудь об этом?

– Нет, но, пожалуй, напишу о своих переживаниях Никите Ивановичу Панину, он поймет меня…

В ту же ночь, 9 сентября 1777 года, как только великая княгиня и великий князь прибыли в Петербург, началось небывалое наводнение, которое, опасались, может затопить весь город и принести несчастье многим людям. Так оно и случилось.

«В тот день в 10 часов утра вода поднялась на 10 футов и 7 дюймов, залила город, только Литейная и Выборгская части не были под водою, – писал М.И. Пыляев в книге «Старый Петербург», – в седьмом часу пополудни вода начала сбывать и в полдень вступила в берега. За два дня до этого бедствия в Петербурге стояла бурная погода; сильный юго-западный ветер был настолько велик, что отогнал воду к восточным берегам

Ладожского озера, и все стоявшие у Шлиссельбурга суда обмелели. Буря особенно много принесла вреда садам и рощам Петербурга. В «Академических ведомостях» этого года есть объявление о продаже с дачи г. Яковлева на Петергофской дороге двух тысяч мачтовых дерев, вырванных с корнем этою бурей. В Летнем саду буря причинила много вреда… вокруг Петербурга на одиннадцать верст находили в полях трупы животных и людей».

Екатерина рано утром приказала выбить стекло в окне Зимнего дворца, откуда и смотрела на бушующие волны. Затем государыня приказала служить молебен священнику и сама на коленях молилась.

Императрица очень подробно описывает это наводнение в письме к Гримму. Вот оно: «Я очень рада, что вчера в полдень возвратилась в город из Царского. Была отличная погода; но я говорила: «Посмотрите, будет гроза», потому что накануне мы с князем Потемкиным воображали себе, что берем крепость штурмом. Действительно, в десять часов пополудни поднялся ветер, который начал с того, что порывисто ворвался в окно моей комнаты. Дождик шел небольшой, но с этой минуты понеслось в воздухе что угодно: черепицы, железные листы, стекла, вода, град, снег. Я очень крепко спала; порыв ветра разбудил меня в пять часов. Я позвонила, и мне доложили, что вода у моего крыльца и готова залить его. Я сказала: «Если так, отпустите часовых с внутренних дворов; а то, пожалуй, они вздумают бороться с напором воды и погубят себя»; сказано, сделано; желая узнать поближе, в чем дело, я пошла в Эрмитаж. Нева представляла зрелище разрушения Иерусалима. По набережной, которая еще не окончена, громоздились трехмачтовые купеческие корабли. Я сказала: «Боже мой! Биржа переменила место, графу Миниху придется устроить таможню там, где был эрмитажный театр». Сколько разбитых стекол! Сколько опрокинутых горшков с цветами! И как будто под стать горшкам с цветами, на полу и на диванах лежали фарфоровые горшки с каминов. Нечего сказать, тут таки похозяйничали! И к чему это! Но об этом нечего и спрашивать. Нынче утром ни к одной даме не придет ее парикмахер, не для кого служить обедню и на куртаге будет пусто. Кстати, десерт Бретеля (который давно прибыл и покончил после трудов и опасностей, весь целый, не надтреснутый и не разбитый, в последней комнате Эрмитажа) нынешней ночью едва не сделался жертвою урагана. Большое окно упало на землю подле самого стола, весьма прочного, на котором десерт расставлен. Ветром сорвало с него тафтяную покрышку, но десерт остался целехонек… Обедаю дома. Вода сбыла, и, как вам известно, я не потонула. Но еще не многие показываются из своих

берлог. Я видела, как один из моих лакеев подъехал в английской коляске; вода была выше задней оси, и лакей, стоявший на запятках, замочил себе ноги. Но довольно о воде, подбавим о вине. Погреба мои залиты водою, и Бог весть, что с ними станется. Прощайте; четыре страницы довольно во время наводнения, которое с каждым часом уменьшается».

21 сентября 1777 года Екатерина II повелела графу Ивану Чернышеву учредить знаки и сигналы, по которым жители столицы должны были знать о приближении наводнения, а генералу Бауру составить план Петербурга, где помечены возможные места наводнения (*Пыляев М.* Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 2010. С. 120–123).

А 20 сентября, после мрачных переживаний во время небывалого наводнения, Мария Федоровна испытывала радостное чувство – она села писать поздравительное письмо с днем рождения Павла Петровича, 23 года, немалый срок для наследника престола.

«Живое, непосредственное чувство не может быть выражено, – писала великая княгиня, – таково мое положение, мое драгоценнейшее сердце; в этот день, когда увидел свет самый обожаемый, самый любимый из мужей, моя душа преисполнена радостью, удовлетворением, счастьем, и, несмотря на все мои усилия, мне не удастся описать вам эти чувства столь же живо, как их чувствует мое сердце. Живите долго, живите счастливый и довольный, живите, если возможно, тысячу лет, чтобы составить счастье нескольких миллионов душ; вот те моления, которые я возношу к небу в этот чудный день. Я присоединяю к ним еще одно – благоволите сохранить мне вашу дружбу, она составляет мое счастье, и я осмеливаюсь надеяться, что несколько заслужила ее нежной привязанностью, которую питаю к вам и которая кончится лишь с моей жизнью. Ваш нежнейший и вернейший друг и жена.

Я обожаю вас, до безумия люблю вас; вы – мой кумир, мое высочайшее благо, и я вас люблю столько, столько, что не сумею выразить вам этого».

Получив такое письмо, Павел Петрович был самым счастливым человеком, все прошлое отошло на задний план, с легкостью он разбил доводы Марии Федоровны, что им предстоит несколько месяцев сидеть в Зимнем дворце словно в тюремном заключении. Нет, они будут ждать счастливого разрешения от бремени, а если будет сын… У Павла Петровича тоже не хватало слов, чтобы описать их счастье.

Но вскоре великий князь пришел в себя и написал трогательные письма отцу Платону и своему тестю, герцогу

Вюртембергскому. В этих письмах Павел Петрович с беспокойством говорил о «новых, возложенных на него от Бога должностях»: «Стараться буду, вяще заслужить доброе о себе мнение, а особливо исполнением новых должностей вступлением чрез короткое время в новое звание, столь важное по отчету, которым всяким в одном должен, а особливо каждой в моем месте находящийся. Помолитесь о мне. Бог, благословляющий меня в столь различных случаях, меня при сем да не оставит», – писал он священнику Платону. «Признаюсь, – писал Павел Петрович своему тестю в это же время, накануне рождения первого ребенка, – я часто бываю в тревоге, как только подумаю о первом времени детства своего будущего ребенка, будучи совершенно лишен опытности в этом отношении. Вопрос, хотя и отдаленный, о его воспитании затрудняет меня не менее, при моей молодости и ничтожной подготовке. Впрочем, и в этом я всецело полагаюсь на волю Провидения. Я был бы самым неблагодарным из людей, если бы не сделал этого, в особенности после того, как с самого младенчества и до сих пор я был очевидно руководим Им» (Гос. архив. IV. 205).

Павел Петрович, отстраненный от управления государством, лишенный других государственных забот, был просто поглощен ожиданием первенца. Мария Федоровна тоже мечтала об этом, у нее было восемь братьев и три сестры, мать ее полностью отдавалась семье, воспитывала и в детях своих такие же нравственные качества преданности семейным традициям.

Мария Федоровна лишь полчаса страдала родовыми муками, 12 декабря 1777 года в 11 часов дня родила мальчика, будущего императора Александра I.

Екатерина II, взяв на руки новорожденного, торжественно провозгласила:

– Нарекаю наследника русского престола Александром Павловичем, в честь нашего великого предшественника Александра Невского, который своими воинскими победами и мудрой дипломатией укрепил основы Российского государства. Я забираю его к себе, вы, дети мои, люди молодые, неопытные, а наследник российского престола должен получить основательное воспитание и образование, вы будете его навещать, а руководить процессом воспитания и образования будут мои люди. Восприемниками Александра согласились быть римский император Иосиф II и прусский король Фридрих II.

По случаю нашего праздника, Мария и Павел, назначаю вашему отцу и тестю, герцогу Вюртембергскому, пожизненную пенсию.

Празднества по этому великому случаю продолжались,

казалось, бесконечно.

А в глазах родителей постоянно видели слезы. Но ничего удивительного в жестоком поступке императрицы не было – она лишь поступила так же, как в свое время Елизавета Петровна поступила с ней, отобрав у нее на воспитание появившегося на свет Павла Петровича.

2. Извивы политики. Противоречия в императорском дворце

Вернувшись из Берлина после триумфального сватовства цесаревича и вновь увиденного победоносного Кагульского сражения, разыгранного Фридрихом II и его генералами, фельдмаршал Румянцев отправился в свои могилевские, полученные после первого польского раздела, деревни. Поселился в одном из сел, Парафеевке, и подробнейшим образом стал вникать в создавшееся вокруг Крыма положение. Могилев – один из древнейших древнерусских городов, известен с XIII века, с 1569 года принадлежал Польше, с 1772 года вновь стал частью Российской империи. Сюда, в Парафеевку, мчались курьеры, фельдъегери, из столицы и из расположения русских войск, чаще всего из Крыма.

Турция потерпела поражение, думал Румянцев, вынуждена была заключить Кючук-Кайнарджийский мир, потеряла власть над Крымом, получившим независимость. Турецкие дипломаты заверили русских дипломатов, что турки будут вмешиваться в крымские дела только по вопросам веры – вера у них одна. И высшие религиозные руководители останутся наставниками крымских татар, хотя турки все свои войска выведут из Крыма. Но на деле все оказалось не так уж просто. Турецкие отряды по-прежнему оставались в Крыму. Турки низложили хана Сагиб-Гирея и возвели в эту должность Девлет-Гирея. Тут ничего не поделаешь, тем более новый хан оказался более внимательным и распорядился провиант, предназначенный для русских отрядов, перевезти в должном порядке. Действительный статский советник Петерсен строго наблюдает за тем, чтобы турки соблюдали условия договора о Крыме, о каждом случае неповиновения докладывает фельдмаршалу. Но генерал-аншеф князь Репнин сообщил, что нашелся хитрый турецкий начальник, который, действительно покинув Кафу, тут же переехал в Тамань, уверяя, что это турецкая земля. А в договоре говорилось прямо и бесхитростно: «Порта взаимно обязывается равномерно отрещися от единого права, какое бы оное быть не могло, на крепости, города, жилища и на все протчее, в Крыму, на Кубани и на

острове Тамане лежащее; в них гарнизонов и военных людей своих никаких не иметь, уступя оные области таким образом, как российский двор уступает татарам в полное самодержавное и независимое их владение и правление… оставить всех татар в той же полной вольности и независимости, в каковых Российская империя их оставляет». Однако хитрые турки надеются обмануть нас. Но из этого ничего не получится. Да и поляков надо держать в узде, дошло до того, что на границе офицеров бесчестят, отказываются давать подводы и дрова своим стояльцам.

Румянцев писал письма и рассылал ордера генерал-поручику Прозоровскому, контр-адмиралу Ф. Клокачеву, вице-президенту Адмиралтейской коллегии И. Чернышеву, Г. Потемкину, доклады и донесения Екатерине II. И всюду Румянцев выражал беспокойство по поводу самостоятельности и независимости Крыма, суливших Российской империи немало опасностей.

Большую тревогу вызывал у Румянцева надменный крымский хан Шагин-Гирей, его презрительное отношение к своим подчиненным, его попытки создать регулярное войско, неожиданное убийство молдавского господаря Александра Гика турками за то, что он не передал часть Буковины Австрии за ее поддержку во время недавней войны с Россией. Генералы Текеллия, Ржевский, Широков, князь Прозоровский постоянно докладывали о том, что соблюдают все предосторожности в отношениях с турками, главное внимание обращают на сбережение Кинбурнского поста, сбережение заложенных магазинов… Тревога фельдмаршала все время нарастала. Суворов, недовольный тем, что ему приходится подчиняться Прозоровскому, ушел в отпуск без разрешения фельдмаршала, навестил жену, заболел, а потом до Петра Румянцева дошло известие, что Суворов тяготится своим второстепенным положением и просит у Потемкина корпус. Румянцев хорошо знал Суворова, знал его воинский талант и предприимчивость и при первом же случае, 29 ноября 1777 года, назначил Суворова командиром Кубанского корпуса. В это же время Румянцев, недовольный ситуацией в Крыму, набросал для Екатерины II предложения по закреплению за собой Крыма и о формировании армии для военных действий против турецких крепостей. В Крыму беспокойно, и нужно постоянно, соблюдая мирный трактат с турками, думать о войне. Он настаивал: «И по известному мне вашего императорского величества милосердию, человеколюбию и состраданию ко всему тому, что только страдать может, и по доброхотству моему к отечеству, всеусердно желаю, чтоб ваше императорское величество вам токмо одним употребительным средством предупредили предстоящую и со многими пагубными

последствиями сопряженную войну. Но, с другой стороны видя, что турки при первых с нами мирных переговорах, сделав татарские дела делом законным, что из суеверия онаго составит искру неугасимого огня неприязни, положили оную между нами и татарами, ко воспламенению всегда готовую, и наконец укрылись от пламени, их самих пожирающего… а татары не однако уже, уклоняясь от оружия вашего императорского величества и острия меча, тайно и явно на пагубу нашу восставать и промышлять не перестают, почитаю я войну, как из нужды добродетель полезнее…» (*Румянцев*. Т. 3. С. 47). Румянцев предлагает меры по мирному урегулированию, но если положение обострится, то можно организовать осаду турецких крепостей Очаков, Бендеры, Хотин. Армия должна быть готова к отражению турецких сил, но лучше «злодеев сих усыпить, нежели вящее вооружить» (Там же. С. 49).

А в Петербурге Екатерина II, размышляя о Крыме, хорошо знала о том, что Турция в серьезном конфликте с Ираном и Австрией, захватившей Буковину, пока не думает о Крыме, где никак не поделят власть сторонники татарских ханов Шагин-Гирея и Девлет-Гирея, который, получив жесткое сопротивление отрядов Суворова, бежал из Крыма на турецком корабле.

Румянцев отдает соответствующие указания командирам русских отрядов, которые крепко держат свои рубежи, понимая, что турецкая армия не готова начинать войну, а мелкие дрязги, которые идут от ханов, вполне преодолимы. Дошли до Румянцева и слухи о том, что жена генерала Суворова изменила ему с его племянником Николаем Суворовым, Суворов расстроен, угнетен, хочет разводиться со своей женой, а у них четырехлетняя дочка. Ничего тут не поделаешь, только посочувствуешь отважному и умному генералу.

Ясно одно: турки недовольны Кючук-Кайнарджийским миром, хотя недавно была заключена дополнительная конвенция, подкрепляющая положения договора.

В «Меморандуме о развитии взаимоотношений России и Турции по Крымскому вопросу» четко говорится о том, что «турки ни в одном случае на деле не доказали искреннего своего к соблюдению мирожелания; но, повторяя токмо оное на словах, разными сплетениями дело сие затрудняли и напоследок в июле исшедшего года вручили министру нашему мемориал, в котором, приписывая самым неправедным образом на сторону нашу разные нелепые клеветы, требовали вывесть войска наши из Крыма и оставить волю татарам выбрать нового хана, хотя бы то был Шагин-Гирей или кто другой, обещая тому не прекословить и представляя, что и они в соблюдение равенства пошлют туда свои

военные силы… Ежели есть еще в Порте хотя искра миролюбивой склонности, то сей твердый отзыв подействует более, нежели всякая податливость, гордость их воздымающая, а инако предстанутся нам военные и другие меры к достижению наших к славе, пользе и благоденствию империи нашей клонящихся» (1778 год, 22 апреля).

Меморандум, письма графа Румянцева русской императрице, прусскому королю и другим властным лицам о положении в Крыму точно определили сложившуюся ситуацию. Всем было ясно, что русские войска в Крыму под командованием графа Румянцева создали все условия для вхождения Крыма в Российскую империю. Но Турция не может отдать Крым без новой войны. Об этом думали во Франции, в Австрии и Пруссии.

Но в европейских странах возник новый земельный конфликт. Австрийский император Иосиф II возмечтал расширить территорию Австрии. 30 декабря 1777 года скончался, не оставив прямых наследников, баварский курфюрст Максимилиан-Иосиф. Дальний родственник, но законный наследник баварского курфюрста пфальцский курфюрст Карл-Теодор занял герцогства Жюлье и Берг, а Иосиф II, по договоренности, занял Нижнюю Баварию. Соглашение Иосифа II и Карла-Теодора было утверждено в начале января 1778 года. Фридрих II пришел в ярость от самоуправства в дележе баварского наследства. И не только Фридрих II был недоволен этим самоуправством, но и другие герцоги и курфюрсты.

Фридрих II, зная о том, что в апреле – мае текущего года Франция в Версале не поддержала аппетиты Иосифа II, 13 февраля 1778 года изложил Екатерине II свои размышления, желая привлечь Россию к решению сложного конфликта: «Государыня, сестра моя, какое я ни чувствую отвращение к тому, чтобы докучать вашему императорскому величеству, как я ни далек от того, чтобы отвлекать вас от важных занятий, не смотря на то, я вижу себя принужденным прервать молчание, чтобы удовольствовать курфюрста саксонского, которого настоятельные просьбы обязывают меня представить его письмо вашему императорскому величеству, чтобы умолять о вашей могущественной защите. Дело идет, государыня, о наглых захватах, сделанных в Баварии двором венским, вследствие которых курфюрст саксонский лишается поместьев богатого наследия, которые достались ему. Вся Империя вопиет против несправедливости этого деспотического действия; семейные договоры уничтожены, трактаты нарушены, имперские постановления уничтожены; словом, свобода и конституция германской империи ниспровергнуты навсегда, если в этих

печальных обстоятельствах не противупоставят сильную преграду вероломству и деспотическим видам имперского двора. Все акты и документы, относящиеся к этому делу, будут вручены министрам вашего императорского величества. Я знаю, что вам еще не вполне выяснились намерения двора оттоманского, и надеюсь, что ваше императорское величество будет иметь достаточно веры в мою ненарушимую преданность к вашим интересам, чтобы подозревать, что я не желаю ни за что на свете отвратить вас от обороны ваших собственных земель, чтобы отвлечь ваши силы в другое место; нет, государыня, если вашим войскам нужно еще унизить турок, то я буду первый, кто посоветует вам употребить на то все ваши силы, но в случае, если эти волнения утихнут, вся Германия и я с доверием надеемся, что ваше императорское величество, толико прославив свое новое отечество – Россию, вспомнит, что вся германская империя гордится тем, что вы там увидели свет. Пребываю с чувствами совершенной преданности и высочайшего уважения, государыня, сестра моя, вашего императорского величества верный брат и союзник Фридрих» (Сб. РИО. 1877. Т. 20).

Екатерина II обрадовалась посланию Фридриха II, правда, на первых порах ничего не пообещала в разрешении возникшего конфликта, наказала только своему министру в Вене поддерживать интересы герцога Цвейбрюкенского, но в душе поняла, что этот случай поможет встать в центр политических противоречий и по возможности решить их. В дальнейшей переписке лишь уточняла свои предложения.

Австрийцы действовали опрометчиво, нарушая все прежние трактаты и договоренности. Занимаясь переговорами, австрийцы расположили свои войска у границ Пруссии. Фридрих II собрал в свою очередь свои войска и начал готовиться к обороне. Едва Фридрих II прибыл в Силезию, как император Австрии послал к нему один за другим трех курьеров с предложением мирно обсудить спорные вопросы. Фридрих II отправил Иосифу II копии писем Екатерины II, в которых она призывала правителей прусского, венского, лондонского, копенгагенского, стокгольмского и версальского содействовать миролюбивым намерениям в возникающем конфликте. Пообещала, что русский министр сделает сообщение на сейме в Регенсбурге, куда приедут принцы, герцоги и представители других сословий. В крайнем случае Екатерина II отправит генерала князя Репнина к Фридриху II для оказания соответствующей помощи и с соответствующими инструкциями. Касается Екатерины и других тем: по-прежнему Турция увеличивает свое вооружение на суше и на море и укрепляет войсками свои границы, Россия видит эту угрозу,

делает все возможное, чтобы противостоять неприятелю, но помощь близкому союзнику и другу непременно окажет.

Фридрих II, получив письмо Екатерины II, просто возликовал, и 27 октября 1778 года ответил императрице: «…С удивлением, соединенным с изумлением, прочел я в письме, которое ваше императорское величество благоволили написать мне, о мерах, которые вы предполагаете принять в пользу дела, защищаемого мною. Блеску вашего царствования предоставлено было поддерживать в одно и то же время на берегах Черного моря независимость татарских аулов, с другой стороны в Вене права германского союза. Он будет обязан всем помощи вашего императорского величества. Германия переживает в настоящее время самый жестокий кризис со времен императоров Фердинанда II и Фердинанда III. Чем сильнее опасность, тем драгоценнее помощь, и Россия сделается будущему миру самою грозною оградою, какую Германия будет иметь возможность противупоставить насилию своих цезарей всегда, когда они захотят нарушить установленный порядок. Я с нетерпением ожидаю, государыня, прибытия князя Репнина, которому ваше императорское величество благоволили препоручить свои желания; он будет принят самым радушным образом и найдет уравненные все пути, которые могут иметь некоторое отношение к его переговорам. Если желания людей могут иметь некоторое влияние на промысел, то да будут услышаны желания, беспрерывно возносимые мною о счастии и благоденствии вашего императорского величества и вашей обширной империи» (Там же. С. 377–378).

Но прусский король Фридрих II, при всей его велеречивости и напыщенности, хитер и коварен, он хочет получить еще часть польского королевства, мечтает захватить Данциг якобы для укрепления своей береговой линии, но этому не бывать, Польша и так после первого раздела еле дышит, в польской шляхте разгораются противоречия. Как все запуталось – австрийский император обещает поддержать Россию в турецких делах, Франция не поддержала Иосифа II в его оккупации Нижней Баварии, но не возражает против вмешательства России в урегулирование конфликта в Европе…

Таковы были раздумья российской императрицы и напутствия князю Репнину, когда 30 октября 1778 года он отправился на свидание с Фридрихом II.

Князь Репнин, по рескрипту от 22 октября 1778 года получив назначение «в сугубом качестве негоциатора и военачальника», уполномоченного по вопросу о посредничестве России и командира вспомогательного корпуса, который был сформирован

на основании трактата 1769 года с Пруссией, через Ригу и Варшаву прибыл 7 декабря, ночью, в Бреславль. На следующее утро тепло был принят Фридрихом II, его министрами и придворными. При встрече князь Репнин сказал:

– Всероссийская самодержица шлет вам, ваше величество, самые добрые пожелания. Посольство наше, ваше величество, посредническое, знаю также и о том, что в этих переговорах участвуют Франция и Австрия, которые писали об этом Екатерине II, вследствие рекламации, сделанной Екатерине II двором венским. Если примирение не может состояться, то в этом случае можем использовать вспомогательный корпус, который прибыл сюда…

– Ваша светлость Николай Васильевич! Мир в моих глазах, если только он может быть заключен на прочных основаниях, будет во всех отношениях предпочтительнее войны самой счастливой. Вдовствующая императрица, принцесса, ее дочери и все высшее дворянства Австрии желают мира, но император, поддерживаемый князем Кауницем, сопротивляется, потому что этот молодой государь желал бы покорить Германию своему деспотическому игу, потому что он не желает уступить из боязни, что его обвинят в слабости, потому что, командуя армиею, он увеличивает свое могущество, которому расчитывает покорить и свою мать, и потому, наконец, что зависимость, в которой он находится в Вене, сделалась ему невыносимою, и что, начальствуя армиею, он свободен… Полагаю, что переговоры, которые только начались, будут иметь мало успеха. Что укрепляет меня еще более в этом мнении – так это то, что я узнал, что министерство версальское очень недовольно упорством, с которым император относится ко всем проектам мира, предложенным Франциею двору венскому. Далее французы думают, что для успокоения этих смут, без излишнего притом оскорбления императорского достоинства, надлежало бы снизойти на уступки части рубежа Баварии австрийскому дому. На этих предварениях в особенности основаны некоторые представления о примирении.

«Дело примирения Австрии и Пруссии представлялось, действительно, не легким, – зафиксировал «Русский биографический словарь» (СПб., 1913. Т. 16). – В момент открытия переговоров представители приглашенных к посредничеству держав – России и Франции – находились скорее в роли секундантов, чем посредников. Воинственность молодого императора Австрийского, которую не всегда могло утишить миролюбие императрицы-матери, горячность престарелого Фридриха, ревниво следившего за тем, чтобы дипломатия не

связала его стратегии, и при малейшем промедлении выражавшего желание вернуться опять к этому, никогда не изменявшему ему оружию; алчность и мелочность в спорах германских князей; несоразмерные претензии курфюрста Пфальцского, искусно раздуваемые происками австрийского двора, – все это создавало атмосферу мало пригодную для мирной работы, внося в нее на каждом шагу «весьма великий… пункт запальчивости и персональности».

В силу этого, хотя выработанный Францией проект соглашения в принципе сразу получил одобрение заинтересованных держав и представителям их, съехавшимся 27 февраля 1779 года в Тешене, оставалось на первый взгляд только подписать трактат, – переговоры по второстепенным пунктам не только затянулись, но и неоднократно угрожали привести к полному разрыву. Не раз у Репнина, как он писал Панину, в буквальном смысле опускались руки перед возникавшими ежедневно новыми и новыми затруднениями.

Тем не менее при деятельной поддержке французского уполномоченного и Панина, со своей стороны оказывавшего возможное давление на венский двор, Репнину удалось довести дело до благополучного окончания. Ему удалось, иногда даже при помощи полу-угроз, понизить постепенно требования прусского ультиматума до полного почти совпадения с ультиматумом австрийским: венский двор, по выражению Репнина, «оказался, таким образом, припертым к стене» и не мог не принять его. С другой стороны, главным образом его энергией разрешен был труднейший вопрос о размере вознаграждения Саксонии курфюрстом Пфальцским: под его давлением курфюрст ушестерил предложенную им сумму. С тем же успехом, медленно, но твердо были разрешены возникавшие на каждом шагу мелкие, но грозившие крупными последствиями затруднения, вплоть до редакции уже принятых во всех деталях трактатов. 12 апреля Репнин мог донести об успешном завершении своей миссии. 2 мая подписан был мир между Австрией и Пруссией, а 4-го Репнин выехал в Бреславль, где на следующий день откланялся королю и через Кенигсберг отбыл в Россию» (Там же. С. 108–109).

17 мая 1779 года Фридрих II, подводя итоги переговоров с Австрией и заключения Тешенского трактата о мире, в возвышенных тонах благодарит российскую императрицу «за великодушную помощь»: «Вся Германия обязана вам миром, которым мы будем наслаждаться отныне; нескольких слов, государыня, из ваших уст было достаточно для укрощения австрийского честолюбия». Высоко оценивая дипломатические способности князя Репнина, Фридрих II отмечает, что русский

дипломат проявил бдительность, дальновидность, твердость и неутомимость в соглашении «стольких различных интересов», «то уничтожая козни лживой политики, то заставляя внимать рассудку государей», «то находя средства для соглашения противуположных интересов».

По Тешенскому миру Австрия возвращала Пфальцу часть Баварии, а Фридриху II обещаны маркграфства Ансбах и Байрейт. Россия же укрепила свои отношения с Францией, Австрией и Пруссией и заняла позицию в центре европейской политики.

Но заключенный Тешенский мир – это только часть бурной внешней политики, проводимой Российской империей. Все чаще у Екатерины II возникала мысль о перемене внешних ориентиров, политика Северного проекта тускнела под давлением обстоятельств, все ярче разгорался Южный проект, особенно после рождения наследника престола Александра.

Летом 1778 года Мария Федоровна снова забеременела, великокняжеская семья почувствовала облегчение: ведь не может же императрица вновь лишить их ребенка родительского воспитания. Но когда 27 апреля 1779 года родился второй сын, Екатерина II вновь оставила его в своих апартаментах, а родителям было разрешено лишь иногда навещать своего сына, названного бабушкой Константином.

Многочисленные благодарности со всех сторон и празднества по этому случаю не веселили родителей, поступок матери и свекрови окончательно расстроил Павла Петровича и Марию Федоровну.

Екатерина II чувствовала это охлаждение со стороны великокняжеской семьи и ее окружения. Если раньше Мария Федоровна признавалась, что она до безумия любит императрицу, ее посещения доставляют великой княгине «большое удовольствие», то теперь отношения резко изменились, всевластие императрицы породило неприязнь и боязнь за свою судьбу и судьбу своих детей.

Великому князю пришлось снова вернуться к своим теоретическим изысканиям о правлении Российской империей, о формировании армии и флота на свой лад.

В письмах Петру Ивановичу Панину частично воплотились его тогдашние размышления. «Поступок мой в рассуждении вас должен показаться вам чувствительным, – писал великий князь Павел Петрович графу Петру Ивановичу Панину 10 мая 1778 года, – ибо намерение мое есть с вами вступить в рассуждение, не предупредив вас ничем, и, при том, о материи, о которой мы никогда не говорили. Должностью своей нахожу открыться перед вами, дабы вы знаниями своими просветили в ту минуту, в

которую все мраком покрывается, и подвиг мой извинен, может быть единственно предметом пред вами. Князь Репнин писал к вам, в письме своем, о магазейнах, о расположении полков по империи и о рекрутовании их и просил на то вашего мнения: сие все сделал он отчасти по моим словам. Мне сие тем приятнее было, что увидел сим случаем, что мы одного мнения; и если можно молодому человеку быть самолюбимым, то признаюсь, что мое самолюбие было тронуто, видев, что мои мысли сходятся с вашими…»

14 сентября 1778 года граф Петр Иванович Панин писал великому князю Павлу Петровичу: «Удовольствие мое соразмерно важности предмета взаимной нашей откровенности, и, при том, согласно мыслей наших. Сие последнее служит мне предсказанием, что достанется нам вместе исполнить то, о чем рассуждаем».

Из переписки великого князя с графом Паниным и князем Репниным видно, что Павел Петрович, развивая положения «Рассуждения» 1774 года, договорился до того, что предложил укреплять российские войска путем вербовки за границей иностранных легионеров. Для этого есть два варианта: «Первый и самый легчайший – Польша, которая снабжает уже своими людьми и другие державы; но не лучшим его нахожу по свойству людей сей земли: они не лучшие солдаты и по характеру нации ненадежны бывают. Второй же – набор в Германии. Дом, от которого я происхожу, по природе дает мне равное право с прочими германскими князьями. Правда, что земли, мне принадлежащие, уступлены мною младшему колену нашей фамилии, но через то не потеряно достоинство князя империи, а еще меньше то, что я шеф голштинского дома. Все сие подтверждено на сейме имперском, и так можно бы мне, воспользовавшись именем дома голштинского, набор в вольных имперских городах делать, какой надобен был». Полностью одобряя планы великого князя о переустройстве военного дела, восхищаясь тем, что наследник престола готов самостоятельно управлять государством, граф Панин писал: «Конечно, несказанно счастливее для империи, если владеющий государь соизволит всей без изъятия государственной обороной повелевать собственной персоной, без всякого посредства; и, конечно, нет ничего свойственнее, как хозяину мужеского пола распоряжаться самому и управлять всем тем, что защищает, подкрепляет и сохраняет целость как его собственной особы, так государства, им обладаемого, и тех всех доходов и пособий, коими сохраняется всеобщая безвредность, но что требует неутомленности беспредельной» (*Шильдер*. С. 115–116).

В это время вернувшийся в Петербург после заключения мирного договора в Тешени Николай Васильевич Репнин был принят Екатериной II, чуть позднее он получил орден Святого Андрея Первозванного и 3 тысячи крестьян в Белоруссии.

Павел Петрович беседовал с князем Репниным, он получал от Никиты Ивановича Панина некоторые сведения о переговорах, но подробности дипломатических споров узнал от князя Репнина, также узнал и о том, что Фридрих II наградил его орденом Черного орла, вручил шпагу и портрет, усыпанный алмазами, ценный саксонский сервиз и 10 тысяч талеров, а Иосиф II подарил трость с бриллиантами и серебряный сервиз.

Очень осторожно князь Репнин поведал при дворе о масонстве, о гуманистическом содержании некоего братства всех людей на земле, которое провозглашает любовь и дружбу между людьми, проклинает раздоры, войну как сведение счетов. Князь с увлечением говорил о заседаниях тайной ложи, где в открытую провозглашались эти призывы, постепенно стал откровенно рассказывать о том, что эти тайные ложи существуют в Великобритании, Франции, Австрии, в Швеции, в германских княжествах.

Репнин, по свидетельству историков, принадлежал к Елагинской ложе и играл важную роль в среде руководителей тогдашнего масонства. Все образованное общество увлеклось участием в заседаниях этих тайных лож. Екатерина II, по предложению графа Панина и отмечая успехи князя Репнина на дипломатическом поприще, думала назначить его министром иностранных дел, но, узнав о его масонстве, раздумала и определила его генерал-губернатором в Смоленск.

В поисках серьезных занятий Павел Петрович внимательно прислушивался к тому, что говорил племянник его верного учителя Никиты Ивановича Панина, особенно о привлекательности масонства, которое широко распространилось в Европе. И названные имена не смутили Павла Петровича. В таком ряду и ему найдется место. Может быть, братья-масоны ускорят его приход к государственной власти в России? Кто знает…

3 февраля 1779 года Фридрих II писал фельдмаршалу графу Румянцеву: «Господин фельдмаршал граф Румянцев! Полученные нами здесь известия, предшествовавшие сообщенным в письме вашем от 5-го последняго (января) месяца, давали основание, что Франция своим вмешательством успела склонить Порту разрешить русским судам свободный проход в Черное море и,

кроме того, вступить в примирение с Россией. Основываясь на этом, я льстил себя надеждою, что, действительно, в скором времени политические дела достигнут прочного и продолжительного соглашения, которое освободит наконец империю Российскую от войны с турками. Мне тем более грустно узнать столь положительным образом, что политические дела находятся вовсе не в том завидном положении, в каком я желал бы их видеть. Впрочем, по моим сведениям, я убежден, что французский двор делает все возможное на свете для восстановления мира и что австрийцы недовольны Францией, что она своими интригами не поддерживает их у Оттоманской Порты. Я вам чрезвычайно обязан за любопытные и важные подробности, любезно вами мне сообщенные, для точного ознакомления современного положения дел с Турциею. Я чрезвычайно доволен, что могу выразить вам мою за то признательность и заявить вам вместе с тем, насколько я всегда готов содействовать нашим интересам, которые являются единственными и самыми дорогими предметами, занимающими меня в настоящее время. Молю Всевышнего, да хранит вас Бог, господин фельдмаршал, своею десницею. *Фридрих*. Бреславль».

Фридрих II хорошо знал о том, что императрица возложила на графа Румянцева все полномочия по ведению крымского урегулирования. Положение в Крыму трудно было понять: то Селим-Гирей избран ханом, и воинствующая партия в Стамбуле признала хана Шагин-Гирея недостойным ханского звания и заслуживающим смерти, то Екатерина II прислала Румянцеву рескрипт, в котором четко было сказано, что необходимо прекратить мятеж в Крыму и восстановить власть хана Шагин-Гирея, поддерживать его указы и взять под защиту всех преданных татар и христиан. Из письма графа Никиты Панина следовало, что ее величество императрица выразила ему полное доверие по ведению крымских дел, он может устраивать эти дела «по лучшему локальному усмотрению к достижению предположенной цели», не ожидая разрешения из Петербурга.

Получив письмо Фридриха II, Румянцев тут же сообщил Екатерине II о том, что он следит за действиями своих генералов, участвуя во вспомогательном корпусе князя Репнина, но не имеет сведений от него о соглашениях с прусским королем, ему приходится гадать и воображать, как на самом деле происходят мирные переговоры, он понимает, что турки ведут себя спокойно, осознавая, что австрийские и прусские войска заняты совсем другими заданиями, но от действительного тайного советника князя Голицына поступили известия о том, что весной будущего года многочисленные австрийские войска «готовят великие

магазины» в разных местах, да и французы что-то готовят, а ему остается только «гадать и воображать»: «И посему и вашему императорскому величеству вернее известному дел положению, – писал Румянцев из Парафеевки 14 февраля 1779 года, – ожидаю я новых от вашего императорского величества всевысочайших повелений, кои и тем паче мне нужны, что я за отделением новоназначиваемого корпуса и по уничтожению в Польше учрежденных мною магазейнов пребываю и поныне в неизвестном о генеральных вашего императорского величества на сию часть и иных, в рассуждении весьма надобной по сим обстоятельствам во всем связи, мероположениях».

Вскоре мирные переговоры завершились, и договор, заключенный между Пруссией, Австрией и германскими князьями, на какое-то время успокоил графа Румянцева, и Турция вроде бы выразила желание сохранять мирные отношения в Европе, но, по наблюдениям графа Румянцева, и в это неудобное время турки увеличили количество своих войск и, возможно, вынашивают планы напасть на Польшу или Новороссийскую губернию. Румянцев посылает ордер Александру Суворову, в котором приведены точные данные о расположении полков и бригад, способных «искусным учреждением его движений отрезать противника и по соглашению всех к тому потребных по обстоятельствам мер наголову побить». И в других наставлениях Румянцев дает Суворову точные указания для того, чтобы воспрепятствовать туркам иметь свободу действий, если они осмелятся напасть на русские укрепления.

В конце марта 1779 года Румянцев получил сведения из Константинополя от статского советника Стахиева, что турки намерены послать весь свой флот к берегам Крыма, шесть кораблей пойдут к Очакову, так что в ордере Александру Суворову он дал точные указания, как и каким образом укрепить сопротивление туркам, которые мечтают захватить Тамань, а может быть, Бендеры, Очаков, Хотин. Но главным препятствием для благоприятного разрешения споров с Турцией остается ее полное запрещение владеть России Черным морем – Черное море полностью принадлежит Турции, ни татары, ни Россия не могут плавать по Черному морю. Тщетность дальнейших переговоров с Турцией была очевидна, и Екатерина II дала указание Румянцеву готовить войска к нападению на турецкие укрепления, но вскоре отменила этот приказ в связи с улучшением отношений.

23 февраля 1779 года Суворов писал Румянцеву: «Вашего сиятельства дозволением пользовался я в Полтаве свыше недели и, оставя там мое семейство в разстройке и почти окончательной смертельности, посетил, чрез Астрахань – Кизляр – Моздок,

Астраханскую, уже выстроенную и оселенную линию, и по Кубани (где тако ж по укреплениям внутреннее выстроено все) от Павловской крепости чрез коммуникационные на степень к Азову шанцы, Бердинскою линиею возвратился. На Кубани, сиятельнейший граф, точно тихо… Ногайские и крымские поколения силою имеют укрепление в узде. Светлейший хан, сколько ни гневен и непостоянен, более жалок по бедности его».

Из этого письма видно, что Суворов предусмотрел последовавшие требования Румянцева и самостоятельно проехал более 2 тысяч с половиной верст, чтобы отдать соответствующие распоряжения. С 7 июля 1779 года Суворов получил новое назначение командовать пограничной дивизией Новороссийской губернии и попал под команду Григория Потемкина.

Переписываясь со Стахиевым, с визирем, с резидентом Константиновым и узнавая о положении в Крыму и Турции, Румянцев понял, что приближается решительный час присоединения Крыма к России. Шагин-Гирей, оказывается, не подговаривал татар к мятежу, наоборот, готов был служить императрице Российской, и за это получил богатые дары, кредит на 50 тысяч, Россия оказывает хану уважение, почет, заботу о его пользе, власть хана – закон в Крыму. А это было главное в отношениях с Россией. «В то же время переговоры графа П.А. Румянцева с Портою, – писал его биограф П. Майков, – благодаря содействию французского посла, кавалера де Сен-При, пришли к желаемому окончанию, и граф Румянцев 7 апреля 1779 года, из своей Парафеевки, мог сообщить императрице о своей радости, что дела с Портою решились по желанию ее величества, а именно что Порта, после долгих переговоров, 30 марта 1779 года подписала конвенцию, которою, подтверждая Кючук-Кайнарджийский трактат, признала Шагин-Гирея ханом Крымским, – и султан выдал ему благословенные грамоты. Россия согласилась, чтобы ханы Крымские, по избранию их целым народом, испрашивали благословения у султана, и обещала вывести свои войска из Крыма и Тамани в три месяца после подписания конвенции, а из Кубани – в три месяца двадцать дней. По просьбе Шагин-Гирея на первое время оставлен был, на случай мятежа, эскадрон кавалерии, две роты и один батальон. На имя графа Румянцева в апреле 1779 года последовало два рескрипта; одним ему разрешалось, по его о том просьбе, проживать по временам в белорусских его деревнях без всякого формального отпуска, тем более что он «и в сем пребывании другим должностям, на нем лежащим, удовлетворить не упустит». Другим рескриптом предписывалось ему сделать распоряжение об ратификации договора и подарков участвовавшим в переговорах,

учинить пристойную публикацию от себя Высочайшим именем, вывести войска из Крыма, оставив немного, под видом гарнизона, в Керчи и Еникале. Граф Румянцев не замедлил все это исполнить, чем и завершилась деятельность его по приведению Крыма в необходимость отдаться России. Дальнейшие меры в том направлении осуществлялись уже по указаниям свыше через князя Потемкина, на которого было возложено заведывание Крымскими делами в 1782 году» (Русский биографический словарь. Т. 16. С. 555).

В это время Екатерина II по особому указу пожаловала графу Румянцеву множество деревень Гомельского староства в дополнение к тому, что было уже подарено ему немалой части этого староства в 1775 году в честь окончания войны.

5 мая 1779 года братья Румянцевы получили новое повышение в придворной службе – стали камергерами императорского двора, но они не были обрадованы своему возвышению, придворная служба тяготила их.

Мать посоветовала сыну вновь обратиться к отцу, который мог бы написать императрице о просьбе Николая служить на дипломатическом поприще.

7 мая 1779 года Николай Петрович писал фельдмаршалу Румянцеву: «…я тужу, потому что чину не желал, а место, места уже розданы; в Швецию послан Пушкин, которого в Англии заменяет Смолин, а в Дрезден едет князь Белосельский. Государыня, приказывая о том указ написать, изъявила, что меня и князя Юсупова вперед определит, как людей, кому того обещала прежде; что двух сих затем нам предпочитает, что за них усиленно ее просили… Простите мне, милостивый государь батюшка, но я еще с просьбою к Вам обращаюсь. Опишите князю Григорию Александровичу, что вам прискорбно видеть просьбу Вашу о мне не уваженною, что когда просите о определении сына, то не токмо его не определяют, но именно других…» (ОР РНБ. Ф. 655. (Пер. с фр. яз. – Н.П. Квирквелия).

В свободное от службы время Николай Петрович продолжал заниматься историей. Стоило выйти книге о боярине Артамонове, как он тут же погрузился в изучение родословной знаменитых бояр, узнал о своем прадеде и деде очень много интересного, собрал документы и думал сам что-либо написать. Но придворная служба отнимала много времени. А когда время находилось, глубоко вникал в дипломатические документы – следил за политикой Екатерины II, часто беседовал с Александром Безбородко, превосходную память которого высоко ценил. Знал он и что Александр Андреевич не раз писал отцу, фельдмаршалу Румянцеву, о том, что Николаю Петровичу нужна более

интеллектуальная и более перспективная должность.

3. Тайное становится явным

Молодая великая княгиня приложила немало усилий к тому, чтобы наладить тайную связь со своим семейством. Казенная почта отпадала, за малый срок Мария Федоровна поняла, что при дворах, большом и малом, никаких тайн не бывает, даже послы иностранных государств придумывали такую связь со своим правительством, чтобы переписка не подвергалась перлюстрации. Мария Федоровна нашла способ переправлять письма матери, принцессе Доротее, которая с этим же посыльным отправляла свои письма дочери. «Вы не можете, дорогое дитя, – писала принцесса Доротея 21 июля 1778 года, – и представить того удовлетворения и счастия, которое испытывало мое сердце при чтении ваших дорогих писем. Нежное участие, которое я принимаю в вас, основание так быть уверенною в вашем счастии, которое доставляет вам несравненный великий князь, – вот предметы, почти всегда меня занимающие; уверенность же в вашем счастии не может для меня возобновиться достаточно часто. Я ясно вижу руку Промысла, действующего на вас, и благодарю Его за милость, которую оказал Он, сохранив сердце ваше непорочным среди светских соблазнов и дурных примеров, которым вы окружены. К несчастию, в наши дни религия уважается так мало, что даже благочестивые часто бывают вынуждены молчать о ней, и это не вследствие желания угождать людским слабостям, а вследствие той мудрой осторожности, которая предписывает нам говорить только в случае необходимости или в уверенности, что можно сделать добро. Вы вполне правы, дорогое дитя, жалуясь на испорченность Императрицы. В природе нет ничего более жесткого, как сердце, которое предалось своим страстям и в этом самозабвении не видит ничего кругом себя. Я понимаю страдания, которые вы должны испытывать, присутствуя при всех возмутительных сценах… Как мне это ни прискорбно, но более, чем кто-либо, я убеждена в том, что при жизни Императрицы я лишена буду счастия увидеться с вами. Этот срок ужасает меня; я так нежно люблю вас, что, несмотря на очевидную невозможность, надежда на противное не покидает меня… Я знаю, что Императрица вынуждена будет стесняться ради иностранцев и что не любит выказывать своих слабостей пред людьми… Я думаю, как и вы, что в основе своей характер Императрицы не так дурен: ея благосклонность находится в связи с потребностью пользоваться людьми.

Я глубоко сожалею, что она не вкусила того счастия, которое заставляет испытывать материнское чувство, и не воспользовалась тем вашим доверием и тою дружбою, которую вы сохранили для меня» (*Шумигорский*. С. 104–105).

А чуть позднее принцесса Доротея писала дочери: «Вы не поверите, как я почитаю, люблю и восхищаюсь нашим великим князем за его превосходный образ действий. Добродетель часто имеет свои шипы, вот чем ценно выполнение обязанностей. Таково положение и этого достойного принца, который и до сих пор находит вознаграждение лишь в самом себе и в удовольствии делать добро из любви к добру. Он по справедливости заслуживает всей вашей нежности и всего вашего внимания, что усладит те скорби, которым он подвержен» (Там же).

В августе 1779 года скончалась графиня Екатерина Михайловна Румянцева, которая завещала все имущество своим троим сыновьям.

Двадцатипятилетний граф Николай Румянцев купил дом графа Ягужинского в Петербурге, завел свое хозяйство, слуг, сменил обстановку. Вскоре в его личной судьбе произошли перемены. Граф А.А. Безбородко, пользуясь личным влиянием на императрицу, попросил ее послать молодого графа Румянцева на дипломатическую работу. Императрица Екатерина II назначила Николая Петровича уполномоченным посланником при Курфюрстском округе Нижнего Рейна, включая всех близлежащих владетельных принцев. Он должен был жить во Франкфурте-на-Майне и строго следить за тем, чтобы князья и принцы соблюдали германскую конституцию.

После благополучного разрешения европейского конфликта и заключения Тешенского мирного договора Екатерина II все чаще возвращалась в своих раздумьях к критической оценке Северного проекта, не только потому, что об этом часто говорил Потемкин, но и потому, что реальные события подталкивали ее к переменам во внешней политике.

Действительно, Фридрих II никуда не уйдет, в последние годы Россия ощутимо помогла ему выиграть свою игру в конфликте с Австрией, да и германские князья должны быть довольны новым трактатом. Граф Панин передал ей содержание письма Ассебурга о том, что Германия может считать счастьем, что гарантия нашего двора ограждает Германскую империю от всякой опасности, а это значит, что Россия по своему усмотрению будет участвовать в духовных и светских делах Германской империи. И Мария-Терезия, австрийская императрица-мать, в письме российской императрице благодарила за ее

посредничество.

Екатерина II широко оповестила своих царедворцев о том, что она намерена встретиться с австрийским императором Иосифом II и обсудить текущие государственные проблемы, местом встречи намечался город Могилев. Пусть готовят делегацию, состав потом она утвердит.

Понятное дело, думала Екатерина II, Никита Иванович Панин будет противостоять ей в сближении с Австрией, с Иосифом II, уж слишком крепки его связи с Прусским королевством, не только с Фридрихом II, но и с его ближайшими помощниками. Ведь Панин – глава Министерства иностранных дел, к нему стекаются все внешнеполитические документы. Казалось, что после Тешенского мирного договора отношения между Пруссией и Россией еще более укрепятся, но вскоре дипломаты почувствовали охлаждение между прусским и российским дворами. На первый план выходила Австрия, до недавнего времени постоянно колебавшаяся в отношении воевавшей Турции, что очень настораживало Россию. Фридрих II мечтал заключить между Пруссией, Россией и Турцией союз, предполагая тем самым ограничить расширение России за счет турецких владений, ведь мало кто не догадывался, что действия фельдмаршала Румянцева в Крыму ведут к ослаблению влияния Турции на полуострове. Екатерина даже отказалась вести переговоры о таком союзе. Австрийский император Иосиф II, побывав во Франции, убедив Людовика XVI и Марию-Антуанетту, предложил заключить союз Австрии, России и Франции, а это полностью соответствовало новым намерениям Екатерины II развивать успешную политику на юге России.

При всем внешне благопристойном отношении двух императриц Мария-Терезия ненавидела Екатерину II, о чем писала дочери Марии-Антуанетте, всячески настраивая и ее против России, убеждая, что Екатерина коварна и лжива, властолюбива и высокомерна, достаточно посмотреть на ее поведение во время переговоров и дележа баварского наследства. А Екатерина II, наблюдая за нерешительными действиями Иосифа II, предчувствовала, что он не самостоятелен только потому, что зависит от одобрения своих действий со стороны австрийской императрицы-матери, которая хоть и доверила правление империей своему старшему сыну, но постоянно контролирует его, называла его «маленьким ребенком».

Иосиф II и Екатерина II знали о том, что Турция продолжала утверждать, что Черное море полностью в ее владении, она – хозяйка и никого на Черное море не допустит.

Вместо давнишнего представителя прусского короля в России

Сольмса прибыл посол Гёрц, а новый посол Австрии граф Кобенцель приобрел в России большое влияние.

В апреле 1780 года граф Кобенцель получил уведомление: «Не щадить ни труда, ни денег для того, чтобы отторгнуть Россию от союза с Пруссиею и восстановить дружеские отношения между императорскими дворами».

В это же время Иосиф II вызвал в кабинет русского посла князя Дмитрия Голицына и сообщил ему о том, что он хотел бы послать Екатерине II письмо для укрепления дружеских отношений. Мария-Терезия тут же написала австрийскому послу в Париже, что император, шутя, намекнул ей о своем желании повидаться с русской императрицей, но она не может передать, насколько ей неприятен этот проект, который вызывает у нее отвращение и ужас. Мария-Терезия передала эту весть Марии-Антуанетте, второму сыну Леопольду Тосканскому, весть быстро разлетелась по родственникам, дошла и до князя Кауница, вершившего всеми делами империи, и он быстро составил подробную записку о том, чего стоит добиваться в разговорах с Екатериной II, – о возможном разделе турецких владений в Европе. Дошла весть и до Никиты Панина, почуявшего в этом визите, если он состоится, большую опасность для его многолетней программы внешней политики. Но Панин в подобный визит не верил.

– Если кто в глубине души до такой степени не расположен к Австрии, как мы в настоящее время, то едва ли можно ожидать какой-либо перемены, – сказал он прусскому послу графу Гёрцу, высказавшему свои опасения о перемене политического курса.

Фридрих II, получивший известия о возможном свидании Екатерины II с Иосифом II, решил делать вид, что ничего неприятного не происходит.

А подготовка визита Иосифа II в Могилев для свидания с Екатериной II активно продолжалась. «Мне хотелось бы знать, как все будет, – писал Иосиф II брату Леопольду, – в каком состоянии я найду Россию. Как бы то ни было, эта страна с начала века изменилась совершенно, была, так сказать, создана заново».

Екатерина II тоже предчувствовала, что в Могилеве произойдет что-то необычное, новое, ведь много лет с Австрией были натянутые, напряженные отношения. А тут такой поворот… Никита Панин устарел, его предложения ограниченны, однозначны, да и со стороны иностранных послов по его адресу раздается много критических слов.

Как известно, в Петербурге Никита Панин был лицом, официально заведовавшим внешними сношениями большого государства. Представители иностранных государств,

пребывающие в Северной столице, уже не доверяют Панину, подозревая, что у этого человека только одни слова, а дела мало, в его суждениях трудно разобраться. Правда, французов и австрийцев можно заподозрить в некотором недоброжелательстве к решительному сторонику прусского союза. Но свидетельство, уже не подлежащее с этой точки зрения никакому подозрению, – это свидетельство англичан. Панин стоит за них так же, как за Пруссию. Однако и они высказываются в том же духе. Английский посол иной раз жаловался, как трудно увидеться и поговорить с первым министром: утром он недоступен, а после обеда на прогулке. Да и она сама, императрица, видится с ним только раз в неделю. Истинная причина, заставляющая ее держать на посту такого бездеятельного министра, – его нерадивость. Она не считает его достаточно деятельным, чтобы попытаться произвести переворот в пользу Павла, а ведь было дело, когда Павел вместе с великой княжной претендовали на императорский трон, и неудача постигла их только из-за того, что предатели выдали их, да прибавилась нерешительность братьев Паниных, подготовивших этот заговор. Английский посол жаловался в английское министерство иностранных дел: «Вы не поверите мне, если я скажу вам, что в сутки Панин посвящает не больше получаса делам, вверенным ему». Это послание тут же передали сначала ей, а потом послали в Великобританию. Как-то Екатерина занялась несколько мрачной игрой, состоявшей в предсказании, от чего может умереть то или другое из приближенных к ней лиц. Против фамилии Панина она написала: «Если ему случится поторопиться».

И между тем в довольно длинном списке министров, служивших императрице, он в конце концов, кажется, способен более остальных выдержать суд потомства. Гаррис, одно время имевший причины жаловаться на него и даже заподозривший Панина однажды в желании отравить его салатом, не может не похвалить честность и прямодушие министра во всех переговорах, где он участвует один. Он тоже считает его неподкупным. Панин не раз проявлял как в частной, так и в общественной жизни действительно возвышенные взгляды и чувства. Фридрих настаивал на необходимости воспрепятствовать полякам отказаться от их liberum veto. Панин же восстает против этого: зачем мешать этой нации «выйти из того подобия варварства, в котором ее держит это злоупотребление свободой»? Польша сильная и крепко привязанная к России – вот его идеал. Когда разразилась грозная пугачевщина, Панину, уже давно устраненному от управления делами все усиливающимся влиянием Потемкина, ежедневно терпевшему унижения и обиды

от соперника, которого он считал недостойным, представлялся случай отомстить. Фаворит, «ничего не понимающий и не желающий понять», был не такой человек, чтобы справиться с грозой. Смелость и искусство, на которые он был способен, обнаруживались пока только в происках с заднего крыльца и будуарных победах. Сидя сложа руки и сохраняя бездействие, к которому его принудили, Панин мог быть уверен в отмщении за себя. Но он и не думает об этом. «Надо спасти государство, – пишет он брату, – а после того уж можно уступить свое место господствующим фаворитам и окончательно сойти со сцены».

Екатерина испытывала досаду даже к заботам, которыми он окружал семью наследника, его воспитанника. «Можно подумать, что мои дети и внуки больше его, чем мои», – порой думала она. Управление Министерством иностранных дел, во главе которого он остается только формально, официально было передано Остерману. Об этом извещаются иностранные послы. Он уже не получает депеш; ему разрешается не присутствовать в Совете; он отпускает своих секретарей и остается в Петербурге – по его собственным словам – только для того, чтоб императрица всегда имела перед глазами памятник своей неблагодарности.

За человеком, еще казавшимся ей необходимым в 60-х годах, она не признает другого таланта, кроме умения выставить напоказ достоинства, не принадлежащие ему. «Никто не владел этим искусством в большем совершенстве. Из ничего он умел устроить себе великолепную одежду из чужих перьев…»

«Она отделалась от него из зависти и самолюбия, – писал де Верак в 1781 году, – чтоб не могли сказать, что он принимал участие в успехах, о которых она мечтает. Как только ей показалось, что она может обойтись без него, она решила его судьбу».

Устранение от дел и, наконец, исчезновение Панина совпадают с торжеством австрийской политики на берегах Невы и окончательным разрушением прусского союза. Однако между этими двумя событиями нет, по крайней мере, прямой связи, как между причиной и следствием. Панин, правда, был защитником этого союза. «Не бойтесь, – говорил он в 1783 году Сольмсу, – пока не услышите, что мою постель вынесли из дворца…» Постель его оставалась во дворце до 1783 года; но влияние прекратилось гораздо раньше этого времени. Несмотря на его несочувствие, раздел Польши считается одним из блестящих дел его карьеры. Два других – как злобно заметили – обмен Голштинии на шесть кораблей, которых Дания так никогда и не доставила, и воспитание Павла.

Вспомогательную причину несогласия, с первого часа

возникшего между императрицей и министром и окончившегося устранением последнего, следует видеть в либеральных идеях, внесенных в управление воспитателем Павла. И Екатерина со своей стороны внесла такие же; но мы знаем, как она их применила. Панин отказался последовать за ней в такой быстрой перемене. Говорили о проекте конституционной реформы, которую он якобы выработал в 1776 году сообща с первой женой великого князя. В этом году великая княгиня Наталья умерла от родов, и стали циркулировать зловещие слухи, обвинявшие повивальную бабку, помогавшую великой княгине. «Несомненно, – пишет в своих записках князь Долгорукий, – что эта женщина разбогатела и что Потемкин бывал у нее».

Одно достоверно: что, постепенно удаляясь от философского и гуманитарного идеала, улыбавшегося ей в молодые годы, и с каждым днем утверждаясь в своих наклонностях к личной и непосредственной власти, Екатерина все менее и менее оказывалась расположенной терпеть вокруг себя людей с умом и характером Панина. Чтобы заменить их, она придумала и создала тип чиновников, покорных ее воле.

Одним из таких чиновников был Александр Андреевич Безбородко, сделавший за несколько лет блестящую карьеру благодаря своим огромным способностям.

Он был замечен графом Петром Румянцевым еще в годы недавней войны, Безбородко обладал уникальной памятью, аккуратностью в распределении деловых бумаг, превосходно владел письменной речью, – все эти достоинства позволили рекомендовать его Екатерине II в качестве секретаря. Екатерина II сразу почувствовала незаменимость его. За короткий срок он стал ведущим сотрудником секретариата императрицы. Естественно, что подготовкой к поездке в Могилев занимался и Александр Безбородко. «В иллюминациях и других праздниках могилевских, ваше сиятельство, постарайтесь избежать постановления имени ея величества, – писал А. Безбородко 4 апреля 1780 года белорусскому наместнику графу З.Г. Чернышеву, – учреждая оныя так, чтобы могли они сходствовать, например, к доброму согласию государей, утверждаемому персональным знакомством их, и происходящему из того благоденствию и тишине для держав их. По словам ея величества, не дозволить, чтобы тут где-нибудь названием или символом был вспомянут мир Тешенский» (Сб. ист. общ. X XVII, 65).

Екатерина II, отправляясь в Могилев с большой свитой царедворцев и секретарей, испытывала волнение от необычности встречи с правителем иных устремлений. Иосифу II тоже было тревожно, ведь только что был заключен Тешенский мирный

трактат, где Австрия была ущемлена в своих захватнических устремлениях. И только благодаря российской императрице и французскому королю. Как поведет себя императрица, почувствовавшая, став в центре мировых решений, сладость своей европейской власти? Иосиф II будет путешествовать под псевдонимом графа Фалькенштейна, поэтому не нужна официальность, приемы и прочее, он заранее предупреждает императрицу, что испытывает радость от предстоящей встречи, каковы результаты этой встречи не оказались бы. Екатерина II удивилась тому, что император хочет предстать перед ней как граф Фалькенштейн, нет, она не забудет, что эта встреча двух руководителей ведущих государств Европы, от их решений будут зависеть политические связи на континенте.

Некоторые стороны этих бесед описаны Екатериной II в письмах барону Гримму:

«Могилев, 25 мая 1780. Я приехала сюда вчера утром и нашла г. Фалькенштейна, который находился здесь уже двое суток. Узнав, что я ускорила мое путешествие на четыре дня с целью приехать раньше его, он поскакал днем и ночью и прибыл сюда до меня. Вчера мы целый день провели вместе. По-видимому, он не скучал. Я нашла, что он очень образован, любит говорить и говорит очень хорошо. Целый день шел дождь, заставивший нас провести вечер вместе, точно как бы в зимнее время года. Образцовыя училища (Normal – schulen) были вчера одним из предметов нашей беседы. Судя по тому, что я об них слышала, это должно быть превосходное изобретение; но нам-то нужны будут образцовые учителя. И тут тоже я нашла, что дети иной раз непохожи на своих родителей. Мы, кажется, не особенно богомольны, что выражается особливо в выборе книг для чтения. Однако «Эпохи» еще не попались ему в руки. Знаете, когда видишь переодетых кесарей, точно будто поднимаешься на воздух: нос кверху, и обнюхиваешь воздух, что, как вы сами можете понять, мешает с должною тщательностью отвечать на получаемые письма…

26 мая. Вчера вечером мы были в комической опере и, беседуя со мною, г. Фалькенштейн наговорил вещей достойных напечатания. Мысли у него глубокие и конечно послужат к бесконечной его славе, если он приведет их к исполнению. Я не смею оглашать их, потому что они были передаваемы мне на ухо, не из плутовства, а из скромности…

27 мая. Отсюда, сидя в шестиместной карете, рядом друг с другом, граф Фалькенштейн и я, мы едем в Смоленск, до которого двести верст. Оттуда он поедет в Москву и возворотится через Петербург, куда я отправлюсь ждать его. Мы говорили про

все на свете, следовательно, и про вас, а как он все знает, то ему известно, что вы были в Вене с графами Румянцевыми. <…> Нынче утром граф Фалькенштейн и я были у католической обедни, которую служил Могилевский епископ в сослужении иезуитов, экс-иезуитов и представителей всякого рода духовных и недуховных орденов; мы больше смеялись и болтали, чем слушали: он мне разъяснял, а я раскрывала рот и поучалась. Прощайте! Бумага вся вышла…

Царское Село, 25 июля 1780. Граф Фалькенштейн выехал отсюда 10 числа и теперь должен быть близко от Вены. Не знаю, как довольно похвалить его. Мало людей с таким основательным, глубоким и просвещенным умом. Высокий союзник мой заказывал торжественную обедню за упокой души Вольтера. Но я не люблю подражать. К тому же не годится обижать живых из любви к покойникам. <…> Узнайте мне, если можете, что думает барон Дальберг об австрийских образцовых школах. Я много слышала об них хорошего, и потому запаслась всеми книгами, которые до них относятся. Граф Фалькенштейн доставил мне их самолично. Он говорил мне, что об вас до него доходили отличнейшие отзывы, и я просила его быть уверену, что эти отзывы справедливы» (РА. 1878. Книга 3. С. 63–65).

В день своего отъезда из Могилева, 30 мая, императрица вместе с императором Австрии заложили каменный храм, в церемонии принимали участие и Безбородко, и Петр Румянцев, и другие именитые лица. Екатерина II и Иосиф II посетили Оршу, Красный и Смоленск. Екатерина отправилась в Петербург, Иосиф – в Москву. Во время этих встреч и посещений повсюду, как писали биографы, им оказывали «искреннее радушие».

О переговорах в Могилеве Александр Безбородко дал подробный отчет в письмах графам Александру и Семену Романовичам Воронцовым, с которыми он был дружен.

1 июня, писал А. Безбородко, прибыл курьер и «привез бумаги, касающиеся до заключения известных конвенций. Они были два раза читаны, и я редко видел государыню в таком удовольствии. Ей понравились письма: депеша к г. Сакену и письмо к ней графа Никиты Ивановича (Панина. – *В. П.*). Все сие тотчас аппробовано было, о чем она пишет особливо графу Никите Ивановичу. Ваше сиятельство теперь видите, что начатое дело продолжать не перестают и постоянно в тех же правилах пребывают.

Не видел, чтоб в малейшее с другой стороны вопреки тому употреблено усилие. Впрочем, ни инструкция флота, ни сии бумаги не были сообщены прежде никому, как уже после конференции показаны были графу Петру Александровичу

(Румянцеву. – *В. П.*)».

Продолжая описывать события, происходившие в Могилеве, Александр Безбородко 3 июня 1780 года писал графу А. Воронцову: «Между разговорами, которыми приезжий гость меня ежечасно удостаивает, спрашивал он меня, между прочим, о образе управления делами ея императорского величества, и дивился, когда я на вопрос его сказал, что все депеши министерства нашего не инако к министрам у дворов посылаются, как по апробации проектов самою государынею; что ни одна бумага не проходит, которую в оригинале не была бы представлена ея величеству; ибо он думал, что реляции или письма подносятся ей только кратко и то, что прямо достойно ея любопытства. Продолжая часто свои похвалы графу Румянцеву и другим, с кем он сделал знакомство, и говоря, что мы не можем жаловаться на недостаток людей, обратился пока к иностранному департаменту и начал выхвалять слог наш, утверждая, что чтение многих бумаг, двору их сообщенных, во время войны с турками и во время последней негоциации между их и Берлинским двором, доказало ему, сколь искусно и хорошо у нас пишут. Тут вступил он в похвалу Никите Ивановичу, говоря, что он рад приобресть его знакомство, что достоинства приватных людей не столько признаваемы бывают при них, как после их, – авантаж одних государей, коих таланты при жизни их более приметны и ощутительны; но тут, по его словам, часто участвует и похлебство. Я сказал ему, что и они имеют министра, великую славу приобревшего благоразумным управлением дел, ему порученных; но он мне тут сказал, что он отдает всю справедливость достоинствам князя Кауница, но не находит, чтоб ему было столько случаев и обстоятельств показать себя, как графу Никите Ивановичу, который по сие время имел репутацию министра в делах, всю Европу интересующих, и такую силу, что можно приписать ему, как девиз: fiat et fit (да будет и бысть). После того распространился он о трудности и звания министра иностранных дел, объясняя, что управители других частей, имея дело с подданными государей своих, не имеют никакой заботы, как только приказывать и ожидать повиновения, а иностранных дел министр нередко должен повелевать людьми, кои никак повиноваться не привыкли, и иметь в виду не тесные пределы земли своей, но целую, так сказать, вселенную».

Иосиф II спросил Александра Безбородко, служил ли Панин в войсках, имеет ли он военную биографию, и очень хорошо отзывался о секретаре в Министерстве иностранных дел Петре Васильевиче Бакунине. Высоко отозвался о Павле Петровиче: «Я люблю в нем ту точность, с которою, как все меня уверяют,

отправляет все дела, какие на себя он имеет. Таковая точность вещь есть редкая в молодых летах, но она нужна, и в особах его состояния тем полезнее, что, без сомнения, в свое время и сделанное удержит, и недоконченное совершит» (Сб. ист. общ. X XVI. 69, 372–373).

Александр Безбородко вел дневник пребывания Екатерины и Иосифа в Могилеве, записи этого дневника императрица посылала Павлу Петровичу, а как только Безбородко на четыре дня уехал в свою деревню, дневник не вели, а рассказы об оставшихся днях пребывания Иосифа II она пообещала предоставить Павлу после приезда в Петербург.

Встречи в Могилеве и переговоры имели серьезное значение в будущем. Решили говорить откровенно о своей внешней политике, Екатерина спросила, почему бы Австрии не занять Папскую область, завладеть Римом, а Иосиф II в ответ спросил, а почему бы России не захватить Константинополь (как только родился второй сын у великокняжеской четы, названный Константином, широко разлетелась молва о том, что Константину предстоит властвовать в Константинополе, так гласила молва). Нет, сказала Екатерина, она против подобных завоеваний, вот Крым – исконная русская земля, она мечтает о русском Крыме. Фридриха II дружно осудили как интригана, который суется во все европейские дела, желая только одно – выгоды для Пруссии.

О своем пребывании в России и о переговорах с императрицей и другими официальными лицами Иосиф II подробно писал императрице Марии-Терезии (см.: *Arneth*. Maria Theresia und Joseph. S. 111, 256–259, 265–303).

«Напрасно некоторые современники, в том числе Дом, – писал профессор А. Брикнер, – держались прежнего мнения, что встречи такого рода обыкновенно, вместо сближения людей, приводят к противоположному результату. Свидание Иосифа с Екатериною сделалось исходною точкою истинной дружбы, прекратившейся лишь со смертью императора. Восхваляя способности и эрудицию Иосифа, Екатерина заметила в письме к Гримму, после отъезда императора: «Свидание в Могилеве имело полнейший успех». Из других источников мы узнаем, что и Иосиф был чрезвычайно доволен впечатлением, произведенным на него личностью Екатерины (Письма Гримма к Екатерине. СПб., 1880 // Сб. ист. общ. 56, 222). Английский дипломат Гаррис, донося об отъезде Иосифа, писал: «Граф Фалькенштейн нанес ужасный удар влиянию здесь прусского короля, такой удар, что, как я полагаю, это влияние никогда более не возобновится».

В среде людей, не расположенных к России, ходили разные слухи о неблагоприятном впечатлении, произведенном Иосифом

в России. Так рассуждали Гёрц, Бретёль, шведский посланник и пр. Фридрих II все еще надеялся, что путешествие Иосифа в Россию не изменит политической системы в Европе (*Брикнер А.* История Екатерины Второй. СПб., 1885. С. 381).

Предчувствуя угрозу, Фридрих II направил в Россию наследника прусского престола, своего племянника, принца Фридриха-Вильгельма. Как только Иосиф услышал, что прусский принц направляется в Петербург, он тут же написал матери: «Принц Прусский сюда приедет в сентябре с целью испортить все полезное, что удалось мне сделать».

Но прусскому принцу ничего путного сделать не удалось, он холодно был принят в Петербурге, а Екатерина II через несколько дней его пребывания в столице посоветовала графу Панину побыстрее отправить его в Берлин. Так оно и получилось. Но великий князь и наследный принц прусского престола очень охотно говорили друг с другом о политике своих государств и в заключение дали торжественное обещание вечной дружбы. Прусский посол граф Гёрц в своем послании Фридриху II сообщил, что визит Фридриха-Вильгельма был удачным и полезным.

В переписке между прусским королем и российской императрицей внешне мало что изменилось. 1 октября 1780 года Екатерина II писала Фридриху II, что она по-прежнему высоко ценит «выражения старинной и ненарушимой дружбы» между ними.

Фридрих II, когда по всему миру разлетелась новость о Морском уставе, который защищает торговлю от всякого разбойничества на море, назвал эту весть одним из «чудес», которыми русская императрица усыпала всю землю: «Свидетель и почитатель столь славных предприятий, я счел должным воспользоваться для небольшой торговли этой страны покровительством, которое ваше императорское величество столь великодушно благоволит жаловать ей… Мария-Терезия сама призналась бы, что, независимо от некоторых соглашений с Мустафою, она была принуждена уступить восходящему гению побед великой Екатерины…» И снова Фридрих II подписывает письмо как «верный брат, почитатель и союзник», это письмо от 23 апреля 1781 года было его последним письмом к Екатерине II.

4. Размышления великой княгини Марии Федоровны

Получая из Могилева записки Александра Безбородко о ходе переговоров Екатерины II с австрийским императором, великий князь Павел Петрович не мог таить эти сообщения от Марии

Федоровны, а Мария Федоровна делилась со своими приближенными, и прежде всего с графом Николаем Румянцевым, и секретные переговоры становились одной из тем бесед среди придворных малого двора.

У Марии Федоровны, постоянно думающей о своей семье в Монбельяре, мелькнула мысль: а почему бы свою сестру Елизавету не выдать замуж за эрцгерцога Франца, сына Леопольда Тосканского, брата Иосифа II? Великий князь нашел эту мысль превосходной и высказал ее Екатерине II, которая тут же согласилась передать ее Иосифу II, как только он вернется из Москвы в Петербург.

Летом 1780 года Иосиф II приехал в Петербург, побывал в Царском Селе, поговорил с Екатериной II о пунктах будущего мирного соглашения, она предложила передать России город Очаков, Крым, один или два острова Средиземного моря, Иосиф II напомнил ей свои требования при заключении этого соглашения, – присоединение нескольких провинций на Дунае и ряда островов в Средиземном море.

В итоге Екатерина II предложила ему нанести визит великокняжеской чете, у которой есть свои предложения для укрепления дружеских связей России и Австрии.

Иосиф II, познакомившись с Марией Федоровной и Павлом Петровичем, был сразу покорен красотой и обаянием великой княгини, у него даже мелькнула мысль, что если бы десять лет тому назад он встретил эту вюртембергскую принцессу, то сразу бы женился на ней – настолько она легла ему на сердце.

Продолжение этих событий описано самой Марией Федоровной в письме родителям 19 (30) июля 1780 года:

«За день до своего отъезда, на утренней прогулке, он (император) мне сказал:

– Я имею большую просьбу к вашему императорскому высочеству.

– Какую просьбу, граф?

Он ответил:

– Осмеливаюсь просить вас, если вы полагаете, что я могу оказать какую-либо услугу принцу, вашему отцу или вашему дому, то располагайте мною; вы найдете меня всегда готовым доказать вам, насколько я к вам привязан.

Я ему ответила на это:

– Я, конечно, никогда не говорила бы с вами, граф, о себе лично; но так как вы мне делаете честь, начав сами такой разговор, то позвольте мне воспользоваться этим случаем, чтобы рекомендовать вашему вниманию моих родителей и мой дом; вам известно, граф, как я люблю свое семейство.

Тогда он прервал меня, сказав:

– Испытайте меня, и вы увидите, честный ли я человек».

После этого разговора и прямого предложения поговорить с ее родителями о возможном браке принцессы с эрцгерцогом Францем, наследником австрийского престола, Мария Федоровна поняла, что ее покровитель и покровитель всей ее семьи придет в негодование, узнав об этой новости. Но чувство семейной выгоды победило ее душевные колебания.

Казалось бы, не такое уж значительное событие наметилось в мире – предполагаемая свадьба, – но именно оно нарушило устойчивое положение между европейскими дворами. Фридрих II убедился, что Екатерина II меняет систему своих внешнеполитических взглядов, сближается с Австрией и Францией, следовательно, отношения с Пруссией будут более прохладными, прекращается столь милая переписка с императрицей. Источник разногласий – семейство принцев Вюртембергских, и ведь три прусских офицера принадлежат именно этой семье. Преследования этих офицеров были настолько унизительны, что принцесса-мать пожаловалась на эти притеснения Марии Федоровне, а та тут же доложила суть письма императрице. Екатерина II пообещала оказать покровительство предстоящему браку и, узнав о согласии родителей принцессы Елизаветы на брак, тут же написала Иосифу II, что он может заехать в Монбельяр и просить руки Елизаветы для наследного принца Австрии. И в июле 1781 года Иосиф II из Парижа заехал в Монбельяр и сделал официальное предложение о браке от имени эрцгерцога Франца. Родители принцессы Елизаветы приняли это предложение.

Еще в мае 1781 года Екатерина II в беседе с великокняжеской четой высказала пожелание, что им пора посетить европейские страны. После этой беседы все чаще при малом дворе начали обсуждать вопрос о пользе путешествия. Екатерина II, опираясь на опыт императора Иосифа II, разрабатывая планы этого путешествия, решительно исключила Берлин как одно из мест путешествия, намеченного Павлом Петровичем. Мария Федоровна составила свою программу путешествия и показала своим ближайшим друзьям и, главное, графу Панину. К сожалению Марии Федоровны, ближайший друг Н.В. Репнин был недоступен. Сохранилась эта записка и замечания Н.И. Панина: «I. Следует начать говорить об этом (т. е. о путешествии) не как о формальной просьбе, но как о желании, обнаруживая стремление последовать примеру, который только что подало столько государей, и в особенности нужно ссылаться на императора, на желание просветить себя. Но, чтобы обнаружить это желание,

нужно выждать удобного случая». Здесь Н.И. Панин заметил: «Даже не это, а путем разговора и рассуждений по поводу устанавливающегося обычая, что молодые принцы путешествуют для приобретения познаний. Здесь было бы недурно вставить похвалу пользе, извлеченной императором. При сем следует заметить, что все это не должно быть высказано разом и не выжидая ответа или возражения, которые могут сделать на каждую отдельную мысль, а следует вести разговор таким образом, чтобы не идти дальше прежде, чем предшествовавшая мысль не будет вполне закончена».

Далее следуют еще шесть пунктов размышлений Марии Федоровны, которые она изложила для друзей и единомышленников: «<I.> II. Об этом желании следует заговорить, по крайней мере, шесть недель спустя после отъезда наших друзей и выбрать благоприятный день. Если не попадутся на эту удочку, нужно оставить затронутую мысль и вернуться к ней некоторое время спустя, но, опять-таки, не как к формальной просьбе, но как к личному желанию, повергаемому на благоволение императрицы». Панин написал: «Этот пункт хорош».

«III. Путешествие может быть совершено лишь в строжайшем инкогнито, чтобы иметь большую возможность выполнить цель этого путешествия – обогатить цель этого познания». Панин написал, что «об этом следует говорить лишь тогда, когда будет одобрена мысль о путешествии».

«IV. Выбор свиты, которая должна сопровождать нас, представляется императрице, но, конечно, несмотря на это, можно и даже должно откровенно и с полным доверием высказать ей, что желали бы, чтобы она разрешила тому или другому сопровождать нас, так как при условии, что эти лица уже побывали в иностранных землях, они явились бы неоцененным пособием для нас, но, во всяком случае, следует просить об этом, как о милости, суметь попросить таким образом, чтобы не могли отказать в нем». Панин написал: «Конечно, как о милости, но крайне осторожно и не настаивая сразу».

«V. *Дети*. Нужно сказать, что нельзя было бы доверить их в лучшие руки, чем в руки их бабушки; что таким образом мы вверяем ей наше драгоценное достояние, будучи вполне бесспорно уверены, что они не могли бы быть под лучшей охраной; одним словом, на эту тему следует говорить ей самые дружественные и самые нежные вещи». Граф Панин написал: «Очень хорошо».

«VI. Сначала нужно сказать, что мы начнем с Вены; при этом случае можно наговорить ей лестных вещей для нее и для

императора». Н. Панин написал: «Очень хорошо».

«VII. «В случае если бы она пожелала сократить время путешествия, по-видимому, можно возразить, что хотели бы увидеть поболее стран и не ограничиваться каким-нибудь одним государством; впрочем, раз мы выедем за границу, продолжительность этого путешествия будет зависеть от нас». Но тут Н.И. Панин предостерег: «Как не нужно торопиться указывать страны, которые именно хочется видеть, так равно не нужно восставать против воли, которую выскажут во время рассуждений с вами, так как после того, как уже уедете, можно будет с большей легкостью избрать одну дорогу вместо другой».

После недолгих размышлений Екатерина II писала императору Иосифу II:

«Позволяю себе на этот раз побеседовать с вашим императорским величеством о предмете, особенно близко меня занимающем. Таково действие великого примера! Несколько времени тому назад сын мой заявил мне о своем желании посетить иностранные земли, и в особенности Италию. Я могла только согласиться на такое желание, столь благоприятное для увеличения его познаний. Осмеливаюсь просить ваше императорское величество разрешить проезд его через ваши владения и позволить ему и его супруге представиться вам этой зимой в Вене. Они выедут отсюда, как следует полагать, в конце сентября, так как привитие оспы моим внукам должно предшествовать путешествию. Маршрутом от Могилева и Киева до Брод для них послужит прошлогодний путь графа Фалькенштейна.

С истинным удовольствием я передаю их в ваши руки. Преисполненная доверия, я не сомневаюсь, что они воспользуются у вас священными правами гостеприимства, и надеюсь, что дружба ваша доставит им подобный же прием у его королевского высочества великого герцогства Тосканского, с которым моим путешественникам предстоит вступить в столь близкую родственную связь и который, впрочем, в течение двенадцати лет явил уже столько доказательств своего расположения к русскому народу».

Екатерина II написала письмо фельдмаршалу Румянцеву, в котором дала указания о том, чтобы всеми способами оказать содействие в путешествии великокняжеской чете, они должны побывать в Киеве, в Польше, а для этого нужны лошади и прочее необходимое для благополучного путешествия. Кабинет-министры канцелярии тоже должны были разослать свои послания по столицам иностранных государств, куда предполагались визиты Павла Петровича и Марии Федоровны.

Мария Федоровна была счастлива оттого, что в самое ближайшее время она увидит чуть ли не всю свою семью, родителей, сестер, кого-то из братьев, которые приедут в Вену, чтобы познакомиться с новыми родственниками: принцесса Елизавета Вюртембергская выходит замуж за наследного принца Франца, сына герцога Тосканского.

Граф Николай Петрович Румянцев и князь Андрей Куракин были включены в свиту цесаревича.

19 сентября 1781 года Екатерина II, царедворцы большого и малого дворов присутствовали при отъезде из Царского Села княжеской четы в зарубежные страны для пополнения своих знаний. Мария Федоровна вела себя ровно, но, прощаясь с детьми, не сдержала чувств и трижды падала в обморок, в полубессознательном состоянии ее и усадили в карету. Николай Петрович с болью переживал случившееся. Видел, как великий князь тоже чуть не плакал, но крепился, помогая великой княгине. Екатерина II крайне удивилась такому проявлению эмоций. Но в донесении английского посла Гарриса своему правительству было сказано: «Нет ни малейшего сомнения, что необыкновенная чувствительность их императорских высочеств вызвана не одной только разлукой с детьми. Граф Панин наполнил их умы опасениями, и они уехали под сильным впечатлением ужаса» (*Шильдер*. Примечания).

Но Екатерина II пока не догадывалась о роковой роли графа Панина, и 21 сентября, через два дня после отъезда из Царского Села, писала своим детям: «Ваши ответы, дорогие дети, которые вручил мне Дивов, и то, что он мне сообщил, уменьшили мое беспокойство насчет состояния здоровья моей дорогой дочери. Если бы я могла предвидеть, что при отъезде она три раза упадет в обморок и что ее под руки отведут в карету, то уже одна мысль о том, что ее здоровье придется подвергнуть таким тяжким испытаниям, помешала бы мне дать согласие на это путешествие. Нежность, которую вы оба выказываете мне, дорогие дети, правда, облегчает скорбь, причиненную мне вашим отсутствием; но мое чувство к вам говорит и повторяет вам: возвращайтесь, как только это будет возможно, будь это из Пскова, Полоцка, Могилева, Киева или из Вены, потому что ведь, в конце концов, мы без всякой уважительной причины переносим печаль такой разлуки. Итак, спросивши свое сердце и ум, я прихожу к заключению, что вам, если вы не находите никакого удовольствия продолжать путь, следует решиться тотчас же возвратиться назад, под предлогом, что я написала вам вернуться ко мне. Дети ваши, которых я только что видела, здоровы» (*Шильдер*. С. 126).

Получив это письмо, Павел Петрович и Мария Федоровна

спокойно продолжали свой путь. Повсюду в Пскове, Полоцке, Могилеве, Чернигове их ждали сменные лошади, приемы губернаторов, обеды, порой танцевальные залы. В Киеве их встретил фельдмаршал граф Румянцев, 14 октября устроили праздничный вечер по случаю дня рождения великой княгини Марии Федоровны, а на следующий день отправились в город Васильков, в Вишневце произошла встреча с польским королем Станиславом Понятовским, который молодые годы провел в покоях великой княгини Екатерины Алексеевны.

В Тропау их встретил император Иосиф II, и 10 ноября путешественники прибыли в Вену, где Мария Федоровна с радостью обнимала своих родителей, сестру Елизавету, которые приехали договориться с эрцгерцогом Францем и его родными о свадьбе с принцессой Елизаветой Вюртембергской.

«Прошу вас, любезный друг, передайте королевской семье мою благодарность за участие, которое они принимают во мне по случаю моего путешествия, – писал Павел Петрович барону Сакену из Вены 3 декабря 1781 года. – Вы знаете мое к ним расположение, знаете и цену моей признательности… Скажу вам насчет моего здесь пребывания, что мы живем как нельзя лучше, осыпанные любезностями императора и пользуясь вниманием со стороны прочих; вообще это прелестное место, в особенности когда находишься в кругу своего семейства. Я желал бы удвоиться или утроиться, чтобы успеть все видеть и сделать… Мы прилагаем все усилия, чтобы проявить нашу признательность. Но зато у нас почти нет минуты покоя для того, чтобы выполнить обязанности, налагаемые на нас оказываемым нам вниманием и вежливостью, так и для того, чтобы не упустить чего-либо замечательного по части интересных предметов; а правду сказать, государственная машина здесь слишком хороша и велика, чтобы на каждом шагу не представлять чего-либо интересного, в особенности же, ввиду большой аналогии ее, в обшем, с нашею. Есть что изучать по моей специальности, начиная с самого главы государства» (*Шильдер*).

Император Иосиф II, после смерти Марии-Терезии ставший полновластным хозяином империи, испытывая дружеские чувства к России, к императрице Екатерине II, с доверием отнесся и к Павлу Петровичу, сообщив ему о том, что Австрия и Россия самое ближайшее время подпишут договор о секретном союзе, в котором роль Австрии строго определена – содействовать России в деле приобретения Крыма как одной из областей России. Мать ничего не говорила ему об этом, хотя нетрудно было догадаться после совещаний и переговоров в Могилеве, что так и будет. Великий князь был таким, как всегда и везде, он ни минуты нигде

не прикидывался другим, он прямодушен, любезен, благороден, с детства привили в нем благородный образ мыслей, но он не сдержан, порой проявляет пылкость и колкость, чрезмерно чувствителен. Он знал, что эти качества – признаки его дурного характера. «Человек невольно делается неловким, – думал он в эти дни, – когда старается казаться не тем, что он есть на самом деле. Впрочем, так как мои действия были только действиями частного лица…»

Среди суеты повседневных дел венский двор решил в дни пребывания Павла Петровича поставить трагедию Шекспира «Гамлет». Во время репетиций в театре шло обсуждение пьесы, особенно привлекал образ Гамлета. Сложный, противоречивый, трагический образ Гамлета в чем-то поразительно напоминал великого князя Павла Петровича, его зависимость от императрицы, его противоречивость и полное отсутствие участия в управлении страной. Уже несколько недель в Вене чаще всего и говорили о нем, сравнивали его судьбу с печальной судьбой опального принца. Наконец актер Брокман отказался играть эту роль в присутствии русского великого князя:

– Если великий князь будет нашим зрителем, то он увидит в этом образе самого себя, вместо одного Гамлета будет два: один на сцене, второй в зрительном зале.

Иосиф II, когда ему доложили, что театр не будет ставить «Гамлета» и в качестве причины указали слова актера Брокмана, пришел в восторг от прозорливости суждения венского актера, ведь и ему самому приходили похожие мысли, и послал актеру 50 дукатов в награду.

Эта весть быстро разнеслась по Вене и венскому двору.

Шесть недель провели граф и графиня Северные (великокняжеская чета путешествовала под этим именем) в Австрии, пользуясь высшими почестями, которые оказывал им император и венский двор, они познакомились со строгими правилами и этикетом венского двора, великий князь стремился познать систему государственного управления, общался с послом Дмитрием Голицыным, князем Кауницем, вечерами же посещали театральные представления и концерты.

9 января 1782 года граф и графиня Северные покинули Вену, проехали через Триест и остановились на несколько дней в Венеции, потом были Падуя, Болонья, Анкона, Рим. В Неаполе произошел эпизод, который надолго запомнился Павлу Петровичу и сопровождавшим его царедворцам. Павел Петрович встретился с российским послом графом Андреем Разумовским, бывшим ближайшим другом, так трагически вмешавшимся в его

жизнь во время первого его брака. Шесть лет прошло с тех пор, а рана по-прежнему болью отзывалась в его сердце. Историки и биографы упоминают, как Павел Петрович пригласил графа в отдельную комнату, вытащил шпагу и предложил ему защищаться. Но придворные не позволили продолжить поединок. Потом об этом эпизоде говорили как об анекдоте. Но что было, то и было, не выкинешь из биографии исторического лица. По мнению историков, Павел Петрович обиду не простил и свои дружеские отношения с князем Андреем Разумовским не возобновил.

Из Неаполя великокняжеская чета вернулась в Рим, где пробыла три недели. «Здешнее пребывание наше приятно со стороны древностей, художеств и самой летней погоды», – писал Павел Петрович к московскому архиепископу Платону, упомянул о величественной церкви Святого Петра и о папе Пие VI, с которым не раз беседовал.

Во Флоренции вновь встретились с герцогами Тосканскими, с женихом принцессы Елизаветы эрцгерцогом Францем.

Обычно сдержанный, Павел Петрович во Флоренции неожиданно высказал резко критическую оценку внешней и внутренней политики своей матери, российской императрицы. Герцог Леопольд при всех обстоятельствах поддерживал брата Иосифа II, естественно, с удовлетворением воспринимал и новые отношения Австрии с Россией.

– Вот его императорское величество Иосиф II не раз говорил о ближайшем приобретении полуострова Крым в собственное владение нашей империей, – в минуты раздражения говорил Павел Петрович. – Матушка императрица думает о приобретении новых земель. А разве у нас земли мало? Россия достаточно велика и не нуждается в новых приобретениях. А за Крым вновь цепляется Блистательная Порта, и без боя Крым она не отдаст. Недавняя война с турками разорила Россию, пора подумать о внутренних делах. Жаль, но ближайшие сотрудники императрицы думают чаще всего о себе, тот же Потемкин, Безбородко, Бакунин, Воронцовы, посланник в Голландии Морков, мне известно, кто они такие… Я не скрываю своего мнения, называю их, и, как только я буду иметь власть, я их высеку, разжалую и выгоню.

Но эти угрозы были не опасны, Павел Петрович придет к власти только через 14 лет.

7 мая 1782 года великокняжеская чета со своими придворными со всеми почестями была принята королем Франции и его придворной свитой.

У Н. Шильдера подобраны документы о пребывании великокняжеской семьи в Париже. «Вы видите, откуда я вам

пишу, – делился Павел Петрович с бароном Сакеном 14 мая 1782 года, – из настоящего водоворота людей, вещей и событий; молю Бога, чтобы Он даровал мне силы справиться со всем. Друг мой, я вижу здесь совершенно иное, чем то, что известно было доселе. Я еще не знаю, что я буду делать, я едва помню, что со мной было; вот какой я веду образ в данный момент; но когда немного заботишься о своей репутации, то труды и бдения не кажутся страшными. Сеешь для того, чтобы собрать жатву, и тогда чувствуешь себя вознагражденным за все. Вспоминайте иногда о вашем друге и молите за него Бога».

«Сын Екатерины прибыл во Францию в трагический момент ея истории, – писал П. Моран. – Каждый шаг по пути реформ задерживался могучими интересами привилегированных сословий. Власть слабела. Парламенты были в состоянии возмущения, правительство было в состоянии полного упадка. Своим падением Неккер искупил попытку опубликовать отчет о государственных приходах и расходах и внести в них порядок и гласность. Людовик XVI перебрал всех людей и исчерпал все средства. Франция находилась на пороге революции. Но надо удивляться тому, что русский великий князь, по-видимому, не предчувствовал событий, ареной которых предстояло сделаться Франции. (*Моран П.* Павел I до восшествия на престол (1754–1796 гг.) М., 1912. С. 258).

Но таковы были общие условия приема. Великий князь присутствовал только там, куда допускал его этикет. Все представало взору – красивые женщины, роскошные интерьеры, изящные миниатюры, вереницы сановных гостей, мелькание ливрей, но принятые в королевском кругу правила строго соблюдались – мрачные настроения, напряженность, которые незримо висели в парижском воздухе, в королевском дворце полностью отсутствовали.

Часть четвертая
В Европе

1. Начало дипломатической службы

После выполнения государственного долга и рождения двух наследников русского престола Александра и Константина волна слухов и противоречивых толкований о великой княгине Марии Федоровне в придворной среде поутихла. Екатерина II торжествовала – как удачно выбрали нареченную великому князю. Поздравления пришли ото всех королевских дворов.

Положение Николая Петровича Румянцева при великокняжеской чете несколько лет оставалось двусмысленным. Уйти на дипломатическую службу не удавалось, росло осознание, что придворная жизнь не для него. Одновременно у него сложились превосходные отношения с великим князем, а Марию Федоровну он начал чтить уже сразу после их свадьбы. Сначала великая княгиня была сдержанна, но с течением лет их отношения стали более близкими, повсюду они находили точки соприкосновения.

Этим событиям много внимания уделила современная исследовательница Т.А. Соловьева, опубликовавшая ряд статей и писем, выявивших много подробностей внутреннего мира и Николая Петровича Румянцева, и Марии Федоровны, и великого князя Павла Петровича.

Николай Петрович Румянцев был включен, как член сопровождающей цесаревича делегации, в свиту графов Северных, однако, когда Екатерина II узнала подробности взаимоотношений Марии Федоровны и Николая Петровича Румянцева, у нее созрел план их развода в разные стороны. Пусть Николай Петрович останется членом делегации цесаревича, но получит должность уполномоченного министра при Курфюрстском округе Нижнего Рейна и при многих других владетельных принцах ближайших округов.

Неожиданное назначение Николая Петровича на дипломатическую должность вначале озадачило его, но вскоре он понял, что императрица узнала подробности жизни малого двора и пресекла дальнейшее развитие событий; впрочем, он получил весьма важное и ответственное назначение.

В «Биографическом словаре» говорится: Николай Петрович «обязан был следить за соблюдением Германской конституции, т. е. охранять в равной мере как фюрстов, так и власть

императора в своей столице».

В Иностранной коллегии стали готовить Николаю Петровичу инструкцию для отправления его служебных обязанностей, а сам Николай Петрович, не раз побеседовав с Александром Андреевичем Безбородко о предстоящих ему поручениях, отбыл в одну из деревень к графу Румянцеву, чтобы поблагодарить его за содействие в получении дипломатической должности.

Как только Николай Петрович вернулся в Петербург, ему тут же поступило приглашение на беседу к императрице перед отъездом во Франкфурт-на-Майне, где определено место для его канцелярии.

В рабочем кабинете императрицы его уже ждали. Как только он вошел в приемную, тут же доложили Екатерине Алексеевне, она вышла к графу.

– Я давно, граф, задумала эту должность…

После того как граф Румянцев приложился к ее ручке, она повернулась и жестом пригласила графа последовать за ней. После того как императрица вновь села на свое место, она возбужденно заговорила:

– Эта миссия, Николай Петрович, откроет перед вами широкий круг вопросов. История XVIII века – это великая борьба между королевствами, Петр Великий начал эту борьбу, он сокрушил, казалось бы, непобедимого шведского короля Карла XII, раздвинул свои границы, а в это время мелкий фюрст Бранденбургский собрал стотысячную несокрушимую армию и стал поглядывать на доступные ему польские земли. Вы, граф, знаете историю Петра Великого, вникали в ход происходивших событий?

– Государыня, история – это моя любовь, я давно изучаю русскую историю с древнейших времен…

– Николай Петрович, о наших союзах с Пруссией, Австрией, противоречиях, о баварском конфликте, Тешенском мирном договоре вы, конечно, знаете. Россия, Николай Петрович, поворачивает свой дипломатический руль на сто восемьдесят градусов… Раньше – Фридрих II, Семилетняя война, Петр III, перечеркнувший все наши достижения, потом – немецкие принцессы в качестве жен нашего наследника. Не будем преуменьшать роль Фридриха II в историческом процессе… Но после совещаний в Могилеве в прошлом году, путешествия графа Фалькенштейна в Петербург, разговоров императора Иосифа с великой княгиней о предстоящем браке ее сестры и племянника императора все изменилось. И даже с внешней стороны. Мы вместе с Австрией и Францией укрепим наше положение на юге России. Граф Румянцев так расположил свои войска в Крыму, что

вычистил остатки турецких отрядов с полуострова, Крым для Турции стал недоступен, а русские войска полностью контролируют татарского хана, которого избирают с помощью наших денежных ресурсов. Вы, граф, надеюсь, внимательно следите за происходящим?

– Я недавно был у отца, внимательно изучил обстановку и в Крыму, и в окрестностях. Князь Потемкин развернул обширную деятельность в окрестностях Крыма и вообще на юге России. Отец говорил, что ближайшая цель нашего государства – возвращение Крыма в лоно своего Отечества, ведь Крым – это в прошлом российское княжество.

– Вот-вот, мы ничего не стремимся завоевать, мы лишь отбираем ранее утраченное, как земли Белоруссии в ходе польского раздела. Я очень рада, что вы, граф, в курсе событий. На юге России началось большое строительство, закладывают корабли, возводят дома, возникают целые поселения…

Екатерина II на мгновение замолчала. Она пришла на трон быть решительницей судеб Европы, с захватом власти дала себе обязательство быть в дружбе со всеми державами, чтобы всегда сохранять возможность стать на сторону слабейшего, держать руки свободными и ни за кем хвостом не тащиться. Императрица тут же вспомнила Петра Великого, который обязался развивать новую систему Германии, и сама Екатерина II стремилась установить в Германии столь нужное для интересов своей империи равенство сил. Две державы – Пруссия и Австрия – держали это равновесие, отсюда постоянные колебания и противоречия между ними, а Союз немецких князей – это опора для баланса противостоящих сил. Чуть ли не вся история последних лет промелькнула перед Екатериной II.

– Хочу вам кое-что объяснить о баварском деле. Как вы знаете, переговоры о баварском наследстве тянулись долго, князь Репнин со своим отрядом прибыл в помощь этой тяжбе. Фридрих II подумал, что князь Репнин прибыл в его распоряжение, а император Иосиф II – в его распоряжение, но князю было поручено наблюдать за ходом переговоров, не вмешиваясь. Мелкие фюрсты – пфальцский, цвейбрюкенский, саксонский, мекленбургский – выступали один за другим с заносчивыми феодальными притязаниями, думая получить что-нибудь на свою долю при ссоре великих немецких держав. Одновременно с этими переговорами Франция хлопотала о том, чтобы в дополнение к Канарджийскому миру Россия получила возможность свободного плавания в Черном море, протекторат над Молдавией-Валахией и независимость Крыма от Порты. В итоге Австрия получила крошечный кусочек Баварии, а затем Бавария должна была

отойти к Карлу Цвейбрюкенскому. И еще вы, граф, должны запомнить, что Россия, Франция, Германская империя поручились за незыблемость Тешенского договора, который лишь подтвердил обязательства Вестфальского мира, заключенного в 1648 году, как итог многолетней войны, следовательно, эти три государства есть и гарантия имперской конституции.

– Я заметил, ваше величество, как резко изменились разговоры о нашей политике в Германии при российском малом дворе. Если чуть раньше слова «Берлин» и «Фридрих» с почтением произносили, то с приездом посланника Пруссии графа Гёрца, который не скрывает своей главной дипломатической цели: Фридрих II предложил ему уговорить Россию заключить союз с Пруссией и Турцией, тон поскучнел.

– Ваше сиятельство Николай Петрович! Вы еще не вступили на этот шаткий дипломатический мостик, а уж верные мысли возникают у вас… Граф Гёрц и мне изложил этот план прусского короля Фридриха, вздорный, конечно, план. Прусский король после Тешенского мирного договора подумал, что Россия поддерживала Пруссию в этом конфликте, но он ошибся, как ошибся и австрийский император. У России есть свои интересы, и вы, граф, будете отстаивать их. При большом и малом дворах открыто говорили, что русская императрица, старая союзница Фридриха, стала высказывать чувства раздражения и ненависти к Потсдаму, вот, дескать, даже запретила своим детям бывать в Берлине во время их длительного путешествия. Бедный граф Гёрц, повинуясь Фридриху, оказался в комичном положении, я объяснила ему всю нелепость этого союза с Турцией, у нас Крым, там наши войска, которые берегут татарского хана, чтобы не вышел из-под нашего контроля… Никита Иванович Панин очень болен, он семнадцать лет поддерживал интересы Пруссии в России, я с ним была во многом согласна, но теперь ветер подул в другую сторону, и вы, Николай Петрович, должны это помнить в своей деятельности. Ваша канцелярия будет во Франкфурте-на-Майне, вы должны побывать в Берлине, у Фридриха, и в Вене, у императора Иосифа, вы должны отвечать на письма членов Иностранной коллегии и на мои, если таковые последуют, граф. Европа с тех пор, пока я управляю Российской империей, коренным образом изменилась. Нужны новые взгляды и новые методы управления. В добрый путь!

Так началась дипломатическая карьера графа Николая Петровича Румянцева.

8 февраля 1782 года граф Николай Румянцев отправился в длительную заграничную командировку.

«Николай Румянцев, – писал Александр Трачевский, – принадлежал к поколению молодых екатерининцев, долго поддерживавшему предания блестящей императрицы, на глазах которой оно воспитывалось. Младшие екатерининцы разделяли со старшими живое чувство собственного достоинства и гордое национальное сознание. Но они были другого закала. Они получили более счастливое воспитание и отличались более широким кругом идей; но просвещение досталось им легко, просто, так сказать готовое. Они не вырабатывали его тяжелым опытом, как их отцы-самоучки, воспитывавшиеся на медный грош. Сравнительно с стариками, у младших екатерининцев больше упрямства и порывистости, чем характера и энергии, больше страсти рассуждать и говорить, чем жить и действовать. Они не боялись пера, как их отцы, и хорошо владели им; велика разница между лаконизмом и многословием этих двух поколений. Двадцатипятилетний Николай Румянцев не без блеска начинал тогда свою карьеру: вскоре о нем заговорили в Европе» (*Трачевский А*. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. 1780–1790 гг. СПб., 1877. С. 68).

Фридрих II в ожидании русского посланника постоянно думал о России, Екатерине II, о своих интересах в России, о Никите Панине… Неужели все с такой тщательностью продуманное рухнуло? Ведь он надеялся, что Екатерина подхватит его план союза, будет ему благодарна за проницательность.

В кабинет Фридриха II вошел министр иностранных дел граф Гёрцбергер.

– Получены сведения, ваше величество, что русский посол граф Николай Петрович Румянцев прибудет в Берлин 1 марта 1782 года, то есть через несколько дней.

– А я все голову ломаю, граф, где я просчитался. Конечно, Иосиф одержал победу в битве за баварское наследство, но и мы, Гогенцоллерны, выиграли эту войну в политическом значении, все мелкие князья поверили в нашу серьезную патриотическую роль, прусский король начал приобретать ту национальную популярность, которую он искал всю свою жизнь. Мы убедили немцев, что имеем искреннее желание утвердить Союз немцев как начало объединения германских народов в единое государство. Что вы скажете?

– Вы просчитались, государь, тогда, когда подумали, что Екатерина II не может быть самостоятельна, вы поддались самообольщению и подумали, что сумеете по-своему направлять ее европейскую политику, по-прежнему верили, что русские министры бессмысленные невежи, а Никита Панин по-прежнему

всемогущ. Но в министерстве сейчас заправляют другие люди, особенно активен Александр Безбородко.

– Так проложите к нему пути!

– Уже пытались. Он неподкупен.

Выехав из Петербурга, Николай Румянцев не мог отрешиться от мыслей, которые императрица внушила ему во время их разговора. «Доселе не понимают Германской империи, – размышлял Николай Румянцев по дороге в Берлин, – потому что судят о ней или лица, принадлежашие к ней и, следовательно, заинтересованные, или же французы – плохие наблюдатели, вследствие их суетливости. А Германию нельзя наблюдать без изучения, порой скучного и тяжелого. Немецкие министры засели на конституции своей империи. Заметив здесь какую-то канву республиканской формы, они стали раздувать эту идею: и все возмечтали о себе слишком много, любовь к отечеству выродилась в личный интерес, а личный интересен мелочен. И что же вышло? Вместо широкой идеи явились узкие мыслишки. То, что должно быть трудом министра, стало не более как делом педанта. Французам всюду чудится их Версаль. Они, правда, изучили фюрстов и их министров и получили перевес, но не могут сохранить его, ибо пасуют, как скоро заговорят о германской конституции. Ее трудно постигнуть: нужно изучать ее в книгах и в людях. Это может сделать русский: он посторонний для германских интересов, как француз, но обладает немецким прилежанием и обдуманной настойчивостью… Все, кто провожал меня в Берлин, восхищались прусским королем Фридрихом, хоть ему под семьдесят, но ум и память его просто великолепны, он полководец, он руководитель государства, которое из мелкого герцогства стало одним из крупных европейских государств, и ни одно из европейских решений не обходится без прусского короля. Отважный и хитрый немец, полководец, один из руководителей Семилетней войны, французским владеет лучше, чем немецким, воспитан на французской литературе и философии, переписывался с Вольтером и энциклопедистами… Но каков его итог?»

А чем он сам может похвастаться?

Александр Безбородко писал фельдмаршалу Румянцеву о положении Николая Румянцева в обществе малого двора: «…Быть праздным зрителем мелких сцен придворных или хотя бы актером в них с опасностью для себя никогда не было целью намерений. Он имел в виду всегда достигнуть употребление его к делу и преимущественно в дипломатическом корпусе: к сему он всегда приготовлял себя по склонности к чтениям книг и дел и

содержанием себя в знании про связь в оных… Граф Николай Петрович имеет для него еще два неприятных свойства, первое: что он сын ваш, человека коего славе, сколько он завистлив и исполнен недоброхотства, я могу сам быть наилучшим свидетелем; второе: что он весь исполнен благородных мыслей…» (Письма А.А. Безбородко к графу П.А. Румянцеву. С. 82).

Неожиданно для него самого дурные слухи о Николае Румянцеве, в которых явно проглядывало стремление унизить, стали курсировать в дворцовых кругах. Особенно ярко это проявилось, когда Мария Федоровна стала выделять умного и яркого Николая Петровича. Она часто вызывала графа, давала ему поручения, по исполнении они подолгу разговаривали. Мария Федоровна, родив Александра и Константина, двух наследников русского престола, полностью отдалась наплыву любовных чувств. В «Русском биографическом словаре» скупо говорится об этих чувствах: «…а тем временем, отправляя придворную службу при Дворе великого князя, постепенно приобретал все более и более расположение не только последнего, но и его молодой супруги» (РБС. СПб., 1913. Т. 13. С. 495).

Александр Иванович Тургенев (1784–1845), друг и единомышленник П.Я. Чаадаева и многих известных литературных деятелей, собрал за свою жизнь книгу «Российский двор в XVIII веке», и его потомки опубликовали ее в XIX веке. Свидетельства английских и французских дипломатов в Петербурге в XVIII веке дают объективную и субъективную картину нравов и взаимоотношений в высшем обществе, пишут о русской императрице и главных ее сотрудниках. Вот лишь некоторые документы.

13 февраля 1778 года английский посол господин Гаррис писал в Великобританию: «Я нахожусь здесь еще слишком недолгое время, дабы иметь какое-то определенное мнение касательно персон, составляющих двор и высшее общество. Мне кажется, что для всех классов свойственна излишняя роскошь и не столь высокая нравственность. Низшим присущи лесть и раболепство, а высшим – самонадеянность и высокомерие. Под тонким слоем внешнего блеска и у тех и у других скрыты грубые и невежественные умы. Их развлечения, их жилища, обилие слуг – все сие являет собой зрелище воистину азиатское… Есть основания опасаться, что Потемкин, оба Чернышева и Шувалов полностью преданы политике Франции, но более всего поражает меня у всех них развращенность, легкомыслие и непостоянство в мыслях. Тем не менее именно сии люди, по всей вероятности, будут править после смерти императрицы. Ее репутация,

решительность и сопутствующая ей удача заменяют умелых государственных мужей и опытных генералов. Будем надеяться, что присущий ей здравый рассудок положит конец ее склонности к беспечной жизни и сладострастным развлечениям, каковые, похоже, только возрастают с течением лет… Двор являет собой непередаваемое зрелище распущенности и беспорядка. Годы отнюдь не унимают страстей, напротив, сии последние становятся еще более неистовыми. Глядя с близкого расстояния, я убеждаюсь, что добрые качества императрицы преувеличены, а недостатки сильно смягчены… Насколько могу я судить по собственным своим наблюдениям и тому, что сообщали мне осведомленные и вполне беспристрастные особы, государыня имеет чисто мужеской ум, настойчивость и бесстрашие в достижении задуманного. Но ей недостает других качеств, таковых, как верность суждения и умеренность при благоприятных конъюнктурах. Зато обладает она сверх меры слабостями прекрасного пола, приверженностью к лести и тщеславием. Нежелание слушать и исполнять благие, но неприятные советы и сладострастие ввергают ее в таковые крайности, кои опозорили бы любую женщину независимо от положения ее в обществе…» (*Тургенев А.И.* Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 311–314 и др.).

Принцесса Вюртембергская писала дочери великой княгине Марии Федоровне: «Мне говорили, что Вы вздумали иметь при себе фаворита (un amant) и что выбор пал на молодого графа Румянцева, но это не беспокоило меня, потому что я уверена была в Вашем образе мыслей и в Ваших нравственных правилах. Пренебрежение к нашим обязанностям есть единственное действительное несчастие, которое может постигнуть нас, и пример, который Вы видите перед своими глазами, может только уверить Вас в этой истине, нет ничего более тяжкого и ужасного, как общественное презрение» (*Шумигорский Е.С.* Императрица Мария Федоровна (1759–1828): Ея биография. СПб., 1892. С. 82).

Биограф Виктор Лопатников писал об этом примечательном эпизоде светской жизни: «У молодого камер-юнкера имелись другие, более серьезные основания тяготиться своим положением, тревожиться за свою будущность. Великая княгиня Мария Федоровна стала оказывать ему особые знаки внимания. Пребывать в этой двусмысленной ситуации, чреватой конфликтом и скандалом, Николаю Румянцеву не хватало сил. Не было возможности и условий сохранять отношения в тайне. Двор на разные лады заговорил об этом, да так, что подробности стали известны в Европе, в доме Вюртембергских… Положение фаворита его, наоборот, угнетало, и неспособность устоять перед

чарами властительной дамы угнетала… Это была странная жизнь, тревожная и счастливая, со своими опасностями и восторгами. Когда все это только начиналось, всем им было в пределах двадцати лет: Павлу Петровичу, Марии Федоровне, Николаю Румянцеву, его брату Сергею, Александру и Алексею Куракиным. Если поставить рядом портреты молодых людей, написанных тогда, примерно в одно и то же время, легко предположить, кому могли принадлежать симпатии молодой восемнадцатилетней иностранной особы…» (*Лопатников В.* Канцлер Румянцев. М.: ЖЗЛ, 2010. С. 38–39).

Никакие уговоры графини Екатерины Михайловны Румянцевой, «дамы известной своими достоинствами и честностью», не подействовали на сына, отношения с великой княгиней продолжались.

Екатерина II по-своему решила этот вопрос: Николая Румянцева назначила послом в германские княжества, а Павла Петровича и Марию Федоровну отправила в длительное путешествие по европейским странам. То, что было позволено ей, Екатерине II, не позволено никому более, она вдова, она зрелая, свободная женщина, она может иметь фаворита, возможно и не одного. А Мария Федоровна – законная жена, обойдется тем, что посулили ей высшие силы небесные. Но это лишь на какое-то время отдалило влюбленных.

Фридрих II прибыл из Потсдама в Берлин, с минуты на минуту должен был представиться ему русский посланник Екатерины II. «Странное дело, – думал прусский король, – у Франции есть посланники или резиденты почти во всех важнейших немецких дворах и даже в значительных городах, в Майнце, Кобленце, Бонне, Мюнхене, Касселе, Люттихе, Нюрнберге и Франкфурте; у Великобритании, Голландии и Дании по три или четыре дипломата в различных местах Германии; во Франкфурте или же Майнце, как в средоточиях Германской империи, эти державы, а равно и Австрия с Пруссией, всегда имеют своих посланников. Так уверяли меня все мои министры, а они не станут врать. И сколько раз я говорил Екатерине II, что и ей пора наладить с нами дипломатическую связь…»

В кабинет вошел министр иностранных дел граф Финкенштейн (Гёрцбергер):

– Ваше величество! Граф Румянцев, по донесениям агентов, прибудет сегодня, 1 марта 1782 года.

– Как только прибудет, пусть направляется ко мне. У меня возникло много мыслей по поводу наших дипломатических отношений.

К вечеру Николай Румянцев привел себя в соответствующий

вид, чтобы явиться ко двору, и предстал перед Фридрихом II. На мгновение приостановим развитие событий и процитируем замечательную книгу Дэвида Фрейзера «Фридрих Великий», те страницы, на которых автор излагает взгляды прусского короля на общие темы как раз в это время, 1780-е годы:

«Король писал не только о политике; в трактате по германской литературе, опубликованном в 1780 году, он подверг атаке варварскую, по его мнению, природу немецкого языка. Пренебрежительное отношение к родному языку и его безразличие к немецкой литературе часто было причиной возмущения в Германии – все оставалось по-прежнему, хотя это был период, когда уже творил Гёте. Однако его мысли чаще занимали собственная жизнь и судьба Пруссии, которую ему вскоре предстояло передавать в другие руки. Король уже в 1779 году написал отчет о предшествующих пяти годах, доведя до текущего года рассказ о своем правлении, Histoir de mon Temps, попутно дав характеристику молодому императору Иосифу и включив в текст длинную записку с предупреждением о неизменных амбициях Австрии. В 1782 году он написал отдельный трактат «Размышления о политической ситуации в Европе» (естественно, на французском языке), ставший его политическим завещанием. Он проникнут пессимистическим духом. Если бы правители Пруссии не были решительны и сильны, то их государство исчезло бы с лица земли. Германия вслед за этим стала бы унитарным государством, наподобие Франции и под властью Габсбургов. Суверенные германские монархи исчезли бы. Может, кому-то посчастливится такое увидеть; но для мыслящих по-иному – а к какому разряду относится Пруссия, не вызывает сомнений – какую найти альтернативу? Откуда появятся альянсы для создания противовесов? Если Франция продолжит поддерживать тесные отношения с Австрией, то каков будет выбор? С Англией? Всегда, писал он, ненадежный партнер. С Оттоманской Портой? Возможно, но бесполезно, разве только для нескольких мелких военных диверсий. Если германским государствам будут противостоять союз Австрии – с одобрения Франции – и России, – а когда он писал эти строки, такое казалось наиболее вероятным, то где искать помощи центральноевропейским монархам?

Фридрих сам отвечал на собственный вопрос. В единстве.

И побуждающим мотивом для того, чтобы вновь попытаться добиться германского единства, независимо от мощи Австрии, являлось поведение императора.

Иосиф, энергичный и гордый, с самого вступления на престол продемонстрировал отсутствие понятий реализма и

практичности. Памятным примером этого является его решение попытаться улучшить во всех областях – экономической, социальной, юридической – ситуацию в Австрийских Нидерландах. Там много лет должность имперского губернатора занимал дядя Иосифа, старый и знаменитый противник Фридриха, эрцгерцог Карл Лотарингский. Его правление было мудрым, полезным и популярным. Иосиф же решил, что все еще можно улучшить, и, когда Карл умер, незадолго до смерти Марии-Терезии император назначил на пост губернатора свою сестру, эрцгерцогиню Марию-Кристину. Она намеревалась проводить реформы, которые диктовал император. Во-первых, внутри страны необходимо установить боUльшую религиозную терпимость, это было любимым коньком Иосифа. Некоторые конкретные законы нарушали этот принцип – население, будь то фламандцы или валлоны, было католическим, а существовавшие предрассудки уходили корнями в религиозные войны. Во-вторых, существовал так называемый Договор о границе (Barrier Treaty). В соответствии с ним в некоторых шельдских городах размещали датские гарнизоны, так что торговля Антверпена регулировалась другим государством. Иосиф выступал с заявлением относительно подобного положения вещей, которое он находил устаревшим и неоправданным. Принцесса Оранская, племянница Фридриха, поинтересовалась его мнением.

Точка зрения Фридриха была проста. Император явно считал, что Договор о границе просуществовал достаточно долго. Заинтересованными сторонами в этом вопросе выступают Британия, Голландия и Франция. Британия находилась в состоянии войны с Голландией, начиная с 1780 года, когда по наущению России датчане присоединились к так называемому вооруженному нейтралитету континентальных государств по защите претензий и действий Британии на море. Поэтому датчане могли ожидать помощи с этой стороны. Молодая королева Франции уже произвела на свет наследника престола, так что для Франции влияние Австрии в это время было первостепенным. При наличии враждебно настроенной Британии и Франции, симпатизирующей Австрии, мало что может встать на пути амбиций императора. Фридрих писал, что племянница должна смотреть на вещи реально.

Тем не менее германские монархи, действуя сообща, успешно противостояли Вене. Это была последняя победа Фридриха, прецедент, которому Пруссия положила начало, некоторое подобие объединенной Германии» (*Фрейзер Д.* Фридрих Великий. М., 2003. С. 580–585).

Весь берлинский двор собрался посмотреть, как будет

происходить представление русского посланника. Конечно, граф Николай Петрович помнил фразу, которую не единожды он слышал от берлинских дипломатов в Петербурге, король любил повторять: «Среди грохота сражений я не научился искусству скрывать мысли. Наивная правда, сокровенная мысль моих мыслей проглядывает в словах и таится на кончике моего пера».

– Ваше величество! – сказал граф Румянцев. – Русская императрица оказала мне честь предстать перед вами в качестве посланника государства Российского! Внешняя политика резко изменилась, появились новые обстоятельства после Баварского дела и Тешенского мира. Немецкие князья вновь почувствовали себя самостоятельными под покровительством ее императорского величества, а мне надлежит поддержать соблюдение германской конституции.

– Ваше сиятельство, граф Румянцев! С ее величеством Екатериной Алексеевной мы давно говорили о дипломатической службе в Германской империи. У нас четырнадцать княжеств, герцогств, фюрств, порой возникают небывалые противоречия между ними, нужна умиротворенность в наших имперских владениях. Австрийский император молод, горяч в своих приобретательских решениях, Пруссия и Россия несколько убавили его в горячности, поставили его на место. Русский посланник в Германии предназначается для того, чтобы сохранять оборонительный союз между Пруссией и главными государствами Германии под покровительством русского двора, и граф Панин давно работает в этом направлении.

– Ваше величество, – не удержался Николай Румянцев, – внешняя политика России, повторяю, резко изменилась, граф Панин очень болен и, в сущности, отошел от управления внешней политикой, внешней политикой управляет сама императрица, а помогают ей ее секретари Александр Безбородко, Марков, Бакунин. А в сентябре 1781 года ее величество Екатерина Алексеевна попросила графа Панина сдать дела вице-президенту Коллегии иностранных дел Ивану Андреевичу Остерману, сыну министра великого Петра I. Так что, ваше величество, граф Панин ничего не делает из того, что вы здесь сформулировали. Императрица дала мне инструкцию поведения в Германской империи, у меня есть проект договора с Австрией, который я в самое ближайшее время вручу австрийскому императору. Русские интересы больше связаны с югом Европы, у нас не закончено еще урегулирование отношений с Турцией, отец, фельдмаршал Румянцев, говорил, что Крым – это бывшее русское княжество… И русский посланник в Германии вовсе не должен оберегать оборонительный союз Пруссии с германскими княжествами, у

России своя особая роль в германских княжествах.

«Нельзя не заметить, что самому Румянцеву очень скоро не понравилась немецкая среда, в которой должна была протекать его дипломатическая деятельность, – писал биограф семейства Румянцевых П. Майков. – Он уже в 1783 году писал графу Безбородко, а также и отцу своему, что чувствует, «сколь недобровольное есть мое от отечества временное отлучение, что вы, вероятно, доставите мне одно из тех двух мест, которые мне занимать приличнее того, в котором ныне нахожусь; что пост мой маловажный, имеет не весьма пространное поле для радения к службе Ея Величества, на котором принужден прилагать самый большой труд. Если человек с некоторою способностью к делам долго здесь пробудет, то он оную способность в себе истребит» (Русский биографический словарь. СПб., 1910. Т. 15. С. 496).

У графа Румянцева в его канцелярии не было даже секретаря, чтобы переписывать бумаги, ему приходилось не только писать черновик, но и переписывать и набело. А готовить бумаг приходилось много: Екатерине II, графу Безбородко, отцу, писать обо всем, о своих визитах, о своих разговорах, о мелких и крупных событиях, о принцах и князьях, о министрах и всех лицах, которые принимали участие в германских делах. Напишет подробно, потом прочитает, и все покажется таким мелким и ничтожным, не имеющим никакого интереса для России…

В 1781 году Иосиф II по-своему решил голландский вопрос, приказав срыть все голландские крепости, возведенные еще по Утрехтскому миру в 1713 году в борьбе за испанское наследство в устье реки Шельды (австрийцы платили своего рода дань голландцам за то, что они стояли на пути французов, если бы те захотели вторгнуться в Австрию). Иосиф II вел агрессивную политику против Нидерландов, потом решил отдать Австрийские Нидерланды за Баварию и вел по этому поводу с курфюрстом Баварским Карлом-Теодором и его наследником Карлом переговоры, суля вдобавок к Австрийским Нидерландам полмиллиона гульденов. Но вскоре выяснилось, что еще в XIV веке было заключено соглашение никому не уступать Баварию, также и никакому обмену Бавария подлежать не может.

Румянцев подробно описывал весь ход дипломатических переговоров, потратив на это «30 больших листов в донесении Екатерине II». Три недели граф Румянцев вел переговоры с герцогом Цвейбрюкенским, но вскоре разговоры об обмене земель прекратились. Голландия тоже не дремала, получив строгие указания Иосифа II. Франция дала понять, что она поддерживает притязания Голландии. Вновь разгорался спор, шедший с давних времен, Иосифу пришлось удовлетвориться в этих притязаниях

малым: он получил вознаграждение за военные издержки и отмену барьер-трактата.

Николай Румянцев, не придававший этому спору никакого значения, сразу почувствовал, что Иосиф II проиграл не только политическую битву с Голландией, он много потерял и в нравственном отношении, утратив свое значение среди немецких князей и курфюрстов. Пруссия во главе с Фридрихом II стала играть большую роль в решении не только немецких, но и европейских дел. Фридрих предложил создать Союз князей под руководством Пруссии, начал вести переговоры с крупными и влиятельными князьями, которые с неохотой вроде бы одобряли эту идею, но к конкретным делам так и не приступали. В Петербурге, получив донесение Румянцева, сразу поняли, что этот союз направлен против Австрии и России. Но пока согласились в нем участвовать лишь мелкие князья, у которых не было ни вооружения, ни финансов.

Румянцев, получив указания из Петербурга, в разговорах с герцогами и князьями Баварии, Вюртемберга и Касселя пытался противостоять прусским агентам, которые уговаривали их вступить в лигу. Некоторых удалось уговорить и подписать соответствующие договоры, затем и слабые князья потянулись за сильными.

«Слабые всегда следуют за сильными», – думал Николай Румянцев, наблюдая, как на его глазах создается Союз князей. Но против этого союза выступили курфюрст Баварский, герцоги Ольденбургский и Вюртембергский, а без них союз стал значительно слабее, чем предполагал прусский король Фридрих II. Но дни Фридриха II были уже сочтены, он успел только порадоваться созданному союзу, но практических действий союза не осуществил, 6 августа 1786 он скончался.

Взошедший на прусский престол его племянник Фридрих-Вильгельм II сразу выступил за укрепление союза. И Николай Румянцев увидел, как участились разъезды и контакты прусских агентов, которые стремились увеличить количество князей в союзе, и на первых порах у них получалось: герцоги Мекленбург-Шверина и Стрелица вступили в союз, несмотря на старания Николая Румянцева отвлечь их от этого шага.

Однако самолюбивые и гордые князья и герцоги, вошедшие в союз, сразу почувствовали себя ущемленными. Ограниченные в своих правах, они, привыкшие к абсолютной власти в своих княжествах, ощущали неудобство от новых правил, возникли раздоры по самым мелким вопросам, появилась зависть; эгоисты по природе, они не могли долго существовать в союзе, и вскоре почти все к нему охладели.

2. Монбельяр

30 марта Николай Румянцев был торжественно принят в Вене, имел продолжительный разговор с австрийским императором Иосифом II; долго говорили о Цвейбрюкенском деле, обедал с императором в Лаксенбурге.

Проект договора с Австрией Николай Петрович показал сначала князю Дмитрию Голицыну, затем вместе представили его императору. Когда все детали были обсуждены, возникла дипломатическая формальность, называемая альтернативой. По обычаю, на одном из экземпляров, в заголовке и в подписи, первым стояло имя правителя одной из договаривающихся сторон, на другом – имя другого. Иосиф II потребовал, чтобы на обоих экземплярах его имя стояло первым. Иосиф II был уверен, что именно на Западе сформировался давний обычай, который Россия еще не усвоила, как страна молодая.

Сведущие историки сообщают много любопытного по поводу споров об этикете: «Эпоха Просвещения, – писал А. Трачевский, – разбившая много основных предрассудков, поколебавшая алтари и троны, не коснулась заповедной области дипломатических суеверий. Последние процветали повсюду. В архивских бумагах того времени часто переписка о важнейших делах прерывается жалобами и разбирательствами обид, нанесенных дипломатами друг другу на официальных обедах, придворных балах и т. д. Подобного рода споры были особенно комичны при маленьких дворах, где они доходили до крайнего ожесточения, вследствие пустоты жизни, так как фюрст считал соблюдение этикета своей высшею государственною обязанностью и доходил тут до педантизма, от которого сам страдал больше всех. Наиболее щекотливыми дипломатами считались французские, русские и австрийские. Можно составить целую книгу из анекдотов об этикетных спорах между ними. Особенно горячились тогда французы, у которых русские осмелились оспаривать древнее первенство. Они просто захватывали первые места. В Лондоне однажды из-за этого французский посланник вызвал на дуэль русского, а в Петербурге Сегюр заставил министров переменить, на их конференциях с иностранными послами, четырехугольный стол на круглый. Русские дипломаты также отстаивали энергически стремление своей государыни к нынешнему первенству… Екатерина часто доказывала на деле, как она дорожила своим правилом, и с редкою настойчивостью следила за своей международною честью. Оттого-то на Западе называли ее тщеславною, и в этих вопросах обращались с нею крайне осторожно. Особенно была щекотлива она в сношениях с венским

двором, который играл первую роль в вопросе о рангах…»

Спор длился шесть недель, было исписано много бумаги, и Кауниц почти каждый день вел бесплодные разговоры с Голицыным. Наконец, это «местничество в титулатуре государей» или «гордиевы узлы форм и фигур», как выражалась Екатерина, были уничтожены ее изобретательностью. Иосиф согласился на ее предложение составить трактат в виде писем, которыми они должны были обменяться. Он даже весьма обрадовался этой форме, которая давала ему возможность скрыть дело и «правдиво говорить союзным и другим дворам, что предложенный трактат не состоялся». Екатерина, в свою очередь, приказала и своим дипломатам уверять всех, что союз не состоялся, «вследствие препятствий относительно церемониала». Трактат был подписан в мае 1781 года, в котором секретнейшая статья гласила, что в случае войны с Турцией Австрия должна выставить «одинаковое с нею (Россией) количество сухопутных и морских сил и не смела мириться с султаном отдельно».

Граф Румянцев поехал в Аугсбург, затем в Мюнхен, где познакомился с курфюрстом Баварским. И затем прибыл во Франкфурт-на-Майне, познакомился со своей убогой канцелярией, занялся приведением ее в надлежащий вид.

«Он вскоре получил известие, что наследник Русского престола с супругою, совершая путешествие по Европе под именем графа и графини Северных, должны на днях прибыть во Франкфурт. Это побудило Румянцева выехать им на встречу в Люттих и сопровождать их в поездке чрез Спа в Аахен и Франкфурт и состоять при Их высочествах во время пребывания их в этом городе, а после сопровождать Их высочества через Дармштадт в Монбельяр, а затем также к Штутгартскому двору» (РБС. Т. 16. С. 496).

«В Монбельяре они могли отдохнуть от этикета, – писал П. Моран в книге «Павел I до восшествия на престол» (М., 1912). – Они прибыли туда в конце июля. Обитатели небольшого вюртембергского двора и гости проливали радостные слезы и заключали друг друга в объятия. В этюпских садах состоялись восхитительные прогулки; памятники попадались на каждом шагу; небольшие храмы, скрытые в зелени, каменная скамья, дерево вызывали воспоминания, излияния. В память об этих прекрасных днях в середине парка воздвигли жертвенник и вырезали на нем очень чувствительные стихи».

У немецких князей часто проявлялась чувствительность сердца и быть растроганным не считалось обидным. Павел испытал эту сентиментальную чувствительность, которая проникала во двор Монбельяра. «Вот уже неделя, как мы живем

семейной жизнью, – писал он графу Румянцеву, – то, что я испытываю, совершенно ново для меня. Это счастье, источник которого – сердце, а не рассудок» (*Шумигорский*. С. 228; РА. Т. 11. С. 28).

В это время Николай Румянцев был приглашен в Монбельяр, прошелся по всем очаровательным местам этого прекрасного парка, любовался цветами вместе с Марией Федоровной, которая находила места, скрывавшие их надолго. Здесь Мария Федоровна полностью была покорена обаянием графа Румянцева. Она была сдержана, понимая свое высокое положение в свете, но в Этюпе у нее были такие уголки, которые хранили даже ее детские тайны. Граф Румянцев не скрывал своих чувств, давно, еще в Петербурге и в садах Царского Села, граф признался в своих чувствах, но многие обстоятельства сдерживали их взаимную тягу друг к другу, а теперь – совсем другое дело. Они надолго оставались одни в уютном убежище, сопротивление было минимальным.

Это происходило чаще всего тогда, когда великий князь отсутствовал по делам. Он ничего не замечал, потому что великая княгиня и с ним была по-прежнему ласкова и терпелива, несмотря на полную антипатию к великому князю, оказавшемуся некрасивым и малого роста, что несколько лет тому назад она совершенно не замечала. Точнее, замечала, но блеск нового положения в обществе на какое-то время закрывал от нее реальность. А тут…

В январе 1783 года Павел Петрович и Мария Федоровна приехали в Штутгарт, а вместе с ними вся придворная обслуга, в том числе и Николай Румянцев. Для встречи почетных гостей съехалась чуть ли не вся германская княжеская рать, испытывая «особливую преданность к их императорским высочествам».

Во время длительного путешествия великокняжеской четы граф Румянцев порой сопровождал их, бывали и свидания с Марией Федоровной наедине, когда великий князь, увлеченный международными проблемами, беседовал с высокими деятелями, всякое бывало, но об этом не осталось никаких документальных свидетельств. Только письма Марии Федоровны графу Николаю Румянцеву, в которых она не скрывает своих чувств; ведь она вовсе не предполагала, что эти письма сохранятся для публикации.

Исследователи и биографы Т.А. Соловьева и В.А. Лопатников впервые опубликовали эти письма (Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII – XXI вв. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2007).

«Я воспользовалась днем отдыха, чтобы выразить, господин граф, то удовольствие, которое доставило мне Ваше письмо, –

писала Мария Федоровна Н.П. Румянцеву 5 мая 1782 года. – Оно имело бы еще больше преимуществ, если бы я не заметила в нем несколько придворную речь, так как, прочитав более внимательно это письмо, убеждаешься, что начало его – это комплимент, середина – комплимент и конец – комплимент. Вы знаете мой почерк, господин граф, и знаете также, что я люблю немного покритиковать, но совсем безобидно, что является для меня, как я полагаю, прекрасным качеством.

В следующий раз, если Вы еще окажете мне честь написать письмо, я рекомендую больше простоты, но я совсем не права, рекомендуя Вам отдаление от помпезного немецкого двора. Вы поразмышляйте об этом сами. Меня значительно больше интересуют Ваши письма к Вашей бабушке. Я очень рада, что Вы предоставили мне возможность с ними познакомиться. Мне доставляет особое удовольствие Ваша привязанность к маме. В (имя неразборчиво) Вас приветствует и хотела бы, чтобы Вы освободили ее от стыдливости признаться Вам в своих чувствах, которые она к Вам питает. Друг, влюбленный до потери таланта. Это все о мадам С. (неразборчиво)».

На самом деле я совершаю ошибку, не извлекая из этого выгоду. Я заканчиваю эти строки уверениями в моем огромном уважении. Ваша очень любящая *Мария*» (ОР РНБ. Ф. 655 (пер. с фр. яз. – Н.П. Квирквелия).

«Я Вам пишу несколько строк, – писала Мария Федоровна 18 сентября 1783 года из Зимнего дворца, – господин граф, чтобы сообщить Вам новости о нашем дорогом маршале Салисьене, который оправился от болезни, но в течение нескольких дней он доставлял нам много волнений, но я всегда надеялась, что он поправится.

Ваш брат приехал помолодевшим и посвежевшим (но без хороших манер, что делает его стеснительным).

Мы находимся здесь с пятницы и ломаем головы: куда пойти и чем заняться… и поскольку здесь мы находим только нашу комнату, нам грустно.

Ваша очень любящая *Мария*.

P. S. Великая княжна Александра становится красивой, как ангел. Она проявляет хороший уступчивый характер, никогда не плачет и всегда весела. Наконец, она приветствует Папу и Маму» (своего мужа она всегда называла «великий князь». – *В. П.*).

«Господин граф! – писала Мария Федоровна графу Румянцеву 25 октября 5 ноября 1784 года. – Обычно говорят, что Луна и Планеты мало влияют на наше сознание, большое преимущество имеет Солнце, что воображение обостряется большим ветром и что по принципу противоположности становится немного

красивее, чем обычно.

Сейчас земля серая, влажная, и я с трудом заметила дневной свет. Вот настоящая картина сегодняшнего неба. <…>

Я познала цену Вашего отношения, и я преподношу Вам свой комплимент с пожеланиями поступать так почаще. Вы очарованы Н. и К. Я Вас прошу принять во внимание, что тот, кто способен на большие дела и вдруг на самые ничтожные, и это в тот момент, когда он кажется обманутым самим собою, он очень близок к падению. Вот почему, господин граф, я бесконечно люблю заурядное. Я не позволяю себе скучать, чтобы никогда не опускаться. Такое поведение, если оно не содержит в себе ничего грубого, имеет нечто солидное, то есть то, что является для меня самым лучшим…

Мы имеем честь сказать Вам, что у Вас есть друзья, на которых Вы можете рассчитывать. После этих уверений мне остается только назвать себя Вашей любящей *Марией*».

Из Павловска в письме от 5 (16) мая 1785 года: «Господин граф. Я льщу себя надеждой, что Вы найдете большую заслугу в моих письмах: то, что они у меня редкие, и, следовательно, их прочтение Вам редко докучает. Вы скажете, что это поведение остроумной женщины, которая, не умея дать ни малейшего интереса своей переписке, обладает хотя бы достаточно здравым смыслом для того, чтобы это почувствовать. Мне всегда приятно получать Ваши письма, господин граф, хотя, как всегда, я их иногда критикую, я Вам даже открыто скажу, что наслаждение возможности их критиковать даже добавляет к наслаждению их получать. Например, когда я нахожу очень красивое выражение в Вашем письме, мне всегда приходит в голову мысль, что друг Монтень Вам его подсказал, и когда Вы уверяете каноника Энена, что Вы не знаете, где расположен Ваш живот, то мне думается, что Вы проявляете недостаток знания о себе и о своих недугах, который не естественный и даже не должен был бы существовать: следовательно, господин граф, если Вы не хотите попасть под такие упреки, я Вам советую как друг поехать в Маен к старому Гофману (неразб.), рассказать ему подробно обо всех Ваших недомоганиях, просить у него совета и, главное, действовать по его советам. У Вас от этого будет двойное преимущество, во-первых, Вы немножко лучше будете знать анатомию, и, во-вторых, Вы вылечитесь от всех своих недугов, что я искренне желаю, так же как и наш великий князь, который Вас уверяет о своей дружбе и памяти о Вас. Хотя моей дочери Марии уже исполнилось три месяца вчера, и благодарить Вас за поздравления о рождении после столь долгого времени звучит как подать горчицу после ужина, я Вас тем более прошу принять (мою?) благодарность. Мое

здоровье действительно пострадало от этого похода, который был трудный, мне трудно было поправиться, но деревенский воздух чудесно действует. Ваша любящая *Мария*» (Там же. Пер. с фр. яз. – Мод Мобияр).

В письме от 4 (15) декабря 1785 года Мария Федоровна писала:

«Господин граф: я Вам сегодня скажу только в двух словах, что мама была восхищена ужином, который Вы ей дали, что она говорит, что там веселилась как нельзя лучше и что, наконец, она благодарна тем вниманием, которое Вы постоянно к ней проявляете. Вы очень хорошо знаете о моей чрезвычайной нежности к моей доброй и нежной матери и поймете, как я могу оценить все доказательства привязанности, которые Вы ей даете и которые Вам дают новое и действующее право к моей благодарности и к тому чувству уважения, с которым я [остаюсь].

Ваша очень любящая *Мария*» (Там же. Пер. с фр. яз. – Мод Мобияр).

«Сегодня утром проснулась и полчаса вспоминала бал… Нежная привязанность, которую Вы испытываете ко мне, вызывает ответные чувства» (Там же).

Большой интерес вызывает письмо Павла Петровича графу Николаю Румянцеву, написанное в те же годы: «Я Вас очень ценю и чувствую, что Ваше признание происходит от сердца настолько, что никакая осторожность меня не удержит. Недавно я говорил кое с кем и пришел к выводу, что нужна другая эпоха, чтобы хорошо жить такому, каков я есть, так как я далек от безразличия, потому что это очень грустное занятие.

Мы блуждаем Бог знает где. Я нахожусь здесь с прошлой пятницы, если Вас это может заинтересовать. Завтра исполняется ровно год с того дня, как мы расстались, но мне кажется, что наша дружба останется такой же крепкой. Мой друг, может, спастись бегством?

Любите немного вашего друга. *Павел*».

3. Европейские противоречия

Румянцев был аккредитован в конце 1781 года при трех духовных курфюрстах и при пяти имперских округах, именно юго-западных – верхнерейнском, нижнерейнском, швабском, франконском и вестфальском. Имел верительные грамоты к владельцам Вюртемберга, Цвейбрюкена, Бадена, Аншпаха и обоих Гессенов.

12 (23) декабря 1783 года Николай Румянцев писал Екатерине II: «Прусский король весьма недоволен своим положением. Сближение двух императорских дворов (России и Австрии. – *В. П.*) почитает он для себя опасным, и готов бы был с Россиею союз порвать, но нигде таковой потере замены не находит. В Англии склонности не видит, а с Франциею тесного сближения опасается, почитая сию державу совсем расстроенною в казенной ее части, рассуждая притом, что не можно ему на твердый союз надеяться с государством, в котором австрийского дома королева большую инфлюенцию имеет, где министерство часто переменяется, и что таковой союз вреден; наконец, и потому, что, по истечении недолгого отдохновения, Англия, конечно, Франции войну объявит для возвращения потерянной славы и мощи. Остаются северные державы, но сделанные о том слегка попытки были без успеха, и король уведомлен, что будто бы при свидании вашего императорского величества с королем шведским говорено было о фамильном в севере трактате, опасаются, сказывают мне, чтоб такое намерение, исполняясь, не прибавило весу в пользу двух императорских дворов». Фридрих решился «остаться при собственной своей силе, умножая свои войска весной за 30 тысяч». Он решился «ждать, удовольствуясь заявлением Испании и надеясь на Сардинию, Венецию и часть самых мощных в Германии владетелей, что они пристанут к войне при нарушении равновесия». Еще об одной детали в германской жизни сообщает Румянцев Екатерине II в апреле 1786 года: «Английский король личное и особливое к германским делам прилепление оказывает, желая частые и подробные получать известия о всяких до здешнего края касающихся мелочах. Ганноверский кабинет, лаская сей страсти, почти еженедельно отправляет к нему курьеров. Понятно, что в Англии народ и министерство осуждали короля за творимые им поступки в качестве ганноверского курфюрста».

Фридрих II никак не мог понять крутых изменений в европейской политике. Только вчера Екатерина II уверяла его в союзническом долге, а сейчас отказывается от союза?

Недоумевая, он спрашивал графа Гёрца и других дворцовых приближенных: «Никак не могу понять: я в союзе с Россией или нет?» Льстивые голоса раздавались в ответ на этот язвительный вопрос: «Да, все еще продолжают уверять в этом». В итоге Фридрих приходил к странному выводу. «Чего, кроме химер и невозможных предложений, ожидать от головы фантастической женщины!» – говорил он о российской императрице.

А между тем союз между Россией и Австрией уже существовал.

В июне 1782 года начались волнения в Крыму. 5 сентября 1782 года Екатерина II известила князя Голицына о том, что преданный России хан Шагин-Гирей под давлением Порты и под давлением дипломатических ухищрений изменил российской императрице и подлежит изгнанию из Крыма, а тамошний край должен перейти совсем в другое состояние – стать русской провинцией. Иосиф II тут же сообщил императрице, что он готов служить «своей императрице, своему другу, своей союзнице, своей героине». Это было благоприятное известие: дальнейшая судьба Крыма уже почти полностью зависела от сложившихся обстоятельств и ее собственного решения.

«Если бы империя была единой, как пишут, то она держалась бы сама собой, – писал Николай Румянцев Остерману 19 (30) июня 1785 года. – Но она разъединена, и поэтому ее существование зависит от соседних держав. Все великие монархии заинтересованы в ее неприкосновенности из чувства самосохранения. Это политическая пустыня, которую они должны стараться сохранять под паром… Германия – род *республики*, погруженной в анархию… При спорах и в законах, и в примерах можно многое найти и за, и против… В Германии, особенно на этих сценках (т. е. у мелких князей), где никогда не обсуждаются дела, а между тем господствует дух вечной хлопотливости, политика неизбежно превращается в сплетни, и россказни да пересуды заменяют мысль и доводы…» Хорошей характеристикой этой среды служит страх, испытанный Румянцевым при получении из Петербурга верительной грамоты к Верхне-рейнскому округу на имя «курфюрста Майнского». Он опасался истории, потому что нужно было прибавить имя «епископа Вормского», так как директорство верхне-рейнского округа было связано с этим званием, а не с курфюрстским достоинством. «Ваше сиятельство, – писал он Остерману, себе представить не можете, до какой крайности к мелочам и к обрядам, издавна принятым, чины Германской империи привязанность имеют».

«Не должно, – писал он в Петербург, – вмешиваться в кучу внутренних связей и раздоров Германии; нужно следить только за

императором… Я держал себя ни пруссаком, ни австрийцем. Я старался заслужить уважение всех князей, причем помнил о достоинстве своей роли, возвышался над их мелкими спорами и не принимал участия в их сплетнях: поэтому-то Гогенфельс говорил, что я был – сама беззаботность в делах… Я выказывал не страх, а вид, что мои уверения – милость императрицы, которую должно заслужить… Я посещаю часто только князей, которых уважение и благоговение к императрице известны». «Нет ничего наглее слабых, когда делают вид, что боятся их, и ничего малодушнее, когда их ценят по достоинству». Безраздельна была радость Румянцева, когда ему удалось сделать строгий выговор герцогу Цвейбрюкенскому, как своему подчиненному. «Я окончил удачно мою миссию, – писал он Остерману. – Даже бранящие Вену хвалят Россию, которая ловко воспользовалась случаем, чтобы торжественно заявить себя в Германии в качестве поруки за конституцию – роль, которую прежде, быть может, могли оспаривать у нее, а отныне это уже будет трудно, ибо она только что представила громкое свидетельство своего значения, в минуту, когда Швеция молчала, а Франция лишь бормотала сквозь зубы» (Остерману 15 (26) февраля, 19 (30) июня, 3 (14) октября и 19 (30) ноября 1785 года).

«Поведение Румянцева в Германии и тон его речей и бумаг свидетельствуют о несоответствии между человеком и местом, – писал исследователь А. Трачевский. – Поставленный в мелкую среду, презирая жалкий мирок фюрстов, Румянцев сам втягивался в его тину, принимал к сердцу придворные успехи и неудачи в каком-нибудь Цвейбрюкене, старался добраться до семейных тайн фюрстов, разъезжал по мелким дворам, суетился. Любя рассуждать о политическом горизонте и широкой политике, он часто видел только ближайшую связь между окружавшими его событиями и преувеличивал их значение. Ему казалось, что его «миссия очень обширна, а время полно тревог, очаг которых здесь, в Германии» (Р. Остерману 19 (30) июня 1785 года). Высокомерный тон провинциала и дух сплетни проскальзывали в депешах Румянцева, и Остерман принужден был делать ему замечания за заносчивость.

Но Румянцев грешил не скудостью сведений, а излишним усердием. Он любил много писать и не скупился на образы и идеи. Часто извиняясь перед Остерманом за длинноту своих донесений, он однако собирался еще «приняться за картину, которую давно обдумывал – начертить портреты принцев, их министров и людей, имеющих малейшее влияние в империи». Следовательно, Екатерина не ошиблась в выборе. Она видела теперь собственными, а не прусскими глазами все мелочи

германских дел. Еще менее она ошиблась в патриотизме своего агента в Германии. Румянцев вполне отличался теми свойствами ее сотрудников, за которые их отчасти ненавидели, отчасти боялись. Он «екатеринствовал», как говорили тогда, то есть горячо любил Россию, гордился ею, дорожил ее славой. Он служил так самоотверженно и неподкупно, как вообще умели служить екатерининцы, и старые, и молодые, счастливые сливать преданность к государыне с национальным чувством. Соблюдая честь России, Румянцев доходил до запальчивости, держал себя высокомерно и ссорился с другими посланниками из-за всякой мелочи придворного этикета, желая взять верх над ними. Он так усердно следил за интересами своего отечества, что его ненавидели все друзья Пруссии, а Фридрих не мог говорить о нем равнодушно и называл его «дьяволом, бешеным» (*Трачевский А*. С. 71).

На старости лет Фридриху II сыпались сюрприз за сюрпризами. То с Австрией недоразумение, то с мелкими немецкими князьями, то с Екатериной II, которая по-прежнему уверяла его в том, что у них прежние дружеские отношения. Он чувствовал себя уставшим, павшим нравственно, он ни во что не мог вмешиваться из-за боязни потерпеть поражение. Он чувствовал, что сейчас главный вопрос – Турция, его агенты сообщают ему, что русские и австрийские министры усиленно пробивают турецкую проблему. Будет Россия воевать с Турцией за Крым или не будет, он этого не знает. Он не только сам не участвует в процессе решения восточного вопроса, но и парализовал действия Франции, которая всегда горячо поддерживала Турцию. Но Франция решает американские вопросы. Фридрих II знал, что французский министр Вержен прямо заявил посланнику в России графу Сегюру, что, пока жива Екатерина, не быть приязни между Россией и Францией (*Сегюр*. 2, С. 261–265). Крым – лишь первая остановка на пути к захвату Черного моря. Северный колосс продолжит свои военные действия, пора установить союз Австрии, Франции и Пруссии на пути русских войск. Но этот союз несбыточен. Так что надежды об этом союзе неутешительны. Однако Вержен был настойчив и продолжал предлагать Версалю и Берлину соединить свои вооруженные силы и выступить против Екатерины. В то же время императрица известила Фридриха, что «если версальский двор после того, как Россия не воспрепятствовала ему лишить Англию колоний, вздумает возражать против того, что делает теперь она, то ему будет худо». Также и венский двор оскорбился предложением Вержена, и крайнее раздражение выразилось в

письме Иосифа к его сестре Марии-Антуанетте, а также в депеше Кауница к французскому министру. Император угрожал Версалю готовыми к бою войсками Австрии и России, а его канцлер требовал от Франции и ее друзей «оставаться спокойными, если они хотят, чтобы Порта избежала еще большего несчастья, угрожающего ей». В то же время в Версале узнали, что Англия радостно предложила Екатерине послать Порте внушение, чтобы та не противилась присоединению Крыма, и высказала положительное желание вступить с Россией в союз.

Но не Англия, а Фридрих был главной причиной неудачи Франции. Когда Екатерина известила его о своем решении присоединить Крым, будто бы «полезном и для союзников России, к которым она всегда причисляла его», он выразил свою радость; его удивляла только Порта, «которая была, казалось, так уступчива относительно России». И прусские дипломаты старались уверить самих себя в полезности для них присоединения Крыма, тогда как сам Фридрих сознавался, что смолчал тогда только из страха и желая спасти Турцию от еще худшей участи, уже уготованной ей Екатериной. Прусский король отвечал Вержену на союзные предложения: «Я готов делать с Францией все, что только приятно моей главной и первой союзнице, русской императрице».

Так был решен крымский вопрос, и вскоре французский же курьер проехал через Вену в Константинополь, «с добрыми усложностями нашему двору», по словам Голицына. За ними последовал английский курьер. Со всех сторон стекались внушения Порте оставаться спокойною, ввиду присоединения Крыма к России» (*Трачевский А*. С. 108–109).

Узнав о том, что граф Сергей Румянцев праздно и бездельно путешествует, императрица Екатерина приказала ему явиться в Петербург не позднее февраля 1786 года. Графа отыскали в Париже. Он немедленно собрался и в самом начале февраля прибыл в Петербург.

Екатерина Алексеевна тут же приняла его в своем рабочем кабинете.

– Пока вы отсутствовали в Петербурге, в мире произошли кое-какие события, о которых вам надобно знать. Я вас назначаю послом в Берлин, князь Долгорукий мне понадобится для других дел. То, что делает ваш брат Николай Румянцев среди германских князей, вы, должно быть, знаете, а вот Берлин крепко стоял против Петербурга и Вены, агенты Берлина господствовали в германских княжествах и герцогствах. Они сумели создать лигу Союза князей, которая пока бездействует, но вдруг, неожиданно

для нас, может показать свою силу. Говорят даже о том, что все княжеские войска союза подчиняются берлинскому командованию. Так что вам предстоит все это осторожно разузнать. Вы получите рескрипт и инструкцию, которые предназначены к наставлению нашего посланника в Берлине. Вам немало предстоит узнать о планах Берлина и германских княжеств. Возрастающее могущество Пруссии опасно, и нужно изыскать средства противодействовать этому… В Польше, Курляндии и в ряде германских княжеств у нас есть влияние. Естественное положение земель прусского короля необходимо должно возбуждать в нем и в его преемниках желание расширить свои границы, Фридрих II за свою жизнь увеличил свою территорию почти вдвое, так что дружба Пруссии и России – явление временное и зависит от обстоятельств. Никто не может поручиться за позицию Берлина, когда Оттоманская Порта нападет на нас, вполне возможно, что Берлин и Вена могут объединиться в поисках выгоды для своих государств. А при нашем союзе с Австрией Россия может спокойно готовиться к войне с Портой. Союз с прусским королем не так выгоден нам, как союз с австрийским двором. В силу естественного положения своих земель Австрия должна преимущественно обращать свое внимание и бдительность на Оттоманскую Порту, на прусского короля, на Францию, ибо каждая из этих держав может напасть на нее. А прусский король подвергается такой опасности лишь с двух сторон – именно со стороны Австрии и со стороны России – через Курляндию и Польшу. Не вытекает ли ясно отсюда, что берлинскому двору нужнее, чем венскому, проводить свое влияние в Польше и утверждать его, по обстоятельствам, если не в ущерб России, то во всяком случае независимо от нее?

4 мая 1786 года был сформулирован рескрипт Екатерины II. «Всякое политическое явление или действие нами и министерством нашим долженствует уважаемо и соображаемо быть, не частно на одно место и время, но в общей связи обстоятельств, дел и видов по разным другим частям», – повелевалось в рескрипте.

Любопытный диалог приводит в своих воспоминаниях граф Сегюр, действующие лица которого – Екатерина, Остерман, Сегюр, Потемкин – беседуют об обидах, претерпеваемых Россией от Версаля и Версалем от России:

Екатерина. Вы, французы, все представляете во мне завоевательные стремления, между тем как я искренно и по важным причинам отказалась от всяких земельных приобретений. Я только и желаю, что мира. Спокойствию Европы угрожает один мятежный дух турок и пруссаков. И при всем том мне не

доверяют, а им покровительствуют!.. Вы не хотите, чтобы я изгнала ваших деток, турок, из моего соседства. Да, это у вас милые воспитанники, это – ученики, которые делают вам честь. Представьте себе, что у вас в Пьемонте или в Испании подобные соседи, которые из года в год доставляли бы вам заразу и голод, убивали бы и пленили у вас тысяч двадцать народу в год: сочли ли бы вы хорошим, если бы я взяла их под свое покровительство? Я думаю, что вот тогда-то вы приняли бы меня за варварку.

Сегюр не смел отвечать горячо императрице на такие речи; но он не давал спуску ее министрам, которые, в свою очередь, не щадили его.

Остерман. Для всех очевидно, как Версаль дает советы Порте, учит ее, вооружает, подстрекает.

Сегюр. Версаль старается только останавливать тех, которые хотят возвеличиться и возмущают мир Европы.

Потемкин. Как это вы, французы, народ такой блестящий, просвещенный, любезный, упорно объявляете себя покровителями варварства и чумы? Подумайте! Что бы вы сказали, если б наше правительство помешало вам выгнать соседей, которые каждогодно угрожали бы вам набегами, заразой, грабежом и пленением сотен христиан?

Сегюр. Точно такое же зло – честолюбие и жажда завоеваний.

Потемкин. Моя система – когда я вижу, что беспокойный враг делает грозные приготовления, предупредить его, броситься на него и ослабить его по крайней мере на двадцать лет… Но проекты, которые приписывают нам, чистые химеры. Меня просто считают поджигателем. Если б вам вздумалось разрушить Порту, то есть безрассудно потрясти Европу, то уж мы бы постарались согласиться с Францией. Но мы теперь ничего не желаем, кроме мира. Я готов дать вам расписку, что мы не нападем на турок; но если они нападут, так уж мы двинем наше оружие как можно дальше.

Сегюр. Да, не только ваши тайные агенты, но и ваши консулы в Архипелаге – истинные поджигатели.

Потемкин. А, вот вы опять возвращаетесь к вашим нежностям с мусульманами! Согласитесь, что я недаром иногда называю вас Сегюр-эффенди.

Между тем приходит известие о набеге татар на Кубани, сильно раздражившее Екатерину. Сегюр попался на глаза Потемкину.

Потемкин. Согласитесь же, наконец, что существование мусульман – истинный бич человечества. А между тем стоит только сговориться трем-четырем великим державам – и нет ничего легче, как прогнать этих свирепых турок в Азию и

освободить от этой язвы Египет, Архипелаг, Грецию и всю Европу. Разве такое предприятие не было бы справедливо, полезно, религиозно, нравственно, геройско? (*Обращаясь лично к Сегюру*): Если бы вы лично содействовали столь желанному соглашению и если бы Франция получила на свою долю Кандию или Египет, разве вы бы не были достаточно вознаграждены? Разве не могло бы случиться, что вы были бы назначены правителем одной из этих завоеванных стран?..

Сегюр. Это лишь игра вашего воображения. Да и ваш дражайший союзник не согласится. Помнится, император сказал как-то:

«Я не могу забыть страха, который не раз внушали Вене константинопольские тюрбаны; но я еще более боюсь иметь соседями каски и шапки».

Потемкин. Правда. Но это вина всех нас. Мы всегда умеем дружно действовать на зло человечеству и никогда ко благу его» (Записки графа Сегюра о России. См.: *Трачевский*. С. 390–392).

Трачевский сообщает, что деятельность Союза князей приносила свои плоды, готовили плоды будущего, а деятельность Николая Румянцева «становилась все затруднительнее и несноснее»: «Напрасно он колесил по Германии, со свойственной ему неутомимостью, и сплетничал фюрстам друг на друга. Несмотря на то что теперь он возил с собой уже не один майский циркуляр Екатерины, но и 10 000 рублей, присланных ему «для пользы служения своего здесь», его везде встречал нелестный прием. Его единственным утешением оставались ничтожные письма герцогини Цвейбрюкенской да сомнительная дружба герцогов Вюртембергского и Мекленбургского» (Письмо Румянцева Остерману от 19 (30) мая 1786 года).

Скончавшийся в августе 1786 года Фридрих II оставил много нерешенных задач.

«Я узнал наверно, – писал Николай Румянцев своему брату в Берлин в сентябре 1786 года, – что новый король Прусский ненавидит римского императора и негодует на нашу императрицу за учиненный, по его словам, ему холодный в Петербурге прием; также он особое радение имеет о германской лиге, и, когда покойный король при дверях гроба находился, он тогда уже, будучи еще наследным принцем, тайные имел переговоры и свидания в некотором саду с принцем Дессауским, коего пребывание в Потсдаме никому, как сказывают, не было известно, и что на сих свиданиях рассуждаемо было о мерах вредить в империи венскому двору».

При поддержке нового прусского короля Фридриха-

Вильгельма II, готового пойти на все «хитрости и зловредные подвиги», чтобы погубить Иосифа II, выступил с обширным меморандумом министр Герцберг, в котором обрушился на Австрию с главным обвинением, что она хочет установить в Германии абсолютизм, захватить польскую корону, то есть установить «всемирную монархию на Европейском материке». Но Пруссия этого не допустит: Пруссия «должна поддерживать свою славную роль решительницы европейских дел и блюстительницы равновесия». Он подталкивал европейские державы к новому разделу Польши, предлагал союз с Англией, в который хотел вовлечь Россию и Голландию. Но вскоре Фридрих-Вильгельм II и Георг III предложили Екатерине II свое посредничество в войнах с Турцией и Швецией. Тут Екатерина заметила, что помощь Пруссии и Англии чем-то похожа на желание давать законы «не токмо на настоящие наши дела, но и на будущие», а это «нетерпимо»: «тяжесть от цесарцев всегда будет несравненно менее, нежели прусская, которая сопряжена со всем тем, что в свете может только придумано, поносным и несносным».

И тут произошло событие, которое всех насторожило. Вильгельм IX, ландграф Гессен-Кассельский, присоединил к своим землям часть соседнего графства Шаумбург, объявив, что наследники покойного графа Липе-Бюкебургского не имеют никаких прав на этот участок земли. Вся Германия встревожилась, и Фридрих-Вильгельм II послал Вильгельму IX строгое внушение, заявив, что тот нарушил германский закон. Вильгельм IX понял свою ошибку, а германские князья возликовали, почувствовав, что обозначил себя защитник германской конституции.

Впрочем, дальнейшие события, конфликты местного значения только запутывали дело. В итоге Пруссия заняла господствующее место в лиге, а это большинству князей не понравилось, и лига потеряла свое национальное значение. Союз князей вскоре распался.

4. Крым – русская земля

Благодаря усилиям фельдмаршала Румянцева русские войска в Крыму разместились так, чтобы свободно контролировать весь полуостров и чтобы татары чувствовали себя защищенными от возможного нападения на Крым Турции.

Потемкин, посланный в Крым для того, чтобы завершить необходимые договоренности с ханами, замешкался с этой работой, на него столько навалилось различных дел на юге России! Но Екатерина II, как договорились с Потемкиным,

решила опубликовать подготовленный манифест.

8 апреля 1783 года Екатерина II огласила манифест о присоединении Крыма к Российской империи: «Наша последняя война против Оттоманской империи, сопровождавшаяся знаменательными успехами, давала нам право присоединить к нашей империи Крым, которым мы владели. Однако мы без колебаний пожертвовали им, как и многими другими завоеваниями, во имя нашего страстного желания восстановить спокойствие народов и укрепить доброе согласие и дружбу между нашей Империей и Оттоманской Портой. По этой причине мы прямо заявили о предоставлении татарам завоеванной нашим оружием свободы и независимости… Из-за своего естественного беспокойства, раздуваемого наветами из неизвестного нам источника, татары легко попали в ловушку, расставленную чужими руками, сеявшими смуту и смятение, и до такой степени поддались им, что стали способствовать разрушению и даже полному уничтожению здания, которое мы своими благодеяниями воздвигли для счастья этой нации… Мы принимаем твердое решение раз и навсегда покончить со смутой в Крыму и с этой целью присоединяем к нашей Империи полуостров Крым, полуостров Тамань и всю Кубань».

Но Екатерину II беспокоили не только южные рубежи. Север тоже вызывал тревогу с приходом к власти шведского короля Густава III. Франция, занятая освобождением и упрочением связей с заокеанскими колониальными землями Англии, которые вскоре стали называться Соединенными Штатами Америки, сначала отказала шведскому королю в финансовой поддержке, но вскоре восстановила денежный поток, и шведский король твердо решил воевать с Россией – за Финляндию, за Карельский перешеек, готовил флот.

Но и после этого императорского манифеста столько еще предстояло сделать в Крыму, чтобы действительно можно было сказать, что присоединение Крыма к России состоялось. Это видно из переписки Екатерины II и князя Григория Потемкина. Вернемся к тому времени, когда все началось.

Г.А. Потемкин – Екатерине II (февраль – март 1783):

«Прилагается здесь наряд войск к шведской стороне, из которого Ваше Величество усмотреть изволите, сколь он достаточен своим числом против государства, где все военные силы состоят из сорока тысяч.

До дальней нужды не посылать более к шведским границам, как один корволан, который с полками Финляндской дивизии расположится по той границе. Противу Прусского короля не вижу я нужды ополчаться. Его демонстрации не на нас будут, но

устремится может быть он самым делом на Данцик. Тут Император дремать не станет, а мы отдалим время.

Но естли б Прусский Король вместо Данзиха стал забирать Польшу, тогда поднять поляков, обратив против Его корпус Салтыкова частью и прибавя из оставших полков в России; составится нарочитая сила, с чем, присоединясь к Австрийским войскам, воспрепятствовать Ему приобретать от Польши.

С турками дела наши не остановятся: корпус Князя Репнина удержит в узде их войски по Хотинской и Бендерской границе. Я на Буге учрежу отряд, и сии обе части будут оборонительные. Осаду Очакова до время отложим, а Крым займем, удержим и границы обезпечим. Корпусами же Кубанским и Кавказским умножим как наиболее демонстрации и заставим Порту заботиться с той стороны. Флоту летом пребывание назначить так, чтоб он смотрел на Стокгольм, и приуготовления флотские делать как можно казистее. На Швецкого Короля смотреть не надобно, а сказать Его Величеству, что Вы собрания лагерные близ Ваших границ в другое время сочли бы забавою, но в обстоятельствах настоящих, ето пахнет демонстрациею. Объявите ему сериозно, что Вы не оставите употребить всего, что возможно к избавлению себя впредь от таковых забот.

Приведение войск Малороссийских на лутчую и строевую ногу немало послужит к устрашению недобромыслящих. Я по воле Вашей скоро кончу как об них, так о мундирах, лаская себя наперед, что, конечно, удостоюсь апробации Вашего Величества».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (март 1783):

«Отправление флота в Архипелаг (естли будет с турками ныне война) последует не ради завоеваний на сухом берегу, но для разделения морских турецких сил. Удержав их флот присудствием нашего, всю мы будем иметь свободу на Черном море. А естли бы что турки туда и отделили, то уже будет по нашим силам. Когда же нет нужды делать десантов, но не нужно и число столь неудобное сухопутных войск, какое Адмирал Грейг полагает, а паче пеших кирасир; для службы же при флоте прибавить к числу их солдатской команды егерей один баталион, а к сему еще навербовать пять или шесть баталионов албанцев из Химары, и славян также число достаточно и для службы на острове Лемне, естли флот тут возьмет свое место, и ради поисков, где случай удобный представится.

Главный вид для флота Вашего Величества – притеснять сообщения по морю туркам с их островами и Египтом, и чрез то лишать их помощи в съестных припасах. Притом все целить пройтить Дарданеллы, что и несумнительно при благополучном ветре. Препятствовать ли турки захотят? Тут они обязаны будут

дать баталию морскую, чего нам и желать должно. Но чтоб Дарданеллы форсировать с сухова пути, на сие нужна армия. Ибо у турок достанет сил их оборонять. Притом мы видели в прошедшую войну, что они и тремястами человеками гоняли наши большие десанты.

Какая же разница флоту действовать единственно на водах. Число пятнадцати кораблей уже несумненно превосходит силу морскую турецкую. К тому числу почтенному сколько пристанет каперов, обезпокоивающих везде их транспорты, а искусный и предприимчивый адмирал верно выждет способ пролететь Дарданеллы.

Усердие мое побуждает Вашему Величеству представить, что нужен испытанный в предприимчивости и знании адмирал. Нигде столько успехи от манер и стратигем не зависят, как на море, а сих вещей без практики большой знать нельзя. А Вашему Величеству известна практика наших морских.

Я не смею сказать, а думаю, что бы мешало секретнейшим образом соединить ескадры, кои теперь в походе, и послать под видом прикрытия торговли в Архипелаг, и пока турки еще не готовы, пройтить в Черное море. Тогда бы уже в Архипелаг нужды не было посылать другова флота…»

Екатерина II – Г.А. Потемкину (18 апреля 1783):

«Приходил Ефимович, хотел со мною проститься. Я велела сказать ему, что с отрешенными за плутни судьями я знакомства не имею. Везде ходя, лжет на тебя, говорит, что ты ему полк дал. Я тому не верю, понеже знаю, что для него, бездельника, добрых и честно служащих подполковников не будешь обижать. А его дела скорее кнута, нежели полка, в награждение удостойны по суду. Я о сем спешу написать к тебе, дабы ты знал, как тебя облыгает Ефимович. Прощай, мой друг, желаю тебе здоровья и лучую дорогу. Знаю, что ты 10 числа апреля приехал во Псков».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (апрель, 1783. Могилев):

«Матушка моя родная, Государыня. Я всем должен дню твоего рождения, он для меня источник всех благостей. И так я его праздную душой и сердцем. Сохрани Бог твою жизнь и продли Ея на щот моих дней. Во многих местах реки меня останавливают и починка экипажей. Несколько дней для сего и для устройства деревень моих, что от тебя, кормилица, мне пришли, здесь пробуду. Писал я письмо к Князю Вяземскому о пакостях, какие в Шклове происходят. Он Вам доложит обстоятельно. Прикажи, матушка, Генерал-Губернатору пресечь при начале. Ему вся тамошняя клика людей известна. Он Вам донесет, что от них всего ожидать можно.

Проезжая чрез здешние губернии, я единогласно слышу

удовольствие мелких людей. Они благодарят, что Вы дали им правосудие, чего они в Польше не знали. К сему благу, ежели бы убавить некоторый род людей, называемых патронами и адвокатами, и искам поставить термин, то бы еще жители были благополучны, а то множеством фальшивых привилегий и документами, за сто лет (как вино венгерское) подделанными, почти взаимно все перепутаны. Еще здешний край терпит на границе от бывшего униатского Архиерея Смогоржевского, который на той стороне построив слободы, приманивает мужиков с обещанием льгот, и немало бегут, а ему последуют и другие. Не прикажите ли, будто под видом отыскания беглых, роты две послать в его деревни.

Всякий раз, как здесь проезжаю, не могу довольно надивиться, для чего Витебск Вам не показан. Большой город, имеющий прекрасное положение, наполненный великими зданиями; множество богатого купечества. Город наипристойнейший для наместнического правления, внутри земли и центр всем караванам, кои барками идут. Он бы по Петербурге был красивейший зданиями город.

Моя матушка, цалую безценные твои ручи. Примите безделку, какую я посылаю, с той милостью, каково мое к Вам усердие.

Дай Бог, чтоб я нашел случай доказать Вам на деле. Помни, кормилица, того, кто душей и телом твой веки вернейший раб Князь *Потемкин*».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (апрель, 1783):

«Матушка Государыня! Приложенная копия Императорского письма немного твердости показывает, но поверьте, что он инако заговорит, как Вы и угадываете, когда пойдут предположения Ваши в действо. Кауниц ужом и жабою хочет вывертить систему политическую новую, но у Франции они увязли, как в клещах, и потому не смеют отстать от нее, хотя бы в том был и авантаж. Стремятся также поссорить Вас с Королем Прусским, а это их главный пункт. Я щитаю, что их всех мучит неизвестность о наших движениях. Облекись, матушка, твердостию на все попытки, а паче против внутренних и внешних бурбонцев: все что ни будет, будет только одна пустая замашка, а на самом деле все захотят что-нибудь также схватить. На Императора не надейтесь много, но продолжать дружеское с ним обхождение нужно. Впротчем, право, и нужды большой нет в его помочи, лишь бы не мешал.

Будь уверена, моя матушка родная, что я не упущу нигде к твоей делать пользе и всегда с жаром таким, коим сердце мое наполнено. Я скоро буду на месте, откуда непрестанно буду

уведомлять о всем происходящем. В дороге получил рапорты из Крыма, но ничего важного нету, ниже известий, кроме того, что подножного корму нету, почему конные полки придвигать неловко. Но я надеюсь, что скоро покажется. Зима была сей год продолжительна.

Время Вам докажет, сколь Вы хорошо зделали, что не послали флот…»

Екатерина II – Г.А. Потемкину (апреля 24 ч., 1783. Из Царского Села):

«Письмо твое, друг мой сердечный, из Полоцка я получила, но оное без числа, и так не знаю, когда доехал. Сожалею, что ты столь много трудностей нашел в дороге. Надеюсь, что ты всю экспедицию получил. Репнин, отъезжаючи, просил меня, чтоб когда ему вперед итти прийдет, чтоб его уведомить гораздо заблаговремянно, понеже на его корпус пропитанья имеет не долее 15 июня, дабы пропитанье заготовить мог.

Бог с тобою, будь здоров и пиши чаще ко мне и ставь числа. И уведоми меня подробно обо всем. Тем самым убавишь во мне много безпокойства. Прощай, желаю тебе щастливого пути. Саша тебе кланяется».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (из Царского Села. Апреля 27 ч., 1783): «Друг мой сердечный, за поздравление твое со днем моего рождения благодарствую, также и за присланный подарок. Хвалю тебя, что ты отдохнул несколько в Могилеве. Пассек сам едет ради Шкловских диковинок, и он, конечно, пресечет наискорее и станет смотреть за ними. Винных накажет, а за прочим будет иметь бдение. Что людей ты нашел своим нынешним состоянием довольных, тому радуюсь. Чего не достает, постараюсь поправить со времянем. Прикажу и Смогоржевского унимать. Спасибо тебе, что числа вписал и место, откуда пишешь. Пожалуй и впредь так делай и пиши часто и подробно, а твои письма весьма мне приятны. Я здорова. Adieu, mon Ami, portes-Vous bien. L'Empereur est alle pour six semaines en Hongrie pour visiter sa frontiere. Voila ce qu'il m'ecrit».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (из Царского Села. Майя 4 ч., 1783):

«По получении последнего твоего письма от 22 апреля из Дубровны я так крепко занемогла болью в щеке и жаром, что принуждена была, лежа на постеле, кровь пустить. Но как круто занемогла, так поспешно паки оправилась, и вся сила болезни миновалась коликою в третьи сутки. И выздоровела Царица и без лекарства, похоже, как в сказке «О Февее» написано.

Я уже писала к тебе, что от Цесаря ко мне два письма были, кои уже опять иным тоном. Я на него никак не надеюсь, а вредить

не станет. На внутренних и внешних бурбонцев я ни мало не смотрю, а думаю, что война неизбежна. Время у нас отменно хорошо и тепло, и, по тому судя, думаю, что и подножный корм у вас поспевает. В Малороссии зделано теперь распоряжение о платеже податей по душам. Таковые не худо делать и в местах Полтавского и Миргородского полков, кои приписаны к Новороссийской губернии, не касаясь новых поселений, которым даются льготные годы.

Тутолмина я велела отпустить к тебе. Прощай, мой друг сердечный. Прошу быть столь уверен о моей к тебе непременной дружбе, как я в твоей ко мне верности. Прощай, будь здоров и весел и имей во всем успех».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (майя 5 ч., 1783 года):

«Голубчик мой Князь, сейчас получила твое письмо из Кричева и из оного и прочих депеш усмотрела, что Хан отказался от ханства. И о том жалеть нечего, только прикажи с ним обходиться ласково и со почтением, приличным владетелю, и отдать то, что ему назначено, ибо прочее о нем расположение не переменяю.

Непростительно Ефимовичу оболгать тебя повсюду: он здесь везде в шарфе и в полковничьем мундире ходил.

Ответ твой Великому Князю по причине Екеля весьма пристоен. На сих днях Грейг ко мне будет, и я посмотрю, можно ли будет в Кронштадте строить без него, или нужен ли он, по крайней мере, при начале работ, ибо он знает Бауеровы мысли. Adieu, mon cher Ami, portes-Vous bein».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (Майя, 1783. Херсон):

«Матушка Государыня. Приехав в Херсон, измучился как собака и не могу добиться толку по Адмиралтейству. Все запущено, ничему нет порядочной записки. По протчим же работам также неисправно. Дороговизны подрядов и неисправность подрядчиков истратили много денег и время. Я Вице-Адмиралу Клокачеву приказал учредить комиссию, чтобы привести в порядок. Никто из тех, кои должны были смотреть, не были при своем деле, ниже капитан над портом. Все были удалены, а в руках находилось все у секретаря Ганнибалова – Князя Шахматова, которого он увез с собою, не оставя здесь ни лет, ни примет. Когда Вы указом повелели в Адмиралтейств Коллегию, чтобы нынешний год было готово семь кораблей, он в Коллегию рапортовал, что готовы будут. Теперь выходит, что и лесу всего на корабли не выизготовлено, а из готовленного много гнилого. Я приказал выправляться, кто подрядчики, и за сим доставлю подробную ведомость о всем, как и что нашел.

Достанет, конечно, моего усердия и сил, чтоб все сколько

можно поправить, а прошу только иметь ту милость, чтоб заметить, как было до сих пор и как пойдет у меня в руках.

В Крыму я предупредил моими предписаниями нерешимость тамошнего начальника. После тех пор значительного ничего не произошло. На сих днях еду туда сам, и что будет, не премину донесть.

Немало мне прискорбно, что давно не слышу про тебя, моя матушка родная. Молю Бога, чтобы Вы были здоровы… Я свидетельствую усердие Графа Браницкого и за него, как за себя, ручаюсь, что естли Вы употребите на Вашу службу, то он не уступит рвением подданному».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (мая 1783. Херсон):

«Матушка Государыня. Вы мне все милости делали без моей прозьбы. Не откажите теперь той, которая мне всех нужнее, то есть – берегите здоровье.

Как Хан уедет, то крымские дела скоро кончатся. Я стараюсь, чтоб они сами попросили подданства, думаю, что тебе, матушка, то угодней будет. Сближаю теперь полки к Крыму, которые далеко зимовали, дабы можно было обнять надежнее полуостров.

Ох, матушка, как Адмиралтейство здесь запутано и растащено. Я по сю пору много доволен Клокачевым. Поверьте, что работать начали с того только дня, как я приехал. Я все неустройства приписываю к одной ленности, но ленность и беспечность непростительные, превосходящие всякую меру. Вам удивительным покажется, что он в пять лет ни на одной работе не был ни разу, и секретарь при нем Князь Шахматов – сущий мошенник – все расхитил и щоту не оставил. Я бьюсь как собака с этой частью. Крепость и строения не меньше запущены, но то скоро поправиться может.

Жар здесь несносный тем паче, что закрытия нету. Не было ума дереву насажать. Я приказал садить. О многих нуждах по делам я писал к Безбородке, чтобы Вам доложил. По обеим частям Городской и Адмиралтейской я учредил комиссии, дабы разбирать и щитать суммы.

Прости, моя матушка родная, сударка моя. Дай Бог тебе здоровья, чего желаю от чистейшего сердца… Генерал-кригскомиссар в худом состоянии. Поспешите, матушка, определением другого. Право, кроме Святого, годного к сему месту нет. В бытность мою в Петербурге просил меня Петр Васильич Завадовский, что он желает быть при мне, ежели я найду годным его к чему употребить и чтоб со времянем поспособствовать перейтить ему в Армию – исходатайствовать Вашу милость ему – переименованием в чин придворный в егермейстеры, гофмейстеры или на место Святого в

шталмейстеры. Все сие зависит от твоей, матушка, воли. Я же с моей стороны, право, рад буду таковому о нем благоволению.

Прусский Король точно как барышник все выпевает вероятности перед французами. Я бы желал, чтоб он успел Короля уговорить послать сюда войск французских, мы бы их по-русски отделали».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (после 16 мая 1783):

«Пожалуй будь здоров и весел. Я принуждена буду, по причине болезни Генерал-кригскомиссара, к его должности определить другого, лишь теперь ищу для себя шталмейстера. Прощай, друг мой».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (из Царского Села. Майя 26, 1783):

«Письмо твое, друг мой сердечный, из Херсона я получила вчера. Жалею много о приключенном тебе безпокойствии дорогою и о том, что ты по Адмиралтейству и по крепостному строению не все нашел в надлежащем порядке. Сюда приехал Ганнибал и уверил меня, что крепость совершенно в безопасном положении противу нечаянного нападения и что корабли отстраиваются. Я для славы города Херсона и для гремящего сего града с младенчества имяни дала строителю большой крест Владимирский. Не сумневаюсь, что в твоих руках и твоим попечением все пойдет как должно. Крымских известий дальних ожидаю нетерпеливо и думаю, что ныне уже объявлены Российскими подданными. В Цареграде начали хулить суджукского паши предприятия на Таман. Из репортов с разных мест вижу, что и с Темрюком последовало то же, и нельзя, чтоб Порта о том не знала.

Я не знаю, почему мои письмы к тебе не доходят. Кажется, я писала к тебе при всяком случае. Пока ты жалуешься, что от меня нет известий, мне казалось, что от тебя давно нету писем. Теперь я здорова, а с начала мая я здесь занемогла, по моему обычаю, круто. Принуждены были кровь пустить, чем жар прорвался.

Вчерась получила письмо от Короля Шведского, который к 13 июня сбирается приехать в Финляндию и спрашивает, где может со мною увидеться. Я означила Фридрихсгам, куда к тому времяни поеду на три дни…»

Г.А. Потемкин – Екатерине II (Херсон. Майя 28 дня 1783):

«Матушка Государыня. Немало меня смущает, что не имею давно об Вас известия. Дай только Бог, чтоб Вы меня не забыли. По сие время еще Хан не выехал, что мне мешает публиковать манифесты. Татары не прежде будут развязаны, как он оставит Крым. При нем же объявить – сие народ почтет хитростью и попытками, по прозьбе его зделанными. И так еще неделю

подожду, а там уже приступлю. Зараза вновь не распространяется, к чему меры взяты наистрожайшие.

Вы, матушка, не можете представить, сколько мне забот по здешнему краю одно Адмиралтейство. По сие время распутать не могу. Нету ничему ни лет, ни примет. Денег издержано много, а куда, тому не сыщу. Строение кораблей с моего приезда идет успешно. За лесами, коих недостает, послал. Зделайте милость, прикажите командировать сюда потребное число чинов, о чем прилагаю ведомость. Кузнецов здесь недоставало. Послал по коих в Тулу. С другой стороны по Губернии напакощено немало. Тут мои заботы облегчил много Губернатор, которого теперь я послал куда нужно. Одна часть меня услаждает – это закупка хлеба, которая дешева и успешна. По сие время была бы оная еще и выгоднее, естли б не встретилось по таможням недразумение: в тарифе написано, хлеб в прилежащие Губернии к Польше пропускать без пошлин, но как тут именно упомянуты только что Малороссия и Белоруссия, то и не пропустили без пошлин, а поляки, не имея чем платить, отвезли сей хлеб в Очаков и Аккерман, которого было 50 тысяч четвертей.

Я застал мало, однако тысяч пять купил у них за 65 копеек четверть. По сей цене и весь бы был куплен. Я, имея Ваше повеление покупать в Польше в помешательство туркам, приказал, не брав пошлин, провозить, записывая число четвертей. Я не знаю, матушка: для Новороссии то запрещено, что позволено старым Губерниям, а наша еще в младенчестве. Кроме пособия в хлебе, в котором от саранчи терпели нужду, была от привозщиков и та польза, что мужики часто у нас оставались.

Прости, матушка родная, я совсем наготове ехать в Крым. Жду с часу на час выезда ханского».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (из Царского Села. Майя 30 числа 1783):

«Письмо твое из Херсона от 16 мая я получила вчера и, по прозьбе твоей выполняя, имею тебе объявить, что я здорова, а в начале мая захворала так, что первого числа вместо гуляния пустила кровь и то лежа на постели.

Вместе с твоим письмом получила я из Вены курьера с письмом от Иосифа Второго, с которого при сем копию прилагаю. Увидишь из оного, что твое пророчество, друг мой сердечный и умный, сбылось: l'appetit leur vient en mangeant.

Дай Боже, чтоб татарское или, луче сказать, крымское дело скоро кончилось. Я думаю, что менее теперь станешь мешкать, то лутче, дабы турки не успели оному наносить препятствия, какие ни на есть, буде скорее узнают, нежели зделается. А на прозьбу татар теперь не смотреть, а ногайские и так уже по письмам

Павла Сергеевича о подданстве заговаривают.

Сожалею, что в Херсоне строения военные и цивильные не таковы, как желалось. Надеюсь, что усердием все исправлено будет. У нас весь май месяц так хорош, что луче желать нельзя. <…>

По разным представлениям получишь резолюции. Восьмое июня поеду на десять дней в Финляндию, где в Фридрихсгаме увижусь с Королем Шведским».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (июнь 1783. Херсон):

«Матушка Государыня! Хан свой обоз на Петровскую крепость отправлять уже начал. После чего и сам в Херсон будет скоро. Резон, что я манифестов при нем не публикую, есть тот, что татары сами отзываются, что при Хане они желания быть в подданстве российском объявить не могут, потому что только тогда поверят низложению ханства, когда он выедет. Самовольное же их покорение тем полезнее делам Вашим, что нельзя уже никому будет грозить, и тем, что их к подданству принудили. Я не упускаю ничего к приуготовлению умов.

В Очакове починка крепости начинается; войски прибывают помалу; я теперь начал Кинбурн приводить в оборонительное состояние, который положением своим не поручен был поддерживаем от какого-либо корпуса, и так надлежит его поставить на долгую оборону.

Адмиралтейство здешнее ни копейки денег не имеет, так что и рабочим платить нечем, кроме тех, что на плотников отпускаются. Комиссию я учредил, чтобы исследовать расходы, но сего скоро зделать неможно, а при том и барыша мало будет. Найдутся только дорогие цены, а не деньги. Чтобы не остановить работ, которые так горячо пошли, благоволите поддержать. Что касается до городских строений, сии достаточно своими деньгами исправятся.

Пред сим представил я о доставлении следуемого числа людей в Адмиралтейство: зделайте, матушка, милость, прикажите их командировать, они бы заменили в работе армейские полки, которым теперь нету способа уже людей уделять на работы: сверх содержания разных постов ими я производить буду строение в Кинбурне и на Глубокой пристани. Осадная артиллерия почти уже вся доставлена в Херсон; огромное число и так больших орудий я не замедлил скоро доставить, не требуя на сие новой суммы, а изворотился старою и экстраординарной экономией; число орудий почти в пять раз больше того, что было под Бендерами.

Повторяя мою просьбу о снабжении Адмиралтейства Херсонского деньгами и людьми, доношу, что первый корабль

спустится «Слава Екатерины»; позвольте мне дать сие наименование, которое я берусь оправдать и в случае действительном».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (из Царского Села. Июня 5 числа 1783 года):

«Третьего дня получила я от Короля Шведского извещение с нарочным, что он приехал в Або благополучно, быв 22 часа на море; а вчера прислал он другого с тем, что он, смотря войски при Тавастгусе, стоя на одном месте верхом – лошадь его, испугавшись от пушечного выстрела, бросилась в сторону, и Его Величество, упав с ней, левую руку меж плеча и локтя переломил наискось. Присланный сказывает, что с места Короля понесли на кресле до Тавастгуса. Он же сам правою рукою написал ко мне, чтоб я согласилась отсрочить свидание до двадцатого июня и что тогда лекарь обнадеживает, что с перевязанной рукой ко мне быть может. <…>

Письмо твое, мой милый друг, от 18 мая я получила. Чтоб Ханское желание в рассуждении голубой ленты удовлетворить и притом сохранить все то, что мне и ему сохранить надлежит, то приказала я изготовить голубую ленту чрез плечо с медальоном овальным, на котором посреди алмазов слово из надписи ордена Святаго Андрея: «Верность». Звезда же бриллиантовая и с тою же надписью. А ему при том сказать надлежит, что креста ни он носить не может, ни я дать не могу ему, потому что он не христианин, а даю ему голубую ленту с надписью ордена Святаго Андрея и с преимуществом того ордена – с Генерал-Поруческим чином. Нетерпеливо жду от тебя известия о окончании Крымского дела. Пожалуй, займи прежде, нежели турки успеют тебе навернуть сопротивление. К Павлу Сергеевичу и к тебе приказала отправить подарок: мехи и вещи, которые ты требовал.

Путь на Ригу и вверх по Двине, а там по Днепру, который ты желаешь, чтоб единороги взяли, дабы Ахтиярской гавани доставить против неприятельских судов оборону, не есть ближний. Конечно, ты имеешь тем путем иное намерение. Буде тебе скорее куда надобно, то везти в Смоленск – кратчайший отселе путь. Отселе в Ригу будут три недели в пути, а там вверх по Двине проедут ли, Бог еще знает, а там переволок до Днепра. Однако ж отправить велела.

Фельдмаршал Румянцев пишет ко мне, требует генерального штаба, инженеры и экстраординарной суммы. Я приказала к тебе сообщить его письмы. Он же опасается, чтоб турки его не упредили. Как война не объявлена, то, кажется, все ко времени еще поспеть может, mon Ami, portes-Vous bien. После похода моего переменю Генерал-кригскомиссара».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (из Царского Села. 9 июня 1783):

«Письмо твое от 28 прошедшего я получила сегодня из рук Александра Дмитриевича. Я надеюсь, что мои письмы теперь, Князюшка, до рук твоих дошли, а когда изволишь писать: «Дай Боже, чтоб Вы меня не забыли», то сие называется у нас «писать пустошь». Не токмо помню часто, но и жалею и часто тужу, что ты там, а не здесь, ибо без тебя я как без рук. Прошу тебя всячески: не мешкай занятием Крыма. Пугает меня теперь зараза для тебя и для всех. Для Бога возьми и вели взять всевозможные меры. Я очень жалею, что ты с Фельдмаршалом Румянцевым где ни на есть не съехались. Все на свете теперь на него находят заботы: штаба генерального, инженеров, деньги экстраординарные и вестей от Булгакова просит. Также боится быть упрежден турками и чтоб чего не проронить. Видя сие, приказала к нему послать, что можно будет. Авось-либо все по-пустому. Верю, что тебе забот много, но знаю, что ты да я заботами не скучаем. Что строение кораблей идет с поспешением – сие слуху моему весьма приятно. Потребное число людей стараться буду прислать. В покупке хлеба удача была, а таможенным недоразумениям легко пособить: в теперешнее время оно и нужно.

Король Шведский руку переломил в Тавастгусском лагере, и для того наше свидание в Фридрихсгаме отложено до 20 сего месяца. Adieu, mon Ami. Христос с тобою.

Сего утра Измайловского полку майор Олсуфьев умер. Напиши несколько достойных людей, из коих мне выбрать на его место. Теперь поручила полк Левашову».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (июня 1783. Херсон):

«Матушка Государыня! Богу одному известно, что я из сил выбился. Всякий день бегаю в Адмиралтейство для понуждения, а притом множество других забот: укрепление Кинбурна, доставление во все места провианта, понуждение войск и прекращение чумы, которая не оставила показаться в Кизикермене, Елисавете и в самом Херсоне, но везде, благодаря Бога, предостережено и прекращено. Сею язвою я был наиболее встревожен по рапортам из Крыма, где она в розных уездах и гофшпиталях наших показалась. Я немедленно кинулся туда, зделал распоряжения отделением больных и незараженных, окуря и перемыв их одежду. Разделил по сортам болезней, и так, слава Богу, вновь по сие время – пять. Не описываю о красоте Крыма, сие бы заняло много время, оставляя до другого случая, а скажу только, что Ахтияр лутчая гавань в свете. Петербург, поставленный у Балтики, – северная столица России, средняя – Москва, а Херсон Ахтиярский да будет столица полуденная моей

Государыни. Пусть посмотрят, который Государь сделал лутчий выбор.

Не дивите, матушка, что я удержался обнародовать до сего время манифесты. Истинно нельзя было без умножения войск, ибо в противном случае нечем бы было принудить, к тому же и транспорты хлебные остановились: вощики, убоясь карантина, все было ушли. Я нашелся принужденным публиковать облегчение и указать возвращение из Крыма на Александровскую крепость, где они употребят много время в прохождении степью, почти тот же выдержат карантин, и у Александровской их окурят.

Обращаясь на строение кораблей, Вы увидите из ведомости, что представлю за сим, в каком было все расстройстве. <…>

А что касается до Императора, не препятствуйте ему. Пусть берет у турков, что хочет. Нам много это пособит. И диверсия одна с его стороны – великая помощь. Я получил известие от консула из Букарешт, что уже пикеты цесарские стражу молдавскую прогнали, объявя, что далее занять намерены, и о сем послано к Порте.

Посланное почтовое судно от капитан-паши в Очаков, о котором упоминает Булгаков, подлинно в Очакове было и пошло в Царьград. Александру Дмитричу мой поклон. Прости, матушка родная, цалую ручки Ваши…

Естли, матушка, изволишь определить Святого к комиссариату, то прикажите ему приехать ко мне. Первое, ради учреждения департамента и большого магазейна в здешней стороне, где Малороссийская и моя дивизии составляют почти половину армии, а запасов никаких нет; а что еще страннее, что многие соседние фабрики ставят вещи в Москву, а оттуда присылают сюда и плотят напрасно провоз. Второе, и подушные на жалованье прямо можно из ближних мест посылать. Третье, множество вещей старых образцов у них гниет даром, которые все можно употребить на формируемые вновь войски, а совсем ненужное продать. Я много и других способов покажу им к сбережению знатной суммы.

Через три дни отправляюсь в Крым».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (из Царского Села. Июня 13 ч., 1783 года):

«Письмы твои, друг мой сердечный, от 1 июня из Херсона я третьего дня получила. Желательно весьма, чтоб ты скорее занял Крым, дабы супротивники как-нибудь в чем излишнее препятствие не учинили, а в Цареграде, кажется, о занятии уже глухие слухи доходят. А на это смотреть нечего: добровольно ли татары на то поступают или предаются, или нет. Отовсюду известия подтверждаются, что турки ополчаются. Я приказала к

тебе сто тысяч рублей переслать на Херсонские нужды по твоим требованиям на первый случай. Понеже ты сумму не означиваешь, то я не знала, сколько переслать по тамошним необходимостям, а избрала переслать сию сумму. Я приказала людей число командировать, следующих к Адмиралтейству, и надеюсь, что нарядом тем служба исправлена будет. Что осадной артиллерии впятеро более довезено, нежели под Бендеры было, сие подает надежду добрую. Хорошо, что и в перевозах лутчая экономия наблюдаема, за что спасибо эконому. Пожалуй, не давай кораблям очень огромные имяна… По прочим твоим требованиям ссылаюсь на данные резолюции.

Пожалуй, дай мне знать о продолжении или утушении или пресечении язвы. Сия меня стращает, опасаюсь все, чтоб не прокралась паки от какой ни на есть оплошности форпостной внутрь России. Прощай, будь здоров. После завтра означила ехать в Фридрихсгам. Не знаю, как Король с изломленной рукою снесет дорогу. Послала проведать. Александр Македонский пред войском от своей оплошности не падал с коня…»

Екатерина II – Г.А. Потемкину (июня 29, 1783. Из Царского Села): «Друг мой сердечный, с праздниками тебя поздравляю. В прошедшую субботу я возвратилась из Фридрихсгама, где я виделась с Королем Шведским, который много терпит от изломленной руки. Ты его знаешь, и так писать о том нечего… Видела я и Крейца, его нового министра. Сей прямо из Парижа в Фридрихсгам приехал. Il m'a paru que Шефер avoit plus d'esprit. Лутчим в suite королевской показался Таубе, что зимою был в Петербурге, а прочие все люди весьма, весьма молодые. Вот тебе вести наши. Теперь ответствовать буду на твое письмо из Херсона от 12 июня. Что ты выбился из сил, о том весьма сожалею; ты знаешь, что ты мне очень, очень надобен. И так прошу тебя всячески беречь здоровье. К оружению морскому люди отправлены и отправляются, и надеюсь, что выбор людей также недурен – самому Генерал-Адмиралу поручен был. На все взятые тобою меры о укреплении Кин-бурна, о доставлении повсюду провианта и о понуждении войска, имею твердую надежду, что все то пойдет, как желается. Одна чума меня страшит, чтоб не распространилась. Для Бога, не упущай ни единого известного способа для предосторожности от оной, как для себя, так и для всех. Опасаюсь иногда и того, чтоб не вкралась паки в Россию. Пехотные полки по твоим представлениям апробованы. Генерал-кригскомиссаром зделан Святой. Проект твой на Синоп или другие места, естьли война будет объявлена, недурен. Отовсюду слышу, что турки сильно вооружаются, но друзья их удержут от войны до времяни. О Цесаре мысли мои с твоими весьма

согласны, лишь бы он не был в том положении, как был в прошедшей войне; всякая иная помощь нам от него полезна. Михаилу Сергеевичу Потемкину по твоей прозьбе прикажу ехать к тебе. Надеюсь, что по сей час судьба Крыма решилась, ибо пишешь, что туда едешь…»

Г.А. Потемкин – Екатерине II (июля 1783. Лагерь при Карасу-базаре):

«Матушка Государыня. Я чрез три дни поздравлю Вас с Крымом. Все знатные уже присягнули, теперь за ними последуют и все. Вам еще то приятнее и славнее, что все прибегли под державу Вашу с радостию. Правда, было много затруднения по причине робости татар, которые боялись нарушения закона, но по увериниям моим, зделанным их присланным, теперь так покойны и веселы, как бы век жили у нас. Со стороны турецкой по сие время ничего не видно. Мне кажется, они в страхе, чтоб мы к ним не пошли, и все их ополчение оборонительное.

Чрез три дни отправленный курьер поднесет подробные донесения, то здесь сокращаюсь повергнуть себя и всех трудившихся, о которых просить буду. Что до меня касается, я выбился из сил. Право, все самому надобно приводить в движение и бегать из угла в угол. Пред сим занемог было жестоко в Херсоне спазмами и, будучи еще слаб, поехал в Крым. Теперь, слава Богу, оправился. Чума вокруг лагеря, но Бог хранит по сю пору. Простите матушка, цалую ручки Ваши, не забывайте… Принц Вюртембергский вступил в командование и очень охотен к службе».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (из Царского Села. Июля 10 ч., 1783):

«Давным-давно, друг мой сердечный, я от тебя писем не имею, думаю, что ты уехал в Крым. Опасаюсь, чтоб болезни тамошние как ни на есть не коснулись, сохрани Боже, до тебя. Из Царяграда получила я торговый трактат, совсем подписанный, и сказывает Булгаков, что они знают о занятии Крыма, только никто не пикнет, и сами ищут о том слухи утушать. Удивительное дело!

С часа на час ждем родины Великой Княгини. Я здорова. Отправляю ныне к тебе Святого, а на его место взяла я паки Ребиндера. У нас теперь Папский посол. Вот те вести здешние. Только признаюсь, что жду нетерпеливо от тебя вестей. Пуще всего береги свое здоровье. Adieu, mon cher et bien aime Ami».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (из Села Царского. Июля 15 ч., 1783):

«Ты можешь себе представить, в каком я должна быть безпокойстве, не имея от тебя ни строки более пяти недель. Сверх

того здесь слухи бывают ложные, кои опровергнуть нечем. Я ждала занятия Крыма, по крайнем сроке, в половине мая, а теперь и половина июля, а я о том не более знаю, как и Папа Римский…»

Г.А. Потемкин – Екатерине II (лагерь при Карасу-Базаре. Июля 16 1783):

«Матушка Государыня. Я прошу милости Генералам, подо мною служащим: Суворову – Володимерский крест и Павлу Сергеевичу. Графу Бальмену – Александровский. Не оставьте и Лашкарева, он, ей Богу, усердный человек, и очень много я его мучил.

Упражняюсь теперь в описании топографическом Крыма. Деревни все уже описаны, только надобно перевесть на русский язык. Я поспешу все представить, как о продуктах земли, так и о сборах. Теперь только могу доложить, что редко можно найтить так плодородную землю: нонешний год не в силах будут всего урожая убрать.

При всем удовольствии татар тревожит их посеянный от турков очаковских в них слух, что браны будут с них рекруты. Я им на сие дал уверение, что таковой слух пущен от их злодеев и что он пустой. Ежели, матушка, пожалуете указ, освобождающий их от сего, то они совсем покойны будут. Также просят неотступно, чтобы подать им платить не по душам, а с земли и со всего – десятину, что учинит гораздо более доходу, да для них честнее. И ежели это будет, то поверьте, что можно тогда в Анатолию послать Манифесты, и там примут подданство.

Сочинив таблицу о доходах, поднесу мои примечания, на что ассигновать нужно, дабы угодить магометанам: как то на содержание некоторых мечетей, школ и фонтанов публичных. Сей последний пункт считается у них великим благодеянием и весьма их обрадует, ежели прикажете на Ваше имя построить большой и хороший. И от сей безделицы пойдет громкая слава не в пользу Султана турецкого.

Турки по сие время везде смирны. По известиям, в пограничных местах починивают, но слабо, и гарнизоны не умножаются. Они боятся, чтобы мы к ним не пришли. Укрепляют всячески проход Боспорский, да и в Цареграде велено починивать укрепления. Ежели и быть войне, то не нонешний год. Теперь настоит рамадан и кончится двадцатого августа, то много ли уже останется до осени. Я не дивлюсь Короля шведского жеманству, что же бы ему другое и делать. Он хорошо делает, что не носит военного мундира для того, что у них больше комического, нежели сериозного. Я пишу, матушка, к Безбородке некоторые мои примечания политические, о чем он Вам доложит…»

Екатерина II – Г.А. Потемкину (из Царского Села. Июля 20

числа 1783):

«После долгого ожидания, наконец, вчерашнего числа получила я, любезный друг, твое письмо от 10 сего месяца из Карасу-Базара с приятными вестьми о присяге Крыма и двух Ногайских орд. За все то благодарю тебя. Авось-либо все обойдется на сей раз без дальних хлопот. Ожидаю теперь курьера с обстоятельными вестьми. Прошу тебя уверить трудившихся, что оставлены не будут, а от тебя ожидаю о том представления. Сожалею только о том, что ты был болен и, в слабости быв, много труда понес. Стращает меня чума, дай Боже, чтоб ты успел своих охранить от оной и в Крыме пресечь ее пребывание. Что Принц Вюртембергский охотник служить, скажу сестре; с час на час ждем разрешения сей. <…>

Просит у меня Безбородка 2000 душ ранговых полковничьих деревень в Украине. Говорит, что сие не делает еще шестой доли того, что законы определяют за промыслы барыша короне, а он мало ли придумал…»

Екатерина II – Г.А. Потемкину (из Села Царского. Июля 26 ч., 1783):

«Отпуская майора Глазова обратно к тебе по твоему желанию, вручить велела и сие письмецо, чрез которое уведомляю тебя, друга моего сердечного, что я с прошедшим курьером ответствовала на твое письмо о занятии Крыма. Публика здешняя сим происшествием вообще обрадована: цапанье нам никогда не противно, потерять же мы не любим.

Напиши ко мне, отослал ли ты к Шагин-Гирею голубую ленту, да пришли ко мне имян людей, кои в майоры годятся в Измайловский полк, ибо Олсуфьев умер. Также не забудь мне ответствовать о деревнях, кои Безбородка просит. Александр Дмитриевич выздоравливает от своего нещастливого с лошади упадения. С часа на час месяц целый ждем разрешения Великой Княгини, но по сю пору тщетно. Adieu, mon Ami, portes-Vous bien, я здорова».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (лагерь у Карасу-Базара. 29 июля 1783):

«Матушка Государыня. Я пишу оправдание мое в особливом письме, а здесь доложу о Крыме. Я все старанья употребляю делать подробное описание, но язва, разплодившаяся во всех почти деревнях, препятствует зделать верный щет жителям. Несказанно изобильное и способнейшее место, как для флота, так ради торговли и многих заведений, приличных теплому климату. Сей полуостров еще будет лутче во всем, ежели мы избавимся татар на выход их вон. Много можно обрести способов. Ей Богу, они не стоят земли, а Кубань для них жилище пристойное.

Положение соседей здешних по сие время смирно. Сбирают они главные силы у Измаила и пост у Кочибея. Тут уже сыщется способ их разбивать в поле от корпусов, в Польше расположенных, которые с прибавкою от части полков, назначаемых прежде к Салтыкову, составят хорошую армию. Тем паче сильную, что не будет нужды делиться, ибо я щитаю не ходить дале, а держать у себя в руках места, теперь занятые. Нам нужно выигрывать время, чтоб флот усилить. Потом будем господа.

Меня и Кавказский корпус – помилуйте – оставьте прямо под Вашим предводительством, иначе, право, все пойдет вверх ногами.

По отправлении курьера поеду в Ахтияр для положения, как укреплять; и как о сем месте, равно и о всей пограничной системе, представлю мое мнение.

Корсаков, матушка, такой инженер, что у нас не бывало. Как он Кинбурн отделал, истинно дорого смотреть. Сего человека нужно беречь.

Чтобы понудить полки Малороссийские скорей привести в годность на службу, назначьте из них 4 к Графу Салтыкову, 3 к Князю Репнину и 3 ко мне. Я ручаюсь, что те, кои ко мне написаны будут, верно на будущую кампанию выдут во всякой исправности… Язва сильно в Крыму продолжается, но в войске в мое время в третьем полку Греческом умер один, а больных сею болезнию только трое. В Херсоне все взяты предосторожности. Я, матушка, стою, право, как на часах, имея себе большим помощником Сергея Николаевича Салтыкова, который у меня дежурным генералом. Я об нем Вам примечаю, как о годном весьма для употребления в дела государственные. Он не белоручка. Естли б милость была в уравнении с товарищами его пожаловать Анненский орден, так как и Вице-Адмиралу Клокачеву.

Желание, матушка, чтоб я доложил, кого я знаю, в Измайловский полк: не угодно ли будет Псковского полку полковника Князя Лобанова или Буксгевдена, а из Генералов, право, не знаю, и никто не пожелает. В корпус кадетский годится Генерал-Маиор Князь Меншиков».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (лагерь при Карасу-Базаре. Июля 29 дня 1783):

«Матушка Государыня! Я виноват правда, что не уведомлял долго Вас, кормилица, и сокрушался, что держал долго в неизвестности. Но причина сему была та, что Граф Бальмен от 14 числа июня обнадеживал меня чрез всякого курьера о публикации манифестов и, протянув до последнего числа того месяца, дал

знать, наконец, что татарские чиновники не все собрались еще. Я, видя, что съезд их зависел от их воли, и тут не доставало того, что я ему еще с дороги предписывал сими словами: «возьмите тон военного начальника», решился поскакать сам и чрез три дни объявил манифесты, не смотря, что не все съехались. Говорено было мне всюду, что духовенство противиться будет, а за ними и чернь, но вышло, что духовные приступили из первых, а за ними и все.

Что Вы, матушка, изволили упоминать в письме Вашем, что Вы ожидали покорения Крыма в половине майя, но в предписаниях мне данных сказано сие учинить по моему точно разсмотрению, когда я найду удобным. А писал ко мне Безбородко, что он считает к времяни объявить министрам чужих дворов, естли учинится сие в половине мая. Матушка Государыня, я тогда только что приехал еще в Херсон, и полки в Крым вступить не могли прежде половины июня, а которые дальние, из тех последний сегодня только пришел. Большей части полков марш был по семисот верст. Притом две, иным – три переправы чрез Днепр и Ингулец, из которых меньшая задерживала по четыре дни каждый полк. Естли б Вы знали, сколько мне труда стоило набирать паромов, которых не было вовсе.

Государыня, я Ваши дела произвожу с охотой душевной и с попечением неограниченным. Мне предстояло тысячу забот, и я все исправил, борясь с климатом, с водой и разными недостатками природными и, снабжаясь всем со всевозможной дешевизною, с малым числом помощников и посреди большой язвы, везде один за всех, не щадя себя. Помощию Божиею язва не распространяется ни в войсках, ни в губернии Вашей, и что Вы пишете о слухах заразы, размножают оные трусы, которые и без того сюда не поедут: сборное их место Спа и Париж.

Замашки неудовольственные Фельдмаршала, как Вы называть изволите, не новое, а старое. Дай Бог, чтоб по принятии команды пошло хорошо. Только то известно мне, что на меня за полки Малороссийские кроется досада, что и выплатит, как попадусь в руки, чего Вы меня можете избавить, естли усердие мое и служба Вам надобны. Я прилагаю на будущую операцию мои мысли, как и составление армии, что и подаст способ оставить край, где я командую, под особливым Вашим руководством.

Я еще раз скажу, что я невольным образом виноват, не уведомляя, матушка, Вас долго. Но что касается до занятия Крыма, то сие чем ближе к осени, тем лутче, потому что поздней турки решатся на войну и не так скоро изготовятся.

Мне что пришло на ум, то я писал к Безбородке. Не везде может быть умно, но везде преисполнено усердием. Простите,

матушка Государыня, и будьте уверены, что по моей службе никто со мной не сравнится рвением, и по разположению моего сердца я могу сказать, что нет вернее Вашего нелицемерного раба».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (августа 5 1783. Лагерь у Карасу-Базара):

«Матушка Государыня. Вот, моя кормилица, и грузинские дела приведены к концу. Какой Государь составил столь блестящую эпоху, как Вы. Не один тут блеск. Польза еще большая. Земли, на которые Александр и Помпеи, так сказать, лишь поглядели, те Вы привязали к скипетру российскому, а таврический Херсон – источник нашего християнства, а потому и людскости, уже в объятиях своей дщери. Тут есть что-то мистическое.

Род татарский – тиран России некогда, а в недавних времянах стократный разоритель, коего силу подсек царь Иван Васильевич. Вы же истребили корень. Граница теперешняя обещает покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской. «Взойди на трофей, не обагренный кровию, и прикажи историкам заготовить больше чернил и бумаги…»

Я скоро за сим пришлю курьера с многими представлениями, для которых теперь езжу осматривать в Крыму нужные места. Пишу примечания нужные до инвеституры царя Ираклия к Безбородке; что, матушка, мешает наградить его 2000-и душами ранговых. Я к сей присовокупляю еще две прозьбы о подполковнике Тамаре, столь похвально в Грузии дела производившему, и подполковнике Корсакове, искуснейшем не только у нас, но и везде инженере, весьма трудолюбивом и усердном. Они оба старшие по полкам Екатеринославским…»

Г.А. Потемкин – Екатерине II (лагерь между Акмечетью и Карасу-Базаром на Бурунче. 9 августа 1783):

«Матушка Государыня. Изготовя отправлять сего курьера с ответом об Адмирале Эльфинстоне, получил присланного со Всемилостивейшим рескриптом и награждениями Генералам, от меня рекомендованным.

Матушка моя родная, побывай у меня в сердце, ты увидишь, сколь нелицемерно я несу живот мой, паче на службу, и естли ты благоволишь призирать на мои дела, то я пойду охотно в воду. Возвращаюсь на Эльфинстона. Конечно, предприимчивый Адмирал здесь нужен, но как согласить: Клокачев был капитаном, как тот был уже Адмирал, а теперь старее чином. Ежели Вы найдете способ обойтить сии затруднения, не отымая Клокачева, который нужен для строения, то бы я просил Эльфинстона и с сыном.

В какие приятные стечения обстоятельств Бог Вам дал внуку

Александру Павловну. Насаженные лавры будут возрастать на брегах Эвксина с Александром и Константином, а для нее взойдет роща маслин у мыса, что в древности назывался Парфенион, то есть – девичий. Урочище сие при Балаклаве, тут был в древности храм Дианин. Там Ифигения была жрицей.

Готовя за сим отправить подполковника Попова с описаниями Крыма, теперь не распространяюсь, а цалую ручки Ваши. Остаюсь по смерть».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (из Царского Села. Августа 13, 1783):

«Письмы твои, друг мой сердечный, из лагеря у Карасу-Базара от 29 июля я получила, и уже о прошедшем, по которому ты прислал объяснение, упоминать не буду. Слава Богу, что ты и с тобою в лагере находящиеся войски, посреди сильной Крымской язвы, здоровы. Хорошо бы было, естьли б каждую татарскую деревню для пресечения язвы можно было до того довести, чтоб наблюдали обряд тот, который у нас каждая деревня наблюдала в подобном случае. Скорее пресеклась бы зараза. За все приложенные тобою труды и неограниченные попечения по моим делам не могу тебе довольно изъяснить мое признание. Ты сам знаешь, колико я чувствительна к заслугам, а твои – отличные, так как и моя к тебе дружба и любовь. Дай Бог тебе здоровья и продолжение сил телесных и душевных. Знаю, что не ударишь лицом в грязь.

Будь уверен, что не подчиню тебя никому, окроме себя. Что дешевле подряжаешь, и за то великое тебе спасибо. Только, пожалуй, береги себя для меня. Я очень смеялась тому, что пишешь о слухах заразы размножения теми, у коих сборное место Спа и Париж. C’est un mot delicieux.

Я чаю, после Байрама откроется, на что турки решатся, а дабы не ошибиться, кладу за верно, что объявят войну.

О чем ты писал, о том решение к тебе отправлено. Во флот отправленные к тебе люди, чаю, уже до тебя доходят.

Радуюсь, что Корсаков тебе пригодился и что мои о нем попечения и деньги не втуне остались.

Росписание Малороссийских полков зделано, как сам усмотришь…»

Екатерина II – Г.А. Потемкину (августа 18 ч., 1783. Из Царского Села):

«Вчерашний день я письмо твое от 5 сего месяца получила чрез подполковника Тамара, который привез и Грузинское дело, за которое снова тебе же спасибо. Voila bien des choses de faites en peu de tems.

Прямо ты – друг мой сердечный! На зависть Европы я весьма

спокойно смотрю: пусть балагурят, а мы дело делаем.

По представлениям твоим дела не будут залеживаться, изволь прислать. О Тамаре и Корсакове получишь с сим курьером. Радуюсь, что сей последний столь искусен. Дай Бог тебе здоровья и всякого счастия и удовольствия. А про меня знай, что я на век к тебе непременна…»

Екатерина II – Г.А. Потемкину (из Царского Села. Августа 31 дня 1783):

«Когда я получала от тебя не иные известия, как радостные о твоих успехах и, веселясь о том, на сих днях приказала отпустить на достройку петербургского твоего нового дома на Литейной улице сто тысяч рублей из кабинета, ожидала ли я, чтоб ты всекрайне опечалил меня известием о твоей опасной болезни, которое усмотрела из письма твоего из Кременчуга. Просила я тебя, да и прошу, ради самого Бога и естьли меня любишь, приложи более прежняго старание о сбережении драгоценного твоего для меня здоровья.

Игельстрома оставь у себя, буде тебе надо, а Хану вели сам ехать, куда разсудишь. Лишь будь здоров. Браниться с тобою и за то хочу, для чего в лихорадке и в горячке скачешь повсюду? Теперь крайне буду безпокойна, пока отпишешь, что каков.

Сына Эльфинстона я взяла в службу, а с ним никто не уладит.

Дай Бог скорее услышать о твоем выздоровлении. Тогда станем паки веселиться о твоих успехах. Adieu, mon cher et bien aime Ami».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (до сентября 1783):

«Естли Ваше Императорское Величество благоволите 22 сентября жаловать Александровские ордены, то осмеливаюсь представить Генерал-Порутчика Апухтина. Он первый по армии в сем чине, человек знающий и прилежный».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (из Царского Села. Сентября 11 числа 1783):

«Друг мой сердечный, я об тебе в крайнем безпокойстве, и для того посылаю нарочного курьера, чтоб узнать, каков ты? От посторонних людей слышу, что маленько будто легче тебе, чего от сердца желаю, а наипаче, чтоб ты совершенно выздоровел. О делах тебе скажу, что мое мнение есть, аще турки не объявят нам войны прежде 1 числа октября, чтоб от того числа войски расположить по винтер-квартерам. А именно где, о сем прошу прислать твое мнение, буде тебе в мощь, как надеюсь с помощию Божиею. Сестренцевич сюда приехал и отдал мне твое письмо, и я его всегда находила, как его описываешь. Как Киевский наш Митрополит умер, то переведу в Киев Ростовского, а дабы Новгородский, Московский и Псковский не были в черных

клобуках, когда тот наденет белый, то думаю всех трех нарядить в белые клобуки, дав им титул митрополичий. А на Ростовскую и Владимирскую епархии, опорожненные, переведу по Синодскому докладу из степени в степень.

Теперь отовсюду французские интриги и происки до нас доходят, mais ils ne feront que de l'eau claire, pourvu que Vous Vous porties bien. Adieu, mon cher Ami».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (сентября 17 ч., 1783. Из Петербурга):

«Двои письмы твои из Кременчуга от 31 августа и 8 сентября, друг мой сердечный, я получила одно за другим. Дай Боже, чтоб ты скорее здоровьем оправился. Всекрайне меня обезпокоивает твоя болезнь. Я ведаю, как ты не умеешь быть болен и что во время выздоровления никак не бережешься. Только зделай милость, вспомни в нынешнем случае, что здоровье твое в себе какую важность заключает: благо Империи и мою славу добрую. Поберегись, ради самого Бога, не пусти мою прозьбу мимо ушей. Важнейшее предприятие в свете без тебя оборотится ни во что. Не токмо чтоб осудить, я хвалю тебя, что в Кременчуг переехал, но сие не должно было делать в самую опасность болезни. Я ужаснулась, как услышала, что ты в таком состоянии переехал триста верст… Вести о продолжении прилипчивых болезней херсонских не радостные. Много ли тамо умерло ими? Отпиши, пожалуй, и нет ли ее между посланными матрозами и работниками. По причине продолжения оной едва ли поход мой весною сбыться может.

Прощай, друг мой любезный, молю Бога, да укрепит твое здоровье…

В коронацию мою белый клобук дам одному Новгородскому Архиерею, буде от тебя не получу письма прежде».

Г.А. Потемкин – Екатерине II:

«Всемилостивейшая Государыня!

В крайнем изнеможении от жестокой и продолжительной болезни моей, не в состоянии будучи сам писать к Вашему Императорскому Величеству, должен я сие заимствовать. Я осмелился, Всемилостивейшая Государыня, искать убежища от страданий моих, коего не нашел я в Кременчуге, наполненном лихорадками. Я спешу удалиться оттуда, но болезнь моя остановляет меня ежечасно. Едва в неделю довезли меня до Нежина, и здесь принужден я несколько дней остаться, чтоб собрать остатки ослабевших сил своих и укрепиться на дальнейший путь, которого я уже продолжать не мог. Не знаю, Всемилостивейшая Государыня, чем кончатся мучения мои, но между тем все дела и войски, Всевысочайше мне вверенные, так

распоряжены, что не учинил я и не учиню никакого по оным упущения и коль скоро получу облегчение, то и на службе Вашего Императорского Величества.

Хан Шагин-Гирей, пользуясь влиянием своим в ордах, продолжает приклонять ногайцев к своим видам и не подает ни малой надежды ехать в Россию, отзываясь между прочим, что находится он и теперь в границах Российских. Он требует отправления курьера своего в Петербург, но как сею пересылкою старается выиграть время, то я и приказал ему сказать, что курьера того может он отправить по прибытии своем внутрь Российских пределов. Недавно, призвав к себе находящегося при нем приставом подполковника Рахманова, отзывался он ему, что хочет писать о состоянии своем в Константинополь, к находящимся тамо иностранным министрам, но послано от меня к господину Генерал-Порутчику и Кавалеру Суворову предписание о высылке его из Тамани внутрь Империи Вашего Императорского Величества. Надеюсь я вскоре кончить все его затеи» (Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. Издание подготовил В.С. Лопатин. М., Наука, 1997).

Личная переписка Екатерины II с Григорием Потемкиным, двух близких людей, – драгоценные свидетельства, без которых история становится мифом.

Разногласия продолжались, но вооруженного конфликта не возникло, 28 декабря 1783 года русский посол Булгаков подписал с турецкими уполномоченными акт об уступке России Крымского полуострова.

Русские войска остались на своих местах, флот занял Ахтиарскую бухту, где вскоре раскинулся город Севастополь, татары могут присягнуть российскому трону, а другие свободно покинуть полуостров и переселиться в Турцию, хан со своими сторонниками, получив имперское содержание, могут жить в Калуге.

Европейские правители молчаливо встретили это решение русской императрицы, разослашей иностранным дворам свои письма.

В Европе понимали, что присоединение Крыма к России вызывает недовольство турецких властей. Даже подписание соглашения в Айналы-Каваке между Россией и Турцией в январе 1784 года, в котором Турция признала присоединение Крыма к России и законность Кючук-Кайнарджийского мирного договора, не успокоило европейских дипломатов и министров иностранных дел. Это восприняли как временную отсрочку приближающейся войны. Турция искала для себя союзников в Европе, но Австрия сразу отпала, а Франция пыталась оказать поддержку Турции,

предложив России вывести флот из Черного моря, но Россия отвергла это нелепое предложение, как и другие предложения, ограничивающие самостоятельность русского трона. Лондон отказался вмешиваться в эти хлопотные дела, узнав в 1786 году, что Россия не возобновляет российско-британское торговое соглашение, заключенное в 1766 году. Людовик XVI в письме Екатерине II выразил что-то вроде согласия с объективными обстоятельствами положения, но его министр иностранных дел граф Монморен продолжал двуличную игру традиционной двуличной политики Франции.

Крыму вернули его старинное название – Таврида, разделили на семь округов, татары покинули Крым, а русские поселенцы заселили обжитые места и построили новые поселки. Движение русских войск в Северном Причерноморье вызвало гнев шейха Мансура, и он обратился к кавказским горцам с призывом оказывать сопротивление войскам и обратился за помощью в Стамбул. Екатерина II, узнав об этом противодействии, сообщила своему послу в Турции, что она не оставит без защиты православных грузин, с которыми у России дружеские отношения. В Стамбуле поняли, что Россия начала наступать на Кавказ, а это стратегическое звено турецких властей. Война, казалось, была неизбежна.

5. Екатерина II путешествует по югу России

В январе 1787 года из Царского Села выезжает, как подсчитали историки, 14 огромных саней, 124 – меньших размеров, 40 саней запасных. Движение этого огромного каравана сопровождалось пушечным салютом и огромной толпой провожающих царедворцев, слуг, местных жителей. Екатерина II отправилась посмотреть юг России, ее сопровождали фаворит Александр Мамонов, графиня Протасова, великий камергер Иван Шувалов, Лев Нарышкин, граф Иван Чернышев, фрейлины, послы граф де Сегюр, успешно начавший свою дипломатическую службу, подписавший торговый договор России с Францией, австрийский граф Кобенцль, английский дипломат Аллан Фицгерберт, камер-юнкеры, камергеры, министры, губернаторы, кузнецы и плотники, многочисленный обслуживающий персонал. Ее личный поезд составляют экипажи – спальня, гостиная, кабинет и библиотека. Императрица проведет в поездке много месяцев, она будет работать, принимать посетителей и сопровождавших ее, местных жителей, в том числе и губернаторов, других чиновников. Григорий Потемкин уехал вперед по пути следования императорского поезда. Он в таких

красках представил новый край, что императрице во всем этом необходимо было убедиться, на все это «чудо» посмотреть своими глазами. Но эта поездка не только для нее и ближайшего ее окружения, пусть посмотрят и послы великих европейских держав, уж слишком много сплетен плетется вокруг князя Потемкина, многие завидуют его счастливой судьбе, ведь он был не только ее любовником, он энергичен, забавен, умен, не раз подавал интересные идеи по управлению государством, иностранными делами, ну а теперь пора посмотреть, насколько он великолепен как устроитель южного края России.

Екатерина Алексеевна соблюдала свой дворцовый график. «Обычный порядок, который императрица ввела в свой образ жизни, почти не изменился во время ее путешествия. В шесть часов она вставала и занималась делами с министрами, – писал граф Сегюр, – потом завтракала и принимала нас. В девять часов мы отъезжали и в два останавливались для обеда; после того снова останавливались в семь. Везде она находила дворец или красивый дом, приготовленный для нее. Мы ежедневно обедали с нею. После нескольких минут, посвященных туалету, императрица выходила в залу, разговаривала, играла с нами; в девять часов уходила к себе и занималась до одиннадцати. В городах нам отводили покойные квартиры в домах зажиточных людей. В деревнях мне приходилось спать в избах, где иногда от нестерпимой жары нельзя было уснуть» (Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. СПб., 1865. С. 140).

Дни были короткими, но, как только наступала темнота, по дороге великого путешествия разжигали огромные костры, которые освещали весь путь до семи вечера, так проходило время до ужина. Ближе к ночной остановке около костров стояли мужики и бабы, с любопытством разглядывавшие вереницу огромных экипажей, в которых со всеми удобствами расположилась верховная власть Российской империи.

Отправляясь в путешествие, Екатерина Алексеевна дала указание Марии Федоровне и Павлу Петровичу писать ей во время ее отсутствия в Петербурге. Мария Федоровна отправляла гонцов с письмами. Вот одно из ее писем Екатерине II: «Мой супруг кланяется вам земно, мадам, и будет иметь честь написать вам в пятницу; чтобы доставить себе удовольствие писать вам более часто, не беспокоя ваше императорское величество слишком большим количеством писем одновременно, мы чередуем наши письма. Дети все здоровы, кроме Константина, у которого все еще сыпь; но в остальном он весел, как вы, мадам, узнаете из отчета монсеньора Салтыкова. Кашель Марии уже

слабее, но у нее еще нет зубов. Александра учится с большим усердием и особенно старается научиться писать слово «бабушка». Что касается хорошенькой Елены, как только она видит учителя своей сестры, сразу же говорит ему «до свидания» весьма настоятельным тоном; она всегда сама веселость» (СИРИО. № 15. С. 43–44).

Екатерина II, тут же, во время обеда с послами рассказавшая об этом письме, сказала:

– Я приказала детям сообщать мне о самочувствии внуков. Надеюсь, Александра, которой пошел четвертый год, будет твердо помнить данное ею обещание – во время моего отсутствия быть во всем такой же хорошей девочкой и так же ответственно относиться к обучению письму. Ее сестра, сами понимаете, еще слишком мала, чтобы понимать, какую пользу должно принести обучение.

И тут императрица вспомнила о ссоре при французском дворе во время крестин дофина:

– Ваша светлость, граф, кажется, года два тому назад, в марте 1785 года, во время крестин французского дофина Людовика Карла, граф Людовик Прованский, зная о сложных и противоречивых отношениях в королевской семье, бездумно брякнул священнику: «А вы спросили присутствующих, кто родители дофина?» Священик ответил: «Так вот они, стоят перед нами, король и королева». А граф Прованский с удивлением посмотрел на аристократическую знать…

– Ваше величество! – сказал граф Сегюр. – Я хорошо помню этот факт, действительно вся аристократическая знать присутствовала при этом, мы слышали упомянутый разговор, который легко было объяснить: до рождения дофина наследным принцем был граф Прованский, который пользовался этой привилегией, дающей материальную выгоду, а с рождением законного наследника он утрачивал и положение, и выгоду. Многие иронически улыбались, но дофина родила королева Мария-Антуанетта, а перед этим она родила королю дочь, сына… Король не раз с удовольствием говорил о своей брачной жизни. Не понимаю злобы графа Прованского и иронических улыбок придворных.

Императрица кивнула, а сидевшие за столом понимающе улыбнулись. Они знали и о слухах и сплетнях о французской королеве, которая терпеливо ждала своего мужа на брачном ложе, знали и о том, что император Иосиф II уговорил Людовика XVI сделать элементарную операцию. А ни один королевский или императорский двор не обходился без сплетен и развязных разговоров.

Граф де Сегюр недавно прибыл в Россию, по дороге он случайно встретился с графом Николаем Румянцевым, чуть не поссорился с ним, потом был принят прусским королем Фридрихом II, который немало интересного рассказал о российской императрице, а теперь смотрел на нее и довольно улыбался, но не по поводу ее шутливого воспоминания о наказе детям, а просто дивился тому, что за короткий срок своего пребывания здесь он так много сделал, и тому, что он видел перед собой. До недавнего времени у России и Франции были прохладные отношения, Россия воевала с Турцией, а Франция всеми средствами поддерживала Турцию. Да разве дело было только в этом? А сейчас война закончилась, заключен новый договор между Россией и Турцией, подтверждающий условия Кючук-Кайнарджийского мирного договора, налаживаются мирные отношения. Да и с присоединением Крыма к России Турция и все европейские страны согласились. За это время граф де Сегюр, много раз встречаясь и разговаривая с Екатериной II, изучил ее характер, ее силу и ее слабости и теперь, глядя на нее, 58-летнюю всевластную императрицу, на ее орлиный нос, не утративший прелести рот, голубые глаза и черные брови, приятный взгляд и привлекательную улыбку, на ее широкие платья с пышными рукавами, напоминавшие старинный русский наряд, скрывавшие полноту и другие недостатки, которыми наделило ее все истребляющее время, неожиданно понял, почему так легко и просто она сменила юного любовника Ермолова на не менее юного Александра Дмитриева-Мамонова, веселого и остроумного красавца, которого императрица прозвала Красным Кафтаном. Ермолов хотел соперничать с Потемкиным, пытался «подсиживать» могущественного властелина юга России, а это шло вразрез с намерениями императрицы, которых упрямый Ермолов не сумел разгадать, и это было не личное дело, а государственное. Вот и поплатился… Граф де Сегюр полностью отключился от того, что происходило за обедом… Увлекающийся ум графа поглощен был размышлениями о колоритной фигуре князя Потемкина. Граф де Сегюр еще перед отправкой в Россию кое-что знал о положении в стране, а когда приехал сюда, сразу понял, с кем придется решать свои дела. Во время поездки императрицы в Москву он попытался сблизиться с Потемкиным. Но почему императрица была холодна с ним, Потемкин тоже? И тогда же он, оставшись наедине с князем, спросил, чем объяснить эту неприветливость, не кроется ли за всем этим какая-либо придворная интрига, похожая скорее на сплетню, о которой он ничего не знает.

– Да, – согласился князь, – императрица сегодня не в духе, я

тоже, но ни вы, ни ваше правительство тут не виноваты, виноваты английские министры, которые действуют наперекор всем дружественным уверениям и расстраивают наши намерения. Я уже давно говорил императрице, что они не любят ее, возбуждают против России Германию, Польшу, Турцию. Прусский король, осторожный и подозрительный, не может нам простить союз с Австрией, и он вместе с немецкими герцогами и князьями укрепляет опасный союз против Австрии. И теперь мы знаем, что английский король, на которого Австрия полагалась, начинает действовать во вред нам и в качестве курфюрста Ганноверского присоединяется к прусскому королю и к его Союзу князей. Эта перемена в английской политике нарушает наши предположения, это нас очень рассердило, и я не знаю, что бы дал, чтобы отомстить им.

Граф де Сегюр воспользовался негодованием князя и спросил:

– Если вы хотите отплатить им, то можете это сделать скоро и легко, и притом вы вправе это сделать: лишите их исключительных преимуществ в торговле, которыми они пользуются в России назло другим народам и во вред им самим.

Тут князь улыбнулся:

– Я вас понимаю, но слушайте, я буду говорить с вами, как с другом. Двор ваш давно уже желает заключить торговый договор с нами. Теперь приспело время, воспользуйтесь этим. Вы увидите, что императрица оставила прежние свои предубеждения против Франции, она теперь недовольна англичанами. Не пропускайте такого благоприятного случая, предложите ей условия договора и союза, и я даю вам слово, что буду помогать, чем могу.

– Я охотно последую вашим советам, но между нашими дворами установилась такая холодность, что я опасаюсь подобной попытки, хотя успех обрадовал бы наш двор. Я боюсь оскорбить достоинство нашего короля таким смелым предложением от его имени.

– Ваши опасения неосновательны, – сказал Потемкин. – Впрочем, если вы уже до того осторожны, то послушайте моего совета: мы с вами не раз толковали о торговле, теперь предположите, что у меня память слаба, напишите мне то, что вы мне часто изъясняли как личное ваше мнение, только изложите ваши мысли в виде конфиденциальной ноты, можете даже не подписывать своего имени. Таким образом, вы ничем не рискуете. Вы можете быть уверены, что я буду осторожен и что прочие министры узнают об этом тогда, когда вы получите удовлетворительный ответ, на основании которого вы можете представить официальную ноту в обычном порядке. Но куйте железо, пока оно горячо. Мне бы хотелось, чтобы дело уже было

сделано.

И тут граф де Сегюр вспомнил, улыбаясь, как он зашел в свою комнату, камердинера не было, а без него он не мог найти перо и бумагу, потому пошел к английскому послу Фитцбергеру, и тот дал ему перо и бумагу. На английской бумаге и английским пером он написал ноту, которая, оказалось, имела большую перспективу и которая предопределила суть торгового оборота между двумя великими странами на равенстве прав с обеих сторон.

Потемкин, прочитав ноту, передал ее императрице, которая, как только вернулась в Петербург, дала указание министрам, чтобы они готовили соответствующие документы. А потом, вскоре после возвращения в Петербург, императрица милостиво одобрила смелую попытку графа, которая оказалась столь удачной.

– Вы уже знаете мой ответ, граф, уверения в дружбе, которые я недавно получила от вашего короля, побуждают меня охотно заключить договор, который сблизит нас еще более. Ваше доверие мне понравилось. Мне весьма приятно видеть вас при себе, и я желала, чтобы переговоры об этом деле, важном для обоих государств, были ведены и окончены вами. А то, что обо мне распускают всякие сплетни и слухи, – это вздор, я не обвиняю ваш двор в распространении этих бредней, их выдумывает прусский король из ненависти ко мне, но вы иногда верите им. Ваши соотечественники, несмотря на мое расположение к миру, вечно мне приписывают честолюбивые замыслы, между тем как я решительно отказалась от всяких завоеваний и имею на это важные причины. Я желаю одного мира и возьмусь за оружие в том только случае, если меня к тому принудят. Одни неугомонные турки да пруссаки опасны для спокойствия Европы. А между тем мне не доверяют, а им помогают…

Граф очнулся, эти мысли промелькнули у него в одно мгновение, а императрица продолжала говорить.

– Гораздо более узнаешь, беседуя с простыми людьми о делах их, – уловил слух графа де Сегюра голос российской императрицы, – чем рассуждая с учеными, которые заражены теориями и из ложного стыда, с забавною уверенностью судят о таких вещах, о которых не имеют никаких положительных сведений. Жалкое представление возникает о таких ученых. Они никогда не скажут: я не знаю, а слова эти очень просты для нас, невежд, и часто избавляют нас от опасной решимости. Когда сомневаешься в истине, то лучше ничего не делать, чем делать дурно. Вы, господа, конечно, знаете замечательного ученого Мерсье де ла Ривиера, автор талантливой книги «О естественном

и существенном порядке политических обществ», эта книга в Париже пользовалась небывалым успехом, и мне захотелось познакомиться с автором и его политико-экономической системой. Это был 1767 год, когда я писала свой «Наказ», в России шли выборы в Комиссию собрания для составления нового Уложения. Все слои нашего общества были в движении. Я обещала французскому ученому вознаграждение, и он приехал в Москву, куда и я вскоре должна была приехать. И что же я увидела, когда приехала в Москву? Господин де ла Ривиер нанял три смежных дома, из парадных покоев поделал приемные залы, а из прочих – комнаты для присутствия. Оказывается, ученый-француз вообразил себе, что мы здесь такие невежественные и темные люди, что я пригласила его в помощь для управления империей и для того, чтобы он нам сообщил свои познания и извлек нас от тьмы невежества. Он над всеми этими комнатами прибил надписи пребольшими буквами: *Департамент внутренних дел, Департамент торговли, Департамент юстиции, Департамент финансов, отделение для сбора податей и пр*. Он приглашал многих из жителей столицы, русских и иноземцев, которых ему представили как людей сведущих, явиться к нему для занятия различных должностей, соответственно их способностям. Все это наделало шуму в Москве, и так как все знали, что он приехал по моему приглашению, то нашлись доверчивые люди, которые старались к нему подделаться. Между тем я прекратила эту комедию. Я вывела законодателя из заблуждения. Несколько раз говорила с ним о его сочинении, рассуждения его, признаюсь, мне понравились, потому что он был не глуп, но только честолюбие немного помутило его разум. Я как следует заплатила за все его издержки, и мы расстались довольные друг другом. Он оставил намерение быть первым министром в России и уехал довольный как писатель, но несколько пристыженный как философ, которого честолюбие завело слишком далеко. И я снова повторю то, что раньше сказала: чтобы управлять империей, лучше всего об их делах говорить с простыми людьми, извлекая полезную информацию для государственной деятельности. Господин де ла Ревиер приехал к нам законодателем, он полагал, что мы тут ходим на четвереньках, и был так любезен, что приехал из Мартиники, чтобы учить нас ходить на двух ногах. Кажется, мы уже подъезжаем к Смоленску… А вы, граф де Сегюр, мы, в России, так мало знаем о вас, только внешние биографические данные известны. Расскажите, как формировалось ваше мировосприятие, ведь вы аристократ, ваш отец занимал должность военного министра, а вы помчались в Америку вместе с маркизом

Лафайетом устанавливать там демократические порядки…

Граф де Сегюр не ожидал такого неожиданного вопроса, но умный и откровенный ответ не замедлил себя ждать:

– Вы, ваше величество, хорошо знаете, что в аристократических семьях мужчины получали поверхностное образование, их профессия – военная служба, знание языков – это как бы само собой разумеется, но я был среди тех, кого увлекли философия, экономика, управление государством. В юности, при французском королевском дворе, я оказался рядом с маркизом Жильбером де Лафайетом, лейтенантом «черных мушкетеров», одним из богатейших людей своего времени. Маркиз де Лафайет на обеде у маршала де Бройля познакомился с английским герцогом Глостером, братом английского короля Георга III, который рассказал о событиях в североамериканских колониях Великобритании. Напомню: тринадцать британских колоний в Северной Америке заявили о политической независимости и призвали жителей колонии браться за оружие для защиты независимости. Природное чувство справедливости возобладало и у маркиза, и у тех, кому он это рассказал. Особенно после того, как жители колоний восстали и приняли Декларацию независимости. Простите, ваше величество, боюсь, что я утомил вас своими рассказами.

– Нет, нет, граф, не утомили, но скоро мы будем в Смоленске, так что отложим ваш рассказ. Кстати, я приглашала маркиза де Лафайета в свою поездку по России, но какие-то очень серьезные дела во Франции помешали ему присоединиться к нам.

В Смоленске – первая остановка, здесь их ждали больше пятисот свежих лошадей, пришлось задержаться здесь дольше, чем предполагалось, пришлось лечить Александра Мамонова, которого мучил кашель, болело горло, но за эти три дня в Смоленске врачи привели в порядок здоровье неунывающего любовника Екатерины II.

И вновь огромный поезд из карет двинулся в сторону Киева.

Всю дорогу до Киева граф де Сегюр рассказывал о судьбе маркиза и его спутниках, которым пришлось преодолеть 900 миль пути от Чарлстоуна, где они ступили на американскую землю 15 июня 1777 года, до Филадельфии, где заседал конгресс, решавший очередные дела. Разобравшись в сути приезда маркиза в Америку, конгресс принял решение – назначить его начальником штаба армии Соединенных Штатов и присвоить ему звание генерал-майора североамериканской армии.

Активные действия маркиза де Лафайета против англичан стали известны и во Франции, и в Великобритании, он стал популярнейшей личностью среди аристократов знати. Наконец 6

февраля 1778 года был заключен франко-американский союз.

Как только граф де Сегюр начал рассказывать о возвращении генерала Лафайета во Францию, Екатерина II прервала его:

– Князь Барятинский, наш посол во Франции, писал об этом плавании генерала Лафайета, он отправился из Бостона в конце января 1779 года на американском фрегате о тридцати шести пушках с несколькими французскими офицерами. В качестве обслуживающего персонала рискнул взять нескольких пленных англичан, которые во время плавания устроили заговор, задумав Лафайета и офицеров прикончить, а фрегат отвезти в Англию. Один из матросов, которому злоумышленники доверились, рассказал генералу Лафайету о заговоре. Тридцать шесть заговорщиков сковали и доставили их в Брест. Король не принял Лафайета, отправив его под домашний арест. Людовик XVI словно не слышал о заслугах генерала. Но под домашним арестом маркиз пробыл не более десяти дней, потом был представлен королю и королевской семье. Король сообщил маркизу, что за хорошее его поведение в Америке он прощает маркизу легкий его проступок и преступление неповиновения. По просьбе королевы Марии-Антуанетты король присвоил маркизу звание полковника королевских гренадеров.

– Что творилось в обществе, ваше величество, – снова вступил в разговор граф де Сегюр, – уму непостижимо, ведь генерала чествовали не только как участника военных событий, но главным образом как носителя идей свободы и равенства. На всех приемах и празднествах он был в центре внимания, а на одном из спектаклей Комеди Франсез примадонна королевской труппы, приостановив действие пьесы, бросила в ложу, где сидел маркиз, лавровый венок и продекламировала специально подобранные строки. Долго не смолкала буря аплодисментов в честь героя американской войны за свободу.

– Знаю, знаю, господа, даже Версаль забеспокоился из-за этого триумфа, и Людовик XVI написал маркизу письмо, советуя, чтобы он меньше бывал на публике. Но это длилось недолго. В начале 1780 года король Людовик и конгресс решили вновь направить маркиза в Америку, Франция торжественно проводила маркиза на фрегате в гавань Бостон, а вслед за ним отправила экспедиционный корпус во главе с генералом графом де Рошамбо. Война началась нешуточная, то англичане, то американцы с французами одерживали верх… Наконец в октябре 1781 года лорд Корнуоллис, армия которого была окружена американцами и французами, прислал парламентера к генералу Вашингтону о капитуляции. А в декабре 1781 года на борту фрегата «Альянс» маркиз де Лафайет отбыл во Францию.

Правильно, граф, я вспоминаю события, помню ли я название фрегата?

– Ваше величество, ваша память просто удивительна, все точно, и числа, и название фрегата…

Вскоре последовала остановка в Киеве, где петербургская экспедиция провела три месяца, ожидая, когда растает лед на Днепре, только тогда можно было пересесть на галеры и плыть по Днепру.

За эти месяцы состоялось несметное количество балов, праздничных вечеров, концертов. Было очень шумно и весело, были приемы и длительные разговоры, были богослужения и обедни, было много незнакомых чиновников, губернаторов, министров, знатных людей из Польши. Граф де Сегюр утомился обилием впечатлений и неосторожно заметил:

– Столько месяцев мы едем по России, а видим все одно и то же – тот же двор, слушаем все те же православные обедни и присутствуем на тех же балах.

Конечно, эти слова графа, о которых он потом сожалел, тут же передали императрице, она же, выбрав момент, сказала графу:

– Я слышала, будто вы порицаете меня за то, что я во всех городах устраиваю аудиенции и празднества. Но вот почему это так: я путешествую не для того только, чтобы осматривать местности, но чтобы видеть людей. Я довольно знаю этот путь по планам и по описаниям, и при быстроте нашей езды я бы немного могла рассмотреть. Мне нужно дать народу возможность дойти до меня, выслушать жалобы и внушить лицам, которые могут употребить во зло мое доверие, – опасение, что я открою все их грехи, их нерадение и несправедливости. Вот какую пользу хочу я извлечь из моей поездки. Одно известие о моем намерении поведет к добру. Я держусь правила, что «*глаз хозяйский зо8рок*».

Тут произошел очередной извив российско-французских отношений. Граф де Сегюр узнал, что русский посол Булгаков в Константинополе разжигает вражду между турецкими властителями, а французский посол Шуазель, пытаясь умерить усилия русского посла, чрезмерно драматизирует конфликт, часто тревожится понапрасну. На этой почве уже возникло несколько инцидентов.

Положение французского посла оказалось сложным, порой противоречивым: он только что заключил выгодный торговый договор с Россией, в любезных отношениях с императрицей и ее министрами, а в Турции французский посол Шуазель противоборствует с русским послом Булгаковым. Понимая свое положение, граф де Сегюр попросил графа Александра Безбородко, заведовавшего иностранными делами, принять его.

– Ваша светлость, – решительно сказал граф де Сегюр, – наш король не может остаться равнодушным, когда русское правительство, опираясь на наше посредничество, с помощью которого оно достигло удовлетворения всех своих требований, вдруг, не известив нас, начинает снова прежний спор и, следовательно, не ставит ни во что недавний договор, утвержденный подписью ее величества. Вы положительно обещали, что русское правительство не будет требовать от Порты торжественного признания прав императрицы на Грузию. Требовать этого признания теперь без нашего ведома – значит поступать наперекор приязни, существующей между нашими государствами. Только неблагоразумной поспешностью господина Булгакова свершилось действие, которое разрушило наше единство намерений. Это непредвиденное происшествие беспокоит нашего короля.

– Императрица готова повторить королю, – отвечал Безбородко, – уверения в своей дружбе. Она осталась совершенно довольна договором, заключенным в Константинополе при посредничестве его величества, и требует только его исполнения, напрасно и давно ею ожидаемого. Порта, вместо того чтобы, по обещанию своему, послать ахалцихскому паше фирман, приказала ему вступить в переговоры с грузинским царем Ираклием, которого продолжают называть своим данником. Она обещает Ираклию свое покровительство и защиту от лезгин, а между тем позволяет ему держать в своих владениях лишь небольшой отряд русских войск, да и то советует ему отдать их в распоряжение турецких властей. Ираклий, недовольный этими стеснениями, прекратил всякие переговоры с Турцией и известил нас о своих действиях. Вследствие этого Булгакову повелено было, не посылая официальной ноты, жаловаться словесно и ускорить отсылку фирмана к паше, соответственно договору. Императрица ни в коем случае не уступит своих прав на Грузию, хотя и запретила Булгакову требовать формального признания зависимости этой области от России. Что же касается закубанских татар, которые беспрестанно совершают набеги на наши территории, то мы весьма скромно говорим туркам: «Если это ваши подданные, то накажите их; если нет, то предоставьте нам с ними справиться». Порта получила разрешение взять из Крыма соли на продовольствие 100 тысяч человек, она забирает на целый миллион. Запорожские казаки, поселенные на землях султана, должны были оставаться за Бугом, а им дозволили селиться близ Очакова. Впрочем, последние два обстоятельства могут быть устранены частными сделками с турецкими властями и не послужат поводом к обоюдным несогласиям. Что касается

Булгакова, то он получит приказание оказывать должное внимание французскому послу, и если он нарушит долг свой, то я его извещу о неудовольствии императрицы.

Разговор с графом Безбородко вполне удовлетворил графа де Сегюра, но вскоре вскрылась главная причина своевольства Булгакова: оказывается, он получил жесткое письмо князя Потемкина, в котором тот явно хотел ожесточить Порту и подтолкнуть ее к началу войны: у князя не было Георгиевской ленты, а во время войны он станет главнокомандующим, одержит победу и его наградят – среди многочисленных наград ему не хватало Георгиевской ленты, только после этого он удовлетворит свое тщеславие.

«Боялся ли Булгаков могущественного министра, – писал в своих воспоминаниях граф де Сегюр, – или думал исполнить тайные замыслы императрицы, но он последовал увещаниям Потемкина, увлекся, принял грозный и высокомерный тон. Наконец, боясь сопротивления со стороны нашего посла, Булгаков, скрывая от него свои действия, от пустых переговоров дошел до важного спора, который усиливался при деятельных интригах со стороны Англии и Пруссии. Эти две державы, недовольные торговым договором, который я заключил между Францией и Россиею, представили его турецкому правительству как одно из следствий союза против него.

Но до самой крайности эти раздоры довели огромные массы войск, которые князь Потемкин подвинул к Черному морю, желая будто бы придать тем более величия и пышности зрелищу, представленному Европе в виде торжественного поезда императрицы. Султан с явным беспокойством замечал, что пограничные русские области полны пехотой и конницей и снабжены артиллерией, что войска превосходно обмундированы, что заготовлен огромный запас денег и продовольствия и что все было готово к начатию войны и взятию Очакова при первом знаке, поданном Екатериною» (Записки графа де Сегюра. С. 173–174).

Однако Екатерина II этого знака не подавала, хорошо зная, что против войны с Турцией не только Англия и Пруссия, но заколебалась и Австрия, во всяком случае граф Кобенцель получил инструкцию во всем поддерживать французского посла графа де Сегюра. Узнал об этом и князь Потемкин и при встрече с графом де Сегюром, не сдерживаясь, откровенно высказал свое неудовольствие:

– Стало быть, решено, что ваша нация, самая образованная в мире, будет всегда защитницею изуверов и невежд. И все это под предлогом торговых выгод, которые могли бы быть заменены для

вас приобретениями в Архипелаге. Вся Европа готова обвинять Францию, которая упорно охраняет в недрах ее варварство и чуму.

Граф де Сегюр сдержанно ответил вспыхнувшему Потемкину. Внутренние волнения во Франции продолжались, до графа доходили сведения, что министры и придворные опасались дворцового переворота, внутренней смуты, и всякие мысли о войне тут же отстраняли, как нечто невозможное.

22 апреля 1787 года, отпраздновав день рождения императрицы и получив многочисленные награды из ее рук, экспедиция погрузилась на великолепнейшую флотилию из 80 судов с 3 тысячами матросов и солдат. Двинулись вниз по Днепру. Во главе шла огромная галера «Днепр», на которой разместились императрица и ее придворный штат, далее – галера с графом Кобенцелем и Фитцгербертом, за ней галера с герцогом де Линем и графом де Сегюром, за ними галера с князем Потемкиным и его племянницами, далее плыли суда с придворными и министрами и полный штат обслуживающего персонала.

Южные города следовали один за другим, пышность и празднество продолжались, но зарубежные послы и министерский и придворный штат императрицы были в постоянной и напряженной работе.

В Каневе к флотилии присоединился австрийский император Иосиф II, прибывший под скромным псевдонимом графа Фалькенштейна. Он раскрыл свои императорские замыслы. Постоянно прогуливаясь с графом Фалькенштейном, граф де Сегюр узнал, что император мало сочувствует честолюбивым замыслам русской императрицы.

– Константинополь всегда будет предметом зависти и раздоров, – говорил он. – Великие державы никогда не согласятся с разделом Турции. Вот вы удивляетесь, граф, быстрым успехам русских предприятий. Но здесь больше блеска, чем дела, Потемкин деятелен, но он более способен начать великое предприятие, чем привести его к окончанию. Впрочем, все возможно, если расточать деньги и не жалеть людей. В Германии или во Франции мы не посмели бы и думать о том, что здесь производится без особенных затруднений. Я понимаю, что этот человек, несмотря на свои странности, мог приобрести влияние на императрицу. У него твердая воля, пылкое воображение, и он не только полезен ей, но и необходим. Вы знаете русских и согласитесь, что трудно сыскать между ними человека более способного управлять и держать в руках народ еще грубый, недавно лишь тронутый просвещением и обуздать беспокойный

двор.

Граф Фалькенштейн постоянно разговаривал и с графом Кобенцелем, предписывая ему бороться за мир против войны. Если императрица начнет войну, то Австрия, поддерживая союзницу Россию, может потерять Францию и Пруссию.

Приехал из Константинополя Булгаков и интернунций императора Герберт. Вместе с графом Безбородко и графом де Сегюром начали совещание, на котором было выработано несколько предложений, одобренных Екатериной II и всеми заинтересованными сторонами: Порта должна выдать требуемый фирман; споры о зависимости Грузии прекращаются; Порта должна принудить алжирцев возвратить захваченные ими русские суда, дозволить русским наказать кубанских татар, которые тогда взяли в плен тысячу русских, и удерживать за пределами Буга запорожцев, поселившихся на этих землях; затем турки должны обязаться вперед не забирать соли в Крыму более установленного количества, не возобновлять требований о выдаче господаря Маврокордата, бежавшего в Россию, и, наконец, наказать бунтовщиков, которые нанесли обиду консулам императрицы в Родосе и Кандии.

По всему чувствовалось, что на какое-то время императрица охладела к графу де Сегюру, холодно приветствовала при встречах, не разговаривала, и графу казалось, что тому его позиция в отношении Константинополя повод. Но после нескольких дней молчания императрица заговорила с ним, открывая истинную причину своего неудовольствия: кто-то усердно нашептывал ей, что графу надоела эта поездка и он, дескать, мечтает об отпуске, о семье, о Париже. И в Кизикермене, в 75 верстах от Херсона, садясь в карету, Екатерина Алексеевна обратилась к графу де Сегюру:

– Напрасно вы, граф, таите свою печаль, мечтая о семье, о Париже, зачем уж так связывать себя с этой утомительной поездкой. Берите отпуск и отправляйтесь домой. Если вам скучно в степи, то кто же вам мешает отправиться в Париж, где вас ожидает столько удовольствий?

И приказала кучеру двигаться вперед, к назначенному месту. Граф де Сегюр, помрачневший и неуступчивый, не успел ответить недовольной императрице.

По дороге в степь он все время думал о непонятной шутке императрицы. Как только добрался до полевого лагеря, он нашел шатер императрицы и попросил ее растолковать ему, что она имела в виду, когда говорила об отпуске и Париже. Что это? Шутка?

– Нет, граф, это вовсе не шутка. Я уже не раз вам,

тридцатилетнему обаятельному красавцу, говорила, что ваши парижские красавицы, без сомнения, жалеют вас, что вы должны проехать 6 тысяч верст по варварской стране, по степям, со скучной царицей. А потому, узнав, что вам прислали отпуск, я не хотела со своей стороны задерживать вас, хотя мне не хотелось бы вас отпускать.

– Стало быть, ваше величество, – сказал ошеломленный граф де Сегюр, – вы считаете меня человеком слепым, неблагодарным, безрассудным и с грубым вкусом. Я даже, к моему огорчению, принужден видеть в этом остаток вашего предубеждения вообще против всех французов, но они не заслуживают такого неосновательного суждения. Нигде так вас не уважают и не ценят, как во Франции, и в этом отношении я верный представитель своих соотечественников. К искреннему моему сожалению, я должен буду на время уехать по возвращении вашем в Петербург, но если вам угодно, чтобы я уехал ранее, то это будет для меня то же, что ссылка.

– Я этого вовсе не хочу, – сказала императрица с улыбкой, – напротив того, мне бы хотелось, чтобы вы всегда могли быть при мне, и вы это очень хорошо знаете. Хотя я немного посердилась на вас по случаю недавнего посещения, которым меня удостоили ваши умные ученики, бородатые турки, но теперь моя досада прошла совершенно. Вы подготовили отличное послание турецким властям, им это понравится. Да и вашему королю будет видно, что я уступчива, искренно желаю мира и вовсе не так честолюбива, как обыкновенно полагают.

Не успела она это сказать, как в шатер вошли император Иосиф II, Александр Безбородко, граф Кобенцель, лорд Фитцгерберт, придворные, чиновники.

После совещания Иосиф II, взяв под руку графа де Сегюра, отправился гулять с ним по ночной степи, минуя верблюдов и татарских пастухов. Неожиданно Иосиф II сказал:

– Какое странное путешествие! Кто бы мог подумать, что я вместе с Екатериною II, французским и английским посланниками буду бродить по татарским степям! Это совершенно новая страница истории!

– Мне скорее кажется, – сказал граф де Сегюр, – что это страница из «Тысячи и одной ночи», что меня зовут Джафаром и что я прогуливаюсь с халифом Гаруном аль-Рашидом, по обыкновению своему переодетым.

Иосиф II размышлял совсем недолго, потом сказал:

– Право, я не знаю, наяву ли это, или ваши слова о «Тысяче и одной ночи» подействовали на мое воображение. Посмотрите вон туда…

Огромная кибитка двигалась в их сторону. По знаку императора кибитка остановилась, из нее один за другим вышли калмыки, император и граф заглянули внутрь, а калмыки объяснили им непростое устройство кочевого жилища, которым они пользовались во все времена года.

На следующий день императорский поезд достиг Перекопского перешейка. 19 мая переехали знаменитую Перекопскую линию. 20 июня, минуя Салгир и гористую местность, снова вступили в зеленую долину, полную живописных полей, красивых домиков и трудолюбивых поселян. Вскоре поезд прибыл в Бахчисарай, и путешественники разместились во дворцах татарских ханов. Бахчисарай произвел на Екатерину II и ее окружение огромное впечатление, и она не удержалась, чтобы не передать его в письме барону Гримму 21 мая 1787 года: «Третьего дня мы перебрались через Перекопский вал и вчера, около шести часов пополудни, прибыли сюда все в добром здоровье и веселые. Всю дорогу нас конвоировали татары, а в нескольких верстах отсюда мы нашли все, что только есть лучшего в Крыму. Картина была великолепная: предшествуемые, подпираемые сзади и окруженные с флангов, в открытых экипажах по восемь персон в каждом, мы въехали в Бахчисарай и сразу направились к резиденции ханов. Нас поселили среди минаретов и мечетей, где люди кричали, молились, пели и крутились на одной ноге пять раз в сутки. Мы отлично слышали все это за своими окнами. Так как сегодня праздник Константина и Елены, мы отстояли молебен – во дворе, в специально установленной палатке. О, какое тут идет любопытное представление! Кто? Где? Принц Делинь говорит, что это не путешествие, а ряд празднеств, не прерывающихся и разнообразных, нигде не виданных и каких нигде более не увидишь. Скажут: какой льстец этот принц Делинь! Но, быть может, он и не совсем неправ» (РА. 1878. Кн. 3. С. 142; СИРИО. № 23. С. 411).

Пять дней провела императрица в Бахчисарае. Затем был Инкерман, который татары называли Ахтиаром, а Екатерина – Севастополем.

В заливе в боевом порядке выстроился флот из двадцати пяти военных кораблей, который залпами приветствовал российскую императрицу, а ведь два года тому назад ничего подобного здесь не было. «Несколько зданий для складки товаров, – вспоминал граф де Сегюр, – адмиралтейство, городские укрепления, 400 домов, толпы рабочих, сильный гарнизон, госпиталь, верфи, пристани, торговая и карантинная, все придавало Севастополю вид довольно значительного города. Нам казалось

непостижимым, каким образом в 2000 верстах от столицы, в недавно приобретенном крае, Потемкин нашел возможность воздвигнуть такие здания, соорудить город, создать флот, утвердить порт и поселить столько жителей: это действительно был подвиг необыкновенной деятельности.

Три корабля, спущенные при нас в Херсоне, и другие из Таганрога должны были прибыть сюда вскоре. Но между тем в заливе уже стояла эскадра из двадцати пяти военных кораблей, совершенно вооруженных, снабженных всем нужным и готовых по первому мановению Екатерины тотчас же встать под паруса.

Вход в залив спокоен, безопасен, защищен от ветра и достаточно узок, так что с береговых батарей можно открыть перекрестный огонь…» (Записки графа Сегюра. С. 214).

Проехав в обратном направлении Крымские пустыни, Перекопский перешеек и Ногайские степи, император Иосиф II довольно откровенно рассуждал с графом де Сегюром о своих политических намерениях по константинопольским делам:

– Надеюсь, что вы теперь довольны, Булгаков и Герберт представят Порте предложения, которые составлены с вашего согласия. Уверены ли вы теперь в возможности мира?

– Граф, – по привычке де Сегюр назвал императора вымышленным именем, – теперь все зависит от того, как императрица смотрит на эти предложения и как их представят турецкому правительству. Может быть, она видит в них только готовый материал для манифеста. Я боюсь, что зрелище военных сил, собранных на море и на суше, рассеет в уме ее опасения насчет препятствий, которые могут встретить ее властолюбивые замыслы. Все готово, и если она вздумает воспользоваться предлогом, что турки медлят удовлетворить ее требования, то часть ее войска может осадить Очаков и Аккерман. Эти укрепления не могут долго держаться, их возьмут без затруднений. В то же время другая часть армии, переправясь на Севастопольском флоте, может выйти на берег между Варною и Константинополем, угрожать турецкой столице и даже взять ее, если страх овладеет умами суеверных мусульман. Напротив того турки, лишившись Крыма, если захотят напасть на русских, должны будут пройти через Болгарию, Бессарабию, Молдавию, Валахию и Новую Сербию, что затруднительно для регулярного войска. К тому же 500 тысяч русских достаточно, чтобы задержать их на Буге или Днестре. Одни только политические затруднения могут остановить государыню, и вы лучше меня знаете, до какой степени она должна опасаться препятствий с этой стороны.

– Я очень хорошо вас понимаю, – задумчиво ответил император Иосиф II, – моя уступчивость во время завоевания

Крыма заставляет вас думать, что я соглашусь на новые завоевания. Вы ошибаетесь: я искренно желаю сохранения мира. Занятие Крыма русскими меня не тревожило: единственным последствием этого было умирение турок. У них была отнята возможность начать наступательную войну. К тому же я находил в этом свои выгоды. Во-первых, мои владения защищены от нападения турок, так как турки должны опасаться русских войск и флота, которые из Крыма могут напасть на них с тыла. Далее, я имел уверенность, что разъединю двор петербургский с берлинским и лишу прусского короля могущественного его союзника. Вот что, собственно, побудило меня заставить турок уступить Екатерине Крым. Но теперь совсем другое дело. Я не допущу русских утвердиться в Константинополе. Для Вены, во всяком случае, безопаснее иметь соседей в чалмах, нежели в шапках. Впрочем, этот замысел, возникший в пламенном воображении императрицы, неисполним. Если бы достаточно было одного ее указа, чтобы занять Константинополь и короновать внука ее Константина, то ей невозможно будет устоять против турецких сил, сосредоточенных в Малой Азии, и против других государств, если они возьмут сторону мусульман. В таком случае она вынуждена будет сосредоточить в одном месте всю свою армию, оставить без войска почти половину своей империи и даже переместить столицу.

– В самом деле, – согласился граф де Сегюр, – мне кажется, что можно успокоиться насчет безопасности Константинополя, сохранение которого одинаково важно как для венского, так и для французского двора. Но в то же время при виде всех этих огромных предприятий нельзя не подозревать другого, более правдоподобного предприятия, чем распространение русских пределов до Днестра. Если эта попытка осуществится, то непременно возгорится война, чрезвычайно вредная для нас. Но я надеюсь, что, по благоразумию своему и по дружбе к королю, Австрия будет действовать миролюбиво и примет нужные меры для предупреждения несогласий. Думаю, что король может на нее положиться, потому что если, во время завоевания Крыма, он убеждал Порту уступить этот полуостров России, то делал это для спокойствия и политических выгод своего зятя и союзника.

– Я сделал, что мог, – сказал Иосиф II, – но вы сами видите, государыня увлекается. Надобно, чтобы турки пошли навстречу требованиям, им предложенным. Если они отказом вооружат императрицу против себя, то кто может воспрепятствовать ей отомстить и взять у них несколько городов? У нее огромное, бодрое, неутомимое войско. Оно пройдет, куда она захочет… Вдали от столицы пробивают дороги, устраивают пристани,

строятся на болотах, воздвигают дворцы, разводят парки среди степей, и все это делается без платы, без покрова, иногда без пищи и всегда без ропота. Из всех монархов Европы императрица одна только действительно богата. Она много повсюду издерживает и не имеет долгов. Ассигнации свои она оценивает во сколько хочет. Если бы ей вздумалось, она могла бы ввести кожаные деньги. Между тем Англия обременена своими бумажными деньгами. Франция публично признала расстроенное положение своих финансов. А я едва могу покрыть издержки на поселения в Галиции и новые крепости, которые там строятся.

– Ничего с этим не поделаешь, все эти затруднительные обстоятельства, – согласился де Сегюр, – тем более должны побудить вас всячески избегать разорительной войны.

«Здесь, где тому назад три года не было ничего, – писала Екатерина II барону Гримму из Севастополя 23 мая 1787 года, – я нашла довольно красивый город и маленькую флотилию, довольно живую и бойкую на вид; гавань, якорная стоянка и пристань хороши от природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что он во всем этом обнаружил величайшую деятельность и прозорливость. Турецкий флот, который стоит приблизительно в шестистах верстах отсюда, еще не показывался; увидим, явится ли он сюда, сделать высадку и выгнать нас отсюда, как предсказывают в газетах. Граф Фалькенштейн, по-видимому, очень доволен всем виденным».

6. Вторая Русско-турецкая война

В Петербурге известия из Константинополя и Парижа воспринимались с беспокойством. Совсем недавно, как только в 1779 году родился внук Константин, Екатерина II думала о «греческом проекте» как о государственной политике, а о короновании внука как о высшем достижении своей власти. Но столько препятствий возникло на ее пути… Она надеялась, что все христианские европейские страны поддержат ее устремления, но ошиблась. Южные христианские народы оставались под турецким владычеством. С Людовиком XVI установились добрые отношения. Павел Петрович и Мария Федоровна восторженно отзывались о французской королевской чете, о французских принцах и придворной аристократии. Казалось, все наладилось. Но внешняя политика – дело сложное и противоречивое, столько подспудных, незаметных для постороннего глаза движений происходит там…

В сентябре 1784 года в Константинополь прибыл в качестве полномочного посла Франции граф де Шуазель-Гуфье, имея

инструкцию Людовика XVI и графа Вержена способствовать сохранению мира между Турцией и Россией. Одновременно с этим Франция направила в Турцию военных инструкторов и инженеров для укрепления обороноспособности Оттоманской империи. Для Екатерины II это был удар.

В России пристально следили за внешней политикой Франции. Граф Александр Безбородко, один из авторов греческого проекта, 4 апреля 1785 года писал русскому послу в Англии графу С. Воронцову: «Ваше сиятельство знает, что я на известный план большой о Греции взирал как на такую вещь, которой хотя и невозможно почти достигнуть, но, доходя ее, многое доброе получить возможно… Очаков с его округами по Днестр, положение границы ближайшей от Черного моря к Каспийскому, соединяя Империю с Грузией и побережными Персидскими ближайшими местами по Баку или далее, взяв их в точное Российское владение, принесет уже нам великую пользу и безопасность границ. А когда бы можно было обеспечить, паче всякого чаяния, независимость Молдавии и Валахии с Бессарабиею, то сие превзошло бы все, что и мыслить можно. Империя Оттоманская теперь еще слабее прежнего… Ваше сиятельство, примите сие за опыт моей беспредельной к вам откровенности. Сожгите сие письмо по прочтении» (Архив князя Воронцова. Кн. 1—40. М., 1870–1895. Кн. 13. С. 126). А чуть позднее, 24 октября 1785 года, он, узнав о двуличии Франции, писал графу С. Воронцову: «Франция для нас враждебная есть страна, по ее интересам с Портою» (Там же. С. 98).

В ноябре 1785 года императрица Екатерина признавалась в письме барону Гримму:

«В Херсон я думаю ехать в конце 1786 года, ну а о Константинополе где же думать? Туда отправляться надобно бы в хорошей и многочисленной компании. Уже одна мысль об этом, при всей своей несбыточности, поднимает всю жолчь у ваших политиков, без ума влюбленных в марабутов, их друзей и покровителей. Эти марабуты до того дороги их сердцу, что нет случая, которым бы они не воспользовались для сообщения мне, что они во что бы то ни стало будут отстаивать своих прелестных марабутов. Дай им Бог иметь когда-нибудь своими соседями, тогда они заговорят иначе; но к чему делать все эти заявления мне? Думают ли этим запугать меня, думают ли помешать мне делать то, что могло бы потребовать благо моего государства? Что они там хитрят! Этим они только отдаляют от себя мое расположение, и пусть не прогневаются, если из этого выйдет что придется.

Говорить людям что способно их раздражать, это значит –

подливать масло в огонь. И чего могу я ожидать от людей, которые мне беспрестанно говорят: естественные враги вашего государства самые дорогие, самые закадычные друзья наши. Мы их любим и жалуем и стоим за них горой. У меня на это может быть только один ответ: кто друг моим естественным врагам, тот недруг мне, и затем мое им почтение…» (РА. 1878. № 9. С. 122).

Граф де Сегюр, наблюдая за происходящим на Кавказе между русскими и горцами, а главное – помня о том, что в августе 1783 года Восточная Грузия заключила с Россией Георгиевский трактат на установление протектората для защиты от Турции и Персии, извещал свое правительство о том, что Россия намерена раздробить Оттоманскую империю, ослабить ее военную мощь. «Я, как и вы, г-н граф, думаю, – писал де Сегюр министру иностранных дел Вержену 1 сентября 1786 года, – что Россия пошла по очень плохому пути, приняв под свою зависимость Грузию. Это ничего не добавляет к ее мощи, но создает для нее много затруднений, увеличивая ее расходы и лишения ее подданных от войны с соседями…» (*Черкасов П.П.* Екатерина Вторая и Людовик XVI. М., 2004. С. 307). А 30 декабря 1786 года граф де Сегюр в письме Вержену наконец-то написал о главном в политике Екатерины II: «Екатерина Вторая не желает полностью отказаться от столь блестящей химеры, которой она так долго была увлечена… Она возлагает на будущее осуществление самой большой части плана, который встречает такую оппозицию и который мог бы разжечь пламя большой войны. Она же намерена заложить первый камень в основание этого огромного здания. Таврида, Грузия, Киммерийский Босфор, Иверия – все это отдельные части бывшей Греческой империи, которыми она уже распоряжается. Она может короновать Константина как императора греков, показав тем самым, что могла бы завершить задуманное, если бы другие государи Христианского мира способствовали ее великим замыслам в надежде, что возрождаемый Константином титул воодушевит всех греков, побудив поднять восстание и сбросить угнетающее их иго…» (Там же. С. 307–308).

Но беспокоил русскую императрицу и Кавказ. То и дело горские отряды нападали на грузинские селения, грабили и уводили пленных. Ираклий II, царь Карталинский и Кахетинский, жаловался в Петербург на разбойные нападения горцев. С 1626 года древняя грузинская область Ахалцихе была захвачена турками, ахалцихский властитель Сулейман-паша, наместник султана Абдул-Гамида I в Верхней Карталинии, после 1783 года вел открытую войну не только с грузинскими поселениями, но нападал и на российские гарнизоны, где находились два

батальона Кавказского корпуса под командованием генерал-поручика П.С. Потемкина, родственника князя Григория Потемкина.

Много раз Григорий Потемкин сообщал Екатерине II о нападениях отрядов Сулейман-паши: впрочем, русские батальоны преследовали турок, возвращали имущество грузинским поселянам, а разбойников большей частью уничтожали. Весной 1785 года паша Ахалцихский, собрав 1200 лезгин и 500 турок, прошел ночью вниз по реке Куре, опустошил несколько грузинских поселений. Возвращаясь с пленными и добычей, отряд лезгин и турок столкнулся с отрядом в 300 егерей и 120 грузинских кавалеристов. Более часа продолжалось сражение, отряд егерей уничтожил больше 300 лезгин и турок, остальные были обращены в бегство, имущество и пленные поселяне были возвращены в свои родные места. Князь Потемкин заверил императрицу, что и малое число россиян всегда может противостоять тысячам неприятелей. «Турки в Грузии явно действуют – лезгинскими лапами вынимают из огня каштаны, – писал князь Потемкин осенью 1785 года. – Сие есть опровержение мирного трактата, который уже нарушен в Молдавии и Валахии. Противу сего всякие слабые меры действительны быть не могут. Тут не слова, но действие нужно, нужно, чтоб сохранить честь, славу и Государства, и пользу Государя» (Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 201).

Граф Александр Безбородко сообщил о нападении отряда ахалцихского паши на грузинские деревни русскому послу в Лондоне С. Воронцову, а тревожные депеши графа де Сегюра в Версаль в копиях доставлялись Екатерине II, которая была в курсе всей дипломатической переписки из Петербурга: переписка перлюстрировалась и расшифровывалась.

Переговоры России и Турции во Франции закончились миром: ахалцихскому паше было запрещено разбойно нападать на грузинские поселения. Но вскоре между Россией и Турцией возникли более серьезные противоречия. Во время путешествия Екатерины II на юг России были стянуты русские войска, артиллерия, флот. Это заставило Екатерину II дать указание русскому послу во Франции заверить французское правительство, что она хочет только мира с Турцией и вместе с тем указать, что Франция, посылая своих артиллеристов и инженеров для обучения и укрепления турецкой армии, нарушает дружеские обещания. И.М. Симолин тут же написал графу Безбородко: «Граф де Монморен ответил мне, что Франция не может отказать Порте, своему давнему другу, в незначительной помощи» (*Черкасов*. С. 317).

Граф де Шуазель-Гуфье оказывал влияние на умиротворение как турецкой, так и российской стороны, а Пруссия и Англия активизировали «партию войны», способствовали тому, что добились поста рейс-эфенди для человека, отвергавшего всякий компромисс с русским «извечным врагом».

5 сентября 1787 года граф де Сегюр, собираясь в отпуск в Париж, написал инструкцию для шевалье Сент-Круа как поверенного в делах, простился с императрицей. Но перед самым отъездом в Париж получил приглашение от императрицы на обед, которая во время перерыва неожиданно ему сказала:

– Знаете ли вы, граф, что в скором времени я, быть может, помимо воли буду вовлечена в войну с Турцией? Моему послу грозили Семибашенным замком, а это обычная выходка этих варваров, когда они хотят объявить войну.

– Но ведь я недавно вам, ваше величество, сообщал о письме графа де Шуазеля-Гуфье, в котором он писал, что ничто не угрожает России со стороны Оттоманской империи.

– Я нисколько не удивлюсь, если первый же курьер доставит мне известие об объявлении войны. Я ее не желаю и не боюсь, хотя у нас ужасный недород зерновых.

12 сентября 1787 года прибывший из Константинополя курьер доставил сообщение, что Оттоманская империя объявила Российской империи войну.

Граф де Сегюр, два года проведший в России без отпуска, отложил свою поездку в Париж:

«Не Россия наступала на Турцию, а Турция напала на Россию, – писал он в своих воспоминаниях. – Наущения Англии и Пруссии подействовали. Султан приказал заключить Булгакова в Семибашенный замок и объявил императрице войну.

Узнав об этом происшествии, я отложил свой отъезд и послал курьера к Монморену за новыми инструкциями» (Записки графа Сегюра. С. 247–248).

9 сентября 1787 года Екатерина II, обсудив на Совете объявление Турцией войны России, опубликовала манифест, в котором подробно изложила все нарушения Оттоманской империей Кючук-Кайнарджийского мирного договора, а в самое последнее время – нападение турецких кораблей на два российских судна. Султан Абдул-Хамид, обладая войском в 200 тысяч человек, хорошо оснащенным флотом, тяготился унизительными статьями Кючук-Кайнарджийского договора, намеревался отобрать у России Крым, начал военные действия против крепости Кинбурн, затем – Очаков, Херсон и другие города Крымского полуострова. Знал он также и о том, что в России есть две армии: первая армия под руководством князя

Потемкина насчитывает 82 тысячи человек, вторая армия под руководством фельдмаршала Румянцева – около 37 тысяч. Почти двоекратное превосходство в силах укрепляло военный оптимизм турецкого правительства. Тем более Англия, Пруссия и другие европейские державы обещали оказать содействие в борьбе за утраченный Крым.

И первые успехи в этой войне были на стороне турецких войск.

Часть пятая
Французские преобразования

1. Маркиз де Лафайет

Николай Петрович Румянцев, бывая при княжеских дворах Германии и занимаясь вроде бы повседневными, второстепенными на первый взгляд делами, внимательно наблюдал, что происходит в мире. Великобритания проиграла войну за свои американские колонии, французские волонтеры, направленные в Америку, проявили себя как настоящие герои, особенно отличился в этой борьбе маркиз де Лафайет, умелый полководец и друг Вашингтона. Теперь бывшая колония Великобритании стала Соединенными Штатами Америки, а вражда между Англией и Францией лишь обострилась.

Но и во Франции стали происходить какие-то непонятные движения, связанные с королевской властью… Понятное дело, Людовик XV не давал свободу Вольтеру, Дидро и прочим энциклопедистам, но пришедший ему на смену Людовик XVI изучал историю, читал Светония, Тацита, кардинала де Реца, «Политическое завещание» кардинала Ришелье, хорошо знал латынь, читал по-итальянски, изучал английский, увлекся наукой и механикой, во дворце был кузнечно-слесарный кабинет, в котором часто можно было застать короля. Он не мог пройти мимо тех, кто формировал общественное мнение среднего сословия – врачей, учителей, юристов, и тоже приобщался к достижениям литературы, философии, науки вообще. Он не мог пройти мимо тех, кто был законодателем Просвещения. Король видел, что многие представители французской аристократии принимали участие в освободительной войне североамериканских колоний против владычества Британии. И ничего не имел против идей Декларации независимости, принятой Континентальным конгрессом США 4 июля 1776 года.

Более того, Людовик XVI, бесхарактерный и слабовольный, решил созвать все сословия на общее собрание.

Зачем? – думал Николай Петрович. Ведь всемилостивейшая императрица Екатерина II, которая любила повторять фразу, что ее единственная цель – это величайшее благополучие и слава России, заметив сложность, двусмысленность и неразбериху в законах империи, приказала учредить Законодательную комиссию, для участия в которой решила созвать депутатов от дворянства, городского населения, казачества, свободного

крестьянства, и те должны были представить «наказы» о своих законных требованиях. Екатерина II подготовила для депутатов «Великий Наказ», в котором изложила собственное представление о законодательной системе. Но все эти приготовления и – главное – ход заседаний в Грановитой палате Кремля не привели к положительному результату, к делу так и не перешли – началась Русско-турецкая война 1768 года. Неужели этот опыт общения русской императрицы с народом ничему не научил французского короля?

Во Франции давно действовали Генеральные штаты, парламент, которые считали себя частью государственной власти. Они были созваны для того, чтобы обсудить церковные и религиозные вопросы (1614), и с тех пор Генеральные штаты не собирались, хотя истекшие почти два столетия во Франции были сложными, мнение депутатов могло что-то прояснить, а их предложения способны были укрепить королевскую власть. Но ничего этого не произошло… Известно также и о том, что при Людовике XIII парламент отказался внести в архив какой-то королевский указ, по указанию Ришелье король собрал парламент у себя во дворце, и парламентарии на коленях простояли всю аудиенцию. Кажется, после этого парламентарии полностью согласились с королем и герцогом Ришелье.

Благодаря энциклопедистам французская нация узнала о своих правах и готова была за них бороться. Версальский двор, созывая Генеральные штаты, ничего подобного и не предвидел. В ходе яростных дебатов пришли к выводу, что среднее, трудовое сословие должно иметь столько же представителей, как и дворянство и духовенство. Парижский парламент, вскоре поняв, что среднее сословие будет повелителем в Генеральных штатах, предложил узаконить при выборах формы 1614 года, когда роль среднего сословия была ничтожна. В итоге сложной борьбы, когда приводили ссылки на древние обычаи и ссылки на естественные права и разум, пришли к выводу, что депутатов от среднего сословия будет тысяча, то есть будет равняться числу депутатов двух высших сословий, вместе взятых (Постановление Совета нотаблей от 27 декабря 1788 года).

Николай Румянцев знал о том, что это решение совета, которое приписывали министру Неккеру, вызвало восторг у среднего сословия и ненависть у высших сословий.

В начале 1787 года Франция оказалась накануне финансового банкротства, нужно было 3 миллиарда франков. Министр граф Колонн за пять лет своего руководства финансами окончательно разорил Францию. И в отчетах перед королем начал повторять то же самое, за что был удален Жак Неккер.

Отвечая на вопрос короля, как же выйти из этого бедственного положения, государственный контролер граф Колонн сказал:

– Только повышение налогов на табак, масло, мыло, соль, колониальные товары. Пора повысить налоги дворян и богатых купцов.

Тут Людовик XVI воскликнул:

– Но это же и Неккер говорил! Вы повторили то, что пять лет тому назад предлагал Неккер, за что и был уволен в отставку. Если вы что-то другое не предложите, то тоже будете уволены.

– Сир, – пролепетал граф Колонн, – в нынешнем положении вещей я не могу придумать ничего лучшего. Кое-кто из умных советчиков предлагает собрать ассамблею нотаблей – пусть принцы крови, герцоги, пэры, все представители высшей знати и богатые купцы решают финансовые вопросы, ведь ни Жак Неккер, ни граф Колонн справиться были не в силах. Слишком расточительно мы живем, особенно королевский двор…

Король лично отобрал 144 нотабля из числа лучших людей Франции. 22 февраля 1787 года в Версале начала работу ассамблея нотаблей. Одним из первых ораторов на собрании выступил генеральный контролер финансов граф Колонн:

– Когда в конце 1783 года король соблаговолил доверить мне управление своими финансами, они были в самом бедственном, критическом состоянии. Все кассы оказались пусты; государственные ценные бумаги упали в стоимости; всякое обращение прервано; наблюдалась всеобщая тревога, а доверие было разрушено… Внутренние дела уже приняли направление, которое должно привести к процветанию государства… Три года было употреблено для этого… Сегодня денег в достатке, кредит восстановлен, государственные ценные бумаги вновь поднялись в цене, их обращение стало активным… Но вместе с тем сто лет Франция живет в долг, стоит только собрать налоги, как оказывается, что мы их уже проели. Главная беда при сборе налогов заключается в том, что дворянство и церковь уклоняются от налогов, а тратят больше всего. Почти во всех отчетах укрывают тайну реального государственного долга, а сказать об этом совершенно необходимо: 1250 миллионов ливров – таковы размеры государственного дефицита.

Все были в панике. Разгневанный Людовик XVI схватил стул и швырнул его под ноги уходивших придворных:

– Этот мошенник Колонн! Я должен был приказать повесить его!

Самые расточительные особы, королева Мария-Антуанетта, граф д’Артуа, герцоги Полиньяки, не скрывали своих

неприязненных чувств к ассамблее нотаблей, втихомолку ругали короля за то, что нотабли продолжали работать, а Мария-Антуанетта, «австриячка», получила новое прозвище – Мадам Дефицит.

Маркиз де Лафайет, избранный дворянством провинции Оверни, резко критиковал министра Колонна, боролся за равноправие протестантов, указывал на грабительские приемы сборщиков налогов – откупщиков, приводил множество примеров различных нарушений законов. Граф д'Артуа был встревожен, рассказал королю, как маркиз Лафайет резко обличает королевских министров, король вспылил, приказав маркизу выступить с обвинениями в присутствии короля и правительства, представив речь в письменном виде.

– Растрачиваемые миллионы, – говорил маркиз де Лафайет, – собираются посредством налогов, а налоги могут быть оправданы только действительными потребностями государства. Все эти алчно расточаемые миллионы, политые потом, слезами и, быть может, кровью народа, не должны проматываться столь легкомысленно.

Маркиз де Лафайет боролся против деспотизма королевской власти, против расточительности придворных, которые использовали малейшую возможность, чтобы получить хоть что-то от двора. «Король, его семья и крупные сеньоры из его окружения, за исключением некоторых друзей, – писал маркиз де Лафайет президенту Вашингтону 5 мая 1787 года, – не могут мне простить свободы, которую я выбрал. Но что их раздражает более всего, так это моя популярность среди других классов… С тех пор как нынешний король занял трон, расходы казначейства возросли на 200 миллионов ливров в год» (см.: Memoires, correspondanse et manuscripts du general Lafayette. Т. 2).

Лафайет принимает участие в выборах провинциальной ассамблеи, чуть ли не все провинциальные ассамблеи были пропитаны духом борьбы с деспотизмом королевской власти. «Идеи свободы быстро распространились со времени американской революции, – писал Лафайет Вашингтону 9 октября 1787 года. – Король во Франции сверхмощен. Он располагает всеми средствами принуждения, наказания, подкупа. Министры подобострастны и считают сохранение деспотизма своим долгом. Двор заполнен роем мелких и изнеженных куртизанов. Умы возмущены тем влиянием, которое приобрели женщины, и любовью к удовольствиям. Низшие классы погружены в невежество. С другой стороны, французский гений жив, предприимчив и презирает тех, кто правит. Умы начинают просвещаться трудами философов и примером других народов.

Французы очень восприимчивы к благородному чувству чести, и если они пребывают в рабстве, то не намерены смириться с этим» (Там же).

Король Людовик XVI чуть ли не каждый день своего правления чувствовал влияние дворянской оппозии. Не платили новые налоги. Провинциальная ассамблея Бретани опротестовала введение новых налогов. Двенадцать бретонских дворян, появившиеся в Париже, были брошены в Бастилию. Маркиз де Лафайет по приказу короля сдал патент на звание полевого маршала и был отстранен от командования дивизией. Новый министр финансов Жак Неккер, вновь появившийся в Париже, посоветовал королю опять созвать ассамблею нотаблей. 6 ноября 1788 года в Версале началась работа второй ассамблеи нотаблей, которая должна была решить вопрос о созыве Генеральных штатов.

После острых дискуссий третье сословие получило двойное представительство при выборах Генеральных штатов.

Во Франции начались волнения не только со стороны дворянства, но и со стороны третьего сословия, и со стороны крестьян и рабочего люда. Стали возникать клубы, в которых занимались политическими, экономическими и другими вопросами. Неожиданно, 13 июля 1788 года, выпал град, уничтоживший урожай во многих областях Франции. Зима 1788/89 года была самой ужасной за последнее время.

4 мая 1789 года жители Версаля наблюдали, как 1200 депутатов Генеральных штатов шли на торжественную мессу в церковь Святого Людовика. Во главе процессии вышагивали депутаты третьего сословия в костюмах из черного сукна, среди них выделялся своей «неуклюжей фигурой с огромной, чем-то напоминающей львиную головой» граф Оноре де Мирабо, не попавший в депутаты от своего сословия из-за многих «скандальных историй на любовной почве», за третьим сословием шествовали представители второго сословия, дворянства, выделявшиеся богатой и разноцветной одеждой, первое сословие, епископы, аббаты, сельские кюре, отличалось нарядными сутанами.

Были избраны академик Бальи, маркиз де Лафайет, герцог Орлеанский, граф Прованский, граф д'Артуа, епископ Отенский (будущий Талейран), принцы, герцоги, священники, юристы, адвокаты, прокуроры, военные. Перед началом работы Генеральных штатов все, и депутаты, и зрители, ожидали чего-то необыкновенного. Король, два высших сословия, государственные чиновники, прелаты в пурпуре, депутаты третьего сословия, прочувственная речь епископа Нансийского – все сердца

наполняло чувство человечности и патриотизма.

Депутаты, представители девяноста шести процентов всей нации, большинством в 491 голос против 90 объявили себя Национальным собранием. На слова короля, говорившего о привилегиях аристократии, вроде бы не обратили внимания, но тут же граф Мирабо снова идет к кафедре и предлагает вынести решение о неприкосновенности каждого депутата. В несколько дней третье сословие утвердило за собой законодательную власть, лишило дворянство и духовенство сословных привилегий, но приближались войска, большинство дворянства и меньшинство духовенства решились пойти на общее собрание в надежде восстановить свои привилегии. «Семья вся в сборе», – радостно заявил председатель Национального собрания Ж.С. Байи. «Национальное собрание решает и декретирует», то есть Национальное собрание объявило себя верховной властью в стране.

Король растерялся, не ожидая такого развития событий. Мария-Антуанетта, граф д'Артуа, близкие придворные начали уговаривать короля распустить собрание. Король отдал приказ окружить зал заседаний солдатами. Собравшиеся депутаты нашли пустующий зал для игры в мяч и дали клятву «собираться повсюду, где этого потребуют обстоятельства, и не расходиться до тех пор, пока не будет выработана и на прочной основе утверждена конституция королевства…».

Маркиз Лафайет, герцог Орлеанский, 45 других дворянских депутатов, большая часть депутатов от духовенства присоединились к третьему сословию, составив большинство Национального собрания.

23 июня 1789 года началось Королевское заседание. Король Людовик XVI, не понимая того, что произошло за эти дни, объявил, что принятые решения он считает неприемлемыми, а заодно считает, что Генеральные штаты не могут объявить себя Национальным собранием и решать все вопросы королевства. Собрание, говорил он, необходимо закрыть. Король ушел, а главный церемониймейстер двора маркиз де Дре-Брезе повторил приказание короля. «В этот критический момент, – писал П.П. Черкасов, – когда Собрание пребывало в растерянности, прозвучало ставшее историческим заявление Мирабо: «Вы, кто не имеет среди нас ни места, ни голоса, ни права говорить, идите к Вашему господину и скажите ему, что мы находимся здесь по воле народа и нас нельзя отсюда удалить иначе, как силой штыков».

Слова Мирабо вернули собранию утраченную им было решимость. Растерянный церемониймейстер спешно покинул зал

заседаний, а собрание продолжило свою работу. «С этого же дня, – пишет А.З. Манфред, – следует датировать и превращение Мирабо в общепризнанного лидера Национального собрания».

Пришедший на следующее собрание король вынужден был приказать первому и второму сословию присоединиться к Национальному собранию, полностью признав свое поражение, что поставило его в смешное положение: он «начал тащиться на буксире за революцией, которою не мог руководить».

Мария-Антуанетта, граф д'Артуа, герцог Полиньяк и другие непримиримые придворные не смирились, вынудили короля отдать приказ верным наемным войскам собираться в Версале якобы для охраны Национального собрания. Но Национальное собрание приняло решение – удалить войска из Версаля и создать в Париже буржуазную полицию.

В этот напряженный момент маркиз де Лафайет выступил в Национальном собрании с проектом Декларации прав человека и гражданина:

– Природа сделала людей свободными и равными, необходимые отличия социального порядка могут быть основаны только на всеобщей пользе. Всякий человек рождается с неотчуждаемыми и неотъемлемыми правами, такими как свобода убеждений, забота о своей чести и жизни, права на собственность… Каждый человек должен быть подвластен только законам, которые он признает сам и через своих представителей… Всякое правительство должно иметь единственную цель – общественное благо. Это требует, чтобы законодательная, исполнительная и судебная власти были разделены и четко определены и чтобы их организация обеспечивалась свободным представительством граждан и их уполномоченных, а также беспристрастностью судей. Законы должны быть ясными, точными для всех граждан.

Понятно, что маркиз де Лафайет основные принципы Декларации сформулировал, многое заимствуя из американской Декларации независимости, но подобный проект Декларации прав человека и гражданина был впервые оглашен не только во Франции, но и в Европе вообще.

Было решено учредить конституцию Франции, даровать гражданам Франции свободу печати, свободу личности, все гарантии, которые обеспечивают в общественном строе естественную свободу человека.

Внимательно следя за полемикой, Николай Румянцев заметил, что в конституции зафиксирован монархический образ правления, престолонаследие по мужской линии, исключительное присвоение королю исполнительной власти,

ответственность всех агентов власти, сотрудничество короля и нации при подготовке новых законов, право нации облагать себя податями и личная свобода.

Собрание назначило комитет по созданию конституции из наиболее умеренных членов собрания, многие из них мечтали об английской конституции. Потом избрали комитет по продовольствию…

В начале июля король предлагает министру Неккеру уйти в отставку, на Марсовом поле выстраиваются королевские войска, народные толпы в ужасе и требуют оружия. Генеральные штаты предлагают королю вернуть опальных министров, удалить из Парижа вооруженные силы, сделать все, чтобы успокоить встревоженные народные массы. Парламент объявляет свои заседания непрерывными, маркиза Лафайета назначает вице-президентом республики.

Напряжение нарастало. Король, принимая депутации, ничего не мог поделать против ярости простого народа. Бастилия была окружена толпами народа. Ночью Национальное собрание получило известие, что Бастилия пала. Герцог Лианкур, личный друг короля, главный хранитель королевского гардероба, разбудил короля и сообщил ему о народном восстании и взятии Бастилии.

– Так это бунт? – растерянно спросил король.

– Государь, скажите лучше – революция, – бесстрастно ответил герцог Лианкур.

– Рано утром поедем в собрание. Может, там договоримся о прекращении волнений.

Людовик XVI, в сопровождении братьев графа Прованского и графа д'Артуа и ближайших придворных, явился на собрание и произнес трогательную речь, называя собрание Национальным и выражая полное доверие депутатам.

– Почему-то вы боялись, а я вот пришел сюда, полностью вам доверяю!

Эти слова были покрыты рукоплесканиями и восторженными возгласами. «Депутаты встают, окружают короля и пешком провожают его до дворца. Толпа теснится около него, во всех глазах слезы, и ему едва удается открыть себе путь через эту массу людей. Королева в эту минуту со всем двором стояла на балконе и издалека любовалась этой трогательной сценой. Она держала сына на руках, а дочь ее, стоявшая подле нее, наивно играла волосами брата. Королева, глубоко тронутая, наслаждалась любовью французов. Увы, сколько раз в течение этих роковых раздоров обоюдное умиление примиряло сердца! На минуту все казалось забыто, но на следующий день, даже в тот же

день, двор возвращался к своей надменности, народ впадал в прежнее недоверие, и непримиримая ненависть шла своим чередом» (*Тьер А.* История Французской революции. С. 147–148).

Но ярость простого народа была направлена против чиновников – Фулона, Бертье, коменданта Бастилии Делоне, над ними надругались и обезглавили.

Граф Николай Румянцев хорошо понимал положение Российской империи, вступившей в войну летом 1787 года в союзе с Австрией и через год начавшей войну со Швецией; одновременно с этим начались волнения в Польском королевстве.

Русский посол во Франции Иван Матвеевич Симолин, начавший свою дипломатическую карьеру с 1743 года, успел побывать секретарем во многих странах, был и дипломатическим агентом и при главнокомандующем русской армией Петре Румянцеве; с 1784 года он стал полномочным министром в Париже. Его письма и донесения – ценнейший источник знания о Великой французской революции и о внешней политике Российской империи. Кроме официальных писем, И. Симолин посылает экземпляры газет, брошюр, памфлетов, докладных записок, официальных актов, карикатур.

«Революция во Франции свершилась, и королевская власть уничтожена, – писал в Петербург И. Симолин 19 июля 1789 года. – Восстание города Парижа, к которому умы, казалось, были подготовлены, разразилось на другой день после отъезда г. Неккера… Это восстание сопровождалось убийствами, вызывающими содрогание… Жестокость и зверства французского народа проявились при всех этих событиях в тех же чертах, как и в Варфоломеевскую ночь, о которой мы еще до сих пор с ужасом читаем, с тою только разницей, что в настоящее время, вместо религиозного фанатизма, умы охвачены политическим энтузиазмом, порожденным войною и революцией в Америке… Я счел своим долгом не медлить с отправкой курьера с известием о событии столь большой важности при любых обстоятельствах и имеющем в настоящее время особое значение для нашего двора. Было бы заблуждением рассчитывать теперь на союз и на политическое влияние Франции. Каковы бы ни были соображения нового министерства к предполагаемому союзу с ее императорским величеством, оно не может уделить ему большого внимания, и надо рассматривать Францию, в свете стоящих перед нами в данный момент вопросов о положении дел, как несуществующую. Я не беру на себя смелость давать советы, но все же считаю своей обязанностью доложить о положении дел, каким оно мне представляется, и сказать, что Франция, даже с лучшими намерениями по отношению к нам, не сможет оказать

нам никакой услуги и что союз с ней будет иллюзорным для Российской империи. Кроме того, нация питает отвращение к союзу с австрийским домом, из-за королевы, и если бы даже можно было заключить договор, он был бы нарушен, потому что министры будут вынуждены следовать принципам и побуждениям третьего сословия, которые возьмут верх над всеми другими соображениями. Если императрице нужны будут посредники, чтобы облегчить завершение двух войн, которые она ведет, то будет совершенно необходимо обратиться к кому-либо другому… Все поражены при виде того, как в течение тридцати шести часов французская монархия была уничтожена и ее глава вынужден соглашаться на все, чего разнузданный, жестокий и варварский народ требует от нее с такой дерзостью и таким повелительным тоном, и еще считать себя при этом очень счастливым, что народ соблаговолил удовлетвориться его отречением от своей власти и от своих прав… Многие придворные уехали. Среди них называют г-жу де Полиньяк, воспитательницу детей Франции, герцогиню де Гиш, ее дочь, графа де Водрёйль, г. барона де Безенваля…» (Французская революция 1789 г. в донесениях Симолина // Литературное наследство. 29/30. М., 1937. С. 400–404).

Симолин уверял, что Париж похож на логовище тигров. Де Фулона повесили на фонарном столбе, затем отрубили голову, насадили ее на палку и таскали по улицам Парижа, точно так же поступили и с его зятем Бертье де Совиньи.

В других донесениях И. Симолина говорится о том, что летом 1789 года во Франции наступила полнейшая и беспримерная анархия, состояние полного разрушения, «нет ни судей, ни законов, ни исполнительной власти, и о внешней политике настолько нет речи, как будто это королевство вычеркнуто из европейских держав» (Там же. С. 408). В Национальном собрании идут столкновения между лидерами различных партий и клубов, король и королева содрогаются от непредсказуемых решений депутатов собрания, несколько сот гвардейцев требует отпусков и вознаграждения.

Король и королева вынуждены были покинуть Версаль и вернуться в Париж. Герцог де Лианкур, придворный Людовика XVI и депутат от дворян в Генеральных штатах, заявил, с согласия короля, что Национальное собрание тут же приняло решение проводить свои заседания в Париже: Национальное собрание неотделимо от его величества французского короля. Свобода передвижения королевского семейства оказалась строго ограниченной. В это же время нападкам подвергаются жестоким духовные лица. С каждым днем увеличивается выдача паспортов по мотивам состояния здоровья или устройства личных дел за

границей.

И. Симолин, используя информацию от компетентных лиц, сообщает в Петербург, что толпы крестьян ходят по деревням и грабят зажиточные имения и сжигают замки.

Тринадцать раз Национальное собрание отказывалось признать равноправие евреев и только 28 сентября 1791 года утвердило декрет о равноправии евреев под влиянием и давлением общества масонов, принимавших участие в революционных событиях и выделивших большие средства для подкупа вождей собрания – аббата Грегуара, графа Клермон-Тоннера, Дюпора, адвоката Годара, Робеспьера и графа Мирабо. Тысячи евреев прибывали во Францию, чтобы стать равноправными жителями страны.

И. Симолин писал об всем примечательном, что происходило во Франции, особенно в Париже. Писал, что граф де Майбуа, генерал, обратился за помощью к дворам Мадрида, Неаполя и Турина, каждое королевство должно было выделить деньги и солдат и одновременно в назначенный момент двинуться к Парижу, а внутри страны будут ожидать большие силы роялистов. Писал о том, что союзный договор между Оттоманской Портой и прусским королем, заключенный в Константинополе, будет ратифицирован через пять месяцев и возникнет возможность перейти к проведению мирных переговоров. В июле 1790 года состоялась Рейхенбахская конвенция между Пруссией, Польшей, Англией, Голландией и Австрией для сохранения Турецкой империи, Австрия вскоре заключила с Турцией мир, оставив Россию наедине с Турцией. Писал и о том, что Англия имеет своих агентов в Национальном собрании, которые исподтишка влияют на исход того или иного решения. Писал и о том, как парижане, готовясь отметить годовщину взятия Бастилии, создали на Марсовом поле абширный амфитеатр, «огромный зал, который вместит, кроме Национального собрания, короля, всего двора, депутатов от различных коммун и всех, кто должен присутствовать на празднике, еще около 300 тысяч зрителей» (Там же. С. 435).

На Марсовом поле один за другим принесли клятву верности конституции маркиз де Лафайет, граф де Мирабо, председатель Национального собрания и его депутаты; стоя клялись хранить верность нации, закону, королю, конституции, одобренной Национальным собранием и королем.

Французский король вслед за ними произнес:

– Я, король французов, клянусь употреблять всю данную мне государственным законом власть для поддержания конституции, учрежденной Национальным собранием и одобренной мною, а

также клянусь следить за исполнением законов.

Прибывшие на Марсово поле признавали конституцию и обнажали головы перед председателем собрания Байи с криками «Да здравствует нация!», преклоняли перед Людовиком XVI колени и опускали к его ногам шпаги с возгласами «Да здравствует король!». Но конституционная монархия во Франции просуществовала недолго.

Уже летом 1790 года роялисты задумали организовать похищение короля и его семейства. Во главе заговора о похищении короля и его семейства были министр двора барон де Бретейль, маркиз де Буийе, командовавший военным гарнизоном в Нанси, и любовник Марии-Антуанетты граф Ферзен. Строились продуманные планы, потом отвергались, что-то мешало, но идея побега не переставала существовать.

В августе 1790 года Национальное собрание приняло решение о сокращении армии. В городе Нанси полк, сформированный швейцарскими наемниками, было решено расформировать. Солдаты выбрали делегатов и отправили в Париж доложить Национальному собранию о своих требованиях. Солдат арестовали, а недовольный полк и примкнувшие к ним полки объявили врагами нации и государства. Маркиз де Буийе с трехтысячным карательным отрядом должен был подавить восстание в Нанси.

«В настоящее время мы переживаем волнения по поводу мятежа нескольких полков, – писал маркиз де Лафайет Вашингтону 28 августа 1790 года, – и поскольку я стал объектом нападок как со стороны аристократов, так и мятежных элементов, то не знаю, какой из этих двух партий мы обязаны вспышкой восстания. Наша надежда и спасение – Национальная гвардия. В нашем распоряжении более миллиона граждан, вооруженных патриотическими чувствами…»

И записи И. Симолина, и другие документы свидетельствуют о крахе того единства, которое обнаружилось на Марсовом поле.

1 апреля 1791 года И. Симолин писал в Петербург: «…В то же время я расположил в свою пользу близкого друга г. де Мирабо, который руководит им (графом де Монмореном. – *В. П.*) во всем, что имеет отношение к внешней политике, чтобы познакомить его с истинным положением вещей и привлечь его сочувствие к принципам нашего двора и его действиям в несправедливой войне, которую ему навязали. Я указал, что, вследствие непреклонности врага, поддерживаемой влиянием и низкими и коварными происками дворов Лондона и Берлина, он, русский двор, вынужден продолжать эту войну, вопреки желаниям императрицы и несмотря на то, что она идет навстречу

заключению справедливого и достойного мира. Г-н де Мирабо проникся всем тем, что ему было внушено, и дал понять, что Национальное собрание не отнесется безразлично к отправлению английской эскадры в Балтийское море и что, по его мнению, в этом случае следует привести в боевую готовность эскадры в портах Франции…

Доброжелательность этого депутата, мнение которого имеет большой вес в Дипломатическом комитете, душой которого он является, была бы действеннее, если бы ее подкрепить с нашей стороны теми же средствами, какие широко применяют в отношении депутатов-якобинцев английский посол и прусский еврей Эфраим. Известно, что этот последний истратил за время своего пребывания в Париже 1 миллион 200 тысяч ливров, большая часть которых была доставлена господином де Ла Бордом (маркиз, банкир Людовика XV, музыкант, писатель, за огромные деньги, переданные королю, получил должность откупщика, имел финансовые связи с Мирабо и Барнавом. Гильотинирован в 1794 году). Не так-то легко узнать сумму, которой располагал английский посол, но несомненно одно, что посредством денег можно получить все от патриотизма депутатов, управляющих Францией, что г. де Мирабо не недоступен для этой приманки (прочитав эту фразу, Екатерина II тут же написала на полях письма: «Проявить щедрость, если он не умер»), а его друг, человек очень умный и преданный мне, будет всецело на стороне нашего двора, если я смогу ему подать надежду на вознаграждение за его услуги и, особенно, если эта надежда получит свое осуществление в самом начале…»

В «Донесении от 23 июня 1791 года» И. Симолин писал в Петербург:

«Во вторник утром (21 июня нового стиля) в восемь с половиной часов распространилась весть, что король, королева, дофин, ее высочество дочь короля и принцесса Елизавета удалились ночью и их не нашли во дворце. Тотчас же г. мэр и г. де Лафайет отправились туда, и факт этот был удостоверен.

В 9 часов была поднята тревога: из пушек, установленных на Новом мосту, дали залп, ударили в набат, забили общий сбор, и вся Национальная гвардия была поставлена на ноги… В продолжение вчерашнего дня несколько раз распространялись слухи об аресте короля, однако они тотчас опровергались, но в девять часов вечера в зал Национального собрания вошел курьер и передал председателю несколько писем, которые и были зачитаны. Они извещали, что король и его семья арестованы в Варенне, небольшом местечке в 7 или 8 милях от люксембургской границы. Я прилагаю «Postillon par Calais» № 477 с сообщениями о

сделанных предложениях и вынесенных декретах, касающихся этого важного события…» В «Приложении к донесению от 23 июня 1791 г.» говорилось: «Взрыв, который я предчувствовал, разразился скорее, чем я предполагал. План содействия выезду короля из дворца со всей королевской семьей был задуман и выполнен очень умно и в большой тайне, но не увенчался успехом. Монарх был арестован в двух милях от границы и препровожден в Мец; можно только содрогаться при мысли о несчастьях, которые грозят королевской семье, особенно королеве, рискующей стать жертвой жестокого и кровожадного народа.

Я намеревался направить эстафету, чтобы возможно скорее довести до сведения императрицы о событии такой большой важности; но бюро почт постановило с некоторого времени не отправлять эстафет, и я пришел к решению направить эту депешу обычным путем – графу Румянцеву во Франкфурт-на-Майне, с просьбой немедленно передать ее далее эстафетой…» (Там же. С. 462).

И. Симолин видел, с какой тщательностью велось расследование о побеге короля и его семейства. Оказалось, что король предъявил в дороге паспорт на имя госпожи Корф, отправлявшейся во Франкфурт с двумя детьми, лакеем, тремя слугами и горничной, паспорт был подписан министром иностранных дел графом де Монмореном, Мария-Антуанетта скрывалась под именем горничной. Приведенный под конвоем министр тут же дал необходимые объяснения собранию, но разъяренный народ, услышав о причастности министра к бегству короля, тут же помчался к его дому, вместе с народом к дому прибыли отряды Национальной гвардии, чтобы защитить дом от разграбления.

Как только король и его семейство вернулись после неудачного бегства в Париж и остановились во дворце Тюильри, комиссары, которые сопровождали короля, пришли на заседание собрания и доложили подробности ареста короля и его возвращения в Париж. Собрание тут же приняло решение охрану короля и его семейства возложить на главнокомандующего парижской Национальной гвардией, допросить короля и королеву об отъезде из Парижа. Один из депутатов заметил, что особа короля, если следовать указаниям конституции, священна и неприкосновенна, а принятый декрет превращает его в пленника. Возникло щекотливое и затруднительное положение – о дальнейших формах управления государства. Одна из газет предложила упразднить королевскую власть и заменить ее республиканской формой правления. Высказывались и другие

предложения.

После бегства короля и его возвращения, не умолкали разговоры и в Национальном собрании, и на площадях Парижа, что маркиз де Лафайет был пособником этого бегства. Не только современники в это верили, но даже и историки склонялись, по существу, к этому же мнению. Дантон просто требовал казнить маркиза за предательство национальных интересов. Но даже легкое исследование вопроса убедило всех современников, что маркиз де Лафайет не имел к этому случаю никакого отношения, о чем свидетельствовали участники бегства в своих мемуарах.

1 февраля 1792 года королева Мария-Антуанетта писала Екатерине II:

«Государыня и сестра моя, участие, в котором ваше величество соизволили нас заверить, явилось большим утешением в нашем горе; не желая, чтобы что-либо в нашем поведении оставалось скрытым от вас, мы выразили пожелание, чтобы г. Симолин, ваш посланник, взял на себя выполнение одного очень деликатного поручения, требующего столько же осторожности, сколько и соблюдения тайны.

Мы не можем отказаться от мысли, что император (Австрии. – *В. П.*) был введен в заблуждение ложными сообщениями как о наших личных чувствах, так и об истинном положении вещей здесь; нам хотелось, чтобы кто-нибудь вывел его из этого заблуждения. Готовность и искренность, с которыми г. Симолин принял это наше предложение, позволили нам признать в нем верного слугу вашего величества. А в чьи же руки могли бы мы с большей уверенностью передать наши самые насущные интересы, как не в ваши, государыня, и как не в руки одного из ваших министров, отличающегося осторожностью и мудростью, который был всему очевидцем и мог с самого начала революции составить себе обо всем беспристрастное суждение и который выказывал лично нам при всех обстоятельствах участие и преданность.

Если его путешествие не нарушает интересов службы вашего величества, то король и я, мы желали бы, чтобы вы одобрили нашу мысль и в этом нашем поступке соблаговолили видеть свидетельство полного нашего к вам доверия.

Ваше величество всегда вызывали наше восхищение, теперь же мы привязаны к вам более тесными узами и более нежными чувствами дружбы и признательности».

2. Французская королева Мария-Антуанетта

«Я имела случай увидеться с г. Симолиным и сочла своим долгом поставить его в известность о том, что однажды уже писала вашему величеству; надеюсь, что этот знак моего доверия к нему не вызовет с вашей стороны неодобрения…»

Тут же Мария-Антуанетта написала письмо своему брату, императору Леопольду, где рекомендует И. Симолина как верного и правдивого человека, уверяет, что его рассказ поведает об истинном положении, в котором оказалось королевское семейство во Франции.

И. Симолин, получив отпуск, отправился с письмами Марии-Антуанетты в Вену, вручил письмо императору и передал письмо королевы Екатерине II князю Д.М. Голицыну, который дипломатической почтой отправил его в Петербург.

После взятия и разгрома Бастилии появились первые эмигранты. Граф Артуа сначала нашел убежище в Турине, у своего тестя, но вскоре обосновался в германском городке Кобленце. Сюда же прибыло много французских эмигрантских семейств. Не только граф Артуа, но и принц Людовик-Жозеф де Бурбон, принц Конде, генералы и офицеры монархической армии; на собственные средства принц сформировал отряд эмигрантов, куда вливались генералы и офицеры королевской армии, который позже принимал участие в составе австро-прусской интервенции во Францию в 1792 году.

А в начале 90-х годов руководство эмиграции вело переговоры с иностранными державами о вмешательстве во французские дела. Все понимали, что Людовик XVI, добросердечный, но слабовольный и бесхарактерный, в полном подчинении Национальному собранию и не волен принимать решения. А между тем Национальное собрание отменило феодальные повинности и уничтожило опасное могущество духовенства, роскошь магнатов этого сословия и получило громадные финансовые средства, которыми пользовалось собрание.

4 февраля 1790 года на собрание прибыл король, восторженно встреченный, и заявил, что он и все его семейство будут чтить конституцию. Каждый депутат клянется «быть верным нации, закону и королю и всеми силами поддерживать конституцию, постановленную Национальным собранием и принятую королем».

Повсюду, в ратушах и по общинам, во всей Франции, было произнесено это священное слово «Клянусь!» и устроены

празднества в честь всеобщего и неподдельного примирения противоборствующих сил в обществе. Но в тот же день в королевском дворе было выражено неудовольствие: народных депутатов принимали менее радушно, чем депутатов из дворянской аристократии. Король начал, по обыкновению своему, колебаться, чем воспользовались аристократы во главе с королевой Марией-Антуанеттой.

Маркиз Лафайет, граф Мирабо, Булье – ведущие силы революции – имели тесное общение с королевской властью, во всех происходящих на Национальном собрании реформах стояли за сохранение в стране королевской власти. Как честный и достойный аристократ, Лафайет советовал королю в это чрезвычайное время не колебаться, признать силу народной партии, считаться с ее депутатами, войти к ним в доверие, прекратить соперничество между министрами и добиться согласия между ними, не вступать в полемику с общественным мнением, то есть вести мудрую политику согласия и примирения, ведь все общество приняло эту политику и поклялось ей следовать. Король соглашался с маркизом, но советы королевы и придворных часто меняли его поступки, он отступал от политики примирения и согласия, что не проходило мимо главных действующих сил в обществе. Королева отталкивала маркиза Лафайета, поступала часто против его советов. Ей ближе был граф Мирабо, блестящий оратор и неутомимый деятель Национального собрания. Но Мирабо не уставал говорить всей королевской семье, что монархия может быть спасена только свободою. Он поддерживал монархию во время всех своих выступлений на Национальном собрании, а за это получал довольно значительное содержание, нужное ему, как свидетельствуют историки, для удовлетворения своих широких потребностей и необузданных страстей. Булье, человек прямой и честный, относился к провинциальной аристократии, тоже командовал войсками монархии. Задача заключалась в том, чтобы объединить эти главные фигуры революции, но королевский двор этого не сделал, а антипатии между этими действующими лицами революции сохранились. И, в сущности, событие 4 февраля 1790 года, которое предвещало громадный результат в ходе революции, как свидетельствуют историки, «осталось без всяких результатов».

Николай Петрович Румянцев, назначенный представителем Российской империи во французской эмиграции, поразился тому, что быстро эмиграция разделилась как бы на два лагеря: высшее дворянство, желая сохранить свое верховенство и опасаясь провинциального дворянства, в особенности буржуазии,

надеялось восстановить всесилие престола с помощью иноземной силы; другая партия, состоявшая из мелких дворян, уповала на фанатизм и надеялась победить своими собственными силами. Во главе эмиграции стоял бывший министр Колонн, который понимал, что эмиграция разделилась, но надеялся объединить их совместные усилия для достижения высшей цели. Вскоре французы почувствовали недостаток в звонкой монете: эмигранты вывезли много золотых и серебряных монет.

Николай Петрович увидел и другое – на этот раз противоречие между иностранными державами, которые могут оказать помощь французскому трону только в своих собственных интересах. Прусский король Фридрих-Вильгельм, слабый и бесхарактерный государь, решил сменить своего давнего союзника Францию на союз с Англией, образовал англо-прусскую лигу, которая решила Швецию, Польшу и Турцию направить против России и Австрии. Англия хотела этим союзом отомстить Франции за помощь американским колониям, которые в борьбе получили полную свободу и образовали США. Однако смерть австрийского императора Иосифа II в январе 1790 года изменила первоначальные договоренности. Император Леопольд, брат Иосифа II, был совсем другим человеком, желавшим только мира и покоя.

14 июля 1790 года прошло богослужение депутатов и парижского люда на Марсовом поле. Король и президент собрания сидели рядом, к ним подошел генерал Лафайет и поднес королю текст присяги. И Людовик XVI, подняв руку к алтарю, торжественно произнес:

– Я, король французов, клянусь употреблять власть, вверенную мне конституционным актом государства, на то, чтобы охранять и удержать конституцию, составленную Национальным собранием и принятую мною.

Королева хватает малолетнего сына и в порыве восторга показывает тысячам собравшихся, которые тут же отвечают исступленными криками радости.

Летом король и его семья проживали в Сен-Клу, он часто думал об английской революции и печальной участи английского короля Карла I. Ему было легко организовать побег всей семьи, ему не раз об этом говорили, но он до времени решительно отказывался, верил, что французы не пойдут по пути английской революции.

Эмиграция в Кобленце все увеличивалась, такая же суетная, надменная, неспособная, расточительная, как и в Версале, она с еще больщим блеском проявила свои пороки среди трудностей изгнания и междоусобной войны. Не удались отношения между

королевской семьей и королевскими братьями, оказавшимися в эмиграции. Министр барон Бретёль был явным врагом министра Колонна, а когда его отправили министром короля при венском дворе, он всячески противодействовал тому, что предлагали братья короля – граф Прованский и граф Артуа.

Опасаясь судьбы английского короля Карла I, Людовик XVI наконец решился на побег из Франции под вымышленными именами. Вскоре к русскому посланнику И.М. Симолину обратилась парижанка Анна Корф, дочь петербургского банкира и вдова русского полковника, с просьбой выдать ей два паспорта для поездки во Франкфурт-на-Майне. Эти паспорта незамедлительно были выданы, так как было распоряжение русской императрицы не задерживать русских подданных в революционной Франции. Через несколько дней Симолин получил записку от Анны Корф: «…сжигая различные ненужные бумаги, я имела неосторожность бросить в огонь свой паспорт, который вы были так добры получить для меня; я, право, очень сконфужена тем, что мне приходится затруднять вас и просить исправить мою рассеянность» (Донесения И.М. Симолина за 1789–1792 гг. // Литературное наследство. Т. 29/30. С. 467).

А между тем Людовик XVI, уверенный в успехе своего бегства, написал «Обращение ко всем французам», мотивируя свое бегство тем, что у него «не было более никакой возможности осуществлять власть. Собрание подпало под диктат клубов. Необходимо, чтобы Франция знала это. Народ – лучший друг короля, готового вернуться и все простить, когда конституция действительно обеспечит реальные религиозные и политические свободы».

20 июня 1791 года король и его семейство с иностранными паспортами отправились в Монмеди, откуда король мог следить за происходящими во Франции событиями.

Возмущенное Национальное собрание решило, что король похищен, и потребовало вернуть его всеми имеющимися средствами. На похищении короля настаивал маркиз Лафайет и в итоге борьбы выиграл битву с депутатами.

По дороге выглянувшего из громоздкой кареты с шестеркой лошадей короля узнали, доложили о беглом королевском семействе, заставили предъявить паспорта. Местный прокурор заявил, что по указанию Национального собрания король арестован и будет отправлен в Париж.

Национальное собрание, узнав об аресте короля, направило для его сопровождения своих трех депутатов, которые, встретив королевский поезд, разместились рядом с королем и королевским семейством.

16 июля 1791 года комиссары представили доклад о поездке короля и его семейства в Варенн и не нашли ничего преступного в этой поездке, тем более что особа короля была неприкосновенна. В клубе якобинцев было высказано предложение о низложении короля, была написана даже петиция, но она не получила поддержки. В конституцию были внесены некоторые поправки, ее передали для утверждения Людовику XVI, которому была предоставлена полная свобода и снят строгий надзор.

Не обошлось без назидания от российской императрицы русскому посланнику. Вице-канцлер И.А. Остерман, со слов императрицы, писал Симолину 26 августа 1791 года:

«Прежде всего я должен вам заметить, милостивый государь, что императрица выразила желание, что при подобных обстоятельствах, заслуживающих внимания всех государей, вы взяли бы себе лучше за правило ожидать инструкций отсюда, прежде чем вступать в какие бы то ни было письменные отношения с министерством иностранных дел, не облеченным, после отъезда короля, при котором одном вы только и были аккредитованы, никакими полномочиями, чтобы входить в сношения с вами. Ее Императорское Величество не одобряет также своего рода оправданий, с которыми сочли нужным обратиться к г. де Монморену по поводу выданного по вашей просьбе паспорта, назвав употребление, которое ему было дано, когда его передали в руки короля, *необдуманным*.

Этот эпитет весьма мало приложим к обстоятельству, о котором шла речь, и если бы вы даже предоставили такой паспорт с действительным намерением оказать содействие христианнейшему королю и тем способствовали бы его безопасности, то такой поступок был бы во всех отношениях приятен Ее Императорскому Величеству.

Итак, чтобы оставаться в должных границах в настоящую бурную эпоху при создавшемся положении дел, пока существующий теперь во Франции конфликт властей будет продолжаться, вам надлежит, и императрица вменяет вам это, милостивый государь, в обязанность, воздерживаться от обсуждения каких бы ни было вопросов с лицами, назначенными или облеченными полномочиями так называемым Национальным собранием, а на устные сообщения или письменные ноты, обращенные к вам, давать всегда однообразный ответ, что, поскольку настоящее положение вещей является совершенно из ряда вон выходящим и необычным, вы ничего не можете брать на себя без особого на то распоряжения вашего двора» (Там же. С. 489–490).

19 сентября 1791 года И. Симолин писал И. Остерману: «Я не могу выразить того чувства горечи, с которым я узнал, что мое оправдание по поводу паспортов, вызванное, казалось бы, крайней необходимостью, не получило одобрения Ее Императорского Величества. Ваше сиятельство, без сомнения, не знаете, что граф де Монморен и я едва не стали жертвами народной ярости и что только усиленная охрана спасла графа Монморена от фонаря, а его дом от разграбления. Что касается меня, то на собрании в Пале-Рояле была вынесена резолюция, подтвержденная на другой день собравшимися на Елисейских полях, схватить меня и расправиться со мной, как с сообщником по организации бегства короля… Предупредив г. де Лафайета о возбуждении народа против меня, я просил его позаботиться о моей безопасности и об охране занимаемого мною особняка. Вышеупомянутый генерал поставил удвоенную охрану из частей бывшей Французской гвардии у трех ворот моего дома с приказом разгонять народные толпы, если они будут собираться поблизости, так что спокойствие в моем квартале не было нарушено… Я смею надеяться, что, если ваше сиятельство будете столь добры представить Ее Величеству обстоятельства, в которых я находился, она соблаговолит извинить совершенный мною поступок и простит меня» (Там же. С. 491–492).

Граф де Монморен был уволен с поста министра иностранных дел, а в августе 1792 года его постигла участь 1300 заключенных, убитых в тюрьмах Парижа и Версаля.

13 сентября 1791 года король Людовик XVI приехал во дворец и объявил, что утверждает конституцию, что было с восторгом принято собравшимися. Происходила обычная ломка старого государственного строя, не удовлетворявшего ни королевскую власть, ни низшие слои общества, мечтавшие о равенстве властных полномочий в обществе: масса народа будет излагать свою волю, а королевская власть будет ее исполнять. Король лишился неограниченной власти, его перестали именовать «Божьей милостью Король Франции и Наварры», но имел титул короля французов, тридцать миллионов личного дохода, руководство над армиями и право приостанавливать исполнение национальной воли и другие прерогативы. Екатерина II, узнав об этом, была поражена безволием французского короля. «К чему этот король французов? – писала Екатерина II барону Гримму 12 февраля 1790 года. – Зачем отнимать у него Наварру, наследие отцов? Зачем, когда восемьсот лет всегда говорили «Франция», теперь вместо того говорят «Французы»? Значение, которым пользовалось государство, должно было, по-видимому, предохранить его от таких перемен, относительно которых опыт

еще не указал, что хорошо и что дурно, что полезно и что вредно. С каких это пор сумасбродство, легкомыслие, беспорядок, всевозможные крайности ценятся выше опытности, благоразумия, порядка и закона? Ничего не зная и не понимая, могу только задавать вопросы, когда на моих глазах рушится все, что было так дорого человеку в начале и в середине столетия, что руководило в жизни и без чего живется лишь изо дня в день» (РА. 1878. Кн. 3. С. 169).

В письмах барону Гримму Екатерина II беспощадна к действиям депутатов Национального собрания, советует «бросить в огонь все лучшие произведения французских авторов и все, что способствовало распространению их языка в Европе, потому что все это служит осуждением отвратительной теперешней неурядице. До сих пор думали, что следует вешать всякого, кто замышляет гибель своей родине, а вот теперь это делает целая нация или, лучше сказать, тысяча двести представителей нации. Я думаю, если бы повесить некоторых из них, остальные бы образумились…» 12 сентября 1790 года российская императрица советует барону Гримму отвернуться от таких ужасных и отвратительных вещей, каковы преступления этой гидры о тысяче двухстах головах, и действительно поехать путешествовать для развлечения: «Во Франкфурте вы найдете Николая Румянцева; можете обниматься с ним, сколько угодно…» (Там же. С. 172).

13 января 1791 года Екатерина II призналась барону Гримму, что не любит писать письма «во время страшной кутермы, которая происходит вокруг вас»: «Никогда не знаешь, живы ли вы еще в этом вертепе разбойничьих смут, грабежей и убийств. Злодеи захватили власть и превратят скоро Францию в Галлию времен Цезаря. Но Цезарь их усмирил. Когда же придет Цезарь? О, он придет, не сомневайтесь; он появится! Если бы я была на месте гг. Артуа и Конде, я бы сумела употребить в дело эти триста тысяч французских рыцарей. Честное слово: или бы я погибла, или бы они спасли отечество, вопреки всем вашим следственным комиссиям. Но не сообщайте никому, что я думаю, потому что не хочу этим повредить в Париже королю и королеве, которых мне от души жалко» (Там же. С. 177).

Весной 1791 года барон Гримм из Парижа отправился в путешествие, побывал во Франкфурте, повидал владельного принца и его двор, нанес визит и Николаю Петровичу Румянцеву, которому подробно рассказал о драматических событиях Французской революции, о гибели многих знакомых и друзей, не скрывал барон Гримм и того, что писала ему Екатерина II.

14 мая 1791 года российская императрица, сидя в колоннаде в Царском Селе и обозревая великолепные скульптуры великих

людей древности Гомера, Демосфена, Платона, Фарнезского Геркулеса и Флору, вспомнила Святого Николая, так прозвала она графа Николая Румянцева, который мог бы толково рассказать обо всем этом герцогине Саксен-Готской, «если б празднества и особенно Франкфуртские светлейшие принцы не помешали разговорам, – говорит толковательница письма Риокурова, возвращаясь снова после длинного отступления к тому же письму. – По моему мнению, это доказывает, что в голове вышеупомянутого лица имеется некоторая последовательность, хотя, конечно, мысль его порхает с предмета на предмет; но, должно быть, тут виноваты боги: они окружили нас таким обилием самых разнообразных предметов, что невольно перебегаешь от письма к колоннаде и прекрасному виду перед нашими глазами, а оттуда снова к тому же письму. Впрочем письмо графа Риокура не представляет для нас ничего интересного, по той причине, что французские революционеры сломают себе шею, не выходя из Франции, а тогда все их деяния расплывутся как вода в море» (Там же. С. 190).

Но во Франции действовали не «злодеи» и не «гидра о тысяче двухстах головах», а разгорелась превосходно спланированная и продуманная антимонархическая революция во главе с давно существующим франкомасонским обществом, распространенным во многих государствах мира. При французских королях Людовике XI, Генрихе IV, Людовике XIV, Людовике XV такая революция была невозможна, во главе королевства были сильные правители, но Людовик XVI оказался таким, что с ним можно было какое-то время «играть» тем, кто замышлял революцию. Теперь все чаще говорят о том, что во Французской революции принимали участие масонские общества, в том числе и крайне террористическая организация масонов-иллюминатов. В книге М. Тальмейра «Франкмасонство и Французская революция» прямо говорится о том, что в Париже не было и 2 тысяч человек, которые желали бы смерти королю Людовику XVI, а между тем королю отрубили голову, а до этого тридцать лет в ложах, как пример, рубили голову кукле Филиппа Красивого. Приговор Людовику XVI был вынесен еще во Франкфурте-на-Майне на Всемирном конгрессе масонов (1782) и на Всемирном конгрессе в Вильгельмсбаде (1785).

Неурожай во Франции поставил трудовой народ на грань голода, много других лишений выпало на его долю.

Маркиз Лафайет подал в отставку и уехал в свои имения, вместо Бальи мэром выбрали 17 марта 1791 года Петиона, близкого к жирондистам. Король, как и прежде, был добр, мнителен, обидчив и бесхарактерен. Открывшееся собрание

приняло церемониальный декрет, уничтожавший титулы «величество» и «государь», даваемые королю и королеве, король занимает такое же кресло, как и президент собрания, на том же уровне. Людовик XVI оскорбился и не поехал на собрание, послав своего министра открывать заседание. собрание проявило редкий случай уступчивости и отменило декрет. На следующий день король появился в собрании и принят был отлично, как свидетельствуют историки. Но все-таки король был оскорблен: депутаты так же сидели в шляпах, как и он. Он возвратился взволнованный и бледный. Едва он вошел к королеве, как бросился в кресло, рыдая:

– И вы были свидетельницей этого унижения. Затем вы приехали во Францию, чтоб видеть…

Дальнейших слов было не разобрать – он захлебнулся в рыданиях.

С этих пор он надеялся только на вторжение иностранных войск, которые, по сведениям из Кобленца, формировались под командованием принца Конде.

Николай Петрович переехал в Кобленц, часто встречался с королевскими братьями графом Прованским и графом Артуа, с их окружением. Каждый день приезжали дворяне из Франции, готовые к бою за королевскую Францию, за свои имения, за свои привилегии, записывались в армию принца Конде. Эмигранты в Кобленце хотели войны, собирали оружие, приготовляли склады и магазины, заключали контракты на подряды, вводили чины, которые, утверждают историки, продавались. Национальное собрание и король во Франции хотели мира и делали все, чтобы вернуть эмигрантов на родину. Аристократическая партия в Собрании утратила свое влияние при голосовании. Людовик XVI с ужасом думал о том, что может разразиться междоусобная война.

Но вскоре Николай Петрович узнал от братьев короля, что собрание подготовило декрет о возвращении графа Прованского во Францию в течение двух месяцев, или он будет лишен права на регентство, и король подписал этот декрет. Второй декрет собрания был издан 9 ноября и направлен против всех эмигрантов в Кобленце, которые объявлены виновными в заговоре против Франции и которым следует вернуться во Францию к 1 января 1792 года, иначе они будут подвергнуты преследованию и наказаны смертью, доходы же эмигрантов отойдут в пользу нации, без ущерба для законных наследников. Второй декрет король не подписал, остановил своим вето, не мотивируя, как следует из конституции, свое решение. Такое решение короля вызвало раздражение.

Людовик XVI обратился к офицерам и генералам армии и

флота, чтобы они не покидали своих постов, но вскоре после этого военный министр доложил, что 1900 офицеров дезертировали и отбыли за границу, где готовятся большие отряды, в том числе отряд виконта Мирабо, брата великого оратора, во владениях майнцского курфюрста стоят большие отряды под командованием принца Конде, есть отряды в Кобленце, в трирском курфюршестве, и все они могут вторгнуться в пределы Франции.

Собрание тут же приняло решение просить руководителей курфюршеств, чтобы они обезоружили французских эмигрантов. Декрет тут же был принят, и Де Вобан обратился к королю:

– Государь, если бы французы, изгнанные из своего отечества по религиозным соображениям, собрались под оружием на границах, если бы им покровительствовали германские государи, – мы вас спрашиваем, государь, как поступил бы Людовик XIV? Потерпел бы он эти сборища? Пусть же ваше величество сделает для поддержки конституции то, что он сделал бы ради своей власти.

Вечером 14 декабря король известил собрание, что утром 15 декабря он придет на собрание и лично выскажет свою точку зрения.

Так оно и произошло. При глубоком молчании собрания Людовик XVI сказал:

– Послание собрания заслуживает полнейшего внимания. Опасаясь бедствий войны, я не раз обращался к заблуждавшимся французам с предложением вернуться на родину, но дружеские внушения оказались бесполезными, я обращался также к братьям, но попытки мои были тоже тщетны. В связи с этим, господа депутаты, я от имени Франции прошу германских курфюрстов прекратить всякие сборища французских эмигрантов до 15 января 1792 года. Я написал письмо императору как главе империи с просьбой вмешаться в этот конфликт, а если сборища не прекратятся, то он объявит войну. Вы не опасайтесь тех неприятностей, которые ложатся на меня, как хранителя конституции. Я глубоко чувствую и горжусь, когда исполняю свои обязанности. Быть королем свободного народа – прекрасная доля.

Рукоплескания депутатов вознаградили речь короля, и текст его выступления был разослан во все восемьдесят три департамента.

В 1789 году граф Николай Румянцев добился разрешения и приехал в Петербург. Вскоре был милостиво принят Екатериной II.

– Ваше величество! Я не буду утомлять вас подробным

изложением своих деловых забот, ведь вы, должно быть, помните мои подробные отчеты о встречах с князьями и герцогами, мало что могу добавить к тому, что вам уже известно.

– Да, граф, не будем касаться общего результата вашей дипломатической деятельности, но я обратила внимание на то, как деликатно вы разрешили вопрос с избранием Дальберга на пост коадьютора Майнцского, ведь Пруссия боролась за то, чтобы избрать на это место некоего Дингейма и отклонить от Дальберга сочувствие майнских каноников.

– Ваше величество! Австрийский император Иосиф II очень много сделал для того, чтобы утвердить Дальберга коадьютором. Молодой король Прусский яростно работал в пользу своего ставленника, но канцлер Кауниц и Иосиф II использовали поддержку курфюрста Майнцского. Ведь этот курфюрст занимал первое место в Германии, руководил императорскими выборами, председательствовал на коллегии курфюрстов на императорском сейме, помазывал избранного императора на царство, назначал имперского вице-канцлера в имперский Надворный совет…

– Заправлял всем императорским сеймом, – добавила Екатерина II, хорошо помнившая свои наставления графу Румянцеву. – Я помню, граф, ваши слова о Дальберге как отменно мудром человеке, ученом, который имеет безмерные знания в высших науках. Я много слышала об этих выборах и от вас, и от императора Иосифа II, который, как мне писали из Вены, плохо себя чувствует.

– Я слышал, ваше величество, что война с Турцией и Швецией то и дело сулит России победы на суше и на море, то Рымник взят, то шведский флот неоднократно разбит русскими адмиралами.

– Генерал-аншефу Суворову я отправила орден Святого Георгия первой степени, а австрийцы присвоили ему звание графа Священной Римской империи, шпагу, осыпанную бриллиантами, бриллиантовый эполет, драгоценный перстень… Суворов того достоин. Принц Кобург и Суворов завладели Кишиневом, Каушанами, Аккерманом, завладели Бухарестом, заняли Валахию. Я вижу, что неважно выглядите, судя по вашему облику, чем-то смущены, а высказаться опасаетесь. Граф, робости не ожидала от вас.

– Это не робость, ваше величество, но Франкфурт-на-Майне подорвал мои силы, и потом, я сделал все, что от меня требовалось вашими указаниями…

– В ваши-то годы говорить об усталости рановато, граф, а Франкфурт-на-Майне вскоре станет финансовой столицей не только Германии, но и всей Европы. Вы заметили, что братья

Ротшильд стали банкирами в Лондоне, Париже, в Вене? Пруссия и Англия заключили союз против России. Нет, Франкфурт-на-Майне, граф, нельзя уступать, здесь будут серьезные политические и финансовые операции, а потом, у меня для вас нет хорошей свободной должности. Тем более во Франции происходят непредсказуемые события, дальнейший ход которых трудно определить.

В феврале 1790 года австрийский король и император Иосиф II скончался. Екатерина II тут же написала пространный рескрипт графу Николаю Румянцеву с приказанием вернуться к своим обязанностям во Франкфурте-на-Майне, принять участие в похоронах Иосифа II и в предстоящих выборах нового императора, которым стал наследник австрийского трона, король Венгрии и Богемии Леопольд II. Граф Николай Румянцев принимал участие и в выборах императора, и в торжествах по этому случаю.

Леопольд II резко изменил внешнюю политику Австрии, он не хотел войны, всячески оттягивал решительные действия, которые предлагала Франция.

У французского короля Людовика XVI возникло множество осложнений, депутаты постоянно напоминали ему о равенстве полномочий и равенстве людей на земле. Наконец Людовик XVI, обращаясь с письмом к собранию 31 декабря 1791 года, писал: «Если эта декларация не произведет того действия, которого я от нее ожидаю, если Франции суждено роком сражаться против своих детей и своих союзников, тогда я изложу Европе правоту нашего дела; французский народ поддержит его своим мужеством, и нация увидит, что я не имею других интересов, кроме ее интересов, и что я всегда буду смотреть на охранение ее достоинства и безопасность, как на существеннейшую из моих обязанностей». Письмо короля вызвало горячие аплодисменты депутатов.

Медлительность императора Леопольда разочаровала французов, королевские дворы стали собирать свои воинские части, возникали союзы и объединенные союзные армии, и в конце года на границе с Германской империей стояли три армии: Северная армия во главе со старым генералом Рошамбо стояла во Фландрии; Центральная армия во главе с генералом Лафайетом расположилась близ Меца; корпусом, занимавшим Эльзас, командовал старый воин и посредственный генерал Люкнер.

Военный министр Нарбон проверил готовность своих батальонов и 11 января 1792 года явился в собрание и доложил, что армия в 240 батальонов и 160 эскадронов от Дюнкирхена до Безансона, насчитывающая до 200 тысяч солдат и офицеров,

готова исполнить свой патриотический долг и защитить революционную Францию. Рукоплескания депутатов одобрили этот отчет.

Но будет ли король вести войну против своих братьев и придворной аристократии, которая готовится напасть на Францию, дабы вернуть прежние привилегии дворянства и духовенства? Лидеры Национального учредительного собрания мучительно думали над этим неотвратимым вопросом. Робеспьер склонялся к миру, Бриссо ратовал за войну, опасались, что генерал Лафайет, благодаря своей популярности, может установить военную диктатуру. Но вскоре своим талантом и умом выделился в этой разнообразной толпе лидеров Камилль Дюмурье.

1 января 1792 года Национальное собрание приняло решение отдать под суд братьев короля – графа Прованского, графа Артуа, принца Конде, Колонна, виконта Мирабо-младшего, Лакеля, обвиненных во враждебных действиях против Франции. Приняло решение наложить секвестр на поместья эмигрантов и взимание доходов в пользу национальной казны. Эти решения не подлежали утверждению короля.

14 января собранию был представлен отчет о деятельности императора, который приказал запретить сборища эмигрантов, но эмигранты продолжают формировать свою армию. Людовик XVI сообщил, что он уже две недели ведет переговоры с императором Леопольдом. Прежние министры ушли в отставку по разным причинам. Дюмурье, получив пост министра иностранных дел, быстро вошел в доверие к королю и собранию благодаря своему уму, таланту и остроумию, бывал и у жирондистов, и у якобинцев, он желал войны, которая поможет ему раскрыть свое многообразие талантов, в том числе и его военные, стратегические планы.

После бурных выступлений на собрании король объявил, что иноземные войска собираются на границах Франции, необходимо отразить это нападение военными действиями, дабы заявить о прочности Французского государства.

Генерал Дюмурье использовал свои военные планы, три французские революционные армии готовы были к встрече с прусскими и австрийскими полками. В 1792 году при Вальми и Жемапе армии одержали победу, но в марте 1793 года при Нервиндене потерпели поражение. После этого, в апреле 1793 года, генерал Дюмурье перешел к австрийцам.

В середине 1792 года депутаты все чаще говорили об ограничении королевской власти, все чаще говорили о республике и о выгодах государственного управления при

республиканском строе, приняли первые постановления, еще более ограничивающие королевскую власть, требовали от французского народа исполнения их. Вся европейская политика была направлена против Французской революции, в том числе вынужденно объединились Пруссия и Австрия.

Екатерина II смотрела на события, происходящие в революционной Франции, с негодованием, начиная с участия французских волонтеров в борьбе за свободу американских колоний против Англии, она резко осуждала внешнюю политику Франции, хотя тут же приглашала генерала Лафайета, наиболее популярного волонтера, сопровождать ее во время ее путешествия по Крымскому полуострову и сожалела, что собрание нотаблей в Париже лишило его тогда возможности познакомиться с российской императрицей. Она понимала противоречивость своей позиции, но не могла совсем отказаться от идей Просвещения, которые полностью владели ею во время дворцового переворота и в первые годы ее императорского правления. Она приглашала и Бенджамина Франклина, одного из просветителей и автора Декларации независимости США (1776), принять участие в путешествии, но преклонный возраст и государственные дела помешали и ему познакомиться с Россией (в 1789 году он стал почетным академиком Российской академии наук). Она восхищалась министром финансов Неккером, читала его книги, а потом резко осуждала его за компромиссы и ошибки в его политической деятельности. Летом 1790 года, 21–23 июня, Екатерина II, размышляя о положении во Франции, недоумевая, почему короля Франции стали называть «королем французов», недоумевая, почему сумасбродство, легкомыслие, беспорядок, всевозможные крайности ценятся выше опытности, благоразумия, порядка, закона, писала барону Гримму из Царского Села:

«По-видимому, вы несчастнее нас, хотя мы зараз ведем две войны. Одна из них так близко ведется от Петербурга, что в городе, а еще больше здесь, уже целый месяц слышен гром пушек, и, не смотря на это, мы все очень веселы. Я думаю, так происходит от того, что у нас все убеждены, что если бывают войны правые, то это именно мои войны, так как мы сражаемся против несправедливости и изменников.

От искреннего сердца желаю, чтобы несчастия Франции окончились и чтоб она вновь приобрела утраченное значение в Европе. Живейшее участие, которое я принимаю в королеве, заставляет меня в особенности желать улучшения в ее положении. Для преодоления великих опасностей нужно иметь и мужество великое… О Лафайете я ничего не скажу, но вижу, что и вы тоже думаете, что я. Что касается до г. Неккера, то я уже давно

с ним раскланялась и думаю, что для счастья Франции было бы хорошо, если бы он никогда и не вмешивался в ее дела… Вижу, что мои потери в Вене (смерть Иосифа Второго и эрцгерцогини Елисаветы, сестры великой княгини Марии Федоровны, в феврале 1790 г.) вам причиняют столько же огорчения, как и мне, и теперь еще мне тяжело о них говорить. Я долго не могла видеть посла; и он, и я едва могли удержаться от рыданий. Тысячу раз пожалела я о французской королеве, которая в такое короткое время понесла столько различных потерь; но она обладает мужеством, как и мать ее, и неустрашимостью, отличающею весь их род. До какой степени доходила неустрашимость Иосифа (иногда, как я смею думать, вредившая ему самому) видела я сама в Тавриде, когда мы получали первое известие о смутах в Голландии. Он стал говорить со мной об этом, и я решилась откровенно высказать свое мнение; признаюсь вам, его ответ испугал меня. Но я замолчала, видя, что он остроумнее и речистее меня; однако все-таки дала ему понять, как бы я стала рассуждать в подобном случае. Больше я ничего не могла сказать, так как он, вероятно, знал местные условия, которые мне были неизвестны, а мои мысли по обыкновению были приложимы только к моей стране. – Не знаю, что называет Дидот моими записками, но по истине я никогда не писала таковых, и если это грех с моей стороны, то я и сознаюсь в нем.

Очень рада, что вы отдали справедливость Иосифу II: я к нему чувствовала искреннее расположение, и он тоже любил меня. Я не могу о нем вспоминать без умиления. Он мне написал ужасное письмо; я отвечала тотчас же, но мое письмо опоздало. Я многого ожидаю от его наследника, который на первых порах оказывается человеком осторожным, благоразумным, твердым, достойным уважения. Он производит хорошее впечатление во всех отношениях» (РА. 1878. Кн. 3. С. 169–171).

В эти тревожные дни, когда из Франции, с Балтийского моря и с юга России приходили разные вести, Екатерина II была готова отказаться от всего философского наследия, которое она приняла в 50—70-х годах. Вслед за Национальным собранием она готова бросить в огонь все лучшие произведения французских писателей и философов, все то, что служило огромной популярности этих писателей в Европе, а теперь, во время революции, может послужить лишь осуждению отвратительной теперешней неурядицы. «До сих пор думали, что следует вешать всякого, кто замышляет гибель своей родине, – с горечью размышляла российская императрица, – а вот теперь это делает целая нация или, лучше сказать, депутаты, тысяча двести представителей нации. Я думаю, если бы повесить некоторых из них, остальные

бы образумились. Для начала следовало бы уничтожить жалованье в восемнадцать ливров, которое выдается каждому депутату (и тогда эта голь для своего пропитания должна была бы вернуться к своим ремеслам), а потом запретить законом принятие адвокатов в члены собрания. Против ябедников существуют во всех землях законы, иногда очень строгие; а во Франции этим шавкам дали законодательную власть. Вся эта сволочь не лучше «маркиза» Пугачева, про которого я всегда говорила, что он отлично знал про себя, какой он злодей. Недавно еще эти самые адвокаты, смотря по тому же, за что платили больше, защищали равно истину и ложь, справедливость и беззаконие. Я бы одним разом разогнала людей, а не стала бы по клочкам уничтожать что они сделали или сделают. Это придет само собою. Но сказывают, что повелителю нравится эта игра в гражданство, а таким образом не уничтожение зла. Можно пожалеть о государстве и о всех благоразумных людях! Что же касается до толпы и до ее мнений, то им нечего придавать большого значения».

Франция, узнав о свидании австрийского императора и прусского короля в Пильнице в августе 1791 года и о принятой декларации, опубликованной позднее, 20 апреля 1792 года, объявила Пруссии и Австрии войну. Отряд французов-эмигрантов в 35 тысяч человек вошел в состав австрийской армии под началом принца Гогенлоэ, другие отряды французов-эмигрантов стали под командованием прусского герцога Брауншвейгского.

Людовик XVI и Мария-Антуанетта оказались в сложном и глубоко противоречивом положении. За каждым шагом королевской четы следили и придворные, и депутаты. В 1792 году удалось послать к императрице Екатерине II маркиза Бомбелля, который предложил созвать конгресс для восстановления законного королевского правительства во Франции. Екатерина II, сочувствуя королевской чете, сожалела о случившемся в королевстве, но ведь именно король созвал Генеральные штаты и именно он согласился со всеми постановлениями учредительных и законодательных собраний, именно он согласился с тем, что его стали называть королем французов, перестали отдавать ему королевские почести…

О разговоре с маркизом Бомбеллем Екатерина II написала графу Румянцеву, который тут же известил об этом графа Прованского и графа Артуа, которые все еще мечтали вернуться во Францию и силою оружия восстановить полноту королевского правления.

В Кобленце граф Румянцев часто общался с братьями короля,

придворной аристократией, князьями, герцогами, которые с ненавистью относились к тому, что происходило во Франции. Радовались, что король и королевское семейство бежало из Парижа. И уныние воцарилось в Кобленце, как только узнали, что король арестован, возвращен в Париж, а вместе с ним и королевское семейство.

Граф Румянцев, как полномочный представитель российской императрицы, получил аудиенцию у графа Артуа, который обрадовался при виде графа и заговорил о драматических событиях, которые потрясали его родную Францию.

– Недавно нам подробно сообщили, – сказал граф Артуа, – что происходило в Париже 26 июля текущего года… Ужасно! Три колонны с красным знаменем двинулись к дворцу, на знамени надпись: «Те, которые будут стрелять в народ, будут немедленно умерщвляемы». Хотели взять короля в плен и посадить его в Венсенн. Всю ночь бил набат. Но ничего не получилось, пришлось отсрочить штурм дворца. А 30 июля прибыло пятьсот марсельцев. На Елисейских Полях марсельцам устроили обед, а рядом обедали члены кружка национальных гвардейцев, писатели, военные и другие, преданные двору. Ну, естественно, начались раздоры, потом драка, одного убили, в одну минуту смятение овладело всем Парижем…

– Творится что-то невообразимое, картина просто ужасающая, непредсказуемая, – заметил граф Румянцев. – Но ведь герцог Брауншвейгский скоро войдет в Париж и восстановит монархический строй в полном объеме?

– Невообразимое в том, что нашлись чудовищные люди, которые организовали 10 августа поход на королевский дворец. Ведь Людовик соблюдал все договоренности с собранием, принял либеральную конституцию, действовал в соответствии с ее статьями, но нашелся страшный в своем злодействе человек по имени Марат, врач, журналист, редактор газеты «Друг народа», я его хорошо знал, он был врачом при моих конюшнях, когда вспыхнула революция. Он был невысокого роста, менее чем среднего, имел огромную голову, грубые, резкие черты, мертвенный цвет лица, жгучие глаза, нахальный по характеру, безобразный по внешности. Но неожиданно привлек к себе внимание тем, что предлагал срубить тысячи голов и истребить всех аристократов, мешающих свободе простого народа. Его презирали, отталкивали, но ярость его была просто бушующая. Он хотел диктатора, у которого есть одно право – указывать жертвы и произносить один приговор – смерть. «Дайте мне, – говорил он, – двести неаполитанцев с кинжалами и муфтой на левой руке вместо щитов, с ними обойду всю Францию и совершу

революцию. Всем аристократам надо носить белую ленту на руке в качестве отличительного знака и разрешить каждому убивать их, где их будет трое вместе».

– О безжалостном Марате много говорили бежавшие из Франции. Беда в том, что на короля обрушилось столько неразрешимых проблем, что он постоянно колебался… Подготовили побег всей семьи, но, как только появился манифест герцога Брауншвейгского, в котором было много справедливого, он поверил герцогу…

– Вы правы, граф, несчастный король Людовик то слушает благоразумные советы одних придворных, то увлекается страстными советами других, то боится за семью, то колеблется среди своих проектов, то с ужасом опасается народной толпы, которая все чаще кричит «Долой вето!», но не имеет сил убежать от нее. Просто трагедия честного человека, оказавшегося на французском престоле. Но меня, граф, удивляет другое, почему российская императрица выбрала в качестве воспитателя великих князей Александра и Константина господина Фредерика-Сезара де Лагарпа, столь опасного приверженца революционных начал. Он порицает Цезаря и хвалит Брута, историю Франции он представляет в самых мрачных тонах, он откровенно восхищается идеями равенства и свободы, до меня дошли слухи, что Лагарпа императрица называет мистером якобинцем. Вы уж простите меня, граф, за откровенность, но мы с графом Прованским да и вся наша придворная аристократия так ненавидим Лагарпа, что послали среди эмигрантов нашего офицера барона, которому поручили содействовать удалению или гибели Лагарпа.

– А до меня дошли слухи, ваше сиятельство, что русские великие князья поддерживают Лагарпа, они очень довольны его лекциями, их направлением. Однажды, когда французские эмигранты в беседе с императрицей восхищались порядками дореволюционной Франции, великий князь Константин неожиданно вмешался в беседу и начал доказывать, что порядки во Франции были далеко не такими, как только что рассказывалось. Императрица спросила его, откуда он почерпнул эти сведения, он тут же ответил, что по поручению Лагарпа он читал Memoires posthumes Дюкло. Императрица выразила свое удовольствие, а французские аристократы остались в недоумении.

– Но стоит почитать ваши газеты, особенно «Санкт-Петербургские ведомости», так не отличишь ваши «Ведомости» от наших роялистских газет: тот же ужас от взятия Бастилии, ужас от безумных речей депутатов, содрогаются оттого, что верховная власть и законы у нас умолкли, бедственное безначалие с каждым

днем усиливается, возмутительные сочинения писателей широко распространяются, народная вольность есть не что иное, как гибельное безначалие. Трудно разобраться в вашей политике, граф, действуют словно руки, делающие чуть ли не противоположное.

– Но я уверен, ваша светлость, что вы согласитесь с тем, что в наших «Ведомостях» жестко говорится о Робеспьере как злодее государя и народа, о графе Мирабо, голова которого набита сенною трухой, а эта голова достойна одного возвышения – возвышения на фонарном столбе, много справедливого говорится и о других смутьянах и отъявленных революционерах вроде Марата.

Граф Артуа и граф Румянцев долго еще разговаривали о положении революционной Франции, в которой начались повальные аресты и казни.

Вскоре разнеслась весть, что Густав III 16 марта 1792 года был убит на маскараде в Стокгольме, и его планы нападения на революционную Францию рухнули.

Граф Прованский объявил себя регентом, жил в Вероне, несколько старых вельмож и друзей остались при его дворе, но Австрия, Пруссия и Англия не признали его регентства, малолетний Людовик XVII, законный наследник французского престола, все еще томился в тюремных застенках, а признать графа Прованского регентом – значит совершить попытку вмешательства во внутренние дела другого государства, что никто не мог себе позволить. Но Россия признала регентом графа Прованского, особым рескриптом назначила графа Румянцева представителем Российской империи при регенте герцоге Прованском и его брате графе Артуа и в июне 1792 года разрешила графу постоянно присутствовать при французских принцах. В октябре принцы вместе с герцогом Брауншвейгским под давлением революционного войска в беспорядке бежали из Франции и в октябре разместились на зимних квартирах в Люксембурге.

В октябре 1792 года граф Румянцев сообщил императрице, что герцог Артуа разговаривал с прусским королем о бедственном положении французских эмигрантов и тот разрешил французским принцам поселиться в местечке Гамме, в Вестфалии. Прусский же король будет пока во Франкфурте. Граф Румянцев при его особе остается, как министр, представлять Российскую империю.

Во Франкфурте 24 ноября 1792 года граф Румянцев получил всемилостивейший рескрипт о пожаловании ему ордена Святого Александра Невского.

13 августа 1792 года Людовик XVI и королевское семейство разместилось во дворце Тампль в ожидании своей участи.

20 сентября 1792 года Национальный конвент собрался во дворце Тюильри и начал свою работу. 21 сентября 1792 года после прений водворяется глубокая тишина и президент согласно единодушному мнению депутатов собрания объявляет, что королевская власть во Франции упраздняется, что провозглашена республика. Декрет о постановлении немедленно был опубликован, разослан по всем муниципалитетам и армейским полкам. Новая, республиканская история Франции началась 22 сентября 1792 года.

Графу Румянцеву было тяжело и одиноко жить во Франкфурте-на-Майне. Он возобновляет попытки вернуться в Петербург, снова просит императрицу либо об отставке, либо о другой работе. Но произошло другое, и не в его пользу.

По европейским дворам разнеслась свирепая молва, что конвент будет судить Людовика XVI. На судебных разбирательствах французский король говорил, что он, человек добрый и справедливый, действовал всегда по совести и Божьему благоволению.

21 января 1793 года из Тампля отправилась карета с французским королем и жандармскими и судейскими чиновниками и вскоре остановилась на площади Революции. Перед казнью Людовик XVI, связанный по рукам, делает шаг вперед и сильным голосом произносит:

– Французы! Я умираю невиновный в преступлениях, взводимых на меня; я прощаю виновникам моей смерти и желаю, чтоб кровь моя не пала на Францию.

«Убиение злополучного Людовика XVI навело на Францию глубокий ужас, – писал Тьер, – а в Европе вызвало чувство, смешанное из изумления и негодования. Как это предвидели наиболее проницательные революционеры, борьба этим завязалась бесповоротная, и всякое отступление окончательно закрывалось. Теперь надо было сражаться против коалиции престолов и победить ее или погибнуть под ее ударами. Поэтому в конвенте, у якобинцев, везде говорилось, что надлежит заняться исключительно внешнею обороною, и с этой минуты военные и финансовые вопросы постоянно стояли на очереди» (*Тьер*. Т. 2. С. 162).

Но занимались, увы, не только внешней обороной, якобинцы установили такую диктатуру, что… Невозможно без больших страданий действовать с такой быстротой и спасти государство, которому со всех сторон грозит погибель… «Я всюду надлежащим образом водворил террор… дал силу в руки санкюлотам», –

докладывал в клубе якобинцев комиссар, посланный в один из департаментов Франции (*Тьер*. Т. 2. С. 548). Якобинцы обрушились на арестованную королеву Марию-Антуанетту, приписав ей растрату казны, все преступления короля Людовика XVI, которые считали доказанными в судебном следствии. Не только королева виновата перед Францией, но и герцог Орлеанский, Бальи, множество генералов и адмиралов, жирондисты…

14 октября Мария-Антуанетта явилась перед своими судьями. «Заранее обреченная в жертву неумолимому революционному мщению, она не имела ни малейших шансов быть оправданною: не для того якобинцы потребовали суда над нею… Мария-Антуанетта много раз, с большим присутствием духа и твердостью, повторяла, что нет против нее ни одного доказанного факта, что притом, в качестве супруги Людовика XVI, она не ответственна ни за что, делавшееся в его царствование. Фукье-Тенвиль, несмотря на это, объявил улики достаточными. Шово-Лагард тщетно старался защитить ее – несчастная государыня была приговорена к той же казни, как и ее супруг» (*Тьер*. Т. 2. С. 557–558).

Утром 16 октября 1793 года главный палач показал народу голову казненной королевы.

5 декабря 1793 года Екатерина II писала барону Гримму:

«Французские философы, которых считают подготовителями революции, ошиблись в одном: в своих проповедях они обращались к людям, предполагая в них доброе сердце и таковую же волю, а вместо того учением их воспользовались прокуроры, адвокаты и разные негодяи, чтоб под покровом этого учения (впрочем, они и его отбросили) совершать самые ужасные преступления, на какие только способны отвратительнейшие в мире злодеи. Они своими злодеяниями поработили себе парижскую чернь: никогда еще не испытывала она столь жестокой и столь бессмысленной тирании, как теперь, и это-то она дерзает называть свободой! Ее образумят голод и чума, и когда убийцы короля истребят друг друга, тогда только можно надеяться на перемену к лучшему. Господи Боже мой! Если б слушались меня, многое было бы иначе; но Венский двор со своими вожаками, бароном Брейтелем и графом Мерси, воображал, будто мне издали ничего не видно, что делается, и продолжал упорствовать в своем мнении, будто королева будет в большей безопасности среди якобинцев, чем под покровительством братьев короля. Я ничего не выдумываю: это факт. За этот ложный принцип пришлось поплатиться жизнью. Таковы были последствия ошибки.

Теперь дворы венский и английский начинают, кажется, соглашаться с тем, что я им беспрерывно проповедую вот уже три года; но, послушайся они меня раньше, не совершилось бы так много преступлений, да и трат было бы меньше. В ту минуту, как они приходят в разум, короля прусского подучают предъявить самые несообразные, чрезмерные требования. Посмотрим, что из этого будет? Если он не образумится, тем хуже для него» (РА. 1878. Кн. 3. С. 207–208).

Принц Конде на Верхнем Рейне, потеряв всякие надежды на вмешательство иностранных держав во внутренние дела Франции, продолжал собирать всех желающих сражаться за Французское королевство.

«Граф Артуа путешествовал со свитою из блестящей и знатной молодежи и заехал даже в С.-Петербург, – писал А. Тьер, – где императрица Екатерина царственно приняла его, подарила ему фрегат, миллион деньгами, шпагу и дала ему храброго Вобана, чтобы он помог ему употребить все это в дело. Она кроме того обещала ему более действительную помощь, лишь только он высадится в Вандею. Высадки, однако, не последовало, и граф Артуа возвратился в Голландию, в главную квартиру герцога Йоркского.

Положение трех французских принцев было далеко не блестящее и не счастливое… Зато при трех эмигрантских дворах против держав господствовало крайнее неудовольствие. Они начинали понимать, что все это благородное усердие коалиции к делу монархии скрывало сильнейшую ненависть к Франции. Австрия, водрузив свое знамя на крепостях Валансьенна и Конде, лишь вызвала, по мнению французских эмигрантов, решительный порыв патриотизма. Пруссия, мирные наклонности которой более не составляли для них тайны, изменяла, по их словам, всем своим обязанностям. Питт, из всех союзников относившийся к ним наиболее положительно и пренебрежительно, был им всех ненавистнее. Они его иначе не называли как «коварный англичанин» и говорили, что надо у него брать деньги, а затем обманывать его, где только можно. Они находили, что рассчитывать можно на одну только Испанию, что она поступает как верная родственница, искренняя союзница, что только на нее можно возлагать свои надежды.

Эти три маленьких эмигрантских двора, так плохо ладившие с державами, и между собою ладили не лучше. Веронский двор, мало деятельный, давал эмигрантам приказания, которых никто не слушался, делал кабинетам сообщения, которым никто не внимал, через непризнанных агентов, относился с недоверием к

двум другим, ревновал к деятельной роли принца Конде на Рейне, к уважению, которым он сравнительно пользовался у кабинетов, вследствие своей храбрости, хотя и довольно неосмысленной, и даже завидовал путешествиям графа Артуа по Европе… Таково было положение роялистской партии во Франции и вне Франции» (*Тьер*. Т. 3. С. 285–287).

Николай Румянцев, часто бывая в Кобленце, в Вероне и в других местах, где укрепились эмигранты, и стараясь побольше узнать о событиях в Париже и об усилиях трех эмигрантских дворов, чувствовал себя крайне растерянным от их непредсказуемой политики, бесполезных и противоречивых указаний графа Прованского, от высокомерного и непредсказуемого графа Артуа, побывавшего и в Петербурге, и в Лондоне, получившего и от одного двора, и от другого материальную помощь, но беззаботно относившегося к тому, чтобы объединить усилия к совместным действиям против революционной Франции. Принц Конде был одинок как лидер.

Читая газеты, встречаясь с известными представителями французской аристократии, братьями короля, германской и австрийской знатью, граф Румянцев, зная почти все подробности французской трагедии, был немало удивлен первым победам французской армии, отстоявшей независимость от иностранной интервенции, укреплением конвента, простившего эмигрантов и разрешившего их возвращение во Францию, подготовке к новым выборам, в ходе которых победили роялисты и жирондисты, принятием новой конституции, по которой управителями Французской республики стала Директория, состоявшая из пяти человек.

Через пятнадцать месяцев Директория, одержав ряд серьезных побед и наладив снабжение французов продовольствием и денежным обращением, доказала свою способность управлять великой Францией. Но за это же время также показала слабости своего управления, дала возможность увидеть в пяти директорах проявление их страстей и «несогласие их характеров»: «Люди, живя долго вместе, неизбежно или отталкиваются друг от друга, или привязываются и сходятся между собою соответственно своим наклонностям» (*Тьер*. С. 367–368).

Все чаще упоминалось имя молодого генерала Бонапарта, превосходного артиллериста и талантливого руководителя, ставшего одним из генералов конвента.

Графу Прованскому и графу Артуа не удалось сплотить Австрию и Пруссию в твердый союз против революционной армии, и, почувствовав, что общее дело провалилось, граф

Прованский как частное лицо отбыл в Испанию, а граф Артуа со старшим сыном уехал в Англию. Граф Румянцев тоже почувствовал, что наступил конец его представительства при французских принцах, вернулся во Франкфурт, докладывая императрице, что «таковым делом и отсутствием положен миссии моей при Королевских Высочествах предел».

3. Екатерина II и князь Потемкин в ходе второй войны с Турцией

Как известно, 12 августа 1787 года Оттоманская Порта, подстрекаемая Англией и Пруссией, официально объявила России войну. Украинская армия, под руководством фельдмаршала Румянцева, составляла одно соединение русской армии, другим соединением, Екатеринославской армией, руководил князь Потемкин. Из переписки императрицы Екатерины II и князя Потемкина станут известны основные черты движения этой кровопролитной войны, ее удачи, конфликты, подвиги и поражения. По свидетельствам историков и очевидцев, князь Потемкин «был блестящим администратором и государственным деятелем в дни мира», но «был беспомощен в пору войны». То ли действительно болезнь съедала его, то ли другие напасти отняли у него силу, и он то и дело просит у императрицы помощи, настаивает на передаче командования фельдмаршалу Румянцеву. Однако, получив на это разрешение, тут же отказывается от его исполнения.

Екатерина II – Г.А. Потемкину (августа 19 ч., 1787):

«Письмы твои, друг мой Князь Григорий Александрович, от 7 августа до рук моих доставлены. Я весьма сожалею, что ты сверх забот нынешних и при оных занемог было. Пожалуй, побережись и вспомни о сем мои прозьбы. Я с первым Цареградским курьером ожидаю из двух приключений одно: или бешеного визиря и рейсэфендия сменят, либо войну объявят. О смене министерства, кажется, интерес французский требует, чтоб посол того двора старался; а как сам Султан мир, а не войну хочет, то сие вероятнее еще. На большое письмо сочиняю и большой ответ. Естьли думаешь, что смена консула Селунского надобна, то под видом отпуска на время призвать его можно оттудова.

Прощай, мой друг, будь здоров. Мы все здоровы…»

Г.А. Потемкин – Екатерине II (август 1787):

«Всемилостивейшая Государыня!

Война объявлена. Булгаков посажен в Едикуле. Я в крайности. Полки с квартер подойти скоро не могут. В Херсоне страшное число больных. В Крыму тоже довольно. Кораблей выведенных –

защитить на Лимане трудно. Бог один в силах подать помощь. Транспорты все хлебные станут. Естли бы моя жизнь могла удовлетворить всему, то бы я ее отдал. Прикажите делать большой рекрутский набор и прибавлять двойное число в оставшие полки в России. Трудно нашим держаться пока какая помощь прибудет».

Г.А. Потемкин – Екатерине II:

«Матушка Государыня. Стремление все теперь идет на меня. Войски мои подходят. Однако же прежде пятнадцати дневного сроку уповать нельзя. Больных в Херсоне множество. Бугская граница нельзя чтобы не потерпела от первого движения. Собравшись, я поддерживать стану все части. Войски Графа Румянцева ничего противу себя не имеют. Я просил его, чтобы часть ближних ко мне ввести, а там в Польшу их ввести можно будет. Корабли, на Глубокой стоящие, невооруженные совсем, много меня заботят.

Прикажите рекрутский набор большой и все полки по военному комплекту поставить. Нельзя не видеть, что французы скрытые нам враги. Они верно вид только делали. Я насилу хожу, после болезни слаб еще был, а теперь лихорадка начинает показываться. Матушка, прости, не смогу больше писать».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (августа 24 ч., 1787):

«Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович, радуюсь, что ты оправился, но притом весьма жалею, что в Херсоне болезни умножились. Здесь говорят, будто ни единого здорового нет, и все больны поносом. Вы бы запаслись в Херсоне и в те места, где поносы, пшеном сарочинским. Эти поносы, кроме пшеном сарочинским, ничем не уймете. Вспомните, что татары, турки, персияны, итальянцы и все обитатели теплых мест пшено сарочинское употребляют. Когда оно будет дешево, тогда все будут покупать, а больных и даром накормить можно. Сверх того при сем кушаньи больным Вы б приказали дать по рюмке вина крепкого виноградного. Как сии мысли мне на ум пришли, то я за долг почла Вам оных сообщить и надеюсь, что они не останутся без пользы. Есть-ли б можно было, я б к Вам на почту переслала здешние дожди.

С десятого июля, что я сюда приехала, по сегодня ежедневные дожди, и мы почти дней ясных и теплых не видали от Петрова дни.

Все сие писано было тотчас по получении Вашего письма от 14 августа. А вчерась вечеру, пришедши из оперы «Февей», я получила известия, присланные от консула Селунского от 11 и 14 августа, из которых явствует, что сам Молдавский Господарь ему велел сказать, что война объявлена и чтоб он и со всеми

русскими выехал в Россию; et comme pour ne me pas tromper je mettrai les choses ainsi, то есть почту войну за объявленную, дондеже не получу иных вестей, хотя и сия высылка Селунского быть может сама по себе. Понеже и отзыва его домогалися и говорили, что вышлют его. Прочее же похоже на вести Молдавские и Волошские, кои иногда бывали ложны, mais ceux-ci cependent paroissent avoir le cachet de la verite. И так мысли мои единственно обращены к ополчению, и я начала со вчерашнего вечера в уме сравнивать состояние мое теперь в 1787 с тем, в котором находилася при объявлении войны в ноябре 1768 года. Тогда мы войну ожидали чрез год, полки были по всей Империи по квартерам, глубокая осень на дворе, приготовления никакие не начаты, доходы гораздо менее теперяшнего, татары на носу и кочевья степных до Тору и Бахмута; в январе оне въехали в Елисаветградский округ. План войны был составлен так, что оборона обращена была в наступление. Две Армии были посланы. Одна служила к обороне Империи, пока другая шла к Хотину. Когда Молдавия и подунайские места заняты были в первой и второй кампании, тогда вторая взяла Бендер и заняли Крым. Флот наряжен был в Средиземное море и малый корпус в Грузию.

Теперь граница наша по Бугу и по Кубани. Херсон построен. Крым – область Империи и знатный флот в Севастополе. Корпуса войск в Тавриде, Армии знатные уже на самой границе, и оне посильнее, нежели были Армии оборонительная и наступательная 1768 года. Дай Боже, чтоб за деньгами не стало, в чем всячески теперь стараться буду и надеюсь иметь успех. Я ведаю, что весьма желательно было, чтоб мира еще года два протянуть можно было, дабы крепости Херсонская и Севастопольская поспеть могли, такожды и Армия и флот приходить могли в то состояние, в котором желалось их видеть. Но что же делать, естьли пузырь лопнул прежде времяни. Я помню, что при самом заключении мира Кайнарджийского мудрецы сумневались о ратификации визирской и султанской, а потом лжепредсказания от них были, что не протянется далее двух лет, а вместо того четверто на десятое лето началося было. Естьли войну турки объявили, то, чаю, флот в Очакове оставили, чтоб построенных кораблей в Херсоне не пропускать в Севастополь. Буде же сие не зделали, то, чаю, на будущий год в Днепровское устье на якоря стать им не так лехко будет, как нынешний.

Надеюсь на твое горячее попечение, что Севастопольскую гавань и флот сохранишь невредимо, чрез зиму флот в гавани всегда в опасности. Правда, что Севастополь не Чесма. Признаюсь, что меня одно только страшит, то есть язва. Для самого Бога я тебя прошу – возьми в свои три губернии, в Армии

и во флоте всевозможные меры заблаговремянно, чтоб зло сие паки к нам не вкралось слабостию. Я знаю, что и в самом Царе Граде язвы теперь не слыхать, но как оне у них никогда не пресекается, то войски оныя с собою развозят. Пришли ко мне (и то для меня единой) план, как ты думаешь войну вести, чтоб я знала и потому могла размерить по твоему же мнению тебя. В прошлом 1786 тебе рескрипт дан, и уведоми меня о всем подробно, дабы я всякого бреда могла всегда заблаговремянно здесь унимать и пресечь поступки и возможности. Кажется, французы теперь имеют добрый повод туркам отказать всякую подмогу, понеже противу их домогательства о сохранении мира война объявлена. Посмотрим, что Цесарь зделает. Он по трактату обязан чрез три месяца войну объявить туркам.

Пруссаки и шведы поддувальщики, но первый, чаю, диверсию не зделает, а последний едва ли может, разве гишпанцы деньги дадут, что почти невероятно. И чужими деньгами воевать – много зделаешь?

Настоящая причина войны есть и пребудет та, что туркам хочется переделать трактаты: первый – Кайнарджийский, второй – конвенцию о Крыме, третий – коммерческий. Быть может, что тотчас по объявлении войны оне стараться будут обратить все дело в негоциацию. Оне поступали равным образом в 1768. Но буде мой министр в Семибашни посажен, как тогда, то им по тому же и примеру ответствовать надлежит, что достоинство двора Российского не дозволяет подавать слух никаким мирным предложениям, дондеже министр сей державы не возвращен ей.

Еще пришло мне на мысль, кой час подтверждение о войне получу, отправить повеление к Штакельберху, чтоб он начал негоциацию с поляками о союзе. Буде заподлинно война объявлена, то необходимо будет в Военном Совете посадить людей, дабы многим зажимать рта и иметь кому говорить за пользу дел. И для того думаю посадить во оном Графа Валентина Пушкина, Генерала Николая Салтыкова, Графа Брюса, Графа Воронцова, Графа Шувалова, Стрекалова и Завадовского. Сии последние знают все производство прошедшей войны. Генерала Прокурора выписываю от вод царицынских. Иных же, окроме вышеописанных, я никого здесь не имею и не знаю».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (август 1787):

«Матушка Государыня, турки предварили объявлением войны и тем переменили весь план наступательный, который чрез год от нас с выгодою несумненною мог бы произвестись. Флот бы наш три раза был больше нынешняго, и армии к нам пришли б прежде, нежели они двинуться могли. Теперь же войски все соберутся у нас к здешнему пункту в полтора еще месяца. Я

защитил, чем мог, сторону Буга от впадения. Кинбурн перетянул в себя почти половину херсонских сил. Со всем тем мудрено ему выдержать, естли разумно поступят французы – их руководители. И во время сражения фрегата их были артиллеристы на шлюбках бомбардных. Их судов, то есть французских, употребится 80 для транспортов. Сии злодеи издавна на нас целят. Как везде поставлено от меня к защите, то тем и оборонятся. Флоту приказано атаковать, что б во что ни стало. От храбрости сих частей зависит спасение. Больше я придумать не могу ничего. Болезнь день ото дня приводит меня в слабость. Теперь войски Графа Петра Александровича идут сюда к соединению. До лета же армиям наступательно действовать и разделяться нельзя будет, то прикажите ему всю команду: то ест-ли б я изнемог, то будет к кому относиться генералам. Хлеба так скудно везде, что и двойной ценою трудно добывать. Вперед же не знаю, что и думать.

Я не могу таить от Вас здешних обстоятельств. Дай Бог, чтоб мы додержались до тех пор, как соберемся».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (августа 29 ч. 1787):

«Друг мой Князь Григорий Александрович. Собственноручное твое письмо от 21 августа я сего утра получила, из которого я усмотрела подтверждение Молдавских известий о объявлении войны. Благодарю тебя весьма, что ты передо мною не скрыл опасное положение, в котором находишься. И Бог от человека не более требует, как в его возможности. Но русский Бог всегда был и есть и будет велик, я несумненную надежду полагаю на Бога Всемогущего и надеюсь на испытанное твое усердие, что колико можешь все способы своего ума употребишь ко истреблению зла и препятствий родов розных. С моей же стороны не пропущу ни единого случая подать помощи везде тут, где оная от меня потребна будет. Рекрутский набор с пятисот-двух уже от меня приказан, и прибавлять двойное число в оставите полки в России велю и всячески тебя прошу и впредь с тою же доверенностию ко мне отписать о настоящем положении дел. Я знаю, что в трудных и опасных случаях унывать не должно, и пребываю как и всегда к тебе дружно и доброжелательна».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (сентябрь 2 ч., 1787):

«Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Пущая и главная моя теперь забота и безпокойство о твоем здоровье, о котором Бога усердно молю. Пожалуй уведоми меня чаще, каков ты. Лишь бы тебя Бог возвратил в здоровье, то я надежна, что мой друг и любимец будет, каков мое об нем мнение и какова и моя к нему и доверенность. Твое письмо от 22 августа я вчерась получила и вижу из оного, что тобою все возможные меры взяты,

хотя и стремление все неприятельское теперь идет к тебе, и как ты считал, что от 22 августа чрез пятнадцать дней войски наши подойдут, то от сего дня чрез четыре дни я считаю, что оныя будут, где им быть нужно.

Что больных много в Херсоне, о том я весьма сожалею. Русский Бог велик особливо; и Бугская граница останется без вреда. Я к Фельдмаршалу Румянцеву приказала заготовить рескрипт, а к тебе отправлена будет копия с оного. Рекрутский набор – уже приказано, как я к тебе писала. Посол получил вчерась курьера и объявил Вице-канцлеру, что Император признает Казус федерис и готов выполнить свои обязательства и послать повеления своим войскам итти к границам турецким. При сем прилагаю копию с Императорского письма ко мне. Теперь я все бдение мое устремляю к тому, чтоб тебе никто и ничем помеху не зделал, ниже единым словом. И будь уверен, что я тебя равномерно защищать и оберегать намерена, как ты меня от неприятеля, и что я касательно тебя так щекотлива, что даже до изражения и слова размеряю, и вешу на весы, так как я отроду еще не делала. И как ты мне даешь несумненно опыты своей ревности и верности во всяком случае, то будь уверен, что и ты от меня имеешь ожидать во всяком случае несумненные знаки дружбы и прямо дружеского подкрепления. Бог да укрепит телесные твои силы, ты же, мой друг, употребишь дарования твоего духа и ума к пользе Империи и дел моих.

И да увидят языцы, каков возпитанник и любимец мой, и да будет он в славе попечителей и в благополучии не горд, но точно таков, как я его видеть желаю. Ты, может быть, будешь смеяться сим моим изражениям и скажешь, что оне излишние, а я тебе на то скажу: пусть излишны, с кем говорить излишнее, естьли не с другом. Прощай, друг сердечный, будешь здоров, а я буду спокойна.

Естьли б я была теперь в Севастополе, то бы я села с Войновичем на том корабле, на котором я находилась в бытье моем в том порту. Его роля блистательна быть может, естьли Бог их благословит, как я от сердца желаю, щастьем и смыслом и храбростию. Adieu, mon Ami».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (сентября 6 ч., 1787):

«Друг мой Князь Григорий Александрович. Письмы твои от 28 августа я вчерашний день получила. Не страшит меня состояние дел наших, ибо все возможное делается, не страшит меня и сила неприятельская, руководимая французами, понеже из опытов известно мне, колико коварство то было уже опрокинуто раз, но страшит меня единственно твоя болезнь. День и ночь не выходишь из мысли моей, и мучусь тем заочно нивесть как. Бога

прошу и молю, да сохранит тебя живо и невредимо, и колико ты мне и Империи нужен, ты сам знаешь.

Прошу тебя всячески приложить весь свой смысл к избежанию того, что здоровью твоему быть может вредно, или употреблению того, что тебе может возвратить силы и прекратить немочи. Сказав сие и полагая надежду на Бога, который меня в нужде никогда не оставлял, приступлю к ответу по твоим письмам. Не дай Боже слышать, чтоб ты дошел до такой телесной болезни и слабости, чтоб ты принужден был сдавать команду Графу Петру Александровичу Румянцеву, как ты о том ко мне пишешь. Но естьли бы случай таковой нещастный состоялся, либо по делам находишь то за необходимо нужное, то сам о сем перепишись с ним, а в запас я к нему написать велю, чтоб он принял команду тогда, когда от тебя о том получит предложение.

Касательно хлеба, который пишешь, что везде скудно, мне пришло на ум послать сего дня курьера к Генералу Поручику Де Бальмену, который отправился уже отсель в Курск, где по известиям значится, что с миллион четвертей в продаже, а у него уже и приказание есть тысяч десятов пять закупать, чтоб он, Де Бальмен, тебе, да и Фельдмаршалу Румянцеву дал знать, сколько у него закуплено и где тот хлеб, чтоб вы из того могли сами судить, удобно ли тот хлеб к вам обратить и не получите ли от него себе пособие.

Пишешь ты ко мне то, чего естественно выходит из теперешнего положения нашего: то есть, что до лета наступательно действовать нельзя. Но до тех пор, что войски в границы и не перейдут, оныя мы почитать не инако можем, как в оборонительном состоянии. И так еще время довольно имеем установить того, что делать надлежит, когда Бог велит оборонительное состояние переменить в наступательное. Ты уже известен, что Цесарь ко мне пишет, что он признал Казус федерис, что войски его получили приказание итти к границам и что посол его здесь подал словесное изъяснение о сем и о том, чего им желается знать от нас. По сем дружественном поступке Императорского я велела принести к себе все касательные до сего союза бумаги от 1781 года до нынешнего дня. Из оных явствует: первое, что Император, не ожидав ныне от нас реквизиции, уже решился действовать противу турок. Второе, сие быв зделано, по силе секретного артикула майя 24 ч. 1781 г. уже сепаратный мирный договор либо перемирие места иметь не может. Третье, буде по сему общему делу иная держава наступательно действовала противо которого Императорского двора, тогда колико можно силами обоюдными отражать оное, не давая однако в опасности собственные границы каждого. Четвертое, в

письме Императора ко мне от 13 ноября 1782 г. он признает приобретение Очакова с землею и несколько островов в Архипелаге за дело, не подлежащее затруднению, а себе выговаривает Хотин с округом для закрытия Галиции, да Буковину и часть Валахии до Ольты. Пятое, в записке твоей по сим делам нахожу я следующие изражения, «что касается до сил военных, как их обращать на действие, в сем затруднений не будет. Ежели Император обратит на турков только сорок тысяч, сего будет довольно. Пусть он вспомнит, с чем мы воевали. За таким отделением много еще останется у него против Прусского короля. Что берет он в Валахии, это точно то, что Вы назначили. Хотин уступить можно, ибо он уже вокруг почти обрезан».

Шестое, – в моем письме к Императору от 4 генваря 1783 года записано тако:

«L'armee d'observation que V.M.I. aura en Boheme et en Moravie suffira je m'assure de ce cote la, et j'aurai de voir d'entretenir les corps de troupes dans mes provinces voisines de la Suede et de la Pologne en les portant au point d'assurer non seulment mes frontieres, mais aussi d'etre prets a agir en cas de besoin, ce qui suffira je pense pour tenir en respect ceux qui pourroient etre tentes de s'opposer aux succes communs».

Седьмое, в рескрипте к Князю Голицыну в Вену от 8 генваря 1783 году написано, что «взаимные обязательства, особливо же секретный Артикул с доброю верою исполним, поколику силы наши в продолжении турецкой войны, хотя уже в оборонительную тогда превращаемую, дозволить нам могут… и что ожидаем откровенного сообщения мысли Его Величества, дабы единообразный план учредить». NB сии мысли не были присланы. Восьмое, в рескрипте к послу Князю Голицыну от 8 июня 1783 года паки писано, «что на случай открытия у нас с Портою войны и на всякий другой подобный охотно представляем мы готовность нашу войти с Его Величеством в ближайшее и точное определение, как пропорциональных и на обе стороны приобретений, так и запасных операционных планах, и что ожидаем от двора его сообщения проекта постановляемой о том конвенции». Девятое, в твоей записке 1784 года при случае умножения войск упоминается о корпусе, который ввести надлежит в Польшу в соседстве новых приобретений Короля Прусского.

Сию краткую выпись, друг мой сердечный, я нарочно зделала для тебя, чтоб ты на одном листе имел перед глазами то, что в больших пуках записано, дабы нас не могли попрекать, что чего проронили или пропустили.

Еще пришло мне на ум к тебе писать и требовать твоей

мысли: ты знаешь, что Муловский наряжен обходить Кап де Бон Эсперанц и поехать к Камчатке. Вместо того – не лутче ли будет под видом той экспедиции оборотить его деятельно в Красное море, на Мекку и Медину, незаметно делать туркам пакости. Я отъезд его уже под рукою остановила, а естьли ты мысли мои похвалишь, то отправлю его заподлинно, и он не будет знать, куда едет, дондеже доедет до Кап де Бон Эсперанс. Прощай, Бог с тобою».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (сентября 9 ч., 1787):

«Друг мой Князь Григорий Александрович. С великим нетерпением ожидаю известия о твоем здоровии и о том, что у вас делается. И естьли посреди хлопот тебя смею чем трудить, то прошу тебя прислать сюда архитектора Неелова с планами Бахчисарайскими ханского дома. Я, чаю, что Вам в нем теперь нужда мала, а мне он надобен. Прощай, мой друг, я молю Бога, чтоб тебе дал здоровье да силы телесные и душевные и успехов тьму на море и на суше».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (15 сентября 1787):

«Поздравляю тебя, мой друг Князь Григорий Александрович, с доброю обороною фрегата «Скорого» и бота «Битюга». Естли по сему сметь судить, то о успехе Марка Войновича за верно полагать можно.

Бога прошу, да поможет тебе и всем. Adieu, mon Ami».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (сентябрь 1787):

«Матушка Всемилостивейшая Государыня! Почти один за другим возвратившиеся курьеры привезли мне дражайшие письмы Ваши. Ты мне покровительница пишешь подлинно, как родная мать, но не в силах соответствовать столь неописанным твоим милостям.

Прежде всего начну, что Кинбурн неприятель жестоко притесняет, направя все свои бомбарды, и 4 сутки безпрестанно канордирует и бомбардирует, как днем, так и ночью. Вред он причинил еще небольшой. Убито у нас 4, а ранено 10. Бог вливает бодрость в наших солдат. Они не унывают. Я приказал всем тамо находящимся производить винную порцию и мясо. Командует тем отрядом Генерал-майор Рек, курландец, храбрый и разумный, по-русски разумеет, как русский, и сие много значит для людей. Комендант тамо Тунцельман – человек испытанный. Над всеми ими в Херсоне и тут Александр Васильевич Суворов. Надлежит сказать правду: вот человек, который служит и потом, и кровью. Я обрадуюсь случаю, где Бог подаст мне его рекомендовать. Каховский в Крыму – полезет на пушку с равною холодностию, как на диван, но нет в нем того активитета, как в первом. Не думайте, матушка, что Кинбурн крепость. Тут тесный и скверный

замок с ретраншементом весьма легким, то и подумайте, каково трудно держаться тамо. Тем паче, что с лишком сто верст удален от Херсона. Флот Севастопольский пошел к Варне. Помоги ему Бог.

Граф Петр Александрович прислал ко мне два полка пехотных, два карабинерных и Генералу Каменскому приказал следовать с его частию из Орла. Но он еще не двинулся, кроме Ростовского пехотного полку, который из Белагорода пришел уже в Кременчуг. Легче мне будет, как он сюда придет. Тогда я его введу в Польшу, а стоящими отрядами по Бугу буду действовать, ибо граница будет тогда безопасна.

Матушка, рекрут возьмите не меньше 60 тысяч. Ежели теперь сего не зделаете, то никогда армия не укомплектуется и тем самым изведется теперь же. По дороговизне хлеба жители о сем тужить не будут.

Слава Богу, что Император решился принять участие и что скорей объявит войну, то лутче будет.

Между тем прикажите ласкать агличан и пруссаков. Флот в Архипелаг нарядить нужно. Не меньше двадцати линейных кораблей, а приуготовлять 40. Французам о сем отправлении сказать с тем, что Вы не сумневаетесь, что они дозволят на своих берегах нашему флоту нужные выгоды. То же и агличанам. Тут увидите, как кто отзовется.

Матушка Государыня, что до меня касается, разве Бог даст сил, а то я в слабости большой, забот миллионы, ипохондрия пресильная. Нет минуты покою. Право, не уверен, надолго ли меня станет. Ни сна нет, ни аппетиту. Все в играх, чтобы где чего не потерять. Когда уже удалюсь или скроюсь, что свет обо мне не услышит?! Это проклятое оборонительное положение. Один Крым с Херсоном держит пехотных полков 20. Какая бы из сего была армия! Да больные, ох, много отымают сил.

Матушка, простите, не смогу писать больше. Ежели бы скорей Иван Петрович приехал. В зимние месяцы позвольте мне на малое время приехать в Петербург. Нет способу написать, обо всем изъяснить».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (сентябрь 1787):

«Матушка Всемилостивейшая Государыня. Из флота никакого известия нету. Кинбурн не престают канордировать, и несколько раз турки пытались зделать ночью десант, но нашли наших в осторожности. Я приказал готовиться всеми возможными судами зделать попытку на бомбардирские турецкие суда. Все сие готово будет не прежде, как дней чрез пять. Каменский, Господь ведает, когда еще будет здесь. Пехота, то есть баталионы гренадерские, частию готовы, а частью не прежде половины будущего месяца.

Но я, моя матушка, изнемог до крайности. Спазмы мучат, и, ей Богу, я ни на что негоден. Теперь нужна холодность, а меньше большая чувствительность, какова во мне. К тому же, Боже сохрани, ежели бы зделалась какая потеря, то, естли не умру с печали, то, наверно, все свои достоинства я повергну стопам твоим и скроюсь в неизвестности. Будьте милостивы, дайте мне хотя мало отдохнуть. Ей, не могу. Я все зделал, что можно по сие время сделать: в хлебе уверен, войски, кои формируются, поспевают. Но делать нынешний год – не знаю, что. Графа Петра Александровича войски теперь должны быть заодно с здешними, то следует ему всю иметь команду. К его же флангу и цесарский кордон. Он будет с ними лутче уметь переговорить, имев уже с ними прежде дело. Если б, поруча ему, дозволили мне приехать в Питербург, я бы в дороге обмогся. Матушка, Бог видит, не в силах».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (сентября 20 ч. 1787):

«Третья неделя, как я от Вас не имею не единой строки, почему нахожусь в великом душевном безпокойстве столько по делам, как и о Вашем здоровье. Уведомите меня чаще о том и о другом».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (сентября 23 ч. 1787):

«Друг мой любезный Князь Григорий Александрович. Услыша, что сегодня из канцелярии Вашей отправляют к Вам курьера, то спешу тебе сказать, что после трехнедельного несказанного о твоем здоровье безпокойства, в которых ни откудова я не получала ни строки, наконец, сегодня привезли ко мне твои письмы от 13, 15 и 16 сентября и то пред самою оперою, так что и порядочно оных прочесть не успела, не то чтобы успеть еще сего вечера на них ответствовать. Ради Бога, ради меня, береги свое драгоценное для меня здоровье. Я все это время была ни жива, ни мертва от того, что не имела известий. Молю Бога, чтоб вам удалось спасти Кинбурн. Пока его турки осаждают, не знаю почему, мне кажется, что Александр Васильевич Суворов в обмен возьмет у них Очаков. С первым и нарочным курьером предоставляю себе ответствовать на Ваши письмы.

Прощайте, будьте здоровы и, когда Вам самим нельзя, то прикажите кому писать вместо Вас, дабы я имела от Вас известия еженедельно.

С Вашими имянинами Вас от всего сердца поздравляю».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (сентябрь 1787. Кременьчуг):

«Матушка Государыня, я стал несчастлив. При всех мерах возможных, мною предприемлемых, все идет навыворот. Флот севастопольский разбит бурею; остаток его в Севастополе – все малые и ненадежные суда, и лучше сказать, неупотребительные.

Корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не Турки. Я при моей болезни поражен до крайности, нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому. Верьте, что я себя чувствую; не дайте чрез сие терпеть делам. Ей, я почти мертв; я все милости и имение, которое получил от щедрот Ваших, повергаю стопам Вашим и хочу в уединении и неизвестности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу к Графу Петру Александровичу, чтоб он вступил в начальство, но, не имея от Вас повеления, не чаю, чтоб он принял. И так, Бог весть, что будет. Я все с себя слагаю и остаюсь простым человеком. Но что я был Вам предан, тому свидетель Бог».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (сентябрь 1787):

«Всемилостивейшая Государыня.

Сколько еще достает моего рассудка, то я осмеливаюсь доложить, что без флота в полуострове стоять войскам Вашего Императорского Величества трудно, ибо флот турецкий в Черном море весь находится и многочислен кораблями и транспортами, а посему и в состоянии делать десанты в разных местах.

Одиннадцать полков пехотных, четыре баталиона егерей, 22 эскадрона конницы, 5 полков донских тамо заперты безо всякого действия. Ежели их вывести, силы наши умножатся, получа меньшую окружность для обороны, и войски больше взаимно себе помогать будут иметь удобности. Теперь же все части по своему положению на обороне, а наипаче Кинбурн подвержен всем силам неприятельским, и естли б не устоял, то Крым с Херсоном совсем разрезан будет, равно как и всякая коммуникация прервется.

Может быть, другой лутче придумать может, но я боюсь, чтобы не было сбытия по моим мыслям».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (сентября 24 ч., 1787):

«Любезный друг мой Князь Григорий Александрович. По семнадцати денном ожидании от Вас писем, вчерашний день я получила вдруг отправления Ваши от 13, 15 и 16 сентября, по которым Вы получите немедленно мои резолюции. Перечень же оных я здесь припишу, кой час кончу мой ответ на собственноручное Ваше письмо, который я теперь начну тем, что я с немалым удовольствием вижу, что ты моим письмам даешь настоящую их цену: они суть и будут искренно дружеские, а не иные. Безпокоит меня весьма твое здоровье. <…>

По издании Манифеста о объявлении войны Великий Князь и Великая Княгиня писали ко мне, просясь: он – в армию волонтером, по примеру 1783 г., а она – чтоб с ним ехать. Я им ответствовала отклонительно: к ней, ссылаясь на письмо к нему, а к нему – описывая затруднительное и оборонительное настоящее состояние, поздней осенью и заботами, в коих оба

Фельдмаршала находятся и коих умножают еще болезни и дороговизны, и неурожай в пропитании, хваля, впрочем, его намерение. На сие письмо я получила еще письмо от него с вторительною прозьбою, на которое я отвечала, что превосходные причины, описанные в первом моем письме, принуждают меня ему отсоветовать нынешний год отъезд волонтером в армию. После сего письма оба были весьма довольны остаться, разславляя только, что ехать хотели. С неделю назад получила я от Принца Вюртембергского также письмо с прозьбою его определить в армию. Сему я ответствовала пречистым, но учтивым отказом, чем и сестра и зять довольны же.

Прощай, мой друг, набор рекрутский приказан. Мекноб прощен будет. Ты пишешь, чтоб Грейга послать со флотом, – я его пошлю, но не громчее ли было бы имя Алексея Григорьевича Орлова Чесменского? Однако сие между нами, и ни он не отзывается, ни я. А от изобилия мысли написала, что на ум пришло. Деньги присланы будут. Так же артиллерия в обеих армиях прибавлена. Выпуски унтер-офицер и кадет предписаны, и по прочим твоим письмам и докладам, что от меня зависит, во всем полное решение последовало. Молю Бога, да возвратит тебе здоровье».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (сентября 25, 1787):

«Друг мой Князь Григорий Александрович. С час тому назад я получила твое письмо от 19 сего месяца и реляцию твою от того же числа, из которых вижу, что турки продолжают канонировать Кинбурн и что двойжды предприяли учинить десанты, которые однако были отражаемы. Дай Боже, чтоб предприятия ваши на турецкие бомбардирские суда были удачны и чтоб вам удалось спасти Кинбурн. Судить естли издали по обороне фрегата и по предерзкому поступку галеры «Десна», то неприятель будет отпотчиван самым храбрым образом. Теснит грудь мою Ваше собственное состоянье и Ваши спазмы. Чувствительность и горячность, которые производит усердие, понимаю весьма, что возбуждает в Вас нетерпеливость. <…> Не запрещаю тебе приехать сюда, естьли ты увидишь, что твой приезд не разстроит тобою начатое, либо производимое, либо судишь, что побывание твое здесь нужнее, нежели тут, где ты теперь. Приказание к Фельдмаршалу Румянцеву для принятия команды, когда ты ему сдашь, посылаю к тебе. Вручишь ему оное, как возможно позже, естьли последуешь моему мнению и совету. С моей же стороны пребываю, хотя с печальным духом, но со всегдашним моим дружеским доброжелательством.

Как отъедешь от своего нынешнего поста, кому поручишь Кавказский корпус? О сем Фельдмаршал Румянцев и о тамошних

делах сведений не имеет и едва может ли оными управлять, и что из того выйдет, – не ведаю. Ты сам знаешь, каково трудно мне показывается всякая мысль, к которой я никак не приуготовлена, но однако на такой для меня трудный шаг я решилась, понеже говоришь, что здоровье твое того требует. Здоровье твое мне нужно. Я тебе его желаю, равномерно и продолжения дел славных для тебя и Империи. Дай Боже, чтобы ты раздумал сдать команду Фельдмаршалу Румянцеву. Не понимаю, как одному командовать ужасной таковой громадою. Разве в такое время, когда за верно будет безопасно от неприятельских нападений или предприятий».

Одновременно с этим письмом, 25 сентября 1787 года, императрица Екатерина II направила рескрипт П.А. Румянцеву о назначении его временно командующим Екатеринославской армией в связи с болезнью Г.А. Потемкина: «По болезни нашего генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического соизволили, чтоб вы до будущего повеления нашего главное начальство над армией Екатеринославской, как скоро помянутый генерал-фельдмаршал учинит к вам отзыв о принятии команды, он сообщит вам тогда все данные от нас наставления и предписания, а вы уведомите в то время посла нашего в Вене князя Голицына о вступлении вашем в сие над армиями нашими предводительство, дабы он надлежащую с вами переписку по союзу нашему с императором производить мог. Пребываем впрочем к вам императорской нашей милостью всегда благосклонна. *Екатерина*» (*Румянцев*. Документы. Т. 3. С. 125).

Г.А. Потемкин – Екатерине II (сентябрь 1787):

«Спешу, Всемилостивейшая Государыня матушка, отправлением сего курьера с известием, что разбитый флот собирается в Севастополе. Слава Богу, что люди не пропали. Слава Богу, что не прибило их к неприятельскому берегу и что не было на то время турецких судов в море, как они ходили без мачт. Флот надолго теперь без употребления, но, по крайней мере, люди могут быть употреблены.

Всемилостивейшая Государыня, сжальтесь над моим слабым состоянием, я не в силах: дела Ваши от сего потерпят. Вы изволили писать мне милостиво, что дадите письмо к Графу Румянцеву в запас о принятии начальства, но он не получал.

Стал ли бы я Вас безпокоить, естли б был в силах».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (сентября 30 ч., 1787):

«Друг мой Князь Григорий Александрович. Поздравляю тебя со днем твоего рождения и имянин и посылаю тебе гостинец. Дай Боже тебе здоровья и всякого благополучия. Нетерпеливо ожидаю от тебя вестей. Что чаще пришлешь, то более на меня угодишь.

Прощай, Бог с тобою».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (октябрь 1787):

«Матушка Всемилостивейшая Государыня. Естли бы Вы видели мои безсменные заботы и что я ночи редкие сплю, Вы бы не удивились, что я пришел в крайнюю слабость. Уничтожение флота Севастопольского такой мне нанесло удар, что я и не знаю, как я оный перенес. Притом же в сем, что я упустил, и Бог мне помогающ везде ставил преграды, где мог. Разрыв меня застал при двух казацких полках на Буге. Вдруг зделавшаяся тревога о ложном переходе татар чрез Буг подняла целые провинции у нас и в Польше, что насилу возвратили. Не было хлеба нигде по тем местам, куда войски шли брать новые позиции, да и генерально и в самых запасных местах не более на месяц. Теперь я так изворотился, что на все войски мои станет по будущий август. Я слаб, спазмы меня мучат всякий день, которые причиняют столь сильную ипохондрию, что я не рад жизни. На тот час просил я увольнения. Теперь и имею, отчего покойнее буду, ибо естли б дошел до крайнего изнеможения, тогда бы мог взять отдых и, конечно, без крайности не пошлю к Графу Петру Александровичу…»

Екатерина II – Г.А. Потемкину (октября 2 ч., 1787):

«Друг мой Князь Григорий Александрович. Сего утра приехал сперва курьер, отправленный 26 числа от Вас с известием, что флот, по вытерпении бури, собирается в Севастополь, а несколько часов спустя я получила письмы Ваши от 24 числа сентября. Ни те, ни другие, конечно, нерадостные, но однако ничто не пропало. Сколько буря была вредна нам, авось-либо столько же была вредна и неприятелю. Неужели, что ветр дул лишь на нас? <…>

Я сожалею всекрайне, что ты в таком крайнем состоянии, как ты пишешь, что хочешь сдать команду. Сие мне всего более печально.

В письмах твоих от 24 ты упоминаешь о том, чтоб вывести войски из полуострова. Естьли сие исполнишь, то родится вопрос: что же будет и куда девать флот Севастопольский? У Глубокой, чаю, что пристань и прежде признана за неудобную. Я надеюсь, что сие от тебя писано было в первом движении, когда ты мыслил, что весь флот пропал; и что мысль таковую не исполнишь без необходимой крайности. Я думаю, что всего бы лутче было, естьли б можно было зделать предприятие на Очаков, либо на Бендер, чтоб оборону, тобою самим признанную за вредную, оборотить в наступление. Начать же войну эвакуацией такой провинции, которая доднесь не в опасности, кажется спешить не для чего. Равномерно – сдать команду, сложить достоинства, чины и неведомо чего, надеюсь, что удержишься,

ибо не вижу к тому ни резона, ни нужды, а приписываю сие чрезмерной твоей чувствительности и горячему усердию, которые имели не такой успех, как ожидали. Но в таких случаях всегда прошу ободриться и подумать, что бодрый дух и неудачу поправить может. Все сие пишу к тебе, как к лутчему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и более еще имеет расположения, нежели я сама. Но на сей случай я бодрее тебя, понеже ты болен, а я здорова.

По известиям из Цареграда в последних числах августа еще кораблей в море Черном не было. <…>

Пришло мне на ум еще по случаю того, что пишешь о выводе войск из полуострову, что чрез то туркам и татарам открылася бы паки дорога, так-то сказать, в сердце Империи, ибо на степи едва ли удобно концентрировать оборону. В прошедшие времяна мы занимали Крым, чтоб укратить оборону, а теперь Крым в наших руках. Как флот вычинится, то надеюсь, что сия идея совсем исчезнет и что она представлялась лишь только тогда, когда ты думал, что флота нету. Но естьли хочешь, я тебе дюжинку фрегат велю построить на Дону. Вить и Севастопольский флот ими же пользуется и ныне».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (Елисаветград, 6 октября 1787):

«Получа здесь 4-е число рапорт Александра Васильевича о сильном сражении под Кинбурном, не мог я тот час отправить к Вам, матушка Всемилостивейшая Государыня, курьера, ибо донесение его было столь кратко, что я никаких обстоятельств дознать не мог. Вчерашнего же числа получил полную реляцию, которой по слабости после труда и ран прежде он написать не мог. Дело было столь жарко и отчаянно от турков произведено, что сему еще примеру не бывало. И естли б Бог не помог, полетел бы и Кинбурн, ведя за собою худые следствия. Должно отдать справедливость усердию и храбрости Александра Васильевича. Он, будучи ранен, не отъехал до конца и тем спас всех. Пришло все в конфузию и бежали разстроенные с места, неся на плечах турок. Кто же остановил? Гранодер Шлиссельбургского полку примером и поощрениями словесными. К нему пристали бегущие, и все поворотилось. Сломили неприятеля, и конница ударила, отбили свои пушки и кололи без пощады даже так, что сам Генерал Аншеф не мог уже упросить спасти ему хотя трех живых. И одного, которого взяли, то в руках ведущих ранили штыком. Но он выздоравливает теперь у меня, которого показания послезавтра с курьером отправлю.

Сегодня имел я сильный параксизм и так ослабел, что не могу много писать. Извините, матушка.

Я выехал из Кременчуга и спешил сюда с тем, чтобы ехать в

Херсон, но так ослабел, что ей Богу не в силах. Дни чрез два отправлюсь и побываю в Кинбурне. Нужда требовала взять мне квартеру здесь по близости к Бугу, где зачали часто показываться партии турецкие. К Херсону же зделал я новую дорогу, по которой отсюда сто верст меньше. Теперь ожидаю, что зделает вооружение херсонское на Лимане. Ежели завтре получу известие, того же часу отправлю.

В Польше хлеба недостаточно и дорог. Сколько я ни старался, но не мог закупить, кроме весьма малого числа. Простите, матушка Всемилостивейшая Государыня… Атаку распоряжал француз Тотт, который просверливал пушки в Царе Граде. Они положили взять или умереть. Потому их суда, на которых перевозили, отошли прочь, оставя без ретирады».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (октября 16 ч., 1787):

«Друг мой Князь Григорий Александрович. Вчерашний день к вечеру привез ко мне подполковник Баур твои письма от 8 октября из Елисаветграда, из коих я усмотрела жаркое и отчаянное дело, от турков предпринятое на Кинбурн. Слава Богу, что оно обратилось так для нас благополучно усердием и храбростию Александра Васильевича Суворова и ему подчиненных войск. Сожалею весьма, что он и храбрый Генерал-Майор Рек ранены. Я сему еще бы более радовалась, но признаюсь, что меня несказанно обезпокоивает твоя продолжительная болезнь и частые и сильные пароксизмы. Завтра однако назначила быть благодарственному молебствию за одержанную первую победу. Важность сего дела в нынешнее время довольно понимательна, но думаю, что ту сторону (а сие думаю про себя) не можно почитать за обезпеченную, дондеже Очаков не будет в наших руках. Гарнизон сей крепости теперь, кажется, противу прежняго поуменынился; хорошо бы было, естьли б остаточный разбежался, как Хотинский и иные турецкие в прошедшую войну, чего я от сердца желаю.

Я удивляюсь тебе, как ты в болезни переехал и еще намерен предпринимать путь в Херсон и Кинбурн. Для Бога, береги свое здоровье: ты сам знаешь, сколько оно мне нужно. Дай Боже, чтоб вооружение на Лимане имело бы полный успех и чтоб все корабельные и эскадренные командиры столько отличились, как командир галеры «Десна». Что ты мало хлеба сыскал в Польше, о том сожалительно. Сказывают, будто в Молдавии много хлеба, не прийдет ли войско туда вести ради пропитания?

Буде французы, кои вели атаку под Кинбурн, с турками были на берегу, то вероятно, что убиты. Буде из французов попадет кто в полон, то прошу прямо отправить к Кашкину в Сибирь, в северную, дабы у них отбить охоту ездить учить и наставить

турков.

Я рассудила написать к Генералу Суворову письмо, которое здесь прилагаю, и естьли находишь, что сие письмо его и войски тамошние обрадует и неизлишно, то прошу оное переслать по надписи. Также приказала я послать к тебе для Генерала Река крест Егорьевский третьей степени. Еще посылаю к тебе шесть егорьевских крестов, дабы розданы были достойнейшим. Всему войску в деле бывшим жалую по рублю на нижние чины и по два – на унтер-офицеры. Еще получишь несколько медалей на егорьевских лентах для рядовых, хваленых Суворовым. Ему же самому думаю дать либо деньги – тысяч десяток, либо вещь, буде ты чего лутче не придумаешь или с первым курьером ко мне свое мнение не напишешь, чего прошу, однако, чтоб ты учинил всякий раз, когда увидишь, что польза дел того требует. Сказывают, Князь Нассау к тебе поскакал, а Линь все еще здесь и от своего двора ни о своем произвождении и ни о чем неизвестен.

Прощай, мой друг. Который день я от тебя имею курьера, тот день я поспокойнее, а в прочие дни в уме и помышлении все одно нетерпение знать, что у вас делается и каков ты.

Прощай, Бог с тобою.

Пришло мне было на ум, не послать ли к Суворову ленту Андреевскую, но тут паки консидерация та, что старее его Князь Юрья Долгоруков, Каменский, Меллер и другие – не имеют. Егорья Большого креста – еще более консидерации меня удерживают послать. И так, никак не могу ни на что решиться, а пишу к тебе и прошу твоего дружеского совета, понеже ты еси воистину советодатель мой добросовестный».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (октября 18 ч., 1787):

«Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Вчерашний день мы молебствовали за победу вашу под Кинбурном. Вы из другого моего письма и из рескрипта усмотрите касательно до того. Бог видит, я день и ночь и во всякий час мысленно с Вами, и меня Ваше здоровье пуще всего безпокоит. Сего утра Линь получил от Цесаря повеление ехать к Вам. Он думал иметь команду, взять Белград, а вместо того его шпионом определяют. Естьли он Вам будет в тягость, то, чаю, его отправить можно в Вену с условием о будущей или нынешней кампании, чтоб истолковал возможность либо невозможность того, чего Вы рассудите, что нам делать или не делать. Кажется, по письму Императора к нему, что нас от Валахии и Молдавии отдалить хотят, да и из Галиции пропитания не обещают, а оставляют все себе. Тут есть, что убавить, как обыкновенно во всех сношениях со всеми дворами, mais il faut les ramener a la raison et les faire agir en conformite de ce qu'il nous convient autant

que de ce qui leur convient.

Он отправляется завтра к Вам и сам весьма недоволен. Известия гласят, что 60-пушечный корабль севастопольский, а именно «Мария Магдалина», попал на турецкое адмиралтейство и что аглийский капитан Дистель хотел подорвать корабль, но экипаж не допустил. Что делать, быть так. Прошу тебя только сие отнюдь не брать с лишней чувствительностию. Я к тебе уже писала, естьли надобно, то скажи слово, – велю построить на Дону, какие назначишь и какой величины надобны фрегаты в запас. Вперед пригодятся, mon Ami. С нетерпением жду обещанных курьеров. Дай Боже, чтоб привезли о твоем здоровье лутчие известия.

Что Император пишет о стороне Кавказа, он худо понимает, что тем самым турецкая сила принуждена делиться, и естьли б у нас тамо не было войска, то бы татары и горские народы к нам бы пожаловали по-прежнему».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (октябрь 1787):

«Матушка Всемилостивейшая Государыня. Я объехал семьсот верст, ослабел очень. Впротчем болезнь моя становится легче. Будучи в Кинбурне, мог я видеть, сколь неприятельское усилие было отчаянно и сколь потому победа сия важна. Александр Васильевич единственно своим присутствием причиною успеха. Мы потеряли 200 человек убитыми и помершими от ран до сего времяни, а раненых у нас за 600, и много побито и ранено лошадей.

Флот огромный турецкий по малом сражении с нашими вооруженными судами отдалился в море, а потом и совсем ушел. Касательно Очакова будьте, матушка, уверены, что без формальной осады взять его и подумать невозможно. Да и атаку вести надобно со всеми предосторожностьми. Я его смотрел и протчие весьма близко, менее, нежели на пушечный их выстрел. Александр Васильевич при всем своем стремлении и помышлять не советует инако. Генерал Меллер с Корсаковым делают план атаки, который, получа, пришлю.

Много меня заботит помещение войск, а особливо конных, в подкреплении Кинбурну. Тамо на всей стороне никакого жилья нету. Прежде, нежели вступить в зимние квартеры, наведу мосты на Буге и переправлю часть Генерала Каменского до Бендер, а от себя пошлю до Очакова, дабы очистить от их деташементов, какие бы нашлись в поле. В это же время прикажу с моря бомбардировать Очаков. Хорошо, естли б Бог послал, чтобы они испугались. Более ж делать нечего. Больные в Херсоне уменьшаются, но долго не приходят в силу. В Таврическом корпусе много становится. Ожидаю рапортов подробных обо всех

дефектах флота Севастопольского с прожектом о построении новых судов и какого рода они быть должны, что представлю в самой скорости. Большой некомплект полков мушкатерских по военному времяни требует скорейшего доставления рекрут. Прикажите, матушка, отправлением, что соберется, немедленно, дабы иметь время их обмундировать и выучить».

Г.А. Потемкин – Екатерине II (октябрь 1787):

«Всемилостивейшая Государыня.

Князь Нассау приехал ко мне с письмами из Парижа от Симолина, который свидетельствует о его ревности к интересам Вашего Императорского Величества. Желание его служить при армии Вашей. Но как в настоящее время идут здесь приуготовления еще, то я и уговорил его ехать в Петербург, где ему дав чувствовать, что он нужен и полезен нам будет пребыванием своим во Франции, а весною к армии возвратиться может, то он тотчас туда поедет. Я могу уверить Ваше Императорское Величество, что он в истину наполнен усердием показать свои услуги.

Я за сим немедленно вслед отправлю курьера с моим мнением о настоящих делах».

Екатерина II – Г.А. Потемкину (февраля 10 ч., 1787):

«Друг мой сердечный Князь Григорий Александрович. Письмо твое от 27 января, в котором пишешь, что ты опять занемог, немало меня тревожит. Божусь тебе, что я почти дрожу всякий раз, что имею о твоем здравии известия не такие, как мне желается; дай Боже, чтоб ты скорее выздоровел.

Вчерась получен из Вены курьер с ведомостию, что Цесарь объявил туркам войну. Заборовский приехал, и естьли возьмется, то пошлю его для командования войск во флот. Буде нет, то думаю удержать Князя Василья Долгорукова, который сюда приехал с женою. Поудерживает меня маленько то, что не очень знаю, колико он тебе надобен. Однако русский кто имянитый во флот необходим, и так надеюсь, что в случае нужды его уступишь на сию посылку.

Слушай, Рара, я тебя очень люблю и хочу, чтоб ты был всячески здоров и благополучен. Я здорова. Бог с тобою».

Война войной, но тревожные мысли о положении во Франции остро волновали Екатерину II. То, что происходило во Франции, противоречило ее многолетнему увлечению французскими писателями, философами, энциклопедистами, тому либеральному курсу, которого она много лет придерживалась в своей государственной деятельности. Несколько лет тому назад граф Иван Чернышев, пребывая в Париже, был удивлен

происходящими там волнениями в просвещенных умах: «Никто не может предвидеть, куда поведет это брожение умов».

Смерть Иосифа II резко изменила политику Екатерины II в отношении Оттоманской империи. Австрийский император Леопольд в сентябре 1790 года подписал перемирие с Турцией, вернув ей завоеванные территории. Турция просила перемирия у России, но Потемкин настаивал на ее капитуляции. В январе 1790 года французский поверенный в делах Эдмон де Жене, временно заменивший графа Сегюра, уехавшего в отпуск, писал во Францию: «Турки в третий раз обратились с просьбой о перемирии, и в третий раз Потемкин отказал им в этом» (*Черкасов*. С. 358). К тому же и Пруссия заключила с Турцией союзный договор, заметив наметившийся выход Австрии из войны против Турции, – все эти обстоятельства вынудили Екатерину II искать сближения с Францией, в которой действия Людовика XVI были ограничены законами Национального собрания. Но граф Монморен по-прежнему возглавлял министерство иностранных дел, И.М. Симолин тонко вел политику Российского государства, граф Шуазель-Гофье по-прежнему старался вызволить Я. Булгакова из турецкого Семибашенного замка, русские полки добивали турецкие войска.

Пруссия настаивала на том, чтобы стать посредником между Турцией и Россией в заключении мира или перемирия, но Россия протестовала против этого вмешательства. Симолин возлагал надежды на французского короля, надеялся, что он «даст новые распоряжения своему послу в Константинополе постараться рассеять те дурные впечатления, которые прусский министр и его приверженцы создали там относительно намерений императрицы, и даст понять туркам, что если они искренне желают мира, то лучшим средством для этого были бы прямые переговоры с санкт-петербургским двором» (Там же. С. 359). Но турки заколебались, победы русских на суше и на море были неоспоримы, визирь и риджалы (главные чиновники. – *В. П.*) хотят мира, султан колеблется, пьянствует и увлекается мальчиками. С переговорами о мире могут тянуть время. «Ничего на свете так не желаю, как мира», – писала Екатерина II князю Потемкину 19 апреля 1790 года, утвердив план летних военных действий на 1790 год.

Шведский король Август III все еще мечтал завоевать половину Финляндии и Кольский полуостров, его войска и корабли все еще угрожали Петербургу.

Султан Селим все еще хотел отвоевать Крым и бросил 40-тысячную армию Батал-паши на Кубань, а после успешного наступления предполагал продолжить действия в Крыму. Но в июле 1790 года адмирал Федор Ушаков пресек действия

турецкого флота с армией Батал-паши у Керчи, не позволив высадку десанта, а в сентябре разгромил эскадру турецкого флота в районе острова Тендра. «Императрица, – писал Эдмон де Жене из Петербурга 28 сентября, – получила вчера радостное известие о своей черноморской эскадре. Контр-адмирал Ушаков 8 и 9 сентября разбил турецкую эскадру у острова Тендра, в сорока верстах от берега. Капудан-паша располагал 15 линейными кораблями, 8 фрегатами и большим количеством других судов – всего 48 кораблей. У русских всего было 12 линейных кораблей и 8 фрегатов, и, несмотря на очевидный недостаток средств, победа досталась им. Капудан-паша был полностью разгромлен… Число взятых русскими пленных достигает 900 человек, среди которых один паша и три саидбека… Эта победа может быть оценена императрицей как средство, способное приблизить мир. И в самом деле, постоянные неудачи должны наконец побудить турок выйти из состояния ослепления, в котором они пребывают, раскрыть им глаза на беспомощность их усилий и дать им понять необходимость сближения с двором, который желает содействовать им в достижении мира на умеренных условиях» (*Черкасов*. С. 360).

«Всемилостивейше повелеваем действительному статскому советнику Гавриилу Державину быть при нас у принятия прошений» – так Екатерина II в своем указе сенату 13 декабря 1791 года поручила своему новому секретарю разбирательство сенатских меморий. А все началось с того, что Державин, ссылаясь на закон, объяснил Платону Зубову, что нельзя переносить нерешенные дела из одной губернии в другую. Оказалось, что этот вопрос у Зубова возник после того, как Екатерина II задала этот же вопрос Зубову, а он не мог ответить. Екатерина II поняла, что Державин знает законы, ведь немало лет он работал у генерал-прокурора князя Вяземского. Но вскоре была поражена своим новым назначенцем. Она давно знала, что Державин – правдолюб, при решении спорных вопросов всегда опирается на закон, но при разбирательстве одного спорного дела крайне удивилась, когда «целая шеренга гайдуков и лакеев внесла превеликие кипы бумаг» к ней в кабинет Это были документы, собранные Державиным для доказательства правоты его решения. «Испуганная императрица, – писал Я. Грот, – с неудовольствием велела принять эти тюки и потребовала, чтобы была прочитана только самая краткая из заготовленных Державиным докладных записок» (*Грот Я.* Жизнь Державина. М., 1997. С. 410). Но из краткой записки Екатерина ничего не поняла, после обеда Державин должен был прийти и рассказать суть дела. Принципиальность Державина была в новинку не только для

императрицы, но и всех ее приближенных – Храповицкого, Платона Зубова, князя Безбородко, который чаще всего поручал Державину неприятные дела. При этом Державин и вел себя несдержанно.

Екатерина II жаловалась:

– Сегодня Державин вел себя мирно, а то бывало – ведь он горячий и правдивый, – так спорил, просто кипел от ярости, грубил мне, бранился, хватался за мою мантилью, куда это годится!

И при новых разбирательствах судебных дел расспрашивала нового статс-секретаря, перебирая в памяти, что своенравный Державин не удержался у князя Вяземского, поссорился с генерал-губернатором Гудовичем, вошел в конфликт с Тутолминым:

– Державин! Как много случаев я видела за последние годы, когда вы не удерживались на своем посту. Судя по всему, вы – человек нравный, чуть не по-вашему, вы тут же на дыбы, а какому начальнику нужны такие нравные люди…

– Ваше величество! Моя беда в том, что я знаю законы управления государством. Вы формулируете эти законы, Сенат и другие учреждения их утверждают, мы же чиновники, следим за тем, чтобы спорные дела между людьми решались по закону. Вот князь Вяземский решает эти дела по-своему, нарушая законы государственные, а когда я его поправлял, он и слушать не хотел; генерал-губернатор Гудович тоже слушать никого не хотел, поступал, как вздумается ему или как диктовали ему его друзья и единомышленники, и Тутолмин тоже законов не знает, все хочет переиначить так, чтобы хорошо было его близким и друзьям. А я должен был с ними соглашаться, не веря вашим распоряжениям и государственному закону? Совесть, ваше величество, не позволяет, я ведь не только чиновник, я – писатель, поэт, вещаю не только свое и Ваше слово, но и слово Божие, слово правды и справедливости. Вот Вы не раз меня упрекали за судебную тяжбу между графом Мочениго и придворным банкиром Сутерландом, упрекали меня за то, что я у Вас появлялся с кипой бумаг, а ведь кипа бумаг – это документы, это доказательства той или иной стороны в споре за правое дело.

Спустя много лет Державин вспоминал конец этого эпизода: «Первым явился князь Потемкин, который взял 800 000 рублей. Извинив, что он многие надобности имел по службе и нередко издерживал свои деньги, приказала принять на счет свой государственному казначейству. Иные (императрица. – *В. П.*) приказала взыскать, другие небольшие простить долги; но когда дошло до великого князя Павла Петровича, то, переменив тон,

зачала жаловаться, что он мотает, строит такие беспрестанные строения, в которых нужды нет, «не знаю, что с ним делать», – и, продолжая с неудовольствием подобные речи, ждала как бы на них согласия» (*Державин Г.* Записки. СПб., 1860), но Державин, не умея играть роль хитрого царедворца, потупив глаза, не говорил ни слова. Она, видя то, спросила: «Что ты молчишь?» Тогда он ей тихо проговорил, что наследника с императрицею судить не может. С сим словом она вспыхнула, покраснела и закричала: «Поди вон!» Он вышел в крайнем смущении, не зная, что делать. Решился зайти в комнату к фавориту. «Вступитесь хоть вы за меня, Платон Александрович», – сказал Державин ему с преисполненным горести духом.

«Поручают мне неприятные дела, и что я докладываю всю истину, какова она в бумагах, то государыня гневается, и теперь по Сутерландову банкротству так раздражена, что выгнала от себя вон. Я ли виноват, что ее обворовывают? Да я и не напрашивался не токмо на это, но ни какие дела; но мне их поручают, а государыня на меня гневается, будто я тому причиною». Он его успокоил и, знать что тот же вечер говорил, что на другой день, выслушав порядочно все бумаги, дали резолюцию, чтоб, как выше было сказано, генерал-прокурор и государственный казначей предложили сенату взыскать деньги по законам. Тем дело сие и кончилось» (Там же.).

Летом 1792 года Гавриил Державин в Царском Селе играл в горелки с великими князьями, упал и вывихнул себе руку. Шесть недель Державин болел, а когда явился к императрице, то увидел, что за это время поработали его недоброжелатели, толкуя вкривь и вкось различные небылицы про него, увидел, что его приняли при дворе преднамеренно сухо, как неприятеля. «А за что?» – спрашивал он себя.

Граф Николай Иванович Салтыков, бывший воспитатель двух старших великих князей, президент Военной коллегии, узнав о том, что Сенат будет разбирать, брали ли в Военной коллегии взятки за производство в чинах, разве мог не обидеться на Державина? И княгиня Дашкова обиделась на Державина за то, что Державин добился прибавки жалованья механику Кулибину в 900 рублей. Княгиня почему-то разгневалась, посчитала вмешательством в ее академические дела, она же директор Академии, Кулибина она хотела наказать за что-то, а ему возникла прибавка к жалованью. А ведь не подумала княгиня о том, что Кулибин – создатель удивительных творений, сколько при дворе говорили о часах, им созданных! Никакого жалованья ему не жалко за чудеса его рук и его мышления. И сколько еще обид, оказывается, нанес Державин ближайшим придворным…

А может, и сама императрица обиделась на то, что за последнее время он ничего путного не мог написать о ней. Надумает что-то сказать о ней, попробует набросать какие-то строки, но ничего путного не выходит. Много раз он отказывался от продолжения начатых фраз. В оде «Фелица» есть строчки:

Еще же говорят не ложно,
Что будто бы всегда возможно
Тебе и правду говорить… —

а сейчас всегда опасаешься, а стоит ли всю правду говорить… Все зависит от ее настроения. Державин описал эти эпизоды в своих «Записках»: «Сначала императрица часто допущала Державина к себе с докладом и разговаривала о политических происшествиях, каковым хотел было он вести подневную записку; но поелику дела у него были поду неприятные, то есть прошение на неправосудие, награды за заслуги, и милости по бедности; а блистательные политические, то есть о военных приобретениях, о постройке новых городов, о выгодах торговли и прочем, что ее увеселяли более дела прочих статс-секретарей, то и стала его редко призывать, так что он недели пред нею не был, и потому журнал свой писать оставил; словом, приметно было, что душа ее более занята была военною славою и замыслами политическими, так что иногда не понимала она, что читано было ей в записках дел гражданских; но как умела она необыкновенную остроту разума и великий навык, то тотчас спохватывалась и давала резолюции по крайней мере иногда несколько основательные, однако же сносные, как с кем либо снестись, переписать и тому подобные. Вырывались также у нее незапно речи, глубину души ее обнаруживавшие. На пример: *ежели бы я правила 200 лет, то бы конечно вся Европа подвержена б была Российскому скипетру*.

Или: *я не умру без того, пока не выгоню Турков из Европы, не усмирю гордость Китая, и с Индией не осную торговли*. Или: *кто дал как не я почувствовать Французам право человека. Я теперь вижу узелки, пусть их развяжут*. (Во время разговора Екатерина II вязала чулок. – *В. П.*) Случалось, что заводила речь и о стихах докладчика и неоднократно, так сказать, прашивала его, чтоб он писал что-то в роде оды Фелице. Он ей обещал и несколько раз принимался, запираясь по неделе в доме; но ничего написать не мог, не будучи возбужден каким либо патриотическим славным подвигом…» (*Державин*. С. 319–320).

Бывало, что Екатерина II принимала решение по своей прихоти, из личных соображений, желая угодить кому-либо из своих приближенных, а не ради пользы государства и угождая

справедливому правосудию. Он согласен, она милосердна, снисходительна к людским слабостям, она сочувствует угнетенным и страждущим, но порой рассердится и выгоняет прочь из кабинета даже в том случае, когда он доказывает ей справедливость своего решения, конечно, он обидится, рассердится, скажет себе, что он не будет с ней откровенным, сдержит свою прямоту, а на следующий день она уже не помнит своего гнева, спросит о жене, скажет ему что-то ласковое и милое, так что он сразу остынет от своего гнева и что-то скажет чистосердечное. Однажды так и случилось, что он не выдержал тона, вскочил со стула и воскликнул:

– Боже мой! Кто может устоять против этой женщины! Государыня! Вы не человек. Я сегодня наложил на себя клятву, что после вчерашнего ничего с вами не говорить, но вы против воли моей делаете из меня что хотите.

– Неужто это правда? – засмеялась Екатерина Алексеевна.

Два года пробыл Державин статс-секретарем в кабинете императрицы. А когда паралич разбил князя Александра Алексеевича Вяземского, который больше тридцати лет прослужил на почетном месте генерал-прокурора, Екатерина II спросила у Державина, кто может заменить его, и внимательно посмотрела на опытного сановника, который давно мечтал о такой должности, но он ответил императрице что-то неопределенное. Платон Зубов тоже не раз спрашивал его о такой замене, но тоже так и не узнал о тайной мечте Державина. Вскоре по двору, в апреле 1792 года, разлетелась весть: генерал-прокурором назначен племянник князя Потемкина Александр Николаевич Самойлов, правитель канцелярии совета, подчинили генерал-прокурору и Тайную канцелярию. И Державин не удивился этому назначению, слишком много подручных Потемкина крутилось около императрицы в эти дни, напоминая о светлейшем князе, почившем в 1891 году, и она сама проливала слезы, вспоминая сладостные дни дружбы с ним, любовные сцены и деятельность его на юге России.

Во время очередной встречи с Державиным императрица попросила его принести свои примечания к сенатским запискам, как она повелела в свое время.

– Принеси же их завтра ко мне.

Прочитав записки, императрица снова вызвала Державина и сказала ему:

– Дельные примечания. Отдай их новому генерал-прокурору и объяви от меня, чтоб он поступал по ним и во всех делах советовался с тобой.

Потом она тоже самое сказала и Самойлову. Вскоре Державин

был в канцелярии генерал-прокурора и принимал участие в обсуждении одного из спорных дел. Но мнения Державина и Самойлова разошлись, приняли решение Самойлова, и это продолжалось не раз. В их спор постоянно вмешивался правитель канцелярии П.А. Ермолов, которого тут же поддерживал Самойлов, и Державин почувствовал, что участие его в сенатских делах бесполезно. Разноречивость мнений Державина и Самойлова чаще всего приводили к разладу, и вскоре Державина перестали приглашать на заседания. Тем более что генерал-прокурор Самойлов по завещанию князя Потемкина получил часть земли в польских губерниях и он захватил, отстранив других наследников, большую часть этих земель. Графиня Браницкая с помощью Державина подала жалобу в 3-й департамент Сената, затем дело перешло в общее собрание Сената и единогласно решено было в пользу графини и ее соучастников. Естественно, после этого решения Сената Самойлов имел серьезный разговор с Державиным.

2 сентября 1793 года Державин был назначен сенатором и ему пожалован орден Святого Владимира 2-й степени по случаю заключения с Оттоманской империей Ясского мира.

В эти дни Державин зашел в аппартаменты Платона Зубова и просил передать императрице глубокую благодарность за орден и назначение сенатором.

– Неужто доволен? – спросил Зубов.

– Как же, – отвечал Державин, – бедному дворянину, без всякого покровительства служившему с самого солдатства, не быть довольным, что он посажен на стул сенатора Российской империи? Ежели кто почитает их, то есть сенаторов, ничтожными, то я сумею снискать себе уважение. «В записках своих Державин говорит, что во все время служения в звании сенатора он, невзирая ни на какие лица и обстоятельства, строго стоял за соблюдение правды и законов и вел постоянную борьбу то с самими сенаторами и даже генерал-прокурорами, когда они действовали вопреки своим обязанностям, то с обер-прокурорами и обер-секретарями» – так писал Я. Грот, анализируя деятельность Державина, в том числе и по «Запискам» самого Г. Державина (*Грот.* С. 429).

Часть шестая
Итоги царствования Екатерины Великой

1. Великий князь Павел Петрович

«Мне вот уже 30 лет, – писал великий князь Павел Петрович графу Николаю Румянцеву, – а я ничем не занят. Спокойствие мое, уверяю вас, вовсе не зависит от окружающей меня обстановки, но оно покоится на чистой моей совести, на сознании, что существуют блага, не подлежащие действию никакого земного могущества и к ним-то и должно стремиться. Это служит для меня утешением во многих неприятностях и ставит меня выше их; это приучает меня к терпению, которое многие считают за признаки угрюмости в моем характере. Что касается до моего поведения, то вы знаете, что я стремлюсь согласовать его с нравственными моими понятиями и что я не могу ничего делать, противного моей совести». Это письмо вызвало беспокойство графа Николая Румянцева, но он был на службе, за границей, а «занять» великого князя могла только Екатерина II, управлявшая Российской империей.

Екатерина II, написав манифест о присоединении Крыма, утром 12 мая 1783 года пригласила в свой кабинет Павла Петровича для ознакомления с ним и для доверительного разговора.

Прочитав депеши и манифест о Крыме, цесаревич Павел сказал:

– Теперь мы будем ждать, что турки на сие скажут.

– Им ничего отвечать не нужно, – твердо сказала императрица, – ибо они сами пример подали занятием Тамани и генеральным неисполнением Кайнарджийкого трактата.

– Но что прочие державы станут тогда делать? – нерешительно произнес Павел Петрович.

– Франция ничего не может делать, ибо и в прошлую войну не могла каверзами ничего путного добиться. Швеции – не боюсь. Император, если бы и не стал ничего делать, так мешать не будет.

– Французы могут в Польше нас тревожить.

– Никак, ибо и в прошлую войну ничего же важного всеми конфедерациями не наделали и нам в главном ни в чем не помешали.

– Но в случае бы смерти нынешнего польского короля, при выборе нового, ибо нынешний слаб здоровьем, могут нас беспокоить или выбором своим, или мешая нам, как-то именно

Саксонской фамилии.

– Для сего стараться надобно выбор свой сделать.

– Что ваше величество думаете по сему: лучше ли по связям нашей с Польшей желать нам Пиаста или иного дома, имеющего по себе силу, или, опять Пиаста взяв, сделать корону в его доме наследственной, ибо частые выборы нам слишком досаждают и другим охоту могут дать нам подражать?

– Я тебе скажу откровенно и как императрица Российская, что для блага России, а особливо по силе Польши, желать надобно, чтоб она наследственной не была, дабы силы не имела и с нею перекинуться к другой державе не могла.

– И чтоб другие, вместо нас, того же с Польшей, по нынешнему ее состоянию, делать не захотели.

– Я тебе скажу, что для сего надобно попасть на человека, приятного нации и не имеющего связей; в доверенности я тебе скажу, что для сего у меня на примете есть уже племянник королевский, князь Станислав, которого качества и тебе, и мне известны.

– На сие не мог инако отвечать, как со удовольствием.

– Прошу о сем не говорить. Я и сама никак ему даже виду не подаю, чтоб дела прежде времени не испортить.

– Но чтоб таковое молчание, приведя его в неизвестность о будущем его состоянии, не заставило перекинуться на другую какую-нибудь сторону?

– Всегда время будет его поворотить, предоставя таковую перспективу (разговор был записан Павлом Петровичем и опубликован. См.: *Шильдер*. С. 149–150).

2. Граф Николай Румянцев

Когда в январе 1793 года был обезглавлен король Людовик XVI, а затем и королева Мария-Антуанетта, королем Франции стал Людовик XVII, а регентом по его малолетству – герцог Прованский.

8 февраля 1793 года Россия прекратила всякие торговые отношения с революционной Францией, в апреле того же года все французы, живущие в России и не принесшие присяги новому французскому королю, были выселены из страны. Герцога Прованского Россия признала регентом, а граф Румянцев при его дворе утвержден был как представитель императрицы (с 1793 года), а во Франкфурте-на-Майне остался Иван Вукасович, который извещал императрицу и графа Румянцева о положении в Германии.

Герцог Прованский в своем положении эмигранта чувствовал

себя в стесненном и крайне невыгодном положении. Денежные средства быстро исчезали, а новых поступало все меньше и меньше. Герцоги ни в чем себе не отказывали, у них был свой двор, деньги тратились на женщин, блеск и роскошь королевского двора.

Австрия и Пруссия в войне с французами проигрывали одно сражение за другим.

Французские войска вели наступательные бои.

Граф д'Артуа побывал в России, Екатерина II любезно приняла его, подарила ему золотую шпагу с большим солитером, но, занятая своими внутренними и внешними делами, Польшей, Турцией, отказалась вмешиваться во внутренние дела революционной Франции. Лишь пожертвовала 200 тысяч рублей.

Неудачи Пруссии и Австрии в сражениях с Францией изменили положение французского королевского двора в Кобленце, Франция укрепляла свой революционный авторитет в мире. Герцог Прованский вел переговоры с Испанией, а граф д'Артуа с Англией, вскоре французские принцы разъехались по разным странам. Вели борьбу как частные лица.

1 августа 1794 граф Румянцев получил распоряжение вновь вернуться во Франкфурт-на-Майне и вновь заниматься германскими делами.

Екатерина II писала Румянцеву, чтобы он «не подавал вида, чтобы в Петербурге придавали какую-либо важность Союзу князей или опасались каких-либо весьма значущих от него последствий». Пусть граф Румянцев по-прежнему будет осторожен в разговорах с князьями, поддерживает правильность их внутренней политики. С небывалым увлечением граф Румянцев обследовал библиотеку во Франкфурте, обнаружил уникальные книги, которые расширили его познание в русской истории, в истории мира, особенно Европы. Он увлекся собиранием уникальных книг.

Более 11 лет граф Румянцев проработал во Франкфурте-на-Майне. Помимо политических, ему поступали из Санкт-Петербурга и иные поручения.

В 1783 году великому князю Александру Павловичу исполнилось только 6 лет, а Екатерина II уже задумалась о том, чтобы подыскать юному Александру невесту из германского княжества. Отправляя графа Румянцева в Германию, она сказала графу, что он будет бывать при разных дворах, пусть присматривается. Николай Петрович внимательно отнесся к просьбе императрицы и действительно, где бы он ни бывал, все время приглядывался к семейному положению носителей высшей власти, обращая внимание на девиц подходящего возраста.

14 ноября 1790 года императрица Екатерина писала графу

Румянцеву: «Граф Николай Петрович. Под предлогом обыкновенного посещения князей германских, при которых вы аккредитованы, съездите в Карлсруэ, и там постарайтесь увидеть дочерей принца наследного Луизу-Августу, 11-ти лет, и Фредерику-Доротею, 9-ти лет. Сверх красоты лица и прочих телесных свойств их, нужно, чтобы вы весьма верным образом наведались о воспитании, нравах и вообще душевных дарованиях сих принцесс, о чем в подробности мне доносите при случае отправления нарочного курьера, или посылаемого сюда из Парижа от тайного советника Симолина. Уверена я, впрочем, что вы сие поручаемое от меня дело исправите с крайнею осторожностью и самым неприметным для других образом. Пребываю вам доброжелательная».

Николай Петрович во время своих поездок по княжеским домам бывал в семье баденского маркграфа Карла-Фридриха, хорошо помнил старшего из его сыновей, Карла-Людвига, а тот в 1774 году женился на ландграфине Гессен-Дармштадтской Амалии, которая родила шесть дочерей и сына. Как раз подошло время Карлу-Людвигу и Амалии искать женихов для своих дочерей. Но с тех прошло уже несколько лет, и всемилостивейшая императрица, видимо по рассказам придворных, вспомнила об этой семье. Конечно, Румянцев исполнит указание Екатерины II.

Побывав в Карлсруэ под благовидным предлогом, Николай Петрович обратил внимание на двух старших дочерей наследного принца Баденского Карла-Людовика Амалию и Каролину, им было по 15 лет, они были на год старше великого князя Александра и вряд ли подходили для роли невест, но принцессы Луиза и Фридерика по возрасту вполне могли составить пару великому князю Александру.

Граф Румянцев, возвратившись во Франкфурт, 2 (13) марта 1791 года писал императрице Екатерине:

«Мадам. Повинуясь приказаниям в. и. в., я совершил поездку в Карлсруэ, пробыл там долее обыкновенного и смею похвастаться, что никто не проник цели, которая привела меня туда, как равно никому в мире не известно содержание этого письма и это должно извинить меня пред вашим величеством в том, что оно все писано мною собственноручно.

Принцесса Луиза несколько полнее и развитее, чем обыкновенно бывают в ее лета. Хотя ее нельзя назвать вполне красавицею, тем не менее она очень миловидна. Повидимому, она кротка, любезна и вежлива; сама природа наделила ее необыкновенною грациею, которая придает особенную прелесть всем ее речам и движениям. Общий голос отдает ей предпочтение пред всеми ее сестрами; хвалят ее характер, а лучшею гарантией

ее здоровья служат ее телосложение и свежесть. Единственно, что умаляет благоприятное впечатление, производимое ее особою, – это некоторая полнота, которая грозит в будущем слишком увеличиться.

Если принцесса Луиза слишком развита для своих лет, то принцесса Фридерика-Доротея развита гораздо менее, чем бы ей следовало; она до сих пор еще совершенный ребенок, но который обещает сделаться очень красивым. Но если верить одной достойной женщине, которой принцессы были поручены на некоторое время, то застенчивость эта происходит от известного рода осторожности, составляющей одну из особенностей характера принцессы Фридерики, что, по-видимому, предвещает в ней большие способности. Принцесса Фридерика, с своими большими прекрасными глазами, имеет вид более важный и серьезный, между тем в принцессе Луизе заметно более резвости и довольства, что указывает на веселость, но веселость скорее тихую, чем шумливую.

Изучать детей вообще очень трудно тому, кто мало их видит; притом же Фридерика, весьма запоздавшая в своем физическом и умственном развитии, еще более затрудняла мою задачу. То, что я имел честь сказать в. и. в. о каждой из этих принцесс, составляет результат не только моих собственных наблюдений, но является и заключением, которое я должен был вывести из всего того, что я слышал от окружающих их людей, от людей преданных их родителям, а равно и от тех, которые, вследствие натянутости отношений и неудовольствий, отдалились от них.

Прошу позволения в. и. в. закончить одним следующим замечанием, которое может иметь некоторое значение в данном случае. Если все баденские принцы, как существующие в настоящее время, так равно и те, которых я застал еще в живых, отличаются и отличались друг от друга способностями и воззрениями, то все они весьма сходятся между собою в одном, а именно в одинаковости характера. Характер у всех у них прекрасный, и в основании его лежат сердечная доброта и благодушие. Что же касается до наследной принцессы, то можно с уверенностью сказать, то она не внесла в этот дом зачатков противоположных качеств.

С глубочайшим благоговением и проч.».

26 мая 1791 года из Царского Села императрица Екатерина писала графу Румянцеву:

«Граф Николай Петрович. Ваше письмо от 2 марта я получила. Надобно теперь, чтобы вы опять без афектации и под видом посещения немецких князей, при которых вы аккредитованы, съездили к баденскому двору и старались

изведать мысль супруги наследного принца и, напоминая ей бытность ее в России, сказать, что вы от меня самой знаете, в какой отличной памяти она у меня находится, и что я часто оказывала желание паки ее увидеть. Потом, узнав ее расположение, не оставьте хвалить детей ее, наипаче же третью и четвертую дочь, и в разговорах потщится узнать, не сделает ли отец или дед препятствия к перемене закона которой-либо из тех дочерей, и буде найдете наклонность в наследной принцессе, и никаких ни от кого препятствий, меня уведомьте. Равно как и в том буде встретите совсем явные расположения и затруднения. Впрочем, я уверена, что вы будете вести дело, вам поручаемое, с крайнею осторожностью, никого не компрометируя и коли-ко можно меньше гласности.

Пребываю вам доброжелательная *Екатерина*».

25 октября 1791 года Екатерина II вновь писала графу Румянцеву:

«Граф Румянцев, я желаю, чтобы вы донесли мне, были ли вы снова у наследной принцессы баденской и постарались ли выведать у нее, согласно полученному вами от меня поручению, насчет религии ее дочери. Позволят ли ей принять нашу, и, в случае согласия на то, постарались ли вы узнать, будет ли расположена принцесса привезти свою дочь сюда, когда я сделаю ей об этом предложение. Нашему мужчине нравится наружность, и от нас зависит теперь женить его. В декабре месяце ему исполнится четырнадцать лет, почему достижение ею шестнадцати… могло бы послужить временем для путешествия. Прощайте, будьте здоровы.

Я посылаю вам мой ответ барону Гримму, который сделался совершенным аристократом, точь в точь как мы».

В постскриптуме от 29 октября 1791 года императрица сообщает графу Румянцеву, что она только что получила письмо от прусского короля, в котором он уверяет, что вполне расположен в пользу французских принцев, но, прежде чем действовать, он посоветуется с императором и просит графа сообщить об этом принцам. Корпус Гогенлоэ в 12 тысяч человек стоит в Силезии, второй корпус в 13 тысяч человек стоит в Вестфалии. Но прусский король желал бы получить хоть несколько строк от французского короля. Императрица настаивает на примирении королевы с принцами и надеется, что все пойдет к лучшему.

В это время граф Румянцев исполнял обязанности доверенного лица российской императрицы при французских принцах, поэтому 30 октября 1791 года Екатерина II из Петербурга подробнейшим образом в письме инструктировала

графа Румянцева, как вести себя во время начавшейся Французской революции:

«Господин тайный советник и чрезвычайный посланник граф Румянцев. Я получила депеши, адресованные вами ко мне из Кобленца в разное время и доставленные мне подполковником де Бомбеллем. Я очень довольна исполнением вами моих приказаний относительно принцев, братьев французского короля, и всеми мероприятиями, принятыми вами по этому случаю, и так они совершенно согласуются с моими намерениями, то я вполне их одобряю.

Записка, которую эти принцы, как они заявили вам об этом, намеревались послать ко мне, действительно мною получена. Из нее я с удовольствием убедилась в том громадном доверии, которое они мне оказывают. Если я уже оправдала это доверие тем вниманием, которое я уже выказала к ним и к их делу, то я докажу его еще тою откровенностью, с которою выскажу им свой образ мыслей, главным образом о тех пунктах, которые они затронули в своих разговорах с вами, и о других обстоятельствах, о которых вы представляете мне отчет в ваших вышеупомянутых депешах.

Конгресс, если только пожелают дать такое никогда еще и ни одним двором не произнесенное название собранию общих посланников в нейтральном месте, по соседству с Франциею, явился идеею Вены и был предложен вследствие первоначальных заявлений, сделанных ею державам, чтобы заинтересовать их в делах королевства. Цель конгресса должна была заключаться единственно в том, чтобы обсудить и дать известное направление тем попыткам и мероприятиям, которые следовали бы за предварительно принятыми уже державами с общего их согласия и которые должны были заключаться во вручении общей, одинакового содержания, декларации от имени их государей, в отозвании их послов и посланников и в наступлении войск тех из государей, топографическое расположение владений которых всего более способствовало бы принятию этих мер. Если бы этот план был уже исполнен или его бы приводили уже в исполнение, то нельзя утверждать, что такого рода помощь оказалась бы менее действительною и менее благоприятною, чем та, которой могли желать принцы. Но в этом случае могли произойти три обстоятельства: во-первых, если бы иностранные войска вступили в королевство и проникли в столицу без всякого сопротивления; или же партия, захватившая теперь в ней в свои руки власть, нашла бы возможность противопоставить законной власти другую; или же, наконец, если эта партия после некоторой борьбы раскаялась бы и пожелала доставить себе возможное примирение.

При первом предположении все было бы сказано: король снова сделался бы государем, а иностранные посланники поспешили бы возвратиться к нему. При втором присутствии посланников было бы необходимо по соседству с театром событий, чтобы иметь возможность следить за их ходом, сообщать о них как можно скорее своим государям и согласовать между собою мероприятия наиболее полезные общему делу. При третьем обязанность посланников могла бы сделаться весьма существенною: они могли бы устранять затруднения, препятствовать, по возможности, пролитию крови и облегчать переговоры, которые могли бы завязаться, не компрометируя ни их государей, ни короля и которые обнимали бы обоюдные интересы. Без сомнения печально, что при столкновениях между законною властью и властию насильственною приходится прибегать к примирительным средствам, но осторожность и благоразумие делают их иногда неизбежными. Так, Генрих IV, завоевав уже большую часть своего королевства, не почел нарушением своих прав, купив покорность нескольких сопротивлявшихся мятежников милостями и деньгами.

С какой бы точки зрения ни представить себе этот конгресс, который, быть может, никогда и не приведет ни к чему прочному или, по крайней мере, никогда не сделается рычагом способным управлять делами Франции, во всяком случае конгресс этот не может представить для принцев ничего опасного, и вы, изобразив его в настоящем свете, постараетесь успокоить их на этот счет. Вы обратите особое внимание принцев, как вы уже это и делали, на то обстоятельство, что так как я должна участвовать в этом конгрессе, если только ему суждено когда-либо состояться, то они не должны иметь ни малейшего основания подозревать, что он хочет скрывать в себе какое-либо намерение, которое могло бы быть для них вредно.

Принцам известно уже, что я еще раз писала в их пользу и притом в самых настоятельных выражениях императору и прусскому королю. Ожидание их ответа заставляет меня задерживать отправку настоящего письма. Но каков бы ни был этот ответ, я никогда не могу сомневаться ни в том, ни в другом, в особенности в намерениях императора: они слишком ясно определяются, как его собственными интересами, так равно и привязанностью его к королеве, своей сестре, и я не могу предположить, чтобы намерения императора противоречили намерениям принцев, которые, в чем я твердо уверена, руководятся в одно и то же время братскими и патриотическими чувствами. Принцы потеряли бы в моих глазах, если б поддались коварным внушениям, которые им, кажется, делаются со стороны

Англии. Эта держава, вечная соперница Франции, естественно должна находить выгоду в волнующих ее в настоящее время смутах и будет стараться, по мере своих сил, усиливать и поддерживать их как можно долее. Делая вид, что желает помочь принцам, Англия употребит все, чтобы поставить их во главе партии и тем самым еще более усложнить смуты, и тогда принцы увидят себя незаметно увлеченными и вынужденными изменить тем самым принципам и чувствам, которым они следовали до настоящего времени и которые заслужили им уважение и рукоплескания всей Европы. Сверх того, принимая эту поддержку, принцы оттолкнут от себя не только императора, но и всех родственных им государей. Следует обратить внимание еще на то, что помимо того, что Георг III нисколько не похож на Елисавету, обстоятельства данной минуты являются совершенно иными. У Генриха IV враги были общие с врагами Елисаветы и в Испании, и в Савойе и при римском дворе, и это было одною из причин их союза. Теперь же совершенно наоборот: эти три державы связаны с принцами узами родства, государственными интересами и религиею. Прусский король всегда будет скорее за них, чем против них. Лишь бы Англия осталась нейтральною, – вот все, чего можно благоразумно требовать и желать от нее.

Так как мысли, переданные вам графом д'Артуа относительно Англии, я не могу приписать никому другому, как господину де Колонну, то поручаю вам расследовать, действительно ли это он внушил их этому принцу и в каких видах? В то же время вы постараетесь возвратить этого министра к мыслям, более отвечающим интересам принцев и Франции, убедительно настаивая на необходимости совершить поспешное примирение тех, которые составляют партию принцев, с лицами, принадлежащими к партии королевы. И те и другие должны были бы составлять лишь одну партию, так как я предпочитаю думать, что все они стремятся к одной и той же цели – к освобождению короля и к восстановлению его верховной власти. Эта цель есть единственная, которой я согласна содействовать, все же другие были бы не достойны славы этих принцев и моей поддержки.

То же спасительное учение вы будете проповедывать и барону де Бретейль в письмах или разговорах. Постарайтесь убедить его в том, что лучшее средство к скорейшему успокоению Франции заключается в восстановлении монархии и в искреннем сближении со всеми друзьями партии принцев, которая соединяет в себе большую часть духовенства, парламентов и дворянства, всех, придерживающихся римско-католической религии и численность которой весьма значительна. Эти три сословия, составляющие главную суть монархии, мечтают лишь о той

минуте, когда они получат возможность повиноваться законам лишь своего законного монарха. Должны ли такие чистые и похвальные намерения потерпеть поражение ради частных предубеждений? Побудите также барона де Бретейль и господина де Колонн отложить в сторону свои личные отвращение и ненависть и заняться исключительно государственными делами и общим благом. Принятие этого решения, внушаемого как здравым смыслом, так и осмотрительностию, будет достойно их мудрости и патриотизма. Спорить и препираться из-за места по администрации, не восстановив еще самого правительства, значит гоняться за тенью, упуская действительность. Одним словом, вы дадите им обоим почувствовать, что без самого тесного единодушия и доверия, которые я желала бы видеть царствующими между королевою и принцами, а также и между их слугами, я, несмотря на все мое доброе желание, ничего не могу сделать ни для той, ни для других. Надеюсь, посылка барона Гримма, уполномоченного принцами хлопотать об этом сближении, произведет то именно действие, на которое рассчитывают принцы и которого я вполне искренно желаю для их общей пользы.

Я отвечаю французскому дворянству в прилагаемом при сем письме на имя маршала герцога де Брогли. Вручая это письмо, вы скажете ему, что я нахожу его вполне достойным быть во главе столь знаменитого дворянства, тронута выраженными мне этим дворянством чувствами и ценю усердие, которое оно проявляет к своему королю и к делу всех государей.

Я одобряю в особенности все, что вы сказали и сделали по поводу письма, которое дворянство вручило вам для передачи мне, и надеюсь, что боль в пояснице, причиненная вам восемьюстами поклонами, которые вам пришлось отдать, нашла себе излечение в самой причине, которая их вызвала. Что касается до выражения о моей поддержке мне уже об этом письме войсками, то принц Нассау сообщил мне об этом в своем письме, и вы очень хорошо сделали, что оставили этот вопрос незатронутым.

Вы получите и передадите принцам, братьям французского короля, принцу Конде, его сыну и внуку прилагаемые писем ответы на их письма ко мне, а затем молю Бога, да охранит он вас, господин тайный советник и чрезвычайный посланник граф Румянцев, пречестным и святым покровом Своим. *Екатерина*».

Получив письма и депеши графа Румянцева, Екатерина II тут же ответила ему письмом на французском языке 2 января 1792 года:

«Господин граф Румянцев, я с удовольствием прочла

сообщенный вами мне разговор, который вы имели с курфюрстом кельнским. Я всегда полагала, что следовало отложить до будущей весны, чтобы получить возможность высказать верное суждение о поведении императора по отношению к делам Франции. Совершенно верно, что слабый и нерешительный образ действий не будет в состоянии доставить ему нигде уважения. Строгая венская полиция не прекратит криков, но стеснит лишь общество, а императора заставит провести несколько ужасных минут. Не удивительно, что рейхенбахская конвенция и мир с турками не доставили императору выдающейся славы ни среди его подданных, ни за границею. Иосиф II, совершенно так же как и Леопольд, постоянно рассуждавший с целым светом и даже на улице, и знавший, подобно Соломону, по именам и прозвищам все от кедра ливанского до малейшей былинки, в то же время ничего не знал о настроении умов в своих собственных владениях и в особенности в Брабанте. Преследование, которое в настоящую минуту заставляют испытывать брабантцев, довольно странно. Вымогаемые у них расходы, идущие на подогревание умов, – сущая пытка. Почему не начать было с прекрасной и здравой меры – прощения. На этот счет у нас существуют прекрасные законы. То, что было в течение трех дней в руках других, а затем снова отбиралось обратно, о том не производится более розыска и – делу конец. Это должно идти в счет несчастий времени; этим дух мятежа успокаивается сам собою; никогда не подливают в огонь масла. Я никому не показываю вашего письма по поводу разговора Мергентхейма.

Прощайте, будьте здоровы. *Екатерина.*

P. S. Постарайтесь, прошу вас, достать мне портреты каждой из баденских принцесс, которых мы имеем в виду, похожие, но чтобы не льстили».

«2 января 1792 г.

Граф Николай Петрович. Сим письмом ответствую на ваши отправления прошедшего года, под числами 9 октября и 4 ноября, первое из Франкфурта, второе из Кобленца. Из оных с удовольствием вижу, что вы исполнили данные вам предписания и дважды были в Карлсруэ, где вы нашли наследную баденскую принцессу в том точном расположении, как желалось ее найти, а дочери ее, превосходя уже доброе об них описание, сделанное прежде всего. Старшей из сих принцесс в сем январе исполнится тринадцать лет и будет она по нашему счету на четырнадцатом году, следовательно о поездке матери ее с дочерями сюда прежде генваря месяца будущего 1793 года еще условиться рано, но, между тем, предложим вам от времени до времени съездить в Карлсруэ, иметь старание и бдение, дабы образ мыслей

наследной принцессы не переменился, но паче подкрепился, такожде старайтеся поприлежнее узнать нрав, склонности, и буде можно, о душевных свойствах и понятьях старшей принцессы, такожде о здоровом ее телесном сложении; все сие, думаю, что, сдружась с окружающими их людьми, не трудно вам будет разведать гораздо подробно. Касательно мысли маркграфа баденского не предвидится из оных по вашему описанию великии препятствия. Но буде найдете способ отклонить наследного принца от приезда сюда с супругою, вы сделаете дело доброе и которое отвратит многие разные из неудобностей; подобная поездка, по крайней мере, совсем излишна; вы знаете нашу публику и не умеренное ее суждение, малейшее в отце чего не понравится, останется в мыслях и в речах и в переговорах и более служит противу, нежели для дочери, от женщины же понеже меньше требуется совершенств, то им скорее прощаются недостатки и лишь бы были осторожны, вежливы и обходительны. Касательно перемены в законе, скажу, что мы у деда и у прочих родственников не станем просить дозволение, лишь бы принцессам не запретили принять оный, сама же, думаю, что не станет упрямиться. Следуя добрым советам своей матери, сверх того, приедучи сюда, уже половина намерения исполнится, увидя же жениха, надеюсь, что не откажется от ожидаемой ей судьбины.

Пребываю к вам доброжелательна. *Екатерина*».

Эта переписка была опубликована великим князем Николаем Михайловичем: Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 1. СПб., 1908.

По поручению императрицы граф Румянцев еще раз побывал у наследного принца Карла-Людвига маркграфа Баденского и посмотрел на двух его дочерей, Луизу-Августу и Фридерику-Доротею. В подробном письме Екатерине II Румянцев описал их наружность и духовные интересы. В ответном письме Екатерина задала еще какие-то вопросы, на которые он обстоятельно ответил.

Екатерина II повелела снарядить двух дочерей в Петербург, и наконец 31 октября 1792 года обе приехали в Россию, Екатерина и Александр несколько месяцев изучали герцогинь. Свадьба Александра Павловича состоялась на старшей из них, Луизе-Августе, получившей при крещении новое имя – Елизавета Алексеевна.

О пребывании графа Румянцева в Карлсруэ оставил свои воспоминания граф Евграф Комаровский:

«Граф Н.П. (Румянцев) с маленькою своею свитою, в которой находился и я, возвратился во Франкфурт. Он объявил мне, что намерен ехать в Карлсруэ, к маркграфу Баденскому, при котором

он также был аккредитован и который, быв на коронации (римского императора Франца после смерти Иосифа II и его брата Людвига, происходившей во Франкфурте. – *В. П.*), пригласил его будто бы к себе приехать, и что он возьмет меня с собою. Граф говорил это для того, чтоб не подать мне малейшего подозрения о настоящей причине его поездки. Я уже впоследствии узнал, что императрица Екатерина, когда вознамерилась женить великого князя Александра Павловича, поручила графу Н.П. Румянцеву, как бывшему в сношениях со многими маленьких имперских князей дворами, объехать их и доставить ее величеству сведения о всех принцессах, бывших тогда в летах для бракосочетания. Выбор императрицы пал на Баденский двор. Со мною прислано было графу повеление отправиться в Карлсруэ, сделать маркграфу предложение и, когда получено будет согласие, прислать портреты принцесс к императрице. Во исполнение этого повеления ее величества, граф отправился в Карлсруэ тотчас по возвращении своем во Франкфурт; он не взял с собою ни одного из своих чиновников; в карете сидели: граф, я и его камердинер; при нем были два лакея.

Едва мы приехали в Карлсруэ и остановились в трактире, как маркграф прислал спросить о здоровье графа и поздравить его с приездом; прислан был камергер. Граф отвечал, что он здоров и что он тотчас будет иметь честь представиться его светлости; вслед за тем приехала за ним придворная карета. По возвращении графа из дворца, тот же камергер прислан был пригласить его на обед к маркграфу, и с тою особою, которая при нем находится. При дворах владетельных князей был этикет, что должно иметь по крайней мере чин штаб-офицера, чтобы обедать за столом принца, а посему граф Н.П. поручил благодарить маркграфа за честь, сделанную его спутнику, но его чин не позволяет ему воспользоваться ею. Камергер немедленно возвратился с повторением приглашения, и что его светлость не намерен соблюдать никаких этикетов из уважения к особе графа, а наиболее ко двору, от которого он аккредитован. В назначенный для обеда час приехала за нами придворная карета; при въезде нашем на дворцовый двор, стоявший караул от гвардейских кирасир вышел с ружьем и отдал честь. У маркграфа всего войска было: кавалерии один эскадрон и батальон пехоты. Граф Н.П. был принят со всевозможною почестью: обер-камергер вышел его встретить. Маркграф, наследный принц и принцесса, принц Фридрих, второй сын маркграфа, обошлись с ним весьма ласково. Граф представил меня всему двору. Маркграф женат был на графине Гохберг, но она была как партикулярная дама; это было, как называется, морганатическая свадьба; дети, родившиеся от

этого брака, впоследствии были признаны законными, и владетельный ныне принц Великий Герцог Баденский один из сыновей маркграфа. Принцесс впервый день я не видал, они были в загородном доме.

За обедом было особ 20, после стола был концерт, в котором прекрасно пела одна благородная девица, принадлежавшая ко двору. На другой день пришел Фридрих, пригласил нас к себе на обед, в Дурлах. Аллея, ведущая из Карлсруэ к этому замку, считается единственною в Европе, дорога на расстоянии $2^1/_2$ немецких миль обсажена, по обеим сторонам, в два раза, вековыми, величественными пирамидальными тополями. Обед был на открытом воздухе в саду; мужчинам позволено было быть во фраках и за столом сидеть в шляпах; на этом обеде находились обе принцессы: Луиза и Фридерика… Мне случилось оказаться вблизи принцессы Луизы; я ничего не видывал прелестнее и воздушнее ее талии, ловкости и приятности в обращении. Маркграф, дед этих принцесс, был добродетельнейший и почтеннейший из всех германских принцев. Когда мы въехали в границы его владений и, поднимаясь на высокую гору, вышли из кареты, мы увидели несколько мужиков, пахавших поле. Граф сказал мне: «Спроси у них, кто их владетель». Они мне отвечали: «У нас нет владетеля, а мы имеем отца – маркграфа Баденского». Вероятно, по этой причине императрица Екатерина и предпочла женить своего внука на одной из принцесс этого благословенного дома…

Нетерпение императрицы видеть великого князя Александра Павловича женатым было так велико, что (не дождавшись портретов принцесс Луизы и Фредерики, которая была впоследствии Королевою Шведскою, ибо портреты были отправлены со мною) на дороге, проехав Майнц, я встретил большую четырехместную карету, которая, проехав немного, остановилась, увидя во мне, вероятно, курьера; я услышал голос, кричавший, чтобы и я остановился; подходит ко мне лакей в придворной нашей ливрее и спрашивает: «Не курьер ли я, не еду ли я от графа Румянцева и где он теперь находится?» Я отвечал, что я послан от него к императрице и что он из Карлсруэ, откуда я был отправлен, на другой день должен был выехать во Франкфурт-на-Майне. Я узнал от лакея, что в карете ехали графиня Шувалова и Стрекалов, которые и привезли потом в Петербург обеих Баденских принцесс» (Осьмнадцатый век. Кн. 1. С. 339–341. См. также: *Граф Комаровский*. Записки. М., 2003. С. 252–253).

Граф Румянцев знал и о том, что принцессы Баденские, приехав в Петербург 31 октября 1792 года, с восторгом писали о

свидании с императрицей, о знакомстве с великими князьями Александром и Константином, со всем придворным штатом императорского двора. «Обе принцессы, хорошенькие, скромные и хорошо воспитанные, – писал великий князь Николай Михайлович, – сразу завоевали симпатии Екатерины и не ее одной, а и всего двора, при чем старшая Луиза особенно привлекла внимание государыни» (*Великий князь Николай Михайлович.* Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 1. СПб., 1908. С. 22).

3. Елизавета Алексеевна – великая княгиня России

В январе 1793 года родители маркграф и маркграфиня Баденские дали согласие на брак Луизы и Александра и на перемену вероисповедания принцессы Луизы. В мае 1793 года совершилось миропомазание принцессы Луизы, нареченной Елизаветой Алексеевной, а вскоре состоялось и торжественное обручение. 28 сентября 1793 года в большой придворной церкви состоялось бракосочетание Александра и Елизаветы. «Молодому супругу не было еще 16 лет, а его жене $14^1/_2$ лет. Приходится только дивиться обычаям и нравам того времени!» – восклицает великий князь Николай Михайлович (Там же. С. 23). Александр еще не закончил образование, продолжал вести занятия Лагарп, появлялся и протоиерей Самборский. А.Я. Протасов, второй дядька Александра, вел дневник, и великий князь Николай Михайлович цитирует из него некоторые подробности быта того времени (Древняя и новая Россия. 1880).

Великий князь Николай Михайлович, рассказывая о великой княжне Елизавете Алекссевне и ссылаясь на мемуары графини В.Н. Головиной, внесшей большой вклад для характеристики тогдашних нравов и обычаев, писал: «Эти повествования Варвары Николаевны Головиной дышат правдой и наглядно показывают, в каком кругу приходилось вращаться первый же год после замужества великой княгине. Сплетни, интриги, пустые забавы, пустые разговоры, придворные дрязги, зависть, злорадство, коварство, словом – безотраднейшая атмосфера для шестнадцатилетней супруги. Ухаживание Платона Зубова, столь неприличное, скоро обратило внимание самой Екатерины, которая не стеснилась прописать порядочную головомойку беспустному фавориту, который должен был прекратить вскоре свои замашки. Но, пока все это дошло до Екатерины, прошел целый год, так как за лето 1795 года поведение Зубова еще не изменилось, о чем свидетельствует письмо Александра Павловича графу Виктору Кочубею от 15 ноября 1795 года, найденное в

бумагах Елизаветы Алексеевны, после ее кончины. Это письмо Александра заслуживает внимания по своей откровенности и благодушию» (*Великий князь Николай Михайлович.* Императрица Елизавета Алексеевна. С. 46).

Протасов – графу Семену Воронцову: «Эти письма Протасова ценны, как живой отклик всего того, – писал Николай Михайлович, – что происходило при дворе в последние года царствования Екатерины. Здесь впервые мы встречаем упоминание о родстве великой княгини Елизаветы Алексеевны с покойной ее родной теткой, первой супругой Павла Петровича. По отзывам современников, было и наружное сходство между ними, что неоднократно замечал и сам Павел, относившийся в ту пору очень сочувственно к своей невестке… Тому же графу Семену Романовичу Воронцову довольно аккуратно писал Федор Васильевич Ростопчин. Его повествование носит совсем другой характер, чем письма Протасова. Ростопчин был тонкий наблюдатель, его суждения всегда метки и обоснованны, потому и письма эти приобретают особое значение (см. письма 94–96. С. 61–62).

В письмах Ростопчина подчеркивается, что Александр в это время еще не закончил своего образования, а баденская принцесса была хорошо образована, она знала историю, географию, литературу и даже философию. Она успела многое прочитать в Карлсруэ и, приехав в Россию, продолжала не только читать, но и делать выписки из книг. Беда в том, что среди ее окружающих было мало образованных людей. Невежество людей поражало ее. Только Головина и Толстая. И Александр мало чем интересовался…

«Эти разнородные направления супругов сказались только впоследствии, но зародыши недоразумений на этой почве можно было заметить в Екатерининскую эпоху. Александр, как чуткий ко всему окружающему, не мог не видеть, насколько его супруга была образованнее его самого, и едва ли в беседах с ней он мог часто удовлетворить ее любопытство и жажду знаний. И Ростопчин вполне правильно отдавал должное вновь приезжей великой княгине» (с. 67).

Точно такое же поручение императрица дала графу Румянцеву еще раз – поездить по княжеским дворам и подыскать невесту великому князю Константину Павловичу. И на этот раз, исполняя поручение императрицы, граф Румянцев посетил принцев Нассау-Вейльбургского, Нассау-Усинген, у принца Кобургского понравилась ему принцесса Юлия. И в мае 1795 граф Румянцев написал Екатерине II, что невест нашел он много, но понравилась ему лишь Юлия Кобургская, а что делать с другими

невестами, он не знает: опасается, что невесты могут побить его, если им не достанется русский великий князь.

4. Новые заботы в Петербурге

«В конце 1795 г. граф Н.П. Румянцев снова прибыл в Петербург, но с намерением не возвращаться более во Франкфурт» – таково было сообщение биографа П. Майкова в «Русском биографическом словаре» (СПб., 1913. Т. 16. С. 503). Николай Петрович возвратился в Петербург с чувством исполненного долга.

Повидал тетю Анну Никитичну Нарышкину, пожаловался на свою нелепую судьбу, заставившую провести много лет на чужбине. Анна Никитична была в хороших отношениях с князем Платоном Зубовым, поехала к нему на прием, замолвила словечко за своего талантливого племянника, который ищет места в Петербурге. Князь Зубов подумал и предложил графу Румянцеву место члена Коллегии иностранных дел. Правда, вскоре выяснилось, что обстоятельства изменились, и от этого предложения пришлось отказаться.

Николай Петрович побывал и в Гатчине, у великой княгини Марии Федоровны и великого князя Павла Петровича. Отношения великокняжеской четы с императорским двором оказались напряженными, а вот мнения по разным вопросам, которые так сближали их в прошлые времена, совпали. Удивило графа Румянцева то, что гатчинский двор был выстроен по прусскому образцу: солдаты и офицеры в прусской форме, повсюду часовые, шлагбаумы, окрашенные в черный, красный и белый цвет, как он видел несколько лет тому назад в Пруссии, часовые спрашивают имена тех, кто въезжает во двор. Здесь царила совсем иная обстановка, чем в Петербурге и Царском Селе. Много времени говорили об Александре, о его женитьбе, о его жене.

Николай Петрович узнал, что великие князья Александр и Константин часто бывают в Гатчине. Павел Петрович решил, что его сыновьям пора заняться военным делом, и сначала сыновья приезжали в Гатчину по одному дню в неделю, потом по четыре дня. Александр и Константин командовали своими батальонами, занимались учениями, парадами, маневрами. С шести утра до часу дня великие князья пребывали то в Гатчине, то в Павловске, то в Царском Селе, учились, как выражался Павел Петрович, «уму-разуму по нашему, по-гатчински».

Николай Петрович, конечно, знал, что великий князь Павел Петрович, прочитав в газетах о начале Французской революции и переменах в управлении страной, испытал страшное моральное

потрясение, – ведь рушилось высокое представление о монархической власти и отменялись священные законы, существовавшие веками. И вокруг него были гатчинские офицеры и придворные, привыкшие лишь слушать приказания великого князя и строго им следовать, по сути исполнители, не понимавшие европейской политики и не знавшие законов просвещенного века, по которым развивались события, в том числе и во Франции. И ничего посоветовать великому князю не могли. Графу Румянцеву рассказывали, что как-то великий князь Павел Петрович, читая газеты в кабинете императрицы, гневно оценил обстановку во французском Национальном собрании:

– Что они все там толкуют! Я тотчас все бы прекратил пушками.

– Ты не понимаешь, что пушки не могут воевать с идеями? – возразила Екатерина II. – Если ты так будешь царствовать, то не долго продлится твое царствование.

А потом, сравнивая императорский двор с гатчинским, граф Румянцев понял смысл полемики императрицы со своим наследником. Главные советники в Гатчине Аракчеев, Линденер, Обольянинов, Кологривов, Малютин продвинулись в карьере благодаря исполнительности и покорности малейшим указаниям великого князя, они усвоили, что малейшее непослушание вызовет ярость Павла, тут же последует строгое наказание; стоит нарушить устав и инструкцию, как тут же последует гневный разнос. Фраза Екатерины II покоробила чуткую душу великого князя. Ужасы кровавых сцен и отрубленные гильотиной головы родовитой аристократии, о которых часто говорили французские эмигранты, ужасали его, считавшего, что только беспощадным военным управлением можно было восстановить во Франции прежний порядок. Ростопчин, один из немногих приближенных к гатчинскому двору, обладавший ясным умом и метким словом, писал графу С.Р. Воронцову об агенте французских принцев, Эстергази, принесшем большой вред России и великому князю: «Вы увидите впоследствии, сколько вреда наделало пребывание Эстергази: он так усердно проповедывал в пользу деспотизма и необходимости править железной рукой, что государь-наследник усвоил себе эту систему и уже поступает согласно с нею. Каждый день только и слышно, что о насилиях, о мелочных придирках, которых бы постыдился всякий честный человек. Он ежеминутно воображает себе, что хотят ему досадить, что намерены осуждать его действия и проч.… Великий князь везде видит отблески революции, он недавно велел посадить четырех офицеров за то, что у них были несколько короткие косы, – причина, совершенно достаточная для того, чтобы заподозрить в них революционное

направление» (*Шредер.* С. 203; *Шумигорский.* С. 66–67).

Екатерина II тоже не раз думала о той «страшной кутерме», о том «вертепе разбойничьих смут, грабежей и убийств», когда во Франции «злодеи захватили власть и превратят скоро Францию в Галлию времен Цезаря». «Но Цезарь их усмирил, – писала она барону Гримму 13 января 1791 года. – Когда же придет Цезарь? О, он придет, не сомневайтесь; он появится! Если бы я была на месте гг. Артуа и Конде, я бы сумела употребить в дело эти триста тысяч французских рыцарей. Честное слово: или бы я погибла, или бы они спасли отечество, вопреки всем вашим следственным комиссиям…» (РА. С. 177).

И вот новость: в Петербурге и Царском Селе граф Румянцев все чаще слышал разговоры о тайном намерении императрицы отстранить великого князя Павла Петровича, законного наследника, от престола из-за его неспособности управлять страной. Екатерина II надеялась передать престол великому князю Александру Павловичу и даже выдвинула это предложение на Государственном совете. Казалось, все одобрили или промолчали, но граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин неожиданно заявил, что нрав и инстинкты Павла Петровича могут измениться, когда он станет императором, он умен, образован. Екатерина II поняла, что поторопилась с этим предложением, но не остановилась. Она решила заручиться согласием внука Александра Павловича. Вопрос сложный и противоречивый, но нет для нее препятствий, она привыкла их преодолевать, тем умножая славу свою как правительницы великого государства.

«С конца 1793 года, – вспоминал Фридрих Цезарь де Лагарп, – шла речь о лишении престолонаследия великого князя Павла Петровича, возбудившего всеобщую ненависть, и о возведении на престол, по кончине государыни, старшего внука ее Александра. Злые советники овладели умом Павла и наполнили душу его подозрениями. Он имел несчастие довериться французским эмигрантам, которые представляли врагами его всех тех, чей здравый смысл ценил по достоинству их сумасбродные притязания. Во главе злонамеренной лиги находились бывший французский посланник в Константинополе Шуазель-Гуфье, граф Эстергази и принц Нассау-Зиген.

Советники Екатерины полагали, что мне приятно будет видеть устранение человека, которого сами же называли заклятым врагом либеральных идей и от которого я лично не мог ожидать ничего хорошего. Так как меня считали в то время ярым республиканцем, проникнутым самыми опасными началами, то составители заговора надеялись, взявшись ловко за дело, вовлечь меня в предприятие, имевшее целью избавить Россию от нового

Тиберия.

Цель, по их мнению, оправдывала средства. Втягивая меня в свои сети, зачинщики весьма удобно могли, в случае надобности, взвалить всю беду на меня. Если бы тайна открылась, вся ответственность пала бы на беззащитного иностранца, лишенного доверия и ославленного буйным якобинцем, и – кто знает? – быть может, с воцарением Павла я был бы осужден на изгнание и пытку за участие в заговоре, от которого я уклонился с ужасом и негодованием.

Главная трудность состояла в том, чтобы приготовить к катастрофе великого князя Александра. Я один мог иметь на него желаемое влияние, и потому необходимо было или заручиться мной, или удалить меня. Екатерина, зная доверие и любовь ко мне своего внука, желала меня испытать. Она неожиданно потребовала меня к себе 18 октября 1793 года. Граф Салтыков, очевидно посвященный в тайну, был озадачен вопросом моим о цели приглашения и отвечал мне: «Я желал бы, чтобы сама государыня объяснила вам, в чем дело».

Разговор мой с императрицей продолжался два часа; говорили о разных разностях, и время от времени, как бы мимоходом, государыня касалась будущности России и не опустила ничего, чтобы дать мне понять, не высказываясь прямо, настоящую цель свидания. Догадавшись, в чем дело, я употребил все усилия, чтобы воспрепятствовать государыне открыть мне задуманный план и вместе с тем отклонить от нее всякое подозрение в том, что я проник в тайну. К счастью, мне удалось и то и другое. Но два часа, проведенные в этой нравственной пытке, принадлежат к числу самых тяжелых в моей жизни, и воспоминания о них отравляли все остальное пребывание мое в России.

Хотя совещание окончилось самым любезным образом, однако же, опасаясь дальнейших объяснений, из которых я не мог бы никоим образом выпутаться так же счастливо, я более, чем когда-либо, сосредоточился в самом себе, осудив себя на строгое уединение. Екатерина два раза укоряла меня за это; но, видя, что я упорствую и являюсь ко двору только для занятии со своими учениками, убедилась, что я вовсе не расположен к той роли, которую мне предназначали».

После этого Лагарп стал более внимательным к отношению Павла Петровича с сыновьями, видел грубые выходки отца (дети порой жаловались на отца), но учитель большее внимание уделял тому, что с выгодной стороны отличало поступки Павла. Лагарпа удивляло и другое, почему так яростно обвиняют его в карбонаризме, и ломал голову, как бы предупредить Павла

Петровича о существующем против него заговоре, он не чувствует, что он окружен шпионами и злонамеренными друзьями. Екатерина II вполне могла уволить Лагарпа, но только через год эта нравственная пытка закончилась. 23 октября 1794 года, прервав занятия с князьями, граф Салтыков сообщил, что великий князь Александр женится, а Константину предстоит заниматься военными делами и потому к концу текущего года занятия должны прекратиться.

Александр, узнав об этом, бросился обнимать своего учителя, как свидетельствуют источники, проливая слезы. 31 января 1795 года последовал рескрипт императрицы, по которому Лагарп стал полковником, был уволен со службы, награжден пенсией и тысячей рублей на дорогу. Но тайна о государственном перевороте в России не оставляла его, она терзала его душу, он не мог просто уехать из России не повидав цесаревича Павла Петровича. Лагарп знал, что Павел Петрович считает его якобинцем, которых он презирал и ненавидел, хотя Лагарп был человеком своей эпохи, человеком честным, просвещенным, любившим свободу и ненавидевшим монарший деспотизм. Эти идеи впитали и его ученики, юные великие князья России. Лагарп обратился с письмом к цесаревичу. Павел Петрович назначил время для приема в Гатчине. 27 апреля 1795 года состоялась встреча, в ходе которой Фридрих де Лагарп убедил Павла Петровича изменить отношение к сыновьям, стать добрее и иметь к ним полное доверие, обращаться к ним непосредственно, прямо, а не через третьих лиц. Павел Петрович понял главную цель визита Лагарпа и сердечно благодарил его за добрые советы.

Разговоры с Александром о дальнейших планах, легкие, ненавязчивые, не дали результатов, Александр о царской власти и не задумывался, законный наследник престола – 40-летний отец, умный, образованный, умеет командовать и думает о будущем России. А они с Лизой, женой, мечтали оказаться в Швейцарии и жить там частным образом. Но и не только эти разговоры и мечты о частной жизни на лоне природы и на берегу реки или озера увлекали великого князя Александра; отец, Павел Петрович, вовлек его в военную жизнь своей карликовой гатчинской армии, которую он принял сначала с недовольством, а теперь без нее, этой армейской жизни, с ее выправкой, дисциплиной, парадами, он не мог себя и представить. Сначала это казалось игрой, а потом, поразмыслив и сравнив, Александр понял, что отец прав, его лишили участия в государственных делах, но он сам, создавая гатчинский двор, приучил себя делать дело, пусть крошечное, но важное, со своими солдатами и своими офицерами, а без всего этого, вплоть до мелочей, не было бы, по существу, военного

дела. И это увлекало. Так что намеки императрицы о будущей власти оставили Александра равнодушным. Конечно, все эти разговоры с императрицей, с отцом, с Лагарпом породили в душе Александра невообразимую душевную смуту, в которой он никак не мог разобраться. Внешнюю и внутреннюю политику своей бабушки, Екатерины II, он не может принять, пусть все ее считают великой и неподражаемой. Но у него-то вообще нет призвания управлять великой страной! Не раз ему приходили мысли, что в государстве царит неимоверный беспорядок, отовсюду он слышит о беспримерном воровстве, грабят со всех сторон, порядок изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов. То, что эти мысли не раз высказывал при нем его отец, цесаревич Павел Петрович, ему не приходило в голову; ему казалось, что это его собственное мнение. В порыве искренности Александр написал 10 мая 1796 года Виктору Павловичу Кочубею: «Я сознаю, что вовсе не гожусь для того звания, которое занимаю теперь, и еще менее для предназначенного ныне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим способом». Екатерина Алексеевна, умная, тонкая, подозревала что ее любимый внук Александр опасается взвалить на себя горькую ношу императорской власти, он слишком молод, но другого выбора у нее не было – только Александр…

Вскоре после приезда в Петербург граф Николай Петрович Румянцев получил приглашение Екатерины II на беседу в Зимнем дворце. Почти четырнадцать лет он провел за границей, германские княжества знал очень хорошо, со многими князьями и герцогами у него сложились дружеские отношения, Сергей Петрович Румянцев во время своего пребывания в Берлине в качестве посланника подробно информировал его о намерениях прусского короля, посол в Вене князь Дмитрий Голицын информировал о намерениях Иосифа II, Леопольда II и наконец их наследника германского императора Франца II, а из Франции поступала информация от барона Гримма. Сколько писем он написал Екатерине II, графу Остерману, князю Безбородко, а какой обширный архив привез он в Россию… Конечно, в беседе с императрицей зайдет речь о его трудоустройстве, о Франции, Польше, которую, в сущности, стерли с карты Европы… Принятая в мае 1791 года польским сеймом и королем конституция противоречила интересам России. Платон Зубов, молодой и недостаточно образованный, честолюбивый и алчный, но близкий к телу императрицы, и Аркадий Морков, член Коллегии иностранных дел, пытались заменить Григория Потемкина в качестве главных советчиков по внешней политике. Но удалось ли? Граф Румянцев хорошо знал, что несколько лет тому назад, в

1775 году, Потемкин стал польским дворянином, он мечтал стать герцогом Курляндским или польским королем. Но для этого нужны были соответствующие обстоятельства, он скупал польские земли, ему принадлежали 300 деревень и 60 тысяч душ крепостных, поговаривали, что после его смерти этих крепостных насчитали гораздо больше 100 тысяч душ. Потемкин уже был польским магнатом, в его вотчинах была собственная армия и собственная судебная система. Он вполне мог стать польским королем… Императрица знала о его намерениях и полностью поддерживала его устремления, а потому смерть Потемкина порушила все ее планы. О личности и жизни князя Таврического до графа Румянцева доходило много слухов, сплетен, реальных эпизодов его неповторимой судьбы, о них рассказывали иностранцы, с которыми он встречался за эти годы, соотечественники, бывавшие в Германии. Кем же он был в реальности? Во многом справедливы оценки его как фактического сопровителя императрицы, особенно на юге России…

Известно письмо Екатерины II барону Гримму от 13 октября 1791 года: «Снова страшный удар разразился над моей головой. После обеда, часов в шесть, курьер привез горестное известие, что мой выученик, мой друг, можно сказать мой идол, князь Потемкин-Таврический, умер в Молдавии, от болезни, продолжавшейся почти целый месяц. Вы не можете себе представить, как я огорчена. Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца; цели его были всегда направлены к великому. Он был человеколюбив, очень сведущ и крайне любезен. В голове его непрерывно возникали новые мысли; какой он был мастер острить, как умел сказать словцо кстати! В эту войну он выказал поразительные военные дарования: везде была ему удача, и на суше, и на море. Им никто не управлял, но сам он удивительно управлял другими. Одним словом, он был государственный человек: умел давать хороший совет, умел его и выполнить. Его привязанность и усердие ко мне доходили до страсти; он всегда сердился и бранил меня, если, по его мнению, дело было сделано не так, как следовало; с летами, благодаря опытности, он исправился от многих своих недостатков. Когда он приезжал сюда, три месяца тому назад, я говорила генералу Зубову, что меня пугает эта перемена, и что в нем не заметно более прежних его недостатков, и вот к несчастью мои опасения оказались пророчеством. Но в нем были качества, встречающиеся крайне редко и отличавшие его между всеми другими людьми: у него был смелый ум, смелая душа, смелое сердце. Благодаря этому, мы всегда понимали друг друга и не обращали внимания на толки тех, кто меньше нас смыслил. По

моему мнению, князь Потемкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что был в состоянии сделать» (РА. 1878. Кн. 3. С. 198).

Эта высокая оценка деятельности князя Потемкина была известна графу Николаю Румянцеву. Но справедлива ли она? – не раз с горечью думал Николай Петрович. Не завышена ли эта оценка из-за близости былых отношений? Он получил звание князя Таврического, а многие очевидцы говорят, что Крым для вхождения его в Россию подготовил фельдмаршал Петр Румянцев и ему бы быть князем Таврическим. Но не судьба, отец заброшен, отстранен, только сейчас, после смерти Потемкина, императрица обратилась к отцу с просьбой возглавить русскую армию. Вряд ли граф Петр Румянцев согласится с этой просьбой императрицы. Но кто знает…

В Зимнем дворце вроде бы ничего не изменилось, навстречу графу Румянцеву вышел знакомый по прежним годам обер-камергер Иван Иванович Шувалов, бывший фаворит императрицы Елизаветы, успевший сказать по дороге несколько добрых слов о нем, графе Румянцеве, а затем предложил вместе с ним явиться на прием к императрице.

Величественная императрица при их появлении оживилась.

– Я то и дело назначала вам, граф, свидание, но что-то мешало нам увидеться, а столько накопилось вопросов к вам, просто не счесть. Не успели мы с вами женить внуков Александра и Константина, как уже подросли внучки, которым тоже надобно искать женихов. А кто может лучше подыскать женихов и моим милым внучкам? Только вы, граф, прекрасный знаток семейной жизни германских князей и герцогов.

Екатерина встала, вышла из-за стола и протянула руку, над которой склонился с поцелуем граф Румянцев. А обер-камергер Шувалов с поклоном вышел из кабинета.

– Садитесь, граф, вы так давно не бывали здесь, в Зимнем дворце, понимаю ваши чувства, только, пожалуй, Иван Иванович Шувалов вам знаком, а то все новые люди управляют империей. Князь Вяземский устал, просит отставки, ведь больше тридцати лет управлял своим хозяйством, граф Чернышев тоже просит отставки. С кем же мне работать? Толковых молодых людей так мало осталось.

Появился Платон Зубов, который по-хозяйски кивнул графу Румянцеву и положил стопку бумаг за отдельный стол недалеко от императрицы, и вышел.

– Вы не хмурьтесь, граф, со смертью Григория Потемкина я осиротела, такого великого управленца, как он, нет в моей команде, все заботы рухнули на меня одну тяжким бременем,

чаще всего приходится во все вникать мне самой. Нет ни малейшего сомнения, что двое Зубовых, о которых вы, конечно, слышали, подают кое-какие надежды, но подумайте, ведь старшему, Платону Зубову, только двадцать пятый год, а младшему только чуть-чуть перевалило за двадцать один. Они люди умные, понятливые, Платон обладает обширными и разнообразными сведениями, но заменить известного вам Потемкина невозможно, нужно просто родиться таким человеком, как он. Вот тридцать лет был у меня генерал-прокурором князь Александр Алексеевич Вяземский, кое-что он решал сам, но большую часть обязанностей его исполняла я сама, были и другие старички, мои ровесники, а приходилось все самой делать. Конец нынешнего столетия не выдвигает гениальных людей, пусть хоть умелые люди помогают мне. Вот и вам нужно какое-то дело, увы, пока все сидят на своих местах, их не стронешь без обиды. Есть одно, но об этом скажу потом.

– Ваше величество, помимо дипломатических дел я собирал исторические документы, прежде всего документы о русской, славянской истории давних лет, в них много любопытного, значительного, и эти документы многое уточняют в нашей истории…

– Какое совпадение, граф! Я сейчас ничего не читаю, кроме относящегося к XIII веку российской истории. Около сотни старых летописей составляют мою подручную библиотеку. Приятно рыться в этом старом хламе. Но главное в том, что я составляю второй том родословника для российской истории. До сих пор все, кто принимался за историю России, постоянно впадали в ошибки, потому что не следовали тому родословному порядку, который мы составили. Первый том уже напечатан и считается классическим руководством для справок по российской истории. А я дошла лишь до 1321 года и остановилась, возникло столько других дел! Я около восьмисот страниц отдала в переписку. Представьте, граф, какая страсть писать о старине, до которой никому нет дела и про которую, я уверена, никто не будет читать, кроме двух педантов – один из них мой переводчик Фолькнер, другой – библиотекарь Академии Буссе.

Остальное время уходит на дела, которые с каждым годом умножаются. Вас уже ничем не удивишь, информацию об этих делах вы хорошо знаете. Возможно, граф, вы увидите, а может быть, и познакомитесь с братьями Чарторижскими, по польскому разделу к России отошли земли их отца, их имения, братья иногда бывают в Зимнем дворце, они образованные и умные, напоминают своего отца, когда он много лет тому назад бывал у меня на приемах. Два года тому назад пять недель здесь жил

королевский брат граф д'Артуа, пользовался большим почетом при нашем дворе, все с ним обращались как с королевским сыном, все старались облегчить ему его несчастную участь. Я нашла в нем все качества, которые желала в нем видеть: он одарен ясным пониманием, душою возвышенною, сердцем добрым и великодушным. Каких им еще нужно принцев? К сожалению, он ведет тот же образ жизни, что и до революции. Он любит меня как родную мать. Он всем понравился, у него горячее сердце, быстрое соображение, здравый ум, у него есть мужество и неустрашимость. Несчастье лучший наставник на свете, и право, я думаю, что Генрих IV не был опытнее его, чтоб совершить великие дела. Нужно знание четырех или пяти неоспоримых истин, все зависит от этого: если он будет их держаться, будет и удача. От нас он поехал в Ревель, там он сел на фрегат, но Англия его не приняла, кредиторы принца воспользовались тем предлогом, что у принца много долгов. Он весь в долгах, если так будет продолжаться дело, то войне не будет конца. Почему королевские братья, зная о смерти Людовика XVI и его наследника, все еще так хлопочут о щедротах жизни и увлечениях. Не могу понять… А вы, судя по всему, не хотите возвращаться в Европу?

– Ваше величество, я полностью сделал то, что вы наметили мне, отправляя в Германию, я истощил там свои силы, а во Франции происходит то, что не было даже предусмотрено революцией, королевские войска стали республиканскими, королевские братья были бессильны возглавить сопротивление революционным реформам, во Франции появился молодой генерал Бонапарт, который поведет Францию в неизвестном направлении… – Николай Петрович волновался, говорил сбивчиво. – Я, ваше величество, недавно прочитал несколько номеров «Московского журнала», в котором были напечатаны любопытные «Письма русского путешественника» Николая Карамзина, не знаю, кто таков этот Карамзин, но в своих письмах он дошел до описания Парижа как раз 1789 года. И письма почему-то закончились…

– Да, «Письма» Николая Карамзина мне показывали, я читала, согласна с вами, что русский путешественник талантлив и наблюдателен, но в наше время, когда произошла Французская революция и обезглавлены французский король и французская королева, гильотинированы десятки тысяч аристократов, снова возвращаться к прославлению Руссо и Стерна молодому писателю не подобает. Я приказала прекратить публикацию «Писем». А вы, граф, читали его же повесть «Бедная Лиза»? При нашем дворе чуть ли не все наши фрейлины прочитали эту повесть и при

каждом случае вспоминают эту бедную Лизу. Да, и крестьянки тоже любят, как и мы, дворяне, но судьбы у всех разные.

– Повесть я прочитал, хорошо написана, но чем-то напоминает повести английского Стерна или французского Руссо, хотя сюжет-то русский. Но в «Письмах» превосходно показана жизнь всей Европы, с ее правами и обязанностями, чувствуется, что свои впечатления от встреч и разговоров достоверно передает совсем еще молодой человек, не измученный тяжкими жизненными обязательствами.

– Ваше сиятельство, граф, вы так далеки были от нашей действительности, вы просто многое не знаете, вы не знаете, что в нашей жизни многое изменилось, у нас пустили корни масонские ложи, просто опутали нас, изданы книги, журналы, вы, конечно, не знаете, что арестован писатель Новиков, арестован писатель Радищев… Эти господа исконные дворяне, я читала их книжки, они пропитаны якобинским духом.

Вы знаете, граф, что два князя Голицыных принимали участие с оружием в руках во взятии Бастилии, что русский путешественник Николай Карамзин, которым вы только что восхищались, в марте 1790 года с трехцветной кокардой на шляпе восторженно приветствовал Французскую революцию, а столь же молодой граф Строганов, случайно попадая на заседание Национального собрания, записывается в члены Якобинского клуба и провозглашает: «Лучшим днем в моей жизни будет тот, когда я увижу Россию возрожденной в такой же революции». Что я могу сделать в связи с этим? Вы вот только что возобновили знакомство с графом Шуваловым, который больше десяти лет жил в Париже. Чуть ли не все просвещенные люди Франции желают быть с ним знакомыми, вступают с ним в переписку, вы посмотрите, граф, не только Вольтер, но и естествоиспытатель и писатель Бюффон, Гельвеций, Даламбер, кардинал де Берни, Жак Неккер и его жена, писательница Жанлис, госпожа Жоффрен… Вот вам, граф, начало вашей писательской работы, напишите биографию Ивана Ивановича Шувалова, я заметила, что письма Остерману и мне пронизаны литературным блеском, вот и начинайте… А работу мы вам, граф, подберем, вы ведь человек образованный, умный, деловой, куда ни пошлешь вас, будет добрая работа. К вам я по-прежнему добродетельна. Вы не можете себе представить, граф, какой трагический конфликт возник в моей империи… Вы знаете, конечно, известного поэта и сановника Гаврилу Державина.

Граф Румянцев кивнул в знак согласия.

– Но вы не знаете того, что Державин недавно стал членом особой комиссии, которой следовало заняться делом о хищении в

Заемном банке. Державин – человек опытный, честный, правдивый, я не утратила своего доверия к его беспристрастности. Из допросов чиновников банка, маклеров и иностранных купцов выяснилось, что кассир банка Кельберг складывал в сундуки запечатанные пакеты с надписью «10 000», в которых вместо ассигнаций была белая бумага, затем подделал казенную печать и попытался дать стрекача, но губернатор Архаров изловил его, а банк опечатали. Оказалось, что и граф Петр Завадовский тоже нарушал банковские правила в целях собственного обогащения. Возможно, мне придется освободить графа Завадовского от его должности. Ишь, граф, как я разговорилась от того бремени, которое давит на меня… Прощайте, граф.

Граф Румянцев откланялся, поцеловав руку императрицы, и вышел из кабинета. В скором времени отыскал графа Шувалова и рассказал о том, что только что сказала императрица о его пребывании в Париже и его иностранных корреспондентах.

– Ваше сиятельство, – улыбнулся граф Шувалов, – благодарю за сказанное и вас, и Екатерину Алексеевну, должен вам сказать, что мой секретарь Маратрэ де Кюсси сделал копии этих девяноста шести писем иностранных корреспондентов и поместил их в альбом в красном переплете. Если вам будет угодно их прочитать или просто просмотреть, вы всегда можете это сделать, я распоряжусь.

Тетушка Анна Никитична, узнав от Николая Петровича о разговоре с императрицей, не оставила хлопот, побывала у многих родственников и знакомых, в том числе и у графа П. Завадовского, который помнил, что именно граф Петр Александрович Румянцев вытянул из Глухова неизвестного казака и сделал его крупным политическим деятелем. Он предпринял серьезные шаги по устройству судьбы Николая Петровича Румянцева, который стал сначала членом комиссии по денежным средствам, а потом по указу императрицы сменил графа Завадовского в Государственном заемном банке, что уже открывало ему место в высшем свете. Больше двадцати лет тому назад он был принят во дворце как сын полководца Румянцева и его жены статс-дамы, теперь же обеспечил себе положение в обществе своей должностью.

Граф Румянцев вглядывался в то, что происходило при императорском дворе. Радовала молодежь, особенно выделялась женская часть императорской фамилии. Вот слова Екатерины II, которая 18 февраля 1796 года описывает барону Гримму свадьбу великого князя Константина и «народное угощение, где все очень веселились»: «До сих пор я чувствую себя очень хорошо, весела и

легка, как птица, по выражению Понятовского, который так сказал генералу Пасеку, а тот сегодня передал мне его слова. Ну что ж? Для 67-ми летней женщины аттестат весьма похвальный; я вам передаю что слышала. Что вы на это скажете? Теперь женихов у меня больше нет, но зато пять невест; младшей только год, но старшей пора замуж. Она и вторая сестра – красавицы; в них все хорошо, и все их находят очаровательными. Женихов им придется поискать с фонарем, днем с огнем. Безобразных нам не нужно, дураков тоже; но бедность не порок. Хороши они должны быть и телом, и душою. Коль попадется такой товар на рынке, сообщайте мне».

Несколько лет тому назад, когда закончилась война со Швецией, Потемкин написал императрице, чтобы она сделала все возможное, чтобы привязать к себе Швецию, и посоветовал выдать одну из великих княгинь за подрастающего шведского принца. Эта идея возникла давно, невесты еще не подросли, ну а теперь самая пора. В этом граф Румянцев не раз убеждался, наблюдая за жизнью императорского двора. «Вчера на маскараде, – писала Екатерина II барону Гримму 25 февраля 1796 года, – великие княжны Елисавета, Анна, Александра, Елена, Мария, Екатерина, придворные девицы, всего двадцать четыре особы без кавалеров, исполнили русскую пляску под звуки русской музыки, которая всех привела в восторг, и сегодня только и разговору об этом и при дворе, и в городе. Все они были одна лучше другой и в великолепных нарядах. Как видите, у нас то и дело пиры. На будущей неделе начинается великий пост… Если бы вы слышали, как играет и поет великая княжна Мария, вы бы наверное расплакались. Она играет и поет еще лучше, чем ее сестры танцуют менуэт; а это много… *13 мая.* Вчера я провела целый день у обер-шталмейстера Нарышкина. Я отправилась в два часа пополудни в карете вместе с великими княжнами Александрой и Еленой; за мной ехали великие князья Александр и Константин с своими супругами. Ехали мы (из Таврического дворца на конец Мойки, где находится новый дом обер-шталмейстера, заменяющий ему весной Таврический дворец) почти целый час, так как это совсем на другом конце города. Мы нашли прекрасный дом, великолепный обед и прекрасный сад, в котором изобилие цветов. За обедом все были очень веселы, а после обеда молодежь начала прыгать и плясать, так как было слишком ветренно для прогулки. К вечеру танцующих еще прибавилось, и они протанцовали до девяти часов. Тогда я уехала с моими девицами. Мы приехали домой в четверть одиннадцатого, и так устали (я, хотя и не танцовала, и оне, потому что много танцовали), что сейчас же легли спать, т. е. я и мои красавицы.

Господи, Боже мой! Если бы вы знали, как я ненавижу всех этих агрономов, сельских хозяев, которые и сохи-то никогда в руки не брали, вы бы не стали толковать со мной ни о г. Иенише, ни о милорде Финдлатере; а крестьяне русские их ненавидят еще больше моего, и они правы. Что годится для клочка земли не больше моей комнаты, не годится для необозримых наших полей; у нас крестьяне привыкли с большим трудом добывать все необходимое для жизни, и они же доставляют другим государствам рогатый скот и лошадей. Видали мы англичан-хлебопашцев, но подражать им не станем: у нас другой климат, другие условия жизни. Знаете, что было бы с мнимым хозяином Иенишем, если бы ему дать управлять в одном из казенных имений? Крестьяне отправили бы его на тот свет с агрономией, которая ни на что ни годна, вот и все. Предоставьте нас самим себе: мы производим и продаем больше хлеба, чем все остальные государства Европы, взятые вместе; так как же вы хотите, чтоб мы брали в образец крохотную Англию? На великана не напялишь платье карлика. Кроме того, нигде так не возрастает сельское и городское народонаселение, как у нас; я боюсь сказать, но ведь правда, что в мое царствование оно удвоилось. У нас не умирают от голода, а больше от отягощения желудка. У нас не видно худощавых людей и нет нищих. Если у нас кто просит милостыни, то от лени; сами крестьяне это говорят, а они так гостеприимны, как никто на свете» (РА. 1878).

Вскоре граф Румянцев стал сенатором, затем, 8 мая 1796 года, назначен членом особого Комитета по изысканию средств для удовлетворения государственных потребностей. Членами этого Комитета среди прочих были князь Платон Зубов, граф А.А. Безбородко, граф А.Н. Самойлов.

Летом 1796 года Николай Петрович по делам службы оказался в Царском Селе. Как-то во время прогулки встретился с Екатериной II, которая неожиданно напомнила ему, что они давно не обсуждали важные вопросы внутренней и внешней политики, и пригласила графа зайти к ней в кабинет в любое время. Цесаревич Павел Петрович с Марией Федоровной тоже были в Царском Селе. Мария Федоровна была на последнем месяце беременности.

25 июня 1796 года рано утром все придворные в Царском Селе были в крайнем возбуждении – великая княгиня Мария Федоровна родила третьего сына.

Через несколько дней после трудных родов Марии Федоровны графа Румянцева пригласили в кабинет императрицы.

– Вы, конечно, слышали, граф, о наших ночных приключениях третьего дня, – с улыбкой сказала Екатерина Алексеевна. – Мария

Федоровна в три часа утра родила такого громадного мальчика, что мы просто онемели от удачи, что это произошло, мы его назвали Николаем. Голос у него бас, кричит он удивительно громко, вы представляете этого мальчика, аршин без двух вершков, а руки чуть поменьше моих. Никогда такого рыцаря не видела. Если он будет продолжать, как начал, то братья его окажутся карликами перед этим колоссом. Я ведь присутствовала при рождении всех детей великой княгини.

Николай Петрович оживленно, полный внимания слушал императрицу.

– Вы его с балкона показывали, все с восторгом отзываются о мальчике.

– Не чувствую себя старой, граф, но, глядя на великую княгиню, которой едва исполнилось тридцать шесть лет и которая безустанно рожает наследников российского трона, радуюсь тому, что трон российский в XIX веке становится мужским занятием. Да и подумайте, граф, мое состояние, принимаю роды, а сама размышляю о событиях в далеком Азербайджане, в Персии, думаю о графе Валерьяне Зубове, который только что взял Кубань, а во время похода к Бакинскому порту, когда он взял Дербент, в наш лагерь приехала в сопровождении множества женщин принцесса Переджи-шанум, первая красавица и умница между персидскими принцессами. Не удивляйтесь, граф, она была вся закутана покрывалом, были видны лишь ее чудные глаза. Оказывается, она приехала к графу Зубову просить за брата, дербентского хана, который оказался в плену, убеждала, что он молод и совершил ошибку по наущению дурных советников… Граф Зубов принял решение, что принцесса станет правительницей владений брата.

– Говорят, ваше величество, великий князь Николай так много ест, что окружающие диву даются.

– Ни с кем из детей у меня не было столько возни. Недавно стали кормить его кашкой. Это неслыханное дело для ребенка, которому всего несколько дней. У нянек просто руки опускаются от удивления. Если так будет продолжаться, придется к шести неделям отнять его от груди. Он смотрит на всех во все глаза, а голову держит прямо и поворачивает ее не хуже моего.

– Великому князю Николаю Павловичу светит лучезарное будущее. А меня, ваше величество, поражает другой богатырь, дворянин-корсиканец, двадцатисемилетний генерал Наполеон Буонапарте. Директория назначила его командующим французской армией, после выигрыша нескольких сражений у австрийцев он за год с боями прошел по всей Италии, жестоко подавляя бунтующих итальянцев. Он прошел по территории

Венецианской республики, оккупировал Верону, которая до недавнего времени приютила у себя графа Прованского, провозгласившего себя Людовиком XVIII после гибели в тюремном застенке Людовика XVII, законного сына Людовика XVI…

– Господи, какая трагическая история свершается на наших глазах, и это все наследники великого французского короля Генриха IV! Недавно граф Семен Романович Воронцов сказал прямо графу д'Артуа, что нечего ездить по королевским домам и побираться, когда в жилах течет кровь Генриха IV, надо мечом добывать свои права. Да и мне самой приходилось то же самое не раз говорить по адресу графа Прованского. Вместо того чтобы искать теплое местечко в Европе, пусть едет в стан фельдмаршала Суворова, который ему не стоило бы покидать. Ему надо быть при армии, и, по-моему, всякое другое пребывание менее для него прилично. Я потребую, чтобы корпус принца Конде присоединился к нашему. Курьеры отправлены у меня в Берлин, Вену и Лондон. У меня готово 60 тысяч человек, будет чем поколотить зложелателей. Вы посмотрите, граф, вся Франция хочет короля. Между тем, если не будет короля прирожденного, возникнут бесконечные партии, пока, наконец, явится государь по праву, следовательно, будет государь, но… Это страшная задача! Сегодняшним наследникам французского трона хочется, чтобы прямо в рот летели к ним жаворонки совсем жареные. Дай Бог, чтобы все это не оказалось плутнею, о чем зложелатели уже разносят слухи. В настоящую минуту всякому нужны запасы. У них, у принцев, они были огромные; а что они из них сделали? Они жили величаво, широко и все успели съесть, а от деятельности – одна болтушка. На первых порах у них было 8 миллионов; я одна доставила им слишком полтора миллиона рублей, на первый год (РА. 1878. С. 239–240). А о генерале Буонапарте я много слышала от разных эмигрантов, одни хотят его расстрелять, другие возводят его в королевский сан: он умен, талантлив, скор на расправу со зложелателями. Но поживем, может быть, и увидим, чем кончится Французская революция.

В Царском Селе Румянцев пробыл еще несколько дней, а когда Мария Федоровна пришла в себя, навестил ее в личных покоях. Она была одна, только что унесли великого князя Николая, и разговор преимущественно велся вокруг недавних событий.

– Ваша светлость, граф, по старой дружбе доверюсь вам, прочти. – Мария Федоровна протянула Николаю Петровичу бумагу, которую он быстро прочитал: императрица просила великую княгиню поддержать ее просьбу потребовать от великого

князя Павла Петровича добровольно отречься от прав на престол в пользу великого князя Александра Павловича, а великая княгиня Мария Федоровна должна поставить свою подпись под этим документом. Прочитав, Николай Петрович отрицательно покачал головой. Мария Федоровна молчаливо спрятала эту лихую бумагу.

Вскоре Царское Село опустело: сначала Павел Петрович сразу после крещения Николая уехал в Павловск, а затем и Мария Федоровна с великим князем Николаем на руках – бабушка, занятая старшими внуками, доверила наконец-то родителям воспитывать своего третьего сына, поверила, столько великих княжен прошло через руки родителей.

Екатерина II в середине августа 1796 года уехала в Петербург на встречу с шведским 17-летним королем Густавом IV и его дядей-регентом Карлом Зюдерманландским, они прибыли под вымышленными именами графа Гаги и графа Вазы.

В придворных кругах Петербурга поговаривали, да и Николай Петрович давно знал, что императрица намерена выдать великую княжну Александру замуж за шведского короля, а княжна Александра была очень близким графу человеком, ведь о ней так подробно писала Мария Федоровна в одном из нежнейших писем тринадцать лет тому назад.

Почти месяц балы и праздничные вечера шли бесконечной чередой, Густав и Александра постоянно танцевали друг с другом, беседы их были длинны, ясно было, что Густав и Александра были влюблены друг в друга, а деловые люди договаривались о тонкостях брачного союза. Карл Зюдерманландский всего лишь несколько лет тому назад командовал шведским флотом и мечтал поставить на колени Петербург, отобрать Финляндию, заставить своенравную властительницу Российской империи просить мира, а в итоге сам был разбит русским флотом, шведам, наоборот, пришлось просить мира, так вот повернулась к нему его судьба.

С обручением все складывалось, как задумывали, конечно, великая княжна Александра уж слишком молода, года два-три вполне можно было подождать, пока Александра обретет женственность, но и время не ждет, где еще найдешь такого жениха, как шведский король. Екатерина II жалела, что поторопилась с женитьбой великого князя Константина, на которого столько возлагалось надежд и упований, а после свадьбы Константин вызывает только раздражение, она так устала от Константина, он выбрал из трех принцесс Юлию, очень хорошенькую, ей всего лишь четырнадцать, ему шестнадцать, сумеют ли они поладить… Константин приходил на завтрак в

десять утра с невестой. Приносил барабан и трубу, ее заставлял на клавесине играть марши, а сам следовал за ней на своих шумных инструментах. Пока это единственное проявление любви к невесте и жене. Иногда, как говорят, он крутил ей руки и бил, как непослушного ребенка. Да, женила подростка, капризного, взбалмошного, неуправляемого, увлечен лишь игрой в барабан и дудку и при этом хорошо знает, что барабанный шум раздражает ее, мешает работать, уж не говоря о том, что однажды он зарядил живыми мышами пушку и стрелял, тут уж императрица в недоумении вспомнила покойного Петра III, деда Константина, который был горазд на безобразные выдумки…

Екатерина II хорошо знала, что в 1792 году трагически погиб король Густав III; в результате заговора на костюмированном балу в короля выстрелил начальник королевской гвардии граф Анкарстрём. На королевский престол взошел четырнадцатилетний Густав IV, герцог Карл Зюдерманландский стал регентом. Сейчас король подрос, пора жениться. Пусть сделает выбор сама Александра, она не будет принуждать, она никогда не завяжет этот узел, если он не станет результатом личного знакомства и взаиморасположения. Из-за слепой нежности к внучке и из-за желания видеть ее королевой Швеции она никого не будет принуждать к браку. Необходимо, чтобы Александра и Густав IV нашли свое счастье, это является предметом всех ее молитв и самой трепетной заботы. Но, не дожидаясь их личного согласия, Екатерина II приказала обучать Александру шведскому языку, а в Швецию отправила церковную утварь и резной иконостас по православному образцу, чтобы внучка по-прежнему молилась в своей православной церкви. Густав IV был помолвлен с принцессой Мекленбург-Шверинской, но вскоре эту помолвку расторгли. Одновременно Екатерина II направила Суворова с командой к границам Швеции якобы на проверку границ, но герцог Зюдерманландский понял намек императрицы.

О сложностях и противоречиях в отношениях со шведскими посланниками Екатерина II писала барону Гримму: «Пусть регент ненавидит меня, пусть ищет случая и обмануть – в добрый час! – но зачем он женит своего питомца на безобразной дурнушке? Чем король заслужил такое жестокое наказание, тогда как он думал жениться на невесте, о красоте которой все говорят в один голос?»

Но в день обручения, 11 сентября, все рухнуло: король потребовал, чтобы Александра отказалась от православия и приняла его лютеранскую веру. А это было невозможно. Удар для императрицы был чрезвычайным, ничего подобного она не

переживала со времени восшествия на престол. Она впервые почувствовала сильное недомогание. 12 сентября Павел Петрович и Мария Федоровна уехали в Гатчину. 20 сентября вся шведская делегация покинула Петербург.

После такого потрясения Екатерина II еле пришла в себя. Во время своего недомогания она пришла к выводу, что пора решить главный вопрос, который последнее время постоянно тревожит ее, – вопрос о престолонаследии. И высказала все свои тревоги и волнения любимому внуку Александру Павловичу. Прямого ответа не было, но получила письмо Александра Павловича от 24 сентября 1796 года: «Ваше императорское величество, я никогда не буду в состоянии достаточно выразить свою благодарность за то доверие, которым ваше величество соблаговолили почтить меня, и за ту доброту, с которой изволили дать собственноручное пояснение к остальным бумагам. Я надеюсь, что ваше величество, судя по усердию моему заслужить неоцененное благоволение ваше, убедитесь, что я вполне чувствую все значение оказанной милости. Действительно, даже своею кровью я не в состоянии отплатить за все то, что вы соблаговолили уже и еще желаете сделать для меня. Эти бумаги с полной очевидностью подтверждают все соображения, которые вашему величеству благоугодно было недавно сообщить мне и которые, если мне позволено будет высказать это, как нельзя более справедливы. Еще раз, повергая к стопам вашего императорского величества чувства живейшей благодарности, осмеливаюсь быть с глубочайшим благоволением и самой неизменной преданностью. Вашего императорского величества всенижайший, всепокорнейший подданный и внук *Александр*». Читая это письмо, в котором много слов, но мало надежды на исполнение, Екатерина подумала, что не раз в разговоре с Александром не получала прямого ответа на поставленный вопрос: «Если я говорю с ним о чем-нибудь дельном, он весь внимание, слушает и отвечает со спокойной готовностью, если я заставляю его играть в жмурки, он играет.

Вот и на этот раз… Одним словом, этот мальчик соединяет в себе столько противоречий, что не сразу разберешься в нем». Екатерина II хорошо знала, что Александр часто бывает в Гатчине, беседует с отцом и матерью, невольно подпадает под влияние их мыслей. То, что не смог сделать де Лагарп, сделал генерал А.Я. Протасов, который, по словам Павла Петровича и Марии Федоровны, «возвратил им сына». Воспринимая письмо Александра как согласие на государственный переворот, Екатерина II надеялась огласить рескрипт о передаче престола внуку Александру Павловичу в случае ее смерти. Но смерть

императрицы пришла неожиданно: она скончалась 6 ноября 1796 года.

В Гатчину один за другим прибывали курьеры с печальным известием. За каретой Павла Петровича следовали десятки карет с курьерами, которых посылали придворные. 6 ноября все бумаги, в которых говорилось о государственном перевороте, были найдены и сожжены. В поисках этих бумаг помогали граф Безбородко и граф Платон Зубов.

Книга вторая
При правлении императора Павла I

Часть первая
Перемены в обществе и политике

«Никогда еще не бывало такой быстрой смены всех декораций, как это произошло при восшествии на престол Павла I, – вспоминал Адам Чарторижский. – Все изменилось быстрее, чем в один день: костюмы, прически, наружность, манеры, занятия. Воротники и галстуки носили до тех пор довольно пышные, чересчур закрывающие нижнюю часть лица; теперь их моментально уменьшили и укоротили, обнажив тонкие шеи и выдающиеся вперед челюсти. Раньше в моде была элегантная прическа на французский лад: волосы завивались и закалывались сзади низко опущенными. Теперь их стали зачесывать прямо и гладко, с двумя туго завитыми локонами над ушами, на прусский манер, с завязанными назад у самого корня пучком; все это было обильно напомажено, напудрено и напоминало наштукатуренную стену. До сих пор щеголи старались придать своим мундирам более изящный вид и охотно носили их расстегнутыми. Теперь же с неумолимой строгостью вводилось платье прусского покроя, времен старого Фридриха, которое носила гатчинская армия. Парад сделался главным ежедневным занятием, и на этих парадах разыгрывались самые важные события, под влиянием которых император на всю оставшуюся часть дня становился довольным или раздраженным, снисходительным или расточающим милости или строгим и даже ужасным» (*Князь Адам Чарторижский.* Воспоминания и письма. М., 2010. С. 102).

Согласно своей должности камергер граф Румянцев присутствовал во дворце, был свидетелем того, как умирала Екатерина Великая, как появился великий князь Павел Петрович и бросился к лежавшей в центре зала матери, рыдая, целовал ее руки, в великой горести подошла и великая княгиня Мария Федоровна.

Николай Петрович заметил и великих князей Александра и Константина в гатчинских мундирах, что резко контрастировало с одеждой и мундирами петербургского двора. Сначала это поразило графа, который обратил внимание на эти мундиры во время пребывания в Гатчине на приеме у великого князя Павла Петровича, даже высказал свое удивление Марии Федоровне, которая, впрочем, смирилась, оставила попытки противодействовать пристрастию мужа к прусским образцам.

6 ноября Павел Петрович, еще раз спросив докторов, есть ли хоть малейшая надежда на выздоровление матери, и получив

отрицательный ответ, вызвал преосвященного Гавриила с духовенством читать глухую исповедь и причастить императрицу Святых Тайн.

Затем, как свидетельствуют источники, Павел вызвал обер-гофмейстера графа Безбородко, генерал-прокурора графа Самойлова, великих князей Александра и Константина и, потребовав императорскую печать, вскрыл кабинет императрицы, где приказал собрать все императорские бумаги и сложить их в особое место. То же самое произошло и с бумагами графа Платона Зубова.

Вечером 6 ноября 1796 года Екатерина II скончалась. В двенадцатом часу ночи высшее духовенство, сановники и придворные чины присягнули на верность императору Павлу Петровичу и наследнику престола Александру Павловичу.

Среди сановников присягнул императору Павлу I и граф Николай Румянцев. Присягнув, он видел, как к телу покойной императрицы, лежавшей на столе в центре комнаты, подошла императрица Мария Федоровна и занялась, как свидетельствуют источники, одеванием усопшей и уборкой ее комнаты. Тело было покрыто золотым глазетом. Вскоре началось чтение Святого Евангелия.

Сколько разных мыслей промелькнуло у графа Николая Петровича! Вспомнил он, как на разные темы они разговаривали с Павлом Петровичем, который ничего не скрывал от него и во время придворной службы Румянцева десятки лет назад, и во время заграничного путешествия, и потом, во время встреч и во время их переписки. Николай Петрович высоко ценил ум и такт императрицы, одобрял проводимую ею внешнюю политику; она не проиграла ни одного сражения, она раздвинула границы Российской империи, приобрела Крым, российские земли, которыми владела Польша. Однако были и противоречия… тяготилась крепостным правом крестьян, но ничего не сделала для их освобождения, возвысила дворянское сословие, но мало что сделала для третьего сословия, а третье сословие становится одной из ведущих сил государства, как во время Французской революции.

Императорскому двору стали известны первые шаги Павла как императора. Он вызвал Ростопчина и сказал:

– Ты устал, и мне совестно перегружать тебя, но мучает меня один вопрос, который не дает мне покоя. Графа Алексея Орлова не было на присяге. Возьми Архарова, поезжай к графу и приведи его к присяге. Его не было во дворце, а я не хочу, чтобы он забывал 28 июня 1762 года, когда совершился государственный переворот и отца отстранили от престола, а мать взошла на него.

Это братья Орловы возвели матушку на престол. Потом расскажешь, как у вас дело сделается.

На Васильевском острове, куда прибыли Ростопчин и Николай Петрович Архаров, их принял больной граф Орлов. Вставши с постели, узнав о смерти императрицы, расплакался и, утирая слезы, сказал:

– Господи! Помяни ее в царствии твоем. Вечная ей память! И как мог усомниться император Павел в верности ему?! Я служил матери, служил и наследнику, служил отечеству нашему, присягал наследнику, присягну и императору.

И готов был идти в церковь. Но Ростопчин тут же вытащил бумагу, в которой была готова присяга, и попросил расписаться под присягой.

Но граф Орлов воскликнул:

– Нет, милостивый государь, я буду и хочу присягать государю пред образом Божиим!

Он снял образ со стены, взял зажженную свечу, твердым голосом прочитал присягу и приложил к ней руку. Ростопчин и Архаров знали о роли Орлова в убийстве императора Петра III, знали и о том, что император Павел мог жестоко покарать графа за это убийство, но у того не заметили ни трусости, ни подхалимства перед императором.

Эти вести быстро разнеслись по петербургскому дворцу, как и известие о том, что гатчинский образ жизни с первого же дня, 7 ноября, внедрился в дворцовый обиход. В девятом часу Павел Петрович совершил первый верховой выезд в город в сопровождении цесаревича Александра Павловича, а затем, в одиннадцатом, присутствовал при первом вахтпараде, или разводе. С этого дня вахтпарад приобрел значение важного государственного дела и сделался на многие годы непременным ежедневным занятием русских самодержцев.

По свидетельству очевидца Саблукова, «явились новые лица, новые сановники. И как они были одеты, о боже! Несмотря на все наше горе по случаю кончины императрицы, мы от смеха держались за бока при виде этого маскарада. Великие князья Александр и Константин явились в своих новых мундирах; они напоминали собой старые портреты немецких офицеров, вышедших из своих рамок» (*Шильдер.* С. 236).

Павел Петрович называл пароль цесаревичу Александру, Александр передавал его Аракчееву, а тот следил за порядком исполнения. При этом гатчинцы исполняли одни команды, а гвардейские солдаты другие, и эта разница вызывала недоумение, возникала ругань, звучали бессмысленные угрозы.

8 ноября император Павел пожаловал Н.И. Салтыкова чином

фельдмаршала, Ростопчина – бригадира, полковников Кушелева, Аракчеева, Обольянинова произвел в генерал-майоры, подполковника Кологривова – в полковники, подписал приказ, чтобы все отпускные гвардии офицеры непременно явились в срок в свои полки, а камер-юнкеры, камергеры, числившиеся офицерами в полках, но не исправлявшие должности, исключались из полков. 9 ноября Павел I издал указ о пожаловании чина фельдмаршала князю Репнину, далее – адъютанту его величества императора присвоить звание подполковника, а его величество император сохраняет звание генерал-адмирала во флоте.

10 ноября Павел I и цесаревич Александр за Обуховским мостом встретили гатчинские войска и во главе их прибыли на Дворцовую площадь. Император поблагодарил войска за верную службу и преданность:

– Благодарю вас, мои друзья, за верную ко мне службу, и, в награду за оную, вы поступаете в гвардию, так же и господа офицеры чин в чин.

На первых порах такое решение императора вызвало недоумение и недовольство. Н.А. Саблуков вспоминал: «Что за офицеры! Какие странные лица! Какие манеры! И как странно они говорили! Все они были малороссы. Легко представить себе впечатление, произведенное всем этим на общество, состоящее из ста тридцати двух офицеров, принадлежащих к лучшему русскому дворянству. Все новые порядки и новые мундиры подверглись свободному разбору и почти всеобщему осуждению. Но мы вскоре убедились, что о каждом слове, произнесенном нами, доносилось куда следует. Какая перемена для полка, который до тех пор славился своим высоким тоном, согласием и единодушием» (*Шильдер.* С. 239).

Жизнь гвардейцев круто изменилась. Если раньше, при Екатерине II, они ездили в театры, на балы и приемы в обществе, ходили во фраках, то теперь с утра до вечера на полковом дворе «учили нас всех, как рекрутов». Учиться пришлось всем, генералы и офицеры не имели представления о старом прусском воинском уставе и гатчинских экзерцициях, а знать полагалось, даже фельдмаршал Репнин посещал класс обучения для офицеров и обер-офицеров.

Николай Петрович Румянцев был все время на виду. И во время похорон, и во время поминовения императрицы был все время на глазах и у императрицы Марии Федоровны, и императора Павла I. Они не забыли преданности умного и талантливого человека. 16 ноября 1796 года граф Румянцев был пожалован чином гофмейстера, не успел освоиться с этим чином,

как последовало следующее назначение: 22 ноября граф Румянцев получил звание обергофмейстера и чин действительного тайного советника.

8 декабря 1796 года от апоплексического удара скончался генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев. Император Павел I приказал всю армию облечь в траур на три дня. Траурные дни проходили и в Зимнем дворце. Братья Румянцевы принимали сочувственные отзывы родных, близких, придворных, не говоря уж об императорской чете и великих князьях. В январе 1797 года Румянцевы были в Киеве на похоронах отца, великого русского воина и дипломата. Фельдмаршал Румянцев был погребен в Киево-Печерской лавре 8 января 1797 года.

25 февраля Павел I приказал соорудить обелиск в память побед фельдмаршала Румянцева на площади у Летнего сада.

Вскоре братья Румянцевы, получив наследство отца, стали богатейшими людьми России.

Павел I много лет наблюдал, как при царствовании Екатерины II, его родной матери, русское общество, и особенно придворное императорское общество, разлагалось под влиянием внутренних и внешних противоречий, под влиянием барственно-женского управления, когда меняющиеся любовники матери уходили с поля любви полновластными хозяевами миллионных земельных наделов и с набитыми золотом карманами. Он же, наследник, готовый к деятельности военной или гражданской, оставался в тени, ограничивая поле своей деятельности гатчинским двором. В переписке с близкими друзьями он делился своими мыслями, а во время своего длительного путешествия по Европе высказывал мысли вслух державным властителям. И вот теперь перед ними открылось поле настоящей деятельности.

С 1762 года, когда мать взошла на престол, а его отец погиб от рук ближайших сподвижников императрицы, он испытывал неприязнь, а порой и ненависть к тому, кто помог матери. Хорошо, что сейчас в архиве покойной императрицы он увидел записку Алексея Орлова, в которой тот признавался, что он виновен в смерти его отца, императора Петра III. Павел много лет думал, что убийство произошло по приказу Екатерины II, слава богу, это не так.

Павел I занял покои, отведенные ему, как великому князю. Ему не нужна излишняя роскошь, он будет жить так же, как всегда, ничего лишнего, он солдат, он привык к простоте.

Павел I хорошо понимал своих сыновей, они бывали в Гатчине, знали тамошние порядки. Но сыновья возвращались в

Петербург, где Александр и Константин подчинялись уже другим правилам, ставшим традиционными при императорском дворе.

В письмах барону Гримму Екатерина обычно писала только об одной добродетельной стороне характера внуков. «Господа Александр и Константин на руках у генерала Салтыкова, который, равно как и все окружающие их, во всем следуют моим правилам и предписаниям, – писала Екатерина II барону Гримму 25 апреля 1785 года. – И в самом деле, они оба восхитительно красивы собой, видны, сильны, здоровы, умны, послушны; словом, на них можно любоваться. Я убеждена, что Александром будут всегда совершенно довольны. В нем с чрезвычайной ровностью характера соединяется приятность, удивительная в его возрасте. Лицо у него открытое, улыбающееся и приветливое; воля его всегда хорошо направлена; он желает успевать и успевает во всем выше своих лет;

он учился ездить верхом, читает и пишет на трех языках, рисует и все делает без принуждения; пишет он всегда что-нибудь относящееся к истории или географии, или какие-либо избранные изречения или что-нибудь веселое; сердце у него превосходное…» (РА. 1878. С. 109). Или Екатерина II с восторгом наблюдает, как Александр, взяв ее комедию «Обманщик» и смастерив себе круглый парик из куска ваты, начинает представлять одну сцену с тремя действующими лицами: «Мы просто глазам не верили, глядя на то, что он выделывал, и при этом помирали со смеху. Никогда никто не учил его драматическому искусству» (Там же). И не раз еще в различных письмах и воспоминаниях Екатерина II укажет на положительную характеристику великого князя Александра. Это ее ученик, ее воспитанник, ее последователь на троне. Но она горько ошиблась.

Великие князья Александр и Константин удостоились похвалы императора за то, что справились с его указаниями.

Среди тех, кого кончина императрицы поразила больше всего, была и великая княгиня Елизавета Алексеевна. Александр стал наследником престола. Многие надеялись, что он, как любимый внук императрицы, будет сохранять устойчивые традиции века, но все тут же было предано поруганию и коренной ломке. Останки императора Петра III были извлечены из гробницы в соборе монастыря Александра Невского, доставлены в Зимний дворец и выставлены рядом с гробом Екатерины II.

Целый месяц длилось захоронение двух императоров российского престола: 19 ноября тело Петра III было вынуто из гробницы, после чего доставлено в Большую церковь Зимнего дворца, затем поставлено на том же катафалке, где стоял и гроб с телом императрицы, последовавшая духовная церемония

происходила над двумя телами, 5 декабря состоялась церемония перенесения до Петропавловского собора, 15 декабря, в сороковой день, при гробах была совершена панихида, 18 декабря тела были преданы земле в соборе.

Одновременно с этим все заметные люди Гатчины, где много лет управлял великий князь Павел Петрович, получили высшие должности при императорском дворе.

Но кому-то пришлось нелегко. Графиня В.Н. Головина вспоминала:

«Можно себе представить, как тяжело отозвались на великой княгине Елизавете новые условия жизни. К тому же она иногда подвергалась обращению и вспышкам, которых до того никогда и во сне не видала. Я приведу только два примера. Известно, что одним из самых серьезных проступков в глазах императора было опоздание. Однажды вечером, когда была назначена поездка в Смольный, обе великие княгини, одетые и совершенно готовые сесть немедленно в карету, дожидались в комнатах великой княгини Елизаветы, когда за ними придут. Они поспешили отправиться к императору, как скоро от него получили приглашение. Как только государь вошел, он взглянул на них пристально и гневно и сказал императрице, указывая на великих княгинь: «Вот поступки, которые не полагаются; это привычки прошлого царствования, но оне не из лучших. Снимите, дамы, ваши шубы и надевайте их не иначе, как в передней». Это было сказано сухим и обидным тоном, свойственным императору, когда он бывал не в духе.

Второй пример в том же роде случился в Москве, в самый день коронации. Все были одеты соответственно церемонии: в первый раз появились парадные платья (заменившие национальный костюм, принятый при Екатерине). Для пополнения своего туалета великая княгиня Елизавета артистически перемешала прелестные свежие розы с брильянтовым букетом, приколотым у нее сбоку. Когда она вошла к императрице, до начала церемонии, государыня окинула ее взглядом с головы до ног и, не сказав ей ни слова, грубо сорвала свежие розы с букета и бросила их на землю: «Это не годится при парадных туалетах», – сказала она. Великая княгиня стояла пораженная и была более удивлена, действительно, не совсем приличными манерами, особенно в данную минуту (в момент помазания и причастия), чем опечалена неудачей своего букета. Контраст обращения, постоянно спокойного, полного достоинства и величия прошлого царствования, с волнением в безделицах и часто резким обращением, которое она теперь имела перед глазами, поражал великую княгиню в высшей степени». Но это

были «мелочи» императорского двора.

Павел I обращал внимание не только на подобные «мелочи», в первые месяцы царствования он увидел дикие противоречия между внешним и внутренним, между внешним блеском императорского быта и бездарным управлением Российской империей. То, о чем он предполагал в своих раздумьях и письмах, осуществлялось в действительности. За 34 года царствования Екатерины II установилась своя правительственная система, на министерских постах сановники сидели по тридцать и больше лет, вместе с министрами старела и система, ушел Потемкин, ушли в мир иной Вяземский, Бецкий, фельдмаршал Румянцев, пришли другие, но система и прежние обычаи остались. А многие из этих обычаев способствовали лени и праздности. И весь императорский двор понимал, что Павел Петрович все устоявшееся будет ломать, крушить, изгонять лень и праздность.

Николай Петрович быстро вошел в придворную императорскую жизнь, проник в тайны семейного союза императора, узнал подробности о фрейлине Нелидовой, внешне несимпатичной, но обаятельной и умной собеседнице, узнал об ее возвышении в глазах наследника престола, узнал и о ее удалении в монастырь; как маятник она качалась от императорского двора в монастырь, а из монастыря – снова в императорский двор.

Павел I с лихорадочной быстротой просматривал личный архив императрицы. Он не мог понять, почему императрица затеяла войну с Персией, договорилась с Австрией воевать против Франции, ведь только что закончились сокрушительные войны против оттоманов, только что освоили Крым, воздвигли Одессу, Николаев, Херсон, столько дел внутри империи, а ее снова потянуло на расширение и без того огромной территории. А главное – она успела подписать указ о новом рекрутском наборе.

Император Павел I тут же издал указ об отмене рекрутского набора. И еще, и еще набегали дела, не хватало двадцати четырех часов в сутках. Случалось, что по его приказанию начиналось исполнение повелений, но делалось это из рук вон плохо. Николай Петрович Архаров, 56-летний гражданский генерал-губернатор Санкт-Петербурга, казалось бы опытный и мудрый чиновник, приказал своим подчиненным бегать за каждым жителем в круглых шляпах и уничтожить эту моду. Но император обмолвился об этом между прочим, хорошо бы истребить, мол, но по приказу губернатора чуть ли не двести солдат и драгун, разделенных на несколько групп во главе с капралами и унтер-офицерами, бегали по улицам и срывали с проходящих круглые шляпы и уничтожали их, у фраков обрезывали отложные воротники, жилеты рвали произвольно, как кому вздумается, и

чуть ли не в один день указание императора было исполнено! И это выдали за бред сумасшедшего императора.

Павел I, узнав об этих происшествиях на улицах Петербурга, пришел огорченный к Марии Федоровне, которая увлеченно что-то обсуждала с Екатериной Ивановной Нелидовой, недавно вызванной из монастыря, и обер-гофмейстером графом Румянцевым.

– А мы только что говорили об этом, – сказала Мария Федоровна, – ведь просто до смешного доходят действия солдат и младших офицеров, и все указывают на то, что это приказания неуемного императора.

– Разве я дурак, чтобы отдавать такие приказания?!

– Я только что говорила Екатерине Ивановне и Николаю Петровичу, что Архаров – просто негодяй, если так примитивно понял вами брошенные слова о «французской заразе», которая распространилась в Петербурге и которую надо вытравить.

– Нет, такой чиновник не может быть гражданским генерал-губернатором, отошлю его в деревню, пусть там командует. То, что творилось при моей матушке, императрице Екатерине II, происходить не будет. К примеру, с младенческих лет записывали дворян в полки, малец ни дня не был на службе, а уже капрал, сержант, унтер-офицер, едва исполнилось тринадцать – четырнадцать – он уже подпоручик. Этот служебный разврат дворян пора прекратить… Но это все мелочи быта. В последнее время, разбирая бумаги императрицы, я увидел такие провалы, настоящие бедствия в государственной службе! 11 тысяч нерешенных дел в Сенате, страдает от произвола властей крестьянское сословие, большей частью закрепощенное и несущее на себе всю тягость государственных и земских повинностей. Бездеятельность правительственных установлений и органов, при повсеместной распущенности и отсутствии контроля, была поразительна.

Мария Федоровна внимательно слушала императора, который чуть ли не впервые посвящал ее в свои неотложные императорские дела. А может, только при Екатерине Ивановне Павел I так откровенен? Но эти догадки Мария Федоровна тут же отбросила. Она знала о давней платонической влюбленности своего мужа, говорили о большем, но она не верила слухам, которые мешали ее благополучию, заботы о дочерях и сыне Николае полностью поглощали ее.

– …Как наследник престола, я давно заметил теневые стороны правления моей матушки. Сейчас я вынужден готовить указ, в котором выражу свое недовольство внутренним положением империи. Входя по долгу нашему в различные части

государственного управления, при самом начальном их рассмотрении, увидел я и мои помощники, что хозяйство государственное за многие годы беспрерывной войны и от других обстоятельств подвержено было крайнему разрушению. Расходы превышали доходы. Что предпринять в сем трудном для государства деле? Надо исправить недостатки правления моей матушки, а потом уже думать о поправлении подобных вредных средств и преграде им на будущее время для улучшения государственного хозяйства. Во-первых, необходимо пресечь в самом начале правления хождение банковых ассигнаций, которые мы всегда признавали и признаем истинным общенародным долгом на казне нашей, во-вторых, прекратить распространение военного пламени; в-третьих, отменить рекрутский набор как тягость для подданных наших; в-четвертых, пресечь сбор провианта и фуража, сопрягавший с собою безмерное для поселян изнурение, подвергая их злоупотреблениям, которые в подобных случаях едва ли какое бдение предостеречь может… Это только дела на первых порах нашего правления. Ну а разве вы не знаете, что творится в воинских частях? С каким необузданным своевольством начальство растаскивало предназначенных на военную службу людей на домашние услуги, на поселения в собственных деревнях и на различные употребления, хотя бы и при войсках, но не для нужды и помощи оным, а для одной прихоти. Это просто возмутительно, ведь поселяне жертвовали свои усилия на оборону отечества. А уж о флоте и говорить нечего – флот ветхий, корабли большей частью оказались гнилыми, на службу неспособные.

– Ваше величество! – неожиданно заговорил граф Румянцев. – Но как же так? Ведь совсем недавно, всего лишь несколько лет тому назад, русский флот дважды победил шведов, особенно отличился адмирал Павел Васильевич Чичагов.

– А сколько лет с тех пор прошло? То-то, граф, больше семи лет. Ну, мне пора…

«Отпечаток стремительности и впечатлительности в характере нового государя, едва сдерживаемом обстоятельствами, – писал Е. Шумигорский в «Русском биографическом словаре», – нашел себе полное выражение и в государственной его деятельности, в которой он желал осуществить идеал государя, «для всех одинаково доброго и справедливого». Император Павел получил от матери тяжелое наследие. Злоупотребления фаворитов, безответственность администрации, войны с соседями, финансовые трудности, влияние французской революции на политику главных европейских держав, – все это тяготело над русским народом;

мудрая его правительница, увенчанная славою, но удрученная и горестными вокруг себя разочарованиями, и годами, начинала терять ту энергию, ту силу, кои знаменовали успехами первые годы ея царствования.

Павел Петрович ясно понимал всю трудность своего положения и необходимость, при таких условиях, действовать твердо и решительно» (РБС. СПб., 1902. С. 48).

Вскоре Петербург покрылся шлагбаумами, будками, верстовыми столбами, число лошадей в запряжках, теперь было соответственно чинам обывателя, изменились и привычная жизнь чиновников. Павел вставал в пять утра, в шесть часов утра чиновники ждали его с докладами, а в десять вечера ложился спать и жизнь в столице замирала, Вскоре жизнь Петербурга мало чем отличалась от привычного образа жизни в Гатчине.

Менялась гвардия, менялись распорядки в армии, менялись и правительственные чиновники. На первых порах оставались на своих местах граф Безбородко, граф Остерман, князь Зубов, но свои места в правительстве занимали и преданные по Гатчине чиновники – Аракчеев, Ростопчин, Плещеев, Обольянинов, Кутайсов. Павел Петрович объявил своих сыновей полковниками разных гвардейских полков, Семеновский возглавил великий князь Александр, Измайловский полк – великий князь Константин, великому князю Николаю доверил конную гвардию, при этом Александра провозгласил своим наследником, первым генерал-адъютантом, военным губернатором Санкт-Петербурга и шефом всего российского войска. Словом, наследнику престола Павел I препоручил столько дела, «что он ни минуты почти не имел его праздного и начал привыкать к трудам уже в самые юношеские лета» (*Болотов А.Т.* Любопытныя и добротныя деяния и анекдоты государя императора Павла I. М., 1875. С. 6). Из тех же «Записок» А. Болотова можно узнать, что Павел I «окружает себя новыми и ему верными и знакомыми людьми»: «К первейшим деяниям государя, по восшествии на престол, относилось и то, что он тотчас окружил себя людьми умными, проворными, имеющими дарования и ему довольно известными. В совет при себе верховнейший определил одного из лучших и вернейших своих друзей, князя Куракина; и как сей находился в сие время в Москве, то отправил в тот же час за ним курьера, который, получа письмо о том, кинулся в тот же час в сани и поскакал в Петербург. Кроме сего определил он в совет господина Васильева, человека известного всем по великим своим дарованиям…» (Там же. С. 7).

16 ноября 1796 года князь Александр Борисович Куракин был назначен вице-канцлером, 17 ноября – действительным тайным

советником, получил 150 тысяч рублей на уплату долгов и орден Святого Андрея Первозванного.

И это отличие никого не удивило. Николай Петрович Румянцев, по тому же указу ставший гофмейстером, хорошо знал, что князья Куракины – из давнего рода русской знати, еще когда один из князей Куракиных, Борис Иванович, «спальник», был послан Петром в Италию «для обучения разным наукам», выдержал экзамены, стал ближайшим сотрудником Петра Великого, исполнял дипломатические поручения, участвовал в Полтавской битве, где командовал Семеновским полком. Борис Иванович был женат на Ксении Федоровне Лопухиной, родной сестре Евдокии Федоровны, супруги царя Петра Великого. У Бориса и Ксении родился сын Александр Борисович, у Александра – сын Борис, а у Бориса – два сына, Александр и Алексей. Александр Борисович называл цесаревича Павла Петровича Павлушей, с юных лет он в Петербурге оказался под опекой дяди графа Никиты Ивановича Панина, которого называл вторым отцом, и блестящая карьера его была, в сущности, предопределена: сначала посольство в Копенгагене, потом в Пирмонте, путешествие по Германии, а в начале 1770 года он был отправлен на учебу в Лейденский университет, в котором в то время учились и братья Румянцевы. «Сколько познаний имел я случай приобрести в Лейдене! – не раз слышал граф Румянцев от князя Куракина. – До того времени я жил лишь для себя, забывая цель сего Создателя, забывая цели доброго гражданина, наконец, даже обязанности признательного сына. А теперь я – просвещенный гражданин, полезный своему Отечеству». А сколько раз князь Куракин упоминал десять обширнейших писем о заграничных впечатлениях великому князю Павлу Петровичу. Вернувшись из-за границы, он стал одним из ближайших сотрудников великого князя, был с ним во время первой женитьбы, был с ним во время второй женитьбы, подружился с Марией Федоровной, Николай Петрович часто видел его во время бесед с великим князем. И конечно, Николай Петрович не раз беседовал с князем Куракиным во время заграничного путешествия графа и графини Северных… Двор и столичное общество словно замерли под давлением многочисленных указов и постановлений, никто не ожидал, что Павел I так поторопится установить свою личную власть.

Граф Безбородко остался на своей должности, Ростопчин был назначен докладчиком по военной части, князь Репнин, давний сторонник цесаревича, был пожалован в фельдмаршалы, а бригадир Алексей Бобринский, сын Екатерины II и Григория Орлова, получил графское достоинство. Генерал-майор Аракчеев

занял во дворце покои бывшего фаворита князя Платона Зубова, генерал-адъютанты Павла I Ростопчин, Кушелев, Котлубицкий остались в своих покоях.

Иван Кутайсов, камердинер Павла I, пленный турок, был пожалован за долговременную и усердную службу в гардеробмейстеры пятого класса, стал заведующим дворцовой прислугой.

В первые дни прощания с Екатериной II обер-церемониймейстер двора Валуев получил указание императора отслужить панихиду по его родителе императоре Петре III в придворной церкви Зимнего дворца. В летописи Александро-Невской лавры записано, что 19 ноября 1796 года вынуто тело погребенного государя императора Петра Федоровича и положено в новый великолепный гроб, обитый золотым глазетом. В семь часов пополудни в Невский монастырь прибыло все императорское семейство, «к телу покойного государя изволили прикладываться его императорское величество, ее величество и их высочества, и потом закрыто было». После этого последовала панихида.

Граф Румянцев отметил, что 25 ноября император Павел, его сыновья и придворный штат во главе с обер-гофмейстером вновь появились в церкви. Павел I вошел в царские врата, взял с престола корону, сначала возложил ее на себя, а потом, сняв корону, возложил ее на гроб покойного императора Петра III (Мария Федоровна возложила корону на голову покойной императрицы, а тело ее было в тронной комнате на парадной кровати).

2 декабря от Невского монастыря до Зимнего дворца двинулась печальная процессия с останками Петра III, все армейские и гвардейские полки были выстроены вдоль этого пути, за гробом шествовали в глубоком трауре Павел I, Мария Федоровна, великие князья Александр и Константин, граф Алексей Орлов нес императорскую корону. Гроб императора Петра был внесен в залу Зимнего дворца и поставлен рядом с гробом императрицы Екатерины II. 5 декабря два гроба на колесницах с императрицей Екатериной II впереди и императором Петром III направились в Петропавловский собор в сопровождении Павла I и Марии Федоровны, за ними шествовали великие князья и высшая придворная знать. С 5 по 18 декабря 1796 года на поклонение и прощание были допущены представители различных сословий. 18 декабря останки Екатерины II и Петра III после панихиды были преданы земле в присутствии императора Павла и всей императорской семьи.

Особенно сокрушался о смерти императрицы граф

Безбородко, его утешали, говорили о том, что новый император благосклонно и лестно отзывается о его деятельности, но это не утешало возвеличенного сановника. Болотов в своих «Записках» писал: «К числу наиболее о кончине покойной императрицы плакавших и искренно сокрушавшихся принадлежал первейший ея министр, известный граф Безбородко. Сей человек и имел к тому причины. Будучи монархинею извлечен из ничтожества, удостоен величайшей милости и доверенности, осыпан, так сказать, с головы до ног безчисленными благодеяниями, возведен на высочайшую почти степень достоинства и славы, обогащен до избытка и содержим так, что он, при всей своей многотрудной должности, мог однако наслаждаться и всеми приятностями жизни, пользоваться прямо счастливою жизнию, натурально должен был чувствовать, сколь много потерял он чрез кончину августейшей своей благодетельницы и производительницы всего счастия его. Он и изъявил непритворные чувствования свои такими слезами, таким сокрушением и горестью и таким надрыванием даже себя печалию и рыданиями, что сам государь об нем наконец соболезновал и сам несколько раз утешать и его уговаривать его предпринимал. Но все сии утешения и уговаривания и не только сие, но и самые милости, оказанные ему уже новым монархом, и оставление его не только при прежней должности, но и самое повышение на степень высочайшую при государе и в чин генерала-фельдмаршала, не могли и не в состоянии были никак утолить горести и печали его. Он только твердил неустанно, что он лишился матери, благодетельницы, зиждительницы всего его счастия и блаженства и такой монархини, которую он никак позабыть не может, и что все его слезы и рыдания далеко недостаточны к тому, чтобы могли составить жертву его благодарности… На уверения государя, что и он к нему будет милостив, ответствовал он, что о сем не сомневается он нимало; но самому ему не можно уже так государю служить, как служил он покойной императрице. Почему ж так? спросил государь, удивившись. Потому, отвечал Безбородко, что все мои лучшие лета уже миновали; и теперь я уже одряхлел, состарелся и не в силах переносить тягости и трудов, сколько нужно будет при служении вашему величеству, и сколько бы я хотел переносить сам, по моему усердию к вам и ревности к службе. Возложенная на меня вице-канцлерская должность уже слишком для меня тяжела, и бремя сие превосходит все мои силы и возможности, почему и прошу об увольнении меня от оной».

В этом случае Безбородко говорил совершенную правду: ему трудно было служить при новом императоре. Прежде служба шла

легко и свободно: доклады начинались с 10 часов по полудни. Теперь приходилось вставать в 5 часов утра и быть готовым по первому зову явиться к монарху. Но как императору Павлу известно было, что Безбородко исправлял много лет должность первого секретаря покойной императрицы, ему доверены были все государственные дела, особенно по сношениям нашего двора с иностранными, и что, наконец, он отличался необыкновенною памятью, то государю был он крайне нужен: ему не хотелось с ним расстаться и его отпустить. Потому государь старался его всячески удержать и шутя сказал ему: «Нет, нет, Александр Андреевич, я тебя никак от себя не отпущу. Ты останься при мне, трудись по силе своей и возможности и будь, по крайней мере, моею архивою. Ты мне нужен, а чтоб тебя облегчить, то я избавлю тебя от вице-канцлерской должности» (*Безбородко*. Т. 2. С. 476).

6 декабря генерал-фельдцейхмейстер князь Платон Зубов увольняется в отставку, его место занимает генерал от артиллерии Мелиссино. Барон Унгерн-Штернберг за верность Петру Третьему получил орден Святого Александра Невского, а княгиня Екатерина Романовна Дашкова, участница заговора 1762 года, «выехала из Москвы в дальние свои деревни». «Между тем перемены продолжали идти с неимоверной быстротой, они совершались не годами, не месяцами, а часами. Всякий мог почитать себя ежеминутно накануне гибели или быстрого возвышения. «Блеск и померцание вмиг – к восходу и заходу текут наши светила с равною скоростью», – говорит современник… Император Павел, ни в чем не разделявший воззрений своей матери, был, конечно, противником разделов польских областей. Поэтому после своего воцарения он немедленно вспомнил о польских пленных, содержавшихся с 1794 года в Петербурге, и решил даровать им свободу, распространив затем эту милость и на прочих сосланных поляков» (*Шильдер*. С. 259).

Павел I, еще будучи великим князем, интересовался внешними отношениями. Трагедия Польского государства вершилась на его глазах. То Польша примкнет к России, то метнется к Франции в поисках своих интересов, то вернется под крыло Пруссии, но ни одно государство не сочувствовало метаниям польской шляхты во главе с польским королем Станиславом-Августом Понятовским. В Польше возникло множество политических группировок, каждую из них возглавлял знатный пан, но это не объединяло страну, а разрушало национальное единство польского народа. В годы Французской революции оживились польские страсти, возникали стычки различных группировок. Тогда русский генерал Игельстрём приступил к разоружению польских отрядов. Но один из польских

генералов не подчинился приказу русского генерала, его соединение напало на русский полк, к нему присоединились другие непокорные поляки. Одновременно досталось от поляков и прусскому эскадрону. Естественно, полетели реляции в Петербург и Берлин. Пока руководители России и Пруссии совещались, события в Польше стремительно развивались. В Кракове появился Тадеуш Костюшко, военный инженер, успевший повоевать как генерал в армии Джорджа Вашингтона; он произнес свою речь, был избран руководителем восстания, а вскоре, в 1794 году, получил звание генералиссимуса. Апрель 1794 года в Варшаве запомнился кровавыми событиями против русских воинов. Но с приходом Суворова все изменилось: русские полки взяли крепость Прагу, пригород Варшавы, и в сражении перебили ее польских защитников, а пленных поляков по просьбе польского короля Суворов приказал отпустить. В исторических кругах по-разному трактуют эти события. Пишут о том, что восставшие поляки беспощадно уничтожали русские войска, застав их врасплох, пишут и о том, что Суворов отпускал пленных поляков, хотя и знал о том, что они только что яростно сражались против русских на поле брани. «Если после победы под Мациевицами русские обращались с побежденными согласно законам военного времени, то взятие Праги, пригорода столицы, отличалось чудовищной жестокостью. В глазах русских солдат поляки были якобинцами, сеявшими террор вокруг себя и убившими многих из своих товарищей по событиям 17 апреля. У поляков надолго останутся в памяти эти сцены невиданного насилия, которые навсегда наложат отпечаток на польско-российские отношения» (*Каррер д'Анкосс Э.* Екатерина Вторая. М., 2010. С. 390). Вирджиния Роундинг писала об этих событиях: «Восстание было решительно и окончательно подавлено украинскими войсками под руководством генерала Александра Суворова, который заслужил позорное имя «душитель Праги» (имелся в виду укрепленный пригород Варшавы). 29 октября это привело к сдаче Варшавы. Суворов арестовал революционных лидеров, в том числе и короля, разоружил польскую армию и конфисковал королевские регалии» (*Роундинг В.* Екатерина Великая. М., 2009. С. 620). «Беспощадный в бою, Суворов совершенно иначе, великодушно и гуманно, вел себя с побежденным противником», – писал Олег Михайлов после того, как Суворов, взяв Прагу, вошел в Варшаву в октябре 1794 года (*Михайлов О.* Суворов. М., 1982. С. 324). Поляки были беспощадны в бою, русские отвечали им тем же – жестокостью и беспощадностью. За подавление Польского восстания генерал-аншеф Суворов получил фельдмаршальский жезл и очень гордился этим званием.

После разгрома Польского восстания Екатерина II совместно с австрийским императором и прусским королем 13 октября 1795 года подписала договор о третьем разделе Польского государства, 25 ноября того же года польский король отрекся от короны: Польша перестала существовать. В результате третьего раздела Россия получила 120 тысяч квадратных километров территории, куда вошла оставшаяся часть Белоруссии (Минск), часть Украины (Киев, Ростов, Одесса) и часть прибалтийских княжеств (Вильно, Рига), этот раздел русское правительство рассматривало как завершение процесса собирания русских земель и православных христиан.

Павел I в сопровождении великого князя Александра приехал в Мраморный дворец и вошел к сидевшему на диване раненому Тадеушу Костюшко.

– Ваша участь не зависела от меня, господин Костюшко, – сказал Павел I, – вы сражались за свободу своего Отечества, а теперь я могу сказать, что вы свободны, я сам желал принести вам эту утешительную весть.

Не ожидавший такого поворота в собственной судьбе, Костюшко растерялся и, взволнованный, молчал. Павел I сел рядом с ним и заговорил о печальной судьбе каждого человека, попавшего в плен и лишенного свободы действий.

– Я бесконечно вам, ваше величество, благодарен за участие, но будут ли освобождены другие пленные? – сказал наконец пришедший в себя Костюшко.

– Они будут также освобождены, – отвечал император. – Хотя многие в моем Совете высказались против освобождения Потоцкого и Немцевича, находят их слишком опасными. Хотите вы дать мне ваше слово и дать мне ваше ручательство за их хорошее поведение?

– За Немцевича поручиться могу, а с Потоцким мне надо поговорить, без такого разговора поручиться за него не могу.

– Вы, господин Костюшко, свободный человек, можете поехать к Потоцкому, поговорить с ним и передать мне свое мнение.

– Я, ваше величество, мечтаю вернуться в Америку, где сражался за свободу и независимость, там люди ждут меня.

– Я прикажу своему кабинету выдать вам средства на поездку в Америку.

Не ожидавший такого теплого свидания, великий князь Александр, прощаясь, со слезами на глазах, обнял Тадеуша Костюшко.

Перед отъездом из Петербурга Костюшко был принят в Зимнем дворце, кабинет выделил ему 60 тысяч рублей на поездку

в Америку, затем последовала амнистия всем полякам, участвовавшим в битве против России, утвержденная Сенатом, а бывшего польского короля Станислава-Августа с царскими почестями приняли Павел I и великие князья.

В это же время Павел I направил письмо генерал-прокурору графу Самойлову, в котором приказал освободить Александра Радищева из Илимска и повелел жить ему в своих деревнях, а также наблюдать за его поведением и перепиской.

5 декабря 1796 года из Шлиссельбургской крепости был освобожден Николай Новиков и принят Павлом I в Зимнем дворце. Обросший бородой, постаревший и дряхлый на вид, Николай Новиков был милостиво встречен императором.

– Вы, Николай Иванович, пострадали за свою издательскую деятельность, императрица увидела в изданных вами книгах призывы к якобинской революции, но я этого не обнаружил. Конечно, я знал, что юный граф Павел Строганов в Париже восторженно приветствовал Французскую революцию, стал чуть ли не якобинцем, как и его воспитатель якобинец Ромм, произносил зажигательные речи о том, чтоб такая революция совершилась и в России… То, что в изданных вами книгах есть, широко распространялось в книгах и при матушке моей. Среди изданных вами книг, Николай Иванович, книги известных наших писателей Сумарокова, Хераскова, Николева, Фонвизина, Княжнина, Чулкова, Попова, Аничкова, Десницкого, а сколько издали вы зарубежных писателей, тут и Дидро, Корнель, Расин, Мольер, Руссо, Свифт, Фильдинг, Смоллетт, Стерн, Клопшток, Виланд, Лессинг, да и журналы, газеты…

– Ваше величество, меня осудили за сатирические мои сочинения, за спор с Екатериной Великой о помещиках и крепостных крестьянах…

– А мы и сейчас не знаем, как поступить с крепостными крестьянами, я читал книгу Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», там тоже множество не решенных для нас вопросов. Я вас освобождаю как издателя, выпустившего много полезных для нашего общества книг, без этих книг мы топтались бы на месте, а так потихонечку двигаемся вперед в борьбе за прогресс и справедливость. Поезжайте в свои деревни, к семье, работайте. Несколько лет тому назад вы напечатали «Историю о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева», деда покойной гофмейстерины Марии Андреевны Румянцевой, замечательная книга, она открыла много дополнительных эпизодов, рассказывающих о судьбе этой семьи.

– Моя цель, ваше величество, служить России, просвещать ее граждан, я за правду о нашей истории. Ведь насколько

удивительна судьба этого боярского рода, тут и Петр Великий, и фельдмаршал Румянцев, и его талантливые сыновья, которые служат престолу.

Император, прощаясь с Новиковым, спросил о его творческих планах.

– За четыре года пребывания в Шлиссельбургской крепости, ваше величество, я много думал о том, что было, и о том, что будет, если я получу свободу. К сатире меня больше не тянет, но сколько нам еще надо работать, чтобы восстановить подлинную историю нашей России, сколько несуразного написано иностранными авторами о России… Может быть, ваше величество, вы помните мою книгу «Опыт исторического словаря о российских писателях». Как-то в одном из немецких изданий я прочитал небольшую статейку «Известие о русских писателях», вспомнил своих коллег, русских писателей, и набросал краткую своего рода энциклопедию. А среди русских писателей были и такие, которые занимались русской историей, например князь Михайло Михайлович Щербатов, камер-юнкер двора ее императорского величества, герольдмейстер, к чести своего имени и рода знаменитый любитель и изыскатель древностей российских и писатель истории своего отечества. Сей просвещенный и достойный великого почтения муж, будучи в отставке, упражнялся несколько лет в собирании летописей и приуготовлении к сочинении полной российской истории, не щадя притом ни трудов, ни здравия, ни иждивения. Всемилостивейшая наша императрица, вечная ей память, уведав об этом, повелела для сего князя отворить все книгохранилища. И вот уже два тома вышли. И сколько таких случаев произошло на нашей памяти, ваше величество! Вот этим я и займусь, ваше величество, когда окрепну.

– Николай Иванович, я желаю вам здоровья и весьма сожалею о случившемся с вами, я знаю ваши журналы «Трутень», «Живописец», ваши едкие сатирические произведения.

Иной раз вспомнишь ваши фразы и думаешь, как много мне надо поправить в нашем обществе, порочном обществе после многолетнего торжества женского властительства, и руками разведешь от бессилия. Ведь так хочется все изменить… Высопарные Невпопады и дерзкие Кривотолки по-прежнему правят страной.

Николай Новиков отправился в свою деревню, а Павел I занялся очередными делами, которые стеной стояли перед ним.

Не удивляло, стало уже привычным, когда великий князь Александр и комендант Петербурга генерал-майор Андрей Аракчеев с шумом расставляли часовых вокруг дворца у

возведенных пестрых будок. Удивляло другое – повсюду вскрылось воровство, ведь расхищалось все и повсеместно. Стоило Марии Федоровне, получив в управление воспитательные дома, проверить финансовое состояние в одном из них, стоило вызвать управляющего, как он сразу понял, что императрица узнала об украденных им деньгах и разрезал себе живот; думали его спасти, но не удалось, погиб от раны.

Граф Румянцев целыми днями не выходил из своего кабинета во дворце, исполняя рескрипт императора о том, что необходимо навести порядок среди камер-юнкеров и камергеров, которые, по слухам, были записаны в различных чинах как служащие в полках. Естественно, начали проверять, и действительно многие придворные служили в различных полках, получали чины, продвигались по службе.

Павел I, зная о противоречиях в обществе, о недовольстве крестьян и помещиков и не ведая способов, как решить эти противоречия, решил в нижнем этаже Зимнего дворца поставить ящик для сбора информации. Ключ был только у него, он сам доставал письма, записки и записочки, читал, на некоторых из них ставил свои резолюции. По первости письма были деловыми, но потом появились злые, остро сатирические, неправедные, которые лишь отнимали время. И хорошее начинание пришлось оставить.

Павел I, не раздумывая долго, назначил князя Алексея Борисовича Куракина на высокую должность генерал-прокурора, поскольку знал, что тот учился юридическим наукам в Лейденском университете, много лет служил в генерал-прокурорской канцелярии. Читая выходящие от генерал-прокурора документы, Павел I не раз обращал внимание на изящный стиль этих бумаг. Вызвал князя Куракина в свой рабочий кабинет.

– Кто это у тебя так прекрасно сочиняет документы? – спросил Павел I у князя Куракина, вошедшего в кабинет. – Прежде такого у тебя не было специалиста: изящный стиль и чистота слога, логичность и ясность содержания документа. Моя матушка Екатерина II сразу выделила из своих секретарей Александра Безбородка, а этот чем-то похож на него.

– Я его недавно принял на пробу, это делопроизводитель Михаил Сперанский, ваше величество. Два года тому назад я взял его домашним секретарем по рекомендации митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила, он хорошо знал его как наиспособнейшего преподавателя в Александро-Невской семинарии. 26 лет, из деревни Черкутино, в 40 верстах от города Владимира, сын сельского потомственного священника, блестяще

учился во Владимирской семинарии, потом как талантливого семинариста перевели его в Петербургскую семинарию. В 11 лет, во Владимирской семинарии, получил он фамилию, стали называть его Сперанским.

– А, значит, Михаил Сперанский попович, ведь священники не имеют фамилии. Фамилию он получил от латинского «sperare» – «надеяться» по-русски, – произнес Павел I. – Ну что ж, так и взял секретарем, без проверки?

– Нет, ваше величество, всякую рекомендацию необходимо проверять. Вечером я предложил ему написать одиннадцать писем общего содержания, и утром одиннадцать писем лежали у меня на столе, при этом, как вы утверждаете, все письма были написаны изящным слогом и ясного содержания. Несколько лет он учил моего сына русскому языку и другим предметам, а вместе с сыном учил и Сергея Уварова. А сейчас Михаил Сперанский очень хочет заниматься светской работой, но митрополит рекомендует ему принять монашеское достоинство, дескать, это будущий епископ, будущий митрополит.

– А желает Сперанский к тебе перейти на службу? – спросил Павел I.

– Очень желает!

– Так я объяснюсь с митрополитом и все это улажу к общему удовольствию и к общей пользе, – сказал император.

Вскоре граф Румянцев, как обер-гофмейстер, узнал, что 2 января 1797 года М.М. Сперанский был принят в канцелярию генерал-прокурора графа А.Б. Куракина на должность делопроизводителя и получил чин титулярного советника.

В первые дни царствования Павел I раздал 50 тысяч крестьянских душ с землями в надежде, что крестьянам будет лучше с помещиками, чем в казенном управлении. Но ошибся. Возникали беспорядки и недовольство. Приходилось жестоко подавлять своеволие крестьян, опасаясь повторения Пугачевского бунта. Павел I принял решение впервые допустить и крестьянство, как и дворянство, до принятия присяги на верность императору. Крестьяне, впервые допущенные до присяги, поняли новацию на свой лад – за этим должно последовать и освобождение от крепостной зависимости, мол, так решил император, пошли разговоры и шумливые толки. Помещики протестовали. К Павлу I понеслись письма губернского начальства. Пришлось 20 января 1797 года назначить фельдмаршала князя Репнина командующим войсками для подавления мятежа, а 29 января объявить манифест о том, что крестьяне, как и прежде, должны быть послушны своему помещику, работать три дня в неделю на барщине, остальное

время на свою семью. Но крестьяне мечтали о полной свободе. 13 феврале в селе Брасове Орловской губернии мужественно вышли навстречу войскам с цепами и дубинами, отстаивая свою правоту. Из донесения князя Репнина стало известно, что было произведено 33 пушечных выстрела, израсходовано 600 патронов, убито 20 крестьян, 70 крестьян было ранено, сгорело 16 крестьянских домов. После этой схватки крестьяне упали на колени и просили прощения.

15 февраля князь Репнин писал губернатору Орловской губернии: «Благоволите, ваше превосходительство, в известие всем обывателям Орловской губернии, вам вверенной, приказать объявить, что села Брасова с деревнями крестьяне г. генерал-лейтенанта Апраксина, за их упорное неповиновение правительству, от высочайшей власти установленному, и их помещику, не внемля даже высочайшему манифесту его императорского величества от 29 января сего 1797 года, и за их упорное сопротивление войскам его императорского величества, наказаны силой оружия и преданы, яко изверги, злодеи и преступники, огню и мечу; что тела их, справедливо погибших от их богопротивного преступления, недостойны погребения общего с верными подданными, зарыты в особую яму, с надписью, для всегдашнего омерзительного презрения всем верным подданным, что «тут лежат преступники против Бога, государя и помещика, справедливо наказанные огнем и мечом, по закону Божью и государеву», и, наконец, что дом их зачинщика и первого начальника в сем богомерзком преступлении, деревни Ивановской крестьянина, Емельяна Чернодырова, истреблен до основания, так, что и остатков оного не видно. Дабы все о том быв известны, в подобные пагубные злодеяния не впадали» (*Шильдер*. С. 269).

В начале своего царствования Павел I в своем манифесте объявил о том, что будет следовать во внешних отношениях мирной политике, заключил мир с Персией, отменил рекрутский набор, держал нейтралитет в отношении Англии, Пруссии, Австрии.

3 января 1797 года он писал прусскому королю: «С имеющимися союзниками многого не сделаешь, а так как борьба, которую они вели против Франции, только способствовала росту революции и ее отпору, то мир может ослабить ее, усилив мирные антиреволюционные элементы в самой Франции, доселе придавленные революцией». Павел I хорошо знал, что якобинской диктатуре во Франции пришел конец, Робеспьер и его соратники казнены, Директория из пяти директоров пока бессильна что-либо объявить самостоятельное, привлекает внимание лишь генерал

Бонапарт, завоевавший Италию и разгромивший ряд австрийских армий. Павел I мечтает о том времени, когда прекратятся успехи французского оружия и она войдет в прежние пределы своего государства, наступит прежний мир и политическое равновесие. Екатерина II подготовила экспедиционный корпус для участия против революционной Франции, но его действия будут зависеть теперь от его распоряжений. Павел I писал командиру экспедиционного корпуса генералу Розенбергу: «Необходимо отвращать все, что в землях не неприязненных может возбудить ненависть или предосудительные насчет войска впечатления (избегать участия в продовольственных экзекуциях), внушать, что мы пришли отнюдь не в видах споспешествовать властолюбивым намерениям, но оградить общий покой и безопасность, для того [проявлять] ласковое и приязненное обращение с жителями. Восстановление престолов и алтарей. Предохранять войска от «пагубной заразы умов», соблюдать церковные обряды и праздники».

Глубокую оценку личности Павла I дал известный историк С.Ф. Платонов:

«Несовпадение его личных идеалов с тем, что совершалось на его глазах, вызывало в нем чувство глубокого недовольства ходом дел, осуждение и правящих лиц, и самой системы управления. Он рвался к деятельности, а возможности действовать у него не было никакой. Силы ума поневоле растрачивались на мелочи и не обогащались необходимым опытом государственной деятельности.

При таких условиях император Павел, вступая во власть, обнаружил явную вражду к порядкам, существовавшим при дворе его матери, и к людям, имевшим влияние на дела при Екатерине. С первых минут его царствования стало ясно, что новый государь будет действовать с помощью новых людей и совершенно в новом направлении. Властные фавориты Екатерины потеряли всякое значение; раньше унижаемый ими Павел теперь высказывал самое высокое представление о существе своей власти. Исполненный самых лучших намерений, он всей душой стремился к благу государства, но отсутствие правительственных навыков мешало ему действовать удачно. Недовольный системой управления, он не мог найти вокруг себя способных людей, чтобы заменить ими прежнюю администрацию. Желая водворить порядок при дворе и в администрации, он громко осуждал и искоренял старое, новое же насаждал с такой строгостью, что оно всем казалось горше старого. Неподготовленность к делам сказывалась во всем, что делал Павел, и, соединяясь с нервностью его характера, сообщала всем его мерам колорит чего-то случайного, болезненного и

капризного. С годами горячность и впечатлительность Павла перешли в тяжелую способность терять самообладание из-за пустяков; любовь к порядку и законности заменялась пристрастием к внешним формам подчинения и благочиния; вспыльчивость обратилась в припадки жестокости. Если бы все эти черты Павла оставались в узких рамках его личной жизни, они были бы едва заметны для историка, но Павел свои случайные настроения переносил в законодательную политику, и они стали неизбежным материалом для характеристики его как правителя» (*Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 2004. С. 537).

В начале января 1797 года Павел I принял под свое покровительство Мальтийский орден, доходы, которые орден получал от Польского королевства, были удвоены. Давняя детская мечта Павла I о рыцарской доблести и чести наконец-то восторжествовала в его сердце: его наставник Семен Порошин на своих уроках много рассказывал о благородных рыцарях, эти рассказы стали основой формирования нравственности цесаревича, его личной чести.

Иные его распоряжения, чистые и благородные, исполнялись людьми, которые не имели делового опыта. И Павел I, видя, как на деле извращаются его постановления, жестко наказывал негодных исполнителей. О губернаторе Петербурга Архарове здесь уже упоминалось.

«Император Павел Первый был первый царь, в некоторых актах которого проглянуло новое направление, новые идеи. Я не разделяю довольно обычного пренебрежения к значению этого кратковременного царствования; напрасно считают его каким-то случайным эпизодом нашей истории, печальным капризом недоброжелательной к нам судьбы, не имеющим внутренней связи с предшествующим временем и ничего не давшим дальнейшему; нет, это царствование органически связано как протест – с прошедшим, а как первый неудачный опыт новой политики, как назидательный урок для преемников – с будущим. Инстинкт порядка, дисциплины и равенства был руководящим побуждением деятельности этого императора, борьба с сословными привилегиями – его главной задачей. Так как исключительное положение, приобретенное одним сословием, имело свой источник в отсутствии основных законов, то император Павел начал создание этих законов» (*Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 173).

Павел I отменил жалованную грамоту 1785 года, принялся теснить дворянское и городское самоуправление, в январе 1797 года Сенатом был принят указ, по которому следовало подвергать

телесному наказанию за уголовные преступления не только простой народ, но и все сословия, от дворян, купцов 1-й и 2-й гильдии до белого духовенства включительно.

Императору Павлу I доложили о том, что обесценивается содержание русского рубля. При Екатерине II напечатали столько бумажных денег, что сейчас они мало что стоят. Что делать? Павел I размышлял недолго – приказал собрать бумажные деньги и сжечь. Вскоре на улицах Петербурга запылали костры, а рядом стояли мешки с бумажными деньгами. Солдаты, которые занимались этим деликатным делом, с жаром рассказывали о своих делах. По городу пошли шумные разговоры.

– Царь-то деньги жжет! Ну не дурак ли, – шептались кругом. – Не знает уже, куда их девать. Лучше бы народу роздал.

Но, как свидетельствуют исследователи, Павел I был прав в своем необычном решении: курс серебряного рубля резко поднялся. И таких решений Павла Петровича было немало.

Историки и исследователи опубликовали немало воспоминаний о времени Павла I и о нем самом. Как обычно бывает в таких случаях, в некоторых воспоминаниях личность Петра I дается в позитивных тонах, в других – в отрицательных.

«Павел с первых дней восшествия на престол открыто проявил ненависть и презрение к своей матери. Он спешил отменить или, точнее, разрушить все, что было сделано, и лучшие установления заменялись актами самоуправными и сумасбродными. Назначения и смещения следовали одно за другим так стремительно, что едва успевали объявить в газетах о назначениях кого-нибудь на то или другое место, как этот человек уже был уволен. Никто не знал, к кому обращаться. Едва ли нашлось бы несколько домов, где не оплакивали бы сосланного или заключенного в тюрьму члена семьи. Страх был всеобщим чувством, которое, породив подозрительность, разрушало доверие, опиравшееся на кровные узы. Оглушенные, перепуганные люди познали состояние апатии, оцепенения, гибельное для первой из добродетелей – любви к Отечеству.

Об этом злосчастном императоре можно сказать без всяких преувеличений, что он был тщеславным болтуном, со своим прусским капральством и тем сверхъестественным значением, какое придавал своему сану. Трусливый и подозрительный, он постоянно бредил воображаемыми заговорами против него, а его своевольные поступки диктовались настроениями минуты. К несчастью, слишко часто они были жестокими и необузданными», – вспоминала Екатерина Дашкова. «Будущее предвещало мне неисчислимые бедствия» – таково было одно из пророческих заключений княгини. А на самом деле Павел I

приказал княгине удалиться в одно из ее имений. И то, что представлено в дальнейших описаниях, вызывает ироническую улыбку. В итоге княгиня написала о своих «мучениях» императрице, та передала письмо императору, а тот приказал ей вернуться в благоустроенное имение Троицкое под Москвой (см.: *Дашкова Е.* Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 184).

Княгиня Дашкова, преувеличив свои страдания, явно унизила императора Павла I, который в это время собирался на коронацию в Москву. Перед отъездом в Москву Павел I на несколько дней решил побывать в Павловске. Среди сопровождавших его лиц был и граф Безбородко, которого император пригласил в свою императорскую карету. И начались бесконечные разговоры о графе Александре Воронцове, о бывшем польском короле Понятовском, а главное – император поинтересовался, в каком состоянии находится дом графа Безбородко, в котором императорская семья должна была остановиться во время пребывания в Москве.

– Вы, граф, не удивляйтесь, что я интересуюсь этим вопросом, чуть ли не все придворные в один голос восхищаются вашим дворцом, а в Кремле тесно. И Кутайсов, и Нелидова, и Ростопчин посоветовали арендовать этот дом…

– Ваше величество, вы не пожалеете, что согласились занять это мое прибежище. Вам я бесконечно благодарен, что вы почтили меня, оставляя на всех местах государственной службы, проявили величайшую милость пожалованием меня в первый класс, в ранг генерал-фельдмаршала…

– Ну об этом как-нибудь потом. По словам знатоков Москвы, ваш дом, граф, почитается по величине и по внутреннему убранству первым и наилучшим домом во всей Москве. Недаром матушка Екатерина Алексеевна купила его у наследников великого канцлера графа Бестужева-Рюмина, чтобы подарить вам. Я снял его на время коронации. Польский король Станислав-Август Понятовский как-то осматривал ваш дом и поведал мне как-то о необыкновенной роскоши этого дворца, а он, между прочим, один из известнейших любителей и лучших знатоков изящного в наше время. Во всей Европе не найдется другого подобного ему по пышности и убранству. Особенно прекрасны бронзы, ковры и стулья, а стулья особенно покойны и чрезвычайно богаты…

– Это здание, – вмешался граф, – оценивают в 700 тысяч рублей.

– Я не о цене говорю, за девять-десять лет, что вы владеете этим дворцом, граф, вы сделали его лучшим во всей Европе, Сен-Клу и другие дворцы по великолепию убранства не идут ни в

какое сравнение с вашим дворцом.

– Ваше величество, это старания матушки Екатерины Великой, она никогда не забывала меня наградить за мое старание, а я вкладывал свои сбережения в картины и в благоустройство своих домов, петербургского и московского.

– Вы знаете, граф, что мы меняем внешнюю политику России. Рекрутский набор, который был объявлен матушкой Екатериной в сентябре 1796 года, я отменил, войну с Персией прекратил, войска Николая Зубова вскоре вернутся в Россию, как и эскадры, которые находились в Англии и Немецком море, а в Лифляндии и Эстляндии возродятся присутственные места, кои, по тамошним правам и привилегиям, существовали до 1783 года.

– Знаю, знаю, ваше величество, лифляндские и эстляндские немцы, все рыцарство и земство герцогства, благодарили меня и прислали мне грамоту, по которой я считаюсь избранным в корпус лифляндского дворянства…

– Так что, ваше превосходительство, не оскудеет рука дающего, не оскудеет и моя императорская рука…

Граф Безбородко склонился, чтобы поцеловать руку императора, но император только улыбнулся, мгновенно убрав руку за спину.

В конце марта 1797 года двор приехал в Москву. Граф Безбородко с волнением готовился принять высочайших особ в своем московском дворце. «За неделю до коронации, – писал Безбородко к матери, – когда их величества имели торжественный въезд в Москву и в мой дом на пребывание прибыли, пожаловали мне: его величество – портрет на голубой ленте, а государыня императрица – перстень с ея портретом» (520).

5 апреля 1797 года, в день Светлого Христова Воскресения, состоялась церемония коронации императора Павла и императрицы Марии. Его императорское величество соизволил указать подать императорскую корону действительному тайному советнику 1-го класса графу Безбородко. Граф Безбородко и совершил, как старейший царедворец, требуемое: он взял корону и вручил митрополитам, а митрополиты поднесли ее на подушке императору. В этот день, помимо церемониальных обрядов, обратили на себя внимание высокие награды ближайшему окружению государя: в княжеское достоинство был возведен с титулом светлости граф Безбородко, высокие награды получили князья Александр и Алексей Куракины – два великолепных поместья (одно из них – около 20 тысяч десятин), а князь Александр Куракин к тому же еще и 4300 крестьянских душ, всего

же ближайшие сотрудники в количестве 105 лиц Павла I получили в награду 82 тысячи крестьян.

Церемониймейстер двора Федор Головкин в своем дневнике так описывает торжественный обряд коронования:

«15 марта 1797 года Их Величества были встречены под Москвой, в Петровском дворце, придворным штатом, тайным советом и дамами трех первых классов. Как только духовенство совершило установленные священнодействия, Их Величества удалились во внутренние покои. При встрече, между прочим, присутствовал знаменитый Платон, митрополит Московский, которому надлежало, по праву его сана, совершить чин коронования; но государь его недолюбливал и, не желая его оставлять в сомнении на этот счет, объявил, что он не хочет быть им коронованным. Гавриил, митрополит Новгородский, должен был его заменить. Платон, стоявший выше этого оскорбления, сказал, что он в таком случае будет присутствовать на короновании как простой иерей, и Павел не чувствовал в себе достаточной самоуверенности, чтобы запретить ему это. Будучи очень болен, Платон велел перенести себя на руках в Петровский дворец. Никто из присутствовавших в продолжение сего времени, которое нам пришлось ожидать Высочайшего приезда, не подходил к нему. Я один, знавший его хорошо, так как я устоял против его красноречия, когда он, по поводу моей женитьбы, хотел обратить меня в православие (Головкины были протестанты. – *В. П.*), – я стал около него. Это его растрогало, и он сказал мне, улыбаясь: «Во всей этой толпе благочестивых христиан я могу рассчитывать только на одного еретика!»

После отдыха, продолжавшегося около часа, Их Императорские Величества снова появились в круглой зале. Митрополит Новгородский, как первоприсутствовавший в Святейшем Синоде, обратился к ним с речью. После него произнес слово Платон, как митрополит Московский. Его речь была длинна, но так хороша, так преисполнена бессмертных истин, что Их Императорские Величества были тронуты до слез и приложились к его руке в большом волнении. Император ему ответил, после чего началось прикладывание к руке с коленопреклонением; сначала подходили дамы, потом кавалеры, а по окончании этой церемонии Их Величества показались на балконе, и хотя народу было запрещено выходить из Москвы, но во дворе дворца стояла все-таки огромная толпа…» (*Головкин Ф.* Двор и царствование Павла I. Портреты. Воспоминания. М., 2003. С. 144–145).

Из дневника можно узнать о посещении императором и императрицей Кремля, «император верхом, а императрица в

экипаже», потом правители осмотрели дворец графа Безбородко, потом посетили Воспитательный дом, ведь императрица стала главой всех Воспитательных домов страны, Военный госпиталь… «*28 марта.* Торжественный въезд Их Императорских Величеств в Москву. Порядок шествия: лейб-казаки, лейб-гусары, экипажи московских вельмож, молодые дворяне верхом, придворные чины, конная гвардия, кавалергарды. Е.В. Император и великие князья верхом, камергеры и камер-юнкеры верхом. Е.В. Императрица в карете с великими княгинями Елизаветой Алексеевной и Еленой Павловной. Гвардейские полки, придворные дамы. Шествие тянулось от Петровского дворца до Кремля и продолжалось от часа дня до пяти часов вечера. Холод в этот день был очень чувствителен, а великолепие церемонии не допускало принятия против этого мер предосторожности… *3 апреля.* Репетиция церемоний коронования. Император на ней присутствует. Эта репетиция была одна из наиболее пикантных сцен в числе стольких других, в которых мы участвовали до изнеможения. Император вел себя как ребенок, который в восторге от приготовляемых для него удовольствий, и выказывал такое послушание, какое только можно ожидать от этого возраста. Надо было обладать большой дозой страха или осторожности, чтобы не изобразить на своем лице нечто большее, чем удивление. После обеда он хотел произвести вторую репетицию в тронном зале, чтобы наставить императрицу. Когда он ей сделал знак, чтобы она заняла место рядом с ним под балдахином, она, по незнанию или же из рассчитанной скромности, поднялась по боковым ступеням, но он ей сказал строгим тоном: «Так не восходят на трон, сударыня, сойдите и подниметесь снова по средним ступенькам!»… *5 апреля.* День Святой Пасхи и коронования. Около восьми часов утра шествие тронулось. Путь от дворца до собора в Кремле так короток, что для его удлинения шествие обогнуло колокольню Ивана Великого. Император был в мундире и высоких сапогах, императрица в платье из серебристой парчи, расшитом серебром, и с открытой головой. При императоре состояли оба великих князя, при императрице государственный канцлер и фельдмаршал граф Салтыков.

Церемония была продолжительна, и за ней следовало множество других, которые император и обер-церемониймейстер выдумывали для забавы. По окончании коронования был сервирован обед под балдахином, во время которого нам было вменено в обязанности делать реверансы на манер дам, как это раньше было принято во Франции, при проходе через залу парламента во время судебного заседания. Блюда разносились полковниками, в сопровождении двух кавалергардов, которые

брали на караул, когда блюда ставились на стол. После обеда происходила большая раздача милостей…» (Там же. С. 146–148).

Граф Румянцев, знавший все тонкости придворной жизни, как-то заметил, что император после коронации и возвращения в Петербург часто закрывается в своем кабинете и бывает недоступен для самых приближенных. Даже императрица Мария Федоровна, натолкнувшись на его сдержанность, не решалась его беспокоить. За обеденным столом он обычно распоряжался, но потом снова закрывался в кабинете и был недоступен. Что его так взволновало? Внешняя политика? Внутреннее неустройство департаментов? Скорее всего, нет.

А Павел I с востогом перебирал подробности коронации в Москве, вспоминал, как губернатор Архаров, получив его инструкции, обещал вскоре превратить Москву в своеобразную Гатчину. А потом крепко задумывался над тем, что у него возникает на месте разрушенного материка, созданного его предшественницей. Как он благодарен якобинцу Лагарпу, который на прощание посоветовал ему приблизить к себе своих старших сыновей, особенно Александра, теперь наследника его престола. Привыкшие к обращению бабушки, они почему-то страшно боялись его, своего родного отца. А он сказал им лишь одно: вставайте, как отец, работайте, как отец, вот вам два полка, сделайте их образцовыми, присутствуйте на вахт-парадах, участвуйте в маневрах, в обучении, познакомьтесь с моими гатчинцами, с моими офицерами. Так они и сделали, не сразу, но втянулись. Император заметил, что наследник Александр часто общается с Алексеем Аракчеевым, превосходным артиллеристом и вдумчивым администратором. Но разве этого достаточно для наследника престола?

Император знал, что матушка хотела Александра сделать официальным наследником престола. Ну а если что случится с ним сейчас, то сможет ли Александр быть его наследником? Конечно, бывая в Гатчине и вникая в военную службу, Александр мог сказать, что за это время он прошел военное обучение, но… Достаточно ли у него опыта? Великий князь Александр в письме своему другу Алексею Кочубею, а письмо перлюстрировали и передали императору, с горечью писал о невероятно запутанных делах империи. Павел I прочитал: «…При подобных обстоятельствах может ли один человек управлять государством, а тем более бороться со злоупотреблениями в нем? Это не под силу не только человеку, наделенному, подобно мне, средними способностями, но даже и гению, а я придерживаюсь правила, что лучше не делать, чем делать плохо. Мой план – поселиться вместе с женой на берегах Рейна, где я буду мирно жить как частное

лицо и находить счастье в обществе друзей и наслаждаясь природой». Как важно иметь такую информацию о собственном сыне, наследнике престола, которого он заставил день и ночь работать на престол!.. Что ж, из него получится хороший полковник, выучивший все экзерциции и команды, а не человек, который готов управлять страной.

Обер-гофмейстер граф Румянцев тоже задавался этим злободневным вопросом. Но ответ легко дал обер-церемониймейстер граф Федор Головкин:

– Вы хорошо, граф, знаете жизнь великого князя Павла Петровича при Екатерине, у него был свой двор, свои придворные, Павловск, Гатчина, он полтора года на всем готовом путешествует по свету, смотрит, наблюдает, высказывает то, что в России не дозволено, живет своей семьей, Мария Федоровна рожает одного за другим то сыновей, то дочерей. А что имеет великий князь Александр Павлович? 500 тысяч рублей в год, а Елизавете Алексеевне положено 150 тысяч рублей. Он имеет свой собственный придворный штат, свой стол, свою конюшню и за все это должен был платить сам. Он – шеф 2-го гвардейского полка, генерал-инспектор, председатель Военного и Морского департаментов, высший начальник Государственной полиции и первоприсутствующий в Сенате. Казалось бы, много власти, а власти нет. Он не может никого ни назначать, ни увольнять, не может подписывать от своего имени без особого разрешения, которое не имеет даже права испрашивать. Питомец и жертва гатчинцев, его или бранят, или вовсе не замечают. А работает, как нынешний полковник, с утра до вечера. Он доходит до изнеможения, а рядом с ним – одна из прекраснейших женщин на свете, цесаревна Елизавета Алексеевна, ждет его внимания, бездетная. Может быть, граф, император вспомнил, как он, полный сил и нетерпения взяться за дело, обижался на свою матушку, отстранившую его от тяжести административного управления… Не знаю, не знаю, но грустно смотреть на наследника престола, который до изнеможения учит параграфы военных уставов и пытается внушить эти параграфы своим подчиненным. Великому князю предстоит занять трон русских самодержцев, а сейчас он представляет собой лишь чучело, посаженное для торжества других и без пользы для себя. Ему пора бы воспользоваться умом, коим он одарен от природы, проявить бы свойственную ему смелость и заняться бы не мелочами военного муштрования, а важнейшими вопросами администрации, что дало бы ему возможность, не нарушая почтительности сына и верности подданного, приобрести значение и заслужить уважение императора. Сколько раз я видел,

граф, как император грубо обращался с наследником, а сердце юного великого князя не привыкло к такому обращению, Екатерина II была с ним ласкова, почтительна, ведь всем известно, что именно его она хотела в первую очередь сделать императором. Вот, граф, о чем сейчас должен думать император Павел I, о своем наследнике, о своем семействе.

27 сентября 1797 года великий князь Александр Павлович писал своему учителю Лагарпу:

«Вам известны различные злоупотребления, царившие при покойной императрице. Они лишь увеличивались по мере того, как ее здоровье и силы, нравственные и физические, стали слабеть. Наконец в минувшем ноябре она покончила свое земное поприще. Я не буду распространяться о всеобщей скорби и сожалениях, вызванных ее кончиной и которые, к несчастью, усиливаются теперь ежедневно. Мой отец по вступлении на престол захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им. Все сразу перевернуто вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, лишь увеличился еще более.

Военные почти все время теряют исключительно на парадах. Во всем прочем решительно нет никакого строго определенного плана. Сегодня приказываю то, что через месяц будет уже отменено. Доводов никаких не допускается, разве уж тогда, когда все зло совершилось. Наконец, чтоб сказать одним словом – благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот. Невозможно перечислить все те безрассудства, которые были совершены; прибавьте к этому строгость, лишенную малейшей справедливости, большую долю пристрастия и полнейшую неопытность в делах. Выбор исполнителей основан на фаворитизме; достоинства здесь ни при чем. Одним словом, мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию.

Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите, насколько должно страдать мое сердце. Я сам, привлеченный ко всем мелочам военной службы, теряя все свое время на выполнение обязанностей унтер-офицера, решительно не имея никакой возможности отдаться занятию науками, являвшемуся моим любимым занятием, я сам сделался теперь самым несчастным человеком.

Вам уже давно известны мои мысли, клонившиеся к тому, чтобы покинуть свою родину. В настоящее время я не предвижу

ни малейшей возможности к приведению их в исполнение, а затем и несчастное положение моего отечества заставило меня придать своим мыслям иное направление. Мне думалось, что если когда-либо придет и мой черед царствовать, то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена, и нация имела бы своих представителей. Вот в чем заключается моя мысль.

Я поделился ею с людьми просвещенными, со своей стороны много думавшими об этом. Всего-навсего нас только четверо, а именно Новосильцев, граф Строганов, молодой князь Чарторижский, мой адъютант, выдающийся молодой человек, и я.

Мы намереваемся в настоящее царствование поручить перевести на русский язык столько полезных книг, сколько только окажется возможным, но мы выпустим лишь те из них, печатание которых может быть разрешено, а остальные прибережем для будущего, чтобы таким образом, по мере возможности, положить начало распространению знания и просвещения умов. Но когда же придет и мой черед, тогда нужно будет стараться, само собой разумеется, постепенно образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию. После чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если бы Провидение благословило нашу работу, удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества и наслаждаясь им.

Вот каковы мои мысли, мой дорогой друг… Дай только Бог, чтобы мы когда-либо могли достигнуть нашей цели даровать России свободу и предохранить ее от поползновений деспотизма и тирании. Вот мое единственное желание, и я охотно посвящаю все свои труды и всю свою жизнь этой цели, столь дорогой для меня».

1 января 1798 года император Павел I на торжественных празднествах появился «в короне, в суперверсе и в императорской мантии». Этот год был весьма богат на великое множество самых разнообразных событий. Его императорское величество, довольное тем, что барон Аракчеев и великий князь Александр Павлович не покладая рук работают на Отечество, издал приказ, предписывающий наследнику председательствовать в Военном департаменте: «Сие делается за труды его в благодарность».

Павел I, ничего не подозревавший о том, что думает наследник престола, уверенный в преданности его идеям и реформам, 28 января 1798 года торжественно отметил рождение еще одного сына, которого назвали Михаилом, в тот же день он был назначен генерал-фельдцейхмейстером и шефом гвардейского артиллерийского батальона. Многие придворные даже не заметили, что императрица Мария Федоровна, несмотря на природную полноту модно и ярко одетая, всегда аккуратно подтянутая в талии, действительно ждала ребенка. Роды были тяжелыми, врачи посоветовали императору поберечь императрицу от следующей беременности. Павел I задумался. Николай, а потом, через полтора года, Михаил – такого количества наследников, пожалуй, в царской семье и не было.

Заботы императора Павла о реформах не утихали, все время что-то переделывалось, все время что-то реформировалось, – удачно или не совсем, это уже другой вопрос, – но придворные и министры были постоянно в заботах. «Гатчинцы» заполнили чуть ли не все сферы придворной и административной службы. Прежние царедворцы и сановники были недовольны. Обычно в таких случаях ссылались на авторитет фельдмаршала Суворова, раскритиковавшего как военную форму, так и новые порядки. Многочисленные источники свидетельствуют, что Суворову было тошно в Петербурге, придворный язык и вычурное обращение в Зимнем дворце были ему незнакомы, учиться этому у него охоты не было, к вечеру голова болела, где уж тут новые реформы было осваивать. По причине «многих ран и увечий» Суворов в послании к императору просит дать ему годичный отпуск. Но Павел знал слова Суворова о новом уставе армии как о «слепом русском переводе изъеденного молью манускрипта, найденного двадцать лет назад на руинах старого замка» и о том, что устав Фридриха Великого был хорош в свое время, но с тех пор прошло пятьдесят лет, а русской армии не следует идти проторенной дорогой. Этого император не простил фельдмаршалу: то, что он одобрил, не подлежит сомнению. Напоминая фельдмаршалу о том, что «обязанности службы препятствуют от оной отлучаться», Павел I все же принял отставку Суворова в связи с тем, что войны нет и в армии ему делать нечего. Но причины были гораздо глубже, чем это могло показаться на первый взгляд.

Графиня В.Н. Головина писала в своих «Записках»: «Во время коронации князь Репнин получил от графа Михаила Румянцева, служившего тогда в чине генерал-лейтенанта под командой фельдмаршала Суворова, письмо. Граф Михаил был самый ограниченный, но очень гордый человек и сверх того сплетник, не лучше старой бабы. Фельдмаршал обращался с ним по его

заслугам: граф оскорбился и решил отомстить. Он написал князю Репнину, будто фельдмаршал волновал умы, и дал ему понять, что готовится бунт. Князь Репнин чувствовал всю ложность этого известия, но не мог отказать себе в удовольствии выслужиться и повредить фельдмаршалу, заслугам которого он завидовал. Поэтому он сообщил о письме графа Румянцева графу Ростопчину. Этот последний представил ему, насколько опасно возбуждать резкий характер императора. Доводы его не произвели, однако, никакого впечатления на Репнина, он сам доложил письмо Румянцева его величеству, и Суворов подвергся ссылке».

12 февраля 1798 года император Павел I вызвал флигель-адъютанта князя А.И. Горчакова, племянника Суворова, и сказал:

– Поезжайте, князь, к графу Суворову, скажите ему от меня, что, если было что от него мне, я сего не помню; может он ехать сюда, где, надеюсь, не будет подавать повода своим поведением к нынешнему недоразумению.

Вскоре Суворов прибыл в Петербург и был принят императором. Больше часа разговаривали император и фельдмаршал. А о главном – ни слова. Наконец император не выдержал, снова вызвал флигель-адъютанта князя Горчакова.

– Что значит все это? – раздраженно заговорил Павел Петрович и, перебивая смущенного князя, продолжал: – Я говорю ему об услугах, которые он может оказать отечеству, веду к тому, чтоб он попросился на службу, а он в ответ рассказывает мне о штурме Измаила. Я слушаю, пока он кончит, снова навожу разговор на свое, гляжу, а мы опять в Очакове либо в Варшаве. Извольте, сударь, ехать к нему и просить объяснений сих действий и как можно скорее везите ответ, до тех пор я за стол не сяду.

Флигель-адъютант Горчаков метался от императора к фельдмаршалу, от фельдмаршала к императору, но стороны так ни о чем и не договорились. Суворов вернулся в село Кончанское, в котором прожил почти год.

Вскоре после этого произошло событие, которое надолго омрачило жизнь Зимнего дворца. Барон Аракчеев, о котором сложилось впечатление как о незаметной фигуре, как об искусном муштровальщике новобранцев, неожиданно оказался в центре событий. Однажды он во время обучения пришел в такую ярость, что, кроме отборнейшей брани, влепил молодому колонновожатому пощечину. В начале января 1798 года барон Аракчеев разразился бурной бранью и по адресу подполковника Лена, сподвижника Суворова и георгиевского кавалера. Подполковник Лен попытался встретиться с Аракчеевым, но

безуспешно, его не приняли. Написав письмо барону Аракчееву, подполконик Лен застрелился. Эта печальная весть стала известна императору, как и обстоятельства, сопутствующие самоубийству. Прочитав письмо Лена барону Аракчееву, император Павел I под напором близких придворных уволил Аракчеева в отпуск для излечения, барон тут же уехал в село Грузино, а на его место генерал-квартирмейстера был назначен генерал-лейтенант Герман. 18 марта 1798 года последовал приказ императора об увольнении генерал-майора Алексея Аракчеева со службы, но с присвоением ему следующего чина – генерал-лейтенанта. Но Аракчеев в селе Грузино не остался забыт. Великий князь Александр Павлович писал Аракчееву 7 мая 1798 года: «Душевно бы желал тебя увидеть и сказать тебе изустно, что я такой же тебе верный друг, как и прежде. Признаюсь, однако же, что я виноват перед тобою и что давно к тебе не писал; но, ей-богу, от того произошло, что я не имел ни минуты для сего времени, и я надеюсь, что ты довольно меня коротко знаешь, чтобы мог усомниться обо мне. Если ты сие сделал, то по чести согрешил и крайне меня обидел, но я надеюсь, что сего не было. Прощай, друг мой! Не забудь меня и пиши ко мне, чем ты меня крайне одолжишь. Так же поболее смотри за своим здоровьем, которое, я надеюсь, поправится; по крайней мере, желаю оного от всего сердца и остаюсь навек твой верный друг».

Вскоре барон Аракчеев вернулся к своим обязанностям.

Император Павел I, вполне довольный обстоятельствами семейной жизни, красотой и обаянием императрицы Марии Федоровны, которая чуть ли не ежегодно рожала сыновей и дочерей, довольный и тем, что императрица, по совету своей матушки из Вюртемберга, смирилась с пребыванием в придворном штате фрейлины Екатерины Ивановны Нелидовой, ставшей сердечным другом императора, не раз вспоминал своих великих французских предшественников Генриха IV и Людовика XIV, имевших официальную фаворитку, к тому же и не одну.

Император Павел I поглощен был военными вопросами, наводил порядок и дисциплину в гвардии и полках, внутренними и внешними делами всецело заправляли братья Куракины, исполнявшие обязанности генерал-прокурора и вице-канцлера. Дела шли не совсем удачно, но братьям Куракиным помогали и императрица Мария Федоровна, и Екатерина Ивановна, сочувствующие французским эмигрантам, а их в России оказалось чрезмерно много.

5 марта 1798 года Павел I, великие князья Александр и Константин, канцлер князь Безбородко, обер-гардеробмейстер Иван Кутайсов отправились в Москву, где должны были

состояться большие маневры под командованием фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова. Всю дорогу до Москвы Кутайсов не уставал сыпать комплименты в адрес императора, то и дело вспоминая добрые дела с его стороны. Павел Петрович нерешительно отмахивался от комплиментов, но Иван Кутайсов возражал, приводя выразительные примеры подлинной доброты императора. Сначала император не очень-то внимательно прислушивался к Кутайсову, но потом его болтовня коснулась императрицы и фрейлины Нелидовой, затем – князей Куракиных, и тут ни одного доброго слова не прозвучало по их адресу. Император не вытерпел и сказал:

– Иван, а ты помнишь, как год тому назад, во время коронации в Москве, я пожаловал тебя в обер-гардеробмейстеры 4-го класса, а ты, почувствовав себя обиженным, попросил тебя наградить еще и орденом Святой Анны 2-го класса. Ты, конечно, помнишь мою ярость в связи с этим, я хотел тебя просто уничтожить, ты знаешь, что этим орденом я награждаю очень редко, а тут, пожалуйста, низшие чины требуют такого награждения. И ты помнишь, кто защитил тебя? Сначала императрица, а потом фрейлина Нелидова после обеда упросила меня даровать тебе прощение. Помню также и то, что ты в порыве благодарности бросился к ногам императрицы. А сейчас ты забыл об этом? Так ты благодаришь тех, кто заступается за тебя?

Кутайсов надолго замолчал. Но его слова о Нелидовой и императрице встревожили Павла I. Меньше года тому назад генерал-адъютант Ростопчин говорил ему, что императрица часто вмешивается в государственные дела, окружает себя немцами, позволяет себя обманывать эмигрантам. Только недавно императрица и Нелидова враждовали, но неожиданно для него они поладили, герцогиня Вюртембергская внушила своей дочери Марии Федоровне, что с фрейлиной Нелидовой надо дружить, а не ссориться, вместе с ней обсуждать насущные дела государства и высочайшего двора. Да, они желали бы удалить князя Безбородко, на его место поставить князя Александра Куракина, военными делами, по мнению императрицы и Нелидовой, должен управлять князь Репнин. Не раз о вмешательстве императрицы говорил и князь Безбородко во время постоянных докладов императору. Говорить-то говорили, но опять же постоянно ссылались на мнение Ивана Кутайсова, который, судя по всему, хорошо знал тайные пружины государственного аппарата. Ведь говорили же императору о том, что Иван Кутайсов подкупил врачей императрицы, которые сказали ему, императору, что надо беречь ее от новой беременности… Высочайший двор ничего секретного не может утаить, все становится известным. Ростопчин

раскрыл, что императрица, вмешиваясь в дела, всегда преследовала личные интересы, действуя либо в пользу своих братьев, вюртембергских принцев, либо в пользу нищих эмигрантов, либо вообще в пользу Пруссии, а вот фрейлина Нелидова вмешивалась, если таковое бывало, всегда бескорыстно. Всем известна фраза Павла: справедливость ко всем равная, невзирая на лица. Пострадал и Зубов, который тратил деньги бессчетно при матушке-императрице, задолжал полмиллиона, теперь же пусть выплачивает недочеты в казенных суммах. Наследники князя Потемкина тоже выплачивают его неслыханные долги. И это справедливо! «Это мое господствующее побуждение как императора. Да, может, перегнул, требуя, чтобы полицейская опека над частной жизнью подданных доведена была до крайних пределов. Может, слишком патриархальны мои требования? Что-то я не рекомендовал, а что-то запретил, но разве нужно было бегать за людьми и срывать с них одежду? Военный губернатор Архаров просто опозорил императорскую власть, вызвав недовольство подданных, попавших в руки полицейских. И еще неприятность. Главными деятелями первых лет царствования были мои друзья – Александр и Алексей Куракины, Александр – вице-канцлер, Алексей – генерал-прокурор. Оба брата пользовались не только моим покровительством, им покровительствовала и императрица, а Александра сватала за фрейлину Нелидову. А сейчас оба брата потеряли доверие общества: князь Александр – человек добрый, но тщеславный, а главное в том, что оказался недалеким администратором, а князя Алексея сгубила жадность, корыстолюбие, страсть к необдуманным проектам, к примеру проект вспомогательного банка, который он представил в начале этого года, жестко раскритиковал князь Безбородко и государственный казначей Васильев. Видимо, и с братьями Куракиными пора распрощаться».

Кутайсов во время длительного молчания до Москвы тоже многое обдумал. Из разговора с императором он понял главное – императрица и фрейлина Нелидова его не любят, они – враги, они стоят на пути его возвышения, а его уже мало прельщала профессия брадобрея и должность обер-гардеробмейстера.

В Москве императора и великих князей встретили восторженно, и тут же схлынули недобрые чувства, сердце у Павла Петровича было мягкое, отходчивое, душа его была любящая и чувствительная.

– Московский народ любит меня гораздо более, чем петербургский, – сказал он Кутайсову, который всегда был рядом с императором.

– Здесь нет ничего удивительного.

– Говорите прямо, не юлите, как обычно вы делаете.

– Но, государь, ни слова не передавайте императрице и фрейлине Нелидовой.

Павел I в знак согласия кивнул.

– Беда в том, что москвичи не знают вашей трогательной зависимости от этих женщин, здесь вы предстали добрым и великодушным, а в Петербурге люди опытные, уверены, что ваше настроение зависит от императрицы и фрейлины Нелидовой, а то приплетут и братьев Куракиных. Получается, что доброе дело в Петербурге вы делаете под влиянием этой группы лиц, а главное – под влиянием ваших любимых женщин.

– Получается, что эти женщины управляют императором?

Кутайсов радостно кивнул. Наконец-то император понял главную опасность.

«Ну, мои дамы, я покажу вам, как мной управлять. Чуть ли не все мои близкие не раз намекали, что императрица Мария Федоровна и ее подруга, фрейлина Нелидова, давно взяли надо мною власть и командуют моими поступками. Когда это касалось личных вопросов, я мог это простить, но госпожа Нелидова, зная свою власть надо мной, вмешалась в решение политических вопросов. Английский посол сэр Чарльз Уитворт в письме из Петербурга в Лондон сообщил 27 февраля 1797 года, что он передал 300 тысяч рублей девице Нелидовой за содействие в подписании англо-русского договора 21 февраля 1797 года. И Мария Федоровна причастна была к этому событию. Дамы, оказывается, руководили политическими вопросами. Дамы, оказывается, направили мою приязнь к Англии и неприязнь к Франции, которая уже готова была сбросить с себя якобинский гнет, уничтожила якобинцев, утвердила Директорию, дала простор талантливому генералу Наполеону. Получается, что Нелидова крепко подвела меня. Да и Никита Петрович Панин, дипломат и вице-канцлер, тоже направлял мою душу в сторону Англии, тоже, видимо, получал английские деньги. Двух лет еще не прошло моего царствования, а сколько уже ошибок я совершил… И все из-за них…»

Кутайсов, взглянув на императора, просто ужаснулся, такого гнева на лице императора он давно не видел. «Главная цель достигнута», – подумал Кутайсов. Он не отходил от императора, пока не высказал все то, что давно созрело в его мстительной душе.

В мае 1798 года в Москве император увидел на балу обаятельную красавицу. И тут же спросил одного из придворных: кто она?

– Ваше величество, – ответил догадливый придворный, – это

Анна Лопухина, она уже давно обратила на вас внимание, говорят, она из-за вас уже голову потеряла.

«Хорошее начало нашего знакомства», – подумал император. И вновь посмотрел на Анну Лопухину: «Это была красавица-брюнетка, с чудною белизны лицом и глубокими выразительными глазами. Красота Лопухиной носила, по отзыву современников, кроткий, меланхолический характер, и была тем более поразительна, что Лопухина отличалась необыкновенною скромностью. По словам современников, Павел несколько раз говорил о впечатлении, произведенном на него Анной Петровной, и это повело к беспокойству императрицы и Нелидовой, постаравшихся ускорить отъезд императора из Москвы» (*Шумигорский Е.С.* Екатерина Ивановна Нелидова. СПб., 1902. С. 83).

То была искра, которая вскоре породила бурю, что было замечено всеми придворными, и, конечно, брадобреем Кутайсовым. В свое время Екатерина II отправила его в Париж учиться на фельдшерские курсы и парикмахерскому искусству, но в Париже он овладел и еще одним ремеслом – искусством интриги ради личной выгоды. Император тут же поручил Кутайсову спешное поручение: побывать у князя Петра Васильевича Лопухина, поговорить с ним и его супругой Екатериной Николаевной о переезде в Санкт-Петербург с Анной Петровной и всем семейством.

Пока император Павел I следил за большими маневрами войск Московского гарнизона под руководством фельдмаршала Салтыкова, Иван Кутайсов вел утомительные переговоры с Лопухиными. «Негоциации продолжались во все время маневров, – вспоминал очевидец, – и прелиминарные пункты были не прежде подписаны, как за несколько минут до отъезда его величества в Казань».

Утром 16 мая 1798 года Павел I готовился отправиться в путь, экипажи были готовы к путешествию. «Весь генералитет и все штаб-и обер-офицеры московского гарнизона, – вспоминал современник, – толпились у подъезда. Я, пользуясь званием адъютанта фельдмаршала и качеством исправляющего должность бригад-майора при его величестве, стоял на вышней площадке крыльца; на этой же площадке ходил человек небольшого роста, портфель под мышкой, погруженный в глубокую задумчивость; глаза сверкали у него, как у волка в ночное время, – это был статс-секретарь его величества, Петр Алексеевич Обресков; он сопутствовал государю и должен был сидеть в карете возле царя и докладывать его величеству дела, в производстве состоящие. Ответ решительный Лопухиных тревожил спокойствие души

Обрескова; ну если негоциатор привезет не «да», а «нет»! Тогда докладывать дела Павлу Петровичу, влюбленному страстно, было бы как идти по ножевому лезвию. Все знали, что с разгневанным Павлом Петровичем встречаться было страшно. Минут через десять скачет карета во всю конскую прыть. Обресков ожидает сидящего в карете со страхом и надеждой. Остановился экипаж, вышел из кареты Иван Павлович Кутайсов, вбежал на лестницу и с восхищением громко сказал Обрескову:

– Все уладил: наша взяла, – и поспешил обрадовать приятной новостью. Оказалось, что оборотистый Кутайсов хорошо знал о связи канцлера Безбородко с мачехой княжны Лопухиной Екатериной Николаевной и упорно вспоминал имя канцлера Безбородко в своем дипломатическом разговоре о переезде в Петербург. Через четверть часа после радостного известия Павел Петрович шествовал к экипажу в сопровождении фельдмаршала. Перед тем как сесть в карету, обнял графа Салтыкова и сказал:

– Иван Петрович, я, сударь, совершенно вами доволен; благодарю вас и никогда не забуду вашей службы и усердия.

За государем влез в карету Обресков и поскакали» (*Шильдер*. С. 314).

Павел I решил посмотреть, в каком состоянии войска в Казани и других городах. В Москве прошло все удачно, маневры удались, фельдмаршал и генералы поработали.

Владимир, Нижний Новгород, Казань, Ярославль…

8 июня 1798 года Павел I должен был встретиться с императрицей и фрейлиной Нелидовой.

Еще 11 февраля 1798 года генерал-прокурор, князь Алексей Борисович Куракин, написал ярославскому губернатору, тайному советнику Николаю Ивановичу Аксакову письмо, в котором известил о том, что император Павел Петрович (на обратном пути из Казани в Петербург) хочет посетить Ярославскую губернию, и посоветовал принять заблаговременно всевозможные меры, чтобы император нигде не встретил задержки в дороге. Это письмо озадачило губернатора. Всем было известно, что непорядки в губернии вызовут гнев императора, который указал свой путь – его надо везти через Ярославль, Рыбинск, село Березово, деревню Красное, деревню Большой Двор до Устюжны. Это «представлялось делом более чем рискованным. Могло случиться ужасное несчастье – император со всею свитою и его августейшие сыновья, Александр и Константин, могли утонуть в бездонных болотах» (*Трефолев Л.* Путешествие императора Павла по Ярославской дороге // Русский архив, 1870. № 1. С. 294). Аксаков не знал, что делать. Дурные события ожидали его, и он понимал, чем дело обернется для него. Измученные лошади, грязные

экипажи, а немилость – для губернатора. Губернское управление поручило землемеру Кореневу изыскать вполне безопасную дорогу. Вскоре губернатор написал Куракину обстоятельное письмо, в котором напророчил благоприятный исход путешествия по ярославским дорогам. Все уездные города и городки готовились принять императора. Вновь подумали о том, как ехать императору. Аксаков снова пишет князю Куракину о выборах пути: «С наступлением весны занялись починкою этой дороги. Так как и она была в жалком состоянии, то работы было вдоволь; помещичьи и казенные крестьяне строили мосты, клали гати, рыли водоотводные канавы. Земская полиция и уездные предводители дворянства каждую неделю рапортовали губернскому правлению, что починено, что выстроено вновь; если спущена вода с дороги, то куда: в реку или в другое место?» Вообще ярославские власти не хотели упустить из виду ни одной подробности. 9 апреля князь Куракин известил губернатора, что на каждой станции надобно приготовить 250 лошадей «с потребным числом ямщиков и упряжкою», иметь и запасных лошадей. А всего использовано было 535 лошадей.

Ярославцы с удивлением увидели приближающийся высочайший поезд: 4 кареты, 37 колясок и 2 кибитки. «Сам император и сопровождавшие его великие князья Александр и Константин изволили сидеть в разных колясках. Особые экипажи назначались под гардероб, для камердинера и парикмахера, аптеки и аптекаря, для поклажи лейб-кучера, для казны и проч. При казне находились сенатский экзекутор Катенин и некто Поскочин, «сенатского батальона офицер». Кухня обеденная и кухня вечерняя занимали 8 колясок. Девять персон свиты сидели в отдельных экипажах; менее важные персоны ехали по двое» (Там же. С. 299). Среди сопровождавших императора были Голенищев-Кутузов, Смагин, Жеребцов, Абатуров…

Князь Алексей Куракин в своих письмах давал подробную инструкцию приема императора, Аксаков и губернское управление рассылали эту инструкцию по местам маршрута высочайшего поезда. Но не всем предводителям дворянства удавалось потрафить петербургской инструкции: «Мологский предводитель Алекс. Сем. Мусин-Пушкин напрасно старался купить все нужное для высочайшего стола и, наконец, после многих хлопот, донес губернскому правлению, что в таком бедном городке, как Молога, «лимонов свежих, спаржи, шампиньонов, капусты цветной, сафою желтого и зеленого сыскать не можно! Равно велено мне припасти графинов, стаканов, рюмок и столового белья, да вин столовых, белого и красного, и еще портеру; но сих вещей отыскать здесь негде…»

Это донесение ужаснуло губернскую администрацию, и губернатор тут же выделил 250 рублей с покорнейшей просьбой «на сию сумму постараться искупить назначенные по реестру припасы». Тотчас несколько ящиков с вином «из «фряжских» кремлевских погребов», 211 бутылок, были отправлены.

Накануне приезда императора известный поэт Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, секретарь императора, написал губернатору Аксакову подробное письмо о том, как принимать императора и его свиту: «Никаких приуготовлений не делать, а буде где сделаны, отменить и уничтожить», «Накрепко втолковать градским жителям и поселянам, чтоб во время проезда Его Величества отнюдь «ура!» не кричали»… Немедленно гонцы губернатора поскакали в разные города предупредить об этой инструкции. Тревога не оставляла местное дворянство, губернатора и членов губернского управления, но все прошло благополучно, некоторые из дворян были награждены императором. Если и гневался император, то вспышки происходили при виде преданности дворянства.

В Тихвине Павла I дожидались императрица Мария Федоровна и ее фрейлина Нелидова, которые последнее время почти не расставались. Здесь Павел и Мария Федоровна участвовали в перенесении чудотворного образа Тихвинской Божией Матери в только что отстроенную церковь местного монастыря. Мария Федоровна и фрейлина Нелидова слушали восторженный рассказ императора о маневрах, о состоянии московского дворянства, о сенаторе московском князе Лопухине и его дочери-красавице Анне Петровне.

Только что сорвавшаяся фраза о княжне Лопухиной раздосадовала императора, тут же увидевшего, как императрица догадливо переглянулась с Нелидовой.

«Права фрейлина Нелидова, которая часто упрекала меня за вспыльчивость и несдержанность. Кто-то успел подсчитать, что за последнее время я наказал 117 офицеров. Фрейлина Нелидова за некоторых заступалась. Она добра, а мне надо строить армию, государство, разваленное моей матушкой. Сколько было из-за этого неудач», – с досадой подумал Павел, перебирая в памяти всех любовников российской государыни, действовавших хуже уголовников.

Через Новую Ладогу и Шлиссельбург 11 июня 1798 года императорский поезд прибыл в Павловск.

При императорском дворе не затихали интриги, доносы, открытые схватки между придворными и чиновниками. Ростопчин открыто конфликтовал с Марией Федоровной, Иван Кутайсов то и дело нашептывал императору о направленных

против него злонамерениях. То, что в близкий круг императора входили братья Куракины, раздражало почти всех придворных. Оба князя были поддержаны в своих действиях императрицей Марией Федоровной и фрейлиной Нелидовой. Замечали, что Александр Куракин, занимаясь внешними делами, плохо разбирался в переменах, происходивших в мире, а Алексей Куракин, генерал-прокурор, занимаясь делами внутренними, больше заботился о своей личной выгоде, а не об успехах России. Почему-то получилось, что Александр Безбородко оказался не столь влиятельной фигурой, как это было при Екатерине II, его интересы были ограничены делами Коллегии иностранных дел, к нему часто обращались за нужными справками, но деятельного Безбородко это мало удовлетворяло.

1 августа 1797 года Рожерсон писал графу Воронцову: «Князь Безбородко почти закончил свое лечение и, следовательно, принужден будет проводить больше времени в Павловске. Он употребляет все усилия, чтобы ограничиться своим департаментом (коллегией иностранных дел), и даже говорит довольно открыто о своем непреложном намерении выйти через год в отставку. Он не успеет в этом. Между тем, дела внутреннего управления почти целиком находятся в руках генерал-прокурора, который, в то время как наш государь почти исключительно сосредоточил свое внимание на военных распорядках, имеет значение как бы соправителя… Вице-канцлер более ничтожен, чем когда либо, но человек он добрый, совсем другой, чем брат его, который имеет несчастие быть ненавидимым всеми» (Архив кн. Воронцова. XXX. 104–105).

Безбородко видел, как уничтожается выстроенная им с помощью императрицы Екатерины политика невмешательства в бурные события XVIII века, Павел, под давлением рыцарских чувств, был уже готов обнажить меч против революционной Франции. Австрия же в это время заключила мир с Францией. «Нет, я не живая справочная политическая энциклопедия, – думал Александр Безбородко, – еще возможно управлять внешними событиями мирового порядка». Однако без Ивана Кутайсова ему не разобраться в интригах императорского двора, ясно – нужно избавиться от близкого окружения Павла I.

Вскоре Иван Кутасов в Павловске и в Петергофе всем известным людям императорского двора начал расхваливать генерала фон Палена и резко критиковать братьев Куракиных. Об этом заговорили многие придворные, некоторые эпизоды долетали и до слуха императора. Павел I поддержал нападки на Александра Куракина, и было за что. За него вступилась императрица, но безрезультатно. Павел холодно стал обращаться

с Алексеем Куракиным, с генералом графом Федором Буксгевденом. Невольно получалось так, что вспышки гнева чаще всего были обращены на тех, кто был в дружеских отношениях с императрицей и фрейлиной Нелидовой.

Трудно было в чем-то упрекнуть обер-гофмейстера графа Румянцева, но почему-то, когда император заглядывал к императрице, всегда заставал у нее и графа.

Слушая многочисленные восхваления Палена и многих малоизвестных ему людей, Павел I в кругу близких ему людей удивленно восклицал:

– Странно! Никогда не слыхал я, чтобы о ком-либо говорили так много хорошего, как о Палене. Я, значит, довольно ложно судил о нем и должен эту несправедливость поправить.

Павел I обратил внимание на генерала Палена, спрашивал его о генерале Зубове, которого тот в свое время отметил не по заслугам, и получил внятное объяснение. Искренность Палена убедила императора, что генерал не преследовал корысть, а просто воздал должное тому, кто только что властвовал над страной и купался в роскоши.

Между тем по велению императора 1 августа князь Петр Васильевич Лопухин прибыл в Петергоф и был приглашен на обед с императором, с которым долго беседовал.

Через несколько дней, 8 августа, князь Лопухин был назначен генерал-прокурором. 20 августа император подарил князю Лопухину дом на Дворцовой набережной, пригласил заседать в Совете, в сентябре князь – уже действительный тайный советник. Его жена, Екатерина Николаевна, пожалована в статс-дамы, а дочь, Анна Петровна, в камер-фрейлины.

Совсем скоро Анна Петровна, соперница, окажется в Петербурге. Мария Федоровна убедилась, что та фраза императора, которую он сгоряча произнес во время поездки из Тихвина в Петербург, была не случайной, он проговорился. О своих опасениях она переговорила с графом Румянцевым, с фрейлиной Нелидовой, с близкими людьми. Граф Николай Петрович посоветовал ей написать Анне Петровне письмо, может, одумается.

Хотя и предчувствуя свое опоздание с противодействием, Мария Федоровна написала Анне Петровне, письмо было угрожающим, она просила ее не приезжать в Петербург, у императора много близких людей, дескать, он скоро остынет. А что она будет делать потом? Естественно, письмо было перехвачено близкими Кутайсова, передано императору, состояние которого после чтения письма трудно было передать словами – он был в ярости (Архив кн. Воронцова. XV. 134. Письмо

Протасова. Он обвиняет в этом Плещеева и графа Н.П. Румянцева).

Очевидец событий заметил, как император Павел однажды за обедом настолько разгневался на императрицу, что приказал ей оставить стол. Но стоило выйти императрице, как следом за ней покинула стол и фрейлина Нелидова.

– Останьтесь здесь, сударыня, – сказал Павел Петрович, стараясь удержать ее.

– Государь, – отвечала она, – я знаю свои обязанности.

Чуть ли не на следующий день Екатерина Нелидова писала императрице: «Я вполне сознаю, насколько ваше величество может быть огорчены тем, что совершается в настоящую минуту, и я не осмелилась бы представить вам, что бесполезно принимать так близко к сердцу скоро преходящие неудовольствия, которые, как каждый знает по собственному примеру, бывают между самыми любящими друг друга людьми. Увы, кто мог бы себе вообразить, ваше величество и я, если осмелюсь затем себя наименовать, – эти два лица, быть может, самые преданные императору, могли бы подать ему действительный повод к недовольству! Всякий легко поймет, что во всяком случае мотивы, руководившие вашим величеством, были чисты. Признаюсь, что вчера вечером некоторые лица заметили мне, что император нехорошо обходился со мною, но я ответила им, что это меня нисколько не беспокоит, потому что его величество всегда приходит в конце концов к тому, что отдаст справедливость тем, кто истинно к нему привязан, и что ошибки его вскоре признавались и исправлялись им же самим. Я убеждена, что он сам недоволен собою за несправедливость, и я нисколько не сомневаюсь в том, что он успокоит в недалеком будущем слишком впечатлительную душу вашего величества» (Correspondance. P. 367–368).

Но Екатерина Ивановна ошиблась, что Павел Петрович вскоре остынет от своей ярости, его поведение было непредсказуемым, и Мария Федоровна вручила ему 13 июля письмо, которое завершалось следующими словами: «Осуждайте мое поведение, подвергнете его суду всякого, кого вам будет угодно; будучи выше всякого порицания и подозрения, всякого упрека, я нечувствительна к оценке моих действий, но не могу быть такою к характеру публичного обращения со мною, и это не ради себя, как отдельной личности, но ради вас, как императора, который должен требовать уважения к той, которая имеет честь носить ваше имя, потому именно, что она ваша жена и мать ваших детей. Я ограничиваюсь лишь единственной просьбой относиться ко мне вежливо при публике. Верьте мне, друг мой, что во времена, в

которые мы живем, государь должен заставлять относиться к своим с уважением: это нужно ему для самого себя. У меня нет ни горечи, ни раздражительности. Углубляясь в свою душу и испытывая ее пред Богом, я нахожу в ней только чувство глубокой привязанности и, быть может, такой же печали» (Письма. С. 55).

Мария Федоровна писала это наставительное письмецо, еще не зная о том, что содержание ее письма Анне Лопухиной уже известно императору. Но в письме фрейлине Нелидовой 18 июля Мария Федоровна, накануне своего дня рождения 22 июля, пишет совсем в другой тональности: «Chere et bien-aimee Nelidow, чрез три дня вы у меня, за моим столом! Мы будем разговаривать, сердца наши будут понимать друг друга, и мы будем иметь сладостное утешение сказать, что мы любим друг друга. Я получила ваши новости вчера вечером, милый друг мой. Дорогая моя Нелидова, интриганы не стали ждать вашего возвращения, чтобы сызнова начать свои происки. Вчерашний день – без всякой сцены, без всякого дурного поступка, но имеет оттенок, который доказывал, что исподтишка поработали-таки: жалобы возобновились. Сегодня опять погода прекрасная. Слава Богу, по крайней мере соблюдается вежливость и приличие, и это – много. В остальном будем надеяться, что небо откроет глаза нашему дорогому императору и покажет ему разницу, существующую между истинными и ложными друзьями, – то, что он выигрывает с одними и теряет с другими. Я надеюсь, что моя добрая Нелидова приедет 21-го пораньше, чтобы мы имели возможность хотя немного побыть вместе» (Там же).

22 июля 1798 года обер-гофмейстер граф Румянцев, как и в прежние дни, встал рано утром, позавтракал, набросал на листочке приветственные слова в адрес императрицы и неторопливо двинулся к ее покоям. Мысленно он будто вновь прожил последние десятилетия, выделяя все, что происходило в душе с тех пор, как увидел юную герцогиню Вюртембергскую, нареченную невесту великого князя Павла Петровича. Ни на одну женщину он не смотрел так, как на нее… Господи! Больше двадцати лет прошло с тех пор, а до сего времени живо его впечатление от этого свидания. Но если бы только он… И она все эти годы, несмотря на различие их положения в обществе, по-прежнему благосклонна к нему, воспринимает его советы, участвует вместе с ним в коммерческих делах…

По дороге граф Румянцев еле успевал раскланиваться со знакомыми и друзьями. Петергоф сегодня торжественно отмечает день рождения императрицы Марии Федоровны Романовой.

«Вчера приехала Екатерина Ивановна Нелидова… Сколько

лет она связана сначала с великим князем, а потом императором Павлом Петровичем… Ого-о-о! – воскликнул про себя граф Румянцев. – Не меньше десяти лет, а может и больше… Сколько удивительного про эту связь рассказывали придворные и офицеры, которые постоянно находились при княжеских и императорских покоях… Забавную историю поведали дежурные офицеры… «Неожиданно раздался крик часового: «На караул!» Солдаты едва успели схватить свое оружие, офицеры – свои шпаги, как из покоев фрейлины Нелидовой выскочил император Павел в полной форме, в башмаках и шелковых чулках, при шляпе и шпаге, поспешно двинулся в свой кабинет, а над его головой, едва не задев ее, в ту же минуту полетел дамский башмак, с очень высоким каблуком. Император едва успел закрыть свою дверь, как из покоев вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмак, надела его и вернулась туда же, откуда вышла. А на следующий день император подошел к офицеру Николаю Александровичу Саблукову, который дежурил в тот день, и сказал: «Мой милый, у нас вчера была ссора». «Точно так, государь», – ответил офицер. А вечером был бал, император снова подошел к Саблукову и попросил его потанцевать. Офицер тут же догадался, с кем надлежит ему танцевать. Екатерина Ивановна была несравненна, выделывала такие па, проделывала такие обороты, такая плавность была во всех ее движениях, что ее танец напомнил всем собравшимся ее учительницу, несравненную Латини. Да и Саблуков был превосходен, а император был в восторге, повторяя восклицания: «C’est charmant, c’est superbe, c’est delicieux!» (РА. 1889, 1910).

Екатерина Ивановна очень много читала и не раз поучала императора быть терпимым и умеренным в своих наказаниях. Кто-то подсчитал, что за короткий срок император наказал 117 офицеров. Во время вахт-парадов и других военных экзерциций офицеры запасались деньгами, чтобы не нуждаться во время ссылки, ведь приказ о наказании исполняется мгновенно. «Государи, – говорила Екатерина Ивановна императору, – еще более всех прочих людей должны упражняться в терпении и умеренности. Чем выше поставлен человек, тем более должен упражняться в терпении и умеренности, ибо люди несовершенны».

Граф Румянцев, подходя к покоям императрицы, подумал, что и Екатерина Ивановна, и Мария Федоровна ничуть не уступают в пылкости своих характеров императору Павлу.

Друзья и близкие придворные уже толпились у покоев императрицы. Граф Румянцев тут же обратил внимание, что

собравшиеся выглядят потерянными. Оказывается, здесь уже успел побывать император, который своим видом и репликами передал свою хмурую озабоченность, что чаще всего проявляется во время похорон близкого человека.

Мария Федоровна и Екатерина Ивановна вышли из покоев, граф Румянцев произнес заранее заготовленную поздравительную речь, начался обряд поздравлений.

«В день тезоименитства императрицы государь был в явно дурном настроении. Е.И. Нелидова была погружена в глубокую печаль, которую безуспешно старалась скрыть. Что же касается бала, то, по замечанию очевидца, он скорее был похож на похороны; все предсказывали новую грозу» (*Шильдер*. С. 317).

Часть вторая
Первый консул Франции

Больше полутора лет прошло после событий 18 брюмера (9 ноября) 1799 года в Сен-Клу, когда Наполеон Бонапарт в качестве первого консула стал во главе французского правительства. Эти драматические события отчетливо врезались в память министра внешних сношений князя Талейрана, принимавшего активное участие в очередном государственном перевороте во Франции. После блестящих побед в Италии в 1796–1797 годах и активных действий в Египте личность генерала Наполеона Бонапарта пользовалась невиданной популярностью и славой, а Директория, избранная несколько лет назад, почти утратила свои правительственные полномочия, личности директоров – свой авторитет. Из Италии, от Наполеона, в качестве трофея поступали сотни картин выдающихся итальянских художников, сотни скульптур, десятки миллионов ливров. В обществе все чаще говорили о смене власти, которую установила Директория.

Талейран вернулся во Францию летом 1796 года благодаря декрету Конвента, отменившего гонения на него. Тридцать месяцев прожил он в Лондоне и Америке, в Нью-Йорке и Филадельфии, много путешествовал, познакомился с выдающимися деятелями революции. В Гамбурге, куда доставило Талейрана «плохонькое датское судно», он посетил знакомых, которые рассказали о происходящем во Франции, повидался с графиней Жанлис, писательницей, бывшей в свое время воспитательницей детей герцога Орлеанского. Затем Талейран пятнадцать дней прожил в Амстердаме, заехал в Брюссель и прибыл в Париж только в сентябре 1796 года. И сразу возобновил свои прежние знакомства, к примеру с баронессой Анной-Луизой Сталь, дочерью швейцарского банкира и министра Неккера при Людовике XVI, писательницей (в первые годы революции ее салон был самым привлекательным для Талейрана). Она тут же подумала о возвращении старому другу, столь образованному и опытному человеку, приличной должности во Франции. Ее интрига оказалась удачной. Когда было объявлено о реорганизации министерства, Баррас предложил назначить Талейрана, бывшего епископа Отенского и бывшего депутата Национального собрания, министром внешних сношений. Но эту личность хорошо знали члены Директории. Стихи Лебрена о Талейране «С медным лбом он соединяет ледяное сердце» были памятны. Но это лишь была малая часть слов о его репутации, три

директора считали его взяточником, четвертый директор считал его вором и взяточником, а Ребель не только вором и взяточником, но и изменником.

– Талейран состоит на тайной службе у иностранных держав! – кричал Ребель. – Никогда не было на свете более извращенного, более опасного существа.

А Карно тут же поддержал Ребеля:

– Талейран потому именно так презирает людей, что он много изучает самого себя… Он меняет принципы как белье.

Баррас был согласен со своими коллегами, но он предлагал кандидатуру Талейрана потому, что знал, что правительству нужен знающий дипломат, тонкий ум, способный к различным переговорам, к словесным поединкам самого трудного свойства, а главное – его рекомендует мадам де Сталь.

Талейран, почувствовавший атмосферу Парижа, сразу установил связь с генералом Бонапартом, мечтавшим о полноте государственной власти во Франции. Но эта власть должна быть отдана ему законным путем. Талейран вспомнил, как однажды они с генералом обсуждали детали законного прихода к власти: вместо пяти директоров Директории депутаты изберут трех консулов, среди которых будет первый консул как глава правительства, и главой правительства станет Наполеон Бонапарт. И как только это произошло, Наполеон Бонапарат, первый консул, сразу послал свои письма в королевское правительство Великобритании и в императорское правительство Австрии с предложением начать переговоры о мире в Европе. Талейран помнил и о том, как на его глазах менялся облик первого консула.

Никто из генералов не поверил в силу и бесстрашие генерала Бонапарта, когда он, приехав в Ниццу, как главнокомандующий итальянской армией, встретился с начальником штаба армии генералом Бертье, а 27 марта 1796 года принял рапорт командиров дивизий. Один из них, генерал Массена, рассказывал, с каким недоверием он смотрел на этого 26-летнего тшедушного человечка, этого мальчишку со спутанными волосами, который сумел возглавить 37-тысячную армию оборванцев, с пустыми желудками, без жалованья, обутых в плетенные из соломы сабо, и вести войну против Австрийской империи и королевства Пьемонт. Маленький рост Наполеона, его худое лицо, портрет жены, который он держал в руке, а главное – его молодость – все это рождало в глазах генералов презрение и надменность. Но вопросы, которые то и дело поступали от командующего, убедили генералов в его глубокой компетентности. За два дня его командования армией появились хлеб, мясо, вино и обувь. От

презрения и надменности дивизионных генералов не осталось и следа. Они перестали думать о закулисных интригах Директории. Вскоре, 2 апреля 1796 года, началась Итальянская кампания, а успешные операции Наполеона при Монтенотте и Миллезимо открыли ему дорогу на Турин и Милан. В Париж повезли полковые знамена разбитого противника. В битве при Лоди Наполеон Бонапарт под градом пуль и ядерных разрывов шел впереди войска со знаменем в руках. Австрийцы были разгромлены, и в Париж потекла контрибуция в звонкой монете: Ломбардия – богатая итальянская провинция. Имя Наполеона стало популярным. «После Лоди и покорения Ломбардии, – мелькнуло у Наполеона, – я уже в Париж могу послать миллионов двенадцать. Вряд ли это под силу простому генералу, а не человеку, призванному определить судьбу целого народа».

В европейских государствах с изумлением следили за битвами в Италии. Лоди, Кастильоне, Арколи, Риволи, Мантуя. Победы Наполеона, которые следовали одна за другой, поражали прежде всего австрийцев, да и вся Европа была ошеломлена.

В Париже нарастающая популярность генерала Наполеона вызвала беспокойство. За многозначным мнением внимательно следил Талейран, бывая в различных кругах светского общества, в кругу друзей, у любовниц, в парламенте, в театре. Директория присылала генералу Бонапарту циркуляры, которым он должен был следовать, но Бонапарт в знак протеста тут же посылал в ответ заявление о своей отставке, о чем не могло быть и речи: звонкая монета мощным потоком текла в казну Франции, а циркуляры теряли свою силу, с возраставшим презрением к «пяти королям» Директории.

Осенью 1797 года полновластный хозяин всей Северной Италии генерал Наполеон в роскошном дворце Монбелло признался французскому посланнику в Тоскане графу Мио де Мелито и миланскому графу Гаэтано Мелци:

– То, что я сделал до сих пор, – по сути дела, ничто. Я лишь в начале той карьеры, которая ожидает меня. Неужели вы считаете, что здесь, в Италии, я добиваюсь одной победы за другой ради величия этих адвокатов, заседающих в Директории? Этих Карно, Баррасов? Неужели вы думаете, что я все это делаю ради создания республики? Что за вздорная идея! Нации нужен вождь, вождь, овеянный славой…

Французский историк Андре Кастело, приводя этот эпизод, напоминает и слова поэта Арно: «Этот человек – человек необычный. Все меркнет перед величием его гения… Он рожден, чтобы властвовать, как другие рождены, чтобы пресмыкаться. Если ему повезет в ближайшие четыре года и его не сразит

шальная пуля, он окажется либо в ссылке, либо на троне».

И до Парижа, и, конечно, до Талейрана доходили слухи, что генерал Наполеон ведет себя в Монбелло как монарх, не только единолично властвует, но и действует как единодержавный властитель. Вокруг обедавшего в одиночку Наполеона стояли навытяжку министры итальянского правительства, судьи, даже его офицеры, будущие маршалы его армии, терпеливо ждали, когда он заговорит с ними. Приехавшая Жозефина сразу почувствовала себя королевой и с «элегантной легкостью» запускала свою руку в армейское имущество. Столь же беззастенчиво действовала и прибывшая в Монбелло корсиканская семья генерала Наполеона.

Наполеон прекрасно знал, что в Париже при поддержке графа Прованского и графа д'Артуа, братьев казненного короля, ожили роялисты. Он презирал адвокатов Директории, открыто обвинял их в «слабости, нерешительности действий, малодушии, растратах и порочной косности унизительной политической системы, «подрезающей крылья национальной славе». И ближайшее окружение генерала знало о том, что он готов был взять часть своей армии и идти на Париж, чтобы уничтожить роялистов. Но это была лишь малая часть его планов. Нужно было во что бы то ни стало заключить мирный договор с австрийским императором. Наполеон слал письма в Директорию, переписывался с Талейраном, вел переговоры с графом Кобенцлем, который выражал австрийские интересы при заключении мирного договора с некоторой даже экстравагантностью: австрийский император требовал в качестве «компенсации» земли Венеции до Адидже. Вскоре генерал Наполеон и граф Кобенцль подписали мирный договор, по которому Австрия приобрела Венецианскую республику без Ионических островов. Директория вынуждена была ратифицировать договор, а в Париже генерала Наполеона назвали одним из «величайших героев Античности».

Директория назначила генерала Наполеона командующим английской армией, которая готовилась воевать против Англии, если начнется война. Но вскоре Директория направила Наполеона в Раштадт первым полномочным представителем на конгресс, который должен был подтвердить все статьи заключенного мирного договора со Священной Германо-Римской империей. По дороге в Раштадт, 19 ноября, в Турине, он признался графу Мио де Мелито:

– Я не покинул бы Италию, если бы не намеревался играть во Франции роль подобную той, которую играл до сих пор здесь, в этой стране. Но время еще не настало, груша не созрела. Ход

вещей зависит не только от меня. В Париже проявляют недовольство. Поднимает голову партия Бурбонов, а я не желаю способствовать ее победе. Я очень хочу когда-нибудь ослабить Республиканскую партию, и ее ослабление должно пойти мне на пользу.

30 ноября 1797 года был подписан договор, в котором подтверждались все решения, принятые в Ундино: Венецианская республика переходила императору Францу, Майнц – французам. Этот город Франция не раз занимала – в 1644, 1688 и 1792 годах, но утратила спустя девять месяцев. Он теперь был передан французам и до 1814 года будет столицей французского департамента Монт-Тонер.

В этом договоре и крылась главная причина всех Наполеоновских войн. «Англия никогда не согласится с аннексией левого берега Рейна и передачей его Франции. Что касается Австрии, то, изгнанная из Нидерландов, она потеряла и большую часть своего итальянского пирога. Так как Франция не захочет вернуться к своим прежним, естественным границам, одна война будет сменять другую, тем более Франция на этом не успокоится и будет расширять свои «французские» границы до реки Эльбы и Ионического моря!» (*Кастело А*. Бонапарт. С. 204–205).

Весь декабрь этого года был посвящен торжественным встречам генерала Наполеона в Париже. Он наконец-то познакомился с Талейраном, который устроил парадный обед в его честь, потом Директория устроила в его честь бал, но главное в том, что Институт – высшее научное учреждение республики (Академия наук) приняла его в число «бессмертных», а количество претендентов было одиннадцать.

Как писала газета «Нарратёр», «Бонапарт поражал всех широтой и разнообразием своих познаний», он свободно разговаривал о математике с Лагранжем и Лапласом, о метафизике – с Сийесом, о поэзии – с Мари-Жозефом Шенье, братом Андре Шенье, о политике – с Галлуа, о юриспруденции – с Доно. Еще бы, за все эти годы он прочитал горы книг!» (Там же).

Еще в сентябре 1797 года Наполеон писал Талейрану, что ему хотелось бы, чтобы он, министр внешних сношений, раздобыл в Париже кое-какие сведения насчет «нашей возможной экспедиции в Египет» и о том, как бы реагировала на эту экспедицию Порта.

8 февраля 1798 года Наполеон отбыл на север Франции, посетил много городов, понял, что Франция к войне с Англией не готова, наоборот, пора готовить экспедицию в Каир, а потом в Индию, и этими победами над Турцией и Индией можно ослабить Англию.

17 февраля Наполеон вернулся в Париж, а 20 февраля Талейран подал в Директорию доклад, в котором советовал одобрить Французскую экспедицию в Египет.

Возглавив экспедицию в Египет, Наполеон проделал огромную работу. Он пригласил в экспедицию египтологов, астрономов, натуралистов, геометров, минералогов. Многие согласились, в том числе и знаменитый химик и врач Клод-Луи Бертолле, и математик и инженер Гаспар Монж.

Талейран, предчувствуя близкий конец Директории и сославшись на здоровье, подал прошение об отставке с поста министра внешних сношений.

19 мая 1798 года флотилия Наполеона покинула бухту Тулона и направилась в Египет. Недалеко от Александрии, где сосредоточилась турецкая армия в 10 тысяч человек при поддержке англичан во главе с Сидни Смитом, Наполеон выставил свою десятитысячную армию. Французская артиллерия сыграла в этой битве решающую роль. В конце битвы сражение походило, как утверждают историки, на массовую кровавую резню.

– Это была самая прекрасная битва, из всех, которые мне приходилось видеть, – сказал Наполеон, видя, как на волнах покачивались тысячи турецких тюрбанов и шарфов.

– Мой генерал, – воскликнул генерал Клебер, услышавший эти слова, – вы настолько же велики, как этот мир, но этот мир для вас тесен!

«Согласен, генерал», – подумал Наполеон.

Но что происходит во Франции?

Шесть месяцев Наполеон ничего не знал о том, что происходило на родине, в Директории, в мире. Посланный офицер связи, прибывший на английский корабль, чтобы договориться об обмене военнопленными, получил номер французской газеты за 10 июня 1799 года. Наполеон, раскрыв газету, прочитал: мерзавцы из Директории потеряли Италию. Рухнули вчерашние его триумфы, плоды его побед. Надо было возвращаться в Париж, надо разогнать эту свору адвокатов, которые не способны управлять республикой. Он возглавит правительство, объединит все партии, восстановит Итальянскую республику, наведет порядок во Франции.

Возвращение Наполеона во Францию было сплошным триумфом. В газетах сообщили о том, что «ничто не в состоянии сравниться с безмерной радостью по поводу возвращения Бонапарта. Только это, вкупе с нашими последними победами, – единственное событие, которое давненько не вызывало такого народного энтузиазма. Повсюду пьют за его возвращение, даже в

кабаре; в его честь поют на улицах»; «Теперь он носит короткие ненапудренные волосы…».

Проведя полтора года в Египте, Наполеон, узнав от прогнанной служанки об изменах жены с капитаном Ипполитом, думал о разводе с Жозефиной. Приехав в Париж, он выставил все ее вещи у конторки консьержки в своем особняке. Вечером 18 октября 1799 приехавшая Жозефина (она перепутала дороги, надо было ехать навстречу с Наполеоном по Бургундской дороге, а она приказала ехать по Бурбонской), увидев выброшенные вещи, несколько часов рыдала у дверей спальни, потом позвала сына и дочь, чтобы рыдать вместе. Наполеон затыкал уши руками, но заунывный вой все-таки достигал его ушей. Наконец он не выдержал, открыл двери, она бросилась в его объятия; полного примирения они достигли на широкой двуспальной кровати.

Но личная драма ненадолго отвлекла Наполеона от дел. Читая газеты и беседуя с деятелями Бурбонского дворца, Наполеон понял, что Франция за эти полтора года изменилась, она как бы вступила в новый этап своей драматической истории. На первых порах в Бурбонском дворце хотели судить Наполеона и расстрелять за то, что он покинул армию в Египте без разрешения правительства, а потом, одумавшись, предложили возглавить любую армию на выбор.

Бонапарт среди прочих бумаг прочитал и доклад полиции о состоянии текущего дня: «Падение нравов достигло крайней отметки, новое поколение отчаянно предается распутству, неисчислимые отрицательные последствия чего не могут не сказаться на судьбе будущего поколения. Содомия и лесбиянство столь же распространены, как и проституция, и их постоянный прогресс не может не вызвать сожаления». «Боже! – восклицал епископ Ле-Коз. – Насколько развращено наше общество! Повсюду блуд, прелюбодеяние, кровосмешение, отравления, убийства – таковы ужасные плоды нашего философствования даже в сельской местности. Мировые судьи жалуются, говорят, что, если не приостановить этот поток аморальности, многие наши коммуны в скором времени станут необитаемыми». «Революция, – писал Камбасерес, – теперь вызывает всеобщее отвращение». «Девять десятых французов стали контрреволюционерами», – писал Бенжамен Констан. – Если в течение двух ближаших месяцев не произойдет нечто, что удержит республику на плаву, то больше рассчитывать не на что, да и оно, это событие, по своим последствиям может стать для нас катастрофой».

И в газетах, и во время визитов к тем, кто владел информацией о политической информации общества, и в воспоминаниях о встречах в провинции, когда ему кричали, что

они сделают его королем, Наполеон предчувствовал, что время в борьбе за власть подошло, пора действовать открыто. Он умело играл роль простого солдата, которому надоела суетность войны. Авторитетные люди во власти напоминали Наполеону, что по существующей конституции директором может стать человек, достигший 40-летнего возвраста. А Наполеону только тридцать. Но Франция нетерпеливо ждет перемен. К виконту Полю Баррасу, развратному, спесивому красавцу и себялюбцу, после нескольких визитов Наполеон испытывал только отвращение. Кто же может принять участие в его судьбе? – сокрушенно думал генерал Бонапарт. Остается бывший аббат Сиейес, но его трусливость и «его натуральная болезнь», лишавшая его, по словам Талейрана, возможности «иметь связь с женщинами», вызывали у Наполеона брезгливость. Но что в этом случае остается делать? При этом бывший аббат только что на заседании Директории советовал не забывать о том, что генерал Бонапарт самовольно оставил армию, ему надо подрезать крылья. А все-таки Талейран посоветовал переговорить с директором Сиейесом.

Талейран договорился о тайной встрече с бывшим аббатом в Люксембургском дворце. Сначала Талейран пошел к Сиейесу, а Наполеон сидел в карете, потом началась встреча троих. Обсуждение деталей вскоре закончилось триумфом генерала Бонапарта.

В 7 часов утра депутаты заслушали доклад Корне, председателя комиссии инспекторов, составленный директором Сиейесом, в котором говорилось о перенесении заседаний в Сен-Клу и объявлено о назначении генерала Бонапарта. С утра Бонапарт нетерпеливо ждал эти декреты, наконец эти декреты доставили на улицу Победы. В декретах говорилось:

«Статья 1. Законодательная власть перемещается в Сен-Клу, и заседания обеих палат будут проходить во дворце.

Статья 2. Работа начинается завтра, 19 брюмера, в полдень. Всякая парламентская деятельность до этого времени или в каком-либо другом месте запрещается.

Статья 3. Генералу Бонапарту поручается исполнение настоящего декрета. Он обязуется принять все необходимые меры для обеспечения безопасности народных депутатов.

Статья 4. Генерал Бонапарт приглашается в Совет старейшин для присутствия при вступлении декрета в силу и для принесения присяги».

Генерал Бонапарт присягнул на Совете старейшин. Вместе с присягой Бонапарт сказал:

– Республика гибла, гибла у вас на глазах, и вы это сами признали и приняли декрет, который должен ее спасти. С

помощью всех друзей свободы, с помощью тех, кто ее создал, и тех, кто ее защищал, я помогу ей. Генерал Бертье, генерал Лефевр и все мои храбрецы готовы исполнить любой мой приказ, разделяют мои чувства. Вы приняли закон, который обеспечивает общественное спасение. Мои смельчаки проследят за его исполнением. Нам нужна республика, основанная на принципах свободы, равенства, на священных принципах национального представительства. И у нас она будет, клянусь вам!

Совет старейшин устроил ему бурную овацию.

Дальнейшие события происходят в Сен-Клу.

По историческим источникам видно, что происходило 19 брюмера (10 ноября) 1799 года. Накануне к виконту Баррасу явились Талейран и адмирал Брюикс и вручили для подписи его собственное прошение об отставке и «кругленькую сумму», Баррас подписал прошение, вскоре после этого отряд драгун проводил его в замок Гробуа, расположенный в его поместье. Два других директора, Сиейес и Дюко, поступили примерно так же, вслед за ними под давлением генерала Бонапарта подали прошение об отставке Гойе и Мулен. Таким образом Директория прекратила свое существование.

«После бурного заседания обеих палат в Сен-Клу Совет Пятисот, выступивший против реформы, был разогнан войсками, – писал английский писатель Хилэр Беллок в книге «Наполеон. Эпизоды жизни» (1932). – Самого Бонапарта, который был в ужасном нервном раздражении и действовал из рук вон плохо, все время поддерживал его брат Люсьен, председатель Совета пятисот; именно он с честью выдержал все напряжение этого трудного дня и довел его до успешного завершения.

Новое правительство было создано посредством голосования оставшихся парламентариев, так что некоторая закономерность была соблюдена. Согласно этому голосованию, Францией должны были управлять три консула, из которых Бонапарта вскоре назвали «первым консулом». В качестве такового он был теперь главой нации, и в той мере, в которой изменение механизма управления могло на это повлиять, олигархия и продажные клики уступили место новому режиму личной власти, основанной, несомненно, на поддержке общественного мнения в целом и в еще большей степени на поддержке армии, хотя и не всех ее командиров. Потому что для некоторых из них Бонапарт был такой же генерал, как другие, – *один из них*. И именно среди генералов зависти к его власти предстояло сохраниться навсегда, в то время как солдаты и младшие офицеры все больше и больше боготворили своего главнокомандующего (*Беллок Х.* Наполеон. Эпизоды жизни. М., 2005. С. 16–17).

Но противоречия в обществе не были преодолены. Многим во Франции стали известны слова первого консула, что он не принадлежит какой-либо группе лиц, отстаивающих свои корыстные интересы, он представляет интересы всего французского народа. Но в обществе, в том числе и среди депутатов, высказывались опасения, что власть генерала Бонапарта и его братьев скорее напоминает «диктатуру шпаги». Некоторые депутаты высказали свои опасения министру полиции Жозефу Фуше, который полностью был на стороне государственного переворота 18 брюмера, нужно было все переиграть.

– Но вы, господа, сами назначили генерала Бонапарта командующим парижскими войсками, есть декрет о его полномочиях, вы дали ему военную власть, и события повернуть вспять уже невозможно. Вы спохватились, господа, поздно.

Наполеон в тот же вечер знал об этом разговоре и подвел итог проходящего дня:

– Среди этих депутатов слишком мало настоящих людей. Я наблюдал за ними весь день. Какое скудоумие, какие низменные интересы!

Адвокат Шазаль внес предложение депутатскому корпусу, согласованное с Сиейесом: «Законодательный корпус голосует за создание временной исполнительной комиссии, состоящей из граждан Сиейеса, Роже Дюко, двух членов бывшей Директории, и генерала Бонапарта, впредь именуемых консулами республики».

Депутаты утвердили это предложение. И на первом заседании трех консулов председателем избрали генерала Бонапарта. Тут же были назначены министры правительства. Оказалось, что правительство не имеет денег даже на дорожные расходы курьеров, не выплачивает денежное довольствие армии, не обеспечивает содержание армии продуктами и обмундированием. Генерал Бонапарт со знанием дела говорил о финансах, армии, о переустройстве администрации, о законах. На любой вопрос Бонапарт отвечал так, будто давно готовился возглавить правительство. Сиейес и Роже Дюко только переглядывались друг с другом, понимая, что не ошиблись с выбором председателя.

15 ноября генерал Бонапарт занял малый Люксембургский дворец.

10 декабря консул Сиейес прочитал основы предполагаемой новой конституции. Но после обсуждения новой конституции многие ее особенности были отвергнуты генералом Бонапартом. 12 декабря вновь состоялось заседание комиссии, на котором были определены обязанности каждого консула. Об этом есть уточнение в мемуарах Фуше, в которых говорилось, что

«поступило предложение наделить первого консула верховной властью, дать ему исключительное право назначать и отзывать всех чиновников, а двум другим консулам отводилась лишь консультативная роль».

Вскоре Талейран был назначен министром иностранных дел. При первой встрече с Бонапартом он сказал:

– Чтобы добиться хорошего управления Францией, единства действий, нужно, чтобы вы стали первым консулом, который сосредоточит в своих руках все, что имеет прямое отношене к политике, то есть управление Министерством внутренних дел и полицией, моим Министерством внешних сношений, а также еще двумя другими – Военного и Морского. Совершенно необходимо, чтобы министры этих пяти самых важных департаментов работали всегда рука об руку только с вами… Два других консула могут взять на себя Министерства юстиции и финансов. Это даст им работу, может, даже развлечет, а вы, генерал, сосредоточив в своих руках все жизненно важные рычаги нашего правительства, сможете добиться той благородной цели, которую поставили перед собой, – возрождения Франции.

Генерал Бонапарт, слушая Талейрана, радовался тому, что он так и сделал при распределении обязанностей консулов. Вся власть действительно оказалась в его руках.

25 декабря 1799 года новая конституция вступила в силу.

Чуть ли не всем европейским государствам генерал Бонапарт в своих декретах предлагал мир и спокойствие. Но мало кто ответил новому французскому правительству.

Первый консул Бонапарт встречался с лидерами роялистов и приглашал их к сотрудничеству во имя процветания Франции.

19 февраля 1800 года первый консул Франции генерал Бонапарт и Жозефина переехали в королевский замок Тюильри. Когда подошло время отходить ко сну, свидетельствуют историки и биографы, Бонапарт привел Жозефину в спальню, здесь в алькове возвышалась кровать красного дерева с бронзовыми украшениями.

«– Ну, моя маленькая креолочка, пойдем поспим на ложе наших властителей-королей. – Он помог ей снять белое муслиновое платье.

– Ах, какое чудо, Бонапарт, какое чудо! – словно завороженная повторяла она, сбрасывая с себя атласное белье» (*Кастело А*. С. 339).

Чуть ли не с первого дня после воцарения трех консулов во Франции действовал твердый порядок управления внутренними и внешними делами. Еще во времена революционных перемен установились десятидневки. Совет консулов собирается почти

ежедневно. За огромным столом в центре сидит генерал Бонапарт, справа и слева второй и третий консулы. Рядом – государственный секретарь Гюг-Бернар Маре, исполнитель всех поручений генерала Бонапарта, в прошлом адвокат, в будущем – герцог Бассано, министр иностранных дел. Недалеко апартаменты, где заседает правительство Франции, куда вошли министр юстиции Камбасерес, министр финансов Годен, военный министр Бертье, министр внутренних дел Лаплас, министр полиции Фуше. Вскоре министр финансов доложил, что в наличности он обнаружил 160 тысяч франков, а долг – 474 миллиона франков.

С первых дней консульства установилась строгая дисциплина, регламентировались дни приемов по различным вопросам, дни заседаний консульства, правительства, Государственного совета, Трибунала, различных департаментов.

Первый консул генерал Бонапарт во всеуслышание заявил:

– Главная моя цель – это консолидация республики. Я намерен сделать ее неприступной для врагов. Чтобы укрепить республику, нужны умеренные законы, порядок и справедливость. Умеренность – основа любой морали, первая добродетель каждого человека. Что он без нее? Грубое, злое животное, больше ничего! Без морали может, вероятно, существовать какая-то фракция, но никогда не будет общенационального правительства.

Тайные агенты в Париже писали Людовику XVIII заметки о первом консуле, роялисты в Париже надеялись, что генерал Бонапарт, умеющий командовать дивизиями, но не умеющий управлять государством, передаст власть Людовику XVIII и его придворным. В конце декабря 1799 года первый консул генерал Бонапарт принял руководителей шуанов и роялистов Франции Гида де Невилля и генерала д'Андинье, которые предложили ему вернуть королевский трон Людовику XVIII, а генерал Бонапарт станет вторым лицом во Франции, возглавив французскую армию. Но Бонапарт, внимательно выслушав шуанов, разочаровал их своей прямотой:

– Я внимательно следил, как вандейцы, анжевинцы, бретонцы, как французские дворяне под руководством принца Конде проливали свою кровь в сражениях с республиканцами, надеясь вернуть королевство Франция, а в это время графы Прованский и д'Артуа, принцы крови, наслаждались жизнью, сохраняя свое здоровье и увлекаясь красивыми женщинами. Почему бы вам, господа, вашим коллегам и друзьям, не поддержать новую Францию? Вам, генерал, я могу отдать любую провинцию, вы будете префектом, вы и ваши сторонники получите от меня все, что пожелаете. У Бурбонов нет никаких

шансов. Вы смелые и отважные люди, если будете служить во французской армии – вас ждет слава и почет.

Министр иностранных дел Талейран молчаливо наблюдал эту дуэль.

По свидетельству источников, «оба роялиста хранили ледяное молчание». Генерал д'Андинье вернулся к шуанам, а Гид де Невилль стал готовить покушение на Бонапарта.

Первый консул приказал закрыть роялистские газеты и журналы, затем начались аресты роялистов, якобинцы и анархисты продолжали плести сети заговоров.

Но больше всего генерала Бонапарта беспокоили известия из Италии. Австрийцы вновь заняли почти всю Италию, переходили в атаку, завоевали Савону, угрожают французским дивизиям, от его побед пятилетней давности ничего не осталось. Австрийскому императору мир не нужен, у него хорошая армия, опытные офицеры, большая державная алчность, которой пора бы противостоять. Но беда в том, что первый консул не имеет права командовать армией, по конституции его роль ограничивается «распределением вооруженных сил» и «разработкой направления их перемещений». Консул Сиейес отправился в свое поместье работать над конституцией, его место занял Камбасерес, Роже Дюкло также отстранился от консульства, его место занял Лебрен. 13 декабря 1799 года прошел плебисцит, и на следующий день Конституция VIII года республики была утверждена, первый консул генерал Бонапарт по праву стал во главе правительства.

Французские дипломаты во всех странах призывали к миру и спокойствию. Россия, разорвав отношения с Австрией и отозвав Суворова из Швейцарии, и без того намеревалась улучшить отношения с Францией. Бонапарт воспользовался этим обстоятельством и тут же велел собрать русских пленных, приодел их и без выкупа отправил в Россию. Одному из офицеров вручил меч Лавалетта, найденный на Мальте, и просил его передать императору Павлу, который отправил генерала Спренгпортена в Париж для заключения мирного договора. Переговоры вести послали сначала опытного дипломата Степана Алексеевича Колычева, но его отозвали, назначив вице-канцлером. В Париж на переговоры отправили графа Аркадия Ивановича Моркова, служившего еще при Екатерине II.

План войны против австрийцев генерал Бонапарт начал разрабатывать давно. Укреплял армию, обеспечивал ее всем необходимым. В армии еще были те ветераны, с которыми он принимал участие в битвах за освобождение Северной Италии. Пришли в армию новобранцы, которых надо было обучать. Те операции, которыми прославилась французская армия под его

командованием, он отменил. Нужна была быстрая, решающая победа посредством стратегического наступления, нужна была тесная координация корпусов; необходимо было максимально использовать бесценную центральную позицию, которую создавали войска в Швейцария, и ударить в тыл противника. Генерал Край и его стотысячная армия находятся в Шварцвальде, а генерал Мелас с такой же армией расположился в Северной Италии.

Французские армии за последние месяцы были почти полностью обеспечены всем необходимым. Генерал Сульт, служивший в Швейцарии, писал своему другу: «Счастливое действие этой перемены (18 брюмера) и внимание первого консула почувствовалось очень быстро. Вскоре в армию стало поступать довольствие, начали выплачивать давно задержанное жалованье и людской состав был пополнен новобранцами специального призыва» (Phipps. P. 465).

Вернувшийся во Францию видный политический деятель Лазар-Никола-Маргерит Карно, член Директории с 1795 года, напрасно обвиненный в 1797 году в роялизме и бежавший за границу, был назначен первым консулом военным министром, а занимавший эту должность генерал Бертье в апреле – командующим резервной армией, которая только создавалась, и в начале марта 1800 года в ней насчитывалось 53 тысячи солдат и офицеров, но Бонапарт надеялся увеличить ее состав до 60 тысяч. Впервые генералу Бонапарту открылась возможность проявить свой стратегический дар. «Обладание Швейцарией, – формулировал свой план атаки Бонапарт, – давало нам возможность зайти в тыл операционных направлений противника в Италии и в Швабии. Моей первой идеей было оставить армию Массены в обороне на Апеннинском полуострове, а резервную и Рейнскую армии направить в долину Дуная. Конституция VIII года не позволяла консулу лично командовать армией; поэтому моим намерением было передать командование резервной армией заместителю и оставить главную армию под командованием Моро; но, следуя за штабом последнего, я мог бы направлять действия обоих. <…> …мы могли бы беспрепятственно двигаться по Австрии, чтобы в Вене возвратить себе Италию» (*Baron A.H.* Jomini. Life of Napoleon. Vol. 1. P. 241).

Одновременно Бонапарт, зная сложную и противоречивую фигуру генерала Моро, который то поддерживал революцию, то склонялся к роялистам, 15 марта 1800 года написал ему дружелюбное письмо: «Сейчас я чувствую себя не человеком, а утратившим всякую свободу и свою честь манекеном. Величие, конечно, прекрасно, но оно осталось в прошлом. Как я завидую

вашей счастливой судьбе. Вам и вашим храбрецам предстоят великие дела. С какой охотой я поменял бы свою пурпурную мантию консула на эполеты бригадного генерала под вашим командованием! Очень хочется, чтобы обстоятельства позволили мне прибыть к вам и помочь».

Генерал Жан-Виктор Моро получил множество инструкций от Бонапарта, в которых детально был разработан план действий французских армий против австрийцев. Однако действовал противоречиво, что подвергло блестящий план крушению. Невозможно было преодолеть упрямство генерала Моро, момент был упущен, а снять генерала Моро у первого консула не получалось, положение его в правительстве было недостаточно прочным, он не мог конфликтовать с генералом, у которого были сторонники в обществе. Критическое положение заставило первого консула Бонапарта возглавить резервную армию.

Вести шли одна за другой: генерал Массена сдал Геную, вся французская армия с оружием была отправлена в Ниццу, а на севере генерал Ланн с ходу взял город Иврие, который открывал вход в долину. 13 июня 1800 года Бонапарт в 10 часов утра прибыл в Сан-Джулиано, осмотрел равнину, увидел три деревни, одна из них была ключевой, деревня Маренгу. По сведениям разведки Бонапарт знал, что австрийские генералы вовсе не думают атаковать французов; если начнется сражение, то они, скорее всего, начнут отступать в различных направлениях, и на этот счет Бонапарт предусмотрел расставить свои войска. Но утром 14 июня Бонапарта разбудил пушечный выстрел. Оказывается, австрийцы начали наступление. А у Бонапарта всего лишь пятнадцать пушек, а у австрийцев их сотни. А накануне он отослал две дивизии Дезе к Нови-Дагуре. Тут же вызвал курьера и написал записку: «Я думал, что первым атакую противника, а он меня опередил. Возвращайтесь, ради бога, если только можете!»

Под шквальным огнем австрийцев французы начали отступать. К тому же у французов кончились патроны. «К нам в самый безнадежный момент, – вспоминал один из очевидцев этого сражения, – подоспели человек восемьсот из консульской гвардии; каждый нес завернутые в рабочий халат несколько сот патронов; их приход спас нам жизнь».

Бонапарт с башни Сан-Джулиано видел отступление своих батальонов, еще миг, и произойдет непоправимое – бегство французов. Он тут же дал приказ своей гвардии наступать. И снова свидетельствует очевидец сражения:

«Как здорово! Их блестящая атака дала нам возможность передохнуть почти час, мы вновь обрели уверенность в себе… Оглянувшись, мы увидели консула. Он сидел на верхушке рва у

небольшой дороги на Алессандрию, держа за уздечку лошадь. Он не слышал свиста долетавших до дороги пуль. Когда мы поравнялись с ним, он вдруг вскочил в седло и галопом помчался за нашими рядами, громко закричав: «Мужайтесь, солдаты! Резервы на подходе. Держитесь!» Солдаты дружно заорали: «Да здравствует Бонапарт!»

Вся равнина уже усеяна ранеными и телами мертвых, которых некогда оттаскивать. Нужно было успевать повсюду. Огонь наших батальонов с тыла задерживал наступавших, но эти проклятые патроны отказывались влезать в раскаленные стволы наших ружей; приходилось на них мочиться, чтобы поглубже протолкнуть патрон. Такая процедура заставляла нас терять много времени… Мы уже пали духом. Было 2 часа пополудни.

– Кажется, баталия проиграна, – говорили наши офицеры.

Штабисты, окружившие Бонапарта, не скрывали беспокойства. Дезе, который в этот момент все же появился на поле сражения со своими свежими силами – 9 тысячами человек, – тоже был такого мнения. Он все время повторял: «Да, баталия проиграна!»

В 2 часа дня австрийцы были абсолютно уверены, что победили французов, украсив кивера зелеными веточками. А в это время при виде показавшихся батальонов генерала Дезе генерал Бонапарт приказал солдатам Бертье перейти в наступление. И тот же очевидец этой битвы увидел, как австрийцы пытались обойти стройное движение солдат Дезе, но вдруг французы раздвинулись, показались пушки, «на головную часть их колонны обрушилась огненная молния. На их головы пролился железный ливень пуль, снарядов и ядер. Повсюду барабаны били «атаку». Развернувшись, французы бросились на австрийцев. Они при этом не кричали, они ревели!»

Часа через два солдаты и офицеры генералов Бертье и Дезе торжествовали полную победу, австрийцы потерпели очередное поражение. Но в этой битве погиб 32-летний генерал Луи-Шарль-Антуан Дезе де Вегу, успевший по записке Бонапарта вернуться со своими батальонами к Маренго и сокрушить австрийцев.

В тот же вечер 14 июня генерал Бонапарт писал в Париж: «Скоро буду в Париже. Больше ничего не могу сказать, ибо пребываю в глубокой скорби по человеку, которого так любил и которого уважал гораздо больше всех других».

Генерал Дезе был похоронен в часовне богадельни на Большом Сен-Бернарском перевале.

15 июня австрийские парламентеры договорились с первым консулом республики Бонапартом о перемирии при условии немедленного вывода австрийских войск из Мантуи,

освобождения всего Пьемонта и Ломбардии, при этом вся артиллерия должна оставаться в местах расположения.

18 июня Бонапарт писал консулам в Париж: «Сегодня, несмотря на то что могут сказать по этому поводу наши атеисты в Париже, я организую большую церковную службу с исполнением «Те Деум» в кафедральном соборе Милана. Надеюсь, французский народ доволен действиями своей армии».

22 июня один за другим в Париж прибыли курьеры от генерала Бонапарта с сообщением о победе французской армии при деревне Маренго. В Париже началось безумное веселье.

«Начиная с полудня, – сообщается в донесении полиции, – с первым выстрелом из пушки большая часть рабочих покинула свои рабочие места и высыпала на улицы, чтобы послушать последние новости. Они собирались возле развешанных по приказу правительства префектом полиции плакатов по всему городу и, прежде всего, в предместьях. К крикам «Да здравствует Бонапарт!» присоединялись и довольно игривые, на грани непристойности возгласы, скабрезные шутки, вызывающие всеобщее веселье. В предместьях все были удивлены откровенностью, с которой все говорили о наших потерях и о французах, взятых в плен. «Сейчас не так, как прежде, – слышалось на улице Виктор. – По крайней мере, от нас ничего не скрывают и мы знаем всю правду».

В кабаре все пили за здоровье первого консула, за армию и республику. По сведениям очевидцев, «в течение двух дней Париж пребывал в состоянии сильнейшего опьянения».

Но, как свидетельствуют источники, в этот момент началась и государственная служба первого консула, подписавшего постановление правительства, по которому «со второго семестра VIII года государственная рента и государственная пенсия будут выплачиваться в звонкой монете». Аристократы Сен-Жерменского предместья и других районов, роялисты и якобинцы победу Бонапарта при Маренго рассматривали как катастрофу, надеялись на военное поражение первого консула, а затем и его свержение, а получалось наоборот, его режим только укреплялся. Буржуа и простонародье в своих письмах и призывах нуждались в твердом управителе, ратовали за вождя.

Бонапарт приказал открыть границы для эмигрантов, родственников или наследников эмигрантов, для жен, возвращающихся к мужьям, ремесленников и крестьян, прислуге.

Историки подробно рассказывают о покушении шуанов, республиканцев и роялистов на жизнь первого консула Бонапарта. Называют разные фамилии, в том числе и римского скульптора Черраки, в молодости друга Буонапарте, и лидеров

шуанов Карбона и Сен-Режана.

24 декабря 1800 года террористы узнали о том, что первый консул Бонапарт поедет в оперный театр слушать ораторию Гайдна «Сотворение мира». На углу площади и улицы Сен-Оноре, которая вела прямо к театру, заговорщики поставят повозку с бочкой, наполненную взрывчаткой, длинный запальный шнур будет приведен в действие, как только первый консул сядет в экипаж, выезжающий из дворца Тюильри, минуты рассчитаны. Первый консул проехал мимо бочки, а через несколько минут, когда проезжала карета с Жозефиной, раздался мощный взрыв…

Произошла настоящая катастрофа: погибли двенадцать гренадеров и десять случайных прохожих, двадцать восемь человек было ранено, сорок шесть домов были повреждены.

Полиция Фуше установила всех причастных к этой катастрофе.

25 апреля 1801 года римский скульптор Черраки и оба шуана Карбон и Сен-Режан взошли на гильотину и под гром аплодисментов собравшихся были гильотинированы.

Часть третья
Черная гроза

Поздно вечером 21 июля 1801 года по внутреннему коридору Петергофского дворца беззаботно шагал Юрий Александрович Нелединский, только что получивший указания императрицы Марии Федоровны. Он возвращался в свои покои, где проживало его семейство, жена и дети.

Навстречу торопливо шли император и озабоченный Кутайсов, который тут же наклонился к уху императора:

– Вот кто следит за вами днем и ночью и все передает императрице.

Слова Кутайсова оказали на впечатлительного Павла Петровича огромное воздействие. Он тут же вернул проходившего Нелединского и строго заявил:

– Вы сегодня же покинете двор. Поезжайте в Москву и дожидайтесь моих распоряжений.

– Но завтра, государь, праздник императрицы!

– Завтра императрица обойдется и без вас. А если вы останетесь здесь, то опустите шторы, не выходите из квартиры и детей не выпускайте.

И спокойно прошествовал дальше, оставив растерянного Нелединского, который до этих пор добросовестно служил императору. Кутайсов наслаждался происшедшим.

28 июля 1798 года последовало одно из роковых событий: на место петербургского военного губернатора генерал-лейтенанта графа Буксгевдена, преданного императору и императрице, по рекомендации Ивана Кутайсова был назначен генерал от кавалерии барон фон дер Пален.

В тот же день получил отставку вице-адмирал Плещеев, некогда близкий друг императора, чуть позднее – князь Алексей Куракин.

А интрига, которую затеяли князь Безбородко и Иван Кутайсов, продолжала раскручиваться. 1 августа московский сенатор князь Лопухин впервые появился в Петергофе, ему была оказана невиданная честь – он обедал вместе с императором во дворце, а 8 августа Лопухин был назначен генерал-прокурором. 20 августа ему был подарен дом на Дворцовой набережной, в последующие дни он заседал в Совете и получил высший чин действительного тайного советника. Жена его, Екатерина Николаевна, стала статс-дамой, а дочь, Анна Петровна, камер-фрейлиной.

9 сентября был уволен в отставку вице-канцлер князь Александр Борисович Куракин.

Преданные еще по Гатчине Ростопчин и Аракчеев вернулись на службу в свиту его величества, а Ростопчин вскоре стал действительным тайным советником, а затем был назначен третьим членом в Коллегии иностранных дел.

Но роковой ошибкой императора Павла было удаление из императорской свиты камер-фрейлины Нелидовой. Очевидцы вспоминали, что Екатерина Ивановна, заметив, как все ее близкие исчезли из императорского управления, а императрица переживала трудные и безрадостные дни, поняла, что ей не совладать с молодой и красивой соперницей Анной Петровной, отец которой стал одним из управителей империи, и удалилась по приглашению графа и графини Буксгевден в их замок Лоде. В прощальном послании она просила не доверяться лакею Ивану Кутайсову. Павел, пытаясь удержать Нелидову, писал: «Я не понимаю, при чем тут Кутайсов или кто другой в деле, о котором идет речь. Он или кто другой, кто позволил бы внушать мне или делать что-либо, противное правилам моей чести и совести, навлек бы на себя то же, что постигло многих других. Вы лучше, чем кто-либо, знаете, как я чувствителен и щекотлив по отношению к некоторым пунктам, злоупотребления которыми, вы это знаете, я не в силах выносить. Вспомните факты, обстоятельства. Теперь обстоятельства и я сам – точь-в-точь такие же. Я очень мало подчиняюсь влиянию того или другого человека, вы это знаете… Клянусь пред Богом в истине всего, что я говорю вам, и совесть моя пред ним чиста, как желал бы я быть чистым в свой смертный час. Вы можете увидеть отсюда, что я не боюсь быть недостойным вашей дружбы».

Император, сбрасывая с себя иго влияния императрицы и Нелидовой и видя только в этом опасность, почему-то не замечал коварных царедворцев, врагов и недоброжелателей, которые помнят любые обиды, нанесенные императором, помнят и мечтают отомстить.

Императрица Мария Федоровна, осознавая это, писала Нелидовой: «Сколько бы Иван (то есть Кутайсов. – *В. П.*) ни говорил императору, что, по мнению общества, вы и я вместе управляем им и его действиями, – он не может поверить этому, не припомнив себе, что мы только противодействовали его горячности, его гневным вспышкам, его подозрительности, заклиная его оказать какую-либо милость или пробуя воспрепятствовать какой-либо жестокости, которая могла бы уронить его в глазах его подданных и отвратить от него их сердца. Преследовали ли мы когда-либо цель, кроме его славы и

блага его особы, да и могли ли мы, великий Боже, иметь что-либо другое в виду, вы – как вполне преданный, истинный его друг, я – как его друг, как его жена, как мать его детей? У нас никогда не хватало низости одобрять императора, когда этому препятствовала наша совесть, но знаю, какое счастие испытывали мы, когда имели возможность отдавать полную справедливость его великодушным поступкам, его добрым и лояльным намерениям!»

Мария Федоровна знала, что ее отношение к воспитательным и благотворительным заведениям общество высоко оценило, но претензий управлять государством у нее не возникало. Кроме всего прочего, ее недоброжелатели распространили слух о том, что ее, дескать, надо оберегать от новой беременности. «После моих родов, – писала она Плещееву, – кончина моей матери до такой степени расстроила мое здоровье, что император хотел поберечь меня. Вы знаете, что затем он отправился путешествовать. По возвращении его я решилась четыре раза говорить с ним (мне стыдно делать подобное признание, но, признаюсь, я ожидала этого оборота дел и считала своею обязанностью предупредить его), что мое здоровье восстановлено, что Рожерсон, Бек и Блок уверили меня, что новая беременность не подвергнет меня никакой опасности и что моя обязанность сказать ему это. Император возразил мне, что он не хочет быть причиной моей смерти и что, вследствие последних тяжелых моих родов, это лежало бы на его совести».

Эти письма раскрывают нравственные устремления императрицы и ее фрейлины Нелидовой. Они пытались привлечь внимание императора к тому, что он был окружен чужими людьми, подхалимами, лицемерами, карьеристами, жадными до славы и золота.

«Падение Нелидовой было столь же важным событием, – писал Шильдер, – каким является перемена министерства; оно повлекло за собой смещение всех близких к ней людей или же державшихся благодаря ее влиянию.

Недруги Нелидовой могли торжествовать, нисколько не подозревая, к какому роковому исходу приведет все случившееся в 1798 году… Двери всевозможным новым интригам широко раскрылись, и стоявшие в них царедворцы принялись усердно топить друг друга. Среди этой толпы, рукоплескавшей исчезновению Нелидовой, один барон Петр Алексеевич фон дер Пален знал, чего он хотел, знал, к чему он стремился; остальные, обуреваемые своими мелкими эгоистическими расчетами, не ведали даже, что творят. Невольно припоминаются слова, некогда сказанные А.П. Волынским: «Нам, русским, не надобен хлеб: мы

друг друга едим и от того сыты бываем».

Господствовавший в умах страх не мешал, пишет И.И. Дмитриев, «коварным царедворцам строить ковы друг против друга, выслуживаться тайными доносами и возбуждать недоверчивость в государе, по природе добром, щедром, но вспыльчивом. От того происходили скоропостижные падения чиновных особ, внезапные выселки из столицы даже и отставных из знатного и среднего круга, уже несколько лет наслаждавшихся спокойствием скромной, независимой жизни» (*Шильдер Н.К.* Павел 1. Его жизнь и царствование. М., 2010. С. 319).

В это время Россия постепенно утрачивала миролюбивый характер внешней политики, нарастала острота в международных отношениях. Сдача Мальты генералу Бонапарту обеспокоила Павла I, потеря острова – это удар и по Мальтийскому великому магистерству, Великий магистр Гомпеш удалился в Триест. Русское великое приорство и мальтийские кавалеры издали протестующий манифест, лишили Гомпеша гроссмейстерского звания, а 10 сентября 1798 года Павел I в декларации объявил, что он принимает орден святого Иоанна Иерусалимского под свое покровительство.

29 сентября того же года императорский двор переехал из Гатчины в Петербург. 3 октября был бал в Зимнем дворце, Анна Петровна Лопухина ужинала при дворе, а в камер-фурьерском журнале зафиксировано, что император и великие князья «за стол садиться не изволили, а в продолжение сего времени проводить изволили обозреванием заседающих при столе персон».

Под давлением европейской коалиции Павел распорядился, чтобы давно сформированый корпус Розенберга в середине октября 1798 года форсировал Буг, прошел Люблин, Краков, Брюнн, подошел к Кремсу. Так началась подготовка к сражениям в Италии и в Альпах.

29 ноября 1798 года император Павел I стал Великим магистром державного ордена святого Иоанна Иерусалимского, депутация капитула ордена в Зимнем дворце поднесла императору корону и великомагистерские регалии. 15 декабря Сенат принял решение включить титул Великого магистра в императорский титул.

23 декабря, к удивлению всей Европы, Россия заключила союзный и оборонительный договор с Оттоманской Портой. Так что и Турция вошла в коалицию против республиканской Франции.

4 февраля 1799 года Павел I писал Суворову: «Сейчас получил я, граф Александр Васильевич, известие о настоятельном желании венского двора, чтобы вы предводительствовали

армиями его в Италии, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идут. Итак, посему и при теперешних обстоятельствах долгом почитаю не от своего только лица, но и от лица других предложить вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезда в Вену».

6 февраля флигель-адъютант Толбухин прибыл в село Кончанское и вручил повеление императора фельдмаршалу Суворову. 9 февраля Суворов прибыл в Петербург, был встречен восторженно и обласкан императором и награжден: стоя на коленях, он получил из рук императора большой крест ордена святого Иоанна Иерусалимского, а через две недели отбыл в Вену. Военные подвиги армий Суворова многократно описаны, как и поведение австрийских властей, которые оставили армии Суворова без довольствия. Летом 1799 года граф Ростопчин, возглавивший Иностранную коллегию, писал русскому послу в Лондоне графу С.Р. Воронцову: «Венский двор очень худо соответствует чистоте помыслов нашего государя. Зависть, вероломство и двуличие руководят каждыми, даже малейшими действиями этого великого барона Тугута. Боже мой! Где находят они времени на изобретение стольких хитростей и каверз? По счастию, граф Суворов не обращает внимания на интриги…»

О. Михайлов, описывая безвыходное положение русской армии, подробно рассказывает о военном совете 18 сентября 1799 года, на котором выступил Суворов:

«Но не прошло и минуты, как Суворов встрепенулся, открыл глаза, и взор его как молния поразил пришедших.

– Корсаков разбит и прогнан за Цюрих! Готце пропал без вести, и корпус его рассеян. Прочие австрийские войска – Елачича и Линкена, шедшие для соединения с нами, опрокинуты от Гларис и прогнаны. Итак, весь операционный план изгнания французов из Швейцарии исчез!..

Фельдмаршал начал излагать все интриги и препятствия, чинимые ему бароном Тугутом с его гофкригсратом. Он напомнил об обещании принца Карла не оставлять со своей шестидесятитысячной армией Швейцарии до прихода русских, а затем об уготованной австрийцами новой пагубе, когда в Беллинцоне русские не нашли мулов и простояли несколько дней…

– Выйди мы из Беллинцоны 4 сентября, – воскликнул Суворов, – мы были бы в Муттентале 10-го или 11-го, и Массена никак не посмел бы двинуться со своею дивизией на поражение Корсакова и Готце!

Русский фельдмаршал прервал свою речь, закрыл глаза и снова задумался… Все ожидали речи полководца, коварством

поставленного в гибельное положение.

Суворов продолжал:

– Теперь идти нам вперед, в Швиц, невозможно. У Массена свыше шестидесяти тысяч, а у нас нет и полных двадцати. Идти назад – стыд! Это значило бы отступать, а русские и я никогда не отступали! Мы окружены горами. У нас осталось мало сухарей и того менее боевых артиллерийских зарядов и патронов. Перед нами враг сильный, возгордившийся победою… Победою, устроенной коварной изменой!.. А императору Павлу Петровичу изменил кто же? Верный союзник России – кабинет великой, могучей Австрии… Нет, это уже не измена, а явное предательство, чистое, без глупостей, продуманное, рассчитанное предательство русских, столько крови своей проливших за спасение Австрии… Помощи теперь нам ждать не от кого. Одна надежа на Бога, другая – на величайшую храбрость и на высочайшее самоотвержение войск, вами предводимых. Это одно остается нам. Нам предстоят труды, величайшие в мире: мы на краю пропасти!..

Он умолк, снова закрыл глаза и воскликнул:

– Но мы русские! Спасите, спасите честь и достояние России и ее самодержца! – С этим последним возгласом старый фельдмаршал стал на колени» (*Михайлов С.* С. 471–472).

«Мы, сказать прямо, остолбенели, – вспоминал Багратион, – и все невольно двинулись поднять старца героя… Но Константин Павлович первый быстро поднял его, обнимал, целовал его плеча и руки, и слезы из глаз его лились. У Александра Васильевича слезы падали крупными каплями. О, я не забуду до смерти этой минуты… Я был в незнакомом мне положении, в состоянии восторженном, в таком, что, если бы явилась тьма-тьмущая врагов или татар с подземными духами предстало предо мною, – я готов бы был с ними сразиться… То же было и со всеми тут находившимися…

И старший после Суворова Дерфельден начал:

– Отец наш Александр Васильевич! Мы видим и теперь знаем, что нам предстоит… Все перенесем и не посрамим русского оружия! А если падем, то умрем со славою!.. Веди нас куда думаешь, делай что знаешь: мы твои, отец! Мы русские!

– Клянемся в том пред сильным Богом! – воскликнули все вдруг» (Там же. С. 473).

28 октября 1799 года фельдмаршал Суворов был произведен в генералиссимусы российских войск. Его битвы в Италии, особенно беспримерный Швейцарский поход, вошли в золотой фонд мирового воинского искусства.

«Армия северных варваров прошла пол-Европы, – писал В.О.

Ключевский, – и показала себя человечнее, дисциплинированнее наиболее дисциплинированных и цивилизованных европейских армий, не говоря о самоотверженности. В Муттене голодные русские ничего не тронули у обывателей, великий князь Константин на свои деньги скупил съестное для солдат. И Суворов был силен нравственными средствами военачальника более, чем стратегической и тактической механикой, влиянием на войска и волей». Возможно, что и так, но император Павел наконец-то понял, что он ошибся в выборе союзников, они по привычке загребали жар чужими руками, прежде всего руками русских солдат и офицеров. Австрия и Великобритания не оказали должной помощи русской армии. В октябре 1799 года последовал разрыв дипломатических отношений России и Великобритании. Это вызвало недовольство в просвещенных кругах России. Русский посол в Великобритании граф Семен Воронцов и вице-канцлер граф Никита Петрович Панин пытались противодействовать этому, но безуспешно. Граф Ростопчин, главный член в Коллегии иностранных дел, был за разрыв торговых отношений с Великобританией. Император Павел поддержал графа Ростопчина, а граф Никита Панин был удален с поста вице-канцлера. Но за это время граф Панин не раз беседовал с великим князем Александром, с графом Паленом, со многими царедворцами, недовольными внешней и внутренней полиикой России; не раз беседовали с английским послом в России.

Граф Николай Румянцев все время был при дворе, он, как придворный сановник высшего класса, должен был вести надзор за придворными чинами и служителями. В апреле 1797 года граф Румянцев в день коронации Павла был награжден «очень ценною табакеркою с портретом Его Величества» (*Майков*).

Однако 6 сентября 1798 года в безоблачном небе, сиявшем над обер-гофмейстером графом Румянцевым, разразилась гроза. За тесную связь с императрицей Марией Федоровной и ее фрейлиной Нелидовой и за другие «козни» против него Павел приказал уволить графа Румянцева со службы с предписанием ехать ему в чужие края. Истинная причина гнева монарха осталась тайной. Вместо графа Румянцева обер-гофмейстером стал Иван Андреевич Тизенгаузен.

Бурную деятельность, как и прежде, проявлял сенатор и поэт Гаврила Державин.

В это время из белорусских местечек стали поступать жалобы в Сенат и в письмах императору Павлу, что землевладелец Семен Гаврилович Зорич, известный в Петербурге как любовник

Екатерины II и как отважный генерал, обижает их, а сам проживает в своем шкловском имении, «с пышностью владетельного принца». Правда, Зорич основал в Шклове училище, которое потом стало кадетским корпусом для малоимущих дворян, кое-что он сделал и для благоденствия своих крестьян.

Имения Зорича принадлежали когда-то князю Чарторижскому, но при разделе Польши эти земли отошли к Российской империи, Екатерина II подарила их Зоричу в знак милостивых услуг.

В июне 1799 года Державин по велению императора выехал в город Шклов Могилевской губернии, с ним ехали чиновник и двое крепостных. Державин хорошо знал историю Зорича, знал и о том, что тот запутался в долгах. При императоре Павле Петровиче по-прежнему действовала группа любимца императора Кутайсова, государственного казначея графа А.И. Васильева, генерал-прокурора князя П.В. Лопухина. Державин знал, что в Белоруссии дешево продавались имения, а имение Зорича как раз подходило по аппетитам Кутайсова.

Державин послал несколько писем императору, но неожиданно получил уведомление от нового генерал-прокурора Беклешова, что ему велено возвращаться в Петербург. Дело не было доведено до конца.

В начале 1800 года Державин готовился поехать в Вятскую губернию для проверки ревизии, которую представили императору сенаторы И.В. Лопухин и М.Г. Спиридов. Потом император передал под опеку Державину дело Натальи Алексеевны Колтовской, которая вела тяжбу с мужем. При встрече с Колтовской Державин понял, почему император был озабочен делом Колтовской, – внешне она была очень привлекательна.

Неожиданно Державин получил высочайший рескрипт императора:

«Господин тайный советник Державин!

По дошедшему до нас сведению, что в Белорусской губернии недостаток в хлебе и некоторые помещики из безмерного корыстолюбия оставляют крестьян своих без помощи к прокормлению, поручаем вам изыскать о таковых помещиках, где нуждающиеся в пропитании крестьяне остаются без помощи от них, и оных, имения отобрав, отдать под опеку и распоряжением оной снабжать крестьян из господского хлеба, а в случае недостатка заимствовать оный для них на счет помещиков из сельских магазейнов. Казенные же имения, состоящие во временном владении, в таком случае из оного тотчас обратить в казенное ведомство и предоставить распоряжению казенной

палаты, давая знать об оном нашему генерал-прокурору с точным показанием, кем какое чрез то, где в казенном имении расстройство произведено. Пребываем вам благосклонны.

Июня 16 дня 1800 года. Павловск. *Павел*».

Генерал-прокурор Петр Хрисанфович Обольянинов, с которым Державин был в приятельских отношениях и которому он рассказал о поездке в Белоруссию, сказал:

– Гавриил Романович! У меня к вам будет дополнительная просьба, тоже с разрешения императора. Вот вам официальное письмо с уведомлением, что в случае недостатка хлеба у владельцев или в запасных магазинах, к вам в Витебске присоединится провиантский комиссионер. И еще вот что. Высочайшая воля есть, чтобы ваше превосходительство обратили особливое внимание и примечание на винокурни, владельцы которых скупают у крестьян хлеб, спаивают народ, и подали свое мнение о всех местных обстоятельствах.

На следующий день Кутайсов доставил 2 тысячи рублей на путешествие Державина, не забыв дать наставление о покупке дешевого имения.

С 19 июня до середины октября Державин пробыл в Белоруссии, несколько дней в Витебске, потом в селе Дубровне, некогда принадлежавшем Потемкину, в других деревнях, послал первое письмо генерал-прокурору, в котором описал, что большая часть крестьян не испытывает голода, но некоторые питаются очень скудно, а иные пропивают в корчмах, и у корчмарей большие запасы хлеба. «В корчмах… – писал Державин генерал-прокурору, – найден порядочный запас, кроме другого съестного, в ржаной муке». В продолжение пути встретил он около ста повозок со ржаною мукой, закупленной в Кричеве, Мстиславе и других местечках по 5-, 6– и 8-ми рублей, которую везли в Витебск для отправления Двиною в Ригу и Минск к отпуску за границу». Это было прямое нарушение закона. Державин приказал остановить движение повозок, описал хлеб и раздал его заимообразно нуждающимся крестьянам.

Генерал-прокурор Обольянинов на основе донесений Державина написал доклад императору с представлением, чтобы в казенных селениях хлеб был раздаваем за счет казны, «для чего и ассигновать сумму тысяч до десяти рублей». Император, согласившись с докладом генерал-прокурора, тут же послал Державину собственноручный рескрипт:

«Петергоф. Июля 7, 1800. Весьма апробую, Гаврила Романович, распоряжение ваше, по которому и исполните в точности. Вам благодарный *Павел*.

А для казенных селений взять деньгами из казенной палаты».

Имея полномочия от императора и генерал-прокурора, Державин действовал решительно и бескомпромиссно: в 40 верстах от Витебска, в местечке Лёзне, владельцы винокурен выманивали у крестьян хлеб и превращали его винокурением в вино и продавали крестьянам. Державин приказал запечатать завод винокурения. Узнав о том, что князь Огинский за неповиновение наложил штраф на каждую крестьянскую хату по 3 рубля, а крестьянам по своей немощности пришлось употреблять «весьма дурной, смешанный с мякиной хлеб», приказал взять белорусское имение Огинского в опеку, закупить за свой счет нужное количество хлеба и раздать крестьянам. Причем следил за качеством хлеба! А попутно уничтожил несколько винокурен. Он пресекал самоуправство помещиков, которые выжимали масло из нищих белорусов. Ему удалось даже устроить кое-где лечебницы – разумеется, лечили там с горем пополам, но все-таки выхаживали оголодавших. Державин строго проверял контракты на отдачу в аренду казенных земель и вскрыл немало злоупотреблений. Повешенных не оказалось – все же белорусская миссия отличалась от борьбы с Пугачевым, но въедливый ревизор многих ушиб своим гневом.

Решительные меры оказались спасительными: голод удалось пресечь. Местная же шляхта Державина возненавидела, его обвиняли в «потворстве простому народу».

Распоряжения Державина способствовали тому, что голодающих в Белоруссии стало меньше, а потому и донесений о голоде беднейших крестьян больше не поступало в столицу.

После докладов Обольянинова о действиях Державина император написал резолюцию «быть по сему» и наградил Державина новым чином действительного тайного советника и почетным командорским крестом Святого Иоанна Иерусалимского.

Великий князь Николай Михайлович сообщает, что император Павел горел желанием переехать во вновь построенный дворец и, несмотря на сырость нового помещения, переехал 1 февраля 1801 года в Михайловский замок, ставший его излюбленным местопребыванием.

В начале 1801 года Павел почтил особым доверием графа Петра Палена, которому вверил Петербургское генерал-губернаторство. Бывшие ненавистные государю братья Зубовы были возвращены в столицу и осыпаны милостями. Вернулся в Петербург и уроженец Ганновера, генерал Бенингсен, твердость воли которого была известна графу Палену. Словом, по невероятной случайности и непоследовательности, свойственным всем подозрительным людям, император Павел окружил себя

самыми ненадежными личностями. Нечего было и думать о преданности их престолу и государю. Все эти господа только ждали удобного случая, чтобы так или иначе отделаться от ненавистого им режима, столько неприятностей доставившего их устремлениям.

Подготовлялся зловещий заговор, а Павел хотя и чуял готовящуюся бурю, но, изверившись во всем, уже не знал, на ком остановить свое доверие. Подозрительность государя не миновала и собственной его семьи: императрица Мария Федоровна ежедневно трепетала за свою судьбу, а Александру было уже весьма прозрачно замечено, что и его считают неблагонадежным.

Не доверяя более ни супруге, ни детям, Павел перенес свою любовь на недавно прибывшего племянника Марии Федоровны, принца Евгения Вюртембергского.

Павел помышлял даже, по свидетельству Дибича, усыновить этого молодого принца. Шильдер замечает, что «закону о престолонаследии, установленному, как казалось, незыблемым образом самим императором, угрожало вопиющее нарушение». Иностранные послы доносили своим правительствам, что государь не вполне нормален и что ему грозит умопомешательство. Положение и в Петербурге, и во всей России сделалось для каждого подданного невыносимым. Десятки свидетельств об этих фактах можно прочитать в воспоминаниях очевидцев. При таких обстоятельствах можно было ожидать трагической развязки. Она и не преминула вскоре совершиться.

9 марта 1801 года произошел знаменательный разговор Павла I с графом Паленом. За несколько месяцев власти граф Пален почувствовал, что он обрел силу, наступило время действовать. Ускорил эти события сам император, до которого дошли слухи о заговоре во дворце. Сам граф Пален рассказывает об этом так: «Я вошел в кабинет императора в семь часов утра, чтобы подать ему, по обыкновению, рапорт о состоянии столицы. Я застаю его озабоченным, серьезным; он запирает дверь и молча смотрит на меня в упор минуты с две, и говорит наконец:

– Граф Пален! Вы были здесь в 1762 году.

– Да, ваше величество, но что вам угодно сказать этим?

– Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола?

– Ваше величество, я был свидетелем переворота, а не действующим лицом; я был очень молод, я служил в низших офицерских чинах в конном полку. Я ехал на лошади со своим полком, не подозревая, что происходит. Но почему, ваше величество, задаете вы мне подобный вопрос?

– Почему? Вот почему: потому что хотят повторить 1762 год.

Я затрепетал при этих словах, но тотчас же оправился и отвечал:

– Да, ваше величество, хотят! Я это знаю и участвую в заговоре.

– Как! Вы это знаете и участвуете в заговоре? Что вы такое мне говорите!

– Сущую правду, ваше величество; я участвую в нем и должен показать вид, что участвую, в виду моей должности, ибо как мог я узнать, что намерены они делать, если бы не притворился, что хочу способствовать их замыслам? Но не беспокойтесь, – вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно. Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Он был иностранец, а вы русский; он ненавидел русских, презирал их и удалил от себя; а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью; он не был коронован, а вы коронованы; он раздражил и даже ожесточил против себя гвардию, а вам она предана. Он преследовал духовенство, а вы почитаете его; в его время в Петербурге не было никакой полиции, а ныне она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорится ни слова помимо моего ведома; каковы бы ни были намерения императрицы, она не обладает ни гениальностью, ни умом вашей матери; у нее двадцатилетние дети, а в 1762 году вам было только семь лет.

– Все это правда, – отвечал он, – но не надо дремать.

На этом наш разговор и остановился».

Павел I дал распоряжение предоставить графу Палену чрезвычайные полномочия для предупреждения всяческих случайностей.

Когда граф Пален ушел из кабинета, император срочно вызвал из опалы преданного ему графа Аракчеева и генерала Линденера, но граф Пален узнал об этом распоряжении и приказал на заставе задержать их.

Павел I запер двери в покои императрицы, потом запер двери к Анне Лопухиной, спокойно вернулся в свою спальню, помолился и лег спать, вовсе не подозревая, что наступила последняя ночь в его жизни, с 11 на 12 марта 1801 года.

Книга третья
Во времена императора Александра I

Часть первая
Негласный комитет – молодые реформаторы

После того как орава пьяных офицеров задушила императора Павла шарфом одного из заговорщиков, граф Пален направился в покои великого князя Александра, чтобы возвестить тому, что он может занять императорский престол. Войска были выстроены, нужно объяснить, что произошло во дворце – император мгновенно умер от апоплексического удара, Александр I занимает престол, а подданные должны принести присягу на верность императору и Отечеству.

Александр Павлович лежал в постели, он слышал шум, вскрики, догадывался о том, что вблизи происходит что-то ужасное и противоестественное. Он знал о заговоре против его отца, граф Пален много раз говорил ему об этом, он согласился на отречение отца от престола, но при условии, что отец удалится в усадьбу, будет заниматься любимыми делами, разводить сад, ему будет обеспечено почетное место в обществе, он будет встречаться с детьми и женой, но не станет управлять страной. Император должен быть другой. А каким он должен быть? Он не знал…

При виде вошедшего графа Палена Александр Павлович помрачнел, а то, что рассказал ему граф Пален, привело его в бесчувственное состояние – подобного он не ожидал.

Весть быстро разнеслась по Михайловскому замку. В комнату вбежала великая княгиня Елизавета Алексеевна, придворные, слуги…

Великий князь Александр молчал, лихорадочно перебирая всю свою короткую жизнь… Граф Пален что-то говорил, умолял, а великий князь Александр вспоминал торжественные слова поэта Державина «Будь на троне человек!», произнесенные, как только он родился, и бабушку Екатерину, которая не уставала повторять, что Александром она назвала его в честь святого Александра с качествами героическими. Александр Невский отличался мужеством, настойчивостью, ловкостью, он громил шведов и немцев, пользовался уважением у татар, а слава его была так велика, что его почтили саном великого князя. Сколько сил вкладывали в него императрица, Лагарп, придворные, слуги… «А что же получилось в итоге? – с омерзением подумал великий князь Александр Павлович. – Он – соучастник гибели отца?»

Граф Пален сочувственно смотрел на удрученного великого

князя, продолжая рассказывать о гибели императора. Александр Павлович еле разобрал: «…умер от апоплексического удара. Император Павел напал на офицеров, отказываясь подписать отречение от престола, им пришлось защищаться, а император внезапно скончался от апоплексического удара… Вам, ваше императорское величество, пора одеваться, у вас теперь другая роль…»

Минут через десять новый император Александр I вышел из своих покоев и произнес, обращаясь к караулу, первую фразу:

– Батюшка скончался апоплексическим ударом, при мне все будет как при бабушке.

А в это время графиня Ливен разбудила императрицу Марию Федоровну и рассказала ей о трагической кончине Павла I и о выходе Александра I к войскам.

Марию Федоровну не пропустили к телу бывшего императора, причина была очевидна – его тело было изуродовано яростью убийц. Она увидела мужа, когда телу придали благообразный вид.

Сопоставляя случайно оброненные фразы придворных, Мария Федоровна поняла, что к заговору офицеров мог быть причастен и ее старший сын, цесаревич Александр, который уже принимает присягу гвардейских полков. Только ранним утром, подняв своих младших детей, она вышла вместе с ними проститься с императором Павлом, а вскоре покинула Михайловский замок и переехала в Зимний дворец.

Когда она вошла в комнату Александра, она воскликнула:

– Ты принимал участие в этом?

Александр упал пред ней на колени и страстно воскликнул:

– Матушка! Как ты могла подумать! Так же верно, как и то, что я надеюсь предстать пред судом Божиим, я ни в чем не виноват!

– Можешь ли ты поклясться?

Александр поднял руку и поклялся. Присутствовавший здесь великий князь Константин тоже поднял руку и поклялся.

Мария Федоровна приказала привести младших детей и, когда они вошли, поставила их на колени и торжественно произнесла:

– Александр, ваше величество, теперь ты их отец!

В десять утра Зимний дворец был переполнен. Один из сановников, Де Санглен, записал то, что увидел в Зимнем дворце утром после убийства императора: «Среди первой залы несколько офицеров выражали радость свою, что будут по-старому носить фраки и круглые шляпы. Я вошел во вторую залу. Здесь сидел у камина гр. Николай Зубов и пред ним князь Яшвиль. Их окружали

некоторые из тех, которых я накануне вечером видел у гр. Палена. Зубов громко сказал Яшвилю: «А дело было жаркое». Я отвернулся, ушел назад в первую залу и увидел стоящего в дверях великого князя Константина Павловича с лорнетом в руках, устремившего взор на сидящих около камина; как будто про себя, но громко сказал он: «Я всех их повесил бы!» С сим словом воротился он в первую залу, и я за ним. Здесь уже начали приводить к присяге и все друг за другом подписывались. Вдруг шум и говор утихли: генерал Уваров расчищал дорогу для шедшего за ним наследника. Новый император шел медленно, колени его как будто подгибались, волосы на голове были распущены, глаза заплаканы, смотрел прямо пред собою, редко наклонял голову, как будто кланялся; вся поступь его, осанка изображали человека, удрученного горестию и растерзанного неожиданным ударом рока. Казалось, он выражал на лице своем: «они воспользовались моей молодостью, неопытностью, я был обманут, не знал, что, исторгая власть из рук самодержца, я неминуемо подвергал и жизнь его опасности». Среди общей радости всех сословий один Александр был печален. Происшествие прошедшей ночи, кроме участников, никому еще подробно известно не было, и вид огорченного императора-сына приобрел ему сердца всех» (*Шумигорский*. С. 212).

Е. Шумигорский, исследовав все известные источники, писал, что «все сословия» испытывали радость, узнав о смерти императора Павла I, наконец-то могли избегнуть своеволия и диктаторского гнета, плакали, обнимались, пировали во всех трактирах, напивались до пьяна с криками «Да здравствует новый император Александр!». «Весь город, все 300 тысяч жителей напоминали дом сумасшедших!» – воскликнул один из очевидцев, а самый богатый погребщик в Петербурге, распродавший весь свой запас шампанского на 60 тысяч рублей, потирал руки от удовольствия: «Кому смерть, а кому удача!»

На следующий день императрица Елизавета Алексеевна писала своей матери, маркграфине Баденской: «Его чувствительная душа навсегда останется растерзанною… Только мысль о возвращении своему отечеству утраченного благосостояния может поддержать его. Ничто другое не могло бы придать ему твердости. Она же необходима ему, потому что единому Богу известно, в каком состоянии получил он эту империю… Все тихо и спокойно, если не говорить о почти безумной радости, охватившей всех, от последнего мужика до высших слоев общества; грустно, что это даже не может удивлять. Я дышу свободно вместе со всею Россиею…» (*Шильдер*. Т. 2. С. 8).

20 марта 1801 года из Вены пришло еще одно горькое

сообщение: скончалась великая княгиня Александра Павловна, эрцгерцогиня Австрийская. Мария Федоровна и вся императорская семья оплакивали эту безвременную кончину.

Многие источники, в том числе и великий князь Николай Михайлович в биографии «Император Александр I», не скрывали, что наследник престола «знал все подробности заговора, ничего не сделал, чтобы предотвратить его, а, напротив того, дал свое обдуманное согласие на действия злоумышленников, как бы закрывая глаза на несомненную вероятность плачевного исхода, т. е. насильственную смерть отца. Ведь трудно допустить следующее предположение, а именно, что Александр, дав согласие действовать, мог сомневаться, что жизни отца грозит опасность. Характер батюшки был прекрасно известен сыну, и вероятие на подписание отречения без бурной сцены или проблесков самозащиты вряд ли допустимо. И это заключение должно было приходить на ум в будущем, тревожить совесть Александра, столь чуткого по природе, и испортить всю последующую его жизнь на земле. Оно так и было в действительности, что подтвердили все современники Благословенного монарха» (*Великий князь Николай Михайлович*. Император Александр I. Биография. М., 2010. С. 14).

В последующие дни тело императора Павла было забальзамировано и 23 марта 1801 года в присутствии императора Александра I и великого князя Константина Павловича погребено в Петропавловском соборе.

Очевидец А.С. Шишков, сравнивая погребение Суворова и императора Павла I, вспоминал: «Там видел я множество печальных и плачущих лиц; а здесь, идучи за гробом от Михайловского дворца (замка) через Тучков мост до крепости, из многих тысяч зрителей во всю дорогу не видал я никого, кто бы проливал слезы. Казалось, все смотрели как бы на некое скорее увеселительное, нежели плачевное зрелище, до такой степени все чувствовали тягость его правительства».

Все участники заговора и злодейского убийства императора присутствовали при захоронении Павла I, все выражали свои соболезнования, но никто не признал своей вины. Только в собственном кругу торжествовали победу.

А между тем словно помимо воли нового императора появился Манифест, подготовленный екатерининским вельможей, тайным советником Дмитрием Прокофьевичем Трощинским, отставленным от службы еще в октябре 1800 года, и подписанный Александром I: «Судьбам Вышняго угодно было прекратить жизнь любезнаго Родителя нашего Государя Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с

11-го на 12 число сего месяца. Мы, приемля наследственно Императорский Всероссийский Престол, восприемлем купно и обязанностей управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей бабки нашей, Государыни Императрицы Екатерины II, коея память нам и всему Отечеству вечно пребудет любезна, да, по ея премудрым намерениям шествуя, достигнем возвести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным нашим, которых чрез сил призываем запечатлеть верность их к нам присягою пред лицом всевидящего Бога, прося Его, да подаст нам силы к спасению бремени ныне на нас лежащего» (*Шильдер К.* Т. 1. С. 6).

Прошли суровые траурные дни, улеглись печаль и горести, империя диктовала свои законы. Императрица Мария Федоровна не переставала упрекать сына за то, что заговорщики оставались безнаказанными, появлялись в Зимнем дворце, граф Пален и братья Зубовы любезно кланялись ей, не чувствуя стыда за содеянное.

Из Зимнего дворца были посланы письма графу Николаю Румянцеву, князю Адаму Чарторижскому, всем тем, кто мог пригодиться при управлении империей.

Князь Чарторижский, возвращавшийся по указанию императора Александра I из Италии в Россию, недалеко от Риги получил через фельдъегеря записку императора и подорожную с приказом почтмейстерам ускорить путешествие князя. В письме говорилось:

«17 марта 1801 г. Вы, вероятно, уже знаете, любезный друг, что вследствие кончины отца я встал во главе государственных дел.

Умалчиваю о подробностях, о которых лично поговорю с Вами. Я пишу Вам с тем, чтобы Вы немедленно передали дела, касающиеся Вашей миссии, тому, кто считается самым старшим после Вас, и выехали в Петербург. Нет надобности говорить Вам, с каким нетерпением я жду Вас. Надеюсь, Господь охранит Вас во время Вашего путешествия и приведет сюда здоровым и невредимым.

До свидания, любезный друг, не могу прибавить ничего более. Прилагаю при сем паспорт для предъявления на границе.

Александр».

В этом же пакете было и сиюминутное письмо:

«12 июня 1801 г.

Не могу Вам выразить, любезный друг, что я почувствовал, получив Ваше письмо, и в особенности при мысли, что скоро увижу Вас.

Не знаю, как это случилось, что я ошибся в Вашем звании, и, по Вашему желанию, прилагаю при сем другой паспорт.

Прощайте, любезный друг, более не могу писать.

Александр».

Уже вскоре состоялась назначенная встреча. Адам Чарторижский не удивился, увидев бледного и утомленного императора Александра, тревожные предчувствия не обманули князя. Можно понять состояние Александра, он только что провел парад войск, но при самом дружеском характере встречи не проявилось сердечной радости, напротив, ощущался оттенок сдержанности и принужденности. «Неужто Александр так рано возвысился, почуствовав себя государем?» – сжалось сердце Адама Чарторижского.

– Хорошо, что вы приехали, наши ожидают вас с нетерпением. Если бы вы были здесь, ничего этого не случилось бы: имея вас подле себя, я не был бы вовлечен таким образом… – говорил Александр, явно намекая на круг их общих друзей, с которыми всегда советовался, строя планы на будущее, мечтая о перспективах деятельности.

Александр Павлович рассказал о том, что произошло ночью 11 марта 1801 года, утаив, что дважды падал в обморок, что был самым несчастным человеком во всем мире, узнав, что его отец отказался отречься от престола, что сопротивлялся, но пьяные офицеры сначала ударили его, а потом задушили шарфом одного из офицеров.

– Вы, ваше величество, конечно, знаете имена заговорщиков, злодейски убивших императора Павла I?

Минутное молчание казалось вечным.

– Конечно, не всех, но многих…

– Вы оставите виновных на своих постах? – вырвалось у князя.

– Не знаю… Посмотрим… – после длительного молчания тихо произнес Александр, который постоянно задавал себе этот же вопрос. В смерти отца и он виноват, но он никогда не думал, что офицеры и генералы, цвет высшего, аристократического общества, поднимут руку на своего императора. Скарятин снял с себя шарф, а благородный князь Яшвиль и Татаринов задушили императора. И получается – никто конкретно не виноват…

Сразу, чуть ли не в первые часы после убийства императора Александр почувствовал руководящую руку графа Палена, ему показалось, что власти генерал-губернатора Петербурга тому недостаточно; за последущие несколько дней граф Пален успел вторгнуться и в дела внешней политики.

Князь Чарторижский почувствовал, что император Александр не будет так откровенен, как в прежние времена, когда он был

великим князем. Но было ясно, что Александр тяжело пережил ночь убийства отца, горе его чрезмерно.

Лицо императора помрачнело.

– Вспоминаю ту ночь ужасного беспорядка и смятения. Только моя жена, Елизавета Алексеевна, проявила такт и мужество, понимая мое состояние, оказалась на высоте своего положения. Из всех членов императорской фамилии только одна молодая императрица сохранила присутствие духа. Она старалась утешить меня, вернуть мне мужество и уверенность в себе. Она не оставляла меня всю ночь и отходила от меня лишь на минуту, чтобы успокоить свекровь, удержать ее в ее комнатах, уговорить ее не говорить лишнего и бесполезного…

– А что произошло, ваше величество, с вашей мамой, с императрицей Марией Федоровной?

– Как только по Михайловскому замку разнеслась эта трагическая весть, Марию Федоровну разбудили. Весть была сокрушительная, невозможно передать словами состояние матери; она бросилась к покоям императора, но там стояли гренадеры, труп отца был обезображен ударами по лицу, и она ничего не могла придумать лучше, как заявить о том, что она будет управлять империей. Так и говорила: «Нет больше императора, он пал жертвой изменников. Теперь я – ваша императрица, я одна – ваша законная государыня, защищайте меня, идите за мной!» Но тут подошли к месту событий генерал Беннигсен и граф Пален с отрядом солдат и увели маму в ее комнаты. В эту минуту уходила, оставляя меня одного, и Елизавета Алексеевна, чтобы успокоить свекровь… Оставшись в одиночестве, я острее чувствовал неловкость создавшегося положения. Никому не пожелаю такого восхождения на императорский престол… Нет, это невозможно… Против этого нет лекарств… Я должен страдать… Вы хотите, чтобы я перестал страдать? Уже ничего изменить нельзя. Случилось то, что случилось…

В голосе императора было столько скорби, что князь Чарторижский почувствовал, что сейчас император снова погрузится в пучину недавних трагических событий, он действительно ощущал безысходную печаль своего положения, стал грустным и замолчал, затем тихо мотнул головой в знак прощания.

Князь Чарторижский понял намек; у него было что сказать молодому императору, но он встал, откланялся, однако всю дорогу домой думал об этой встрече: «Какой тяжелый крест лег на его душу… Даже мать его решилась воспользоваться случаем, чтобы отомстить злоумышленникам за гибель императора, мужа

и отца большого семейства. Конечно, она была в гневе и отчаянии, ведь никто не поднял руку на убийц… Даже великий князь Константин Павлович, знавший или, скорее, догадывавшийся о злодейском убийстве императора-отца, ничего не сделал – не вызвал на дуэль, никого не пригвоздил словом… Императрица решилась взять власть в свои руки, чтобы наказать виновных, ведь орава пьяных офицеров, выходивших из палаты императора, – преступники, и тот же граф Пален, и те же генералы Зубовы, и тот же генерал Беннигсен. Она не знала о том, что совершили убийство императора Павла три офицера, Скарятин, князь Яшвиль и Татаринов, для нее виновны были все участники заговора, она хотела отомстить, но она не была популярной, как Екатерина в 1762 году, да еще иностранный акцент, сохранившийся в ее русской речи, отпугивал слушавших ее гневную речь. Вот почему графу Палену и генералу Беннигсену удалось уговорить ее уйти в свои комнаты. Еще и потому Мария Федоровна ничего не добилась, что в ее призывах прозвучали честолюбивые мотивы. А ведь заговорщики были в это время хозяевами в Михайловском замке. И только Елизавета Алексеевна сохранила самообладание и моральную силу, примирила и мужа, и свекровь, и заговорщиков».

Адам Чарторижский взял перо и склонился над листом бумаги. Его рука выводила слова:

«Ваше величество! Государь! Позволю себе, как в прежние годы, дать Вам совет… В Зимнем дворце я познакомился с Александром Андреевичем Беклешовым, которого прежний император вызвал в Петербург, чтобы назначить его генерал-прокурором, что Вы уже сделали в начале своего царствования. Надеюсь, Вы уже поняли, что это был русский человек старого закала, с резким, грубым обращением, он слабо понимает французский язык, но под грубой оболочкой бьется правдивое и смелое сердце, сочувствующее страданию ближнего. Его репутация благородного, порядочного человека была общепризнана. Он сумел сохранить ее, даже будучи генерал-губернатором южных польских провинций, проявив справедливость к тем, кем управлял, и строгость к своим подчиненным. Насколько было возможно, он препятствовал кражам, злоупотреблениям и нарушениям служащими своих обязанностей. Он не выносил, когда люди, облеченные его доверием, продавали справедливость за деньги. Иэ этого испытания он вышел чистым и незапятнанным, осыпаемый благодарностями местного населения. Это самое трудное испытание, какое только может выпасть на долю важному русскому чиновнику, и нелегко привести много примеров

подобного рода. Генерал Беклешов не знал абсолютно ничего, что делалось за пределами русской границы, но он был прекрасно осведомлен в законах и обычном ходе местной администрации. Он умел нести служебные обязанности со строгой точностью и всей доступной ему справедливостью.

Перед Вами, Государь, стоит важная задача, граф Пален мечтает стать полновластным властителем русской империи, мечтает стать министром Двора…

Преданный Вам князь *Чарторижский*».

Письмо было тут же доставлено императору. Прочитав письмо, Александр задумался. Князь Адам намекает, что ему пора решить главный вопрос. Никому не доверяя, он взял бумагу, перо и написал рескрипт, адресованный лично графу Палену. Вызвал генерал-прокурора Беклешова, а когда тот явился, сказал:

– Вы, конечно, знаете, что произошло в Михайловском дворце 11 марта сего года?

Генерал молча кивнул.

– Главой этого трагического события был граф Пален, ему содействовали братья Зубовы, которые при Екатерине II были на первых ролях в свете, а при моем отце оказались отстранены от власти и денежного довольствия. Граф Пален способствовал убийству моего любимого отца, он злоупотребил нашей договоренностью, превысил свои полномочия, а сейчас всем своим видом требует от меня благодарности за содеянное. Я взошел на престол, омытый кровью своего отца. Вам, как правдивому и честному человеку, я доверяю свою тайну… Граф Пален должен немедленно покинуть Санкт-Петербург и уехать в свою деревню, уехать немедленно, я не хочу его видеть. Вы поняли, господин генерал-прокурор?

– Да, ваше величество, я понял… Когда я прибыл в Петербург, мне сразу рассказали о трагической смерти императора Павла I, об участниках заговора и о том, что заговорщики по-прежнему бывают в Зимнем, а порой и хвастливо рассказывают о том, что произошло 11 марта. Когда мухи жужжат вокруг моего носа, я их прогоняю.

– Из этого документа вы все поймете, что завтра утром вам надлежит сделать, – сказал Александр I, вручая только что написанный рескрипт.

– Будет исполнено, ваше величество, – взглянув на рескрипт, поклонился Беклешов.

Вечером Александр I подписал документы, поданные ему графом Паленом, спокойно распрощался с ним, как и в прежние дни.

А рано утром генерал-прокурор Беклешов явился в дом графа

Палена и вручил ему рескрипт Александра I. Вскоре граф Пален покинул Петербург. Саблуков в своих воспоминаниях передает другую версию происходившего на его глазах.

Это событие всколыхнуло высшее общество столицы. Одни одобряли решение императора, другие осуждали, особенно участники заговора и вершители бессудной расправы. Братья Зубовы были встревожены.

При Павле I Адам Чарторижский устраивал братьям Зубовым аудиенции с великим князем Александром, который после встречи успокаивал своего вспыльчивого отца, и тот быстро отходил, успокаивался. И на этот раз, после спешного отъезда графа Палена, обеспокоенный граф Валериан Зубов попросил князя Адама принять его. Он совсем в ином свете представил события ночи 11 марта: все заговорщики – преданные слуги великого князя Александра, они знали, что великие князья Александр и Константин находились под домашним арестом, императрица Мария Федоровна тоже была в опале, Павел I был чем-то недоволен, а потом стал чрезвычайно весел и разговорчив, а на прощание вечером что-то шепнул графу Палену. А что он шепнул – было загадкой…

– Понимаете, князь, эта загадка встревожила нас, – продолжал Зубов. – При вспыльчивом, взрывном характере императора он мог в этот миг придумать всякое… Ведь после застолья он не попрощался ни с императрицей, ни с великими князьями, Мария Федоровна рыдала… Что мы могли подумать? Александр I взошел на престол раньше срока, мы его преданные друзья, мы готовы работать на империю, мы не побоялись никаких опасностей. Возможно, мы действовали грубо, но ради блага Александра I и его семейства…

– Но зачем же было убивать императора? Насколько я знаю, великий князь Александр соглашался быть регентом при Павле I, ведь существует же такая монархическая система, английский король благоденствует, а его сын, регент королевства, управляет империей. Великий князь Александр, насколько я помню, оставлял за императором дворцы и земли, он мог бы работать, отдыхать…

– Но вы не учитываете характер Павла I, его неуступчивость, его жажду власти. При этом он был умен и образован, он думал о крепостном крестьянстве, о торговле, он думал о Франции и генерале Бонапарте, он поторопился разорвать отношения с Великобританией… Он мог все испортить…

– У него не было опыта государственного управления такой сложной страной, как Россия. Но и чувства сына можно понять.

– Не так поступала императрица Екатерина, князь. Она смело

поддерживала тех, кто ради нее подверг себя всяким опасностям, она не колебалась сделать их своей опорой. Только благодаря такому образу действий, умному и предусмотрительному, она могла рассчитывать на их постоянную преданность.

– Но вы забываете, граф, Григорий Орлов, краса и гордость гвардии, был ее любовником, братья Орловы тоже немалого стоили, пошли за ним, Петр III же был иностранец, окруживший себя голштинцами, их легко было победить. А вы нарушили все договоренности с великим князем…

– Однако Екатерина тут же отблагодарила всех участников свержения Петра III, иных наградила, а других просто приметила, чтобы вознаградить впоследствии… Никто не колебался пожертвовать собой для нее, хорошо зная, что будет вознагражден. А император Александр своим сомнительным и колеблющимся поведением подвергает себя самым неприятным последствиям. Он обескураживает, расхолаживает своих истинных друзей, которые только и желают того, чтобы преданно служить ему. История с графом Паленом просто ужасающая, она возмутила всех…

В конце беседы, которая длилась больше часа, князь Чарторижский понял, что Валериан Зубов высказывает общее мнение братьев Зубовых и был бы не прочь, чтобы князь передал содержание их беседы императору Александру, что вскоре и было сделано.

Один за другим в Петербург приезжали давние друзья императора: Виктор Кочубей, Николай Новосильцев, Павел Строганов. И однажды, 24 июня, после общего застолья по знаку императора граф Строганов, князь Чарторижский, граф Новосильцев удалились в кабинет, куда тут же принесли послеобеденный кофе. В легкой дружеской беседе установили, что пора начать обсуждение правительственных реформ, а для этого нужно создать комитет, или, по предложению графа Строганова, Комитет общественного спасения, следуя французской традиции. Комитет назвали Негласным.

– Я не могу исполнять обязанности, – неожиданно для собравшихся заявил император Александр, – которые на меня возлагают.

Могу ли я иметь силу царствовать? Не могу. Предоставляю мою власть тому, кто пожелает.

После минутного замешательства началась бурная дискуссия членов Негласного комитета.

Любопытный случай рассказала в своих воспоминаниях княгиня Екатерина Дашкова. Ей почему-то в голову «вселилась мысль, что конец царствованию Павла настанет в 1801 году».

Откуда взялась эта мысль, княгиня припомнить не могла, но широко об этом оповестила. В январе 1801 года ей напомнили об этом пророчестве, но княгиня подтвердила, что ее «пророчество исполнится через три месяца». «Действительно, – написала княгиня Дашкова в воспоминаниях, – 12 марта провидению угодно было допустить, чтобы пресечены были дни Павла I и тем самым и общественные, и частные бедствия: рост налогов с каждым днем, а с ними вместе и гонений. Сколько раз я благодарила создателя, что я была избавлена от обязанности являться при дворе в царствование Павла I. Сколько мне пришлось бы перенести горя и тревоги, так как природа отказала мне в искусстве притворяться, столь необходимом при общении с государями и еще более с их приближенными, и на лице моем ясно отражались отвращение, презрение и негодование, волновавшие мою душу. Павел был невыносим со своим прусским капральством, невыносим и в том, что придавал какое-то сверхъестественное значение своему царскому сану; он был труслив и подозрителен, постоянно воображал, что против него составляются заговоры, и все его действия являлись только вспышками, внушенными настроениями минуты; к несчастью, они чаще всего были злы и жестоки. К нему приближались со страхом, соединенным с презрением. Как мало походила ежедневная жизнь его придворных на времяпрепровождение лиц, имевших счастье быть приближенным к Великой Екатерине! Не роняя своего достоинства, она была доступна всем, и в общении с ней не было и тени раболепного страха; она своим присутствием вызывала чувство благоговейного почтения и уважения, согретого любовью и благодарностью. В частной жизни она была весела, любезна, приветлива и старалась заставить забыть свой сан. Даже если бы возможно было, чтобы потеряли ее из виду хоть на одну минуту, у всех было такое ясное сознание великих качеств, которыми одарила ее природа, что представление о ней всегда связано было с чувством благоговейного уважения» (*Дашкова Е.* С. 202–203).

Княгиня Дашкова была принята императорской четой, императора княгиня давно полюбила, но сокрушалась по поводу того, что в последние четыре года Павел I пытался превратить своего наследника в капрала, а Елизавета Алексеевна покорила княгиню своим умом и скромностью. Княгиня почувствовала и другое: добродетельный государь с твердыми принципами гуманности и справедливости вскоре окажется под влиянием какого-нибудь сильного придворного, а может быть, и министра. Высшие чиновники при таком властителе будут делать все, что им угодно. И это огорчало княгиню.

Вдовствующая императрица, зная о несправедливой ссылке

графа Румянцева, похлопотала о его судьбе. Александр I разрешил графу Николаю Румянцеву вернуться в Петербург. И вскоре он был назначен директором водяных коммуникаций.

Княгиня Дашкова обрадовалась при виде графа Румянцева, занявшего столь видный пост при новом императоре. И при встрече вспомнила покойную императрицу, а граф Румянцев тут же высказал несколько разумных мыслей о Екатерине II.

– Вы, конечно, граф, не знаете, сколько я пережила за эти четыре года…

– Слышал, слышал, ваша светлость, но все-таки ваши страдания завершились в благополучном поместье, среди множества книг, столь родных вам по судьбе…

– Я была, граф, крайне огорчена, когда вы после столь успешного возвышения при Павле I – гофмейстер, тайный советник, достигли первого класса – вдруг были высланы бог знает куда.

– Всего лишь в мое гомельское поместье, где я прожил три года. Я наконец-то почувствовал там, в тиши садов, к чему лежала моя душа, мое пристрастие, я начал читать собранные мною за границей книги и опубликованные рукописи. Не описать вам удовольствие, которое я испытал при этом.

– Знаю, знаю… Указы молодого императора вы уже читали? Уже нет того безрассудства, коими были засорены указы Павла I. Нет уже гатчинского безумия, которое оплело всю нашу армию, придворную жизнь, всю внутреннюю и внешнюю политику нашего государства.

– Не могу не подивиться, как быстро меняется все вокруг…

– Ваше превосходительство, граф, я давно не была в Петербурге, но в последнее время повидалась со многими придворными и пришла просто в ужас, что творилось в нашем государстве. В первые дни власти Павла был потрясен весь государственный порядок, все правовые устои, все пружины государственной машины были сдвинуты со своих мест, все было перемешано и выворочено, и так тянулось четыре года. Высшие посты заняли люди без серьезного образования, они знали только Гатчину и ее казармы, они участвовали в парадных смотрах, ничего другого не делали. Лакей генерала Апраксина Клейнмихель был уполномочен обучать военному искусству фельдмаршалов. Шесть или семь фельдмаршалов, находившихся тогда в Петербурге, сидели за столом под председательством бывшего лакея, который объяснял так называемую тактику поседевшим в военных походах полководцам. Вся его премудрость состояла из чисто внешних приемов строевой и караульной службы, разных уловок и других подобного рода

пустяков. Вот тактика революционного капральского режима. А вот конкретный пример самодурства, который привел мне один знакомый офицер. Я процитирую вам почти дословно то, что он сказал: «В один прекрасный день все дежурные офицеры штаба и адъютанты получили приказ собраться в зале перед рабочим кабинетом государя. Когда все явились, Павел громким, хриплым голосом закричал: «Адъютант Екатерининского полка, вперед!» В качестве такового адъютант вышел и двинулся к императору. Император сделал шаг навстречу и начал его щипать. Справа от императора находился великий князь Александр, слева Аракчеев. Щипание продолжалось, и у адъютанта появились слезы на глазах от боли. Глаза Павла Петровича сверкали от гнева. «Расскажите, – воскликнул он наконец, – в своем полку, а там уж дальше передадут, что я выбью из вас потемкинский дух и сошлю вас туда, куда и ворон ваших костей не занес бы». Продолжая щипать адъютанта, его величество пять или шесть раз повторил эти слова, а затем приказал адъютанту удалиться». И все это только за то, что Екатеринославский полк носил имя Потемкина! Извините, граф, я под впечатлением рассказов придворных и офицеров… Сколько раз я благодарила Небо за то, что император Павел сослал меня, он спас меня этим от унизительной обязанности – являться при дворе такого государя. Как-нибудь заходите ко мне, граф, мне многое хочется рассказать вам, у меня хранятся древние книги, рукописи, летописи. Вы ведь знаете о том, что я возглавляю Академию наук.

– Да, сударыня, знаю и о том, что архитектор Кваренги по вашему настоянию построил главное здание Академии наук, а вы стали издавать новый журнал – «Собеседник любителей российского слова», опубликовали произведения Державина, Капниста, Княжнина, Богдановича, Фонвизина…

Граф Николай Петрович Румянцев поражался тому, как быстро уходило в небытие то, что вроде бы крепко утвердилось при императоре Павле. Почему с такой настойчивостью император Павел требовал отменить моду на круглые шляпы, повелел всем статским чиновникам носить мундиры и ботфорты со шпорами? Ну а зачем едущим в каретах при виде императорского возка нужно было останавливаться, выходить из кареты и церемонно откланиваться, как полагается по придворному указу? Бывало, дамы опускались с подножек ступенек прямо в грязь, но это мало заботило императора. Тысячи мелочей быта сковывали частную жизнь не только придворных, дворян, но и крестьян, мещан, всех городских жителей. Императору в погоне за справедливостью казалось, что он, как отец огромного семейства, должен запретить ношение фраков,

каждый должен носить немецкое платье, воротник должен быть определенного цвета и размера, он разрешил носить камзолы, а жилеты запретил, запрещены были короткие сапоги, а разрешены башмаки с пряжками… А если сограждане не выполняли эти указания, то полицейская опека задерживала подданных и вершился суд. Неотложные государственные реформы чаще всего отходили на третий план и не принимались. А ведь личность императора Павла недюжинная, он мог бы многое сделать для России, если бы не увлекался мелочами придворного быта. Мария Федоровна занималась благотворительностью и делами своей немецкой семьи, устройством судьбы братьев и сестер. Фрейлина Нелидова, понимая ее чувства, пыталась успокоить императора, заметившего односторонность интересов императрицы. Превосходный знаток внешней политики граф Безбородко уже не пользовался такой популярностью, как при императрице Екатерине, Мария Федоровна больше симпатизировала братьям Куракиным. Как обычно, двор кишел интригами, конфликтами, слухами, а внешне все выглядело тихо, спокойно. Постоянными докладчиками императора Павла были генерал-адъютант Ростопчин и граф Безбородко. А Ростопчин – выходец из Гатчины, умный, образованный, но со всеми достоинствами и недостатками гатчинского воспитания. Конечно, генерал-адъютант Ростопчин был в оппозиции к императрице и фрейлине Нелидовой.

Обер-гофмейстер граф Румянцев стал однажды свидетелем монолога Ростопчина, произнесенного им летом 1797 года:

– Жаль, что на императора действуют внушения императрицы, которая вмешивается во все дела, окружает себя немцами и позволяет обманывать себя нищим эмигрантам, прибывшим из Франции. Чтобы быть увереннее в своем значении, она соединилась с фрейлиной Нелидовой, которую ранее с полным основанием презирала и которая, однако, сделалась ее постоянным другом. Мы, три или четыре человека, отверженные люди для этих дам, потому что мы служим одному только императору, а этого не любят и не хотят. Они желали бы удалить князя Безбородко и заменить его князем Александром Куракиным, глупцом и пьяницей, поставить во главе военных дел князя Репнина и управлять всем посредством своих креатур. Это план Алексея Куракина, величайшего бездельника, который грабит и запутывает все и бесстыдно выпрашивает себе подачки. А вы, друзья императрицы, не останетесь в стороне от этого конфликта. Придет час, император вспомнит, кто кого поддерживал, и беспощадно расправится с неугодными. Вчера вы были угодны императору, – он повернулся к графу, – он вас

возвысил, а что произойдет завтра, ни вы, ни я не знаем. Будьте осторожнее, граф, вы носите имя, которое вошло в историю России.

Придворные нового императора все еще обсуждали события 11 марта 1801 года, кто-то обвинял участников этих трагических событий, кто-то их оправдывал. Император Александр замер в мучительных раздумьях, особенно после письма князя Яшвиля, который объяснил суть происшедшего… «Государь, с той минуты, когда несчастный безумец, Ваш отец, – писал князь В.М. Яшвиль Александру I, – вступил на престол, я решился пожертвовать собою, если нужно будет для блага России, которая со времени Петра Великого была игралищем временщиков и, наконец, жертвою безумия.

Отечество наше находится под властью самодержавною, самою опасною из всех властей, потому что участь миллионов людей зависит от великости ума и души одного человека. Петр Великий нес со славою бремя Самодержавия, и под мудрым его вниманием Отечество отдыхало. Бог правды знает, что наши руки обагрялись кровью не из корысти. Пусть жертва не бесполезна.

Поймите Ваше великое призвание: будьте на престоле, если возможно, честным человеком и русским гражданином! Поймите, что для отчаяния есть всегда средство, и не доводите Отечество до гибели. Человек, который жертвует жизнию для России, вправе Вам это сказать. Я теперь более велик, чем Вы, потому что ничего не желаю, и, если бы даже нужно было для спасения Вашей славы, которая так для меня дорога только потому, что она слава и России, я готов был бы умереть на плахе; но это бесполезно, вся вина падет на нас, и не такие поступки покрывает царская мантия! Прощайте, Государь! Перед Государем я спаситель Отечества, перед сыном – убийца отца! Прощайте! Да будет благословение Всевышнего на Россию и на Вас, ее земного кумира! Да не постыдится она его вовеки!»

Всплывали новые подробности. Чуть ли не все придворные в Зимнем дворце в это время догадывались, что великий князь Александр Павлович знал о заговоре под руководством графа Палена и братьев Зубовых, знал и о том, что заговорщики хотели осуществить свержение Павла I в ночь с 9 марта на 10 марта, граф Пален доложил об этом великому князю Александру, но он предложил осуществить этот замысел в ночь с 11 марта на 12-е, в карауле будут дежурить три батальона семеновцев, преданных великому князю, а 9 марта в карауле будут преображенцы, преданные императору. А когда все это произошло, придворные, в том числе и члены Негласного комитета, видели, как мучается Александр I от угрызений совести, ведь так далеко замыслы

великого князя Александра Павловича не простирались, значит, заговорщики нарушили священный договор. Мемуаристы утверждали, что граф Пален по-прежнему три месяца царствовал в России после убийства императора как ни в чем не бывало, а после его отъезда 17 июня 1801 года в свои прибалтийские имения под Митавой среди заговорщиков возникли возбужденные разговоры: ведь они оказали великую услугу государству и императору Александру I, а за услуги надо платить…

Вдовствующая императрица Мария Федоровна, узнав о том, что император Александр чуть ли не на следующий день после убийства отца, 13 марта, прогуливался по Летнему саду с Платоном Зубовым, возмутилась: разве Александр Павлович не знает, что Платон Зубов был одним из активных заговорщиков против императора Павла, разве он не знает, что заговорщики собирались в доме Жеребцовой, сестры Платона Зубова?

Первые годы царствования Александра Павловича умные люди сначала называли временем преобразования, а потом, присмотревшись к указам и рескриптам и реальному поведению самого императора, чаще стали называть это время периодом колебаний. Ведь Платон Зубов не только прогуливался с молодым императором, но и жил в Зимнем дворце. И, только узнав о ярости императрицы Марии Федоровны, решил удалиться из Зимнего и уехать за границу.

12 марта Александр I послал в Москву Ивану Петровичу Салтыкову сообщение о переменах в правлении империей. И в Москве началось то же самое, что и в Петербурге. Всеобщая радость озарила всех, экипажи с французской и немецкой упряжью исчезли, появилась вновь русская упряжь, словно какой-то могучий волшебник скомандовал и с рук свалились цепи. Нация пробудилась к новой жизни. Александр задумал вместо слепой прихоти и насилия водворить в стране закон и справедливость. В марте следовал указ за указом. Три должностных лица – генерал-прокурор Обольянинов, обер-шталмейстер граф Кутайсов и генерал Эртель были уволены со службы. 15 марта был подписан указ об освобождении арестованных в Тайной экспедиции. 16 марта последовал указ Сенату о назначении генерала Беклешова генерал-прокурором, действительный тайный советник барон Васильев должен вступить в должность государственного казначея, а действительный тайный советник Державин должен присутствовать в Сенате, действительный тайный советник Трощинский должен вступить в должность при особе его величества для исправления дел, статс-секретарем при Трощинском назначен статский советник Михаил Сперанский. 21

марта Никита Панин назначен управляющим внешними делами и Коллегией иностранных дел. Канцлером назначен граф Александр Воронцов, вице-канцлером – князь Александр Куракин.

«Я работаю ежедневно с государем у него в кабинете, то ранним утром, то вечером, и часто по несколько раз в день, – писал граф Панин. – Если говорить о добродетелях нашего нового повелителя и о чувствах, которые он внушает всем, кто к нему приближается, то я бы никогда не кончил. Это сердце и душа Екатерины II, и все часы дня он исполняет обещание, данное в манифесте» (Архив кн. Воронцова. Кн. 14. С. 149; Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина. Изд. Брикнера. СПб., 1892. Т. 6. С. 4—11).

2 апреля 1801 года император Александр, заняв председательское кресло в Сенате, повелел прочесть и утвердить пять манифестов: 1) о восстановлении жалованной дворянству грамоты; 2) о восстановлении городового положения и грамоты, данной городам; 3) о свободном отпуске российских произведений за границу, об оставлении сбора пошлин с оных на прежнем основании и о предоставлении казенным поселянам пользоваться лесами, в чем они были затруднены лесным ведомством; 4) об уничтожении Тайной экспедиции и о ведении дел, производившихся в оной, в Сенате; 5) об облегчении участи преступников и о сложении казенных взысканий до 1000 рублей.

В мае императору Александру донесли, что английские суда подошли к Ревельскому порту, не имеют никакого неприязненного покушения на территорию России и вскоре вернутся к своим берегам. Граф Никита Панин, Платон Зубов, все сторонники недавнего заговора сообщили императору, что это своего рода сигнал российским властям, что пора вновь вернуться к переговорам и прежде всего пора снять эмбарго с судов английских купцов. Александр I приказал начать переговоры о заключении торгового договора. Вскоре после этого графом Паниным и лордом Сент-Геленсом была подписана конвенция о взаимной дружбе с Великобританией.

Конвенция о взаимной дружбе России и Великобритании озадачила первого консула Франции Бонапарта – совсем недавно у него начали налаживаться отношения с императором Павлом I, он приодел русских военнопленных и отправил их в Россию, за что получил от императора Российской державы восторженную благодарность. Неожиданная смерть императора поразила его. Только потом он узнал подробности этой внезапной кончины, что, впрочем, не изменило его намерений продолжать благоприятные отношения с Россией. К Александру I был

направлен доверенный адъютант генерал Жерар Дюрок в качестве посланника со всеми полномочиями.

В начале мая генерал Дюрок прибыл в Петербург, граф Никита Панин его принял, доложил императору о результатах предварительных переговоров. 7 мая генерал Дюрок был представлен императору, состоялась короткая беседа, в ходе которой Дюрок передал поздравления первого консула Бонапарта с восхождением Александра I на императорский престол. Генерал Дюрок хорошо знал, что Россия, столь богатая несметными природными богатствами, нужна Франции, и он готов был остаться до сентября, чтобы поехать в Москву и присутствовать на коронации императора.

Позже состоялись намеченные переговоры.

– Я всегда желал поддержать согласие между Францией и Россией, – заявил Александр I. – Это две великие и могущественные нации, которые обменялись доказательствами взаимного уважения и должны войти в соглашение, чтобы прекратить мелкие раздоры на континенте. В этом смысле были сделаны предложения моему покойному родителю. Я бы очень желал сговориться непосредственно с первым консулом, честный характер которого мне хорошо известен, не прибегая к помощи многих посредников, всегда опасных.

Я с вами откровенен, не сомневайтесь, но будьте осторожны: нет надобности говорить об этом с кем-либо из министров. Не пользуйтесь почтою: ваши письма пройдут через слишком много рук. Скажите первому консулу также, что я сочувствую его славе и что не нужно, чтобы думали, что он стремится к захватам.

Генерал Дюрок, перебирая в памяти наставления первого консула, вспомнил одну из его главных мыслей: Екатерина II, дважды воевавшая с Турцией, жаждала вести торговлю на юге империи, от этого большая выгода России. И это суждение Дюрок произнес вслух.

– Мне лично, – тут же сказал император Александр, – ничего не нужно. Я желаю только содействовать спокойствию Европы. Мы вынужденно принимаем участие в международных конфликтах, поскольку нас обязывают договоры. Но эти вопросы имеют столь малое значение для такой великой нации, как Франция, ей, конечно, нетрудно прекратить вызываемые ее требованиями жалобы, которыми меня осаждают. Мне нужен мир в Европе.

– Ваше величество, этого же желает и первый консул Франции. Протокол нашего разговора я в точности передам первому консулу.

Раскланиваясь с императором и его свитой, генерал Дюрок

подумал: «В императоре Александре красивая и привлекательная наружность соединяется с большой простотою и вежливостью. Он, кажется, обладает хорошими манерами и образован. Он любит военное дело и пользуется расположением солдат, которых он часто видит и заставляет учиться, не утруждая и не утомляя их. Его любит народ за простоту, противоположную стеснительной жизни в предшествовавшее царствование».

5 июня в указе Сенату император Александр предложил создать комиссию о составлении законов под непосредственным управлением действительного тайного советника графа Завадовского. А в наставлении графу Завадовскому говорилось: «Поставляя в едином законе начало и источник народного блаженства и быв удостоверен в той истине, что все другие меры могут сделать в государстве счастливые времена, но один закон может утвердить их на веки, в самых первых днях царствия моего и при первом обозрении государственного управления признал я необходимым удостовериться в настоящем части сей положении, я всегда знал, что с самого издания уложения до дней наших, то есть в течение одного века с половиною, законы, истекая от законодательной власти различными и часто противоположными путями, и быв издаваемы более по случаям, нежели по общим государственным соображениям, не могли иметь ни связи между собой, ни единства в их намерениях, ни постоянства в их действии. Отсюда всеобщее смешение прав и обязанностей каждого, мрак, облегшающий равно судью и подсудимого, бессилие законов в их исполнении и удобность переменить их по первому движению прихоти или самовластия».

Прочитав «Записки» графа Строганова, великий князь Николай Михайлович цитирует его основные положения, которые были провозглашены и во время бесед в Негласном комитете: два вопроса обсуждались тогда – конституция и освобождение крестьян. В записках графа Строганова прямо говорилось:

«Конституция есть законное признание прав народа и тех форм, в которых он может осуществлять эти свои права. Для укрепления действительности этих прав необходимо иметь обеспечение, что посторонняя власть не воспрепятствует пользование этими правами. Где нет такого обеспечения, которое воздерживало бы правительство от мер, противных интересам народа, там нет и конституции.

Таким образом, в понятии о конституции три части: установление прав, пользование ими и обеспечение их».

Тут же в «Записках» графа Строганова говорится и об освобождении крестьян: «Из всех сословий в России крестьяне заслуживают наибольшее внимание. Большинство их одарены

большим умом, и предприимчивым духом, но, лишенные возможности пользоваться и тем и другим, крестьяне осуждены коснеть в бездействии и тем лишают общество трудов, на которые они способны. У них нет ни прав, ни собственности. Нельзя ожидать ничего особенного от людей, поставленных в такое положение; даже те небольшие проблески ума, которые они проявляют, уже удивляют нас и заставляют предвидеть, на что крестьяне наши будут способны, получив известные права. Но задача в том, чтобы предоставить им эти права без всякого потрясения, так как в противном случае лучше ничего не делать. Тут предстоит щадить интересы помещиков; тут необходим целый ряд таких узаконений, которые, не нарушая прав помещиков, вели бы к такому улучшению положения крестьян, которое, в конце концов, привело бы их к главной цели – к освобождению. При этом необходимо избегать таких выражений, которые могли бы волновать умы крестьян, что повело бы к самым прискорбным последствиям» (*Великий князь Николай Михайлович.* Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). СПб., 1903. Т. 2. С. XI – XII). Всего заседаний Негласного комитета было 40: первое – 24 июня 1801, последнее – 9 ноября 1803; с 12 мая 1802 по 26 октября 1803 года комитет не собирался ни разу. (На русском языке «Извлечения из «заседаний неофициального комитета» были опубликованы М.И. Богдановичем в первом томе «Истории царствования императора Александра I и России его времени (СПб., 1869. С. 38–91). Многое из этих записок графа Павла Строганова здесь использовано.)

И еще один из нравственных законов Александра I сформулирован в этой удивительной книге: «Закон должен быть для всех единствен. Как скоро я себе дозволю нарушить законы, кто тогда почтет за обязанность наблюдать их? – писал Александр I 7 августа 1801 года княгине Марье Григорьевне Голицыной, в девичестве княгине Вяземской, просившей за своего мужа, не уплатившего своих долгов. – Быть выше их, если бы я и мог, конечно бы, не захотел, ибо я не признаю на земле справедливой власти, которая бы не от закона истекала. Напротив, я чувствую себя обязанным первее всех наблюдать за исполнением его, и даже в тех случаях, где другие могут быть снисходительны, я могут быть только правосудным» (Там же. С. VI. См. также: Русская старина. 1870. Т. 1. С. 44).

Он может быть только правосудным – эта мысль часто посещала Александра I. Столько раз в летние дни ему приходилось произносить эту фразу, столько жалоб возникало в ходе управления империей, столько обиженных и униженных возникало перед его глазами, а он чаще всего не имел опыта

решить сложные вопросы. Приходилось писать письма в соответствующие учреждения империи.

А на Негласном комитете разгорелись страстные споры о внешней политике. Графа Панина не приглашали, хотя тот, почувствовав, что во Франции дела затягиваются, Колычева, посла в Париже, отозвал и назначил известного дипломата графа Аркадия Ивановича Моркова. Однако и его появление в Париже ничуть не сдвинуло дела с мертвой точки.

Александр I слушал, как князь Адам Чарторижский, узнав о назначении графа Моркова в Париж, ядовито усмехнувшись, обратился к императору:

– Ваше величество! Вы, конечно, знаете, что граф Панин отозвал посла Колычева и назначил в Париж графа Моркова. Как великий князь, вы уже сталкивались с Морковым во время обручения вашей сестры со шведским королем и знаете, что именно он провалил это обручение и сделал его скандальным, а теперь, по воле графа Панина, граф Морков может сорвать России положительные переговоры с первым консулом Франции. Вы посмотрите на его портрет: лицо, изрытое оспой, постоянно выражает иронию и презрение. Он усвоил себе речь и важные манеры старого версальского двора, прибавив к этому еще большую дозу высокомерия. В его обращении мало вежливости и ни следа учтивости. Морков прекрасно говорит по-французски, но его слова большей частью едки, резки и неприятны. В них никогда не проскальзывает и тени учтивости.

– Вы, князь, точно подметили некоторые черты графа Моркова, по его письмам я предчувствую близкую неудачу в переговорах с первым консулом Франции. Граф Морков в одном из писем из Парижа написал, что первый консул Франции возомнил себя чуть ли не императором, с Бонапартом нельзя разговаривать, будто он первый консул какой-нибудь Лукской республики, а не первый консул Франции. Ты прав, Адам, нам пора избавляться от графа Панина, матушка императрица мне уже не раз говорила об этом. Пора, пора. Возможно, и от графа Моркова, который ничего путного не добился в Париже.

Члены Негласного комитета дружно закивали в знак согласия с императором. Александр I уже выслушал суждения графа Кочубея, Николая Новосильцева, графа Строганова о внешней политике, по просьбам членов комитета сам не раз высказывался, подтверждая, что России не нужно никаких приобретений, у России все есть, ей нужен только мир в Европе.

– Я уже писал графу Моркову в ответ на его письмо, что меня удивили и странный тон первого консула в разговоре с вами, и замашки министра Талейрана. Получается, что то, о чем мы

говорили раньше и о чем условились, не учитывается. Министр внешних сношений Талейран, возбужденный страшными успехами французского оружия, слишком высокомерен с графом Морковым. Поэтому я настаиваю на твердости, смешанной с разумом согласия…

Граф Николай Петрович Румянцев, вернувшись из ссылки, сохранил к памяти императора Павла светлые чувства. Он навестил вдовствующую императрицу. Мария Федоровна как бы между прочим сказала Николаю Петровичу, что Александр спрашивал у нее, как движутся дела у графа Румянцева на новом месте.

Граф Румянцев понял намек и тут же попросил аудиенции у императора. В назначенный срок Николай Петрович явился на прием.

– Ваше величество, как-то вы спрашивали меня о том, как движутся наши дела с водными сооружениями. В то время я только начинал этим заниматься. А сейчас могу подробнее ответить на ваш запрос. Я не замедлил распределить заведование водяными сообщениями между четырьмя членами департамента. Вскоре каждый из них, изучив тщательно вопрос, доложил мне, что для успешной работы не хватает отечественных техников. Вы также помните и о том, что, будучи за границей в качестве посланника, по наказу Екатерины Великой я занимался подбором нужных кадров для нашей промышленности и торговли, кое-какие связи у меня остались, мы послали в Англию и Францию людей для изучения производства гидравлических и других работ. А главным образом мы занимались окончанием работ, начатых нашими предшественниками, и планируем новые сооружения каналов Березинского, Вельевского, Ивановского, Мариинского и Огинского, Свирского, Северо-Екатерининского и Тихвинского, а вместе с тем начали расчистку фарватеров многих рек для улучшения по ним судоходства, как то: по рекам Бугу, Волхову, Западной Двине, Дону, Москве, Суре, Упе.

– Вы, граф, затеяли огромное дело, столь необходимое нам и для торговли, и для других коммерческих сделок, – сказал Александр I, приглашая графа Румянцева садиться поближе к столу.

– Ваше величество, – громче заговорил Николай Петрович, вспомнив о легкой глухоте императора, полученной от стрельбы из пушек. – Мы принимаем меры, государь, к нарезке и устройству бечевников, необходимых для тяги судов по каналам. Года через два, по сведениям департамента, начнет действовать водопровод в городе Москве из Мытищ, а в Петербурге – Лиговский канал, снабжавший водою Таврический сад, при нем

будет устроен и Обводной канал. Так что, государь, и наша столица будет обустроена…

– Мы сейчас думаем, граф, о том, чтобы заменить коллегии министерствами, будут Министерство обороны, Министерство иностранных дел, Министерство торговли и коммерции…

– Во всех европейских государствах эти министерства существуют, почему бы и нам не сделать так, как Европа уже устроила.

Александр I долго не отпускал графа Румянцева, расспрашивая его о Французской революции, о королевских братьях, графе Прованском и графе д'Артуа, потом, заканчивая разговор, император встал, сделал шаг навстречу графу Румянцеву и слегка кивнул. Поняв, что аудиенция закончена, граф Румянцев с поклоном удалился. К этому времени граф Румянцев полностью вошел в структуру власти императора. По дороге в свой кабинет граф Румянцев перебирал в памяти весь начальственный состав империи: Негласный комитет во главе с императором занимается простым обсуждением предстоящих реформ, государственным казначеем вместо Гаврилы Державина назначен умный и честный барон Васильев, граф Никита Панин возглавляет Коллегию иностранных дел, генерал-прокурор Александр Андреевич Беклешов выпроводил в Митаву графа Палена, статский советник Михаил Сперанский помогает тайному советнику Дмитрию Прокопьевичу Трощинскому, если Беклешов и ссорится с Трощинским, то император, вызвав их к себе в кабинет, находит правильное решение, граф Александр Воронцов по-прежнему канцлер, а его брат, граф Семен Воронцов, как и прежде, возглавляет русское посольство в Великобритании.

До графа Румянцева долетали и критические оценки наступившей эпохи: «Суровость Павла сменилась необузданною распущенностью. Либерализм обратился в моду. При вступлении на престол Александр объявил о своем намерении царствовать по примеру своей бабки Екатерины Второй. Только и было разговоров, что о манифесте, содержавшем эту пошлую и смешную фразу, да о красоте юного императора и свободе, которую жаждали. Увы, что за свобода! – Александр должен был лавировать. Его мать была недовольна им, дворянство тоже, сторонники его отца ненавидели его. Тем не менее, когда могучая рука ослабляет петлю, готовую затянуться, эту руку целуют. – Вполне верно, как говорит Макиавель, что маленькие обиды всегда чувствительнее, чем большие. Запрещение носить круглые шляпы и панталоны возбудило ненависть к Павлу и среди знати, и среди не знати. Купцы и народ его любили. Разрешение наряжаться шутами, обмен рукопожатиями, болтовня без удержу

заставили полюбить Александра тотчас по вступлении на престол». Но и поэт и сановник Державин и адмирал Шишков тоже высказывали много критических замечаний о новом императоре. Державин открыто восставал против «коверкания» всех начинаний Павла и, не стесняясь, изливал свое неудовольствие против ближайших советников и друзей императора, набитых французским и польским конституционным духом, не щадя даже екатерининских стариков. Друзей же императора называл якобинской шайкой и высказывал мнение, что они ни государства, ни дел гражданских основательно не знают…» (Записки гр. Строганова).

А.С. Шишков резко обвинял молодых друзей Александра в том, что они – «напыщенные самолюбием, не имея ни опытности, ни познаний, стали все прежние постановления, законы и обряды порицать, называть устаревшими, невежественными» (Там же. Т. 1. С. 84). Кто знает, как в этом хоре разных мнений можно лучше всего разобраться, если не имеешь своего собственного опыта и собственного мнения?

1 сентября граф Румянцев получил письмо императора, которому вскоре нужно будет отправиться в Москву на коронацию. Высказанные императором поручения касались многих сотрудников департамента, и граф Румянцев повелел собрать совещание ответственных чиновников. На совещание прибыли руководители трех инспекций: инженер-генерал де Витте, инженер-генерал де Волант, генерал-лейтенант Геральд, другие ответственные чиновники, инженеры, строители, производители работ.

– Дамы и господа! – начал граф Николай Румянцев. – 15 сентября текущего года состоится коронация императора Александра I. Император и все его семейство двинется в Москву с огромным количеством экипажей. Государь поручил передать вам, прежде всего чиновникам дорожной экспедиции, сколь неосмотрительно они поступили в сем случае и пренебрегли правилом, чтобы Московская дорога была удобной не только для императорской семьи и императора, но и для всех проезжающих по этой дороге без различия состояний, чтоб пользовались свободно. А императору донесли, да и сам, извещаясь по слухам и удостоверяясь по расспросам, на месте учиненным, что Московская дорога, незадолго до его путешествия исправленная, не была для всех открыта, одну ее часть берегли для императора и его семьи, а другую, в самом дурном состоянии бывшую, оставляли для проезжающих, которые должны были терпеть всю невыгоду беспокойства. Дошел до императора и слух о том, что новгородский губернатор Обольянинов задумал устраивать

встречи с императором, резко осудил то, что губернатор распорядился зажечь огонь на 16-верстном пути к Чудову, это было бесполезно и тягостно жителям, а в селениях может возникнуть пожар. Точно такой же рескрипт был послан и тверскому губернатору. Так что извлеките пользу для себя из этого рескрипта и принимайтесь за дело.

В эти дни по императорскому двору широко распространилась весть о письме Лагарпа и скором прибытии его в Петербург. Никита Панин терпеть его не мог. И пожаловался графу Воронцову: «Швейцарец, известный вам, едет сюда, и, невзирая на сильные представления матери и на мои, пашпорт отправлен к нему навстречу. Из Парижа и Берлина уведомляют меня, что он имеет тайные поручения от корсиканца. Поверьте мне, милостивый мой граф, что сей человек будет управлять своим воспитанником и не допустит к нему верных сынов отечества. Все благомыслящие со мною в том согласны. Я совершенно уверен, что нельзя мне будет остаться на сем месте» (Архив Воронцова. Кн. 11. С. 148). Так оно и произошло. Вскоре граф Никита Панин подал императору заявление об отпуске, заявление было тут же подписано, и граф Панин удалился в свою деревню, в государственной жизни больше не участвовал.

31 августа 1801 года Александр I и вся его семья выехали из Петербурга в Москву. В первом экипаже были великие князья Михаил и Николай, следом за ними следовали вдовствующая императрица Мария Федоровна и великие княжны, потом – экипаж Александра I с Елизаветой Алексеевной, кареты с придворными и слугами. 5 сентября проехали Новгород, Тверь, наконец появились в Петровском дворце. 8 сентября торжественно въехали в Москву. 15 сентября в одном из кремлевских храмов произошло коронование императора Александра I. Присутствовали вся императорская семья, придворные, высшие чиновники, князья Куракины, граф Завадовский, граф Николай Румянцев, граф Сергей Румянцев, фельдмаршалы, генералы, сенаторы, члены Негласного комитета… После торжественной церемонии венчавший на царство митрополит Платон сказал, что ожидает императора после этого торжества:

– Предстанет лицу твоему пространнейшая в свете империя, каковую едва ли когда видела вселенная, и будет от мудрости твоей ожидать во всех своих членах и во всем теле совершенного согласия и благоустройства… Предстанет и самое человечество в первородной своей и нагой простоте, без всякого отличия порождений и происхождений: взирай, возопиет, общий отец, на права человечества. Мы равно все чада твои. Никто не может быть

передо тобой извергом, разве утеснитель человечества и подымающий выше пределов его… Отважатся окрест престола твоего пресмыкатися и ласкательство, и клевета, и пронырство со всем своим злым порождением, и дерзнут подумать, что, якобы под видом раболепности, можно им возобладать твоею прозорливостию. Откроет безобразную главу мздоимство и лицеприятие, стремясь прекратить весы правосудия. Появится безстыдство и роскошь со всеми видами нечистоты, к нарушению святости супружеств и к пожертвованию всего единой плоти и крови в праздности и суете…

Собравшиеся в храме и около него после выхода коронованного императора радовались торжеству и тому, что молодой император за короткий срок вернул подданным многие права и вольности, которые были отобраны в ходе правления Павла I. Но на одном из званых обедов преображенский офицер сказал, что было бы неплохо, если бы император, проезжая толпу жителей, спросил собравшихся, хотят ли они видеть его императором (Воспоминания А.И. Бертенева // РА. 1881. Кн. 3. С. 261). Так что уже в начале XIX столетия стали появляться голоса инакомыслящих.

15 октября император, придворные и чиновники вернулись в Петербург. Одно из первых назначений получил граф Виктор Кочубей, ставший управляющим Коллегией иностранных дел. Узнав об этом во время бала, Виктор Кочубей крайне удивился, во время заседаний Негласного комитета он все время говорил о Министерстве внутренних дел, и Александр I хорошо знал об интересах своего друга. Но сделал по-своему.

Вскоре Александр I получил еще одно письмо Цезаря Лагарпа, в котором бывший наставник словно продолжал одну из прежних бесед и напомнил, что нужно серьезно разобраться в трагических событиях 11 марта:

«Государь, я осмеливаюсь обратиться к Вашему Императорскому Величеству с некоторыми размышлениями…

Народ, доведенный до крайности суровостями, несомненно, может бороться с теми, кто их притесняет. Эта правда чувствований не нуждается ни в каких доказательствах, и поэтому излишне делать ее предметом поспешных выводов. Они могут иметь лишь неприятные последствия, причем лишь точно установленная необходимость может узаконить то, как они воспользуются.

То, что ваш народ, Государь, был доведен до этой необходимости, к сожалению, слишком истинно. Чтобы предупредить гибельные последствия, которые повлекли бы за собой соразмерное противодействие, были необходимы быстрые и

надежные средства. Те, что использованы в других странах, были несомненно применимы в положении Вашего Отечества, и Ваши качества Наследника Престола, сына и гражданина вменяли Вам в обязанность прибегнуть к этим средствам. Это именно то, Государь, чего Вы должны были желать, и это также то, чего Вы действительно желали.

Но люди, назначенные привести в исполнение этот законный план, злоупотребили Вашим доверием и не выполнили Ваши приказы. Это формальное неповиновение указывает на виновных. Вероятно, те, кто вошел в покои Императора в соответствии с установленным планом, не были таковыми сначала; но они стали ими, потворствуя убийцам. Виновны не только те, кто наносил удары Государю и заставили его испустить дух в муках длительной агонии; их соучастниками были и те, кто допустил это зверство, в то время как их долгом было обнажить шпаги против убийц и неукоснительно подчиняться полученным указаниям. Как всего лишь три человека смогли бы совершить подобное покушение в окружении шестнадцати других, если бы не были ими поддержаны? И что думать о людях, которые хладнокровно наблюдали, как удушают их Императора, напрасно взывающего их о помощи и погибшего лишь после долгого сопротивления? Итак, Государь, я не могу не думать, что от Вас умышленно скрыли истину! Я не хочу огорчать Ваше сердце пересказом подробностей, которые мне повторяли от Парижа до Санкт-Петербурга. Какова бы ни была согласованность этих рассказов, они, вероятно, преувеличены, но та же согласованность касательно людей, рассматриваемых повсюду в качестве главных исполнителей, не позволяет считать их невиновными, пока они не оправдают себя. Молва много лжет, но она говорит и правду.

Недостаточно, чтобы Ваше Императорское Величество имело чистую совесть или чтобы те, кто имеет честь знать Вас, были убеждены, что вам пришлось уступить необходимости: нужно, чтобы все узнали, что, когда Вам, после долгого сопротивления, пришлось ради блага вашей страны согласиться на то, что законно и с успехом было исполнено в других краях, Ваше доверие было постыдно обмануто; нужно, чтобы узнали, что Вы повсюду покараете преступление, как только о нем станет Вам известно.

Убийство Императора посреди его дворца, в кругу его семьи, нельзя оставить безнаказанным, не поправ божественных и человеческих законов, не опорочив императорского сана, не подвергнув народ опасности стать жертвой недовольных, достаточно дерзких, чтобы отомстить монарху, распорядиться его троном и заставить его преемника признать их невиновность.

Вам, Государь, взошедшему на престол скрепя сердце, надлежит отныне служить опорой России, которую поколебали непрерывные перевороты. Но в ожидании, что установления, которые вы подготавливаете, сослужат ей свою службу, правосудию надлежит охранять закон. Оно карает жестоко смертью разбой на большой дороге, совершенный людьми, которых, быть может, на преступление толкнула нищета, и оно терпит рядом с Вашей особой тех, кого глас народа обвиняет в участии в убийстве Императора и которые были по меньшей мере в сообществе с убийцами! Государь! Именно благодаря непредвзятому, гласному, строгому и быстрому правосудию подобные покушения могут и должны быть пресечены. С этим позором, когда цареубийцы, постоянно остающиеся безнаказанными и иногда даже вознаграждаемые, рыскают вокруг трона, готовые возобновить свои злодеяния, в России должно быть покончено.

Если бы Ваше Императорское Величество спросило моего мнения, я бы ответил, что можно принять только два решения. Первое состоит в том, чтобы допустить, что люди, вошедшие в покои Императора вместе с тремя убийцами, не смогли им помешать; благосклонное объяснение, которое, смягчая вину этих людей, могло бы обязать Ваше Величество просто удалить их от Вашей особы, что они должны были бы сделать сами.

Второе решение состоит в том, чтобы дать законам свободный ход.

Если бы Ваше Императорское Величество приняло это последнее решение, возможно, единственное, приличествующее Вашему сану, я бы сказал Вам: 1) Велите испытать в присутствии неподкупных людей, сначала по отдельности, а затем на очных ставках, тех, кто принадлежал к группе, вошедшей в покои Императора; это единственное средство узнать правду, которую Вам никак иначе не узнать, ибо страх или недоброжелательство извращают пути, по которым она могла бы дойти до Вас иначе. 2) Предайте суду варваров, удушивших Императора, и их сообщников, которые были тому свидетелями и допустили это злодеяние, если вы не предпочтете их удалить. 3) Позаботьтесь о том, чтобы суд творился быстро и беспристрастно, и примите такие меры, чтобы ставленники обвиняемых не смогли использовать свои средства, дабы помешать ходу суду.

Я предлагаю Вашему Императорскому Величеству эти размышления, обращая внимание на то, что Ваш долг, Ваша безопасность и Ваша слава требуют от Вас высказаться безотлагательно. Вы можете рассчитывать на всех порядочных людей, которые не пощадят живота своего ради Вас, когда увидят,

что снисходительность и любезность не мешают Вам быть суровым и справедливым исполнителем законов.

Примите, Государь, уверения в моем уважении и непременной преданности.

Лагарп».

Прочитав письмо и вспомнив последнюю свою беседу со своим наставником, когда он признавался в нежелании царствовать после отца, Александр чувствовал невыносимую тяжесть от этого бремени. Он терпел разговоры с друзьями-единомышленниками, которые предлагали нечто похожее на французские революционные реформы, но помнил, чем заканчивались эти реформы: Директорию постепенно подчинил своему влиянию генерал Бонапарт, появился первый консул, и без него во Франции не принималось ни одно решение. Так будет и в России.

«Господин Лагарп предполагает, как и многие меня окружающие, – в редкие минуты покоя думал Александр I, – что я не виноват в заговоре против отца. И я утверждаю, что я не виноват в таком трагическом развитии событий, я поклялся матери, что я не виноват… Но вспомни ты, император, как развивались события… Граф Никита Панин говорил, что о заговоре против императора Павла он слышал еще в 1797 году. Тогда барон фон Пален готовил торжественную встречу польскому королю Станиславу Понятовскому, а когда тот не приехал, фон Пален устроил королевскую встречу приехавшему в этот день князю Платону Зубову, и приготовленным для короля «большим обедом в доме Черных Голов» угостил Зубова и его друзей. Тут и пошли разговоры о заговоре против Павла Первого. В связи с этим в императорском рескрипте генералу фон Палену выговаривалось за то, что он оказал «подлые почести» князю Зубову, принимая его как высокого гостя, а еще за «почести и встречи», которые он оказывает партикулярным людям; в связи с этими проступками он увольняется «от службы». Конечно, решение не в пользу барона фон Палена было обсуждено в узком кругу противников императора, в итоге императору был вынесен приговор. Граф Панин был в Берлине, князь Зубов за границей, фон Пален в Риге, но нити, которые их связывали, через курьеров и почту соединяли их между собой. А когда Иван Кутайсов проложил барону фон Палену дорогу в Петербург, через какое-то время фон Пален договорился со мной о встрече с графом Никитой Паниным. Тогда, в бане, в сущности, было решено отстранить от власти императора Павла Петровича и передать регентство мне, великому князю Александру, как это было задумано Екатериной Великой, а Павел Петрович пусть

наслаждается жизнью, отдыхает, как британский король Георг Третий, пораженный наследственной психической болезнью. Его сын, принц Уэльский, управляет империей. Так бывало не раз… А когда граф Панин стал вице-канцлером в Петербурге, граф Пален добился того, что все Зубовы вернулись в Петербург, а сестра их, красавица Жеребцова, любовница британского посла лорда Витворта, стала принимать всех недовольных офицеров, а их с каждым часом становилось все больше и больше, а британские деньги из посольского кармана лились рекой… Значит, заговор созрел, и я тому виной… Но кто мог подумать, что переворот закончится смертью моего отца, императора Павла Первого… Вот что не дает мне покоя, вот что меня терзает и мучает…»

Но Лагарп долго не мог успокоиться, выходил на улицы, проспекты, бывал у церквей. Однажды Лагарп видел, как переодетый император подавал милостыню своему подданному. По каждому поводу Лагарп выступал с горячей речью, обличая или возвышая императора. Сначала Александр I воспринимал эти речи с одобрением, но раз от разу эти выступления его наставника огорчали, а потом раздражали и приводили в бешенство. Выходит, что Лагарп наблюдает за ним, словно шпион, выискивая его слабые стороны, а потом упрекает его за эти слабости. Об этом немало говорили и на заседаниях Негласного комитета, а главное, говорили с раздражением, предполагая, что он специально приезжает в империю, чтобы следить, справляется ли император со своим назначением, какое он внушил ему когда-то.

В конце мая 1802 года прибывший на короткое время в Петербург русский посол в Великобритании Семен Романович Воронцов, который немало сделал для свержения Павла I, тоже включился в обсуждение правительственной программы. Он внимательно следил за работой Негласного комитета. И, как поклонник старинных идеалов управления страной, Воронцов подверг острой критике решения Негласного комитета. Император Александр окружил себя молодыми дельцами, самолюбивыми и тщеславными, которые вообразили себя выше основателя Российской империи Петра Великого. В письме графу Ростопчину Воронцов писал, что эти господа увлеклись регламентами, каждый день появляются указы, словно действует образцовая машина для производства регламентов, притом с быстротою, «равносильною их невежеству и легкомыслию». В их указах больше гадательного, а опыты хороши только в физике и химии, и губительны в юриспруденции, в администрации, в политической экономии. Только коллективный Сенат, предложенный Петром I, способен решить государственные дела,

достичь правды и справедливости в частных и спорных делах.

Часть вторая
Александр I в Мемеле

Виктор Кочубей, став руководителем Иностранной коллегии, по поручению императора Александра давно готовил доклад о связях России с иностранными государствами. И был уверен, что угадал направление императорской мысли – жить со всеми в мире и никого не беспокоить ни своими претензиями, ни своими милостями.

И действительно, Александр I в письме графу С. Воронцову 31 октября (12 ноября) 1801 года писал: «Я буду стараться следовать преимущественно национальной системе, основанной на пользе государства, а не на пристрастии к той или другой державе, как это часто случалось. Если я найду это выгодным для России, я буду хорош с Францией, точно так же, как выгода для России побуждает меня теперь поддерживать дружбу с Великобританией».

В конце января 1802 года граф Кочубей выступил в Негласном комитете со своим планом политических сношений русского правительства. В этот год Россия может оставаться мирной без всякого вмешательства в действия своих европейских партнеров. «Наклонность Европы к миру побуждает все европейские государства к бездействию, – говорил он, – так что если бы мы решились на какое-либо предприятие, то не могли бы надеяться ни на чье содействие. Но если бы Франция или Австрия задумали бы усилиться за счет Турции, то и нам не следовало бы оставаться сложа руки, и мы могли бы сделать приобретения, которые обеспечили бы за нами внушительное положение».

Граф Павел Строганов сказал, что Франция слишком воинственно настроена, не пора бы положить преграду этим намерениям? Надо оставить в покое Турцию – ни усиливать ее, ни способствовать ее раздроблению. После возникших споров граф Кочубей согласился, что Франция с первым консулом Бонапартом в некоторой степени угнетает отдельные европейские государства, нарушает европейское равновесие, к которому так стремилась Екатерина Великая. Может быть, пора заключить союз России, Франции и Пруссии? А что может подумать в связи с этим союзом Австрия и Великобритания? Князь Чарторижский и граф Строганов заявили, что следовало бы указать Франции и генералу Бонапарту, что Россия имеет средства остановить его воинственные намерения в Европе. Негласный комитет поддержал этот призыв.

Александр I, получив письмо от прусского короля Фридриха-Вильгельма III и будучи заинтересованным рассказами о необыкновенном обаянии его жены Луизы, задумал посетить Прусское королевство, не предполагая в этом посещении политики, а только лишь укрепление личной дружбы между прусским и императорским двором и желание посмотреть на прусские полки, прусских солдат, которых так расхвалил отец.

Отвечая своим друзьям, высказавшим разные мнения о внешней политике России, Александр I заявил, что Францию можно удержать в пределах умеренности и не стоит ей думать о расширении своих границ, а для этого необходимо заключить с ней договор, в котором должна быть статья об умеренности ее намерений в Европе. «Нам не нужен союз, – сказал император, – но если Франция предложит, мы не откажемся от союза».

В апреле 1802 года Александр I вызвал в свой кабинет графа Кочубея, сообщил, что в ближайшее время он намерен поехать в Мемель для встречи с прусским королем, и попросил составить план поездки, разработать маршрут.

Обескураженный граф Кочубей подумал: «Кому придет в голову, что два государя совершают столь длительный переезд для того только, чтобы осмотреть несколько полков? А в сущности, это так, и не иначе. Кто поверит, что министр иностранных дел не знал ничего об этой проделке? А между тем и это сущая правда».

Биограф К. Шильдер считает, что это решение императора Александра «определило навсегда направление политических дел всего его царствования» (*Шильдер.* Т. 2. С. 86).

20 мая (1 июня) 1802 года в 8 часов утра Александр I отбыл из Петербурга в сопровождении графа Кочубея, Новосильцева, обер-гофмаршала Николая Александровича Толстого («неразлучного спутника Александра в первые двенадцать лет его царствования» (Там же), генерал-адъютантов П.П. Долгорукова, графа Ливена, князя Волконского и лейб-медика Виллие. Вечером того же дня император Александр был в Нарве, 22 мая – в Дерпте. В Дерпте, в университете, профессор физики Георг-Фридрих Паррот произнес на французском языке речь, полную «возвышенного ума и любящего сердца», так что возрадовавшийся император Александр пригласил профессора бывать в Петербурге, запросто бывать у него в кабинете в Зимнем дворце для просветительских бесед, а пока писать ему письма на любые темы.

24 мая «с небывалым торжеством» встретили императорский кортеж в Риге. Восторженный народ у Песчаных гор просил выпрячь лошадей и самим отвезти экипаж императора в город до

замка. «Сначала государь не хотел на то согласиться, но просьбы их были столь сильны, слезы столько убедительны, что государь невольным образом отдался им. И вдруг несколько сот человек повлекли экипаж в город, и сей тихой ход коляски доставил простому народу ту выгоду, что они могли вдоволь насладится его лицезрением» (Там же. С. 146).

Во время торжественного обеда Александру Павловичу принесли бокал, из которого Петр Великий 18 ноября 1711 года на обеде, устроенном рижскими гражданами, провозгласив тост, пил за здоровье собравшихся. Александр I тоже произнес тост и полный бокал шампанского пил за здоровье рижских граждан.

Из Риги царский экипаж направился в Митаву, а 29 мая прибыл в Мемель, где его встретили прусский король Фридрих-Вильгельм III и очаровательная прусская королева.

Семь дней продолжались смотры, маневры, приемы, обеды, балы и прогулки. Император Александр был в центре внимания прусского двора и мемельской публики. Графиня Фосс, обер-гофмейстерина королевы Луизы, в своем дневнике записала такие строки: «Император чрезвычайно красивый человек, белокурый; он поражает выражением своего лица; фигура его не хороша, или, вернее, он плохо держится. По-видимому, он обладает мягким, человеколюбивым сердцем: во всяком случае, он в высшей степени учтив и приветлив… Император самый любезный человек, какого можно вообразить себе; и по своим взглядам и убеждениям это вполне честный человек. Бедный, он совсем увлечен и очарован королевой. Я очень огорчена, что эти прекрасные дни приходят к концу. – Расставаясь с ним, мы все плакали» (воспоминания были опубликованы в Лейпциге в 1876 году. С. 242–245; *Шильдер.* Т. 2).

Но в это же время в Париже первый консул Бонапарт и министр иностранных дел Талейран начали распределение, или, лучше сказать, торг, немецких земель. Вся эта «сделка» происходила под контролем Франции и России. И по какому-то случаю Пруссия забирала лучшие земли. Прусский король вроде бы не вмешивался, но его секретарь Ломбард не раз говорил с графом Кочубеем. Кочубей тоже отказывался от слишком делового разговора, об этом надо говорить в Петербурге. Кочубей спросил об этом императора, но тот отмахнулся, он политическими вопросами здесь не занимается, много дел и без того.

Секретарь Ломбард был откровеннее в своих записках:

«Если возможно предвидеть события и составлять предположения в политике, то смею думать, что результаты, им обещаемые, будут крайне счастливые. Оба государя возымели

друг к другу живейшее уважение и дружбу. Разлуке и интриге, быть может, и удастся охладить со временем взаимные чувства, но я сомневаюсь, чтобы они могли расторгнуть принятое, кажется, безмолвное обязательство оставаться соединенными навеки интересами и дружбой.

Вы поймете, что волшебница немало способствовала скреплению уз, связывающих вполне обоих государей. Это фея, подчиняющая все силе своего очарования» (воспоминания были опубликованы в двух томах в 1887 году в Лейпциге. Т. 2. С. 103; *Шильдер*. Т. 2. С. 91).

Много лет спустя Талейран тоже вспомнил «сложное дело о секуляризациях в Германии», которым он занимался с «капризным», «вызывающе несносным» графом Морковым. В примечаниях Талейран сообщает: «Нужен целый том, – и, может быть, я напишу его, – чтобы полностью изложить этот важный вопрос. Маркиз Луккезини (прусский посланник в Париже. – *В. П.*) попытался сделать это, но свой труд он посвятил самооправданиям. Это весьма несовершенный способ писания истории своего времени, так как он редко оказывает влияние на взгляды современников. Люди, призванные решать политические вопросы большой важности, вызваны доставлять утешение тем, которых частные выгоды пожертвованы общему благу; им приходится сваливать вину на участников событий и без зазрения совести клеветать на них. Самое достоверное сочинение из посвященных этой эпохе принадлежит барону Гагерну, человеку острого ума: он был на службе у Нассауской династии» (*Талейран.* Мемуары. М., 1959. С. 162).

Александр I, миновав Ковно, Вильно, Гродно, Минск, Могилев, Витебск, Полоцк и Псков, возвратился в Петербург в середине июня 1802 года.

После летнего отдыха император Александр опубликовал манифест, в котором подвел итог большой предварительной работы по реорганизации внутреннего управления страной – он создал восемь министерств и Комитет министров под своим председательством: «Мы заблагорассудили разделить государственные дела на разные части, сообразно естественной связи между собою, и для благоуспешного течения поручить оные ведению избранных нами министров, постановив им главные правила, коими они имеют руководствоваться в исполнении всего того, что будет требовать от них должность и чего мы ожидаем от их верности, деятельности и усердия к благу общему. На Правительствующий же Сенат, коего обязанности и первоначальную степень власть мы указом нашим, в сей день данным утвердили, возлагаем важнейшую и сему верховную

месту наипаче свойственную должность рассматривать деяния министров по всем частям, их управлению вверенным, и, по надлежащем сравнении и соображении оных с государственными постановлениями и с донесениями, прямо от мест до Сената дошедшими, делать свои заключения и представлять нам докладом».

До публикации манифеста о создании министерств этот серьезный и принципиальный вопрос не раз обсуждался на заседаниях Негласного комитета. Над проектом работали чиновники коллегий, сенаторы, члены Государственного совета. Граф Кочубей, как только начали разработку реформ, говорил на Негласном комитете, что Петр I в ходе преобразований государственного управления не успел учредить в управлении постоянного и удобного порядка. Александр I, вводя новый порядок вещей и создавая министерства, надеялся дать управлению ход наиболее сообразный к упрочению общего благоденствия.

Неожиданно возник спор об использовании старинных форм управления: граф Кочубей, Николай Новосильцев и граф Строганов резко отозвались об использовании коллегий, придется принимать целый трактат о применении этих устарелых форм к новым учреждениям.

19 статей манифеста определяли значение министров по отношению к верховной власти, к Совету, к Сенату и между министерствами. Министры делали свои доклады Сенату, Сенат формулировал свои предложения, а император единовластно решал эти вопросы. Был учрежден и Комитет министров под председательством императора. Так было до 1807 года.

В ходе обсуждения на Негласном комитете Александр I, вспомнив недавнюю встречу с Цезарем Лагарпом, неожиданно для собравшихся сказал:

– Господа! Мы совсем забыли о Министерстве коммерции. На днях разговаривал со своим давним наставником Цезарем Лагарпом, и он крайне удивился, что в Комитете министров нет Министерства коммерции. Во всех странах есть…

– Ваше величество! – откликнулся граф Кочубей. – Все коммерческие и торговые мероприятия мы адресовали министру финансов.

– Да, может быть, рановато заговорил я о Министерстве коммерции, – после паузы продолжал император. – Пока статс-секретарь Алексей Николаевич Оленин не представит нам данных о распределении отраслей управления между властями, мы не сможем приступить к решению этого вопроса.

Недавно заглянула в Зимний дворец императрица Мария

Федоровна и в открытую сказала, что граф Николай Румянцев мог бы стать министром финансов или министром коммерции. Александр Павлович давно знал известного дипломата и надеялся включить его в кабинет министров. Ну, министр финансов уже есть, граф Васильев, а министром коммерции мог бы стать граф Румянцев, матушка говорила, что у него есть коммерческая жилка. Ведь не случайно граф Румянцев ведет ее дела по Вспомогательному банку, поддерживает связь с зарубежными фирмами, дай-то Бог им удачи. И Александр I вспомнил фразы графа Семена Воронцова, который, в очередной раз отъезжая в Великобританию, с горечью сказал: «У нас весьма мало людей, и едва ли найдется человека три на всем протяжении громадного царства, чтобы приносить пользу и поставить преграду тем беспорядкам, которые проникли во все отрасли управления и в особенности в область правосудия. Когда остановишься на этой последней мысли, то просто содрогаешься» (РА. 1872. Т. 11. С. 2195).

Александр I не раз слышал подобные высказывания от близких ему людей, часто думал об этих неуправах, да и сколько писем поступало к нему! К примеру, запомнилось письмо графа Ростопчина: «В московском остроге нашел я много доказательств, что правосудие мало занимается бедными. Тут есть по два и по три года забытые люди. Заточение оговоренных и свидетелей сопрягается с участью преступников, доколь законное наказание сих [преступников] не постигнет. Нельзя довольно соболезновать об участи человеческой, уверясь, что лень, корысть и плутовство по воле останавливают, даже уничтожают, силу законов и действие милосердия вашего и, вместо терпения, надежды и раскаяния, вселяют в души сих (несчастных уже заточением) отчаяние, ужас, уверение в неизбежной гибели от несправедливости и долговременного забытия в остроге. Граф Гудович в нем с приезда своего в Москву не был и, наполня первые дни несколько присутственных мест бранью и шумным уверением, что он плутов не терпит, оставил их в покое…» (РА. 1881. Кн. 111 (1). С. 216). Нет, не оставил в покое, пришлось Александру I назначить графа А.С. Строганова провести ревизию присутственных мест, из 4845 заключенных он, разобравшись в делах, выпустил 4607 человек из тюрем Петербургской губернии. Благодарность графу Строганову Александр I выразил в особом рескрипте. А начало реформы судебных дел было положено в октябре 1801 года. Александр I взял со стола копию письма генерал-прокурору Беклешову и прочитал: «Просматривая ведомости, доставленные мне из губерний о состоянии дел, о числе колодников и количестве недоимок, нахожу, что во многих

из них (губерниях) содержатся долговременно колодники по делам, давно уже внесенных в рассмотрение Правительствующего Сената; что недоимки от многих лет остаются без взыскания, потому что на представление присутственных мест нет от него (Сената) разрешения. Сие коснение высшего места дает пример и предлог к медленности судам ему подвластным, а потому и поручаю вам обратить на дела сие особое ваше внимание, и, приказав их поспешнее приготовить, предложить к рассмотрению и решению Правительствующего Сената» (Архив Сената. 9 октября 1801 года).

Обсуждение реформ в государственном управлении началось давно, чуть ли не в первые месяцы 1802 года. Сначала на Негласном комитете, когда граф Кочубей прочел проект указа об учреждении министерств, а затем Новосильцев предложил учредить одно министерство с восемью частями, подведомственными министрам: юстиции, внутренних дел, иностранных дел, финансов, Государственное казначейство, военное, морское, народное просвещение.

– Вы, Николай Николаевич, забыли внести отдел коммерции, – сказал император.

– Я помню, ваше величество, об этом предложении. Но эта отрасль управления не могла составить особенной части. Я предлагаю, если ваше величество настаивает на этом, ввести в отдел коммерции таможни и коммерческую коллегию, только в этом случае можно прибавить девятую часть министерства.

Затем Новосильцев стал далее читать свой проект, перечисляя обязанности восьми министров. Каждому министру будет назначен помощник министра, или товарищ министра. У каждого министра будет инструкция, которой определяются его права и обязанности. А все, что сверх инструкции, решает государь император.

В заключение этого совещания Александр I сказал, что он посоветуется с Лагарпом, Новосильцев – «с несколькими дельцами, которые могли бы принести пользу своею опытностью».

«За несколько дней до сего совещания, Его Величество сообщил членам комитета проект Лагарпа об устройстве министерства народного просвещения, и проект директора кадетского корпуса, генерала Клингера, об устройстве народных училищ. Как оба проекта имели связь с проектом учреждения министерств, то Новосильцев доложил Государю, что следовало бы принять во внимание в общем постановлении довольно основательные идеи Лагарпа. Его Величество отвечал, что Лагарп желал, чтобы это было сделано неотлагательно, и что он сам разделял это мнение, потому что положено было бы начало делу»

(Извлечения из «заседаний неофициального комитета». История царствования императора Александра I и России его времени. СПб., 1869. Т. 1. С. 79).

На следующем заседании комитета были прочитаны шесть писем графа Александра Воронцова, в которых он подробно анализировал структуру министерств, а в особом письме он весьма одобрительно говорил о намерении императора учредить восемь министерств, предлагая и девятое – Министерство коммерции, включив в его состав ведомство путей сообщения.

После обсуждения прочитанных записок графа Воронцова император Александр согласился со всеми его предложениями: учредить Министерство коммерции, оставить независимым государственного казначея от Комитета министров и соединить в одном лице обязанности министра юстиции и генерал-прокурора.

8 сентября 1802 года военным министром был назначен вице-президент Военной коллегии Вязьмитинов, морским министром – адмирал Мордвинов, министром иностранных дел со званием государственного канцлера – граф Александр Воронцов, товарищем министра – тайный советник князь Адам Чарторижский, министром юстиции, генерал-прокурором – тайный советник Державин, министром внутренних дел – граф Кочубей, товарищем министра – тайный советник граф П. Строганов, министром финансов – граф Васильев, товарищем министра – гофмейстер Гурьев, министром коммерции – граф Румянцев, министром народного просвещения – граф Завадовский, государственным казначеем – тайный советник Голубцов.

За этими крупными преобразованиями внимательно следили внутри страны и за рубежом. Профессор Лагарп писал Александру I, что напрасно доверили Министерство просвещения графу Завадовскому, но император тут же успокоил своего бывшего наставника: в Министерстве просвещения действует комитет умных деятелей, без их согласия никаких решений министр не принимает.

Поэт, драматург и крупный государственный деятель Иван Дмитриев в своих записках «Взгляд на мою жизнь», опубликованных племянником М. Дмитриевым, вспоминал: «Новые министерства находились под влиянием двух партий, из коих в одной господствовали служивцы века Екатерины, опытные, осторожные, привыкшие к старому ходу, нарушение коего казалось им восстанием против святыни. Другая, которою главою был граф Кочубей, состояла из молодых людей образованного ума, получивших слегка понятие о теориях новейших публицистов и напитанных духом преобразований и улучшений.

Такое соединение двух возрастов могло бы послужить в пользу правительства. Деятельная предприимчивость молодости, соединенная с образованием нашего времени, изобретала бы способы к усовершенствованию и оживляла бы опытную старость, а сия, на обмен, умеряла бы лишнюю пылкость ея и избирала бы из предлагаемых средств надежнейшие и более сообразные с местными выгодами и положением государства. Но, к сожалению, и самые благородные души не освобождаются от эгоизма, порождающего зависть и честолюбие» (*Дмитриев И.* С. 180).

Вскоре обнаружилось, что министры недовольны были некоторыми назначениями. Граф Завадовский протестовал против кандидатуры Державина на пост министра юстиции и писал по этому поводу С. Воронцову: «Вовсе голова министра не по месту: школа Аполлона требует воображения, весы Фемиды держатся здравым рассудком» (Архив Воронцова. Кн. 12. С. 272). И граф Строганов в письме Новосильцеву высказал свои претензии. Да и граф С. Воронцов в письмах Ростопчину и другим близким людям в России скептически отнесся к реформам, считая, что только Сенат и учреждение коллегий, основанных Петром Великим, могут растоптать зло, которое порой возникает на местах.

Очевидец этих событий Ф. Вигель писал: «Родившись в России и никогда дотоле не покидавши, напитанный воздухом самодержавия, Александр I любил свободу, как забаву ума. В этом отношении был он совершенно русский человек: в жилах его вместе с кровью текло властолюбие, умеряемое только леностью и беспечностью» (*Вигель Ф.Ф.* Записки. Ч. 2. С. 14). Тот же очевидец писал о пагубности вводимых реформ: «Кажется, простой рассудок в самодержавном государстве указывает на необходимость коллегиального управления. Там, где верховная неограниченная власть находится в одних руках, и глас народа, чрез представителей его, не может до нея доходить, власть главных правительственных лиц должна быть умеряема совещательными сословиями, составленными из мужей более или менее опытных. Если суждения их, споры, даже несогласия несколько замедляли ход дел, зато перед государством они одни только обнажают истину, выказывают ему способных людей для каждого места и, таким образом, облегчают ему выборы. Так было до Петра Великого; приказы, думы, суды превратились при нем в коллегии; число их умножилось, переменились названия, но не изменился существовавший порядок. Пред обновленною древностью благоговели все его преемники до Александра. Молодость сего государя, по образу мыслей, данному его воспитанием и по внушениям почти столь же юных советников, пренебрегли опытом веков…» Очевидец задает вопрос, перед кем

будут отвечать министры? «Перед государем, который уважает в них свой выбор, которого делают они участником своих ошибок, и, который, не признавшись в оных, не может их удалить? Перед народом, который ничто? Перед потомством, о котором они не думают? Разве только перед своею совестью, когда невзначай есть она в котором-нибудь из них… Может быть, когда-нибудь случится, что рассеянный государь вверится небрежным министрам, которые вверятся небрежным директорам, которые вверятся неблагоразумным и неопытным начальникам делений, а они вверятся умным и деятельным, но не весьма благонамеренным и добросовестным столоначальникам, тогда они последние без общей цели и связи будут одни управлять делами государства. Вот будущность, которая с 8 сентября 1802 года открывалась для России» (*Вигель Ф.Ф.* Ч. 2).

И вот вывод: «Набросанное на бумагу в нескольких поверхностных очерках, без всяких подробностей исполнения, и между тем тотчас приведенное в действие, это образование во всем носило на себе отпечаток особенной спешности и малой опытности составителей» (*Барон Корф.* Граф Сперанский. Т. 1. С. 94).

Александр I сочувствовал молодым властолюбцам, которых называли «французскими якобинцами», которые трактовали реформы в духе Французской революции, желали сломать весь прежний аппарат управления и построить нечто новое, свободное и демократическое в духе нового века. Александр I тоже этого хотел и с увлечением слушал выступления своих молодых соратников об отмене крепостного права, о реформах государственного управления, о реформах во внешней политике… Слушал, хотел этих преобразований, но принимал такие решения, которые диктовала ему жизнь. Рядом с ним были и те придворные, и те чиновники, которые даже и не помышляли об отмене крепостного права и о реформах государственного управления, а таковых, сохранявших влияние на императора, было большинство.

Получив в управление Министерство коммерции, граф Николай Румянцев почти не изменил графика своей работы. Прежде всего познакомился со своими сотрудниками, с теми, кого не знал по работе директором водяных коммуникаций. Бывал на заседаниях Комитета министров под председательством императора Александра, среди хорошо известных ему вновь назначенных министров: Гавриила Державина знал давно по его знаменитым стихотворениям, особенно тем, кои были посвящены фельдмаршалу Румянцеву, знал канцлера графа Александра Воронцова, военного министра Вязмитинова…

Стоило только войти в курс дела, как император назначил графа Румянцева в комитет по расследованию недобросовестных действий калужского губернатора Дмитрия Ардалионовича Лопухина, обвиненного в злоупотреблениях и противозаконных поступках. Кроме графа Румянцева, в комитет вошли граф Воронцов, сенатор генерал Валерьян Зубов, военный министр Вязмитинов, министр юстиции, генерал-прокурор Державин.

История была давняя. В конце 1801 года император Александр получил несколько доносов от дворян Калужской области, где говорилось, что губернатор позволял себе «возмутительные дела» и «неприличные шалости к соблазну всей губернии». Губернатор был женат на Шереметевой, был в родстве с князем Лопухиным, в хороших приятельских отношениях с Трощинским, Беклешовым, Торсуковым, все эти безобразия позволял себе, надеясь на безнаказанность. Для расследования дела император вызвал Державина, чья правдивость и беспристрастность были неоспоримы.

– Но, ваше величество, я уже не раз выполнял такие щекотливые дела при матушке Екатерине и при императоре Павле. Однако обвиняемые вельможи постоянно обманывали государей, ссылаясь на свидетелей, и правда оставалась в затмении.

– Гавриил Романович! Ваше дело – расследовать возмутительные дела. Наказывать будет Сенат и император.

– В таком случае, ваше величество, дозвольте поехать в Калугу инкогнито, негласно, под видом отпуска. Я остановлюсь в имении графини Брюс и буду собирать документы о правонарушениях губернатора.

25 декабря 1801 года Державин с секретным указом, подписанным императором, отбыл в Калугу и начал свою деятельность собирателя фактов. А фактов было множество.

Вскоре Державин узнал, что губернатор Лопухин взял под вексель 20 тысяч рублей у фабриканта Гончарова, а потом предъявил Гончарову фальшивое обвинение, пообещал сослать его в Сибирь, если тот не отдаст вексель; помещик Хитрово убил брата, губернатор взял с него 5 тысяч рублей и не возбудил против него уголовное дело…

Державин послал императору письмо с описанием преступлений губернатора, через несколько дней нарочный привез повеление императора: отрешить губернатора от должности, а власть передать вице-губернатору Козачковскому. Как только Державин вернулся в Петербург, тут же узнал, что губернатор Лопухин написал на него донос, в котором обвиняет Державина в том, что вся губерния встревожена жестокими

поступками Державина, дескать, в губернии возможны народные волнения.

Державин, возмущенный доносом калужского губернатора, просил императора возобновить следствие.

Император Александр был встревожен письмом губернатора, знал или предполагал, что это ложное обвинение, из почтенных и доверенных лиц был сформирован комитет, который должен был возобновить следствие и тщательно разобраться в противоречивых обстоятельствах.

В комитет вошел и граф Румянцев, через курьера получивший массу бумаг и документов, относящихся к делу. Прежде всего Николай Петрович внимательно прочитал копию рескрипта императора Державину от 8 февраля 1802 года: «Гаврила Романович. Получил я донесения ваши, с нарочным присланные, и по желанию вашему прилагаю здесь об вступлении в начальство губерниею виц-губернатору. Прилагаю также здесь просьбу помещицы Домогацкой, жалующейся на губернатора Лопухина; взойдите в рассмотрение по сему делу и присовокупите оное к прочему производству комиссии вашей. Здесь также прилагаю просьбу губернатора на вас, чего бы мне и не должно было делать, но, зная вашу честность и что у вас личностей нету, я уверен, что оное не послужит ни к какой перемене в вашем поведении с Лопухиным. Уверен также, что умеренностью вашей вы отнимете способы у него на столь нелепые притязания на ваш счет. Касательно до Каразина, согласно с его желанием я писал ему, что он может остаться в Москве. Пребываю навсегда с искренним уважением вам доброжелательный *Александр*».

Перебирая полученные документы, Николай Петрович убедился в том, что калужский губернатор Лопухин позволил себе откровенно лгать о том, что Державин завел тайную канцелярию и пытками добивался нужных сведений на губернатора, случайную смерть фабриканта Гончарова от паралича выдал за смерть от пыток при допросе, и другие небылицы были четко опровергнуты прямыми свидетельствами.

16 августа 1802 года председатель комитета граф Александр Воронцов в присутствии всех его членов доложил императору, что, изучив 34 обвинительных документа против калужского губернатора, не обращая особого внимания на 12 не особо важных, члены комитета посчитали, что в ходе следствия не было никаких притеснений, истязаний и домогательств подсудимых, а посему обвиняют калужского губернатора и его соучастников в государственных преступлениях и передают дело в суд.

Занятый текущими коммерческими делами, граф Румянцев не следил за судебным разбирательством, но, по слухам, которые

доносились до него, бывший калужский губернатор, переехав в Петербург, живет весело, даже не подвергался суду, а вот его сообщники уголовной палатой были осуждены по всей строгости законов. Московский сенат под давлением друзей и родственников Лопухина вынес решение, что бывший калужский губернатор прав в невмешательстве в преступные дела, этим занимались другие лица, и за эти преступления кара настигла «виновных»: братоубийца Хитрово осужден, сослан в Нерчинск на каторжные работы.

Чуть-чуть утихло это громкое дело, как возникло другое: сенатор граф Северин Потоцкий, необрусевший поляк, по словам графа Завадовского, предложил Сенату воспользоваться недавно дарованным Сенату правом обратиться к императору в том случае, когда в принятом постановлении нарушен ранее принятый закон. 5 декабря 1802 года Сенат принял решение восстановить старый закон: дворяне, поступающие в армию нижними чинами, не могут подавать в отставку, не получив офицерского чина. Император подписал это решение. Граф Потоцкий посчитал, что постановление нарушает права русского дворянства, не учитывает грамоту о вольности дворянства, а поэтому Сенат может обратиться к императору с представлением, что это постановление унижает честь русского дворянства, а его практическое использование сопряжено «с великими неудобствами». 16 января 1803 года обширная записка графа Потоцкого была прочитана на общем собрании Сената, утверждена, теперь следовало обратиться к императору со всеподданнейшим докладом, чтобы убедить его в том, чтобы отменить «столь важное узаконение».

По воспоминаниям Г. Державина, князя Адама Чарторижского, по книге Якова Грота «Жизнь Державина» можно восстановить ход реальных событий того времени.

Державин, несмотря на то что почувствовал, что император охладевает к нему, стал он «в остуду, а у министров во вражду», добился приема у императора и откровенно высказал свое мнение о записке графа Потоцкого:

– Ваше величество! Последние события в сенате вызывают у меня крайнее беспокойство… Я, государь, письмо прочитал, письмо графа Потоцкого прочитал, оно дерзкое не только против сената, но и против императора, пропитано конституционным французским и польским духом. Вот почему я позволил смелость вновь обратиться к вам, как министр юстиции, для дозволения дальнейших действий.

Мрачная тень опустилась на лицо императора. Граф Северин Потоцкий входил в близкий круг друзей великого князя и

императора Александра, бывал в их компании, слушал речи князя Чарторижского, графа Строганова, графа Кочубея, видел, что с этими революционными речами согласен и император Александр. Граф Потоцкий был назначен попечителем Харьковского университета, который, по отчетам и слухам, добился больших успехов. Видимо, думал император, граф Потоцкий надеялся, готовя свою записку в Сенат, что документ не вызовет столь бурные споры. Он резко сказал:

– Что же мне, Гаврила Романович, запретить мыслить, кто как хочет! Пусть его подает, а Сенат пусть рассуждает!

Державин был ошеломлен таким поворотом событий: получается, что дерзкие и непозволительные фразы послания графа Потоцкого остаются безнаказанными!

– Но эта записка графа Потоцкого полна французским якобинским духом. Не только Сенат, но и императора оскорбляет. Оказывается, правительство, Сенат, император приняли решение, а потом одумавшийся Сенат при повторном рассмотрении может его отменить? Такого не бывало, ваше величество!

– Сенат это и рассудит, а я мешать не буду. Прошу доложить в следующую пятницу.

Александр I поступил в духе высказываний своих друзей из Негласного комитета, но в душе его резко обозначилось самодержавное начало, он, как и Державин, считал это выступление графа Потоцкого посягательством на его державную власть, однако решил повременить со своим решением, выждать завершения конфликта, а потом, как говорится, спустить на тормозах.

«В эти первые годы, – писал великий князь Николай Михайлович, – сказалась уже основная черта характера Александра, а именно: блеснуть лучезарной идеей, быть вдохновителем этой идеи, но всю тяжесть работы переносить на других, внимательно прислушиваясь к общественному мнению, но ни минуту не подавая даже вида, что в глубине души его симпатии уже ослабевают к предпринятому делу. Совершенно верно замечает по этому поводу г-н Кизеветтер в этюде об Аракчееве, напечатанном в «Русской мысли» (ноябрь 1910 года): «Александр навсегда избрал главным оружием в жизненной борьбе виртуозную способность строить свои успехи на чужой доверчивости, он возбуждал к себе эту доверчивость той видимой готовностью к уступкам, той видимой склонностью признавать чужое превосходство над собою и легко очаровываться чужими достоинствами, которые были принимаемы за чистую монету столь многими современниками и позднейшими историками. Барон М.А. Корф, имевший обыкновение черпать сведения об

Александре из рассказов людей, превосходно его знавших, пишет об императоре: «Подобно Екатерине, Александр в высшей степени умел покорять себе умы и проникать в души других, утаивая собственные ощущения и помыслы».

В предисловии ко 2 тому книги «Граф Павел Александрович Строганов» мы уже обратили внимание на странные свойства характера Александра Павловича. Приходится привести дословно, что писал я тогда: «Говорят и повторяют, что все преобразования, над которыми так много потрудились в первые годы XIX столетия, исходили от Александра I. Согласно с этим, укоряют и клянут перемену, будто бы происшедшую позже во взглядах и намерениях старшего внука Екатерины II. Это не столько недоумение, как большая ошибка. Не подлежит никакому сомнению, что император Александр, вслед за воцарением, многим был недоволен, многое желал изменить, даже исправить, как равным образом несомненно, что ни одна из произведенных реформ не исходила от него лично, что все они не без труда внушаемы ему, причем его согласие добывалось нередко с большими усилиями. Император Александр I никогда не был реформатором, а в первые годы своего царствования он был консерватор более всех окружавших его советников…» Граф Строганов быстро догадался об истинных намерениях Александра и его мягком и вялом характере, служившем помехой для правильных занятий. Тогда два вопроса особенно занимали юных сотрудников и государя: конституция и освобождение крестьян, но о конституции Александр скоро перестал и думать, хотя продолжал говорить, а освобождение крестьян было сведено к устройству свободных хлебопашцев.

Горячка и непоследовательность Александра и его советников по делам внутреннего благоустройства России сказывались во всех мероприятиях. Не было заметно и тени какой-либо определенной системы. Все делалось быстро, необдуманно, скачками. Молодые товарищи государя, увлеченные им же на почву преобразований, сами не замечали, что такое отношение к серьезному делу не могло рано или поздно не отрезвить рвения монарха…» (*Великий князь Николай Михайлович.* Император Александр I. М., 2010. С. 26–28).

Державин после разговора с императором заболел. К больному Державину приехал генерал Валерьян Зубов с поручением императора: Державину в ближайшее время передать в Сенат свое мнение по поводу записки графа Потоцкого. Вскоре Державин передал свою записку графу Зубову, который представил ее императору, обратившему внимание на то, что Державин слишком резко отзывается о записке графа Потоцкого,

а посему те самые дерзости Державина вычеркнул.

Князь Александр Николаевич Голицын, как старший обер-прокурор первого департамента, доложил Сенату о возникшей ситуации; Сенат выступает против принятого указа, а министр юстиции, генерал-прокурор Державин – за указ, который возвращает сложившиеся в армии традиции.

Прибывший на следующий день Державин заявил в Сенате, что по процедуре оба мнения Сенат должен отправить на утверждение императору Александру I. Сенаторы подняли протестующие крики.

– Его величество изволил приказать взнести все дело без приговора на его рассмотрение, – твердо заявил Державин.

– Как – его величество? Клевета! Клевета!

– Нет! Это не клевета, господа сенаторы! – И Державин, поглядывая на песочные часы, ударил деревянным молотком по столу. Заранее, готовясь к схватке с сенаторами, он отыскал деревянный молоток и песочные часы, которыми пользовался Петр Великий, а в его отсутствие генерал-прокурор Ягужинский, выполняя строгий ритуал принятия решения в Сенате.

«После сего все оробели и замолкли», – писал Державин в своих воспоминаниях (см.: *Державин Г.Р.* Записки. 1743–1812. М., 1860. С. 467 и др.).

Вскоре министры по вторникам и пятницам стали собираться во внутренних комнатах императора в Зимнем дворце. На первом же заседании Комитета министров под председательством императора Державин выступил с предложением написать для каждого министра инструкцию.

– В манифесте, – сказал император, – я, помнится, четко выразил круг деятельности каждого министра, но, учитывая сложность и недостаточную готовность людей к работе, я прошу каждого из вас обозначить свои обязанности, как только вы войдете в курс и объем своих дел, а потом появится и инструкция-наставление. Как вы понимаете, речь идет о коренной перестройке всего сложного государственного управления, я мечтаю закончить наши преобразования составлением Уложения, какие повсюду действуют в Западной Европе. Наши коллегии действовали чаще всего самостоятельно, а наши министерства должны быть взаимно связаны между собой…

На одном из заседаний Комитета министров министр внутренних дел граф Виктор Кочубей выступил с довольно странным предложением:

– Я предлагаю иезуитам вводить католическую веру и даже преклонять в оную чрез миссионеров магометанские и идолопоклоннические народы, обитающие в Астраханской,

Оренбургской и Сибирских губерниях.

– В нашей империи господствует терпимость веры, существует православная, католическая, мусульманская вера, а делать католическую веру владычествующей неприлично достоинству империи, я против предложения графа Кочубея, – возмутился Державин.

После того как озадаченные этим предложением министры стали недоуменно переглядываться, выступил граф Николай Румянцев:

– Я тоже не согласен с графом Кочубеем. В нашей империи действительно господствует терпимость веры, разные народы в нашей империи молятся своим богам. Я бы мог голосовать за то, чтобы миссионеров посылать к идолопоклонникам, дабы насаждать в их головах религию греческой исповеди, как это было во времена царя Ивана IV, и научить их хлебопашеству и прочим обычаям и нравам коренных русских подданных, чтобы умножить нашу империю.

В мае 1803 года император отбыл в Лифляндскую губернию, его сопровождали князь Чарторижский и Новосильцев, злейшие враги Державина, по всей видимости, они наговорили императору всяких вздорных небылиц о Державине. Близилась отставка, тем более что он выступил против тех министров, которые бесконтрольно тратили государственные средства.

При Петре Великом и Екатерине II Сенат мог утверждать государственные суммы до 10 тысяч рублей. Но Державин увидел, что министры подавали доклады государю императору о миллионах, «зачали министры тащить казну всякий по своему желанию», министр Кочубей подал заявку на миллионы рублей, Державин, как генерал-прокурор, остановил эту заявку в Сенате, Кочубей утвердил свои предложения у императора, а по адресу Державина и в Сенате, и в Комитет министров прозвучали язвительные насмешки.

Как-то перед заседанием Комитета министров Державин встретил графа Румянцева, который сочувственно относился ко многим его предложениям:

– Ваша светлость, сколько раз я говорил о том, что нужна императорская инструкция господам министрам. Ведь делают что хотят, растаскивают государственную казну. Министры заключают контракты, про вас я не говорю, сверх власти им данной, на превосходные суммы, без уважения Сената, как-то господин Чичагов на поставку провианта в морской флот с купцом Косиковским сделал контракт без торгов и публикаций на несколько миллионов. Я в Сенате протестововал против такого безобразия. Но государь император не поддержал мой протест.

После этого законы стали приходить в неуважение день ото дня более… Все дела пошатнулись ко вреду государства, а не к пользе.

– Мало времени прошло, Гавриил Романович, пройдет время, государь император тоже может увидеть, что такие контракты способны разорить казну, – согласился граф Румянцев.

А вскоре министр юстиции Державин был отстранен от исполнения своих обязанностей. Кочубей, Новосильцев, князь Чарторижский «пронырством и ухищрениями» добились того, что император стал раздражаться на действия Державина, который то и дело выдвигал обвинения против министров, тоже приходивших к императору, объясняя причины своих затрат. Император, оставив Державина в Сенате, освободил его от хлопотливой должности. Произошло это в октябре 1803 года, год и один месяц был Державин министром юстиции (Записки. С. 472 и др.). Неблагоприятно закончилось и дело, которое Державин начал во время поездки в Белоруссию (Там же. С. 474).

Часть третья
Первая кругосветная экспедиция

Граф Румянцев, изучая повседневную почту, газеты, журналы, просматривая вывезенные из-за границы книги, давно понял, что судьба вовремя поставила его у руля развития внутренней и внешней торговли. Заполнившие Россию иностранные купцы думали только о своих прибылях, о вывезении из России полезных ископаемых, пушнины, всевозможных изделий из леса и всячески, по возможности, ущемляли интересы русского купечества, которые уже представляли знатную часть русского общества. Русские дворяне, помещики, часто закладывали свои имения, большую часть полученных денег прогуливали без пользы для развития общества, а вот купцы, торгуя, накапливали денежную мощь государства. То, что он сделал с водными сооружениями, принесло огромную пользу, теперь охват его деятельности возрос, стал, может быть, основой государственной мощи Российской империи. Но пора идти далее. Нужно торговать не только с европейскими странами, необходимо наладить торговые связи с Китаем, Индией, с Америкой, о Японии отважные русские люди тоже подумывают в своих мечтах, моряки грезят о кругосветных географических путешествиях. Может ли Россия открыть новые материки, как в свое время Испания, Португалия, Италия, Великобритания? Без мощного русского флота и отважных моряков, думал граф Румянцев, развитие торговли невозможно.

Как по заказу морской министр граф Мордвинов сообщил, что капитан Иван Крузенштерн написал ему несколько писем, в которых предлагает совершить кругосветное путешествие на русских кораблях и разведать торговые возможности для Российской империи. Не стоит ли вам, милостивый государь, граф Румянцев, ознакомиться с этими материалами и совместно решить их участь?

32-летний капитан-лейтенант Крузенштерн, «как природный россиянин», побывавший в многолетней командировке в Великобритании и увидевший огромные успехи британских купцов в торговле, выразил сожаление, что Россия и в этом отношении значительно отстает от западных партнеров. «Обожая торговлю, сей обширный источник богатства и блага народов, изливающий купно просвещение и человеколюбие, невозможно было не сравнить состояние торговли моего Отечества с торговлею других наций и не желать, дабы Россия, сделавшая

столь чрезмерные успехи, простерла силы свои к исправлению и усовершенствованию сего предмета», – мысли, подобные словам Ивана Крузенштерна, давно бродили в голове графа Румянцева и когда он был дипломатом, и когда занимал один из высших придворных чинов, и сейчас, когда вступил на пост директора водных сооружений и министра коммерции. Крузенштерн напоминал о «трудолюбии и неусыпности» сограждан, которые своим изобретательным трудом способствуют «изобилию некоторых иноземцев», и не мог понять: «Для чего терпит Россия таковое бесславие?» Россия обладает и «знатными капиталистами», имеет и «людей с дарованиями к отважным предприятиям». Давно пора «принять новую систему и свергнуть иго иностранцев, господствующих над нами так долго». Для этого правительство должно открыть русским купцам широкую дорогу к созданию крупных торгово-промышленных компаний, которые могут ограничить свободу английских купцов, что выгодно торгуют изделиями русской промышленности. «Одна только торговля служит основанием истинного могущества морской державы и непоколебимого ее величия» – таков вывод капитан-лейтенанта Крузенштерна в его записке, направленной в русское правительство.

Но, судя по всему, адмирал Мордвинов не решился передать эти замечательные идеи государю императору: в разговоре с графом Румянцевым Мордвинов неожиданно заявил, что Крузенштерн небрежен в своем проекте, все написано «слишком вольным языком», надо бы отредактировать и при благоприятном случае показать императору некоторые места…

Прочитав документы И. Крузенштерна, Румянцев тут же написал ему письмо: «Станем служить всеобщему просвещению. Вы своими пространными познаниями, а я горячим усердием среди такой эпохи, в которой бесстыдно проповедуют, что просвещение к благу народному не служит» (*Песоцкий В.М.* Иван Федорович Крузенштерн. М., 1974. С. 29).

Румянцев вызвал Ивана Крузенштерна в Петербург.

После длительного разговора Румянцев назначил Крузенштерна руководителем Первой русской кругосветной экспедиции.

Мордвинов в это же время встретился с известным морским офицером Ю.Ф. Лисянским и во время обеда спросил его, знает ли он капитана Крузенштерна.

– И очень хорошо, ваше сиятельство. Это мой добрый приятель, мой друг. Многие наши проекты и намерения совпадают. То, что вы, ваше сиятельство, запланировали и недавно объявили о намерении послать экспедицию морем на

Камчатку во главе с известным гидрографом Сарычевым, повелев ему разработать план этого важного предприятия, обрадовало всех патриотов нашего отечества, в том числе и Ивана Федоровича Крузенштерна. Если бы государство послало на Камчатку еще и военное судно для сбережения путешественников, то я бы туда охотно отправился.

– Мысль-то хорошая, но нужны деньги. Знаете ведь, что меньше четырех судов туда не пошлешь, нужны экипажи, офицеры. Справится ли наш известный ученый Гаврила Романович Сарычев? Этот вопрос очень тревожит меня…

– По словам Сарычева, достаточно будет снарядить четыре судна. Он убедительно доказывает, что доставка груза в Охотск и Петропавловск морским путем гораздо дешевле, чем сухим путем. И в этом выгода, ведь это ж не на один раз, а надобно проложить вековой путь.

Адмирал Мордвинов, граф Румянцев и капитан-лейтенант Крузенштерн почти обо всем договорились, приступив к подготовке Первого кругосветного путешествия. Лисянский с командой отправился покупать нужные суда. В Гамбурге нужных судов не нашли, и Лисянский сообщает Крузенштерну 13 октября 1802 года: «Любезный Иван Федорович! Не сомневаюсь, что ты каждый день от меня ожидаешь письма, я спешу сделать удовольствие твоему нетерпению. Мы прибыли сюда на 9-е число, и с того дня по сей все в трудах, но в трудах бесполезных. Здесь нет ни одного судна, которое бы годилось для нашей экспедиции, и для того я вознамерился ехать в Англию послезавтра. Я пишу о сем всем директорам и надеюсь, что они не похулят моего намерения».

Но произошло неожиданное ухудшение положения: адмирала Мордвинова на посту министра сменил П.В. Чичагов, который сразу занял враждебную позицию к этому перспективному государственному предприятию.

«Кругосветная экспедиция наделала вначале много шума, – писал Чичагов послу Воронцову в Лондон. – Все экспедиции, когда-либо совершавшиеся в мире до сего времени, охвачены в этой одной, не исключая в египетской экспедиции Буонапарте, которая по сравнению с этой – просто детская игра. Ибо тот имел с собой ученых, естествоиспытателей, философов, а здесь один уполномоченный Лисянский да несколько учеников одной из наших специальных школ заменяют собой всех» (Там же. С. 30).

Как раз в это же время Лисянский посетил русского посла в Лондоне и оставил о себе не лучшее впечатление, и С.Р. Воронцов согласился с Чичаговым в отрицательной характеристике предстоящей экспедиции: Лисянский показался ему слишком

легкомысленным и чрезмерно самонадеянным человеком, вряд ли такой человек может достичь того же, как мореплаватели вроде Кука и Фиппса.

Стоит напомнить здесь, что огромную роль в организации коммерческих и торговых дел стала играть Российско-Американская компания, организованная еще при императрице Екатерине рыльским мещанином, купцом Григорием Ивановичем Шелеховым, торговавшим в Сибири и открывшим пути проникновения в Тихий океан, в Русскую Америку и основавшим там торговлю пушниной и другими богатствами Дальнего Востока. Павел I издал указ, в котором полностью одобрял деятельность компании и сохранял привилегии, полученные при ее создании: «По открытии из давних времен мореплавателями берега северо-западной части Америки, начиная от 55° северной широты и ряда островов, простирающихся от Камчатки на север к Америке, а на юг к Японии, и по праву обладания оных Россиею, Мы всемилостивейше позволяем пользоваться компании всеми промыслами и заведениями, находящимися ныне по северо-западному берегу Америки, от вышеозначенного 55° до Берингова пролива и за оный, такожде на островах Алеутских, Курильских и других, по северо-восточному океану лежащих…» (*Невский В.В.* Первое путешествие россиян вокруг света. М., 1951. С. 6). После смерти Г.И. Шелехова компанию возглавил его зять Н.П. Резанов.

Вскоре о компании как выгодном коммерческом предприятии заговорили повсеместно. Императрица Мария Федоровна и граф Николай Румянцев были ее акционерами. Александр I и его ближайшие сотрудники тоже стали акционерами, а Николай Петрович Резанов был назначен камергером императорского двора. Российско-Американская компания широко развивала свою коммерческую деятельность, торговала с Калифорнией, Гавайскими островами, Филлипинами, Чили, Перу, Мексикой, простирала свои торговые замыслы в Японию, Китай, Индию. И естественно, эта компания готова была взять на себя расходы по снаряжению кругосветного путешествия русских мореплавателей. Планы графа Румянцева, И. Крузенштерна и Ю. Лисянского словно бы отвечали давним замыслам этой компании. Американские и британские купцы очень мешали развитию русского купечества. А это была главная забота министра коммерции. Сколько документов прошли через руки Николая Петровича… Географические открытия, если произойдут, – это само собой разумеющееся дело, но России нужна крепкая торговая связь с Японией и Китаем, богатства России на Восток доставлялись американскими и британскими купцами. А ведь еще в начале XVII века русские казаки во главе с Иваном Петелиным

договаривались с китайскими императорами о связях с Россией. Разные источники называли Ивана Петелина то казаком, то учителем, то переводчиком. В 1689 году заключен Нерчинский торговый договор, а в 1727 году – Кяхтинский договор, оба договора открыли широкие двери для торговых отношений между Россией и Китаем.

Николай Петрович Румянцев, готовя записки «О торге в Кантоне» и «О торге с Японией», оживил в своей памяти источники о посланцах Петра Великого Витусе Беринге и Алексее Чирикове, которые исследовали северо-западные берега Америки, не только исследовали, но и упрочили на вечные времена их принадлежность Российской империи. Посольство в Китай возглавит граф Ю.А. Головкин, а посольство в Японию – камергер Н.П. Резанов, один из руководителей Русско-Американской компании.

В Лондоне капитан-лейтенант Лисянский на средства Российско-Американской компании приобрел два корабля «Леандр» и «Темза», с водоизмещением 450 и 370 тонн соответственно, в России им дали другие имена – «Надежда» и «Нева», один из кораблей император Александр оплатил за счет государства.

5 июня 1803 года «Надежда» и «Нева» прибыли в Кронштадт. Граф Румянцев не раз бывал в Кронштадте, следил за приготовлением кораблей к отплытию, встречался с руководителями и сотрудниками компании. Крузенштерн и Лисянский набирали команду и ученых-исследователей, которым предстояло изучить особенности пройденного пути. Грузили на судна железо, якоря, парусину, канаты, пушки, порох, свинец, ружья, пистолеты, сабли, медную посуду, муку, вино, водку, табак, кофе, чай, клюквенный сок, лук, лекарства против цинги и другие лекарства. И продовольственные товары на два года.

10 июня 1803 года Резанов, удостоившийся звания действительного камергера и ордена Святой Анны 1-й степени, получил следующий высочайший рескрипт:

«Господин действительный камергер Резанов!

Избрав вас на подвиг, пользу отечеству обещающий, как со стороны японской торговли, так и в рассуждении образования Американского края, в котором вам вверяется участь тамошних жителей, поручил я канцлеру вручить вам грамоту от меня японскому императору назначенную, а министру коммерции по обоим предметам снабдить вас надлежащими инструкциями, которые уже утверждены мною. Я предварительно уверяюсь, по той способности и усердию, какие мне в вас известны, что приемлемый вами отличный труд увенчается отменным успехом

и что тем же трудом открытая польза государству откроет вам новый путь к достоинствам, а сим вместе несомненно более еще к вам же обратит и мою доверенность. *Александр*».

По свидетельствам того времени, инструкция была составлена министром коммерции графом Румянцевым, канцлер А. Воронцов ее только подписал по должности. «Просматривая статьи этой блестящей инструкции, – писал К. Военский в очерке «Посольство Резанова в Японию в 1803–1805 гг. на судах первой русской кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна», – нельзя не подивиться тщательности ее просвещенного редактора. В ней предвидится всякое слово, всякий шаг нашего посланника с самого вступления его на почву Японии, и даются советы, указывающие на серьезное знакомство с историей, порядками, приемами, и обычаями этой полузагадочной страны – факт, для того времени знаменательный, если принять в соображение почти совершенное отсутствие сведений, имевшихся не только в России, но и во всей почти тогдашней Европе… В то время это была страна почти неизвестная, жившая своею обособленною, замкнутою жизнью, – страна, не имевшая никаких сношений с иностранцами в силу своих государственных законов, изолировавших ее более чем на 200 лет от всякого внешнего влияния» (*Военский К.* Посольство Резанова в Японию в 1803–1805 гг. на судах первой русской кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна / Морской сборник. 1919. Январь. № 1. С. 56).

Граф Николай Румянцев использовал весь свой опыт увлечения историческими произведениями, а потому так точен в своих пожеланиях посланнику Резанову. Первые европейцы, посетившие Японию, были португальцы в первой половине XVI века в эпоху морского могущества Португалии, потом голландцы, англичане, испанцы. Графу Румянцеву были известны даты посещения Японии европейцами – 1530, 1543, 1545… Наконец, в одной из летописей упоминался 1551 год: «Этом году корабли южных варваров стали появляться в Японии и распространять секту Иесу (христианство)». Европейцы, распространявшие христианство, изгонялись из Японии, а те, кто последовал этому учению, были казнены.

В инструкции граф Румянцев использовал информацию из французского архива: знаменитый Кольбер был не только экономическим вершителем судьбы Франции времен Людовика XIV, но и основателем Ост-Индской компании. Он убедил короля послать посольство в Японию. Во главе посольства назначили Франсуа Карона, бывшего директора голландской фактории в Нагасаки, хорошо знавшего обычаи Японского государства.

Посольство не состоялось, но инструкция Франсуа Карона сохранилась во французских архивах. В богатейшей библиотеке города Франкфурта-на-Майне нашелся материал, из которого был извлечено это заимствование: «Так, в 8-й инструкции Резанова, где говорится о папе, почти дословно воспроизведен текст кольберовской инструкции: перевод с французского: «Спросят вас не зависит ли Государь российский от папы по примеру некоторых известных им монархов? Вы дадите ответ, что он от папы нимало не зависит», и т. д.» (Там же. С. 63).

В инструкции есть предупреждение посланнику, что в Японии владычествовал духовный император, но в 1583 году один из военачальников восстал против духовного императора и возвел себя в достоинство императора, под названием Кубо, а духовный император продолжал свое существование в почете и пышности, но власти никакой не имел, так что посланнику не нужно домогаться свидания с ним.

«Вместе с инструкцией Резанову вручена высочайшая грамота на имя японского императора, – писал К. Военский в упомянутом очерке. – Грамота эта писана вся золотом на большой веленевой бумаге с титулами обоих императоров, выписанными крупными буквами. Поля грамоты со всех сторон разрисованы золотыми узорами с изображением цветов и древесных плодов; в верхней части, посредине, изображена императорская корона над вензелевым именем государя императора в кругу, с сияющими лучами. Круг этот поддерживается с двух сторон рогами изобилия, из которых сыплются плоды и монеты; с правой стороны вензеля, между цветами и листьями русское и японское оружие; внизу рисунка знамена, литавры и ядры. Самая грамота собственноручно подписана государем императором и контрассигнована государственным канцлером с приложением большой государственной печати на кустодии» (Там же. С. 65).

18 июля 1803 года дирекция Российско-Американской компании сообщала графу Румянцеву, что экспедиция совершенно готова к отплытию: «Ветер уже начал благоприятствовать пути, наступает август нового стиля, и все уверяют, что в случае промедления экспедиции можно иногда потерять напрасно год, чем во времени и капитале превеликие убытки произойти могут».

Получив это известие, граф Румянцев, адмирал Чичагов и посланник Резанов прибыли в Кронштадт, проверили готовность судов к отплытию.

Вернувшись в Петербург, граф Румянцев доложил императору Александру о готовности судов к отплытию в первое кругосветное путешествие. Тут же император Александр утвердил состав

экспедиции, начальник экспедиции и главный уполномоченный Российско-Американской компании – чрезвычайный посланник и полномочный министр действительный камергер Николай Петрович Резанов.

Через три года, в августе 1806 года, сначала «Нева», а потом «Надежда» прибыли в Кронштадт, разлучившись случайно близ острова Святой Елены. Дружески встреченные и награжденные капитаны И. Крузенштерн и Ю. Лисянский подробно описали свои приключения в этом невиданно трудном путешествии вокруг света, а камергер Резанов, хоть и побывал в Японии, разговаривал с японскими чиновниками, но встречи с императором Японии так и не добился: Япония продолжала оставаться закрытым государством.

В очерке К. Военского «Посольство Резанова в Японию в 1803–1805 гг. на судах первой русской кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна» подробно рассказано об этом путешествии, о ссорах и конфликтах между Резановым и Крузенштерном, о величии содеянного во время этого путешествия (Морской сборник. 1919. № 1–5).

Часть четвертая
Битвы и перемирия

Князья Чарторижские тяжело переживали потерю уничтоженной разделами Польши, хотя им, сосланным в Россию как заложники, со временем вернули часть земель, да и дружба с великим князем, а потом императором Александром только укреплялась. Однако князья Чарторижские мечтали о возрождении Польши как сильного государства, и не только они. Много поляков было принято на русскую службу, царские деньги получали, но, в сущности, оставались преданными Польскому государству.

Узнав о назначении князя Адама Чарторижского товарищем министра иностранных дел, императрица Мария Федоровна не могла скрыть своего возмущения. И при первом же свидании с графом Румянцевым высказалась начистоту:

– Удивляюсь своему сыну Александру, ваша светлость. Князья Чарторижские – двоюродные братья польского короля графа Понятовского. Если бы не мощная рука Екатерины II, то граф Станислав Понятовский не стал бы польским королем, а скорее выбрали бы князя Адама Казимира Чарторижского, одного из первых претенденов на королевский трон Польского государства. К тому же мать Адама Чарторижского была исступленной патриоткой, прозванной «маткой отчизны», но этот патриотизм не помешал ей вступить в связь с князем Репниным, русским послом в Варшаве, и многие современники наши считают князя Адама сыном князя Репнина.

– Это, государыня императрица, всего лишь слухи, широко распространенные в нашем, придворном мире. Ценность Адама Чарторижского в том, что он весьма образованный человек, превосходно разбирается во внешней политике России, говорит чуть ли не на всех европейских языках, среди его учителей были итальянцы, французы, англичане, много лет он изучал в Англии политические учреждения этой страны. Хорошо знает Европу, Великобританию, Францию, французскую знать. Постороннему глазу там много непонятного. Помните, ваше величество, как первый консул и его министр Талейран вместе с русским послом Морковым вознаграждали немецких князей за утерянные земли на левой стороне Рейна?

– Конечно, граф, это касалось и моих интересов. Мой сын Александр не уставал говорить о том, что истинное величие престола должно иметь основами прямодушие и справедливость.

Эти качества должны быть сопровождаемы непоколебимостью в соблюдении всех трактатов, заключенных ранее.

– Беда в том, ваше величество, что заключенный договор имел секретную статью, которая была продана английскому правительству за 60 тысяч фунтов стерлингов, говорят, что деньги были получены министром Талейраном, но сейчас об этом можно судить лишь предположительно. Однако платили не только англичане. Известно, что распределение земель должно было быть оформлено с согласия России и Франции. Но раздел земель происходил без участия России. Даже маркиз Луккезини, прусский посол в Париже, вел тайные переговоры с Талейраном, а граф Морков ничего не знал о секретности переговоров. А в итоге владения прусского короля были значительно увеличены, на этих землях проживают 400 тысяч жителей. Курфюрст Баварский, герцог Вюртембергский, маркграф Баденский получили крупное возмещение за утраченные земли, и, кажется, государыня, не без пользы для министра Талейрана.

– У нас, при нашем дворе, ваша светлость, открыто говорят, что Талейран за все берет, а уж за такие воздаяния тем более. Но беда не во взятках Талейрана. Обстановка в мире накаляется, встревожены Великобритания и Австрия. По всему чувствуется, что первый консул только на этом не остановится.

«Высокомерие и заносчивость Первого консула возбуждали справедливые опасения Европы, – писал историк М. Богданович. – Россия, по своему положению, была обеспечена от его покушений более других держав, но уже наставало время, когда он – с одной стороны мог запереть Зунд, а с другой – приобресть господство над Черным морем, что поставило бы русскую торговлю в совершенную зависимость от его произвола. В таких обстоятельствах императору Александру не оставалось ничего более, как войти в сношения с прочими государями и соединиться с ними, чтобы обуздать властолюбие Бонапарта» (*Богданович М.* История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869. Т. 1. С. 330).

Наполеон не скрывал свои намерения. Первый консул уже мечтал о царственном венце Франции, зная при этом, что герцог Энгиенский, он же принц Луи-Антуан де Бурбон-Конде, один из командующих эмигрантскими армиями, был одним из претендентов на корону. Такой соперник абсолютно не нужен будущему императору Франции.

Наполеон вызвал военного министра и приказал одному отряду французов перейти Рейн и двинуться к Страсбургу, а второму отряду перейти Рейн и подойти к Рейнау. Вскоре, 3

марта 1804 года, полковник Коленкур и полковник Орденер со своими немалыми отрядами форсировали Рейн, и ночью драгуны арестовали принца вместе с его друзьями.

Источники свидетельствуют: документы и письма, найденные в доме, где скрывался принц, показали, что принц продолжал возглавлять союз антиреспубликанцев, а в одном из писем прямо говорил о желательной смерти диктатора Франции – первого консула Наполеона.

Допрос принца Энгиенского был чистой формальностью военной комиссии. В процессе допроса герцогу Энгиенскому не предоставили защитника и нарушались обычные условия суда.

В ту же ночь после допроса вынесли приговор, в 6 часов утра принца вывели из замка, поставили у глубокого рва, и взвод из шестнадцати жандармов по команде генерала Савари расстрелял 32-летнего принца Энгиенского.

«Нет, это был не суд, это было настоящее, запланированное убийство» (*Кастело А*. Бонапарт. М.: Центрполиграф, 2010. С. 465), подводя итоги свидетельств историков.

Европа пришла в ужас от этого злодеяния. Россия объявила семидневный траур. Пруссия и Франция прекратили начавшиеся переговоры о мире. Австрия да и другие державы словно застыли в угнетающем ожидании. Но поражен был прежде всего первый консул Бонапарт. Подал в отставку статс-секретарь в Риме Франсуа Рене де Шатобриан, поэт, прозаик, автор романов и повестей. Бонапарт нашел его, простил ему и эмиграцию в Англию и Америку, критическую оценку Французской революции в книге «Опыт революции» (1797) и, как только он вернулся во Францию в 1800 году, сразу стал искать подходящую работу в своем правительстве. Шатобриан не просто ушел, а *демонстративно* ушел. Это был знак первому консулу, который мало считался с чужим мнением. Сначала это забавляло Бонапарта, потом раздражало, но вскоре он кипел от ярости. Особенно узнав о том, как Россия выразила соболезнование по поводу казни принца Энгиенского. «Негодование достигло высших пределов, – писал граф де Местр из Петербурга. – Добрые императрицы прослезились, великий князь Константин в бешенстве, Его Величество огорчен не менее глубоко. Членов французского посольства не принимают, даже не говорят с ними… Император облекся в траур, и повестки о семидневном трауре были разосланы всему дипломатическому корпусу, генералу Эдувилю, как и прочим. Сегодня заупокойная служба в католической церкви. На нее отправляются многие здешние дамы, также и английский посол. Никогда не видал я мнения, столь единодушно и резко выраженного».

Александр I уже сталкивался с первым консулом Франции при распределении секуляризованных в Германии земель.

5 апреля 1804 года в Зимнем дворце по особому приказу императора собрались члены Совета, действительный тайный советник граф Морков, генерал от инфантерии барон фон Будберг, тайный советник князь Чарторижский, который, как товарищ министра иностранных дел, зачитал следующее:

«Вторжение на территорию Германского государства, которое позволили себе французы с целью увоза герцога Энгиенского и предания его немедленной казни, есть действие, дающее настоящее представление о том, чего должно ожидать от правительства, не знающего пределов в насилии и попирающего ногами священные принципы.

Его Величество, возмущенный таким вопиющим нарушением самых основных принципов правосудия и международного права, не считает возможным впредь поддерживать сношения с правительством, не знающим удержу, лишенным всякого сознания долга, запятнавшим себя ужасным убийством, а значит, несмотря на свое могущественное положение, не заслуживающим иного названия, чем притон разбойников… Его Императорское Величество, побуждаемый этими соображениями, следуя велениям своего чуткого и честного сердца, а также чувству собственного достоинства, считает необходимым объявить при своем дворе траур по герцогу Энгиенскому и громко выразить свое негодование по поводу беззаконных действий Бонапарта… считает необходимым прекратить с ним все сношения, отослать из Петербурга французскую миссию и одновременно отозвать из Парижа русскую…»

17 апреля 1804 года был созван экстренный совет, в котором приняли участие все видные деятели России: император Александр Павлович, граф П.В. Завадовский, граф В.А. Зубов, князь А. Куракин, граф Н.П. Румянцев, граф А.И. Васильев, генерал С.К. Вязмитинов, князь П.В. Лопухин, граф В.П. Кочубей, граф А.И. Морков, Д.П. Трощинский, барон А. Будберг, князь А. Чарторижский.

Князь Адам Чарторижский, только что утвержденный императором министром иностранных дел (государственный канцлер Александр Воронцов, сославшись на болезни, подал прошение об отставке и уехал в свое поместье, где и скончался 2 декабря 1805 года), предложил разорвать дипломатические отношения с Францией, отозвать временного поверенного в делах Убри из Парижа, а генералу Эдувилю, французскому представителю, рекомендовать покинуть Петербург. Князь Адам Чарторижский был все время рядом с императором, хорошо знал

его отношение и к первому консулу, и к тому злодеянию, которое только что было совершено в Париже. Не ожидая ничего иного, князь Чарторижский слушал других членов Совета, которые одобрительно отнеслись к его словам. Покоробило лишь то, что граф Завадовский упрекнул князя в том, что он слишком сурово отнесся к решению первого консула, перед именем которого все склонялись.

– Господа члены Совета! – сказал министр коммерции граф Николай Румянцев, как только ему предоставили слово. – Неожиданная смерть герцога Энгиенского привела всех нас к несчастному выбору, и каждое наше решение нарушает избранный нами курс во внешней политике. Император Александр Павлович с первых дней своего царствования наладил отношения с Великобританией, заключив с ней конвенцию, принял красавца Дюрока от Бонапарта, выразив свои искренние симпатии новой Франции, император был в Пруссии, выразив свои симпатии королевской чете, с Австрией у нас давние близкие отношения… И неожиданно первый консул Франции нанес европейским державам сокрушительный удар, после которого вроде бы должна измениться вся линия нашей внешней политики. Но удар Франции – моральный. То, что предлагает князь Чарторижский, разрыв отношений с Францией из-за казни герцога Энгиенского, – это поспешный вывод. Это ступень, ведущая к войне, а к войне мы не готовы. Генерал Аракчеев только приступил к своим обязанностям, старается улучшить систему артиллерии. Несомненно, предложения князя Чарторижского – это отказ от мирных переговоров, это война с Францией по самому незначительному поводу, который даже не нарушает достоинство России, не затрагивает интересы нашей империи. Совсем другое дело, когда Франция делила германские земли между германскими князьями и герцогами без согласия на этот торг Российской империи. Надеюсь, ваше величество, вы воздержитесь от предложений князя Чарторижского, нам нужен мир, а не война.

Выслушав собравшихся, Александр I решил послать ноту французскому первому консулу. Прочитав ее, Бонапарт вызвал Талейрана и поручил ему ответить на ноту Александра I, а французскому представителю в Петербурге сообщить, чтобы срочно возвращался в Париж.

Прусская королева хотела надеть траурное платье, но, узнав об этом, министр Гарденберг предупредил:

– Так может Россия, нам не положено следовать ее примеру.

Австрия лишь устно выразила сожаление о казни наследника королевского трона. А граф Иоганн-Людвиг-Иозеф Кобенцль,

канцлер и министр иностранных дел Австрии, огорченно заметил, что его страна опасается Бонапарта. Александр I надеялся, что маркграф Баденский возмутится нарушением границ его графства, когда арестовали герцога, но и он не посмел возмутиться нарушением его границ. Властители Испании, Неаполя, Флоренции лишь сожалели о смерти убиенного кузена, но не более того.

А в это время сенат Франции готов был вручить генералу Бонапарту императорский жезл. И Бонапарт, зная нерешительный и уступчивый характер короля Пруссии, писал в Берлин, что он вынужден принять меры предосторожности против России, он усилит свои 25 тысяч солдат, дабы не позволить русским войскам пройти через Ганновер. Король Фридрих-Вильгельм оказался в сложном положении: он только что заключил секретную конвенцию с Россией, по которой обе державы должны были противостоять Франции, которая могла действовать против северогерманских территорий. «Уступчивость Фридриха-Вильгельма Франции, – писал М. Богданович, – простиралась до того, что, получив от Первого консула конфиденциальное уведомление о намерении его восстановить в своем лице наследственную монархию, король тотчас согласился безусловно признать его в императорском сане. Желая изгладить и последние следы недоразумений, возникших между Пруссией и Францией, Фридрих-Вильгельм известил Бонапарта об усилиях императора Александра образовать коалицию против Франции.

Все эти угождения прусского правительства Первому консулу вызвали новые домогательства Франции и уронили короля Фридриха-Вильгельма во мнении не только прочих европейских держав, но и собственных его подданных» (т. 1, с. 338).

Вхождение первого консула Бонапарта в сан императора Наполеона I лишь чуть-чуть задержало приближение к европейской войне. Казалось бы, Наполеон чуть ли не до последней детали разработал план нападения на Великобританию, его войска ждали сигнала, чтобы погрузиться на корабли и атаковать британские берега, но французский флот оказался бездейственным, был чуть ли не полностью уничтожен, адмирал Нельсон погиб, а французский адмирал покончил жизнь самоубийством. Но у Наполеона был разработан и второй план: войска Наполеона двинулись к Страсбургу, отложив сражение с Великобританией до лучших времен, затем – от Страсбурга к деревеньке Аустерлиц, где и произойдет сражение австрийско-российских войск с войсками императора Наполеона.

После траура по герцогу Энгиенскому Александр I и его дипломатический корпус решил, что примирение с Наполеоном

невозможно из-за кричащих противоречий. Начали создавать коалицию против Наполеона. В нее войдут Австрия, Англия, Россия; Пруссия объявила нейтралитет, в коалицию пока не войдет, будет поддерживать дипломатические отношения с императором Наполеоном. Решено, что в Англию поедет Николай Новосильцев с большими полномочиями. «Новосильцев уезжает завтра, 11 июня, – писал граф де Местр сардинскому королю в июне 1804 года. – Общественное мнение против этой миссии, и он сам сказал мне об этом. Говорят, император унизил себя, действуя таким образом; на сей предмет можно было бы говорить бесконечно долго, я же ограничусь одной фразой: если Новосильцев собирается просить мира, его миссия презренна, если он собирается предложить мир или войну, она благородна. Нужно бы узнать, что решили здесь. Видя, как столь подозрительная держава, как Англия, передает свои интересы в руки постороннего, которому она явно не доверяет, я с трудом верю, что она всерьез рассчитывает на договор, в котором русская сторона оговорит условия для Англии. Переговоры ни к чему не приведут; Новосильцев без обиняков сказал мне об этом; а князь Чарторижский высказался еще более откровенно, если это возможно. Он добавил: «Здесь много грязи», намекая на зарождающуюся зависть. В самом деле, не только англичане испытали нескрываемый страх по вступлению русских в Средиземноморье, это чувство охватило даже Бурбонов».

Действительно, Н. Новосильцев отбыл в Великобританию с двумя инструкциями императора Александра I, в одной из них, секретной, русский император излагает свой взгляд на участие Англии в заключении дружественного союза, основанного на принципах международного права. «Франция Бонапарта утверждает, что его правительство действует во имя свободы и блага народов. Было бы постыдно верить в то, что утверждает французское правительство. Эта прекрасная задача ни в коем случае не относится к этому правительству, это грозное оружие должно быть вырвано из рук французов и обращено против них самих… Оба правительства решают не восстанавливать старый образ правления во Франции, освобожденной от ига Бонапарта, со всеми ее злоупотреблениями, желательно постараться укрепить у французов свободу на ее истинных основах…»

В пространной записке императора было высказано множество пожеланий, а в заключении говорилось следующее: «Но так как весьма возможно, что какое-либо нападение со стороны Франции вовлечет нас в войну с ней, то не следует упорствовать в получении с первого же раза согласия Англии на все условия проэктируемого нами союза, тем более что развитие

некоторых из них должно быть предоставлено времени. Если, несмотря на сдержанность нашего кабинета, мы зайдем в переговорах дальше, чем я этого желал бы, в этом случае необходимо не упускать из рук возможных благ, и если уж нельзя добиться всего, то обеспечить себе хоть часть выгод. Важно это хоть в том отношении, чтобы мы, стремясь достичь невозможного, не были застигнуты врасплох и могли, как бы ни сложились обстоятельства, выйти из этого критического положения с честью и без ущерба; чтобы нас не имели права упрекнуть ни в легкомыслии, ни в непоследовательности» (*Чарторижский*. С. 296).

Н. Новосильцев, проделав значительную работу, дважды встречался с премьер-министром Вильямом Питтом, «заклятым врагом Бонапарта», с лордом Гарроби, донес до английского правительства основные идеи записки императора. Вильям Питт, Пит-Младший, был твердо убежден, что пора сорвать с французского правительства маску, которой оно всегда прикрывает свои посягательства на человечество вообще и независимость в частности; надо раскрыть глаза тем монархам, которые должны видеть значительное расширение владений Франции и огромное могущество, пробретенное ею. Главное – Франция угрожает Европе полным переворотом, нарушает политическое равновесие в европейских государствах.

В ноябре 1804 года начались переговоры с Австрией, в январе 1805 года заключен договор со Швецией, 30 марта – с Англией, 9 августа 1805 года – с Австрией. Действия императора Наполеона не вызывали никаких сомнений – приближалась европейская война. У императора Александра тоже не было сомнений – он тоже должен быть с армией.

Граф Румянцев видел, с какой тщательностью император и его придворные готовились к войне. Князь Чарторижский уговаривал императора Александра побывать на бывших польских землях, побывать в Пулавах, в поместье князей Чарторижских, в Варшаве, может, что-то сделать и для поляков в этой войне, мечта о свободной и независимой Польше никогда не оставляла его патриотической души. И действительно, Александр I, выехав из Петербурга со своими друзьями и близкими, побывал в Могилеве и Брест-Литовске, 18 сентября 1805 года заехал в имение Чарторижских, где пробыл две недели. Князь Адам Чарторижский надеялся, что император Александр посетит Варшаву и объявит себя польским королем, но у Александра возник другой план: уже в Бресте он послал преданного генерал-адъютанта Петра Долгорукова в Берлин с секретным поручением к королю Фридриху-Вильгельму. Вновь посылая в Берлин Петра

Долгорукова, Александр I оказался как бы между двух огней: Чарторижский уговаривает его побывать в Варшаве, побывать в замке у Иосифа Понятовского, а Петр Долгоруков напоминает, что русским войскам нужно пройти через прусские земли, а нельзя, прусский король объявил нейтралитет, дескать, он не вмешивается в европейские конфликты. И вроде бы оба правы. Александр I вспомнил эпизод, который произошел недавно за императорским столом. О чем горячо говорили Чарторижский и Долгоруков, он не помнит, но неожиданно князь Долгоруков, чуть повысив голос, четко сказал: «Вы рассуждаете, милостивый государь, как польский князь, а я рассуждаю как русский князь». Князь Адам тут же умолк и молчал до конца обеда. Польское происхождение русского министра иностранных дел многих смущает, особенно вдовствующую императрицу и ее придворный мир. Вот почему император для секретного поручения выбрал Петра Долгорукова.

В Берлине князь Долгоруков был принят королем и королевой Луизой, как старый знакомый. Сначала король долго не соглашался на пропуск русских войск, двигавшихся на помощь австрийским войскам, а судя по всему, Наполеон был уже недалеко, но князь Долгоруков скоро поколебал упорство короля, особенно после того, как Наполеон нарушил нейтралитет прусских владений в Анслахе. Вернувшийся Долгоруков рассказал о своем благополучном пребывании в Берлине, 4 октября Александр I выехал в Козеницу, где находилась главная квартира генерала Михельсона, а оттуда, как свидетельствуют источники, безостановочно в Берлин, а не в Варшаву, как раньше предполагалось. Возможно, что именно благодаря воздействию пылкого князя Долгорукова было избегнуто возможное восстановление Польского королевства в той или другой форме. 13 октября состоялся торжественный въезд русского императора в Берлин, а после ряда парадов и обедов состоялось знаменитое посещение гробницы Фридриха Великого и произнесены клятвы в вечной дружбе между двумя монархами, русским и прусским.

Александр I навестил свою сестру великую княгиню Марию Павловну, ставшую герцогиней Саксен-Веймарской, познакомился в Веймаре с немецкими писателями Гейне, Шеллингом, Гердером и Виландом, жившими при герцогском дворе, а оттуда проехал прямо в Ольмюц, где его дожидался австрийский император Франц, который только что провел военный совет в Вене и после обсуждения создавшегося положения (80-тысячная австрийская армия генерала Макка окружена войсками Наполеона и после сражения оказалась в плену французов, численный состав союзных войск не превышает 50 тысяч) решил оставить Вену. А

пока подойдут австрийские войска с юга, из Италии и Тироля под руководством эрцгерцогов Карла и Иоанна и русские войска под руководством Беннигсена и Буксгевдена и соединятся с войсками Кутузова, австрийский и русский императоры намерены были попросить у императора Наполеона перемирия.

Сдерживая французские войска, русские полки под командованием Багратиона, Дохтурова и Милорадовича отступали к деревушке Аустерлиц, избранной Наполеоном для генерального сражения, о чем союзники даже не догадывались. Одно из сражений у местечка Вишау под командованием князя Багратиона и Петра Долгорукова было удачным, потери французов значительными, взято пленными 23 офицера и 500 нижних чинов. Мюрат отступил от Раусницы по дороге к Брюнну, где расположились основные силы императора Наполеона, и у русско-австрийского командования возникло предположение, что Наполеон настолько ослабел, что не в состоянии противиться союзным войскам. Это была коренная ошибка.

Александр I, зная о склонности императора Франца заключить перемирие с Наполеоном, тоже благосклонно принял французского генерала Савари и высказал свои соображения о перемирии, а если надобно, то и о мире. Опытным взглядом генерал Савари увидел, что союзники, русские и австрийцы, совершенно уверены в своей непобедимости. Савари не знал, на каких условиях император Наполеон может заключить мир или перемирие. В связи с этим Александр I послал вместе с генералом Савари своего генерал-адъютанта Петра Долгорукова, превосходно до сих пор справлявшегося с поручениями императора. Петр Долгоруков тоже, как и большинство военных советников императора, был убежден в непобедимости русской армии.

Савари и Долгоруков встретили императора Наполеона, объезжавшего аванпосты своей армии. Разговор был продолжительным:

«Князь Долгоруков вел себя очень гордо и без обиняков высказал Наполеону, что император Александр согласится на мир не иначе, как обеспечив независимость Италии, Голландии и даже Бельгии. Наполеон, глубоко оскорбленный высокомерием русского парламентера, скрыл свой гнев и закончил совещание, сказав, что взаимные недоразумения едва ли могут быть устранены путем дипломатии.

По возвращении к императору Александру князь Долгоруков изложил все замеченное им так, как оно представлялось его воображению: нерешительность и робость неприятеля были господствующими чертами его донесения. Союзники, из опасения

упустить верную добычу, ускорили предположенное ими нападение» (*Богданович*. Т. 2. С. 52–53).

Н. Шильдер, описывая Аустерлицкое сражение, напомнил, что перед битвой Наполеон послал своего генерала Савари в лагерь Александра I, передавшего ему письмо о перемирии, на разведку. Савари проехал аванпосты без задержки, прибыл на главную квартиру и встретился с императором Александром. В сущности, Савари беспрепятственно осмотрел лагерь австро-российских сил, узнал мнение действующих сторон. Нетрудно было убедиться в слепой самоуверенности пылкой и неопытной молодежи, с князем Долгоруковым во главе, окружавшей императора Александра, а это нанесло «делу коалиции громадный вред». Император Александр отказался встретиться с Наполеоном.

При встрече с князем Долгоруковым Наполеон, опасавшийся, что война затянется, спросил:

– Долго ли нам воевать? Чго хотят от меня? За что воюет со мною император Александр? Чего требует он? Пусть он расширяет границы России за счет своих соседей, особенно турок. Тогда все споры его с Францией закончатся.

Князь Долгоруков, как вспоминал император Наполеон, разговаривал с ним, как с боярином, которого собираются сослать в Сибирь, высказал программу, которая совершенно не устраивала императора Наполеона.

– Итак, будем драться, – твердо заключил Наполеон.

Шильдер в своей «Истории» подробно описал драматическую историю подготовки австро-российских войск к Аустерлицкому сражению:

«В полночь с 19 по 20 ноября (2 декабря 1805 года) собраны были у Кутузова в Кршеновице главные начальники колонн, предназначенных для атаки неприятеля. Генерал Вейротер, разложив подробную карту окрестностей Брюнна и Аустерлица, приступил к чтению и разъяснению своей многоречивой диспозии. По рассказу очевидца, графа Ланжерона, он напоминал собою учителя, объясняющего урок молодым школьникам. Кутузов тотчас погрузился в глубокий сон, в чем и выразилась в этом случае вся его оппозиция плану, получившему одобрение императора Александра. Граф Буксгевден слушал чтение стоя и, как замечал граф Ланжерон в описании этого совещания, наверное, ничего не понимая. Милорадович молчал, Пшибышевский стоял сзади, и один Дохтуров внимательно рассматривал карту. Когда Вейротер окончил свою утомительную лекцию, ему возражал один граф Ланжерон.

– Все это прекрасно, – ответил Ланжерон, – но, если

неприятель нас предупредит и атакует в Працене, что мы будем делать? Этот случай не предусмотрен.

– Вам известна смелость Бонапарта, – ответил Вейротер, – если бы он мог нас атаковать, он это сделал бы сегодня.

– Итак, вы полагаете, что он не силен? – возразил Ланжерон.

– У него никак не более 40 тысяч, – сказал Вейротер.

– В таком случае, – заключил Ланжерон, – выжидая атаку с нашей стороны, он готовит себе гибель.

Вейротер заключил спор словами:

– Значит, он отступает или переменяет позицию; но, предполагая даже, что он займет позицию в Турасе, ясно, что он этим значительно облегчит нам дело, а диспозиции останутся без изменения.

В это время Кутузов проснулся и, отпустив собранных генералов, поручил им оставить адъютантов, чтобы снять копии с диспозиции, к переводу которой с немецкого приступил тогда майор Толь.

Долгоруков, объезжая посты, предупреждал, что надо знать, куда пойдет неприятель, уверенный в том, что неприятель будет отступать.

Император Александр поручил графу Аракчееву командовать одной из колонн, но Аракчеев отказался, ссылаясь на то, что он вряд ли справится с волнением.

Император Александр, руководя этим «странным событием», спросил Кутузова:

– Ну что, как вы полагаете, дело пойдет хорошо?

Кутузов, улыбаясь, ответил:

– Кто может сомневаться в победе под предводительством вашего величества?

И самому стало стыдно за эти слова: отвечал ловкий царедворец, а не командующий армией, отвечал он самому себе.

– Нет, здесь командуете вы, я только зритель, – ответил император.

Кутузов поклонился в ответ, а сам подумал, что диспозицию Вейротера подписывал император Александр, а не он, генерал-аншеф Кутузов.

Император Александр находился при четвертой колонне, когда начались активные действия со стороны неприятеля. На глазах императора картечью ранило лошадь врача Виллие, в 30 саженях от императора убило другую лошадь, в двух шагах упало ядро и осыпало землей. «Смятение во время боя было так велико, что находившиеся при императоре Александре лица потеряли его из виду». У императора Александра возникли боли в желудке, он увидел дерево, присел у корней и расплакался» (*Шильдер*. Т. 2. С.

144).

1805 год – это торжество императора Наполеона.

9 декабря 1805 года Александр I, проиграв несколько сражений, отбыл в Петербург.

Вскоре за участие в Аустерлицком сражении Александр I был награжден высшим орденом Святого Георгия 1-й степени. Кутузов – орденом Святого Владимира.

Оценивая прошедшие события, Н. Новосильцев писал графу Павлу Строганову: «Представьте наше удивление… все добрые жители Петербурга восхищены отличными действиями нашей армии в последнем деле; говорят, что она состоит из героев, что мы трое (Строганов, Новосильцев и Чарторижский. – *В. П.*) совершили блестящие подвиги, что наша армия горела желанием возобновить бой, но австрийцы не хотели того и втайне от нас заключили перемирие; что, наконец, они были настоящие изменники, продавшие нас французам, и что мы проиграли сражение единственно от того, что они сообщили план его неприятелю» – и проч. Вот как тогда люди, близкие к государю, верили обвинениям в измене австрийцев!

«Главною причиною поражения союзников было то, что они, сражаясь против гениального полководца, вовсе не имели главнокомандующего, что Кутузов, считаясь с ними, соглашался, из угождения императору Александру, на все распоряжения австрийского штаба, хотя и постигал их неосновательность. Впоследствии он старался отклонить от себя упрек в потере Аустерлицкого сражения, но право современников справедливо обвинять его в сговорчивости, недостойной полководца опытного, приобретшего общее уважение. С первого взгляда непонятно, почему император Александр, отняв у Кутузова власть распоряжаться ходом действий, оставил ему звание главнокомандующего? Гораздо проще было бы стать во главе армии самому государю, руководясь советами Вейротера. Но это объясняется одной из особенностей характера Александра – оставлять, в решительные минуты жизни, многое в сомнении, в неопределенности. Колеблясь между желанием пожать лавры победы и опасением неудачи, он не хотел ни уступить Кутузову славу, в случае успеха, ни принять на себя упрек, в случае поражения. И вот почему Кутузов был поставлен в такое двусмысленное положение. Но он мог из него выйти, если бы сила его характера равнялась тонкости ума его. Александр сам, вспоминая об Аустерлицком сражении, сказал: «Я был молод и неопытен; Кутузов говорил мне, что нам надобно было действовать иначе, но ему следовало быть настойчивее!» Так говорил Александр, победив своего противника, и торжество его

не омрачилось великодушным признанием в сделанной ошибке» (*Думас*. XIV. 37; *Богданович*. С. 80–82).

Князь Адам Чарторижский, вспоминая то время, не раз подчеркивал, что как только император Наполеон встал во главе Франции, то сразу вступил на путь попрания принципов всеобщей справедливости и освобождения народов: «Каждое его слово, каждый поступок показывали, что он хочет действовать только силой штыка и численностью войска. В этом была главная ошибка царствования Наполеона, именно из-за нее он лишился огромной власти. Он перестал был оплотом справедливости и надеждой угнетенных народов, а отказавшись от этой роли, которая составляла всю силу республики, несмотря на все ее пороки и безрассудства, Бонапарт встал в ряды честолюбцев и обыкновенных монархов. Он выказал себя человеком величайших талантов, но без всякого уважения к правам личности, человеком, желавшим все поработить и подчинить своему капризу.

Поэтому-то, когда настал момент начать с ним борьбу, на это пошли без малейших колебаний, ибо в этом видели поход против силы, переставшей служить справедливости и добру. Это мнение, охватившее всю Европу, перешло и на русское общество и увлекло русский кабинет на такой путь, где он не имел возможности – греша, быть может, такой поспешностью, – точно определить роль, подходившую России при данных условиях» (*Чарторижский*. С. 320–321). Во время, которое предшествовало Аустерлицкому сражению, Чарторижский и император Александр много говорили о выгодах победы над Наполеоном – Австрия получит Баварию, земли Швабии и Франконии, Пруссия – некоторые герцогства в Германии, Голландия получит часть Австрийских Нидерландов, а в итоге 3 декабря 1805 года Пруссия получила от Наполеона Ганновер, который принадлежал Англии, 14 декабря того же года Австрия, заключив Пресбургский мир, потеряла первенство в Германии, кресло императора Священной Римской империи и много удобных земель.

А. Чарторижский, вспоминая Аустерлицкое сражение, писал в «Воспоминаниях», что 1 декабря к Наполеону прибыл граф Гаугвиц, вернувшийся к управлению иностранными делами в Пруссии после недолгой отставки, с ультиматумом: 200 тысяч прусских войск готовы поддержать австро-российских союзников, если Наполеон после победы намерен войти в Северную Германию и Голландию. После победы Наполеон, заняв значительную часть австрийской территории, вновь встретился с графом Гаугвицем и с первых слов «перешел к горьким упрекам, порицанию «вероломных» поступков берлинского кабинета»: «Ваш Государь поступил бы гораздо честнее, если бы прямо объявил

мне войну; это было бы полезнее для его новых союзников; быть может – я не решился бы дать им сражение. Но вы хотите дружиться со всеми: это невозможно; что-нибудь одно: либо они, либо я. Будьте искренни; иначе – оставлю вас; лучше иметь врагов, нежели ложных друзей. Вы допускаете стоять в Ганновере тридцатитысячному корпусу, который находится в связи с русскою армиею чрез ваши владения: это мне явно враждебно. Я иду прямо против своих неприятелей, где бы они ни были. Я мог бы наказать вас страшно за такое вероломство, занять Силезию, восстановить Польшу, нанести Пруссии удары, от которых она никогда не оправилась бы. Но я предпочитаю позабыть прошедшее и поступить великодушно. Прощаю вашему мимолетному увлечению, но только с тем, чтобы Пруссия соединилась с Францией неразрывными узами, и в залог этого союза вы приняли от меня Ганновер». Наполеон потребовал немедленного ответа: мир или война. Король Пруссии, получив сведения о переговорах от графа Гаугвица, выразил свое неудовольствие. И вскоре граф Гаугвиц поехал в Париж для продолжения переговоров. В итоге Австрия выплатила Франции около 85 миллионов франков.

Часть пятая
Тильзит и его последствия

Император Александр после генерального сражения при Аустерлице испытывал противоречивые чувства: боль от поражения не сломила его, он по-прежнему считал, что его задача, как русского императора, заключается в том, чтобы положить конец преобладанию Наполеона в Европе. Кутузову было велено написать две записки о недавнем сражении: в одной из них, «по чистой совести и совершенной справедливости», изложить подлинную правду о сражении, о действиях генералов и обер-офицеров, полков и дивизий, которые отличили себя, заслуживают честь или поношение их; другую записку для публикации, в которой сообщить о тех препонах, которые привели к неудаче.

Генерал Ланжерон должен подать в отставку. Генерал Прибышевский, попавший в плен, по решению военного суда был отстранен от службы и разжалован в рядовые. Последовали и другие распоряжения военного суда и утвержденные императором.

Серьезно пострадали молодые и преданные помощники императора Александра: князь Чарторижский пострадал наиболее серьезным образом, в светских кругах его обвиняли в измене и других преступлениях, так что он вынужден был подумать об отставке с поста министра иностранных дел. Об этом говорится в письме Н. Новосильцева графу Павлу Строганову от 6 января 1806 года. Особую ярость вызывала личность князя Чарторижского у императрицы Марии Федоровны. «Больше всех нападкам общей ненависти подвергается князь Чарторижский, – писала она императору Александру 18 апреля 1806 года. – Две причины совокупно вызывают эту ненависть – то, что он поляк, и несчастье прошедшей осени. Если я останавливаюсь более пространно на этом вопросе, то только потому, что считаю своим и Вашим, дорогой Александр, долгом разобрать его детально. Вы помните о моей глубокой скорби по поводу назначения князя Чарторижского в министерство, обо всех увещеваниях, с которыми я к Вам обращалась, о предсказаниях относительно возможных последствий этого шага. Однако Вы назначили князя в министерство… Ныне Вам, дорогой Александр, надлежит рассудить, по степени доверия, которое Вы жалуете князю Чарторижскому и его познаниям, в Ваших ли интересах позволять ему и дальше бороться против столь явно выраженных чувств, и в

этом случае необходимо его поддержать, или, если Ваше доверие к нему неполно, не полезно ли для блага государства принять его отставку, о которой он уже несколько раз просил Вас, как Вы сами говорили» (*Великий князь Николай Михайлович*. Император Александр I. Биография. М.: Захаров, 2010. С. 47–48).

Письмо это упало на подготовленную почву: Александр I не раз уже думал о том, что князь Чарторижский, сопровождавший его во время пребывания его в армии и видевший его участие в подготовке и проведении Аустерлицкого сражения, в своих многочисленных записках на имя императора прямо и без прикрас раскрыл противоречивое положение русского императора, его слабость, нерешительность, фальшивое положение в армии. В «Записке об отношениях России и Пруссии» от 17 января 1806 года, в «Записке о настоящем положении России» (март 1806 года), в «Письмах императору Александру I» и других документах князя Чарторижского дан серьезный анализ международного положения после Аустерлицкого сражения и роли России. По мнению князя Чарторижского, Россия, Франция и Пруссия – главные державы, решающие судьбу Европейского континента. Наполеон вознамерился подчинить своей власти не только многие европейские государства, но и владычествовать на море; Россия сражается только за торжество права и справедливости; Пруссия, надеясь быть умнее всех, выбрала позицию угождать и Франции, и России, а в итоге была полностью разгромлена войсками Наполеона.

«Изложив Вашему Величеству всю пользу меры, которая является в моих глазах основой всего и единственным средством, способным осуществить надежды, возлагаемые всей Россией на Ваше Императорское Величество, – писал князь Чарторижский в марте 1806 года, – я нижайше прошу принять во внимание, что в случае, если Вам неугодно будет одобрить эту меру, управление делами моего ведомства в его настоящем виде явится для меня слишком большой и тяжкой ответственностью, и я не сочту себя в силах нести это бремя, а потому буду умолять Ваше Величество соблаговолить освободить меня от него» (*Чарторижский*. С. 375). Чарторижский, заметив, что Россия действительно находится в чрезвычайно критическом положении, напомнил императору, что до недавнего времени существовал обычай, когда известное число лиц принимало участие в обсуждении сложного государственного вопроса, а только потом принималось решение. А затем это обсуждение, когда оно было совершенно необходимо, чем когда-либо, было отменено. Все решения русский император, как самодержец, принимает единолично. А ведь были созданы министерства, возглавляют их мастера своего дела, министры и

другие ответственные люди обычно берут ответственность на себя, ограждая императора от мельчайших подробностей в решении того или иного вопроса. Государственные ошибки чаще всего возникают тогда, когда император в решении государственного вопроса полагается только на себя, руководствуется «лишь первой пришедшей на ум идеей, не обращаясь ни к мнению, ни к опыту других и лишая себя, таким образом, совета людей с теми знаниями и опытом, при которых только и возможно составить себе вполне обоснованное убеждение» (Там же. С. 376–377).

И наконец, в одном из писем Чарторижский приходит к серьезному заключению:

«Печальную развязку наших военных операций нужно главным образом приписать мемельскому свиданию. Я лично считаю это свидание одним из самых несчастных событий, произошедших с Россией, как по ближайшим его последствиям, так и по последующим. По причине тесной дружбы, возникшей между Вашим Величеством и королем Пруссии уже после нескольких дней знакомства, Ваше Величество перестали смотреть на Пруссию как государство с особым политическим существованием и видели в ней только дорогую Вам особу, по отношению к которой Вы считали, что имеете особенные обязательства.

Эта Ваша личная связь с главой государства, интересы которого в большинстве случаев противоположны интересам России, чрезвычайно повлияли на действия нашего кабинета…» (*Чарторижский*. С. 387).

Подводя итоги после поражения под Аустерлицем, принимая во внимание записку императрицы Марии Федоровны, свою переписку с князем Чарторижским и просьбу о его отставке, 17 июня 1806 года император Александр уволил князя Адама Чарторижского с поста министра иностранных дел, вскоре назначив на этот пост барона Андрея Будберга, «балтийского немца, лишенного каких-либо дарований», как уверял читателей великий князь Николай Михайлович в книге «Император Александр I» (с. 49).

В конце января 1806 года император Александр, зная, что прусский король послал своего ближайшего советника к Наполеону, созвал Государственный совет, чтобы «обсудить положение дел в Европе». Члены Государственного совета высказали различные мнения о сложных и противоречивых европейских делах.

Граф Александр Строганов напомнил, что отважный

Наполеон может нарушить спокойствие России, вторгнувшись в Польшу или вмешавшись в русско-турецкие дела. Император России должен послать своего дипломата в Париж, чтобы разведать об истинных намерениях победителя Аустерлица. Граф Завадовский, напротив, думал, что Польша не заинтересует Наполеона, он скорее будет играть на русско-турецких противоречиях, а посему надобно разместить сильную армию на границе с Молдавией и приготовить флот в черноморских гаванях. Князь Александр Куракин предположил, что Наполеон надеется на восстание в Польше и возбуждение турок против России, а сейчас надо укрепить наши отношения с Пруссией. А вообще-то Россия не может положиться ни на одну европейскую державу, надо налаживать собственные отношения с Наполеоном. Граф Николай Румянцев не рекомендовал отправлять какого-либо чиновника к Наполеону для переговоров о мире, лучше занять выжидательную позицию. Советовал объявить венскому двору, что Россия считает себя в мире со времени примирения других держав с Францией. Вряд ли Наполеон помышляет о восстановлении Польши. Но вполне возможно, что в Пресбургском договоре есть тайный параграф о том, что австрийские войска могут вторгнуться в Молдавию и Валахию и Франция за эту уступку получит какое-либо серьезное вознаграждение. Так что наши войска следует расположить на Днестре таким образом, чтобы они успели перейти границу, если австрийские войска вторгнутся в турецкие владения. Граф Сергей Румянцев тоже предложил занять выжидательную позицию, равновесие Европы для России было «слабым пугалищем», пусть другие державы изнуряют свои силы для восстановления общего политического равновесия. А Россия должна использовать посредничество Испании для сближения своей страны с Францией. Вице-адмирал Чичагов считал, что России полезно сотрудничать с Францией и заняться увеличением русской армии и флота. Граф Николай Салтыков также высказывался за сближение с Францией, а вот надежд на прусского короля, хотя наш император находится с ним в дружеских отношениях, у него нет. Генерал Вязмитинов сказал, что он не верит ни в одну из европейских держав, надо готовить свои силы, чтобы действовать на победу только на чужой земле. «Граф Кочубей считает, что наше правительство должно было руководствоваться следующими правилами:

1) Поставить армию в полную готовность к действиям.

2) Показать нашим союзникам, и в особенности англичанам, что мы не отделяем их выгод от своих собственных.

3) Вместе с тем, открыть прямо, под каким-либо предлогом,

переговоры с Наполеоном, потому что посредничество Пруссии, по всей вероятности, не может быть благонадежно…

Ко всему этому следовало присоединить демонстрации больших военных приготовлений и решимости нашей продолжать войну» (*Богданович*. Т. 2. С. 108–113).

14 марта 1807 года императрица Мария Федоровна, наблюдая за причудливыми взаимоотношениями французского двора и Наполеона с прусскими дипломатами, министром иностранных дел Гарденбергом и представителем Пруссии Гаугвицем, сурово писала сыну Александру: «Вы сомневаетесь, что я хочу говорить с Вами о Пруссии. Я не устану повторять, что преданность Берлинскому двору стала причиной гибели Вашего деда и Вашего отца и что Ваша, дорогой Александр, преданность тому же самому Двору была до сих пор вполне для этого достаточна… Я лишь заклинаю Вас обратить внимание на то, чтобы вас не смогли обвинить, что Вы пожертвовали ему интересами и славой Вашей страны. Очевидно, что Вы взялись за оружие, чтобы помочь Пруссии и в конечном счете спасти ее, но не менее верно и то, что благодаря череде обстоятельств наши границы оказались в опасности и Вы были вынуждены просить у вашего народа значительной помощи, невиданной до сей поры в анналах России… Надо, чтобы своей политикой Вы убедили народ в том, что действуете только для его славы и спокойствия, что прусского влияния не существует и Вы лишь оказываете Пруссии покровительство и поддержку, что Вы заключите мир не тогда, когда этого захочет Пруссия, а когда этого захотите Вы, и посчитаете этот мир славным и необходимым для Вашего государства». «Нам кажется, – добавляет великий князь Николай Михайлович, – что это пристрастие Александра было лишь результатом какого-то рыцарского чувства его к королеве Луизе, иначе трудно найти другое, более подходящее объяснение (*Великий князь Николай Михайлович*. Император Александр I. С. 49).

Наполеон, Талейран и генерал Дюрок просто издевались над прусскими дипломатами, а когда те приезжали в Берлин с унизительными договорами, король Пруссии был в ярости от унижений и оскорбительных выпадов со стороны Франции. До прусского короля доходили слухи, что Наполеон якобы предлагал императору Александру передать прусскую часть Польши России и вообще полностью восстановить королевство Польское и передать его в управление великого князя Константина Павловича. А главное – Наполеон намерен вернуть Ганновер Великобритании. Конечно, ярость прусского короля не была тайной для окружающих. И прусский генерал Блюхер открыто

заявлял:

– Я нисколько не боюсь встречи с французами. Я загоню в могилы всех, кого встречу вдоль берега Рейна. С одной своей конницей я доскачу до Парижа!

Фридрих-Вильгельм 6 сентября 1806 года написал русскому императору: «Кажется, мне придется взять на себя инициативу решительных действий. Мои войска движутся со всех сторон, чтобы ускорить этот момент».

В Берлине прусские офицеры не скрывали своих чувств и мыслей: «Сабли не понадобятся нам, мы перебьем этих французских собак дубинками».

Хорошо зная о настроении прусского короля и его офицеров, Наполеон 12 сентября 1806 года предупредил прусского короля: «Если мне придется взять в руки оружие, чтобы защитить себя, то я с великим сожалением направлю его против армии Вашего Величества. Я всегда буду расценивать эту войну как войну гражданскую, ибо интересы наших стран тесно переплетены. Я не хочу войны и от Вас ничего не требовал».

Ненависть Пруссии к французам и Франции с каждым днем возрастала. 9 августа 1806 года прусский король приказал объявить в армии повышенную готовность, но тут же послал в Париж генерала Кнобельсдорфа на смену маркиза Луккезини, отозванного по желанию Наполеона. Фридрих-Вильгельм все еще надеялся собраться с силами и улучшить отношения с другими державами, чтобы совокупными силами разгромить Наполеона. Он знал, что Россия готова вмешаться в эту войну, Австрия после Аустерлица еще не достигла прежнего уровня, а Великобритания потребует вернуть ей Ганновер.

Генерал Бертье сообщил Наполеону, что прусские войска не скрывают своих намерений. В сентябре 1806 года прусский король Фридрих-Вильгельм III объявил войну Франции.

Наполеон с удовольствием воспринял это объявление о войне. В конце сентября 1806 года Наполеон выехал в Майнц. 3 октября он уже был в Вюрцбурге, где сосредоточилась его армия в 180 тысяч пехотинцев и 10 тысяч артиллеристов против прусской армии в 152 тысячи солдат.

Исторические источники подробно описывают сражение Наполеона против прусской армии под Йеной 14 октября 1806 года. «К двум часам пополудни, – с горечью написал фон дер Гольц, – прусская армия напоминала убегающий поток». В бюллетенях от 19 и 20 октября есть записи: «Саксония, Вестфалия и весь левый берег Эльбы завоеваны» и «Нынешняя прусская армия ни на что не похожа, разве что на обломки после кораблекрушения…» В итоге за эту кампанию, которая

продолжалась 36 дней, французская армия взяла в плен 110 тысяч солдат и офицеров и 250 знамен.

27 октября 1806 года император Наполеон торжественно въехал в Берлин. Повсюду в Пруссии было учреждено французское управление, прусские сановники и чиновники присягнули Наполеону на верность службы. Пруссия должна была выплатить французскому правительству 100 миллионов франков контрибуции, отдельные герцогства и княжества тоже облагались основательной контрибуцией.

Призыв императора Александра к Австрии и Великобритании вмешаться в трагическую ситуацию с Пруссией не дал никакого результата. Надежда оставалась только на русские войска.

7 (19) декабря 1806 года в Пултуск прибыл главнокомандующий армией фельдмаршал граф Михаил Федотович Каменский. Еще до прибытия в армию 69-летний фельдмаршал Каменский писал императору Александру:

«Я лишился почти последнего зрения: ни одного города на карте сам отыскать не могу… Боль в глазах и голове; неспособен я долго верхом ездить; пожалуйте мне, если можно, наставника, друга верного, сына отечества, чтобы сдать ему команду и жить при нем в армии. Истинно чувствую себя неспособным к командованию столь обширным войском». Вместе с Каменским прибыли граф Петр Александрович Толстой и генерал-квартирмейстер Штейнгель.

В эти же дни в Варшаву под звон колоколов прибыл император Наполеон. Через два дня Наполеон с корпусами Даву, Ланна, Мюрата, Ожеро, Сульта, Нея, Бернадотта шел, охватывая центр, правый и левый фланги, на русские войска, на два корпуса, Беннигсена и Буксгевдена, во главе с фельдмаршалом Каменским.

Но первые же распоряжения фельдмаршала Каменского расстроили ранее продуманные действия: нужно было сосредоточить силы, а по приказу Каменского войска разделились и встретили мощные удары французов поодиночке. Отступая, русские войска просто тонули в непролазной грязи на дорогах, пришлось оставить сорок пушек, увязших в грязи, которую Наполеон называл пятой стихией Польши (Письмо Беннигсена 24 декабря 1806 (5 января 1807 года) к Будбергу).

Фельдмаршал Каменский попытался управлять армией, но из этого ничего путного не получилось. Он был уже очень слабым, другим казалось, что у него нервное расстройство, писал какие-то бумаги, сам отправлял курьеров, отдавал какие-то приказания, а потом давал другие приказания, которые противоречили первым. «Трудно поверить, – писал Беннигсен, – сколько он сделал вреда и как он все разрушил» (Записки Беннигсена).

Исторические источники свидетельствуют, что после отъезда фельдмаршала Каменского генерал Беннигсен отважно встретил французские войска, отличились многие генералы и офицеры. В адрес генерала Беннигсена Александр I направил рескрипт: «С особенным удовольствием изъявляю вам мою благодарность за Пултуское сражение. Высокие оказанные вами дарования в сей день дают вам новое право на мою доверенность, и не могу доказать ее более, как поручив вам главное предводительство над армиею, включая и корпус Эссена. Не сомневаюсь, что вы оправдаете мой выбор и явите новые случаи свидетельствовать вам мою признательность».

В битве при Эйлау французы и русские потеряли почти половину наличного состава участников, сражались отважно, но стороны отступили, хотя оба противника приписывали себе победу в сражении. В Париже, привыкшем к постоянным победам Наполеона, ощутили тревогу. А в Петербурге кавалергарды возили по улицам отбитые у французов знамена. Генерал Беннигсен получил орден Святого Андрея Первозванного, многие генералы и офицеры получали высокие награды за храбрость и удальство.

Но различные донесения смутили императора, не все в армии верили в силу генерала Беннигсена, по-прежнему действовал какой-то необъяснимый разлад. Александр Павлович, хотя и чувствовал неуверенность в своих силах как полководец, все-таки решился поехать поближе к действующей армии.

16 марта 1807 года император Александр выехал из Петербурга в сопровождении обер-гофмаршала графа Толстого, министра иностранных дел Будберга и генерал-адъютантов графа Ливена и князя Волконского. По дороге в Митаве посетили короля Людовика XVIII, который в своих записках оставил такую фразу императора Александра, что «лучшим днем своей жизни сочтет тот, когда водворит его во Франции». Потом встретился с прусским королем в Мемеле, куда приехали на следующий день, прусский король познакомил русского императора с членами своего правительства. В Мемеле Александр I узнал, что генерал Цастров сдал должность министра иностранных дел барону Гарденбергу.

Император Александр, прибыв в главную квартиру армии, расположенную в Бартенштейне, издал приказ по армии: «Победы под Пултуском и Прейсиш-Эйлау, одержанные генералом Беннигсеном над неприятелем, оправдали и увеличили доверенность, возложенную на искусство его. Прибытие Его Императорского величества к храброй своей армии не вводит ни в каком отношении ни малейшей перемены в образе начальства,

под которым общее благо Европы столь ощутительно начинает уже возникать. Все повеления исходят по-прежнему от одного главнокомандующего генерала Беннигсена, равно как и рапорты прямо доставляются к нему».

14 июня 1807 года началось Фридландское сражение. К этому времени у императора Александра сложилось впечатление, что русские войска победили Наполеона при Эйлау, и «ослепленный бахвальством своего генерал-аншефа, он был убежден, что в ближайших же сражениях его армия уничтожит все императорские войска. Он, уже не стесняясь, предсказывал будущее: с помощью австрийцев они отбросят захватчика за Рейн и Альпы, водворят его в пределы бывших естественных границ!» (*Кастело*. С. 140–141). Генерал-аншеф Беннигсен, обладая достаточными войсковыми соединениями и превосходными офицерами и генералами, был совершенно уверен в исходе будущего сражения, эту уверенность внушал русскому императору и окружающим офицерам. Но случилось то, что случилось. Наполеон, зная о расположении русских и маневрах их главнокомандующего, потребовал карту и, как свидетельствует очевидец, разложил ее прямо на земле, «над которой император вначале присел, потом опустился на колени, потом, наклонившись вперед, оперся на локти, после чего и вовсе лег на землю. Вооружившись карандашом, он проводил по ней пунктирные линии. С полчаса он молчал…». Вдруг Наполеон встал, засмеялся, обнажив «свои красивые зубы». Да, он определил тактику, которую использует против русских. Прежде всего нужно использовать все ошибки, допущенные неприятелем. По его мнению, оборона его не продумана до конца, «верх безрассудства». Чтобы выманить на себя неприятельские войска, Нею придется отступать» (*Кастело*. С. 141–142).

Беннигсен, как и предполагал Наполеон, попал в «мышеловку», расставленную императором Франции. «Костяк французской армии повернул на Кенигсберг, этот центр подготовки боевых операций и главный рубеж сопротивления противника, но тут стало известно, что Беннигсен повернул свою армию на север. Он переправил все войска на правый берег Алле, реки, которая вилась серпантином по дну узкой долины. Из-за этой естественной природной преграды русский генерал решил, что его флангу ничто не угрожает. Неожиданно ему донесли, что французский авангард проник в Фридланд, расположенный на левом берегу, и укрепился между двумя излучинами реки. Речь шла о корпусе Ланна, который шел впереди императорской армии. И тут Беннигсен *совершил непростительную ошибку* (курсив мой. – *В. П.*), о которой будет сожалеть всю жизнь. Чтобы

уничтожить противника, он переправил свои основные части на левый берег и приказал захватить Фридланд. Ланну, под командованием которого было всего 10 тысяч человек, пришлось оставить свои позиции, тем более что русская артиллерия с правого берега вела огонь с холмов, окружающих город.

Беннигсен понятия не имел, что император находится от него на расстоянии всего нескольких лье и что вся французская армия была готова обрушиться всей своей мощью на него, а отступать он в такой ситуации мог только по узким мостам, которые в этом месте соединяли довольно крутые берега Алле. Его положение ухудшалось еще и потому, что на подступах к Фридланду находились две природные преграды – пруд и речка Мюленбах, приток Алле, которая протекала по дну глубокого оврага. Беннигсен до последнего момента не осознавал грозившей ему опасности. Он продолжал упорно укрепляться на левом берегу, там, где ждал его разгром. Он даже довольно потер руки, когда узнал о подходе другого французского корпуса – корпуса Удино. И вот началось сражение, первое при Фридланде, очень трудное для французов, так как их численность значительно уступала численности войск противника – 26 тысяч против 70!

Но французы сражались упорно, с остервенением, и энергии у них сразу прибавилось, когда они узнали, что на подходе Наполеон во главе 50-тысячной армии…»

Император Александр получил письмо старшего дипломатического чиновника в армии Цисмера, в котором говорилось о том, что он поражен теми ужасами битвы, которые ему пришлось наблюдать, армия пришла в совершенное расстройство и единственный выход из создавшегося отчаянного положения – это как можно скорее заключить перемирие.

Вскоре начались переговоры. 19 июня майор Шёпинг доставил маршалу Бертье письмо генерал-аншефа Беннигсена с предложением перемирия. Через несколько часов в главную квартиру прибыл капитан Перигор, племянник Талейрана, и передал словесное заявление Наполеона, пожелавшего прекратить кровопролитие и для ведения переговоров назначившего маршала Бертье. В тот же день князь Лобанов вместе с капитаном Перигором прибыли в Тильзит и передали условия, на которых русский император может заключить мир: он не потерпит малейшего изменения в границах России. Маршал Бертье назвал свои условия: русские должны освободить крепости Пиллау, Кольберг и Грауденц, занятые прусскими войсками. Ночью 20 июня в главную квартиру русских прибыл обер-гофмаршал Дюрок с предложением Наполеона освободить

упомянутые крепости, и тотчас начнутся переговоры о мире.

Александр I поручил главнокомандующему послать князя Лобанова в Тильзит. В тот же день, 22 июня, князь Лобанов и маршал Бертье подписали акт о перемирии.

Наполеон пригласил князя Лобанова на обед. Подняв бокал шампанского, Наполеон провозгласил тост за здоровье русского императора Александра I.

В те же дни возникла идея о личном свидании двух императоров. Одни исторические источники утверждают, что эта мысль пришла обер-гофмаршалу Дюроку, другие – что ее высказал князь Лобанов. Во всяком случае, посреди Немана на большом плоту соорудили два павильона. В день встречи, 25 июня 1807 года, на левом берегу выстроилась Наполеонова гвардия, на правом берегу – два взвода кавалергардов и эскадрон прусской кавалерии. В полдень от двух берегов Немана отчалили лодки и вскоре пристали к плоту. Наполеон и Александр на плоту подали друг другу руки, а с двух берегов Немана раздались радостные крики. Так в павильоне началась их беседа, продолжавшаяся около двух часов. Потом Александр и его свита переехали в Тильзит, и переговоры о мире продолжались. В переговорах принимали участие граф Александр Куракин, русский посол в Австрии, и князь Лобанов, а с другой стороны – князь Талейран. После 10 часов вечера Наполеон приходил в резиденцию Александра, и они втайне ото всех окончательно решали все спорные вопросы.

Прусская королева Луиза решила вмешаться в переговорный процесс. Историк М. Богданович: «За несколько дней до заключения мира явилась в Тильзит королева прусская Луиза. Советники короля надеялись, что присутствие женщины, одаренной высокими качествами ума и сердца, смягчит железную волю раздраженного победителя и сделает условия им предписанные менее тяжкими для Пруссии. Королева была принуждена преодолеть отвращение от свидания с человеком ей ненавистным, но она превозмогла это чувство. «Один Бог знает мои страдания», – сказала великодушная Луиза на пути из Мемеля в Тильзит… Наполеон приказал своим войскам встретить ее с почестями и через час по ее прибытии прискакал к дому, занимаемому королем. Там у входа ожидали его Фридрих-Вильгельм и прусские принцы. Наполеон, не выпуская из руки хлыста, сухо раскланялся с ними и взошел по лестнице в покои королевы. Первым словом его был вопрос: «Как могли вы начать со мною войну?» – «Государь, – отвечала Луиза, – нам простительно увлечься славою Фридриха и обмануться насчет сил своих». Наполеон ежедневно угощал короля и королеву, но

отклонял всякое ходатайство их об уступке областей, которые он хотел отнять у Пруссии, и пояснил графу Гольцу, что все, сказанное им королеве, – не что иное, как фразы, ни к чему его не обязывающие.

На прощание с королевою он поднес ей розу необычайной красы.

Несчастная Луиза медлила принять подарок и наконец взяла розу, сказав: «По крайней мере, с Магдебургом». Наполеон, не хотевший возвратить Пруссии этот важный пункт, ключ течения Эльбы, грубо отказал Луизе, и суть его отказа укладывалась в формулу: «Крепости не игрушки» (*Богданович*. Т. 2. С. 299–300).

Вернувшись в Петербург и ознакомившись с документами и словесными характеристиками придворных и военных, Александр I понял, что минувшая война и Тильзитский мир явили много недостатков, на которые он совсем недавно мало обращал внимания. В разговоре с матушкой, императрицей Марией Федоровной, он узнал, что за эти месяцы он изменился, изменился не только его характер, но и его мотивы императорской деятельности. Она заговорила с ним о провалах Тильзитского мира, который он считал своей победой. Наполеон утверждал, что если бы не позиция русского императора о сохранении Пруссии, то она была бы стерта с карты Европы. А в итоге Пруссии вернули Померанию, Бранденбург, часть Силезии, Старую Пруссию. Прусские земли Нассау, Гессен-Кассель, Брауншвейг, Ангальт-Цербст и английское владение Ганновер Наполеон объединил во вновь созданное королевство Вестфальское, а его королем назначил своего младшего брата Жерома.

Неприкосновенными герцогствами остались Ольденбургское, Мекленбург-Шверинское и Кобургское из-за родственных связей с Российской империей.

Белостокская область отошла к России.

Почему итогами Тильзитского мира были недовольны придворные императорского двора, недовольна вдовствующая императрица Мария Федоровна? Если бы они знали, что испытывал император Александр, когда в течение многих дней, по вечерам, приходил к нему император Наполеон и диктовал свои условия мира? Об этом он молчал. Лишь в порыве отчаяния он изредка писал сестре Екатерине Павловне: «Бог спас нас: мы вышли из борьбы не с жертвами, но со своего рода блеском. Но что вы скажете обо всех этих событиях? Мне проводить свои дни с Бонапартом, целые часы находиться с ним с глазу на глаз? Хочу спросить вас, не похоже ли это на сон?! Полночь миновала, а он

только что ушел от меня. О, как бы я хотел, чтобы вы были немым свидетелем происходящего! Прощайте, дорогой друг, я редко пишу вам, но честное слово, мне некогда даже перевести дух. Тильзит, 17 июня 1807 года».

Порой Александр I думал, особенно после разговора с князем Чарторижским, о воскрешении Польского королевства, но потом отказался от этой идеи, понимая ее опасность. Отказался император Александр и от предложения Наполеона передать ему часть королевства Польши, доставшееся в итоге, Пруссии.

Узнав о болезни барона Будберга, император Александр с удовольствием подумал о том, что как министр иностранных дел он никуда не годится, может, он был хорошим русским послом в Швеции, но как министр ничего путного не сделал. Кого назначить министром иностранных дел? Он определил товарища министра иностранных дел князя Александра Николаевича Салтыкова временно исполняющим эти обязанности, но вскоре сообразил, что настоящим министром иностранных дел может быть только граф Николай Петрович Румянцев. Да, он министр коммерции, но какой успешный министр!

12 февраля 1808 года граф Румянцев был назначен министром иностранных дел при сохранении за ним поста министра коммерции. Это назначение графа Румянцева, по мнению великого князя Николая Михайловича, было лучшим: «И это был лучший выбор, который мог сделать Александр Павлович» (*Великий князь Николай Михайлович*. Император Александр I. С. 62).

27 июня 1807 года император Александр I присвоил генерал-лейтенату Аракчееву чин генерала от артиллерии за «доведение до превосходного состояния артиллерии и успешное действие оной» во время военных действий. «Примите сие знаком моей признательности и особенного моего благоволения», – писал Александр I в заключение своего письма.

13 января 1808 граф Аракчеев получил должность министра военных сухопутных сил.

«Я слышал о нем много нелестного и очень мало хорошего, – писал в мемуарах лейтенант И.С. Жиркевич. – Но я три года служил под его началом и могу говорить о нем беспристрастно. Искреннее и страстное обожание императора и двора, естественный проницательный ум, который был, однако, совершенно необразован, честность и непреклонность были главными чертами его характера. Но из-за своей непомерной гордыни, самоуверенности и самомнения он часто становился злобным и мстительным. Однако в отношениях с теми, кто снискал его доверие, он был всегда добр, заботлив и даже

сострадателен. Я мог бы добавить, что на протяжении семи или восьми лет, во время которых он инспектировал артиллерию, лишь офицер был понижен в звании за то, что написал фальшивый денежный счет, – преступление, за которое обычно ссылали в Сибирь. Солдат сажали на гауптвахту каждый день, и многие уходили оттуда в таком состоянии, что не были годны к работе. Но в первый год назначения его предшественника, добрейшего генерала Меллера, этих несчастных было в десять раз больше, чем за все время пребывания в должности Аракчеева. Я не говорю об усовершенствовании артиллерии; вся Россия знает, что это заслуга Аракчеева, и если она сильна, то именно он заложил прочный фундамент в ее основание» (Русская старина. 1874).

Французский посол генерал Савари недолго пробыл в Петербурге, но за это время он напомнил императору Александру о разрыве России с Англией и о враждебности российским интересам Швеции, напомнил и слова Наполеона, что рядом с Петербургом находится Финляндия – часть Шведского государства, она постоянно угрожает Петербургу. Наполеон предлагает взять ее как вознаграждение за издержки войны, которую России придется вести против Швеции. «Король Шведский, – напомнил Савари слова Наполеона, – вам зять и ваш союзник, но именно по тому он и должен следовать вашей политике либо понести наказание за свое упрямство. Шведский государь может быть вашим родственником, союзником, в настоящую минуту, но *он вам неприятель географический*. Петербург слишком близок к финляндской границе. Пусть прекрасные жительницы Петербурга не слышат более из своих дворцов грома шведских пушек».

Война со Швецией – это разрыв с Англией, что больно ударит по торговле в России, не будет выгодного обмена русских продуктов на английские колониальные и мануфактурные товары, а это упадок народого богатства и финансовый кризис в России. Вот и выбирай, если следовать словам императора Франции, который ничего выгодного не упустит, когда говорит о мире в Европе. Но Александр I не позволил обмануть себя. Император Александр вспомнил и слова Наполеона о том, как он обещал вернуть Крым туркам за активное участие в войне против России, а потом признался:

– Само Провидение освободило меня от обязательств по отношению к Порте. Мой союзник, мой друг, султан Селим низвержен с престола. Я думал, что можно что-то сделать из турок, восстановить их дух, употребить в пользу их враждебное мужество: это – мечта. Пора кончить с государством, которое не

может существовать и не позволит Англии воспользоваться этою добычей.

Такая резкая перемена во внешней политике серьезно подорвала прежнюю дружбу императора с членами Негласного комитета. Н. Новосильцев, твердый поклонник Англии, решил подать в отставку и при встрече с императором, который объявил, что он стал союзником императора Франции, в свою очередь заявил:

– Теперь, ваше величество, я не могу оставаться на службе, я мог бы повредить новому союзу и новой вашей политике. Наполеону известна моя личная вражда к нему и моя приязнь к Англии, следственно, пока я при вас, он не может полагаться на искренность ваших чувств, а потому, чтобы упрочить доверие нового вашего союзника, вам никак нельзя долее держать меня при себе. Вы, напротив, должны меня прогнать, и прогнать гласно.

Император Александр улыбнулся, услышав такую прямолинейную формулировку отставки, но сначала он ограничил доступ своего прежнего друга к своей особе, доклады чаще всего стал делать Михаил Сперанский, а услышав, что Новосильцев, не сдержав своих чувств, резко высказался о внешней политике императорского двора, согласился на его отставку, предоставил возможность ближайшему помощнику уехать за границу.

Граф Кочубей, тоже не согласившись с новым курсом, в ноябре 1807 года подал в отставку, она была принята, и он уехал в бессрочный отпуск. Министром внутренних дел был назначен князь Алексей Борисович Куракин.

Современники того времени вспоминали, что после битвы при Аустерлице император Александр круто изменился, раньше был кроток, доверчив, ласков, а приехав с поля боя, стал подозрителен, строг до безмерности, недоступен, не выносил правдивых оценок событий, характеристик людей, если они противоречили его мнению. «Вообще неудовольствие против императора более и более возрастает, – писал шведский посланник Штединг своему королю Густаву IV от 28 сентября 1807 года, – и на этот счет говорят такие вещи, что страшно слушать. Люди, преданные государю, в отчаянии, но между ними нет никого, кто бы сумел пособить беде и отважился объяснить ему вполне опасность его положения. Не только в частных беседах, но и в публичных собраниях толкуют о перемене правления» (Memoires du comte de Stedingk. II. 355–356).

Не только на Петербург, но и на Москву Тильзитский мир произвел гнетущее впечатление; хотя при заключении мира

Россия не потеряла материальных благ, но многие поняли, что союз с Наполеоном – это признание его власти над собою. А это нанесло удар по народной любви к обожаемому императору Александру. «Все, что человек, не рожденный полководцем, – писал Вигель в своих воспоминаниях, – может сделать, все то сделал император Александр: что оставалось ему, когда он увидел бесчисленную рать неприятельскую, разбитое свое войско, подкрепленное одною только свежею, новосформированною дивизиею князя Лобанова, и всем ужасного Наполеона, стоящего на границе его государства? Что сказали бы русские, если б за нее впустил он его? И в этом тяжком для его сердца примирении, разве он не сохранил своего достоинства? Разве не умел он, побежденный, стать наравне с победителем, и тут явиться еще покровителем короля Прусского? Таким ли бедствиям, таким ли унижениям подвергал себя император Франц II? Что делали его подданные? Делили с ним горе и с каждым новым несчастием крепче теснились к нему и сыновнее его любили» (*Вигель*).

Ярость завистников при дворе была непредсказуема. Тут же заговорили о Румянцеве как способном говоруне, но неспособном разбираться в иностранных делах, тем более все желали продолжения войны с Наполеоном, а не Тильзитского мира. П. Майков приводит слова известных царедворцев о графе Румянцеве: А.А. Прозоровский считал, что Румянцева купить нельзя, он достаточно богатый человек, но он не более как полный глупец; Н.Н. Новосильцев считал Румянцева безумцем, которого морочат; Бунина предполагала, что Румянцев мог бы управлять иностранными делами в республике Сан-Марино, что он льстец, что он предан душою Наполеону.

Граф Румянцев включился в работу уже во второй половине 1807 года. И прежде всего – встречи с иностранными послами. Историки и биографы, исследуя источники, в частности императорский камер-фурьерский журнал, где регистрировались встречи, беседы, обеды и пр., отмечали, что в 1807 году граф Румянцев был приглашен на обед с императором и для личных встреч 931 раз, это была, видимо, самая горячая пора, когда возникало много вопросов, требующих личных контактов, так что были дни, когда Румянцев и император Александр встречались по несколько раз.

Французские историки Лависси и Рембо, сравнивая Будберга и Румянцева, писали: «Румянцев, напротив, имел самостоятельные взгляды и лелеял смелые замыслы. Сын блестящего генерала, добывшего себе военную славу при Екатерине II в борьбе с турками, он только и мечтал о завоеваниях в Турции и видел в этом не только семейную

традицию, сколько исполнение национальной миссии. Надеясь осуществить свою мечту при помощи союза с Францией, он убеждал императора, что необходимо дать быстрое и полное удовлетворение Наполеону в его борьбе с Англией, чтобы вынудить у него на Востоке все те уступки, на которые, по-видимому, позволяли надеяться тильзитские переговоры» (Там же. С. 152).

Французский посол Савари озадачил императора Александра и графа Румянцева тем, что в письме от 23 сентября 1807 года на имя императора сообщил, что Англия протестует против того, чтобы Франция и Россия заключила выгодную сделку за счет унижения Порты. Оказывается, в Англии произошел полный переворот в политике, оказывается, она открыто заявляет, что становится на пути честолюбивых стремлений Франции и России получить определенные выгоды за счет Турции. С декабря 1806 года Турция объявила России войну за то, что русские войска вошли в молдавские княжества и заняли Бухарест. Граф Румянцев, увидев противоборство среди турецких вельмож и чиновников, приказал остаться русским войскам в Молдавии и Валахии, за обладание которыми давно билась Россия.

– Единственная благовидная сторона дела, которую мы можем предъявить, – сказал граф Румянцев генералу Савари, – есть присоединение Молдавии и Валахии, а вы лишаете нас и этого! Что же мы скажем, если у нас спросят, почему не настояли на том и как у нас отняли эту выгоду, когда и без того уже мы столько теряем от войны с Англией?

– А что скажет Европа? – взволнованно спросил посланник Наполеона.

– Европа не скажет ничего. Да и что такое Европа? Что она, если она – не мы с вами? (из письма генерала Савари императору Наполеону от 18 ноября 1807 года).

Из этого диалога можно понять, как существенно изменилась внешняя политика России – от борьбы за мир в европейских странах в начале царствования императора Александра к желанию территориальных приобретений, податливо следуя за Наполеоном.

И в этом отношении большую роль сыграл посол Савари. Умный, обаятельный красавец, как известно, был холодно принят русской аристократией, но потом он пробил дорогу в некоторые старинные дома, но и этого было недостаточно. Наконец-то он был принят и любовницей императора Нарышкиной. Естественно, он передал адрес Нарышкиной Наполеону, который тут же воспользовался этой возможностью и стал посылать Савари не только инструкции, но и парижские модные наряды Анне

Нарышкиной, порой даже и драгоценности, с ядовитой иронией сообщая своему послу: «Вы знаете, что я смыслю в дамских туалетах» (История XIX века / Под ред. профессоров Лависси и Рембо. М., 1938. С. 150 и др.).

В начале августа 1807 года тридцать семь английских кораблей окружили остров Зеландию и высадили свой десант. 1 сентября английская армия, предъявившая свои требования и получившая отказ от мужественных матросов, открыла огонь по Копенгагену. Пять дней бомбили, погибли сотни человек, Копенгаген, открыв ворота, сдался. Принц-регент призвал Наполеона отомстить за поражение норвежцев. Наполеон, узнав об этом, пришел в бешенство. Значит, Англия считает Тильзитский мир какой-то пустышкой, борьба продолжается. Дальновидный Наполеон, потерпев поражение, тут же заставил все европейские государства закрыть доступ англичанам на континент, то есть объявил континентальную блокаду. Пусть и Россия в свою очередь надавит на Швецию, на Австрию, пусть и они примут исключительные меры против английских продуктов, агентов и подданных. Наполеон постарается сделать это на юге Европы, в первую очередь в Испании и Португалии, а Россия – на севере, в Швеции и Австрии. В письме к императору Александру Наполеон 28 сентября сообщает: «Мне кажется, что нам легко будет прогнать их со всего континента; это должна сделать совместная декларация».

Министр иностранных дел Шампаньи, сменивший на этом посту Талейрана, писал генералу Савари, что 1 декабря Россия должна закрыть свои гавани и начать войну: «Гавани Португалии и Швеции должны быть также закрыты добровольно или силою. Сила обстоятельств требует, чтобы Франция взяла на себя закрытие португальских гаваней, а Россия шведских… Оба двора должны сообща повлиять на венский кабинет и заставить его примкнуть к общему делу». (Русский архив).

Австрия по-своему поняла тяжкий намек союзников и отозвала своего посла из Лондона. Английский посол в России лорд Говер ждал своей участи.

У графа Румянцева не было колебаний – он был за разрыв с Англией, за победу над турками и за приращение России Молдавией и Валахией.

30 октября сэр Вильсон вошел в кабинет графа Румянцева и сразу заговорил о своих планах, которые только что получил от английского двора:

– Ваше сиятельство! Я только что вернулся из Лондона и полон всевозможными проектами и резолюциями. Тильзитский мир России и Наполеона многое изменил в нашей политике. Мы

принесли Дании и Копенгагену, как и Балтийскому морю, большой вред. Британское правительство готово на самые большие жертвы, Англия не хочет ссорить русского императора с Францией, не хочет вовлекать его в новую коалицию, мы просим только, чтобы Россия объявила о нейтралитете. Наше правительство не начнет переговоров с Наполеоном до тех пор, пока не создаст против французского стремления к мировому господству серьезных преград. Россия и Пруссия могут приобрести территориальные выгоды за счет земель Германии…

Румянцев протестующим жестом остановил сэра Вильсона:

– В России больше думают о землях Востока, о европейских землях Турции…

– Извините, граф, кажется, я ступил не на ту дорогу. Конечно, война с Турцией у вас еще продолжается. Англия никогда не согласится на уничтожение и полный раздел Турции, но у России по ту сторону Дуная первостепенные интересы. Я должен вам сказать, господин граф, что Англия предполагает немедленно напасть на уступленные Франции Ионические острова и захватить их во что бы то ни стало, так как не желает, чтобы ими владела Франция. Мы не намерены удерживать их за собой и хотим при заключении мира принудить Францию уступить их вам. Таким образом, Англия возвратила бы своим прежним союзникам то, что Франция только что отняла у них… Может быть, Россия хочет большего?

Сэр Вильсон, используя свою молодость и обаяние, вскружил голову дамскому обществу, бывал на обедах, балах, имел честь открыть бал с графиней Ливен, обер-гофмейстериной императрицы-матери, с принцессой Амалией танцевал полонез, и все это показалось ему триумфом, а запись о триумфе он занес в свой дневник. И, конечно, вовсе не ожидал, что привезенная им из Лондона брошюра «Размышления о Тильзитском мире», брошюра-памфлет, в которой было несколько оскорбительных фраз не только о Франции, но и об императоре Александре, будет передана императору Александру.

7 ноября 1807 года была опубликована грозная декларация против английского правительства, в котором провозглашался разрыв отношений, а нападение английских кораблей на Копенгаген и высадка армии на датскую территорию расценивались как начало враждебных действий против союзников – России и Франции. Император Александр, поддержанный графом Румянцевым в решении турецкого вопроса, ясно определяет свои требования перед Наполеоном и Великобританией.

– Скажите императору, – сказал Александр I генералу Савари

9 декабря 1807 года, – что интрига достигла своего апогея. Нас хотели подкупить, но меня не проведешь: я моментально всех выпроваживаю за дверь.

«Со своей стороны Румянцев, в замаскированных, но достаточно сильных выражениях, насилуя смысл Тильзитского договора, старался установить полное тождество между обязательствами, подписанными Александром против Англии, и обещаниями Наполеона относительно Турции и старался обсуждать оба вопроса параллельно. При изложении средств, предназначенных для морской войны, он сделал обзор событий на Востоке. По его мнению, положение в Константинополе ухудшалось с каждым днем: там хронически царили беспорядок в правлении, волнение на улицах, насилие и бунт в войсках; Турция начинала разлагаться. «Вот увидите, – говорил министр, – что вскоре вынуждены будут объявить в газетах, что Оттоманская империя скончалась и что приглашают ея наследников явиться за наследством» (Донесение Савари и письмо от 4 ноября 1807 года).

1 ноября 1807 года Наполеон после мучительных раздумий заявил генералу Савари о своем выборе: «Я окончательно решил послать в Петербург маркиза, обер-шталмейстера двора, дивизионного генерала Армана-Огюста Коленкура, тридцати пяти лет, человека выдающегося ума, благородного происхождения и рыцарской привязанности к новому времени, человека, склонного к изяществу и роскоши и одновременно к воинской простоте и прямодушию. Этот человек должен примирить императорскую Францию с аристократией одного из могучих государств Европы».

В инструкции для нового посланника Коленкура французское правительство соглашается, что Россия в ближайшее время займет Молдавию и Валахию. Французский император надеется вознаградить себя несколькими прусскими провинциями, что, естественно, ослабит Пруссию, но укрепит союзную систему Франции. Также французский император за то, чтобы сохранить Оттоманскую империю, сохранить ее крепости, сохранить, например, Измаил. Но это при условии, если Россия согласится на расширение Франции за счет Пруссии.

Французское правительство также желает, чтобы французская нация имела благоприятные торговые отношения с Россией, а английская нация потерпела в торговле полный провал.

Сначала маркиз генерал Коленкур выразил горячее сопротивление своему назначению, но через несколько дней в звании чрезвычайного посла, с содержанием 800 тысяч франков, с набранным персоналом секретарей и чиновников, с расходами на помещение, отбыл в Петербург: «Ему приказано было во всем

поступать широко, превзойти всех в роскоши и заняться делом завоевания светской России» (*Вандаль*. Т. 1. С. 141).

Император Александр, перебирая в памяти все значительные имена, фигуры, подходящие на пост чрезвычайного посланника во Францию, никак не мог выбрать никого из них.

Во время беседы с графом Румянцевым просил назвать подходящего кандидата.

– Ваше величество, я тоже думал о кандидатуре, но в русском дипломатическом корпусе нет ни одного вполне убежденного сторонника союза с Наполеоном.

– Надо искать кого-то с именем, но послушного, исполнительного, подвластного нашим инструкциям.

Хорошо зная древо Голицыных, граф Румянцев вспомнил, что не так давно, на его памяти, княжна Мария Голицына вышла замуж за графа Петра Александровича Толстого, правнука сподвижника Петра I Петра Андреевича Толстого, отважного генерала, участника последней Русско-турецкой войны. Разве такая кандидатура не подходит для важного поста в Париже? Генерал – значит послушен указаниям императора и министра, занимает важное место в светской аристократии. Достаточно образован, знает языки. Перебрав и другие кандидатуры, граф Румянцев остановился на этой.

Размышляя о суровом и отважном воине, генерале Петре Толстом, привыкшем слушать приказы и указания высших начальников, император Александр согласился, что это подходящая кандидатура, у этого генерала послушание могло заменить личное мнение, тем более он не принадлежал ни к одной из политических партий, которые раздирали двор.

В конце августа граф Толстой, живший в своем имении, приехал в Петербург, был представлен императору, который после длительного разговора с Толстым одобрил его кандидатуру.

В конце октября 1807 года граф Толстой выехал из Петербурга в Париж. 6 ноября он уже представил свои верительные грамоты в Фонтенбло как чрезвычайный посланник России. Свою задачу он выслушал в устных наставлениях, а главное – прочитав инструкцию графа Румянцева, согласованную с императором Александром.

По дороге в Париж граф Толстой побывал в Мемеле и, к ужасу своему, увидел, в каком жалком положении оказалась королевская чета; Вильгельма-Фридриха ему было не так жалко, как королеву Луизу, красота которой не померкла, а словно бы вопреки условиям еще ярче расцвела.

Министр внешних сношений Жан-Батист Шампаньи, герцог Кадорский, подробно рассказал о приеме русского посланника графа Толстого 6 ноября 1807 года: «Аудиенция, имевшая место 6 числа этого месяца, была замечательная по милости и доброте, с которыми его величество принял русского посланника. Все заметили утонченное внимание, которое оказал император, надев орден Андрея Первозванного и нося его целый день. Двор так же, как и публика Фонтенбло, которая была допущена на придворный спектакль, вечером, во время представления Manlius, обратили большое внимание на это выражение публичного и исключительного почета императору Александру со стороны императора Наполеона. Толстой допущен в тесный кружок императрицы, что не в обычае для посланников и иностранцев; он имел честь рассматривать партию ее величеству. Он занял покои, приготовленные ему во дворце, пользуется всеми привилегиями придворного звания, допущен на утренний прием императора и сегодня сопровождал императора к обедне. Все это возбудило зависть других посланников» (письмо Шампаньи к Савари 8 ноября 1807 года).

Во время первой императорской аудиенции Петр Толстой, как заметил Шампаньи, «немного оробел, как это и должно быть с прямодушным человеком», Наполеон приветливым обращением ободрил его, но все обратили внимание на холодность русского посланника и благосклонность к нему императора Наполеона. Это заметил и Наполеон.

Не раз во время публичных мероприятий Наполеон хотел заговорить с Петром Толстым, желая развить свои идеи с посланником дружественной страны, смотрел ему в глаза, но каждый раз встречал холодный взгляд, словно бы показывающий, что с ним не желают говорить. Иногда император говорил ему что-то дельное, но русский посланник что-то несуразное бормотал в ответ и скрывался в толпе придворных и гостей. Что это – смущение перед могущественным человеком или сознательное уклонение от милостивого внимания? Но если бы это было единственный раз, можно было понять, а это повторялось постоянно. Вряд ли это смущение, думал Наполеон, скорее всего это пренебрежение побежденного к победителю. И вскоре Наполеон убедился в этом. Петр Толстой после императорской охоты возвращался в карете вместе с маршалом Неем, заговорили, естественно, о войне, Петр Александрович сослался на несчастливое стечение обстоятельств, маршал Ней на гениальность Наполеона, разгорелся спор, в ходе которого русский посол сказал, что русские войска непобедимы, и пообещал доказать это в ходе возможного реванша, и горячий,

несдержанный маршал Ней согласился с тем, что реванш необходим. Наполеон, узнав об этом споре и о реванше, ожидал, что кто-то из них вызовет соперника на дуэль. Но дуэли не было, а схватка двух генералов осталась в памяти. «Этот исполнительный солдат, – думал Наполеон, – становится недисциплинированным дипломатом. Александр возлагал надежды на его воинскую устойчивость, а он не скрывает свою ненависть к победителю, все злопамятство русской аристократии на виду».

Петр Толстой бывал на приемах и в роялистских салонах. Он больше слушал, в основном молчал; о Наполеоне чаще всего говорили как о честолюбце и деспоте. Постепенно возникало недоверие к блеску и триумфам императорского двора, не уходила из памяти встреча в Мемеле с прусской королевской семьей, жившей в оскорбленной нищете и тяготах.

Увидевшись с министром Шампаньи Петр Толстой поднял прусский вопрос. Но разговор оказался неудачным: Шампаньи ничего не мог сказать, его ответы были уклончивыми. Император, когда Петр Толстой заговорил с ним на эту тему, попробовал успокоить его, сказав, что королевская чета не стоит того, чтобы так упорно возвращаться к этому вопросу, это плохие союзники, они объявили ему войну, он разбил их войска, вошел в Берлин, а сейчас готов вывести свои войска из Пруссии.

Наполеон удивился тому, что Петр Толстой крайне изменился в ходе разговора, – пропали смущение, растерянность, он твердо заявлял о том, что Россия не может считать себя в мире с Францией до тех пор, пока первое условие договора остается невыполненным. А после слов Наполеона, что он выводит свои войска из Пруссии, Петр Толстой сказал:

– Как человек военный, могу свидетельствовать: я ведь проезжал по Пруссии, там ничего подобного не делается, армию передвинуть – не табаку понюхать.

– Не горячитесь, генерал, горячность и торопливость в нашем дипломатическом деле никуда не годятся. Прусский вопрос зависит от решения других проблем. Я не буду оспаривать желания России, как бы чрезмерны они ни были, но и мои надежды на вознаграждение должны быть представлены в полной мере. Я выведу свои войска из Пруссии, как только Россия выведет свои войска из дунайских княжеств Молдавии и Валахии. В расчленении Оттоманской империи я не вижу никакой выгоды, в этом случае нас ждут только неудачи и затруднения.

Петр Толстой без всякого смущения и растерянности спросил Наполеона:

– Ваше величество! Вы постоянно напоминаете мне во время

нашего разговора, что настаиваете на компенсации. Мы не знаем, что вы имеете в виду.

– Ну конечно, Пруссию, – сказал Наполеон после некоторого колебания, как бы сделав над собой большое усилие. – Если в планы России входит более крупный раздел Оттоманской империи, я даже на это согласен. Я вам предлагаю посмотреть даже на Константинополь как компенсацию ваших потерь, я не подписывал с Турцией никаких обязательств и сам не имею в виду столицу Турции в качестве трофея.

В одном из первых писем графу Румянцеву 7 ноября 1807 года Петр Толстой писал о дележе прусских земель: «Господину Жерому был положительно обещан для его Вестфальского королевства Берлин с расширением до Одера. После моей частной аудиенции император приказал позвать его и напрямик объявил ему, что об этом нечего и думать; но Жером, как это нередко с ним бывает, пустился в препирательства; он осмелился требовать обещанного и сослался на данное ему императорское слово. Между обоими братьями произошла одна из самых бурных сцен, результатом которой была высылка Жерома, вынужденного уехать сегодня утром в Шербург, под предлогом исполнения поручения императора» (Архивы Петербурга).

В итоге в письмах Петра Толстого графу Румянцеву 4 декабря и 9 декабря 1807 года представлена тяжелая будущность Пруссии как государства: часть Пруссии, которая предназначалась брату Жерому, получит один из вассалов Наполеона, а лучшая часть Пруссии предназначена для великого герцогства Варшавского. Разрушение Пруссии, предполагал Петр Толстой, Наполеон задумал для того, чтобы добраться до Российской империи, с которой он пока обходится как с союзницей. Но что будет завтра? Предсказать было трудно: Великобритания и Российская империя явно мешали ему стать властелином Европы, а Пруссия может выставить большую армию, как это было несколько месяцев тому назад, к тому же и Австрия вооружается, а все это лишняя помеха в планах французского императора.

И в частном письме графу Румянцеву граф Петр Толстой лишь подтвердил свои догадки о разрушении Пруссии. Это противоречило прежним договоренностям, представлялось как обдуманный проект Наполеона и вело к угрозе безопасности России.

Естественно, письма Петра Толстого вызвали удивление и беспокойство императора Александра. И во время приема генерала Савари император спросил его, изменились ли планы императора Наполеона за последнее время и скоро ли прибудет маркиз Коленкур с известиями из Парижа. Савари сообщил

Александру Павловичу, что новый посол Франции имеет свою программу, утвержденную министром Шампаньи и императором Наполеоном, там есть предложения, которые в самое ближайшее время будут доложены императору Александру, и главное предложение касалось прусских владений. Скорее всего, опасения графа Толстого правильные, подумал император Александр, и тут же в Париж было отправлено напоминание о Тильзите, в котором говорилось о вознаграждении Наполеона только на Востоке. И когда 17 декабря 1807 года маркиз Коленкур прибыл в Петербург, император Александр был полон недоверия к планам Наполеона (РА. 1890. Январь).

Из донесений Коленкура известно, что он был восторженно встречен русским обществом, по повелению императора занял самый красивый дворец в Петербурге, дворец князей Вяземских. 20 декабря Коленкур вручил верительные грамоты. Вечером был спектакль в Эрмитаже, Коленкуру было оставлено место в одном ряду с императором и его семьей. Это поразило весь двор, и все поняли, что появление маркиза Коленкура в Петербурге – это нечто более значимое, чем приезд простого посланника. Приглашение Коленкура на интимный императорский обед его шокировало, он уже знал о письмах графа Толстого и опасался в разговоре с императором, который любил затевать обеденные беседы и своими вопросами ставить в тяжелое положение собеседника, ссылок на эти письма. Но все обошлось, вот рассказ самого маркиза Коленкура: «Перед обедом император сказал мне: «Генерал, с удовольствием вас вижу здесь и спешу ввести вас в круг ваших прав и обязанностей. Мы беседуем после обеда… За обедом император говорил о том, с какой быстротой ваше величество путешествуете и ездите верхом; в Тильзите только он да я могли поспевать за вами. Затем зашла речь о князе Невшательском. Его величество сказал, что он принадлежит к числу людей, внушающих ему наибольшее уважение. Он спросил меня, велико ли было производство по армии вашего величества, и добавил, что слышал, будто ваше величество отказались от белого цвета для пехоты, что лично он стоит за синий и предпочитает его потому, что в синем французская армия совершила столь славные дела».

Маркиз Коленкур подробно описал и послеобеденный разговор с императором:

– До получения документов, которые идут из Франции, у нас не будет серьезного разговора, господин маркиз, – сказал император Александр входящему в кабинет Коленкуру. Он взял маркиза за руку и посадил его направо от себя. – Вы пользуетесь моим полным доверием. Я слышал, что сначала хотели послать ко

мне опытного дипломата графа Антуана Ла-Форе, побывавшего и генеральным консулом в Северо-Американских Соединенных Штатах, и посланником в Берлине, но тому, что император Франции послал в Россию именно вас, я очень порадовался, так что передайте Наполеону благодарность от меня.

– Если бы приехал граф Ла-Форе, то с ним остался бы генерал Савари.

– Нет, Ла-Форе совсем не годится. Я не мог бы с ним видеться вот так. А если бы вместе с ним остался генерал Савари, то это излишняя трудность. У двух лиц дела не могут идти успешно, ибо у каждого из них свой личный опыт и свой интерес. Мои намерения прямодушны, в моей привязанности к императору Наполеону нет задней мысли, я это доказал ему всеми моими поступками. Генерал Савари мог бы вам сказать, что все дела, о которых ему поручалось просить, он находил сделанными заранее. Мы сделали в октябре то, что должны были сделать в декабре. Генерал Савари, вероятно, уведомил императора, что я и Румянцев всегда предупреждали его желания в вопросе войны с Англией. Если бы мы оба не думали, что следует ждать сигнала императора Наполеона, я, может быть, объявил бы ее еще раньше. Что же касается шведов, мы уже приняли меры, как я говорил вам об этом вчера. Император говорил Толстому о Пруссии. Меня это огорчило. Савари, вероятно, скажет вам об этом. Никогда не было и речи о том, чтобы она расплачивалась за турецкие дела. Император Наполеон сам завел в Тильзите разговор о Валахии и Молдавии, равно как и о другой части Турции. Он сам определил свою долю. Благодаря низложению султана Селима он считал себя вполне свободным от обязательств. Верьте, что не было сказано ни одного слова, которое могло бы заставить подумать, что бедная Пруссия должна будет сыграть роль вознаграждения в этой сделке, которую вызвали не столько интересы России, сколько беспорядки в упомянутых провинциях. Генерал Савари мог сказать, насколько подобная сделка не отвечает моим чувствам и что я, действительно, не могу согласиться на дележ остатков владений несчастного короля, про которого император возвестил Европе и Франции, что он возвращает ему владения из уважения ко мне. По законам чести он остается моим союзником до тех пор, пока не будет восстановлен во владении тем, что предоставлено ему мирным договором.

– Ваше величество, государь, – ответил маркиз Коленкур, – император Наполеон питает к вам такое же чувство привязанности, все его мысли направлены к интересам и славе вашего величества. Вы могли найти новые доказательства этому в том, что он говорил графу Толстому, если только граф дал

вашему величеству верный отчет. Вы не можете сомневаться относительно его истинных намерений, ибо самое большее, чего может желать император, – это точное исполнение Тильзитского договора. Он впервые отделяет свое дело от дел одного из своих исконных союзников. Он делает это ради вашего величества, ибо всеми доводами, приводимыми вами в пользу Пруссии, мой повелитель мог бы с таким же правом воспользоваться в пользу Турции. По вопросам чести, которым, по-видимому, ваше величество придает такую цену, положение обоих государств во всех отношениях одинаково. Повторяю вашему величеству, что в этом случае император Наполеон более думал об интересах вашего величества, чем о своих собственных. Прошу, ваше величество, обратить особое внимание на это замечание… Позволите ли вы мне, ваше величество, вернуться к одному из вопросов настоящего разговора?

Император с удовольствием согласился.

– Мне хотелось, государь, – продолжил Коленкур, – познакомить вас с истинными намерениями моего повелителя, с этого я и начал. Теперь я должен сказать относительно его интересов. Компенсации в Турции, о которых говорит ваше величество, нужно еще завоевать, тогда как вы, ваше величество, нарушив Тильзитский договор и обусловленное им перемирие, уже взяли себе свою долю. Нам нужно сражаться, чтобы завоевать свою долю, и опять-таки сражаться, чтобы сохранить ее. В этих провинциях нет никакой торговли и ни одной из тех выгод, какие приобретет ваше величество. Если вам угодно будет вполне беспристрастно взвесить условия, в которых находится то и другое государство, вы не будете более сомневаться, что положение Франции относительно Турции было бы то же самое, что и положение России относительно Пруссии, если бы добрые чувства императора Наполеона к императору Александру не склоняли весов в вашу сторону.

– Это возможно, – сказал император. – Вы хорошо изображаете дело. А я все-таки ссылаюсь на то, что мне говорил император Наполеон. Я шел навстречу всем его желаниям. Его интересы лежали в основе моего поведения. Я оставил в стороне мои собственные, ибо до сих пор не имею никаких известий о моем флоте. Я жду, чтобы на деле сказалась та истинная дружба, в которой он дал мне слово; доказательства моей дружбы он уже имеет. Я лично нисколько не сомневаюсь в намерениях императора, но здесь, у нас, нужно что-нибудь такое, что доказало бы нации и армии, что наш союз существует не только ради вашей выгоды. Он сам назначил нашу и свою долю – и что-нибудь дать Австрии, чтобы удовлетворить скорее ее самолюбие,

чем честолюбие, – таковы были его намерения. Они не должны измениться, ибо с тех пор я шел навстречу всему, чего он мог желать. Что же касается завоеваний, которые ему предстоит сделать, мои войска будут готовы, если он вернется к своим первоначальным намерениям. Турки первые нарушили перемирие. Следовательно, если бы я не относился добросовестно к императору, у меня был бы предлог порвать с ними, не нанося ущерба Тильзитскому договору.

– Сделки, о которых говорит ваше величество, как мне кажется, входят в круг тех сделок, переговоры о которых вы и мой император отложили до личного свидания. Если турки и обошлись дурно с некоторыми валахами, так ведь они пока еще их подданные. И Пруссия, в свою очередь, не всегда соблюдала меру и была внимательна, хотя это и требовалось от нее мирным положением; но такие пустяки, которые относятся скорее к ведению полиции, чем политики, не могут иметь влияния на громадные интересы, связывающие нас.

– Я отправил инструкции Толстому, как вы могли это видеть из моего разговора с генералом Савари. Император, вероятно, пришлет вам инструкции, составленные на основании депеш, идущих из Парижа. Мы часто будем беседовать и поймем друг друга. Нам следует обдумать, что делать весной, если англичане будут угрожать нашим берегам. Моя армия уже укомплектована и может действовать либо против англичан, либо против шведов.

– Император, наверное, всеми своими силами поможет вашему величеству, и в нужную минуту французская и датская армии будут в готовности вступить в Сканию (Южная провинция Швеции. – *В. П.*), если это потребуется для поддержки операций вашего величества (Донесение от 23 декабря 1807 г. / *Вандаль*. Т. 1. С. 206–211).

Маркиз Коленкур быстро покорил придворный мир Петербурга. На одном из торжественных приемов дипломатического корпуса граф Румянцев увидел, как французский посол Коленкур смело опередил австрийского посла, которому в течение целого века принадлежало старшинство и который обычно выступал первым на приемах.

Маркиз Коленкур бывал не только на приемах и балах, Александр Павлович приглашал его и на парады, военные учения, на разговоры с популярными генералами. В беседах с Коленкуром император Александр рассказывал о своей семейной жизни, о страстях, которые не покидают его, выспрашивал о жизни Наполеона, о его увлечениях.

В первых числах января 1808 года Петр Толстой сообщил графу Румянцеву, что Наполеон, возвратясь из Италии, не

отдыхая ни минуты, заперся в Тюильри с Талейраном и совещался с ним пять часов. Талейран, князь Беневентский, как вице-кардинал, и в это время консультировал Наполеона по внешним отношениям и связям. До Румянцева доходили донесения, а порой и слухи, что Наполеон размышлял над двумя проектами: один реальный, это раздел Турции, второй романтический – экспедиция в Восточную Индию. Но повлиять на Наполеона никто не мог, неуклонный и неукротимый характер его известен.

Вскоре из Франции Коленкуру поступило следующее указание: «Существующее положение отвечает намерениям императора; ничто не вынуждает желать его изменения; стало быть, не следует ускорять принятие петербургским кабинетом определенных решений, тем более если есть основание думать, что они не будут соответствовать намерениям императора. Особенно это применимо к разделу Турецкой империи в Европе, т. е. тому самому делу, которое император желает отсрочить, так как, при настоящих условиях, оно не может состояться с выгодой для него. Следовательно, вы должны постараться выиграть время, действуя настолько умело, чтобы эти отсрочки никоим образом не вызвали неудовольствия Русского двора; вы должны неустанно внушать ему, что главным предметом забот и усилий обоих императоров должна быть война с Англией и мир, к которому ее необходимо принудить».

22 января 1808 года император Наполеон принял австрийского посла князя Меттерниха и сразу, по словам князя, «обеими ногами прыгнул в турецкий вопрос». Меттерних ждал этого, но он еще не знал мнение своего императора и своего министра, а потому он только принял этот новый вызов императора Наполеона.

В эти дни в Лондоне открылась парламентская сессия. Прозвучавшие там речи лидеров страны вызвали бешенство и гнев императора Наполеона: в Лондоне не скрывали своих замыслов бороться с императором Франции. «Он принял брошенный ему вызов. Так как Англия хотела войны на жизнь и смерть, он поклялся уничтожить ее и потрясти весь мир, чтобы раздавить ее под его развалинами. Тогда и он, подобно Англии, принял свое решение, решил еще теснее сблизиться с Россией, разбудить эту громадную империю, открыть честолюбию Александра беспредельную будущность, и показать ему Константинополь как этап на пути в Индию» (*Вандаль*. Т. 1. С. 241).

Наполеон был растерян и разгневан от неудачи в Испании и уверенности Англии в том, что она способна противостоять

Франции на Средиземном море. Господство на Средиземном море – основа его многолетних размышлений.

2 февраля 1808 года император Наполеон продиктовал следующее письмо императору Александру:

«Мой брат, только что приехал генерал Савари. Я провел с ним целые часы, разговаривая о вашем величестве. Все, что он передал мне, очень тронуло меня, и я, не теряя времени, хочу поблагодарить вас за оказанные ему и моему посланнику милости.

Ваше величество прочтете о последних речах в английском парламенте и о его решении вести войну до последней крайности. Вот при каких условиях я пишу непосредственно Коленкуру. Если вашему величеству угодно будет поговорить с ним, он познакомит вас с моими взглядами. Только путем крупных, обширных мероприятий можем мы добиться мира и упрочить нашу систему. Увеличьте и усильте, ваше величество, вашу армию. Всякую помощь и содействие, какие я только буду в состоянии оказать вам, я окажу от чистого сердца. У меня нет ни малейшего чувства зависти к России, а лишь желание ей славы, благоденствия и увеличения ее территории. Позволите ли вы, ваше величество, высказать мнение человеку, который считает своим долгом питать к вам самую нежную и искреннюю преданность? Вашему величеству необходимо отодвинуть шведов от вашей столицы; расширьте ваши границы в ту сторону, насколько вам угодно; я готов всеми моими силами помочь вам в этом.

Армия в 50 000 человек, состоящая из русских, французов и, быть может, даже отчасти и из австрийцев, направленная через Константинополь в Азию, не успеет дойти до Евфрата, как приведет в трепет Англию и заставит ее преклониться пред континентом. Я имею возможность собрать армию в Далмации; вы, ваше величество, на Дунае. Через месяц после того, как мы условимся, они могут быть на берегах Босфора. Слух об этом разнесется по Индии, и Англия будет сломлена. Я не отказываюсь ни от какого предварительного условия, ведущего к достижению этой великой цели. Но следует привести в соответствие и уравновесить взаимные интересы обоих государств. Это может совершиться только при свидании с вашим величеством или после искренних бесед между Румянцевым и Коленкуром и после назначения сюда лица, преданного нашей политической системе. Толстой честный человек, но полон предрассудков и недоверия к Франции; он совсем не на высоте тильзитских событий и нового положения вещей, в которое поставила мир тесная дружба, существующая между вашим величеством и мной…

В этих немногих строках я изливаю вашему величеству всю мою душу. Дело Тильзита установит судьбы мира. Быть может, некоторая доля малодушия, как со стороны вашего величества, так и с моей, заставляла нас предпочитать более обеспеченное настоящее лучшему и более совершенному положению, которое может быть приобретено в будущем; но, так как Англия не хочет мира, признаем, что настало время великих перемен и событий» (*Вандаль*. С. 245–246).

Выстраивая свои далекоидущие планы, император Наполеон не предвидел одного – борьба с испанским народом, восставшим против французов, не входила в его расчеты. Поход в Португалию и Испанию – это была его самая крупная и самая роковая ошибка.

В первых числах февраля Наполеон приглашает на охоту русского посла Петра Толстого и во время перерыва высказывает ему почти дословно то, что только что написал императору Александру, но главное – он согласен на раздел в угоду императору Александру, но просит оставить ему Силезию в качестве компенсации.

«Он схватил обеими руками свою шляпу, – пишет Толстой, – и бросил ее на землю, а затем обратился ко мне со следующими словами, слишком замечательными, чтобы не передать их слово в слово: «Обратите внимание на мои слова, господин Толстой, к вам теперь обращается уже не император французов, а дивизионный генерал ведет разговор с другим дивизионным генералом. Пусть буду я последним из людей, если я не исполню добросовестно обязательства, подписанного в Тильзите, и если я не выведу войска из Пруссии и герцогства Варшавского в то время, когда вы будете уводить ваши войска из Молдавии и Валахии. Как вы можете сомневаться в этом? Я не сумасшедший и не ребенок, чтобы не знать, о чем я заключаю договор, а то, что я обязываюсь сделать, я исполняю всегда» (Толстой – Румянцеву, 6 февраля 1808 года. Архивы Петербурга).

Не раз Петр Толстой, разговаривая с императором Наполеоном, замечал, что он постоянно стремится к миру с Англией, но одновременно с этим Толстой знал, что не только сэр Каннинг, но и все английское министерство продолжает стоять за продолжение войны с Францией и Россией.

Наполеон в письме Коленкуру просил императора Александра назначить место и время встречи. Накопились вопросы, которые нужно лично обсудить.

Швеция по-прежнему отказывалась присоединиться к союзным империям. Грубый, дерзкий Густав IV остался на политической арене в одиночестве и, по словам агентов Франции и России, не готовился к войне, оставив Финляндию почти

совершенно беззащитной.

В начале января 1808 года на все предложения русского правительства о союзе против Англии был дерзкий отказ. Шведский посол в России граф Стедингк предупреждал короля Густава не только о предстоящих военных действиях со стороны России, но и о количестве русских войск и о планах атаковать крепости Свеаборг, Свартгольм и Гангуд. Финляндия слишком близко расположена к Петербургу, шведские короли не раз угрожали Петербургу, а поэтому русские хотят заключить новый договор, который мог бы обезопасить Петербург.

Русские войска 9 февраля 1808 года, вручив ноту графа Румянцева об открытии военных действий против Швеции шведскому послу графу Стедингку, тремя колоннами, не встречая нигде сопротивления, вошли в Шведскую Финляндию, заняв Гельсингфорс. Противостояли русским войскам 6 тысяч солдат под руководством генерала Клеркера, эти войска шведов не могли остановить могучее движение русских дивизий, которые заняли главную твердыню Финляндии – Свеаборг.

Швеция арестовала русского посла Алопеуса со всеми его подчиненными, что нарушало международное право. Император Александр в связи с этим нарушением 16 (28) марта 1808 года объявил Швеции войну. А покоренную Финляндию особым манифестом присоединил к Российской империи. На юге русские войска занимали Молдавию и Валахию.

Наполеон, получив отпор в Португалии и Испании, а предполагаемый удар по Англии через завоевание Индии откладывался на неопределенное время, решил, что пора лично обсудить положение дел в Европе с императором Александром, который согласился и назвал время и место: сентябрь, в Веймаре или Эрфурте.

Придворные в Петербурге обсуждали повестку дня встречи двух императоров. Обговаривались эти же вопросы и в Гатчине, и в Павловске. Вдовствующая императрица Мария Федоровна была в курсе всех дипломатических и военных проблем. Не раз собирался ее «штаб» в Павловске, где иной раз бывал и граф Николай Румянцев. И наконец Мария Федоровна написала собственноручное письмо к императору Александру:

«25 августа 1808 г.

Я встревожена и опечалена до глубины души, дорогой Александр, угнетена ужасной мыслью – видеть вас вредящим самому себе; поэтому нужно, чтобы я еще раз поговорила с вами; нужно еще раз, и уже письменно, оживить для вас воспоминание обо всем том, что я говорила вам в продолжение наших трех последних бесед. Я тщательно проверила самое себя, вопрошала

свою совесть; я хотела строго разобрать свои мысли, такие, какими я изложила их вам, я хотела, повторяю, убедиться, должна ли я набросать их письменно, чтобы они говорили вашему сердцу и остановили вас на краю бездны; и после строгого анализа я нашла, что в данном случае я даже должна выполнить мой последний долг в отношении вас. <…> Через неделю вы покинете нас, чтобы направиться в чужую страну на свидание с Бонапартом, и, при том, на свидание в крепости, находящейся еще под его владычеством и охраняемой его войсками. Рассмотрим, прежде всего, положение дел как у нас, так и за границей, затем, во-вторых, цель этого свидания, в-третьих – выбор времени для этого свидания, и, в заключение, в-четвертых, последствия этого свидания для вас, для государства, и опасности, которые вытекают из него для вас…»

И далее в нескольких пунктах императрица излагает свое видение внешней политики Наполеона, его целей, «пагубных последствий» возможного свидания двух императоров: «1. Общее положение дел за границей представляет в высшей степени грустную и поражающую картину. Европа подчинена велениям кровожадного тирана, управляющего ею с железным скипетром в руках. На континенте одна Австрия не является еще вассалом; за этим исключением все прочие государи, как созданные ими самими, так и те, которых Бонапарту угодно было сохранить, все – его наместники, его префекты; они – рабы под пурпуром…» и т. п.

Тут же последовало собственноручное письмо императора Александра I к императрице Марии Федоровне: «Ваше письмо, дорогая матушка, и предмет, о котором оно говорит, налагают на меня обязанность отвечать на него с доверием и откровенностью, на которые я чувствую себя способным. Его содержание слишком серьезно, слишком важно, чтобы я мог допустить в своем ответе другое чувство, чем то, которое обуславливается моими обязанностями в отношении к отечеству и занимаемым мною в нем положением. Поэтому исключительно лишь с этой точки зрения я и буду говорить об интересах России, интересах, которые были и постоянно останутся для меня более дорогими, чем все остальное в мире. Ее благосостояние составляло исключительный предмет моих забот: к этой-то единственной цели и клонились постоянно все мои действия. Чтобы внести больший порядок в то, что мне предстоит высказать, я в точности буду придерживаться того порядка, в котором изложено ваше письмо…» <…>

Последовательно, по пунктам, отвечая матери, император Александр подчеркивал заинтересованность России в мирных

отношениях со «страшным колосом», называет преимущества этого союза; о последствиях свидания говорит следующее: «4. Теперь мне остается ответить лишь на четвертый пункт – о последствиях свидания. Этот именно вопрос наиболее трудный, и я, конечно, не позволю себе высказываться о последствиях, которые могут быть известны одному Богу и которые нам едва позволено предвидеть. Я удовольствуюсь, сказав, что было бы преступно с моей стороны, если бы я приостановился осуществлением того, что считаю полезным для интересов империи, под влиянием разговоров, которые позволяют себе в обществе, без малейшего знания дела, не углубляясь в сущность обстоятельств, не желая даже узнать побудительных причин моего образа действий. Поступить иначе значило бы изменить своему долгу, чтобы погнаться за грустным преимуществом оказаться в согласии с этим «ч т о с к а ж у т?» данной минуты, столь же шатким, как и люди, порождающие его. В своем образе действий в области политики я могу следовать лишь указаниям своей совести, своего лучшего убеждения, никогда не покидающего меня желания быть полезным своему отечеству».

Часть шестая
Переговоры Александра I и Наполеона в Эрфурте

2 (14) сентября 1808 года Александр I выехал из Петербурга, направляясь на свидание с Наполеоном в Эрфурт. Его сопровождали великий князь Константин Павлович, обер-гофмаршал граф Николай Александрович Толстой, министр иностранных дел граф Николай Румянцев, генерал-адъютант князь Волконский, статс-секретари князь Александр Николаевич Голицын и Михаил Сперанский, французский посол маркиз Коленкур. Александр Павлович всю дорогу испытывал противоречивые чувства, то был в бодром настроении, постоянно подзывал к себе то Румянцева, то Александра Голицына, то подолгу разговаривал с Михаилом Сперанским, а то вспоминал суровое письмо своей матушки, которое лишь прибавило горечи к тому, что ему предстояло сделать в Эрфурте. В Эрфурте император России почти беззащитен. Если он будет сопротивляться требованиям Наполеона, то и он может оказаться в положении испанского короля Карла IV или его наследника Фердинанда. Ведь вся королевская семья в Испании была арестована и выслана кто в замок Валенсе, замок Талейрана, кто в Фонтенбло. Может, матушка права, советуя быть осторожнее с диктатором Наполеоном?

По дороге Александр I заехал в Кенигсберг, где обитала прусская королевская чета. Через два дня, переправляясь через Вислу, был приветствован французским маршалом Ланном, посланным Наполеоном встретить русского императора.

При императоре Наполеоне, прибывшем в Эрфурт 15 (27) сентября в 10 часов утра, тоже находилась представительная свита: Бертье, Талейран, министр иностранных дел Шампаньи, секретарь Гюг – Бернар Маре, герцог Бассано, русский посол граф Петр Толстой. Кроме того, в Эрфурт пожаловали великая княгиня Мария Павловна, короли Саксонский, Баварский, Вюртембергский и многие другие почетные гости.

Наполеон, в Андреевской ленте, верхом, в час пополудни отправился на встречу с императором Александром, который в экипаже выехал из Веймара, в ленте Почетного легиона. При виде экипажа с императором Наполеон сошел с коня и обнял вышедшего из экипажа императора Александра. Затем императоры верхом въехали в Эрфурт. «Обеды, вечера, балы, спектакли прерывались только совещаниями императоров и

министров их, облекавших предложения своих государей в обычные дипломатические формы» (*Богданович*. Т. 2. С. 375).

Граф Румянцев был хорошо осведомлен о недавних событиях в Португалии и Испании, он пришел к выводу, что успех эрфуртского свидания возможен только вследствие того, что Наполеона больше беспокоили испанские неудачи, из которых, оказалось, было трудно выпутаться.

Шампаньи в разговоре с Румянцевым сообщил, что император Наполеон утвердил конвенцию о выводе французских войск из прусских областей. По мере уплаты Пруссией долга в 140 миллионов франков Наполеон постепенно освободит крепости Глогау, Кюстрин и Штетин. Прусский король может содержать только 42 тысячи войска. Кроме того, Франция охотно бы приобрела полосу земли на берегу Адриатического моря – Триест. Но тут граф Румянцев напомнил Шампаньи, что Триест – это австрийская гавань, покушение на нее может взволновать не только Австрию, но и всю Европу, а это противоречит замыслам императоров. Граф Румянцев тут же, 17 (29) сентября 1808 года, в письме императору Александру сообщил об этом разговоре с Шампаньи (Архив Министерства иностранных дел России).

В ходе постоянных совещаний оба императора и министры иностранных дел Франции и России пришли к выводу, что мир лучше войны, а самый серьезный противник мира – это воюющая Великобритания.

Граф Румянцев и граф Шампаньи подготовили текст письма английскому королю, которое подписали императоры Наполеон и Александр:

«Государь! Настоящее положение Европы побудило нас собраться в Эрфурте. Прежде всего, мы имеем в виду, удовлетворяя желаниям и нуждам общим, неотлагательным примирением с Вашим Величеством, изыскать действительнейшее средство к прекращению бедствий, гнетущих все народы. Предмет нашего отзыва – изъявить Вашему Величеству искреннее желание мира.

Продолжительная и кровавая война, свирепствовавшая на материке, кончилась и уже не возобновится. Европа подверглась многим переменам; многие государства рушились. Причиною тому волнения и бедствия величайших держав, происшедшие от прекращения морской торговли. Но и впредь могут совершиться еще большие перемены, противные пользам Англии, и потому ее выгоды, столько же, сколько и выгоды прочих народов, требуют мира.

Мы согласились просить В.В., чтобы Вы, вняв мольбе человечества, заставили замолчать голос страстей, чтобы Вы

пожелали примирить все выгоды, обеспечить существование всех держав и упрочить благосостояние Европы» (12 октября 1808 года).

Эта депеша, подписанная двумя императорами 12 октября 1808 года, была отправлена с письмом графа Румянцева к статс-секретарю по иностранным делам Джорджу Каннингу: «Посылаю В.П. письмо императоров Российского и Французского к королю Английскому. Е.В. Российский Император надеется, что Англия оценит по надлежащему искренность и важность этого поступка. Он не припишет слабости того, что есть последствием искреннего союза двух величайших монархов материка, соединившихся на мир и войну».

Шампаньи, ссылаясь на слова Наполеона, предостерег Румянцева, что, пока не договорились с Англией, лучше всего отсрочить полное занятие Молдавии и Валахии, а Румянцев возражал, русские солдаты уже давно занимают эти княжества, и Англия ничего не имела против этого акта.

Как ни старались оба императора показать на людях, что их дружба в Эрфурте стала еще прочнее, самые внимательные наблюдатели заметили, что в их отношениях появилась трещина, политика императоров была различной, хотя они это и скрывали различным образом: «Выгоды их держав были несовместны между собою».

Лучше и тоньше других эту трещину почувствовал князь Талейран. Он втайне от французов принимал в переговорах активное участие. Талейран без всякого стеснения спросил императора Александра:

– Государь, для чего вы сюда приехали? Вы должны спасти Европу, а вы в этом преуспеете, только если будете сопротивляться Наполеону. Французский народ цивилизован, французский же государь нецивилизован: русский государь цивилизован, а русский народ нецивилизован; следовательно, русский государь должен быть союзником французского народа.

Император Александр был шокирован подобными признаниями доверенного лица Наполеона. Но то, что сказал Талейран, русский император в глубине души разделял. Состоялись несколько тайных заседаний, на которых Талейран почти признался, что захватническая политика Наполеона его не удовлетворяет, такая политика – это просчет, ошибка. Австрия третий год вооружается, испанский народ не приемлет диктата Наполеона, Англия давно ему противостоит. Осталась Россия… Сначала Александр Павлович с подозрением отнесся к признаниям Талейрана, но, глядя на Наполеона, с которым на следующее утро он вел переговоры, отбрасывал подозрения в

провокации: Наполеон и не подозревал, что за его спиной таилось предательство. Талейран утром разрабатывал текст соглашения, а вечером в разговоре с императором Александром уговаривал его не подписывать такие-то и такие-то пункты проекта.

Александр соглашался с Талейраном и не подписывал. Наполеон возмущался, а Талейран выражал удивление…

Исторические источники свидетельствуют, что Талейран в Эрфурте действовал как скрытый, но бесспорный враг своего повелителя, цель его – составить заговор против его планов.

А. Вандаль подробно описывает внутреннее состояние князя Талейрана, который в откровенной беседе с императором Александром признался, что он увидел в императоре Наполеоне трагическую фигуру, против него встанут Россия, Австрия, Великобритания. Изощренный ум Талейрана, его знание людей, их внутренней природы позволили ему почувствовать, что русский посол Толстой приехал в Париж помимо своей воли, он не терпит Наполеона. Талейран нашел пути сближения с ним. Талейран «ухаживает за Румянцевым, – продолжает размышлять А. Вандаль, – очаровывает его, внушает ему свои идеи, льстя тщеславию, которое составляет преобладающую слабость престарелого государственного человека (Вандаль преувеличивает «престарелость» графа, Румянцеву в это время исполнилось 54 года. – *В. П.*), и ослепляет его мечтой о великой роли, которую ему предназначено сыграть… Одним словом, с поразительным искусством и осторожностью Талейран работает над тем, чтобы соткать вокруг царя сеть интриг и незаметно завлечь его в свои сети. В Тильзите Наполеон победил Александра. Отчего же Талейран не может взять его в плен в Эрфурте?» (*Вандаль*. С. 427). Неудивительно теперь, почему император Александр так яростно противился всему тому, что выходило за пределы интересов Российской империи.

К этому времени Наполеон думал развестись с Жозефиной и жениться вновь, чтобы иметь наследника его безграничным интересам. Он попросил Талейрана узнать, может ли великая княжна Екатерина Павловна принять его руку и сердце и может ли Александр I согласиться на такой брак. Не откладывая в долгий ящик это поручение императора, Талейран вскоре заговорил с императором Александром о том, чтобы скрепить политическое родство более тесной связью – родственной. Александр Павлович тут же догадался, о чем идет речь, – Наполеон не раз говорил о разводе с женой.

– Среди политических друзей не раз совершались такие браки, которые укрепляли политический союз. Но власть моя

имеет пределы. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, моя матушка, глубокоуважаемая нами всеми, не вмешивается в мою политику, но и не одобряет ее. Нетрудно было бы мне получить согласие сестры моей на союз с Наполеоном, но едва ли можно склонить к тому вдовствующую императрицу. Это, господин Талейран, одна из труднейших задач Эрфурта.

Так оно и получилось.

На разрыв с Жозефиной Наполеон решился твердо. Министр полиции Фуше, не вдаваясь в подробности душевных переживаний Наполеона, через своих агентов распространил эту информацию по всему миру. Дошла эта информация и до России. Две русские принцессы были невестами, великая княжна Екатерина Павловна и великая княжна Анна Павловна. Жозеф де Местр в письме своему другу, говоря о старшей сестре, дает ей высшую характеристику: «Если бы я был художником, я послал бы вам только ее глаз; вы увидели бы, сколько ума и доброты вложила в него природа». Чуть ли не все ее знакомые давали ей высокие оценки, отмечали в ней ее сердце, очарование ее расцветающей молодости, решительный, властный характер, душевную стойкость. По всем данным, Екатерина должна была, по всем признакам ее внешности и характера, быть императрицей или королевой.

Слухи о разводе и предстоящем браке императора Наполеона витали в Зимнем дворце и во всех светских гостиных. Каждый говоривший об этом упоминал первоисточник этих слухов, и первоисточник не вызывал никаких сомнений. Коленкур не мог не передать об этом в Париж, в канцелярию императора Наполеона. «28 февраля 1808 года: «Великая княжна Катерина выходит замуж за императора, ибо учится танцовать французскую кадриль».

Когда эти, сделавшиеся всеобщим достоянием, слухи дошли до императора Александра и графа Румянцева, они были крайне удивлены и взволнованы. Ни малейшего намека ими не было получено из Тюильри. В Тильзите Наполеон ни словом не обмолвился ни о разводе, ни о браке. Коленкур также не получал приказания сделать какое-либо сообщение по этому поводу… Петр Толстой, узнав о такой перспективе для великой княжны Екатерины, пришел в священный ужас.

Опасность сватовства была только отсрочена на какое-то время. Вдовствующая императрица, узнав об этой отсрочке, упорно искала жениха для своей дочери. Император Александр всеми способами пытался задержать замужество великой княжны Екатерины, пытаясь противостоять желаниям матери, получившей от императора Павла завещание с наказом, что именно она

должна выдавать замуж своих дочерей.

Императрица-мать присматривалась к принцу Георгию Гольштейн-Ольденбургскому, который просился на службу в Россию. Принц был малопривлекательным молодым человеком. Но лучше он, худой и невзрачный, чем жестокий узурпатор Европы…

Император Александр прибыл в Эрфурт, когда рука и сердце его сестры Екатерины были свободны. Но при многочисленных разговорах император Наполеон даже не заводил разговор о своем разводе с Жозефиной и новой женитьбе. Что это – безмерная и безграничная гордость Наполеона, который не хотел ни в чем унизиться перед русским императором? А близким людям Наполеон говорил:

– Я не хочу просить императора Александра ни о чем. Мне хочется посмотреть, действительно ли он принадлежит к числу моих друзей, действительно ли близко принимает к сердцу счастье Франции, ибо, что касается меня, я люблю Жозефину; никогда не буду счастливее, чем теперь; это дело – тяжелая жертва для меня. Но этого требуют от меня моя семья и мои соратники. Мои братья не годятся в мои наследники. А у императора Александра есть сестры, вполне разумные и симпатичные. Почему бы ему не подумать об этом?

Естественно, нашлись люди, которые размышления Наполеона передали Александру Павловичу. Но император России ждал от Наполеона хоть намека об этом. Но и намека от императора Франции не последовало.

Разговор двух императоров состоялся, упомянуты были и две великие княжны Екатерина и Анна, но разговор был без каких-либо перспектив, смутный и пустой.

Через восемь дней после возвращения императора в Петербург и разговора с императрицей-матерью о браке Екатерины Павловны с принцем Евгением Ольденбургским было объявлено официально.

В Эрфурте оба императора встречались не только на парадах, маневрах, на обедах или на спектаклях; вечерние, а порой и ночные разговоры оставались тайными. Как-то Талейран спросил Коленкура, не заметил ли он признаков того, что император Александр остывает к императору Наполеону. Нет, сказал Коленкур, напротив, Александр по-прежнему восхищается Наполеоном, с нетерпением он ждет от него проект соглашения.

Первая деловая беседа двух императоров продолжалась много часов, они подвели итоги длительных переговоров своих министров, император Наполеон представил императору

Александру проект соглашения по всем вопросам. При этом Наполеон просил не показывать этот проект графу Румянцеву, а он не покажет его ни Талейрану, ни Шампаньи. Но русские секреты быстро распространялись в Эрфурте. На следующий день после того, как Наполеон секретно передал Александру проект соглашения, барон Карл Винцент, генерал-адъютант австрийского императора Франца, уже знал о том, что проект соглашения существует, и выспрашивал у Талейрана, не касаются ли некоторые параграфы австрийских интересов.

Спустя день Александр Павлович, встретив Талейрана, сказал:

– Я прочитал проект соглашения, переданного мне Наполеоном, сделал кое-какие замечания. В некоторых местах вы найдете свои собственные мысли. Я тоже кое-что добавил к проекту.

Вскоре оба императора больше трех часов обсуждали проект соглашения.

После обсуждения Наполеон вызвал Талейрана.

– Я ничего не достиг с императором Александром. Я обрабатывал его со всех сторон, но он оказался близорук, и я не подвинулся ни на шаг вперед, Александр не сделал никаких уступок.

– Ваше величество, – успокоил его Талейран, – мне кажется, что за ваше пребывание здесь вы уже многого достигли, так как император Александр совершенно поддался вашему обаянию.

– Он это только изображает, он актер, и вы им одурачены. Если он меня так любит, то почему он не дает своей подписи?

– Разве вы, ваше величество, не заметили, что в императоре Александре есть нечто рыцарственное? Вот почему чрезмерные предосторожности его оскорбляют, он считает, что его слова и его чувства к вам обязывают его гораздо больше, чем договоры. Это доказывают его письма, которые, ваше величество, вы мне показывали.

– Какой все это вздор, – сокрушенно сказал император Наполеон. – Знаете ли вы, почему никто со мной не действует честно? Да потому, что у меня нет потомства, и все считают, что французская корона лишь пожизненно на моей голове. В этом тайна всего, что вы здесь видите: меня боятся, и каждый выпутывается как умеет. Такое положение вещей плохо для всех, и когда-нибудь его придется исправить. Продолжайте встречаться с императором Александром. Я, может быть, обошелся с ним несколько резко во время нашего совещания, но я хочу с ним расстаться в добрых отношениях. В моем распоряжении есть еще несколько дней. Мы едем завтра в Веймар, и мне будет нетрудно

быть любезным в Йене, где в мою честь будет устроено празднество.

6 октября 1808 года Наполеон и Александр сели в экипаж и выехали в Веймар. На границе веймарских владений они были встречены герцогом Карлом-Августом Саксен-Веймарским со свитой лесников и охотников: после трудных переговоров полагался отдых – праздничная охота на оленей, ланей и косуль. Затем планировали устроить обед, концерт, спектакль и бал.

В последние дни пребывания французской и русской делегаций продолжались и финальные постановки театра французской комедии. Императоры французский и русский были на представлении спектакля «Эдип», и, когда была произнесена фраза: «Дружба великого человека является даром богов», император Александр встал, приблизился к Наполеону и крепко пожал ему руку, они крепко обнялись, давая понять присутствующим, что их дружба и объятия – это дар богов.

Эрфуртская конвенция была согласована и подписана 12 октября 1808 года императором Александром I и министром иностранных дел Николаем Румянцевым, с одной стороны, и императором Наполеоном и министром внешних сношений Жан-Батистом Шампаньи, с другой стороны.

Обе стороны подтверждают укрепление союза, заключенного ими в Тильзите, назначают уполномоченных для мирных переговоров с Англией, при этом Англия должна признать вхождение Финляндии, Валахии и Молдавии в состав Российской империи. Если Франция начнет войну с Австрией, то Россия будет участвовать в этой войне. Настоящая конвенция будет секретной в течение десяти лет.

Здесь же, в Эрфурте, Александр I принял отставку посла во Франции графа Петра Александровича Толстого и назначил на этот пост князя Александра Борисовича Куракина, занимавшего этот пост в Вене. Наполеон сократил на 20 миллионов франков долг Пруссии.

Граф Николай Румянцев с удовлетворением принял оба этих решения.

И по поручению императора Александра граф Румянцев отправился в Париж как уполномоченный России, чтобы следить за переговорами с Англией, а в случае ее согласия на мир император уполномочил Румянцева вести эти переговоры.

Граф Румянцев видел изъяны ситуации, в которой оказалась Россия. «Эрфурт многое обещал, – позже думал он. – На первых свиданиях с Наполеоном нам открывалась широкая дорога на Восток, Наполеон обещал раздел Турции, обещал нам

Константинополь, потом почему-то отказался от этой благословенной мысли, которую лелеяли и императрица Екатерина, и мой отец, фельдмаршал России. Эту мысль заронил Наполеон и в голову императора Александра, поверил и я. А сейчас мы оказались обманутыми гениальным Наполеоном. Теперь, когда волшебная картина скрылась окончательно, мы должны будем смириться с тем, что Эрфуртские договоренности нам реально дали. Разрушенная мечта о Константинополе канула в Лету, но, если не будет войны с Австрией, действительность все-таки прекрасна. Надо только закончить войны и с Швецией, и с Турецкой империей. Долой сомнения!»

После заседаний в Эрфурте и подписания 14 октября 1808 года Эрфуртского договора, два императора на дороге, ведущей в Веймар, крепко обнялись и расцеловались, пожелав друг другу удачи. Это была их последняя встреча.

19 октября Наполеон прибыл в Париж.

Приехавший в Париж почти сразу после Наполеона граф Румянцев был милостиво принят не только министрами двора, среди которых были Шампаньи, Савари, Талейран, но и всем придворным и аристократическим обществом. Вручил Наполеону верительные грамоты на исполнение обязанностей посла до прибытия князя Куракина и своих собственных как министра иностранных дел. Наполеон при присутствии всех должностных лиц неожиданно заявил:

– Господа! Позвольте мне представить вам графа Румянцева. Он уже бывал в Париже, покорил своим умом и знаниями не только государственных людей, но и светское общество. Граф Румянцев явился к нам сразу в двух лицах. В Тильзите и в Эрфурте мы много беседовали. Император Александр считает графа Румянцева очень деятельным сотрудником, который в русском правительстве занимается не только дипломатией, но ведет и коммерческое министерство. Император Александр высоко ценит талант графа Румянцева как государственного человека, наиболее близкого императору по мыслям. Всю Эрфуртскую программу граф Румянцев разработал вместе с моими министрами Шампаньи и Талераном и убедил нас в ее необходимости. У графа Румянцева в Париже обширная программа, он не только посол и министр, но и поклонник литературы и искусства. Он не только участвует в переговорах с англичанами, но и собирает редкие книги, увлекается рукописями, особенно теми, в которых есть хоть малейшие указания на истоки Русского государства, русского языка, на взаимосвязь с другими славянскими языками. Граф Румянцев – крупный ученый, он – известный собиратель редкостей, которые

проливают свет на родословные князей и славных своих сородичей. Ни в чем граф Румянцев не должен испытывать неудобств. Любые музеи, любые библиотеки и книгохранилища должны выполнять его просьбы. У Румянцева страсть к книгам. Составьте ему, господа, библиотеку из наших редких сочинений. Мне хочется, чтобы ему понравилось в Париже…

Румянцеву были созданы в Париже роскошные условия. Действительно, в Париже он чувствовал себя как дома, в Петербурге. Ничто не отвлекало его от исполнения своих обязанностей, в министерстве иностранных дел Франции у него был свой кабинет, он готовил депеши в Петербург, в Лондон, в Вену, получал ответные письма. Однако Лондон не соглашался на переговоры, а континентальная блокада, установленная для всей Европы, особенно больно била по интересам России. Это граф Румянцев остро ощущал, как министр коммерции. В свободные часы он бывал в музеях, смотрел коллекции, отбирал книги, которые хотел бы приобрести, встречался с учеными.

Три месяца граф Румянцев прожил в Париже, ожидая ответа из Англии. Пришедший ответ не обрадовал: Англия отказалась вступать с Францией в какие-либо переговоры, а о заключении мира не могло быть и речи.

Вернувшись в Париж, Наполеон продумывал операцию против Австрии. Заключив в Эрфурте соглашение с императором Александром I, Наполеон предполагал объединить силы свои и русские в одну армию, которой он сам будет командовать. Но как поступит русский император? Этот тревожный вопрос долго волновал его душу. Его армия разбросана по разным странам. А чтобы победить Австрию, нужна мощная сила.

Николай Петрович неожиданно получил приглашение явиться к Наполеону.

– Ваше сиятельство, граф Румянцев! Я знаю, что Великобритания отказалась вести переговоры о заключении мира и срок вашего пребывания в Париже подошел к завершению. С Англией мы продолжим борьбу по-своему. Но Англия своими финансами поддержала алчную Австрию, которая вооружилась и думает о реванше после Пресбургского мирного договора. Я написал письмо императору Александру, в котором определил наши задачи, если Австрия начнет войну. Если Австрия начнет, то и Россия должна быть готова к войне, как Эрфурт решил.

На прощание Наполеон наградил графа Румянцева, как свидетельствуют источники, «милостями и подарками».

3 февраля 1809 года граф Румянцев отбыл из Парижа с письмом Наполеона Александру, в котором говорилось, в частности, что «никто, кроме графа Румянцева, по его талантам и

полнейшей осторожности, не был склонен осуществить все то, что мы предначертали для блага мира… Он передаст вам на словах весь наш разговор об Австрии».

Граф Румянцев поехал к Кенигсбергу, минуя Карлсруэ и Веймар, но в Мариенвердере получил письмо Александра I от 17 февраля 1809 года, в котором император сообщал, что его мнение о нападении Наполеона на Австрию нуждается еще в обсуждении. Александр I согласен, что в Эрфурте Франция и Россия договорились действовать сообща, но и Австрии нужно путем договоров внушить мысль, что пора бы ей сообща действовать вместе с Францией и Россией.

Граф Румянцев был в некоей растерянности: только что он слышал от Наполеона о необходимости нападения на Австрию, тот раскрыл кое-какие планы этого нападения, а российский император предупреждает графа Румянцева, что не одобряет таковых намерений французского императора, необходимо сначала переговорить с австрийским двором, согласовать общие договоренности, а потом уж переходить к активным действиям. И только граф Румянцев может провести эти переговоры.

Граф Румянцев тут же послал уведомление Наполеону о содержании письма Александра. Сейчас он находится у границ своего отечества, он далеко от Парижа, далеко и от Вены. Но он готов ехать в Вену, как только оба императора договорятся о совместной политике.

Граф Румянцев обедал у прусского короля в Кенигсберге, их разговоры касались Пруссии и Австрии, Николай Петрович дал краткую информацию о разговорах с Наполеоном, о переписке между двумя императорами, а на прощание прусский король вручил графу Румянцеву орден Черного орла с бриллиантами.

В Петербург граф Румянцев прибыл в середине марта 1809 года. Сразу включился в переговоры с Александром, который был озабочен только войной со Швецией. Из беседы с императором граф Румянцев узнал, что русский посол Давид Максимович Алопеус, финского происхождения, просидел три месяца в тюрьме в 1808 году, как только русские войска вступили в Финляндию, но потом был отпущен и вернулся в Петербург. Сейчас он готов вновь заниматься дипломатическими делами в Швеции, вести переговоры с Густавом IV на тех же основаниях: полный отказ от всей Финляндии, признание границ с Россией по реке Торнео и Ботническому заливу.

– Вам надлежит, ваше сиятельство, – сказал Александр I, – вместе с господином Алопеусом отправиться в Або и вступить в переговоры с министром иностранных дел Швеции господином Лагербьёлке о заключении мира. Ваш дед, Александр Иванович, в

1743 году тоже заключил мирный договор со Швецией, а ваш отец, Петр Александрович, привез императрице Елизавете Петровне извещение о мире. Вы помните об этом, граф?

– Не только об этом, ваше величество, но и о том, что мой отец заключил Кючук-Кайнарджийский мир с турками после своих славных побед… А теперь вновь Або и вновь Швеция. Я, ваше величество, мечтаю заключить этот договор со Швецией в надежде, что это будет последний мирный договор, а после начнется радостная пора нашего расцвета.

– Не думаю, что такая пора наступит, пока существует император Наполеон.

Но переговоры отложились из-за того, что короля Густава IV отстранили от престола со всем потомством, его место занял дядя Карл XIII, герцог Зюдерманландский, который тут же прислал в Петербург своего адъютанта, сообщившего о смене власти в Швеции, о своем вступлении на престол и надежде на заключение мира.

Часть седьмая
Накануне Отечественной войны 1812 года

1. Фридрихсгамский мир

Император Александр, вернувшись после острых схваток с Наполеоном в Эрфурте, не раз вспоминал его первоначальные слова о том, что русские в ходе войны с Турцией вполне могли бы занять Константинополь и Дарданеллы и стать полновластными хозяевами торговли с Востоком. Граф Румянцев не раз говорил императору, что Коленкур повторял и повторял, что раздел Турции может быть именно таков, это подлинные слова Наполеона. Румянцев не скрывал своей радости, ведь об этом захвате Константинополя напоминала ему всемилостивейшая Екатерина, об этом мечтал его отец, фельдмаршал Румянцев. Блестящая перспектива удачного завершения войны с Турцией! Но потом оказалось, как передал Коленкур слова Наполеона, что эта доля после раздела Турции слишком велика, речь может идти только о княжествах Молдавия и Валахия.

При всей проявляемой внешне любезности у русских в конце концов возникло недоверие к Наполеону: «каждое слово императора принимало в их глазах подозрительный смысл и заключало в себе западню» (*Вандаль*. Т. 1. С. 482). В дурное расположение духа приводила Румянцева, а затем и императора Александра, отсрочка расширения границ России за счет присоединения Молдавии и Валахии.

В Петербурге император Александр крайне удивился, изучив военные донесения, гласившие, что поход в Швецию по каким-то причинам замедлился, а в сентябре генерал Буксгевден, имея превосходство над противником, принял предложение шведского командования о перемирии.

Император Александр действия генерала Буксгевдена назвал непростительной ошибкой.

В ходе начавшихся после перемирия боев генералы Тучков и Каменский начали успешное наступление, после которого шведские войска, теряя убитых и раненых, отошли на большое расстояние.

Русские войска потеряли до 700 человек, в том числе погиб и начальник авангарда генерал-адъютант князь Долгоруков, за отважные действия награжденный орденом Святого Александра Невского и возведенный в чин генерал-лейтенанта. Генерал Н. Каменский, зная, что неприятельские войска страдают от голода

и усталости, болезней и дезертирства, во время очередного перемирия предложил шведским войскам отойти за реку Кемь.

Граф Каменский за овладение Финляндией получил орден Святого Георгия 2-й степени, а генерал Тучков 1-й – орден Святого Александра Невского.

Главнокомандующим стал 63-летний генерал Богдан Федорович Кнорринг, как вскоре выяснилось, это был наихудший вариант назначения. Александр I назначил его главнокомандующим по старшинству. В феврале 1809 года Александр писал Кнорингу: «Я с удивлением узнал, что вы лишь собираете войска, чтобы приготовить их к наступлению… Я привык к тому, чтобы мои распоряжения точно выполнялись, и не люблю их повторять. Надеюсь, что это последний раз, когда вы вынуждаете меня это сделать» (*Михайловский-Данилевский А.И.* Описание финляндской войны. 1808–1809). Кнорринг тут же ответил императору, что он опасается, что шведские войска встретят его на шведском берегу и разобьют. Тогда император Александр поручил военному министру Аракчееву поехать к войскам и организовать наступления. В Або, где был главный штаб наших войск, царила «атмосфера отчаяния».

Вслед за тремя корпусами, отправившимися по Ботническому заливу на шведский берег, последовали Аракчеев, Кнорринг и Алопеус, бывший русский посланник в Швеции, на случай, если начнутся переговоры со шведами.

Конечно, переход был трудным. Молодой офицер из корпуса Барклая оставил воспоминания: «Лишь ступив на лед, мы столкнулись с трудностями, которые представились бы непреодолимыми всякому, кроме русского солдата. Из-за свирепого ветра, который дул всю зиму, толстый лед Кваркена был неровным и громоздился огромными грудами, похожими на огромные скалы. Они стояли повсюду, то и дело возникая на нашем пути. Издалека у этих гор был очень необычный вид. Казалось, это были морские волны, внезапно скованные льдом. С каждым шагом идти было все труднее. Иногда нам приходилось карабкаться на ледяные глыбы, иногда отодвигать их или выбираться из глубокого снега. С солдат ручьями лился пот, в то время как от пронизывающего до костей резкого ветра перехватывало дух. Вдобавок мы боялись, что, если ветер превратится в ураган, он будет разбивать лед. Все вокруг представляло ужасное зрелище разрушения» (*Булгарин Ф.* Библиотека для чтения. 1848. № 5).

4 марта 1809 года Багратион достиг Аландских островов, где его встретила шведская делегация, просившая о перемирии.

Император Александр, завоевав Финляндию, решил принять

участие в работе финского сейма, чтобы огласить льготы и послабления: отменены таможенные и акцизные сборы с сельской продукции, люди освобождались от чрезвычайной подати в уплату шведского государственного долга и пр. и пр.

13 марта 1809 года Александр I в сопровождении графа Румянцева, князя А.Н. Голицына, М.М. Сперанского приехал в Финляндию, в Борго, чтобы произнести приветственную речь в сейме. Граф Румянцев не советовал императору произносить эту речь, но другие советники поддержали императора. Князь Александр Николаевич Голицын, участник детских игр великих князей Александра и Константина, который славился при дворе Екатерины II как «остроумный и ловкий кавалер», при Павле I был выслан из Петербурга, а при Александре I становится обер-прокурором Святейшего синода. Он, напротив, согласился с императором Александром I, что надо выступить в сейме. Михаил Михайлович Сперанский, ближайший советник императора и автор многих предложенных либеральных реформ, тоже посоветовал императору выступить.

И 16 марта Александр I произнес эту приветственную речь, полную либеральных обещаний о свободе, о конституции, о независимой торговле, о свободе личности:

– Призванный Промыслом управлять добрым, честным народом, я пожелал соединить вокруг себя его представителей.

Я пожелал вас видеть затем, чтобы дать вам новое доказательство моих намерений, клонящихся ко благу вашего отечества. Я обещал сохранить ненарушимо вашу конституцию, ваши основные законы. Ваше собрание служит залогом моего обещания…

19 июля 1809 года в финском городе Фридрихсгаме под руководством графа Румянцева начались переговоры со Швецией, союзницей Великобритании: со шведской стороны присутствовали крупный политический деятель Стединг и полковник Шёльдсбрант, Россию представлял еще и посол Алопеус.

По разным причинам заседания конгресса начались только 4 августа 1809 года. Сначала шведы были непреклонны, но фельдмаршал Каменский со своими войсками занял два крупных местечка, Севар и Ратан. Шведы поняли, что надо быть уступчивее.

Граф Румянцев, руководитель русской делегации, 5 (17) августа 1809 года писал Барклаю де Толли, чтобы он усилил действия своих войск против шведов и доказал, что у них нет никаких надежд на благополучный исход переговоров. И действительно, граф Каменский, умело руководя своими

полками, приостановил движение шведов к Умео, воспользовался неспособностью шведского генерала Вахтмейстера руководить своими войсками, атаковал его, заставил шведов отступать и в спешке садиться на суда и отплыть.

Подводя итоги, граф Н. Каменский писал: «Не могу довольно нахвалиться усердием, храбростью и неутомимостью всех чинов.

Из одного боя войска поспешали к другому, с поля сражения делали тотчас форсированные марши, после форсированных маршей вступали опять в бой, с тою же бодростью духа и непоколебимою храбростью, которые всегда знаменовали их».

21 августа (2 сентября) 1809 года было подписано заключение о перемирии, основным условием которого для нас было свободное плавание невооруженных судов по Ботническому заливу, то есть из Финляндии могли поступать на шведский берег продукты питания и вооружения.

Перемирие не входило в планы графа Румянцева, он предупредил Петербург, что перемирие задерживает ход переговоров со шведскими уполномоченными. Но Барклай де Толли писал императору, что Каменский вывел свой корпус из затруднительного положения: «Счастливо войско, имеющее предводителем столь искусного, деятельного и храброго генерала». Александр ответил Барклаю, что он признает вполне основательными распоряжения Каменского, достойными всякой похвалы и обличающими в нем искуснейшего генерала. В награду генералу Каменскому вручили алмазные знаки ордена Святого Александра Невского.

Вскоре после этих событий генерал Кнорринг передал командование войсками генералу Барклаю де Толли.

О событиях тех дней сообщает историк М. Богданович: «29 августа (10 сентября) уполномоченные собрались у барона Стединга, по приглашению графа Румянцева, который официально объявил шведским дипломатам, что император Александр, в изъявление своего благорасположения к их правительству, согласен постановить границею реку Торнео, но что он разрешил эту уступку только в случае неотлагательного заключения мира. Уполномоченные Швеции, изъявив свою признательность, дали слово подписать мирный договор не позже как через неделю. На следующий день полковник Шёльдебранд, со всеми офицерами, состоявшими при шведской миссии, в полной парадной форме, принес поздравления графу Румянцеву по случаю тезоименитства императора Александра. За обедом у нашего министра шведские офицеры, встав со своих мест, пили за здоровье Государя… Карелия и южное прибрежье Финского залива, некогда принадлежавшие великому Новгороду, были

впоследствии завоеваны шведами. Ежели они овладели страною финнов по праву сильного, то почему же русские не могли воспользоваться правом сильнейшего? Наша собственная безопасность того требовала. Разве шведы были спокойными соседями, разве пушечные выстрелы, которыми посчитались мы с ними у Красной Горки, не встревожили Петербурга? Завоевание Финляндии было столько же необходимо, сколько и неизбежно. Оно, покрыв славою русских вождей, Барклая де Толли, князя Багратиона, графа Каменского, Кульнева, приуготовило их и войска, подвизавшиеся под их начальством, на страшную борьбу за наши кровы, за гробы предков, за колыбели детей наших, во славу Александра Благословенного» (*Богданович*. Т. 2. С. 432–434).

5 (17) сентября 1809 года был подписан мирный договор, по которому Швеция заключила мир с Францией и Данией, воспретила англичанам входить в свои гавани, приняла континентальную систему с некоторыми ограничениями, шведское правительство уступило России Финляндию и Аландские острова.

8 (20) сентября 1809 года Петропавловская крепость пушечными выстрелами приветствовала вместе с населением Санкт-Петербурга заключение Фридрихсгамского мира.

2. Война Австрии против Франции

После заседаний в Эрфурте австрийский канцлер Штадион принял барона Винсена, который добросовестно, во всех подробностях рассказал об Эрфуртских заседаниях и о подписанном Францией договоре с Россией. О войне Наполеона с Австрией не сказано ни слова, известна только забота Наполеона: Австрия вооружается.

– Если война не входит в расчеты Наполеона, – задумчиво сказал австрийский канцлер, – то она должна входить в наши.

Недавно приступивший к своим обязанностям чрезвычайный посол России князь Куракин уже послал императору Александру первые свои размышления о положении Франции в современном мире. Император Наполеон вместе с ним отправил императору Александру письмо, в котором изложил свою позицию по австрийскому вопросу. Обстановка в мире накалялась. Князь Куракин, исполнявший должность посла в Вене с 1806 года, был опытным дипломатом и, предчувствуя накаленность обстановки, три одно за другим послал письма императору Александру:

«Париж, 7/19 Марта, 1809 г. Через консула Лабенского.

Государь!

Вернувшись третьего дня из поездки в Рамбулье, куда по милостивому приглашению Е. В-ва Императора и Короля, я сопровождал его и где я провел четыре дня в обществе этого монарха, поставляю себе в обязанность, Государь, отдать Вам верный отчет во всех обстоятельствах этого путешествия, которые кажутся мне достойными внимания В-го И-го В-ва. Я обязан довести до Вашего сведения лестные знаки внимания, которыми был осыпан Ваш представитель.

Удостоенный Императором Наполеоном чести видеть его запросто в течение нескольких дней, слышать выражение его мыслей о всевозможных предметах, следить вблизи за всеми подробностями его частной жизни, считаю долгом подвергнуть усмотрению В. В-ва подробности, которые должны приобрести особенный интерес в глазах Ваших, вследствие Ваших искренних связей с этим великим монархом и Вашей к нему привязанности. <…>

Он говорил мне о вооружениях Австрии, о приказаниях, которые он был вынужден дать, чтобы собрались и его войска. Он уверял меня однако же, что с его стороны не будет нападения, что он хочет выжидать и видеть, что сделает Австрия. Он настаивал на том, что он не хочет войны; что он только живо желает, чтобы Австрия перестала тревожить его мерами, указывающими на намерения, несогласные с его видами; что Австрии лучше всего принять двойную гарантию России и Франции, о которой он говорил с графом Румянцевым. <…>

Император несколько раз говорил со мною о Вас. Все, что он сказал мне об этом предмете, носило отпечаток тех чувств привязанности и уважения, которые он к Вам питает. Он с видимым удовольствием рассказал мне, что он в Веймаре внушил В-му В-ву вкус к охоте и что он заметил ловкость, выказанную Вами в этом новом для Вас упражнении. <…>

Тогда я сказал ему о том, что только что сообщили мне о мире Порты с Англией, и о мерах, внушаемых этой державой Султану. Они, по-видимому, произвели малое впечатление на Императора; но когда я заговорил о моем убеждении в том, что при этих обстоятельствах не может уже состояться конгресс в Яссах, он ничего не сказал, как бы избегая ясного и положительного ответа. Но он опять заговорил со мной об австрийских делах. Я позволил себе заметить ему, что со стороны Австрии было бы полнейшим безумием желать войны; что ее средства не могли бы позволить ей поддержать оную долее чем в течение одной кампании; что мне все еще кажется, что с нею следует говорить в точных и категорических выражениях; что это единственное средство, чтобы узнать в скорости ее истинные

намерения или заставить ее принять условия, которые захотели бы на нее возложить для сохранения мира. «Да, – отвечал он, – это правда, но на этих немцев, которые в сущности хорошие люди, нельзя действовать учтивостью и вниманиями: пока их не отколотишь, они ничего не возьмут в толк…» (РА. 1870. № 1. С. 22–31).

«Париж, 12/24 марта, 1809 г. С полковником Горголи.

Государь!

Я живо огорчен причиною, ускоряющей возвращение полковника Горголи. Надежда, которую я еще питал на возможность предотвратить роковой взрыв, долженствующий произвести новую волну на Европейском материке, совершенно рассеялась. В. И. В-во посудите об этом по нижеследующему подробному отчету о двух разговорах, которые я имел вчера с Императором и его министром иностранных дел.

Я отправился вчера в четыре часа пополудни к г. Шампаньи, по настоятельному, собственноручному приглашению, от него полученному. Он с самого начала сказал мне, что Австрия подняла щит, что она сделала это самым недвусмысленным образом и что Император приказал ему известить меня о неслыханной дерзости и нарушении международного права, совершенным Австрией; что французский офицер, возвращающийся из Вены в Париж, был задержан на границе в Браунау; что у него отняли пакеты, порученные ему французским поверенным Доденом и что, несмотря на печать посольства, с императорским гербом, которою были запечатаны эти пакеты, их вскрыли, разрывая конверты в его присутствии, вопреки всем его протестам. Шампаньи затем изложил мне все подробности этого столь удивительного и беззаконного события. В подтверждение приведенных им подробностей, он сообщил мне оригинальные донесения, только что полученные им с эстафетой из Мюнхена от г. Отто, французского поверенного, и от самого офицера, подвергнувшегося этой неприятности, и так как он имел обязанность прислать мне копии с этих двух донесений, то спешу повергнуть их при сем на усмотрение Вашего Императорского Величества. Вы увидите в них все подробности этого несчастного события, которого оправдать невозможно, ибо оно во всяком случае доказывает непростительную дерзость и глупость австрийских чиновников, даже если бы Венский двор не имел в нем прямого участия и нельзя было бы предположить, что оно совершилось с его ведома и по его приказаниям.

Этот офицер не кто иной, как авантюрист Черлук, о котором уже, должно быть, была речь в предыдущих моих депешах В. И. В-ву, – тот же самый, который жил в Вене на счет танцовщицы

Нёвиль, о котором генерал Андреосси говорил мне, что он негодяй, которого он никогда не хотел принимать и даже выгнал от себя, но который, однако же, после моего отъезда сумел снискать покровительство французского посольства. Находясь под надзором полиции, он давно должен был быть выслан из Вены, и вероятно, что в следствии такого приказания он и пустился в путь, удаляясь из этой столицы и из Австрийских владений. <…>

Г. Шампаньи возразил мне, что Император возмущен поведением Австрии, что она слишком открыто вызывает его. <…>

[Император] спросил меня, когда я намерен отправить Гарголи. Я ответил, что это будет завтра, если он сочтет нужным поручить ему ответ на собственноручное письмо В. И. В-ва, которое он имел честь ему вручить. – «Да, конечно, этот ответ будет ему доставлен завтра вечером; но я желал бы, чтобы вы отдали императору Александру отчет о мерзости, совершенной австрийцами. Это поступок отвратительный и беспримерный между образованными народами. Оскорбив французского офицера и не уважив печати с моим гербом, ему порученной, они нанесли мне кровное оскорбление, за которое я сумею отомстить. Это оскорбление относится ко всей французской нации, которая состоит из 30 миллионов людей, и между ними нет ни одного, который не чувствовал этого оскорбления и не желал бы мести. Если Австрия не хочет войны, она должна дать мне блистательное удовлетворение. Это удовлетворение может дать мне только кровь; головы виновных, тех, которые совершили преступление, должны пасть. Это единственное удовлетворение, которое могу я принять. Если мне будет в нем отказано, я сумею постоять за честь моей нации и за самого себя; это будет война на жизнь и на смерть: французская монархия или монархия австрийская должна погибнуть. Австрия может иметь успехи, но они будут лишь временные. Отвечаю вам за то, что принятые мною меры предотвратят их и во всяком случае не дадут им продлиться. Это подлая нация, – я ее знаю. Я был намерен оставаться на месте, но теперь мне нужно ехать; моя гвардия и мои лошади в пути с нынешнего утра. Я надеялся, что смогу избежать этой войны. Я основывал мои надежды на заботах русского Императора, но теперь уже прошло время соглашений…» (Там же. С. 38–44).

«Париж, 12/24 марта 1809, с полковником Горголи.

Государь!

Повидавшись нынче утром с графом Меттернихом, я передал ему все то, что велел мне сказать ему Император. Посланник донесет об этом своему Двору; но он того мнения, что Двор этот

никогда не согласится наказать смертью чиновников, участвовавших в Браунауском событии. Вчера он заметил министру иностранных дел, во время конференции, которую он имел с ним, что Черлук не был послан курьером и, следовательно, не находился под защитой международного права, что всякий путешественник в Австрии, как и в других странах, подлежит осмотру на границе и общеизвестному, безусловному запрещению возить с собою письма; что он не мог быть изъят из этого правила, не будучи снабжен курьерским паспортом; что он сверх того перед тем навлек на себя подозрения и был выгнан из Вены полицией, вследствие чего он весьма естественно подвергся более строгому осмотру, чем прочие путешественники <…>» (Там же, с. 47–50).

Князь Куракин за несколько лет службы в Вене хорошо узнал и короля Франца, и всех его сыновей, занимавших высшие военные должности в австрийской армии. Еще в те годы князь Куракин знал их желание взять реванш в битве с Наполеоном.

Почти одновременно с этими письмами князя Куракина австрийские войска во главе с эрцгерцогом Карлом вторглись в Баварию, эрцгерцог Иоанн – в Ломбардию, эрцгерцог Фердинанд – в Галицию, вторглись без объявления войны в надежде застать Наполеона и Александра врасплох. Но не получилось. Наполеон давно готовился к этой войне, а Россия уже вела три войны – с Англией, Швецией и Турцией. На западной границе России формировалась еще одна армия в количестве 70 тысяч солдат и офицеров под руководством князя Сергея Федоровича Голицына – против Австрии.

События в этой войне разворачивались молниеносно: в середине апреля Наполеон узнал, что король Баварский бежал из Мюнхена, в этот же день Наполеон был в Донавуорте, где расположился штаб французской армии, повидал Бертье, Даву, Массена…

Изучив расположение неприятельских дивизий, Наполеон тут же разработал план действий своих корпусов и пообещал собравшимся, что через месяц они будут в Вене.

«Бурная активность и стремительный натиск» – так Наполеон определил стратегию военных операций против Австрии. Сражения при Абенсберге, Ландсхуте, Экмюле, Ратисбонне могут считаться классическими для войны против австрийцев.

Эти сражения разыгрывались примерно так же, как три года назад в Пруссии, только принесли больше кровавых жертв, тысячи трупов французов и австрийцев легли на этих полях сражений.

Императорская семья бежала из Вены. 13 мая 1809 года французы заняли столицу Австрии. 21 мая Наполеон с войсками перебрался через Дунай. Из Италии, Далмации подошли войска, и в распоряжении Наполеона 5 июля 1809 года было 150 тысяч солдат и офицеров и 600 пушек. У эрцгерцога Карла было 160 солдат и офицеров и немалое число пушек. 5 июля началось сражение на Ваграмском плато, последнее великое сражение Наполеона, в котором он полностью разгромил австрийскую армию под руководством эрцгерцога Карла. За героическое участие в битве при Ваграме маршальское звание получили Мармон, Макдональд и Удино.

15 (27) июля 1809 года граф Румянцев, узнав о беспорядках, происходивших в Галиции, писал Коленкуру: «Со времени Тильзитского мира сделаны были Россиею, для поддержания союза с Наполеоном, всевозможные пожертвования: прекращение морской торговли, уменьшение таможенных доходов, упадок цены бумажных денег, стеснение промышленности и торговых оборотов, объявление войны Швеции и Англии. Император Александр ничего более не желает, как пребыть верным союзу, продолжению коего угрожают смуты, возникшие в некоторых областях бывшей Польши. По тому необходимо определить жребий сего края конвенциею, которая упрочила бы союз и обеспечила бы России спокойное обладание губерниями, доставшимися ей от раздела Польши» (*Богданович*. Т. 2. С. 351).

При заключении Венского (Шенбруннского) мирного договора с Австрией 14 октября 1809 года Наполеон настоял на том, чтобы к Варшавскому герцогству была прибавлена часть Западной Галиции и город Краков, а Восточная досталась России. Граф Румянцев вновь написал Коленкуру письмо, в котором выразил удивление, что увеличение герцогства Варшавского, к которому присоединили до 2 миллионов новых жителей, может возбудить несбыточные надежды на восстановление Польского королевства, но такому, по мнению России, не бывать. Но в обмен мнениями, по приказу императора Наполеона, вмешался министр иностранных дел граф Шампаньи, отвечая графу Румянцеву, что «благодарность, первая добродетель монархов, и честь, первый закон их» воспрещали императору Наполеону оставить в руках австрийцев страну, единодушно против них восставшую. «Его величество, – писал Шампаньи графу Румянцеву 14 октября 1809 года, – соображая свои действия с видами своего союзника, императора Александра, присоединил Западную Галицию к Варшавскому герцогству, коим владеет король Саксонский, известный миролюбием и умеренностью характера. Император Наполеон не только не хочет возбуждать чуждой ему мысли о

восстановлении Польши, но готов содействовать императору Александру во всем, могущем изгладить о ней память и истребить имя Польши и поляков, не только во всех государственных бумагах, но даже в Истории, дабы положить конец мечтаниям, более вредным для самих поляков, нежели тревожным для правительств, которым они принадлежат» (Там же. С. 453–454).

В конвенции, подготовленной и подписанной 4 января 1810 года Коленкуром и Румянцевым в Петербурге, первая статья гласила: «Королевство Польша никогда не будет восстановлено». Но император Наполеон не ратифицировал эту конвенцию, предложив внести в текст уточнения, и 10 февраля 1810 года новая редакция была получена: «Император Наполеон обязывается не благоприятствовать какому бы то ни было предприятию, клонящемуся к восстановлению королевства Польши». Конвенцию в этой редакции уже российское правительство отказалось подписывать. Так начались накапливаться факты и фактики, свидетельствующие о разногласиях французского и русского правительства, о разногласиях Наполеона и Александра I.

Австрия, утратив по заключенному миру почти 4 миллиона подданных и значительную территорию, потеряла значение великой европейской державы, а могущество Наполеона возвысилось чрезвычайно. Одна лишь Россия противостояла неудержимому Наполеону в стремлении командовать всей Европой. Чуть ли не все государи и герцоги смотрели на Россию как защитницу их зависимости – и германские владетели, и защитники Тироля, и даже брат Наполеона, король Голландский Людовик, надеялся на Россию.

Вскоре наступил черед старых ганзейских городов Бремена, Гамбурга и Любека стать столицами французских департаментов.

«Я еще не довел до конца то, что мне предначертано Судьбой. Мне нужен европейский кодекс, мне нужен европейский кассационный суд, мне нужна единая валюта, единые меры весов, единые измерения, единые законы. Нужно из всех населяющих Европу народов создать один, единый, и сделать Париж столицей мира» – вот предел мечтаний Наполеона в это время» (*Кастело*. С. 272–273).

Властолюбие Наполеона достигло высшего предела, не знало границ, но сам он, видя раболепие окружающих, это скорее чувствовал, но всей глубины не осознавал.

3. Турецкая разноголосица

После Эрфуртской конференции император Александр дал

указание князю Прозоровскому, главнокомандующему русскими войсками на юге России, вести переговоры с верховным визирем Мустафой-Байрактаром без участия Франции на тех же основаниях, которые были определены ранее. Визирь тут же сообщил, что французы не раз уже обманывали Оттоманскую Порту, турки согласны вести свои дела с русскими и англичанами.

Но ночью 3 (15) ноября 1808 года вспыхнул мятеж, который длился целую неделю, столица горела, погиб верховный визирь, сменилось руководство Турции. Новый верховный визирь Юсуф пригласил русских уполномоченных и благодарил «за разумное поведение в шумном городе, где пронырства всякого рода извиваются как змеи». Наградил капитана Краснокутского от имени султана орденом Луны и преподнес табакерку, украшенную алмазами. Оттоманская Порта готова начать переговоры о мире и в ближайшее время пришлет в Яссы своих уполномоченных. Но в этот процесс вмешались венские дипломаты – их возмутило решение Наполеона и Александра занять Молдавию и Валахию, включилась в конфликт и Англия, которая резко протестовала против этого решения.

Активные действия русских войск приостановились. Уполномоченные России генерал Милорадович и сенатор Кушников оказались без дела. Только в феврале 1809 года прибыли уполномоченные из Турции, но в их инструкции было записано: «Не принимать условий, изменяющих настоящие границы Турции». Оказалось, что 5 января 1809 года турки заключили с Англией союзный трактат, подготовленный английским уполномоченным сэром Робертом Эдером, прибывшим из Вены в Константинополь. В этих переговорах принимал участие барон Штюрмер, австрийский интернунций, хорошо знавший Эрфуртский договор со всеми его подробностями. В Дарданеллы, пока велись переговоры, вошла английская эскадра адмирала Колингвуда.

Агенты Франции и России в Турции, как обычно, известили свои правительства об участниках конгресса.

Узнав об этих интригах австрийского и английского правительств, Наполеон был в ярости. Император Александр приказал передать князю Прозоровскому, что «если английский посол не будет выслан оттуда через двое суток, то русские не откроют переговоры в Яссах, а немедленно начнут боевые действия. В случае неудовлетворительного ответа на сие требование, действовать, с помощию Божиею, решительно» (Высочайший рескрипт князю Прозоровскому от 5 февраля 1809 года).

Флигель-адъютант капитан Паскевич вручил рейс-эфендию в присутствии всех турецких министров ультиматум императора Александра. После бурного заседания диван под давлением Великобритании отказал в требованиях России. После первых неудач русской армии император Александр приказал военному министру графу Аракчееву подробнее изложить императорскую волю о наступательных действиях. Аракчеев писал 27 мая 1809 года: «Если падение Австрии совершится прежде, нежели мы окончим войну с турками, то Наполеон вмешается в наши дела и затруднит их, и даже может случиться, что после всех наших пожертвований мы будем принуждены очистить Молдавию и Валахию. Совсем иное будет, если падение Австрии застанет нас в мире с турками. Тогда Наполеон уже не станет вмешиваться в это дело, да если бы даже он, вопреки мнению самой Франции о пользе и необходимости союза с Россией, и нарушил его, то мы, находясь в мире с турками и, следовательно, имея на всякий случай готовую армию, можем отклонить всякое лишнее притязание и поддерживать наши права. В случае, если бы одержала успех Австрия, столь же необходимо нам иметь свободную армию. Из всего изложенного очевидно, как полезно для нас побудить турок к неотлагательному заключению мира и как, напротив того, продолжение с ними войны до того времени, когда в Европе совершится предстоящий перелом, может не только причинить нам важные затруднения, но и заставит нас оставить все наши в сей стране предприятия и со стыдом возвратиться восвояси, чего, как сын отечества, без крайней горести и помыслить не могу».

Фельдмаршал князь Прозоровский скончался в августе 1809 года. Главнокомандующим Молдавской армией был назначен князь Багратион. Весь 1809 год прошел в стычках турецких и русских войск. Были обоюдные успехи, не давшие положительных результатов. Наконец граф Румянцев, «поборник вторжения в Турцию», 6 декабря написал императору Александру, что необходимо отложить основные военные действия до весны 1810 года. Князь Багратион, получив высочайшее повеление, приказал перевести войска на левый берег Дуная и расположить их на зимних квартирах в Молдавии и Валахии.

1 января 1810 года по высочайшему повелению императора Александра в залах Зимнего дворца состоялось первое заседание Государственного совета. Члены совета должны были занять свои места по старшинству их чинов. Председатель совета император Александр выступил с речью, подготовленной Михаилом Сперанским и исправленной императором лично:

– Все, что в мыслях и желаниях человеческих есть самого

твердого и непоколебимого, все будет мною употреблено, чтоб установить порядок и оградить империю добрыми законами. Вы приемлете священную обязанность мне в сем содействовать Пред Отечеством, пред Богом, вы будете в сем ответствовать. Пред сими великими именами все личные уважения должны исчезнуть. Изочтите миллионы, кои от вас ожидать будут твердой собственности, тишины и благоустройства, и измерьте сим пространство ваших обязанностей и степень моего к вам доверия. Уповая на благословение Всевышнего, мой долг будет разделять труды ваши и искать одной славы, для сердца моего чувствительной, чтоб некогда, в поздних временах, когда меня уже не будет, истинные сыны Отечества, ощутив пользу сего учреждения, вспомнили, что оно установлено было при мне и моим искренним желанием блага России.

Затем государственный секретарь Михаил Сперанский прочитал манифест о вновь образованном Государственном совете, список членов совета, наименование председателя, государственного секретаря, статс-секретарей и расписание дней присутствия. Члены совета: генерал-фельдмаршалы – граф Николай Иванович Салтыков и граф Иван Васильевич Гудович; государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев; действительный тайный советник 1-го класса князь Александр Борисович Куракин; действительные тайные советники: граф Александр Сергеевич Строганов и граф Петр Васильевич Завадовский; генерал от инфантерии Михаил Михайлович Философов; действительные тайные советники: князь Алексей Борисович Куракин и князь Сергей Федорович Голицын, а также адмиралы, иные действительные тайные советники; в том числе граф Сергей Петрович Румянцев.

Затем император Александр вручил председателю Государственного совета графу Николаю Петровичу Румянцеву: 1) проект первой части гражданского уложения и 2) план финансов, для внесения этих дел в департаменты совета.

Император Александр пожелал добрых дел совету и покинул зал заседания, а председатель совета граф Румянцев и члены совета подписали установленную присягу (Журналы общего собрания Государственного совета 1810–1812 годов).

30 августа 1809 года М.М. Сперанский получил чин тайного советника.

Комиссия по составлению законов в это время была преобразована: в ее составе появились Совет и Правление, юрисконсульты распределились на шесть отделений во главе с начальниками.

Чуть ли не каждый день Сперанский бывал на приеме у

императора в Петергофе, обсуждая тонкости Именного указа императора Правительствующему сенату «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники». Но никто даже не догадывался, что эти встречи Сперанского с императором касались решительных изменений в государственном управлении, даже один из ближайших сотрудников императора Алексей Андреевич Аракчеев. Когда Аракчеев узнал об этих реформах, то был оскорблен до глубины души и в недобрую минуту бросил фразу:

– Если б у меня была треть ума Сперанского, я был бы величайшим человеком.

Император Александр сразу почувствовал причину душевного неблагополучия Аракчеева, который занимался в государстве не менее важными делами. Приехав из Москвы, Александр назначил Аракчееву время, когда он может ему рассказать о предстоящих реформах. Однако время прошло, Аракчеев ждал, но императора не было, наконец пришел Сперанский и передал Аракчееву главы из проекта указа, при этом император сказал Сперанскому, чтобы тот подробно объяснил суть предстоящих реформ. Но Сперанский через десять минут ушел из покоев Аракчеева. Аракчеев побелел от гнева. «Я никогда не видел его в такой ярости, – вспоминал секретарь Марченко. – Он даже не взглянул на бумаги, которые у меня были для него, но приказал мне прислать их в Грузино, куда, как он сказал, немедленно собирается уехать» (Русская старина. 1896).

Аракчеев воспринял этот эпизод как пренебрежительное отношение к себе, а он – один из верных слуг государства; оказывается, Сперанский занимает более высокое положение в государственной иерархии. Этого Аракчеев не мог вынести.

«Государь, я пользовался вашим расположением пятнадцать лет, – писал в раздражении Аракчеев, – и бумаги, которые я получил сегодня, – еще один знак того, что я продолжаю им пользоваться. Таким образом, я не могу ждать, чтобы изучить эти важные государственные документы. Перед отъездом, государь, я все прочитал, но я не осмелюсь высказать свое суждение, пока не изучу их еще раз в меру своих знаний и способностей.

Государь, вы знаете, какое образование я получил в юности. К моему сожалению, возможности мои были крайне ограниченны, поэтому я чувствую, что в моем нынешнем возрасте я всего лишь знающий офицер, способный только на управление нашими военными делами. Именно поэтому я по вашему приказанию получил ту должность, которую в данное время занимаю. Но чтобы осуществить ваши мудрые проекты, вы сейчас нуждаетесь в

министре, который получил обширное и основательное образование. Я этого сделать не в состоянии, государь, и не могу претендовать на такой пост, дабы не дискредитировать его. Мое сегодняшнее поведение и это письмо тому подтверждение».

Император Александр немедленно ответил Аракчееву: «Алексей Андреевич, не могу скрыть от вас огромного удивления, котрое вызвало у меня ваше письмо. Я не могу согласиться с вашими доводами. Если вы до сих были весьма деятельны на этом посту, почему же вам не поучаствовать в создании Государственного совета?

Каждый, кто читал новую конституцию, понимает, что Государственный совет создается только на благо империи… Будьте честны сами с собой и спросите себя, какова же реальная причина вашего отъезда, и вы не обнаружите ее… Если вопреки моим надеждам мое письмо не убедит вас, я имею, по крайней мере, право призвать вас продолжить эту работу, как подобает человеку чести. И при нашей встрече вы мне скажете, действительно ли вы все тот же граф Аракчеев, на лояльность которого я могу всецело положиться, или мне придется назначить нового военного министра».

Новым военным министром был назначен генерал Барклай де Толли, до этого исполнявший обязанности генерал-губернатора Финляндии, а граф Аракчеев стал главой Военного департамента Государственного совета.

Отказываясь от поста военного министра и соглашаясь на новую должность, граф Аракчеев допустил просчет в своих размышлениях; он полагал, что сумеет полностью подчинить себе всю сферу военной деятельности, но этого не получилось. Только первый год своей деятельности Государственный совет действовал, но жестокая действительность поставила перед государством Российским более важные задачи – надо было готовиться к войне с Наполеоном.

Граф Аракчеев на первых порах пытался передать Барклаю свой опыт:

– Когда я принял Военное министерство, я не нашел во всем Департаменте снабжения ни одной исправной винтовки, ни одной запасной ружейной амуниции. Сейчас стоят другие задачи. Вам надлежит увеличить нашу армию, России очень нужна большая постоянная армия. Нам приходится решать свои проблемы с соседями, Тильзит и Эрфурт эти проблемы не решили, а лишь отдалили их решение. Фридрихсгамский мир – это только начало. Турки, поддержанные Англией, интригуют, им нужен мир без утери их земельных приобретений, Наполеон властвует над Европой, только Россия и Англия неподвластны его безумному

гению, а он этого не потерпит. Император Александр предполагает, что нам нужна миллионная армия.

6 августа 1809 года указ был опубликован. «Для чиновников точно гром грянул, – писал В. Томсинов. – Восемь с лишним лет жившие спокойно, они вдруг заволновались, забеспокоились за свою судьбу. И эти волнения и беспокойства чиновников не были безосновательными. Не был, наверное, спокоен при издании указа и сам его автор: Михайло Михайлович не мог не сознавать, какую бурю в российских канцеляриях вызовет осуществление на практике предложенного им государю нового порядка производства в чины по гражданской службе» (*Томсинов В.* Сперанский. М.: Вече, 2013. С. 133). В. Томсинов приводит подробности этой реформы чинопроизводства, в основе которой лежит всеобъемлющий принцип образования в высшей школе и сдача конкурсных экзаменов, обязательное знание одного иностранного языка. Для многих служащих чиновников это было непреодолимое препятствие.

Но император Александр на этих реформах государственного управления не успокоился. Расходы на армию были огромными, а допечатывание бумажных денег спасало государство лишь временно. И, разговаривая с близкими придворными, крупными аристократами, генералами, историками, император пришел к выводу, что пора ввести военные поселения, в которых военные должны были обрабатывать землю и выращивать урожай, как это делали казаки, как это делали у императора Петра, как это делали шведы и пруссаки.

Идея императора о воинских поселениях увлекла графа Аракчеева, он почувствовал, что эта идея давно жила в душе – ведь его Грузино в чем-то очень существенном напоминало воинское поселение. Осознав смысл идеи императора, Аракчеев вскоре представил ему план воинского поселения, взяв за основу многое из собственного имения. Слушая Аракчеева и разглядывая чертежи поселения, император поразился четкости и продуманности плана.

Однажды, возвращаясь из Твери, император Александр решил навестить графа Аракчеева и заехал в Грузино, ночевал в его доме. Император был поражен порядком и чистотой селения. «Это действительно очаровательное место, – писал Александр в июне 1810 года сестре Екатерине Павловне, – но самое уникальное – это порядок, который господствует здесь. Прежде всего мой восторг вызвало устройство деревень. Я уверен, что ничего подобного нет во всей Европе…»

А чуть позднее Александр написал графу Аракчееву: «Спешу выразить вам мою искреннюю признательность за то

удовольствие, которое доставили мне, показав тот порядок, который вы установили в ваших деревнях» (*Шильдер*. Т. 1).

4. Взаимные претензии

Русскому посольству в Париже удалось добыть секретные записки одного из ближайших доверенных лиц Наполеона генерала Дюрока, обер-гофмаршала, герцога Фриульского, в которых уже в начале 1809 года явственно прослеживается двуличие императора французов; после переговоров в Тильзите он внешне ласков и приветлив, обещает даже Константинополь при разделе Турции, мысли же его противоречат этому обещанию; Наполеон в своих планах мечтает завоевать Константинополь, покорить Индию, а этим самым нанести мощный удар по Великобритании. Вот некоторые строки, написанные рукой Дюрока: «Союз Франции с Россией противен прямым выгодам тюильрийского кабинета, потому что столь важное для него влияние на Швецию, Данию, Польшу и Турцию уничтожается преобладанием, присвоенным русскими на Севере и Востоке… В настоящее время петербургский и лондонский дворы с одинаковою злобою возбуждают Австрию против Франции. Но один из них действует открыто, дает субсидии, способствует вооружению, чтобы осуществить диверсию в пользу испанцев. Другой таит свои замыслы и, зная, что Австрия рано или поздно будет увлечена в войну, медлит в надежде, что с наступлением глубокой осени болезни, труды, лишения, измены и пагубный климат уничтожат 200 тысяч французов в Испании… Никто не дерзнет начертать плана действий одного из величайших полководцев, но не подвержено сомнению, что основанием европейской политики должно быть разрушение Австрии и ослабление России… Когда Австрия будет подавлена, петербургский двор примет правила, сообразные со своим положением, и ограничится такою долею влияния и владычества, какую найдет приличным предоставить ему император французов».

Князь Куракин в письме императору Александру 27 марта (8 апреля) 1809 года делает вывод: «Словом сказать, все, что сказано здесь насчет средств расширения и упрочения могущества Франции, доказывает лучше, нежели самые убедительные рассуждения, как опасно было бы для России допустить падение австрийского дома» (Архив Министерства иностранных дел).

При заключении мира с Австрией, после победы при Ваграме, Наполеон пригласил императора Александра принять участие в обсуждении статей мирного договора, но император Александр,

зная о записках Дюрока, отказался послать своих уполномоченных, заявив: пусть Наполеон трезво оценит участие России в этой битве.

Но император Александр хорошо знал из источников, поступающих в канцелярию, что Наполеон быстро решил идею о браке. На особом совете из приближенных Наполеон задал вопрос: на ком ему жениться? На русской великой княжне, на австрийской эрцгерцогине или саксонской принцессе?

После полемики между членами совета, мнения которых разделились, решение так и не было принято. А после того как один из членов совета сказал, что брачный союз с дочерью австрийского императора станет искупительным деянием для Франции, кто-то крикнул:

– Австрия уже не великая держава!

– Сразу видно, сударь, – тут же вмешался в разговор Наполеон, – что вы не были при Ваграме! Император Франц и его сыновья – великие соперники, только мои войска и мои маршалы могли их победить.

Получив дней через шесть после заседания совета письмо Коленкура, в котором говорилось, что император Александр продолжает «увиливать» от решения главного вопроса, Наполеон 5 февраля 1810 года направил Эжена Богарне к австрийскому послу Шварценбергу, что он готов жениться на дочери австрийского императора. А когда он услышал от Эжена согласное «да», то этого великого человека, по словам Эжена, «охватила такая дикая, такая безумная радость, что я был просто поражен» (*Кастело*).

Вечером того же дня было опубликовано сообщение: «В ближайшее время будет заключен брак между Его Величеством императором Наполеоном I, королем Италии, протектором Рейнской конфедерации, медиатором Швейцарской конфедерации, и Ее Императорским и королевским Высочеством мадам эрцгерцогиней Марией-Луизой, дочерью Его Величества императора Австрии Франца, короля Богемии и Венгрии».

В эти же дни Наполеон продиктовал два письма императору Александру: в одном из них он сообщал, что не может жениться на великой княжне Анне Павловне, «ввиду ее младенческого возраста», а в другом письме писал, что в ближайшее время женится на эрцгерцогине Марии-Луизе, дочери австрийского императора.

А в это же время в Вене князь Меттерних расспрашивал императорский двор о предполагаемом браке. Император Франц сказал, что решение примет его дочь, он не может влиять на ее выбор. Меттерних спросил Марию-Луизу, знает ли она о об этом

экстравагантном прожекте – о предложении Наполеона взять ее в жены?

– Я не желаю, чтобы моя прихоть командовала моей волей. Если речь идет о государственных интересах, я должна повиноваться им, а не своим чувствам. Соблаговолите попросить моего отца руководствоваться долгом императора и не подчинять его личным интересам моей персоны.

Император Франц сообщил Меттерниху о том, что брак должен состояться не иначе, «чем по предписаниям и канонам нашей религии».

Камбасерес, которому было поручено оформить развод и бракосочетание Наполеона по канонам католической религии, вызвал членов церковного суда. Узнав, что браки расторгает только папа римский, а его святейшество сейчас не в Ватикане, а в плену в Савоне, Камбасерес понимал, что вряд ли папа в тюремной камере будет заниматься этим вопросом. Парижский церковный суд, нарушая все нормы и каноны, принял решение, что брак Наполеона и Жозефины «следует считать отныне аннулированным».

27 марта 1810 года в скромном экипаже Наполеон выехал в Суассон для встречи со своей новой женой, праправнучкой Карла Великого, внучатой племянницей французской королевы Марии-Антуанетты.

Сорокалетний Наполеон при виде Марии-Луизы «расплылся в довольной улыбке, – писал Андре Кастело, подробно описавший эту встречу. – Боже, она просто очаровательна! Юная блондинка, застенчивая, с большими голубыми глазами, точеная фигурка, изящные тонкие руки, стройные ножки, полные красные губки, на которых предназначенная только ему приветливая улыбка.

Вот оно, его сокровище, его «брюхо»! Он кивком прогнал из кареты сестру. Захлопнув за ней дверцу, он, не в состоянии больше сдерживать охватившего его пронзительного любовного порыва, бросился к ней, заключил в объятия, крепко прижал к себе, осыпая поцелуями.

Она почувствовала его проворные руки на своих коленях, бедрах, внизу живота. Удивленная таким непреодолимым напором, принцесса понимала, что неизбежное вот-вот произойдет, но не могла, не имела права сопротивляться мужу, тем более что перед отъездом отец, инструктируя ее, требовал во всем потакать императору, покорно исполнять любой его каприз, ведь речь идет об интересах Австрии! Однако какое унижение для эрцгерцогини – лишиться девственности в дорожной карете. Она довольно невежливо отпихнула задыхавшегося от желания императора.

– Nein! Nein! – строго сказала она.

Император уступил, но лишь на время… Император сгорал от желания поскорее доехать до Компьена и там поскорее добраться до заветного «местечка» своей ненаглядной невесты… Вскоре с императором они остались одни.

Наполеон, подойдя к ней, спросил, какие рекомендации дал ей отец перед отъездом.

– Он сказал, что как только я останусь наедине с вами, то должна исполнять абсолютно все, что вы потребуете от меня, и что должна повиноваться вам во всем, чего бы вы от меня ни потребовали.

– Сейчас я хочу переспать с вами, – признался Наполеон.

– К вашим услугам, – ответила она» (*Кастело*. С. 255–256).

Князь Куракин присутствовал на бракосочетании Наполеона и эрцгерцогини Марии-Луизы (Наполеон развелся с Жозефиной в конце 1809 года), от имени императора Александра поздравил Наполеона и Марию-Луизу с браком, а Наполеон заверил Алексея Куракина, что этот брак с австрийской герцогиней не изменит его отношения к России. Но у дипломатов появились сомнения. «Я вовсе не желал бы видеть разрыв союза, подававшего нам основательные надежды, – писал князь Куракин, «человек миролюбивый и сговорчивый», графу Румянцеву 5 (17) июня 1810 года. – Но военные успехи французов, ослабление Австрии и родственная с нею связь, все эти обстоятельства значительно понизили цену нашего союза. Теперь уже не Рейн, а Висла – граница Франции. Туда должны быть направлены все наши оборонительные средства. Не осталась ли Россия единственною из всех держав Европейского материка, сохранившею и свою территорию, и свои силы? Развивая их и заставя страшиться себя, мы успеем более, нежели угождениями, снискать приязнь Франции… Будем ее друзьями, но не допустим обмануть себя» (Архив Министерства иностранных дел).

Император Александр и граф Румянцев, прислушиваясь к мнению князя Куракина и других дипломатов, конечно, меняли и свою внешнюю политику: «Будем друзьями, но не допустим обмануть себя».

«Во всех низших школах Французской империи преподавали Катехизис, в котором, между прочим, было сказано, что сам Бог поставил Наполеона Великого своим представителем на земле и что всякое вероломство в отношении особы Императора французов подвергает виновного вечному проклятию» – это приказание Наполеона, ослепленного лестью и услужливостью окружающих.

Модест Богданович, как и последующие историки, дал

разностороннюю характеристику императору Наполеону тогда, когда он достиг своего высшего могущества в Европе: «Одаренный способностью быстрого соображения, он весьма часто не обслуживал важнейших предметов с надлежащею внимательностью; его воображение, увлекаясь за пределы возможного, вводило в ошибки его обширный разум, а холодные, себялюбивые расчеты ума нередко заглушали голос сердца и не позволяли развиться в нем порывам великодушия и добродетели. Не доверяя вполне никому, и даже друзьям своим, презирая людей вообще, не веря в добро, он искал одной славы и не заботился ни о выборе средств к ее достижению, ни о гибельных последствиях своих успехов. Никто не отрицал в нем гениальности, но напрасно льстецы называли его Великим, потому что в основании истинного величия должны лежать дела добра, а не бесплодные подвиги. В 1810 году, когда его могущество достигло высшей степени, все преклонялись пред ним в боязливом молчании. На его больших выходах, где собирались короли, принцы, высшие сановники, военные люди и знаменитые ученые, господствовала гробовая тишина. Каждое слово его, жадно ловимое и быстро передаваемое иностранными агентами во все страны Европы, возбуждало толки, надежды, опасения. Наполеон на придворных выходах в мундире со звездою Почетного легиона, со шляпою под мышкою, порывисто переходил от одного лица к другому, то даря приветом, то оледеняя явным презрением. Его взор, постоянно задумчивый, мрачный, опущенный вниз, по временам обращался к кому-либо из присутствующих и как будто пронизывал его мысли. При улыбке, скользящей на устах завоевателя, глаза оставались неподвижны, либо черты лица его принимали какое-то страшное выражение смеха, подавленного суровостью. Его речь была коротка, отрывиста, и даже ласковое слово его отзывалось обычною угрюмостью и казалось гневным» (*Богданович*. Т. 3. С. 84–85). Глубина порока не доходила до него.

Декрет Наполеона о присоединении старых ганзейских городов и всего прибрежья Немецкого моря до Эльбы, с пространством более 600 квадратных миль с почти двумя миллионами жителей, потряс Европу. Князь Куракин тут же написал герцогу Кадорскому (Шампаньи), что французское правительство известило императора Александра об этом декрете потому, что в числе владетелей, потерпевших ущерб от этого декрета, оказался и герцог Ольденбургский, дядя русского монарха. «Это событие имеет такое важное влияние на коммерческие выгоды России, что считаю своим долгом довести о том наиспешнее до сведения Его Величества Императора

Александра», – писал князь Куракин графу Румянцеву 29 ноября (11 декабря) 1810 года.

Узнав, что герцог Кадорский вернул князю Куракину декларацию, император Александр в ноте, разосланной всем европейским державам, писал: «Какую важность могли б иметь союзы, если бы договоры, служащие им основанием, не сохранили бы своей силы? Но, чтобы не подать повода к какому-либо недоразумению, Его Величество объявляет, что союз с Императором французов был следствием важных политических интересов, которые остаются неизменны, и что, по тому, предполагая блюсти за сохранением сего союза, он ожидает попечения от Государя, на дружбу коего имеет право. Эта общность выгод обеих Империй, входившая в соображения Петра Великого и встречавшая тогда и впоследствии много препятствий, уже много принесла пользы и России, и Франции. Поэтому необходимо соблюдать союз сих держав, и Его Величество посвятит тому все свои попечения». Кроме того, в письмах графу Румянцеву в конце 1810 и в начале 1811 года князь Куракин подробно изложил сложившуюся ситуацию между Францией и Россией. События развивались так.

Наполеон известил герцога Ольденбургского о том, что в связи с присоединением к Французской империи окрестных земель у герцога два пути: он может сохранить свои владения, а может получить взамен герцогства другую территорию, но, допустим, если герцог останется в своем герцогстве, то он будет испытывать некоторые неудобства: через его территорию будут проходить французские солдаты, будут построены таможни и др. Герцог написал о вторжении французов на свою территорию императору Александру. Но пока шла эта переписка, французские чиновники опечатали все казенные суммы и образовали управление герцогства как французской территории.

Император Александр приказал князю Куракину довести до сведения герцога Кадорского, то есть министра Шампаньи, о том, что по 12-й статье Тильзитского договора герцог Ольденбургский имеет полное право владеть своей территорией, а также о том, что Ольденбургское герцогство находится под опекой России, а в случае его ликвидации французам придется иметь дело с Российской империей.

Император Александр известил все европейские государства о том, что в 1767 и 1773 годах Россия уступила королю Датскому свои владения в Голштинии, получив за это графства Ольденбург и Дельменгорст, которые и образовали Ольденбургское герцогство, принадлежавшее гольштейн-готторпскому дому, то есть русским императорам. И требует справедливого решения

возникшего конфликта на основе принципов международного права.

За последние годы не было случая такого неповиновения императору Наполеону, а потому герцог Кадорский стал искать пути примирения с русским послом князем Куракиным.

– Ольденбург уже почти тысячу лет принадлежит дому, ныне царствующему в России, – настаивал князь Куракин.

– А за тысячу лет пред сим Карл Великий владел Гамбургом и всею окрестною стороною, в том числе и Ольденбургом, – отвечал герцог Кадорский. – Надо покоряться, князь, неизбежной силе обстоятельств. Небольшие государства не могут сохранить своей самобытности, коль скоро она не согласна с выгодами великих держав.

– Я представляю, герцог, не малое государство, а Россию. Император Александр повелел мне вручить французскому правительству декларацию – формальный протест против нарушения существующих трактатов.

– Наполеон против этой декларации, – не согласился герцог Кадорский. – Он считает ее несообразной с чувством дружбы, которую он питает к вашему императору. Эта декларация не может быть полезной в наших отношениях. Она лишь подтвердит слухи о близком разрыве России с Францией.

Декларация так и не была представлена императору Наполеону.

Как-то встретившись с флигель-адъютантом Чернышевым, Наполеон упрекнул Россию в том, что она не приняла новых торговых постановлений, введенных французами. Чернышев передал этот разговор русскому правительству. По поручению императора Александра граф Румянцев тут же направил князю Куракину сообщение для французского правительства: «Что касается до принятия торговых уставов иностранного тарифа, без соотнесения его с источниками и развитием народного богатства собственной страны, Его Величество не решится на это никогда. Это было бы нерадением о благе своих подданных и ослабило бы народную преданность, которою Государь дорожит и на которую имеет право. Великая Держава, соблюдая и великие пользы, должна действовать самостоятельно, как в пределах собственных, так и в сношениях теснейшей дружбы с другими государствами» (из письма графа Румянцева от 24 ноября 1811 года. Архив Министерства иностранных дел).

Но главная интрига Наполеона против России заключалась в ином: Наполеон своими тайными действиями затруднял России заключение мира в затянувшейся войне с Турцией.

В предварительных переговорах с турецкими

уполномоченными выяснилось, что турки готовы заключить мир без территориальных уступок.

«Император принял уже некоторым образом обязательства перед своими подданными и в глазах целой Европы, – писал граф Румянцев графу Каменскому 8 августа 1810 года, – присоединить к России Молдавию и Валахию и потому не может отменить эти условия. Положение дел в Европе чрезвычайно благоприятно к достижению нашей цели. Наполеон крайне озабочен поражениями своих войск в Испании и при каждом случае уверяет Россию в дружбе. Австрия, не взирая на женитьбу Наполеона на эрцгерцогине Марии-Луизе, тайно изъявила желание пребывать с императором Александром в прежних, самых искренних сношениях».

Наполеон дал аудиенцию русскому чрезвычайному послу, министру внутренних дел России, князю Алексею Борисовичу Куракину, который прибыл из Петербурга, чтобы поздравить императора с бракосочетанием. Разговор начал он со своего выступления в законодательной палате 3 декабря 1809 года:

– В моем послании законодательной палате я, князь, выразил ясно мое удовольствие, что Россия приобрела Финляндию, Молдавию и Валахию. В настоящее время я предписал моему посланнику в Константинополе объявить Порте, чтобы она забыла и думать об этих княжествах, что Россия не может и не должна их возвращать и что упорство в этом случае ни к чему не приведет, кроме бесполезной потери людей.

А через несколько недель Наполеон, прощаясь с князем, повторил эту фразу:

– Хотя последние известия из Константинополя уведомляют, что султан ходил в мечеть и сам намерен отправиться к войскам, это не может иметь никаких последствий. Султан – молодой человек, слабый и ограниченный, в войсках нет никакой дисциплины, в управлении господствует совершенное безначалие. Между нами будь сказано: я не люблю турок, но если бы в их главе находился человек, способный возбудить их прежние свойства, то, быть может, он возродил бы этот народ. Но при теперешнем расстройстве, в котором находится Турция, ей нужен только мир, и я уверен, что отъезд султана к войскам предположен именно с целью начать мирные переговоры. Не подлежит сомнению, что вы заключите мир уже в этом году, лишь только я объявлю, что признаю княжества собственностью России. Я не изменю своего мнения, хотя, говоря таким языком с Турцией, я могу потерять влияние, которое имею на эту страну. Вы отняли у французов и австрийцев те привилегии, которыми они пользовались в Молдавии и Валахии. Австрия спрашивала моего

совета, как следует поступить в этом случае? Я отвечал, что, признав уже дунайские княжества принадлежащими России, я не могу более ничего сказать. Я даже должен желать, чтобы они вам принадлежали, во-первых, потому, что упрочиваются таким образом ваши границы: левый берег Дуная – природою положенная граница, и он должен принадлежать вам; во-вторых, что это приобретение удовлетворяет желаниям императора Александра, а мне всегда приятно все то, что он считает для себя выгодным; наконец, в-третьих, я не скрою от вас, что желаю этого приобретения для России потому, что этим самым она делает себе врагом Австрию, которая, между нами будь сказано, боится вас столько же, сколько и меня. Приобретение вами Финляндии совершенно противно моей политике, но я радовался этому приобретению потому, что вы отняли ее у союзницы Англии, у такого короля, который никак не хотел жить в мире со мною. Присоединение Молдавии и Валахии увеличивает владения России вопреки Тильзитскому трактату, в котором было установлено очищение этих княжеств. Союз с Францией доставил вам значительные выгоды. Дунай – с одной стороны, Финляндия – с другой; не об этом ли постоянно мечтали ваши предки со времен Петра Великого? И вот их мечта осуществилась. Я удивляюсь, почему у вас нет значительного флота на Черном море, который вы могли бы противопоставить турецкому. Балтийский флот вам ни на что не нужен, вы не можете соперничать там с английским.

Разговор, как обычно, затянулся и касался многих сторон взаимоотношений Франции и России.

В разговоре с полковником Чернышевым, которого император Александр стал посылать в Париж со своими посланиями, Наполеон, прочитав одно из посланий императора, сказал:

– Только в двух случаях Франция может поссориться с Россией: если вы заключите отдельный мир с Англией, я буду воевать с вами; точно так же – если вы захотите перейти за Дунай. Пока дело идет о течении Дуная, я согласен; но лишь только вы захотите что-либо приобрести на правом берегу, я буду воевать с вами. Существование Турции слишком важно для политического равновесия в Европе, и я не могу относиться равнодушно к дальнейшему ее раздроблению. Я не употреблял никаких способов, чтобы замедлить заключение вашего мира с турками. Я смотрю на это с точки зрения выгод Франции; если, с одной стороны, говорил я сам себе, такая обширная держава, как Россия, увеличится еще приобретением двух прекрасных областей, которые умножат ее средства, то, с другой, я выигрываю то, что Австрия сделается таким ее врагом, каким никогда не бывала.

Скажу вам откровенно, если я согласился в Эрфурте на присоединение к России дунайских княжеств, то сделано это по ненависти к Австрии» (Записка Чернышева).

Получая все эти сведения и отвечая на них своими письмами, граф Румянцев сообщил императору Александру, что его очень беспокоит визит князя Меттерниха в Париж.

Наполеон не раз говорил ему, что Меттерних, австрийский министр иностранных дел, обладает колоссальным, достигавшим чудовищных размеров, самомнением и, естественно, вытекающей отсюда самоуверенностью. Не раз графу Румянцеву передавали слова австрийца: «Моя душа обладает историческим чутьем, что помогает мне переносить трудное настоящее». Меттерних проницателен, никогда заблуждение не касалось его разума. Вот где опасность его поездки в Париж. «Страсть к поискам Меттерних принимает за дипломатическое искусство», – говорил о нем Наполеон. А это означает для него прежде всего обман, доходивший до вероломства, хитрость, лукавство. В Париже он менялся каждую неделю. А что сейчас сулит нам его поездка в Париж? С этим вопросом граф Румянцев пришел к императору Александру.

Выслушав подробный отчет графа Румянцева, император Александр, перебирая бумаги на столе, взволнованно сказал:

– Ваше сиятельство, граф, мы сейчас стоим на пороге военных потрясений, а внутри нашего императорского двора происходят чудовищные интриги, сплетни, конфликты, вы можете этого не замечать, у вас Турция, Париж, Вена, а у меня голова идет кругом, моего статс-секретаря Михаила Сперанского обвиняют в предательстве, дескать, в Эрфурте наполеоновские подручные купили Сперанского, он пленился гением Наполеона и пошел навстречу этим подручным. При этом, Николай Петрович, обратите внимание – ко мне слетаются кляузы совершенно разных людей, барон Армфельд, граф де Местр, князь Долгоруков, министр полиции Балашов, вдовствующая императрица Мария Федоровна, великая княгиня и герцогиня Екатерина Павловна, историограф Карамзин, я не могу перечислить всех заинтересованных лиц, обвиняющих государственного секретаря во многих якобы предательствах, а Сперанский виноват лишь в том, что порой залихватски в компании друзей признается, что считает себя правителем России. Конечно, мне доносят.

– Я слышал, ваше величество, что Сперанского обвиняют в том, что он занимает высшую должность среди революционных иллюминатов… Вот что страшно…

– Так или не так, это надо исследовать, есть только

косвенные факты… Сейчас меня беспокоит то, что мы никак не уладим наши отношения с Турцией. Нам нужен мир во что бы то ни стало. Нам нужны войска, которые сражаются с турками, может быть, в чем-то придется уступить. А с князем Меттернихом как-нибудь разберемся. Князь Куракин – аккуратный посол, узнает – напишет.

В начале 1811 года отношение Франции к России определилось, европейские наблюдатели думали, что столкновение двух армий неминуемо произойдет в этом году, но Франция продолжала войну в Испании, уговаривала Швецию поддержать Францию, обещая ей вернуть Финляндию и ряд остзейских губерний, Турции же Наполеон обещал вернуть Крым и дунайские княжества. Но эти задачи нужно было решать в этом году.

В апреле 1811 года император Александр отправил с полковником Чернышевым собственноручное письмо императору Наполеону.

Прочитав письмо, Наполеон сказал:

– У нас возникли некоторые недоразумения, Россия обижается, что мы ввели свой тариф, взволновавший всю Европу, ведь у России – свой. Это нормально и естественно для такой державы, как Россия. Столкновения в герцогстве Варшавском незначительные, я меньше всего беспокоюсь о восстановлении Польши. А вот в России жгли французские товары…

– Ваше величество, наше правительство ничего нового не придумало, еще при Екатерине II это происходило…

– Позвольте мне сказать, – с жаром возразил Наполеон, – в то время Россия предписывала законы всей Европе, к тому же Россия не считалась в числе просвещенных государств. В настоящее же время, сделавшись европейской нацией, она не может уклоняться от соблюдения установленных правил. Я жгу английские товары потому, что веду с Англией непримиримую войну… В ответ на сделанное мне оскорбление я приказал жечь в своих гаванях лес, поташ, пеньку, железо, вообще все, что приходит из России: вот каков союз ваш с нами! Я прочитал письмо Александра. У него нет никаких враждебных замыслов против Франции. Да, мы заметили, что несколько ваших дивизий двинулись с Дуная к Днестру. Сожалею о том не как император французов, а как человек, искренне ему преданный и не встречавший никого, кто соединял бы в себе доброту характера с таким пленительным обращением… С одной стороны, вы враждуете с англичанами и турками, следуя системе Франции; с другой – не решась помириться с турками, вы угрожаете им по-прежнему, и через то возбуждаете Австрию, а выводя войска из Турции, тревожите

Францию… Вы поставили себя в неприязненное положение со всеми… Даю честное слово, что, если только вы не начнете со мною войны, я не начну ее в продолжение четырех лет. Выжидание – для меня чистый выигрыш. Я уже рассчитал все: война с вами остановит развитие моих морских сил, но 600 миллионов моей казны станет на все; употребив в сем году 100 миллионов на чрезвычайные расходы, буду иметь 300 тысяч человек, не считая войск Рейнского союза; на будущий год, издержав 50 миллионами более, буду иметь 600 тысяч человек, а через четыре года выставлю 800 или 900 тысяч, и тогда – может ли Россия действовать против меня такими же силами? Если вы не верите мне, я готов показать вам казну мою, а в октябре можете видеть, сколько у меня будет войска, как только они придут из Италии, Иллирии, Голландии… Но России я желаю только мира и благополучия.

– Государь, ваше величество, я не знаю намерений моего императора, – сказал Чернышев, – но я слышал, что вы хотите на конвенции поставить вопросы о Польше, Ольденбурге, а равно новый торговый трактат между Россией и Францией, так вот я скажу об этом словами графа Румянцева: «Следовало только положить ольденбургский и польский вопросы в один мешок и, смешав их вместе, вытрясти, чтобы утвердить самый искренний и прочный союз между Россиею и Францией, наперекор англичанам и даже немцам».

– Нет! Нет! – воскликнул Наполеон, услышав последние слова. – Мы еще не дошли до такой крайности: отдать герцогство Варшавское за Ольденбург – верх безумия! Что подумали бы поляки, если бы мы уступили хоть пядь их земли тогда, когда Россия обращается к нам с угрозами… Мы не все еще вымерли; знаю, что вы располагаете великими средствами, что ваши войска храбры, и я довольно давал сражений, чтобы убедиться, от какой малости зависит успех их, но если он будет на моей стороне, то я заставлю Россию раскаяться в ее поступках, и она потеряет не только свои польские земли, но и Крым. И вот, господин полковник, итог нашего разговора – у вас все хотят мира, у нас тоже все хотят мира. Так пусть и будет мир на нашей планете.

Полковник Чернышев, передавая разговор с Наполеоном, выразил надежду, что Россия, во-первых, должна во что бы то ни стало заключить мир с Турцией, во-вторых, продолжить переговоры с Наполеоном; нужно занять Данциг вместо Ольденбурга, освободить три прусские крепости, занятые французами.

Прочитав письмо Чернышева, император Александр грустно сказал:

– Почему у меня нет министров, подобных этому молодому человеку?

Александр Павлович знал о том, что время пребывания посла маркиза Коленкура в Петербурге подошло к концу, Наполеон перестал ему верить, называл его русским. И вот на этот раз Коленкур, прощаясь с императором, принес записку императора Франции, в которой было четко сказано, что «французское правительство никогда не было так наклонно к миру, как в настоящее время, и что армия не будет усилена». Прочитав депешу Наполеона, император Александр, снисходительно улыбнувшись, сказал Коленкуру:

– Это, господин герцог, противно всем полученным мною сведениям, но ежели вы скажете мне, что этому верите, то и я изменю свое убеждение.

Коленкур, не говоря ни слова, встал, взял свою шляпу, почтительно поклонился и вышел.

На одном из последних свиданий с маркизом Коленкуром император Александр высказался вполне откровенно, не отказываясь от того, что он готовится к войне:

– Но я приступил к этому не прежде, как получил верные сведения о приведении в оборонительное состояние Данцига, об усилении Торна, о довершении укреплений Модлина, об увеличении армии Даву и Данцигского гарнизона. Многим известен приказ Наполеона полякам и саксонцам быть готовыми к выступлению. Получив все эти сведения, я повелел соорудить укрепления, но не впереди, а позади границ моей империи, на Двине и Днепре: в Риге, Динабурге, Бобруйске, Киеве, то есть почти в таком же расстоянии от Немана, в каком от Парижа – Страсбург. Ежели бы вашему государству вздумалось укрепить Париж, мог ли бы я на это жаловаться? Я не вывел из Финляндии целых дивизий, а только возвратил в дивизии, расположенные в Литве, полки, действовавшие против шведов, – преобразовал гарнизонные батальоны в линейные войска, – изменил организацию моих депо, увеличил гвардию, чтобы сделать ее достойною сравнения с Наполеоновою. Наконец – я вывел пять дивизий из Турции. Вы сами тому причиною, помешав мне пожать условленные плоды нашего союза, весьма скудные в сравнении с вашими завоеваниями. Словом, я не допущу напасть на меня врасплох. Мои генералы уступают в достоинстве вашим. Я не могу равняться с Наполеоном ни в искусстве командовать войсками, ни в опытности, но у меня хороши солдаты, мои подданные мне преданы, и мы все готовы скорее погибнуть с оружием в руках, нежели позволить, чтобы с нами поступили как с голландцами и гамбургцами. Но даю вам честное слово, что

первый выстрел будет не мой. Я допущу вас перейти через Неман. Повторяю вам – я не хочу войны и мой народ не желает ее, но ежели нападут на нас, то постоим за себя (Этот монолог императора Александра заимствован у Тьера. См.: *Богданович*. Т. 3. С. 115–116). Узнав о таком решении русского императора, Наполеон, озабоченный испанскими неурядицами, перенес нападение на Россию на 1812 год.

Князь Куракин, зная, что Петербург озабочен включением Ольденбургского герцогства во Французскую империю, писал графу Румянцеву о том, что он высказал новому министру иностранных дел Гюг-Бернару Мааре, бывшему адвокату, редактору газеты «Монитёр», ныне герцогу Бассано, свое новое предложение – «отдать герцогу Ольденбургскому часть Варшавского герцогства, присоединив Эрфурт с округом к Саксонии». Но и это предложение не удовлетворило обе империи.

Ни один из императоров не хотел сделать первый выстрел по недавнему союзнику. Наполеон, выступая в Тюильри на большом банкете, в день своего рождения 3 (15) августа 1811 года, обращаясь к князю Куракину, сказал:

– Вот уже шесть месяцев, как мы ведем переговоры, а дело не подвинулось вперед ни на шаг. Шесть месяцев прошло с тех пор, как я предложил вознаградить герцога Ольденбургского. Позволяя производить контрабанду в своем владении, он явно нарушал свои обязанности ко мне, протектору Рейнского союза. Я мог бы, на основании старинного германского права, отнять у него владение. Стоит ли небольшое герцогство, приносящее полмиллиона франков дохода, того, чтобы из-за него ссорились великие державы, находившие столь много выгод в дружественных связях между собою? Несколько уже раз я просил вашего государя, чтобы он сам назначил вознаграждение за герцогство где-либо в Германии, но не могу приписать его молчания ничему, кроме видов на приобретение Данцига или части герцогства Варшавского. Но я не уступлю ни шага земли, принадлежащей владению, которое обязано мне своим существованием. Несмотря на все ваши уверения, господин посол России, Россия стремится овладеть им, но я не дам в Польше ничего…

После многих слов, которые читателю уже известны из описания других эпизодов, Наполеон сказал:

– Император Александр и граф Румянцев будут отвечать пред лицом света за все бедствия, могущие постигнуть Европу в случае войны… Легко начать войну, но трудно определить, когда и чем она кончится… Напишите вашему императору о всем, что от меня слышали. Я уверен, что он обсудит, как следует, общее наше дело

(Куракин – Александру I, 3 августа 1811 года).

Узнав это из письма князя Куракина, император Александр поручил графу Румянцеву написать во Францию, что выступление императора Наполеона не охладило близких отношений России и Франции, нет, Россия не желает приобрести ни Данцига, ни части Варшавского герцогства, Россия желает мира и благополучия для своей страны и для всей Европы. Князь Куракин тут же передал содержание этой депеши императору Франции.

Граф Румянцев, больше всего озабоченный делами в Турции, не забывал и о спешной поездке в Париж князя Меттерниха, по этому поводу он поручил русскому послу собрать как можно больше информации о целях поездки и ее значении. Князь Куракин, тоже заинтересованный этим визитом, писал графу Румянцеву 29 июля (9 августа) 1811 года: «Все, что делает здесь Меттерних, хранится в глубочайшей тайне. Однако же я имею основательные причины предполагать, что до сих пор он не успел заключить наступательного и оборонительного союза с Францией. Но тюильрийский кабинет желает держать нас в подозрении на этот счет, всеми способами распространяет эту мысль и хочет доказать ее справедливость теми ласками и вниманием, которые оказывает лично Меттерниху. Этим объясняются газетные статьи и слухи, распространяемые в Германии, которые достигли и вас. В то время, когда император Наполеон таким образом направляет свою политику в отношении к нам, возбуждая беспокойство с нашей стороны насчет Австрии, он желает возбудить в ней зависть к России, представляя крайне опасными для нее наши виды на Турцию. Эта тактика не нова: ею пользовался Наполеон во все времена, посевая подозрения и раздоры между европейскими государствами, которых согласие было бы ему опасно, и этим он достиг того всеобщего господства над Европою, которым теперь обладает». Одновременно с этим и полковник Чернышев в письме 13 (25) июля писал из Парижа графу Румянцеву: «Известия о наших победах в Турции производили на него неприятное впечатление, тем более что они служили предзнаменованием скорого и блестящего мира, тогда как он совершенно был убежден, что эта война затянется надолго. Он подшучивал над действиями наших войск в Турции, но победы заставили его изменить свои речи… Зачем ваши войска перешли Дунай, это возбудило фанатизм турок, и они дрались лучше, нежели в прошлом году. Какая цель этого движения? Идти в Константинополь? Но этот поход встретил бы весьма много затруднений, и не со стороны одних турок, но и других держав. Чтобы привести в исполнение такое предположение, нужно иметь во главе войск человека, одаренного военными способностями и в

то же время решительного политика. Но если граф Каменский и обладает первыми качествами, то весьма слаб во вторых».

Граф Румянцев доложил о письмах полковника Чернышева и князя Куракина императору Александру, который тут же внимательно прочитал их и сказал:

– Наполеон прав, наш переход на правый берег Дуная очень встревожил Австрию. Может быть, в этом и кроется поспешность поездки князя Меттерниха в Париж? А может быть, от дипломатической деятельности его отвлекли амурные дела. Ведь князь Меттерних – человек увлекающийся, женщины, особенно красивые, не меньше, чем политика, притягивают его.

Генерал Каменский мало что мог сделать с турками, когда по указу императора Александра пять дивизий из девяти были отправлены в Россию, а с четырьмя дивизиями русские могли вести только оборонительную войну; Петербург же требовал заключение мира с турками во что бы то ни стало. Если мы не смогли пойти на мир силой оружия, писал Каменский императору, то как мы можем заставить турок согласиться на мир, ведя оборонительную войну?

После болезни талантливого полководца Николая Каменского, а затем и его внезапной смерти на пост главнокомандующего Молдавской армией был назначен 65-летний прославленный генерал-аншеф Михаил Кутузов, участник двух последних русско-турецких войн, перед которым стояла та же задача: заключить мир во что бы то ни стало.

Кутузов прибыл в Бухарест в середине апреля 1811 года, застал умирающего Николая Каменского, по одной из версий отравленного, который радовался, что передает командование армией столь опытному командующему. Вскоре главнокомандующий и его генералы знали, что на место престарелого визиря Юсуф-паши пришли Ахмед-бей и его помощник Бошняк-ага, опытные и упорные, хорошо знавшие, что турки не одиноки, им помогает не только Англия, но и Париж, и Вена.

20 мая 1811 года Кутузов написал два письма, в которых изложил свое положение и задачи; он перевел все войска на левый берег Дуная, взорвав укрепления Никополя и Силистрии.

С приходом в командование Молдавской армии Кутузова участились встречи турецких и русских уполномоченных по заключению мирных отношений. Но турецкие уполномоченные упорно стояли на старых позициях: заключение мира без территориальных уступок. Кутузов вел интенсивную переписку с Румянцевым.

Граф Румянцев писал Кутузову 6 июня 1811 года: «Хотя его

величество и не переменяет мнения своего, что на случай трактования о мире первая и главнейшая цель наша должна быть – утверждение за нами обоих княжеств… <…> Граница по реке Серет была бы всегда им признаваема за наилучшую для России; но приобретение обоих княжеств оставляло бы в наших руках способ сделать какой-нибудь выгодный промен с Австрией, уступкой ей Валахии за другую область. А хотя бы такого промена не последовало, то, имея возможность постепенно предлагать ей Валахию, в виде ли уступки или обмена, сохраняли бы мы всегда чрез то сильнейший вес в политической системе венского кабинета и надолго бы его к себе привязали. Вот причины, по коим наиболее желательно для нас приобретение обоих княжеств, и по оным его величество почитает сие приобретение наиважнейшим для своей империи…»

Генерал Кутузов немедленно ответил графу Румянцеву, ссылаясь на свою информацию и опыт. Из Журжи, 18 июня: «Мы требуем *четырех* провинций от Порты: Малой Валахии, Большой Валахии, Молдавии и Бессарабии. Но не столько входят в расчет пространство и качество сих земель, сколько корысть частных людей, кои управляют делами Порты или в управлении участвовать надеются, а наиболее – *фонарных греков*, тех, кои льстятся достигнуть до княжества, и множества тех, кои под покровительством господарии надеются обогатиться при местах в сих княжествах. От сих греков переходят ежегодно подарками превеликие суммы ко всем чиновникам Порты, и влияние сих людей на умы министерства турецкого известно; а оное множества частных польз препятствовать может долгое время к постановлению мира на том основании, чтобы повсеместно Дунай сделать границею…» Янычары требовали мира, султан, зная о трудностях русских войск, которые готовятся отразить нападение на Россию полчищ Наполеона, ослабив свою армию на пять дивизий, решил действовать наступательно. «Если бы даже Австрия решилась принять эти княжества, – продолжал далее Кутузов, – и заняла их своими войсками, то и тогда война продолжалась бы столь долго…»

То, что греки-фанариоты грабили дунайские княжества, было во многом неожиданной новостью для императора Александра и графа Румянцева. Именно фанариоты во многом мешали заключению мирных переговоров. А главное, распространяли клевету, что это грабят русские солдаты и генералы. Ведь не случайно Наполеон спросил полковника Чернышева в одной из бесед 1810 года: «Что, ваши генералы сильно грабят в Турции?» Чернышев ответил, что эти злоупотребления ему неизвестны, русские войска строго соблюдают дисциплину и в Финляндии, и в

Турции. Наполеон, снисходительно улыбнувшись, сказал: «Вы не откровенны со мной. Я знаю, что русские войска не так грабят, как мои, но не отвечаю за ваших авангардных начальников и казачьих полковников».

Кутузов задумал план, как выманить визиря с войском из Шумлы и в открытом бою разгромить его. Только победа над турками склонит их правительство к заключению мира.

Кутузов бездействовал, стараясь внушить визирю свою слабость и нерешительность.

Визирь так и не понял хитроумный план Кутузова, который на правый берег Дуная выслал несколько разведывательных отрядов, стараясь привлечь к ним внимание визиря, который при виде слабости русских направил 25-тысячный корпус к Видину. Визирь с 60-тысячным войском раскинул свой лагерь вблизи Рущука. Кутузов перевел свои главные силы на правый берег Дуная и раскинул свой лагерь в 4 верстах от крепости.

22 июня 1811 года состоялось сражение, которое закончилось победой русских дивизий во главе с генералом Кутузовым. По-разному оценили это сражение: турки считали, что они победили, а русские, что победили они. Как только произошло это сражение, Наполеон решил послать маршала Нея с корпусом в 50 тысяч солдат и офицеров для поддержки турок и для угрозы Австрии. «Если действительно, – писал Чернышев графу Румянцеву, – Наполеон задумал это, то привести в исполнение такое предположение при тех огромных средствах, которыми он обладает, ему будет нетрудно. Между тем, если мы не поспешим заключить мир с турками во что бы то ни стало, то это войско, под начальством такого способного и предприимчивого генерала, будет угрожать нам большою опасностью» (Там же).

Пока шли переговоры между воюющими сторонами, подошел конец августа 1811 года, турецкие войска перешли на левый берег Дуная, задумав серьезное наступление на русских. Верховный визирь переправил на левый берег главные свои силы, 36 тысяч, и разбил свой лагерь. И замедлил свои действия в нерешительности. Кутузов приказал скрытно переправить на левый берег корпус Моркова и окружить рущукский лагерь турок. Главнокомандующий армией видел этот маневр русского корпуса и радовался окружению неприятеля. В турецком лагере воцарилась ужасная тишина. Ночью визирь ускользнул в Рущук. В тот же день визирь прислал Кутузову письмо, в котором просил о перемирии, а далее начать переговоры о мире. Кутузов отклонил это предложение визиря, не сказавшего ничего об условиях мирного договора. Через два дня визирь вновь прислал письмо Кутузову со своими предложениями, но и эти условия Кутузов

отверг. С этой поры, начиная с октября 1811 года, велась длительная переписка Кутузова с верховным визирем Блистательной Порты, генерала Кутузова и графа Румянцева, полковника Чернышева и графа Румянцева, графа Румянцева и графа Кутузова, только что получившего графский титул. Предлагались различные условия мирного договора между Турцией и Россией, которые отвергались то одной, то другой стороной. Агенты Англии, Австрии, Франции всеми способами содействовали тому, чтобы помешать заключению этого мира. Наконец после того, как обменялись мнениями русские и турецкие уполномоченные, после десятков писем графа Румянцева генералу Кутузову с октября по декабрь 1811 года, 2 декабря 1811 года собственноручное письмо графу Кутузову написал император Александр I: «Граф Михаил Ларионович! Не могу скрыть от вас неприятное впечатление, которое произвели надо мною последние депеши ваши. Мирная негоциация не вперед продвигается, но назад. Вам следовало бы при столь явном нарушении доброй веры со стороны турецких чиновников решительно им объявить, что прекращение военных действий последовало единственно по соглашению визиря на известные кондиции, но если оные отвергаются, то вы немедленно разорвете перемирие и начнете тем, чтобы принудить к сдаче корпус, окруженный на левой стороне Дуная…» (Там же).

Кутузов поступил так, как приказал ему император, приблизил свои войска к турецким, ограничил движения будущих военнопленных. «На производство сих мер предосторожности, – писал он графу Румянцеву, – потребовалось более времени, нежели я первоначально предполагал, по причине обходов, которые от дурных дорог в настоящем позднем времени года отряды наши принуждены были сделать, а потому и конференция между нашими и турецкими уполномоченными не прежде могла быть назначена, как в последнее число декабря».

На конференции русский посол в Константинополе Андрей Италинский сказал:

– Хотя император и одушевлен желанием через заключение мира прекратить бедствия войны, но не следует упускать из виду, что у него есть обязанности в отношении к самому себе, к своему достоинству, к своей империи и к своим подданным. Вследствие того император требует, чтобы новая граница в Европе была определена рекою Серетом, как это было договорено с верховным визирем, и чтобы приобретения, сделанные нами в Азии силою оружия или особыми соглашениями с жителями, остались за нами: Анапа, Сухум, Суджан и Поти, а также все крепости, города и области и морские берега, находящиеся в настоящее время в

нашей власти, и чтобы судьба сербов обеспечена была особым условием в мирном договоре.

Турецкие уполномоченные во главе с Галибом-эфенди отнеслись к этим условиям отрицательно. Андрей Италинский в связи с этим отказом заявил, что конференция закрывается, а корпус с военнопленными будет отправлен в Россию.

После продолжительной дискуссии конференция была закрыта. Кутузов приступил к реализации императорских указаний. Но турецкие уполномоченные просили продолжить работу конференции.

Сведения из Парижа, что союз Франции и России становится все крепче, а Наполеон вынашивает планы о разделе Турецкой империи, были доведены до турецких уполномоченных в письме графа Румянцева графу Кутузову 5 марта 1812 года.

5 мая 1812 года были согласованы предварительные условия мирного договора, 16 мая был подписан и сам мирный договор.

«Нет нужды, кажется, доказывать, каким великим благодеянием для России было заключение этого мира перед самым началом Отечественной войны, – писал А.Н. Попов, – но и самые условия договора, по которым Россия получила Бессарабию и часть Молдавии, не только не роняли достоинства империи, но были таковы, что этот мир может смело быть поставлен в ряд договоров с Портою, заключенных Россией после блистательных войн и далеко не в таких затруднительных обстоятельствах. Еще менее представляется нужды доказывать ввиду изложенных обстоятельств, *кому* Россия обязана этим благодеянием, потому что она и почувствовала это и поняла в то самое время» (*Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. М., 2008. Т. 1. С. 205).

Еще в конце 1804 года, как писали историки, персидский шах Баба-хан громко заявлял, что «его силы несметны», «звук труб его раздастся не только в Грузии, но в Кизляре и Астрахани». Князь Цицианов действовал осторожно и пресек дальновидные планы персидского шаха. Так началась война с персами. Весной 1805 года шах собрал значительную армию, у русского главнокомандующего был всего лишь корпус в 20 тысяч солдат и офицеров. Столкновения с персами проходили вяло, слабо привлекали внимание государственных деятелей России.

Мирный договор с Персией Россия подписала в первые месяцы войны 1812 года.

С каждым месяцем 1811 года все яснее становилось, что франко-русский союз рушится на глазах, все очевиднее проявлялась непритворная враждебность Наполеона к русскому

императору и Российской империи. И достаточно прочитать письма князя Куракина к императору Александру, чтобы понять суть этих разногласий – Наполеон чувствовал себя властелином Европы, а русский император, начиная с Эрфуртских заседаний, все чаще выражал самостоятельность и независимость от французского императора, мечтавшего в это время подчинить не только Испанию, но и Великобританию уже не только континентальной блокадой, но и своим ратным походом на Индию.

Об этом свидетельствуют документы.

«Князь Куракин – Александру I: Париж. 25 апр. / 7 мая 1811.

Государь!

Я только что вернулся из Сен-Клу, с частной аудиенции, к которой Е. В. Император Наполеон изволил допустить меня, по моей просьбе, для вручения ему официального ответа В. И. В-ва на извещение о рождении короля Римского, и я тот час же спешу дать отчет В. В-ву о пространном разговоре, коим почтил меня этот Государь и который длился более двух часов. <…> Император начал его следующими словами: «Император Александр не имеет ко мне прежней привязанности: он окружен людьми злонамеренными, которые постарались внедрить в его сердце недоверие и подозрительность ко мне; никогда и не думал я начинать с ним войну, и не мог этого желать; его войска храбры, – эта война не имела бы для меня никакой цели: я в ней мог бы претерпеть только ущерб. Однако не скрою от вас, что я вооружаюсь. Я должен это делать: ваши значительные вооружения, в которых не признаются, которые у вас окружают глубокой тайною, вынуждают меня к тому; известия, получаемые мною со всех сторон, дают мне полное убеждение в их действительности; мне пишут из Стокгольма, что вывели из Финляндии три дивизии, чтобы двинуть их на границы герцогства Варшавского; мне дают знать из Букарешта и Константинополя, что пять дивизий вашей армии оставили берега Дуная, чтобы двинуться туда же». – Но, Государь, – ответил я, хотя мне ничего не пишут и мне ничего не известно о перемещении наших войск, о которых В. В-во изволите говорить, но я все-таки, если они действительно произошли, продолжаю думать, как я это постоянно повторял герцогу Кадорскому, а затем герцогу Бассано, что они суть лишь следствие распоряжений, находящихся в связи с внутренней организацией нашего военного департамента. – «Если так, – с живостью возразил Император, – зачем же так и не говорят? Это был бы по крайней мере ответ, которым я должен был бы удовольствоваться; мне не приходилось бы жаловаться на таинственное молчание,

которого держатся у вас со мною относительно этого пункта. Вместо того, когда герцог Виценский заговаривал об этом с графом Румянцевым, то, как мне известно, из последних его донесений, граф Румянцев не сознавался в этом: он вздумал оспаривать очевидность дела, всем известного. Когда я вижу, с одной стороны, такую скрытность, с другой, что отзывают без всякой надобности боUльшую часть армии, занятой вашей войной с турками, и которая, продолжая свои прошлогодние усилия и победы, не преминула бы окончить ее к вашему удовлетворению до конца нынешнего лета, как хотите вы – чтобы я оставался к тому равнодушным и не видел тут намерений, прямо направленных против меня?» – Я осмелился прервать его; я сказал, что могу представить ему, в самую эту настоящую минуту, самые убедительные уверения в дружбе и искренних чувствах В. И. В-ва; что мои последние депеши носят на себе отпечаток этих чувств и что, в доказательство их искренности, я получил положительное приказание уверить Е. И. и К. В-во, как только мне удастся быть в его близости, а его министра при всяком удобном случае, что В. В-во не замышляет никакой войны, что ничто не поколеблет твердого Вашего намерения сохранить Ваш союз с Франциею; что в то время, когда общеевропейская молва грозит Вашей империи войною, Вы не можете, Вы не должны уклоняться от мер предосторожности; что Е. И. и К. В-во сам подал Вам тому пример, ибо не из простой ли предосторожности счел он нужным возобновить укрепления и усилить гарнизон Данцига; что я могу засвидетельствовать самым торжественным образом, что В. В-во не желаете войны, что Вы конечно ее не начнете, что Вы желаете только мира и ищете только, в продолжении Вашего союза с Франциею, полного обеспечения для спокойствия Европы, взаимной выгоды обеих империй и всего того, что может удовлетворить Вашу личную дружбу к его И. и К. В-ву. «Ах, князь Куракин, – воскликнул Император, – по всему тому, что вы говорите, вижу, что от вас скрыты тайны вашего кабинета. Вы повторяете то, что вам пишут; ваше убеждение одушевляет вас, и вам не известно решение, конечно, уже принятое в Петербурге и без которого, конечно, не могли бы действовать так, как действуют. Как приписывать мне намерения, которых у меня не было и нет; как верить в призраки, не имеющие ничего существенного, ибо эти слухи, которые могли вас заставить подумать, что вы в опасности, суть ведь лишь призраки! Но никогда не боялся я угроз; не с теми силами, какими я располагаю, могу я их бояться.

Не угрозами заставят меня сделать то, чего от меня хотят. Вы хотите войны; я ее не хочу. Хорошо же: мы будем воевать; мы

довершим разорение Европы; мы прольем много крови; мы снова заставим страдать человечество, и что же может от этого выиграть тот или другой из нас? Ровно ничего: мы только истощим друг друга. Я не скрыл от вас, что я вооружаюсь; ваши вооружения заставляют меня продолжать мои; необходимо, чтобы я держался в уровень с вами и делал с моей стороны все то, что вы делаете с вашей; ваши вооружения уже обошлись мне в сто миллионов, которые я должен был употребить на мои, отклоняя их от иных назначений; вы препятствуете мне заключить договор с Англией; вы принуждаете меня ослабить усилия, которые я сделал бы для подавления волнений в Испании; вы заставляете возлагать на мою страну новые тягости; одного положения, принятого вами, достаточно, чтобы связать меня во всех моих предприятиях. Когда великая держава, какова Россия, восстает на вас, то она естественно отвлекает вас от прочих дел, которые у вас на руках. Император Александр более меня не любит; он забывает, чем он мне обязан; он не хочет помнить, что после Фридландской битвы я через десять дней мог бы быть в Вильне, что я мог бы восстановить Польское королевство, чего вы так напрасно боитесь, но чего я не хотел тогда, и не мог хотеть впоследствии. Назовем вещи по имени: вас раздражает герцогство Варшавское, вы хотите захватить его». – Я снова осмелился прервать Е. И. и К. В-во и заметить ему, что я не понимаю, откуда он может выводить такие заключения; что, по искреннему моему убеждению, в мыслях В. В-ва никогда не бывало ничего подобного; что по всему тому, что мне известно о Ваших намерениях, я в том могу поручиться. – «Как ни старались бы вы, князь Куракин, меня разуверить, я настаиваю на своем; повторяю, что вы ничего не знаете о намерениях вашего кабинета; тайны его вам неизвестны; все, что у вас делается, клонится лишь к этой цели; но теперь моя честь требует, чтобы я поддержал целость этого государства, состоящего под моим покровительством; в этом замешано мое доброе имя; я не могу допустить, чтобы вы отняли у него пядь земли. Отчего Император Александр отказался в Тильзите от первого плана, который я ему предложил? Приняв его, он бы теперь был избавлен от беспокойств, которые причиняет ему это Варшавское герцогство. Почему в 1809 году так медленно двигалась и действовала русская армия? Если бы она поспешила занять Галицию, как ей и следовало сделать, – Галиция осталась бы за вами; не я виновен в том, что вы этого не захотели, и однако же, одной из статей Венского трактата, я выговорил для вас уступку Австрией округа Галиции в 400 тысяч жителей. У вас не могут не знать, что Император Австрийский для того, чтобы не нарушить целости

своих немецких провинций, предлагал уступить мне обе Галиции и что в это время, если бы я того захотел, я опять мог бы восстановить Польшу. Отчего Император Александр для того, чтобы успокоиться окончательно насчет новых своих подданных, бывших поляков, и насчет восстановления Польши, не захотел заключить на ее счет конвенцию, о которой мы уславливались, согласясь на изменения в редакции первой статьи, мною предложенные? Ибо граф Румянцев предложил ему эту статью в выражениях, возлагавших на меня обязательства сверх человеческих сил и которые я, следовательно, не мог принять на себя. С тех пор об этой конвенции не было более речи, и она предана забвению, несмотря на все приятные и полезные последствия, которые она вам обещала. Отчего Император Александр не поручил вам заключить ее со мною?

Отчего не уполномочил он вас на это? Мы бы согласились, и она давно была бы заключена. Мне теперь грозят у вас на деле, но я уже сказал вам, что я не привык бояться угроз: не ими удастся меня поколебать. Вы хотите Варшавского герцогства, вы хотите Данцига, – я знаю, что вы их хотите, – вы ищете лишь пустых предлогов, чтобы начать войну, предполагая, что вы войною добьетесь своего; но если Император Александр, склоняясь к коварным советам, непременно хочет ее начать, – повторяю, что я готов ее вести. Я вооружаюсь, – я это вам сказал, – и вооружусь еще более; при первом известии о враждебном движении ваших войск сяду на коня; воевать мне не учиться; войною, моими компаниями, моими победами удалось мне сделаться тем, что я теперь. Что выиграет Император Александр, сразившись со мною? Мы навлечем лишь бедствия на наши государства; ваши войска храбры, и я могу претерпеть неудачи; но если счастье окажется на моей стороне, Россия очень может раскаяться в том, что столь необдуманно предприняла эту войну, без всякого повода с моей стороны. Поистине не могу понять ослепления, господствующего у вас; по-видимому, не хотят и подумать о случайностях будущего, и эта новая система, которую приняли у вас и которой, по-видимому, решились держаться, также необъяснима! Я, по крайней мере, ее не понимаю.

Разве Император Александр решился предпочесть союзу со мной союз с Англией?» – Но, Государь, – возразил я, – я уже имел честь сказать Вам, что я получил от Государя Императора настоятельное приказание засвидетельствовать вам положительно, и я осмелюсь повторять Вам всячески, что Е. И. В-во не хочет войны, что оно желает лишь мира и продолжения своей дружбы и своего союза с В. И. и К. В-вом. Должен прибавить, чтобы совершенно рассеять мысли, которые выражает

мне В. В-во насчет изменения расположений Государя Императора относительно Англии, что гр.

Румянцев поручает мне с особым тщанием опровергать слухи, могущие возникнуть о наших сношениях с англичанами; что он положительно заверяет меня, что их нет и что у нас готовятся отразить оружием всякую попытку, которую англичане могли бы произвести на наших берегах. – «Очень хорошо, – сказал Император, – согласен этому верить, – я не имею известий о противном; но этим не сказано, чтобы мысль эта не существовала и чтобы не могли думать об ее осуществлении. Во всяком случае, вы оказываете большую услугу Англии, вынуждая меня ослаблять меры, которые я должен против нее принимать, давая ей предчувствовать возможность разрыва между вами и мною и вашего сближения с нею, которое было бы первым его последствием. Сказавши вам, что я вооружаюсь и что к тому вынуждаете меня вы, я должен сказать вам также, что теперь я готов принять нападение. Данциг и крепости, коими я владею на Одере, вооружены для защиты; признаюсь вам, что, давая знать вам через герцога Кадорского, что я усилю гарнизон и укрепления Данцига, я ссылался на англичан лишь в виде предлога; но истинною причиною тому были вы, – против ваших нападений старался я обеспечить Данциг. Я приказал армии Варшавского герцогства очистить его при малейшем движении ваших войск и сосредоточиться около Данцига и одерских крепостей; я велел Саксонской армии расположиться лагерем и быть готовою, в случае нужды, выступить на помощь армии герцогства Варшавского. Если вы вступите в область Рейнского союза, – берегитесь!

Не заблуждайтесь насчет моих сил; вас обманывают ложные слухи, представляя их поглощенными Испанской войною: я выступлю против вас с 400 тысяч человек; соберу их, если нужно, больше; употреблю против вас иные силы, а уже не те, которыми я располагал до Тильзитского мира. Состояние ослепления, в котором у вас находятся, походит на то, которое овладело Берлинским двором перед Йенскою битвою, и я имею повод ему удивляться».

В течение этого разговора я многократно осмеливался прерывать Императора Наполеона теми же представлениями, теми же уверениями, теми же объяснениями. Но, не останавливаясь на них, он снова подхватывал нить своей речи и продолжал ее. – «Вы грозите мне, – сказал он затем. – Этот циркулярный протест по Ольденбургскому делу, разосланный вами ко всем дворам Европы, был угрозою против меня; он доказывает, сколь мало дружбы сохранил ко мне Император

Александр; когда производят протест этого рода, бросают перчатку, говорят, что хотят вести войну из-за дела, подавшего повод к протесту; но стоит ли того это Ольденбургское герцогство, чтобы произвести разлад между двумя великими империями и войну между нами? Берега Бранденбурга благоприятствовали английской контрабанде, – я должен был присоединить эту страну и ганзейские города к моей империи, в силу системы, принятой мной вследствие морской войны, для того чтобы избегнуть войны (сухопутной), которую я считаю столь великим бедствием. Что же? Если Император Александр непременно этого хочет, я вновь водворю герцога Ольденбургского в его герцогстве, – но что он от этого выиграет? Он будет раздавлен французскими войсками и таможнями; он постоянно будет служить яблоком раздора между Россией и Францией, а этого-то я и хотел избежать, предлагая ему в ином месте приличное вознаграждение. Если Эрфуртское княжество, владения, которые я бы к нему присоединил, и другие вознаграждения, которые я мог бы к тому прибавить, не по сердцу герцогу и России, пусть же Император Александр выскажется насчет того, чего он может для него желать и требовать; пусть он назовет мне то, чего он желает на место Эрфурта, если он Эрфурта решительно не хочет! Если он сочтет это нужным, пусть он прикажет завязать здесь переговоры и поручит их вам; он увидит тогда мою готовность удовлетворить его во всем. Но вы сказали герцогу Бассано и перед тем герцогу Кадорскому, что вы не имеете полномочий для переговоров; вы даже не согласились дать первому письменный отзыв по этому поводу, говоря, что вы на это не уполномочены: не таким способом можно дойти до соглашения, не таким способом улаживаются дела, которые покончить так легко! Захотим ли мы оставаться пять-шесть лет во всеоружии, постоянно держать друг друга в беспокойстве, истощая без нужды наши силы и финансы? Совсем иначе поступил я по поводу этого протеста: он меня оскорбляет, он огорчает меня; не от друга и союзника мог я ожидать чего-либо подобного; он должен служить мне угрозою; и однако же, я на него не ответил, я храню на его счет безусловное молчание; мне приготовили ответ на этот протест, но я его отверг. Если бы, вместо этого протеста, Император Александр предпочел бы написать мне, выражая мне участие, принимаемое им в его близком родственнике; если бы он высказал мне желание, чтобы я сделал для него еще более, чем сколько я был намерен для него сделать, я бы исполнил его желание, и нашел бы в этом особенное удовольствие. Если бы даже он потребовал у меня один или два округа Варшавского герцогства для своего дяди, в

вознаграждение за Ольденбургское герцогство, я не поколебался бы принудить короля Саксонского к этой уступке; но тогда я это сделал бы потому, что требование было бы заявлено мне дружеским способом и тоном; тон угрожающий не есть тот, который может на меня подействовать. Если бы Император Александр, до своих вооружений, вздумал бы потребовать от меня даже Данцига и его округа, я думаю, что и его бы я уступил». – Но, Государь, – опять прервал я его, – так как В. В-во изволите говорить со мной об этом протесте, то позвольте мне представить Вам, что я не могу смотреть на него с той же точки зрения, как Вы: он не имеет ни враждебного, ни угрожающего характера; в нем заключается самое положительное свидетельство той цены, которую Государь Император придает союзу с вами, и его желания поддержать этот союз. Этот протест имеет лишь смысл оговорки, которую Е. И. В-во счел нужным сделать насчет собственных своих прав и прав своего семейства на герцогство Ольденбургское – их общую отчину; и бесчисленные примеры, занесенные в летописи прошлых столетий, оправдывают подобные декларации и ставят их в обязанность. – «Все то, что Вы мне говорите, – возразил Император, – не изменит моего мнения насчет свойств этого протеста и смысла, который я должен ему придавать.

Впрочем, у вас, по-видимому, не хотят помнить, что вступление герцога Ольденбургского в Рейнский союз весьма видоизменило условное право его семейства на его герцогство и что нужно быть членом этого союза и принадлежать к нему, чтобы иметь право на владение, к нему причисленное. Но я хочу вознаградить герцога; я сделал предложения для его вознаграждения. Эти предложения не пришлись по вкусу герцогу и России; пусть же теперь Император Александр выскажется насчет того, чего он от меня желает для герцога; пусть он назначит место и свойство вознаграждения, которое мог бы я ему доставить, так как Эрфурта он не хочет. Этот выбор – дело Императора Александра. Я исполнил мою обязанность, сделав ему мои предложения, высказав мое желание; чтобы герцог ничего не потерял. Так как вы не можете сказать мне более того, что вы знаете, и, конечно, совершенно не ведаете, чего желает Император Александр для вознаграждения своего родственника, то для того, чтобы узнать точнее истинные намерения Императора, моего союзника, и то, что я могу сделать с ними согласного, я должен дождаться первых донесений генерала Лористона, который должен доехать сегодня, поздно завтра, в Петербург, и весьма близкого возвращения ко мне герцога Виценского: и тот и другой, конечно, доставят мне новые

сведения о расположении и истинных видах Императора Александра. Жду этих сведений с большим нетерпением, ибо мне желательно выйти из того состояния колебаний и беспокойства, в котором мы оба находимся. Покуда я вооружаюсь и буду продолжать вооружаться. Я к этому вынужден для того, чтобы меня не взяли врасплох; для того, чтобы с моей стороны было сделано все то же, что и с вашей. Как мне оставаться спокойным насчет этого очевидного изменения в видах и чувствах ко мне Императора Александра? Я знаю, что при Императоре Александре есть генерал, которому было поручено предложить Швеции, за ее нейтралитет и даже содействие на случай войны со мною, возвращение большей части Финляндии, а именно всей северной части этой провинции, и общее владение Аландскими островами. Я знаю так же, что вы спешите заключить мир с турками, предлагая им, для ускорения дела, новые условия, отказываясь на сей раз от всегдашнего вашего притязания удержать под вашим владычеством Молдавию и Валахию. Эти новые решения с вашей стороны, противоположные всем началам, которыми вы руководствовались до сих пор, – не должны ли они мне служить доказательством, что, решившись на войну со мною, вы жертвуете ей всем тем, что вы находили для себя выгодным? Отступление пяти дивизий вашей дунайской армии произвело столь сильное впечатление в Константинополе, что Рейс-эфенди тотчас известил о том моего поверенного в делах, предупреждая его, что теперь вы направите все ваши силы против меня, и Янинский паша, узнав об этом, тотчас дал знать об этом губернатору острова Корфу и тот час устранил все препятствия к подвозу на остров провианта с материка. Если вы начнете со мною войну, предупреждаю вас, что нападу на вас с большими силами: во-первых, северогерманская армия назначена для действий против вас; затем войска, расположенные во внутренности Франции, перейдут Рейн для того же; а в-третьих, я устраиваю в Италии большой лагерь, войска которого, так же назначенные против вас, должны будут двинуться на ваши границы через юг Германии. Раскрывая вам таким образом мои планы, повторяю, что я не хочу войны, в особенности с вами: я не новичок в военном искусстве, – я им занимался всю жизнь, и льщу себя тем, что несколько умею рассчитывать и подготовлять наперед военные события». Произнесши эти слова, он расспросил меня о моем здоровье и простился со мною.

Я забыл, Государь, вставить в это донесение, что Император Наполеон, выслушавши уверения, сделанные ему мною от имени В. В-ва, сказал: «Видите ли, князь Куракин, теперь, когда вы входите ко мне со шлемом на голове, эти уверения не могут

произвести на меня того действия, которое бы они неминуемо имели, если бы вы предстали передо мною с белым жезлом в руках». Я тотчас ответил ему, что, сохраняя подобие, употребленное Е. В-вом, могу уверить его, что голова моя не покрыта шлемом и что я действительно думаю, что в моих руках белый жезл; что по этому самому и осмелился я говорить с ним о мирных и дружественных уверениях, которые поручили мне передать В. И. В-во.

Смею считать, Государь, весьма прискорбным (по трате времени, которое протечет прежде, чем нам удастся все уладить миролюбиво с Императором Наполеоном), то обстоятельство, что В. И. В-во не изволили снабдить меня предварительно инструкциями, достаточными для начатия переговоров о вознаграждениях, желательных для герцога Ольденбургского, и о прочих предметах, в настоящее время дающих повод к беспокойству и запросам Франции.

Да соизволите В. И. В-во облечь меня теперь, как того желает Император Наполеон, своим полномочием для открытия и заключения переговоров, которые касались бы вознаграждения герцога, Вашего дяди, за утрату его герцогства; да соизволите В. В-во в то же время и в той же форме уполномочить меня на возобновление вопроса о бывшей Польше, для того чтобы новая конвенция дала этому вопросу прочное разрешение; и смею думать, что при моем усердии и рвении к Вашей Особе и службе мне удастся покончить здесь эти два дела способом быстрым и гораздо более действительным, чем могут они быть разрешены в Петербурге, значительного удаления которого от Парижа уже достаточно, чтобы лишить эти дела того деятельного хода, который, по моему мнению, в настоящих обстоятельствах есть единственный соответствующий интересам В. И. В-ва. Остаюсь…» и т. д. (РА. 1870. № 1. С. 121–136).

Примерно в это же время состоялся разговор маркиза Коленкура с императором Наполеоном. Коленкур сложил свои полномочия в Петербурге, а маркиз Лористон их принял 11 мая 1811 года. Маркиз Коленкур, выехавший из Петербурга 19 мая, явился к Наполеону 5 июня 1811 года в Сен-Клу. Наполеон принял его сухо, выразив все свои обиды и укоризны в отношении императора Александра, а виновником этих обид представил маркиза Коленкура. Разговор продолжался больше пяти часов, и Коленкур отверг все обвинения императора. «Император был очень резок со мной и сказал, – писал Коленкур, – что император Александр и русские оставили меня в дураках, что я не знаю о происходящих событиях, что маршал Даву лучше осведомлен, чем я, что генерал Рапп лучше, чем я, держит его в курсе дел, и т. д. Я

ответил, что пусть другие раздувают огонь, повторяя нелепые сказки каких-нибудь низших агентов, желающих оправдать свое жалованье; я же убежден в точности своих сообщений и тех сведений, которые я имею честь вновь ему доложить; я готов отдаться под арест и положить свою голову на плаху, если донесения Лористона и сами события не подтвердят все, что я сообщал и что ему говорил.

Не знаю, навела ли императора моя уверенность на какие-либо серьезные размышления, но он хранил молчание по крайней мере в течение четверти часа и расхаживал по своему кабинету, не произнося ни слова. Наконец он промолвил:

– Значит, вы думаете, что Россия не хочет войны, что она останется в союзе и примет меры для поддержки континентальной системы, если я удовлетворю ее в вопросе о Польше?

– Вопрос, – ответил я, – уже не ограничивается Польшей. Тем не менее я нисколько не сомневаюсь, государь, что там были бы весьма удовлетворены, если бы ваше величество удалили из Данцига и из Пруссии по крайней мере наибольшую часть тех войск, которые собраны там, как полагают, исключительно против России.

– Значит, русские боятся? – спросил император.

– Нет, государь, но, как, рассудительные люди, откровенно объявленную войну они предпочитают положению, которое не является действительным миром.

– Что же, они хотят предписывать мне законы?

– Нет, государь.

– Однако требовать, чтобы я эвакуировал Данциг для удовольствия Александра, – это значит диктовать мне свою волю…

– Так они и не говорят. Император Александр, когда я расставался с ним, сказал мне: «Император Наполеон знает обо всем, что являлось посягательством против союза, обо всем, что беспокоит Европу, обо всем, что приобрело угрожающий и даже враждебный характер по отношению к его союзнику. Если союз еще полезен для него, то он лучше кого бы то ни было будет знать, что необходимо для его сохранения. Нынешнее положение вещей не может продолжаться, так как нужно, чтобы союз был выгоден для обеих сторон, а с тех пор, как ваши войска стоят на моих границах, в состоянии мира нахожусь лишь я один. Если я еще не потребовал объяснений по поводу всего происшедшего, то потому, что я надеюсь, что император Наполеон, лучше уяснив свои действительные интересы, возвратится к мерам, более соответствующим объединившему нас союзу. Если бы этот союз

не должен был побудить Англию к миру и тем самым гарантировать успокоение всего мира, то я принял бы уже свое решение».

– Это и есть рассуждения, при помощи которых вас надули, потому что он их пересыпает любезностями. Ну а я – старая лисица, я знаю византийцев…» (*Коленкур А де*. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 37–40).

Коленкур продолжал настаивать на своей позиции, Наполеон – на своей. Наполеон говорил об императоре Александре, что он «человек фальшивый и слабохарактерный», «у него византийский характер», «Александр честолюбив, у него есть цель, которую он скрывает, ибо желает войны», «Нас поссорил австрийский брак. Император Александр рассердился на меня за то, что я не женился на его сестре». Коленкур приводил свои аргументы в пользу мирных соглашений с Россией: «Нужны соглашения, построенные на взаимной выгоде; то же самое нужно для всей вообще морской торговли; нужно терпеть допущение нейтральных судов, если мы хотим, чтобы допускались и продавались грузы, имеющие лицензию. Нужно устроить принца Ольденбургского так, чтобы он не был поставлен, как в Эрфурте, в абсолютную зависимость от вас; нужно заключить соглашение о Данциге, о прусских делах и т. д. и т. д. Когда император увидел, что я перешел к политическим вопросам и что при обсуждении их он, несомненно, будет вынужден сказать больше, чем хочет, он заявил, что Лористону даны поручения по этим вопросам и что я, вероятно, нуждаюсь в отдыхе.

Я просил его величество позволить мне сказать еще лишь одно слово.

– Говорите, – разрешил император.

– Война и мир в ваших руках, государь. Я умоляю ваше величество подумать о своем собственном счастье и о счастье Франции, когда ваше величество будете выбирать между превратностями войны и хорошо скрытыми выгодами мира.

– Вы говорите как русский, – ответил император.

– Скорее как добрый француз, как верный слуга вашего величества» (Там же. С. 46–47).

«Si vis pacem, para bellum» («Если желаешь мира, будь готов к войне») – эту фразу древних римлян хорошо знали императоры Наполеон и Александр I. В середине 1811 и в начале 1812 года, не скрывая своих намерений, Франция и Россия готовились к войне: Наполеон мечтал о покорении не только Европы, но и мира, тогда Париж – столица мира; Александр I надеялся противостоять завоевательным планам французского императора. Причем оба императора уверяли друг друга в дружбе и миролюбии. В феврале

1812 года французский министр иностранных дел Маре, герцог Бассано, пригласил полковника Чернышева и после короткого разговора посетить Наполеона в его кабинете во дворце Тюильри. Наполеон часто пользовался услугами полковника, военного агента, и на этот раз он сказал:

– Господин Чернышев! Я прошу вас передать письмо императору Александру. Письмо мое будет коротко. Вы хорошо знаете, что у императоров не так много времени, чтобы писать длинные письма, если они не могут сообщить друг другу ничего приятного. По донесениям мне известно, что канцлер граф Румянцев в разговоре с нашим послом Лористоном распространяет слухи о том, что французское правительство намерено восстановить Польшу, поддаваясь польским интригам. Я вовсе к этому не стремлюсь, об этом я много раз напоминал русскому правительству. Чтобы возобновить на прежнем основании тесную дружественную связь между союзными империями, надлежит обратиться к Тильзитскому трактату, условиться в совершенном исключении английских судов из ваших гаваней и запретить ввоз колониальных товаров. Считаю неуместною шуткою уверения, будто бы к вам приходят только одни американцы, тогда, когда я имею в руках документы ваших заказов на Лондонской бирже и когда известно во всей Европе, что англичане под американским флагом имеют доступ в Ригу и другие порты России, откуда их товары перевозятся сухим путем в Австрию, Пруссию и даже во Францию, что уничтожает вполне все строгие меры, принятые в подвластных мне странах… Не раз я уже объявлял, что буду воевать с вами, как только вы откажетесь от постановлений Берлинского и Миланского декретов, которые ваш государь обязался исполнять по условиям Тильзитского трактата. Напрасно Россия льстит себя возможностью, воюя с Англией, вести с нею недозволенную торговлю: подобное нарушение договоров могла бы позволить себе только какая-нибудь небольшая бедная страна, подобная Швеции… По моему мнению, обнародование нового русского тарифа было знаком изменения вашей политической системы. И сколько раз император Александр обрушивал на меня упреков за Ольденбургское герцогство? Государь ваш своим протестом сделал мне вызов. Желая искренно мира с Россией, я не принял этого вызова и не отвечал на него, потому что мог отвечать только объявлением войны. Впрочем, если вы будете поступать по-прежнему, то я объявлю, что герцог Ольденбургский, не выслав своего контингента в последнюю войну против Австрии и, следовательно, нарушив обязанности члена Рейнского союза, потерял свои права на владение, на которые не признаю прав

Российского императорского дома. Только лишь из снисхождения к вашему государю я до сей поры не объявил о том, желая устроить это дело по-дружески. А иначе мог бы свои войска перевести к Висле: во всяком случае, имею право идти до Данцига.

Александр Чернышев, внимательно слушая Наполеона, перебирал в памяти наставления императора Александра:

– Ваше величество! Именно такое право и возбуждало справедливое опасение нашего государя, и без того мы не были бы в необходимости собрать на всякий случай значительные силы. Император Александр не помышлял о войне за пятнадцать месяцев тому назад, за год, за полгода, когда французская армия в Германии была несравненно менее. В настоящее время сбор французских войск в Пруссии оправдывает нашу недоверчивость и неминуемо подействует на общественное мнение в Петербурге.

– А кто в этом виноват? – спросил Наполеон. – По словам вашим, вы не хотите войны. Почему же отказываетесь вести переговоры? Зачем продолжаете вооружаться? Вы прежде считали выступление наших войск в Пруссии победою, а теперь – сами заставляете меня снова занять Пруссию. Положительно уверяю вас, что в этом году не начну войну, если только вы не вторгнетесь в герцогство Варшавское или во владения короля Прусского, которого считаю своим союзником. Если у вас возникают какие-то недовольства, то пришлите ваших уполномоченных, в переговорах все и решим.

Наполеон вручил полковнику Чернышеву письмо императору Александру: «Государь, брат мой! По прибытии курьера с донесением от графа Лористона, отправленным 6-го числа сего месяца, я счел нужным поговорить с полковником Чернышевым о неприятных событиях, происшедших в течение последних пятнадцати месяцев. От Вашего величества зависит все кончить. Передавая это письмо, прошу В. В. никогда не сомневаться в моем желании явить доказательства отличительного уважения к Вашей Особе. Париж. 24 февраля 1812».

Посылая это письмо императору Александру, Наполеон уже приготовился к войне. Не только Франция, но и Италия, Рейнский союз, Пруссия, Австрия приняли участие в ней. Швеция и Турция высказались за нейтралитет.

Еще одно важное свидетельство князя Куракина из письма графу Румянцеву:

«Париж, 3/15 августа 1811. С егерем Кавницким.

Граф, теперь полночь. Только что возвращаюсь из Тюильри и, не смотря на усталость, сажусь писать к Вам, чтобы через посредство В. С-ва отдать Е. И. В-ву отчет в неожиданном и весьма

важном разговоре, который Император Наполеон счел нужным иметь со мною нынче вечером и который длился более двух часов в его тронной зале, в присутствии всего его Двора и всех иностранных послов. <…>

Я имел неудовольствие выслушать от Императора, при всех, все то, что он изволил сказать мне на частной аудиенции, которую он давал мне три месяца тому назад; все то, что он затем говорил в том же смысле и о тех же предметах гр. Шувалову, – все его жалобы на Россию; его неудовольствие на последние полученные мною депеши; что гр. Лористон, которому В. С-во их сообщили, не преминул сообщить Вам, что они ничего не значат; что они не ведут к объяснениям и к концу столь желательному для обеих сторон; что он велел мне сказать через герцога Боссано, что мы сделали лишь шаг назад; что мы решительно не хотим объясниться и отвечать на шаги, делаемые им в течение шести месяцев; что вот уже шесть месяцев, как он предлагает согласиться насчет ольденбургского дела; что он предлагал вознаградить герцога Ольденбургского всем, что было в его власти, <…> что у нас есть задняя мысль – без сомнения, желание приобрести Данциг, но что он не может уступить этого города, пока Россия вооружена, или какой-либо округ герцогства Варшавского, что он по тем же причинам никогда не согласится на это; что его честь замешана в том, чтобы сохранить в целости это новое государство, устроенное его заботами; что он это обещал и сдержит слово; что он не уступит из него ни единой пяди земли, ни единой деревни; что он отдал его королю Саксонскому, столь известному своею мудростью, чтобы отнять у России всякий повод к беспокойству; что он увеличил Варшавское герцогство присоединением Галиции, потому что честь предписывала ему не приносить в жертву Австрии галичан, во время войны возмутившихся в его пользу; что, несмотря на все мои уверения, он видит ясно и безошибочно, что Россия льстится на Варшавское герцогство, что она хочет поглотить его, но что он обязан тому воспротивиться; что он, конечно, не хочет войны с нами, но что мы его на нее вызываем; что наш манифест, разосланный ко всем дворам Европы, лучшее тому доказательство; что, как ему очень хорошо известно, этот манифест не мог произвести на Пруссию и на Австрию ожидаемого нами действия, ибо Пруссия должна была помнить, что мы взяли у нее Белосток, а Австрия, что мы, для округления нашей границы, были весьма довольны отнять у нее несколько округов Галиции; что наш протест не есть простое заявление для ограждения прав Императора и его дома, как продолжаю я утверждать, но настоящий манифест; что выражения в нем,

относящиеся до чувств Государя к нему и до союза с Францией, на которые я так беспрестанно ссылаюсь, вставлены сюда лишь как простая, обычная формула; что присоединение Гамбурга могло не понравиться России, что он это понимает, по причине его торговли, но что он вовсе не может понять системы, которой в настоящее время держится Россия, и соображений, которыми она может руководствоваться; что она в войне с Англией, в войне с турками и сверх того расходится с Францией; что он думал, что рассчитался с Россией в Тильзите, под Фридландом и Аустерлицем, как уже рассчитался с Австрией, которая это сознает и которую можно только похвалить со времени последнего мира; что она было вообразила, что может, пользуясь его войной с Испанией, возвратить себе потерянное, но что она в этом разуверилась; что каковы бы ни были мои доводы, он все-таки скажет, что мы вооружились первые; что Государь сам сказал графу Лористону, что он готов на войну, следовательно, он был готов на нее, готов прежде его, и когда он о ней еще не думал; но что теперь иное дело, и он не скрывает, что вооружается, что издержал сто миллионов на вооружения, что эти вооружения уже теперь значительны и что он не прервет их, а будет увеличивать их в течение года, двух лет, трех лет, пока Россия не объяснится откровенно насчет того, чего она хочет, и не уладит с ним своих неудовольствий; что хотя я постоянно повторяю ему, что она ничего не хочет, что она желает лишь продолжения его дружбы с ним, он не может тому верить; что ее вооружения доказывают противное; что она уже нанесла себе величайший вред, лишив себя возможности заключить с турками мир, согласный со своими желаниями; что этого достигнуть ей было бы легко, если бы она продолжала наступление и преследовала успехи, одержанные ею в прошлом году на правом берегу Дуная; что лишь постоянно наступая можно принудить неприятеля к предлагаемому миру; что он не понимает, как могли у нас возлагать какие-либо надежды на переговоры в Букареште, и даже как могли ими заняться, уменьшив в то же время войска на Дунае, движения и новые победы которых должны были бы содействовать переговорам о мире; что, отодвинувши, из пустого страха перед писаниями газетчиков, пять дивизий из Валахии, мы до того в ней ослабили себя, что наша оборона не на всех пунктах будет достаточна; что Рущукская битва делает честь храбрости наших войск, но что главнокомандующий слишком далеко выступил из города. «Эта победа, говоря по-военному, между генералами как мы, – сказал он, взглянув на князя Шварценберга, стоявшего около меня, – но так как я говорю о предметах политических, то я скажу, что политически вы побиты; ибо вы оставили Рущук,

который вы хотели и должны были сохранить, в качестве tete de pont; ибо ошибочно думать, что можно препятствовать переправе через большую реку, не владея tete de pont по ту сторону ее. Не скрываю, что я уже вооружен и что я еще увеличу мои вооружения, и это потому, что я мог это сделать, что вооружения для меня легче, менее тягостны, чем для России, ибо я имею более денег, более средств, чем она. Я сказал, что не желаю воевать с Россией и что могу оставаться три года в том вооруженном состоянии, в котором теперь нахожусь; но если в этот промежуток времени Россия не объяснится насчет того, что она хочет, насчет своих неудовольствий; если наши распри не уладятся, – мне нельзя будет продолжать постоянно те же жертвы; меры, которые я принимаю и буду продолжать принимать, поглотят мои деньги, и, когда я увижу себя накануне их истощения, я буду вынужден против воли взяться за оружие. Я не хочу войны, я не хочу искать ее так далеко на севере, я не хочу восстановления Польши, я это высказал положительно в моих публичных речах в законодательном корпусе и всякими иными способами; я это сказал князю Понятовскому; поляки это знают. Если я буду вынужден к войне, я так же могу быть побежден; но если этого не случится, то первым последствием того будет восстановление Польши. Я еще готов успокоить Россию на этот счет посредством конвенции подобной той, которая едва не была заключена и которой я не мог утвердить вследствие слова, фразы, которую хотел включить в нее граф Румянцев и которой я не мог допустить, ибо обязаться ею и ее исполнить – сверх человеческих сил. Я готов на эту конвенцию, только бы граф Румянцев не вздумал настаивать на этой фразе, что *Польша никогда не будет восстановлена*, ибо мне всегда придется отвечать на нее то же, что я уже отвечал. Я произвел новую конскрипцию, я вооружился, я усилил гарнизон и укрепления Данцига, но я сделал это все лишь тогда, когда до меня стали доходить со всех сторон самые подробные известия о значительных вооружениях России, хотя герцог Винценский ничего не говорил мне о них и в Петербурге постоянно старались их от него скрыть. Я сформировал новые батальоны в полках моего войска. В ноябре у меня будет двести тысяч человек, независимо от восьмидесяти тысяч, посланных мною нынешним годом в Испанию. В будущем году я опять произведу конскрипцию, которая даст мне еще двести тысяч человек против вас, не считая войск Рейнского союза и Варшавского герцогства; через два года я повторю ту же меру, и тогда в моем распоряжении будет шестьсот тысяч человек. Продолжая таким образом постепенно увеличивать мои силы против России, я ежегодно буду посылать по 25 тысяч человек в

Испанию, и для того, чтобы там покончить войну, я не стану делать того, что вы делаете, чтобы покончить вашу войну с турками. Я не стану пугаться некстати призраков моего собственного воображения. Как мог я не поверить сведениям, получаемым мною о ваших вооружениях и о назначении их против меня, когда вы увеличивали их в ущерб вашим собственным интересам, употребляя на них ваши войска, расположенные в Финляндии, и пять дивизий вашей армии, выдвинутой против турок, чем существенно изменились шансы вашей войны с ними? Император Александр не хочет войны, – он это говорит, вы непрестанно это повторяете; хочу вам верить; но факты не согласуются со словами… <…>

Император Александр и граф Румянцев будут отвечать за бедствия, которые они навлекут на Европу войною. Можно знать, когда хочешь ее начать, но нельзя знать, когда и как удастся ее окончить. Откровенностью всегда должен отличаться язык великих держав, а у вас ее не соблюдают. Я был очень обрадован, когда генерал Лористон известил меня, что Император сказал ему, что ему очень нужно возвратить на Дунай пять дивизий, которые он отодвинул оттуда, и что он это сделает, как только я уменьшу наполовину мой гарнизон в Данциге. Я видел в этой откровенности шаг к сближению, и я надеялся, что все между нами кончится; но от вас это скрыли; вам об этом ничего не сказали в только что полученных вами депешах; не захотели даже, чтобы вы мне это подтвердили официально; вам ничего не отвечают на отчет, конечно вами посланный, о моем разговоре с вами и о том, который я имел с гр. Шуваловым, когда я повторил ему все то, что я говорил вам; отвечают молчанием на все представления, которые вы не могли не сделать. Это молчание не указывает ли ясно на то, что в Петербурге имеют задние мысли и намерения, которые пока скрывают уверениями в дружбе? Они непостижимы в своем ослеплении: их не поймешь; они действуют, как действовала Пруссия, когда стремилась к собственной гибели. Я не чета графу Румянцеву, который надо всем острит и шутит; я этого не умею; я на все смотрю серьезно и действую по заключениям, к которым меня приводят мои обязанности к моим народам и истинное положение дел. Я знаю, что вы хотите отправить курьера; отправьте его; известите Императора Александра о всем том, что вы от меня слышали; я знаю его здравый ум и весьма на него рассчитываю. Вот уже год, как я начал замечать изменение в его способе действий относительно меня; я говорил с вами неофициально, – это простая беседа; наконец, от души желаю, чтобы исполнились ваши желания и чтобы вам удалось вскоре увидеть, как вы надеетесь, все

затруднения между нами улаженными, и наши отношения поставленными на старинную ногу».

Сказавши эти слова, Император поклонился мне, точно так как и князю Шварценбергу, и тотчас удалился. <…>

Чувствую, что должен был бы написать прямое донесение к Е. И. В-ву об этом длинном и удивительном разговоре, коим почтил меня Император, Его союзник; но, уважая его занятия и не имея чести, в течение около трех лет, проведенных мною здесь, получить от Него какой-либо ответ, я не посмел этого сделать. Итак ограничиваюсь тем, что извещаю об этом разговоре В-е С-ство, со всеми подробностями, какие могла удержать моя память, и прошу Вас, граф, представить эту депешу в оригинале на усмотрение Государя Императора.

P. S. Париж. 5/17 Авг. 1811.

При внимательном пересмотре этой депеши, уже переписанной, память моя послужила мне лучше, чем когда я писал ее прошлой ночью, между полуночью и шестью часами утра, борясь против сна и усталости. Я вспомнил несколько частных мыслей и выражений Императора Наполеона, которые ускользнули от меня при первой моей редакции; и так как все высказанное этим Государем имеет интерес, то спешу сообщить их Вам, чтобы дополнить и сделать еще более точным посылаемый мною отчет о вчерашнем разговоре со мною, во время приема Е. И. и К. В-ва. Вот они:

– «не понимая ничего в ходе дел у вас, я поступаю как человек в состоянии природном, который, не разумея, не доверяется. В России однако есть таланты; но то, что там делается, доказывает, что у вас или потеряли голову, или имеют задние мысли. В первом случае вы походите на зайца, у которого дробь в голове и который кружится то в ту, то в другую сторону, не зная ни какому направлению он следует, ни куда он добежит».

Говоря о Польше и о том, что он не думает ее восстановлять, он сказал: «Хотите вы удостоверений, конвенций, *гарантии со стороны Австрии* – все это будет» (Там же. С. 148–162).

Часть восьмая
Отечественная война 1812 года

Накануне войны с Наполеоном произошло событие, которое взволновало все круги петербургского общества, а затем и все сословия России, – неожиданная отставка и ссылка Михаила Сперанского в Нижний Новгород, а его ближайшего сотрудника Михаила Магницкого – в Вологду. Естественно, эта отставка долго готовилась противниками и недоброжелателями Сперанского, который, оказалось, как государственный секретарь почти полноправно управлял государством и от которого очень многое зависело в той или иной человеческой судьбе.

После Эрфурта ходили легенды, что Наполеон в разговоре с императором Александром давал ему целое королевство за этого чиновника с его блестящими способностями. Возвратившись в Петербург, император Александр целые вечера проводил со Сперанским в разговорах о реформах государственного управления.

«Сперанский, с своим организующим и быстрым умом, умевший представлять все трудности легкими и все препятствия одолимыми; с многосторонним знанием, с обаятельным красноречием; с деятельностию, в которой никто еще не превзошел его; Сперанский, полный воображения, страсти создавать, и честолюбивого стремления к славе, был именно таким человеком, какого желал Александр и какой нужен был ему при тогдашнем настроении его мыслей» (*Корф*. С. 109).

Сперанский предложил императору Александру план всеобщего государственного устройства, а для этого нужно принять законы, посредством которых «утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым придать действию сей власти более достоинства и истинной силы» (Там же. С. 110). Но в составлении плана Сперанский не учел исторических условий, в которых он жил, его планы опережают возраст и образованность народа, он «не чувствовал, что строит без фундамента», «хочет ввести будущее без настоящего», как сказал писатель Гейне, «делает второй шаг, не сделав первого», как сказал Фридрих Великий про австрийского императора Иосифа II. В октябре 1809 года план преобразований лежал на столе императора.

Все эти годы Сперанский стоял неколебимо около императора Александра, сила государственного секретаря превышала силу министров, но к 1811 году уменьшились

хвалебные гимны, чаще стали звучать сарказм и порицания в его адрес. Сперанскому чаще стало казаться, что он занимает в чиновничьей среде слишком много места. От него отошло сословие приказных, узнавших о том, что надо сдавать экзамены для повышения в должности; вельможи – за ограничение их привилегий; высшие чиновники за то, что Сперанский может помешать их карьере и за то, что приходилось подчиняться «выскочке».

По всему чувствовалось, что ненависть к Сперанскому распространилась чуть ли не повсюду, заметна была даже при дворе императрицы Марии Федоровны и при дворе великой княжны и герцогини Екатерины Павловны.

Император Александр ничего не сделал для улучшения опасного положения своего государственного секретаря. И тут следует предположить, что два значительных человека в свите императора Александра – иногда называют их имена, министр полиции Балашов и Армфельд, которые чаще всего докладывали императору о «преступлениях» Сперанского, сыграли против него. А в начале интриги они предложили создать комитет во главе со Сперанским, который вершил бы всеми государственными делами. Сперанский отверг их предложения. Но это лишь предположение, догадка. Биограф Корф упрекает Сперанского в том, что он имел неосторожность умолчать об этом предложении императору, и это «благородное его отвращение от доноса было, в этом случае, непростительною политическою ошибкою против самого себя»: «Кабинетный труженик, занятый более делами, нежели людьми, не разглядел, при всей своей прозорливости, расставленной ему сети, не подумал, что против таких замыслов мало одного презрения. Если честь и высшее чувство не позволяли ему согласиться на дерзкое предложение, то самосохранение требовало – огласить его» (*Корф*. Т. 2. С. 7–8).

Толпа именитых вельмож устроила так, что сотни, тысячи доносов посыпались в газеты, в различные комиссии, поступали и лично адресованные императору, гласившие, что Сперанский – предатель, подкуплен Наполеоном, продал все государственные тайны и так далее.

«Что сегодня Государь слышал в обвинении Сперанского от одного, – писал Корф, – то завтра пересказывалось ему снова другим, будто бы совсем из иного источника, и такое согласие вестей естественно должно было поражать Александра: он не подозревал, что все эти разные вестовщики – члены одного и того же союза.

Такими путями введен был в заблуждение благодушный монарх. В беспокойстве духа от предстоявшей войны, увлеченный

и близкими к нему людьми, и передаваемою через них молвою народною, обманутый искусно представленным ему призраком злоумышления и той черной неблагодарности, которая наиболее должна была уязвить его возвышенную и рыцарскую душу, император решился, в виду грозных политических обстоятельств, принесть великую для его сердца жертву» (*Корф*. Т. 2. С. 10–11).

17 марта 1812 года император Александр принял в Зимнем дворце государственного секретаря М.М. Сперанского, два часа с ним разговаривал, а потом отправил его в отставку и в ссылку, сначала в Нижний Новгород, а потом – в Пермь. Так на этот раз закончились реформы в государственном управлении Российской империи.

В марте 1812 года до России дошло сообщение, что Наполеон заявил на заседании Государственного совета, что «всякий, кто протянет руку Англии… объявит себя врагом императора». Между тем Россия не прекращала торговых отношений с Англией. И у Наполеона было достаточно фактов, чтобы объявить об этих упорных нарушениях блокады.

Император Александр, узнав из донесений о том, что Наполеон сосредоточивает свои войска на западной границе, 9 апреля 1812 года, отслужив молебствие в Казанском соборе, выехал из Петербурга и 14 апреля прибыл в Вильно. Его сопровождали принцы Георгий Ольденбургский и Александр Вюртембергский, граф Аракчеев, канцлер граф Румянцев, граф Кочубей, граф Николай Александрович Толстой, государственный секретарь Шишков, генерал Беннигсен, министр полиции Балашов, князь Петр Михайлович Волконский, граф Комаровский, граф Армфельд, барон Штейн, генерал Фуль. В Вильно прибыли и сотрудники Министерства иностранных дел России граф Карл Васильевич Нессельроде в качестве статс-секретаря и Иван Осипович Аштетт в качестве директора дипломатической канцелярии главнокомандующего. Временно, с 9 апреля по декабрь 1812 года, во время отсутствия графа Н. Румянцева, коллегией и Министерством иностранных дел управлял граф Александр Николаевич Салтыков, сын фельдмаршала Н.И. Салтыкова.

«Все в таком напряжении, что военные действия могут начаться в любой момент, – писал Александр I сестре Екатерине Павловне. – Никогда прежде не приходилось мне вести такую собачью жизнь. Я встаю с постели, чтобы сесть за письменный стол, и покидаю стол только для того, чтобы схватить какой-нибудь кусок и поесть» (*Дженкинс М*. Аракчеев. Реформатор-реакционер. М.: Центрполиграф, 2004. С. 134).

Отправляя Сперанского в ссылку, император Александр подумал о том, кто может занять место государственного секретаря. Чуть раньше он обратил внимание на сообщение, что в доме Державина состоялось заседание «Беседы любителей русского слова». Докладчиком выступал писатель Александр Семенович Шишков, известный ратоборец за русское слово и острый полемист против тех, кто чрезмерно увлекался в обществе французским языком.

Вскоре после этого вечера император Александр вызвал Шишкова во дворец:

– Я читал рассуждение твое о любви к Отечеству. Имея таковые чувства, ты можешь ему быть полезен. Кажется, у нас не обойдется без войны с французами, нужно сделать рекрутский набор. Я бы желал, чтобы ты написал о том Манифест.

– Государь! Я никогда не писывал подобных бумаг: это будет первый мой опыт, а потому и не знаю, могу ли достойным образом исполнить сие поручение; попытаюсь, но притом осмелюсь спросить: как скоро это надобно?

– Сегодня или завтра, – сказал император.

На другой день Шишков, приехав во дворец, положил готовый Манифест перед императором. В тот же день, 23 марта 1812 года, император подписал Манифест, включив в него правила, на каких должно было сделать сей набор, и отослал в Сенат. Вскоре вышел указ императора, повелевающий Шишкову быть при императоре государственным секретарем. Ему была выделена придворная коляска с лошадьми, а через два-три дня он отправится вслед за императором в Вильно.

«Довольно долгое пребывание наше в Вильне и препровождение времени в разных увеселениях привело почти в забвение мысль о враждебном против нас намерении французского императора, – вспоминал А. Шишков. – В один день (июня 13 числа), проводя вечер с приятностью, пришел я домой, и, ни о чем не помышляя, лег спокойно спать, как вдруг, в два часа пополуночи, будят меня и говорят, что Государь прислал за мною. Удивясь сему необычному зову, вскочил я с торопливостию, оделся и побежал к Нему. Он был уже одет и сидел за письменным столиком в своем кабинете. При входе моем сказал он мне:

– Надобно теперь же написать приказ нашим войскам, и в Петербург к фельдмаршалу графу Салтыкову, о вступлении неприятеля в наши пределы, и между прочим сказать, что Я не помирюсь, покуда хоть один неприятельский воин будет оставаться на нашей земле.

Шишков тут же вернулся к себе и написал два приказа:

«Приказ нашим войскам» и «Фельдмаршалу Графу Салтыкову». Вернулся к императору, который, прочитав, тут же подписал их.

Вскоре главная квартира в Вильне перебралась в местечко Свенцяны (Краткия записки адмирала А. Шишкова, веденныя им во время пребывания его при блаженной памяти Государе Императоре Александре I в бывшую с французами в 1812 и в последующих годах войну. Издание второе. СПб., 1832. С. 1—10).

«Наступила вечно памятная эпоха 1812 года, и с удивлением узнал я, что Александр Семеныч был сделан государственным секретарем на место Михаила Михайловича Сперанского. Нисколько не позволяя себе судить, *на своем ли он был месте*, я скажу только, что в Москве и в других внутренних губерниях России, в которых мне случилось в это время быть, все были обрадованы назначением Шишкова и что писанные им манифесты действовали электрически на всю Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей… История будет беспристрастнее, справедливее нас, имя Шишкова как литератора, как общественного и нравственного писателя, как государственного человека, как двигателя своей эпохи займет почетное место на ее страницах, и потомство с большим сочувствием, чем мы, станет повторять стихи Пушкина:

> Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
> Священной памятью двенадцатого года»

(*Аксаков С.Т.* Семейная Хроника и Воспоминания. М., 1856. С. 506–507, 516).

Беспокоили императора Александра не только угрозы Франции, но и взаимоотношения со Швецией, Данией и Норвегией. Дания присоединилась к коалиции Наполеона, Швеция, зная об этом, возмечтала присоединить к себе Норвегию, но это только в том случае, если между Францией и Россией начнется война. А если начнется эта война, то Россия намерена заключить договорные отношения с Англией. И эти переговоры начались.

В начале июня 1812 года наследный принц Швеции Бернадотт получил из Петербурга важные бумаги, где говорилось, что граф Румянцев будто бы вызвал датского посланника в России Блома в кабинет и с раздражением заявил: «Государь возмущен тем, что датский король вошел в союз с нашими врагами, с императором Франции, вы не должны забывать, что Россия

постоянно покровительствует Дании. А между тем датские войска сосредоточиваются в Голштинии и заместят гарнизоны Гамбурга и Любека. Я должен вам формально объявить, что такой поступок Государь сочтет объявлением войны. Вы должны подумать о том, что Швеция в таких обстоятельствах сочтет нужным начать с вами войну и даже, не скрою от вас, отнять Норвегию, мы не будем возражать против этого. Вас обольстил император Наполеон, вовлекая в войну с нами. Последствия докажут, что их действия так же, как и ваши, столько же нерасчетливы, как и несправедливы». При этом принц Бернадотт добавлял: «Весьма жаль, что граф Румянцев так скоро объявил о наших соглашениях и разоблачил дальнейшие наши предположения». Бернадотту было известно, что граф Румянцев был защитником союза России с Францией, но он был русским министром иностранных дел и в этом случае не мог пожертвовать достоинством и выгодами России. Император Александр требовал ото всех сотрудников хранить в непроницаемой тайне важные дипломатические переговоры. И это хорошо было известно графу Румянцеву и всему дипломатическому корпусу России.

Вот почему император Александр, расследовав обстоятельства, тут же написал наследному принцу Швеции: «Не каждому полученному сведению Вы должны верить и должны быть убеждены, что у него нет более привязанного и искреннего друга, как он, и что дело, которое он защищает, неразрывно связано с его собственным. Что же касается до депеши датского посланника в России Блома, то обстоятельства доказали, что это козни наших врагов с целью разъединить нас, возбудив взаимное недоверие и подозрения. Я положительно могу вам сказать, что ничего подобного канцлер граф Румянцев не говорил Блому. В совещании, которое он имел, по моему приказанию, с этим посланником, он выразил мое удивление, на которое я имел полное право, что Дания так охотно согласилась на требование Франции, отдала в ее распоряжение целый корпус своих войск и тем предоставила ей возможность усилить ее армию на Висле всеми теми войсками, которые будут замещены датскими. Подобное поведение Дании, если начнется война, освобождает меня от всех условий, заключенных с нею договоров. <…> Я повторяю вам снова уверение, что выгоды России неразрывно связаны с выгодами Швеции и что вы имеете во мне честного друга… Наполеон постоянно говорит о желании сохранить мир, но его войска все более и более приближаются к моим границам, и все его действия проникнуты враждебными намерениями. Согласно вашим желаниям я не отклоню никакого повода к мирным переговорам, если только их можно будет согласить с

независимостью и безопасностью Севера Европы. Впрочем, я совершенно готов вступить в борьбу и силу буду отражать силою».

Шведский наследный принц Бернадотт в письме императору Александру высказал и зревшую у императора Александра мысль, что пора начинать переговоры с Англией. Пока Наполеон не напал на Россию, франко-русский союз продолжал действовать, а если нападет, то союзный договор разрушится. Тогда начнутся переговоры с Англией.

Перед отъездом в Вильну император Александр набросал торопливую записку, в которой довел до сведения своих уполномоченных двенадцать пунктов требований к Англии во время возможных переговоров о мирном договоре. Вызвал графа Румянцева и, передав записку, в устной форме изложил эти пожелания.

До конца апреля император присутствовал на смотрах соединений 1-й армии, которой командовал генерал Барклай де Толли. Император Александр хорошо знал военную биографию командующего армией, знал, что он обладает хорошими знаниями, опытен в битвах. Император Александр знал и о том, что граф Аракчеев недолюбливает Барклая де Толли, но тут ничего не поделаешь…

В конце апреля в Вильно прибыл один из генерал-адъютантов императора Франции граф Нарбон с письмом Наполеона. Суть письма Наполеона Александру I была хорошо известна по прежним донесениям. В ходе беседы император Александр не скрывал своих планов, он намерен победить великого полководца, силу – силою. Граф Нарбон видел смотр одной из дивизий 1-й армии. А вернувшись во дворец, император Александр, развернув карту России, сказал:

– Я не ослеплюсь мечтами, граф. Я знаю, в какой мере император Наполеон обладает способностью великого полководца, но на моей стороне – пространство и время. Во всей этой враждебной для вас земле нет места, которое я оставил бы без сопротивления, прежде нежели соглашусь заключить постыдный мир. Я не начну войну, но не положу оружия, пока хоть один неприятель будет оставаться в России.

Присутствуя при этом разговоре, граф Румянцев убедился в том, что давно зревшая война вот-вот начнется. Конечно, Россия выстоит, все дворянство и купечество готово поддержать Отечество денежными пожертвованиями, есть войска, есть гвардия, есть такие полководцы, как Кутузов. Румянцев продаст орден Почетного легиона, который вручил ему сам Наполеон,

продаст все иностранные ордена, попросит закупить у Англии стрелковое оружие на 25 тысяч рублей, и так сделает чуть ли не каждый дворянин или купец. Россия выстоит и победит. Но зачем проливать кровь своих подданных? Ради того, чтобы объявить себя императором всей Европы? Остались непобежденными только Великобритания, Испания и Россия. Граф Румянцев попытался убедить императора Александра хотя бы отсрочить начало войны, но не получилось – император Александр, три-четыре года обнимавшийся с Наполеоном, теперь думал по-другому.

6 мая 1812 года генерал-адъютант и адмирал Павел Васильевич Чичагов, получив с апреля текущего года назначение главнокомандующего Молдавской (Дунайской) армией, одновременно с этим став главным начальником Черноморского флота и генерал-губернатором Молдавии и Валахии, задумался о том, что сделал на этом посту его предшественник Михаил Кутузов. Просмотрев подписанные Кутузовым документы, адмирал Чичагов был недоволен и заключенным миром, и замедлением действий вверенной ему армии. И об этом он известил русского императора и канцлера, министра иностранных дел графа Румянцева. В одном из первых писем императору адмирал Чичагов напоминал ему, что подписаны только предварительные условия договора, но не сам договор. После мирного договора с турками нужен был еще договор оборонительного и наступательного союза с Турцией. А пока Чичагов отпустил в отечество пашу, которому надо было платить в день 15 дукатов, и татарского султана, ему надо было платить 10 дукатов. Кроме того, Чичагов возвратил туркам часть пушек. Пытался начать переговоры с английским посланником в Константинополе лордом Каннингом. Собрав армию в 40 тысяч человек, Чичагов извещал императора, что с этой армией он может ударить «во фланг австрийцам в Буковине, этого количества войск, по моему мнению, достаточно, если только против Австрии будет действовать и армия Тормасова. <…> Все остальные могут двинуться в Далмацию или в Иллирию, через Сербию, Боснию, Банат и Славонию, смотря по тому, как я найду более удобным». Но это было на первых порах пребывания главнокомандующего в Бухаресте, а спустя какое-то время Чичагов, как говорится, осмотрелся, вчитался в подписанные документы и признался в том, что «мир был для нас необходим, и *он не мог быть заключен на других условиях при настоящих обстоятельствах*». А.Н. Попов, цитируя это письмо Чичагова, прокомментировал его следующим образом: «Приведенные слова

такого противника Кутузова, как адмирал Чичагов, служат лучшим доказательством того, какую важную услугу Отечеству оказал граф Кутузов заключением мира с турками перед самым почти началом нашествия на Россию всей Западной Европы. Решаясь опровергать свои собственные известия, сообщенные прежде Государю и подтверждая, наоборот, известия графа Кутузова, адмирал Чичагов руководствовался, вероятно, чувством добросовестности и, как вполне честный человек, сообщив ложное известие, счел долгом своим тотчас сознаться в своей ошибке» (*Попов*. Т. 2. С. 167–168).

Более того, адмирал Чичагов в письме графу Румянцеву призывал его радоваться заключенному миру с Турцией: «Хотя вы совершенно верно заметили, – писал Чичагов графу Румянцеву, – что неопределенность статьи о наших завоеваниях в Азии может быть истолкована в благоприятном для нас смысле, я постарался, однако же, развить еще более эту мысль, как увидите из официального отношения, которое я имел честь вам препроводить. Я могу прибавить только, что если в каком-либо случае надо *устранить канцлера*, то именно в этом: в качестве патриота, который любит свое Отечество (потому что много есть на свете всякого рода патриотов), вы должны радоваться заключению этого мира. Он для нас был необходим по тому влиянию на всех, которое он произвел, и потому, может быть, что дает свободу нашим военным действовать с этой стороны».

Чичагов обдумывал свои планы, не считаясь с тем, что армия Наполеона была около Немана, и он с минуты на минуту мог отдать приказ форсировать Неман. И 7 июня 1812 года император Александр упрекнул адмирала Чичагова в том, что он в своих действиях и предложениях опережает ход событий: войны-то между Францией и Россией нет.

Переписка продолжалась и тогда, когда войска Наполеона перешли Неман.

13 июня 1812 года император Александр разрешил адмиралу Чичагову начать свою экспедицию в Далмацию, с согласия Турции и не затрагивая Австрию. Но адмирал Чичагов был крайне самоуверенным и крайне самовлюбленным человеком, ему на месте, казалось, виднее, как поступать. И, сравнивая взгляды императора Александра и поступки адмирала Чичагова, который вроде бы следовал императорским указаниям, приходишь к выводу, что «их взгляды совершенно разошлись между собою», император рассматривал экспедицию Чичагова как военную экспедицию, а в планах Чичагова мысль об экспедиции значительно изменилась: он думал уже не об отражении вторгшегося неприятеля, а о завоевании Константинополя и

изгнании турок из Европы.

Покидая Вильну и направляясь в Дриссу, император Александр поручил графу Румянцеву заняться разменом ратификаций по договору с турками. Канцлер Румянцев тут же оповестил адмирала Чичагова. Одновременно с этим он писал императору: «Надо дозволить размен ратификаций, но сохранив за собою некоторую свободу действий в отношении к секретным статьям. В этом случае нужно, чтобы адмирал Чичагов написал визирю, что Ваше Величество, повинуясь желанию сделаться истинным другом Турции, не поколебались немедленно утвердить договор, который, по вашему мнению, вполне установляет уже мирные отношения, и что впоследствии можно войти в переговоры об отдельных секретных статьях, которых число можно еще увеличить, чтобы более укрепить заключенный уже мир».

В первые дни войны окружение императора Александра начало покидать Вильно, среди придворной свиты был и граф Румянцев. Но на ближайшей станции по Петербургской дороге, в Каменчине, курьер из Петербурга вручил ему пакет графа Салтыкова, где находилось письмо из Парижа князя Куракина, извещавшего, что он потребовал паспорта для возвращения в Россию. Понимая всю важность информации князя Куракина, граф Румянцев тут же отправил пакет императору Александру, сопроводив его письмом: «Из этого донесения Ваше Величество усмотрите, что неуместное со стороны князя Куракина требование своих паспортов выдают за повод воевать с Вами. Я уверен, что это никогда не могло бы служить к тому поводом. Завтра я остановлюсь в Свенцянах и буду ожидать Ваших приказаний, сожалея, что нахожусь в удалении от Вас. Быть может, Ваше Величество найдете возможным сами написать императору Наполеону, что, щадя кровь не только своих подданных, но и всех народов, Вы не желали бы, чтобы она была проливаема вследствие такого странного недоразумения, и что Вы никогда не давали приказания своему посланнику оставлять Париж. Если, кроме этого обстоятельства, нет других скрытых поводов, вследствие которых он начал воевать, то Вы готовы еще считать происшедшее как бы несуществовавшим. Таково содержание письма, которое, мне кажется, Ваше Величество могли бы написать; но, без сомнения, все это Вы выразите гораздо лучше моего. Нужно только, чтобы это письмо было коротко, определенно и повело бы к продолжению переговоров».

Письмо графа Румянцева произвело большое впечатление на императора Александра. Это был случай, который давал императору возможность избежать войны.

«Кабинеты, как я вам часто говорил, – писал граф Румянцев императору Александру 5 июля 1812 года из Неволя, – и позволяю себе повторить, имеют некоторое сходство с монастырями. Из каких бы они ни состояли лиц, они постоянно соблюдают один устав. Каждый кабинет руководствуется твердо определенными правилами, с которыми соображает свои действия каждый министр. Сент-Джеймсский кабинет, как я всегда уверен, считает для себя выгодным унизить вашу империю, в чем сочувствует ему и Венский. Он надеется, что вы будете поставлены в какое-нибудь крайне затруднительное положение и тогда выпустите, так сказать, из своих рук те огромные выгоды, которые предоставляет вам война с турками. Британский кабинет не иначе присоединится к видам Вашего Величества, как тогда лишь, когда с этим соединятся выгоды Англии. Только этим способом его можно привлечь на свою сторону. Предполагаемый адмиралом Чичаговым образ действий мне кажется очень хорош. Лишь только начнется пожар, который он намерен разжечь, англичане уже не могут оставаться долее равнодушными и спокойными зрителями; им необходимо будет ослабить и умерить успехи Вашего Величества или переговорами, которые могли бы удовлетворить вас, или принять военное участие в этих движениях, лишь только они достигнут Адриатического моря. Я думаю, что последнее будет скорее и выгоднее для них. Что касается донесений адмирала Чичагова, то я полагаю, что не остается ничего иного, как споспешествовать тому, что он намеревается предпринять. Чтобы этого достигнуть, предоставляется два способа: снова написать ему, что Ваше Величество одобряет его предположения и позволяет воспользоваться по его усмотрению всеми способами, которые он успел приготовить. Второй способ, так сказать вспомогательный, должен состоять в том, чтобы немедленно чрез графа Штакельберга дать знать графу Линанжу и его сообщникам, чтобы они вошли в сношения с адмиралом, который начинает уже свои действия, которые приведут его в ближайшее к ним положение, и он будет в состоянии помочь им. Единственную трудность в этом случае я вижу в том, как достать необходимые для этого предприятия деньги. Мне кажется, предполагалось, что такое предприятие будет стоить до 4-х миллионов ежегодно. Во всяком случае, их необходимо найти, Государь, по крайней мере половину, чтобы иметь возможность действовать независимо от Англии. Это восстание, вероятно, не будет мгновенно, и это самое обстоятельство по необходимости затянет его до зимы. К числу вспомогательных средств я причисляю также прокламацию или воззвание, с которым Ваше Величество немедленно обратитесь ко

всем славянским народам. Вы заявите им, что император Наполеон, подчинивший своему игу германские народы, намеревается покорить и племена славянские. С этою целью безо всякого повода он начал войну с вами, чтобы воспрепятствовать вам прийти им на помощь, которую вы считаете обязанным оказать им, как государь великого славянского народа, а все другие их племена составляют лишь ветви оного. Когда до сведения вашего дошло, что неприятель собирает силы в Северной Италии, которые предназначаются для покорения всех племен, обитающих на прибрежьях Адриатического моря и берегах Дуная, вы приказали адмиралу Чичагову двинуться со всеми его войсками немедленно на помощь этим племенам, которых вы любите, как детей, и предлагаете им стать под ваши знамена и тем преградить замыслы неприятеля, нанеся ему тяжелые удары прежде, нежели он успеет собрать все свои силы. Говорю предупредить, чтобы эти храбрые племена, прославленные в истории, не сделались игрушкою и жертвою в руках чужеземца. В этом воззвании можно также сказать, что Ваше Величество имеете безграниченную доверенность к вашему главнокомандующему и даете ему полную мочь управлять как военными, так и гражданскими делами. Я полагаю, Государь, что было бы весьма полезно указать на Австрийский двор, раболепствующий императору Наполеону, тогда как народы Австрии, достойные лучшего управления, стыдятся своего правительства. Адмирал Шишков, мне кажется, мог бы очень хорошо написать это воззвание. Если Ваше Величество одобрит это предложение, то воззвание следует немедленно послать адмиралу Чичагову и дать ему право сделать в нем изменения, какие он сочтет нужным, и потом напечатать его славянскими буквами, какие употребляются в наших церковных книгах.

Удостойте, Ваше Величество, прочтением письма, которое пишет мне адмирал. Вы усмотрите, что предполагаемая мною мера соответствует и его видам. Я прошу, Ваше Величество, объявить его назначение главнокомандующим как в войсках, так и в Сенате. В этом случае важно выразиться о нем с похвалою и уважением. Ничто не может быть полезнее для государства, как то, что главные его деятели были облечены уважением».

Война с Наполеоном началась. Наполеон напирает, русские отступают. Ранее Александр поддерживал замыслы адмирала Чичагова и предполагал перед ним два возможных пути. Чичагов под напором обстоятельств выбирает путь соединения с двумя русскими армиями и вступление в войну против Наполеона. До войны и граф Румянцев считал, что угроза нападения Наполеона на Россию – это угроза дальновидного политика, угроза

гениального полководца, но только угроза, потому что каждому известно, что Россия непобедима, угроза, «которую он считал необходимою лишь для того, чтобы с большим успехом начать и вести мирные переговоры…». Граф Румянцев знал о том, что, находясь в Дрездене, Наполеон, узнав о том, что у его наследника начали появляться зубы, шутил, что он из Дрездена вернется в Париж. Шутки шутками, а граф Румянцев поверил, что так и произойдет. И войны не будет.

На этот раз граф Румянцев, опытный политик, знаток европейской жизни, ошибался, поверив в противоречивый гений Наполеона: в эти мгновения в Наполеоне победил «заносчивый завоеватель, мечтающий только о битвах и военной славе», а граф Румянцев надеялся, что в нем победит «политическая мудрость», что союз с Россией и мирное обладание созданной им империей – это огромное достижение всей его жизни, а мечты о всемирном владычестве французский император должен отбросить, как никчемные и вредные. Но граф Румянцев не столь глубоко знал неистовый гений Наполеона…

Александр I написал адмиралу Чичагову, что думать о наступлении на Константинополь преждевременно, надо сначала победить Наполеона.

Войска Наполеона вторглись в пределы России 12 июня 1812 года. По одним сводкам их было около 500 тысяч человек, по другим – их было чуть больше 200 тысяч. 160 тысяч русских солдат и офицеров встретили их на границе России.

В этот вечер император Александр присутствовал на бале, который устроили в его честь его генерал-адъютанты. Министр полиции Балашов во время бала подошел к императору и шепнул, что французы начали переправу через Неман. Император пробыл на бале еще час, а потом удалился, чтобы оставшуюся часть ночи провести в работе, отдавая первые приказы по армии: корпусам 1-й армии отступить к Свенцянам, Платову – ударить во фланг неприятелю, князю Багратиону – поддержать Платова. В приказе нашим армиям император подчеркнул: «Я с вами». А в приказе фельдмаршалу графу Салтыкову император Александр писал:

«Граф Николай Иванович!

Французские войска вошли в пределы нашей Империи. Самое вероломное нападение было возмездие за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством Престола и пользою моего народа. Все старания мои были безуспешны…»

13 июня император Александр приказал генерал-адъютанту Балашову явиться к 10 часам вечера и, как только он явился,

спросил его:

– Ты верно не знаешь, зачем я тебя позвал. Я намерен тебя послать к императору Наполеону. Я сейчас получил донесение из Петербурга, что нашему Министерству иностранных дел прислана нота от французского посольства, в которой изъяснено, что как наш посол в Париже князь Куракин неотступно требовал, два раза в один день, паспортов из Франции, то это принимается за разрыв и повелевается и равномерно и графу Лористону просить паспортов и ехать из России… Я не ожидаю от сей посылки прекращения войны, но пусть же будет известно Европе и послужит новым доказательством, что начинаем ее не мы. Письмо Наполеону я сейчас напишу. Далеко не уходите.

Во втором часу ночи, как свидетельствуют источники, император Александр снова вызвал Балашова и прочитал ему только что написанное письмо к Наполеону: «Государь, мой брат! Вчера дошло до моего сведения, что, несмотря на добросовестность, с которою я исполняю все мои обязательства в отношении к Вашему Императорскому Величеству, Ваши войска перешли русские границы. Сейчас я получил из Петербурга ноту, которою, по поводу этого вторжения, граф Лористон извещает меня, что Ваше Величество считаете себя в неприязненных отношениях со мною с того времени, как князь Куракин потребовал свои паспорта. Причины, по которым герцог Бассано отказывал ему в выдаче паспортов, никогда бы меня не заставили предполагать, чтобы этот поступок мог послужить предлогом к вторжению. Действительно, мой посланник не имел на это от меня повеления, как он и сам заявил, и лишь только я узнал о его поступке, то немедленно выразил ему мое неодобрение и поручил по-прежнему исполнять возложенные на него обязанности. Если Ваше Величество не расположены проливать кровь наших подданных из-за такого недоразумения и согласитесь вывести свои войска из русских владений, то я оставлю без внимания все происшедшее, и соглашение между нами сделается возможным. В противном же случае я буду принужден отражать нападение, которое ничем не вызвано с моей стороны. Вашему Величеству представляется еще возможность избавить человечество от бедствий новой войны».

Вручив Балашову собственноручное письмо Наполеону, император Александр сказал:

– Если Наполеон намерен вступить в переговоры, то они могут сейчас начаться, с одним условием, но непреложным, чтобы армии его вышли за границу. В противном же случае император Александр дает слово, покуда хотя один вооруженный француз будет в России, не говорить и не принять ни одного слова о мире.

Генерал Балашов отправился в лагерь наполеоновских войск. Не сразу он увиделся с Наполеоном, сначала побеседовал с маршалом Даву, потом с неаполитанским королем маршалом Мюратом и, наконец, 19 июня 1812 года, с императором Наполеоном.

«Войдя в его кабинет, Балашов увидел, что это была та же самая комната, из которой пять дней тому назад император Александр отправил его с письмом к Наполеону. Для этой-то выходки и задерживали несколько дней Балашова» (*Попов*. Т. 2. С. 236).

Во время обеда, на котором присутствовали Наполеон, Бертье, Бесиер, Коленкур и Балашов, Наполеон неожиданно спросил:

– Мне сказывали, будто Александр принял начальство над армией. К чему это? Война – мое ремесло, я привык к нему. Император Александр должен царствовать, а не командовать войсками. Напрасно берет он на себя такую ответственность.

Наполеон отпустил Балашова, заявив, что в продолжение дня приготовит ответ на письмо императора Александра.

Вскоре Балашов благополучно вернулся в свой лагерь и вручил письмо Александру I.

(Запись Балашова частично опубликована в монографии: *Богданович М*. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 3. С. 214–215.)

Пребывая в главной квартире, император Александр почувствовал какую-то неловкость при обсуждении планов дальнейших операций. Барклай де Толли и другие генералы смутились, когда, обсуждая план, неожиданно вмешался император Александр. Но все промолчали. А Шишков и Балашов обратились к Аракчееву с просьбой подписать прошение к императору, в котором излагалась покорнейшая просьба послушаться Наполеона: император Александр «должен царствовать, а не командовать войсками». Сначала Аракчеев не хотел вмешиваться, а потом, подписав, с утренней почтой передал императору. Как свидетельствуют источники, император Александр на следующий день сказал Аракчееву:

– Я прочитал вашу бумагу – и уехал в штаб-квартиру, где расположилась императорская гвардия и куда велено отступать 1-й армии. Вернувшись после разговора с главнокомандующим армией, император Александр сообщил, что вскоре уезжает в Москву. Приехав затем в Петербург, в котором кипели страсти по поводу смены главнокомандующего русской армией, получил письмо и от великой княгини Екатерины Павловны: «Бога ради, не пытайся командовать сам. Нам нужен вождь, в которого войска

немедленно поверят, а ты вовсе не вдохновляешь!» (*Дженкинс М.* Аракчеев. М., 2004. С. 136). Чаще всего называли имя Кутузова, который командовал лишь санкт-петербургским народным ополчением. Но вспоминали его как ученика фельдмаршала Румянцева, как сподвижника Суворова, как героического участника великих побед русской армии.

По дороге в Петербург в городе Великие Луки граф Румянцев 8 июля 1812 года заключил мирный договор с испанским поверенным в делах в Петербурге доном Франциско Зеа-Бермудецем. Перегруженность в работе сказалась на здоровье: почувствовал глухоту, черты лица его несколько исказились. Но в Петербурге он быстро пришел в себя. Появление графа Румянцева при дворе доставило удовольствие противостоящей ему партии. Поэтесса Анна Бунина вспоминала, что Румянцева при дворе ненавидели и презирали до такой степени, «что радовались, когда ему сделался удар, от которого рот и глаза покривились, жалели все, что он оправился» (Русская старина. 1885. № 9. С. 398).

Во время войны при главной квартире русской армии находился в звании великобританского комиссара сэр Роберт Вильсон, в его свите были лорд Терконель, Даусон, Люиз и другие английские уполномоченные, с которыми русская делегация подписала мирный договор, по нему Великобритания должна была выдать России субсидию в 4 миллиона 200 тысяч рублей на текущие расходы. Роберт Вильсон внимательно наблюдал за всем, что происходило в русской армии. Человек мудрый, впоследствии он оценил, что, отдав Москву Наполеону, оставив ее без продовольствия и пожарами уничтожив ее, великий полководец осуществил гениальное решение. Отдать город – это не значит проиграть войну. Вскоре Наполеон понял, что ошибся в расчетах – никто из русских не пал на колени и, униженный, не попросил заключения мира. Роберт Вильсон рассматривал все происходящие события только с точки зрения англичанина, впадая иной раз в односторонние крайности. С восхищением Роберт Вильсон описывает, как граф Ростопчин самолично поджигает собственную усадьбу с прекрасным зданием барского дома. В письме императору 21 сентября (3 октября) 1812 года Роберт Вильсон из главной квартиры сообщает, что «наши дела здесь и по сие время имеют вид наиблагоприятнейший. Движения неприятеля послужили к открытию его слабости, и разные частные успехи вообще много уменьшили его силу… Я сообщил лорду Каткарту описание подвига, который совершил гр. Ростопчин и который соединяет в себе честь народа с личною славою. Ваше Величество не можете иметь ни малейшего опасения насчет судьбы империи, которая производит таковых

патриотов…» (Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 162–163).

А чуть ранее, 3 июля 1812 года, император Александр писал графу Ростопчину: «Настоящие обстоятельства, по последствиям своим весьма важные, подвигли уже нас призвать, во имя Отечества, верноподданных наших, в различных их сословиях и чиносостояниях, к принятию участия в мерах и усилиях, потребных как на охранение благосостояния империи нашей вообще, так и на ограждение собственной каждого безопасности». И тут же император излагает надобности для армии: «Нужно собрать немаловажное число волов, как для подъема воинских тягостей, так и для продовольствия храбрых наших воинов» – и множество других потребностей. А на следующий день император поздравляет Ростопчина с заключением мира с Турцией. Затем министр полиции Балашов сообщает графу Ростопчину о том, что необходимо собрать всем сословиям миллион рублей, и перечисляет, на кои нужды пойдут собранные деньги.

8 июня 1812 года из Волковыска князь Багратион собственноручно сообщает императору Александру:

«Государь! От преданности доношу: не отнимайте у воинов твоих дух; прикажите нам собраться у Гродно и нанесть удар по врагам. Всякое отступление ободряет неприятеля и дает ему великие способы в краю здешнем, а у нас отнимет дух. Жаль истинно, и последствия будут самые пагубные. Чего нам бояться и маневрами методическими изнурять армию? Неприятель, собранный на разных пунктах, есть сущая сволочь, а мы твои, великий государь! Чего опасаться? Ты с нами, а Россия за нами. Прикажи, помолясь Богу, наступать, а ежели отступать станем, они во многих пунктах войдут и возмутят; тогда больше восстанут и австрийцы, и мир турецкий не будет прочный. Хлеба достанет в том, вас уверяю, а до нового недалеко. Иначе он всем воспользуется, а мы потеряем и славу и честь, для того, что всякое отступление в своем краю есть ослабление души и сердца всех твоих верных детей. Мы тебя любим, ты нам дорог, государь! Прошу яко Бога моего не щадить нас и двинуться на врагов. Я присягал тебе служить верно, и мы твои. Иноверцы не могут так усердно судить, ибо они ничем не рискуют, а мы всем. Военная система, по-моему, та; кто рано встал и палку в руки взял, тот и капрал.

Всемилостивейший государь! Я дерзаю писать то, что чувства мои и вера к вам диктует.

Повергаясь подножию Вашего Величества есмь верноподданный».

За полтора месяца боевых действий армия Наполеона в боях

и стычках утратила около 100 тысяч солдат и офицеров, достигнув Смоленска. У Барклая де Толли возникла мысль сразиться с Наполеоном за Смоленск, а вскоре после этого продолжать отступление; князь Багратион задумал сражаться за Смоленск до последней крайности. «Надеюсь, – писал он императору, – что военный министр, имея пред Смоленском готовую к действию всю 1-ю армию, удержит Смоленск. А я, в случае покушения неприятеля пройти далее на Московскую дорогу, буду отражать его».

Так две позиции русских генералов четко обозначилась в самом начале войны с Наполеоном – наступательная князя Багратиона и оборонительная Барклая де Толли.

5 августа 1812 года корпуса 1-й и 2-й армий выступили по Московской дороге, для обороны Смоленска приготовилась дивизия Неверовского, егерский полк Раевского, дивизия Коновницына, дивизия Лихачева, дивизия Канцевича, драгунские полки Скалона. В тот же день построились к бою три дивизии маршала Нея, пять дивизий маршала Даву, две дивизии князя Понятовского, кавалерия Мюрата, всего 140 тысяч солдат и офицеров. Французы дважды штурмовали Смоленск, сопровождая атаки усиленной канонадой из 150 орудий. Русские войска отчаянно сопротивлялись, а французы несли неисчислимые потери. Вопреки мнению почти всех генералов и князя Багратиона, Барклай де Толли приказал отступать к Дорогобужу.

Вооруженные стычки продолжались и в последующие дни, в Смоленск вошли французы, пожары уничтожили много домов, мирные жители искали пристанища. А Наполеон начал думать, не пора ли заботиться о зимних квартирах. Генерального сражения так и не произошло. У Наполеона оставалось еще 150 тысяч против 105 тысяч.

«Не то было в нашей армии: разногласие между Барклаем де Толли и подчиненными ему генералами усилилось после отступления из Смоленска: упрекали Барклая в нерешимости действий, и даже некоторые, заподозрив его в измене, хотели, чтобы главное начальство было передано Беннигсену; другие предпочитали князя Багратиона, – писал М. Богданович. – Многие, не ограничиваясь желанием иметь нового главнокомандующего, считали нужным устранить министра иностранных дел, графа Румянцева, который, по их мнению, стремился к прекращению войны покорством Наполеону. Как доведение таких желаний до сведения Государя не могло быть ему приятно и подвергло бы немилости каждого из подданных, который отважился бы сделать подобные предложения своему Монарху, то влиятельнейшие из наших генералов решились

склонить к тому английского генерала Вильсона, который, на пути из Константинополя, прибыл в главную квартиру Барклая и находился при ней во время отступления армии от Смоленска… Вильсон изъявил согласие передать Государю «желание всей армии»… Действительно – не только армия, но и вся Россия, оскорбленная вражеским вторжением, небывалым в продолжение целого столетия, не верила, чтобы такое событие было возможно без измены или, по крайней мере, без непростительных ошибок главного вождя» (*Богданович*. Т. 3. С. 259–260).

Почти одновременно две вести дошли до императора Александра 22 июля, когда он из Москвы прибыл в Петербург: французы вошли в Смоленск, князь Багратион не может согласиться с действиями Барклая де Толли и просит его перевести хотя бы командиром полка и отправить в Молдавию или на Кавказ, а князь Шувалов обратился с письмом к императору с покорнейшей просьбой назначить нового главнокомандующего русской армией. Император созвал военную комиссию в составе генерал-фельдмаршала графа Салтыкова, генерала Вязмитинова, генералов графа Аракчеева и Балашова, тайных советников князя Лопухина и графа Кочубея, на которой решался этот вопрос. Собравшиеся генералы и ответственные лица хорошо знали, что Александр I считал генерала Кутузова больным и старым и противился назначению его на высокий пост, хотя отмечал его военный опыт и стратегическое мышление. Комиссия единогласно рекомендовала назначить Кутузова главнокомандующим русской армией. Но этого было еще недостаточно. Аракчеев и Балашов убедили императора принять правильное решение. Так Кутузов стал главнокомандующим русской армией.

Кутузов два месяца войны наблюдал за действиями двух армий под командой военного министра Барклая де Толли и князя Багратиона, генералов очень разных и по темпераменту, и по дальновидности. Он сделал свои выводы. Он думал и о противнике, Наполеон искал сражения и в Италии, и в Пруссии, и в Австрии, во всех сражениях он побеждал, а потом предлагал заключить мир на унизительных условиях для проигравших битву. Так было и со шведским королем Карлом XII. Во время Северной войны, столкнувшись со шведами в Польше, Петр I созвал своих генералов Шереметева, Меншикова, Репнина и спросил, что нам делать, когда шведы вторгнутся в пределы нашего государства. И, кажется, Шереметев высказал правильную мысль, что мы, столкнувшись со шведами в Польше, должны отступить вглубь России, поляки в случае неудачи не поддержат русскую армию. А отступая до решительного сражения – разорять

противника на переправах легкими отрядами. Вот под Полтавой дали решительный бой, разгромив шведов, это хороший пример. К тому же Наполеон и его маршалы вряд ли знают, что такое стужа русской зимы, предполагали разделаться с русскими до осени и не запаслись теплой одеждой. Так что тактика русского командования в войне с Наполеоном была давно продумана. Да и в штабе императора Александра не раз шутили, что при наступлении Наполеона русские войска будут отступать. «Далеко ли?» – шутили одни. «Как угодно будет Наполеону, хоть до Волги», – ехидно отвечали офицеры штаба.

Кутузов знал, проживая последнее время в Петербурге, и о теоретических разработках ведения войны с Наполеоном. Записок о будущей войне у императора накопилось около двадцати, были наступательные разработки, но большинство оборонительных. В августе 1810 года князь Волконский представил императору Александру «Записку о способе вести войну против Наполеона» майора Вольцогена. В январе 1811 года граф Николай Семенович Мордвинов представил императору Александру еще одну записку о ведении войны против Наполеона французского графа д'Аллонвиля – план, изученный не только императором, но и графом Барклаем де Толли. В основном оба плана сходились в одном: противопоставить быстрым наступательным действиям Наполеона медленную и продолжительную войну, избегать генеральных сражений, отступать внутрь страны, изматывать противника мелкими сражениями.

В письме графу Румянцеву полковник Чернышев, сказав, что, Наполеон, в случае войны против России, как и во всех веденных им войнах, будет стремиться к быстрой развязке дела, и, заметив, что всегда должно делать противное желанию неприятеля, подчеркнул: «Необходимо продлить борьбу по возможности. <… > Должно вести медленную, нерешительную войну, удерживать неприятеля, пользуясь каждою преградою…»

И князь Куракин, почти в то же время, предлагал: избегать решительных сражений, ограничиваться малою войною, подобно тому как было в Испании, и истреблять голодом огромные массы, против нас направленные» (*Богданович*. Т. 3. С. 178–179).

8 августа 1812 года император Александр в Зимнем дворце объявил князю Кутузову о назначении его главнокомандующим всеми русскими армиями и ополчениями.

Пока князь Кутузов ехал к армии, около Смоленска Барклай де Толли, князь Багратион и Наполеон маневрировали войсками, точно распределяя свои оборонительные и наступательные бои. «Неверовский отступал как лев», – писал граф Сегюр в своих

воспоминаниях. Ошибался в своих маневрах Мюрат. Князь Багратион приказал Раевскому вернуться к Смоленску и оказать помощь Неверовскому. Так один за другим предстали герои Бородинской битвы при защите Смоленска. Появляются Ермолов, Коновницын, Лихачев, Канцевич, Скалон, Дохтуров, братья Тучковы, Орлов-Денисов…

При отступлении дух русского войска не угасал, особенно это чувствуется по письмам генералов. Князь Багратион писал графу Аракчееву (скорее всего, в июле 1812 года, как предполагает публикатор его великий князь Николай Михайлович): «Милостивый Государь, граф Алексей Андреевич, я ни в чем не виноват! Растянули меня, как кишку, сперва по кордонному. Неприятель ворвался к нам без выстрела, мы начали отходить, не ведаю за что. Никого не уверишь ни в армии, ни в России, чтобы мы не были проданы; я один всю Россию защищать не могу. 1-я армия тотчас должна отойти и наступать к Вильне непременно, чего боятся. Я весь окружен и куда проберусь, заранее сказать не могу, что Бог даст, и дремать не стану, разве здоровье мое мне изменит, уже несколько дней очень плохо чувствую. Я вас прошу непременно наступать на неприятеля, а то худо будет и от неприятеля, и, может быть, и дома, шутить не должно, и русские не должны бежать. Это хуже пруссаков мы стали. Я найду себе пункт продраться, конечно, и с потерею. Но вам стыдно, имевший взад укрепленный лагерь, фланги свободны, а против вас слабые корпуса, – надо атаковать. Мой хвост всякий день теперь в драке, и на Минск, и на Вилейку мне не можно пройти от лесов, болот и мерзких дорог. Я не имею покоя и не живу для себя, Бог свидетель, рад все делать, но надо иметь совесть и справедливость. Вы будете отходить назад, а я все пробивайся! Ежели для того, что фигуру мою истрепать, то лучше избавить меня от ярма, которое на шее моей, а пришли другого командовать. Не за что войска мучить, без цели, без продовольствия. <…> Наступайте, ради Бога, войска ободрятся; уже несколько приказов дали, чтобы драться, а мы бежим! Вот вам моя откровенность и привязанность к Государю моему и Отечеству моему. Если не нравится, избавьте меня, а я не хочу быть свидетелем худых последствий. Хорошо ретироваться 100 верст, а не 500! Видно, есть злодеи Государя и России, что гибель нам предлагают. Итак, прошением я вам все сказал, как русский русскому, но если ум мой иначе понимает, – прошу простить. *Б.*».

От 7 августа:

«Я думаю, что министр (то есть Барклай. – *В. П.*) уже рапортовал об оставлении неприятелю Смоленска; больно, грустно, и вся армия в отчаянии. Что самое важное место

понапрасну бросили, я, с моей стороны, просил лично его убедительнейшим образом, наконец, и писал, но ничто его не согласило. Я клянусь нам моею честью, что Наполеон был в таком мешке, как никогда, и он бы мог потерять половину армии, но не взять Смоленска. Войска наши так дрались и так дерутся как никогда. Я сдержал с 15 тысячами более 35 часов и бил их, но он не хотел остаться и 14 часов! Это стыдно, и пятно для нашей армии, а ему самому, мне кажется, и жить на свете не должно. Ежели он доносит, что потеря велика – неправда, может быть, около 4 тысяч, не более, но и того нет. Хотя бы и десять, как быть на войне! Но зато неприятель потерял бездну. Наполеон, как ни старался и как жестоко ни форсировал, и даже давал и обещал большие суммы начальникам, только бы ворваться, но везде опрокинуты были. Артиллерия наша, кавалерия моя истинно так действовали, что неприятель стал в пень. Чтобы стоило еще остаться два дня, по крайней мере, они бы сами ушли, ибо не имели воды напоить людей и лошадей. Он дал слово мне, что не отступит, но вдруг прислал диспозицию, что они в ночь уходят. Таким образом воевать не можно, и можем неприятеля привести скоро в Москву.

В таком случае не надо медлить Государю. Где что есть нового войска, тотчас собирать в Москву, как из Калуги, Тулы, Орла или из Твери, где они только есть, и быть в московской готовности. Я уверен, что Наполеон не пойдет в Москву скоро, ибо он устал, кавалерия его тоже, и продовольствие его не хорошо. <…>

Только жаль Государя, что вверяет таким славную армию!.. Я не виноват, что министр нерешим, трус, бестолков, медлителен, имеет все худые качества. Вся армия плачет совершенно и ругает его насмерть. Бедный Пален от грусти в горячке умирает, Кнорринг кирасирский умер вчерась, ей-богу, беда, и все от досады и грусти с ума сходят!.. Завтра я буду с армией в Дорогобуже и там остановлюсь. И первая армия за мною тащится. Не посмела она остаться с 90 тысячами у Смоленска.

Ох грустно, больно, никогда мы так обижены и огорчены не были, как теперь. Вся надежда на Бога! Я лучше солдатом в суме пойду воевать, нежели быть главнокомандующим и с Барклаем. Вот я вашему сиятельству всю правду описал, яко старому министру, а ныне дежурному генералу и всегдашнему доброму приятелю. Простите. Всепокорный слуга князь *Багратион*».

22 августа император Александр в Петербурге, узнав, что генерал Вильсон в столице, пригласил его к обеду. Беседа началась в кабинете, Вильсон был в курсе внешних дел России, говорили и о Турции, и о Молдавии, о подробностях сражения

около Смоленска. Император Александр, получая письма с места сражений, представлял себе накаленную обстановку в командном составе армии; русские генералы критиковали генералов-немцев, а генералы-немцы критиковали безрассудность и опрометчивость русских генералов.

– Генерал Платов, – сказал Александр Павлович, – после того, как оставили Смоленск, сердито выговорил Барклаю, что будет ходить только в шинели: стыдно надеть русский мундир. А что думаете вы? Вы ведь долго там наблюдали события, генерал? Будет ли Кутузов в состоянии восстановить порядок? Видите, сколько накопилось у меня вопросов…

– Как раз князь Кутузов, когда мы столкнулись на дороге, расспрашивал обо всем, что творилось в русской армии, и, когда я подробно рассказал ему, он просил меня ничего не скрывать от вас, ведь я был послан к вам своего рода делегатом. С моей стороны считаю своим священным долгом довести до вашего сведения то, чему был свидетелем, хотя и подвергаюсь опасности навлечь на себя ваше неудовольствие.

Вильсон, подробно изложив желание армии и не назвав по имени никого из участников в смутах главной квартиры, заключил свою речь убедительной просьбой:

– Ваше величество! Вы знаете, в каком опасном положении оказалось ваше государство. Опасность положения понимают и те, кто совершает эти поступки, внушенные любовью к отечеству и преданностью к императору. Как только эти люди убедятся, что ваше величество не будете доверять тем, кто возбуждает их подозрения, то они докажут свою преданность на поле боя.

Вильсон видел, как менялось лицо вроде бы невозмутимого императора, он отошел к окну, несколько минут молчал, а потом вернулся к своему месту, обнял генерала:

– Вы единственный человек, от которого я мог выслушать то, что вы мне сообщили. Еще в минувшую войну вы, доказав свою преданность на деле, заслужили мое доверие. Но вам нетрудно понять, в какое тяжелое положение вы поставили меня. Меня! Государя России! Я должен был это выслушать! Но армия заблуждается насчет Румянцева. Никогда он не советовал мне покориться Наполеону, и я не могу не питать к нему особенного уважения: он никогда ничего не просил у меня. Все же прочие беспрестанно добиваются почестей, денег и других наград. Не могу напрасно пожертвовать им. Впрочем, приезжайте ко мне завтра. Я соберусь с мыслями и дам ответ вам…

На следующий день Вильсон прибыл к назначенному часу.

– Ну, господин посланник мятежников, я всю ночь думал о нашем вчерашнем разговоре и полагаю, что вы будете мною

довольны. Вы возвратитесь в армию с уверением в моей решимости продолжать войну против Наполеона, пока хотя бы один вооруженный француз остается в пределах России. Я исполню свои обязанности во что бы то ни стало. Я готов отправить свое семейство в отдаленнейшие места империи и принести всевозможные жертвы, но не уступлю никому права выбора моих министров. Такая сговорчивость повлекла бы за собою другие требования, еще более неуместные и неприличные. Граф Румянцев не подаст повода ни к какому несогласию либо разномыслию. С моей стороны, все будет сделано для рассеяния опасений по сему предмету, но так, чтобы не было вида уступки угрозам, чтобы я не мог упрекать себя в несправедливости… Конечно, графу Румянцеву помогают статс-секретарь Нессельроде и второй секретарь, они занимаются моей политической перепиской. Они занимаются моими повседневными делами, а дипломатические задачи, например взаимоотношения со Швецией, полностью возложены на графа Румянцева. Я его освобождаю от перегрузки по его собственным просьбам. Дайте мне время. Все будет устроено к лучшему.

Через несколько дней, прощаясь, император Александр сказал:

– Повторяю вам и прошу вас объявить от моего имени, что не стану вести никаких переговоров с Наполеоном, пока хотя один вооруженный француз будет оставаться в России… Лучше отращу себе бороду по пояс и буду питаться картофелем в Сибири (*Wilson R.* Narrative of events durins the invasion of Russia. P. 114–119).

Исходом Бородинского сражения был доволен и Наполеон, пославший императрице Марии-Луизе сообщение о полной победе в этом сражении. И Кутузов в послании императору Александру тоже сообщил о победе. Император тут же присвоил Кутузову звание генерал-фельдмаршала и выделил 100 тысяч рублей, Барклаю де Толли – орден Святого Георгия 2-й степени, князю Багратиону – 50 тысяч рублей, 13 генералам – орден Святого Георгия 3-й степени. Но очевидец, спустя время трезво оценивая событие, заметил: когда обе стороны потеряли в битве по 50 тысяч человек, ни та и ни другая сторона не заслуживали победы, ничья, и французы, и русские сражались отважно, а отступление Кутузова и оставление Москвы – это просто гениальное предвидение Кутузова конечной победы. По словам одного из героев Бородинского сражения генерала Алексея Ермолова, «там французская армия расшиблась об русскую». Принц Евгений Вюртембергский в своих воспоминаниях подчеркнул: «После одного из лучших друзей моих осталось сочинение, в котором встречается много замечательного о

Бородинской битве. Оно оканчивается следующими словами: «Говоря по совести, не было причины – ни Кутузову доносить о победе императору Александру, ни Наполеону – извещать о ней Марию-Луизу. Если бы мы, воины обеих сторон, забыв на время вражду наших повелителей, предстали на другой день пред алтарем правды, то сама Слава, конечно, признала бы нас братьями» (*Богданович*. Т. 3. С. 315).

По разным источникам, отечественным и зарубежным, в Бородинском сражении участвовало почти равное количество солдат и офицеров: 154,8 тысячи русских и 133,8 тысячи французов, поляков, немцев; потери русских 45,6 тысячи, французов – около 40 тысяч и 49 генералов (*Троицкий Н.А*. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 142, 175, 176).

В истории бытует известная фраза одного из популярных очевидцев: «Французы заслужили право быть победителями, а русские снискали славу непобедимых».

Сдав Москву, Кутузов писал императору Александру: «Вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России. Напротив того, с армией делаю я движения по Тульской дороге. Сие приведет меня в состояние прикрывать пособия, в обильнейших наших губерниях заготовленные. Всякое другое направление пресекло бы мне оные и связь с армиями Тормасова и Чичагова, и т. д.». Конечно, император Александр был огорчен тем, что Наполеон и его войска вошли в Москву, но он понял и другое – война будет продолжаться без всякого милосердия. Одному из приближенных он сказал:

– Судьба решительно столкнула нас: Наполеон или я; я или он, но вместе мы не можем царствовать; я научился понимать его, он более не обманет меня.

Великий князь Николай Михайлович приводит слова графа Павла Строганова и Николая Лонгинова 13 сентября 1812 года о вступлении французов в Москву, в которой «враг не нашел ничего, кроме пепла, развалин и пожарищ; все сожжено нашими собственными руками». Однако «многие письма, кои я сам видел, полагают, что дела наши через отдачу Москвы много выиграли» (*Великий князь Николай Михайлович*. Император Александр I. С. 113–114).

Москва была действительно сожжена: из 9300 домов осталось чуть более 2 тысяч. Французами были арестованы четыре сотни «поджигателей», все были расстреляны.

В «Записках» (1780–1814) А.С. Шишков вспоминает: «В продолжение сего времени Наполеон, как будто заключенный в темницу, сидел в Москве мрачен и бездействен, лишаясь ежедневно из войск своих по нескольку сот человек, бродивших

по ее окрестностям, для сыскания себе продовольствия, и везде, вместо пищи и добычи, от наездников и поселян наших находивших смерть и плен. Гордость и надменные мысли о завоевании России стали в уме корсиканца исчезать. Он засылал с переговорами о мирных предложениях к фельдмаршалу, который, сказывают, питая в нем сию надежду, уверил его, что он немедленно уведомит о сем двор свой, и без сомнения вскорости получит согласный на то отзыв. Кутузову нужно было удерживать в пустой столице, дабы более ослабевал он в силах своих. Напоследок Наполеон, видя, что надежда его на мир была тщетная, покушался, не может ли, пробившись сквозь войски Кутузова, открыть себе путь в изобильнейшие области российския; но, в сильных сопротивлениях претерпя уроны, и не усматривая никакой возможности оставаться долее в Москве, спешит выйти из ней, насыщает адскую злобу свою подорванием Кремля и возвращается чрез Смоленск и Вильну по той дороге, которую он, идучи в Москву, ко вреду жителям и себе, разорял и опустошал. Там на пути, сопровождаемаго мечем и огнем, встречают его глад и мразы, истребившие всего его силы и доставившие в руки победителей все воинские его орудия, снаряды и припасы со всеми награбленными в России добычами. Наполеон, при переходе чрез реку Березину, был свидетелем ужасного бедствия войск своих, которые, оставя, ускакал с немногими генералами своими, будучи личным спасением обязан оплошности и нерадению адмирала Чичагова, без чего не мог бы избегнуть от плена, или от общей всех сопутников своих участи – лежать в русской сырой земле» (Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Т. 1. С. 162–163. Берлин, 1870).

Сохранилось и письмо императора Александра от 18 сентября 1812 года сестре Екатерине Павловне, от которой он не скрывал своих истинных чувств и переживаний:

«…Что еще может делать человек, как не следовать своим наилучшим убеждениям? Они одни руководят мною. Именно они заставили меня назначить Барклая командующим 1-й армией из-за репутации, которую он составил себе во время прошедших войн против французов и шведов. Они же заставили меня думать, что он превосходит в познаниях Багратиона. <…>

Принеся в жертву пользе мое самолюбие, покинув армию, ибо утверждали, что там я приношу вред, что я освободил генералов от всякой ответственности, что я не внушаю никакого доверия войскам, что неудачи, вменяемые в вину мне, более неприятны, чем те, что вменяют в вину моим генералам, посудите сами, мой добрый друг, как больно после этого было мне слышать, что моя честь задета, когда я лишь сделал то, чего от меня хотели,

покинув армию, в то время как я не имел явного желания, как в ней остаться и твердо решил возвратиться туда перед назначением Кутузова, и когда я отказался от этого только после назначения, отчасти по памяти о том, к чему угодливый характер этого человека привел при Аустерлице, и отчасти следуя Вашим собственным советам и советам многих других, разделяющих Ваше мнение.

Если Вы спросите меня, отчего я не поехал в Москву, я скажу Вам, что никогда не брал на себя обязательств и не давал обещаний туда приехать. Ростопчин очень просил меня об этом в своих письмах, но это было до отступления из Смоленска, то есть тогда, когда я не имел возможности это сделать из-за моей поездки в Финляндию. Зато потом, в письме от 14 августа, он сказал мне: «Теперь, Государь, я перехожу к более важному, то есть к вашей поездке сюда. Вне всякого сомнения, ваше присутствие здесь вызовет еще больший энтузиазм, но если перед вашим приездом дела будут складываться не в нашу пользу, Ваша персона еще больше увеличит общее беспокойство, и, так как Вам не следует рисковать, показываясь на публике, было бы лучше, если бы Вы приняли решение отложить Ваш отъезд из Петербурга до получения новостей, которые изменили бы к лучшему нынешнее положение вещей».

Рассмотрим теперь, мог ли я приехать в Москву? С тех пор как однажды провозгласили принцип, что моя персона в армии причиняет более зла, нежели добра, армия приблизилась к Москве после отступления из Смоленска, и могу ли я, здраво рассуждая, находиться в Москве?

Что касается меня, дорогой друг, все, что я на это могу ответить, исходит из моего сердца, моего намерения и рвения делать все, что, по моему глубочайшему убеждению, может послужить на благо моему отечеству. Что касается таланта, то, возможно, мне его не хватает, но его приобрести невозможно, это благословение природы и никто никогда его себе не добывал. Столь бесполезный, каков я есть, не имея средств, руководящий столь огромной машиной и в критической ситуации против адского противника, сочетающего ужасное коварство с самым выдающимся талантом и поддерживаемого всеми силами целой Европы и массой талантливых людей, сложившихся за 20 лет войн и революций, я вынужден согласиться, желая быть справедливым, что неудивительно, что я терплю неудачи. Вы помните, что мы часто предвидели их, разговаривая с Вами; даже потеря обеих столиц казалась возможной, и лишь настойчивость, казалось, должна быть средством от зол этой жестокой эпохи. Я далек от того, чтобы впадать в отчаяние, несмотря на всю

пропитывающую меня горечь, я твердо решил более, чем когда-либо, быть настойчивым в борьбе, и все мои помыслы стремятся к этой цели…» (*Великий князь Николай Михайлович*. Император Александр I. С. 114–117).

Не раз к Кутузову приезжали посланцы Наполеона с разговором о заключении мирного договора, у императора Александра под давлением обстоятельств возникали колебания, а не пора ли пойти навстречу просьбам Наполеона. Вот важное свидетельство: «Ходили слухи, что императора одолевают сомнения. Говорили, что однажды на Каменном острове он повернулся к Аракчееву и объявил, что его пугает мысль о стране, опустошенной от Немана до Москвы, и он решил наконец заключить мир. «Что однажды разрушено, того не восстановить». В большой тревоге Аракчеев обратился к Марии Федоровне, которая была одним из лютейших врагов Наполеона, и та убедила императора продержаться хотя бы до зимы» (*Дженкинс М.* Аракчеев. М., 2004. С. 145. Этот рассказ приписывается французскому историку Bignon и приводится в статье об Аракчееве (Русский инвалид. 1861. № 39).

18 октября французские войска, занявшие Москву, не выдержав бескормицы для солдат и лошадей, не выдержав безмолвия со стороны военного руководства и русского императорского правительства, начали уходить из города. 21 октября 1812 года Москва была свободна. К реке Березине французы подошли с 40-тысячной армией. Сотни тысяч французов, поляков, немцев, австрийцев и других иноземцев погибли в боях, от голода, болезней и мороза. В конце ноября 1812 года последние остатки великой французской армии покинули Российскую империю.

Часть девятая
Отставка графа Николая Румянцева

После Бородинского сражения и пребывания Наполеона и его батальонов в Москве широко распространился слух о том, что Наполеон готовится идти на Петербург. Москва не дала ему ожидаемого мира, хотя он так надеялся на это. Император Александр промолчал. Отсюда и слухи о Петербурге. «В Петербурге в это время в высших кругах, – писал Лев Толстой в четвертом томе романа «Война и мир», – с боUльшим жаром чем когда-нибудь, шла сложная борьба партий Румянцева, французов, Марии Федоровны, цесаревича и других, заглушаемая, как всегда, трубением придворных трутней… Те же были выходы, балы, тот же французский театр, те же интересы дворов, те же же интересы службы и интриги. Только в самых высших кругах делались усилия для того, чтобы напоминать трудность настоящего положения» (*Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 22 т. Т. 7. М., 1981. С. 7).

В конце 1812 года граф Румянцев, подписав мирные договоры с Великобританией и Испанией в городе Великие Луки, конвенцию со шведами в Петербурге и мирный договор в финском городе Або, не раз просил императора Александра об отставке. В Великих Луках он ощутил огромную усталость от постоянного напряжения при подготовке документов, чтения полученных депеш и ответов на них. А ведь чуть ли не каждое слово приходилось согласовывать с императором, который принимал активное участие в ходе межгосударственных переговоров. А приехав после переговоров в Або домой в Петербург, он получил печальные известия о Бородинском сражении, о Наполеоне, занявшем Москву, о его намерении двинуться в поисках мира на Петербург.

7 (19) декабря 1812 года император Александр, помолившись накануне вечером в Казанском соборе, в 9 часов утра выехал из Зимнего дворца в Вильно, который заняли русские войска. Императора сопровождали обер-гофмаршал граф Толстой, граф Аракчеев, государственный секретарь Шишков, генерал-адъютант князь Волконский, статс-секретарь граф Нессельроде и действительный статский советник Марченко.

11 (23) декабря в 5 часов пополудни у губернского дворца в Вильно фельдмаршал Кутузов в парадной форме встретил императора Александра со свитой. Кутузов вручил императору рапорт, потом беседовал наедине с ним в кабинете, а когда вышел из кабинета, то граф Толстой поднес ему на серебряном блюде

орден Святого Георгия 1-й степени. Это была официальная сторона. А самый сложный вопрос, который разделял их, так и не был решен. Кутузов писал императору Александру, что надо остановиться на границах России и заняться восстановлением разрушенного войной, император Александр был за продолжение войны до полного уничтожения власти Наполеона в Европе.

– Мы начинаем новую эру, – сказал император Александр, выйдя из кабинета. – Поверхность наша над неприятелем, расстроенным и утомленным, приобретенная помощью Всевышнего и искусными вашими распоряжениями и действиями, и, вообще, положение дел нынешних требует всех усилий к достижению главной цели, несмотря ни на какие препятствия. Никогда не было столь дорого время для нас, как при нынешних обстоятельствах. И потому ничто не позволяет останавливаться войскам нашим, преследующим неприятеля, ни на самое короткое время в Вильне. Я уважаю причины, в донесениях ваших помещенные, нахожу полезным остановить в Вильне единственно небольшую часть войск, более других расстроенную, которая бы собрала отставших и выздоровевших людей, равно и батальоны князя Урусова, а прочим сим войскам, как и большой армии, так и армии адмирала Чичагова и корпусу графа Витгенштейна, следовать беспрерывно за неприятелем, взяв такое направление, чтобы не только внутри, но и вне границ наших иметь в виду ту же цель – отрезывать ему сообщение и соединение с новыми подкреплениями его. Мы начинаем новую эру. Вы спасли не одну Россию, а всю Европу, не упустите этого памятного шанса.

Граф Аракчеев прошелся по Вильно и увидел разрушенный город, тысячи неубранных трупов французов, немцев, поляков, которые надеялись под знаменами Наполеона получить свободу и независимость, но так и не получили ее.

В канцелярии императора, которую он по-прежнему возглавлял и в походе, его ждало письмо графа Румянцева:

«31 декабря 1812 г.

Премного Вас благодарю за письмо, каковым в. с. меня удостоили от 25 декабря, оно порадовало меня совершенно и не допускает той печали, какую чувствовал, видя, что покинули Петербург, со мною не повидавшись. Я понес по службе и, знать, неизбежные неприятности, но самою службою обрел истинное себе по душе услаждение и для того не токмо не жалуюсь, но жребий свой люблю. Не прохождением ли сей самой службы приобрел я неоцененное дружество наше, которое меня льстит и утешает. Я часто сею мыслью занимаюсь, что когда и нас на свете уже не будет, то, рассчитая связи слуг императора Александра, конечно, скажут, Румянцев был Аракчееву друг. Сожалею, что вы

по прибытии в Вильну были нездоровы. Желаю в. с. начать и проводить наступающий год совершенно себе помысленно, пользуясь наилучшим здоровьем и всяким благополучием» (Отечественная война в письмах современников. С. 386–387).

Нелишним будет привести здесь фрагменты писем графа Румянцева графу Аракчееву из Петербурга 7 июля, 8 июля и 28 июля 1813 года: 1. «Я только что упомянул в прошедшем моем письме о получении письма, каковым в. с. меня удостоить изволили 18-го минувшего месяца, а теперь долгом себе ставлю за оное вас благодарить. Я много тронут, видя ваше дружеское ко мне расположение, и от оного ожидаю, что напоминать будете государю о просьбе моей, о совершенной отставке и выходите ее мне. Почто в канцлеры жаловать, коли с канцлером обходятся как с х… и прошение его оставлять без всякого ответа и уважения почти три месяца! Я все переносить умею, опричь уничижения, и строгих себе дней не видывал, какие Провидение мне судило видеть ныне». 2. «Я не скрываю от в. с., до какой степени опечален я государевым молчанием по случаю поданной мною просьбы об отставке. Я доведен до того, что в крайнюю себе милость вменю то, что, кажется, каждый подданный вправе получить». 3. «Я с крайнею признательностью получил письмо, каковым меня в. с. удостоить изволили от 17-го текущего месяца и скоро потом от государя милостивый ответ на многие мои донесения. При изъявлении достодолжной благодарности, я сегодня пишу к Е. И. В., возобновляя всеподданнейшую просьбу об отставке. Вы меня много одолжить изволите, ежели своим старанием содействуете к скорому и совершенному разрешению жребия моего. Пора мне быть свободным» (Там же. С. 472–473). После этих трех писем графа Румянцева графу Аракчееву последовали еще два (9 августа и 12 сентября 1813 года), в которых автор жалуется, что все эти восемь месяцев он ведет «жизнь совсем непомысленную и, статься может, несогласную ни с канцелярским званием, ни с тем, которое я от отца и деда получил, и жребий мой тем хуже, что, пригвоздя меня, так сказать, в министерском доме, среди пустых и маловажных занятий, отымают всякую свободу и держат под нареканием». И исцеление только одно – «даровать мне свободу» (Там же. С. 476). Во втором письме граф Румянцев выразил сожаление, что граф Аракчеев читал его письма императору Александру:

«Если бы я сие предвидеть мог, я писал бы их осторожнее и воздержаннее. Дружба, существующая между вами и мною, допускает писать и говорить, обнажая мысль и не ища ей иного приличия, как то, которое она заимствует единственно от искренности и доверенности неограниченной.

Я сожалею и о том, что вынужден государя собою занимать в такое время, когда он себя всячески приносит в жертву отечеству и его блага неутомимым трудом достигает. Да увенчает Промысел все его начинания счастливым окончанием» (Там же. С. 483).

Румянцев не переставал интересоваться ходом войны с Наполеоном, хоть и называл последние восемь месяцев в Петербурге «жизнью совсем непомысленной», «пустой и маловажной», он читал все сводки и документы о том, что происходило за рубежами страны. Так, в майском письме Аракчееву Румянцев вспоминает отступление от Эльбы, вспоминает наследного принца Швеции, неосторожную доверчивость по отношению к венскому двору – все это свидетельствует о том, что он в курсе всех событий, может, что-то не знает достоверно, но чувствует, что с канцлером Меттернихом должен был состязаться только очень опытный и знающий дипломат, а не граф Нессельроде и другие молодые дипломаты.

В мае 1813 года Наполеон был в Дрездене. Он все еще надеялся на помощь Австрии, на корпус Шварценберга, на родственные связи, но вскоре убедился, что и император Франц, и особенно князь Меттерних теперь говорят другим голосом, что условия трактата, заключенного в марте 1812 года, уже неприменимы. Поняв, что с Австрией ему не договориться, он повернулся к императору Александру. Но прибывший в Россию маркиз Коленкур не был принят императором Александром. Перед Наполеоном предстали унизительные условия мирного трактата, на которые он не был согласен.

«Россия, – писал Наполеон Коленкуру, – имеет полное право на выгодные условия мира. Она купила их ценою двух тяжких походов, опустошения областей, потерею столицы. Австрия, напротив того, не заслуживает ничего. Ничто не огорчило бы меня так, как если бы Австрия, в награду за свое вероломство, получила выгоду и славу восстановления мира в Европе» (*Богданович*. Т. 4. С. 106).

16 (28) июня 1813 года князь Меттерних прибыл в Дрезден и сразу посетил Наполеона, который встретил его крайне недружелюбно:

– Итак, наконец вы здесь, господин Меттерних! В добрый час, но почему так поздно? Мы уже потеряли целый месяц… Вы помешали мне истребить русских и пруссаков… Я не гонялся за вашею помощью; для меня было достаточно, чтобы вы оставались нейтральными. Но вы, под предлогом содействия миру, сделали большие запасы вооружения и теперь осмеливаетесь

предписывать такие условия мира, какие могут требовать лишь неприятели. Вы хотите войны со мною. Три раза я возвращал престол вашему Государю и наконец породнился с ним; но ничто не могло изменить его настроения. Чего хотите вы?

– Мы не ищем войны, – ни гнев, ни упреки Наполеона не поколебали хладнокровия Меттерниха, – а желаем только прекратить положение дел, сделавшееся нетерпимым в Европе и угрожающее совершенным разрушением…

– Чего же вы хотите? – прервал Наполеон.

– Мы хотим мира, обеспеченного мира. Мы уже не можем оставаться в стороне. Необходимо, чтобы мы стали за вас либо против вас!

Затем Меттерних перечислил то, что Австрия хотела получить в итоге этой войны.

– Как! – вскричал Наполеон. – Вы требуете не только Иллирию, но еще Польшу, и Любек, и Гамбург, и Бремен… И вы говорите о вашей умеренности, о вашем уважении к самостоятельности владений! Понимаю… Вы хотите получить всю Италию; Россия – Польшу; Пруссия – Саксонию; Англия – Голландию и Бельгию. Вы надеетесь одним росчерком пера отнять у меня то, что я приобрел столькими победами! И мне делают такие предложения, когда мои войска стоят у стен Берлина и Бреславля. Нет! Прежде вы будете принуждены набрать миллионы солдат, прольете лучшую кровь нескольких поколений и достигнете подошвы Монмартра! – На несколько секунд он замолчал, а потом вне себя вскрикнул: – Меттерних, сколько вам дала Англия за то, чтобы вы сделались врагом моим?

Но оскорбления на Меттерниха не подействовали, он продолжал свою линию: Австрия не питает несбыточных надежд, мечтает заключить мир в духе умеренности.

– И вы называете это умеренностью? – продолжал, успокоившись, Наполеон. – Ваши государи, предназначенные от колыбели к престолу, не могут понять моего положения. Они и после неудачи не утрачивают озаряющего их блеска; для меня же, напротив того, как для солдата, необходима слава. Я не могу, потеряв ее, возвратиться во Францию. Я обязан сохранить ненарушимо славу и величие народа, проливающего, по моему призыву, драгоценнейшую кровь свою.

– Этот народ нуждается в спокойствии. На пути сюда я видел некоторые из ваших полков. Ваши солдаты – настоящие дети.

Наполеон, услышав этот отзыв Меттерниха, снова вскипел от гнева:

– Господин Меттерних! Вы не солдат, вы никогда не жили в лагере и не научились ценить столь же мало чужую жизнь,

сколько свою собственную. Что мне жизнь 200 тысяч человек!

– Позвольте, господин император, открыть двери и окна, и пусть вся Европа вас услышит.

– Я сделал большую ошибку, породнившись с вашим Государем. Вы хотите получить Иллирию, возьмите ее. Может быть, я сделаю вам другие уступки, но не мешайте мне.

Когда же Меттерних вновь заговорил о посредничестве, Наполеон вновь закричал:

– Так вы хотите заставить меня исполнить вашу волю! Ну! Будем воевать. До свидания, в Вене! (Там же. С. 108).

Но в итоге Австрия добилась того, что в переговорах о мире австрийская сторона стала посредником и только через нее велись переговоры.

Пребывая в Петербурге, граф Румянцев чувствовал, что дела иностранные каким-то образом проходят мимо него. Он знал, что за границей иностранными вопросами занимается граф Карл Нессельроде со своими секретарями. Да и не раз слышал от друзей и знакомых, что император чаще всего сам исполняет обязанности министра иностранных дел, ведет переговоры, определяет их ход и условия. Здесь, в Петербурге, государственные обязанности министра исполняют другие лица. А сам Николай Петрович был увлечен собиранием книг, журналов, прочитанных и непрочитанных, ощущал себя историком России, Древней Руси. Так мало русские ученые задумываются о русской старине! Кто займется этим?

29 апреля 1813 года граф Румянцев написал императору всеподданнейшее прошение:

«Повергаю здесь к освященным стопам В. И. В. себя и просьбу мою об увольнении меня от службы. Не лета, не болезнь из оной меня выводят – необходимость. Я в вину себе ставлю, всемилостивейший государь, что продолжаю слыть государственным канцлером, когда отлучен пребываю от участия и ведения государственных дел.

Двунадесятилетняя служба и тем самым, что была неутомима, познакомила, конечно, В.И.В. с моею неспособностью, я сам ее исповедаю, и не роптание здесь, а благодарность приношу за монаршее долготерпение.

Ныне, всемилостивейший государь, счастье свое искать буду и найду в том, что, живучи в отставке, оправдывать поступками стану то народное о себе заключение, что я отечество люблю и к Вам привержен.

Удостойте, всемилостивейший государь, сию мою всеподданнейшую просьбу монаршим Вашим милостивейшим решением».

Но зная, что внутренними делами занимается граф Аракчеев, написал и ему собственноручное письмо.

Граф Н.П. Румянцев – графу Аракчееву. 1 мая 1813 г. Санкт-Петербург.

«Государь канцлера своего держит в черном теле и тем худо воздает за очень известную к нему приверженность и за службу не вовсе же пустую, когда она обозначена Фридрихсгамским миром. Но с сильными на земле расчету нет. Есть развязка. Я подал просьбу об отставке, что усмотреть изволите из приложенной здесь копии. Наиубедительнейше вас прошу ни с кем не объясняться о том, о чем теперь к вам пишу. Да послужит сие письмо единственным доказательством и на утверждение того дружества, которое между в.с. и мною существует» (Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). С. 452–453).

Последующие годы ознаменовались битвами Наполеона с русскими и союзными войсками вне территории Российской империи, отречением Наполеона от престола и ссылкой его на остров Эльба. 30 марта 1814 года был подписан договор в Фонтенбло, по которому Наполеон вступал в безвыездное владение островом Эльба и небольшой охраной. Вскоре после этого подписан был окончательный мир: Франция возвратилась в границы 1792 года.

Россия понесла огромные людские потери, потратила миллионы рублей, многие усадьбы обнищали и разрушены. Граф Румянцев, как и многие крупные чиновники и высший придворный мир, внимательно следили за ходом войны, знали, что император Александр в письме к вдовствующей императрице Марии Федоровне после сражения при Ла-Ротьере написал, что «Всевышний ниспослал новую благодать на оружие Союзных Держав. Славнейшая победа одержана над Наполеоном в недрах самой Франции». Почему император Александр так радуется победе фельдмаршала Блюхера, генерала Сакена, кронпринца Вюртембергского? Да, «все войска сражались с отличною храбростью, хладнокровием и порядком… Все одушевлены чувством, что с Божьей помощью ничего невозможного нет» (*Богданович*. Т. 4. С. 46). Так думал не только граф Румянцев, но и фельдмаршал Кутузов. Но воевать почему-то стали за освобождение германских княжеств, прежде всего Пруссии, которая в ходе этой войны окрепла и стала одной из главных сторон победителей, хотя принимала участие в походе против России.

Все государства, которые принимали участие в свержении

Наполеона, извлекли свои выгоды, особенно Австрия во главе с императором Францем и князем Меттернихом.

Граф Румянцев держал в уме действия и размышления императора Александра, получившего все мысленные награды за свержение императора Наполеона и освобождение Парижа, но распоряжения на свою просьбу об отставке так и не получил. Это крайне разочаровало государственного канцлера. Наконец 10 февраля 1814 года граф Румянцев написал тайному советнику Вейдемейеру: «Несмотря на частые болезненные припадки мои, особо усилившиеся в продолжение минувшего месяца, я не переставал надеяться, что они позволят мне по крайней мере выждать время, когда Его Величеству благоугодно будет даровать мне всемилостивейшее от службы увольнение по принесенному от меня всеподданнейшему прошению; но, чувствуя, что слабость сил моих умножается, я вижу себя в совершенной необходимости, для пользы дел и дабы не могло остановиться их течение, сложить с себя ныне высочайше вверенное мне управление Иностранным департаментом и впредь до высочайшего повеления передать оное по порядку службы вашему превосходительству, яко старшему по мне члену государственной Коллегии иностранных дел и особе, управлявшей оным департаментом прежде по монаршему доверию во время высочайшего отсутствия Его Императорского Величества. О сем распоряжении я уведомляю всех членов дипломатического здесь корпуса приложенными при сем циркулярными нотами, которые прошу ваше превосходительство приказать разослать по принадлежности. Я отнесся также к г. статс-секретарю Молчанову с просьбою, чтобы он представил комитету гг. министров о нужном распоряжении, дабы все сношения с Иностранным департаментом по делам внутреннего управления были обращаемы к вашему превосходительству: вас же, милостивый государь мой, прошу вместе с сим принять на себя исправление всех дел по сему департаменту, и какие будут поступать на мое имя письма и пакеты из-за границы и внутри России, со всеми без изъятия поступать так точно, как с теми, кои к вам непосредственно будут адресованы».

13 февраля 1814 года дело об отставке Румянцева заслушано было на заседании Комитета министров.

12 июля 1814 года император Александр прибыл в Петербург, а перед этим в своих распоряжениях просил не устраивать ему торжественной встречи. Но так не получилось: верноподданные придворные, вся императорская семья, сенаторы, министры, генералы, тайные советники и пр. и пр. подготовили императору небывалый прием, а главное – Правительствующий сенат объявил

во всенародное известие, что за огромные заслуги императору Александру будет воздвигнут в престольном граде памятник с надписью: «Александру Благословенному, императору Всероссийскому, великодушному держав восстановителю от признательной России». Но, приняв поздравление от Сената, от других решений государственных учреждений император Александр отказался.

Только 1 августа 1814 года император Александр объявил Сенату указ: «Снисходя на прошение государственного канцлера графа Н.П. Румянцева, всемилостивейше увольняем его от дел, на него возложенных, с сохранением всех получаемых им ныне окладов».

13 августа граф Николай Румянцев писал графу Аракчееву: «Кой час в. с. нельзя пожаловать ко мне откушать, то я вашего, на пользу службы посвященного времени, сегодняшнего утра тратить не хочу. Вот о чем я желал с вашим сият. объясниться: пожалуйста, доложите государю, что, собираясь на сих днях ехать в Гомель, я испрашиваю себе той милости, чтобы мог Е. В. откланяться, и прошу вас исходатайствовать и дать мне знать день и час, который государю угодно будет на то назначить. Доложите также Е. В., что я воспользуюсь таковым допущением и буду читать докладную записку о сдаче, кому повелит, продолжения работ Обводного около столицы канала, но что чтение таковое не займет более 10 минут. Прошу окончательно вас напомнить Е. И. В. о всеподданнейшей моей просьбе, с коей здесь прилагаю для сведения в. с. копию. Мне очень совестно, что я вас собою так обременяю, но в вас истинно себе почитаю друга и к вам сам привержен до крайности».

Император Александр принял графа Румянцева, высоко оценил его дипломатическую и коммерческую деятельность, пожелал ему успехов в будущей работе, о которой не единожды рассказывал ему граф.

17 августа 1814 года, скорее всего после прощальной встречи с императором, граф Румянцев писал графу Аракчееву: «Спешу принести в. с. искреннейшую благодарность за доставление мне всемилостивейшего рескрипта. Прошу вас, милостивый государь мой, при удобном случае и на досуге, ручаться за ту глубочайшую признательность, с каковою я принял сей знак монаршего ко мне благоволения» (Там же. С. 505).

Вскоре после этого граф Румянцев отбыл из Петербурга в Гомель, где продолжалась его научная работа, где он взял на себя новую заботу – большое строительство различных зданий, согласно давно уже разработанным проектам графа Румянцева.

Император Александр I после длительного отсутствия в столице входил в накопившиеся государственные дела. После того как в Европе склоняли с благодарностью головы при встрече с ним, здесь, в столице, императора многое огорчало. По-прежнему встречали его ласково и оказывали повседневную честь, но вскоре обнаружилось, как плохо эти «верноподданные» служили Отечеству. Дважды в последнее время император Александр прибывал в Петербург: в первый раз его возвращение из Парижа как победителя Наполеона было радостным, он явился, чтобы творить добро и в России, он мечтал идти по стопам Матери Отечества, Великой Екатерины, а во второе возвращение императора из Парижа его было не узнать: «Прошло немного дней, и… то, в чем был уверен Александр, оказалось мечтою, – писал М. Богданович. – Властители, утвержденные им на поколебленных престолах, едва было не восстали против него заодно с побежденною Францией; народы, избавленные им от лежащего на них ига, требовали исполнения обещаний, данных в роковое время борьбы с Наполеоном; из среды восстановленного им польского народа раздавался ропот неудовольствия; в России говорили с завистью о правах, дарованных мятежным полякам, и с беспокойством – о намерениях Государя расширить пределы буйной Польши. Так на ясном небе являются едва заметные облака – предвестники бурей. Александр, недовольный всем, что окружало его, более и более удалялся от людей, более и более недоверял им. Обычная безмятежность его характера уступила место гневным порывам. Он сделался несравненно более взыскательным в отношении к военной дисциплине; запрещено было офицерам носить гражданское платье и приказано обращать внимание на строжайшее соблюдение установленной формы в одежде. Вместе с тем были приняты меры к искоренению злоупотреблений, вкравшихся во все части государственного управления. Статс-секретарь Молчанов, распоряжавшийся важнейшими делами в течение нескольких лет, был отставлен и предан суду. Наряжена следственная комиссия для рассмотрения действий управляющего военным министерством князя Алексея Ивановича Горчакова, который тогда же был уволен от должности. Самбургский, Приклонский и другие чиновники военного ведомства отданы под суд и рассажены по разным гауптвахтам. Само собою разумеется, что эти примеры столь же строгих, сколько и справедливых взысканий не могли водворить вдруг ни бескорыстия в чиновниках, ни правды в судах. Надлежало бы усугубить надзор за исполнением законов. Такие вседневные заботы, при всей своей важности, не могли привлечь на себя исключительно внимание монарха, решителя судеб

Европы. Принимая живое участие в делах внешней политики, Александр, мало-помалу, вверил все распоряжения по внутренней администрации человеку бескорыстному, но грубому и суровому – графу Аракчееву, который сделался первым, или, лучше сказать, единственным министром» (*Богданович*. СПб., 1871. Т. 5. С. 119–120).

Но приехав в Петербург на несколько недель, император вскоре отправится в Вену, где 20 октября 1814 года откроется Венский конгресс, куда съедутся все победители и побежденные.

По дороге в Австрию император Александр заехал в поместье польских князей Чарторижских, запомнилась его фраза:

– Ночью я уеду, я должен мчаться, точно курьер. Но твердо хочу вам напомнить, что у Польши три врага: Пруссия, Австрия и Россия, и один друг – это я!

По дороге император Александр заезжает за королем Пруссии, и 25 сентября они, прибыв в Вену, останавливаются в императорском дворце Ховбург. Предстоял дележ европейского имущества. Биографы и историки не упустили возможности рассказать о зловредности замыслов и планов собравшихся на конгресс. Ничего не подозревающий об этом император Александр сделал наброски выступления на французском языке:

«России – герцогство Варшавское. В крайнем случае соглашусь уступить Пруссии Познань до линии, проведенной от Торна до Пейзерна и оттуда по реке Просне до границы Силезии и от Кульмского округа до Древенца, за исключением Торнского округа. И это должно быть всем понятно, исходя из итогов войны. Будет только справедливо вознаградить моих подданных за все принесенные ими жертвы и навсегда оградить их от нового вторжения, обезопасив границы». Нет, это не аннексия Польши, размышлял император, он хочет, чтобы Пруссия и Австрия отдала Польше захваченные по разделу территории, та стала бы самостоятельным государством. В Польше говорят, что русский император может стать и польским королем. Он согласен. Две славянских страны под одним скипетром, разве это не разумно? Австрия получит север Италии, Венецию, Тироль, Далмацию, а Пруссия получит остатки Саксонии… Но император Александр и не предполагал, как за это краткое время, что он был в Петербурге, изменились люди.

Европу не узнать, она словно вновь стала похожа на огромную феодальную страну чуть ли не во главе с устаревшим по всем статьям Людовиком XVIII. Император Александр и раньше замечал, что Людовик XVIII, едва взгромоздившись на королевский трон, самодовольно заявлял, что он в кругу коронованных особ – первое по важности лицо. Талейран, став у

Бурбонов министром иностранных дел, хорошо знал, что Бурбоны «ничего не забыли и ничему не научились», на смену феодально-дворянской монархии пришла пора торгово-промышленного капитализма, а Бурбоны надеялись сохранить порядки Людовика XV. Но Талейрану нужны были деньги, которые обеспечат ему будущее. И он брал деньги у всех, кто хоть в малейшей степени зависел от него. Император Александр доверил вести дела графу Нессельроде, который тут же договорился с Талейраном о сдаче Парижа. Бурбоны вошли в Париж с белым знаменем, знаменем старого режима. Наполеон отрекся от престола в пользу своего трехлетнего сына, а жену, Марию-Луизу, дочь австрийского императора, назвал регентшей при сыне. Текст отречения Наполеона привезли в Париж Арман де Коленкур, маршалы Ней и Макдональд. Передали документы императору Александру, которому понравилась эта комбинация. Но Талейран с помощью графа Нессельроде уговорил императора России передать власть Бурбонам, которые не нравились ни Талейрану, ни Александру I. Почему он, Александр I, победитель Наполеона, послушался прожженного политикана и допустил ошибку, о которой сейчас сожалеет?

Не успел император Александр начать переговоры, как тут же натолкнулся на решительный протест не только Великобритании и Австрии, но и Франции, которая устами Талейрана по целому ряду пунктов возразила русскому императору, а он-то все еще чувствовал себя победителем Наполеона. Только год тому назад Талейран казался смиренным просителем, а сейчас он стал не только равноправным партнером, но успел занять почетное место за столом переговоров. Он предал Наполеона, принял сторону Бурбонов, а вскоре сенат утвердил Талейрана в качестве центрального лица происходящей реставрации. Получив назначение министра иностранных дел Франции, Талейран развернул бурную деятельность, написав требовательные письма ко всем заинтересованным лицам. 23 сентября 1814 года Талейран в качестве уполномоченного Франции прибыл на Венский конгресс. Остановился в доме крупного политического деятеля Австрийской империи Кауница, отведенного для французского дипломатического корпуса. А в ходе конгресса, как свидетельствуют источники, ему удалось не только противостоять России, Пруссии, Австрии и Великобритании, но, ведя сложнейшую и тончайшую сеть интриг, направленных к тому, чтобы столкнуть интересы одних против других, перессорить их друг с другом. С середины сентября 1814 до начала января 1815 года Талейран вел себя как представитель не побежденной страны, а как представитель победившей Франции. Уже до него

начались заседания, был создан комитет, составлен протокол заседаний. Но опередить Талейрана еще никому не удавалось. В Государственной канцелярии Талейран встретил лорда Кастьри, князя Гарденберга, Гумбольдта, Нессельроде, Лабрадора, Меттерниха. Протокол предыдущих заседаний лежал на столе перед секретарем заседаний Генцем. Герцог Меттерних открыл первое заседание. Выступивший затем князь Гарденберг, поддержав герцога Меттерниха, добавил, что ради упрочения мира нужно свято соблюдать обязательства, достигнутые в ходе войны, таково намерение союзных держав. При словах «*союзных держав*» Талейран взволнованно вздрогнул и радостно подумал: «Прусский князь допустил ошибку». И тут же Талейрану дали слово, которое положило начало длительных дискуссий на конгрессе:

– Я рад, что Франция находится в дружеских и тесных отношениях со всеми кабинетами Европы. Здесь уже высказаны многие интересные мысли, но у герцога Меттерниха и князя Гарденберга вырвалось выражение, которое, по моему мнению, устарело: оба они говорили о намерениях *союзных держав*. Я заявляю, что *союзные державы* и *конгресс* с участием держав *несоюзных* малоспособны, с моей точки зрения, к лояльной совместной работе. Я несколько раз повторил с некоторым удивлением и даже с горячностью слова «*союзные державы*»… «Союзные», я повторил эти слова с явной иронией… И против кого же направлен этот союз? Уже не против Наполеона: он на острове Эльба… уже не против Франции: мир заключен… конечно, не против французского короля: он служит порукой прочности этого мира. Господа, будем откровенны: если еще имеются *союзные державы*, то я здесь лишний. А между тем, если бы меня сейчас здесь не было, вам бы недоставало меня. Господа, я, может быть, единственный из всех присутствующих, который ничего не требует. Подлинное уважение – это все, что я желаю для Франции. Она достаточно могущественна благодаря своему богатству, своей протяженности, численности и духу своего населения, расположению своей территории, единству своей администрации, защите, которую природа и искусство дали ее границам. Повторяю, я ничего не желаю для нее и бесконечно много могу дать вам. Присутствие здесь министра Людовика XVIII освящает начала, на которых покоится весь социальный порядок. Основная потребность Европы – это изгнание навсегда мысли о возможности приобретения прав одним завоеванием и восстановление священного принципа легитимности, из которого проистекают порядок и устойчивость. Показав теперь, что Франция мешает вашим совещаниям, вы тем самым сказали бы,

что вы не руководствуетесь больше одними истинными принципами и что вы отвергаете справедливость; эта мысль далека от меня, так как мы все одинаково понимаем, что простой и прямой путь один достоин той благородной миссии, которую нам предстоит выполнить. Пражский договор гласит: *«Все державы, участвующие на той или другой стороне в настоящей войне, отправят в Вену полномочных представителей для того, чтобы принять на общем конгрессе постановления, которые должны дополнить предписания Парижского договора»*. Когда откроется общий конгресс? Когда начнутся его заседания? Эти вопросы ставят все те, которых привели сюда их интересы. Если бы некоторые державы, находящиеся в привилегированном положении, захотели, как об этом уже распространяются слухи, осуществить на конгрессе диктаторскую власть, то я должен сказать следующее: опираясь на условия Парижского договора, я не мог бы согласиться на признание над этим собранием какой-либо высшей власти в вопросах, входящих в компетенцию конгресса, и я не стал бы входить в рассмотрение предложений, исходящих от нее. Я вижу напротив господина Генца протокол заседаний. Конгресс еще не начинался, а протокол заседаний уже существует. Это противоречит принципам конгресса.

После этого воцарилось замешательство. Герцог Меттерних понял, что предыдущие заседания и протокольная их часть не подлежат учету на будущем конгрессе, который откроется 1 октября 1814 года, и дал знак секретарю Генцу, который тут же уничтожил протокол прежних заседаний и начал протокол текущего дня.

Талейран тут же отправил в Париж депешу, что Франция восстановлена в своих правах.

Уверенность Талейрана сначала раздражала съехавшихся на конгресс, но Талейран продолжал действовать: ему удалось заключить тайный договор противодействия Франции, Англии и Австрии двум остальным участникам – России и Пруссии и подписать его 3 января 1815 года. Пруссия надеялась получить владения саксонского короля, наказав его за участие в походе Наполеона против России. А саксонскому королю хотелось удержать эти земли. И это только малая часть интриг, которую ткал хитроумный Талейран. О Франции он почти не думал. В те самые дни Венского конгресса, когда Талейран говорил высоконравственные речи, говорил о верности принципам и религиозно-неуклонного служения легитизму, и законности, он получил от саксонского короля 5 миллионов франков золотом, от баденского герцога – миллион, от Фердинанда IV – 6 миллионов (по другим источникам, 3 миллиона 700 тысяч франков золотом).

«На первой же аудиенции у царя Талейран позволяет себе дерзкий, граничащий с наглостью тон, – писал Анри Труайя в историческом романе «Александр I». – Обсуждая выводы, которые каждая из представленных на конгрессе наций надеется получить по новому договору, Александр говорит:

– Я сохраню за собой все, чем владею.

– Ваше Величество соизволит сохранить за собой лишь то, что будет вам предоставлено на законных основаниях, – возражает Талейран, втягивая голову в высокий воротник. При этом углы его рта опускаются и на лице появляется гримаса холодного презрения.

– Я действую в согласии с великими державами, – отвечает Александр.

– Мне неизвестно, включает ли Ваше Величество Францию в число великих держав, – вкрадчиво произносит Талейран.

– Да, разумеется. Но если вы не хотите, чтобы каждый исходил из своих интересов, то чем вы руководствуетесь?

– Я ставлю право выше выгоды.

– Европа имеет право на выгоды.

– Этот язык не ваш, государь, он вам чужд, ваше сердце отвергает его.

– Нет, – обрывает Александр. – Повторяю, Европа вправе рассчитывать на выгоды.

– Европа! Европа! Несчастная Европа! – горестно стонет Талейран и в притворном отчаянии ударяется головой об стену.

Когда Александр выражает недовольство теми, кто «изменил общему делу Европы», подразумевая короля Саксонии, он слышит в ответ от «этого француза»: «Государь, он уступил силе обстоятельств, в которых может оказаться каждый». Не ядовитый ли это намек на позицию русских в Тильзите? Александр смертельно бледнеет от оскорбления. А суть дела в том, что Талейран не желает допустить превращения Польши в вотчину России. На его взгляд, это создало бы большую и неминуемую «опасность для Европы, и, если исполнению этого плана можно воспрепятствовать лишь силой оружия, следует, не колеблясь ни минуты, прибегнуть к нему. С другой стороны, он не желает и усиления Пруссии, а это случится, если ей отойдет часть Саксонии. Лорд Кастльри готов согласиться, самое большее, на создание Польского королевства, но без его династического союза с Россией. Меттерних считает, что восстановление Польши под скипетром царя не позволит Австрии сохранить за собой Галицию, а чрезмерное усиление России нарушит политическое равновесие в Европе. Александр в одиночку яростно борется с тремя дипломатами – французом, англичанином и австрийцем.

Он опирается на группу из семи советников, только один из которых – граф Разумовский – коренной русский; другие – три немца, поляк, корсиканец и грек. Такое разнообразие национальностей тешит тщеславие царя: он – единственный интернационалист среди европейских государей! В дискуссиях он неутомим. Он кричит Талейрану: «Я полагал, что Франция мне кое-чем обязана. Вы постоянно твердите мне о принципах, но ваше общественное право для меня пустой звук. Я и знать не хочу, что это за право. Все ваши пергаменты и трактаты для меня ничто. – И заключает: – Король Пруссии будет королем Пруссии и Саксонии, как я буду императором России и королем Польши. От уступчивости Франции в двух этих пунктах зависит моя уступчивость во всем, что может ее интересовать». Выходя из зала заседаний, Александр раздраженно замечает: «Талейран разыгрывает здесь министра Людовика XIV».

Меттерних тоже выводит его из терпения, и однажды Александр надменно обрывает его: «Вы единственный человек в Австрии, позволяющий себе мне противоречить». В другой раз, бросив на стол шпагу, он вызывает австрийского министра на дуэль. Император Франц озадачен тем, что монарх милостью Божьей снисходит до поединка с простым дворянином, лишь недавно возведенным в княжеское достоинство. «Боже, в какое время мы живем», – сокрушается австрийский император и берется уладить конфликт. Русский царь и австрийский министр не скрестят шпаги. Но с этого дня Александр перестает появляться на приемах, даваемых Меттернихом, а встретившись с ним в чьей-нибудь гостиной, делает вид, что его не заметил.

Яростно схлестываются за столом переговоров, но отменно учтивы в гостиных. «Конгресс танцует, но не двигается», – острит принц де Линь. Со дня открытия конгресса Вена превратилась в некую международную ярмарку, куда съехались со всех концов Европы коронованные особы и легкомысленные женщины, дипломаты и мошенники, принцессы и торговцы. В городе невозможно найти свободную комнату. Посол каждой страны держит целый штат осведомителей и осведомительниц, главная обязанность которых – наблюдать за другими нациями.

Посреди этой блестящей круговерти мистик Александр чувствует себя в своей стихии. Доля легкомыслия дает отдых от возвышенных мыслей. Шутливая болтовня подстегивает энергию для свершения великих дел. Разумеется, в России он не был так падок на светские увеселения. Он из той породы мужчин, которые степенны дома и ветрены за его стенами. Пристрастие к такого рода экзотике одновременно и удовлетворяет тягу к беспутству, и ее оправдывает. Он настоял на приезде в Вену императрицы

Елизаветы, но все свое внимание отдает другим дамам. Каждое утро он протирает лицо кусочком льда, чтобы освежить кожу. Он присутствует на всех приемах, порхает по всем гостиным, увивается за всеми хорошенькими женщинами. <…> Впрочем, ветер любовного безумия гуляет надо всем конгрессом. <…>

Даже рассудительная императрица Елизавета чувствует, что и у нее голова идет кругом. Давно покинутая царем, в Вене она вновь встречает своего давнего поклонника, князя Адама Чарторыйского. Годы оставили свой след на челе государыни, но ее обожатель охвачен тем же волнением, что и во время их встреч в годы юности. <…> Императрица в письме к матери жалуется, что ее положение вынуждает ее «принести в жертву официальному положению счастье всей своей жизни, расставаясь с человеком, в котором в течение лучших четырнадцати лет жизни она привыкла видеть свое второе «Я».

Так на берегах Дуная вновь разгорается любовь между императрицей и князем Чарторижским, оборвавшаяся в 1807 году во время романа Елизаветы с корнетом Охотниковым. Он «простил от всего сердца» ее неверность, она вновь видит в нем «счастье всей жизни». Конечно, в этой взаимной страсти, сдерживаемой велением долга, много романтического. Взаимное влечение двух душ обостряется невозможностью физического обладания. Они скрывают, каких страданий им стоит отказ от того, чего оба страстно желают… Позволено предположить, что Елизавета в конце концов дала своему вздыхателю увлечь себя и царю донесли об этом. Сам постоянно обманывая жену, он все более сурово обращается с ней на людях. Как если бы он вымещал на ней какую-то застарелую обиду. Донесения австрийской полиции сообщают об оскорбительном отношении Александра к супруге: «Сообщение барона Хагера, министра полиции, 2 января 1815 года. Вот что рассказывают у Этьена Зичи: 1. В прошлую пятницу Александр заставил свою несчастную супругу присутствовать на балу у княгини Багратион. Императрица неохотно повиновалась, но канапе, на которое она села, было в таком плохом состоянии, что развалилось под ней. 2. В субботу на семейном обеде у Александра он невероятно грубо обошелся с императрицей, со своим братом, великим герцогом Баденским, и сестрой, баварской королевой. Говорят, что императрица не вернется в Россию, а уедет к брату в Карлсруэ».

Другой рапорт полиции от 5 февраля 1815 года: «Императрица России… супружество которой столь несчастливо, никогда не обедает ни с императором, ни с его сестрами, великими княгинями… Предполагают, что она не вернется в Петербург. Если так действительно произойдет, это произведет

глубокое впечатление в столице, где императрица очень популярна и любима».

Чуть позже новое донесение в том же духе: «На последнем балу у княгини Багратион при появлении императрицы раздались возгласы: «Как она прекрасна! Бесспорно, эта женщина – настоящее чудо!» Александр, задетый за живое, так как заподозрил выпад в свой адрес, произносит, повысив голос: «А я этого не нахожу! У меня другое мнение».

Елизавета безропотно переносит унижения и даже оправдывает холодность мужа. «Из чувства справедливости я должна признать, что император любезен со мной, – пишет она 2 февраля 1815 года матери, – он сам предложил мне чаще обедать у него и даже вдвоем с ним, когда я буду одна. Нужно судить исходя из характера человека, особенно такого человека, как император». <…>

Но все эти галантные и политические треволнения не могут отвлечь союзников от не дающей им покоя мысли – о запертом на своем острове Наполеоне. Принц де Линь острит: «Наполеон играет в Робинзона Крузо», а Талейран не перестает требовать, чтобы корсиканца удалили от берегов Средиземного моря. Он предлагает другое место заключения – Азорские острова, «в пятистах лье от всякой земли». Веллингтон, прибывший в Вену, поддерживает его. Но Меттерних предпочитает не спешить с депортацией низвергнутого императора и дождаться, пока тот сам каким-нибудь опрометчивым поступком не даст для этого повода. Царь категорически возражает против переселения бывшего врага в новое место заключения. Причины великодушия Александра две: во-первых, он догадывается, благодаря донесениям шпионов обоего пола, что Англия, Австрия и Франция подписали недавно договор, направленный против России и Пруссии; во-вторых, он только что узнал от Талейрана, что Людовик XVIII отклонил возможность брака между герцогом Беррийским и великой княжной Анной. <…> «По какому праву, – негодует он, – отбирают у этого человека остров Эльба, предоставленный ему в соответствии с договором всего год назад?»

Споры о будущем Наполеона неожиданно прерваны новостью, поразившей конгресс точно гром среди ясного неба: в ночь с 6 на 7 марта 1815 года Меттерних получает сообщение, что экс-император Франции тайно отплыл с острова Эльба в неизвестном направлении. В восемь часов утра Меттерних устремляется к императору Францу, а тот, до смерти перепуганный, приказывает ему бежать к императору России и королю Пруссии. Впервые после трех месяцев дипломатических размолвок Меттерних

является к царю. Александр, узнав новость, без колебаний заявляет, что готов взяться за оружие. Перед лицом общей опасности вчерашние раздоры отступают и соперники вновь становятся союзниками. Потом царь, проявив беспримерное великодушие, говорит Меттерниху: «Покончим с нашей личной распрей. Мы оба христиане, а наша вера учит всепрощению. Обнимем друг друга и предадим забвению прошлые обиды». И прижимает австрийского канцлера к своей груди.

Через час участники конгресса собираются и обсуждают ситуацию. Александра мучает чувство вины: не он ли всегда утверждал, что нет никакого риска оставлять Наполеона на его острове? Ведь пленник нарушил слово, данное ему, Александру! Он и злится на него, и восхищается им: какова дерзость!.. Каждый из них надеется, что, едва ступив на землю Франции, Наполеон будет арестован без единого выстрела. Но могут ли Бурбоны рассчитывать на поддержку французского народа? Некоторые министры в этом сомневаются. События следующих дней подтверждают их правоту. Наполеон, высадившись в бухте Жуан, стремительно приближается к Парижу, и города с энтузиазмом открывают перед ним ворота, крестьяне восторженно приветствуют его, а солдаты отказываются в него стрелять. Маршал Ней, обещавший «привезти узурпатора в железной клетке», встречает своего императора в Оксерре и переходит на его сторону. Брошенный всеми Людовик XVIII в панике бежит из Парижа и скрывается в Генте.

20 марта 1815 года Наполеон, устроившись в Тюильри, находит в одной из папок министерства иностранных дел тайный договор от 3 января 1815 года, который король в спешке забыл захватить с собой. В восхищении от своей находки, Наполеон поручает секретарю русской миссии в Париже Бутягину переслать этот документ царю в Вену, дабы открыть ему глаза на двуличие его так называемых союзников и побудить его вступить в переговоры лично с ним, Наполеоном. Александр, давно уже подозревавший своих партнеров в вероломстве, впадает в неистовый гнев. Каподистриа наблюдает, как он мечется по кабинету, и замечает, как медленно краснеют его уши. Но царь быстро овладевает собой. Призвав Меттерниха, он спрашивает, известно ли ему «это произведение», и, так как австрийский министр онемел от страха, Александр его успокаивает: сейчас не время вникать в дипломатические каверзы, союзники должны еще теснее сплотиться для борьбы с узурпатором. Потом, подойдя к зажженному камину, бросает документ в огонь. Королю Баварии, который пришел извиняться, он говорит: «Вас завлекли, забудем об этом».

Но вместе с копией договора от 3 января Бутягин передал Александру письмо королевы Гортензии, умолявшей его вернуть благосклонность Наполеону: «Нация всецело высказалась за императора, но она хочет мира, и он достаточно умен, чтобы следовать за господствующим мнением, ибо он уже на себе испытал его силу, да и пример Бурбонов доказывает, что государь может удержаться на троне, если не отделяет свое дело от дела всей нации… Парижу не терпится узнать намерения императора Александра, здесь говорят, что царь заинтересован в мире с Францией и не должен опасаться, что ему будут чинить препятствия в вопросе о Польше… Он обещает даровать либеральную конституцию, свободу печати, одним словом, он намерен удовлетворить всех, ибо, если он этого не сделает, он не сможет здесь удержаться… Если вы будете нашим другом, то все пойдет хорошо». Короче, пером экс-королевы Голландии Наполеон заклинает Александра отделаться от предавших его союзников и пойти на союз с ним, ибо он вернулся с острова Эльба преображенным – с душой невинного агнца.

Несмотря на симпатию, которую Александр питает к своей корреспондентке, он не поддается на уговоры. Впрочем, он уже подписал 25 марта декларацию восьми государств об отношении к Наполеону: «Наполеон поставил себя вне гражданских и социальных законов, порвав договор от 11 апреля 1814 года, водворивший его на о. Эльбу, и подлежит преследованию» (*Труайя А.* Александр I. М., 2011. С. 129–135).

Сто дней императора Наполеона мелькнули как метеор, Ватерлоо и второе отречение Наполеона вроде бы успокоило Европу, старый монархический режим был восстановлен. В своих воспоминаниях Шатобриан живописует удивительную и унылую картину: хромой Талейран проходит в кабинет короля под руку с Фуше: «Вдруг дверь открывается: молча входит порок, опирающийся на преступление, – господин Талейран, поддерживаемый господином Фуше; адское видение медленно проходит предо мною, проникает в кабинет короля и исчезает там» (*Талейран.* Мемуары. *Тарле.* С. 64).

Император Александр, вновь, как в юности, мечтает удалиться от мира. Но 22 июня 1815 года, после победы союзников при Ватерлоо, император Александр с горечью говорит сам себе: «Я великий грешник, но Господь избрал меня, дабы принести мир народам».

10 июля 1815 года император Александр вновь вступает в Париж и останавливается в Елисейском дворце. Снова хвала и ласки отвлекают его от побуждения удалиться от внешнего мира. Повсюду, где он бывал, слава и почет ему были обеспечены, а

недалеко от Праги, в поместье князя Шварценберга, во время прогулки с князем Волконским, император увидел пахаря, подошел к нему, пожелал ему успехов, стал на его место, провел сохой борозду. Конечно, тут же нашелся живописец и изобразил императора за сохой. Но самым злободневным оставался вопрос о Польше. Польские войска сражались вместе с Наполеоном против России. Но после заключения в 1814 году Фонтенблоского тракта польские войска во главе с генералом Домбровским получили разрешение от императора Александра вернуться в Польшу, продолжать служить своему Отечеству или уйти в отставку. По указу императора польские войска были вверены великому князю Константину Павловичу. На Венском конгрессе было принято решение, что герцогство Варшавское присоединяется к России, часть его отдана Пруссии, а часть Восточной Галиции – Австрии; Краков объявлен вольным городом. Император Александр в письме президенту польского сената графу Островскому сообщил, что царство Польское присоединяется к Российской империи, а 13 мая 1815 года объявил манифест жителям царства: им дарованы конституция, самоуправление, собственная армия и свобода печати. 9 июня 1815 года Варшава праздновала восстановление Польши. А чуть раньше этого, в Париже, император Александр принял польскую депутацию. Выслушав сенатора графа Замойского, прочитавшего адрес, император Александр сказал:

– Я искренно тронут чувствами польского народа, вами переданными. Уверьте его моим именем, что мною руководит желание возвратить ему существование. Соединяя его с народом одного с ним происхождения – славянского, я упрочиваю его благосостояние и спокойствие: видеть его счастливым – считаю лучшею себе наградою (Мемуары Михаила Огинского. IV. 225).

Кроме того, многие польские дела были улажены, возобновлены отношения с Пруссией, Австрией и германскими князьями и герцогами.

А русские внутренние дела были по-прежнему в запущенном состоянии. Но смутные обстоятельства вскоре прояснились. И тут же последовали снятия с должностей и новые назначения на ответственные посты в управлении государственным аппаратом: Петр Петрович Коновницын, отличившийся как генерал при Бородинском сражении, проявивший мужество и благородство характера, был назначен военным министром, а князь Петр Михайлович Волконский, которого император знал с детских лет, был назначен начальником главного штаба. Последовали и другие назначения на высшие воинские должности. Но до императора доходили и слухи о том, что в его отсутствие все большую власть в государстве приобретали иезуиты, особенно в

Петербурге.

Император Александр знал, что иезуиты появились в России еще в начале XVII века, при Самозванцах их прогнали. С присоединением к России Белоруссии иезуиты появились вновь. Императрица Екатерина, зная беспокойный характер этого ордена, приказала губернаторам в 1772 году составить список иезуитских школ и монастырей, «учредить особенное наблюдение над иезуитами, как над коварнейшим из всех латинских монашеских орденов, так как у них подчиненные ничего предпринимать не могут без разрешения своих начальников», имелось в виду подчинение иезуитов Риму (*Самарин Ю.* Иезуиты и их отношение к России. 2-е изд. С. 291). Затем папа Климент XIV своим декретом упразднил орден. Императрица Екатерина II тут же разрешила иезуитам белорусских губерний преподавать в своих школах прежние предметы. Император Павел издал ряд декретов, восстанавливающих права иезуитов на орденскую деятельность. Вскоре управление делами католической церкви в России перешло в руки иезуитов. Император Александр, зная о том, что иезуиты считают обман и ложь позволительными для достижения благой цели – «Наибольшей славы Божией», – разрешил их деятельность только в том случае, если она не принесет ничего предосудительного для господствующей церкви.

А потом произошли события, которые надолго отвлекли русскую аристократию от деятельности иезуитов. По возвращении из Европы император Александр был снова вовлечен в их деятельность.

«Иезуиты – псы, охраняющие верховную власть, – писал граф де Местр министру просвещения графу Разумовскому. – Вы не хотите дать им волю грызть воров; тем хуже для вас. По крайней мере, не мешайте им лаять и будить вас… На что вам наука? Она творит людей беспокойных, самонадеянных порицателей правительств, поклонников всякой новизны, презрительно относящихся ко всякому авторитету и к народным догматам… Вы окажете, граф, величайшую услугу вашей родине, если внушите добрейшему русскому государю великую истину, именно: Его Величеству нужны только двоякого рода люди: храбрые и честные; остальное придет само собою. Наука, по самому существу своему, при всякой форме правления, годна не для всех, и даже не для всех принадлежащих к высшим сословиям. Например – военным отнюдь не следует быть учеными. Да и большинство, особенно в высших слоях общества, никогда не захочет прилежно заниматься науками. Поверьте, нет такого юноши в русском дворянстве, который бы не согласился бы охотнее сделать три похода и побывать в шести генеральных

сражениях, чем вытвердить греческие спряжения…»

Генерал иезуитского ордена Бржовский писал министру иностранных исповеданий князю Голицыну, которому отчитывался за свою деятельность, и советовал не вмешиваться в дела монахов иезуитского ордена, вмешиваться можно только тогда, когда у них могут возникнуть какие-нибудь жалобы или просьбы.

Ю. Самарин причину такого послабления усматривает во влиянии французских эмигрантов на воспитание русских юношей высшего круга и в большом числе польских аристократов, занявших высшие должности в государственном управлении. «Русский язык сделался как бы чужим для многих из русских, православие упало на степень всякой иной веры, – писал М. Богданович. – Сам князь Голицын был послушным орудием иезуитов. По представлению графа Разумовского, полоцкая их коллегия, выйдя из зависимости виленскому учебному округу, была возведена в степень академии; ей подчинили все вообще иезуитские училища, и таким образом у нас образовался новый учебный округ, иезуитский, обнимающий собою всю Россию. Министр внутренних дел ходатайствовал о разрешении иезуитам обращать в латинство магометан и язычников. Новороссийский генерал-губернатор, герцог Ришелье, просил князя Голицына прислать к нему иезуитов для просвещения края; Сибирский генерал-губернатор Пестель желал иметь их для сношений с Китаем и для развития земледелия; граф Ростопчин звал их в Москву. Но вскоре оказалось, что деятельность иезуитов везде имела вредные последствия, и те самые люди, которые были их покровителями, сознались в своем заблуждении… В благодарность за все выгоды, которыми иезуиты пользовались в России, они портили нравы юношей в своих училищах и, дерзко нарушив данное правительству обещание, совращали в католическую веру многих православных, в числе коих жену графа Ростопчина и несовершеннолетнего племянника их покровителя князя Голицына. Император Александр, никогда не сочувствовавший иезуитам, повелел немедленно выслать их из Петербурга (Именные указы 20 декабря 1815 года: сенату, митрополиту римско-католических церквей Сестренцевичу, министру народного просвещения графу Разумовскому и управляющему министерством полиции генералу Вязмитинову). Эта строгая, но справедливая мера была исполнена, по свидетельству самого графа де Местра, со всевозможною снисходительностью: иезуиты, проживавшие в столицах, были снабжены теплою одеждою и отправлены в кибитках в резиденцию своих собратий – в Полоцк. Огорченный невзгодою

иезуитского ордена, де Местр писал: «Мы поставлены как альпийские сосны, сдерживающие снежные лавины; если нас вырвут, в одно мгновение весь хворост будет занесен». *Так иезуиты оберегали русскую церковь!*» (*Богданович.* С. 124–127).

Постепенно военные походы, борьба с Наполеоном, Талейраном, с немецкими и английскими агентами как бы отходили на второй, третий план, вопросы религии, деятельности Русского библейского общества выступали на передний план духовного развития и поведения императора Александра. Огромное воздействие на нравственный мир Александра I оказало создание Русского библейского общества под руководством князя Александра Николаевича Голицына, главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий. Подробное описание возникновения Библейского общества дал Александр Николаевич Пыпин (См.: Вестник Европы. 1868. № 4).

Историкам должно быть известно, что император Александр часто высказывал идеи о Священном союзе и на Венском конгрессе, и в беседах с герцогом Меттернихом, и с прусским королем, а главное – все подробности акта нового союза лично записаны и были не раз читаны в узком кругу самим императором Александром.

В сентябре провозглашен, а 25 декабря 1815 года был опубликован манифест о создании Священного союза, который был прочитан во всех православных церквях, во всей Европе. Монархи России, Пруссии, Австрии поклялись жить как братья, а к подданным империй и королевства монархи должны относиться как отцы.

18 марта 1816 года император Александр собственноручно писал русскому послу в Лондоне, графу Христофору Андреевичу Ли-вену:

«Господин посол граф Ливен!

Посчитав необходимым придать полную гласность акту о братском и христианском союзе, заключенном 14 сентября прошлого года с моими союзниками Его Величеством Императором Австрийским и Его Величеством Королем Прусским, я оставил за собой право сообщить мою подлинную точку зрения относительно его духа людям, облаченным моим доверием и назначенным, как Вы, быть истолкователем моих намерений при монархах – друзьях или союзниках России. Подробные разъяснения содержания как самого акта, так и манифеста, объявляющего о его заключении моим подданным, которые я настоящим сообщаю Вам, безукоризненны по своей сути.

Все сведения, дошедшие до меня на сегодняшний день относительно ложных толкований, данных этому залогу единства и гармонии, доказывают важность более точного объяснения мотивов, спаявших его. А гений зла, сраженный Промыслом Божиим, распоряжающимся по своей воле монархами и народами, кажется, предпринимает новые усилия, чтобы способствовать этому уточнению политических взглядов, столь же мало совместимых с чистотой намерений, которые его продиктовали, сколь противных спасительной цели, которые оно предназначено исполнить.

Я и мои союзники, проникнутые великой идеей, определявшей события последней европейской битвы, желали более действенно использовать в гражданских и политических отношениях между государствами принципы мира, согласия и любви, которые суть плод христианской религии и морали…» (*Великий князь Николай Михайлович*. Александр I. С. 173–174).

Император Александр I надеется, что английское руководство, принц-регент и лорд Касльри, разделяют чувства его и его союзников и в будущем будут поддерживать укрепление этого миролюбивого союза, «ибо он соответствует истинному духу религии» (Там же. С. 175). Вскоре к Священному союзу присоединился Людовик XVIII, а затем чуть ли не все монархи Европы. Но это не принесло успеха Священному союзу, слишком противоречивы были интересы членов союза. В 1818–1822 годах Александр I и другие монархи принимали участие в заседаниях конгресса Священного союза в Ахене, Троппау и Лайбахе. Монархи собирались как братья, а разъезжались неудовлетворенными, так и не добившись желаемого.

Очевидцы и современники императора Александра по-разному оценивали его деятельность после победоносной войны, когда повержен был гениальный полководец Наполеон. Почему, вступив в Париж, Александр I был настолько великодушным, что не потребовал с французов, и прежде всего с парижан, контрибуцию за разрушение Москвы и многих русских городов? Пленного французского маршала Вандамма император Александр упрекнул в том, что он злодейски поступил с жителями Ольденбурга, казнил тех, кого суд оправдал. Но тот дерзко ответил императору:

– Я казнил врагов моего отечества, но не убивал своего отца.

Император Александр был повержен: генерал ударил его в самое больное место. Проявив великодушие, император сослал Вандамма в Москву, но, узнав о том, что светские дамы оказывают ему внимание, сослал в Вятку. Многие современники осудили императора за это великодушие. Вандамм – враг,

Наполеон бы его расстрелял.

«За обаянием славы вскоре последовало разочарование, – вспоминал писатель Н.И. Греч, современник Карамзина и Пушкина. – Александр посетил на время Петербург, где уклонялся от всяких торжеств и встреч, и отправился на Венский конгресс, но победитель и триумфатор на поле брани должен был бороться с гораздо большими препятствиями в стенах мнимо мирного кабинета. Люди и правительства, освобожденные и спасенные им, сделались его врагами; Англия, окончившая при его помощи продолжительную и изнурительную войну; Австрия, возвратившая при пособии России все потери свои с лихвою; Франция, обязанная ему тем, что не была стерта с карты Европы, – соединились и положили действовать против России. <…> Появление Наполеона прекратило эти дипломатические ковы и заставило Европу, забыв частные разногласия, возобновить союз против демона вражды и кровопролития. Венский конгресс возобновился после битвы при Ватерлоо и был кончен к удовольствию некоторых царей и к неудовольствию многих народов. Произошло замечательное явление. Русский император домогался приобретения ненужного, тяжелого и вредного, как ему предсказывали и друзья, и враги и как доказали последствия и ему, и его преемнику. Александр впал в большую ошибку. Победа и слава растворили его мягкое сердце, зачерствевшее было в трудах, опасностях и особенно в союзе с Наполеоном: союз с Бонапартом и его исчадиями всегда были пагубны для держав Европы. В Александре проснулись либеральные идеи, очаровавшие начало его царствования. В 1814 году он побудил Людовика XVIII дать французам хартии, а на Венском конгрессе хлопотал он о даровании германским державам представительного образа правления. В Вене окружили его поляки, Чарторыжский, Костюшко, Огинский и другие, напоминали ему прежние его обещания и исторгли у него честное слово, что он употребит все свои силы, чтоб восстановить Польшу и дать ей конституцию. Европа видела в этом требовании замыслы властолюбия и распространения пределов и увеличения сил России. Австрия и Пруссия опасались влияния этой конституции на свои польские области. Англия и Франция не хотели, чтоб Россия въехала клином в Европу. Все русские министры восстали против этого, даже бывшие в ее службе иностранцы Штейн, Каподистрия и Поццо ди Борго. Нессельрод впал было в немилость государеву; употреблен был дипломат-писарь Анштет, которому все было нипочем, лишь бы он мог есть страсбургские паштеты… Александр упрямился в исполнении слова, данного врагам России, окружавшим его польским

изменникам, а разве он других слов своих не нарушил? За последнее никто бы не винил его, если б оно было сделано в пользу России. Но как бы он был велик, когда бы, по окончании войны, не взял себе н и ч е г о.

Как ничего? А слава бескорыстия, великодушия, а успокоения Европы насчет властолюбия и жадности России? Он выиграл бы во сто раз более, нежели приобрел занятием гнусной Польши. И к чему он это сделал? Честное слово было только предлогом. Ему хотелось блеснуть в роли конституционного короля, произнесть фанфаронскую речь, а потом играть на Сейме в шахматы, как в парламенте.

Супостаты наши боялись усилить Россию присоединением к ней Польши, а это ее ослабило… ядовитая жидкость влилась в жилы России. За одно должно благодарить поляков: они вскоре разочаровали Александра и заплатили России по-польски, злом за добро, оправдали предсказания друзей и недрузей наших». Напомним: поляки подняли мятеж, подавленный императором Николаем I (*Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 214–216).

Император Александр резко изменился за время войны с Наполеоном. Стал порой резок, грубоват со своими приближенными. Так, из-за какой-то мелочи набросился на своего ближайшего генерал-адъютанта Волконского, а через малое время извинился за свою грубость и предложил помириться.

– Ваше величество! Вы оскорбили меня публично, в присутствии друзей и придворных, а предлагаете помириться наедине, в кабинете.

– Придет время, попрошу прощения у вас и публично, – недовольно сказал государь.

Казалось бы, император Александр все сделал для того, чтобы поляки относились к нему как к родному человеку. Он снял секвестр с имущества тех поляков, которые совсем недавно сражались против русской армии, сделал некоторых поляков своими адъютантами, навестил вдову графа Доминика Радзивилла, который погиб в бою против русских, танцует с сестрой князя Адама Чарторижского, с точки зрения здравого смысла «совершает тысячу безумств». «Императора обожествляют, – писал генерал Ермолов одному из друзей. – Он, если захочет, обворожит любого». Но все это промелькнет, как молния, и на душе возникает та мрачная пустота, которая безумно волнует его: поляки смотрят на русских как на оккупантов, а самые своенравные требуют присоединить к Польскому королевству города Могилев, Витебск, Волынь, к тому же Подолию и Литву.

15 сентября (27 сентября) 1815 года Александр I, подписывая «весьма либеральную конституцию» (сейм, прямое голосование, свобода печати, неприкосновенность личности и собственности, польский язык как государственный, отменяется конфискация имущества и высылка из страны), не переставал думать о том, кого назначить наместником, вице-королем Польского королевства. Князя Адама Чарторижского? Император Александр хорошо его знает. Умен, образован, представитель старинного рода, знает сильные и слабые стороны государства… Но князь может быть неуправляем.

Будет ли он союзником или врагом? Вот недавно он вновь увлекся женой императора Российского, как десяток лет тому назад Елизавета Алексеевна родила от него дочь черноволосую, это было настолько понятно, что Павел I, его отец, выслал Адама Чарторижского посланником в Сардинию. Нет, наместником Польского королевства будет храбрый генерал Зайончек, пусть он потерял ногу в битве против русских, возглавляя соединение поляков в армии Наполеона, но в других отношениях он бесцветен, исполнителен, будет послушным. Адам Чарторижский назначен председателем Сената.

Минуя Вильно, император Александр вернулся в Петербург. Всю дорогу мрачный император Александр думал о другом. Жозеф де Местр сообщил сардинскому правительству: «Великая душа наконец-то вернулась в свое великое тело». При императорском дворе сразу обратили внимание, что император пребывает в мрачных раздумьях. Вроде бы не утихала людская молва о воинсках подвигах русской армии, речи о славе и почете императору не умолкали на страницах прессы, а император издает указ об укреплении воинской дисциплины, офицеры даже в свободное от службы время должны ходить в своей военной форме. По всем полкам ужесточилась дисциплина.

До Александра I дошла реакция известных ему людей о манифесте Священного союза, который написал академик Шишков. Меттерних назвал его «звонкой, но пустой бумагой». А между тем в манифесте говорится о подвиге народа в борьбе с французами, но подчеркнуто, что одержанные победы принадлежат одному только Богу. Оценивая народы Европы как победителей, текст резко критикует побежденную Францию, обличает Париж, «гнездо мятежа, разврата и пагубы народной». Напоминает, что Наполеон – простолюдин, преступник, чужеземный хищник и узурпатор, который присвоил себе «Богу токмо единому свойственное право единовластного над всеми владычества». «Суд человеческий, – утверждается в манифесте, – не мог толикому преступнику наречь достойное осуждение: не

наказанный рукою смертного, да предстанет он на Страшном суде, всемирною кровью облиянный, перед лицом бессмертного Бога, где каждый по делам своим получит воздаяние».

Цезарь Лагарп, не учитывая суждений о борьбе Гения добра и Гения зла, глубоких рассуждений о Божественном провидении и Гласе Всевышнего, простодушно спрашивал императора Александра: «Здесь отпечатали и широко распространяют Ваш манифест о борьбе от 1 января. Я склонен думать, что всех живо задели некоторые эпитеты. В своем несчастье этот народ хотел бы по-прежнему обратить свои взоры на того, кто выказал себя самым великодушным из его врагов. Но, кажется, у него отнято и это последнее утешение. Бывают моменты, когда я не сомневаюсь более, что существует заговор, цель которого отобрать у Вас славу, завоеванную в 1814 году».

Александр писал сестре Екатерине Павловне: «Вы спрашиваете, дорогой друг, что я делаю, чем я занят? Все тем же, то есть все больше привыкаю склоняться перед волей Провидения и нахожу удовлетворение в полном уединении, которое добровольно избрал и в котором пребываю».

Историки и биографы иногда удивлялись, почему Александр I так охотно ездит на Венский конгресс и до Ватерлоо и после Ватерлоо: во время длинной дороги он, в сущности, оставался в полном уединении, привалившись плечом к неизменному спутнику своему – генерал-адъютанту Петру Волконскому, которого знал с детских лет. Так ездил он по Европе, Англия, Голландии, посещал другие княжества и герцогства, так ездил он по старинным городам необъятной Российской империи. Это «полное уединение», которое так долго искал император Александр, оказалось недостижимым.

В августе 1816 года императора восторженно встречали в Кремле. Он пожертвовал 500 тысяч рублей для бедных, 150 тысяч рублей для восстановления Благородного собрания. Москва бурно строилась и становилась еще краше, чем разрушенная Наполеоном. Но все это не удовлетворяет Александра.

Точную характеристику Александра I дает Анри Труайя: «Мистический туман застилает сознание Александра, он охладевает к делам внутреннего управления империей и ищет, на кого бы переложить бремя текущих дел, в ком найти помощника, которому он мог бы полностью доверять и на которого мог бы всецело положиться. Его выбор падает на бывшего гатчинского друга, свирепого Аракчеева. Александр, изменчивый по натуре, мечтательный, колеблющийся, впечатлительный, нервный, видит в этом человеке, надежном, словно вросший в землю утес, своего

рода противовес смутным грезам, в которые погружен он сам. Даже физический облик Аракчеева заражает его уверенностью. Он не стал бы полагаться на человека, ловко скроенного, а этот точно сработан топором. Сутулый, с короткими, жесткими, как щетка, волосами, низким лбом, тонкими, плотно сжатыми губами, приплюснутым носом, мутными, холодными глазами, Аракчеев начисто лишен светского лоска. Образование его скудно, воспитание дурно, вкусы вульгарны. <…> Господствующей страстью Аракчеева была служба. Молчаливый и жестокий, с трудом умеющий составить рапорт без орфографических ошибок, он придумывает подробные правила служебного распорядка и сам с маниакальной строгостью наблюдает за их буквальным исполнением. Его подчиненные дрожат от страха в его присутствии: он издевается над ними, оскорбляет, бьет. Их унижение доставляет ему наслаждение более острое, чем любовь. Он редко появляется в свете, зная, что аристократы презирают его, и ему нравится сбивать с них спесь. «Против Аракчеева… все, что имеет здесь вес, и все, что держится за все то, что имеет вес… Тем временем он все уничтожает», – пишет Жозеф де Местр. Аракчеев, по его собственному выражению, «без лести предан» царю. Александр сознает, что в лице Аракчеева имеет слугу, болтливости или предательства которого может не опасаться. Это автомат, готовый слепо исполнить любой приказ императора. Некий зонт, защищающий Его Величество от ливня. Вскоре Александр уже не может обходиться без Аракчеева. Он подолгу гостит в имении генерала Грузино и восхищается наведенным здесь образцовым порядком: безупречно ровными аллеями, тщательно подстриженными деревьями, аккуратными белыми башенками и размещенными повсюду императорскими эмблемами. Здесь каждая былинка, каждый камешек, так же как и каждый крестьянин, имеют свое раз и навсегда отведенное им место. И всегда наготове мокнущие в кадках с рассолом палки и прутья для наказания провинившихся, как и железные рогатки, которые надевают на шею.

Так что никто и пикнуть не смеет. Для Александра Грузино – это образ рая на земле. Расставшись с Аракчеевым, он пишет ему дружеские, едва ли не нежные письма. Их общее прошлое в Гатчине времен Павла придает их отношениям оттенок грубоватого армейского братства. Трусливый на поле боя, Аракчеев не имеет себе равных в казарме. Он страстно увлекается ружейными приемами, надзором за чистотой спален, покроем мундиров, и Александр с удовольствием разделяет с ним эти причуды. Когда дело касается его полков, он не упускает ни

одной детали. Медные пуговицы – его навязчивая идея. Он желает, чтобы его солдаты задерживали дыхание во время смотров, «чтобы не было видно, как они дышат». Его душа успокаивается, а нервы расслабляются при виде общего единообразия и симметрии. Когда он работает в своем кабинете, вид дурно очиненного карандаша или неровно положенной папки причиняет ему страдания. Зато ему приятно смотреть на два абсолютно одинаковых камина, на одном из которых стоит бюст Юноны, на другом – бюст Минервы, на свой стол, где в незыблемом порядке разложены гусиные перья и расставлены чернильницы, на совершенно одинаковые, крытые зеленым сукном столики, – каждый для определенного министра. Впрочем, в кабинете он принимает с докладами одного Аракчеева, который держит в руках управление всеми внутренними делами империи. Не имея портфеля министра, он обладает властью диктатора. Люди, принадлежащие к разным партиям, в один голос называют его «Змей-горыныч», «изверг», «злой гений России». Его сотрудники говорят, что он «трудолюбив, как муравей, и ядовит, как тарантул». Под эгидой Аракчеева Александр окончательно отрекается от либеральных проектов своей молодости. Бог, которому он отныне молится, – это Бог порядка и угнетения. Соблюдение дисциплины становится первостепенной государственной задачей. Кое-кто поговаривает, что возвращаются времена Павла I» (*Труайя*. С. 148–149).

У Аракчеева была своя шпионская сеть. Все письма, докладные, приказы, донесения о подозрительных сходках и тайных обществах шли в контору Аракчеева, который отбирал самые опасные и пересылал их в кабинет императора Александра. Все идет к тому, чтобы ужесточить полицейский надзор и усилить требования цензуры. В 1818 году был создан особый комитет при Министерстве народного просвещения, которое потребовало от преподавателей согласовать преподавание всех наук с верой в Бога и принципами самодержавной власти. Комитет должен был запрещать произведения, которые противоречат христианству, произведения, которые унижают духовную природу человека. Много книг по приказу комитета было сожжено. Двенадцать профессоров уволены из Казанского университета за то, что в их лекциях отсутствуют ссылки на Священное Писание, за этими профессорами последовали и профессора других университететов. Поэт Александр Пушкин выслан на юг России.

Император Александр любил повторять фразу, что при его жизни он уничтожит рабство, хотя бы стоило ему головы. И действительно он поручил генералу Киселеву представить записку «О постепенном уничтожении рабства в России». Записка

была представлена, Александр I ее прочитал и отослал в архив. Император Александр поручил комиссии во главе с Новосильцевым составить конституцию для России, был привлечен к работе французский юрист Дешан, конституция была представлена императору, который, удовлетворив свои либеральные желания, и этот документ отсылает в архив. Император Александр в свои 40 лет уже телесно и душевно надломлен, он может лишь произносить либеральные призывы, но действовать уже не в состоянии, поручая все внутренние дела графу Аракчееву, который подавляет любое свободомыслие, рассчитывая сберечь существующий порядок.

Часть десятая
Шаги к бессмертию

1

Наконец-то миновала трудная пора государственной службы, и в жизни Николая Петровича Румянцева началась другая пора – время служения русской науке.

Мало кому было известно, лишь редкие из его знакомых и друзей были осведомлены, что выполнение им обязанностей дипломата, министра, канцлера, председателя Государственного совета – это всего лишь служба, дань великому служению своему Отечеству, а его сердце, душа принадлежат другому: постижению истории России от самой древности. Повсюду он собирал книги и рукописи о давней российской поре, в Мюнхене, в Париже, в Вене, в Варшаве, в Кракове, в Москве, в Петербурге, в Берлине, в Риме, где бы он ни оказывался, он искал славянскую, русскую старину, чему бы она ни посвящалась, древним поселениям славян, их архитектуре, живописи, керамике, песням и пляскам, скульптуре, картинам быта, поверьям и обычаям, всему тому, что отличало славян от других народностей…

Сейчас тысячи научных вопросов начали одолевать его душу. Столько писем ждали его ответа, московские и петербургские ученые, писатели, деятели культуры… Он давно задумал издать собрание государственных грамот и славянских договоров, в том числе и русских, для того чтобы прояснить историю государства Российского.

Румянцев внимательно следил за общественно-литературной обстановкой, знал, что академик Шишков и его Академия опубликовали не одно сочинение о русском славяноведении, о происхождении России, знал и о том, что Шишкову противостоят немалые силы московских писателей и ученых. Шишков, вспоминая Ломоносова, Сумарокова и Державина, следовал их неуступчивым национальным позициям, выступал против реформы литературного языка, начатой Н. Карамзиным, поддержанной И.А. Крыловым, отстаивавшими национально-демократические традиции русской литературы.

Исполнение дипломатической должности оставляло немного времени на изучение сложнейшего вопроса о происхождении России. Но, приняв должность министра иностранных дел России, живя на родине, Румянцев обратил внимание на то, как изучается русским обществом история государства Российского. Русское

государство возникло в IX веке, тогда появились русские князья, которые оставили свой след в мировой истории. И даже о них сохранились лишь немногие документы, не собранные, разбросанные по разным местам, запертые чаще всего в монастырских хранилищах. И Румянцев сразу почувствовал, что нужны публикации архивных данных, явных свидетелей возникшего и растущего государства. И прежде всего нужны документы, древние протоколы и договора давних времен. Обратил внимание на деятельность заведующего Московским архивом иностранных дел Николая Николаевича Бантыш-Каменского, который призывал своих современников изучать историю России с ее истоков, писал биографии выдающихся русских деятелей, полководцев, ученых, особ императорских и царских фамилий.

Но ему, графу Румянцеву, как должностному лицу, нужно было сначала получить разрешение императора Александра на собирание и издание этих документов, а потом уж действовать, привлекая как можно больше ученых, журналистов, писателей.

25 февраля 1811 года граф Румянцев представил императору Александру I доклад:

«Его императорскому величеству государственного канцлера

ДОКЛАД

Усердствуя пользам всемилостивейше вверенного мне иностранного Департамента и желая споспешествовать образованию чиновников, вновь посвящающих себя сему служению, равно как и распространению общеполезных сведений, я давно занимался мыслию, сколь нужно было бы в сем отношении издать в свет полное собрание дипломатических актов наших, по примеру известного сочинения Дюмонова, как-то: древних грамот и других договоров России с разными державами, хранящихся в Архиве иностранного Департамента.

В сем намерении собирал я сведения, сколько примерно может стоить напечатание первой части таковой книги, начиная с самых древних грамот и с изображением печатей, к ним приложенных. По представленному мне исчислению оказалось, что, ограничив первое издание 1200 экземплярами, для напечатания первой части потребуется до 25 тысяч рублей.

Уважая правила строгой бережливости, необходимо нужной в расходах государственных, я не почитаю в праве себя утруждать ваше императорское величество ходатайством, чтобы издержки для издания оной книги были приняты на счет казны; но облагодетельствованный столь много высочайшею милостию вашего величества осмеливаюсь испрашивать и приму с живейшею благодарностию в виде нового на меня опыта

монаршего благоволения, всемилостивейшее соизволение вашего императорского величества, чтобы для напечатания 1-й части сего издания изчисленную выше сего сумму, или сколько потребно будет, употребил я из собственного моего иждивения на следующих основаниях:

1) Издание оной книги признать не частным предприятием, но делом казенным и до пользы службы относящимся.

2) Для сего составить при Московском Архиве иностранных дел особую Комиссию, которая будет заниматься всеми предметами, касательными до сего издания.

3) Сия Комиссия будет состоять под ведением и распоряжением управляющего оным Архивом, известного по трудам своим и усердию г. действительного статского советника Н.Н. Бантыша-Каменского, из одного главного смотрителя над изданием и двух чиновников, с жалованием смотрителю по 600 рублей, а последним двум по 200 по 50 р. в год каждому, из общих государственных доходов.

4) Выбор главного смотрителя над изданием и двух чиновников по оной Комиссии представить управляющему министерством иностранных дел.

5) Заглавие издаваемой книге дать следующее: Собрание государственных грамот и договоров.

6) Поелику собрание сих грамот будет издаваться по воле вашего императорского величества, то от надзора цензуры оное освободить.

7) Продажу сих книг производить единственно при Московском Архиве иностранных дел, с тем, чтобы каждый экземпляр был заклеймен казенною печатью.

8) Чтоб до распродажи 1-й части сих грамот запрещено было вообще издавать оныя в малом формате и типографщику наистрожайше подтвердить, чтобы более означенного числа 1200 экземпляров не печатал, под опасением денежного взыскания.

9) Выручаемыя чрез продажу 1-й части деньги хранить в той Комиссии, а по мере как оные накопляться будут, обращать на печатание второй части и так далее, доколе продолжаться будет сие издание.

10) Всю выручку и всю прибыль от оного издания, по свершением окончания сего предприятия, обратить в свое время в пользу иностранного Департамента, с представлением мне права сделать из сих денег употребление.

11) Из числа 1200 экземпляров сей книги представить в мою пользу 50 экземпляров для поднесения вашему императорскому величеству и собственно для моего употребления.

Подвергая все сие на высочайшее благоусмотрение вашего

императорского величества, я осмеливаюсь испрашивать еще одной милости, если представление будет удостоено высочайшего утверждения, позволить мне иметь участие и попечение об успехе сего предприятия и в то время, когда по болезни и другим обстоятельствам я был бы вынужден оставить место нынешнего моего служения.

Подписан по сему: *граф Николай Румянцев*.

Верно: обер-секретарь *Вестман*.

Февраля 25 дня 1811» (*Кочубинский А.А*. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцов. Начальные годы русскаго славяноведения. Одесса. 1887–1888. Приложения. С. VIII – X).

При очередном свидании с императором граф Румянцев рассказал ему, что давно тяготит его сердце – мы, русские, плохо знаем историю России, а в Московском архиве Министерства иностранных дел хранятся рукописи грамот и договоров, по которым первые русские князья устанавливали отношения между собой и связи с соседними государствами. Эти грамоты могли бы дать знания не только о дипломатической переписке, но и многое бы прояснить в отношениях между князьями и между соседними государствами. Подобная книга могла бы кое-чему поучить наших чиновников. Император Александр охотно поддержал идею издания.

– Николай Петрович, занимайтесь этим святым делом, но только не забывайте о том времени, в котором мы живем, – Наполеон собирает новую армию против России.

Нет, граф Румянцев помнит не только о Наполеоне, но и о том, что с англичанами надо налаживать торговые и вообще неограниченные деловые отношения, знает и о шведах, с которыми Россия должна подписать государственный договор. Сборник он будет готовить во внеурочное, как говорится, время.

«Милостивый государь мой, Николай Николаевич! – писал государственный канцлер заведующему Московским архивом иностранных дел Бантышу-Каменскому 4 апреля 1811 года. – Препровождая при сем копию с доклада, поднесенного мною императорскому величеству об издании в печать Собрания государственных грамот и договоров, сообщаю вашему превосходительству, что хотя и не последовало еще на оный высочайшее утверждение, но я, имея предварительно соизволение его императорского величества на сие предприятие, не хочу долее отложить ответ мой на письмо ваше от 31 января».

Далее граф Румянцев дает конкретные указания, что нужно сделать в самое ограниченное время, наладив процесс издания «Собрания государственных грамот и договоров». На первом месте – создание комиссии под начальством действительного

статского советника Н.Н. Бантыш-Каменского, в комиссию должны войти главный смотритель с окладом 600 рублей в год, скорее всего, им станет надворный советник Иван Либенау, который показал себя наиболее способным занять это место, двух чиновников ему в помощь он сумеет подобрать. «Собрание» будет отпечатано без цензуры. Румянцев советует связаться с резчиком Осиповым, купцом Кузнецовым, чтобы вырезание печатей и цена бумаги соответствовали бы поставленным задачам. «Вообще же как сие издание делается сколько для пользы, столько и для славы, – писал граф Румянцев в заключение, – то сделайте мне одолжение, не щадите каких либо небольших издержек, только бы соблюдена была вся чистота и красота тиснения, что послужит собственно к чести вашей, и я по изданию сей 1-й части не премину испросить Монаршее вам за сей труд воздаяние сходно с желанием вашим.

Впрочем имею честь быть с совершенным почтением вашего превосходительства покорным слугою *граф Николай Румянцев*.

В С.-Петербурге апреля 4 дня 1811 года» (*Кочубинский*. Приложение 1. С. VII–VIII).

В ответ на это письмо графа Румянцева тут же последовал ответ Бантыш-Каменского:

«…2) Какие в 1-ю часть внесутся договоры a) Новгородския и b) великих князей и царей российских старинные разные грамоты, оным под № 11 и 111 на усмотрение вашего с-ва посылаются два реестра (кои по рассмотрении благоволите приказать обратно в Архив прислать); за сими грамотами будет внесена избирательная от всего российского государства грамота на царство государя царя Михаила Феодоровича; потом и еще какие отыщутся государственныя грамоты, об оных сообщено будет вашему с-ву в свое время.

Но как в двух новгородских грамотах, под № 12 и 18 при сем приложенных, многих слов не достает: то нужно ли будет сии вносить (ибо и у Дюмона есть таковыя же неполныя грамоты) на сие Комиссия будет ожидать разрешения. <…>

… 4) Главный смотритель – Иван Либенау.

Касательно же двух чиновников, способными и надежными к сему делу быть, рекомендую архивскаго канцеляриста Дмитрия Прилуцкаго, а другаго переводчика Ивана Нестеровича, твердо знающаго немецкий и протчие языки. Но как сей Нестерович назначен уже к другому известному вашему с-ству делу, то в случай отбытия его место занять может брат его родной, обучающийся в университете наукам и языкам, Павел Нестерович, который уже кандидатом словесных наук в университете щитается. За исправность и прилежание обоих сих людей крепко

ручаюсь и прошу о определении сих; ибо протчие (коих хотя и великое в Архиве число), не получая чинов, все почти об *отставке* из Архива *помышляют*.

(Затем смета 1 части – 21.202 р.)

Итак, получа на все сие решительный ответ, Комиссия приступит к печатанию 1-й части государственных грамот.

Москва, 17 апреля 1811» (Там же. С. X – XI).

Далее в письме от 13 августа 1811 года канцлер Румянцев предостерегает Бантыш-Каменского, чтобы в публикуемых грамотах и договорах «не было обнародовано что-либо противное принятым правилам цензуры и общим политическим видам, особливо в отношении уважения к другим дворам, и хотя я в тех реестрах ничего не нашел такого, однакож почитаю за нужное обратить на то внимание ваше, и буде вы найдете в содержании самих тех грамот что либо обнародованием своим предосудительнаго правительству нашему и оскорбительнаго иностранным, то прошу вас в таковых случаях предварительно доставить ко мне копию с акта, с вашими замечаниями на рассмотрение, и ожидать моего разрешения». При этом граф Румянцев препровождает «5 тыс. 500 р., определенныя на сие предприятие в нынешнем месяце».

21 августа 1811 года Н. Бантыш-Каменский сообщает графу Румянцеву, что деньги получены, и далее утверждает: «Могу смело уверить ваше с-во, что доселе в издании нашем ничего противнаго принятым правилам ценсуры, либо общим политическим видам не встретилось… О чистоте же и красоте сего издания ежечасно твердим г. Всеволожскому и о том его всячески просили… Сегодня 25-й лист принесен из типографии для корректуры».

В «Лейденской газете», хранящейся в Архиве, Бантыш-Каменский обнаружил сообщение о пребывании Петра Великого в Париже, а также сообщение о письме великого князя Василия Ивановича к супруге его в 1534 году. Но канцлер уже прочитал об этих фактах в «Древней Российской Вивлиофике», и ему кажется «неприличным включать их в издаемое (так в тексте. – *В. П.*) собрание».

Граф Румянцев, принимая участие в составлении сборника древних актов, активно работал и с корректурными листами, о чем свидетельствует еще одно письмо:

«Канцлер Бантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевич!

Возвращая при сем вашему пр-ву заглавие Трактатнаго Собрания и оглавление договоров и грамот, сделал я в первом некоторую поправку. Я нахожу, что употребленный к заглавному

листу шрифт слишком крупен и похож на церковную печать, а для того прошу вас выбрать шрифт покрасивее, каковым отпечатать корректурной лист и ко мне доставить на усмотрение.

Предположение отпечатать несколько грамот древнейших, с наблюдением почерка и величины их, можно исполнить и по окончании издания особою тетрадью, на что тогда и сумму назначу, а теперь посылаю достальныя за отпечатание первой части 6702 рубли, о получении которых прошу вас меня уведомить.

Канцеляриста Прилуцкого не оставлю я произвесть в актуариуса, коль скоро он выслужит в низшем звании три года.

Впротчем пребываю с совершенным почтением вашего превосходительства верный слуга *граф Николай Румянцев*. в С.-Петербурге февраля 26 дня 1812 г.» (Там же. С. XIV – XV).

Во время войны с Наполеоном произошли некоторые неприятности: пропало больше 800 рублей, канцлер возместил эту пропажу, а смотрителю Либенау пришлось в знак утери объявить предупреждение, отмечались и другие мелкие казусы.

Бантыш-Каменский регулярно извещал канцлера Румянцева о новых материалах, рекомендованных в сборник, присылал их на просмотр. Вот лишь письмо канцлера Бантыш-Каменскому от 20 мая 1813 года из Петербурга и ответ Бантыш-Каменского:

«Милостивый государь мой, Николай Николаевич!

Отвечая на письмо вашего пр-ва от 12 сего месяца, почитаю нужным объяснить, что не только трактаты с Портою Оттоманскою, яко с европейскою державою, должны входить в издаваемое Собрание, но мне кажется, что вообще все азиатские одного времени могут быть к оным присовокуплены, тем наипаче, что их, вероятно, очень мало. К тому надлежит принаровить, чтоб издаваемая вторая часть была такой же величины, или не много толще первой, следовательно, все трактаты по кончину Государя Императора Петра I займут кроме первой части, может быть, еще не более двух ровных частей с азиатскими вместе, на каковыя и надобно все Собрание разделить. Составляемый общий реестр я, по обещанию вашему, ожидаю и прошу вас означить в нем токмо вкратце содержание каждаго трактата; что ж касается до списаний копий с оригиналов польских и шведских, то можете оныя прислать для того в Коллегию, мне же достаточно одного русского перевода.

В рассуждении выписки вашей толико полезной для дипломатико, я совершенно того мнения, чтоб она была издана под вашим именем, яко трудившагося над оною, и естьли бы Государь Император не был в отсутствии, я долгом бы почел доложить о том его императорскому величеству и просить об

издании ея на щет казны, но в нынешних обстоятельствах надобно повременить; я онакож могу вас уверить, что всегда, даже и без меня, сей труд, яко вам принадлежащий, не будет издан мимо вас.

Читая реляции князя Кантемира и дошед до последней от 29 декабря 1732 г., нашел я, что какой-то англичанин прислал просить пути из Архангельска в Японию, Хиву и Америку. Хотя я и не успел еще прочесть рескриптов к оному посланнику отправленных и следовательно не знаю, какой дан был на то ответ, но между тем буде сей проект имеется в Архиве, а в противном случае буде дан ответ, или какие-либо о том откроются следы, прошу вас доставить мне копию, чем, равно как скорейшею присылкою продолжения тех депеш пребывающаго с истинным почтением вашего превосходительства покорный слуга *граф Николай Румянцев*.

В С.-Петербурге майя 20 дня 1813 г.» (Там же. С. XXI – XXII).

В эти дни, в июле 1813 года, исправляли последние недочеты издания. А 22 июля 1813 года Бантыш-Каменский писал канцлеру графу Румянцеву:

«Труд (Богу благодарение) кончен. С оным поспешаю отправить перемещеннаго в Коллегию г. Нестеровича старшаго. Безсмертную, ваше с-во, сделали отечеству услугу, даровав свет толико лет лежавших в пыли и забвении безценным российским древностям! Хвала, честь и слава от благодарнаго отечества в роды родов за сие возсылаема будет вашему имени.

При издании сего труда, кажется, все вашего с-ва предписание исполнено. Чистота печати по типографии делает честь г. Всеволожскому. В доброте бумаги поставщик Кузнецов все свое оказал усердие, не токмо выставил оную в свое время, но и на десять екземпляров самого высокаго разбору подарив оной вашему с-ву. В исправности корректуры (скучном и занимательном сем деле) больше всех послужил неусыпный и трудолюбивейший податель сего старший Нестерович, купно с братом своим Павлом и с регистратором Прилуцким, коих трех, а паче старшаго Нестеровича долгом почитаю рекомендовать вашему с-ву в отеческую вашу милость. Награда сим трудникам ободрит их и к следующему за сим труднейшему в издании II-й и III-й части подвигу.

Неизлишним почитаю уведомить: что я по сей Комиссии со всеми расплатился и в доказательство сего прилагаю при сем краткой щет суммы приходу и расходу употребленным на напечатание сей I-й части деньгам, коих документы в особой шнуровой находятся книге, и в случае требования могут на усмотрение вашему с-ву быть присланы. 22 июля 1813 г. Москва»

(Там же. С. XXIV – XV).

5 августа 1813 года канцлер Румянцев писал Бантыш-Каменскому из Петербурга: «Чрез г. Нестеровича получил я исправно I-ю часть грамот и договоров. Ваше пр-во много порадовал сим прекрасным изданием. Не могу довольно вас благодарить за труд вами на то употребленный. Теперь остается мне доставить вам доску для заглавнаго листа и небольшое предначертание, чем и занимаюсь. Между тем желал бы я, для вящей пользы и украшения сего издания, чтоб к оному присовокуплены были точные рисунки или списки почерков рукописей, с четырех или пяти древнейших грамот, разных пор по вашему выбору. Покорно прошу вас, милостивый государь мой, приказать с одной таковой грамоты срисовать теперь же точную копию и ко мне доставить на усмотрение, уведомя при том, не возьмется ли за сию работу г. гравер Скотников, или кто другой и за какую цену, дабы я мог на то дать окончательное решение». В конце письма Румянцев благодарит всех участников за проделанную работу.

Из этой переписки видно, как граф Румянцев был внимателен к каждому этапу издания Собрания договоров, отлично понимая значение проделанной работы.

Затем Н. Бантыш-Каменский, закончив предуведомление, посылает графу Румянцеву проект предисловия к «Собранию государственных грамот и договоров», в котором что-то можно «прибавить или убавить», это «зависеть будет от воли вашего с-ва». Получив текст, граф Румянцев тут же, 24 сентября 1813 года, сообщил Н. Бантыш-Каменскому, что «нашел оный в полной мере соответственным моему желанию» и отправил со своей редакцией в Москву для публикации.

О завершении работы над первой частью книги и о продаже книги в России Комиссия подготовила «Записку» для «Московских ведомостей»:

«Учрежденная по высочайше конфирмованному его императорским величеством 1811 года маия в 3 день Докладу от государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева при Московском Государственной Коллегии иностранных дел Архиве Комиссия печатания государственных грамот и договоров сим почтеннейшую публику извещает, что первая часть сего Собрания, заключающая в себе все, как древние Новгородские, так и великих князей российских государей постановления до внутренних в России происшествий относящиеся, с 1265 г. до времени царя Михаила Федоровича, отпечатана иждивением его с-ва г. канцлера под ведением управляющего Архивом д. с. с. Бантыша Каменского и с сего времени поступает в продажу.

Сия книга издана в лист, наилучшим образом, с оттисками привешенных и приложенных того времени печатей точно в таком виде, в каком оные доныне уцелели. Печатано в Москве в типографии г. Всеволожского. Цена на бумаге велейновой и в папке 35 р., а на белой в простой обвертке 25 р.

Особы, живущие в Москве и желающие покупать сию книгу, да благоволят присылать в упомянутую Комиссию, в казенном Московскаго Архива Государственной Коллегии иностранных дел доме состоящую, близ Ивановскаго монастыря в Калашном переулке; иногородныя же могут письменно адресоваться по сему в Комиссию, прилагая за почтовую пересылку каждаго экземпляра за 10 фунтов весовых и полупроцентныя деньги по разстоянию верст, да за увязку по 80 копеек и означая в требовании свой чин, имя, отчество, фамилию и местопребывания» (Московские ведомости. 1814. № 2. 7 января. С. 18). (Там же. С. XXXVIII – XXXIX.)

Но в январские дни 1814 года Н.Н. Бантыш-Каменский, отчитавшись за полученные от графа Румянцева деньги, скончался, и последние январские письма графа Румянцева приходили в Москву уже покойному заведующему Московским архивом.

Не раз Николай Бантыш-Каменский говорил графу Румянцеву, что он хотел бы видеть на своем месте талантливого ученого Алексея Федоровича Малиновского, оба знали не только способности почтенного ученого, но и его недостатки: он слишком оберегал тайны Московского архива и многих просто не пускал к документам, опасаясь, что фонды потеряют в ценности, если будут широко доступны исследователям. Но еще императрица Екатерина заботилась о том, чтобы эти документы были широко известны современным читателям, и предупреждала сотрудников архива, что «в видах устранения возможнаго замедления при печатании, 19 января 1783 г. указала Коллегии иностранных дел завести при Московском Архиве даже собственную типографию» – свидетельство участия и нетерпения. «Для напечатания, – говорила она, – сочиняемаго по указу нашему от 28 генваря 1779 г. Собрания древних и новых трактатов между Россиею и другими державами и иных публичных актов, також и прочаго, что до Российской истории касается, повелеваем завести в Москве при Архиве Коллегии иностранных дел особую типографию» (*Кочубинский*. С. 71–72).

Но открыть «особую типографию» не удалось, а мысль об издании государственных актов бродила среди архивистов, пока за это не взялся граф Румянцев.

Первый том «Собрания государственных грамот и договоров» вышел и поступил в продажу в декабре 1813 года, но, перечитывая сборник, граф Румянцев увидел массу пробелов. Появились новые архивные материалы из Германии, Польши, Англии, Италии, которые могли бы войти в первый том, без них сборник оказался неполным. И что – оставить его неполным или доработать? Этот вопрос встал перед графом Румянцевым и его последователями. А ведь сборник послан вдовствующей императрице Марии Федоровне, вручен императору Александру, попечителю Московского университета Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову, министру просвещения графу Разумовскому, два экземпляра отправлены в Императорскую публичную библиотеку, один экземпляр в Императорскую Академию наук, великим князьям и великим княжнам, а кроме того, сколько внимательных ученых, священников, писателей, критиков следило за этой публикацией – не перечесть.

Место Н.Н. Бантыш-Каменского занял старший по званию Алексей Федорович Малиновский, и первые письма и распоряжения Румянцева были адресованы ему: о продаже сборника, о согласии определить к Архиву кандидата Калайдовича, «лишь бы он прислал свое прошение с аттестатами и дал бы знать, на каком основании он вступить желает», о том, что присланные ему рукописи ко второму тому он еще рассматривает и в свое время доставит их со своими замечаниями.

6 марта 1814 года канцлер Румянцев благодарит Малиновского за присылку по его просьбам «разных бумаг» и «трех старинных летописей, из коих две отдал» он «на разсмотрение известному профессору здешней Академии наук, господину Кругу, а третью, именно Киевскую, Алексею Николаевичу Оленину», а получив их, не преминет «тотчас вам оныя возвратить и вместе с тем сообщить в разсуждение их мое намерение». Румянцев сожалеет, что не добился ясности о нескольких Степенных книгах, которые хранятся в Московской Синодальной и Архивской библиотеках. То, что сделано, не удовлетворяет его. Преосвященный Платон упоминает в своей «Церковной истории» (Ч. 1. С. 256) митрополита Киприана как сочинителя Степенных книг. «Неужели Платон в сем случае основывался единственно на сказаниях Татищева и Миллера?» – сомневается Румянцев. А потому он просит Малиновского поручить молодым людям тщательно разобраться в имеющихся летописях под именем Степенных книг.

Так собирается второй том сборника: все заинтересованные лица переписываются друг с другом, выявляя и находя новые рукописи и извещая об этом канцлера.

А с продажей первого тома «Собрания государственных грамот и договоров» дела шли не так успешно, как ожидалось: за первый месяц 1814 года продано только 19 экземпляров, одним из первых купил надворный советник Каченовский, известный ученый и писатель. С 18 февраля по 17 марта 1814 года было продано всего 27 экземпляров. Румянцев рассчитывал, что деньги от продажи сборника пойдут на издание второго тома, но такая медленная распродажа разочаровала его и всех составителей.

Между тем работа румянцевской группы продолжалась. Румянцев то уезжал в Гомель, там продолжалось строительство задуманных сооружений, то возвращался в Петербург.

10 июля 1814 года Иван Нестерович после встречи с Румянцевым писал из Петербурга Малиновскому: «…Касательно актов, которые не вошли в состав 1-й части «Собрания государственных грамот и договоров», его сиятельство по-видимому намеревает издать в свет прибавление к сей части. В прибавлении сем имеют быть помещены, кроме помянутых актов, и многие древние документы, полученные его сиятельством из Риги, Кенигсберга и других мест» (Там же. С. LVI).

Тут же последовало уточнение для всей группы научных работников комиссии – Румянцев писал Малиновскому 12 марта 1815 года из Петербурга: «Присланныя от Вашего Превосходительства на разсмотрение и апробации мою 33 списка с грамот, при реэстре оным, рассмотрев, при сем обратно в коммисию препровождаю. По мнению моему, все сии грамоты стоют быть напечатанными в свое время в «Собрании Государст. грамот и договоров». Благодаря вас чувствительнейше за труд и усердие, прилагаемыя вами в пользу и к возможному усовершенствованию сего издания, приятнейшею считаю для себя обязанностию сказать вам нечто, касательно настоящаго моего по сему предмету намерения. Не безъизвестно думаю, вашему превосходительству, что цель и желание мое при начале издания в свете сего Собрания Государственных грамот и договоров состояли в том, чтобы все акты, относящиеся до внутренних государственных постановлений, заключались бы в 1-й части сего собрания, последующаго же онаго части предоставлены до актов по сношениям рос. государства с иностранными дворами или державами. Но как впоследствии, к крайнему сожалению моему, оказалось, что некоторые и, можно сказать, многие акты, которые по содержанию своему, соответственно принятому вышеозначенному плану сего издания, должны бы

непосредственно помещены быть в 1-й части сего Собрания (как на примере и из числа прилагаемых у сего под № XXXI-м значущийся, также договор о избрании на рос. престол польскаго королевича Владислава, акт отречения патриарха Никона от патриаршескаго престола, да и самые грамоты Лжедмитрия Отрепьева и прочие относящиеся по-видимому до внутренняго государственного постановления акты) пропущены и не вошли в состав 1-й части «Собрания грамот и договоров», то изыскивая все возможные средства, как бы исправить таковую ошибку, нимало не удалясь от принятаго вышеупомянутаго плана, я намереваю, прежде нежели приступлено будет к изданию в свет последующих частей сего собрания – издать некоторое дополнение к 1-й части, поместив в оное все пропущенные акты, до внутреннего государственнаго управления относящиеся. Почему и обращаюсь к вам, милостивый государь мой, с покорнейшею просьбою: примите на себя труд, поискав, нет ли и более из хранящегося в Архиве чего такого, что бы могло войти в состав преднамереваемого мною издания дополнения к 1-й части, уведомить меня о том, сообщив мне равно ваше на щет сего предприятия мнение и, естьли можно, одолжив меня даже некоторым планом или предначертанием к таковому дополнению. Сим чувствительно меня обязать изволите» (Переписка Государственнаго канцлера графа Румянцева с московскими учеными. М., 1889. С. 11–12).

Работая над Дополнением к первому тому и над вторым томом «Собрания государственных грамот», граф Румянцев строго предупреждал своих помощников и всех составителей тома, что в состав тома могут входить только подлинники Архива Министерства иностранных дел; иной раз ему присылали копии различных актов из других хранилищ, в этом случае, прочитав их, граф Румянцев отказывался включать их в «Собрание грамот». «Доставленные мне при письме Вашего Превосходительства от 22 числа минувшего маия списки актов, – писал Румянцев Малиновскому 9 июня 1816 года из Петербурга, – составляющих первое отделение «Собрания государственных грамот и договоров» для 2-й части, прочитав с особенным вниманием и любопытством, препровождаю при сем к Вам обратно. Не нашед в оных ничего иного, кроме маловажных местами некоторых описок, затемняющих смысл речи, остаюсь в полном уверении, что таковыя списки находятся в самых подлинниках и допущены по принятой строгой к сим последним точности. Не худо бы было в важнейших таковых местах делать в выносках оговорки, что описка в подлиннике вместо слова такого-то, дабы читатели не могли принимать того в какую-либо другую сторону» (Там же. С.

23).

14 февраля 1816 года комиссия известила канцлера, что освободилось место главного смотрителя, на освободившееся место предлагается назначить губернского секретаря Павла Михайловича Строева «с произвожением годоваго по штату Коммиссии жалования» при условии «с причислением в службу Государственной Коллегии иностранных дел к Московскому ея Архиву». Канцлер соглашается на это назначение. Соглашается и на назначение профессора Московского университета Черепанова, который за 2 тысячи рублей годового жалованья готов заняться «буквальною поверкою списков с подлинниками, также безостановочною корректурою при печатании и являться для сего в Коммисию по три раза в неделю» (*Кочубинский*, LXI).

Граф Румянцев радуется тому, что Святейший синод своим указом разрешил румянцевской группе пользоваться хранилищами рукописей Библиотеки патриаршей и типографической. Князь Александр Николаевич Голицын, которому граф Румянцев изложил свою просьбу, поддержал его на заседании Синода, после чего и был издан указ. После этого Румянцев напомнил Малиновскому, что в этих архивах можно найти рукописные изображения обоих Самозванцев и жены их Марины Сандомирской.

28 апреля 1816 года граф Румянцев сообщает Малиновскому, что «две печатные летописи Соловецкаго и Клопскаго монастырей вместе со второю частию Истории Медицины Российской, равно как Реэстр Кенигсбергским Грамотам, выписку о въезде в Россию Варяжскаго Князя Симона Африкановича, с родословною Воронцовых и десять билетов на Историю Донских Козаков г. Строева… получил исправно». А также высказывает просьбу проверить в старинных рукописных прологах в Синодальной библиотеке из Минеи Макария Митрополита: «1) Жизнь св. *Стефана Сурожскаго*, который празднуется 15 декабря, 2) *Стефана Новаго*, празднуется 28 ноября, и 3) Жизнь Цареградскаго Патриарха св. Германа».

«Прочитав с особенным вниманием и любопытством» присланные грамоты и договоры для 2-й части, граф Румянцев считает необходимым препроводить их обратно: «Все те Грамоты и Договоры, которых в Архиве ни в подлинниках, ни в списках, ни в книгах и рукописях архивских не имеется: (как бы они впрочем любопытны и для Отечественной Истории важны ни были): отнюдь не включать в сие издание, дабы тем самым не удалиться от предположенной в оном цели и не нарушить самого оглавления книги» (Там же. С. 27).

В письме от 3 ноября 1816 года граф Румянцев радуется тому,

что Малиновский и группа научных работников подготовили к изданию сборник «Старинные российские стихотворения»; и тут же спрашивает, «помещено ли в числе актов, долженствующих войти в состав 2-й части Следственное дело о убиении Царевича Дмитрия Иоанновича».

Канцлер согласен с Малиновским (письмо от 22 октября 1816 года), включившим во второй том Собрания «письма жены обоих Самозванцев Марины к отцу своему, также присяги, наказы и грамоты Князя Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго…», и добавляет: «Чем полнее и совершеннее выйдет в свет сие Собрание, тем более принесет вам чести, а мне удовольствия исполнения сего предприятия. Что ж касается потребных на напечатание издержек, то я готов жертвовать оными, хотя бы Собрание сих внутренних актов, не вместясь в предполагаемой 2-й части, потребовало бы и 3-й» (Переписка канцлера. С. 28).

В письме от 22 декабря 1816 года граф Румянцев напоминает Малиновскому: «В заглавном для «Древних Российских стихотворений» листе благоволите приказать вырезать мой герб, в таком виде, как из приложеннаго при сем отпечатка онаго усмотреть изволите. Следуя давно принятому французскими королями и другими особами обычаю, обозначать изображениями гербов своих книги, издаваемыя на их иждивение и под их покровительством, – я предоставляю и себе приятное право такого употребления во всех тех книгах, которыя напечатаны будут иждивением моим в пользу соотечественников моих» (Там же. С. 33).

23 января 1817 года Румянцев предлагает Малиновскому изменить название сборника: «В оглавлении оных вместо «*Старинные* Русские Стихотворения» за лучшее нахожу обозначить «*Древния* Русския Стихотворения». Кроме того, граф Румянцев советует, как лучше всего напечатать ноты для песен: «Не удобнее ли будет напечатать оные ноты посредством граверного искусства, то есть оставив в начале каждой песни место, прикладывать оныя после вырезанныя на медных дощечках?» (Там же. С. 35).

12 июня 1817 года Строев писал Малиновскому о том, что в эти дни побывал в трех знаменитейших монастырях, в Воскресенском монастыре получил свободный вход в ризницу и библиотеку, пересмотрел все хранящиеся там рукописи и сделал из них извлечения. Среди многочисленных книг отыскался драгоценный памятник: рукописный «Сборник», «писанный в 1073 году для Князя Святослава Ярославича». Калайдович сделал полное описание памятника и в ближайшее время представит на усмотрение Малиновского и канцлера. В монастыре Святого

Саввы Сторожевского рукописей не так много, но, просматривая библиотечный каталог, сотрудники Румянцева поняли, что среди «поверженных в кипах старинных бумаг и столпцов» можно что-то нужное найти и для готовящегося Собрания. В Иосифовом монастыре, перебирая древние книги, обнаружили перевод Дамаскина Екзархом Иоанном с его предисловием. Кроме того – «сборник многих доселе неизвестных грамот разного рода», из которых сделаны «обстоятельные выписки и копии». В Волоколамском монастыре Строев описал 20 рукописей и в ближайшее время пришлет их на рассмотрение. Найдена «Похвала Когану Владимиру», неизвестное доселе «Поучение» епископа Туровского Кирилла, жившего в начале XII века.

Иногда в переписке графа Румянцева и Малиновского упоминается имя Карамзина. Так, 19 января 1818 года Румянцев сообщает: «Николай Михайлович был нездоров, и недели полторы не выезжал; однакоже сегодня к себе его обедать ожидаю, и предвижу с удовольствием, что в беседе нашей часто вас напоминать будем» (Там же. С. 64).

Весь 1818 год граф Румянцев с необыкновенным удовольствием читает чистые листы готового «Собрания государственных грамот и договоров», вносит мелкие исправления, восхищается найденным, радуется, что любители отечественной истории получат достойный сборник, над которым столько лет работали ученые Архива Министерства иностранных дел. А 29 июня 1818 года в письме Малиновскому граф Румянцев, узнав о том, что император Александр, две императрицы, прусский король посетили Государственный архив Министерства иностранных дел и благодарили за содеянное, с радостью поздравляет весь коллектив Архива, так много сделавшего для завершения второго тома «Собрания государственных грамот и договоров». Здесь же граф Румянцев напоминает Малиновскому, что с удовольствием разбирает древние грамоты, полученные от известных архивариусов, и советует не скучать: «У меня есть предчувствие, что окончательно в сих бумагах отыщутся преважные документы» (Там же. С. 83). А далее следуют указания:

«Я совершенно спокоен на счет мнимых ошибок в списках Польских Актов; но, кажется, где-нибудь, печатая их, поместить должно, что то, что показаться может ошибками издателей, есть нечто иное что как повиновение их всю точность оригиналов сохранять. Позвольте мне однакож вас спросить: русский перевод письма под № 171 Марины к отцу ея, существует ли таков, каков напечатан в присланных ко мне листах, в архивных бумагах, или между ими только находится польский подлинник, а перевод есть труд издателей; в таком случае я думаю, что ошибкою на

странице 351 величается Вислей *Князем*. Ксенс же по польски значит иногда духовную священническую особу, и я уверен, что здесь дело идет о таковой; но ежели сей перевод не новой, а точной список с древнего перевода, хранящагося в архивных бумагах, то сию ошибку поправлять не должно, а оговорить можно.

В числе листов ко мне присланных недостает двух, и, следовательно, 8 страниц начиная с 357 по 364; пожалуйте, прикажите сию ошибку того, кто запечатывал конверт, исправить, и не досланные листы ко мне доставить.

Я возобновляю прежнюю свою покорную просьбу не токмо поручить г. Строеву сличение того Несторовой летописи списка, который он отыскал в Воскресенском монастыре с известными уже; но желаю, чтобы он не замедлил мне выписать из него статью, содержащую «Рускую Правду», ежели она тут имеет какую-либо разницу с известными списками и издания сего нашего древняго закона» (Там же).

6 октября 1818 года графу Румянцеву доложили, что во дворец на Английской набережной прибыл граф Алексей Андреевич Аракчеев. Николай Петрович устремился в приемную, где граф Аракчеев, властитель, по сути, империи, в отсутствие императора, как простой посетитель дожидался приема.

При входе стремительно вошедшего Румянцева Аракчеев с улыбкой пошел ему навстречу:

– Сиятельнейший граф! Я к вам по срочному делу…

– Помилуйте, ваше сиятельство, вы оказали мне честь своим неожиданным визитом.

Румянцев и Аракчеев крепко обнялись в середине залы, пожимая друг другу руки.

– А визит мой, Николай Петрович, не такой уж неожиданный. Недавно в моем Грузино побывал Алексей Федорович Малиновский. Как увлекательно он рассказывал о том, чем занимаются ваши сотрудники! Я вспомнил наши откровенные беседы в Вильно накануне вторжения Наполеона в Россию и решился кое-что уточнить у главы румянцевской группы. Алексей Федорович так прямо и сказал, что граф Румянцев призвал чуть ли не всю Европу участвовать в поисках русских государственных грамот. Какой сборник вы готовите?

Румянцев смутился столь откровенным признанием своих прав главенства в группе.

– Третий, Алексей Андреевич.

– А вы, граф, знаете о том, что недавно у государя был с визитом Николай Михайлович Карамзин, о котором вы всегда так лестно отзывались?

– Доходили, ваше сиятельство, слухи. Обычно, когда Карамзин приезжал в Петербург, он часто обедал у меня, а тут… То ли меня не было в это время, то ли еще какая-то причина…

– Карамзин приехал в Петербург с рукописями восьми томов «Истории России» и попросил аудиенции у императора. Но император не принял его. Вы знаете, граф, это время. Мы еще в Вильне, перед войной, много говорили об этом. Уже тогда, как и у вас, в литературе и науке, общество было расколото на различные партии, у каждого возникали свои интересы, одни по-прежнему восхищались Вольтером и крупными деятелями Просвещения, другие крепко держались за старые устои. Война только обострила эти противоречия. А после военной победы император Александр почти не был в России. То Париж, то Лондон, то Варшава, на него преимущественно сыпались лавры победителя Наполеона, а в России он бывал наездами, и хоть два с половиной года он провел в России, да и только не в Петербурге, а в разъездах по российским провинциям. Недаром, граф, распространилась злая версия, что Россией правят из задней части почтовой кареты.

– Но я, ваше сиятельство, слышал совсем другое, что именно вы, Алексей Андреевич, в Совете министров управляете всей Россией…

– Помилуйте, граф, эти слухи преувеличивают мою роль в управлении министрами. Император пишет мне записки с указанием, что делать в том или ином сложном и противоречивом случае, а я советуюсь по сему случаю с нужными людьми, предлагаю то или иное решение, и император, возвратясь из поездки, решает вопрос.

Румянцев мягко улыбнулся.

– К примеру, вот как вышло с Карамзиным, – продолжал Аракчеев. – Карамзин привез в Петербург свою «Историю», надеясь издать ее за государственный счет. По Петербургу разнеслась весть, что его «Историю» можно смело назвать *воскресителем прошедших веков бытия нашего народа*. Он встретился с друзьями, знакомыми, не скрывал того, что главная его цель – это издание его восьми томов «Истории». Во дворце граф Н.А. Толстой сообщил Карамзину, что император знает о его приезде и цели его приезда, но не советовал ему представляться по существующему официальному порядку через обер-камергера, граф Толстой известит его о назначенном дне приема. Карамзин бывал во многих домах, читал главы своей «Истории», встретился даже с Шишковым у великой княгини Екатерины Павловны, поговорили и перестали враждовать, шли дни, а 14 февраля 1816 года Карамзин, присутствуя на балу, видел императора,

императрица Мария Федоровна и Екатерина Павловна хлопотали, а Карамзин даже не догадался обратиться ко мне, прислал бы хоть свою карточку. Как-то докладывают мне, что Карамзин просит его принять. Я обрадовался, а оказалось, что пришел его брат, тоже Карамзин. Наконец Николай Михайлович Карамзин привез мне карточку. И сразу все изменилось, ведь внутренними делами, по поручению императора, занимаюсь я. И не злостная гордыня руководила мною, граф, а стремление к строжайшему порядку в делах государственных. Я знаю, что на издание восьми томов «Истории» понадобится 60 тысяч рублей. Кто-то в присутствии императора назвал эту цифру, а император замахал руками и отрезал, что у него нет таких денег на эти нужды. Я тут же сказал, что готов пожертвовать своими сбережениями, а «Историю России» надо издать, ее должны прочитать не только русская аристократия, но и широкие круги русского общества. И когда Карамзин явился, я оказал ему самый теплый прием.

– Я слышал, ваше сиятельство, что Карамзин при встречах с нашими общими знакомыми говорил, что Вы пригласили его как-то пообедать у него, что Карамзин увидел в вас человека с умом и хорошими правилами.

– Встреча наша продолжалась не более часа. Я сказал Карамзину, что в детстве моим учителем был дьячок: мудрено ли, что я так мало знаю. Мое дело – исполнять волю императора. Я, кроме того, что обещал Карамзину скорую встречу с императором и решение интересующего вопроса, спросил его, по-прежнему ли он увлекается масонами. Оказалось, с масонами он давно порвал, это было увлечение молодости. Как известно, граф, 15 марта 1816 года император принял Карамзина, издал два указа о публикации «Истории России» Николая Михайловича Карамзина за государственный счет. При этом «История» осталась собственностью Карамзина, от продажи «Истории» он будет получать особый гонорар. А вы, граф, удостойте меня чести, присылайте мне выпуски ваших изданий, это повышает уровень моих знаний.

6 июня 1821 года граф Румянцев отправил графу Аракчееву отпечатанные листы 3-го тома «Собрания государственных грамот и договоров», попросил и далее отправлять Аракчееву следующие выпуски – «прямо к нему их доставлять» (с. 183).

Почти весь август 1821 года Румянцев провел в Киеве, был гостем Репнина, разговаривал с киевлянами, но стоило графу заговорить о русских древностях, как повисала томительная тишина: никто этим не занимался. Вернувшись в Гомель, Николай Петрович писал Малиновскому 7 сентября 1821 года: «В Киеве сердце сокрушалось, видя, каковое там господствует

нерадение к древностям нашим, никто ими не занят, и всякой почти убегает об них разговора, боясь обозначить не токмо беспечность, но даже то, что мало историю древних наших времен знают» (с. 191–192).

Активную роль в группе Румянцева стал играть известный церковный деятель, ученый и писатель Евфимий Алексеевич Болховитинов. Сын священника, он учился в Воронежской семинарии, потом в Славяно-греко-римской академии, слушал лекции в Московском университете, одновременно подрабатывал корректором в типографии П.М. Пономарева, виделся с известным писателем Николаем Новиковым, стал бывать на его вечерах, видел Н. Карамзина, который одно время жил в доме Новикова, часто беседовал с И. Дмитревским, увлекся переводами с французского языка. В это же время Е. Болховитинов познакомился с Н.Н. Бантышом-Каменским, который приобщил его к истории и любви к архивным древностям. В 1789 году Е. Болховитинов вернулся в Воронеж, преподавал в Воронежской семинарии греческий и французский языки, церковную историю и богословие, пять лет был ректором семинарии, а с 1796 года – соборным протоиереем в Павловске, не оставляя переводческой деятельности. В 1793 году он перевел «Размышления о красноречии…» Н. Трюбле и «Вольтеровы заблуждения…» К. Ноннота. Он хорошо знал радикальные мысли просветителей, но постоянно противопоставлял им мысли умеренной ортодоксально-церковной идеологии.

В эти годы рухнула его семейная жизнь, он овдовел и потерял детей, все это заставило его о многом задуматься, в 1799 году он переехал в Петербург и, приняв монашество, стал Евгением. В 1804 году Евгений Болховитинов был возведен в сан епископа.

В 1806 году по рекомендации Г. Державина епископ Евгений был принят в члены Российской академии наук. По мнению критиков и современников, епископ Евгений чтил Николая Карамзина как историографа, поддерживал «дружеские связи с писателями архаической ориентации, в том числе вошедшими в ядро «Беседы любителей русского слова», отрицательно относился к писателям нового поколения А.С. Пушкину, В.А. Жуковскому, Н.И. Гнедичу (см.: Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 208).

С искренностью и симпатией митрополит Евгений следил за работой графа Румянцева и его группы по сбору и составлению сборника «Собрание государственных грамот и договоров», был почти со всеми участниками группы знаком и внимательно наблюдал за их работой. В 1868–1870 годах в Воронеже вышла в

трех выпусках «Переписка митрополита Киевского Евгения с Государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно)», в которой представлен обмен мнениями двух замечательных знатоков истории России.

23 января 1813 года епископ Евгений из Вологды сообщает графу Румянцеву о том, что он «готов охотно, в угодность Вашему сиятельству, принять на себя» разработку Зырянских надписей и списка Зырянской обедни и прислать эту разработку в Петербург. 13 марта 1813 года граф Румянцев благодарит «милостивого Архипастыря» за то, что он 20 февраля прислал «подлинную грамоту Великого Князя Мстислава Владимировича, препревожденною наизанимательнейшими примечаниями и изъяснениями вашими о сем безценном отрывке нашей древности». Граф Румянцев тут же распорядился, чтобы этот «драгоценный труд» вологодского епископа стал доступен «преосвященной публике» и был отпечатан «самым рачительным образом».

24 марта 1817 года из Петербурга граф Румянцев писал псковскому епископу Евгению:

«Приступив к изданию второй части хранящихся в архиве Министерства иностранных дел государственных грамот и договоров, осмеливаюсь в знак особого почтения препроводить к вам полученный мною первый лист, содержащий прелюбопытную грамоту и которая, статься может, вам еще неизвестна.

В исследованиях древней российской истории я отличной пользы от того ожидаю, что столь знаменитый ученостию муж ныне Псковскою эпархиею управляет. Вероятно, что богатое под спудом там хранится сокровище и предопределено может быть было судьбами к обработанию тому, кто более других к сему способен.

Нельзя ли оказать мне того одолжения, чтобы точные списки для меня снять с надписей, высеченных на камнях, что лежат в Изборске. Я приму таковую милость с особенною благодарностию и осмеливаюсь в том только настоять, чтобы все издержки на посылку туда особенного человека и что следовать будет ему за труды – с меня потребовать».

9 апреля 1817 года епископ Евгений писал графу Румянцеву:

«…Договорную грамоту Мстиславову я видел в Москве, но доселе не имел с нея у себя списка. Наши любители древностей давно уже ожидали исполнения обещаний г. Карамзина и Московскаго исторического общества об издании сего памятника. Но Ваше Сиятельство по отличной ревности ко всему отечественному предварили их удовлетворением сему ожиданию.

Журнал об успехах народного просвещения давно я весь у себя имел и в том числе книжку с отпечатком Зырянской надписи, а также Зырянскую грамматику, напрасно присвоенную себе Флеровым. Ее сочинил один вологодский семинарист, Зырянин Мезенский, после обучавшийся в Санкт-петербургской Медико-Хирургической Академии, а ныне, как слышно, служащий полковым лекарем…

С самого приезда моего во Псков, я занялся собиранием монастырских грамот и других известий, сверх собранных уже из печатных летописей и надписей и изданных в 4-х частях с 1790 по 1794 год Николаем Ильинским, под названием: «Историческое описание города Пскова и его древних пригородов». Но до селе не отыскал я еще ни одной грамоты старее времен царя Ивана Васильевича и отца его Василия Ивановича, да и сии грамоты касаются только до вотчин монастырских и прав неподсудности мирским властям. Во всех сиих остатках беспрестанно повторяется, что прежние грамоты от пожаров и нашествия литовских и ливонских людей истреблены. По летописям действительно видно, что редкий год проходил, чтобы Псков не терпел нападения, разорения и совершеннаго по окрестностям опустошения от западных соседей; а союзные псковичам новгородцы мало и заботились о помощи им, и только их помощь в нуждах своих пользовалися…» (Переписка. С. 5).

В письме от 30 июля 1817 года из Гомеля граф Румянцев откровенно радуется тому, что «между забытыми бумагами Воскресенского монастыря отыскан сборник, содержащий разныя выписки из Святаго Писания, составленный в 1073 году повелением великаго князя Святослава Ярославича. Он писан в большой лист, на весьма тонком и белом пергаминте в два столпца прекрасным уставным письмом, украшен живописью; в одном из украшений изображена княгиня Святославова и пятеро их детей. Послесловие сей книги написано по подобию стихов и посему самому есть уже драгоценной памятник древней нашей словесности.

Правописание сей рукописи и тем отличается, что буква *щ*, встречаясь очень редко, большею частию заменяется сходными буквами. Сию важную находку сделали гг. Строев и Калайдович, которых я посылал отыскивать рукописей в Воскресенском Звенигородском и Иосифа Волоколамскаго монастырях.

Вашему Преосвященству я думаю известно, что Преосвященный Епископ Старорусский недавно нашел несколько листов рукописей на пергаминте писанных, где он в первое заметил, что буква *щ* вовсе не находилась… Из Англии доставлены мне списки из так называемой Котонианской

библиотеки; между сими бумагами есть очень любопытное для любителей Российской истории; но посю пору полученныя относятся все к 16-му столетию.

Коли, Преосвященнейший Владыко, буду я так щастлив, что увижу вас среди тех Епископов, которые в престольном граде обитают? Как бы я тогда щастлив был! В личном себе милостивце искал бы себе, яко любитель российских древностей, учителя и наставника» (Переписка. С. 6–7).

Архиепископ Псковский, Лифляндский и Курляндский Евгений отвечает 17 августа 1817 года: «Сборник Воскресенский теперь будет у нас третьим подлинником словенской словесности XI века, после Остромирова Евангелия 1056 года и сборника князя Щербатова 1076 года». Радуется тому, что и в Лондоне, в Котонианской библиотеке отыскиваются наши древности, и тут же спрашивает графа Румянцева: «Увидим ли мы издание отрывка *Льва Диакона*, найденнаго в Парижской Библиотеке?» (Там же. С. 7).

Издано больше 150 писем графа Румянцева и митрополита Евгения. Вот последние:

«Сиятельнейший граф, милостивый государь!

Почтеннейшее письмо Вашего Сиятельства от 16 июня имел я честь получить и с приложениями, которыя теперь и возвращаю при посылке книг.

Византийская медаль, которую оценивает г. Келлер до 200 р., давно продана хозяином какому-то поляку за 100 рублей.

Подступы ориенталистов к Вашему Сиятельству с такими книгами, какие безполезны России, мне кажутся уже навязчивы. Всех книг их трудно перепечатать на щет нашего мецената, а благотворительность его нужнее нашей словесности, коей много любопытнейших памятников и в его библиотеке.

Хотя известна уже Вашему Сиятельству моя статья об Изборске, напечатанная в прошлом маие в «Отечественных Записках», но я, оттиснув оной несколько и особых экземпляров, посылаю при сем Вашему Сиятельству два…

С. П. Б. 1 июля 1825 г.»

И ответ из Гомеля:

«Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Государь и Архипастырь!

С почтением и благодарностию получил я письмо, каковым меня удостоить изволили от 1 июля и при нем для меня дар статьи об Изборске, получил я также и бумаги те, которыя мне возвратить изволили.

Возвращая в свою библиотеку несколько новых тетрадок Journal des Savans и одну Немецкаго журнала г. Горнмайера, я

просил А.Х. Востокова доставить их Вашему Высопреосвященству. Журнал немецкий особаго внимания достоин.

Один из слуг моего московскаго дома, объезжая Коломенскую округу, сам от себя, по приверженности своей ко мне, в пути приобрел несколько очень древних российских монет. Г. Калайдович, который о том меня уведомляет, к сожалению моему их удержал в Москве, спрашивая, куда отослать, а прислал только одну, которую причитает к пулам. Г. Востоков Вам ее представит. Мне кажется она чрезвычайно любопытною; но дабы в мысли сей утвердиться, буду ожидать, Милостивый Государь, какое вы о ней заключение положите. Что за монета, котораго века? По разсмотрении же Вашем Александр Христофорович предъявит ее г. академику Кругу.

Привыкнув, Милостивый Государь, иметь к Вам неограниченную доверенность, не могу удержаться, чтобы не довести до сведения Вашего выписку одной статьи последняго моего письма к Министру Просвещения; но покорно прошу Ваше Преосвященство сию выписку хранить единственно для Вас, не сообщая ее никому, а тем менее не дозволяя брать с нее списки («Упоминаемой выписки из письма Гр. Румянцева к Шишкову не оказалось в материалах». Примечание редакции).

На днях собираюсь выехать из Гомеля, дабы побывать на Роменской ярмонке. Сколь счастливым бы я себя почел, еслиб нашел случай среди ярмонки сей приобресть какие-либо очень древния словенския рукописи; но блага таковаго не ожидаю…

10 июля 1821» (скорее всего, здесь дату нужно исправить: 1825 год. – *В. П.*).

Московские ученые Строев и Калайдович ездили по подмосковным монастырям, заводили знакомства со служащими монастырей, вели с ними благопристойные беседы, узнавали, где в полузаброшенных подвалах хранятся «кипы древних рукописей». Изучая рукописи, ученые совершали иной раз драгоценные находки, о которых тут же писали А. Малиновскому, а бывало и так, что писали прямо графу Румянцеву, принимавшему окончательное решение.

15 июля 1817 года Строев из Волоколамского монастыря информировал Малиновского, что за две недели работы описано более 130 рукописей, но ничего любопытного в этом «крайне бесплодном поле» не открылось. Однако вскоре их ожидала «богатая нива – 106 толстых сборников, обещающая богатую историческую жатву». И тут же Строев сообщил, что президент Общества истории Платон Петрович Бекетов требует от руководства Волоколамского монастыря книгу под № 15, заключающую в себе похвалу Кагану Владимиру. Со всеми

подробностями описывая процесс общения Бекетова с руководством монастыря, московский ученый подвел итог: требование было с негодованием отвергнуто (Переписка. С. 49).

Получая известия об интересных находках, граф Румянцев давно опасался, как бы эти открытия не ушли в чужие руки, которые могут тут же сделать их гласными. Вот почему, услышав о притязаниях Бекетова, граф Румянцев сразу, 12 августа 1817 года, написал Малиновскому:

«Вы меня премного одолжить изволите, ежели отклоните Платона Петровича Бекетова от намерения требовать из Волоколамской библиотеки похвалу Кагану Владимиру, и я в полной мере надежде пребываю, будучи известен, коль много отличается право тою Платон Петрович, что мы в домогательстве своем получим успех. Чего желает он, чего желаю я? Сделать сие сочинение печатью известным, а есть ли в том какая справедливость, чтоб у меня, так сказать, из рук вырывали, не допуская до исполнения меня то, что я в благой своей мысли и на пользу общую неутомимым трудом и некоторою издержкою собирать буду. Я долго таил найденныя редкости г. Калайдовичем; но недавно и именно в том опасении, что он те же известия сам передаст своим знакомым, поставил себе в долг дать знать о найденном древнем Сборнике преосвященному Евгению, Николаю Михайловичу Карамзину и г. Кругу; но вперед от подобных сообщений готов воздерживаться, ежели вы мне доставить изволите полное уверение, что ни г. Калайдович, ни г. Строев и никто из тех, которых вы в помощь им придадите, не будут никому ни письменных, ни словесных делать об отысканных манускриптов для меня особам уведомления. Гг. Калайдович и Строев сами в таком молчании свою выгоду найти могут; не трудно им предузнать, что по справедливости и по чувству благодарности я им предоставлю быть издателями таковых древней нашей словесности редкостей. Вы меня премного одолжить изволите, ежели на сие склоните обеих их, но прошу все сие исполнить с обыкновенною вашею деликатностию и точно отстраня все то, что могло бы их заставить думать, что я противу их огорчен» (Там же. С. 51). Румянцев старался контролировать все стадии издания. Прочитав присланные отпечатанные листы второго тома издания грамот и договоров, Румянцев заметил, что на странице 126 оставлен пустой промежуток между словами *почнете* и *по сему*. Он подсказывает, что делать, если слов нельзя разобрать: «в таких случаях, то обозначалось тем, что пустое место наполнялось печатными точками». Находит и опечатки: «На странице 117 в первой колоне стоит напечатано: милостию всесильного Бога и пречистыя

пренепорочныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы *Мария*, вместо Марии. Ежели сие точно так стоит в оригинале, то не сочтете ли нужным в ноте или примечании сие заметить.

Забыл я упомянуть, что в конце первой колоны 146-й страницы напечатано Царица и Великая Княгиня Инока *Алемандра* Федоровна вместо Александра.

Я покорно вас прошу поручить за корректурою сего второго тома иметь бдительное внимание. Жаль очень будет, ежели сей том в издании своем уступит первому» (Там же. С. 52).

В многочисленных письмах А.Ф. Малиновскому и другим членам московской группы ученых граф Румянцев просит порой простить его за навязчивые просьбы быть более внимательным к разбору рукописей, к корректуре, к рисунку и т. п. В одном из писем Малиновскому, 19 января 1818 года, граф Румянцев писал: «Я человек ненасытный, а вы трудолюбивы, любите, что послужить может к расширению нашей словесности, духом кротки и снисходительны, и меня, кажется, жалуете; да послужит все сие мне в извинение и отчасти оправдает мою докуку» (Там же. С. 64).

Прочитав проект предисловия ко второй части «Собрания государственных грамот и договоров», граф Румянцев писал А.Ф. Малиновскому, что просит внести две поправки в предисловие:

«Там, где сказано *сей завидный жребий принадлежит* добавить просто *Государственному Канцлеру Графу Румянцеву*, выкинув вон пустую вежливость величанием *Его сиятельства* и *Николая Петровича*. Я давно заметил, что историческим памятникам не токмо никакого весу таковыя обыкновенных обществ повадки достоинства не придают, но даже у выражения силу некоторую отымают.

Вторая отмена опять ко мне относится; я бы желал, чтобы там где написано, говоря обо мне, сей деятельнейший *вельможа-патриот,* сие также величание вельможа-патриот миновать: а можно, кажется, заменить, поставя просто, сей деятельнейший муж, или же Государственный Канцлер в деятельном своем попечении о издании сем не удовольствовался, а потом далее, как у вас.

Я покорно прошу вас, милостивый государь мой, и настою в том, чтобы две сии малыя перемены учинены были, и истинно довольно объяснить не могу, с какою радостию ожидаю появления сей второй части…» (Там же. С. 108–109).

Н. Румянцев, рекомендовав сотрудничать с Архивом известного переводчика Ярцева, задумался над тем, как составители могут поместить татарские ерлики в третью часть, если они, скорее всего, относятся к первой и второй частям? И тут

же выражает свое мнение:

«Ежели вы сочтете пристойным составить особенное отделение татарских грамот, то покорно вас прошу мне предварительно сказать: 1-е. Опричь самих ерликов есть ли другие татарские документы, которые вы судите, что принадлежат к числу государственных российских грамот. 2-е. Из общего числа не выдет ли два тома или более. 3-е. Как их печатать: мне бы казалось полезным печатать самый текст восточными литерами, а на том же листе во второй колоне русский перевод; сие бы даже в чужих краях принято было за благодеяние на поприще словесности, и притом бы доставило изданию нашему покупщиков и заграничных. 4-е. Укажите мне, пожалуйте, где сие отделение обрабатывать и печатать, в Москве ли иль здесь, я признаться должен, что почитаю невозможным миновать Петербурга и даже потому, что здесь находится столь ученый по сей части г. Френ, и двое для восточных же языков молодых людей, выписанных из Парижа.

Сделайте мне одолжение, переговорясь с г. Ярцевым, и получив от него сведения о достоинстве и точном содержании сих ерликов и грамот, с которых, вероятно, в Государственном архиве не все переводы имеются, обдумайте сию статью; мы уже опытом знаем, какой вы подобному делу мастер» (Там же. С. 110–111).

25 апреля 1819 года граф Румянцев сообщает А.Ф. Малиновскому, что 17 апреля текущего года с восхищением и благодарностью получил «две присылки *экземпляров 2-го тома государственных грамот*»: «Предисловие прекрасно, выборы и расположения грамот привлекут большое внимание любителей наших древностей к сему второму тому, и Вы себе проложили неоспоримый путь к вечному уважению». И сразу же граф Румянцев приступил к составлению донесения императору Александру I о выходе в свет долгожданного «Собрания государственных грамот и договоров» (Т. 2. СПб., 1819. С. 115). 6 мая 1819 года, получив от переплетчика тот экземпляр, который следовало поднести императору, граф Румянцев послал во дворец не только непременное донесение-доклад императору Александру, но и этот экземпляр тома. Кроме того, Румянцев написал два письма графу Нессельроде.

8 мая 1819 года граф Румянцев пишет Малиновскому:

«Теперь остается мне желать, чтобы Государь меня осчастливил в особе вашей, вняв милостиво моему докладу, и также повелел бы уважить ходатайство мое за чиновников, кои под начальством вашим сим изданием занимались.

Я точно здесь исповедую, что будучи вам премного обязан, и в том удостоверении, что возложенный на вас труд не может быть

в руках лучших, сильно желаю, чтобы сердце монаршее склонилось на милость вам, и вы бы онаго доказательство получили» (с. 117).

29 мая 1819 года граф Румянцев в письме Малиновскому поздравляет Прилуцкого и Строева с получением орденов Святой Анны 3-й степени, а г. Калайдовича с «определением при Комиссии в *контр-корректоры* и с переименованием в чин Губернскаго Секретаря». А вслед за этим граф Румянцев определил и жалованье Калайдовичу.

22 июня 1819 года в Гомеле граф Румянцев получил письмо графа Нессельроде, в котором говорилось, что император Александр высочайшим рескриптом объявил графу Румянцеву по случаю издания 2-го тома Государственных грамот «особенное монаршее благоволение».

Работа продолжалась: 3-й том, охватывавший акты 1613–1655 годов, вышел в 1822 году, 4-й том, включавший акты 1656–1696 годов, в 1828 году, уже после смерти графа Николая Румянцева. 5-й том остался незавершенным.

3

Интересны письма графа Румянцева к Василию Николаевичу Берху, автору книг «Древния государственные грамоты, наказныя памяти и челобитныя» (СПб., 1821); «Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей» (СПб., 1821); «Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российскаго купечества, с присовокуплением исторического известия о меховой торговле» (СПб., 1823); «Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским» (СПб., 1822).

В августе 1817 года Румянцев советует В. Берху встретиться с Крузенштерном и поговорить с ним о путешествиях, а главная просьба – поискать в городских архивах или в частных руках древних грамот или летописей наших великих князей, а если есть, то немедленно сообщить в Петербург: «Также я любопытен знать, не существует ли в Перми народныя историческия богатырския песни или сказки, весьма бы для меня было приятно с них получить списки и всякую издержку вашу для таковой цели покорно прошу с меня взыскать» (Письма Гр. Н.П. Румянцева к В.Н. Берху. СПб., 1876. С. 8–9). Во время переписки граф Румянцев получил грамоту царя Алексея Михайловича, но не полностью, Румянцев просит дать ему полную грамоту. В. Берх прислал ему монеты, одна из них относится к X веку, на ней остались нечеткие надписи. И граф Румянцев спрашивает, нет ли

у кого коллекции таких монет, он мог бы их купить. В переписке участвовали и И. Крузенштерн, и Н. Греч со своим журналом «Сын Отечества», и множество лиц, которых интересовала отечественная история.

10 февраля 1818 года граф Румянцев писал А. Малиновскому:

«Аглинское правительство намеревается отправить экспедицию отыскивать проход между Северным и Южным Океаном. В Архиве иностранной Коллегии в бумагах, из Сибири переданных, не находятся ли какие предания, которыя бы к тому послужить могли, и я в таковой надежде обращаюсь к Вашему Превосходительству, как к особе, одаренной многими сведениями и любящей разширять круг просвещения.

Некто из аглинских офицеров, сопутников славного Кука, утверждает, что Берингова пролива не существует, что Азия с Америкою составляют одну матерую землю и что то, что почитается проливом Беринговым, – не что иное, как пространнейшая Морская Губа, коея льды стоят как опушка у земляных ея берегов.

Сколько мне известно о разделении Азии с Америкою вышереченным проливом, нет иного известия, как путешествие козака Дежнева в 1648 году, переданныя нам покойным Миллером в Ежемесячных сочинениях 1758 года генваря месяца; но какое же имеется точное удостоверение, что козак Дежнев точно обошел морем из Колымы в устье реки Анадыра? Я уповаю, что бумаги, из коих Миллер сделал ивлечение, и которыя находились в Архиве воеводской Канцелярии города Якутска, после него с прочими миллерными бумагами поступили в Архив иностранной Государственной Коллегии; следовательно, пересмотря их в критическом духе, можно бы вывесть заключение, достойны ли они вероятия; не угодно ли вам будет, милостивый государь мой, кому либо поручить из людей к тому способных таковое сличение сих бумаг сделать. Я признаюсь, что некоторой дух любопытства и желание доставить в Англию ученым основательное сведение о сем путешествии меня им много занимают» (Переписка. С. 68–69).

Граф Румянцев не оставлял вниманием мореплавателей Ивана Крузенштерна и Отто Коцебу, которых, казалось бы, совсем недавно снаряжал в кругосветное путешествие, писал письма как министр коммерции и как член Российско-Американской компании «О торговле с Китаем» и о «Торговле с Японией», писал инструкции командирам кораблей.

Прошли годы. Отто Коцебу только что, как командир корабля «Рюрик», вернулся из трехлетней (1815–1818) экспедиции. Но изучая письма и донесения мореплавателей, Крузенштерна,

Лисовского, Коцебу, граф Румянцев так и не получил ответ. Мысли о Берингове проливе по-прежнему волновали его. Понятное дело, что казак Семен Дежнев вместе с Федором Поповым проплыли от устья Колымы, обогнув Чукотский полуостров, и оказались в Тихом океане. Значит, есть Берингов пролив между Азией и Америкой, а не «пространнейшая Морская Губа», как утверждают англичане. Но казак Дежнев не оставил документов, в памяти только мифические рассказы о путешествиях, а нужны научные доказательства. Румянцев вспомнил подробнейшие письма Резанова к нему в 1803–1806 годах, столько лет минуло, а вдруг найдется в них ответ на мучивший его вопрос? Через несколько дней в канцелярии Министерства коммерции отыскались эти письма Резанова, в которые граф Румянцев с жадностью углубился.

4

Приезжая в Гомель, граф Румянцев надеялся сосредоточиться на строительстве зданий в городе. Но надежды – одно, реальная жизнь – другое, и он продолжал ощущать себя поглощенным древними рукописями. От древностей российских ему уже не освободиться, настолько вошли они в глубь его души; письма, рукописи поступали к нему постоянно. Стоило решить один вопрос, как на следующий же день возникал другой, не терпящий отлагательства. Вот только что получил письмо Малиновского и пятнадцать экземпляров «Памятника российской словесности XII века», и содержание книги, и предисловие отработаны очень хорошо, публика с благоговением примет эту книгу. Но почему прислали экземпляры в листах? В Гомеле нет таких переплетчиков, как в Москве. А Калайдовичу пусть заплатят от его имени 400 рублей ассигнациями за труд, а также и господину Селивановскому за издержанную бумагу.

На днях он видел у старообрядца свежий рукописный экземпляр «Кормчей», правописание и почерк обозначали, что копия только что снята с очень древнего манускрипта: великий князь Владимир Василькович отправился в Нагай, а жена его Ольга так была больна, что сопроводить его не могла. И все описанные обстоятельства напоминают ему то, что происходило с князем Волынским, которого летописец называет ученым, философом, какого прежде не бывало и впредь не будет. Но так ли? Конечно, Малиновский совершенно правильно поступил, что от его имени послал московскому архиепископу обе части уже изданных государственных грамот, его благорасположение необходимо московской и петербургской группе. А вот что делать

с царской грамотою давно умершему митрополиту Филиппу? Да, есть список, но это малое доказательство, это может быть и подделка. Ведь таковое послание царя было якобы отправлено к гробу святителя. Не лучше ли взять справку в Соловецком монастыре или в Патриаршей библиотеке? Граф Румянцев всерьез опасается, что это не что иное, как витийственное сочинение по подобию тех, кои французы в своей литературе называют «Героиды». Изучая памятники словесности XII века, он утвердился во мнении, что и некоторые послания Даниила Заточника творения такого же рода. Возможно, найдется опровержение его «сумнениям», так что он рекомендует Малиновскому поступать «как заблагорассудите». Или вот перед ним список с любопытной грамоты царя Алексея Михайловича, которую можно включить в 3-й том, а может, ее издать в каком-либо особом собрании грамот?

Румянцева известили, что Михаил Трофимович Каченовский перепечатал одну из статей французского журнала в своем «Вестнике Европы» и автор статьи очень высоко оценивает работу румянцевской группы. Господин Каченовский давно занимается славянскими проблемами, помещает статьи, выступает в университете. Надо бы поблагодарить его за внимание, не так часто находятся люди, которые понимают культурное и общественное значение поисков древних рукописей.

Но в Гомель приходили не только добрые вести. Неожиданно граф Румянцев узнал, что в Петербурге граф Федор Толстой продает библиотеку, в которой есть интереснейшие книги и рукописи;

он задумал купить пергаментную рукопись, написанную в 1397 году, в которой содержатся творения Никона Черногорского, за нее и за Евангелие XV века граф Толстой давал по 600 рублей, а продавая просил 750. Граф Румянцев просит Малиновского посмотреть эти рукописи, а если они отличные, то наказывает купить за просимую цену. И тут же задает вопрос, – верно ли, что граф Толстой собирается подарить государству свое ценнейшее собрание древних рукописей? Нельзя ли узнать у Николая Михайловича Карамзина о намерениях графа Толстого? Может, он осуществит свое похвальное намерение и подарит рукописи Московскому архиву Министерства иностранных дел? Кто знает…

С большим удовольствием граф Румянцев принимал у себя известного ученого Сарториуса, который, получив нечаянно найденный в городе Кельне список письма царя Ивана Васильевича к императору Максимилиану, передал его для публикации. Николай Петрович тут же отправил этот список Малиновскому с просьбой сделать с него два перевода на

русский, один оставить в архиве, а другой отослать в Гомель с немецким списком. А если этот список известен составителям и вошел в очередной том, то пусть хранится в архиве.

Чуть ли не в этот же день, 20 марта 1822 года, случилась еще одна неожиданная радость: новый архангельский преосвященный Неофит отправил к графу Румянцеву в подлиннике все те грамоты, которые он давно мечтал получить: более десяти грамот принадлежат временам царя Алексея Михайловича, кое-что касается и соцарствующих Иоанна, Петра и Софии; это поможет сегодняшним исследователям, документы вполне могут оказаться в 4-м томе издания.

И как сожалел граф Румянцев, что два сочинения Никона проданы другому соискателю древностей! Он советует Малиновскому, что если попадутся тому древние рукописи, то тут же приобретать их за его счет, если они окажутся достойными.

В 4-м томе могут оказаться грамоты, скопленные в Сибири господином Берхом; шесть грамот, полученных из Верхотурья в подлиннике; в Нидерландах отыскали пятьдесят три грамоты, касающиеся торговых отношений с Россией, половина из них датируется XIV и XV веками, а половина XVI веком; из Германии обещают прислать списки с очень древних документов, которые относятся к торговле с новгородцами; в Великих Луках графу Румянцеву вручили давно ожидаемые им грамоты, среди которых есть прелюбопытная уставная грамота царя Алексея Михайловича…

5 июня 1822 года граф Румянцев, вернувшись из Гомеля в Петербург, снова оказался переполнен свежей информацией, которая вновь закружила его в вихре ежедневных забот. Оказалось, что замечательный его сотрудник Калайдович много лет работает в одном чине, «с разными токмо онаго переименованиями», как он сам позволил себе наименовать свой чин. Почему никто не сообщил ему об этом? Калайдович, как только наступила война 1812 года, внимая воззванию монарха, подпоручиком вступил в Московскую военную часть, а вернувшись из похода в Европу, стал контр-корректором в чине губернского секретаря и служит в этом чине четвертый год, участвовал в работе над 2-м и 3-м томами «Собрания государственных грамот и договоров». О судьбе Калайдовича он попросит императора, как только поднесут ему экземпляр третьего сборника. Если б только это. В предисловии к третьему сборнику, который почти готов, есть недопустимые строки о его собственной роли в судьбе сборников: 7 июля 1822 года граф Румянцев писал Малиновскому: «…Вы, Милостивый Государь

мой, противу всякаго моего ожидания, уступая единственно лестному Вашему дружеству, поместить изволили обо мне непомерную и при таковом издании совсем несовместную хвалу. Я точно и покорно Вас прошу велеть перепечатать это предисловие, оставя в нем то только обо мне упоминание, которое кончится словами: *имел он случай достать в подлиннике*, как показано карандашем в предисловии, которое к Вам возвращаю. Вы можете, ежели заблагорассудите, предисловие сие тем закончить, что в след за сим третьим томом будет появление 4-го, который содержит остальную часть актов царя Алексея Михайловича, преемника его царя Федора и двух соцарствующих Иоанна и Петра, и тем довершится издание Государственных грамот, а потом приступлено будет к изданию договоров. Всю издержку за перепечатание предисловия покорно прошу взыскать тотчас и особо от Александра Ивановича» (Там же. С. 227).

Получив грамматику чешского ученого Добровского на немецком языке и изучив ее, граф Румянцев понял, что это великое сочинение и книгу непременно надо перевести на русский язык. Но кто это может сделать? Возможно, Академия наук? И Румянцев вспомнил, что Калайдович в письме расхваливал молодого кандидата Погодина, может быть, он, испытывая особенную любовь к славянским древностям, возьмется сделать этот перевод? А перевод этой грамматики на русский язык непременно нужен.

От Малиновского граф получил извещение, что есть возможность приобрести совершенное окончание издания Софийской летописи, сразу же дал распоряжение приобрести ее, один экземпляр вручить Александру Ивановичу (хранитель его финансов), чтобы он переслал к господину Арцыбашеву в Цивильск.

11 июля 1822 года граф Румянцев писал Малиновскому: «Пред Вами, как пред другом моим, не токмо простительно, но даже прилично похвалиться, что Государь Император о всемилостивейшем ко мне внимании и милосердствуя о моей дряхлости, Сам меня изволил посетить в моем дому. Вы легко себе представить можете, сколько сие обстоятельство и милостивое Его со мною обхождение меня тронули до глубины сердца» (Переписка. С. 228). Однако, получив через неделю экземпляры 3-го тома «Собрания государственных грамот», граф Румянцев из-за прежнего предисловия не мог приступить ни к поднесению государю, ни императрицам, ни к раздаче прочим особам. Придется ожидать, когда предисловие будет переделано так, как он просил.

Но огорчение быстро прошло, как только Румянев узнал, что

в Старой Рязани недавно обнаружены российские древности, а Малиновский тут же отправил в Рязань Константина Калайдовича, которому поручено доставить ему «точное сим вещам описание».

В это же время Румянцеву прислали из Вильно реестр Радзивиловского архива. Как горько стало Николаю Петровичу, просмотревшему реестр и каталоги этого архива, что русские ученые так поздно взялись за издание грамот и договоров: после многих утерь – архив множество раз расхищали, здесь все равно сохранились два акта XV века, а по спискам там хранились и более древние документы на русском языке, даже XI века.

22 июля 1822 года Румянцев получил чистые листы нового предисловия к 3-му тому «Собрания государственных грамот и договоров». Это предоставило ему возможность преподнести императору третью часть до отъезда его величества.

Письма граф Румянцев писал собственноручно, но их было так много, что уставал, приходилось диктовать. Он сознавал свои слабости, его мучила глухота, и другие недуги не давали ему покоя, но в сентябре 1822 года он вместе с Константином Федоровичем Калайдовичем решился поехать в город Ржев, где в городище Микулине у крестьян скупил некоторые памятники русских древностей. Послал их с Калайдовичем на более внимательное рассмотрение Малиновскому в Москву, пусть посмотрят, какового они достоинства, и определят, какого века. «Странно, что в числе крестов, имеющих форму хорошего вкуса, – писал Румянцев Малиновскому, – и часто одинаковых лиц изображение, на многих встречается подле Христа, как молельщик его Михаил в царской короне по западному обряду; кто таков, по заключению Вашему? Один крест, хотя медный, но работы искусной; украшения приятным образом расположены; у подножия Христова какой-то Стефан и товарищ его. В Тверской истории есть ли упоминание о таковых особах? На одной плоской дощечке Вы изволите найти изображение человека, разсекающего козлище, а может быть и человека, что худое зрение определить не может. Мне помнится, что точно такое же изображение находится на одной из древних наших Великокняжеских печатей; утвердительно однакож этого сказать не могу. Вы также увидите, Милостивый государь мой, род очень маленькой медной гривны, на которой, ежели не ошибаюсь, никакого иного изображения нет, как серафима, и по этому трудно сию гривну за иное принять, как за духовный талисман, то есть, которая оберегала от бед и злых приключений ту особу, которая ее на груди носила. В числе микулинских находок есть и печать, по надписи своей любопытна; но в надписи сей есть слово *смотри*, что в ней

отымает достоинство древности…» (Там же. С. 231–232).

7 сентября 1822 года К. Калайдович в письме Малиновскому дает подробный многостраничный отчет о поездке с графом Румянцевым и в Ржев, и в городище, не забывает также сказать, что здоровье графа «укреплялось от путешествия; он тогда только скучал, когда не находил предметов, удовлетворяющих похвальному его любопытству». Прощаясь во Ржеве, граф Румянцев вознаградил своего сотрудника: «пожаловал мне при отъезде 300 р.» (Там же. С. 237).

Стоило митрополиту Евгению упомянуть, что в третьем сборнике опубликовано писем патриарха Никона царю Алексею Михаловичу из Словецкого похода только шесть, а в Новгородской Софийской библиотеке их 14, «и многия любопытнее напечатанных», как Румянцев тут же отправил письмо в Новгород, «чтобы остальную часть сих грамот для меня списать и кой час их получу».

В письме Малиновскому граф Румянцев сообщает, что профессор Кротков готов ему уступить найденные в Рязани татарские монеты за 150 рублей, монеты нужно будет переслать ему в Гомель. А купленный им весьма редкий Октоих Острожского издания 1603 года очень дряхлый, надобно с большой осторожностью переплести, как бывало и в прежние дни. Ожидалась к выходу в свет Софийская летопись, и граф Румянцев из экземпляров, ему принадлежащих, просит от его имени послать книги преосвященному Серафиму, преосвященному Филарету, Николаю Карамзину, Александру Ивановичу Тургеневу, вице-адмиралу Шишкову, Алексею Оленину, Александру Ермолову, господину Востокову.

Сохранились свидетельства и о том, что граф Румянцев поддерживал хорошие отношения с польскими славистами. В.А. Францев перечисляет в своей брошюре круг польских ученых и друзей графа Румянцева: «К нему принадлежали: Г.С. Бандтке, З.Д. Ходаковский, С.Б. Линде, Хр. Ц. Мронговиус, И.Б. Раковецкий, М.К. Бобровский, И. Данилович, Ж. Онацевич, О.И. Сенковский, И. Лелевель и др. … Полная картина связей его с представителями польской науки составит одну из блестящих страниц биографии заметного в истории славянского просвещения первой четверти XIX в. мецената» (*Францев В.А.* Из переписки Гр. Н.П. Румянцева. Варшава, 1909. С. 27). Подробнее В. Францев рассказывает в этой брошюре о переписке с С. Линде и И. Лелевелем.

Иоаким Лелевель, профессор в Вильне, стал известен в России после публикации его статьи «Известие о древнейших историках польских и в особенности о Кадлубке, в опровержение

Шлецера», переведенной на русский язык Ф. Булгариным. А целая серия статей Лелевеля «Рассмотрение истории государства российского», посвященная анализу «Истории России» Н.М. Карамзина, сделала имя автора статей уважаемым в России. Граф Румянцев читал статьи Лелевеля, хотел его привлечь к работе московской группы ученых, пытался поручить ему издать Прусскую хронику, которая хранилась в Кенигсберге, возникали и другие поручения, но Лелевель отказывался: крайняя придирчивость варшавской цензуры так уродовала исторические статьи, что лишала ученых возможности соблюсти правду исторического документа.

Н.Д. Чечулин публикует десятки писем графа Румянцева своему любимому ученику и последователю протоиерею Ивану Григоровичу, в которых изображена нелегкая деятельность его в поисках новинок Белорусского архива. Вот одно из этих писем, 11 апреля 1823 года из Петербурга в сокращении:

«…Хвалю тот план, который Вы начертали себе для введения к изданию белорусских грамот. Конечно, дух папизма надобно обнаружить, но без всякой желчи и той ненависти, которую часто являли наши духовныя особы к католической религии. Известная мне кротость духа Вашего ручается, что Вы напишете справедливо и тем отдалите от себя могущия быть укоризны. Можно в беспристрастном изложении происшествий вывести, что многие Римские Папы, известны были своим властолюбием и прельщались мирскою суетностью, а не святым, кротким евангельским учением.

Я писал к Алексею Федоровичу (Малиновскому. – *В. П.*), напоминая ему о медленности перевода с польских грамот; но кажется не худо бы было ежели бы Вы снеслись по сему делу с Колосовым» (*Чечулин Н.Д.* Из переписки канцлера графа Н.П. Румянцева. СПб., 1893. С. 20).

А через несколько дней Румянцев сообщает протоиерею Ивану Григоровичу, что он охотно оплатит его путешествие, как и прежнее, для исполнения поставленных задач (Там же. С. 21).

По многочисленным письмам, написанным разным лицам из разных городов, то из Петербурга, то из Гомеля, то из Ржева, известно, что граф Румянцев перегружен изнурительной работой… Он позволяет себе непродолжительный отдых, почувствовав «на время в разслабление», 13 июня 1823 года пишет Малиновскому «с Кавказа», надеясь на улучшение своего здоровья. Через месяц, 11 июля 1823 года, граф Румянцев все еще на Кавказе и пишет Малиновскому все о том же: «Благодарю Ваше Превосходительство за то, что списки с некоторых грамот из Кенигсбергскаго архива заказать изволили, и что продолжаете

собирать материалы для печатания четвертой части «Собрания государственных грамот», чтобы тем довершили издание внутренних актов» (Переписка государственного канцлера… С. 263). «Обозрев весь Крым», граф Румянцев 15 сентября 1823 года вернулся в Гомель.

21 сентября 1823 года в письме Малиновскому граф Румянцев сообщает из Гомеля: «…Вы, который знаете, каковою тесною дружбою я связан с графом Аракчеевым, легко себе представите, сколько я порадован был, когда он, объезжая военные поселения, посетил меня в Гомеле и несмотря на свои занятия, прибыв в дом мой 17 сентября в 6 часу после обеда, не токмо проводил со мною остаток онаго дня, но и на другой пробыл целое утро и покинул меня уже после обеда» (Там же. С. 266).

Об этом событии – чуть подробнее…

17 сентября 1823 года в Гомель в полдень прибыл адъютант графа Аракчеева и сообщил графу Румянцеву приятную новость: через часа два в Гомель приедет граф Аракчеев.

Времени для встречи гостя, одного из руководителей государства, было маловато, граф Румянцев отдал распоряжения, дворовые графа засуетились в приготовлениях, ожидая высокого гостя, а Николай Петрович, отложив текущие, сиюминутные дела, которые накопились, пока он отдыхал в Крыму, задумался о необычной судьбе Алексея Андреевича Аракчеева. Серьезного образования не получил, не знает французского, других языков… Но почему своевольная Фортуна вознесла его на самую высшую ступень карьеры царедворца? Император Александр почти полностью передал ему бразды правления государством. И неудивительно. Увлеченный славой победителя Наполеона, император Александр словно забыл разрушенную Россию и занимался только устройством владений Пруссии, Польши, Франции. Но ведь при императоре Александре постоянно находился граф Аракчеев, который возглавлял канцелярию императора и был непременным докладчиком ему. Все годы войны граф Аракчеев занимался хозяйственными вопросами, снабжением войск на фронте, готовил указ императора, определяющий количество людей, скота и ткани, которые должен выделить каждый помещик для обороны губернии… И таких важных вопросов было очень много.

Граф Румянцев очнулся от воспоминаний, когда вошедший в кабинет дворецкий доложил, что экипаж графа Аракчеева приближается к дворцу.

– Алексей Андреевич, – начал беседу со старинным другом

граф Румянцев, – как вы догадываетесь, много времени я уделяю поискам древних рукописей, которые способны восстановить подлинную Россию с начала ее возникновения. Пишу письма, спрашиваю, консультируюсь, бываю в монастырях, в библиотеках. Вспоминаю, какие книжные богатства таились в главной библиотеке Мюнхена! Например, «Хроника, или Всемирная история от сотворения мира до 1493 года», написанная немецким врачом и гуманистом Гартманом Шеделем, издана в том же, 1493 году в Нюрнберге: 2 тысячи гравюр на дереве с изображением библейских персонажей, портретов исторических деятелей, а также исторических, аллегорических и библейских сцен. Как вы думаете, граф, что я испытывал, листая эту удивительную большеформатную книгу? Непередаваемое чувство зависти к тем, кто написал и издал это вроде бы простое чудо с панорамой Константинополя. Ведь оформлением этой книги занимался и художник Михаэль Вольгемут, учитель великого немецкого художника Альбрехта Дюрера. Не мог не задуматься я – а что в это время делали русские князья и русские люди? Мы, русские, при великом князе Иване III только что, в 1480 году, освободились от татарского ига. И уже в то время я начал собирать книги и документы по истории Древней Руси. Я все время был рядом с императорским троном, даже находясь за границей. И все время искал ответ на вопрос – как возникла Россия. А вот сейчас я в крайнем затруднении, мне трудно понять: что происходит у нас в российской империи? Брожение среди офицеров, победивших непобедимого Наполеона, брожение вокруг Библейского общества, которым увлечен и император Александр, раздоры с православной церковью… Отменят ли крепостное право, как это сделали в Германии и в других государствах, будет ли у нас конституция, как в Польше? Тысячи вопросов возникают, ваше сиятельство, а ответа вразумительного ни от кого не дождешься…

Наступило молчание, которое длилось, может быть, несколько минут. Граф Аракчеев, догадываясь, что этого «вразумительного» ответа ждут от него, ближайшего сотрудника императора, молчал, собираясь с мыслями.

– Как всегда, граф, вы задали мне действительно чудовищно трудный вопрос, на который нелегко ответить человеку, который почти всегда был рядом с императором, начиная с Вильны, где мы с вами много раз беседовали по разным вопросам. Император очень хотел оставаться при армии, но армия этого не хотела. В Москве и Петербурге я тоже был рядом с ним. Я видел, как он был оскорблен, удаляясь от армии, которой командовал князь Кутузов. Я два года был с ним в Европе, я видел, как он радовался

своей победе над Наполеоном, даже тогда, когда союзные войска терпели поражение от Наполеона. Он понимал, что это последние всплески французского гения… Окружающие императора Александра видели его противоречивость, он не любил Кутузова, но сделал его главнокомандующим русской армией, он преклонялся перед Екатериной II и потешался вместе с братом над тем, что престарелая бабушка затаскивала в свою постель 22-летнего Платона Зубова, он любил отца, императора Павла, знал о покушении и не помешал убийству его пьяными аристократами…

– Император Александр с юных пор был слишком влюблен в самого себя, часто смотрел на себя в зеркало и сравнивал себя с теми, что окружали его… – сокрушенно сказал граф Румянцев.

– Вы, ваше сиятельство, имеете в виду великого князя Александра, который действительно имел привычку любоваться самим собой, да и Екатерина II восхищалась его красотой и обаянием, и ее фрейлины, и ее фавориты, послы и посланники…

– А когда он женился на баденской принцессе Луизе, ставшей великой княгиней Елизаветой Алексеевной, ему едва исполнилось 15 лет. Они постоянно развлекались, играли в ребячьи игры.

– Это соответствовало их возрасту. Беда в другом, Николай Петрович, в их малолетстве и в любовной неопытности, они не удовлетворяли друг друга, он не получал удовольствия от любовных утех, а она не знала, что нужно сделать в этом случае. И он вскоре охладел к обаятельной Елизавете… А у нее вскоре появились взрослые любовники – князь Адам Чарторижский и поручик Охотников. В Гатчине, после орудийных залпов и строевой муштры, в нашем кругу часто говорили о великом князе и великой княгине. Один из знатных порученцев малого двора записывал в дневник о самолюбовании великого князя, о так называемом нарциссизме, расцветающем от восторженных похвал, которыми его осыпают со всех сторон: «В течение октября и ноября поведение Александра Павловича не соответствовало моему ожиданию. Он прилепился к детским мелочам, а паче военным и, следуя прежнему, подражал брату, шалил непрестанно с прислужниками в своем кабинете весьма непристойно. Всем таковым непристойностям, сходственным его летам, но не состоянию, была свидетельницею супруга. В рассуждении ее также поведение его высочества было ребяческим: много привязанности, но некоторый род грубости, не соответствующий нежности ее пола». Беда в том, что великий князь не обладает страстным темпераментом, она же романтичная и стыдливая, она не способна ответить на его ласки.

Он слишком влюблен в самого себя. Оставшись наедине с женой, он не знал, о чем с ней говорить, ее достоинства не обольщали его. И он скучал, так что ребяческие игры великого князя можно понять. Так что великий князь не ревновал свою жену, когда за ней начинает ухаживать 24-летний князь Платон Зубов: пресытившись ночными вахтами в покоях ее величества, он с радостью мечтает о прелестях недозрелой женщины. И здесь великий князь Александр остается самим собой: надо бы поставить на место зарвавшегося Платона Зубова, а он беспечно с ним гуляет, понимая, что нельзя рассердить императрицу, которая ничего не знает и сочтет, что без всякой причины дурно обращаются с человеком, удостоенным ее благосклонности. Невероятно трудно держаться середины при дворе, столь злом и коварном, как наш…

– Ваше сиятельство! – воскликнул Румянцев. – У вас словно копилка фактов о великом князе Александре. Вы пишете его биографию?

– Нет, не пишу. Но я постоянно, а это уже больше двух десятков лет, служу императору Александру, знаю его великие и слабые стороны, знаю его характер, знаю его привязанности, его влюбчивость, но чаще всего это обман, женщины готовы с ним пойти до конца, но неожиданно он, так сказать, уплывает из этих объятий, не дойдя до падения, до греха.

– А множество абортов Анны Нарышкиной?

Граф Аракчеев снисходительно улыбнулся, с удивлением качая головой.

– Извините, ваше сиятельство, это у меня сорвалось. Только недавно в Петербурге судачили об этом. Много лет уже прошло после этого, но от людей ничего не скроешь.

Прошло несколько часов увлекательной беседы. Дворецкий уже не раз приглашал хозяина и знатного гостя к ужину, но граф Румянцев отмахивался, а Алексей Андреевич кивал.

После ужина вернулись в кабинет, и разговор между графом Румянцевым и графом Аракчеевым принял совершенно другой характер.

Граф Румянцев своими неожиданными упоминаниями об императоре Александре растревожил душу Алексея Аракчеева. Он бы мог показать графу Румянцеву письма императора Павла Петровича и его наследника великого князя Александра, в которых неизменно подчеркивалось полное доверие к нему за исполнение их указаний. Аракчеев был жестким последователем правления императора Павла, при нем повысилась дисциплина, чувство высокой ответственности, при нем были опалы, но и возвышение его карьеры: император Павел дал ему селение

Грузино и 2 тысячи душ, чин генерал-квартирмейстера и графское звание.

– Признаюсь, граф, я действительно мог бы написать биографию императора Александра, если бы обладал такими достоинствами, как вы. Но, как человек, привыкший к дисциплине, я храню все записки наследника императорского престола, их тридцать две штуки с сентября 1796 по декабрь 1799 года. Потом, через два года, став императором, Александр вызвал меня из Грузина и отовсюду, граф, из Петербурга, из Лейпцига, шли от него конструктивные письма, которые у меня бережно хранятся. Пятьдесят шесть писем и записок император написал мне, пока я был военным министром…

– Уж не говоря о времени Отечественной войны…

– А во время Отечественной войны я заведовал канцелярией императора Александра, все документы, и императорские, и к нему поступающие, письма, жалобы, все, буквально все проходило через меня, уж не говоря о письмах и записках, адресованных лично мне. Всего записок около ста.

– Ваше сиятельство, Алексей Андреевич! Меня удивила резкая перемена в императоре Александре, когда он вернулся в Россию после победы над Наполеоном. Помните, я просил дать мне отставку, несколько раз писал вам, чтобы ускорить решение императора, но дело дошло до того, что я вынужден был без его решения удалиться, передав все дела старшему по должости тайному советнику Вейдемейеру.

– Вы поторопились, ваше сиятельство, в июньском письме 1814 года император лично писал вам, граф, чтобы вы взяли обратно вашу просьбу об отставке и сохранили за собою то место, которое вам назначил император, испытывая к вам уважение и доверие. Он просил вас, по крайней мере, обождать его возвращения в Петербург и тогда решить вопрос, сделать свой выбор – или возобновить прежние отношения, или расстаться с императором, если таково уже ваше непременное намерение. Дипломатическими переговорами занимался сам император, писал письма, встречался лично с королями, вел переговоры с Талейраном, Меттернихом, с английским руководством. Император не мог подобрать на ваше место преемника, он лично стал и министром иностранных дел, никто не мог вас заменить. А в указе императора от 22 августа 1814 года император Александр указал ваши достоинства и свое прискорбие, что вынужден с вами расстаться по вашему, граф, настоянию. Благосклонный к вам император, вспоминая ваши познания и опытность, все еще надеется на вашу помощь в дипломатических делах.

– Алексей Андреевич! То, что вы вспомнили, я хорошо знаю.

Но я спрашивал не об этом. За годы войны и в последующие годы изменился характер императора…

– В светских суетливых суждениях обычно говорят, что я принимаю участие в руководстве империей. Но это не так. Обычно при этом забывают о князе Александре Николаевиче Голицыне, обер-прокуроре Синода, который в то время, когда пала Москва и весь светский Петербург готовился к бегству, опасаясь, что после этого Наполеон пойдет на Петербург, закладывал новый дворец. А это был влиятельный участник управления государством. Император Александр, удивленный этим обстоятельством, вызвал во дворец Голицына и спросил:

«– Александр Николаевич! Все бегут из Петербурга, а ты закладываешь новый дворец! Моя матушка Мария Федоровна пакует вещи, собирается забрать дочерей и уехать из Павловска. Цесаревич Константин Павлович заклинает меня связаться с Наполеоном и заключить с ним мирный договор. Моя сестра Екатерина Павловна пишет мне из Твери: «Занятие Москвы французами переполнило меру отчаяния в умах, недовольство распространено в высшей степени… Вас обвиняют громко в несчастии вашей империи, в разорении общем и частном, словом, в утрате чести страны и Вашей собственной». А ты, князь, возводишь новый дворец. Поползли слухи, что ты изменник и ждешь Наполеона в Петербурге.

– Я понял тебя, ваше величество. Отбросьте нелепые слухи. Дни Наполеона в Москве сочтены, Москва сожжена, там нет продуктов для солдат, пропитания для лошадей. Ты, ваше величество, не читаешь Евангелия, а я читаю Евангелие, и оно открыло мне, что приближается погибель гнусного завоевателя, которого наши казаки и партизаны оставили без продуктов для людей и животных. В Москве начался голод, а это конец армии Наполеона. Твердый ответ мне дало Евангелие. Ты, ваше величество, возьми Евангелие у Елизаветы Алексеевны, начни читать, и перед тобой откроется много истин».

В тот же день император Александр пришел к Елизавете Алексеевне, взял Евангелие на французском языке и начал читать. На его измученную душу чтение Евангелия оказало огромное влияние – пришло успокоение. А через несколько дней Наполеон с армией ушел из Москвы. В тот же день раздался пушечный выстрел из крепости, знаменовавший радостное событие. Но армия Наполеона все еще была сильна, больше 87 тысяч пехоты, больше 14 тысяч кавалерии и больше 530 орудий. Умелыми действиями Кутузов направил армию Наполеона по старой Калужской дороге, а это была мертвая земля. При этом французы везли в обозах награбленное добро. Армия французов

была неповоротлива, неуклюжа, казаки и партизаны громили отдельные отряды французов, и она таяла на глазах. И наш государь поверил князю Голицыну, Евангелие, можно сказать, не выпускал из рук, находя чуть ли не в каждой главе Евангелия подтверждение реальных фактов нашего бытия. Стал чаще разговаривать со священниками, монахами, встречался с теми, кто прослыл пророками. Вот откуда новизна в характере нашего монарха, граф. Вы, Николай Петрович, и Кутузов были против войны за границей России, 16 апреля 1813 года Кутузов после жестокой простуды скончался, император Александр возглавил русско-прусскую армию, первые две битвы, при Люцене и Бауцене, мы проиграли. Потом к коалиции присоединилась Австрия. Англия обещала помогать деньгами. Наш император почувствовал, читая главу за главой Евангелие, в себе силы объединить Европу и уничтожить Наполеона. Но Наполеон уже собрал новую армию, после ряда поражений он начиная с марта 1814 года одерживал одну победу за другой. Военные считают, что сражения в 1814 году Наполеон выигрывал блестяще. Австрия и Пруссия предлагали согласиться на перемирие. Но император не шел на перемирие и обещал идти на Париж. После одной из одержанных побед, под Лейпцигом, император Александр писал князю Голицыну: «Всемогущий Бог дал нам блестящую победу в четырехдневном сражении над пресловутым Наполеоном… Вы догадываетесь о том, что происходит в моем сердце».

– Алексей Андреевич! Вы словно забыли об одном вездесущем дипломате, который вроде бы незаметно вмешался в ход событий. Я читал французскую печать, знаю о сути всех тогдашних событий. В Париже, по документам и слухам, Наполеон после блестящих своих побед решился на перемирие и поручил Талейрану вести эти переговоры с союзниками. Но Талейран отказался, и Наполеон в ярости решил ударить кулаком расчетливого дипломата, но тот увернулся. Наполеон вернулся к армии, а Талейран прислал императору Александру письмо, в котором просил Александра не гоняться за Наполеоном, а сразу идти на Париж. Император так и сделал: 30 марта 1814 года объединенные войска коалиции вошли в столицу Франции, Наполеон помчался выручать Париж, но опоздал. Через несколько дней сенат Парижа низверг Наполеона и вернул к власти Бурбонов. Но я не об этом думал сказать вам, ваше сиятельство, а о том, что в головах молодых офицеров, сражавшихся с Наполеоном и победивших его, все время бродят мысли о свободе людей, о крестьянах, которые находятся в рабстве, вот, к примеру, у моего главного сотрудника Алексея Федоровича Масловского возникла мысль освободить от крепостного права всех участников

Отечественной войны с 1817 года, которые храбро сражались с Наполеоном. Возникали и другие идеи. Ведь император Александр еще с 1803 года мечтал провести реформу с освобождением крестьян.

– Ваше сиятельство, граф Николай Петрович! Когда император Александр вернулся из-за границы в Россию, его не оставляла эта мысль, тем более, что эстляндское дворянство освободило крестьян от рабства, но освободило без земли, крестьяне стали арендовать землю у помещиков. Император вызвал меня и потребовал в строгой секретности подготовить проект освобождения русских крестьян от крепостного права. Естественно, через какое-то время, в феврале 1818 года, я подготовил проект: государство выкупает у дворян, разоренных войной, усадьбы с крестьянами по добровольному на то помещиков согласию. Купленная государством земля обрабатывается освобожденными от крепостной зависимости крестьянами. Император согласился с этим проектом и уехал в Польшу на открытие первого польского сейма. Можете, граф, представить, что творилось в России. Россия была в шоке, все высшее дворянство твердо было убеждено, что завтра будет указ о полном ограблении дворянства. В либеральных кругах дворянства создавались тайные общества, в которых дебатировались статьи об уничтожении императорской семьи. Император отложил мой проект, а работу над конституцией России передал Новосильцеву. И вот минуло четыре года, а все разработки ушли в песок, слишком велико сопротивление дворянства.

Не сразу заснул граф Румянцев, перебирая в памяти события последних лет. И почему граф Аракчеев не вспомнил своих постоянных оппонентов в правительстве и ближайших сотрудников императора Александра князя Александра Голицына и князя Петра Волконского? А как же забыть тех, кто постоянно напоминал императору о Русском библейском обществе, о необходимости его финансировать, о переводах Библии и Священных Писаний, Родиона Александровича Кошелева, Александра Федоровича Лабзина, повлиявших на великого князя и императора Александра, внушив ему мистицизм и некоторые масонские воззрения, идущие от их учителей Сен-Мартена, Сведенборга, Лафатера, повлиявших своими воззрениями на русское масонство? Может, граф Аракчеев и в самом деле думает о том, что он единственный управитель государства Российского, как утверждают многие современники? Вряд ли… А сколько различных священников вовлечены в Русское библейское общество… При этом архимандрит Филарет был членом Библейского комитета, а митрополиты Петербургский Амвросий

и Киевский Серапион – вице-президентами общества. Но были и яростные противники этого общества. Архимандрит Юрьевского монастыря Фотий, друг графа Аракчеева, обвинял Кошелева в том, что он поддерживал тайные общества вольтерианцев, франкмасонов, мартинистов, «треклятое иллюминатство». Князь Голицын, Лабзин, Кошелев и многие другие члены Русского библейского общества, по выражению великого князя Николая Михайловича, были «бельмом в глазу у Фотия в Александровские времена» (*Великий князь Николай Михайлович*. Император Александр I. С. 176).

«Ваше последнее письмо, – писал Александр I князю Голицыну в конце января 1813 года, – где вы мне сообщаете об открытии Библейского общества, меня заинтересовало и тронуло. Да ниспошлет Всевышний благословение на это учреждение; я придаю ему величайшее значение и вполне согласен с вашим взглядом, что Святое Писание заменит пророков. Вообще эта всеобщая тенденция к сближению с Христом Спасителем для меня составляет действительное наслаждение. Можете располагать всеми необходимыми денежными средствами для печатания Библии» (Там же. С. 168). И все последующие письма императора князю Голицыну, Родиону Кошелеву, Александру Лабзину были пронизаны религиозным мистицизмом.

В очень важном письме императора Александра князю А.Н. Голицыну в январе 1821 года еще яснее и четче определились изменения в характере императора:

«Милый друг, уж очень давно я собирался вам написать длинное и подробное письмо в ответ на ваши от 31 декабря, 14 и 19 января. Улучив сегодня свободную минуту, я берусь за перо, обращаясь к Спасителю, чтобы Он наставил меня изложить вам все так, как мне диктует любовь равно к вам и к истине.

Но эта правда, когда я ее чувствую в своей душе, не позволяет мне делать сравнений, потому что сама истина есть частица Божества. Из писем ваших и кошелевских поручений я усматриваю критику той политической системы, коей нынче я придерживаюсь. Не могу я допустить, что это порицание могло у вас появиться после того, как в шесть месяцев принцип разрушения привел к революции в трех странах и грозит распространиться во всей Европе. Ведь нельзя, право, спокойно сего допускать. Едва ли ваше суждение может разойтись с моей точкой зрения, потому что эти принципы разрушения, как враги веры, и что главная цель, ими преследуемая, идет к достижению сего, на что у меня имеются тысячи и тысячи неопровержимых доказательств, которые я могу вам представить. Словом, это результат, на практике примененный, доктрин, проповеданных

Вольтером, Мирабо, Кондорсе и всеми так называемыми энциклопедистами.

А потому ваше порицание может быть объяснено разве только страхом и тревогой, что борьба, нами предпринятая, не будет иметь успеха. Но когда внутренний голос нам подсказывает, что это творение врага, то опасение за разрешение игры со злом неуместно. Но есть ли это долг христианина – бороться против врага и его дьявольского творения всеми теми средствами, которые даны нам Божьим Промыслом?

Беспокойство неудачи не должно волновать нас. Тут-то и появится вера в Божественную помощь. Не писал ли мне неоднократно Кошелев в течение 1812, 1813 и 1814 годов, что надо мне бороться до конца?! Теперь мы находимся приблизительно в таком же положении, а я вам говорю, что еще в более опасном, потому что тогда борьба велась против разрушительного деспотизма Наполеона, а настоящие доктрины куда более могуче действуют на толпу, чем то военное иго, которым он держал ее в руках…» Далее император перечисляет захватнические устремления Австрии, ее желание получить земли в Италии, отмечает высокую религиозность короля Прусского и императора Австрийского. Александр I так заканчивает свое затянувшееся письмо князю Голицыну:

«Вы говорите, что Кошелев видит отсутствие гармонии в сообществе! Откуда он это взял? Никто более меня не желает такой гармонии и не молился так усердно, чтобы добиться оной. Я уверяю вас, что я всегда делал все для сохранения этой гармонии, кроме того, что внутреннее чувство мне запрещало. Повторяю, не от меня зависит побороть влечение сердца, а когда оно заговорит, то нет человеческой силы, чтобы меня переубедить против моего внутреннего влечения.

Но, чтобы вернуться к Родиону Александровичу, в чем же видит Кошелев нарушение этой гармонии? Может быть, он это высказал по поводу г-жи Буш? Ведь это единственный пункт нашего с ним разлада. Ну и что же, верный принцип истины, когда я пишу, я убежден, что в проповедях г-жи Буш много человеческого, вы это знаете из наших разговоров, моя душа глубоко это осознает. Разве я хочу изменить такого рода взгляд? Очевидно, нет…» (Там же. С. 217–225).

Великий князь Николай Михайлович подчеркивал, что в словах императора отмечается какой-то «психоз», в котором передан «какой-то общий сумбур разума и мыслей».

«Поражает еще нервное отношение, – писал Николай Михайлович, – к критике его действий в области внешней политики, которую позволили себе его духовные собратья,

Голицын и Кошелев, всегда смело и откровенно говорившие ему обо всем том, что соприкасалось с религиозными темами. Надо сознаться, что защита своего образа действий не вполне удалась Александру Павловичу и заметны явные признаки передержки в его оправдательных аргументах» (Там же. С. 225–226).

Но самым ужасным известием для императора Александра было известие о трагедии Семеновского полка. Почти как всегда в последнее время, император Александр принимал участие в работе Священного союза. В Испании, Италии, Германии монархии пытались укреплять свое положение, а молодые люди, вкусившие чувство свободы, создавали тайные общества и в своих воззваниях провозглашали подорвать основы королевской власти. Герцог Меттерних и император Александр стремились к укреплению Священного союза. А молодые офицеры, пытаясь растолковать самим себе собственные противоречия, начали вступать в разнообразные клубы и общества. «Только человек, живущий в России, может понять, как трудно выразить свое мнение в русском обществе, – писал Николай Тургенев, вспоминая то время. – Чтобы говорить свободно и без страха, надо не только замкнуться в тесном кругу; надо уметь выбрать тех людей, которые в него входят. Только при таких условиях можно искренне обмениваться суждениями. Таким образом, для нас было невыразимое очарование в том, чтобы искренне говорить на наших собраниях, не боясь, что тебя не поймут или неверно истолкуют» (*Пыпин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1918).

28 октября 1820 года Александр I получил известие, что Семеновский гвардейский полк, которого он много лет был шефом, взбунтовался, поднял что-то вроде мятежа. Ни князь Петр Волконский, ни Васильчиков, ни Закревский не убедили императора в том, что виновато во всем начальство, сменившее командира полка. Император Александр тут же написал графу Аракчееву письмо, в котором ему удалось передать свое настроение: «Вы легко можете представить, какие печальные чувства зародились во мне. Это, можно сказать, неслыханный инцидент в нашей жизни. Еще печальнее, что это произошло в гвардии, и лично для меня горше всего, что это случилось в Семеновском полку. Если говорить искренне, то я скажу вам, что никто на свете не убедит меня (хотя люди это говорят), что все это было задумано солдатами или что это произошло исключительно в результате жестокого обращения с ними полковника Шварца. Он всегда был известен как хороший справедливый офицер и успешно командовал полком. Почему он вдруг стал варваром? На мой взгляд, здесь существуют другие

причины. Я не думаю, что зачинщик мог быть военным, потому что военные учения заставили бы этих солдат взяться за оружие, чего никто из них не сделал. Ни одна шпага не была обнажена. Все офицеры предпочли нарушить субординацию, но безуспешно. Из этого я заключаю, что было влияние извне. Возникает вопрос: откуда? Трудно сказать. Я думаю, виною тому тайные общества, которые крайне раздражены… нашим союзом и деятельностью в Троппау. Может показаться, что цель мятежа – напугать нас. Если принять в расчет еще и то, что был выбран день, когда императрица вернулась в город, станет ясно, что в их намерения входило напугать ее и таким образом вынудить меня отказаться от работы в Троппау и быстро вернуться в Санкт-Петербург. Но Богу было угодно, чтобы мы предотвратили это и задушили зло в зародыше» (*Дженкинс*. С. 188–189). Граф Аракчеев тут же ответил императору: «Я узнал эти вести в Грузине, и первые мои мысли были о вашем величестве и о том, какое огромное потрясение вы пережили из-за этих событий. Я полностью согласен с вами, что сами солдаты меньше всего виноваты и что здесь поработал некто, имевший тайные мотивы. Но кто и как? Для всеобщего блага нам необходимо раскрыть истинную природу этого дела. Я могу ошибиться, но я предполагаю, что это был эксперимент, и мы должны быть бдительны и позаботиться, чтобы подобные события не повторились» (*Шильдер*. Т. 4).

Семеновский гвардейский полк расформировали, полковника Шварца уволили, мятежники были высечены. Весной 1821 года император Александр вернулся в Петербург, но душа его по-прежнему находилась в сомнениях и противоречиях…

Утром следующего дня, 18 сентября 1823 года, после завтрака граф Румянцев сообщил графу Аракчееву, что коляски готовы к тому, чтобы прогуляться по городу и полюбоваться новыми зданиями, которые построил здесь граф Румянцев.

– Ваше сиятельство, граф Алексей Андреевич, – усевшись в коляску, торжественно произнес Николай Петрович, – вы находитесь в городе, где первые поселения появились в незапамятное время, когда люди не знали письменности, а в середине XII века, примерно в 1142 году, здесь жили первые охотники или звероловы, так что городу Гомелю уже больше семи-восьми веков.

Лошади, понукаемые опытными кучерами, тронулись в путь. По знаку Румянцева коляски остановились, и граф Румянцев пересел в коляску графа Аракчеева.

– Трудно говорить при таком шуме колес, ваше сиятельство. А мы как раз подъезжаем к возвышенности, к холму, с которого

видно слияние рек Сожа и Ипути. Это одно из самых красивых и выгодных для поселения мест, откуда, в сущности, и начиналось поселение. Мы не знаем, граф, какие племена заселяли эту возвышенность, они сменялись друг за другом, пока славянское племя радимичей не закрепилось на берегах Сожа. Это был Гомий, прародитель нынешнего Гомеля.

Город переходил из рук в руки. 230-летнее литовско-польское владычество закончилось в 1772 году, когда императрица Екатерина присоединила Белоруссию к Российской империи, а вместе с этим и Гомель стал уездным городом Рогачевской провинции. Князья Чарторижские сбежали в 1772 году при первом же разделе Польши. А после войны и Кючук-Кайнарджийского мира, заключенного моим отцом, фельдмаршалом Румянцевым, Екатерина II пожаловала отцу «для увеселения его деревни в 5000 душ в Белоруссии». Когда я сюда впервые приехал после смерти отца, то Гомель застал преимущественно соломенным, только отец воздвиг в крепости каменный дворец, а так каменных строений в городе почти не было. Сейчас почти половина города каменных зданий. Мы поедем по улицам города, вы убедитесь, ваше сиятельство, в правде моих слов.

Прогулка продолжалась, затем хозяин указал почетному гостю на прекрасное величественное здание соборной церкви.

– Было время, когда поляки уничтожили в Гомеле все православные храмы. Эта соборная церковь имени Святых Петра и Павла построена в 1819 году, отличается, при всей пестроте линий, величавостью общего замысла. Видите, ваше сиятельство, четыре портика с дорическими колоннами, а внутри такие же колонны образуют иконостас. В правом крыле ее придел во имя святого Николая Чудотворца, а в левом приделе за решеткой намечена и моя могила, пора и об этом подумать, граф Аракчеев.

Граф Румянцев и граф Аракчеев были уже в храме и любовались изумительным декором потолка и боковых стен.

– Несколько лет тому назад я заказал итальянскому скульптору Канове четырехсторонний пьедестал, отделанный черным мрамором, а на нем бюст из меди министра иностранных дел Российской империи Николая Петровича Румянцева, только что заключившего Фридрихсгамский мир со шведами в 1809 году, а перед этим, в 1743 году, мой дед, Александр Иванович Румянцев, заключил Абоский мир, а потом мой отец, фельдмаршал Петр Александрович Румянцев, заключил Кючук-Кайнарджийский мир в 1774 году. А подле постамента я мечтаю поставить бронзовую скульптуру, изображающую богиню мира с масличною ветвью и жезлом в руках, ногами она попирает змея,

изображающего злобу врагов. Об этом, ваше сиятельство, я написал в завещании, которое передал брату графу Сергею Петровичу Румянцеву. Богиня мира олицетворяет служивый род Румянцевых, недаром весь XVIII век называют веком румянцевским.

После обеда граф Аракчеев отбыл из поместья Румянцевых.

Историки и биографы оставили в памяти читателей фразу: «Гостивший у Румянцева знаменитый Аракчеев также восхищался красотою и благоустройством Гомеля» (*Виноградов Л.* Гомель. М., 1900. С. 46).

Часть одиннадцатая
Последние годы

«Наступали последние годы царствования императора Александра, – писал Пыпин, подводя итоги этого царствования, – печальные годы, в которые должны были мало-помалу разрушиться все надежды, какие возникали и от начала царствования, и от времен национальных войн, и могли уцелеть. Теперь уже едва кто ожидал благотворных реформ, едва ли кто надеялся на исправление здания. Очевидно становилось, что старые порядки возрождаются с прежней силой, не опасаясь более никаких либеральных нововведений. Император Александр не выдержал тех принципов, в которые некогда верил. Мистический пиэтизм проложил в его уме дорогу к совершенной реакции; он стал считать своим долгом поддерживать патриархальный абсолютизм и защищать от воображаемых опасностей алтари и престолы. Все дурные стороны прошедшего, олицетворившиеся в Аракчееве, поддерживали в нем известный эгоизм власти, который должен был окончательно подавить прежние лучшие намерения; вместе с тем он наскучил правлением, которое, при всем могуществе власти, было бессильно против беспорядка, злоупотреблений и произвола, своими размерами напоминавших давно прошедшие времена. Нет сомнения, что Александр сам страдал от того противоречия, в которое его все больше и больше увлекали бессилие воли и недостаток внимания к действительному положению вещей» (*Пыпин А.Н.* Исследования и статьи по эпохе Александра I. Т. 1 Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916).

1 августа 1822 года Александр I, отбывая на конгресс в Верону, подписал рескрипт, направленный министру внутренних дел князю Кочубею: «Все тайные общества, под каким бы наименованием они ни существовали, как то: масонских лож или другими, закрыть и учреждения их не дозволять, а всех членов сих обществ обязать подписками, что они впредь ни под каким видом, ни масонских, ни других тайных обществ, ни внутри империи, ни вне ее составлять не будут».

Граф Аракчеев почувствовал, что его мнение относительно Библейского общества и князя Голицына побеждает. У графа Аракчеева была целая команда, которая чуть ли не ежедневно приводила примеры разрушительного действия Библейского общества против православия и православных храмов.

Граф Аракчеев, получив от императора Александра полную

доверенность на управление страной, не имел полного удовлетворения, что-то очень существенное оставалось в руках князя Александра Голицына и его партии. Именно эта двупартийность управления государством и не удовлетворяла графа Аракчеева. Князь Голицын мог запретить выход любой книги, любого издания. Цензура и многое другое было в его руках.

И новый митрополит Петербурга Серафим и архимандрит Фотий не раз упрекали графа Аракчеева за своевольство князя Голицына, нарушавшего Священное Писание, хотя он и числился его блюстителем, министром духовных дел и народного просвещения. Историки и биографы, описывая этот конфликт, подчеркивали, что архимандрит Фотий резко выделялся среди высшего духовенства борцовским темпераментом и бескомпромиссностью, особенно в борьбе с сексуальными демонами. Несколько лет он боролся с членами Библейского общества, с резкой проповедью выступал в Казанском соборе, за что последовало его изгнание из Петербурга.

Давление на митрополита Серафима, графа Аракчеева, всей оппозиции было настолько велико, что митрополит в Синоде в присутствии императора, произнося огненную речь против Библейского общества и князя Голицына, снял свою рясу и положил ее к ногам императора, заявив, что не возьмет ее обратно, пока князь Голицын останется на своем посту.

Император Александр растерялся от неожиданного поворота событий, но вышедшую книгу Госнера Иоанна-Евангелиста «Дух жизни и учение Иисуса Христа в рассмотрении и комментариях Нового Завета», в которой содержались атеистические идеи, передал в Комитет министров, а Комитет министров передал ее на рассмотрение А. Шишкову и В.С. Ланскому, которые не замедлили поддержать митрополита Серафима в осуждении книги модного проповедника.

15 мая 1824 года появился рескрипт, в котором говорилось об отставке князя Александра Голицына и о назначении министром народного просвещения А. Шишкова. А попытка со стороны Фотия запретить Библейское общество оказалась неудачной. Император Александр остался доволен исходом битвы митрополита Серафима и архимандрита Фотия против князя Голицына, которая закончилась победой священников и отставкой князя Голицына с очень важного министерского поста.

Новость о победе графа Аракчеева над князем Голицыным дошла и до графа Румянцева в один из последних его приездов в столицу. Но граф Румянцев слышал и другие разговоры – император Александр, по воспоминаниям Меттерниха и других

участников политической жизни Европы, испытал «утомление жизнью».

Императору постоянно докладывали, что европейская язва коснулась и просвещеннейших дворян, то и дело возникают общества, в которых часто слышатся крамольные призывы против императора и диктаторского управления страной, порой раздаются голоса о республике, о свободе печати и свободе человека. Но ведь чуть больше двадцати лет тому назад он сам думал о свободе человека, о своей неспособности управлять самодержавно и желании отказаться от императорской власти. И что же – он должен арестовать этих протестантов? Но они думают так же, как и он двадцать лет тому назад…

Вторую половину 1824 и первую половину 1825 года Николай Петрович прожил в Гомеле, всецело погруженный в повседневную работу над 4-м томом своего любимого издания «Собрания государственных грамот и договоров».

Отовсюду в Гомель приходили письма, пакеты с рукописями, журналы из Москвы и Петербурга. Как-то еще в Петербурге, 3 июня 1824 года, граф Румянцев, вчитываясь в одну из старых рукописей, содержащую указ царя и великого князя Федора Алексеевича, наткнулся в конце указа на собственноручную подпись покойного его деда. Разве не стоит ему этим заняться? И решил: приедет в Москву и поговорит со сведущими людьми об этом документе. А разве просьба митрополита Евгения, который заинтересовался списком Кенигсбергских грамот, не интересна для румянцевской группы? Он попросил сделать копию этого списка и послать ему в Киев. Нужно и заказать, и послать. Кто, кроме него, может это сделать? Вот еще что. Прислал аббат Добровский славное свое сочинение о Кирилле и Мефодии на немецком языке. А кто переведет его на русский язык? А разве не могла не порадовать графа весьма древняя рукопись, которую купил за умеренную цену и прислал в Гомель Калайдович? А прелюбопытная рукопись из Боровска? Ведь, казалось, Румянцев со Строевым тщательно обследовали Боровск, а проглядели… Перелистывая страницы «Вестника Европы», Румянцев обратил внимание на историческую статью Арцыбашева о времени Изяслава II, где тот впервые ссылается на Киевскую летопись. Что он под сим разумеет? Не Волынского ли летописца? В том же «Вестнике Европы» заговорили об одной найденной азиатской вещи близ Дона, и академик Френ, и М. Каченовский высказали свои предположения. Недавно Румянцев с большим интересом прочитал статью Г.А. Буткова о Кипчакской орде, или о монголах. Он много знает, что редко можно сказать о большей части русских писателей. Кто он таков, занят службою или нет, что он

еще написал? Придется опять просить господина Малиновского узнать подробности биографии этого Буткова. И сколько таких неожиданных вопросов возникает чуть ли не каждый день…

Граф Румянцев в полной уверенности, что он доведет 4-й том «Собрания государственных грамот» до публикации, продолжает думать о привлечении к творческой работе новых людей. Первые же статьи молодого ученого Погодина остановили его внимание. 13 января 1825 года он пишет Малиновскому: «Свидельствуйте, пожалуйте, мой поклон г. Погодину и отдайте ему от меня приложенную здесь выписку из ответа, полученного мною от г. Востокова, которому я поручил сличить с подлинником перевод его о Кирилле и Мефодие. Я точно прочу себе этого молодого человека, и когда у меня бродит в мыслях намерение употребить его дарования и большия познания за границею. И для этого мне заблаговременно нужно знать, женат ли он или холост, свободно ли говорит по-французски и по-немецки, имеет ли хотя малый навык в итальянском языке; также какое он по службе занимает место и получает жалованье, и сверх того, сколько трудами своими в Москве, то есть за уроки, в год собрать может. Я еще далеко от того отстаю, чтобы иметь возможность исполнить предполагаемую мною мысль; но для чего же мне не собрать и заблаговременно таковыя о г. Погодине сведения? Однако, прошу Ваше Превосходительство собрать их, как будто от себя и не объявляя ни г. Погодину, ни другому кому, что к Вам теперь о нем пишу» (Там же. С. 307).

В начале лета 1825 года граф Румянцев прочитал восемь листов 4-го тома «Собрания государственных грамот» и выразил одобрение избранному составу.

Вернувшись в Петербург, граф Румянцев 18 августа 1825 года сообщает Малиновскому: «Позвольте мне, Милостивый Государь мой, похвалиться пред Вами, как пред другом, тем, что Государь, во всемилостивейшем ко мне внимании, сведав о прибытии моем в С.-Петербург, изволил ко мне прислать, приветствуя меня с тем и милостиво наведываясь о состоянии здравия моего» (Там же. С. 329).

5 декабря 1825 года граф Румянцев отправляет Малиновскому одно из последних писем: «В постели лежа пятый день от страшнаго убоя, единственно от того, что без помощи хотев со стула встать и только выпрямиться, упал на пол, и так зашибся больно, что люди меня с трудом могли поднять и донести, а не довести до постели. Первый день страдание было непомерное, но с тех пор уменьшается оно и облегчение получил я великое; однако продолжаю страдать от бессонницы. В таковых неблагоприятных обстоятельствах получаю я письмо Вашего

Превосходительства и при нем окончательные листы Кирилла и Мефодия. Мне очень жаль, что еще не имею возможности их порядочно рассмотреть. Но уверен будучи, что труд сей заслужил от Вашего Превосходительства одобрение, без сомнения и меня порадует: и для того прошу Вас, Милостивый Государь мой, сказать г. Погодину за то мою благодарность. Что же касается до раздачи нескольких экземпляров в Москве, то прошу покорно поступить по примеру раздачи экземпляров Экзарха Болгарскаго и также ко мне пожаловать – прислать то же число оных, которое мне тогда прислано и из них та же часть в переплете в корешке. Да пожалуйте, припомните мне, какое я обещался г. Погодину сделать денежное вознаграждение, опричь того числа экземпляров, которые по тому же условию ему принадлежат, и прошу Вас, милостивый государь мой, их тотчас ему вручить… Письмо и книга г. Погодина равно до меня дошли; трудом г. Погодина я буду хвалиться пред Преосвященным митрополитом Евгением» (Там же. С. 334).

Последняя просьба государственного канцлера графа Румянцева была удовлетворена в самом конце его жизни: молодой человек г. Городской, за которого очень хлопотал граф Румянцев, был зачислен «в ведомство Коллегии с причислением к Московскому архиву» (Там же. С. 335).

3 января 1826 года граф Николай Петрович Румянцев скончался.

888

О заслугах графа Николая Петровича Румянцева, государственного канцлера и общественного деятеля, писали многие придворные, академики, ученые, писатели, библиотекари и общественные деятели. Достаточно посмотреть «Русский библиографический словарь» под редакцией А.А. Половцова (1913. Т. 16), чтобы убедиться в этом. К различным памятным датам профессора и преподаватели читали лекции о вкладе Н.П. Румянцева в науку и просвещение.

Профессор А. Ивановский читал лекции о государственном канцлере Румянцеве в Москве, Петербурге, Воронеже и Киеве, из лекций сложился биографический очерк «Государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев» (СПб., 1871), в котором автор подробнейшим образом рассказал о многогранной личности и деятельности графа Н.П. Румянцева, в частности, опубликовал интереснейшую переписку графа с зарубежными коллегами.

Примером могут служить два письма, о которых сообщает профессор А. Ивановский:

«По поручению Румянцева Вук Стефанович Караджич описывал сербские грамоты, сообщал ему сведения о памятниках сербской литературы, отвечал на предложенные ему вопросы о том, известны ли сербам разные лица и имена народов, упоминаемых в русских летописях, также разные древние слова в них встречающиеся, и какие есть у сербов святые, не помещенные в русских месяцесловах.

Профессор библиографии и библиотекарь Краковского университета Самуил Бандтке, которого «История Польского Королевства» переведена на русский язык, 1 декабря 1818 года из Кракова пишет графу Румянцеву письмо, адресуя его к нему, как *знаменитейшему и просвещеннейшему мужу*: «Удостойте, сиятельный граф, вы, который составляете украшение русского народа, славнейшего между племенами славянскими, удостойте принять мои труды со свойственным вам снисхождением. Вместе с сим позвольте мне, надеясь на вашу благосклонность, донести здесь вашему сиятельству о таком предмете, который относится к ученым изысканиям в рассуждении славян, а следовательно и русских».

Книга, на которую Бандтке обращал внимание графа, – это было его же сочинение: «История Краковской типографии», в которой упоминается о славянской книге кирилловской печати «Осьмигласник св. Иоанна Дамаскина», напечатанной в 1401 году в Кракове Свебольдом Фиолем и хранившейся в Бреслау в общественной Ридигеровой библиотеке.

«Правда, – писал Бандтке, – узнал из журнала Бакмейстера и из ученой переписки Иосифа Добровского, что краковский псалтырь или часослов куплен был гр. Толстым, но признаюсь, подлинное и полное заглавие этой книги мне стало известным только из благосклонного отзыва вашего сиятельства» (*Ивановский*. С. 49–50).

Своими заветными мыслями граф Румянцев делился чаще всего с митрополитом Евгением: «Давно питаю мысль важную, которая приготовила бы для будущего полного сочинения российской истории все нужные элементы; я бы желал составить общество писцев, которым бы одна особа читала постепенно все печатные русские летописи, а каждый бы из них обложен будучи особым трудом, вносил бы в свою тетрадку выписку того только, что к его труду принадлежит, например: *один* занимался бы извлением из летописцев всех без изъятия упоминаемых лиц; *другой* всех географических упоминаний областей, градов, сел, гор, рек и урочищ, дабы можно было из сих двух статей составить

два лексикона; *третий* бы в свою тетрадь единственно вписывал бы все обстоятельства, касающиеся до порабощения нашего татарам, с упоминанием всех татарских лиц без изъятия; *четвертый* в свою тетрадь вносил бы выписку всех статистических статей, т. е. известий о налогах, о доходах, о монетах, о разных ценах на хлеб и иных припасах, одним словом – все, что принадлежит государственному и личному хозяйству и так далее. Таковыя полные выписки из всех летописцев, окончательно будучи приведены в согласный хронологический порядок и напечатаны особо, много бы облегчили труд будущих писателей российской истории или исследователей некоторых только ея древностей» (Там же. С. 61).

В круг интересов графа Румянцева попала книга немецкого ученого Гольмана «Рустрингия», перевести ее на русский язык Румянцев поручил И.М. Снегиреву. И в связи с этой книгой высказал преосвященному Евгению одну из замечательных мыслей: «Вы, может быть, вспомнить изволите, что в очень давнем с вами личном разговоре я показывал иметь (т. е. высказал. – *В. П.*) особенное заключение о начатках России; взгляните на прилагаемую здесь тетрадку о Рустрингии и в ней найдете, что мою тайну высказывает один профессор. Я точно уверен, что Рюрик, основатель России, есть варяг, племянник того Гаральда, которого крестил и его с ним вместе в Ингельгейме близ Майнца император Лудовик, которого мы так неправильно называем благочастивым, вместо Le Debonnaire. Вы, конечно, вспомнить изволите, что западные хроники, повествуя сие обстоятельство, утверждают, что при крещении сим варягам император пожаловал во владение часть Фризии, называемой Рустрия, что нынешний Евер.

Оттоль такое подробное и почти буквальное сходство «Русской Правды» с фризскими того времени законами. Оттоль столь много саксонского языка слов в языке нашем и понятными становятся столь многие браки наших самых древних великих князей, соплетающие их с западною империею и с французским королевством, где действовали варяги. Рюрик не росс, но владетель их и как пишет Нестор, *поя себе всю Русь перевел ее из Германской Империи к нам прежде на Ильмень*; но выжитыя оттуда республиканским духом новгородцев, сии военные промышленники поселились по ту сторону Днепра на его берегах, и та-то земля во всех наших древних летописях особенно почитается русью и даже именуется просто *русская*. Из Новгорода, когда архиерей идет ставится в Киев к митрополиту, куда сказано, что пошел – пошел на Русь. Князья по сю сторону Днепра, владеющие знатными уделами, жалуются, что в России

«не дано им ни лоскутка» (Там же. С. 41–42).

Современникам графа Николая Петровича Румянцева было трудно осознать, зачем столь богатый вельможа собирает «обрывки пергаментных переплетов и разных характерных листков, которых слова мало кому понятны. Но именно эти самые листки и клочки увековечили имя Румянцева, и кто из его современников, сановных бояр, мог подумать, что из клочков древних рукописей он составил величественное здание, которое просветит отечественную историю и составит несокрушимый памятник его имени» (Там же. С. 41–42).

Граф Румянцев олицетворял собой ту притягательную силу, к которой устремлялись ученые, писатели, собиратели российских ценностей, любители старины, такие как М.П. Погодин, граф Федор Толстой, В.В. Ундольский, А.Н. Неустроев, Н.М. Карамзин, уж не говоря о тех, кто каждодневно занимался сбором старинных рукописей в Московском архиве. В каких только европейских архивах не было письма графа Румянцева с неизменным вопросом: нет ли каких сведений о России, о ее происхождении, о русских и их становлении как нации? Имя графа Румянцева было настолько весомо, что открывало малейшие закоулки любого архива.

По просьбе графа Румянцева русский посол граф С.Р. Воронцов попросил английское правительство снять копии с древних актов посольского архива, в которых есть данные о сношениях России и Англии. Появились документы о времени царя Ивана Васильевича и его преемников, хранящиеся в библиотеке британского музея.

В Венской императорской библиотеке по поручению графа Румянцева были отысканы 114 рукописей, в которых говорится о взаимоотношениях России, Польши и Литвы в XV столетии. Из архивов парижских, лондонских, берлинских, римских, флорентийских, венских, кенигсбергских были присланы необходимые копии.

Граф Румянцев сотрудничал с известными специалистами чуть ли не всего мира. Вот лишь несколько имен выдающихся ученых: Лерберг, Круг, Френ, Аделунг, Эверс, Энгельгард, Моргенштерн, Унгерштерн, Шульц, Штрандиман, Гаммер…

«Давно уже я старался, но без успеха, сблизиться коротким знакомством с г. Востоковым, – писал граф Румянцев преосвященному Евгению, – он… очень страждет с незнакомыми людьми, но дал мне обещание сделать для меня из манускриптов бывшей Залусского библиотеки извлечение грамот наших великих князей, коих мы не имеем…» (Там же. С. 57).

Получилось сблизиться не только с Востоковым, но и

сродниться со всей русской культурой, став ее неотъемлемой частью.

Библиография

Молчанов В.Ф. Государственный канцлер Н.П. Румянцев. М.: Пашков дом, 2004.

Рассолов М.М. Канцлер Румянцев-Гомельский: Исторический роман. М., 2006.

Лопатников В.А. Канцлер Румянцев. Время и служение. М.: ЖЗЛ. 2010.

Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII – XXI вв. Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 2007).

Лопатников В.А. Политическая судьба канцлера Н.П. Румянцева // Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII – XXI вв. СПб., 2007. С. 21–45.

Лопатников В.А. Забытые страницы выдающейся судьбы. СПб., 2007. С. 46–62.

Соловьева Т.А. Классический «треугольник» (Страницы личной жизни Н.П. Румянцева). СПб., 2007. С. 33–45.

Соловьева Т.А. Румянцевский особняк в Санкт-Петербурге. СПб., 2002.

Сараскина Л.И. Граф Н.П. Румянцев и его время. М.: Наш дом, 2003.

Кочубинский А.А. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцов. Начальные годы русскаго славяноведения. Одесса, 1887–1888.

Переписка государственнаго канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными. С предисловием, примечаниями и указателем Е.В. Барсова. Ко дню пятидесятилетняго юбилея румянцевскаго музея. М., 1882.

Переписка митрополита киевскаго Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцовым и с некоторыми другими современниками. С 1813 по 1825 г. включительно. Вып. 1–3. Воронеж, 1868–1870.

Письма Гр. Н.П. Румянцова к В.Н. Берху. СПб., 1876.

Францев В.А. Из переписки Гр. Н.П. Румянцева. Варшава, 1909.

Чечулин Н.Д. Из переписки канцлера графа Н.П. Румянцова. СПб., 1893.

Собрания графа Николая Петровича Румянцева. М., 1913.

Николай Петрович Румянцев. Жизнь и деятельность (1754–1826). Биобиблиографический указатель книг, статей из сборников, журналов, газет на русском языке. М.: Пашков дом, 2001.

Русский библиографический словарь под редакцией А.А.

Половцева. СПб., 1903–1918.

Старчевский А.В. О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1846. Т. 49. Отд. V.

Бушков А. Русская Америка. Слава и позор. М., 2009.

Лефорт А.А. История царствования государыни императрицы Екатерины II. М., 1837.

Брикнер А.Г. История Екатерины II. СПб., 1885. Т. 1–2.

Бильбасов В.А. История Екатерины II. Берлин. 1900. Т. 1–2.

Карамзин Н. Записка о древней и новой России. М., 1991.

Валишевский К. Вокруг трона. М., 1909, 2004.

Валишевский К. Роман одной императрицы. М., 1989.

Ключевский В.О. Сочинения. М., 1958. Т. 5.

Каменский А.Б. «Под сению императрицы…» Вторая половина XVIII в. СПб., 1992.

Стегний П.В. Хроники времен Екатерины II. М., 2001.

Труайя А. Екатерина Великая. М., 1997.

Павленко Н.И. Екатерина Великая. М.: ЖЗЛ, 1999.

Раундинг В. Екатерина Великая. Перевод с английского. М., 2009.

Каррер Д'Анкосс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. Перевод с французского. М., 2010.

Елисеева О. Екатерина Великая. М.: ЖЗЛ, 2010.

Лопатин В.С. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791. М.: Наука, 1997.

Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. М., 1992.

Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995.

Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. М., 2004.

Экштут С.А. На службе российскому левиафану. М., 1998.

Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 1—12.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 23–28 // Сочинения. М., 1993–1994. Кн. XII – XIV.

Генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский, пред последнею Турецкою войною. Начертание благодарного очевидца Н. Лесницкаго, бывшаго его питомца и секретаря // Отечественные записки. 1825. Т. 24. № 66.

Румянцев П.А. Документы. Т. 3. 1775–1796. М.: Воениздат, 1959.

Дубровин Н. Присоединение Крыма к России: Сборник документов. СПб., 1885. Т. 1–2.

Сакович П.М. Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайскаго и его сотрудников: князя Прозоровского,

Суворова и Бринка, в 1775 по 1780 год // Русская беседа. М., 1858. № 2, 3 (книга десятая, книга одиннадцатая).

Пикуль В. Фаворит: Роман-хроника времен Екатерины II: В 2 т. Рига, 1985.

Письма графини Е.М. Румянцевой к ея мужу фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву-Задунайскому. 1762–1779. Издал граф Д.А. Толстой. СПб., 1888.

Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793. По подлинной его рукописи, с биографическою статьею и объяснительным указателем Николая Барсукова. СПб., 1874.

Бильбасов В.А. Исторические монографии. Т. 4. Никита Иванович Панин и Мерсье де Ла-Ривьер. СПб., 1901.

Каратов Ф.В. Павел I: Его семейная жизнь, фавориты и убийство. Лондон, 1903.

Брикнер А.Г. История Павла I. М., 2004.

Брикнер А.Г. Смерть Павла I. СПб., 1907.

Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907.

Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. СПб., 1907.

Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I: Портреты, воспоминания и анекдоты. М., 1912.

Давыдов С. Император Павел I. М., 1912.

Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: Из истории русской дипломатии XVIII в. М., 1989.

Екатерина II. Письма Н.И. Панину // ЧОИДР (Чтения общ-ва истории и древностей российских при Моск. Университете). 1863. Кн. 3.

Моран П. Павел I до восшествия на престол. 1754–1796. СПб., 1912.

Павел Петрович: Великий князь. Император / Под общ. ред. Н.С. Третьякова. Павловск, СПб., 2001.

Валишевский К.Ф. Сын великой Екатерины: император Павел I, его жизнь, царствование и смерть. 1754–1801: По новым, большей частью неизданным документам. СПб., 1914.

Шумигорский Е.С. Императрица Мария Федоровна. 1759–1828 гг. М., 1890.

Императрица Мария Федоровна / Сост. Р.Р. Гафифуллин. Павловск; СПб., 2000.

Дворцы Русского музея: Сборник статей. СПб., 1999.

Материалы науч. конф. «Випперовские чтения – 1994». М., 1995. Вып. 27.

Зорин А.Н. «Кормя Двуглавого орла…» Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой

трети XIX века. М., 2001.

Сын Отечества. 1843. № 6.

Русская старина. 1882. Т. 36 (Павел Петрович во Франции).

Среди книг. М., 1989. С. 152–172. (Маркушевич А.К. Гр. Северный и Троян).

Вестник Европы. 1867. № 3.

Энтони Э. Павел I. Не злословь царя / Пер. с англ. Т. Печурко. Сост. Ю. Козлов. М., 2002.

Данилова А. Пять принцесс: дочери Павла I. М., 2007.

Боханов А.Н. Павел I. М., 2010.

Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 44. Письма барона Гримма к императрице Екатерине II.

Русский Архив. 1870. № 1. Письма А.Б. Куракина…

Русский Архив. М., 1870. С. 842. Автобиография гр. С.П. Румянцева.

Ермакова С.О. Царское Село. Павловск. М., 2005.

Державин Г.Р. Записки. М., 2000.

Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866.

Русские мемуары. Изб. страницы. XVIII век. М., 1988.

Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1996. Кн. 17.

Гузанов А.Н. Великий князь Павел Петрович и заграничное путешествие. М., 2001.

Понятовский С. Мемуары. М., 1995.

Тургенев А.И. Российский двор в XVIII веке…

Артамонов С.Д. Вольтер и его век. М., 1980.

Ермакова С.О. Царское Село и Павловск. М., 2005.

Бобринский А.А. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской империи. СПб. Ч. II.

Майков П.М. Румянцева Екатерина Михайловна // Русский биографический словарь. Пг., 1918. Т. 17.

Майков П.М. Письма А.А. Безбородко к графу П.А. Румянцеву. СПб., 1900. Письма сестер М. и К. Вильмонт из России. М., 1987.

Шепелев Л.Е. Чиновничий мир в России XVIII – нач. XIX вв. СПб., 2001.

Майков П.М. Румянцев Н.П. // Русский биографический словарь. Пг., 1918.

Бильбасов В.А. Дидро в Петербурге. СПб., 1884.

Письма Екатерины II к барону Гримму // Русский архив. М., 1878. Кн. 3.

Долгов С.О. Памяти графа Н.П. Румянцева. М., 1897.

НИОР РГБ. Ф. 255. К. 18. Ед. хр. 43. Л. 8.

ОР РНБ. Ф. 655. К. 2. Ед. 4.

Бильбасов. Екатерина II и граф Н.П. Румянцев // Русская

старина. СПб., 1894. Т. 81.

НИОР РГБ. Ф. 255. К. 18. Ед. хр. 43. Л. 9.

ОР РНБ. Ф. 655. К. 2. Ед. 4. Письмо С.П. Румянцева к П.А. Румянцеву от 3 декабря 1775 г.

Письмо С.П. Румянцева к П.А. Румянцеву от 1 марта 1776 г., от 21 апреля.

НИОР РГБр. Ф. 255. К. 18. Ед. хр. 43. Л. 9.

Письма Екатерины II к барону Гримму // Русский архив. М., 1878. Кн. 3. С. 28. Sic transit Gloria mundi! (лат.) Так минует слава света!

ОР РНБ. Ф. 655. Кор. 2, 4. Письмо С.П. Румянцева к П.А. Румянцеву от 16 июля 1776, от 29 июля 1770 г.

Майков П.М. Петр Алексеевич Румянцев // Русский биографический словарь. Пг., 1918. С. 550.

Грот Я.К. Письма барона Гримма к императрице Екатерине II // Сборник императорского исторического общества. СПб., 1886. Т. 44.

Долгов С.О. Памяти графа Н.П. Румянцева // Торжественное заседание в память Н.П. Румянцева. М., 1897. С. 16. Долгов писал, что «по возвращении Румянцевы были приняты ко двору и пожалованы камергерами…». Уточним, что С.П. Румянцев пожалован в камергеры 22 июля 1779 г. при крещении великого князя Константина (см.: НИОР РГБ. Ф. 255. К. 18. Ед. хр. 43. Л. 10), а Н.П. Румянцев – 5 мая 1779 г. (см.: Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900).

Куприянов И.К. Краткий очерк жизни ее императорского величества блаженной памяти государыни императрицы Марии Федоровны. СПб., 1869.

Письма Екатерины II к барону Гримму // Русский архив. М., 1878. Кн. 3.

НИОР РГБ. Ф. 255. К. 18. Ед. хр. 43. Л. 10.

Майков П.М. Письма А.А. Безбородко к графу П.А. Румянцеву. 1775–1793 гг. СПб., 1900.

Григорович Н. Канцлер князь А.А. Безбородко. СПб., 1878. Т. I.

Трачевский А.С. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. 1780–1790 гг. Историческое исследование. СПб., 1877. С. 68.

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России по 1800 г. М., 1894.

Русский двор 100 лет назад. 1725–1783. СПб., 1907.

Грибовский А.М. Воспоминания и дневники // РА. 1899. Кн. 1. С. 1—186.

Фонвизин М.А. Из записок // СПб., 1908.

Павел Петрович. Переписка с графом П.И. Паниным в 1778

году // РС. 1882. Т. 33. С. 403–418, 739–764.

Камер-фурьерские журналы (1734–1917) // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 1—184.

Камер-ферьерские журналы (1695–1817). СПб., 1865–1917.

Андросова М.И. Торжественная встреча графов Северных в Венеции // Дворцы Русского музея. СПб., 1999.

Сорокин Ю.А. Павел I. Личность и судьба. Омск, 1996.

Ковалев К. Бортнянский. М.: ЖЗЛ. 1989.

Гузанов А.Н. Великий князь Павел Петрович и заграничное путешествие. СПб., 2001.

Оболенский Г.Л. Император Павел I. М., 2001.

Хорватова Е. Русский Гамлет. Павел I, отверженный император. М., 2011.

Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 1861.

Шильдер Н.К. Императрица Екатерина II и граф Н.П. Румянцев. Переписка 1790 по 1795 гг. // Русская старина. СПб., 1862 (октябрь). Т. 76.

Письма Екатерины II к Н.П. Румянцеву от 25 и 29 октября 1791 г., 2 января 1792 г., а также см.: *Бильбасов В.А.* Екатерина II и граф И.П. Румянцев // Русская старина. СПб., 1894 (март). Т. 81.

Шильдер Н.К. Александр I // Русский библиографический словарь. СПб., 1896.

История дипломатии. М., 1959. Т. I. С. 429.

НИОР РГБ. Ф. 255. К. 17. Ед. хр. 22. Л. 1.

НИОР РГБ. Ф. 255. К. 7. Ед. хр. 54. Л. 1.

Канцлер А.А. Безбородко в связи с событиями его времени // Сборник российского исторического общества. СПб., 1881. Т. XXIX.

Переписка императрицы Екатерины II с разными особами. СПб., 1807. С. 152.

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России по 1800 г. М., 1894. Ч. I.

Письма к графу П.А. Румянцеву от сына его графа С.П. Румянцева // Русский архив. М., 1870. С. 866.

Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 706. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–1 об.

НИОР РГБ. Ф. 255. К. 18. Ед. хр. 43. Л. 24, 26.

Старчевский А.В. О заслугах Н.П. Румянцева, оказанных отечественной истории // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1846. Т. 49. Отд. 5.

Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 1982. (Всего за 1796–1800 гг. Павел I издал 2179 законодательных актов, то есть в среднем 42 в месяц.)

НИОР РГБ. Ф. 255. К. 18. Ед. хр. 43. Л. 29. Л. 33.

Записки государыни императрицы Екатерины II к Анне Никитишне Нарышкиной // Русский архив. М., 1870. С. 193.

Морозов В.Ф. Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура. Минск, 1997.

НИОР РГБ. Ф. 255. К. 6. Ед. хр. 23. Л. 5.

Шильдер Н.К. Александр I // Русский библиографический словарь. СПб., 1896.

Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т. 1–5. СПб., 1869.

Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897–1898. Т. 1–4.

Романов Н.М. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912.

Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Биография. М., 1910.

Соротокина Н.М. Личная жизнь Александра I. М.: Вече, 2012.

Вандаль А., член французской академии наук. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи. Т. 1. От Тильзита до Эрфурта. Т. 2. Второй брак Наполеона. Упадок Союза. Перевод с французского. СПб., 1910, 1911.

Графиня Шуазель-Гуффье. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе (1829 год). Перевод Э. Мирович. Вступительная статья А.А. Кизеветтера. М., 1912.

Тарле Е.В. Наполеон. М., 1937.

Дюма А. Наполеон. Жизнеописание. Перевод с французского. М., 2005.

Беллок Х. Наполеон. Эпизоды жизни. Перевод с английского. М., 2005.

Кастело А. Бонапарт. Перевод с французского. М.: Центрполиграф, 2010.

Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. Перевод с английского. М.: Центрполиграф, 2011.

Коленкур А. де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991.

Клаузевиц. 1812. Издание второе. М., 1937.

Попов А.Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. Сношения России с иностранными державами перед Отечественной войной 1812 года. Т. 2. Нашествие Наполеона на Россию. М., 2008–2009.

Военные действия отряда генерал-адъютанта Чернышева в 1812, 1813 и 1814 г. СПб., 1839.

Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Т. 1–2. Берлин, 1870.

Михайлов О.Н. Суворов. Исторический роман. М.: Воениздат, 1982.

Михайлов О.Н. Кутузов. М., 2010.

Михайлов О.Н. Генерал Ермолов: Исторический роман. М., 2002.

Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825. М., 1989.

Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1952.

Грот Я.К. Жизнь Державина. М., 1997.

Михайлов О.Н. Державин. М.: ЖЗЛ, 1977.

Замостьянов А. Гаврила Державин. М.: ЖЗЛ, 2013.

Корф М. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861.

Томсинов В. Сперанский. На службе закона. М.: Вече, 2013.

Дженкинс М. Аракчеев. Реформатор-реакционер. М.: Центрполиграф, 2004.

История русской Америки. 1732–1867. М., 1999. Т. II.

Внешняя политика России XIX – начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Серия I: 1801–1815. Т. I.

Исследования русских на Тихом океане в XVIII в. – первой половине XIX в.: Сб. документов. М., 1994. Т. 3. С. 76.

Архив Государственного Совета. СПб., 1878. Т. III. Ч. II. С. 163.

Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1892. Ч. III. С. 10–11.

Три века. М., 1994. Т. V. С. 211.

Архив Государственного Совета. СПб., 1878. Т. III. Ч. II.

Шильдер Н.К. Посольство графа П.А. Толстого в Париже в 1807 и 1808 гг. От Тильзита до Эрфурта. СПб., 1893.

НИОР РГБ. Ф. 255. Ед. хр. 41. Л. 17–18 об.

ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XXX. С. 1115.

Сборник грамот и договоров о присоединении царств и областей к государству Российскому в XVII–XIX веках. Ч. I. Пг., 1922. С. 493–494.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского МИД. Серия I. 1801–1815 гг. М., 1967. Т. V.

НИОР РГБ. Ф. 255. К. 18. Ед. хр. 10. Л. 1. К. 17. Ед. хр. 29. Л. 21.

Шапкина А.Н. Образование МИД и руководство министерством при императоре Александре I. В кн.: Российская дипломатия: история и современность. М., 2001.

История Русской Америки. 1732–1867. М., 1999. Т. II.

Государственный Совет. 1801–1901 гг. СПб., 1901.

Учреждение Государственного Совета. СПб., 1901.

Щеглов В.Г. Государственный Совет в России в особенности в царствование императора Александра I. Ярославль, 1892. Т. 1. С. 879.

Воспоминания А.П. Бутенева // Русский архив. 1881. Кн. 3. № 5–6.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 60–61.

Архив Раевских. СПб., 1908. Т. I.

Даневский П.Н. История образования Государственного Совета России. СПб., 1859. Приложения. Н.П. Румянцев сложил полномочия председателя Государственного Совета 1 апреля 1812 г.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. М., 1992.

Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.) // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1882. Т. 43. Приложение.

Очерк истории министерства иностранных дел. 1802–1902 гг. СПб., 1902.

Ивановский А. Государственный канцлер Николай Петрович Румянцев. СПб., 1871.

notes

Примечания

1

М.: Центрполиграф, 2006.